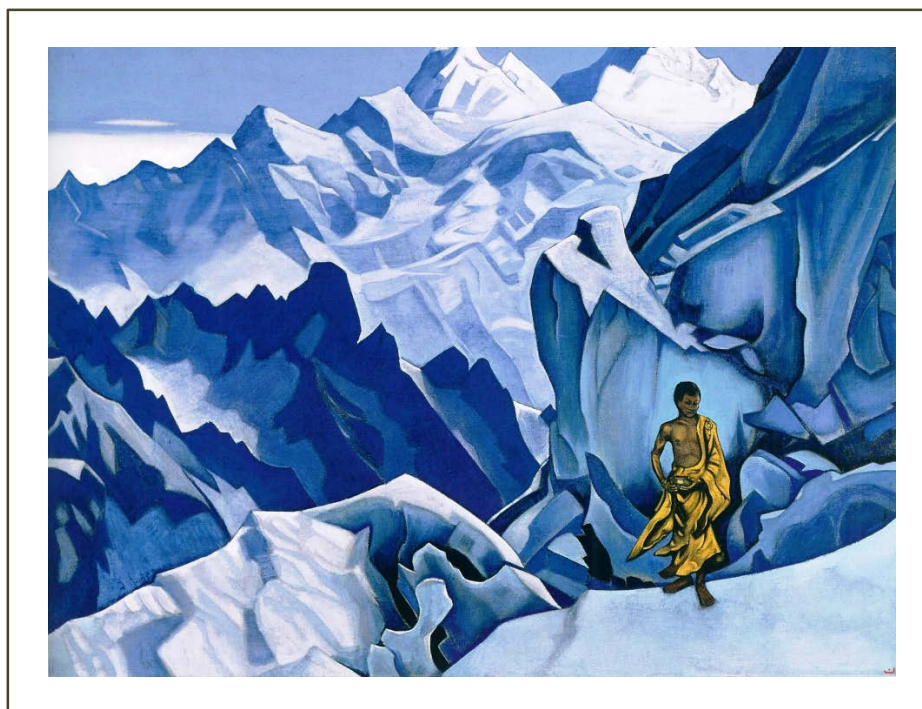

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

СЕРДЦЕ АЗИИ

Книга 12

МОСКВА
2019

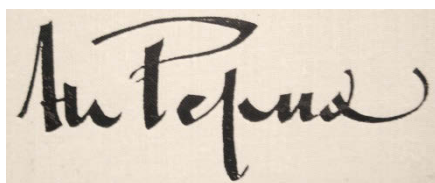
Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «Великая симфония жизни»
(Автобиография)
Книга 12. СЕРДЦЕ АЗИИ

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
- исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха,
Москва.
www.rerich9.sitecity.ru

Редакционная коллегия:
Ларкина Т.В. (tv-larkina@yandex.ru)
Болдырев О.Г.
Водолажская Т.Ю.
Курганова Е.А.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Сосуд нерасплесканный. 1927.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1925 – 1928 гг.)

Книга 12
СЕРДЦЕ АЗИИ

Часть 1.
ПУТЬ В СЕРДЦЕ АЗИИ
(ЛЕХ - ХОТАН - АЛТАЙ - МОНГОЛИЯ)

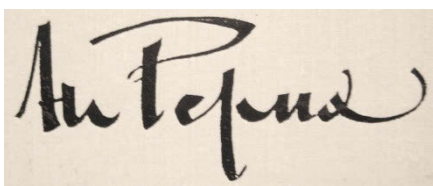
Часть 2.
СЕРДЦЕ АЗИИ
(«СОСУД НЕРАСПЛЕСКАННЫЙ»)

МОСКВА
2019

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1925 – 1928 гг.)

Книга 12
СЕРДЦЕ АЗИИ

Часть 1
ПУТЬ В СЕРДЦЕ АЗИИ
(ЛЕХ – ХОТАН – АЛТАЙ – МОНГОЛИЯ)

Часть 2
СОСУД НЕРАСПЛЕСКАННЫЙ
(МОНГОЛИЯ – ТИБЕТ)

МОСКВА
2019

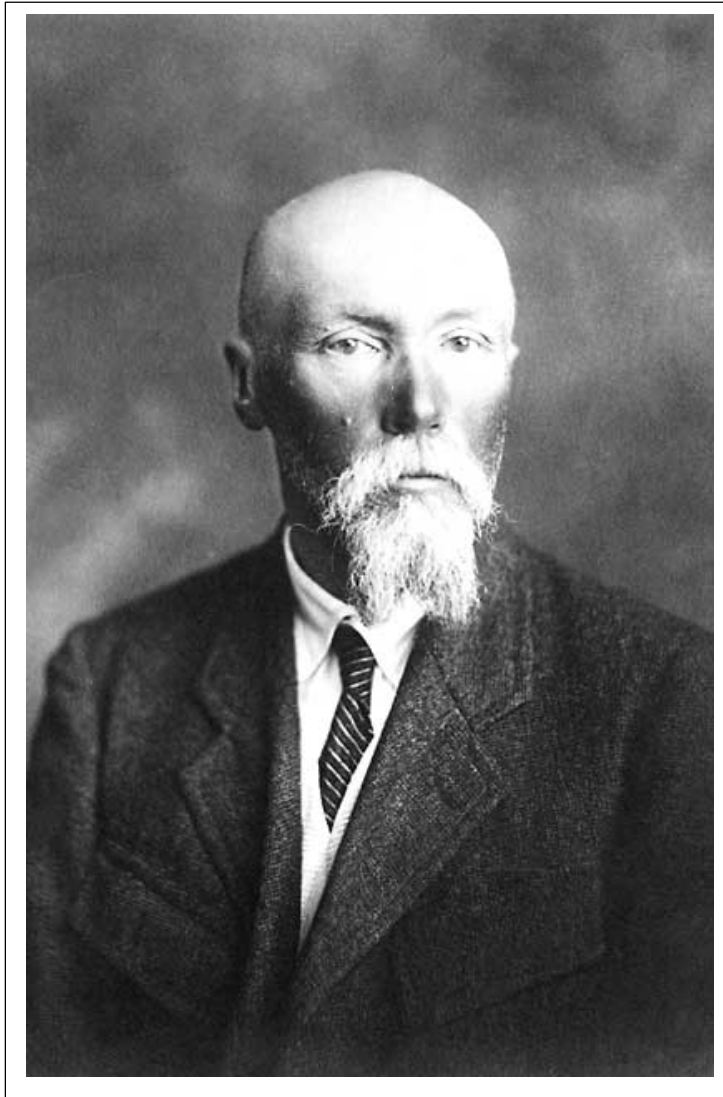
К 145-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

"Люди будут завидовать нам. Подумать только - мы жили в особое время, когда боги ходили среди людей, как когда-то в Древней Греции".

"Мы живём в истинно чудеснейшей эпохе человечества. И, может быть, будущие поколения создадут легенды о нас, а образы Елены Ивановны и Николая Константиновича будут окружены неувядающим лучистым ореолом. И тогда бесконечно счастливыми станут считать тех людей, которые когда-то имели возможность соприкоснуться с ними".

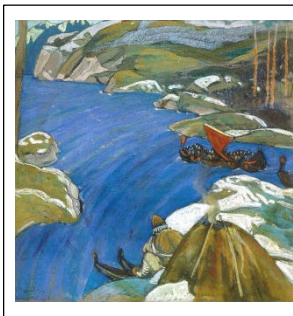
Рихард Рудзитис

Великому художнику, философу, путешественнику, археологу и человеку великого сердца, всю свою жизнь отдавшему на служение человечества посвящается ...

Николай Константинович Рерих. 1928

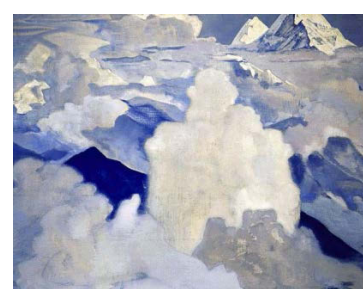
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Варяжский путь. 1907.

Сон Востока. 1921.

Белый храм (Горный). 1924.

«МИР РЕРИХА» *(Из книги Н. Селивановой)*

На восточной границе Новой Земли в Северно-Ледовитом океане стоит гора Рериха, названная так русским полярным исследователем Седовым. И сразу приходят мысли о трёх основных точках творческого мира Мастера: Новая Земля, Восток и Горнее – три символа, которые являются источником вдохновения мастера.

Мир, в котором живёт Николай Константинович Рерих, – это мир, отличный от мира других людей, отличающийся настолько, что, когда мы бросаем взгляд на картины этого русского художника, мы забываем нашу повседневность в желании узнать о них больше. Это прекрасный и мудрый мир, где воображение художника соприкасается с духовной истиной; мир, в котором главной чертой является единство – единство материального и духовного взгляда изнутри; мир, в котором каждый образ понимается как творческий символ высшей реальности.

Это мир, в котором постоянный приток тем возникает из состояния духовного и эстетического восприятия, в котором постоянно пребывает художник, и из необходимости выразить неисчерпаемый запас замыслов, полных вдохновенного романтизма. Всё то особенное, что отличает картины Рериха, определяется сущностью характера духовного видения, в области которого они были восприняты.

Это мир, в котором самой заметной оригинальной и индивидуальной чертой является цвет. В этом мире пронизательный художник видит бесконечно разнообразный спектакль жизни, освещённый каким-то таинственным небесным сиянием. Это волшебное сияние, делающее яркими образы художника больше изнутри, чем внешне, добавляет им сказочный, иллюзорный характер. Это мир, в котором самобытная цветовая гамма заимствована, в основном, из глубины вечернего неба или предрассветных небес таинственной белой ночи севера.

Это мир, в котором, благодаря его цветовым тонам, всё, что изображает художник, кажется отдалённым, отступившим к далёкому горизонту, свободным от деталей и раскрывающим таким способом главное очертание образа и его внутренний смысл. Так же, как и цвета, основные линии рериховских композиций, в полной внутренней гармонии с ними, как правило, решаются на расстоянии, в пространстве.

Это мир бесчисленных образов и пророческих притч, где камни и облака говорят, где можно увидеть древнее таинство духовного единения с иными гранями бытия, где высшая реальность и миф смешиваются с провидческим изображением жизни древних славян или легенд о святых, где природа обожествляется и художник один на один с древними народами; где изображение древнего храма интерпретируется с современной точки зрения и усовершенствуется ею; где пламенная лю-

бовь к прошлому России выросла в понимание и любовь ко всему человечеству, и узкий национализм развился в широту всеобщности.

Это мир, в котором высочайшее достижение художника является чувством, подобным океану беспредельности – продукту его замечательной и глубокой концепции вселенной. Его внутреннее видение служит ведущим принципом для создания настроения глубокой, располагающей к размышлению в тишине, умиротворяющей храмовой живописи. В этом мире художник не только избегает обманчивости и пестроты в красках, но также, в большей степени, он избегает передачи суеты в движении. Картины, в которых он наиболее искренен, выделяются гармоничной простотой очертаний.

Оригинальная сила работ Рериха состоит в мастерски выраженной симметрии и определённом ритме, похожем на мелодию эпического напева. Мир его образов в своей основе остаётся неизменным: и линии, и цвета дополняют друг друга так, что они чудесным образом сливаются в единое целое. Это творческое единство – не результат случайных удачных воздействий, но созревший плод внутреннего опыта. Это не просто прекрасная демонстрация причудливых образов, но глубокое и последовательное самовыражение. Искусство Рериха – это не только стремление изобразить предметы, оно само по себе событие, откровение.

«Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесённый ни на какие карты, он реален и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть и жизнь, и смерть, святые и воины, мир и война – там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география, скалы у его берегов, как скрижали завета. Тут знают многое, тут видят глубоко: в молчании земли и небес звучат глаголы божественных откровений. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит – видит! – такой прекрасный мир, мудрый, преображённый, прозрачно светлый и примирённый, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей...».²

Но этот мир, отражённый в картинах Рериха, – только одна из возможностей прославления Красоты и её всеобщности, составляющего единственную цель в жизни художника, который чувствует себя священнослужителем на алтаре искусства.

С ранней юности Рерих пишет в особенном и оригинальном стиле, на разные темы: эпические напевы и сказки, фантастические рассказы и стихи; впечатления о природе, охоте и археологических исследованиях; статьи по искусству и архитектуре; и позже – на космические темы. Всё это служит одной цели – раскрытию Красоты и её влияния на нашу повседневную жизнь.

Написанное слово чередуется со сказанным. Рерих проводит бесчисленные выступления и делает доклады, читает лекции и ведёт беседы, вновь и вновь прославляя Красоту и предвидя приход нового мира.

«Новый мир идёт, – говорит художник в одной из своих недавних лекций, – и в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза и гармонии совершенства. Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения... Искусство для всех. Врата сокровенного источника, я настаиваю, должны быть широко открыты для каждого. ...И свет искусства будет оказывать влияние на многие сердца с новой любовью. ...Велика важность искусства для жизни будущего..., потому что вопрос искусства стал самой важной движущей силой жизни...»

Кроме его великого понимания Красоты и её влияния на мир Рерих обладает глубоким пониманием истины, объединяющей все верования, которая, вместе с царством Красоты, установит на земле вечный мир и братство людей.

Эта основная цель прослеживается на протяжении всей его жизни. Она побудила Рериха, прирождённого лидера и организатора, принимать участие во многих обществах. До революции он стоит во главе одной из самых представительных художественных школ в России; во всех отделениях её он стремится к прогрессу и росту и достигает его. Он сотрудничает с архитекторами, музыкантами, театральными и балетными постановщиками. Он проповедует важность сохранения памятников прошлого и собирает ценные коллекции картин и реликвии каменного века. В Америке он основал три учреждения, чтобы следовать идеалам объединённых искусств.

Во всех видах своей деятельности Рерих не мечтатель; наоборот, он видит и чувствует своё предназначение, и следует ему прямо, без отклонений, без лишних слов и действий. Он знает, куда он идёт и знает, когда приходит время вступать во владение тем, что принадлежит ему по праву. Его видение настолько ясное, что, кажется, он стоит на вершине холма и оттуда обозревает будущее. Эта объединяющая сила цели вместе с его беспристрастностью неизбежно заставляет людей стремиться к дружбе с ним и к его руководству. Его действия и его суждения не имеют ничего личного. Каждая страница его жизни, как открытая книга для всего мира.

Поглощённый своим миром и всеми видами деятельности, связанными с работой, Рерих, тем не менее, не отстранён и не обособлен от дел каждодневной жизни. Наоборот, он всегда в курсе того, что происходит в мире; всегда заинтересован в работе других и рад помочь всякий раз, когда он может; он очень внимательный и вдумчивый, простой и приветливый в общении. Он обладает острым чувством юмора и наблюдательностью и смотрит на мир по-доброму, улыбаясь, слегка насмешливыми светло-голубыми глазами. Он не говорит много, но всегда к месту, и его слова часто дают пищу для размышлений на много дней. Он наделён спокойной мудростью, твёрдой логикой, сдержанностью и великой невозмутимостью, поэтому обычно достигает своей цели даже с самым влиятельным противником. Эти качества притянули к Рериху друзей, но они же создали ему и врагов.

Отношение художника к его врагам весьма своеобразно. Так он говорит о деятельной любви к врагам: "Любите ли вы врагов ваших? Вы заблуждаетесь, если не любите. Они старательные существа. Они больше полезны, чем вредны. Они более находчивы и энергичны, чем друзья. И они часто принимают большие усилия, чтобы привлечь ваше внимание. Правда, поначалу они, возможно, пожелают хранить мёртвое молчание о вас, но как это приятно – работать в тишине! Позже, однако, они поднимут шум и в своей ярости сделают вас всемогущими и всеильными. Тогда они сами выдадут все свои коварные мысли и намерения. Потому знайте, как можно гордиться не только вашими друзьями, но и врагами вашими".

Рерих твёрдо верит, что испытания и переживания необходимы для совершенствования и самовыражения. В 1918 году, будучи в Финляндии и Стокгольме, он написал повесть под названием "Пламя", в которой, несомненно, прослеживается автобиографическая философия. Он говорит здесь:

«Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лёд подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберёгся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Ещё смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Это было крайне поучительно. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная».

Н.К. Рерих. Жемчуг исканий. 1924.

СЕРДЦЕ АЗИИ

Бьётся ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками? От Брахмапутры до Иртыша и от Жёлтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии - всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростёрлись изгрызенные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культуры. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их всё же продолжает внутреннюю работу; также и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живёт своеобразная мысль. Эти множества людей, совершенно отрезанные от внешнего мира, получающие через многие месяцы какое-то извращённое известие, не умирают. Всякий знак цивилизации, как увидим, встречается ими как долгожданная весть. Чтобы не отвергнуть возможности, они стараются согласовать религии свои с новыми условиями жизни. <...>

Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках всё-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей, и оглянуться на памятники славного прошлого.

Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружелюбие человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснётесь и извращённым формам религии, и невежественности, и знакам падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к твор-

честву и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа.

Конечно, моё главное устремление, как художника, было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления - так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создаётся лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древности Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романа и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по срединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Новониколаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-Бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендза-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам переждённым, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14000 до 21000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Караул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкариин-Дабан, Улан-Дабан, Чахариин-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кукушили, Дунгбуре, Танг-Ла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, ЦагЛа, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Дончен-Ла, Санг-Мо-Ла, Киегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сепо-Ла.

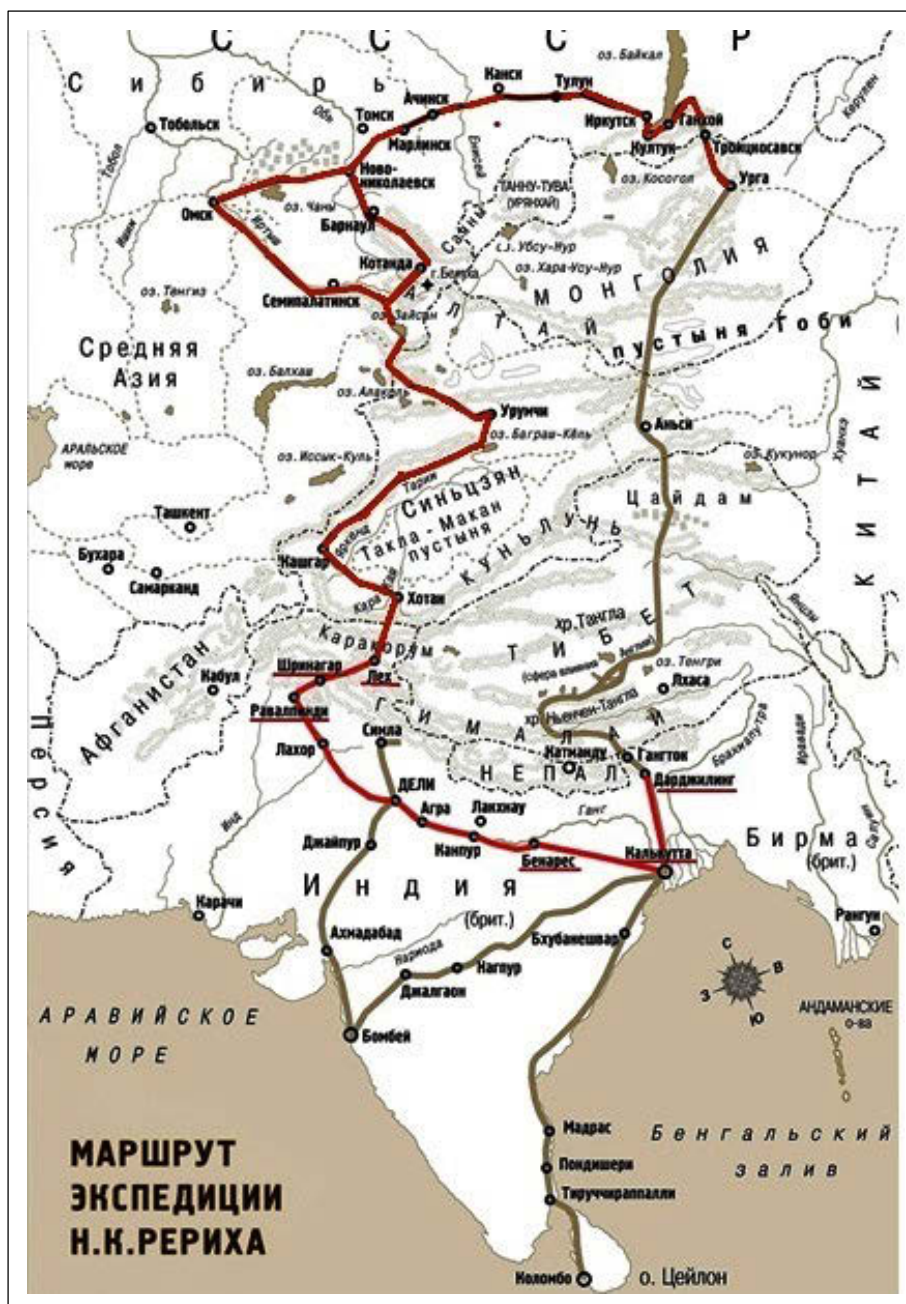
... Кроме основного состава экспедиции из Елены Ивановны, Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами был Святослав и лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов современности. Каждый, шествующий по Сиккиму, встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне

на британской службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам.

В дальнейшем пути с нами шёл в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг.

На Алтае с нами были З. Г. и М. М. Лихтман.

После Урги в экспедицию вошёл доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин и две необычные помощницы Е. И., местные казачки сестры Людмила и Рая Богдановы, из которых младшей Рае при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трёх женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определённо отмечено. В Шарагольчах перед Улан-Даваном к экспедиции из Китая подошёл полковник К. и заведующий хозяйством Голубин.

ЧАСТЬ I

ПУТЬ В СЕРДЦЕ АЗИИ

(ЛЕХ - ХОТАН - АЛТАЙ - МОНГОЛИЯ)

ИЗ ЛЕХА В ХОТАН.
(14 Сентября - 19 октября 1925 г.)

СЕНТЯБРЬ

14 сентября 1925 г.

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке.

Мои родные и любимые.

Пишу вам посреди самого невероятного хаоса спешной подготовки каравана. Сроки ускорены на восемнадцать дней. Можете себе представить, что это значит для каравана, который пойдёт по самому трудному из существующих путей. Именно сейчас должна вам сообщить о главном: всё происходит так, как об этом было сказано, мы нашли всё необходимое. Всё вместе складывается так изумительно, что надо только успевать подхватывать – «Необычные удачи висят как фрукты, нужно только срывать их вовремя». Юрий в изумлении и ликовании!

Хочу поговорить с вами по теме: «Что есть пророчество? – Предсказание. При ручательстве руки соединяются. Могут ли пророчества остаться не выполненными? - Исполнение пророчества требует настороженности и устремления». Он.

Вы помните, в Библии есть место, где именно – сейчас точно не помню, где Христос говорит: «Пророчество следует *исполнить*». Мало внимания уделяется этим словам, а они замечательные. И потому, мои любимые, будем идти по пути исполнения пророчеств, и радость наша будет велика! Майтрейя, Мессия грядёт!!! Помните, что на пути Майтрейи всё должно быть наполнено особым значением, всё должно быть особенным. Поражающим на необычном пути. «Должно быть весело идти этим необыкновенным путём... Сущность знания и творчества лежат далеко за пределами земного выражения».

Любимые наши, не забудьте явить свою собственную подвижность во всех смыслах и проявлениях, ибо ускорение идёт по всем направлениям. Спешите накопить сообщения и знание, учите и учитесь чувствовать красоту во всех её бесконечных проявлениях, ибо грядущий век несёт на своём знамени – Майтрейя, Красота и Община! – И вы уже знаете, что тайна красоты лежит в *расширении сознания!* Потому разрушайте все границы. Уничтожайте все разделения и ограничения, становитесь сами свободными от них, допускайте их только, как вехи для тех, кто ещё не может вместить истинную красоту – свободу. И потому помните, что: «Как пророчества, так и лучшие Миссии созданы кооперацией, и понять её важность может только дух сам.

Только твёрдыми апологетами пройдёте, и провод Наш не порвётся, но уберите змей, которые шепчут и толкают нарушить самое непоправимое!». Ничто никогда не было создано критикой, и если мы посмотрим вглубь эволюции, мы увидим, сколько прекрасных начинаний и возможностей были

уничтожены или упущены из-за несвоевременной и унылой критики, - «Добрый глаз» - ключ ко всему прекрасному. «Повторяю, апология ценнее критики. Можно критикой залить ауру. Храмы создаются без критики, только пониманием света». <...>

Мы писали о красоте нашего пути, мы написали также, когда всё станет мирным, и о препятствиях, и о трудностях. Их много. На пути были встречи - удивительные. Мы напишем о них позднее и подробно.

Мы познакомились с миссис Ал. Клизер, её сыном и м-ром Базилием Грамбон. Члены экспедиции погибшего американца Лэнгдона. Несомненно, американец был убит слугами каравана, знавшими о его богатстве. Официальная версия, что американец совершил самоубийство. Кстати, здесь встречаются памятники погибшим путешественникам, убитым в основном своими собственными слугами. Мы путешествуем с собаками и оружием, но у нас нет большой уверенности - наши слуги все новые. Мы не знаем никого, берём их, смотря им в глаза, но, конечно, приходится брать и некоторых не симпатичных. Ибо очень немного таких, кто хочет идти этим путём. Но с Её именем в сознании мы не боимся ничего. Миссис Клизер была ученицей Блаватской в последние годы её жизни, была принята в эзотерическую группу. Она бесконечно предана памяти Блаватской. Также её сын, и попутчик Базил. Грамб. Враги Безант и Ледбитера. Миссис Клизер написала книгу «В защиту мадам Блаватской», выводящую на свет деятельность Безант и Ледбитера - определённо, они... Возможно, что они в Н.Й. Самая важная книга написана по настоящему свидетельству Блаватской: Алиса Л. Клизер «Великое предательство»¹, Калькутта 1922. Ещё две - Блаватская, её жизнь и работа для человечества. Думаю, что М.М. хочет, чтобы вы прочли эти книги, потому что было сказано: «Можно писать в Америку о книгах Клизер. Они рассказывают много интересного о людях, окружавших Блаватскую. Большинство из них не могли выдержать испытаний. Даже эзотерическая группа не могла развиваться, ибо не могли достичь гармонии между собой. Они очень не любили Синнетта, много предательств было совершено по отношению к г-же Блаватской. Вскоре после смерти Е.П.Б. Синнетт потерял все свои деньги в каком-то начинании и, печально забытый всеми, окончил своё существование. Несмотря на преданность Блаватской, что-то препятствовало Клизер проявить себя более активно и плодотворно - возможно, это содержится в её преувеличенной склонности к критике. О ней и её попутчиках было сказано: «Можно говорить с ними, но без использования». Несчастные люди! И это именно так - без использования. Напишу об этом позднее. Их аура тяжёлая, затемнённая несчастным случаем с американцем. Мы очень им сочувствовали. Они бесприютны в поисках Учителей, и у них нет способов связаться с Ними. Они буквально приклеились к нам, надеясь встретиться в Пекине - сын, которому 44 года, уже всё время повторял: «Мы не можем просто расстаться, мы должны встретиться». Они пишут нам письма, спрашивая наш дальнейший адрес. Мы дали им адрес американского консульства в Пекине.

Беспокоимся о вопросе нашей с вами корреспонденции. Через Индию - нечего даже и думать. Нужно искать другие пути. Спросите Дядю и скажите ему, что у нас всё развивается превосходно, всё лучше, чем мы ожидали.

---

¹ Alice L. Cleather "A Great Betrayal", 1922 Calcutta, Kackear Spikand & Co).

Итак, мы отправляемся в ничейные земли. Стартуем девятнадцатого. Двадцатого на яках пройдем через кордон. И поползем по леднику высотой 18 500 футов². Многие не могут выдержать такую высоту, и надо брать только тех людей, которые уже прошли этим путём. Мы берём с собой медикаменты, хотя лучшая помощь в Его Имени. Идём радостно, в трепете от нетерпения.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, пер. с англ.)

15-16 сентября 1925 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

15 сент. 1925

Родные и любимые!

Вчера я отправил вам седьмую часть статьи и двадцать фотографий. Все наши снимки здесь сделать нельзя. Эти двадцать фото могут пойти в газеты, и в статьи Модры можно будет вставлять всё, что необходимо. Мы спешим уехать из страны, где вскрывают письма. Мы могли бы рассказать вам очень многое. Сегодня мы смотрели на острые зубья перевала Кардонг и высчитывали, как яки поднимут нас вверх к крутой остроконечной стене. Мы хотели бы остаться здесь дольше, но указ такой непреклонный, что нельзя отложить даже на день.

Н.К. Рерих. Карданг. 1925.

Выставляя новые картины, не организовывайте специальных открытий. Отправляйте записки от Нового Синдиката, и, кому это нужно, тот придёт. Мы уже знаем, что настоящие друзья приходят не через помпезное открытие, но совсем новыми путями. Сейчас всё, что происходит настолько огромно, что не хочется касаться никаких деталей. Радуетесь вашим письмам о Техасе. Именно так, без придирчивости, но твёрдо и сознательно, куются будущие отношения. Мы чувствуем всё – мы понимаем всё, но меньше всего мы понимаем, как сможет Яруя догнать то, что было упущено. Особенно трудно штопать старые дыры. Из *Посланий* видно, что я должен быть в Мичигане, и приезд Авираха туда может быть ускорен на четыре месяца. Потому мы, вероятно, должны будем встретиться – вот будет радость! Из нашей телеграммы вы знаете об одобрении выставки в Филадельфии, если только это не вовлечёт Корона Мунди в особенно большие расходы. Вы можете приложить свой труд и кооперацию,

---

² 18500 футов = 5 638 м.

но иметь специальные расходы было бы невозможно. Итак, завтра вы дадите нам последнюю телеграмму, и после мы уходим практически в другой мир. Никто ни о чём не знает. Одни советуют: нужно иметь бумажные деньги по 1000 рупий банкнотами. Другие говорят, что надо их разменять. Третьи говорят, что рупии вообще не берут. Кто-то говорит, что слугам надо выдавать заработанные деньги только на провизию, а другие говорят, что надо плату выдавать провизией. И всё пространство наполнено шумом и осуждениями, по крайней мере, на пяти разных языках.

Думаю, можно включить «Сон Востока» 1921, а также картину «Бенарес» в книгу «Гималаи». Если «Бенарес» получится на фотографии. Потому что Будда был там, и Сарнатх, место его первой проповеди, в девяти милях от Бенареса. Я совсем не знаю, как картины [написанные] красками Лефранна, выдержат переезд. Вообще французским торговцам верю очень мало. Прошу Светика поправить то, что будет явно повреждено. Для школы будет хорошо ввести краски фирмы Веймар, представителем которой является Яруя. Мы будем радоваться каждому росту учреждений. Мы надеемся, что Модра будет живо продвигать Новый Синдикат. Представляю, как глубоко тронет Каменец Авираха и Ояну весной 1926 г. Из моей статьи вы увидите, как ждут здесь Майтрею и как пророчества волнуют все умы. И как широко могут Логван и Порума преподавать в сферах просвещения. Что может быть прекраснее, чем просветительство и красота. Что более прекрасное может быть предопределено!

Дорогой верный страж Радна, как прямо и непоколебимо несёт она факел. И как хорош третий том «Чураевых». Особенно интересен конец – так оно и должно быть. И когда к нам попадёт книга об Алтае? Шклявер пишет, что на Алтае начал фонтанировать чудотворный источник и люди толпами ездят к нему. Разве это не Вестник?

Конечно, везде есть трудности, везде нелегко, но эта трудная *радость так сильно напоминает* нам земное напряжение нашего *Учителя. И даёт силу для победы.*

Сейчас мы получили вашу телеграмму о присоединении новых. Это так радостно. Пусть и они так же приведут таких же чистых и устремлённых к красоте, как и они сами. И в общих завоеваниях, в общих поисках, вся ваша аура будет сиять радугой лучших достижений. И когда человеческими руками и ногами утверждается божественно прекрасный путь – разве это не радость! Так и скажите вашим новым сёстрам и братьям. Дайте их фотографию в Ригу. Пусть они знают и там.

16 сентября.

Учитель утвердил Розенталя почётным советником Музея Рериха. Это очень приятно, и будет прекрасно, если он начнёт приближаться. Если он достаточно умен, рано или поздно он поймёт, что без действительного взаимного понимания и сотрудничества в просвещении и красоте ни один культурный человек не сможет пройти свой земной путь. Всё, что сделано для просвещения и красоты, будет лучшим входным билетом в следующее воплощение. На действительно *благой* работе, содержащей в себе облагораживание масс. Передайте Розенталю мой привет. Спасибо за телеграмму о Тёте Ганзе. Напишите ей через Дядю, что я очень хорошо её помню и спрашиваю, получила ли она моё письмо. Хотелось бы получить от неё весточку, адресуйте всё в Хотан, Китайский Туркестан, попечительству Амбаня Китайского правительства. Для

передачи мне. Был ли Чамберс извещён о том, почему важно появление Н. Белого. Это не только личный вопрос, но делает легче положение *Американских Учреждений*. Когда Белый появится в Мичигане. Думаю, Дядя хорошо поймёт выгоду этой ситуации и объяснил кому нужно. Повторяю, именно это так важно, чтобы Дядя объяснил *кому-то*, что религиозность моих картин и статей освещает вопрос о коммуне и придаёт ему практическое значение, основанное на исторических путях. Связались ли уже вы с Аллой Т. Макаровой и приняла ли она предложение быть представителем всех учреждений в Мичигане. Хотелось бы знать её адрес. Кеттунен переписывается с ней? Так важно и радостно знать, что новые подошли. И вы чувствуете, как если бы умножились ваши руки и ноги! Раньше или позже также подойдут Зигрист и Шинази, и Ливингстон. И не будет ли Шинази первым из этих трёх? Спросите Холланда, не выпишет ли он для Художественного Института книгу «Гималаи». Миссис Бэйкон поняла практическое значение Матери Мира для женщин Америки? Не могу понять, почему Яруя не связался с тётёй Ганзой с марта по август, и он был в конце мая в Берлине. Такая неожиданная отсрочка может очень сильно повредить течению дел. Светик, мы очень сочувствуем твоему состраданию по отношению к д-ру Бринтону. И мы всегда считали его несчастным, но иногда люди не могут выдержать давление жизни и становятся опасными негодьями. Потому осторожность! Во время организации выставки имейте в виду что д-р Бринтон всеми возможными способами старался срезать мои цены, а мои цены уже не были высоки. Самая большая цена была \$ 5000 за «Варяжское море» и такая же за «Языческую Русь». Остальные были от \$ 1500 до \$ 3000. Д-р Бринтон сказал, что американские художники даже эти цены считают очень высокими. У него были свои особые «соображения», и вы имейте это в виду. Посылаем вам лучшие стрелы. Помогайте строению Учителя. Много раз повторено «Только в гармонии вы достигните цели». На этих днях снова много знаков, и чувствуется, что время очень серьёзное. Мы все помним, как перед нахождением спрятанного предмета, все начинают кричать, что жарко. Сейчас именно жаркое время. Наш новый, ещё в Дарджилинге указанный лама каждый день находит что-то важное. Вчера он сообщил нам, что наше имя упомянуто в древнем тибетском пророчестве. Замечательный лама. Также случилось, что Ладакхское посольство собирается в Лхассу – вы понимаете? И всё поразительно вовремя. Ещё в Дарджилинге и в Гульмарге было дано всё, что исполнилось сейчас. Это соответствие ритму вы все должны сохранить. Дано всё, что мы можем принять. Потому нужно быть готовым принять всё быстро, гибко и свободно. Потому что высочайшая свобода – это радостное вмещение всего. И бесстрашие. Кажется так, как если бы мы расставались с чем-то, но вместо этого мы только *приближаемся*. И будем всегда хранить эту способность – *только* приближаться. Самые страшные образы рассеиваются при приближении. И красота всегда остаётся, а невежество и темнота рассеются. И после всего, что было сказано и «Любите друг друга», только посредственности обижаются. А *гармония, созвучие* важны не в блюде с пирожными но среди обсуждений и битв. Радостно посылаю вам твёрдость сознания и ответственность по отношению к сокровищам *красоты*. Духом всегда с вами.

Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, пер. с англ.)

18 сентября 1925 г.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Святославу.

S. Roerich Esq
Mastter Institute / 310 Riverside / New York C.
U. S. America.

Перед уходом просто строчка ласковая Тебе, Светик. Верим, как пройдёт Твоя выставка и как в нужное время придёт к Тебе Помощь. Только люби Учителя всем сознанием. Там, где Ты готов отдать, там и получишь. Со всею лаской и со стрелами бодрости и трудной радости.

Р

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

18 сентября [1925]
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Святославу.

Любимый, родной, ненаглядный мой птенчик,

Завтра уходим, пойми это, мой родной! Когда теперь услышу что о тебе? Скоро ли найдёте способ сноситься с нами? Сердце моё полно любви и ласки, которую так хотелось бы излить на твою милую головку. Радость моя, мысли наши будут около тебя, но чутко прислушивайся ко всем Указаниям, идущим через близких нам, - лишь им доверяй. Знаю, голос мудрости живёт в тебе, но не давай заглушать его поклонникам и искателям. Удача в твоих руках, возможности твои огромны, и всё будет дано окрепнувшему духу, осознавшему смысл своего бытия, просто, здраво и ясно смотрящему на толпящихся кругом него людей и события. Помни, как дорог нам твой талант, и не урони его легкомыслием и торгашеством. Много лучше начать с достойных цен, без запросов. Уступки, а они неизбежны при чрезмерных ценах, всегда некрасивы. Около тебя же всё должно быть достойно и красиво. Есть красота в новом пути доступности. Я мечтаю, чтобы ты стал воплощением истинной красоты - красоты суровой, мужественной, лишённой пошлой роскоши, в которой не чувствовалась бы тяжесть доллара. Храм нужно построить из простых материалов. Красота в сочетании тонов и форм.

Друзья наши с таким восторгом пишут о твоём искусстве и о тебе, оцени это, дорожи этим отношением. Сердце моё будет спокойно, зная, что ты с ними. Мальчик мой любимый, птенчик нежный, мысленно прижимаю к сердцу

головку твою, всё милое тельце твоё и изливаю всю накопившуюся нежность и ласку мою. Не забывай в минуты трудности призывать Благое Имя, развязывающее все узлы. Остерегайся Бринтона, умеет лишь сдирать деньги. Советов его не принимай, устарели они, а с рухлядью нет хода - на каждом шагу мы убеждаемся в этом, даже здесь, в глуши, все молодое, всё неожиданное оказывается гораздо полезнее. Прочти моё письмо к кругу, из него почерпнешь сведения - о многом писать нельзя. Радость моя, думаем, думаем, думаем о тебе и делах твоих.

Да хранят Владыки тебя!

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

18 сентября 1925 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шибаяеву В.А..

18 сентября 1925.

Все эти дни на горах валит снег. На дороге на Sasser Pass уже до 4 футов. Едем через перевалы на яках. Последняя весть перед уходом. Ник[олай] В[икторович] хотел знать цифры — пусть запомнит 1928. Читайте очень пристально вторую Книгу. Работайте, ибо работы так много. И думайте обо всём путём красоты. Лишь этот путь приведет

Вас к свету. Будем так рады встретиться с Вами

✍

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

19 сентября 1925 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Перед самым отъездом мы целуем вас снова в радости духа, любимые наши. Посылаем вам [всё] самое лучшее, самое крепкое и самое светлое.

✍

19 сент. 1925.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

19 сентября 1925 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

К МОЕЙ ПОЕЗДКЕ В МИЧИГАН В 1927 Г. УЖЕ БУДУТ КНИГИ: «ПИСЬМА МАХАТМ», II КНИГА Л[ИСТЫ] С[АДА] М[ОРИИ] И «ГИМАЛАИ». ВСЁ БУДЕТ У МАКАРОВЫХ. НЕОЖИДАННО Я НАЙДУ В МИЧИГАНЕ ЛОГВАНА И АВИРАХА. КАКАЯ РАДОСТЬ!

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (перевод с англ.)

Н.К. Перих. Monson (Муссон). 1924.

«19 сентября 1925 года мы вышли из Леха; и было время, ибо монсун Кашмира, обращаясь в снеговые тучи, уже подгоняли нас на север»

(Н.К. Перих «Сердце Азии»).

19 сентября 1925 г.

Из книги Ю.Н. Периха «По тропам Срединной Азии»:

«19 сентября 1925 года - памятный день в жизни нашей экспедиции! Прекрасное осеннее утро. С гор дует лёгкий, необычайно освежающий и бодрящий ветерок. Большая толпа местных жителей собралась проводить нас. Переход через перевал Кардонг - первый горный перевал на туркестанском пути - обычно совершается на яках, которых нанимают у местных крестьян. Вершина перевала покрыта льдом, и практически только вьючные яки могут идти здесь с грузом; лошади же и мулы преодолевают перевал налегке. Мы решили следовать этому обычаю, выработанному многолетним опытом местных жителей. Однако по неизвестной причине лехцы пригнали только двадцать яков из сорока, и нам пришлось прождать всё утро и большую часть дня, пока не удалось собрать всех остальных. ...

«Наконец около четырёх часов дня длинный караван экспедиции покинул почтовое бунгало и заполнил узкую дорогу, ведущую мимо лехского дворца в горы, через небольшую деревушку дГон-па. За нами по пятам следовала большая толпа местных жителей, желая счастливого пути. Мы миновали ячменные поля и монастырь Зангскар, чьи белые стены возвышаются над равниной к северу от Леха. ... <...>

« Три часа мы поднимались в горы, и с каждым шагом местность становилась все более пустынной. Зелёные сады и поля Ладака остались позади, перед нами высились скалистые горы с гребнями, покрытыми снегом и льдом. Огромные каменные глыбы свисали со склонов; приходилось пересекать обширные участки, заваленные обломками пород, скатившихся с гор. «

Из дневников Н.К. Периха «Алтай – Гималаи»:

«[19 сентября] «До самого Карданга подъём лёгкий. Жаркое солнце зашло и к вечеру поднялся пронзительный ветер и холод. Лагерь пришлось разбить на голой арктической поляне под режущим ветром. Кашмирцы лукаво не показали ладакцам многие вещи. В сумерках под вихрем шла неопикуемая суматоха. Над нами стоял запорошенный снегом Карданг! Он высился недоступно».

«Перед нами высились скалистые горы с гребнями, покрытыми снегом и льдом...»

На перевале Карданг. Сент. 1925 г.
(Фото экспедиции)

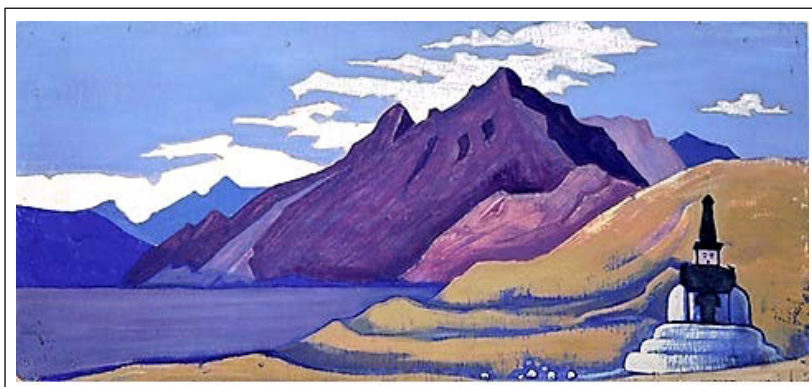
20-21 сентября 1925 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Поднялись на яках через перевал в три часа утра. Эти грузные мохначи действительно незаменимы своей мягкой поступью и устойчивостью, конечно, при условии их приручения. Дикий як совершенно неукротим. Однажды тибетцы поставили для китайского полка необъезженных яков и немедленно три четверти наездников оказались сброшенными на землю. Подъём наш был нетруден. Вид с Карданга величественен, но вся северная сторона Карданга представляет крутой, мощный глетчер. Спуск очень утомителен и опасен. Пришлось идти и ползти.

«Мы видели, как один гружёный як сорвался и стремительно полетел по гладкому ребру ледника. Но на самом краю пропасти як весь сжался и крепко упёрся своими короткими, крепкими ногами. Многие животные и люди начинают страдать кровотечением и головной болью на подъёмах выше 16 000 футов (ок. 4900 м). На дороге уже видна замёрзшая кровь. Уже мелькнул остов павшей лошади. У нас всё благополучно. После перевала нам говорят о целом караване, замёрзшем на Карданге; караван балтистанцев, около ста коней, весь найден замёрзшим. Некоторые замерзли, как бы крича, держа руки у рта. Даже осенью пальцы на руках и ногах очень легко стынут. Приходится оттирать снегом. Рисовать почти невозможно. Можно представить, каково здесь зимою. Но прекрасен этот грозный глетчер! Далеко внизу бирюзовое озеро. Говорят, очень глубокое. Путь весь сложен из гигантских валунов. Обернётесь, и покажется пройденное – непроходимым».

21 сентября мы продолжили путь по долине Шайок. Местность была великолепно своими пламенеющими желто-красными скалами из песчаника и гранита, возвышающимися над ярко-зелёными участками дна долины.

Н.К. Рерих. Тирит. 1925.

В трёх милях от Кхалсара мы перешли подвесной мост и благополучно добрались до живописной деревушки Тирит. Здесь наш главный проводник Лон-по владел поместьем и большим комфортабельным сельским домом. Он был очень радушен, и, поддавшись на уговоры, мы остались ночевать у него. Верхние комнаты были чистые и светлые. Стены украшала весёлая роспись, изображающая восемь счастливых символов тибетского религиозного орнамента. С крыши дома открывалась превосходная панорама окрестностей, и до поздней ночи мы любовались великолепным лунным светом, озаряющим все окружающие горы и мирную долину Шайок. ...

21 сентября 1925.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«После трудностей перевала - лёгкий путь. После пронзительного холода - жара и яркое солнце. Жаркие пески и уходящие горы со снежными оторочками. Руслу ручьёв. Иногда ручеек исчезает в каменистых нагромождениях, и лишь гулкий шум выдает поток невидимой воды. Повсюду терновники, тамариск. И приветливые люди, жители долины реки Нубры».

Долина реки Нубры. (Современное фото)

Н.К. Рерих. Долина Нубры. 1925.

«Сама река в разливе бывает мощным потоком. Сейчас, осенью, течение разбилось на многие русла, необыкновенно замысловатого и красивого рисунка. Идем дальше обычной остановки.

«Ночевали в Террите, в настоящем тибетском доме. В нашем стане три партии: буддийская, мусульманская и китайская. Не обходится без взаимных недоверий, подозрений. Едят отдельно. Наш старший Лун-по, оказывается, сын лехского старшины и является крупным помещиком. У него всюду поместья и дома: и в Лэ, и в Хеми, и в Террите, и во многих местах Чантанга. Он рассказывает, сколько монастырей разрушено во время бывших нашествий. В одном из его домов имеются такие развалины, полные обломков статуй и остатков поврежденных книг. Жалеем, что Лун-по пришёл к нам только в последние дни. Это он пришёл и на вопрос, кто он, гордо вскинул головою и звонко отчеканил: "Бодхи", то есть буддист. Он рассказывает также, что его брат состоит казначеем в Хеми и знает, сколько там скрытых предметов, не показываемых проезжим. Лун-по хочет остаться с нами, он хочет идти по разным странам, хочет учиться русскому, но просит об одном: "Не режьте мою косу!". А коса у него отличная, чёрная, до колен. Мы успокоили его. Никто на его национальную гордость не покушается. Очевидно, он уже знает, что в Китае указано резать косы, а в Тибете запрещено высовывать язык в знак преданности и признательности. А Лун-по в минуту удовольствия любит высовывать широкий, здоровый язык. Он хороший спутник высот и ледников, но в дому трудно вмещаем. Подходим к его поместью. Он просит не стоять в шатрах, а переночевать в его доме. С гордостью показывает ворота-чортен с яркой росписью на стене. Здесь много полей и плодовых деревьев. Ночуем в расписной тибетской комнате. Яркий карниз. Широкое окно, низкая широкая дверь с большим кольцом запора. Песочный пол устилается цветными кошмами. В рисунке орнаментов часто повторяется свастика. Посредине комнаты грузная колонна и на широкой пилястре изображение Чинтамани - Сокровища Мира.

«Каждая тибетская усадьба странно напоминает схему феодального замка. Всё жильё обнесено стеною выше человеческого роста. Вход - через плотные ворота. За стеною квадрат внешнего двора - здесь ржут кони и горят огни. Со

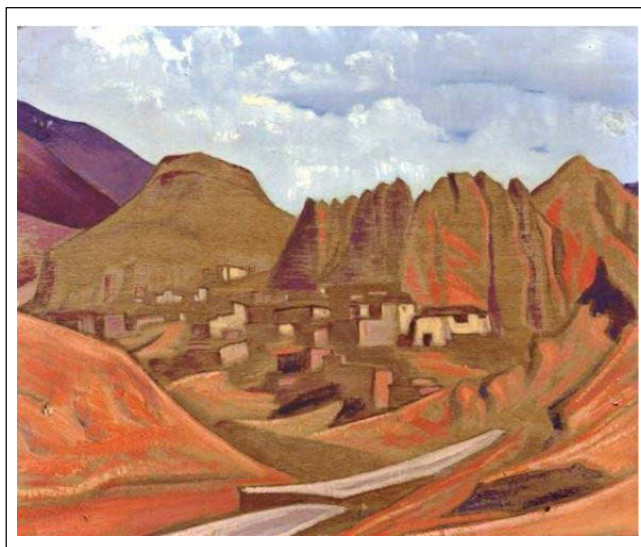

двора входите как бы в оружейную залу. За нею внутренний двор со многими дверями в хозяйственные, жилые помещения. Оттуда же приставная лестница ведёт во второй этаж, тоже со многими комнатами. Такая же приставная лестница ведёт на плоскую крышу, откуда открывается широкий вид на все далёкие горы, реки и на весь путь. Угол крыши занят парадной расписной горницей, как бы башней. На крышу горницы ведёт также приставная лестница. Готовые к обороне, независимо стоят тибетские усадьбы».

22 сентября 1925 г.

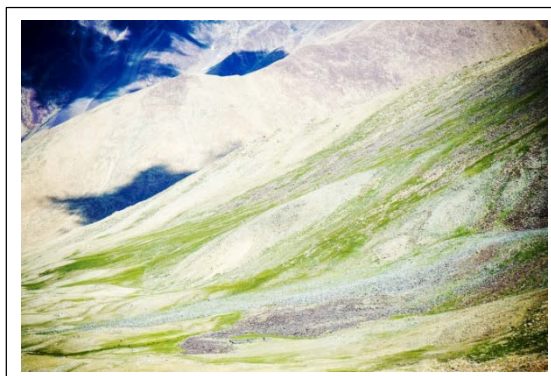
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Ясное утро. По сторонам дороги целые изгороди из терновника. Лёгкий путь. Впереди золотые пески, а за ними синие горы всех тонов с белыми шапочками раннего снега. Даже жарко. В миле от пути старый монастырь Сандолинг.

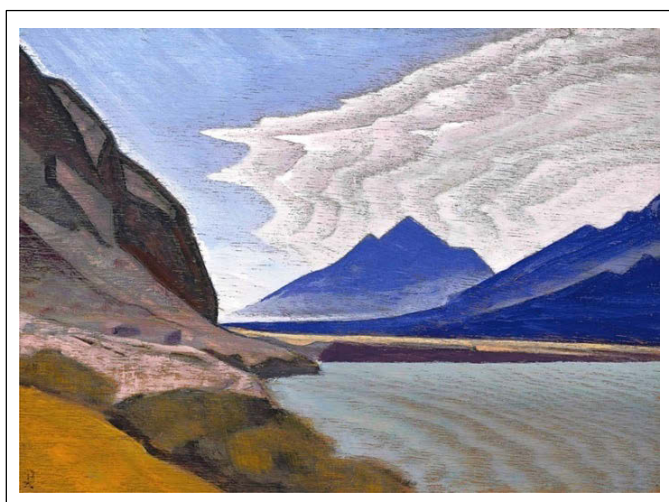

Н.К. Рерих. Сандолинг. 1925.

«Мы решили зайти, не там ли наш лама? Между сельских усадеб, через каменистые ручьи, через нагромождения, опасные для ног лошадей,- поднялись. Ламы, бывшие при нас в монастыре, не понравились нам. Но за ними есть какая-то невидимка; кто-то много знающий и ведущий Сандолинг по пути будущего. Ведь Сандолинг является конечным пунктом буддизма перед пустыней, и потому хотелось знать, какие знаки несёт этот монастырь. Оказывается, в нём большой новый алтарь Майтрейи. Новое, сияющее крепкими красками изображение. Также имеется отличное изображение Дуккар. Приятно видеть богатое собрание знамён; писаны знамёна в Ладаке. Среди них есть очень цветные с разнообразными, фантастическими сюжетами. Все отделаны в яркий шёлк. Имеется хорошая библиотека. Настоятеля монастыря мы не видали. Также не нашли нашего ламу. Был и ушёл ещё рано утром по дороге к границе. Спешим найти его. Большое длинное селение. Ещё один дом нашего Лун-по, но мы спешим дальше. Берега ручьёв и склоны гор покрыты белоснежной содою. Синие, малиновые и коричневые наслоения гор показывают насыщенность металлами. Кажется почему-то, что и радий должен быть в этих благословенных и неиспользованных краях».

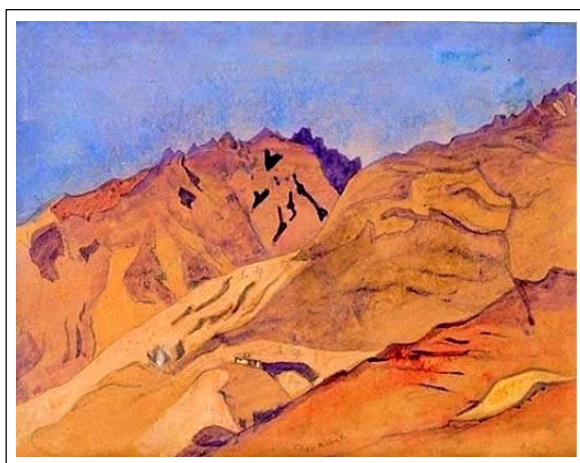
Склоны гор долины Нубры, покрытые «белоснежной содой». (Совр. фото)

Н.К. Рерих. Долина реки Нубры. 1925.

23 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Н.К. Рерих. Панамик. 1925.

«23 сентября. Пограничное место Панамик. Здесь кончается сфера анлийского влияния. Конечно, на картах граница показана через Каракорум, но

на высотах никто границ не устанавливал, а люди считают, что это в Панамике. Конечно, "хлопоты" простираются иногда и дальше. За Панамиком, как следовало и ожидать, для нашего дальнейшего прохода "развалился мост". Чиновник "совершенно случайно" удостоверился в проходе нашего каравана. Таинственная починка пути встречалась нами и в других пограничных местах. И полицейский при этом отдавал честь и спрашивал паспорт. Все заботы о "драгоценном здоровье" нам уже знакомы.

«Нам говорят, что в селении остановились два саиба из Яркенда. Не успели раскинуть палатки, как они идут к нам - это два шведских миссионера. Один из них болезненный Германсон. Они возвращаются в Стокгольм. Германсон говорит о трудных местах пути. О Китайском Туркестане он говорит без особого энтузиазма.

«Против Панамика, за рекою, на фоне красной скалы прилепился монастырь красной секты. На красном фоне гор даже не видно подходов к монастырю. Точно спасаясь от врагов, монастырь взлетел и притаился на невидимом уступе. Далеко влево течёт Нубра, а наш путь поворачивает вправо, почти упираясь в гряду скал. Так к вечеру подходим к подножию перевала Карал-Даван. Здесь фантастика горных нагромождений. Останавливаемся у самого начала крутого подъёма.

«Вечер кончается неожиданной встречей с мусульманином. Вот на границе пустыни разговор идёт о Магомете, о домашней жизни Пророка, о его уважении к женщине. Разговор идет о движении ахмадиев, о легендах, говорящих, что могила Христа находится в Шринагаре, а могила Марии - в Кашгаре. Опять о манускрипте об Иссе в Хемисе. Мусульмане особенно интересуются этой рукописью. Только бы она не была украдена.

«Всходит луна и борется с освещением от костров. Наконец пришёл лама. Чтобы миновать мост, его провели где-то через поток. В горах всегда так. Даже зная тридцать путей, всё-таки не знаете тридцать первого. На перевал лама пойдёт ночью, для него справляют фонарь и топор».

24 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«24 сентября. Караул-Даван хотя и ниже Кардонга, но нам показался труднее. Особенно свирепы груды огромных валунов при спуске. Какая гигантская работа должна была совершаться, чтобы отполировать и нагромоздить эти тяжелые груды. Около Террита был путь терновника, здесь же начался путь скелетов. Лошади, ослы, яки - во всех положениях, во всех стадиях разложения. Хорошо, что зловоние мало чувствуется в студенном воздухе. Многие остовы застыли в каком-то скачущем положении. Точно последняя скачка валькирий. Между валунами протискиваемся у скал. У Омар-хана пала лошадь. При переправе утонул баран. Неужели великий древний караванный путь вечно спотыкается об эти громады?

«Из-за камня поднимается странная фигура в мохнатой яркендской шапке, меховой кафтан, с фонарём. Это лама переоделся яркендцем. Ночью луна скоро взошла, и лама благополучно перебрался через гребень перевала. В тот же день - неожиданное открытие. Оказывается, лама отлично говорит по-русски. Он даже знает многих наших друзей. Всё это время нельзя было даже предположить такое его знание. Когда при нём говорили по-русски, ни один мускул не выдавал, что он понимает. В своих ответах ни разу он не показал знания сказанного

нами по-русски. Ещё раз становится ясным, как трудно оценить размеры знания лам. Только невежество не понимает двадцатипятивековую организацию. К вечеру - ветер и снег. Слуги и караванщики решают прервать путь в четыре часа, хотя еще два часа можно идти смело. Делаем нужную уступку и попадаем в полосу первого снега. Ночуем у мощного глетчера среди бесчисленных валунов. Пали ещё две лошади».

25 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

Перевал Сассер. (Современное фото)

«Вершина перевала Сассер была покрыта огромными ледниками» (Ю.Н. Рерих)

«Подход к перевалу Сассер, выше 17000 футов (~ 5200 м). Полная арктическая тишина. Глетчеры и снеговые пики - красивейшее место. Волны облаков перекатываются и открывают новые, бесконечно новые комбинации космического строительства. Широкие линии, весь орнамент и арабеск сброшен.

«Люди делаются более сосредоточенными. Всюду трупы животных. Есть и человеческие могилы, и наши люди пытаются это скрыть от нас, точно это имеет значение. Омар-хан потерял ещё двух коней. Начинается пурга. За ночь мы плотно занесены снегом. Вода в кувшинах замёрзла. Рисовать невозможно, так быстро коченеют руки. Хорошо, что в Кашмире подбили палатки толстой тканью. меховые сапоги очень пригодились.

«Вам, молодым друзьям, напоминаю: запасайтесь одеждой и на жару, а главное - на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Неожиданно перестаете чувствовать конечности. Всегда имейте под рукою аптечку - главное внимание зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже всё это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли - пирамидон. Не следует кушать много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая сохраняет губы от болезненных трещин.

«Не перекармливайте собак и лошадей. Иначе начнётся кровотечение и животное приходится приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Следует проверить, были ли кони уже на высотах. Многие неиспытанные кони погибают немедленно. И стираются на трудных переходах все социальные различия, все

остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям. Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в пустынях, только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый неверный шаг - уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными рунами. Основа всех учений - бесстрашие. Не в кислосладких летних пригородных лагерях, а на суровых высотах научитесь быстроте мысли и находчивости действия. Не только на лекциях в тепло натопленной аудитории, но на студеном глетчерах осознаете мощь работы материи, и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

«Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет. Крылья палаток шумно трепещут, хотят летать».

---

26 сентября 1925 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам.

26 сент. 1925

Лех через Шринаггар, Кашмир

Н.И. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

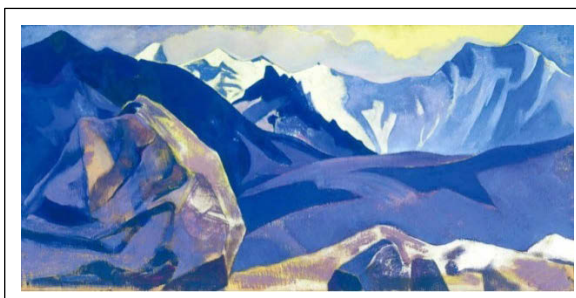
РОЗЕНТАЛЬ ОДОБРЕН КАК ПОЧЕТНЫЙ СОВЕТНИК МУЗЕЯ РЕРИХА СТАРТУЕМ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВСЕ ЛУЧШИЕ МЫСЛИ С ВАМИ СРАЖАЙТЕСЬ РАДОСТНО ВО ИМЯ КРАСОТЫ РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

---

26 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

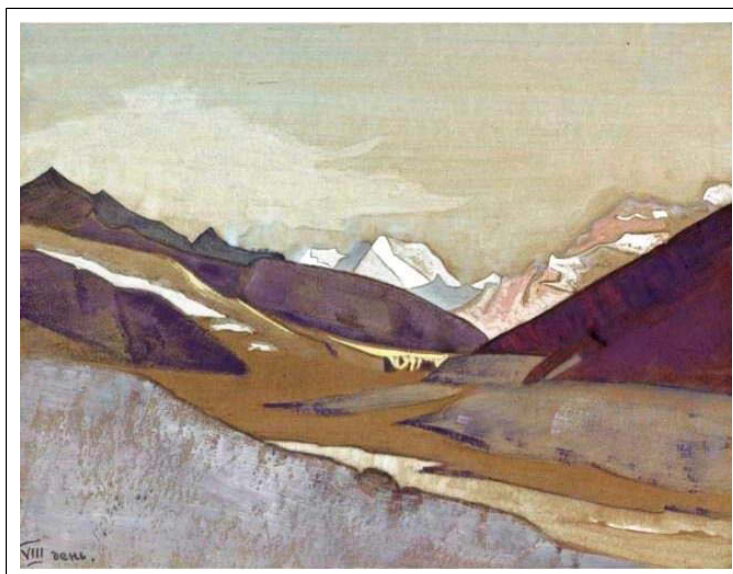
Н.К. Рерих. Перевал Сассер. 1925.

(Фотография экспедиции 1925.)

«Сассер-Даван встретил нас совсем сурово. Ещё до рассвета началась колючая пурга. Подъём на Сассер. Эта гигантская морена вся покрылась леденящим снегом. Торопились идти, ибо будет ещё хуже. Весь путь отмечен многими трупами животных. Обледенелая тропинка по карнизу иногда совсем суживается, оставаясь только шириной для конского копыта. Кони сами идут. Шесть часов шли ледниками. У гегена - кровотечение, он упал с лошади. Особенно опасно подыматься по полусферической поверхности шапки глетчера. Сабза,

конь Юрия, страшно скользит по зеленоватому льду. Среди глетчеров на момент вспыхивает солнце. Всё белое царство сияет невыносимым блеском. Прямо под нами открывается причудливое чёрное озерко в белых берегах; и опять все застилается беспросветною пургой. После ледников идём арктическими кряжами. Наконец, к удивлению, увидели пасущихся верблюдов. Они доходят до северного подножья Сассера и обменивают груз, перевозимый конями и яками через Сессер. Некоторые наши ладакцы, идущие впервые через перевалы, никогда не видали верблюдов и опасливо обходят эту долговязую диковинку. Кони храпят. Мой конюх Гурбан оборачивается и грозит кулаком, зловеще твердя: "Сассери, Сассери!"».

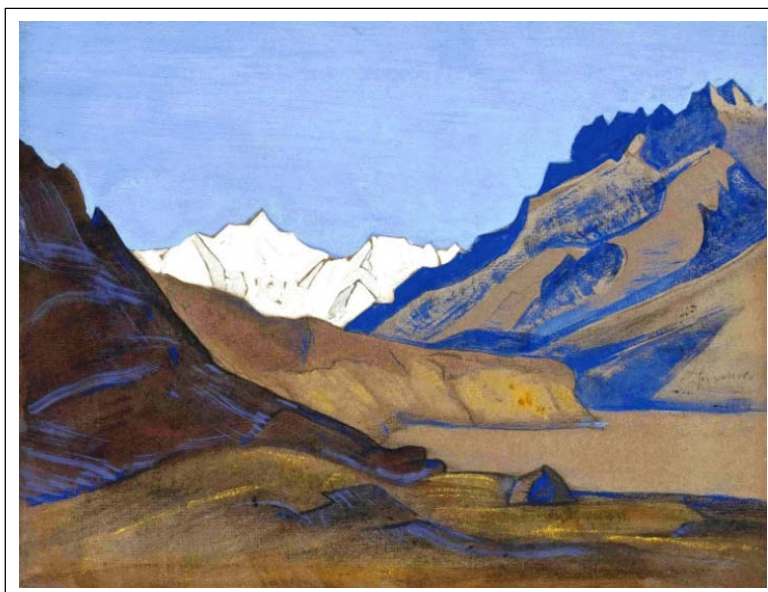
Н.К. Рерих. Шайок. VIII день. 1925.

«Прошли мимо Сассер-Сарая - развалившееся каменное каре. Остановились в прекрасной долине по течению реки Шайок. Направо по течению реки идёт зимняя дорога на Туркестан. Эта дорога минует перевалы, но зато приходится очень часто переходить реку, а местами даже идти по течению. В сентябре река доходит до плеч и для людей и коней опасна. К тому же этот путь почти на неделю длиннее. Мы пойдём дорогой короче. Неожиданно мы вступаем в узкую расселину между двумя фиолетовыми скалами. Непонятно, до какой степени часто исчезают все признаки пути. Надо не раз пройти этими местами, чтобы запомнить все повороты и изгибы дороги-невидимки.

«Прекрасны краски! Позади - белые великаны, и странно понимать, что мы спустились именно с них. Налево - многие остроконечные снеговые пики и жёлтые взгорья. Прямо перед нами светло-серое русло Шайока с какими-то красными и бронзо-зеленоватыми островками. За ними фиолетовые и бархатно-коричневые скалы. Направо уходит река и крутятся облака снежной пыли. Небо беспокойно. Молочно-белые тучи густыми волокнами лезут из-за Сассера. На один день нужно было поспешить до Сассера, и мы избежали бы снежных преследований. Сентябрьский муссон Кашмира ползет, гонится по горам за нами, превращается из ливня в жестокую пургу. Беспокойствие природы отражается на животных. Кони лягаются, собаки грызутся».

26 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Н.К. Рерих. Перевал Сассер.

«27 сентября. На рассвете опять все замерзло. Все засыпано глубоким снегом; кони дрожат. Им сейчас предстоит еще брод через Шайок. Как чёрные силуэты, мечутся всадники по светлому берегу. Удачно нашли брод, всего по брюхо коню.

«После широкой долины мы сразу окунулись в узкое ущелье. Оно построено необычно фантастично. В голубом ручье трещал ночной ледок. Красные стены полны забелевших трещин - точно страницы рун. Опять неожиданные подъёмы и повороты в узких проходах, и мы оказались в широкой долине, окружённой разноцветными горами. Какие-то внутренние богатства отливаются разно-сияющими пластами в склонах гор. На откосах копошатся две длинные фигуры - каждый новый человек поражает в этом безмолвии. Не кладоискатели ли? Нет, это люди какого-то каравана, посланные за корнями и ветками чахлого кустарника для топлива. Здесь всякое топливо кончается и надо запастись им на несколько дней.

Между горами маленькие болотистые озерки. По мшистым берегам бегают проворные кулики. Высота 16 000 футов для них не страшна. Каркают вороны. Очень мало орлов. Из-за отсутствия топлива и мы останавливаемся необычно рано - уже в два часа. Люди пошли собирать в мешки корни кустарника. Как на фресках Гоццоли, стоят группы гранёных лиловых гор, рассечённые тёпло-коричневыми буграми. Светло-жёлтая болотная травка покрывает котловину. Необычно резко стоят чёрные кони на светло-жёлтом фоне. И кажутся какими-то непомерно большими. Здесь, в просторах Азии, родились сказания о великанах-богатырях. Высота ли, или чистота воздуха увеличивает все размеры, и всадник, поднявшийся из-за бугра, выглядит великаном, а средняя киргизская собака принимает размеры медведя. Велики здесь масштабы.

Велики должны были быть потоки между горами, чтобы оставить широкие русла, полные обработанной гальки. В Большом каньоне вы почувствуете ка-

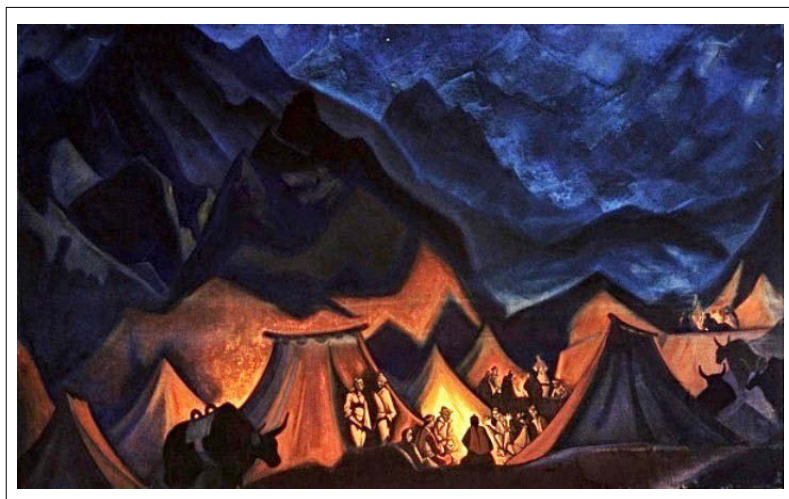
кую-то трагическую катастрофу, преломившуюся в красоте. Около Каракорума чувствуете какую-то непонятную вам длительную работу гигантов. Не здесь ли готовили построения грядущего?

Какой ветер! Кожа трескается, лопается, как разрезанная.

Трудно с языками, в караване слышится шесть языков, совершенно между собой несхожих. Пропал запас сена. Ясно, что погонщики скормили сено своим лошадям. Назар-бей долго кричал что-то. Наконец поняли, что наш повар съел сено. Повар очень обиделся.

Лама сообщает разные многозначительные вещи. Многие из этих вестей нам уже знакомы, но поучительно слышать, как в разных странах преломляется одно и то же обстоятельство. Разные страны как бы под стёклами разных цветов. Еще раз поражаемся мощности и неуловимости организации лам. Вся Азия, как корнями, пронизана этой странствующей организацией.

Удивительно, как быстро ползут слухи, без всякого почтового сообщения. И потом, эти караванные огни, как светляки ночи, собирают неожиданных слушателей. Быстрее вестников разлетаются крылатые вести по базарам и перешёптываются за длинной трубкой. Поймите!

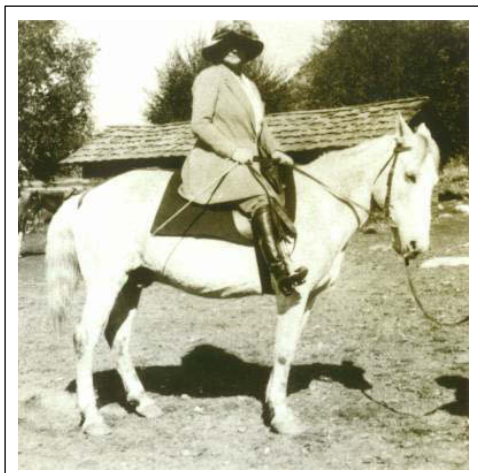
Н.К. Рерих. Шёпоты пустыни. (Тибетский стан). 1925.

28 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«28 сентября. Студёная ночь. Всё крепко замерзло. Весь день прошёл в свете красивых жёлтых и красных тонов. Сперва шли по крутым осыпям красного ущелья. Миновали старый каменный вал. Остатки укреплений военных или пограничной линии. Внизу переливались жёлтые, зелёные и ультрамариновые ручейки. Потом перешли на широкое старое русло - нагорье Делсанг. Шесть часов шли мимо всяких торжественных песчаниковых формаций. Они, точно пирамиды великанов, точно города с зубчатыми стенами, точно одинокие дозорные башни, точно ворота в какие-то заповедные страны, точно памятники замолкших боев. В полном разнообразии, никогда не повторенные и расцветенные бесконечным чутьём. Так бы и остановился здесь на неделю. Но караванчики поглядывают на небо, где ледяной кашмирский дракон уже кажет свои бурные крылья.

«Е.И. все десять дней на коне. Она не любит малых решений. Никогда верхом не ездил, а тут сразу верхом через Каракорум. И всегда бодра и готова первая. Даже колено, повреждённое в Кашмире, как-то затихло. Прямо удивительно.

Е.И. Рерих. (Фото экспедиции)

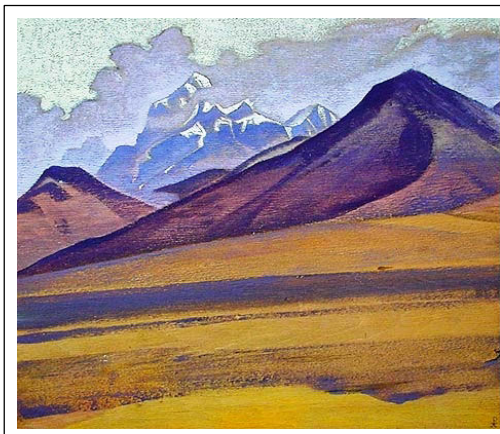
«К вечеру дошли до Депсанг-Даван. Стало ещё холоднее. Депсангу лучше именоваться Улан Корум, то есть "красный трон". При входе торчит мощный утес, как красная шапка.

«Будьте осторожны с горными ручейками. Они радуют своей хрустальной чистотой, но за поворотом, возможно, лежит в воде павшая лошадь или верблюд с окровавленной мордой».

29 сентября 1925 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«29 сентября. Перевалили Депсанг. Вышли на крышу мира. Иначе и назвать нельзя. Все острия гор исчезли. Перед нами точно покрытие каких-то мощных внутренних сводов. Глядя на эти песчаные своды, невозможно представить себя на высоте 18 000 футов (~5 500 м). Бесконечные дали. Налево, далеко, белый пик Гудвина. Направо, на горизонте, громады Куэнь-Луны. Всё так многообразно и щедро, и обширно. Синее небо граничит с чистым кобальтом, а бестравные купола-своды отливают золотом, а далекие пики кажутся ярко-белыми конусами. Вереница каравана не нарушает безмолвия самой высокой дороги мира. Конюх спрашивает: "Отчего здесь, на такой высоте, такая ровная поверхность? Что там внутри находится?". Прочли латинскую надпись на камне о стоянке здесь экспедиции Филиппи. Люди думают, что здесь зарыто сто ящиков запасов экспедиции. Очень пронзительный ветер. Торопимся к Каракоруму. Подошли к нему, но переход должны были отложить на утро. Каракорум значит "чёрный трон". Его чёрная шапка была видна за несколько миль. А когда мы подошли, было уже темно, чтобы зарисовать или сфотографировать. Вечером решили: вместо Каргалыка идти на Сугет-Даван и на Санджу-Даван. Правда, Санджу опять выше 18 000 футов и считается трудным в зависимости от количества снега, но зато мы сберегаем шесть дней. К тому же по пути на Каргалык много воды, и люди жалуются, что им несколько раз в день придется идти в воде по пояс, а в октябре это опасно.

Н.К. Рерих. Пик Каракорум. 1925.

Н.К. Рерих. Каракорум. 1925.

30 сентября 1925 г. Каракорум.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«30 сентября. Каракорум. Опять всё замерзло. Утро началось колющей вьюгой, всё закрылось мглой. Ни рисовать, ни снимать. С трудом иногда смутно маячила чёрная шапка Каракорума. Вся видимость сегодня не имеет ничего общего с виденным вчера. Так и шли под пронзительным ветром от 7 до 2-х часов при разреженном воздухе. Сам перевал широк, но не труден. Пешеходам трудно; странно ощущение, что при сравнительно малом движении уже чувствуете одышку. На кряже перевала маленькая пирамида камней. Люди, несмотря на одышку, не забывают прокричать приветствия о преодолении. Спуск не крут, но ветер всё крепчает. Нужно чем-то повязать лицо, тут вспоминается целесообразность тибетских шёлковых масок для путешествий. Среди дня снег унялся, и показались чудесные снеговые панорамы. Целые группы снеговых куполов и конусов. Даже птиц нет. Остановились в шесть часов на широком русле реки. Кругом - глубокое молчание, целый амфитеатр снеговых вершин. Тонкость жемчужных тонов, до сих пор не виданная. Полная луна, и молчание студёной, чистой, непогнанной природы. Прошли самую высокую дорогу мира - 18 600 футов (ок. 5670 м). Перешли границу Китая. Наш китаец задумчиво сказал: "Китайская земля!", - и почему-то покачал головою».

Каракорум (Современное фото)

«Прошли самую высокую дорогу мира - 18 600 футов...»

ОКТАБРЬ

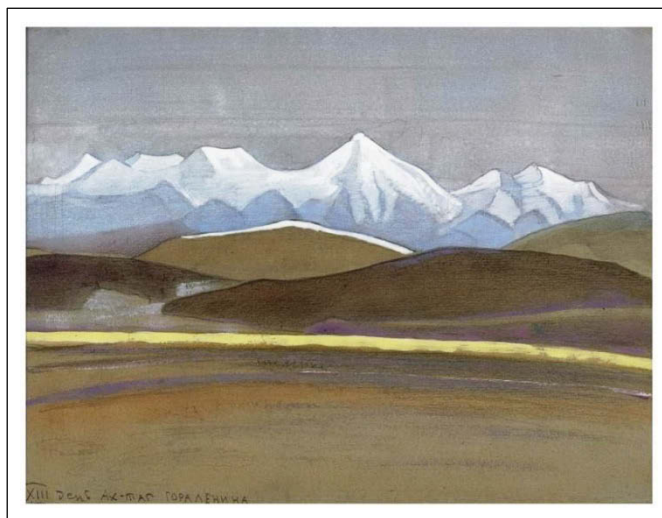
1 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«1 октября. Дошли до раздела путей на Кокеяр или Санджу. Против Баксун-Булака чудесная белая гора, такая тонкая, такая нетронутая и нежная в своих профилях. Яркое солнце напомнило замёрзшие фьорды Норвегии или голубую сказку зимней Ладоги. Но здесь шире и мощнее. Перед нами вдали горы, испещрённые белыми контурами, как на старых китайских пейзажах. Близко от дороги паслись две тибетские антилопы, одна подняла голову и долго следила за караваном. Буддисты не стали стрелять в них: "Ведь пищи с собой достаточно". Кто-то другой обманет доверчивость стройных животных. На самой дороге лежит осёл с благовонным грузом корицы. Где же хозяин? Объясняют, что усталый ослик оставлен отдохнуть до следующего каравана. Диких зверей нет здесь, и никто из путников не нарушит эту своеобразную этику караванов. Видели также на Сассере кем-то оставленные грузы. Не тронуты».

2 октября 1925 г. «XIII день. Ак-таг. Гора Ленина».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Н.К. Рерих. Ак-Таг. 1925.

(Слева внизу надпись: XIII день. Ак-таг. Гора Ленина)

«В морозном солнце утра перед стоянкой чётко вырисовалась снеговая гора Патос. Так назвал высший пик хребта (Патос фонетически, по-местному Ак-Таг) Махатма Ак-Дордже, проходя здесь из Тибета. Гора Патос стоит над разветвлением дороги на Каргалык - Яркенд и Каракаш - Хотан. Путь Каргалык - Яркенд ниже, всего два невысоких перевала, но зато много рек. Путь Каракаш - Хотан выше, гористее, перевалы выше, зато короче.

«Гора высится конусом между двух крыльев белого хребта. Лама услышал и шепчет: "Он (Великий Учитель) не был против истинного буддизма и говорил: "Истинный буддизм - хорошее учение".

Д. писал об этом в Тибет. Замечательно, Лун-по неожиданно стал русофилом: учится у ламы по-русски. Кричит: "Пора обедать", "Нож", "Чашка", "Вода горячая".

«День начался мирно. Шли с семи часов по пологому взгорью Сугет-Давана. Подъём почти не заметен, и не страшно видеть многочисленные скелеты и остовы. Мирность природы заставляет забыть высоту. Около дороги лежит пушистая собачка, совсем как живая. К трём часам незаметно дошли до самого перевала. Всегда полезно спросить о северной стороне перевала. Эта сторона всегда сурова. Так было и здесь. Ровный, лёгкий путь вдруг обрезался мощным зубчатым спуском. Вдали раскинулись бело-лиловые горы, полные какого-то траурного рисунка. Закрутилась метель, и в прогалины снежной пыли зазвенело беспощадно почти чёрно-синее небо. Путь замело.

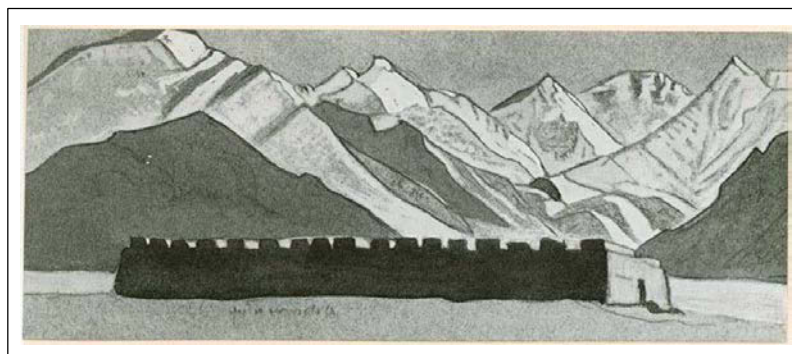
«Стопилось четыре каравана. До четырёхсот коней. Раньше пустили опытных грузовых мулов. За ними пошли мы. Весь откос заполнился чёрными зигзагами конских силуэтов. Воздух затрепетал от криков: "Хош, хош!", и всё поползло вниз, оступаясь, скользя, и толкая друг друга. Было опасно. Люди дивились раннему снегу. Только к 9 вечера при луне дошли до стоянки. Тюрки пререкались с буддистами. Назарбей хотел нас завести куда-то далеко. Китаец с кнутом кидался на него. Людские препирательства передавались животным. Кони фыркали. Кончилось дракой собак. Свирепый Тумбал очень повредил Амдонга.

«Е.И. едет, не слезая с коня, более 13 часов. Значит, обычная так называемая усталость побеждается чем-то иным, более сильным.

3 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«3 октября. Опять груды камней. Показались жёлтые и красные кустарники. Очень красивы они на тёпло-белой пелене песков. Показалась тощая верба у потока. Показались куропатки и зайцы. Но животных поразительно мало. Прошли какие-то старые стены, превратившиеся в груды булыжника. Люди ждут прихода в китайский пограничный пост Курул, или Караул-Сугет. Постепенно спускаемся; уже видны какие-то плоские стены. Вот кто-то выбегает за ворота, суетливо скрылся. Нас выходят встречать.

Н.К. Рерих. Курул. Граница Китая. 1925.

«Посреди широкой жаркой равнины, окружённой снеговыми горами, стоит глинобитный квадрат - Курул.

«Вдали заманчиво серебрится Куэнь-Лунь.

Куньлунь. (Современное фото)

В форте 25 солдат - сартов и киргизов и один китайский офицер с секретарём и переводчиком. Оружия мы не видели. Только в тесной комнатке офицера висела огромная одностволка с курком, точно утиная голова. Этим инструментом много не застрелить.

Если бы знал этот китайский пограничный офицер Шин Ло, как мы были тронуты его сердечным приёмом. Заброшенный в далёкие горы, лишённый всяких сношений, этот офицер своим содействием и любезностью напомнил черты лучшего Китая. Нам это так важно, ведь едем в Китай с искренней дружбой и с открытым сердцем. И встретились и простились с Шин Ло очень сердечно. По дружбе даже разбили палатки на пыльном дворе форта. Люди хотели простоять здесь хотя бы ещё один день. Ведь кончилась пустыня. Радуются, а нам жаль чего-то неповторяемого. Кристаллы высот, возместит ли вас кружево песков? Подошли ещё караваны. У костров говор. Говор, улыбки, трубки и отдых. Шепчут: "В Бутане ждут близкого прихода Шамбалы". "Сперва была Индия, потом был Китай, потом Россия, а теперь будет Шамбала".

"В храме под изображением Будды подземное кипучее озеро. Раз в год туда спускаются и бросают в озеро драгоценные камни..."

Говорится целая сага красоты. Эти костры, эти светляки пустынь! Они стоят как знамена народных решений.

4 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«4 октября. Не прошли и мили от Курула, как достигли течения реки Каракаш-Дарья, что значит "чёрный нефрит". По течению Каракаша добывались известные сорта нефрита, составившего былую славу Хотана. Даже одни из западных ворот Великой Китайской стены назывались нефритовыми, ибо через них ввозили этот излюбленный камень. Теперь в этих местах даже и не помнят о добыче нефрита. Только цвет Каракаш-Дарьи - такой сине-зелёный - напоминает о лучших сортах нефрита. Быстрая река, весёлая река, шумливая река. Здесь не только родина нефрита, но и золота. Каракаш-Дарья делается нашей водительницей на несколько дней.

«Проходим несколько мазаров, то есть почитаемых мусульманских могил. Можно думать, что их полусферическое покрытие и вышка в центре - не что иное, как форма древнего буддийского чортена. Когда подходили к могиле святого, проводник-киргиз соскакивает с коня и очень красивым жестом приносит почитание. Трудно было ждать от его неуклюжей фигуры такое красивое движение.

«Форт Шахидула покинут, это тот же обычный одинокий глинобитный квадрат. Впрочем, в этих местах пушки вообще ещё не появлялись и не угрожали глиняным стенам.

«Стало жарко. Высота не более 12 000 футов (ок. 3650 м) и после 18 000 футов чувствуется на дыхании. Получено сведение, что яки для перехода Санджу-Давана готовы. К вечеру поднялся шамаль - северо-восточный вихрь. Впервые мы очутились в настоящей песчаной пурге. Красные горы скрылись, небо стало серым. Высокими плотными столбами поднимался песок и медленно двигался, крутясь и пронизывая всё встречное. Палатки пытаются взвиться. Кони понурились и повернулись задом к ветру. Все краски исчезли, и одна только Каракаш мчалась все такая же изумрудная».

Горы Куньлунь и река Каракаш («Чёрный нефрит»). (Современное фото)

5 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«5 октября. Шли весь день по течению Каракаш. Нельзя запомнить, сколько раз переходили через реку. Где по брюхо, а где ниже колена коня. На одном скалистом повороте снесло всю тропинку. Пришлось спешиться и пробраться по отдельным валунам среди рокота течения. Опять жёстко-каменистый путь. Две лошади Назар-бея сломали себе ноги. Вчерашний шамаль всюду оставил последствия. Горы затянуты седою дымкою. Весь день в воздухе висит облако всепроникающей пыли. Страдают глаза. Весь колорит изменился. Небо стало лиловым. Только резвая река по-прежнему сверкает зелёными искрами. Появились первые стоянки горных киргизов. Юрты, крытые кошмами, или каменные квадраты, прислонённые к скалам. Зачатки маленьких полей. Низкорослые киргизки в высоких белых уборах, в красных кафтанах, на некоторых маленькие остроконечные красные шапочки киргизов. Лишь бы снимки удались. Живописная группа на лиловом фоне песчаниковых полутонных гор. На крошечном сером ослике женщина в ярко-красном кафтане и высоком головном уборе. На руках у неё ребёнок в светло-сером покрывале. Рядом с ней мужчина в зелёном кафтане и красной конической шапке. Над ними тускло-лиловое небо. Кто хотел бы писать бегство в Египет? Очень круты тропы над самой кипенью реки. Стоянка на песчаной поляне, посреди неё запыленный караван-сарай. Нет сил остановиться на этом пропылённом дворе. На соседних взгорьях тоже трудно примоститься лагерем. Или

сплошной камень, или мягкий переливчатый песок; и то и другое не держит колья и гвозди палаток. Кое-как нашли место. Постепенно обнаруживаются повреждения багажа: то замок сбит, то промочен яхтан при падении лошади в реку.

Н.К. Рерих. Шёпоты пустынь (Сказ о Новой Эре). 1925.

«Опять костры. Опять собираются какие-то незнакомые мохнатые люди. Вот уже нужно сказать, что никто из этих корявых незнакомцев нам не сделал ничего дурного. Пресловутое воровство киргизское нас не коснулось. Ещё из шёпотов у костров: "Бурхан-Булат (то есть меч Будды) появляется в определённые сроки, и тогда ничто не противостанет ему". "Улан цирик (то есть красные воины) стали ужасно сильными". "Всё что ни сделают пелинги - всё обернется против них". "Лет более ста назад два учёных брамина ездили в Шамбалу и направлялись на север". "Благословенный Будда был в Хотане и оттуда решил путь на Север". "В одном из лучших монастырей Китая доктор метафизики - бурят". "В большом монастыре Д. настоятель-калмык". "На картине "Будда Победитель" из меча Благословенного брызжет огонь справедливости". "Пророк говорил, что Дамаск будет разрушен перед новым веком". Так шепчут паломники по пути в Гайю, Сарнат и Мекку.

«Длинные вереницы седобородых ахунов и закрытых женских фигур встречаются на пути. Спешат перед близкою зимою. Это - скорая почта. День кончался шамалем. Гигантские клубы пыли, точно незримое переселение народов. Надо знать и этот грозный лик Азии. Где же иначе так разительна смена жары и стужи? Где так невыносимы ветры после полуденного часа? Где же так губельны реки в половодье и так беспощадны пески? Где же золото не убрано по берегам рек? Где же столько черепов белеет под солнцем? Широкая рука Азии».

6 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«6 октября. Опять шли течением Каракаша. Пришли в большое старое киргизское кладбище. Мазары с полусферическим сводом.

«Низкие могилы, уставленные бунчуками с конскими хвостами на концах. Положительно, мазары очень часто - старые буддийские чортены. После мазара расстались с течением Каракаша. Пошли заметно в гору против течения горного ручья. Ущелье постепенно сужалось.

Н.К. Рерих. Мощь пещер. 1925.

«Влево в жёлтой песчаниковой горе увидели пещеры в несколько этажей. Наподобие пещер Дуньхуана. Местные жители и караванчики называют их старокиргизскими домами. Но, конечно, мы имеем здесь остатки исчезающего буддизма. Подходы ко многим пещерам совсем выветрились. Высоко остались отрезанными входы, как орлиные гнезда. Характерно, что пещеры притаились так недалеко от перевала Санджу, точно защищаясь горами от волн мусульманства. Конюх Гурбан (мусульманин) знает ещё такие же пещеры в этих краях, но относится к ним явно пренебрежительно. Но пещеры внушительны.

«Несказуемой древностью дышит от этих гор. Песочная дымка точно возносит их в небо. И горы, вместо смысла ограничения и преграды, опять влекут ввысь.

«Подшли к самой подошве Санджу. Слышно, на перевале снега нет. Но не успеваем получить это сведение, как кашмирский дракон долетает и всё начинает покрываться снегом. Пронзительный шторм. Жмёмся в ожидании запоздалых палаток. В темноте доходит караван. Из-за перевала приваливает чёрная лавина яков и с разбега чуть не сокрушает весь стан. Гомон и шум. Снег и холод. Но стан, прижавшийся в ущелье, имеет необычайно живописный вид. Что-то от старого Босха или Питера Брейгеля. Пламя освещает бронзовые лица. Из тьмы выдвигаются рога чёрно-невидимых яков. Крылья палаток вспархивают, как птицы.

«На скале - гигантская тень Омар-хана. Опять шёпоты пустыни: "Около священной горы Сабур виден неизвестный древний город. Много домов и чортенов". Завтра надо вставать со звёздами. Путь длинный. Днём и снег, и ветер опять начнут надоедать».

7 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«7 октября. «Дракон» всё-таки догнал нас, и за ночь всё засыпано снегом и примёрзло. Пробуем яков. Спешим. Седьмой перевал - Санджу. Самый крутой - 18 300 футов (ок. 5580 м), - но не длинный. Как цепко идут яки; ещё раз поражаемся им. У моего яка с шумом лопаются нагрудный ремень седла. Пришлось привязать верёвками, одна подпруга не удержит на крутизнах. Опасна лишь самая вершина Санджу. Там як должен изловчиться и перепрыгнуть через расселину между верхними зубцами оголённой скалы. Тут вы должны довериться цепкости яка. Геген упал с яка, но по счастью, лишь зашиб ногу. Могло быть много хуже. Конечно, на северной стороне оказалось много снега.

Пришлось спешиться и, скользя по резким зигзагам, круто спускаться. Не берите горных палок с острями, гораздо лучше плоский металлический накопник. В серебряном тумане потонули снеговые горы. Жаль прощаться с высотами, где хотя и студёно, но кристально чисто и звонко. Где само название "пустыня" звучит вызовом всем городам, уже превратившимся в развалины или ещё не превратившимся.

«Отчего же грустно отдаляться от Куэнь-Луня, от хребта древнейшего? Начались опять становища горных киргизов. Дети и женщины чисты. Не видно ужасных безобразных кожных болезней. Внизу в песчаных откосах какие-то тёмные выбоины - пещеры. Из них вылезают мохнатые яки и переносят вас в доисторические времена. То же самое было и тогда. Посредине нагорья громоздятся жёлтые обветренные бугры; из них торчат каменные глыбы самых изощрённых форм. Носороги, тигры, собаки или какие-то остовы на тронах - всё работа давно убежавшей воды. Нагорье ограждено тёплыми горами. Снегов в направлении пустыни более не видно. Остановились около аула из девяти юрт. Внутри чисто. Приносят дыни, арбузы, персики, получаемые из Санджу-Базара или из Гума-Базара. Горы полны переливчатого эха, лай и ржанье бесконечно гремят по ущельям, как горные трубы. Киргизки показывают вышивки, но не хотят продать; каждая делает их для себя».

8 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«8 октября. Короткий спокойный переход. Остановились в 10 милях от оазиса Санджу. Разбросаны одиночные юрты киргизов. Часто здесь один мальчик гонит целый караван верблюдов.

«Каждый день приходят к нам пациенты желудочные или простудные. Ещё раз почувствовали, что значит великий песок пустыни - всепроникающий, иссушающий, затрудняющий дыханье. Вот горе! Горы стали заметно понижаться. Высота пути не более 7000 футов (ок. 2150 м). Ведь южная часть пустыни не ниже 4000 футов (ок. 1200 м). Становится всё теплее.

«Задумана серия картин "Майтрейя". Опять костры. Опять караванные шёпоты. "Известный губернатор в Китае приказал сечь китайцев. Ах, как худо! Теперь китайцы высекут англичан".

"Ринпоче говорил, что теперь путь только через Шамбалу - это все знают". "Много пророчеств везде закопано". "Три похода монголов". "В пустыне за Керией вышла наружу подземная река". "А как взорвали скалу, а она вся из драгоценных камней". "А там, где не пройти, там можно подземными ходами"...

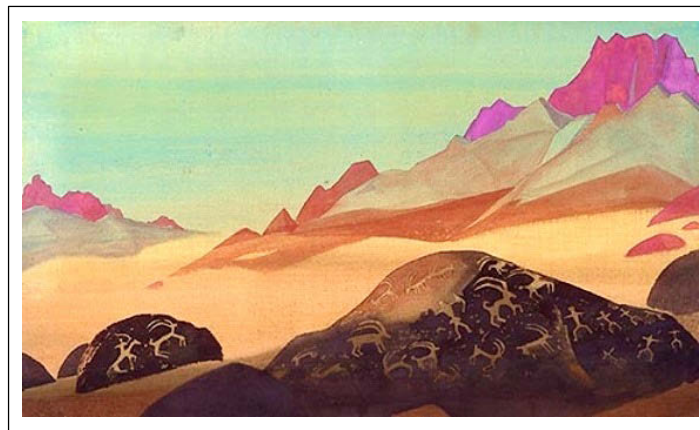
«Много говорят, и будничное сплетается с чем-то великим, предрешённым. Много говорят про подземные ходы, но оно и понятно. Из многих замков, прицепившихся на скалах, были устроены к воде длинные подземные ходы, по которым на осликах привозили воду. Постепенно перед нами встаёт новая картина значительных жизней».

9 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«9 октября. Санджу - оазис. Мы простились с горами. Конечно, опять придём к горам. Конечно, другие горы, вероятно, не хуже этих. Но грустно спуститься с гор. Ведь не может дать пустыня того, что нашептали горы. На про-

щанье горы подарили нечто необыкновенное. На границе оазиса, именно на самой последней скале, к которой мы ещё могли прикоснуться, показались те же рисунки, какие мы видели в Дардистане, по пути в Ладак. В книгах о Ладаке такие рисунки называются дардскими, хотя, очевидно, они восходят к неолиту.

Н.К. Рерих. Камни Ладака.

«И здесь, в Китайском Туркестане, на гляцевито-коричневом массиве скалы опять светлыми силуэтами те же стрелки из лука, те же горные козлы с огромными крутыми рогами, те же ритуальные танцы, хороводы и шествия верениц людей. Это именно предвестники переселения народов. И был какой-то особый смысл в том, что эти начертания были оставлены на границе в горное царство. Прощайте, горы!

«Показались кипы тополей и абрикосовых деревьев, а за ними раскинулось царство песков. Это напоминало Египет по Нилу или Аравию. Время завтрака; хотим остановиться; но скачут какие-то всадники и зовут ехать дальше. Там приготовлен дастархан от киргизских старшин. На узорчатых ярких кошамах очень картинно разложены горки дынь, арбузов, груш, яиц, жареных кур и посреди - запечённая половина барана. Круглые с дырками и ямочками жёлтые лепёшки точно сорвались с картины Питера Эртцена. Это напомнило милое Ключино, Новгород, раскопки каменного века и радушного Ефима. И здесь те же кафтаны и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные мехом волка или речным бобром. И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски. И действительно, многие из этих бородачей знают отдельные слова и очень гордятся, если у них есть какая-нибудь русская вещь. Почти совсем не знают Америки. Местное влияние вытеснило всякое представление об Америке. Хорошо бы дать этому народу несколько книжек об Америке, напечатанных по-тюркски. Кто-то должен об этом подумать; ведь когда-то Америка и Азия были неразорванным континентом.

«Впервые увидели китайских солдат в мундирах имперского времени с красными надписями вдоль всей спины и груди. Очень оборванные солдаты; киргизы-ополченны были вовсе без мундиров. Может ли такая армия действовать?

«Спросят: где же опасности? Где же увлекательные нападения? Ведь на кладбище в Лехе несколько памятников над могилами убитых путешественников. Правда, что все эти люди убиты кашмирцами и афганцами. Никто не был убит ладакцем-буддистом. И потом есть особая прелесть сознания, что в

самом удалённом безлюдии вы целее и безопаснее, нежели на улице западных городов. Полицейский Лондона при входе в Ист-Сайд осведомляется, есть ли у вас оружие и приготовлены ли вы к опасности. Ночная прогулка по окраинам Монпарнаса или Монмартра в Париже или по Хобокену в Нью-Йорке - чреватые гораздо большими опасностями, нежели пути Гималаев и Каракорума. А торнадо в Техасе или Аризоне разве не равен вихрю на высотах? К тому же эти опасности природы так веселы по существу, так будят бодрость и так очищают сознание. Есть собиратели жгучих восклицаний опасности, но самый неверный бамбуковый или верёвочный мост будит в вас упрямую находчивость. Как жаль из безлюдия спускаться в кишлаки людских толп.

В одном переходе от Санджу уже могут быть буддийские древности».

[10 ок. 1925] [Leh. Ladak.]

Письмо Н.К. Рериха к В.А. Шубаеву.

[10 ок. 1925] [Leh. Ladak.]

Родные, идём дальше. Трудитесь. Смотрите широко. Любите друг друга. Любите новый мир.

Духом с Вами

£

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

---

10 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«10 октября. Окунулись в совершенно иную страну. Нет более ладакского героизма. Нет более гирлянд звучного пения ладакцев. Странно, что сильные, приятные голоса слышали лишь у ладакцев. Нет более замков на безводных, отважных вершинах. Нет более субурганов и курганов бесстрашия. Горы ушли в седую серую мглу. Чем же жить и куда взгляд направить? Здесь мирные земледельческие, ничего ни о чём не знающие сарты; забытый оазис. Мирные, медлительные тюрки, совершенно забывшие о своём участии в шествиях Чингиса и Тамерлана. Жарко. На Санджу-Базаре - песчано. Из-за глинобитных стен, из-за фруктовых деревьев выглядывает множество лиц, пугливых и прикрывшихся. Целая толпа по краскам похожа на Нижегородскую ярмарку. Приношения - фруктов и жареных баранов. Наконец, привели в подарок киргизскую собаку.

«Гремят бубенцы, и на майдан въезжает китайский чиновник. Опять предупредителен и любезен. Удивлен, что не получил о нас амбаня Яркенда, но объясняет, что республиканский Китай отменил извещения, если есть китайский паспорт. А у нас пространный паспорт на имя Лолучи, что значит «Рерих». Такие ли предупредительные и китайские чиновники более высоких рангов? Хочется, чтобы Китай оправдал наши ожидания. Ведь при выдаче паспорта говорилось о содействии всех губернаторов, о встрече делегации от Пекинского университета... Китайский чиновник говорит о проходе Рузвельтов, повернувших на Яркенд; говорит о развалинах императорского дворца в 12 днях от Хотана, откуда и до сих пор добывают древности. Мы понимаем, что

это должно быть Аксу. Скоро вступаем на старую "шёлковую" дорогу. Первое место, где могут быть древности. Ведь эти места, так же как и Хотан, упоминаются в литературе за 3-4 века до нашей эры. В островах пустыни, в оазисах, укрепились последние толпы перед переселением в неизвестные края».

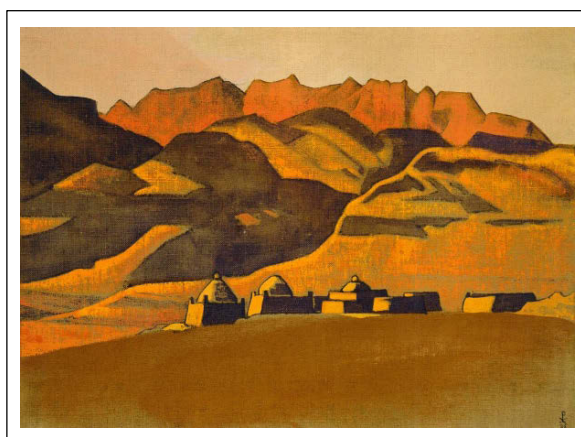
11 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«11 октября. Под щебетанье птиц и блеяние стад, под весёлое журчанье арыков мы вышли из Санджу. Скоро повернулись от оазиса, поднялись по песчаному откосу русла и оказались в настоящей пустыне. Холмы легли слабым неопределённым силуэтом. На горизонте дрожит воздух, точно сплетая какие-то новообразования. Развернулся полный узор песков. Это уже именно та необозримость, по которой двигались великие орды. Ведь и Чингис и Тамерлан проходили именно здесь. И так же как на волнах не остаётся следов от ладьи, так же на песках не осталось никакого намёка на эти движения.

«Здесь встала вся нежность и вся беспощадность пустыни. И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток - там великая Такла-Макан! Там захороненные города. Там Куча - столица бывших тохаров. Известны их манускрипты, но знаете ли, как произносить эти знаки? По аналогиям можно прочесть буквы, но начертание звука пропало. Дальше, там, на склонах гор, Карашар - древнее место. Там долго до сокрытия находилась, по свидетельству китайских источников, чаша Будды, перенесённая в Карашар из Пешавара. А ещё дальше - отроги Небесных гор и полунезависимые калмыки, помнящие свою историю, свои горы, пастбища и священные горы. А ещё дальше - великий Алтай, куда доходил Благословенный Будда.

«Трепещет щит песков. Исчезают текущие смываемые знаки. Расспрашиваем о древностях. Из пустыни уже многое вывезено, но ещё большее скрыто песками, и найти это можно лишь ощупью. И сейчас, после сильного бурана, из недр обнаруживаются новые ступы, храмы и стены неведомых селений. По малым признакам скажете ли, где захоронено самое главное? Сами жители к находкам на словах безучастны.

Н.К. Рерих. Киргизский мазар Санджу. 1925.

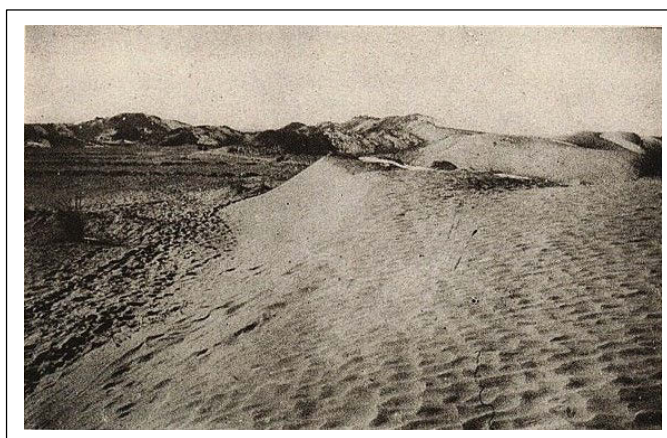
«Вдали маячат стада диких куланов. Далеко зачернел силуэт встречного верхового. Издалека оглядел нас, остановился, слез и расстилает что-то белое. Подъезжаем и видим белую кошму, на ней лежат две дыни, два граната. Это дастархан от неизвестного встречного путника. Неведомая дружеская рука -

гостю. Истинная скатерть- самобранка, белеющая среди неизмеримых песков. Привет от неизвестного - неизвестным.

«Дошли до Санджу. Населённое. Хозяйственное, запылённое место. Лабиринт глинобитных стенок. На детях уже видны лишай, чего в горах не было. Древностей не нашли. Рассказывают, будто приехали два китайских чиновника и увезли всё, что накопилось у жителей из буддийских древностей. Если это верно, то, значит, императорский Китай без знания раздавал свои сокровища, а республиканский Китай начинает понимать значение изучения древних памятников».

Из книги Ю.Н. Периха «По тропам срединной Азии»:

«11 октября. Оставив позади Санджу-базар, мы вышли на обширное плато, и перед нами открылись просторы южной границы Такла-Макана - безбрежной и выжженной солнцем пустыни.

Пустыня Такла-Макан около Хотана. (Илл. из книги Ю.Н. Периха)

На северо-восток вела хорошо протоптанная караванами тропа. Равнина казалась совершенно безжизненной. <...>

Такла-Макан. (Современное фото)

«Весь день мы шли по песчаной и каменистой равнине. Лёгкие туманные силуэты гор на юге возвещали о великой горной стране Куньлуня. На закате подошли к пыльной и грязной деревушке Зангуйе и сразу заметили разницу

между жизнью в оазисе и пустыне. Позади остались опрятные деревушки верхнего Санджу с их нарядными и зажиточными селянами. Здесь же, в Зангуйе, всё было пропитано пылью, а жители напоминали нищих. Нам предложили дастархан, и мы поставили палатки в пыльном фруктовом саду.

«Лошади Омар-хана находились в таком плохом состоянии, что для доставки грузов в Хотан надо было нанимать верблюдов».

12 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Такла-Макан. (Современное фото)

«Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн»

«12 октября. От Санджу до Пиалмы все следовали по той же «шёлковой» дороге. И не потому только «шёлковой», что по ней шли караваны с шёлком, но и сама она «шёлковая» и отливает всеми комбинациями радуги песка. Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн. Ветер несёт жемчужную пыль. И она на ваших глазах ткёт новое кружево по лицу земли. Стоят старинные верстовые башни, большая часть их полуразрушена. Сзади звенят бубенцы. На большом сером коне догоняет нас сын соседнего амбана. Он едет на побывку в Дуньхуан, в отпуск — путь предстоит около 2 месяцев. Он любопытен, но очень необразован. Даёт несколько сведений о Хотане, говорит о древностях Дуньхуана. В Пиалме тоже бывают древности из Такла-Макана.

Переход большой. Шли быстро с семи до четырёх с половиной часов, но говорят, что завтра путь будет ещё длиннее. Стоим во фруктовом саду. Это лучше, чем в Санджу, где верблюды, ослы, лошади, петухи и собаки неумолчно вместе гремели хором всю ночь.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»:

«12 октября. Утро выдалось очень жарким, а впереди - долгий и утомительный переход в Пиалму. Наши предшественники немало писали о трудностях путешествия в древнее царство нефрита. <...>

Мы ехали на протяжении десяти часов, солнце буквально испепелило пыльную дорогу. Поздно вечером караван достиг деревни Пиалма, где и расположился в отведённом для него саду».

13 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«13 октября. От Пиалмы до Зуава около 38 миль. Мы вышли ещё до рассвета под знаком Ориона. Первый раз за весь путь увидели любимое созвездие. Опять пустыня. К 10 часам уже жаркая, рдеющая, опаляющая. Стремя обжигает ногу через сапог. А что же здесь делается летом? Недаром летом идут ночными переходами.

«По правую руку голубеют взгорья Кунь-Луня - они напоминают Санта-Фе. По левую руку розовеют пески Такла-Макана - вспоминаю пустыню Аризоны.

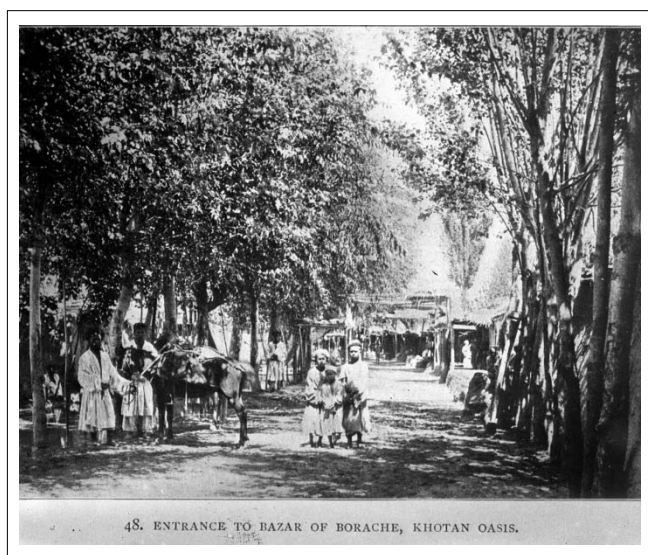
«Сын амбаня поёт китайские намтары - сказания о китайских богатырях, с выкриками, с высчитыванием какого-то непонятного темпа, с финальными каденциями. Трудно ассоциировать это с богатырским эпосом.

«Под шеями коней звенят нити бубенцов. Качаются красные кисти под уздою. Так же гремели здесь великие орды. Три голубя давно летели с нами. Откуда быть им в пустыне? Они - вестники, они довели нас до замечательного места, старого чтимого мазара и мечети. Здесь среди пустыни живут тысячи голубей, охраняемых преданием. Каждый путник бросит им пригоршню маиса. Это благое место очень почитаемо. Странной неожиданностью веет от этих несметных стай голубей. Эта неожиданность - Сан Марко. Эти голуби — путевестники. Они указывают путь пустынным путникам. Рассказывают: «Один китаец убил и съел такого голубя и немедленно умер».

«Кончился день золотою ковыльною степью с барханами в виде курганов. Это начало Хотанского оазиса. Похоже на Южную Украину. Вечером огорчение - погиб Амдонг. Горная лхасская собака не выдержала жара пустыни. Жаль, Амдонг так напоминал финских лаек; он был такой пушистый и проворный. Остался чёрный Тумбал. Свирепый и пугающий население. Чтобы не потерять и этого сторожа, завтра его понесут в паланкине».

14 октября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Такламакан. Оазис. Вход на базар. (Старое фото)

«14 октября. От Зуава до Хотана весь путь идёт оазисом. Непрерывные селения, маленькие базары и сады. Убирают маис и жито. Быки, ослы и лошади делают всякую домашнюю работу. Опять закрытые лица у женщин. У них маленькие боярские шапочки и белая фата, как на византийских миниатюрах. Постепенно, незаметно въезжаем на базары самого Хотана. Мало что осталось от древнего города. Хотан славился нефритом, коврами, пением. От всего этого ничего не осталось. Ковры - модернизированы; поделки из нефрита - грубы; пение осталось лишь в виде несложных мусульманских песен под игру длиннейшей двухструнной «гитары». Осталось производство шёлка, хлопка, маиса и сушёных фруктов. Остались малопривлекательные тесные базары и пыльные закоулки глинобиток.

«Древний Хотан лежал отсюда в 10 милях, там, где теперь деревня Яткан. Как часто бывает, наиболее интересные места застроены мечетями и мазарами. Приток древностей из Яткана почти прекратился.

«Стоим пока в пыльном квадрате сада в центре города. Пытаемся отвоевать загородный дом. Это вовсе не легко, ибо, очевидно, встречаются чьи-то малопонятные нам противоположные интересы.

«Китайские власти вначале приличны. Предоставляют почётные караулы, стражу из солдат и беков. Но осведомляются, долго ли будем жить здесь? Визиты к даотаю, амбаню и военному губернатору. Всюду чай и тарелочки с нехитрыми сладостями. У военного губернатора — карета зелёная с лиловой обшивкой. У даотая - парная карета, причём на каждой лошади по отдельной дуге. Упряжь вся русская.

«Затем завтрак у даотая - продолжается от двух часов до шести, более 40 блюд. Виктрола [*вид фонографа - ред.*] гремит китайские легенды и песни. Конечно, сложный ритм и разнообразие инструментов мало передаётся в трескучих пластинках. Под конец завтрака старый чиновник ямыня напился и плаксиво бормотал что-то, должно быть, смешное.

«Местный купец предлагает: «Вместо найма прислуги купите дюжину барышень на всю жизнь. Цена хорошей барышни - тридцать рупий». Но мы покупать барышень не намерены, хотя выслушиваем всё серьёзно, ибо привыкли ничему не удивляться. Хотя продаже людей позволительно и удивиться.

«Началось! Приставленный к нам Керим-бек оказался негодяем. Амбань, тупо улыбаясь, говорит: «В доме писать картины можно, а вне дома нельзя». Спрашиваем причины; он опять улыбается ещё тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить его заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды глупо улыбается и повторяет своё необоснованное запрещение.

«Самым ярким пятном нашего вступления в Хост был въезд Тумбала на паланкине. Ладахцы внесли «его мохнатое величество» на базар с громкими песнями. Чёрное существо насупилось и сидело очень важно. Толпа хлынула к паланкину, но тотчас понеслась по базару с воплями: «Русский медведь!» Все власти, приезжая к нам, считали долгом осведомиться о страшном звере. А военный губернатор, желая осмотреть наше тибетское животное, для верности даже взял Юрия за руку. Отличные сторожа эти тибетские волкодавы.

ХОТАН (20 октября – 26 января)

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»:

«Наше пребывание в Хотане началось по-деловому: надо было нанести визит губернатору (таотаю), сходить в амбань, или магистрат, и сходить к тунг-лингу - офицеру, командовавшему хотанским гарнизоном. Мы начали визиты рано утром первого дня пребывания в Хотане. Сначала отправились в ямень таотая. Профессор Рерих и я ехали верхом в сопровождении нашего китайского переводчика, а несколько беков, или старшин, с китайскими солдатами прокладывали впереди путь по узким улицам мусульманской части города. При нашем появлении сразу же образовалась толпа, которая следовала за нами до ворот резиденции губернатора. По обеим сторонам массивных входных ворот выстроился отряд пехотинцев. Солдаты в тёмно-серых мундирах с красными погонами отдали честь. Затем они, опережая нас, бросились к следующим воротам и снова отдали честь. Эта церемония была проделана около каждого из трёх ворот яменя. Таотай приветствовал нас во дворе своей резиденции.

«Ма Шао-ву, завоеватель Кашгара и убийца титая, был невысокого роста, с орлиными чертами лица и вежливыми, спокойными манерами. После обычных церемониальных вопросов о здоровье и дороге он предложил нам пройти в просторную комнату для приёма. Мы сели вокруг столика, на котором был сервирован чай, тогда как подчинённые оставались стоять всё время.

«Комната была обставлена странным и нелепым образом в полукитайском, полуевропейском стиле. В углу стояла обычная китайская кровать. В комнате было много оружия, присутствие которого свидетельствовало о воинственных наклонностях губернатора. На стенах висели немецкие маузеры в деревянных кобурах и казацкие сабли. В одном из углов комнаты было выставлено множество наручных часов. Это была уникальная коллекция, собранная губернатором у русских беженцев в то время, когда он командовал гарнизоном в Учтурфане, городе на русско-туркестанской границе.

«За спиной каждого из нас стоял телохранитель губернатора, вооружённый саблей, двумя маузерами и опоясанный тяжёлым патронташем. В дверях теснилась любопытная толпа тюркских аксакалов и помощников таотая. Губернатор произнёс краткое приветствие. Он сказал, что рад оказать честь таким видным иностранцам, как мы. Он выразил надежду, что наше пребывание в Хотане будет длительным, где мы отдохнём после всех трудностей тяжёлого пути через Каракорум. Он обещал всемерно содействовать экспедиции, и, по его словам, сам проявлял большой интерес к прошлому Хотана. Он слышал о замечательной работе, проделанной в этом районе Аурелом Стейном, отсюда его желание - всячески помогать иностранным учёным в их исследованиях. Во время этого краткого обращения, пересыпанного изысканными выражениями, я имел возможность рассмотреть губернатора и припомнить недавние события в его беспокойной жизни».

Октябрь 1925 г. Хотан.

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

«После первой официальной любезной встречи даотай и амбань Хотана заявили нам, что они не признают нашего выданного по приказу пекинского правительства паспорта, не могут нам разрешить двинуться из Хотана, арестовывают оружие, запрещают научные работы, а также писание картин. Оказалось, что даотай и амбань не различают план от картин. Не буду останавливаться на этих неприятных перипетиях, доказавших всё сумасбродство даотая. Скажу лишь, что вместо краткой стоянки нам пришлось пробыть в Хотане четыре месяца,....»

23 октября 1925 г. Бур[хан] Бул[ат]¹

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Чистая атмосфера здесь, можно тихо пожить».

« И об этом месте, откуда Будда решил идти на Алтай, чтобы запечатлеть для будущих поколений Северную Шамбалу, Учитель сказал:

“Лучшего дома не вижу. Указал давно на него. Место замечательное, именно здесь решил Будда идти на Север. Значение его надо заметить, назвав его Бурхан Булат. В молельне должен висеть данный меч. К духу Майтрейи приличествует меч. К вечным исканиям надо приложить острие истины. Дадут перевес весы, где булат лежит. Гора золота [амвонов] склонится перед словом в ножнах булата [истины]. В угаре поругания [заветов Учителей] лишь лезвие булата [истины], как молния, духу куёт крылья”».

24 октября 1925 г. Хотан.

Из книги Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«24 октября. Едем домой от даотая вечером. Воронье кони «почётного эскорта» пугаются и тревожат наших коней. При луне молчаливо стоят вышки с гонгами при конфуцианском храме. За всё время эти гонги молчали.

«Дорога лежит на север. Прямо впереди, низко над горизонтом, ярко стоит Большая Медведица».

Древний Хотан. (Современное фото)

¹ (23 октября 1925 года Рерихи перебрались в пригород Хотана. Учитель назвал это место – Бурхан Булат, что означает «Меч Будды», и было сказано, что в этом месте был Будда) – Ред..

НОЯБРЬ

9 ноября 1925 г. Хотан.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Учитель указывает картины кончить к первому февраля. Не искать, но изображать должен художник. Наши искания – как ступени во льду: если неуверенно насечь ступени, то тропа станет опасной. Лучше можно явить Указ, спеша с картинами. Учитель очень озабочен, столько надо сохранить...»
...(Высокий путь. 1-1117)

10 ноября 1925 г. Мисгар.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Мисгар. 10 ноября 1925 11.37 дня.

Н.Й. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПРИБЫЛИ ХОТАН БЛАГОПОЛУЧНО СЕРДЕЧНО ПРИНЯТЫ КИТАЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ ЛЮБЛЮ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

17 ноября 1925 г. Хотан.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«...Москва оценит размеры Учения. Ещё рано посылать луч на Америку... Надо сосредоточить его на Москве. Дом Чичерина должен быть нашей общеою целью. Дом Чичерина должен принять Наши посылки. Разве не начало праздника, когда лик Майтреи будет внесён в дом Чичерина. Желание обострять надо на дом Чичерина. ...» (Высокий путь. 1-1123)

23 ноября 1925 г. Хотан.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Меня заботит состояние картин. Необходимо улучшить их качество. Нельзя ли посочнее? Необходимо, чтоб не была замечена разница в сторону сухости. Не желей красок. У изображения необходимо мудро показать силу света. М. можно зажечь цветом и звуком. Потому теперь нужно всё внимание отдать картинам. Поручите китайцу все негативы. Нужно получить новый материал. После окончания картин можно собираться в путь. Будет ещё холоднее. Но до 1 декабря нужно выяснять остальные картины. Нужно неслыханно спешить и в прочих вещах, что сулено, то найдено. ...» (Высокий путь. 1-1128)

28 ноября 1925 г. Хотан.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

- Когда трогаться из Хотана?
- Когда кончите картины.

30 ноября 1925 г. Хотан.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

К письму переведённому добавьте письмо м[осковским] коммунистам:

«На Гималаях Мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию Общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным. Также признаем своевременность вашего движения и посылаем вам всю Нашу помощь, утверждая единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в 28-31-36 годах.

Привет Вам, ищущим Общего Блага!

Дано в Бурхан Булате».

Это письмо, написанное рукою Ур[усвати], передай Ч[ичерину]. Лучше на тибетском.

Публикуется по изданию: «Высокий путь». Ч. 1. М. «Сфера». 2002.

Ноябрь 1925 г. Хотан.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Наши верные ладакцы собирались идти с нами в самые далёкие края. В Хотане они скоро как-то приуныли. Ходили по базарам, жаловались, что их хватают за косы, плакались на китайские власти. Уверяли, что китайский даотай будет их бить. Говорили, что даотай сам человека убил. Наконец, вся сермяжная ватага ладакцев пришла, улыбалась, топталась, теснилась, повторяла, какие мы добрые юм-кушо (госпожа), яб-кушо (большой господин), и, наконец, слёзно просили отпустить их. Намекали, что, если бы немедленно идти дальше, они останутся, но в Хотане жить невозможно. Очень трогательно ушли, спеша через снежные перевалы. К началу ноября они уже были задержаны на Санджу, где путь стал непроходим. Мы оценили тогда совет идти как можно раньше, ибо именно после нашего прохода началась сплошная вьюга и сильнейший мороз.

«Намёки ладакцев на невозможность жить в Хотане мы не приняли к сведению, но скоро начали приходить к убеждению, что наши простые друзья, храбро шедшие через все скелеты Каракорума, загрузили в Хотане не зря.

«Начались самые странные симптомы. Нам не только не хотели дать подходящий дом, но уверяли, что мы должны поместиться на базаре, где даотаю удобнее следить за нами. Когда мы сами устремились к подходящему дому за городом, то нашлась масса препятствий, которые мы должны были неустрашимо лично преодолеть. Наш доброжелатель Худай Берди-бай и афганский аксакал много помогли в получении дома, но амбань разрешил сделать условие лишь на месяц. Дал этим понять, что жильцы мы нежелательные, но и

уехать не разрешил. Разрешение писать этюды не дано. Приставлен отвратительный бек. Наконец приехал новый амбань, и дело пошло ещё сложнее.

«У даотая заболел ребенок. Просили Е.И. приехать и помочь. Лечение оказалось удачным, и все три правителя приехали якобы благодарить, но вели себя возмутительно. Хохотали, махали руками, плевались, заявили, что наш паспорт вообще не действителен. Предложили за выдачу такого паспорта ругать г. Чен Ло (китайского посланника в Париже). Всё приняло поистине безобразный характер. Но это были цветки - ягоды показались на следующий день. Приехал амбань и заявил, что получена телеграмма из Урумчи от губернатора области с требованием выслать нашу экспедицию и непременно через Санджу, то есть через закрытый зимой снежный перевал.

«Конечно, мы уже привыкли к двоедушию властей Хотана и не сомневались, что никакой телеграммы нет и вся история подложна. Впрочем, прибавил грозный амбань, если лично попросить г. даотая, то, может быть, он смилостивится. Надо сказать, что власти не пропустили ни одну нашу телеграмму, и мы должны были изыскать возможность окольными путями послать телеграммы в Нью-Йорк, Пекин и Париж через консульство в Кашгаре. Кроме того амбань указал, что власти имеют право вообще отобрать все мои художественные принадлежности.

«На следующий день даотай сменил гнев на милость и по причине излечения его сына Е.И. сообщил, что высылать в Санджу нас не будет. Но милость за излечение сына скоро испарилась, и власти начали угрожать нам обыском».

Конец ноября 1925 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«Ходят странники, приносят новые вести. В Урге будет отведено место под храм Шамбалы. «Когда изображение Ригден-Джапо достигнет Урги, тогда вспыхнет первый свет нового века – истины. Тогда начнётся истинная свобода Монголии».

Задумана картина «Приказ Ригден-Джапо».

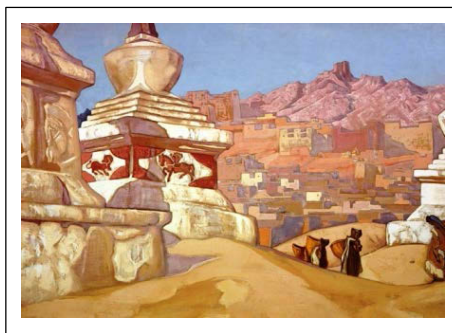
Н.К. Рерих. Приказ Ригден-Джапо. 1926.

В Куче на базарах недавно два пришлых ламы раздавали изображения и молитву Шамбалы. Здесь же приютились ячейки возрождающегося буддизма. Знаменитый субурган около Хотана должен быть местом одного из проявлений нового века. Хотан - путь Будды. Бурхан-Булат - подле Хотана. Заложены магниты путей. "Так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о новом веке".

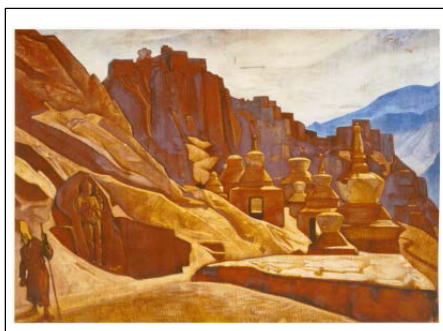
Серия "Майтрейя" сложилась из семи частей:

1) "Шамбала идёт";

2) "Конь счастья";

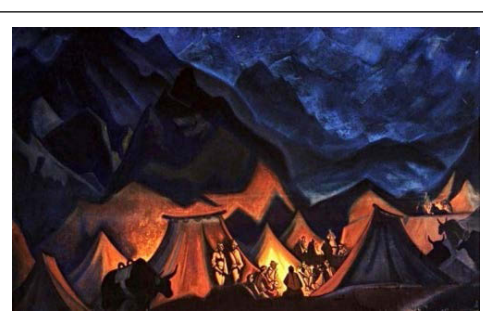
3) "Твердыни стен";

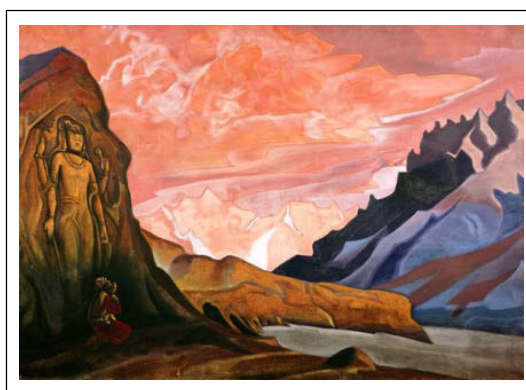
4) "Знамя грядущего";

5) "Мощь пещер";

6) "Шёпоты пустыни";

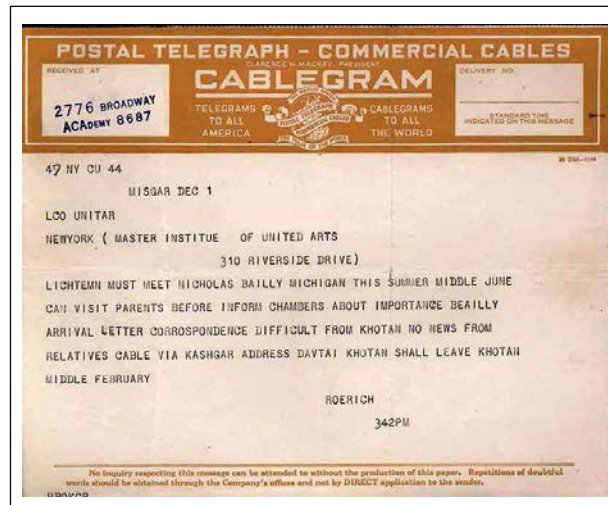
7) "Майтрейя Победитель".

ДЕКАБРЬ

1 декабря 1925 г. Mizgar

Телеграмма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке

Мизгар. Дек.1

Нью-Йорк (Мастер Институт Объединённых Искусств. | 310 Риверсайд Драйв)

ЛИХТМАН ДОЛЖЕН ВСТРЕТИТЬ НИКОЛАСА БЕЛОГО МИЧИГАНЕ/ ЭТИМ ЛЕТОМ СЕРЕДИНЕ ИЮНЯ МОЖНО ПОСЕТИТЬ РОДИТЕЛЕЙ/ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО СООБЩИТЕ ЧАМБЕРСУ О ЗНАЧЕНИИ ПРИЕЗДА БЕЛОГО ПИСЬМОМ/ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ХОТАНА ЗАТРУДНЕНА/ НИКАКИХ НОВОСТЕЙ ОТ РОДСТВЕННИКОВ/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЧЕРЕЗ КАШГАР АДРЕС ДАОТАЯ ХОТАНА/ УХОДИМ ИЗ ХОТАНА СЕРЕДИНЕ ФЕВРАЛЯ
РЕРИХ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

6 декабря 1925 г., Хотан, Синьцзян.

Н.К.Рерих – посланнику Китайской Республики в Париже

«Китайское посольство, Его Превосходительству китайскому посланнику, улица де Бабилон, Париж.

С сожалением уведомляю, что паспорт, выданный Вашим Превосходительством проф. Рериху, не признаётся местными китайскими властями Хотана, которые отказываются считаться с ним и запрещают производство работ экспедиции. Пожалуйста, по телеграфу генерал-губернатора Китайского Туркестана и Пекин немедленно телеграфом отдать соответствующие распоряжения хотанским властям. Ввиду того, что экспедиция финансируется американскими научными учреждениями, я одновременно уведомляю об этом Вашингтон.

Рерих

Отправитель: проф. Рерих, Хотан, Синьцзян, Китай»

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925-1926 годах. (По материалам АВП РФ) (перевод с англ. секретаря Генконсульства СССР в Кашгаре Киселёва)

**Декабрь 1925 г. Хотан. Синьцзян.
Телеграмма Н.К. Рериха китайскому посланнику в Нью-Йорке**

«Пожалуйста, попросите Государственный Департамент в Вашингтоне телеграфировать американскому посланнику в Пекине, что местные власти Хотана запретили производство художественных работ экспедиции. Они говорят, что не имеют никаких распоряжений из Пекина относительно [нашей] экспедиции. Паспорт, выданный по распоряжению Пекинского Министерства по иностранным делам китайским посланником в Париже, не рассматривается [ими] достаточным. Пожалуйста, попросите американского посланника [в Пекине] принять немедленные меры. Телеграфное сообщение возможно только через Британское Консульство в Кашгаре.

Рерих

Отправитель: проф. Рерих, Хотан, Синьцзян, Китай»

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ) (перевод с англ. секретаря Генконсульства СССР в Кашгаре Киселева)

**6 декабря 1925 г., Хотан
Письмо Н.К. Рериха к генконсулу СССР в Кашгаре [М.Ф.Думпису]**

«Уважаемый г-н консул,

Из прилагаемых телеграмм Вы уже могли увидеть, что наша экспедиция, о которой Вы могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. Экспедиция организована американскими художественными учреждениями с целью зафиксирования художественных сокровищ Азии, а между тем власти Хотана воспретили мне писать этюды.

Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить [об этом] здесь и далее курсив и уточнения в прямых скобках – автора текста. со-ответственно и властям Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы по назначению через Москву. Буду рад получить от Вас извещение и немедленно возместить стоимость телеграмм. Недавно Америка дружелюбно устраивала выставку [работ] художников СССР, и я знаю, что всякое культурное начинание, как и наша экспедиция, вызовет Ваше дружеское участие. Такая защита международных культурных интересов дает мне возможность выразить Вам благодарность от лица американских учреждений.

С искренним приветом

Н.Рерих

P.S. Не доверяю качеству [работы] здешней почты, так как письма, видимо, пропадают.

Адрес: Николай Константинович Рерих, Хотан» [2, л. 41].

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ)

6 декабря 1925 г. Кашгар.

Генконсул СССР в Кашгаре М.Ф. Думпис – Уполномоченному НКВД в Узбекистане Знаменскому и Зав. Отделом Среднего Востока НКВД В.М. Цукерману

«Посылая при сем две телеграммы профессора-художника Н.Рериха, прошу таковые сдать или на телеграф либо на радио, а квитанции выслать мне. Деньги за передачу [телеграмм] я вышлю Вам по получении квитанций.

Кроме того, посылаю Вам копию письма Н.Рериха, адресованного мне, и переводы указанных выше [двух] телеграмм» [2, л. 40].

Особенно интересным документом в этой переписке представляется **сообщение Генконсула в Кашгаре М.Ф. Думписа Зав. Отделом Среднего Востока НКВД**

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьёй в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ)

14 декабря 1925. Mizgar

Телеграмма Н.К. Рериха

Мизгар. дек. 14/25 / Н.-Й.

(Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОЖАЛУЙСТА ПОПРОСИТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ВАШИНГТОНА ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ АМЕРИКАНСКОМУ МИНИСТРУ ПЕКИНЕ ЧТО КИТАЙСКИЕ МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ ХОТАНА ЗАПРЕЩАЮТ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТРУД ЭКСПЕДИЦИИ / ГОВОРЯТ ОНИ НЕ ИМЕЮТ НИКАКИХ ПРИКАЗОВ ИЗ ПЕКИНА ОТНОСИТЕЛЬНО ЭКСПЕДИЦИИ/ ПАСПОРТ ВЫДАННЫЙ МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПЕКИНА ЧЕРЕЗ КИТАЙСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ НЕ СЧИТАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ/ ПОЖАЛУЙСТА ПОПРОСИТЕ АМЕРИКАНСКОГО МИНИСТРА ПРЕДПРИНЯТЬ НЕМЕДЛЕННЫЕ ШАГИ/ ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО ТЕЛЕГРАФНАЯ СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ БРИТАНСКОГО КОНСУЛА В КАШГАРЕ = РЕРИХ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

17 декабря 1925 г.

Из речи, произнесённой Ф. Грант на собрании в годовую день Музея РЕРИХА 17 Нояб. 1926 г.:

«15 Декабря 1925 года исполнилось тридцатипятилетие творческой работы Рериха. В течение этого периода, прямой восходящий путь – начиная с первой выставки, – дал полную жатву неповторяемого творческого посева. Музей содержит произведения многих периодов Рериха».

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

29 декабря 1925 г. Хотан.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»:

«29 декабря 1925 года к нам нагрянули с обыском новый судья и несколько младших офицеров, представителей таотая не было. Нам было сказано, что в экспедиции имеется огромное количество боеприпасов и что-то вроде "стреляющего колеса", с помощью которого можно уничтожить весь хотанский гарнизон и всё население Хотана менее чем за десять минут. Квадратные

ящики с консервами от агентства Кокбурн в Кашмире вызвали подозрение в том, что мы везём огромное количество боеприпасов. В итоге всё наше вооружение, состоявшее из двух винтовок, одного двуствольного ружья, трёх револьверов и одного ящика боеприпасов, было опечатано и увезено. Профессор Рерих в своей книге "Алтай - Гималаи" подробно описал этот нелепый бесплодный обыск.

«Мы решили сразу же покинуть Хотан, чтобы отправиться в Кашгар и послать оттуда телеграмму генерал-губернатору. Мы также намеревались вернуть оружие, без которого нечего было и пытаться пройти через районы Центрального Китая, кишасшие грабителями. Власти дали своё молчаливое согласие, и мы наняли караван верблюдов, чтобы отвезти багаж в Кашгар. Снова двор нашего дома заполнился людьми и стоящими на коленях верблюдами. Картина предстоящего отъезда радовала сердца путешественников».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«29 декабря и был произведён обыск. Наше оружие - три ружья и три револьвера - было опечатано и увезено. Сказали, что в Кашгаре мы можем его получить. Свидетельства на право ношения оружия от британских властей не были приняты во внимание. Когда внесли огромный ящик для укладки оружия, то даже китайцы попятнулись, шепча: "Гроб". Е.И. прибавила: "Это гроб для подобных властей". Казалось бы, вся изобретательность притеснения была уже изощрена, но невежество подсказало ещё одну "игру". Сообщили нам, что наши американские бумаги властей не интересуют, и потребовали русский довоенный паспорт. При этом мудрые власти республиканского Китая потребовали не что иное, как старый императорский паспорт. Совершенно случайно при нас оказался старый паспорт и патент на шведского командора. "Зубры" скопировали и то и другое и будто бы куда-то послали.

Требование царского паспорта через девять лет после русской революции показало нам, что власти Хотана не только недобропорядочны, но и безмерно невежественны, и оставаться здесь было бы уже опасно. Мечтаем немедленно ехать на Кашгар и Урумчи, чтобы найти более разумную власть».

Конец декабря, 1925 г. Хотан.

Письмо Н.К.Рериха к посланнику Китайской Республики в Париже.

«Китайское посольство, Его Превосходительству китайскому посланнику, улица де Бабилон, Париж.

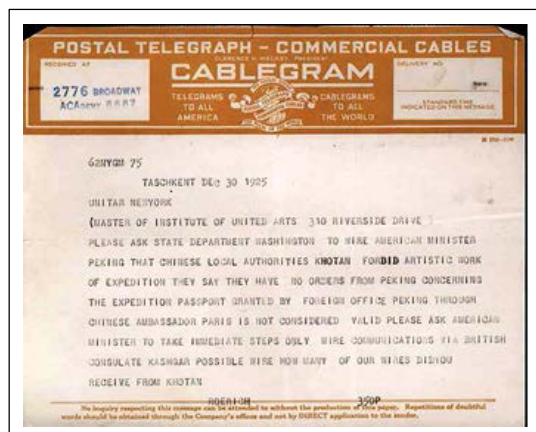
С сожалением уведомляю, что паспорт, выданный Вашим Превосходительством проф. Рериху, не признаётся местными китайскими властями Хотана, которые отказываются считаться с ним и запрещают производство работ экспедиции. Пожалуйста, попросите по телеграфу генерал-губернатора Китайского Туркестана и Пекин немедленно телеграфом отдать соответствующие распоряжения хотанским властям. Ввиду того, что экспедиция финансируется американскими научными учреждениями, я одновременно уведомляю об этом Вашингтон.

Рерих

Отправитель: проф. Рерих, Хотан, Синьцзян, Китай»

Публикуется по: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925-1926 годах. (По материалам АВП РФ) А.Н. Хохлов. (перевод с английского секретаря Генконсульства СССР в Кашгаре Киселёва)

30 декабря 1925. Ташкент
Телеграмма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке.

Ташкент. 30 дек. 1925
Нью-Йорк.
(Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОЖАЛУЙСТА ПОПРОСИТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ВАШИНГТОНА ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ АМЕРИКАНСКОМУ МИНИСТРУ ПЕКИНЕ ЧТО КИТАЙСКИЕ МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ ХОТЯ ЗАПРЕЩАЮТ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТРУД ЭКСПЕДИЦИИ ГОВОРЯТ ОНИ НЕ ИМЕЮТ НИКАКИХ ПРИКАЗОВ ИЗ ПЕКИНА ОТНОСИТЕЛЬНО ЭКСПЕДИЦИИ/ ПАСПОРТ ВЫДАННЫЙ МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПЕКИНА ЧЕРЕЗ КИТАЙСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ НЕ СЧИТАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ/ ПОЖАЛУЙСТА ПОПРОСИТЕ АМЕРИКАНСКОГО МИНИСТРА ПРЕДПРИНЯТЬ НЕМЕДЛЕННЫЕ ШАГИ ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО ТЕЛЕГРАФНАЯ СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ БРИТАНСКОГО КОНСУЛА В КАШГАРЕ/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СКОЛЬКО НАШИХ ТЕЛЕГРАММ ВЫ ПОЛУЧИЛИ ИЗ ХОТАНА

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

30 декабря 1925 г. Нью-Йорк.
Телеграмма сотрудников к Рериху Н.К.

ДЕК. 30
ОЧЕНЬ ТРУДНО СООБЩИТЬ ДРУГУ, УПОМЯНУТОМУ ВАМИ, СОВЕТ ОСТАНОВИТЬ АМЕРИКАНСКОГО МИНИСТРА, ДЕЙСТВУЮЩЕГО НАСЧЁТ ВИЗЫ. ПОЛУЧИЛ ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ ХОТАНА СВЕТИК ОСТАЁТСЯ. ЛЮБЛЮ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (Перевод с англ. яз.)

Конец декабря 1925 г. Хотан.
Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать. Верблюды готовы. Старик китаец шепчет: "Велите конвойным солдатам, если у них винтовки, ехать впереди, а не сзади - китайцы в спину стреляют".

Готово знамя экспедиции. Его повезут впереди. Сун сшил его, красное с жёлтым и надпись чёрная: "Ло, американский художественный офицер"».

ЯНВАРЬ

Из воспоминаний И.Э. Грабаря:

«Зимой 1925/26 года меня вызвал из Наркоминдела к телефону Г.В. Чичерин и спросил, не знаю ли я, где может находиться в данное время художник Рерих. Я сказал, что, по моим сведениям, он в 1924 году уехал к Рабиндранату Тагору в Индию, откуда собирался пробраться в Тибет; вернее всего, что он все еще где-нибудь там, ибо едва ли успел за это время вернуться в Нью-Йорк.

- Какого-то художника Рериха с женой и сыном задержали недавно в Монголии; может быть, это тот самый?

- Несомненно, это он.

- А как вы думаете, желательно его возвращение к нам?

- Возвращение Рериха, художника столь значительного и столь известного, можно только приветствовать.

Прошло несколько месяцев. Вернувшись из какой-то командировки, я узнал, что ко мне неоднократно звонил Рерих, приехавший в Москву и остановившийся в Гранд-отеле. На следующий день я столкнулся с ним у входа в отель, и он повёл меня к себе. Большой номер был весь завален огромными чемоданами, упакованными в отъезд.

- Завтра уезжаем. - Куда?

- В Абиссинию.

- Зачем?

- Там есть такое замечательное озеро, что из-за него одного стоит туда ехать.

И Рерих назвал мне мудрёное наименование озера. Он действительно на другой день уехал с семьёй, но говорили, будто не в Абиссинию, а снова в Монголию. Проверить я этого не мог, но если это так, то непонятно, для чего было уверять меня, что он едет в Абиссинию.

В тот же день я виделся с А.В. Луначарским, спросившим меня, был ли у меня Рерих. Я сказал, что был у него в номере и очень удивился, узнав, что он завтра вновь уезжает.

- Ах, какой занятный человек, - сказал Анатолий Васильевич с усмешкой - уверяет, что он коммунист, но на мистической основе. И с какими референциями он к нам приехал.

Рерих предложил в дар советским музеям целую сюиту своих монгольских картин, но их отклонили.

Лица, видевшие Рериха в Урге, передавали мне, что, по его словам, он ездил в Тибет и Монголию только для того, чтобы отыскать там ту фантастическую пещеру, в которую, по распространенному на Востоке поверью народов, переселяются после смерти все величайшие мудрецы мира. Там пребывают Сократ, Платон, Конфуций, Шакьямуни, Христос, там же обитают Маркс и Ленин. Меня клятвенно уверяли, будто несколько лет тому назад Рерих выпустил книгу, в которой он описывает эту найденную им во второе путешествие пещеру и всё в ней виденное. Я этому не верю и не поверю до тех пор, пока сам не увижу и не прочту книгу».

И. Э. Грабарь. Моя жизнь: Автобиография. М.- Л.: Искусство, 1937.

1 января 1926. Хотан.

Из книги Ю.Н. Рерих «По тропам срединной Азии»:

«1 января всё было готово к отправлению, как вдруг явился представитель таотая и холодно сообщил: "Таотай приказывает вам ехать в Дунь-Хуан в Кансу, а не в Кашгар". Мы пытались возражать, сказав, что у нас отобрали оружие, что в кашгарском почтовом отделении нас ждут денежные переводы, и мы ждём ответа на посланные телеграммы. Однако все наши доводы были оставлены без малейшего внимания, и чиновник тупо повторял одно и то же: "Ма тадженъ передумал и приказывает вашей экспедиции идти через пустыню к Дунь-Хуану". Потом он всё-таки сказал, что нам следует поехать к таотаю и переговорить с ним лично. Так мы и сделали. Состоялся долгий и скучный разговор, во время которого мы настоятельно пытались получить письменное объяснение действий таотая. Мы сидели перед таотаем за маленьким столиком и видели солдат, стоявших позади него. Они строили гримасы и указывали пальцами на голову своего повелителя.

Таотай оставался непреклонным в своём решении задержать нас в Хотане. Трудно сказать, что заставило его изменить своё отношение к нам. Одни говорили, что им овладевал дух убитого кашгарского титая, и тогда он терял контроль над собой; другие повторяли рассказ о том, как кто-то однажды усомнился в умственных способностях таотая. Так или иначе, но было ясно, что положение наше очень серьёзное и надо найти какое-то решение.

Вернувшись домой, мы отправили письмо консулу в Кашгар, в котором информировали о создавшемся положении и просили его связаться с генерал-губернатором Урумчи. Теперь нас часто посещал г-н Чанг из магистрата Хотана. Каждый день он доставлял какую-нибудь поразительную телеграмму с приказом о нашем немедленном аресте и высылке. Так случилось, что каждый раз, когда он приезжал, мы предъявляли ему то письмо от майора Гиллана, то телеграмму из Америки. Друзья делали всё возможное, чтобы помочь нам выехать из Хотана».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Ламы часто повторяют слова Будды: "Лампада, перед тем чтобы погаснуть, начинает чадить".

«Вместо возможности тихо уехать из-под десницы даотая - новые оскорбления и бессмысленные неприятности. Вещи уже уложены. Верблюды готовы. Мы чувствуем радость покинуть опасный Хотан. Но первого января рано утром приезжает вестник даотая и конфузливо заявляет: "Господин даотай назначает вам ехать на Дуньхуан, а не на Кашгар". Мы говорим: "У нас отобрано всё оружие, ехать пустыней без оружия нельзя. Не только ни одна экспедиция, но каждый купец, идущий через пустыню, имеет при себе оружие. Кроме того, нам присланы деньги на Кашгар. Кроме того, наши сотрудники американцы едут на Урумчи. И в-четвёртых, сам даотай только что согласился на наш выезд на Кашгар".

Посланный улыбается: "Всё это верно, но господин даотай прислал меня сказать, чтобы вы ехали через пески на Дуньхуан".

"Но ведь туда трудно ехать! Но ведь сам даотай сказал, что в провинции Ганьсу - разбойники!"

"Совершенно верно, но господин даотай изменил своё решение и указывает вам путь через пустыню в Дуньхуан".

"Значит, мы не можем осмотреть ни Яркенда, ни Кашгара, ни Аксу, ни Кучи? Ведь все эти распоряжения китайских властей наносят оскорбление Соединенным Штатам!"

"Поговорите сами с г. даотаем. Сегодня Новый год, и, если хорошенько попросите г. даотая, может быть, он опять изменит распоряжение".

"Но мы не просить желаем, но хотим справедливости".

Вестник только улыбается и опять предлагает ехать сегодня к даотаю.

«Тут же нам шепчут колоритную подробность. Ящик для нашего оружия, неисповедимо сделанный огромных размеров в виде гроба, несли на палках четверо. Эта процессия ввалилась во двор даотая во время его праздничного завтрака. Китайцы опять зашептали: "Гроб", а сам даотай побледнел и велел нести ящик скорее вон со двора в ямынь амбана. Знает, что творит пакости, за которые придется ответить.

«Едем к даотаю. Как полагается для действий трагического Гранд Гиньоль - драма смешивается с балаганом. По пути встречаем шествие с бумажными драконами, ладьями, рыбами и всякой мишурой, идущее поздравлять нас с Новым годом.

«Сидение у даотая превысило всякие меры терпения. Мы говорили ему о необходимости разменять американские чеки в Кашгаре. Говорили о необходимости лечить зубы. Говорили о спешной необходимости сообщить с Нью-Йорком. Говорили, что своим поведением он оскорбляет достоинство Америки. Говорили о всех причинах и доводах. Но даотай ответил, что мы должны идти или через перевал Санджу обратно в Индию (что явно нелепо, ибо перевал до июня закрыт льдом), или можем пойти пустыней на Ганьсу (безоружными, через разбойников, о которых он сам предупредил нас), или мы будем задержаны в Хотане. Я указал, что насильственное задержание есть арест, к чему мы не подали никаких оснований. Даотай твердил своё, повторяя, что наш паспорт, выданный по приказу пекинского правительства, негоден. Неужели г. Чен Ло, представитель Китая в Лиге Наций, не знает, как выдавать паспорта? Но даотай ни о какой Лиге Наций вообще не слыхал. Я указал, что ввиду таких оскорбительных отношений я желаю вообще уехать из Китая. Даотай своё. Люди даотая хохотали за его спиной и показывали на его голову.

«Препирались нескончаемо. Невозможно было проследить сложный излом невежественности и безумия. Даотай старался уничтожить нашу симпатию к Китаю. Вспомнился один наш знакомый, прогрессивный китаец в Америке.

«Слушая мою защиту Китая, он как-то поник и грустно спросил: "А вы сами были уже в Китае?". Я ответил: "Собираюсь ехать". Он добавил: "Поговорим после вашего возвращения".

Вот мы вернулись в дом арестованными. Сидим на уже уложенных сундуках и кончаем день Нового года писанием обращения к консулам Кашгара:

"Экспедиция Рериха, накануне отправления в Кашгар, была арестована китайскими властями Хотана, без всякого повода со стороны экспедиции. Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов, настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в городе Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае если разрешение кашгарского дао-

тая недостаточно, просим телеграфировать за наш счёт генерал-губернатору области Урумчи. Три причины заставляют нас неотложно спешить, а именно:

- 1) необходимость сообщить с нашими представителями из Америки;
- 2) необходимость видеть врача шведской миссии;
- 3) необходимость получения денег в Кашгаре.

«И вот так будем сидеть ждать. Письма наши могут прийти лишь через девять дней, если вообще дойдут. Нам уже вернули пять наших очень нужных и неотправленных телеграмм. Всё становится действительно опасным, ибо власти всячески препятствуют нашим сношениям с Америкой. Оружие наше отобрано. Чего ещё хотят лишиться нас?

«Прислали расписку в отобрании нашего оружия. Начинается она так: "Даю сию бумагу в том, что против мне явился русский человек Хулизу, другой имя Лолючу и т.д." Оказывается, Хулизу значит Рерих и Лолючу тоже значит Рерих. Кто может разобраться в этой дьявольской бессмыслице!

Знаменательно, что Америка опять совершенно игнорируется в этом манускрипте. Вообще, кажется, даотай более Колумба сомневается в существовании какой-то неведомой ему Америки, которую зовут Мей-гуо.

«Е.И. очень удручена. Она ехала сюда с таким открытым сердцем. Говорит: "Что-то делать с человечеством? Ведь это не люди!". Юрий очень подавлен. "Ведь тот Китай, который нам в музеях и на лекциях показывают, не имеет ничего общего с происходящим". Наш китаец совсем осунулся и молит более ни о чём не говорить, ибо могут убить нас. "Ведь это воры, разбойники и собаки". Лама шепчет: "Китайцы иначе и не поступают". Всё это становится опасным. <...>

«Е.И. вспомнила, что на днях было тридцатипятилетие моей художественной работы».

2 января 1926 г. Хотан.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Пришёл купец, справляется о возможностях торговых сношений с Америкой. Но какие же тут сношения, если Хотан так враждебно встречает именно приезжих из Америки. Ни въехать, ни выехать. Вот так торговые сношения!

Чем враждебнее относятся к нам власти, тем сочувственнее стремится к нам народ. Предлагают вернее отправить наши обращения к консулам.

«Люди наши искренно возмущены, особенно за отнятие оружия. Говорят: "Никогда они оружие не отдадут". Три китайца советуют ехать по русским дорогам. Высказывается предложение, что власти, по обычаю, хотят вымогать крупную взятку. Наш случай толкуется всячески на базаре. Сегодня бек поехал сопровождать Юрия даже на верховую поездку. Значит, надзор за нами ещё усилен.

«Записываю подробности, ибо всё это для кого-то очень пригодится. Действительно поучительно! У нас паспорт от пекинского правительства, особое рекомендательное письмо от китайского посланника в Париже, прекрасное письмо от консула Соединенных Штатов в Калькутте, письмо от Виктория Альберт Музея в Лондоне, письмо от Археологического общества в Вашингтоне, письма от шести учреждений в Соединённых Штатах. С нами китаец, бывший офицер и дипломат. С нами книги, изданные о моих картинах. С нами паспорта - английский, французский, русский. И со всем этим комплектом всё-

таки вы рискуете попасть в произвол опасных самодуров. Ведь всё это очень поучительно.

«Сейчас принесли новое "достоверное" базарное сообщение. Видите ли, у нас при обыске найдено много скорострельных пушек. Завтра сочинят, что мои картины - это крылья аэропланов. Говорят о великом иностранце, идущем из Тибета на ста конях. На поверку выходит, что всё это о нас же».

3 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Говорят на базаре о борьбе десяти китайских генералов. Говорят о смерти Чжан Цзо-лина. Говорят о русских, привезших четыреста ящиков оружия. На поверку выходит, что и этот слух про нас же. Сегодня ушли письма к консулам. Люди боятся идти по пустыне без оружия. Невозможно предвидеть, во что выльется всё происходящее.

«Отправляясь в Азию, не берите с собой много съестных припасов. Всё имеется в достаточном количестве. Кашмирские агентства ничего не знают. Заставили нас везти с собою муку и рис. Пугали, что нет сахара. Заставили взять пищу для лошадей. Между тем всё имеется, а для десяти дней пустыни через Каракорум не нужно много запасов. Только караван бессмысленно удлиняется!»

4 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Воскресное базарное сообщение: калмыки гадали на базаре о нашем успехе, и гадание вышло удачным, как никогда раньше. О чём и прибежали сообщить нам. Сам даотай со своими дурацкими обысками способствует распространению нелепых слухов. Мы-то как-нибудь выедем, а он сам задохнётся в своём саду безумия. Решаю снестись с Америкой и отказаться от плана следования по Китаю. У меня слишком много причин для этого. Я взялся картины писать, но не брался вести бессмысленные препирательства с безумцами. Можно перейти самые высокие горы, можно найти общий язык с самыми первобытными племенами, но дикари во фраках с какими-то звёздами и со многими жёнами - совершенно неприемлемы и ни в какую эволюцию не входят.

«Пришли просить помочь женщине в трудных родах. Мы, конечно бесильны. Но китаец знает "верное средство". "Это чёрт сидит под кроватью и мешает женщине родить. Надо выстрелить из ружья под кровать и чёрт убежит, а женщина сейчас же родит". Китаец знает и другое важное соображение; он говорит с очень важным видом: "Тибетцы дураки; они думают, что на небе один дракон. Это глупо; на небе дракон и птица. Один дракон дождь не сделает". Китаец также знает, что существует область, где живут только женщины, и у них рождаются только девочки. Очень не любит "воскресающие трупы".

«Формулируем обвинения даотая для генерал-губернатора так: "Обвиняем Ма Да-женя, даотая Хотана, в следующем:

1. В глубоко оскорбительном отношении к достоинству Соединённых Штатов Америки и к культурным целям нашей экспедиции;
2. В оскорбительном отказе принять во внимание письмо от генерального консула Соединённых Штатов Америки в Индии;

3. В оскорбительном запрещении свободной художественной работы в Хотане под угрозой конфискации всех художественных материалов, принадлежащих экспедиции;

4. В оскорбительном отказе принять во внимание все письма и удостоверения от американских учреждений, организовавших экспедицию;

5. В оскорбительном отношении к нашему личному достоинству;

6. В оскорбительном отказе признать действительным наш китайский паспорт, выданный по приказу пекинского правительства через г. Чен Ло, китайского посланника в Париже;

7. В отказе принять во внимание письмо, данное г. Чен Ло ко всем губернаторам Туркестана;

8. В насильственном задержании экспедиции в Хотане, что нарушило срочные планы экспедиции;

9. В оскорбительном отнятии всего нашего оружия (2 винтовки, 1 охотничье ружье и 3 револьвера), что лишило экспедицию всех средств защиты, хотя каждый путник, переходя пустыню, имеет при себе оружие;

10. В оскорбительной и бесчеловечной угрозе выслать экспедицию из пределов Китая через закрытый снегами перевал Санджу;

11. В оскорбительном отказе принять во внимание присутствие в экспедиции пожилой дамы;

12. В оскорбительном и бесчеловечном намерении послать экспедицию в пустыню в направлении Дуньхуана без оружия, без денег и часть членов экспедиции с больными зубами;

13. В оскорбительном и глумливом ежедневном изменении своих собственных распоряжений;

14. В оскорбительном и бесчеловечном отказе иметь личную консультацию с врачом шведской миссии в Кашгаре;

15. В оскорбительном отказе устроить наши денежные дела лично в Кашгаре;

16. В оскорбительном требовании от нас недействительного царского паспорта через девять лет после революции;

17. В оскорбительном отказе разрешить нам сношаться с американскими учреждениями из Кашгара.

«Если бы Ма Да-жень, даотай Хотана, хотел следовать указаниям генерал-губернатора в Урумчи, он стремился бы направить экспедицию именно туда. Но его повторный отказ в следовании нашем именно в Урумчи и Кашгар показывает его преступные намерения. Вышесказанные обвинения заставляют нас требовать полного и немедленного удовлетворения».

«Также нужно отметить, что во всех переговорах мы указывали властям, что подобные их действия отражаются на китайских студентах и на китайских кварталах, так многочисленных в Америке и повсюду. Но было ясно, что судьба соотечественников совершенно не интересует преступную власть.

«Наш лама передаёт, что известный ему лама, при попытке отправиться в паломничество в Тибет, был арестован китайскими властями. Лама дал взятку местному полковнику в размере 1000 лан, коня и два сукна, и тот ночью пропустил его. Лама шёл девять суток ночными переходами, а днём скрывался в песках.

5 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Ведантисты называют буддистов "настика", то есть безбожниками. Между тем и веданта не знает личного бога, а знает принцип. Формула посвящения буддиста: "Прибегаю к Будде, прибегаю к учению, прибегаю к общине". Разве эта формула не ведёт к бесконечному познанию? Будда - человек, великий учитель жизни, почитающий знание и зовущий бесстрашно идти путём общего блага. Вся современная эволюция была завещана Буддой - этим львом бесстрашия и подвига.

«Дошла случайная газета из Индии. Боше открыл у растений мускулы. Конечно, если есть нервы, то как же не быть мускулам. Боше являет именно ту страницу, которая нужна для грядущей эволюции».

6 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Ещё "прекрасная" деталь Хотана. Месяц тому назад пришла наниматься женская прислуга. Странная мусульманка: сейчас же откинула покрывало и как-то нагло улыбалась, предлагая себя. Щёки нарумянены. Брови в палец толщиной - в одну линию. Почувствовалось что-то подосланное, грязное. Отказались. Ушла. Сегодня старик китаец жалуется на слух, распускаемый амбанем, что он делал гнусные предложения прачке. Старик опять негодует. Сразу вспомнилась та, нарумяненная. Путники, будьте осторожны! Старик негодует: "У самого амбана винная лавка в Яркенде. Если бы нам прислали солдат от консула!". Если уже китаец мечтает о консульских солдатах, то можно пред- ставить настроение его.

«Особенности пятого Будды: Север; благословение бесстрашия; Акочир или Акдордже (перекрещенное Дордже); звук А; Тара; Вишвапани (многорукый - вседающий) Майтрейя.

«В своей статье 1925 года в "Шанхай таймс" "В дебрях Тибета" д-р Лао Цзин говорит: "В одном из святилищ мне удалось увидеть нечто из самых замечательных атрибутов - превращённое в мумию тело одного учёного, который, как говорят, умер 350 лет тому назад. Одетый в костюм тибетского ламы, каким он был в жизни, он сидит в кресле и имеет вид человека скорее уснувшего, нежели омертвевшего уже столетия назад. На столе перед ним лежит незаконченная рукопись, над которой он работал перед смертью. Тело пожелтело и высохло от времени, но, в общем, сохранилось непостижимо хорошо. Много легенд уже сплелось вокруг этих останков древнего тибетского учёного. Меня уверяли, что три раза за всё это время, протекшее после его смерти, его тело меняло своё первоначальное положение, а один раз исчезло совершенно и возвратилось лишь через два-три дня. Однажды хранители храма, войдя в помещение, где находились останки, обнаружили, что лежавший перед ним манускрипт закончен посланием величайшей для всего мира важности».

«Окакура замечает: "Какие ужасающие последствия для человечества несёт с собою его презрительное невежество в проблемах Востока! Империализм Европы, не гнушающийся бросить клич о "жёлтой опасности", не представляет себе, что Азия тоже может проникнуть однажды в жестокий смысл "белого бедствия"! Вы можете смеяться над нами, имеющими "слишком много чая", но не можем ли и мы заподозрить вас, западников, в "недостатке чая" в вашей конституции?»

"Вы достигли распространения ваших владений ценою отсутствия всякого спокойствия; мы создали гармонию, бессильную против нападения. Поверите ли вы? Восток в некоторых отношениях выше Запада! Небо современного человека разбилось в циклопической борьбе за богатство и деспотизм. Мир движется ощупью во тьме себялюбия и пошлости. Покупают науку с негодной совестью, являют доброжелательство из любви к утилитарности. Восток и Запад, как два дракона, бросающиеся волнующимся морем, тщетно борются, чтоб завоевать драгоценный камень жизни.

«Нам нужна "Наука", чтоб исцелить великое бедствие. Мы ожидаем великого Аватара!"

«Ауробиндо Гхош говорит: "Мы говорим человечеству: настало время, когда вы должны отважиться на великий шаг и подняться из повседневности к более высокой, глубокой и широкой жизни, к которой движется человечество. Проблемы, которые тревожили человечество, могут быть разрешены лишь внутренним сознанием, не насильственным утруждением сил природы в угоду пошлости и роскоши, но овладением силами интеллекта и духа, завоеванием человеком как внутренней, так и внешней свободы и победою внешней природы внутренним устремлением. Для этого подвига возрождение Азии необходимо и потому Азия подымается".

«Ещё Гхош говорит: "Силы старого мира, силы деспотизма, силы традиционных привилегий и эгоистических эксплуатаций, силы братоненавистнической борьбы и себялюбивого соревнования вечно борются, чтоб снова воссесть на земные троны. Определённое движение реакции очевидно во многих странах и сейчас здесь, может быть, более, нежели в Англии. Попытка вернуться к старому миру есть один из тех необходимых поворотов, без которого он не может быть окончательно истощён и исключён из эволюции. Старый мир подымается лишь для того, чтоб быть побеждённым и снова раздавленным".

«Александра Давид-Ниль в своей статье "Будущий герой Севера" ("La Vie de Peuple", Париж, 1925) говорит: "Мы можем улыбаться этим безумным мечтам, но в тех огромных областях, где они принимаются с непоколебимой верой и с величайшим почитанием, влияние их может стать мощным и дать призыв к совершенно неожиданным событиям, которые наискуснейший из политиков не в состоянии предвидеть".

Прочтите рассказ Давид-Ниль о старом ламе, принесшем цветы на ледниках. Прочтите сказание ламы о наступлении времени Шамбалы. Из местного сказателя лама обращается в деятеля международных событий. Давид-Ниль привезла из Тибета несколько новых вариантов рукописей о Шамбале.

«Для учёного представляет поразительный интерес целая сеть пророчеств и самых многочисленных указаний, протянувшаяся по всем неизмеримым пространствам Азии. Поэт сказал бы, что пески и камни говорят, ибо часто положительно непонятны пути стремительного осведомления. И стоит вам сказать одно из них, как немедленно вам дают реплику ещё более значительного осведомления. И при этом полузакрытые глаза чуть поблескивают.

«Так и живём. То сведения с высот, то сведения из пропасти. Сегодня нашего китайца солдат остановил на базаре, схватил лошадь под уздцы и потребовал с него денег. Вчера один из наших "конвойных" остановил на дороге женщину и пытался потребовать с неё деньги. И в такой стране нас оставили безоружными! Странно, что и Пржевальский имел неприятности именно в Хо-

тане. Марко Поло осуждает нравы Хотана. Так и сидим на сундуках среди не-сказанного безобразия. Принесли базарное сведение, что даотай вводит и разрешает в Хотане торговлю опиумом».

10 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Какое же сознание прибавляет наше сидение в Хотане? Становится ещё раз ясно, что жизнь, подобная жизни Хотана, существовать не должна. Подумайте, жизнь ста тысяч людей превращена в беспросветную тьму. Из тьмы рождаются болезни, пороки, ложь, предательство и невежество. У людей осталась одна торговля, мелкая, добываемая обманом и предательством. Понятие о качестве продукта умерло. Понятие о срочности работы погибло. Понятие о победе труда - опустошено. Идёт погрязание в слизи луж базара и взаимное удушение. Так продолжаться не может.

«Лама, предупреждавший, что "китайцы иначе и не поступают", предсказывает ещё одно обстоятельство. Он говорит: "Когда они увидят, что дальше идти нельзя в наглости и в жестокости, они будут уверять, что вообще ничего не было, что нам всё только показалось, а они всегда были друзьями. Обратите внимание, они всё передают устно, и запуганные беки откажутся от всего ими виденного и слышанного. Единственное доказательство - это расписка в отнятии оружия".

«Вы, строители нового Китая, уберите скорее "зубров". Место им - в зоологическом саду. Молодые борцы, вас зовём!

«Наш хотанский приятель Худай Берди-бай рассказывает с юмором Востока о посещении им своего скупого приятеля: "Прихожу к нему, а он сидит и моет кучи серебряных монет, совершенно почерневших. Оказывается, он держит своё богатство в земле, а у нас земля такая, что серебро совершенно чернеет. Я и говорю ему: "Видишь, даже серебро чернеет, когда от людей спрятано. И лицо твоё также почернеет на том свете, если ты будешь бесполезно скрывать свои богатства".

«Это рассказ разумного Востока. В двух днях пути от Хотана по течению Каракаша недавно найдены большие золотые россыпи. Тысячи золотоискателей, работавших по течению Керли, бросили там работы и устремились к Каракашу. Названо ещё несколько золотоносных рек. Конечно, все это обрабатывается самым грубым способом. По естественным богатствам Синьцзян очень богатая провинция».

10 января 1926 г. Хотан.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Хотан 10 янв. 1926

Родные и любимые. Готовлю для вас небольшое послание. Мы подождём и посмотрим, как и откуда его лучше послать. В моей статье указано всё, что произошло, в *подробностях*. Я передам их лично Морису этим летом. До весны уже недалеко; всё ускоряется. Из телеграммы вы уже знаете, что Экспедиция была арестована невежественными китайскими властями. Мы просим дипломатический корпус в Кашгаре (английского и русского консула) о помощи. Здешний даотай – просто преступник. Он конфисковал наши ружья; угрожал выслать нас через снежный (закрытый зимой) перевал Санджа, 18 тысяч футов, назад в Индию. Это хороший факт для Нового Синдиката. Пять из наших

очень важных телеграмм были возвращены нам, потому что не были отосланы. До сих пор у нас есть только шесть из ваших писем – Логвана, Порумы, Радны и Авираха. Несомненно, многие ваши письма потеряны. Часть писем была вскрыта. В общем, из моих записей вы многое узнаете. Нам нравится идея издать в Путнэм Синдикате отдельную книгу из записей. Я дам план книги. Сейчас мы сидим на упакованных чемоданах.

Пусть Йента запасётся тёплым бельём и простой одеждой, а пальто из овчины можно сделать там на месте. В общем, как много мы могли бы рассказать, если бы письма доходили до вас. Мы сидим в маленьком домике в Афганистане – в трёх милях от Хотана. Чувствуем себя все хорошо, за исключением зубов. Счастливы узнать, из ваших писем, что вы также чувствуете себя хорошо и трудитесь по всем направлениям. Сейчас такое важное и спешное время. Мы писали миссионерам в Кашгар, но получили очень официальный ответ. Они переслали нам ваши письма с очень формальным извещением. Могло ли быть так, чтобы Дядя не получал никаких известий? Уже в сентябре мы имели ваши сведения, о том что известия имели место быть. Очень жаль, что картины промокли. Сомневаюсь, что темперу можно реставрировать. И какие точно, согласно номерам? И можно ли в таком состоянии сфотографировать их для книги. Мы здесь получили по *почте* три маленьких ящика с картинами из Гульмарга. Сколько у нас было разных случаев. Всё это чудесная школа. Получила ли Модра фотографии из Леха для своих сообщений – её письма для нас не дошли. Мы радуемся открытию выставки Святослава. Вероятно, она пройдёт хорошо. Мы радуемся успеху книги Юрия. От родственников мы получили ваши письма, но кроме них, никаких других сообщений. Вы чувствуете, как не люблю никаких подробностей, потому что судьба писем не ясна. Можно представить, как Мо[рис] и Йен[та] поедут к матери – как это будет важно. Дайте нам знать через Ургу в Урумчи, через консула адрес Макаровых в Мич. Мы считаем дни, как наша телеграмма о противодействии дойдёт до вас двадцатого декабря. И как где-то уже расползаются слухи. Нам бы очень хотелось рассказать вам разные подробности, но придётся оставить всё до встречи. Надеемся, что до этого времени Дядя Боря сможет организовать все связи. Именно отсюда через Урумчи мы поедем в Балтимор. Из Кашгара и Урум[чи] мы будем связываться с Мич. Если бы только они там знали. Эта спешность связана со всеми событиями мира. Радостно видеть, как поспешает эволюция. Нам *было* указано, что от Рузвельтов будет вред. Вероятно, они слишком кланяются перед англичанами. Очень жаль, что многие фотографии неудачны. Очевидно, Кодак шлёт в Индию плохие негативы – для книги этих будет достаточно. Но, конечно, не в форме беседы с третьим лицом – но в моей форме и без сокращений. Конечно, в газете в форме беседы.

«13 января. Мы получили письмо от Модры от 27 окт., также письмо Пор[умы] от 24 ноября и письмо Логв[ана]. от 13 января. Такая разница в доставке. Мы были очень опечалены, когда пришла телеграмма, что Чамберс не знает. А это сейчас самое важное. Это не возможно ни через Епископа ни через тётю Ганзу. Мог ли Дядя так поступить? С июня мы говорили об этом, о переводе денег, и всё ещё ничего не слышали.

«Мы ошеломлены хладнокровием сэра Вуда, резидента Кашмира. В своих заметках пишу следующее: «Сэр Джон Вуд, Вы много играете в гольф, но не играйте человеческим сознанием. Возможно, Вы сумеете отрицать, что Вы не

отвечаете на наши письма; возможно, Вы сумеете отрицать, что наши слуги были избиты и ранены в Тангмарге. Возможно ли, что Вы сумеете отрицать, что с головы моего сына Юрия был сбит шлем? Возможно ли, что телеграмма, подписанная мною, была переделана полицейскими инспекторами? Сможете ли Вы отрицать тот факт, что именно нам, тем кто были атакованы, пришлось заплатить полиции? Возможно ли, что Вы сможете отрицать, что в Балкале был ещё один случай обмана? – Вымогательство со стороны полиции. Возможно ли, что Вы сможете отрицать, что среди тех, кто атаковал в Тангмарге, был шофёр резидента? Давно уже было замечено, что когда империя разваливается на куски, на окраинах её появляются предприниматели, которые разрушают центральную власть. Мы трижды жили в Лондоне и видели, как трудна там жизнь для умной молодёжи и лучшей части трудового народа. Справедливость нужна. Нужно сказать, что со стороны лорда Литтона и его семьи нас встречали культурные взаимоотношения; но поведение сэра Джона Вуда и его мелких чиновников было крайне недостойно. Это наше неизменяемое понимание этого».

Можно предположить также, что всё происшедшее в Хотане было не без давления, непрямого из Калькутты. Так это было слышно. Это типичные действия английских колониальных властей.

Даже накануне наши слуги предупреждали, что что-то готовится и тёмные люди из Гульмарга пошли вниз в Тангмарг. Очень жаль, что Рузвельты так низко кланяются перед резидентом. Они должны понять, что Англия противостоит России, а также Америке из-за конкуренции в торговле. Мы серьёзно предполагаем конец Англии в делах Хотана. Время разоблачить этих всеобщих отравителей. Один доктор в Тангмарге сказал: «Платите и идите». И другой индус из работников предупредил нас между прочим: «Будьте на страже, чтобы не было другого нападения. Уходите быстрее». И он был прав. Шесть часов мы шли с револьверами и ружьями в руках.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

11 января 1926 г. Хотан.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Сенсация Хотана. Пришли базарные сведения об обеде, устроенном консулом Советских республик в Кашгаре. Обсуждается на базарах, и шепчется сочувственно, и восторженно рассказывается. На обед были приглашены даотай, китайские власти, английские представители, купцы, а также многие из самых беднейших жителей. Места были распределены так, что даотай и власти оказались среди самых оборванных бедняков. То же произошло и с наибольшими богатеями города. Консул и его сотрудники, в простых костюмах, сами подавали блюда, меняли тарелки. Консул сказал: "Не правда ли, мы теперь не на службе, здесь мы все люди, мы все равны. Завтра вы будете начальником, даотаем, а сегодня мы люди равные". Судя по откликам в Хотане, впечатление получилось громадное, незабываемое. Так рассказывается на базаре. Не разобрать, где начинается народное творчество».

12 января 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Пришли письма из Америки. Через Кульджу от 5 ноября и через Ташкент от 1 декабря. Почти тот же срок, как в Ладак из Нью-Йорка. Любимые друзья, мы читали с радостью о всех работах, о выставках, о лекциях, о школе, о пропаганде искусства в широких массах. Ведь всё это так неотложно полезно для Америки. Вы приносите истинную радость в жизни молодёжи и зажигаете сердца.

Франсис пишет: "Мы получили письмо из Вашингтона, сообщающее, что резидент Кашмира писал правительству об инциденте, случившемся в Тангмарге, враждебно, но мы ответили, протестуя против недостойного отношения к нашей экспедиции во время её пребывания там". Вот это Вы неладно делаете.

Вы много играете в гольф, но не играйте человеческой совестью. Неужели Вы можете отрицать, что Вы не отвечаете на письма? Неужели Вы можете отрицать, что наши люди были избиты и поранены в Тангмарге? Неужели Вы можете отрицать, что шлем был сбит с головы сына моего Юрия, и он сам случайно не был ранен стальной палкою? Неужели вы можете отрицать, что телеграмма, подписанная мною, была составлена инспекторами полиции? Неужели Вы можете отрицать, что нам же, атакованным, пришлось заплатить полиции? Неужели Вы можете отрицать, что среди нападавших в Тангмарге был слуга Ваш? Неужели Вы будете отрицать, что, несмотря на все наши телеграммы и находясь в часе езды от места происшествия, Вы в течение шести часов не нашли нужным оградить достоинство экспедиции? Неужели можете отрицать, что письмо от генерального консула Соединенных Штатов Америки было брошено Вами на стол с замечанием, что оно Вас не интересует?

Давно замечено, что при распаде империй именно на окраинах появляются чиновники, усиленно подрывающие центральную власть. Мы три раза жили в Лондоне, мы видели и знаем, какова там жизнь интеллигентной молодёжи и лучшей части трудящихся. Должна существовать хотя бы примитивная справедливость. Со стороны лорда Литтона и его семьи мы встретили культурное отношение, и это нужно сказать. Поведение Дж. Вуда и его подчинённых было высоко недостойным, и это нужно сказать. Дж. Вуд называл американского путешественника Баррета "ужасная ерунда" и говорил, что будет очень рад, когда Рузвельты уберутся с его территории. Вообще отношение к приезжающим из Америки очень плохое; достаточно вспомнить подробности более чем странного поведения по поводу "гибели" молодого, полного сил американца Лэнгдона в прошлом году. Подробности этого возмутительного случая знают англичане, спутники Лэнгдона. Как возмущались бы наши английские друзья!

Слышали о каких-то гигантских статуях в Центральной Азии. Трудно распознать, может быть, это известные статуи в Бамиане - полуразрушенном городе между Кабулом и Балхом. Высота одной из статуй достигает 170 футов (ок. 52 м). Одни считают их всецело буддийского происхождения, другие же видят в них самую глубокую древность. Такая же неясность, как и относительно каменных гигантов на островах Пасхи.

Наш китаец совершенно оскорблён властями. Не хочет более возвращаться в Китай. Мечтает о Тибете или о России. Вывесил на воротах какое-то огромное яркое (чёрное и красное) объявление. В переводе оно значит: "Аме-

риканский художественный офицер Ло воспрещает входить во двор не имеющим дела". Оказывается, Ло значит Рерих! Ло - по-китайский "набат".

В Хотане был ночной пожар. Сарты приписали его худому обращению властей с хорошими гостями.

---

12 января 1926 г. Хотан.

Обращение Гиллана к генерал-губернатору Урумчи Ян Цзен-синю.

«Профессор Рерих, американский гражданин, находящийся в Хотане, просит меня ходатайствовать в его пользу, утверждая, что он и его спутники насильно задержаны даогаем Хотана... Им нужно срочно попасть в Кашгар, чтобы получить медицинскую помощь у местных докторов и денежный перевод из Америки. Памятуя о нашей дружбе, прошу Ваше Превосходительство дать указание хотанским властям немедленно разрешить экспедиции двигаться в Кашгар. Отказ может повлечь за собой недовольство правительства США, которое проявляет особое расположение к стране Вашего Превосходительства...».

Публикуется по: <http://verim.org/>

12 января 1926 г. Хотан.

Письмо Н.К. Рериха дипломатическому представителю СССР в Кашгарии.

Уважаемый господин консул! Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана.

Экспедиция организована американскими художественными учреждениями с целью зафиксирования художественных сокровищ Азии, а между тем власти Хотана воспретили мне писать этюды. Мы уверены, что во имя культурных целей экспедиции Вы не откажете в своём просвещённом содействии.

Не найдёте ли возможным сообщить соответственно и власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы по назначению, через Москву. Буду рад получить от Вас извещение и немедленно возместить стоимость телеграмм. Недавно Америка дружелюбно устроила выставку художников СССР, и я знаю, что всякое культурное начинание, как наша экспедиция, вызовет Ваше дружеское участие. Такая защита международных культурных интересов даёт мне возможность выразить Вам благодарность от лица американских учреждений.

С искренним приветом,

Н.Рерих.

Публикуется по: <http://verim.org/>

13 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Пришла телеграмма: "Вашингтон принимает необходимые меры". Но оружие всё унесено, а без оружия я не выхожу на этюды в чужих странах, имею много опыта и оснований к этому. Не только люди, но и одичалые псы научи-

ли меня этому обычаю. Разве не нагло - игнорировать все документы и лишать всех средств защиты? Были всякие случаи притеснения экспедиций, но такой акт в литературе неизвестен. Возлагаю на правительство Китайской республики ответственность».

15 января 1926 г. Хотан.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Пришла телеграмма из Америки, так исковерканная, что никакого смысла понять невозможно. Невидимые друзья с базара принесли весть о крупной ссоре между даотаем и амбанем.

«И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечательный ларчик. Вот сведения о Севере. Вот сведения о монастыре около Кульджи. И там Майтрейя. Вот сведения о том, что часто правитель области Китая просто не признаёт денег своего предшественника. И люди не знают, в чём держать деньги. Из будней рассуждение восходит к проблемам общественного строя. Бывают времена, называемые "шар событий", когда всякое обстоятельство подкатывается все к одному и тому же общественному концу. Уже семнадцать лет наблюдаем явления спешащей эволюции. Между могилой отходящего и между колыбелью грядущего электроны несказуемой энергии собирают новообразования. И живописец-затворник горных обитателей уверенно изображает битву и победу Майтрейи. Уверенно наносит черты и отличия наступающих и признаки уходящих. И спокойно неоспоримо подписывает посвящение: "Почитание Владыке закона, славному Владыке Северной Шамбалы". В Бурхан-Булате будет храм Шамбалы».

Январь 1926 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам (машинопись, 1, 2 листы письма отсутствуют)

(Страница из десятой части Записей)

«Сэр Джон Вуд – не играйте с человеческим сознанием.

- Резидент

«Возможно ли, что Вы будете отрицать, что несмотря на наши телеграммы и будучи в одном часе езды от места, где это случилось, Вы не нашли; в течение шести часов, возможность охранить достоинство Американской экспедиции.

«Сказано так: Мы знаем и слышим клевету из-под земли; Мы знаем, для кого она нож острый. Но для нас она как масло в колёса, потому что тактика Адверза предвиделась давно, каждая возможность – от зла.

«Может ли быть так, что сэр Вуд сможет отрицать, что письмо от Американского консула было брошено майором Хиндом в Калькутте на стол с замечанием, что это его не интересует.

«Прошу Мор[иса] привести мне все семь частей «Знамён Востока» на русском и англ. Можно взять также отпечатки с наших негативов в Индии; можно взять для книги Путнэм [Синдиката].

«Получены ли мои вещи в Токио и в Пекине. В Токио – через Такеучи и в Пекине – через Министерство Иностранных дел. Если вы не наведёте справки, боюсь, что вещи захватят. Какие новости из Музея Блаватской. Не посылайте «Вестника» Каю. Остальное отправляйте. Когда будете печатать Новый Ката-

лог, помните о члене Археологического Общества, Ваш[ингтон]; Почётный Советник Y.M.C.A., New York и «Алатас», акц.

«Можно завязать связи с «Star Commonwealth for Boys», Альбион, Мич. Он был рекомендован к концу В.В. Пирсоном. Можно предложить небольшую экспедицию.

«Отправьте следующую тел[еграмму]на имя консула СССР Урум[чи] через Мичиган. «Пожалуйста, свяжитесь с Американской экспедицией. Рерих – руководитель. Лихтман должен встретить Томске. Президент Хорш».

«Конечно, мы встретимся в Мич., но эта телеграмма необходима по причине переезда отца.

«Как вы поняли из телеграммы, с Мор. приедет этим летом в Мич. Радна, а Ояна может приехать со Светиком следующим летом 1927. Место будет указано Мо. и Радна скажут им, что привезти из вещей. Этим летом пусть Мор. и Рад. привезут четыре (для четверых) пары автомобильных очков с изогнутыми линзами. У Маеровского в Нью-Йорке.---

«20 янв. Мы получили разрешение идти в Кашгар и Урумчи. Оно было получено через английского консула и кашгарского даотая. К нашему сожалению, миссии Дяде Боре не ответили. Как жаль, что нельзя было сообщить через Дядю. Ведь не может быть, чтобы Дядя не смог написать Епископу? Необходимо узнать адрес Макаровых. Телеграфируйте в Урумчи, Консулу СССР. Поразительно, что на Даотая было выброшено много денег после его поведения с нами. Но всё к лучшему. В отдельном конверте я посылаю отдельную главу записей Лех-Хотан для Синдиката. Надеюсь, она доберётся до вас. Главу о Хотане я отдам лично Морису. Мы снова укладываем вещи, и в путь в снежную пустыню.

«Е.И. умоляет привезти ей свитер такой, как у Мор., и я носил его в Париже – из верблюжьей шерсти (Tunmer`s Place Soint Augustine). Свитер Юрия ей подходит, она носит 95 размер – чуть больше, чем для Радны. Мы ожидаем адрес Макаровой.

« Не знаем, свяжемся ли мы с ней и будет ли она представителем. Шклявер очень хорош для Н[ового] С[индиката], и это будет для него полезно. Получил ли он какие-нибудь акции от Н.С.

«24 янв. По всей видимости, мы сможем покинуть Хотан 28 янв.; это будет для нас поучительно – встреча с миссионерами, которые нам не помогли.

«Е.И. умоляет Радну привезти ей полдюжины шерстяных чулок, самое маленькое – 38 размера. Желтовато-коричневые и серые; не очень тонкие, потому что это для холода.

«Отправляем телеграмму: вторая Книга должна быть перепечатана без опечаток, потому что такое множество ошибок даст понять о неуважении, а каждый знак неуважения ложится на нас очень тяжело.

«Мы приближаемся к Кашгару. После Яркенда вся природа радостнее. Постараюсь послать вам статью о Хотане. Если будет возможно, отдам её лично Авираху в Мичигане...

Чамберс...Чамберс!!!

«Уже сейчас просите Такеучи, Каума, Шклявера, Рапиковоли и Казинса в Адьяре, сколько «Гималаев» они смогут продать лично. Я дам Мор. отказ от продолжения экспедиции в Китае, потому что я ограничен в своей работе и в дальнейшем передвижении, и без вооружения. Я собираюсь рисовать в зарубежных странах. Помните: «Это было Моё условие». Конечно, Корона Мунди может затребовать от Китайского правительства убыток за невыполненные 150 картин в Китае, в соответствии с примером двух предыдущих посылок из Индии. Считая по 4000 за каждую, это составит иск в 600000. Китайский народ любит платить за своё несчастье. Ещё один для них чудесный случай. Кроме того, можно предъявить им иск за невозможность выпустить второй том, подобный «Гималаям». Я буду говорить летом обо всём этом с Мор.

«Сейчас нужна уверенность – что Чамберс информирован и что он относится к этому серьезно. Это самое важное. Также нужен и адрес Макаровых. Телеграфируйте в Урум. Советскому Консулу. (обрыв письма)

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

17 января 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Власти углубляют преступность свою. Амбань начал вскрывать пакеты, нам адресованные. Сегодня вскрыл пакет из шанхайского банка. Скажем ему: "Не забудьте, амбань, что именно статуя Свободы открывает путь в сердце Америки. Теперь весь Хотан знает о получении нами денег, а вы и даотай лишили нас всех средств самообороны".

Амбань сообщил, что есть приказ из Урумчи вскрывать все письма и отнять оружие, но что взамен оружия нам дадут стражу из солдат. Отвечаю ему, что мы не можем доверять их солдатам, ибо все они бегут лишь при виде одной нашей собаки. А между тем, три года назад именно американская экспедиция должна была отстреливаться от нападения стаи овчарок. Ставлю на вид амбаню, что оружие, им схваченное, принадлежит американским учреждениям, но опять Америка совершенно игнорируется им. Также говорю ему, что солдаты его кончат тем, что перестреляют друг друга. Не успел амбань доехать до города, как в подтверждение моих замечаний о страже к нам прискакал секретарь от даотая, прося помочь в тяжком хирургическом случае; два ближайших телохранителя даотая стреляли друг в друга. Конечно, мы не хирурги. Оказывается, офицер стражи даотая крал вещи, другой стражник заметил это и в результате - два тяжело раненных. И вот из этих воров и убийц даотай хочет составить нашу стражу. Наш старик Цай Хань-чен говорит: "За вскрытие чужого письма в Китае прежде полагалось выколоть глаз и отрубить руку, но здесь не офицеры, а разбойники". Поучительно будет посмотреть, какова в Урумчи центральная власть всей провинции Синьцзян.

18-19 января 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Выпал первый снег. Е.И. кормит птиц. Масса пёстрых птичек окружила её. Индусы часто кормят птиц в течение зимних месяцев».

19 января 1926 г.

«Получено письмо от английского консула в Кашгаре. Видимо, там начали хлопотать, чтобы мы могли выбраться из ужасного Хотана».

20 января 1926 г.

«Письмо от английского консула. Сообщает, что по ходатайству его и кашгарского даотая генерал-губернатор приглашает нас немедленно ехать в Кашгар. Посмотрим, как и когда известят нас здешние "правители".

«К вечеру амбань, через Худай Берди-бая, коротко уведомил, что получено от генерал-губернатора разрешение нам ехать в Кашгар. Даже приказы генерал-губернатора сообщаются через частную записку частного человека. Вот так организация!

«При первом свидании я говорил даотаю, что Акбар Великий называл путешественников лучшими послами его государства и всегда заботился об их добром отношении. Могу теперь сказать даотаю: "Вот, Ма Да-жень, три месяца вы деятельно создавали наше настроение, и я не скрывал от вас, что буду описывать всё происходящее. Конфуций заповедал, что на сделанное зло надо поступать по справедливости. Китай страна конфуцианства, и, по Конфуцию, я должен написать на вашем портрете: "Ма Да-жень - невежественный и жестокий дикарь". А по учению Будды "невежественность объявлена величайшим преступлением". И тот же мудрый Конфуций отверг всех восстающих против искусства и знания. Между тем все мы ехали с искренним желанием занести в записки о том, что власти республиканского Китая стали просвещеннее, нежели во времена упадка империи. И теперь опять пытливно будем всматриваться в глаза новых властей, не притаился ли у них за плечами невежественный Ма Да-жень?

«Люди зашевелились. Сборы! Из всех сундуков лучшие - американские "Белбер". Не погнулись на всех перевалах и не пропускают пыль. Лошадь вполне легко несёт два сундука. Много хуже кашмирские яхтаны. Наш китаец ликует; он, видимо, боялся прямых эксцессов со стороны даотая. Теперь он признаёт, что его следование "обычаем" было излишне. Он заставил везти даотаю хлопушки в день окончания его нового дома. Он устраивал шествие с подарками, когда мы приехали в Хотан. Он без нашего желания возил карточки к новому амбаню. По результатам судя, всё это было зря. Он же объясняет тем, что это не офицеры, а разбойники, но согласен, что эти обычаи надо оставить.

«Как и можно было ожидать от невежественных властей Хотана, теперь они дают понять, что приказ генерал-губернатора пришёл по их ходатайству. Они не знают, что в письме консула английского ясно изложен порядок получения приказа, и думают, что мы поверим.

«Мафа (повозка) от Хотана до Кашгара стоит 25 сар. Грузовая лошадь - 6 сар.

«Из проявленных негативов очень многие и нужные оказались испорченными. Какие-то полосы и чёрные пятна. Ещё в Индии нас предупреждали, что так называемые тропические фильмы дают результаты очень плохие. У нас все обычные фильмы - благополучны, а "Кодак" тропические - все мутны, а часто целая половина или белая или черная. Очень хороши "Агфа".

«Приходят местные бородачи потолковать о всякой всячине. Конечно, истинное намерение сразу не сказывается. Конечно, хотят слышать об обычаях новых русских. Соглашаются, что обычаи хороши, что все древние учения заповедали эти обычаи. Согласны, что все люди должны трудиться. Всё хорошо, и чай пьётся в согласии, но вот один тащит из-за пазухи номер лондонской

английской газеты с перепечатком рисунка из московского "Безбожника". Аллаху там тоже досталось. Бородач "наивно" спрашивает: "А ведь, кажется, это Аллах?". Конечно, не скроешь. И конец беседы выходит кислый: "Мы ведь Ленина не трогаем, даже хвалим, а зачем они нашего Аллаха обижают? Да и знают ли они весь Коран? Можно ли все ошибки приписать Корану? Пусть не обижают нас, мусульман. Нас много, а он хотел, чтобы всем хорошо жить было". Вовремя Молдаван достал газетку, и чётко отпечатали в Лондоне клише. А рисунок-то к тому же не из важных и вовсе не убедительный. Угрюмо ушли бородачи...

«В Каире около наполеоновских ядер, торчащих в стене мечети, я спросил проводника: "Отчего вы не уберёте эти следы варварства?". Было отвечено: "Мы будем хранить этих свидетелей варварства". Сколько таких свидетельств сохраняет Восток! Ничто не забыто. Пряжа мира должна быть начата вновь.

«Там опять пришёл человек. Хочет говорить. "Откуда?" - "Не сказал". - "Кто такой?" - "Видимо, лама". - "О чём говорить?" - "О свободе, о приходе Шамбалы". - "Ну веди сюда. Скажи тибетского чаю дать". И опять неожиданный друг несёт новую пряжу радости.

«Представитель японских газет был спрошен: "Применяются ли в Японии телесные наказания для детей?". И ответ был отрицательный, как и подобает великой стране. Действительно, справедливы ли многие нападки на Японию? Мужество и честь самураев, воинов; героизм и самоотверженность женщины; углублённый труд рабочего и земледельца придают несомненное очарование Ниппону. С японцами у меня никогда не было столкновений. Наоборот, являлись чуткие японские друзья. Вспоминаю мои давние статьи о Японии. Не откажусь, но даже усилию многое сказанное. Елисеев [в Париже] рассказывал о методах учения в японских монастырях. Очень замечательно. Неожиданные вопросы и требования, чтобы в ответе была наименьшая примесь личного. Стоит живым эпизод японской драмы: убийцы крадутся убить царевича. В безысходности кормилица подменяет царевича своим ребёнком. Потрясающе тонка экспрессия её холодно-официального плача над предполагаемым царевичем, когда её материнское сердце разрывается от горя.

«"Дао дэ цзин" указывает: "Мудрец ставит свою личность на последний план, и, тем не менее, она открывается на первом месте. Он относится к своей личности как бы к чужой для него, и, тем не менее, личность его сохраняется. Не потому ли осуществляются его главные цели, что у него нет личных и частных целей? Он свободен от самовыставления, и поэтому он светит. Он свободен от самоутверждения, и поэтому его отличают. Он свободен от самовосхваления, и поэтому признаны заслуги его. Он свободен от самодовольства, и поэтому он пользуется превосходством. И потому, что он настолько свободен от всякого состязания, никто в мире не способен состязаться с ним. Тот, кто обладает свойствами Дао, подобен ребёнку. Ядовитые насекомые не будут жалить его. Дикие звери не будут бросаться на него; хищные птицы не станут поражать его".

«Будда заповедует: "Углублённостью, добродетелью и чистотой мудрый человек делает из себя остров, который никакими наводнениями не может быть затоплен" (Уданаварга)».

20 января 1926 г.

Письмо Н.К. Рериха к британскому консулу.

М.В.М.'s Генеральному Консулу Британского Консульства. Кашгар

Уважаемый сэръ,

Благодарю Вас очень за Ваше письмо, датированное Кашгар 11 января 1926. Посылаю Вам запрошенную информацию об Экспедиции.

Экспедиция отправлена тремя американскими учреждениями искусства.

1) Корона Мунди, акц[ионерное], Международный Художественный центр, Нью-Йорк США

2) Мастер Институт Объединённых Искусств, акц., Нью-Йорк США

3) Музей Рериха, акц., Нью-Йорк США.

Цель экспедиции – описать Древние Памятники Искусства и пейзажи Индии, Центральной Азии, Китая и Японии. Экспедиция работает с 1923 г., в Индии, откуда были отправлены в Соединённые Штаты 150 картин, которые сейчас выставлены в Музее Рериха, акц., в Нью-Йорке. Сейчас эта серия из 150 картин издаётся в виде отдельной монографии Американским Издательским Домом «Брентано и К.» в Нью-Йорке.

Экспедиция владеет следующими паспортами и сертификатами:

1) Китайские паспорта, предоставленные Китайским Министерством Иностранных Дел, Пекин, 9 июня 1925 через мистера Ченг-Ло, Китайского Министра в Париже для посещения с художественными целями Китайского Туркестана и Китая.

2) Рекомендательное Письмо ко всем военным и гражданским губернаторам Синьцзянской Провинции и Китая, данное м-ром Ченг-Ло, Китайским Министром в Париже.

3) Удостоверение личности, изданное в Лондоне.

4) Разрешение на путешествие, выданное Бенгальским Правительством, Индия.

5) Удостоверение личности, изданное в Париже.

6) Паспорта, изданные Французской Префектурой Полиции, Париж.

7) Русские паспорта, изданные Русским Временным Правительством.

8) Рекомендательное письмо, выданное Американским Консулом в Калькутте.

9) Рекомендательное письмо из Мастер Института Объединённых Искусств, акц., Нью-Йорк.

10) Рекомендательное письмо и полномочия от Короны Мунди, акц. Н.-Йорк.

11) Рекомендательное письмо от Музея Рериха, Акц., Н.-Йорк.

12) Рекомендательное письмо от Директората Музея Виктории и Альберта, Лондон.

13) Рекомендательное письмо от Американского Археологического Общества в Вашингтоне.

Экспедиция намеревается проследовать дальше через Кашгар, Аксу, Кушар, Карашар, Урумчи в собственно Китай и затем через Японию назад в Соединённые Штаты.

Экспедиция состоит:

Николай К. Рерих, Почётный Президент Корона Мунди, акц., (Н.-Й.) Почётный Президент Мастер Института Объединённых Искусств (Н.-Й.), Почёт-

ный Президент корпорации «Алатас» (Н.-Й.), Почётный Президент Кор. Арденс (Чикаго) для представительства в России, Почётный член Художественного Клуба Бостона, академик Русской Академии Изящных Искусств; Директор Школы Поощрения Изящных Искусств в России; Почётный Президент Совета Института Архитектуры для Женщин в России; Почётный Член Московского Археологического Института; Почётный член Русского Археологического Общества; Член Комиссии Изящных Искусств издательства Св. Евгении, Петроград; Первый Президент Общества Мир Искусства; Президент Совета Мастерских для солдат – инвалидов Русского Красного Креста; Вице-президент Совета Искусств в России; Президент Совета Музея Допетровского Искусства в России; Президент Музея Русского искусства при Обществе Поощрения Изящных Искусств в России; Член Русского Общества Архитектуры; Командир Королевского Шведского Ордена северной Звезды; Член Национальной Академии Реймса; Член Осеннего Салона, Париж; Член Общества Антикваров в Париже; Член Доисторического Общества в Париже и Почётный член Венского Отделения; Член Финского Художественного общества в Гельсингфорсе; Член Англо-Русского Общества, Лондон; Почётный Президент Корпорации Пан-Космос, Нью-Йорк; Почётный Советник I.M.C.A. Нью-Йорк.

Мадам Елена Рерих.

М-р Юрий Н. Рерих, Бакалавр Искусств (Гарвард), Магистр Искусств; Сертификат Лондонской Школы Восточных Наук, Университет Лондона; Высший Диплом Колледжа Франции, университет Парижа; Член королевского Азиатского Общества; Член Азиатского Общества Бенгалии; Член Азиатского Общества – Париж; Член Парижского филологического общества; Член Американского Восточного общества; Член Парижской Ассоциации по Изучению Международного Права.

Наши ссылки в Индии: Его Прев. Губернатор Бенгалии граф Литтон; Майор Ф. Бейли, политический чиновник в Сиккиме, Индия.

Наши ссылки в Китае: Его. Прев. Веллингтон Ку, Китайский Министр иностранных дел в Пекине; Ма Ванг Чун Син – бывший Китайский Премьер Министр и Министр Иностранных дел в Пекине.

Из вышеуказанного списка моих социальных позиций Вы увидите, что список моих рекомендаций в Америке довольно длинный. президент Соединённых Штатов, М-р Кулидж, сердечно приветствовал открытие Музея в Нью-Йорке, посвящённого моей живописи. Надеюсь, Вы найдёте всю вышеупомянутую информацию полезной. Мы посетили двадцать две страны, и никогда в нашей жизни к нам не относились с такой грубостью и надменностью, как в Хотане. Вы уже знаете, что наше вооружение было захвачено, и мы хотели бы вернуть его, так как мы имеем причины быть осторожными с местными военными. Мы будем очень благодарными, если бы Дао-тай Кашгара мог прислать пару порядочных солдат. Захватив наше оружие, местные власти оскорбительно отказались принять во внимание наши Британские лицензии на оружие и Британские и Американские рекомендательные письма. Наш список оружия следующий:

- 1) Одна винтовка Manset 77 калибра.
- 2) Одна винтовка Винчестер 44 калибр.
- 3) Одно короткоствольное ружьё Ридли.
- 4) Два револьвера пятизарядных Бельгийского производства №№ 4071, 4072.

5) Один револьвер Шведского производства.

Благодарю Вас заранее.

Искренне Ваш.

Исходя из предпосланной Вами телеграммы, Вы знаете, что Правительство Соединённых Штатов предпринимает необходимые шаги.

Синдикат Путнэм и Международное Информационное Агенство, акц. Нью-Йорк, подписали контракт с Американскими Художественными учреждениями на публикацию всех новостей о нашей Экспедиции.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского).

22 января 1926 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих.

...Только советую из Кашг[ара] телеграфировать Кр[асину],

Крест[инскому] и Аст[ахову] – Чич. из Ур[ги] Кр.:

«Благополучно приближаюсь к М[оскве]. Материал исключительный.

Сообщите нар[кому] Ч[ичерину]. Могу быть в М[оскве] в мае. Шлю привет вашей семье. Дорд[же]». Тоже самое Кре[стинскому], Аст[ахову] и Бор[одину] [неразборчиво 2-3 буквы] тому добавьте, телеграфируйте на имя консула в Ур[умчи]. Можно радоваться, как растет приказ в вашем сознании.

Можно телеграфировать Кругу через англ[ийского] Консула:

«Освобождены, приложите усилия известить Чемберса о докладе исключительного значения. З[ина] может сопровождать М[ориса]. Jen[та] [94] может приехать в будущем году со Св[етиком]. Следуем К[ашгар].

Ур[усвати]».

Публикуется по: <http://verim.org/>

23 января 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи». «Гл. VII. Хотан»:

«Наш китаец и лама, видимо, хорошо знают известный сорт китайских властей. Всё сбывается по их "пророчествам". Власти повторно уверяют в своей дружбе, и всё случившееся сваливают на генерал-губернатора Синьцзянской провинции. Конечно, мы уверены, что старик начальник области, или дуту, ни о чём не знает. Теперь у властей забота, под каким предлогом вернуть нам арестованное оружие, чтобы свести всё к неуловимому устному изложению и сказать: "Всё бывшее - это фантазия путешественников". За три месяца мы прошли отличную школу. Кое-что из пройденного нами курса остаётся всё-таки неясным. Например, для чего власти всячески препятствовали нашим сношениям с Америкой и вернули неотправленные телеграммы, тогда как всем известно, что через Кашгар и через английского консула всегда можно сношаться? Местные люди нас сразу предупреждали не верить властям. И на наш вопрос почему, ибо мы ничего худого не сделали, местные бородачи твердили: "А потому что они дураки". Но ведь и в действиях отъявленного глупца есть же какой-то, хотя бы извращённый, смысл. Значит, здесь скрывается не одна только глупость, а также и преступность.

«Пришла телеграмма из Нью-Йорка: "Министр Америки действует".

«Кончим страницей того Китая, который мы не видели. "Наконец жёлтый повелитель, Солнце Неба, победил дракона земли и мрака. Но гигант в

своей агонии ударил головою в солнечный свод и разбил на куски купол голубого нефрита. Звёзды потеряли гнёзда свои, и луна блуждала без цели посреди раскинутых осколков ночи. В отчаянии повелитель повсюду искал, кто бы мог восстановить небеса. Он не напрасно искал. Из восточного моря поднялась владычица, божественная Ниука, сверкающая в своём доспехе пламени. Она спаяла пять цветов радуги в своём волшебном горне и восстановила небеса". Так помнит Дао.

«Не забудем цветочную пыль Японии, которую мы ещё не видали: Комио, владычица Нары, пела: "Если я сорву тебя, моя рука тебя осквернит, о цветок! Таким, каким вижу тебя на груди луга, таким я посвящаю тебя Буддам прошлого, настоящего и будущего".

Н.К. Рерих. Матерь Мира. 1924.

И ещё страница истинного Востока, посвящённая Матери Мира:
*"Сокрывшая лик свой! Соткавшая пряжу дальних миров!
Посланница несказанного! Повелительница неуловимого!
Дательница неповторенного! Твоим приказам океан замолкает,
и вихри черты невидимых знаков наносят...
Она, Лик сокрывшая, встанет на страже одна в сиянии знаков.
И никто не взойдёт на вершину.
Никто не увидит сияние двенадцатизначника Её мощи.
Из спиралей света знак соткала Сама в молчании.
Она Водительница идущих на подвиг.
Четыре угла, знак утверждения, явлен Ею напутствием решившимся...
Приказ безмолвный, всепроникающий, неотменный, неделимый,
неотвергаемый, ослепительный, щедрый, неопишутый, неповторяемый,
неповреждённый, неизречённый, безвременный, неотложный, зажигающий,
явленный в молнии!"*

ТАКЛА-МАКАН - КАРАШАР
(27 января - 27 марта 1926)

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

«И лишь благодаря содействию Британского консула в Кашгаре, мы в самом конце января моли двинуться по пути Яркенд – Кашгар - Кучары-Карашар – Урумчи. Путь этот взял 74 дня».

27 января 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«27 января. Тимур-бай - наш новый караванщик. Куда ни оглянешься - всюду какие-то исторические имена. Всё шахи, султаны, баи. Даже самый незаметный и тот прибавляет себе титул - ахун. Он приходит взвешивать наши вещи. Устройство весов переносит нас во времена неолита. На перекладине висит палка с какими-то "магическими" кружками и метками. Массивный зелёный кусок нефрита на верёвочке передвигается в противовес сундука, и "маг" в круглой шапочке изрекает цифру, ему одному очевидную. Положительно, в неолите мы находили такие камни с дырками и называли их грузилами, но вернее это гири.

«Нам нужно на восток, и потому завтра мы идём на запад. Остановки до Кашгара:

1) Зава, 2) Пиалма, 3) Зангу (Чуда), 4) Гума-Базар, 5) Чолак, 6) Акин, 7) Каргалык, 8) Позгам, 9) Яркенд, 10) Кокрабат, 11) Кизил, 12) Янгигисар, 13) Яберчат, 14) Кашгар.

«Наши друзья калмыки уже вчера прошли мимо нас по краткому пути на Аксу - Карашар. В темноте рассвета мимо наших ворот звенели басистые колокольчики их верблюдов. Они повезли таин-ламе ковры из Хотана. Повезли и много весточек, которые может оценить буддийское сознание.

«Опять в нашем караване будут три течения: буддийское, мусульманское и китайское. Китайское - слабее. Последнее изобретение Цай Хань-чена - знамя экспедиции с крупной надписью "Ло" (Рерих), то есть "набат", - водружено на ярко-красное древко. Цай Хань-чен отвёз наши карточки властям, и, как

следовало ожидать, мошенники даотай и амбань уверяли, что они нам очень помогли...

«Пришли мафы для ламы и Цай Хань-чена. Ясно, что эти экипажи не изменили вида с XV века и годились бы в любой музей. Худай Берди-бай привёз дастархан в виде жареного барана и пирожков. Так он и остался нашим единственным другом в Хотане. Впрочем, ещё полковник китайский понял, что вышло нечто плохое. Опять вьюки, опять мохнатые шапки, опять яростный рёв Тумбала. Утром - в путь. Последний раз прилетели к нам хотанские птички и пришли бараны. Тумбал, как чёрная статуя, застыл на груде яхтанов.

28 января 1926 г. Хотан.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Ранним утром 28 января 1926 года наш двор и сад заполнили вьючные лошади и караванщики в тяжёлых овчинах и тёмно-красных чаругах - картина знакомая каждому, кто путешествовал с караванами по районам Азии. Царила суета, и прошло целых пять часов, прежде чем караван тронулся в путь. Палатки и часть лагерного снаряжения надо было отправить заранее, для этой цели лучшие лошади были взяты в лагерный отряд. Этот отряд оставил лагерь последним, а прибыл в новый лагерь первым. Караванщикам, главным образом хотанским тюркам, явно не хватало инициативы, и они исполняли свои обязанности с поразительной небрежностью.

«Большинство вьючных лошадей были крупными животными из Яркенда, способными перевозить около двух сотен футов груза. Их общее состояние было хорошим, и мы надеялись прибыть в Кашгар вовремя. Туркестанские вьючные седла гораздо лучше деревянных вьючных седел из Ладака и Тибета. Они состоят из двух толстых кусков материи, на которых крепится седельная подушка у-образной формы, сделанная из овчины или сукна, хорошо набитая соломой. Груз крепится к седлу канатами, свитыми из верблюжьей или овечьей шерсти. Путешественников предупреждают не применять пеньковые веревки китайского и европейского производства, так как они причиняют неприятности. Очень хороши веревки сделанные из верблюжьей шерсти, а из овечьей шерсти на много хуже. <...>

«Мы выступили около полудня и быстро миновали мусульманские и китайские районы Хотана. Был базарный день, и улицы заполнила пёстрая толпа селян. Первая остановка была в Заве. Караван с грузом прибыл только ночью, и мы вынуждены были провести несколько часов в ожидании в саду постоянного двора. Ночь выдалась холодная, и мы согревались у огромного лагерного костра, разведённого местными жителями. Перед отъездом из Хотана наш китайский переводчик Цай Су Ю сшил жёлтый флаг, на который нанёс буквы "Ло" - сокращённое официальное название нашей экспедиции. Флаг мы довели дарге, который ехал впереди и устанавливал его в местах наших будущих стоянок.

28 января 1926 г. Хотан.

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

«С семи утра собирали караван. Видели мы работу ладакцев, отличная работа, спешная, энергичная. Хуже работа дардистанцев и кашмирцев. Хороша работа непальцев, но хуже всего работа хотанцев. Такую лень и неприспособленность трудно представить. С семи до двенадцати часов с трудом навьючили сорок лошадей. Мы шли по Хотану и ещё раз убедились, что все, что носит

признаки старого Хотана, не так было плохо, являет остатки резьбы, каких-то украшений и пропорций. Но всё новое превратилось в бессмысленную грудку глины и жалких кольев. Лица на базаре попадаются неплохие, но забитые и лишенные всякого выражения.

«Ясно, что места, подобные Хотану, изжили все свои старые соки и могут обновиться лишь коренным потрясением. Китайцы сидят за глиняными стенами китайского города. Кооперации с населением у них нет. Они остались случайными пришельцами, угнетателями и не думают помочь стране хотя бы каким-нибудь улучшением. Запылилась жизнь, запылились мозги. Нужна искра сильной молнии.

«Вдали мелькнул силуэт светло-серого Кунь-Луны. Щемяще грустно удаляться от этого замечательного хребта. Щемяще знать, что Гималаи удаляются. Сознание новых приближений зовёт обернуться к Востоку.

«Опять стража из пяти солдат. Неизвестно, мы ли их стережём или они нас. Каракаш-Дарья замёрзла, и лошади разбивают лёгкий ледок. Утро студёно, но посреди дня солнце уже печёт. На ветках почки. У дороги сидят серенькие хохлатые жаворонки. Проехали 9 дорожных башен. Опять Зава. Цай Хань-чен говорит, улыбаясь беззубым ртом: "Даотай Хотана думает, что мы опять вернёмся в Хотан. Такой глупый офицер".

«Но теперь всякие соображения о глупых чиновниках от нас далеки. Ведь мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры. Караван с вещами сильно запоздал, и мы сидим налегке, как будто и не бывало этих вещей, которые так усложняют всю жизнь. На песке пестрые кошмы. Весёлые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам. Вечером в Заве оказалось, что приставленный к нам бек и офицер накурнулись опиума. Юрий просил Цай Хань-чена выговорить им. Тот говорит: "Конечно, это очень дурно, но главному покровителю опиума в Калькутте поставлена статуя на коне". И свет луны и тишина ночи опять наполнились человеческим ядом...

29 января 1926 г.

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

«До рассвета пришлось самим поднять весь караван. Тимур-бай куда-то уехал и оказался лентяем. По-тибетски я кричал по палаткам: "Лонг, лонг, лонг", - как кричат тибетцы ранним утром, поднимая народ. На бугор вышел человек с огромным рогом и начал протяжно трубить на все стороны. Оказывается, мельник оповещает селян о готовности своей молотить их зерно. Опять пустыня. Опять мазар с голубями. Но теперь всюду пробелки тонкого снега. Серебристые тона стали строже. Снеговые горы с левой стороны стали и воздушнее, и разнообразнее. Но пески по-прежнему утомительны. Редко когда так уставали. В сумерках - весть из пустыни со спины неизвестного верблюда: "В Пиалме вода высохла". Ну всё же кое-как пойдём. В восемь часов в темноте при мутной луне вошли в Пиалму. Здесь нас ждал шведский миссионер Нистром (по-китайски - Лисети). Судя по рассказам, он имел много случаев с китайскими властями подобно нашим. Такая же лицемерная неустойчивость и наглая изменчивость решений.

30 января 1926 г.

«Опять пустыня. ...всюду пробелки тонкого снега»   «Торчат полуразвалившиеся башни...»
(современное фото)

Затуманилось. Кругом бело-сизый туман и круглая тарелка - плоскость песков. Иногда пески приобретают скульптурный характер или приближаются к жемчужной раковине. Но всё-таки сегодня идём по ровной тарелке с редкими низенькими барханами с торчащими тонкими кустиками. Полузасыпан остов осла. Торчат полуразвалившиеся башни - потаи. Каждый из них делается на расстоянии десяти ли. Потай можно пройти легко в сорок минут. Волны песка сливаются в ровную линию горизонта. Что же может нарушить однообразие этой тарелки?

В Хотанской пустыне прошёл слух о нашем путешественнике Козлове. Толкуют, когда Козлов был в Карашаре, там жил "страшный дракон". Но храбрый русский богатырь победил опасного дракона, заклил его и запечатал в стеклянную банку. Этим был спасён весь край. Толкуют о засыпанных городах и показывают рукой в сторону Такла-Макана. Какое-то почтение и суеверный страх звучат при произнесении названия великой пустыни. В эту сторону тянутся две ниточки караванов... Они идут из Пиалмы за топливом. И больше ничего. И звуков никаких. И красок больше нет. И жемчужная пыль взвивается голубым пологом. (...)

Влево уходит нить каравана. Куда она? Ведь это направление идёт прямо на Тибет, на Чантанг. Так и есть, они идут на тибетские озёра за солью».

30 января 1926 г. Москва.

Выписка из протокола № 5 заседания Малого Главного Концессионного комитета при СНК:

«Считать Общество "Белуха" недостаточно солидным для того, чтобы вступать с ним в переговоры и разрешить проезд их представителей».

Государственный архив РФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729. Машинопись.

31 января 1926 г.

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

«После ветра и тумана сияет яркое утро. Идём до Чуда: люди просят прервать поход до Гумы на два дня. Так и сделаем. Китайский отдел каравана развалился первым. На четвёртый день Цай Хань-чен уже похож на мертвеца. Так Ке-чан изнемог и даже застрял на дороге. Сун потерял перчатки и впал в раздражение. У китайского солдата пала лошадь. Словом, ещё раз нам показано, что для похода китайцы совершенно негодны. Цай Хань-чен отлично клеит бабочек. Так Ка-чан заботливо возится около своей постели, ибо порядочная китайская постель должна походить на гору. Сун бойко налетает на сартов. Солдаты и офицер в капоре похожи на всё что угодно, но не на воинов. И эти винтовки с наглухо заткнутыми дулами и завязанными замками - ведь они превратились из действующего аппарата в символ. Конечно, разбойников здесь нет, но вся эта рать побежит при виде первой организованной колонны.

Опять попадают бело-синие пятна снега. С северной стороны каждого бархана притаилось такое светлое, благоуханное пятно. Положительно, снег даёт почве какое-то благоухание. Нельзя верить, что сегодня последний день января, - это весна. Тюрки сегодня работали лучше, за что и получили барана. Бедные, они ценят каждое проявление внимания. Видимо, хозяин каравана их жмёт. Что же это за "лестница спрутов"? Геген опять сердится на китайцев.

Приятно прийти на стоянку до темноты. В Тибете идут с четырёх утра до часу. Да, да, положительно весна. Я рисовал.

Слева: Н.К. Рерих. С Курула на Какакорумскую цепь. 1926.

Справа: Н.К. Рерих. Хребет Каракорум. 1926.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля 1926 г. Гума-Базар.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Гума-Базар. Шли какими-то фантастическими песочными формациями. Иногда казалось, что это остатки ступ или башен. Здесь снега больше. Белые откосы дают впечатление берегов, а между ними точно море. Настолько убе-

дительно впечатление моря, что приходится вспомнить, что в пустыне нет таких водных поверхностей.

«Опять "приготовлен" для нас пыльный сад, опять беки и солдаты. Не успеваем разложить палатки, как приезжает амбань. Впечатление лучшее, нежели в Хотане. Амбань знает о наших хотанских невзгодах. Возмущается на хотанских властей. Удивляется, как можно запрещать художнику работать, и подтверждает, что на Дуньхуан по пустыне дорога очень трудная и для тай-тай невозможно было бы ехать таким путём два месяца (тай-тай значит "госпожа"). <...>

«А Юрию опять приходится садиться на коня и ехать с ответным визитом. У ворот толпа. Поверх глиняных стен торчат вереницы голов в мохнатых шапках. Солдаты шумно стегают непрошенных зрителей. Завтра стоим в Селяке вместо Чолака. В Чолаке вся вода пересохла.

«Вечер закончился китайскими танцами. Пришла процессия с бумажными фонарями. Перед воротами сада сомкнулся тесный круг, и пошёл пляс».

2 февраля 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Зимняя белая пустыня. Потоки замёрзли. После Гума-Базара сразу плоская равнина. На горизонте низкие снежные холмы. Из-за воды должны остановиться в Селяке в час дня. Такого короткого перехода ещё не бывало. Селяк - простой глиняный караван-сарай с несколькими корявыми деревьями среди молчащей пустыни. Серое небо. Восточный ветер. Какие-то верблюды, полдюжины собак и запуганные детишки хозяина. Ничего больше. <...>

«На базаре в Гуме женщины откинули фаты с лица, чтобы лучше нас рассмотреть. Откинутая фата складывается, как кокошник. Наверно, форма некоторых кокошников получилась от откинутой фаты. Бек в Гуме - совершенный Садко, и гри-мировать не надо. Для всех опер Римского-Корсакова здесь готовые персонажи».

2 февраля 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«В Гуме нам дали другого бека и даргу, которые должны были сопровождать экспедицию до Каргалыка. Мы планировали расположиться лагерем в Чолак-лангаре, находящемся в восемнадцати милях от Гумы, но, по только что полученным сведениям, запасы воды в Чолаке совершенно иссякли.

«Поэтому нам пришлось разбить лагерь в Силиг-лангаре, что в десяти милях к западу от Гумы. Силиг-лангар состоял из нескольких жалких грязных лачуг с маленькими дворами, заваленными охапками сена и вязанками дров. Ночью мимо нас прошёл большой караван верблюдов, направлявшийся в Дунь-Хуан, и едва не перевернул несколько наших палаток. Ночь была очень темна, и погонщики спали прямо в сёдлах. О приближении каравана возвестило дребезжащее позвякивание колокольчика. Прежде чем мы сообразили, что происходит, тёмный силуэт большого каравана уже вклинился в наш лагерь, и ноги верблюдов начали рвать канаты палаток. Только энергичные действия некоторых наших людей предотвратили дальнейшее разрушение и заставили испуганных животных разбежаться».

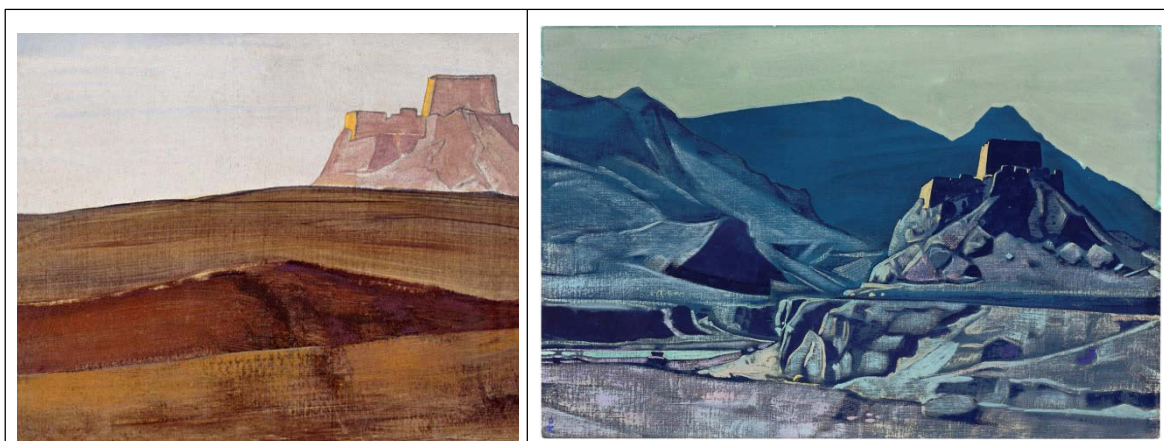
3 февраля 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«За ночь ходили караваны мимо нас. Целым оркестром звенели колокольчики верблюдов. Наконец, один караван наехал на нашу палатку и чуть не сокрушил её. С утра ветер. Пустыня вся побелела. Началась зима, и весь длинный переход мы шли, как по дальнему северу. Прошли старый лянгар с остатками башен. Зачернели низкие деревья и показался Акин - маленькая деревня в несколько мазанок. Караван наш очень запоздал, и опять сидим в ожидании.

«Опять бесконечные рассказы о трусости [китайского] полковника (тулин), о предательстве даотая, о глупости амбаня. Никогда и нигде мы не слышали такое дружное осуждение властей. Даже записывать скучно; так продолжаться не может; новому Китаю придётся совершенно изменить качество своих чиновников. Сун два раза упал с лошади. Китайскому отделу каравана положительно не везёт. Е.И. с восьми до четырёх ехала рысью, вот это удивительно. Когда-то она была ездоком.

«Откуда-то приносят для покрытия пола очень красивые кошмы. В Хотане таких не видали. Очень сложный мозаичный рисунок. Лучше, нежели ковры. Положительно, кошмы и набойки - лучшее из местных производств. Рисунки набоек те же, как в России XVII века или раньше. Рисовал».

Н.К. Рерих. Святыни и твердыни. 1926.

3 февраля 1926 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Проф. Рерих.

Родные, любимые.

Высылаю вам несколько фотографий для раздела «Лех – Каракорум – Хотан». Кроме ещё одного письма, помещаю здесь маленькое послание.

28 января мы отправились в Кашгар; затем путь на Ур. Мы идём среди морозов. Ожидаем встречи с миссионерами в Ур[умчи]. Из Ур. – далёкий путь в Мичиган. Конечно, вы понимаете, что сотрудничество Чамберса абсолютно необходимо. С прошлого июня только эта неотложная мысль проявляется везде. Остальное приложится. Вы уже знаете – Зина едет вместе с Морисом сейчас. На следующий год – Йен. и Светик. Нужно узнать адрес Макарова для того чтобы найти <...>. На настоящий момент Макаровы приняли представительство? Скажите Чахемб., что не исключено, что его работа этим летом остановится. Всё будет идти прекрасно, если никто не будет опаздывать. Пла-

ны издать отдельную книгу в Путнем Синд[икате]. – очень хорошие. Повторяю эти мысли, потому что мы не знаем, какое послание дойдёт. По вашим письмам мы чувствуем, что многие из ваших посланий не доходят. Мы радуемся, что С[офья] М[их.]. работает ещё больше. Так отличаем бдительных. Мы чувствуем, как учреждения вырастают в почву. С 24 января идёт третье *трёхлетие* из указанной тетралогии. Целуем всех вас. И мы идём.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Перевод с английского.)

3 февраля 1926 г. Каргалык.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Следующую остановку мы сделали в Акин-лангаре, перевалочном пункте на тридцатичетырёхмильном пути между Гумой и Каргалыком. До сих пор мы наслаждались великолепной погодой с тёплыми днями и прохладными ночами, но около Акин-лангара погода внезапно переменилась: к вечеру подул холодный ветер, температура упала ниже нуля. Ночью пошёл снег, и к утру вся пустыня покрылась тонким белым покрывалом. День был пасмурный, над каменистыми просторами пустыни неслись тяжёлые тучи. Очень холодный западный ветер затруднял продвижение, и мы испытали облегчение только в обжитой зоне Бешарыка.

«Город Каргалык не произвёл на нас впечатления крупного центра. Он стоит на одном из притоков Тизнаф дарьи, и через него проходит южный Кокьяр - Каракорумский торговый путь. Большинство владельцев караванов на Лехо-Яркендском пути являются коренными жителями Каргалыка. Город страдает от нехватки питьевой воды, и мы видели, как в самом центре базара люди рубили лёд в грязном водоёме. Местные власти отвели нам для отдыха гостиницу, но она оказалась слишком мала для нашего каравана. Поэтому мы дружно расположились в саду известного землевладельца. Вечером другая группа актеров развлекала нас тамаша, а затем выступили два китайских жонглера, продемонстрировавших своё искусство манипулирования тяжёлыми саблями и пиками с невероятной ловкостью. Поздним вечером вернулись в свои палатки».

4 февраля 1926 г. Каргалык.

«От Ак-кема до Каргалыка небольшой, но студёный переход по снежной пустыне. Говорят, что через день снег опять уйдёт. Почему-то полоса от Селяка до Каргалыка всегда особенно снежная. Может быть, это влияние какой-нибудь гряды гор - других причин не видно. Другая особенность здешних мест, что серебро и даже золото совершенно чернеет; наверно, состав почвы этому способствует. Постепенно по длинной слободе въезжаем в каргалыкские базары. Увы, по жестокому запаху они напоминают вонючий Шринагар. Спрашиваем, отчего здесь так грязно, хуже чем в Гуме. Обычный ответ: "Амбань бухао", то есть "амбань скверный".

«Нам отведено помещение на самом базаре среди невероятной грязи. Пришлось махнуть рукой на весь опереточный эскорт и на беков и самим отыскивать сад за городом. Нашли уединённый дом с садом. Завтра кончатся мрачные владения хотанского даотая. Не будет ли лучше? Одно не мог испортить этот преступник: он не мог засорить воздух пустынь. Чудный, предвещенный, студёный воздух.

«День закончился опять танцами. Дракон и ладья были обыкновенны, но лучше всего был танец на ходулях. Сказались природные артисты. Тот же русский танец с ухаживанием молодца за девицами под струны, похожие на балайку. И Дягилев и Большм могли бы позаимствовать для своих композиций. И слуги в красном с бумажными фонарями были неплохи. Эта чёрточка творчества на минуту осветила мертвенность пустыни».

5 февраля 1926 г. Кашгар
Из сообщения Генконсула в Кашгаре М.Ф.Думписа Зав. Отделом
Среднего Востока НКВД В.М. Цукерману от 5 апреля 1926 г.

«Рерих выехал в Урумчи 5 февраля 1926 г. В его экспедиции участвуют также и его сын и жена. Сын [Юрий Николаевич]....»

Публикуется по: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ)
А.Н. Хохлов.

5 февраля 1926 г. Каргалык – Яркенд.
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи:

«Каргалык проводил нас плохо. Приставленные беки оказались идиотами. Лошадей не достали. Наконец один бек явился на диком жеребце, который ударил Оллу - лошадь Е.И. Удар пришёлся по ноге Е.И., но, по счастью, был смягчён гилгитским мягким сапогом. И к чему только навязывают этих беков и солдат? Кроме неудобства и расходов, они ничего не приносят. Вчера пришёл китаец наниматься в слуги. Оказывается, он застрял в Каргалыке после убийства амбаня солдатами. Много убийств. Спрашиваем нашего Суна, отчего даже беки в Каргалыке скверные. Следует стереотипный ответ: "Амбань скверный" (выговаривают здесь не "амбань", а "амбал").

«Снег сразу прекратился за Каргалыком. Видимо, снеговая полоса кончилась, но зато начались белые солончаки. Проехали два базара. Миновали убогие мечети и кладбища и въехали в длинный базар Позгам. Остановились не в палатках, а в доме старшины. Это большой дом, с разными тёмными комнатами. Опять на полу цветные кошмы, даже стол и кресла с кожаными сиденьями. Конечно, дом этот указал случайный пенджабец с базара, а все беки только мешали двигаться. Когда же кончатся эти безнадежно однообразные селения, лишённые красок и гибнущие в лени и одичалости? Вот проехали кузницу. Конечно, она прекрасна для подробностей постановки "Нибелунгов", но как сельскохозяйственное приспособление она никуда не годна. В маленьких ямках полуголые люди и ребятишки дуют в игрушечные меха. Уберите отсюда смысл каравана, и всё погрузится в полный паралич».

---

6 февраля 1926 г. Яркенд.
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи:

«Почти весь переход до Яркенда - среди мирных заборов оазиса. На миг блеснула бурливая поверхность Яркенд-Дарьи. Мелькнула колоритная переправа на парамах среди обледенелых берегов, среди скопления коней, верблюдов, ишаков и маф, а затем опять те же мазары и глинобитки и головастые остовы придорожных ветел. Так до самого Яркенда, до самых глиняных стен.

Опять нам приготовлен дом на самом базаре, но является избавитель в виде ладакского аксакала. Нас везут за город, и в спокойном саду мы находим белый дом со службами, с красными коврами и, главное, с лхасской речью самого аксакала. Из Позгама нас проводило приветствие пенджабца: "Урус карош", а здесь - знакомая речь тибетская. Заехали к шведским миссионерам. Лечили нашего старика китайца. Слушали опять разные рассказы о местных обычаях; как китайцы-чиновники доводят население до полного разорения и затем легко управляют обнищавшими париями. Пришло письмо английского консула - он приглашает остановиться у них. Русско-Азиатский банк тоже предлагает три комнаты в Кашгаре».

Долина реки Яркенд-дарьи
(совр. фото)

6 февраля 1926 г. Яркенд.

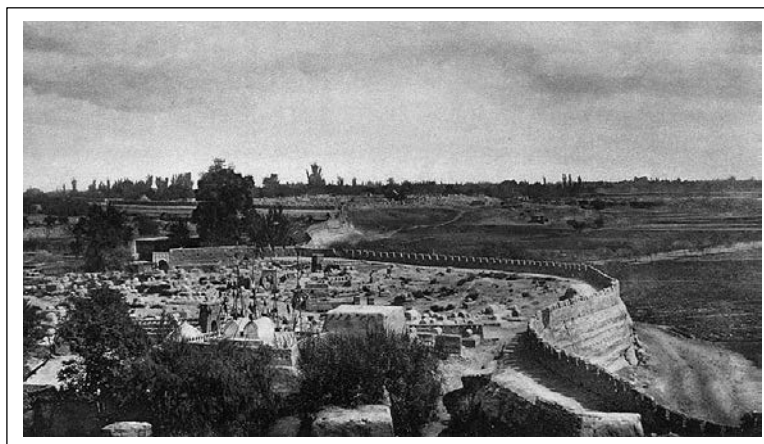
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«6 февраля мы вышли очень рано, чтобы до полудня дойти до Яркенда. Примерно в пяти милях от Посгама нас встретил слуга ладакского аксакала и передал приглашение остановиться в его летнем доме, расположенном на окраине Яркенда. Его мы с радостью приняли. Через Яркенд дарью экспедиция переправлялась на плотах. Чтобы переправить верховых и грузовых лошадей, а также грузы экспедиции ушло полных два часа. Затем мы направились в Яркенд по пыльной дороге, обсаженной тограками, или тополями.

«Дом ладакского аксакала Абдул Разака оказался идеальным местом для отдыха - чистый, с обширным садом, просторным двором и хорошими конюшнями. Абдул довольно бегло говорил на лхасском диалекте тибетского языка, проведя несколько лет в Лхасе; его семья имела твёрдую репутацию среди торгового люда Центральной Азии. Один из его старших братьев был аксакалом в Кашгаре, другой - в Лехе, а третий возглавлял крупное торговое представительство в далёкой Лхасе. Помощь аксакала оказалась для нас неоценимой. Мы не без удовольствия провели вечер с человеком, великолепно знавшим племена самых разных районов Центральной Азии. Утро следующего дня было заполнено деловыми визитами к местным властям.

«Яркенд показался нам более деловым и процветающим городом, чем Хотан. Это главные торговые ворота в Индию и Афганистан. На их крытых базарах и в

чайханах или ресторанах, всегда стоит разноязычный гомон. Яркенд - самый большой оазис в стране. Он прекрасно орошается посредством системы каналов, здесь возделывают рис, экспортируемый в Хотан и Кашгар. Кроме риса в оазисе выращивают кукурузу, пшеницу, ячмень, хлопок, лён, коноплю, кунжут и табак. По последней официальной переписи в оазисе проживают более 200.000 человек. Сам Яркенд разделён на две части: мусульманский город, или Конешар, окружённый кирпичной стеной с несколькими башнями, и китайский, или Ханьчъен, лежащий к северо-западу от центра. Афганское правительство держит в Яркенде консула, который, хотя официально и не признаётся китайцами, наблюдает за жизнью афганской колонии и блюдет её интересы в оазисе. Самыми ценными товарами афганского экспорта считаются опиум и бадахшанские лошади. Торговля эта ведётся тайно, контрабандистов обычно наказывают. Несколько лет назад вывоз бадахшанских лошадей был запрещён эмиром. Афганские торговцы, отправляясь в Китайский Туркестан или в другие места, обязаны давать подписку, что вернутся со своими лошадьми обратно. Однако, несмотря на эти строгие меры, породистых скакунов можно легко приобрести на яркендском рынке, причём торговля ведётся через киргизских посредников».

Вид окрестностей Яркенда с городской башни. (Совр. фото).

7-8 февраля 1926 г. Яркенд.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«День в Яркенде. Люди наши едят баранов. Тишина. Странная вещь, все решительно просят идти с нами дальше. Даже китайские солдаты эскорта говорят, что с радостью пошли бы дальше с нами. В подметальщики поступил китайский капитан. Также просится какой-то армянин, мажордом бывшего амбана - все просят. Этак до Урумчи дойдём в международном составе. Были с визитом у местного амбана. Впечатление производит лучше хотанских "правителей".

«Когда наш Цай Хань-чен начал излагать обстоятельства нашего хотанского плена, то амбань искренне возмутился. Но самое замечательное это то, что, по словам амбана, всюду получено письмо из Пекина о нашем проезде и об оказании нам содействия. Амбань возмущается, как смели хотанцы не признать пекинский приказ.

«Опять едем базарами. То же самое, как в Хотане. Маленький вариант: на воротах ямыня вместо кошкоподобного дракона изображён ряд воинов с мечами. В три часа к нам являются солдаты и беки, и в сопровождении красного

зонтика шествует сам амбань. Следует мирное чаепитие. Амбань извиняется, что не мог устроить нам завтрак из-за скорого нашего отъезда. После всяких любезностей расстаемся. Является китайский доктор для Цай Хань-чена. Стоят часовые в чёрных тюрбанах.

«Приходит китайский театр. Пробуют лошадей. Мирная средневековая чепуха.

«Откуда-то пробрались в Яркенд слухи о каких-то событиях в Китае, о каких-то выступлениях Фына, о закрытии банков в Пекине, о действиях старой династии! Но никто ни о чём не знает и ничего понять нельзя».

8 февраля 1926 г. Яркенд.

Будда был противником тюрем. Он требовал труд и усиленную работу. В Дарджилинге недавно был любопытный случай. Случайно в толпе был арестован старенький лама. Он ни в чём не оправдывался и был посажен в тюрьму. Пришёл срок выпустить его, а узник нейдёт. Говорит, никогда и нигде он не имел такого спокойного места, где не шумят, где кормят и не мешают размышлять. С трудом уговорили старика покинуть тюрьму.

«Лама говорит: "Не бейте людей, но пусть по справедливости работают". Так замечает лама, видя, что беки бьют народ и поселяют вереницу ненависти, крика и унижения.

«При отъезде не обошлось без драки. Сам Яркенд производит лучшее впечатление, нежели Хотан; он и больше размерами, и разнообразнее товарами, и даже глиняные башни и стены дают хотя бы небольшое декоративное впечатление.

Кашгарский хребет. (Современное фото)

«А потом за вершушками деревьев показались горы, Кашгарский хребет и не покидали нас с левой стороны весь путь. И всё как-то окрасилось - и озёрки во льдах, и синие речки, и коричневые бугры на синем фоне скалистых гор. Уж очень любим мы горы. Наша собственная планета была бы очень гористая!

«Опять хлопоты с китайцами. Оказалось, что Цай Хань-чен начал сильно курить опиум и этим вносит разложение среди прочего каравана. Придётся применить строгие меры. Стоим за околицей маленькой деревни Кокрабат. Будет объявлено, что каждый курящий опиум будет удалён немедленно».

9-11 февраля 1926 г. Путь в Кашгар.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Опять мазары, могилы со знамёнами. Маленькие мечети для намазов. Насколько трогательнее намаз в пустыне на коврике перед ликом неба, нежели намаз перед голой глинобитной стеною. Очень убоги эти придорожные глиняные мечети с кривыми стенами и игрушечными башенками. Куда же ушло творчество этого края? За всё время видели одну недурную серьгу - филигранную и пару серебряных пуговиц. При солнце красиво едут женщины на ослах в ярко-зелёных и пунцовых чекменях. Как будто здесь зобов меньше, чем в Хотане. Интересна задача исследовать, отчего происходит такое чудовищное разрастание щитовидных желёз. Кроме качества воды должны быть ещё причины.

«Мимо проезжает человек с соколом на руке. Соколиная охота здесь ещё является любимым спортом. Нас провожают стаи назойливых ворон и воронов. Вспоминаем, как в Монголии иногда приходится отстреливаться от несметных стай воронов, нападающих на коней. Идём по Каракумским пескам, то есть по "чёрным пескам". Слой щебня и гальки придаёт пустыне сероватую, жемчужную поверхность. Налево всё время продолжают груды гор. Странно думать, что за этими горами уже Русский Туркестан, и что упираются эти хребты в высоты Памира. Первый день после трёх месяцев, когда пустыня действительно красива, красочна и разнообразна. И голубое небо разукрасилось особенным изысканным рисунком перистых белых облачков. На гребнях гор сверкает снег; розовые предгорья вливаются в синюю дымку, из которой выплывают очертания хребтов. Светлый день.

«Люди ждут Кашгар. Всё хорошее в Кашгаре называется русским. Хорошие дома - русские; хорошие сапоги - русские; хорошие кони - русские; хорошие телеги - русские. Проезжаем два-три заброшенных лянгара - постоянных двора - и в облаках беспросветной пыли входим в Кизил на стоянку. Переход считается длинным, но мы пришли уже в два с половиною часа. Кизил - странное, полузаброшенное место с молчаливыми глинобитными квадратами мазанок. Большое старое мусульманское кладбище. Издали оно походит на целый город из красноватой глины. Чернеют дыры старых могил. Люди жалуются на Цай Хань-чена. Старик целую ночь курил опий. Решили оставить его как можно скорей, нельзя держать в караване такой скверный пример. Лучше всех китайцев держится Сун, не курит и проявляет находчивость. Спросили, отчего у него отрублен мизинец на левой руке. Оказывается, он был отчаянным игроком, всё проиграл, обнищал и заплатил долг тем, что сам себе отсёк мизинец. Итак, у нас один игрок, один офицер убитого амбаня, один из каравана убитого американца Лэнгдона, один отчаянный курильщик опиума. Довольно пёстро!

«Наш ладакец Рамзана так нарядился, что даже приколол на грудь две пряжки от подвязок. Вот уж истинный кавалер ордена подвязки. Но главное желание Рамзаны - нести ружьё и ехать на доброй лошади. Ему 18 лет; из него может выйти полезный человек. Отец его мусульманин, мать - буддистка. По каким-то приметам ламы признали его перевоплощением умершего настоятеля монастыря, но отец, как ярый мусульманин, помешал его монастырской карьере».

«10 февраля 1926 г. Мгла, северный ветер и густые облака пыли. Долго шли какими-то песочными коридорами и глубокими выбоинами. Давно не видели такое количество всепроникающего песка. Затем пошли седые солончаки и низкие бугры зеленовато-бурого тона. Стало красивее. Когда же мы дошли до Кингул-Дарьи с высокими берегами, с обледенелым высоко висящим мостом, с запрудами и нагромождениями стен и домов - стало совсем хорошо. Такие пейзажи бывают на старокитайских рисунках. Входим в длинный базар Янгигисара. Приготовлен дом на базаре и, как всегда, негодный. Остановились в шведской миссии. Разговоры о Стокгольме, о лечении зубов (йодом), о продвижении Фына на Синь-цзян.

«Рассказывают, что позади гробницы Магомета находится пустая гробница, приготовленная для Иисуса во время его второго пришествия. В Исфахане в Персии держится осёдланный белый конь, готовый для пришествия Мессии, - каждый по-своему!

«Сейчас пришли индусские купцы сказать "салям" и передать приветствие к приезду. Показывают фотографию с распятого дитая и с убитого его сына. Рассказывают средневековые подробности этого убийства без суда. В общем, сведения хотанские совпадают, кроме детали отрезывания головы. Здесь говорят, что распятый правитель оставался на кресте два дня, а затем тело его было куда-то заброшено. И теперь мазар (гробница), выстроенный правителем, стоит пустой. В газетах мало писали об этой трагедии с распятием. В Пекине заседают какие-то безжизненные формулы, а здесь идут своим чередом распятия и предательства, и продажа людей, и щедрая плата убийцам. Необходимо ускорение эволюции.

«Говорят, что около Кашгара есть развалины буддийского храма. Так и должно быть, ибо в этих краях буддизм был, но интересно, что об этих развалинах не приходилось слышать раньше. Значит, в Кашгаре есть и мечети, и мазар Мириам, и развалины буддизма.

«Вечер проводим со шведами. Тихий ужин. Рассказы о богатствах этого края, где обрабатывается не более трёх процентов всей площади. В близких горах находится железо, медь, серебро, каменный уголь. Убитый дитай предполагал начать какие-то разработки, но теперь эти возможности опять погрузились в темноту.

«11 февраля 1926 г. Простились с гостеприимной семьёй Андерсона. Семимесячный Свен уставился своими голубыми глазами на Е.И., крепко захватил её палец и не хотел отпускать. Поговорили о хлебородности края, где кроме разных овощей в диком виде растут многие целебные растения: рицинус, лакрица, дигиталис и другие. Можно представить, как заработала бы эта равнина под фордовским трактором. Говорят о безлесьи этих мест, но в двух днях пути (а переходы короткие) отличный каменный уголь. Везём с собой кусок этого продукта, не уступающего лучшим образцам. А кто сказал, что здесь же поблизости нет и нефти? Или в горах нет радия? При этом как легко засадить целые плоскости деревьями. При раскопках часто находили огромные пни и стволы давних лесов в этих местах; стоит лишь применить минимум трудолюбия и находчивости, и край сделается неузнаваем. Здесь летом очень много вод, стоит лишь собрать их в хранилище. Вот в феврале и январе холодно. Студёный ночной воздух освежает природу. Если бы только китайцы не боялись всего нового и если бы их чиновники назначались по достоинству, а не по спо-

собности грабить. Иначе откуда же эти непонятно скорые обогащения амбаней и даотаев? Таким путём каждое проявление трудолюбия оказывается лишь поводом к быстрейшему обогащению чиновников, погрязших в опиуме и в игре. Стоим в Яберчате, в маленьком месте в четырёх часах от Кашгара. Могли бы легко сделать путь до Кашгара в один день, но из-за грузовых лошадей приходится стоять за околицей среди головастых ив и глинобитных стенок».

12-15 февраля 1926 г. Кашгар.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Мгла, низкий кустарник, голые ветлы и ухабистая дорога с переходами через покрытые льдом потоки. Сперва минуем новый город Кашгар. Стены внушительнее яркендских. На базаре видно больше пыла и движения. Арестанты в цепях просят милостыню на прокормление. Между новым и старым городом около двух потаев расстояния. Навстречу скачут два ярко-красных "чепраси" от английского консула. Консул ждёт нас завтракать, пока приготовят дом Русско-Азиатского банка. Консул и его жена участливо говорят "о характере" китайского управления. Оказывается, хотанский даотай известен по всей провинции, и никто не удивлён его поступкам. Приходит караван. Приёмка вещей. Сложности нет.

13 февраля 1926 г.

«Китайский Новый год; в четыре часа утра нас разбудило хлопанье пестард и ракет. За стеною столб пламени и выстрелы. Думали, что это пожар. Приходят консул Гиллан с женою. Оказывается, оба они шотландцы. Среди шотландцев мы давно встречали симпатичных людей, и эти принадлежат к хорошему типу шотландских кланов.

«Приходит ладакский аксакал. Мусульманин, долго живший в Лхасе и Шигацзе. Приходит старый переводчик русского консульства. Жалуется на развитие курения опиума и конопляного гашиша. Богатые позволяют себе роскошь употреблять дорогой опий, а бедные одурманивают себя домодельным гашишем. Возможность заработка здесь уже очень плоха. Прежде до тридцати тысяч народа ежегодно уходило на заработки в Россию.

«И опять бесконечные рассказы о грабительском обогащении китайских властей.

«Когда сидите в мирном китайском ресторане в Америке, вспоминаете о грабителях даотаях и амбаниях, держащих народ в полном отупении. Увеселительные моторы в китайских кварталах пусть напомнят, как во мраке невежества гибнут миллионы людей.

«Приходит директор отделения Русско-Азиатского банка Анохин. Новая волна информации. В каждой части провинции свои деньги, трудно принимаемые в соседнем уезде. В Кашгаре - сары; в Урумчи - ланы, стоимостью в одну треть сара; в Кульдже - свои ланы, которые население называет рублями. При этом половина или четверть лана достигается разрыванием знака на соответственные части. Вследствие этих операций денежные знаки обращаются в труху, лишённую всяких обозначений. Когда же является необходимость вернуть знаку его прежние размеры, то подклеивают куски случайной бумаги. Можно получить ланы, на которых половина состоит из объявления о продаже мыла или что-нибудь настолько же неожиданное.

«Повидали миссионера - шведа Пальмберга. Несмотря на медицинскую деятельность шведских миссий, они периодически подвергаются преследованию со стороны властей. Недавно даже должны были временно прекратить работу, а между тем они являются единственными докторами на весь большой край. Даже при гарнизонах нет ни одного врача. Местные жители говорят нам: нигде в мире не знают, что творится в заброшенном Китайском Туркестане, отданном на разграбление кучке невежд. Просят: "Напишите, сообщите миру об одичании целого края". Опять проходят арестанты в цепях, просящие милостыню. Этот обычай был характерен для XV века, но видеть его применение сейчас поражает».

14 февраля 1926 г. Кашгар.

«Сидим в полу-бездействии, ибо китайский Новый год празднуется несколько дней. Вспоминаю, как американский консул в Калькутте, милый Дженкинс, высчитал все дни в году, не затронутые праздниками всех местных национальностей. Осталось всего 52 рабочих дня. И здесь праздновался европейский Новый год, а теперь китайский. Очень мешает исчисление месяцев в разных толкованиях. Мусульманское, китайское, тибетское - все считают на разные сроки.

15 февраля 1926 г. Кашгар.

«Утром были у даотая. Впечатление добродушное. Ямынь имеет более жилой вид. Не видно оборванной солдатчины. Нет толпы беков. Там же был заведующий иностранной частью г. Дао. Конечно, паспорта наши оказались совершенно правильными. Рекомендательные письма найдены отличными. И выражено изумление действиям в Хотане. Немедленно пошлют телеграмму генерал-губернатору о выдаче нам нашего оружия. В течение дня видели шведского миссионера Торквиста и много жителей местной колонии. Любопытно отметить, что генерал-губернатор давно стремился выбраться из Урумчи восвояси с награбленным добром. Но соседняя провинция не пропускает его без уплаты многомиллионного выкупа. Так, один его караван из нескольких арб с серебром был уже захвачен. Теперь "сановник" пытается перевести свои капиталы в иностранные банки. Надо также отметить, что после убийства дитая и его сына в Кашгаре их семьи подверглись полному ограблению. Из ушей жены сына были даже вырваны серьги. Принесли фото с распятого дитая. Друзья, посмотрите на это зверство без суда и без ответственности. Впрочем, говорят, что даотай из Аксу уже собирает солдат, чтобы идти на Хотан. Награбленное добро недолго лежит на одном месте».

---

15 февраля 1926 г. Гильгит.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Гильгит 15 февр. 1926
Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ЭКСПЕДИЦИЯ ОСВОБОЖДЕНА ПРЕКРАТИТЕ ДЕЛАТЬ ПОПЫТКИ СООБЩИТЕ
ЧАМБЕРСУ О МОЁМ ДОКЛАДЕ ТЧК САМОЕ ВАЖНОЕ ТЧК ЗИНА МОЖЕТ СОПРОВОЖ-

ДАТЬ МОРИСА ЭТИМ ЛЕТОМ ТЧК ОТПРАВЛЯЙТЕ ЧЕРЕЗ МИСГАР ЙЕНТА ПОЕДЕТ СО СВЯТОСЛАВОМ СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ ТЧК СЛЕДЕДУЕМ ЧЕРЕЗ КАШГАР УРУМЧИ РЕРИХ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ.)

---

15 февраля 1926 г. Гильгит.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам.

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ВТОРАЯ КНИГА УЧИТЕЛЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАПЕЧАТАНА БЕЗ ОШИБОК / ПРИБЫЛИ КАШГАР / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ НАЧАЛЬНИКА ПОЧТЫ УРУМЧИ / ПОЛУЧИЛИ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ ШАНХАЙ ТАШКЕНТ / ЛЮБЛЮ / РЕРИХ.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ.)

16-20 февраля 1926 г. Кашгар.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«16 февраля. Приезд даотая. Нудные разговоры о культе предков, об астрологии, о погоде. Смотрел снимки с моих картин. Говорил, что уже телеграфировал в Урумчи о разрешении нам ехать дальше. Эти разрешения для каждого шага напоминают самые жестокие времена и просто надоели до последней степени. Даже пожаловаться на грубость властей можно лишь с разрешения. Проходя по городу, ещё раз всматривались в местные типы. Есть очень жестокие лица. Гораздо больше нищих и калек, нежели в Яркенде. Нужно обменять оставшиеся рупии. Советуют взять русское золото. Сейчас оно стоит наравне с червонцем. Привозят его киргизы с гор. Индусы и тюрки охотно берут его».

«17 февраля. День для обмена денег. Выборы тарантаса. Новый кучер - казак из Оренбурга. Поучительная сцена на базаре. Мулла плетью сгоняет народ в мечеть. Удары сыплются на спины, плечи и лица. Молитвенный энтузиазм плохо достигается, и многие спешат укрыться в переулках. Говорят, что медресе - школы при мечетях - плохо посещаются. Народ даже среди дикости ждёт более утончённых и углублённых форм познания».

«18 февраля. Недалеко от селения Артыш можно видеть высоко в скале три окна. Конечно, это буддийские пещеры, осмотренные Лекоком и Стейном. Снизу можно различить остатки росписи. Особо значительных предметов там не нашли. Народ украшает эти пещеры преданием. У старого царя была дочь. Ей была предсказана смерть от укуса скорпиона. Чтобы спасти её, царь устроил жильё высоко на скале. Но судьба исполнилась. Царевна захотела отведать виноград. На верёвке подняла к себе корзину, в которой притаился ядовитый скорпион.

«В пятнадцати верстах на восток, среди кладбища, показывают могилу Марии, матери Иссы. Подробности легенды ускользают. Почему именно Ма-

рия, в Кашгаре никто не может рассказать. Так же как и об Иссе в Шринагаре. Нет ли здесь следов несторианства и манихейства?

«По базару важно проезжает с плетью в руке кадий - судья. Едет ловить игроков в азартные игры. Конечно, кучки игроков быстро разбегаются и после проезда "блюстителем" снова тотчас смыкаются. Так же как опий, азартные игры истощают население.

«Входим в китайское жильё. Против входа алтарь новогодних приношений и сластей. На стене яркая картина "владыки" богов. Кто же это? Ведь это тот самый Кейсар; ведь это тот, кого ждут каждый по-своему. Новый год приветствуется именно его изображением. Даже в почти мусульманском Кашгаре притаилось дальневосточное верование. Там же увидели Гуаньинь - Матерь Мира, и человека - долгую жизнь (синтез всех возрастов), и ещё одно изображение "Владыки богов". Это изображение менее сложно - всего две фигуры. "Владыка" и его хранитель. "Владыка", сидя у стола, следит за пламенем красной свечи. На лбу "Владыки" драгоценный камень, как красная звезда. Картина новейшей простой работы, но очень декоративна. Зашли во двор храма. Самый храм заперт. Служба не совершается. Против входа сцена для китайского театра.

«Предвечернее солнце заливает берега Тюмен-Дарьи. По узкому мосту идёте к песчаным обрывам. Как мёртвый город, недвижимо и неодушевлённо стоят над этими песчаными кручами глиняные стены. Деревья - голы; можно видеть далеко. Это первый вид, который можно назвать среднеазиатским городом. И не под вонючими навесами тесных базаров, не в лице прокажённых, но в золоте лучей солнца и в недвижимости стен вы верите, что Кашгар действительно старое место».

«19 февраля. Много подпочвенных вод в Кашгаре. Разливы рек и рисовые поля вызывают особый вид лихорадки вроде малярии. Самые разнообразные симптомы. Ломота суставов, сонливость, боль конечностей. Нелегко получить деньги по чекам из Китая. Нас должны ждать таэли еще с ноября, но вот уже конец февраля, а почта оттягивает выдачу. Конечно, может быть, деньги отданы в рост. Рассказывают, что один из местных амбаней долго отказывался перевести собранные налоги генерал-губернатору, ибо они были отданы в рост для обогащения амбаня. Принесли снимки с жертв "правосудия": ряды людей с отрубленными пальцами, ступнями, с перерезанными сухожилиями. Большинство из них не сумело или не могло вовремя заплатить "кому следует". Здесь же снимки с убитого дитая в полной "славе", с двумя лентами накрест, со звёздами и с растопыренными ногами. Здесь же снимки с разработки нефти, начатой дитаем. Группа жён дитая и другие местные чиновники. Пришли старые письма из Америки от 30 октября, через Пекин. Этим путём потребовалось три с половиной месяца, чтобы достичь нас. Найти лошадей здесь, по-видимому, ещё труднее, нежели в Яркенде. У доктора Яловенко нашлись все лекарства, нужные нам. Его маленький госпиталь гораздо более оборудован, нежели в шведской миссии. Пьём чай у Гилланов; идём с ними осматривать ступу. Около реки дорога начинает уже делаться вязкой. Переходим узкий мост и поднимаемся вверх среди причудливых песчаных формаций, созданных и водою и землетрясениями. Конечно, здесь была древнейшая часть Кашгара; здесь могут быть найдены буддийские следы. Сама ступа превратилась в бесформенную глыбу, и лишь остатки кирпичной кладки внизу выдают её построение. Размеры её ве-

лики; не меньше большой ступы в Сарнате. В сущности, сохранилось лишь одно основание, а весь верхний купол исчез. Трудно среди песчаных оползней различать строительные развалины. Сколько таких замаскированных развалин погребено близ течения рек и под пологими курганами, под этим типично азиатским покровом...

«Холодеет к вечеру. И лиловым силуэтом стоит Кашгар с китайским храмом на стене города. Силуэт не лишён покоя и величия, но это, так сказать, ложное величие, ибо громада силуэта превращается в хрупкость глиняных и песчаных строений. Поздно вечером к нам стучится Джордж Чжу, китаец, секретарь британского консула. С доброй вестью, с телеграммой от дуту из Урумчи. Разрешено ехать. Но, несмотря на представление кашгарского даотая и британского консула, наши две винтовки и три револьвера оставлены запечатанными, а о разрешении писать картины вообще не упомянуто, хотя и консул и даотай об этом определённо спрашивали в телеграммах. Мистер Джордж Чжу, улыбаясь, говорит: "Я учился английскому языку у американского учителя в Пекине, и я рад был помочь и принести добрую весть американской экспедиции"».

«20 февраля. Спешно готовим караван, чтобы уйти как можно скорей до наступления весенней распутицы и до разлива рек. До Урумчи добрых 1800 вёрст. Трудно достать лошадей. Все лучшие лошади угнаны в Фергану, где огромный спрос на лошадей из России. Надо уволить Цай Хань-чена; он совсем взбесился, побил вчера вечером ладакца Мусу; он жертва курения опиума.

«Идём сказать благодарность Гиллану за его помощь и телеграммы. Говорю ему, как приятно отметить культурное отношение к задачам нашей экспедиции. Жалею, что, несмотря на его представление, ни оружие, ни разрешение писать этюды не дано. Прошу его дать текст посланных им телеграмм для внесения в дневник.

«Потом разговор об обмене рупий, которые поднялись в цене, на сары. Ходит слух о замене ходящих сар новой монетой. Никто ничего не знает. Именно, как миссионер Торквист назвал этот уголок Туркестана: заводье стоячей воды. Торквист говорит: "Китайцы рождаются конфуцианцами, живут даотистами, а умирают буддистами". Хотелось бы посмотреть настоящих китайцев. Столько говорится о напряжённой работе в Кантоне. Неужели там не знают о тёмной жизни Китайского Туркестана? Неужели не знают, как один грабитель сменяет и распинает другого грабителя не для блага народа, не для суда, но ради личных счетов и личного обогащения? А пособники "власти" богатеи-беки гуляют нагайками по согбенным спинам бедняков».

«21 февраля. Невозможно найти лошадей. Все годные лошади зафрахтованы на Андижан для перевозки товаров из России. Ходят слухи, что в Андижане заготовлено товаров на три года. Теперь же требуют за лошадей по 1 сару в день. Цена неслыханная. Придётся взять арбы, а это значит, что до Урумчи вместо 40 дней придётся идти 55 дней. Ведь 1800 верст. Надо безмерно спешить, иначе начнётся ростепель. За городом, вблизи конного рынка, интересный мазар Гиссарлик - мазар, приписываемый какому-то монгольскому князю. Есть поверие: если бросить кусок глины в купол мазара, то отпадают бородавки».

«22 февраля. Послали в Америку телеграммы и письма. Пусть купят Бурлюка и вещи новаторов. Ведь максималисты художники борются против той же всепроникающей пошлости и лицемерного мещанства. В будущем американском Музее должен быть большой отдел нового, а также отдел иностранцев, внесших в Америку своё творчество. И привлекайте больше молодых; надо, чтобы резерв был силен и подготовлен. Нельзя биться в одну линию. Если сочтём все задержки, последовавшие от хотанского плена, то окажется, что мы потеряли три месяца, которые так нужны были ввиду наступления весенних разливов».

---

23 февраля 1926 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Родные, любимые, посылаю вам фото титая Кашгара (генерала); в моей статье о Хотане рассказывается о его *распятии*. Это *редкий* снимок. Сделайте с него фото. И эту копию отправьте Британскому Консулу майору Гиллану, Кашгар через Гильгит, Британская Индия. Снимок пойдёт в списки иллюстраций к моей статье. Как жаль, что всё ещё нет знаков от Чамберса. Может ли быть так, что Дядя не смог ничего сделать? Сейчас мы со сверхчеловеческими усилиями спешим отправиться в путь на Урумчи (1800 вёрст), иначе мы попадём в весеннее наводнение. Могут ли быть плохими репродукции картин, сделанные Брентано? Это *американское* издательство, и ему следует стараться всеми способами (приложить все усилия). Мы надеемся, что книга Тарухана о Сибири становится сильной, красочной, увлекательной. Это редкая возможность говорить о любимой Сибири. И снова Задание: не изменять знаки и девиз учреждений. Можно изменять размер, но содержание знака и девиз должны быть неизменяемыми, повторёнными во всей литературе. Мастер Институт успешен, потому что меньше всего он изменял своим принципам. Мы получили «разрешение» на поездку на Урумчи, но, тем не менее, право на ношение оружия и написание этюдов не дано. Это очень своевременно и полезно для нас, потому что этим самым актом китайцы приняли все последствия на себя. Последнее письмо Авираха получено 12 декабря. Для нас едва ли возможно получить здесь что-нибудь ещё от вас. В последний момент пришло старое (через Китай) письмо Логвана от 24 нояб. – такое хорошее и с доброй волей. Этот свет доброй воли всегда открывает врата лучших достижений. Кому можно *доверять*, как не доброжелателю по природе своей? Как прекрасно пишет Логван о Ньюбергере – он тоже светлая душа, готовая к истинной кооперации. Стало очевидно, что статью о Хотане и теперешнем пути я передам позже. Сейчас у вас есть много материала от предыдущих отправлений. Сейчас мы остановились в доме бывшего Русско-Азиатского банка. Мы получили деньги через Ташкент. Таким же способом я получу ещё \$1000 (в золотых монетах). С банковскими чеками в Китае труднее. Заказ по деньгам был сделан и получен ещё в ноябре, но до сих пор почта не может собрать деньги для выдачи. Условия в этой стране ужасающие. Вообще мы увидели китайцев в новой перспективе. Трудитесь, дорогие и любимые. Расстояний не суще-

ствуем. И мы всегда в духе с вами, и в этом единении будут преодолены самые трудные переходы (перевалы). [Британский Консул Гиллан помог нам].

Теперь очень трудно найти лошадей. Все лошади идут в Андижан, чтобы перевозить товар из России. Когда я пришлю вам свои заметки, вы узнаете что такое «должностные лица» Хотана. Входя в Китайский ресторан, вы будете вспоминать, что может произойти в Китае! – Где должностные лица грабят население в кратчайшие сроки. Мы всё ещё ожидаем адрес Макаровых. Мы просили об этом уже летом. Телеграфируйте в Урумчи (миссионерам). Все наши усилия направлены на то, чтобы главные художественные задачи экспедиции были выполнены. Мы слышали об упомянутых вами друзьях Свят[ослава]. Кто они? Какая у них специальность? Конечно, сейчас оставьте Б. Янг в покое. Каждый приближается в своё время. Она знает, что ей разрешено подойти, но мы знаем, что никого не надо тянуть за волосы в рай. Каждый может свободно приблизиться или отойти, неся личную ответственность. В этом понимании личной ответственности и состоит понимание свободной эволюции. Вы можете позвать, вы можете открыть верь, но войти и применить силы каждый должен сам. Это закон. Нам радостно слышать, что Новый Синд[икат] работает. Подумайте, в Исфахане (Персия) держат осёдланную белую лошадь для грядущего Мессии. Так, каждый по-своему готовится к мировой эволюции... (обрыв письма)

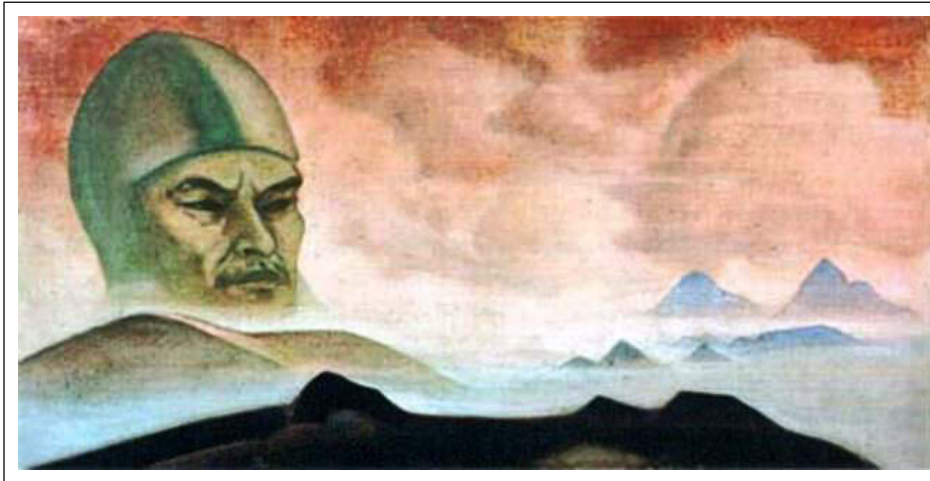
Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с англ.)

23 февраля 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«23 февраля. Нелегко получить деньги через китайскую почту. С ноября месяца почта не может собрать 1600 мексиканских долларов. Прямо смешно, когда знаете, что местный генерал по поручению генерал-губернатора тут же переводит 10 000 фунтов "частных сбережений".

«Ездили к даотаю говорить о нашем оружии и о разрешении писать этюды. Дао-тай положил резолюцию: пробуйте писать картины, а если полиция будет запрещать, то перестаньте". Оружие наше заржавело от сырости. Когда мы указали на это, то нам было сказано переводчиком британского консула: "Не делайте затруднений". Мы опять почувствовали себя не в стране права, а в стране личного произвола. Ещё было сказано нам, что если дуту (генерал-губернатор) найдёт нас достойными, то разрешит нам и оружие и работать. Нужно большое хладнокровие, чтобы принимать серьёзно все эти сентенции. Интересно, каким путём и аппаратом будет генерал-губернатор исследовать нашу "достоинность" для работы и оружия... Но "достоинность" подобных властей для нас ясна без всякого особого аппарата. Откуда эти залежи невежественности? В довершение нам было указано, чтобы мы из оружейного ящика не вынули более того, нежели позволено (то есть не вытащили бы револьверы). А ведь китайцы в Америке оскорбились бы за такое предупреждение. Как всегда, визит кончился уверениями, что нам очень помогли. Этакое лицемерие!»

Н.К. Рерих. Явление срока. 1926.

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ О ЛЕНИНЕ

Своеобразная ленинская литература собирается в разных частях света. Народное творчество в легендах и песнях по-своему обрамляет облик великого революционера. Существуют целые коллекции сказаний китайских, киргизских, сартских и других народностей. Некоторые из них обнимают целые народные группы, представляя настоящий суд народов о событиях современности.

Наш восточный корреспондент сообщает одну из таких широко распространённых легенд, над значением которой следует серьёзно задуматься.

«Батур-Бакша Ленин пришёл сказать народам слово Истины. Говорит Батур товарищам: «Скажу все слова Истины». Устрашились товарищи: «Лучше скажем половину Истины, иначе не устоит твёрдая земля». Но Батур не может промедлить, идёт сказать полное слово Истины. Обратилась змея в чёрную стрелу. Как ударила змея посреди Батуровой груди – слово Истины не сказано, будут хоронить Батура на печаль всем людям. Но не может от змеи покончиться сам Батур. Он оставил в гробе оружие своё и отошёл тайно в поле. «Пойду искать новых товарищей, кто не боится полного слова Истины». Ходит Батур по горам, ходит по пустыням. Как солнце, жжёт полное слово Истины. Побелел Батур от зноя Истины. Зовёт Батура Сам Водитель Шамбалы: “Эй, Батур, дам тебе одно из Моих Имён. Дам тебе новых товарищей, не погнутся они от полного слова Истины. Ты взойди на гору Адыган, ты посмотри на полдень. Когда заметишь пыль великую, как засмотришь копы, как посчитаешь коней, так Сам Я иду. Ямучи(Гэсэр Хан) Сам следом за Мной. Поспешай, зачем оглядываться, смотри на полдень. Слово Истины пришло!”

Так, в сокращённом переводе, поют в глубине Азии. Батур-Бакша Ленин не умер, но ищет новых товарищей, не боящихся слова Истины. Отмечено обращение Батура на полдень. Такими словами Азия ждёт полное слово Истины.

Nicholas Roerich Museum, New York. Машинопись, 1 л. Публикуется по изданию: В.А. Росов. Николай Рерих «Вестник Звенигорода». Кн. 1. Великий план. СПб. Изд. Алетейя. М.

23 февраля 1926 г. Кашгар
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

Пишу вам, мои родные, накануне нашего отъезда. Путь перед нами длинный, думаю, дней через 50 достигнем Урумчей. Вы уже знаете, что Белый будет в Мичигане в конце мая. Радостна будет встреча с ним, ибо всё идёт прекрасно. Из всех ловушек выходили победителями. Английский консул здесь распинается в любезности, должно быть, получены директивы загладить неудавшуюся их провокацию – ловушку в Кашмире. Кроме того, такая назойливая любезность лучший и простейший полицейский досмотр. Идём со всею осторожностью.

С восторгом читали «Известия», прекрасно строительство там, и особенно было тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя Ленина. Спросите дядю [Борю], он должен иметь эти газеты, - почитайте их, очень поучительно после безумия и пошлости Запада. Воистину, это Новая страна, и ярко горит заря Учителя над нею. Спешите проникнуться всем духом к данным заветам общины, ибо в этом залог *спасения нашей планеты* – поймите эти слова буквально. Белый при свидании многое пояснит вам из указанного и показанного нам Махатмами Востока. Много, очень много из явленного привело нас в ужас и трепет, но была и радость космичности момента. С каким восторгом и благоговением преклонится спасённое человечество перед этими великими душами на страже эволюции планеты. Они поручили нам отвезти в Москве на могилу Ленина коробочку, наполненную землёю, где ступала нога Будды (этого великого учителя и провозвестника общины), с надписями на тибетском и русском языках: «Махатмы Востока на могилу русскому Махатме».

Радуемся, что вы, при вашей духовной подготовке, легко взойдёте ступень великой эволюции, и ступень эта называется – община М. Если б люди поняли, что сулит им принятие общины! Порумочка, моя родная, и вы все мои любимые, примите общину – не обеднеете. Так повторяем ежедневно. Община прекрасна! Помните все, что Америка оставлена в стороне до 29-го года, сложен будет 30-й, и лишь провозвестие общины будет тогда подобно спасительной верёвке в горах. Община – ключ ко всем вратам познания и достижений. Община – ключ ко храму и дому Учителя! Община – кооперация! Слепы люди, не видят, что вокруг них и в них самих всё кричит и утверждает кооперацию. Что есть Космос! Чем обусловлено самое существование нашей планеты, как не космической кооперацией. Люди, люди, вдумайтесь и поймите это и возликуйте духом перед этой грандиозной общиною вселенной. Пишу лишь об общине, ибо это самое главное, что должно войти в ваше сознание и утвердиться в нём для дальнейших достижений. Путь отказа является истинным путём вмещения, а вмещение есть ключ к космическому сознанию. Пишу эти строки, а за окном звенят колокольчики караванов, идущих на Андижан – в новую страну. Трудно достать лошадей. Всё потянулось туда.

Любимые, любимые, обнимаю вас со всею любовью и просим идти так же твёрдо, как вы шли до сих пор. Пусть никакая клевета не остановит вас, и не смутит кажущаяся очевидность. Помните твёрдо завет – чем хуже, тем лучше – тактику адверза, при которой не может быть поражений. Идём, полные безграничного устремления выполнить возложенное поручение, и все затруднения нам на пользу, всё разыгрывается как по картам. Каждое затруднение как

готовая ступень под ноги. Нам нужны затруднения, ибо лишь ими *можем продвигаться*, куда нам нужно. Поймите это *буквально*, тем не менее при получении от нас телеграмм понимайте их также *буквально* и действуйте согласно *содержанию*. Кончаю словами Учителя: «Скоро придётся установить очередь по общине. Принятие общины и шествие можно признать камнем дня». Теперь нужно лишь твердить «община», именно повторение этого слова должно ковать жизнь. Пусть каждый понимает по-своему, но надо земле привыкнуть к шагам эволюции. Порумочка моя чутким духом поймёт, как хочу оградить, охранить нашу общину. Духом поняв общину, спокойно ждите развёртывающихся событий. Все ваши милые имена живут в сердце и звучат каждый своим цветом. Может быть, Радна приедет этим летом ко мне, а там и Ояна с моим Святославом. Берегите Софью Михайловну [Шафран]. Спасибо Логвану за письма. Нет писем от Модры, но знаем, что она занята, и радуемся. Авирах должен готовиться к своей миссии. Родная Нару, буду ждать, когда вы приедете к нам и радостно приложите свои трудящиеся руки к великой работе будущего дня, который не за горами, но уже за плечами. Тарухан, не теряйте доверия, уже недолго ждать, углубляйте общину как мировую эволюцию. Родные, передайте мою ласку моему мальчику, очень буду ждать его, ибо знаю, что он подойдёт близко и поймёт размер совершающегося.

Извещён ли Чахембула о близости зова?

Среди присланных этюдов из Финляндии отметил ли Светик свои и Юрия? Думаю, что не следует их все выставлять, лучше хранить в папках, среди них много незаконченных.

Ещё раз обнимаю вас, любимые.

Сердцем ваша,

Иск. Ханум

Архиве Внешней политики РФ. Ф. 0218, оп. 8, папка 79, д. 175, л. 33-35. Машинопись, копия. Копия на англ. яз. – ACRC. Roerich Collection.

25 февраля 1926 г. Кашгар.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«25 февраля. Если имеете китайский правительственный почтовый перевод, то это ещё не значит, что вы имеете уже деньги. Китай даже не может удовлетворять чек в 1600 мексиканских долларов. Между тем Среднеазиатский банк через Ташкент немедленно рассчитывается с вами. Друзья, не пользуйтесь китайской почтой. Письма вскрывают, и многое не доходит до вас; и деньги не выдают вам. Опять приходится передвинуть своё сознание на Соломоновы острова, и тогда более поймёте все действия синьцзянской компании. Впрочем, не будем обижать Соломоновы острова такими сравнениями.

«И вот опять британский консул и его секретарь Чжу должны хлопотать, и, благодаря их личным воздействиям, вы, наконец, в виде особого одолжения получите то, на что имеете обычное право. Пожелали г. Чжу встретить его в составе вашингтонского или парижского посольства. Обменялись приветом с Гилланами. Действительно, они помогли выбраться нам из Хотана. Спросили друг друга, где теперь встретимся».

26 февраля 1926 г. Кашгар – Файзабад.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«26 февраля вся европейская колония Кашгара собралась на проводы экспедиции. Наши повозки уже отбыли ранним утром, охраняемые тремя вооружёнными всадниками из местного гарнизона, которые сопровождали нас до следующего военного городка – Файзабада».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«26 февраля. Поехали. Утром пришли проститься консул Гиллан с женою, секретарь консульства Чжу, директор банка Анохин, доктор Яловенко, семья Крыжовых. Простились, посидели. Опять вопрос, встретимся снова? Прошли кашгарскими базарами. Пошли песочной седой дорогой. По левую руку синее кашгарская река, заводья, рисовые поля - рассадники лихорадки. По правую - селения, болотистые озёра. Нависает весенний молочный туман. Переход невелик. К трём часам остановились в маленьком селении Яндома. Расстались с Цай Хань-ченем. Он опять курит опиум, водит женщин с базара и бьёт слуг. Вспоминаю его два рассказа: лошадь под ним испугалась, и он свалился. За это он камнем сломал лошади ногу. Ещё рассказ: орёл налетел и оцарапал ему руку. Тут месть была изысканной; был положен кусок мяса, начиненный порохом при длинном фитиле. Орёл, подхвативший мясо, был взорван. Человек-вестовой, едущий впереди, называется "дорога". Количество слов, совпадающих с русским значением, становится ещё поразительнее. Под вечер становится холодно. Снега нет. Гор не видно».

27-28 февраля 1926 г. Файзабад.

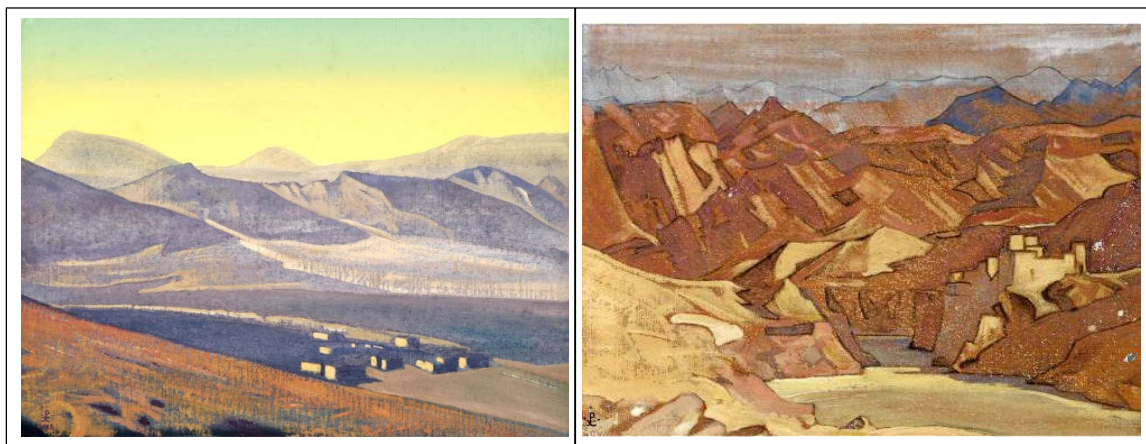
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«27 февраля. Солончаки, кусты, вёты, маленькие селения. Недлинный переход до Файзаба-да. Уже к половине второго на месте. Между тем в английской книге маршрутов путь от Кашгара до Файзабада разделён на три дня. Даже тихим пешим ходом и то скорее пройти. Настолько все книги, сообщающие "факты", должны быть пересмотрены. Слишком много неверных "фактов" лежит на полках библиотек, и слишком много затаилось почтения к печатному слову без всякой переоценки.

«Заново, заново, заново - новым сознанием и новым вмещением.

«Ещё кто-то уважает деньги как таковые. А вот нам сейчас принесли деревянные щепочки с нарезанными знаками и уверяют, что это подлинные деньги. И самые лучшие деньги, ибо они выпущены игроками в азартные игры. Этот авторитет, видимо, стоит очень высоко. На базарах всюду кучки, деятельно занятые игрою. Помню, в каком-то банке я слышал ожесточенное восклицание: "Я вам не щепками плачу". По здешним обычаям это замечание не было преувеличение. Щепочка коричневого цвета, вершка два длиною, и на ней рукодельные китайские знаки. Люди любят эти деньги, ибо они не рвутся. Погашение знаков здесь производится очень просто. После изнашивания знак не принимается в казначейство, и последний собственник такого знака погашает государственный долг. Мы исследовали места наших дальнейших остановок и нашли, что места станций в книге маршрутов неправильны. Приходится часто соединять по два прогона, иначе и в 50 дней до Урумчи не доехать. Прислали двух солдат эскорта - сущих бандитов. Пришлось их отправить обратно».

«**28 февраля.** Всю ночь, до 4-х при полной зелёной луне, пели кругом в разных кишлаках, вероятно, в честь месяца Барат. Пели неистово, но, сглаженное расстоянием, иногда пение звучало красиво. Это пенье не было сартское, но торгутское. В чём же дело? Как же попали торгуты в мусульманский Файзабад? Конечно, это пленники былых войн. До сих пор они хранят свои обычаи, и звучат при полной луне звонкие песни. Разбирая народности, иногда отличите их по остаткам одежды, иногда по языку, иногда по старинным священным напевам. В ночное время звучат песни к своему краю. И где-то сердце отвечает на зов этот. Поучительно проследить конгломерат народностей, засыпанных песками пустынь. Встали рано, в 5 часов, ибо путь длинный - 15 потаев, то есть 150 китайских ли, то есть 60 русских верст. Сперва солончаки, зеленоватоседые; потом мёртвый песок, барханы. Пыль стоит беспросветно; тощий кустарник, его выдергивают на топливо и тем окончательно омертвляют пустыню, а за два перегона от Кашгара и прекрасный уголь, и чудесная нефть. Сами люди стараются по невежеству омертвить свою почву. Около мелких рек ещё лежит ледок, а под солнцем уже печёт, и трудно двигаться в меховых одеждах. Место стоянки называется Караджул-гун, маленькая серая деревня. Караван запоздал. Пьём чай из местного кунгана. Для описания этого чайника не хватает чёрной краски. Накопляются наброски».

Н.К. Рерих. Святыни и твердыни. 1926.

28 февраля 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

ВТОРАЯ КНИГА МАСТЕРА ДОЛЖНА БЫТЬ ИЗДАНА БЕЗ ОПЕЧАТОК ТЧК / ПРОЕХАЛИ КАШГАР ТЧК / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПОПЕЧЕНИЮ НАЧАЛЬНИКА ПОЧТОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ УРУМЧИ ТЧК / ПОЛУЧИЛИ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ ШАНХАЙ ТАШКЕНТ ТЧК / ЛЮБЛЮ РЕРИХ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского.)

МАРТ

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ В УРУМЧИ

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Великий северный путь в Синьцзян часто описывался путешественниками. В два лёгких перехода мы достигли Файзабада - маленького городка с китайским управлением и небольшим военным гарнизоном. Путь был однообразен: повсюду песок, покрытый соляной коркой, песчаные дюны, заросли, кое-где ивовые рощи и пыльные грязные деревушки. Файзабад - последнее крупное поселение Кашгарского оазиса, дальше простираются пески.

«Расстояние от Файзабада до Марал-баши мы покрыли в четыре перехода. Путь пролегал через песчаную местность, местами покрытую зарослями, изобилующими дичью. Должно быть, в прошлом здесь шумели леса, а теперь заросли отступают к северу, медленно вытесняемые песками. Продвижению мешали многочисленные сухие пни и корни деревьев, полностью засыпанные песком. О них всё время спотыкались лошади, а одна из наших повозок со снаряжением экспедиции едва не перевернулась, налетев с ходу на огромный ствол дерева, занесённый песком. В это время года часть Китайского Туркестана абсолютно пустынна, а высохшие стволы деревьев только усиливали впечатление полной заброшенности. Встречавшиеся на пути грязные деревушки и множество развалившихся лачуг ясно указывали на сокращение сельского населения».

Сообщение Генконсула в Кашгаре М.Ф.Думписа Зав. Отделом Среднего Востока НКВД В.М. Цукерману.

Рерих выехал в Урумчи 5 февраля 1926 г. В его экспедиции участвуют также и его сын, и жена. Сын [Юрий Николаевич], судя по тем разговорам, которые я имел с ним, – образованный парень: он владеет многими восточными языками (китайским, монгольским, тибетским, фарси, индустани и санскритским) и тремя европейскими как практически, так и литературно. По его словам, практически он владеет хуже, чем письменно, исключая тибетский язык, которым он владеет прекрасно, что составляет большую редкость. Во время экспедиции он вёл весьма обширные наблюдения в Индии и собирал всевозможные сведения о Тибете.

Разрешение на поездку в Урумчи Рериху удалось получить при содействии английского консула. В Кашгаре [Н.К.] Рерих был недолго – около недели. Здесь ему не было разрешено что-либо делать [как художнику]. По его словам, в Кашгаре он был окружён двойным шпионажем, с одной стороны, – китайским, а с другой стороны, – английским.

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ)

1-2 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«1 марта. Кажется, самый безотраднейший переход. Почти всё время шли по местам старого опустошённого леса. Все барханы наполнены старыми, гигантскими пнями и корнями. Видимо, здесь был большой лес. А теперь люди унесли деревья, пески разметали остатки, и вы следуете, как по корявому кладбищу. Тощий кустарник не может сдержать песочных буранов. Всё серо. Так же серы заводья и начавшиеся весенние разливы. Из-за этих разливов делаем вместо 8 потаев - 12 потаев. Ухабы, пни, оползни. Самая большая китайская дорога равняется маленькому русскому проселку. За день встречается несколько тощих караванов, но они, конечно, не могут явиться нервом истинной торговли. Всё умерло.

«Серая деревня Урдаклык. На плоских крышах маячат молчаливые фигуры. И ничего они не могут видеть со своей крыши, кроме запылённого горизонта. И нет у этих людей ни просвета, ни надежды. Мимо них идут редкие путешественники; на ночь загорится огонёк каравана. И опять то подавленное безмолвие. Пролетают гуси и утки на весенние разливы, но домохозяйничают одни вороны и грачи. Вместо плугов - какая-то деревяшка каменного века. Неужели и с этих людей ухитряются наживать беки и китайские амбани?

«Не везёт нашему китайскому эскорту. За три дня три "воина" умудрились слететь с лошадей. А если целый полк таких цириков, как их здесь называют?!

«Рассказывают, что некоторые китайские армии пушки возят на людях. И враги днём стреляют на воздух, а ночью сидят за общей азартной игрой».

2 марта 1926 г.

«2 марта. Говорилось о Китайском Туркестане со стороны археологии, говорилось о давнишних завоеваниях и о смене владений, но не говорилось о текущем самосознании края. А ведь в нарастании мировой эволюции нельзя обойти молчанием этот обширный и забытый судьбою край. Очень поучительно следить за остатками тохарской, уйгурской и монгольской постройки, но так же поучительно и поражающе видеть, во что превратилось самосознание края. Опять та же песчаная серая безнадёжность.

«Буран на целый день. Идём "лесом", то есть, вернее, лесным кладбищем. Оставшиеся деревья - карагачи - торчат искривленно, мохнато, рогато. Вместо солнца виден серебряный кружок. Как ясно представляется причина, гнавшая великих переселенцев и завоевателей на запад и на юг. Изображая великое переселение, не изображайте ноги, обувь, копыта - всё до пояса тонет в густом пыльном облаке.

«Обгоняем старика. Он на что-то жалуется. Поняли, что ему сломали плечо и угнали шестнадцать его лошадей. Конечно, на каракорумских высотах больше своей этики. За день встретили три каравана ослов и полдюжины арб. Стоим в Чуге. Прошли 14 1/2 потаев. Неужели это и есть самая большая китайская дорога? И может ли именоваться правительством власть, содержащая свою главную артерию в подобном состоянии? Ведь об этом нужно кричать, как о каждом невежественном антикультурном проступке. Е[лена] И[вановна] простудилась».

3 марта 1926 г. Оазис Марал-баши.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«3 марта мы вошли в большой оазис Марал-баши, связанный двумя важными путями с Кашгаром и Яркендом. Сам оазис небольшой, но хорошо орошается, имеет огромные запасы грунтовых вод и несколько озёр. С юга к нему подходит Яркенд дарья, а на северо-западе и севере поднимаются невысокие скалистые горные хребты - южные отроги внешнего Тянь Шаня. Наши караванчики хотели задержаться в Марал-баши на сутки, но мы убедили их продолжить переход, а здесь лишь переночевали».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«Особенно нелепо сознавать, что целый день утомительного пути равняется двум часам езды на моторе или часу на аэроплане. Ведь здешние пути могут быть так легко приспособлены для мотора, а для аэропланов даже не нужно аэродромов строить. Может быть, ничто так не пробудило бы народное сознание, как стальная птица с доброю вестью и нужными вещами. В ряды запылённых и перегруженных основ была бы внесена брешь разума. Сэр Аурел Стейн в своих книгах высказывает опасение, как бы примитивность этого края не нарушилась проведением железных дорог и проявлениями цивилизации. Этот сентиментализм граничит с бесчеловечием. Я всегда был против некультурных проявлений цивилизации. Но бывают моменты такого паралича края, что нужны самые экстренные меры просвещения.

«Но буддист знает причину омертвления края. В книгах "Ганжура" сказано, что в земле, отступившей от учения Будды, засохнут деревья и поникнут травы и уйдёт благосостояние.

«Идём сперва так называемым "лесом", потом солончаками, попадаем в разлив Яркенд-Дарьи. Наконец доходим до глиняных стен и башен Марал-баши. Не стреляйте по этим стенам из пушки - слишком много пыли останется. Длинный базар Марал-баши грязнее и темнее других базаров или такой же, как и все прочие. Остановились в саду далеко за городом. Амбань присылает спросить нашу фамилию. Оказывается, в распоряжении кашгарского даотая о нашем проезде пропущена наша фамилия. Нет, с китайским делопроизводством далеко не уедешь!

«Среди сар, с таким трудом нам выданных в Кашгаре, много негодных. Должно быть, на них десять букв, но часто десятая, средняя буква, бывает вырвана и тогда денежный знак более не принимается. Тщательно пересматривайте все деньги, здесь получаемые, будут ли они с базара или из губернаторского ямыня.

«Юрий вспоминает, что о Дуньхуане первый сказал наш Пржевальский, но затем честь этого открытия была взята другими иностранными учёными. Пржевальский уже в семидесятых годах говорил об этих замечательных пещерных храмах.

«Около Марал-баши несколько озёр. Много рыбы, но часто попадаетеся чем-то отравленная.

«Новая наглость амбаня. Заявил, что пришлёт нам солдат, если мы его попросим. Но ведь не нам солдаты нужны, а они сторожат по приказу генерал-губернатора отобранное и запечатанное оружие наше. Как же мы должны просить амбаня об исполнении приказа генерал-губернатора? И нагло и неле-

по. Опять говорят люди: "Амбань не знает никаких обычаев". Сун должен был, несмотря на усталость и поздний час, ехать и вразумлять амбана, что солдаты нужны не нам, а нужны по приказу генерал-губернатора».

4 марта 1926 г. Деревня Тумшук.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Следующая остановка была в Ак-тумшуке, или просто в Тумшуке. Покинув зелёную зону Марал-баши и Чарбаг-базара, маленькой деревушки в пятнадцати милях к северо-востоку от Марал-баши, мы вышли на широкую песчаную равнину, покрытую кустарником. Этот отрезок пути оказался довольно длинным, примерно в тридцать миль, и в деревню Тумшук мы пришли около одиннадцати часов вечера. Неподалёку от деревни находится китайская надпись, относящаяся ко времени покорения нового доминиона в 1877 г. На севере и юго-востоке Тумшука находятся развалины древних памятников, представляющие интерес. Раскопки в этом древнем районе производил известный французский востоковед профессор Поль Пелльо во время своей экспедиции в 1906-1908 гг».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Прислали новых солдат. Даже на людей не похожи, просто какие-то насекомые. Вспомнили рассказы М., как он один обратил в бегство тридцать цириков и как целый полк цириков сдался двум пулемётчикам. Да, видно все это не преувеличения.

«Ехали сперва унылой равниной. Скоро справа выделился на жёлтом небе опаловый силуэт гор. Здравствуйте, родные горы!

«Сулейман рассказывает: "Жил богатырь. Увидел, что озеро здесь слишком велико, и нарубил мечом своим утёсы от соседних гор и накидал сюда. За этой горою лежит прекрасный сад, и живут там святые люди, но никто туда без дозволения их не пройдёт. Пробовали сарты идти туда - никто назад не вернулся". И показывает Сулейман на юго-восток.

«Скоро нас ожидала неприятность. Скачут навстречу - предупреждают, что вода через дорогу пошла. Пришлось делать объезд в двадцать верст. Тоже надо поставить на счёт ареста и задержки в Хотане. Потеряли лучшее для пути время. Теперь придётся всюду мучиться с разливами.

«Опять рассказ: "Под Урумчи утёсная гора, и тоже живут там святые люди. Раз подранил калмык горного барана, тот и довёл калмыка до святого человека. Приглашал человек калмыка остаться с ними, но калмык домой отпросился. И дал калмыку святой полную полу деревянных щепочек. Понёс калмык и думает: куда понесу эту невидаль. Взял да и вывалил в лес. Только две щепочки зацепились. А как пришёл домой - глядь, а в поле-то золото зацепилось. Так и прогадал калмык".

«Идём дальше, мимо серых песчаниковых гор с сильными напластованиями. Прошли старый могильник, потом прошли мазар богатыря - святого человека. Говорят, даже след копыта коня его остался на горе. Горы - всё красивее и выливаются в библейски-романтический силуэт. Здесь недалеко древнее городище Хайвар. Около дороги остатки китайского укрепления Анджалык. Затем опять пески и разливы.

«Ещё рассказ: "Недалеко от Анджалыка старый дом. Кто войдёт в него - дивится убранству и грудам золота. Наберёт золота кучи, а дверь уже и запер-

та и никуда не выйдешь. И покуда не отдашь обратно всё золото до последнего зёрнышка, до тех пор и двери не отпрутятся. Такое же место есть около Уч-Турфана. Стоит строение, словно город, даже дымы видать, а войти можно только по пятницам. Но золото тоже не вынести из этого городища. А в Куче нашли подземельный ход, как бы целую подземную дыру. Навезли тысячу телег камня, чтобы засыпать - да так и не могли. Камни и теперь видны. Там же нашли могилу святого. Тридцать девять дверей в неё открыли, а сороковую не могли. Так и зарыли обратно". Помнит народ и о сужденных садах прекрасных и о чужом золоте.

«Становится темно. Пришли в деревню Томчуг. Костры, звёзды и народные мечтания. И долго-долго молился один, освещённый костром. О чём? Не о просвещении ли? Высоко стоит чаша Ориона. Вокруг костра лежат босоногие подростки - это наша стража».

4 марта 1926 г.

Телеграмма из Нью-Йорка к Н.К. Рериху.

КНИГА МАСТЕРА НАПЕЧАТАНА СО МНОЖЕСТВОМ ОШИБОК НАДО ЛИ НАМ ПЕРЕПЕЧАТАТЬ ТЧК АЛАТАС НЕ ГОДЕН СЛЕДУЕТ ЛИ ПЕЧАТАТЬ ЖЕМ-ЧУЖИНУ АЛЯСКИ ЛЮБИМ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

5-10 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«5 марта. Если хотите дать подарок босоногим ночным стражам - ваше желание тщетно. Всё данное будет забрано старшиною...

«Один из скучных переходов до Яка Худук. Опять несносная пыль. Скрытые ямы. Горелый лес. Кабаньи заросли и затоны. Кабанов много. Часто над нами тянется одна проволока телеграфа. Это та самая линия, которая передаёт телеграммы в абсолютно непонятном виде. В последней телеграмме из Нью-Йорка значился ряд нечленораздельных букв и ясно одно последнее слово "совет". Кому и о чём? Можно подумать, что это очень хитрый шифр или злая шутка, где понятно лишь последнее вызывающее ответ слово.

«Ещё рассказ: "В Кашгаре недавно жил один святой человек. Он слышал, когда в святом месте люди молились, а ходу до этого места шесть месяцев. Есть такое святое место за горами. В Оренбургском крае тоже жил такой человек. Слышал он и про будущее, и про настоящее, и про войну, и про голод. Через двести лет сарты ждут великого святого. А может быть, и раньше".

«Стоим на пыльном берегу Яркенд-Дарьи. Иногда подымается ветер и крутит высокие жестокие столбы песка. Маленькие мазанки, голые кусты и песчаные отмели реки».

«6 марта. Очень просто изобразить наш сегодняшний переход. Насыпьте на круглое блюдо серой пыли, бросьте ещё несколько серых шерстинок и воткните обломки спичек. Пустите муравьёв ползти по этой ухабистой равнине и для правдоподобия дуйте, чтобы создать столбы пыли.

«Так и ползли. Должны были стоять в Старом Чулане, но там вода горькая, и пришлось делать обход, чтобы переночевать в кишлаке Новый Чулан. При подходе к его серым глинобиткам неожиданно обозначился лёгкий силу-

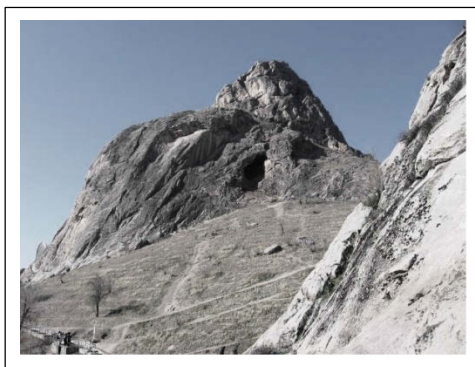
эт гор - преддверий к Тянь-Шаню. Всё ещё мучает простуда Е[лену] И[вановну].

«Сулейман рассказывает, как сейчас в этом крае разоряются две фирмы, обрабатывающие кишки для колбас, немецкая (Фауста) и американская (Бреннера). Цены на кишки так неслыханно поднялись, что их обработка становится невыгодной. И идут на закрытие. И эта отрасль погрузится в бездействие. Странно было узнать, что оболочка колбас на рынках Америки шла из Хотана и из Аксу. Такие же затруднения и с торговлей хлопком. Для повышения цены смешивают разные несходные сорта и тем губят ценность всего состава. С шёлком происходит тоже трудность. Невозможно получить качество всей поставки по принятому образцу, невозможно получить окраску материала по данному тону. Всё это ввергает промышленность в условия средневековья. Хорошего качества дыни, изюм.

«Янтарное Солнце растворилось во мгле горизонта. По далям зажглись огни костров. Кто-то где-то сидит и ткёт узор слухов. В потёмках слышны громкие песни. Идёт шумливая тамаша».

«7 марта. Оказывается, в Старом Чулане вода очень хорошая, даже лучше, чем в Новом. Но жители Нового Чулана решили "перебить" проезжающих и накидали в озеро Старого Чулана дохлых ишаков и собак. Караван - это нерв страны, и этот случай переманивания проезжих очень характерен. Шли тринадцать потаев до маленького селения Чутухудук - разбитой маленькой деревушки.

«Нелепо даже подумать, что эта станция на самом большом пути Китая. Всё время пески, но с левой стороны протянулась гряда гор, и жемчужные взгорья скрашивают горизонт.

Город Ош. Гора Сулеймана. (Современное фото)

«Ещё рассказ: "У города Ош ещё есть гора Соломона. Даже сохранились ямки, где на коленях Соломон молился". <...>

«Давно мы не видели такой благородный закат с широкой градацией опалово-лиловой гаммы. Золотое, слегка притушённое солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневой столб. За этими горами русская земля. Сегодня песен нет. Посёлок тих. За околицей на равнине - наши палатки. Сверху глядит Орион.

Е[лена]И[вановна] почти поправилась».

«8 марта. Дошли до Айкула. Сперва песками; после двух потаев селения, поля; всего - десять потаев. Начинают сеять, пашут. Плуг каменного века. Два вола тащат одну рогатую деревяшку. Глубоко ли можно взять подобным орудием? День весенний. Свежий ветер и жаркий припек. Айкул - длинное, пыльное селение. За день несколько караванных происшествий. Пала лошадь - с утра у неё вспухла голова, и к трём часам она кончилась. В мафе у гегена упала средняя лошадь на плохом мосту, боялись, что не поднять. При этом выяснилось, что вчера опрокинулась одна арба. Вся поклажа вывалилась. А охранный циррик скрыл это происшествие. Когда ему выговаривали, он глупо, идиотски усмехался.

«Приближается прохладный вечер; толкуем об ухудшении китайского языка. Собралось сорок тысяч знаков, а между ними ни один не выражает букву "р". В старое время был знак, довольно близко выражавший эту букву, а затем он куда-то исчез из восьми тысяч знаков, употребляемых в обиходе. Спрашивается, для чего словари хранят тридцать две тысячи ненужных знаков? В этой ненужной ветоши сказывается всё падение китайской эволюции. В результате, местные люди шепчут: "Не заходите в этот двор: там китайцы", или: "Разве можно ожидать справедливость от китайцев!"

«И сколько молодых людей безвинно волочат за собой этот приговор, сложенный невежеством и жестокостью их отцов и дедов. Как им надо спешить отделаться от такого наследства! Если вся многотысячная груда знаков привела к невежеству - надо скорее раскрепоститься от этих скелетов условности. Бодро и сурово надо сбросить тухлятину пережитков. Иначе, отчего же часто стирались из истории земли целые народы?! "Великая материя ткёт свой узор и сурово изгоняет всякую гнилую нить из своей космической пряжи". Отчего уже Конфуций должен был держать всегда наготове свою дорожную колесницу? Вот когда преступная власть уйдёт, тогда нужно немедленно дать народу железные дороги и возможность роста и обмена. И как легко здесь протянуть железные линии равнин!

«Сегодня особенно плоха вода. Всю неделю вода жёлто-коричневая, а сегодня она ещё какая-то мыльно-серая и вонючая - пить нельзя. Того и жди - выудят в ведре из колодца голову дунганина. Это бывало».

«9 марта. От Айкула мы идём до Аксу, до столицы неудачного Якуб-Бека, который полвека назад пытался освободить Туркестан от китайского владычества, но не сумел выбрать себе союзников. Дорога большею частью мокрая, в ухабах. Река Аксу, то есть "белая вода", уже начала разливаться. Мосты, как и всюду, пляшут, как живые. И это главный путь Китая! Серое небо и жёлтая пашня. Вспоминаем Америку, вспоминаем красоты Санта-Фе, Большого каньона, Колорадо и Аризоны. Ещё раз мысленно посылаем друзей-американцев лучше знать красоты своей прекрасной страны. Вспоминаем, как пытаются всякие бездарные Жаны Кокто в Париже предложить американцам специальное блюдо чепухи. Но Америка полна своих возможностей.

«Незаметно въезжаем в пределы Аксу. Те же глинобитки и ларьки. Как всегда, два города. Один старый - на болотистом месте. Новый - посуше, там живёт китайское управление: даотай, амбань и полковник. В пяти днях пути отсюда перевал Музарт - на Илийский край к калмыкам. Стоим в новом городе, в саду андижанского аксакала. Пыльно.

«Сегодня - первая кровь. Двое бродяг побили до крови и почти выбили глаз одному из наших мафакешей. Крик. Шум. Бродяг изловили. Вяжут и уводят к амбаню. А наши револьверы запечатаны, ибо генерал- губернатор, то есть дуту, не доверяет нашим американским верительным бумагам и уверяет, что путь по его провинции совершенно покоен. Губернатор, конечно, не знает свою провинцию, он занят пересылкой своих богатств в разные банки разными фантастическими путями. Скорее из этой территории! Лама просит вас не стоять долго в Аксу. Здешний базар славится ворами и развратом.

«Темнеет. Приезжает с визитом амбань. Приятное исключение: говорит по-английски, немного по-русски; служил в Русско-Азиатском банке и знает лично Аллана Приста (сейчас Прист в Пекине). Долго беседуем, амбань просит остаться на день, иначе он не может нам устроить двух лошадей до Кучи. Рассказываем ему о хотанских невеждах. Он пожимает плечами и говорит: "Верно, вы первый раз в Китае". Симпатичный тип молодого чиновника, следящего за событиями и знающего значение многого. Завтра приедет к завтраку. Для нас он первый культурный китаец. В нём нет той агрессивности, как в Чжу (в Кашгаре). Амбань Аксу скорее в типе хороших китайских студентов, которых можно встретить в американских и Парижском университетах. Рады мы встретить этот тип, ибо по нему мы складывали понятие о современном Китае, а не по "зубрам". Посмотрим, что будет дальше».

«10 марта. Рано утром послышалось знакомое пение. Так на восходе пели молитвы ладакцы на перевалах. Так и есть. Наши два ладакца-караванщика сидят под деревом и складно поют гимн Таре и Владыке Майтрейе.

«Приехал Пань Цзи-ли, амбань. Говорили о китайских проблемах, о религиях, об учениях жизни. Очень жалуется на жизнь в Аксу. Мечтает уехать, ибо здесь делать ничего не может; конечно, один и подначальный человек не может начать ничего существенного. Пожелали ему удачи в его намерениях. Амбань привёз два номера китайских газет от 9 и 16 января. Читаем, как Чжан Цзо-лин объявил себя независимым от центрального правительства, как Монголия присоединилась к Союзу Советов. Читаем также об отставке Фына. Очень значительно».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

(5 – 10 марта) «От Тумшука нам пришлось сделать четыре длинных перехода, чтобы достигнуть Аксу. Дорога пролегла в основном по пескам, поросшим тамариском. Местами её покрывал толстый слой лёссовой пыли, прилипавшей к коже и разъедавшей глаза людей и животных. Оазис Аксу расположен у слияния двух больших рек - Тушкана и Кум-арык дарьи. Весной и в начале лета реки, питающиеся тающими снегами ледников главной цепи Тянь Шаня, несут массу воды, орошая обширную возделываемую зону».

11 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«11 марта мы покинули Аксу и после утомительного перехода достигли небольшой деревушки Кара-кудук уже в полной темноте. Вьючные же лошади с лагерным снаряжением достигли деревушки только после полуночи. В два часа ночи мы забрались в палатки, а в семь утра надо было снова отправляться в путь».

11 марта 1926 г.

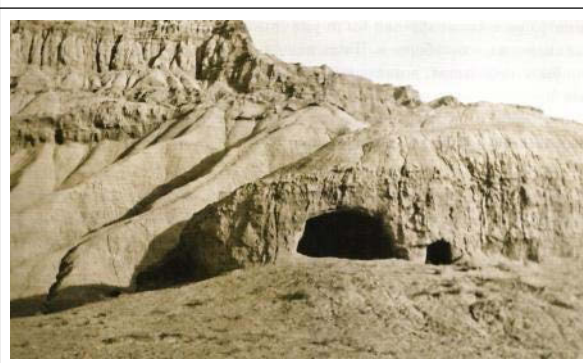
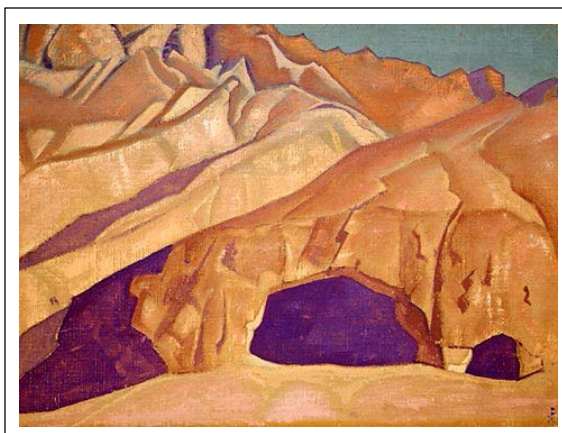
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Идём длинным путём до Карахудука (18 потаев). Сперва глиняные стены нового города, потом жемчужная пустыня, потом барханы и камыш. Дошли около полуночи. Стоим на китайском постоялом дворе. Ещё одна трудность: спины грузовых лошадей от ран гниют, ибо караванщики никогда не снимают седла, и багаж пропитывается отвратительным запахом. В будущем необходимо урегулировать это караванное зло: лошади, верблюды, ишаки так трудятся, что их нельзя обрекать на съедение червям заживо. Тибетцы жалеют коней, но кашмирцы и сарты обрекают их на червей. Поверить трудно».

12 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха По тропам Срединной Азии»:

«Из Кара-кудука, или Кара-юлгуна, мы направились в Тограк-донг - пустынное местечко у подножия хребта. Весь день шли по обширной каменистой равнине, пересечённой невысокими песчаниковыми гребнями. Тограк-донг интересен несколькими пещерными храмами, вырубленными в песчаниковом утёсе неподалёку от почтовой станции. Штукатурка, некогда покрывавшая стены и потолок кельи, и фрески были сбиты мусульманскими фанатиками. Некоторые пещеры осыпались. Возможно, что здесь когда-то была небольшая буддийская вихара. Как из большинства древних разрушенных монастырей и храмов, расположенных на южных склонах Тянь Шаня, из пещер Тограк-донга открывается великолепный вид на суровую гряду гор, простирающихся в глубь пустыни».

Н.К. Рерих. Скалы с буддийскими пещерами. 1926.

Справа: фотография экспедиции.

«Тограк-донг интересен несколькими пещерными храмами, вырубленными в песчаниковом утёсе неподалёку от почтовой станции...»

Из дневников Н.К. Рерих «Алтай – Гималаи»:

«12 марта. <...> А весь день выдался такой ясный. Шли замысловатыми древними песчаниковыми формациями. Солнце уже пекло, но в тени лежал ещё лёд. Ни деревьев, ни селений - далеко вокруг пустыня, закончившаяся голубыми зубцами нагорий. Линии и просты и мощны. В таких местах можно найти старые памятники. На закате подходим к одинокому лянгару Тограк-данг. На песчаниковых скалах высоко что-то чернеет. Не сомневаемся, что это

отверстия древних буддийских пещер. Так и есть. Часть пещер чернеет очень высоко, и подходы к ним обвалились. Но три пещеры на низком откосе. Потолок и стены разрушены. Конечно, это мусульмане уничтожили ненавистные изображения. Около земли, пониже, ещё видны остатки орнаментов, покрытые сверху тюркскими надписями. Но самое заманчивое то, что под насыпью пола гудит пустота. Значит, в нижней засыпанной части скалы тоже пещеры и даже не заваленные. У Стейна не помним указаний на это место. Оно напоминает о тохарских древностях V - VIII веков. Обращены пещеры на восток. Перед глазами отшельников расстилался широкий нагорный вид - хорошее, красивое место. Под пещерами журчит горный родник, не водопад, но именно маленький светлый родник. Тонкая струйка бежит по деревянному желобку в деревянное ведро сартянки. Так же брали здесь воду и отшельники. Среди осколков в осыпях чернеет много кусков базальта. Конечно, кроме пещер здесь были и ступы и отдельные строения, занесённые обвалами скал. Звенят бубенцы, и торопится проехать мимо почтарь с двумя запечатанными мешками почты. От Кашгара до Урумчи почта идёт 13 дней».

13 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«13 марта. <...>. Простились с пещерами. Идём мимо богатых песчаниковых строений. Точно высокие волны с застывшими гребнями, или бесчисленные шатры.

«После гор опять спустились в пески. Видимо, здесь прошёл буран из Такла-Макана; всё потонуло в облаках густой пыли. Будем стоять в Куштами, в пыльном лянгаре. Опять кто-то дерётся и шумит. По пути встретили несколько табунов коней. Они идут к Андижану, на русскую границу.

«Качество коней неважное. Приближаемся к конской стране, а качество коней ухудшается! Вообще оценки и репутации надо пересмотреть. Мы это видели уже на нефрите, шёлке, конях, пении, на керамике и на многом другом. И не надо бояться пересматривать репутации, ибо пора от прошлого перенестись к будущему. Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее.

«Во дворе лянгара стоит банда игроков-шулеров. Около стоянки видны две палатки каракиргизов - известных воров. Именно здесь однажды данный амбанем эскорт ограбил путешественника. Надо принять особые меры.

«Сторожей деревня не прислала. Будь наши маузеры при нас, всё было бы ладно, а то ведь эта демонстрация с запечатанием оружия сделана гласно, чтобы и слуги и все придорожные жулики знали это. На китайский эскорт полагаться нельзя. Единственный сторож наш - тибетец Тумбал».

14 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха По тропам Срединной Азии»:

«Путь из Куштами в Бай пролегал по левому берегу реки Музарт, занятому плантациями. Небольшой городок Бай с несколькими грязными и пыльными базарами был далеко не идеальным местом для стоянки, и нам пришлось переправиться на противоположный берег реки, где находилась почтовая станция».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«14 марта. <...> После бурана всё погрузилось во мглу. Горы исчезли. Жёлтая пашня и редкие чёрные волны в плуге. Сеют. На тополях набухают почки, но около речек кое-где лежит запоздалый снег. Должны были стоять в городе Бай, но ужаснулись грязи на базаре и решили пройти ещё пять потаев до маленького лянгара. Среди старых могил - мазаров - стоим на поле. В темноте ставим палатки. Интересно отметить, что в Бае амбань - племянник дуту. Видимо, у него масса племянников и всем даются места амбаней и консулов. Синьцзянская компания! Сегодня приняты важные решения. Есть сообщение».

---

14 марта 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Ташкент 14 марта 1926

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОЖАЛУЙСТА ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ МАКАРОВЫМ АДРЕС РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА
УРУМЧИ=ЛЮБЛЮ

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

15 марта 1926 г.

Телеграмма из Концессионного комитета в Отдел Виз НКВД

15.03.1926.

СРОЧНО. СЕКРЕТНО. НАСТОЯЩИМ СООБЩАЕМ, ЧТО ВИЗЫ НА ВЪЕЗД В СССР ГРАЖДАНАМ ЛИХТМАН МОРИСУ И ЗИНЕ, ПОСКОЛЬКУ ОНИ ЕДУТ ПО ДЕЛАМ ФИРМЫ «БЕЛУХА». ВЫДАВАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ФИРМЫ «БЕЛУХА» НАМИ ОТКЛОНЕНО.

ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1ё. Д. 729. Л. 43.

Публикуется по изданию: «Рерихи на пути в Тибет». Дневники Зинаиды Фосдик. М. Дельфис. 2016.

Такла-Макан - Карашар (продолжение) - (15 марта - 27 марта).

15 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха По тропам Срединной Азии»:

«Нашим следующим пунктом был Кизил-ортанг. К юго-востоку от Кизила находятся интересные мингойи, или пещерные храмы с фресками, датированные V и VIII веками».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«15 марта. Хмурый день. Лиловато-серое небо. Жёлтая пашня. Горы по правую руку - в слабом опаловом силуэте. В этих горах пещеры - в трёх потаях от Кизила, где будем стоять. Пещеры исследованы Стейном. Остатки живописи сожжены местными "иконоборцами". По пути попадаются огромные стада баранов и коз. Куда их гонят? Ответ один: в Андижан. И бараны, и козы, и ко-

ни, и быки, и хлопок - всё потянулось на Андижан, к русской границе. Общая мечта - торговля и сношения с иностранцами. Самотёком идут туда ватаги сартов работать, ибо здесь работы не достать. На Андижан, на Кульджу, на Чугучак - вот три артерии, которые привлекли внимание всего края. На базарах котируется русское золото. Червонец, недавно временно упавший, повысился вдвойне и достигает цены золота. Едем базаром, и нам кричат: "Хорошо едешь, урус". Откуда это? Завтра до Кучи большой перегон - 18 потаев. Надо выехать часов в пять».

16 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха *По тропам Срединной Азии*:

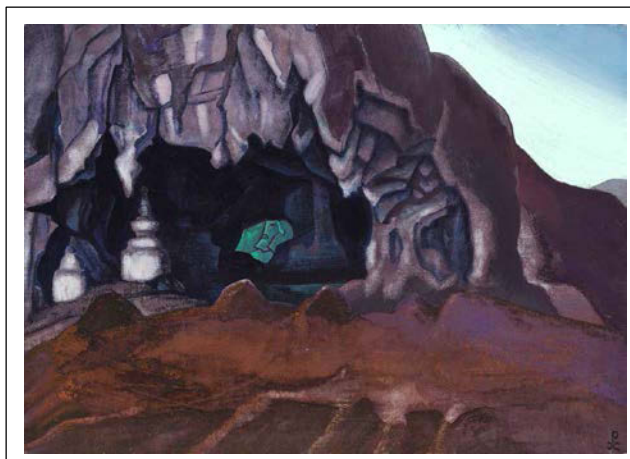
«Выйдя из Кизила, мы прошли каменистую пустыню, пересечённую голыми песчаниковыми хребтами, и прибыли в Кизил-карга, известный разрушенными храмами, расположенными к северу от дороги. <...>

«К моменту нашего посещения пещерных храмов Кизил-карги здесь сохранились лишь незначительные фрагменты настенной живописи. На них был изображён Будда в позе медитации, лицо которого было изуродовано мусульманскими вандалами, фрагменты человеческих фигур с краткими наклонными надписями в центрально-азиатском стиле, а также уйгурские цветочные орнаменты на дверных сводах».

Из дневников Н.К. Рериха *«Алтай-Гималаи»*:

«**16 марта**. Один из самых чудесных дней. До семи часов морозно, потом жаркое солнце. Сперва бодрая пустыня в жемчужных тонах. Потом перевал и самые невероятные песчаниковые нагромождения! Как застывшие океанские волны, как стобашенные замки, как соборы, как юрты - всё в нескончаемом разнообразии. <...>

«За два потая до Кучи на откосе высится башня Кизил Карга, то есть "Красный Ворон". Оглядываемся и замечаем вблизи тёмные отверстия пещер. Соскакиваем и спешим туда по песчаным буграм. <...>

Н.К. Рерих. Священные пещеры. 1931.

Нужно представить себе все эти пещерные молельни не ободранными, с почерневшими стенами и сводами, а ярко, бодро расписанными. В нишах надо представить унесённые теперь фигуры Благословенного и Бодхисатв. В одной пещере остались следы изображения тысячи Будд. В другой пещере осталось

ложе Будды и часть плафона. Низ стен испещрён мусульманскими надписями. Под полом часто чувствуется пустота. Очевидно, имеется ряд нижних, не вскрытых помещений. Вряд ли можно считать раскопку законченной, если ясно звучат пустоты скрытых помещений. Не ламаизм, но следы истинного буддизма звучат в молчании этих пещер. Конечно, прекрасно, что образцы фресок разлетелись по музеям Европы, но ведь стены-то пещер остались голыми, но ведь подлинный вид молелен исчез - остались лишь скелеты.

«Едем к Куче длинным рядом садов. Город кажется чище других. В чём дело? Здесь старый старший мулла заставляет чистить улицы. Конечно, на базаре всё-таки стоять нельзя. Говорят о каком-то саде за городом. Но как достичь его в упавшей полной тьме? Спаситель является: из этой именно тьмы ныряет белая чалма и неожиданный друг - сарт ведёт нас за город. Там и сад, и дом, и конюшни. Конюхи просят спать на кухне. Почему? В служебном доме живёт "лишённый души чело-век", то есть сумасшедший, и вся ватага здоровых мужиков боится его. Повар называет курятник "курочкина кибитка". Вот мы и в столице тохаров. Там, где тохарский царь Почан, может быть, Пасседван, преследуемый китайцами, вылетел из города на драконе, унеся с собою все свои сокровища. Много толкуют о золоте в буддийских пещерах».

17 марта 1926 г. Куча.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«17 марта. Всё утро уходит на переговоры с арбакешами, мафакешами и керакешами. Сперва всё оказывается невозможным. Потом, после бездны ненужных разговоров, всё можно. Сперва до Карашара путь исчисляется в 12 дней, тогда как всем известно, что восемь дней обычный срок. Всматриваемся во все эти лица. Где же они, следы тохар? Не видно. Может быть, что-то более монгольское проскальзывает в чертах, но в общем это те же тюрки-сарты. Так и ушли тохары бесследно, и никто не знает даже истинного происхождения знаков их письменности.

«Так на глазах нашей истории пришёл народ неизвестно откуда и неизвестно как растворился, пропал бесследно. И не дикий народ, а с письменностью, с культурой. А так вот, так же как их царь Почан, неизвестно куда улетел на драконе. И странно сидеть в этой самой стране, в грушевом саду, и ничего не знать о бывших ещё недавно здесь обитателях. Древностей опять не достать - "где-то, кто-то их знает в Такла-Макане". Получена телеграмма от посланника Соединённых Штатов в Пекине».

Из книги Ю.Н. Рериха По тропам Срединной Азии»:

«Посещение пещер задержало экспедицию, и мы достигли Куча только к вечеру. Найти подходящее место для лагеря было не так-то просто, но нам помог какой-то незнакомец, владеющий многими языками, указав на летний дом с тенистым садом, принадлежавший богатому землевладельцу. В доме, однако, было слишком сыро, и мы раскинули палатки в просторном саду.

«Оазис Куча и сам город с широкими аллеями из тополей и оживлёнными толпами местных жителей производили более благоприятное впечатление, чем другие районы оазиса Синьцзяна к югу от Небесных гор. Благодаря своему географическому положению Куча ещё в древности стал важным экономическим и политическим центром. Он расположен в том самом месте, где из гор

Тянь Шаня вытекают реки Музарт и Куча, направляясь к Таримскому бассейну».

18 марта 1926 г. Куча.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«18 марта. В час ночи начались барабаны, трубы и пенье. Громко и призывно и настойчиво неслись крики: "Алла!". Это мусульмане готовились к посту рамазана. Днём они должны поститься, но ночью могут принимать обильную пищу. Чтобы не проспать времени пищи, добрые мусульмане играют и танцуют в преддверии дневного поста. Собаки очень лаяли и бросались ночью. Рамзана встал, чтобы обойти лагерь, и заметил, что правительственные сторожа, цирики, глубоко спят. Рамзана подхватил винтовку у одного из них, обошёл стан и заснул с винтовкой. Цирик перепугался, проснувшись утром без оружия. Уж эти цирики несчастные!

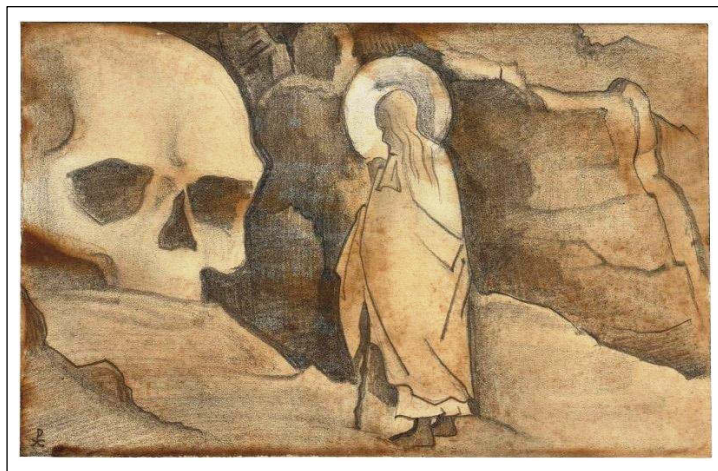
«Утром приехала шведская миссионерша. Уже пятнадцать лет в этом крае, и ни одного обращённого! Впрочем, миссионерша занимается лечением и акушерством, а это здесь совершенно необходимо, ибо все эти "города" без единого врача.

«Затем начался русско-американский день. Поехали смотреть американское предприятие Бреннера из Нью-Йорка. Дело кишечное и шерсти. Состав заведующих русский - П.Г. Полтавский, Дмитриев, целая артель трудящихся, бодрых людей. Своеобразная коммуна с ребяташками и радостным сознанием растущего труда. Дело развивается. При полной примитивности аппаратов надо любоваться прекрасными результатами. Вот разбирают и промывают шерсть. Вот на самодельном прессе прессуют её. Тут же ждёт вереница верблюдов, чтобы поднять белые вьюки шерсти и нести их в Россию, в Тяньцзинь, в порты на Европу и Америку. У всей артели нет книг, на всю братию лишь одно Евангелие и случайный том Короленко. Была радость, когда могли дать им старые газеты и две книги. Рассказы о делах, о сартах. Хвалят убитого дитая. Расспрашивают, что творится в мире. Дмитриев умело подходит к местным нравам путём религиозных рассуждений. Таким путём нетерпимость и суеверие, распространяемое муллами, находит отпор. А нетерпимости очень много. И много местных баев собирались задушить новое иностранное дело. Дмитриев и Полтавский являются пионерами Америки в этом крае. Полтавский послал детей своих, девяти и двенадцати лет, в Ташкент для образования. Малыши доехали одни через перевалы - ладно. Пишут отцу и хвалят жизнь. Дмитриев - алтаец родом. Вынес много странствий. Был разносчиком сластей. В переходах узнал край и нашёл подходы к людям. Вся группа производит живое впечатление. Слушает рассказы наши об Америке. Дмитриев рассказывает о богатствах минеральных Торгоутского и Иллийского края.

«Калмыки - отличные стрелки. Управление калмыков не чуждается новшеств. Сартов для работ русские хвалят, есть подражание и усвояемость приёмов.

«В крае ходит много сказателей легенд и сказок. Содержание касается вопросов Корана и религии. Часто слушатели вступают в диалог со сказателем. Часто разумные вопросы сбивают рутину суеверия. В Турфане существует любопытный обычай посылать молодых людей с опытным поводырём под видом сказателей по всему краю, даже до Мекки. Получается своеобразный

опытный университет. Этим объясняется подвижность турфанцев. Собрания и празднества обычно заканчиваются песней про Исса (Иисуса):

Н.К. Рерих. Исса и голова великанова. Эскиз к картине.

"Как шёл Исса по странствиям. Увидел Исса голову великую. Лежит у дороги мёртвая голова человеческая. Думает Исса: великая голова принадлежит великому человеку. И решает Исса сделать доброе и воскресить эту голову великую. Вот обрастает голова кожей. И наполнились глаза. Вот растёт тело великое. И потекла кровь. И наполнилось сердце. И встал сильный богатырь. И благодарил Иссу за воскрешение на пользу роду людскому". <...>

«В Куче уже тепло. Зеленеет новая трава в вершок вышины. Узнаем, что в Урумчи из Карашара можно пройти горной дорогой, короче на пять дней. Этим можно миновать жаркое место у Токсуна, где уже спуск в Турфанский оазис (960 футов ниже уровня моря). Летом в Турфане люди закапываются в землю и не могут пройти более одного потая. Кроме ожидаемой близкой жары, на большой дороге уже теперь грязь. Лучше пройти через территорию калмыков - по горным путям».

Из книги Ю.Н. Рериха По тропам Срединной Азии:

«Три дня, проведённых нами в Куча, были заполнены посещениями и переговорами с владельцами повозок. Местные жители рассказали нам, что старинные вещи и рукописи встречаются теперь редко, и единственное место, откуда ещё продолжают поступать находки, это район Лоб, к западу от озера Лоб-нор. За несколько недель до нашего прибытия в Куча какой-то торговец привёз в раскрашенном деревянном сундучке свёртки рукописей, а также монеты и разные древние вещицы. Мы очень заинтересовались этой коллекцией, но найти торговца так и не удалось.

Местный представитель американской фирмы братьев Бреннер в Тьенцине очень помог нам в покупке повозок для багажа. Новые повозки должны были везти снаряжение экспедиции в Урумчи. Мы также купили трёх лошадей: одну верховую и двух вьючных в дополнение к нашим 10 лошадям, принадлежащим двум ладакцам».

20 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха *По тропам Срединной Азии*:

«20 марта мы вышли из Куча, рассчитывая за день дойти до небольшой деревушки Яка-арык, расположенной на самом востоке оазиса Куча. Вскоре после того, как позади остался город и его окрестности, дорога пересекла каменистую равнину, полого спускающуюся к пустыне, расположенной южнее. Небо внезапно затянулось тучами, и сильный северо-западный ветер поднял в воздух клубы песчаной пыли. В период ранней весны песчаные бури здесь не редкость, а ветры являются предвестниками скорой смены температур.

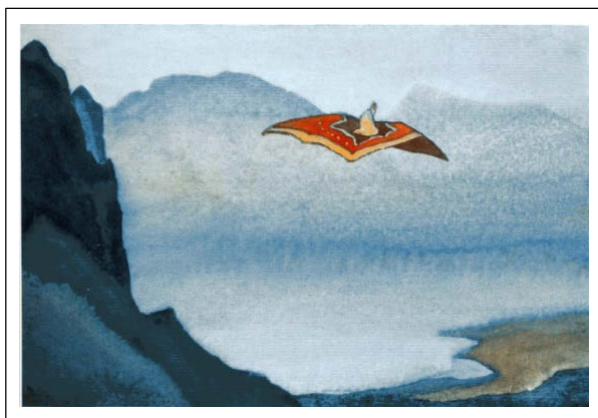
«На ночь мы расположились в саду на окраине Яка-арыка. К востоку от оазиса обширные каменистые пространства были окутаны пылевой завесой, оставленной пронесшейся здесь бурей. Ночью она бушевала в близлежащей пустыне, грозно сотрясая наши палатки».

Из дневников Н.К. Рериха *«Алтай-Гималаи»*:

«20 марта. Простились с трудовой бреннеровской группой. Ещё раз заметили, что де труд, там и радость. Дмитриев и Мещеряков верхами провожали нас за город. <...> Погружаемся в молочную пустыню. Начинается намаль. Засыпает глаза. Превращаемся в жёлтую массу. <...>

«Стоим в селении Яка-Арык. Здесь часто используются подземные арыки. Это вполне отвечает традиции подземных ходов, так принятых в Азии. Именно в середине Азии сплетается сказка и явь. Никакие европейские мерки не годятся здесь.

«Из Пекина предлагали дуту Синьцзяна установить аэропланное сообщение между Пекином и Урумчи. Дуту ответил, что в его провинции это неприменимо, потому что его народ дикий и разбежится в горы. Конечно, народ не разбежался бы, но быстрее разбежались бы слухи о разных невежественных действиях генерал-губернатора. Народ полюбил бы скоро этих воздушных вестников.

Н.К. Рерих. Ковёр-самолёт.

«Мечта Востока о коврах-самолетах, применённая народом к Соломону, воплотилась бы в ожидании железных птиц. Ведь и в Тибете древнейшими пророчествами указаны железные птицы и железные змеи. Здесь так же, как в следах первоначального учения Будды, имеются указания на космогонические проблемы, на эволюцию планет и на развитие жизни».

21 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[21 марта] «Следующим был переход в крошечную деревушку Янгиабад, сады которой произрастали на глинистой почве степей. Дорога тянулась по голой каменистой пустыне, кое-где пересечённой узкими полосами лёсса, покрытого скудным кустарником и оголёнными участками глины. На севере возвышались горные хребты - самые южные отроги великого Тянь Шаня».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«21 марта. С вечера звенели цикады. Высоко стояла сверкающая луна. Пахла трава. Но в два часа ночи ударил буран. Именно ударил. Налетел, как дракон, и заревел грозно до утра. Палатка вся встрепенулась. Пришлось приготовиться на случай отлёта шатра. А утром опять жемчужная Гоби - пустыня. Перламутр и опал, и тусклый сапфир сверху. У дороги в порядке расположен большой караван. Это Бреннер, или, как его здесь зовут, Белианхан, идёт на Тяньцзинь.

Навстречу нам едет казанский тарантас тройкой. Две женщины и три девочки-татарки из Чугучака едут в Карауль. Прошли мы 14 потаев и будем стоять в саду Янгиабада. Последние потаи опять задушили нас глубокими песками. Томми захромал - у него мокрец. Выйдет из строя дней на пять. К вечеру всё стихло. Садится серебряное Солнце.

«Здесь нас называют Реренжи-бей. Это уже наше пятое имя».

22 марта 1926 г. Бугур-базар.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[22 марта] «Следующий этап пути привёл нас в Бугур-базар. До самого оазиса Бугур дорога проходила по каменистой, глинистой местности. В Бугур-базар мы въехали по пыльным переулкам, вдоль которых тянулись бесконечные кирпичные стены, огораживающие поля и сады».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«22 марта. <...> Пробуем узнать, нельзя ли миновать Карашар и от Кури-та пойти через калмыцкую ставку, через монастырь Шарсюмэ по горной дороге на Урумчи. Калмыки как целое, как народность ускользнули от внимания. Поучительно пройти неделю их улусами.

«Странное положение в крае занимают дунгане, то есть китайцы-мусульмане. Их определённо не любят ни мусульмане, ни китайцы, ни калмыки. Само слово "дунганин" произносится с каким-то пренебрежением. Лица дунган мало привлекательны. Много жестокости.

«Идём до Богура. Пыльное, базарное место. Значится в 9 потаях, но очевидно, больше, судя по времени. Здесь потай считается странно. Есть короткий потай и длинный потай. Под гору - длинный потай. В гору - короткий потай. Странная мера расстояния.

«Сперва идём опаловой пустыней. Слева - холмы. За три потая до Богура начинается болотистый оазис. На дороге грязь. Носятся большие стаи уток и гусей. Важно расхаживают большие чомги. Про них говорят: "Это бывший человек". Конец пути заканчивается опять облаками пыли.

«Пыльный сад. На заборе сидит сын амбаня. Сун вежливо уговаривает его: "Нехорошо сидеть на заборе". Ничто не помогает, и Сун применяет обычное здесь средство - кидает камнем. Мальчик исчезает».

23 марта 1926 г. Шадир.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«23 марта <...> Идём широкой равниной. Прошли Янгисар. Идём дальше пыльным лёссом. Будем стоять за Шадиrom. Темно. Прошли 16 потаев. Караван опоздал. У Сабзы вспухла спина. Удивительно идут Мастан и Олла. Никто не знает расстояний. Караван дошёл в час ночи».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[23 марта] «На следующий день после долгого, пятидесятимильного перехода, мы оказались в небольшом оазисе Чадир, к востоку от Янги-гисара. Большую часть дня шли по пескам, поросшим зарослями кустарника, и только поздним вечером разбили лагерь».

24 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«23 марта. Утомительный день. Жарко. Идём пыльным лёссом и низким кустарником. До Чирчи 12 потаев. Обгоняем большой караван Белианхана. В Чирчи стоит ещё караван той же фирмы. Пионеры Америки работают.

«Сегодня день наших учреждений в Америке. День учредителей. Посылаем наши мысли в Америку, в дом Музея и Школы, где этот день празднуется. Наши дорогие друзья, мы как бы присутствуем на вашем ежегодном собрании. Расстояние как бы не существует. Идя по здешним просторам, мы вспоминаем равнины Миссисипи и Миссури и степную необъятность России. Даже каравану Белианхана мы рады, ведь это уже кооперация с Азией. Точно вспоминают оба континента о своей бывшей соединённости, разделённой космической катастрофой. Сколько монгольского в типах последних майя и у краснокожих индейцев! Сколько одинакового простора в Америке и в Азии. И сейчас, в момент возрождения, Азия вспоминает свои далёкие связи. Привет Америке!

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[24 марта] «На следующий день после долгого, пятидесятимильного перехода, мы оказались в небольшом оазисе Чадир, к востоку от Янги-гисара. Большую часть дня шли по пескам, поросшим зарослями кустарника, и только поздним вечером разбили лагерь».

25 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Из Чадира экспедиция двигалась по торговому пути с остановками в Чарчи и Тиме. Мы ехали главным образом по пескам, покрытым скудным кустарником и кое-где перемежавшимся участками каменистой пустыни. На севере всё лучше просматривались горы, распостёршие свои морщинистые отроги в глубь пустынной равнины. В пути между Чарчи и Тимой мы повстречали интересного молодого тюрка, который оказался лекарем, придерживающимся древних шаманистских традиций, сохранившихся среди фанатичного мусульманского населения. Таких людей в народе называют "бакша", или "учитель". Молодой человек ехал верхом на лошади и, ритмично ударяя в большой барабан, иногда напевал заклинания по-тюркски».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«25 марта. <...> Нигде не попадаются древности. Видимо, верхний, доступный слой находок уже вывезен в Европу, а скрытые слои уже пусть останутся для самой Азии. Достоинство стран требует разумно распоряжаться своим истинным достоянием. Пока же амбани распоряжаются ценностями народными в свою пользу. Амбань Янгигисара (назначенный консулом в Андижан) проиграл в карты много тысяч лан. Теперь он экстренно безмерно увеличил налоги и не едет на новую должность, пока не восполнит свой проигрыш.

«Ещё двенадцать потаев пустыней с мелким кустарником. Дошли до Тима. С утра ещё прохладно, но к полудню солнце уже жжёт. Караваны уже начинают ходить ночью, по-летнему. Опять рассказы про жару Турфана, где летом пекут лепешки на камнях под солнцем. Говорят: "Там много подземных ключей, и ещё много в местности подземных ходов. Здесь мучили когда-то святого человека, а он скрылся в подземный ход и вышел оттуда через шесть месяцев пути". <...>

«Налево, на севере, приблизился из тумана хребет Тянь-Шаня. За ним калмыки, а дальше Семиречье. При въезде в Тим большая древняя ступа и развалины строений - знамёна буддизма. Рассказывают, что гора, где Будда принимал посвящение, была вся огненная. Но по молитве Благословенного пошёл снег, погасил огонь, и теперь вокруг этой горы льды и снега, и трудно найти эту гору до срока. Тихий тёплый вечер. Молочное весеннее небо. Если бы удалось, не заходя в Карашар, пройти на ставку калмыцкого хана и оттуда монастырями и горами на Урумчи. Ждём калмыков. Имеет значение».

24-25 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[24-25 марта] «Из Чадира экспедиция двигалась по торговому пути с остановками в Чарчи и Тиме. Мы ехали главным образом по пескам, покрытым скудным кустарником и кое-где перемежавшимся участками каменистой пустыни. На севере всё лучше просматривались горы, распростёршие свои морщинистые отроги вглубь пустынной равнины. В пути между Чарчи и Тимой мы повстречали интересного молодого тюрка, который оказался лекарем, придерживающимся древних шаманистских традиций, сохранившихся среди фанатичного мусульманского населения. Таких людей в народе называют "бакша", или "учитель". Молодой человек ехал верхом на лошади и, ритмично ударяя в большой барабан, иногда напевал заклинания по-тюркски».

26 марта 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«26 марта мы прошли вдоль северной окраины оазиса Корла и свернули на северо-восток по течению Конче дарьи. Тропа пролегла по равнине, усеянной разноцветной галькой, и постепенно поднималась к горам. <...>

«Вскоре тропа вошла в узкое ущелье, у входа в которое стояла китайская застава, и нам пришлось предъявить пропуски для дальнейшего путешествия в Карашар. По некоторой причине торгутский район находился под тщательным наблюдением китайцев.

«Экспедиция стала лагерем на берегу реки, неподалёку от рощи. Воздух здесь был удивительно прохладным и чистым, и мы отдохнули от пыльной пустыни. Ранним утром сняли лагерь и направились к Карашару, до которого

отсюда оставалось двадцать миль. Недалеко от стоянки река Конче-дарья поворачивает на восток, а за низким холмом начинается спуск в бассейн озера Баграш. Весь этот отрезок пути мы шли по песчаному тракту, поросшему тамариском. Нас сопровождали два торгутских всадника, направившихся в горное селение, к северу от дороги. <...>

«Из достопримечательностей на этом отрезке пути в Карашар можно отметить развалины у деревни Шорчук, исследованные немецкой и английской экспедициями. После пятичасового перехода мы достигли Карашар дарьи. Дождаясь парома, вместе с нами стояли несколько торговых караванов. Паромом управляли торгуты - грубоватые парни в шубах и с длинными косичками. В толпе мы заметили несколько киргизов из города Пржевальска на озере Иссык-Куль, которые пасли свои стада овец в горах к северу от Карашара».

Карашар. Н.К. и Ю.Н. Рерихи. 1926. (фото экспедиции).

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«26 марта. Хороший, ясный день. Сперва с севера приблизился хребет Тянь-Шаня. Весь сапфировый и аметистовый. Потом перешли песчаниковую гряду изысканной формации. С холма внизу блеснула синяя горная река. Мощная, полноводная. Пошли по реке. Впереди запертые ворота - таможня, граница калмыцкой земли. Показались первые калмыки. Юрий попробовал с ними свой монгольский язык - сговорились. Стоим в лянгаре, недалеко от Менгой Саур (тысяча развалин). Развалины сопровождаются легендой, что лама видел свет в определённом месте. Копали, дошли до воды, и там показался водяной змей.

«Есть предположение, что на этих местах стоял большой монастырь, где была чаша Будды, исчезнувшая из Пешавара и упоминавшаяся Фа Сянем в Карашаре.

«Стоим у реки, около залежей каменного угля. Это первый день без пыли - опять горный воздух. Первое дерево - в цвету. Улыбнулась земля калмыцкая. Точно обходим её границы. Ночью полная луна. За рекою зажглись пастушьи костры.

«Мы вспоминаем чаяния калмыков. Вспоминаем, как Чунда первый сказал нам о таин-ламе. Уже потом пришли все сведения о том, что может сделать этот торгутский предводитель, если он сможет принять то, что ему посылается. А если не примет, тогда прощай надолго, Джунгария. О чём говорить, если чья-то пригоршня дырява...»

27 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«27 марта. Переход до Карашара, или Карашахра, или Карачара. Скоро ушли горы, и скрылась к югу река. Опять пыльная и голодная степь. Опять просёлочная дорога вместо большого китайского пути. На поверхности много горючего сланца. В горах - уголь. В вихре доходим до реки против Карашара. Перевоз на примитивных паромах. Такие переправы бывали на небольших волжских притоках. Пёстрая толпа, груды тюков, арбы, ишаки, верблюды, кони. И опять в самом городе ничего буддийского, всё ещё сарты и китайцы. Лица калмыков видны ещё редко. Они смысленнее и проворнее.

«Встречает нас С[енкевич], представитель Белианхана. Он хвалит калмыков.

«Предстоит перемена слуг. Наш страховидный Гурбан, которого всюду убоялись бы, оказывается сам очень боязливым. Он боится и китайцев, и калмыков и дрожит за свои несчастные рупии. Сарты, видимо, боятся калмыков и монголов, боятся их подвижности. Придётся пополнять убыль сартов в караване калмыками. Как поучительно наблюдать эту народность, могущую войти на страницы истории. Как увлекательно опять углубиться в горы и покинуть пески и пыль. Даже кони встряхиваются, когда подходят к свежей воде и к горам. При виде гор наши тибетцы Церинг и Рамзана начинают прыгать от радости.

«Улыбнись, земля калмыцкая. Задуманы сюиты "Ассургина" и "Оровани"».

**КАРАШАР - ДЖУНГАРИЯ.
(28 марта - 10 июня 1926 г.)**

28 марта 1926 г. Карашар.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«28 марта. Карашар в переводе значит "Чёрный город". Урумчи китайцы называют Храм Красный (Хун-мяо-цзы).

«На этом пространстве - земли торгутов и хошутов. Странна судьба калмыков. Народность разбита самым непонятным образом. В Китайском Синьцзяне олеты занимают Иллийский край, торгуты - Карашар, хошуты - Джунгарию, ойраты - в Монголии, дамсоки - в Тибете. Также калмыцкие улусы рассыпаны по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга. У священной горы Сабур лежат остатки города калмыцкого царя Айши. В разбросанных юртах начинают шевелиться признаки самосознания. Дедовские пророчества твердят о приходящих сроках.

«Словесное состязание между сартским беем и калмыком. Сарт заявляет заносчиво: "У вас нет бога". Калмык тихо говорит: "Если к нам приходит сарт, мы накормим и напоим его, и коня его накормим, и в путь запас дадим. А если калмык придёт к сарту, ему не дадут пищу, и коня его оставят голодным. Посуди сам, у кого есть настоящее?". Сарты поносят буддийское учение и издеваются над буддийскими изображениями. Но калмыки говорят: "Мы почитаем ваши надписи, а изображений у вас нет, потому что когда были даны первоизображения, то вы были слишком далеко и не могли познать их".

«С буддистом трудно спорить. Знающий учение может столько рассказать об эволюции жизни; скажут о посланцах от Шамбалы, ходящих по земле под разными обликами для помощи людям; без предрассудков будут говорить

о новейших социальных движениях, припоминая заветы самого Готама. Если же снять с этих повествований стилизации языка и образов, то мы встречаемся с учением истинного материалистического знания, далеко опередившего свою эпоху.

«С[енкевич]. хвалит калмыков за Твёрдость слова. "Никаких письменных условий не надо, не то что сарты, особенно беки и баи".

«Встретили несколько красивых карашарских коней. Это именно та порода, которая встречается на старинных миниатюрах и на статуэтках старого Китая. Некоторые учёные считают эту породу исчезнувшей, но вот она перед нами, живая, караковая и твёрдая на поступь. Хорошо бы другим странам исследовать эту породу.

Завтра едем в ставку калмыцкого хана».

«Ещё не настал вечер, как поступила новая синьцзянская гадость. Приезжает взволнованный С. и передает, что амбань не разрешает идти короткой горной дорогой, а указывает продолжать путь через пески и жар Токсуна, по длинному и скучному тракту. Новое глумление, новое насилие, новое издевательство над художником и человеком. Неужели мы не можем видеть монастырей? Неужели художник должен ездить одними сыпучими песками? Спешим к даотаю. Старик будто бы болен и не может принять. Секретарь его кричит с балкона, что ехать можно, что амбань устроит всё нужное. Едем к амбаню. Его нет дома. Секретарь его говорит, что амбань "боится за нас из-за большого снега на горной дороге". Мы объясняем, что теперь снега уже нет, что нам не надо идти через высокий Таже-даван, что мы пойдём через более низкий Сумун-даван.

«В семь часов обещали принести ответ. Конечно, снег амбаня вовсе не белого цвета. Каждый день способны испортить китайцы, каждый день подобные китайцы способны превратить в тюрьму и пытку. Ждём вечер и готовимся всё-таки к отъезду. Пришли торгуты, вернувшиеся из Кобдо.»

«Пришёл хошутский лама. Просит вылечить глаза. Принёс ценные рассказы. Не сказки, но факты. Нужны факты. Лама из Улясутая написал книгу о наступлении времени Шамбалы.

«Вечером пришёл ответ. Принесли его племянник даотая и почтмейстер. Конечно, ответ отрицательный. Несмотря на жару, на духоту и пыль, мы должны длинным путём идти через горячий Токсун. Е. И. заявляет, что она умрёт от жары, но китайцы улыбаются и сообщают, что у их губернатора сердце маленькое.

«Составляем телеграмму генерал-губернатору:

"БУДЬТЕ ДОБРЫ УКАЗАТЬ МАГИСТРАТУ КАРАШАРА РАЗРЕШИТЬ ЭКСПЕДИЦИИ РЕРИХА СЛЕДОВАТЬ В УРУМЧИ ГОРНОЙ ДОРОГОЙ. ЗДОРОВЬЕ Е. И. РЕРИХ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ПРОДОЛЖАТЬ ПУТЬ ПО ЗНОЙНОЙ ПЕСЧАНОЙ ПУСТЫНЕ ДЛИННОГО ПУТИ. ГОРНАЯ ДОРОГА ГОРАЗДО СКОРЕЕ ПОЗВОЛИТ ДОЙТИ ДО УРУМЧИ".

«До получения ответа мы пойдём в ставку торгутского хана и в монастырь Шарсюмэ.

«Отвратительно это чувство поднадзорности и насилия. Какая же тут работа, когда за спиной стоит приказ амбаня и когда у генерал-губернатора "маленькое сердце". Испорчено всё настроение, и опять сидим в каком-то китайском средневековом застенке».

29 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«29 марта. Встали с зарёю. Все наши люди торопятся уйти раньше, чтобы китайцы не успели выдумать новых затруднений. <...> Идём жёлтой степью, высокая трава. Солнце палит. На севере опять слабый силуэт гор, отдельные серые юрты, стада верблюдов. Наездники в круглых, тибетского покроя шапочках. После девяти потаев доходим до ставки. Базар - чище, чем в сартских городах. Белые строения ставки горят на солнце. Стены, дворцы, проезды выведены широко. Нас ведут через широкий двор в большую комнату. Белые стены, чёрная китайская мебель, шкура медведей. Чаепитие. Приносят карточку от гегена-регента (за малолетством хана) - Добу-дун-цорын-чунбол. Это тот самый перевоплощенец Сенген-ламы, о котором упомянуто в сиккимских заметках. Завтра увидим его. Стоять будем на поле за ставкой против гор - отличное ощущение.

«Приходят калмыки, толкуют с нашим ламой. Калмыки спрашивают, нет ли у нас кусков магнита? Спрашивают о Тибете, о Монголии, всё это осторожно, пока узнают доподлинно, кто мы. Женщины - в очень красивых, хорошо пригнанных нарядах. За стеной звучит военная труба - это казаки таин-ламы, гегена-правителя. У него две сотни калмыцких наездников, обученных казачьему строю».

30 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«30 марта. Ясное утро. Лиловые горы. Будет жарко. Чёткость гор и строений несколько напоминает Ладак. Можно бы радоваться, но опять является китайская гадость в лице конвойного солдата с наглым заявлением, чтобы мы здесь долго не задерживались и что лучше бы нам ждать приказ дуту в Карашаре, то есть среди навозных полей, среди пыли и духоты. Истинно, от всех предложений китайцев можно задохнуться. Теперь уже конвойные солдаты стали делать замечания. Лучше бы они караулили арестованное оружие наше, которое брошено на поле без присмотра. Идём в десять часов к таин-ламе. Приветливый человек низкого роста. Радуетсья узнать, что мы говорим по-русски, - он знает несколько русских слов. Хотя лицо таин-ламы и непроницаемо по обычаю, но при рассказах о храмах в Сиккиме и Малом Тибете он оживляется и желает всяких успехов. Стоя выслушал весть. Но боязнь китайцев леденит язык таин-ламы. Лепечет: "Когда придёт время...". Но ведь время-то пришло! Каждый сам отмерит...

«Дом князя белый, чистый, просторный. На дворах стоят юрты с золотыми куполами. Стены с зубцами. Знамена. Одни лица с улыбкой, другие хмурые. Можно понять, насколько сильно синьцзянское давление.

«Полунезависимость калмыков обвита синьцзянским драконом. А горы и белые стены так радостны!

«Но без китайской гадости не проходит и трёх часов. Идёт целая толпа "министров" и старшин гегена-правителя с двумя китайскими солдатами. Видите, амбань Карашара указывает нам немедленно вернуться в Карашар. Всё это говорится длительно и твёрдо, но письма при этом нет никакого. Мы говорим, что мы сами мечтаем как можно скорей вырваться из Синьцзяна, на что ждём ответа от дуту. И вот опять сидим в бездействии, ждём телеграмму

из Урумчи, без уверенности, что наша телеграмма вообще была послана. Работать нельзя, ибо и без движения мы вызываем преследования. Между тем солдат уходит на базар и поручает свою винтовку Сулейману. Итак, солдатское ружьё поручается нашему конюху, а наше оружие брошено посреди поля запечатанным. Наконец, где же логика, где же разум?

«После трёх часов начинается буря. Горы скрылись.

«Друзья, вы будете думать, что я в чём-то преувеличиваю. Я рад был бы уменьшить что-нибудь, но происшествия чудовищны. Опять пришла толпа калмыков с китайскими солдатами и передала требование о нашем немедленном выезде из ставки по указу карашарского даотая. Шумели, грозились. Значит, ни работать, ни посетить Шарсюмэ нельзя. Вся цель экспедиции исчезла. Надо только мечтать скорей покинуть китайскую территорию. Через два часа идём требовать обратно наш паспорт и письмо о причинах высылки. Отдают паспорта при официальном письме о том, что высылка производится по требованию карашарского даотая, по обвинению нас в съёмке карт. Дают и арбы, только бы скорей нас вывезти. Говорю, что мне 52 года, что я был почётно встречен с двадцати трёх странах и что теперь подвергаюсь в первый раз в жизни высылке - с территории полунезависимых торгутов. Какая тут независимость, это просто рабство. Унизительное рабство: вопреки всем обычаям Востока - выгнать гостя! И куда же мы пойдём? В жару Токсуна? И вынесет ли Е. И.? Именно жару сердце её не выносит. Где же ближайшая граница, чтобы укрыться от китайских мучителей? Над горами буря».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[30 марта]. «Утром экспедицию навестил личный секретарь правителя и сообщил, что правитель ждёт нас во дворце. Мы встретились с Тоин ламой, как его называют жители Восточного Туркестана и Джунгарии, в комнате, обставленной по-европейски, с большим столом посередине. На камине красовались две банки консервов, поставленных в качестве украшения.

«Тоин лама - интересная личность среди политиков Центральной Азии. Несколько лет назад его называли "сильным человеком торгутов", который взял в свои руки власть после смерти младшего брата, торгутского хана. С самого начала в его политике проявились националистические тенденции, и он сумел искоренить мощное китайское влияние при дворе последнего торгутского хана.

«... Тоин лама оказался очень приятным человеком, который отнёсся с большим вниманием к нуждам экспедиции и обещал оказать нам посильную помощь. Он согласился дать соответствующие распоряжения настоятелю Балгантай-Шара-суме и обеспечить нас надёжными проводниками. Мы покидали дворец, уверенные в плодотворном путешествии по Тянь Шаню, но когда вернулись в лагерь, то узнали от китайского офицера, прибывшего из Карашара в сопровождении нескольких всадников, о приказе следовать обратно в город. Мы, естественно, отказались и заявили офицеру, что не сдвинемся с места, пока не получим письменного объяснения от генерал-губернатора. Офицер уехал, но вскоре вернулся в сопровождении толпы торгутских советников и мелких чиновников и продолжал настаивать на нашем отъезде в Карашар. Но мы были непреклонны в нашем решении остаться в Хотон-сумбуле до тех пор, пока не получим письменное объяснение от регента или от властей Карашара. Возбуждённая толпа покинула лагерь».

31 марта 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«31 марта. Спали плохо. Встали до рассвета. Выхожу в предрассветной мгле. Навстречу идёт наш лама. Расстроенный: "Сейчас мне надо ехать. Нас хотят арестовать". - "Кто сказал?" - "Ночью пришёл знакомый по Тибету лама и сказал, что ещё вчера калмыцкие старшины хотели нас всех связать, только побоялись револьверов". - "Берите Оллу и киргиза с собой. Скачите степью в Карашар. Там найдём вас".

«Через пять минут лама с киргизом уже скакали степью. Между тем подспели арбы. Мы стали спешно грузиться. Напуганный китайцами геген-правитель даже не пришёл проститься. Ведь он был неоднократно задерживаем в Урумчи и потому боится до последней степени. Даже на религиозное празднество китайцы отпустили его всего на четыре дня из Урумчи. Хотя он и не храбрец, но всё-таки нельзя же гостей попросту выгонять в угоду китайцам. Какие-то всадники снуют около нас, поглядывают. Опять едем той же степью. Но Карашар стал для нас уже истинно чёрным городом. Из Карашара нам запретили осмотреть буддийские храмы, обрекли двенадцать дней тащиться по жарким пескам и нелепо запретили прикоснуться к любимым горам. Из Карашара, по приказу дуту, опять нас сделали поднадзорными ссыльными. Но зато мы знаем, что бедный геген окружён китайскими шпионами и под калмыцким кафтаном часто скрыта китайская сущность. Приезжаем в прежний унавоженный сад. Из ворот нам кричат "капр" (то есть "нечистый" - мусульманское приветствие). Сун кидается с плетью на обидчика. Обычная драка. Сарт улепётывает. Сейчас же едем к амбаню и по пути захватываем почтмейстера, говорящего по-английски. Амбань заявляет, что по телеграмме дуту мы должны идти дальним путём по пескам, несмотря на опасность для здоровья Елены Ивановны. Конечно, мы уже слышали, что у дуту "маленькое сердце", но всё-таки эта жестокость поражает. Амбань не отрицает, что он приказал вернуть нас из ставки и что нам запрещено смотреть буддийские храмы. Мы говорим, что тогда нам нечего делать в Китае, и просим дать письменное извещение об этих запрещениях для сообщения в Америку. Амбань мнётся, ссылается на необходимость советоваться с даолаем. Мы ещё раз удостоверяемся в том, что нам запрещено посещать храмы и писать горы, и что для ускорения пути нас посылают по долгой дороге. Где же ты, Конфуций? Где же твоя справедливость и прозорливость?

«Начинается скучная торговля с арбами. Требуют до Урумчи 180 лан, тогда как цена не более 90 или 100 лан. Так и кончаем день среди разных "дружественных приветов".

«Земля калмыцкая улыбалась лишь издали, а вблизи превратилась в синьцзянскую гримасу. Вспоминаем проникновенные сиккимские настроения, вспоминаем величие Гималаев. Недаром защемило сердце, как стали спускаться с каракорумских высот к Такла-Макану. Киргиз рассказывает, как старшины торгутов советовались после получения письма от амбаня: "Не связать ли их?! Нас много, а их всего трое...". Киргиз Салим возмущён гегеном: "Это не князь, если через час слово меняет. Не бывать ему больше бурханом". И опять видим сочувствие народа и злобствование старшин и беков. Лама возмущён поведением калмыков. Всё это поучительно! Прошлый хан калмыцкий был отравлен. Более разумный советник - убит. Далек старшинам торгутским от пробуждения».

АПРЕЛЬ

«... Защемило сердце, как стали спускаться с каракорумских высот к Такла-Макану...»

Пустыня Такла-Макан. (Современное фото).

1 апреля 1926 г. Карашар.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Разные рассказы о калмыках. Покойный калмыцкий хан под давлением или под внушением передал важное полномочие китайцу. Китаец спешно поехал в Урумчи, чтобы оформить и закрепить полученное полномочие. Калмыки в горах догнали его и уничтожили со всем его эскортом, так что и следов не нашли. Хана своего калмыки отравили после этих внушений. За малолетством наследника стал регентом брат хана таин-лама. В июне этого года таин-лама передаёт государственную печать (тамгу) молодому хану, а сам удаляется как духовное лицо с монастырь в Шарсюмэ. Долго ли будет править двенадцатилетний хан? Таин-лама впал в немилость дуту после того как он отказался дать своих солдат в экспедицию для убийства кашгарского дитая. Сплошное мрачное средневековье.

«Благосостояние калмыков падает, ибо налоги велики. Кроме китайского налога, они ещё платят местный нойонский налог. Народу тяжело. Табуны у простых людей рдеют. А синьцзянской ориентации старшины дошли до того, что пытались связать американскую экспедицию. В Хотане грозились нас выслать, а в Карашаре уже привели угрозы в действие. Будем надеяться, что погода окажется менее кровавадой, нежели урумчинский дуту, и не задушит Е[лену] И[вановну]. Этот правитель посылает сборник своих указов британскому консулу и для Британского музея; но не мёртвые листы указов, но действия дают облик деятелю. Посмотрите и послушайте на местах, и вы увидите истинное обличье правительства Синьцзяна. Недаром лучшие китайцы называют правление Синьцзяна "Синьцзянской кампанией". И покуда вы не увидите всё это на месте, вы не можете поверить такому человеческому одичанию. Конечно, дуту стар, очень скоро умрёт, и вряд ли он возьмёт в могилу награбленное добро, но кто будет тот, кто вычистит эти авгиевы конюшни?

«Истинно, хотелось бы писать картины вместо описания этих вредных, человеконенавистнических безобразий. Но, видно, так надо. Видно, кому-то

это будет полезно. Америка ждёт мои картины буддийских высот, но пусть китайское правительство разъяснит, почему мы не допущены в монастыри. В Сиккиме нас встречали с трубами и знамёнами, а на китайской земле - с вёвками. Конечно, карашарский амбань никакого письма мне не дал. И не нужно. У нас есть письмо с печатью калмыцкого хана, где ясно указан приказ китайских властей. Скорей дальше от китайской гримасы! Перед нами острова Японии, перед нами давняя мечта повидать острова Пасхи с их неведомыми каменными гигантами.

«Солдат сегодня вообще не прислали, так что наше арестованное оружие само себя сторожит. Вечер кончается скучной процедурой отпуска трёх конюхов, уходящих в Ладак. Молодой тибетец Церинг хочет идти с нами. Он не любит мачеху и говорит, что отец сделался ему чужой, и он вообще хочет далеко идти с нами. Молодая душа стучится в окошко новых возможностей. Как же не взять его?»

***2 апреля 1926 г. Карашар - Тавилга - Кара - Кизил.
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:***

«2 апреля Утро начинается драмой Церинга. Ладакец, отец его, сбит с толку злыми конюхами и запретил Церингу идти с нами. Иначе, говорит, перебью тебе руки и ноги. Надо было видеть слёзы Церинга. Прощался с нами, дрожа и глотая слёзы. Какое право имеют люди отнимать чужое счастье? Ведь в этом порыве было столько стремления к свету. А теперь Церингу придётся снова бессмысленно с ослами шагать по сыпучим пескам, служа невежественности. Бедный мальчик! Иногда думаем, не убежит ли он? Конечно, это трудно, ведь за ним будет смотреть злой старик и не менее злые конюхи.

«С семи часов возимся с арбами и караваном. Пишем условия. Шумим из-за негодности лошадей и присланных солдат. Возмутительная медлительность. Русский или американец обезумели бы от такого темпа. Когда же проснётся этот народ?»

«Попутно поступают интересные сведения. Китайцы берут прививку оспы не от телят, а от людей и таким образом заражают сифилисом и другими болезнями.

«Монголы заняли границу от Шарсюмэ и в ста верстах от Гучена, то есть в трёхстах верстах от Урумчи - от резиденции генерал-губернатора. Если взять линию от Кульджи на Гучен, то дуту окажется в мешке. Между прочим, пресловутый дуту поставил себе памятник в Урумчи. Не монголы ли уберут его?»

«Идём всего четыре потая. Вместо гор, вместо монастырей, вместо Майтрейи - опять жёлтая степь вокруг нас. Какое право имеют китайцы лишать нас увидеть красоту? Уход трёх конюхов как-то освежил караван. Люди почему-то радостны. Рамзана ждёт Церинга и уверяет, что он прибежит сегодня или завтра. Это было бы по-тибетски!»

«Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«2 апреля мы покинули Карашар и в тот же день пришли в деревушку Тавилга, где и остались на ночлег. Дорога вела по пыльному песчаному тракту, поросшему кустарником. Путь в Ушактал шёл по точно такой же дороге. Дни были жаркие, и тучи москитов беспокоили людей и животных. К северу поднимались суровые горы. Из деревни Ушактал в Урумчи ведёт горная дорога, которой часто пользуются местные хошуты. Дорога была пустынной, лишь

иногда одинокий всадник-калмык, курящий свою длинную трубку, появится в степи и затем снова исчезнет в зарослях.

«Из Ушактала дорога вела по песчаной степи со скудным кустарником. На ночь мы остановились в одиноком лангаре, или постоялом дворе, Кара-Кизил».

Такла-Макан. Пыльная буря. (Современное фото)

3 апреля 1926 г. Ушактал.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«3 апреля. Сильно студёно ночью и жарко в полдень. Жёлтая степь. Пыльная, каменистая дорога. На север гряда туманных гор. Доходим до грязного местечка Ушактал. Опять нужно стоять около скотных дворов. Неприхотливы все даотай, дитаи, амбани, тулины, веками ночующие на тех же самых грязных постоялых дворах. Из этого местечка проходит хошутская дорога на Урумчи. По хошутской дороге всего четыре дня до Урумчи, но мы, по приказу генерал-губернатора, должны идти долгой, пыльной, жаркой, некрасивой дорогой целых восемь дней. Такова китайская жестокость, чтобы заставить путешественников идти по пыли и в духоте и знать, что тут же рядом краткая дорога, полная горных красот. Недаром ни один из виденных нами даотаев и амбаней не мог назвать ни одного знаменитого современного китайского художника или учёного.

«Представляете себе наше ощущение: видеть ущелье, через которое идёт короткая дорога, а самим ползти в облаках жаркой пыли.

«Ещё вариант легенд о Турфане. "Из пещеры вышел высокий человек и пошёл на базар что-то купить. За покупки предложил заплатить золотыми монетами стариною в тысячу лет. Затем человек ушёл в ту же пещеру и пропал. А у входа стоит каменная собака. Хотела она вскочить в пещеру за человеком и окаменела"».

[4] апреля 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующий день въехали в суровую горную страну, пересечённую полосами каменистой пустыни. Прямо к тропе подступали скалы с обнажениями вкраплениями гранита, порфира и базальта. В лучах заходящего солнца узкие ущелья горели разноцветными огнями. Ночь мы провели на постоялом дворе в Аргай-Булаке, живописно расположенном в узком горном ущелье».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Сегодня чудесный день. Со всех сторон показались горы: синие, сапфировые, фиолетовые, жёлтые и красно-бурые. Серое небо и жемчужные дали. По руслу широкого потока доходим до Кара-Кизыл, то есть "чёрно-красный". Название дано верно, ибо скалы из чёрного и красного крупнозернистого гранита. Тишина пустыни. Насколько лучше эти уединённые лянгары, нежели города и грязные базары.

«Только подумать, что мы могли идти четыре дня уединёнными горами, среди дальних снегов. Сегодня показалась первая низкорослая хвоя. За весь день, за семьдесят четыре версты, лишь один убогий лянгар с плохим колодцем в "сто аршин" глубиной. За весь день лишь два маленьких каравана тощих ишаков. Точно идёте не большой китайской дорогой, а по новой, не открытой стране. Из гор торчат слои чёрных сланцевых и угольных образований. И вся пустыня замерла, ожидая шаги будущего».

5 апреля 1926 г. Токсун.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

В Токсун нам пришлось добираться по знойным пескам и каменистой пустыне. В нескольких милях за Аргай-Булаком раскинулась широкая каменистая пустынная равнина, постепенно понижавшаяся в направлении Турфанской впадины. Вдали виднелись колеблющиеся очертания Токсуна и его садов.

«После пятичасового перехода под вечер экспедиция вступила в Токсун. Было начало лета, и сады изумляли обилием цветов. Мы разбили лагерь около городских ворот на берегу реки. Наши ладакцы, поражённые внезапной сменой температуры и времени года, в растерянности бродили по лагерю и вдоль водоёма. Там, в горах и пустынях, - ранняя весна с холодными ночами и ветренными днями, а здесь - лето с жаркими днями и душными ночами. Токсун расположен у края Турфанской впадины, на высоте ста сорока футов над уровнем моря. Ночью мы не спали из-за жары и москитов, набившихся в нашу палатку».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«5 апреля. Просто беда с цириками. Заваливается спать на арбу и не только наши, но даже своё ружьё не бережёт. Ночью люди какого-то проезжего амбана хотели выбросить наших коней из лянгара. А горы так хороши! Стоят тёмно-бронзовые с зеленоватыми и карминными пятнами. За горами опять пустыня с тёмными гальковыми скатами, усеянными светло-жёлтыми кустиками. Целый ковёр Азии.

«Днём жарко. Помогает восточный ветер. Прошли девять потаев до бедного местечка Кумыш. Какое-то обобранное, растерзанное селение. Два разбитых необитаемых лянгара. Когда-то что-то здесь было. Е. И. спрашивает: "Но ведь ездят же здесь даотаи и амбани? Неужели они останавливаются в такой грязи?". Сулейман смеется: "А им-то что? Этим амбаням?! Была бы трубка опия да баба! И в любой грязи проваляются!". Видно, не велико уважение к властям. От путников из Хотана доходит неясное сведение о смещении даотая Ма.

«Молчат барханы. В голубой дымке залегли горы. Вспоминается характерный случай. Путешественники из Китая в Тибет рассказывают, как на границе для досмотра были оставлены нянька с ребёнком. Оказалось, что погра-

ничный служащий накурился опиума, жена его была занята по хозяйству, и няньке пришлось выполнять обязанности таможенного стражника. Это было напечатано в шанхайских газетах. В прошлом году калмыкам-богомольцам не было разрешено пройти в Тибет на поклонение святыням. Такое запрещение очень многозначительно. Сегодня уже начинается китайская пытка - начинается жара, которую мы избежали бы по хошутской горной дороге.

«Нынче очень ранняя весна. Говорят, снег в Урумчи уже сошёл. Вечером выговариваем Сулейману за его привычку пускать в ход нагайку по человеческим спинам. Он удивлён: "Да как же иначе мне с дунганином или китайцем дело иметь? Разве они понимают рассуждение? Или он тебя взял, или ты его взял. Вот вчера мафакеш-дунганин отчего быстро ехал? Потому что с утра дали ему пинка хорошего. А сегодня, наверно, поздно придёт". Так здесь и живут - целая цепь зла».

6 апреля 1926 г. Аргай – Булак.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«6 апреля. Жаркий день. Сперва пустыня со многими буграми и скалами вокруг. Через восемь потаев вошли в красивое ущелье. Шли им около семи потаев. Сине-чёрно-бронзовые скалы, все в трещинах. Полная безводность. Разрушенные лянгары по пути. Верно, вода ушла и заставила жителей передвигаться. За весь день встретили всего один караван ишаков и два всадника. Самая большая дорога представляет из себя каменистую пустыню. От семи утра до четырёх с половиной не видно никакого движения по дороге. Если бы мы шли горами, то завтра уже пришли бы в Урумчи. Ночуем в Аргай-Булаке - уединённый лянгар среди бронзовых гор. Говорят, что здесь тоже была война с Андижаном. Высоко в песчаниковой скале видна пещера. Подходы к ней все обвалились».

7 апреля 1926 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«7 апреля. По бесчеловечности генерал-губернатора мы идём жарким ущельем. Разнообразные песчаниковые формации; но всё это в Ладаке гораздо красивее. Среди песков вдруг ярко зеленеет каёмка травы. Значит, из скалы неожиданно бьёт родник звенящей воды и растекается по песку. Конечно, можно бы легко собрать драгоценную влагу в обработанное русло, можно бы легко починить каменистую дорогу, но, конечно, улучшение края не входит в круг занятий китайской администрации. После небольшого перевала входим на палящую равнину. Е[лена] И[вановна], задыхаясь от жары, говорит: "Это не губернатор, а старое чудовище". Действительно, заставить иностранцев четыре дня идти лишней палящей дорогой - бессмысленно и бесчеловечно. Всё равно, что сказать американцу: "Можете ехать из Нью-Йорка в Чикаго только через Новый Орлеан". Вообразите негодование пассажира.

«Среди песков, среди молочной мглы синеет Токсун. Всего на день пути лежит Турфан, и из его девятисотфутовой ямы пышет жар. Как легко представить себе, что летом в Турфане даже местные люди умирают от жары.

«В Токсуне деревья все уже ярко-зелёные, Посевы густо зеленеют. Стоим на берегу реки, бегущей многими рукавами. Лишь бы опять не было драки. Сегодня рассвет начался безобразной дракой. Сулейман избил Суна, и тот в крови прибежал к нам. Необходимо скорей освободиться от Сулеймана. Это жи-

вотное не понимает никаких убеждений, и главное его преследование направлено на Суна за то, что этот не крадёт. А в основании всего виноват в драках сам дуту, который арестовал наше оружие и возит его запечатанным напоказ всей провинции. Если бы револьверы были при нас, то и люди относились бы иначе. Жарко, даже в пять часов жар ещё не спадает. Ночь тоже не принесла прохладу в палатки.

«К вечеру приводят коней на реку. Проводят перед нами. Не купим ли? Цена от трёхсот до тысячи лан. Красивый буланый конь. На спине чёрная полоса. Посадка головы напоминает зебру или кулана. Нет ли в породе карашарских коней скрещения с куланом?

«Приходит в сумерках дунганин - китайский доктор. Говорит по-русски. Почему? Оказывается, жена его русская семиреченская казачка. Вот идёт и она сама в розовых штанах и кофте, с ней чёрненькая девочка. И под звёздами Токсуна звучит тихая жалоба на жизнь. С тринадцати лет родня продала её дунганам. Бежала она. Там пришла революция. Родня её исчезла. Пришёл голод. И вот казачка оказалась в китайском наряде. "Скучно мне. Не о чем говорить с ними. Грязь у них. Теперь опять тянемся к России. Муж мой хочет в России быть. Купила я себе девочку - сартянку. Заплатила за неё двенадцать лан. Сделала я себе из холста вроде палатки, поставила её в комнате - лишь бы грязь их прикрыть. В Урумчи много наших казачек от нужды за китайцев пошло. И образованные, и портнихи хорошие пошли за дунган. И вот здесь много скорпионов. Берегитесь ночью. Турфан и Токсун славятся скорпионами. Один маленький меня укусил - три часа кричала. Потом перетянули палец верёвкой и положили опий. Будьте осторожны".

«И казачка-дунганка уходит во мглу со своим чуждым ей мужем и с купленной девочкой. А девочку назвала Евдокия. Итак, дуту нас послал не только в пекло, но и в город скорпионов.

«Ночью жарко. Цикады звенят без устали. Юрий удивлён, что до сих пор идёт продажа людей. Идёт открыто и деловито. Может быть, в сборнике указов дуту, подаренном им Британскому музею, имеется "прекрасный" указ о продаже людей».

8 апреля 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Последний переход до Урумчи осуществлялся по пустынной местности, по-зимнему мрачной и бесплодной. С вершины невысокого горного хребта мы впервые увидели столицу Синьцзяна. Город раскинулся на берегу реки Архоту, текущей среди широкой равнины, окружённой цепями гор Восточного Тянь Шаня. На востоке белела могучая Богдо-ула, впервые обследованная русскими исследователями, братьями Грум-Гржимайло в 1889-1890 гг.»

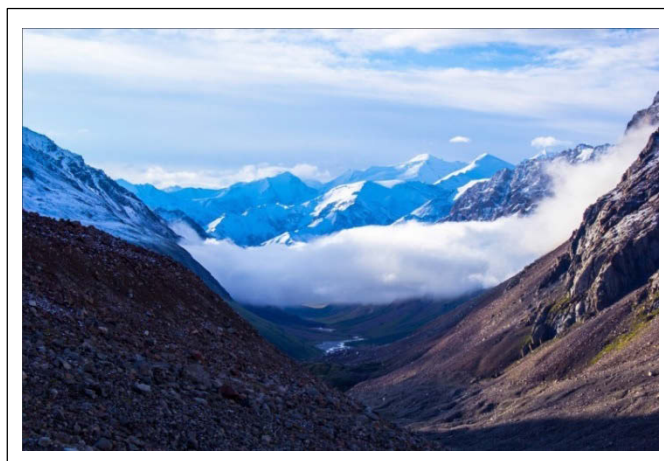
Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«8 апреля. По бесчеловечью генерал-губернатора провели безобразный день. Тянулись знойной каменистой пустыней. На горизонте трепетал жаркий воздух. Уплотнялись далёкие несуществующие озёра, и таяли миражи, и претворялись в серую беспощадную равнину. В зное потонули далёкие горы. Только подумать, что сегодня мы уже были бы в Урумчи. Уже читали бы вести из Америки. И по самодурству чудовища ещё целых три дня будем топтать ненужное нам взгорье. Будем стоять в лянгаре Паша-Сайган.

«В пути думалось: не правы европейцы, разрушая монументальные концепции Ближнего и Дальнего Востока. Вот мы видели обобранные и ободранные пещеры. Но когда придёт время обновления Азии, разве она не спросит: "Кто же это обобрал наши сокровища, сложенные творчеством наших предков?". Не лучше было бы во имя знания изучить эти памятники, заботливо поддержать их и создать условия истинного бережливого охранения? Вместо того фрагменты фресок перенесены в Дели, на погибель от индусского климата. В Берлине целые ящики фресок были съедены крысами.

«Иногда части монументальных сооружений нагромождены в музее, не передавая их первоначального назначения и смысла. Прав наш друг Пеллио, не разрушая монументальных сооружений, а изучая и издавая их. Пусть свободно обращаются по нашей планете отдельные предметы творчества. Но глубоко обдуманная композиция сооружений не должна быть разрушаема. В Хотане мы видели части фресок из храмов, исследованных Стейном, а остальные куски увезены им в Лондон и Дели. Голова Бодхисатвы - в Лондоне, а расписные сапоги его - в Хотане. Где же тут беспристрастное знание, которое, прежде всего, очищает и сберегает, и восстанавливает? Что же сказал бы учёный мир, если бы фрески Гоццоли или Мантеньи были бы распределены таким "научным" образом по различным странам? Скоро по всему миру полетят быстрые стальные птицы. Все расстояния станут доступными, и не ободранные скелеты, но знаки высокого творчества должны встретить этих крылатых гостей.

«Сегодня за весь день мы видели один маленький караван ишаков и одного всадника. Мёртвое молчание большой дороги прилично соответствует лишь омертвелости современного Китая. Придёт молодёжь, и зацветут пустыни».

Отроги Небесных гор Тянь-Шаня. (Современное фото)

9 апреля 1926 г. Дабан-чен.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«9 апреля. Идём последними отрогами Небесных гор Тянь-Шаня. Минуем дорогу на Турфан. На распутье - старая китайская стела-плита с полуистертыми надписями и орнаментами. Там давно, в глубине столетий, кто-то заботился о видимости путевых знаков. Дальше дорога наша разветвляется. Один путь идёт через перевалы, а другой - рекою с пятнадцатью переездами через воду. Люди наши долго, как государственное дело, обсуждают направление

пути. Совет порешил: идти нам перевалами. Всё готовится так серьёзно, что мы можем думать о серьёзности перехода. Но сомнения были напрасны. Оба перевала очень легки и не годятся ни в какие сопоставления с Ладаком и Каракорумом. Спускаемся с гор к небольшой реке. Видны развалины старого форта. На чёрно-синем фоне гор светится неожиданная светло-золотая песчановая вершина. Нам говорят: "Там живёт святой человек. Прежде он показывался людям, а теперь его никто не видит. А знаем, что живёт там. И стоит там как бы часовенка, а только дверей не видать". Так сеется легенда.

«Опять идём узким кочковатым просёлком, и никто не поверит, что это самая большая и единственная артерия целой области с метрополией. Чудовищно и странно видеть такое одичание целой страны. Одно хорошо: мягкие звуки колокольчиков длинной вереницы верблюдов. Истинные корабли пустыни.

«Стоим в Дабан-чене (город перевала). Шли одиннадцать часов. Е. И. даже поцеловала свою лошадку. До Урумчи осталось двадцать два потая. Днём очень жарко. Необычно ярко мерцают звёзды. Первый раз слышали гонги в китайском храме».

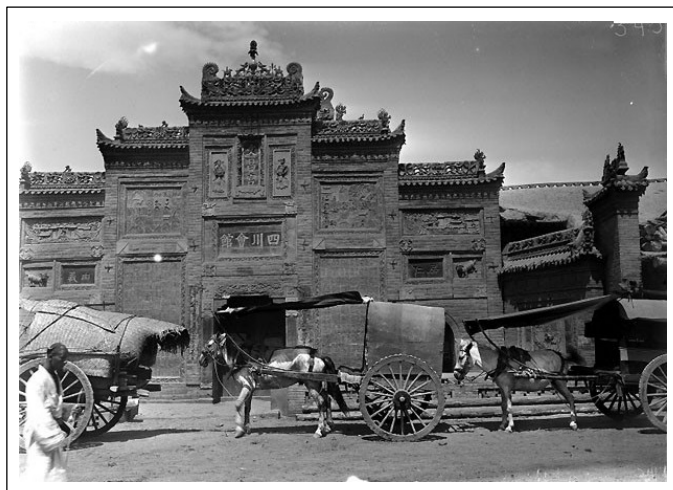
10 апреля 1926 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«10 апреля. С вечера начался буран. Укрепили палатки всеми костылями. Навалили вокруг яхтаны для тяжести и плохо провели ночь в трепещущем домике. Часа в два ночи в храме звонили гонги, но так и не пришлось узнать, какая это могла быть ночная служба. С утра шамаль даже усилился. Всё ушло в серо-жёлтый сумрак. Горы исчезли. Весь переход движемся против свистящих волн вихря. С приближением к столице дуту селения становятся ещё ободраннее. Дорога ещё хуже, и типы дунган ещё более разбойные и дикие. Непонятна разница цен на продукты. Здесь десять яиц стоят один сар, а рядом в селении - наполовину дешевле. То же и с дровами, и с кормом коней.

«Серая пустыня с белыми прослойками соли. Двигутся клубы пыли, и выются хвосты коней. Легко представить, что вихри Азии могут перевернуть гружёную в пятьдесят пудов арбу или остановить тройку коней. Особенные трудности были с установкой палаток в грязном местечке Цай-о-пу. Шатры развевались на ветру, всё дрожало, и слой сора мгновенно засыпал всё. И вот сидим среди глухих ударов вихря, среди слоя песка и мусора. Зачем нам нужно пройти через этот свирепый шамаль, когда уже три дня мы могли быть в Урумчи? Видно, дуту хотел показать нам свою страну в полной безнадежности. Глаза наполняются пылью, и на зубах хрустит песок. По силе гула и по ударам ветра это напоминает наш последний переезд по Атлантике, когда в объявлениях (газеты) писали о большой буре.

«Иногда строение гор больше всего напоминает соединение разноцветных жидкостей, и часто пустыня гремит аккордами океана. К вечеру шамаль не унялся, как надеялись караванщики».

Урумчи. (Старое фото)

11 апреля 1926 г. Урумчи.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Столица Синьцзяна встретила нас холодом и ледяными ветрами, продувающими насквозь близлежащую равнину. Поскольку наши дом и подворье не могли вместить всех сотрудников, грузы и лошадей, то мы решили подыскать более просторное жилище. Это оказалось трудным и почти безнадёжным делом в густонаселённом Урумчи.

«Наш первый день прошёл в официальных визитах. Чтобы ознакомиться с ситуацией в городе, в первую очередь мы посетили министра почты Синьцзяна мистера Кавальери, итальянца по происхождению. Дорога к его комфортабельному дому, расположенному недалеко от резиденции генерал-губернатора, проходила через русскую концессию и мусульманский квартал Урумчи. Снег растаял, улицы утопали в неопикуемой грязи, прилипавшей к копытам лошадей и колёсам повозок. Пёстрая толпа заполняла городские базары и лавки». <...>

«Это был типичный, обнесённый стеной, китайский город с бесконечными рядами лавок, украшенными рекламными надписями на красной бумаге и толпами людей в чёрных одеждах. Лавки были заполнены всевозможными китайскими и даже европейскими товарами, доставляемыми в Урумчи караванами верблюдов, проделывающих долгий путь в течение шести месяцев по монгольской пустыне Гоби. Среди лавчонок выделялись похоронные бюро с выставленными вдоль улицы огромными деревянными гробами, выкрашенными в красный цвет. Каждый уважаемый китаец должен быть похоронен в своей родной провинции, и эти огромные саркофаги служили для транспортировки тел умерших торговцев и других членов китайской колонии в отдалённые уголки Китая.

«Господин Кавальери оказался приятным человеком, известным тем, что оказывал помощь многим американским и европейским путешественникам. Прослышав о наших затруднениях в Хотане, он рекомендовал нам персонально решить все вопросы с генерал-губернатором, чтобы навсегда исключить возможность дальнейших осложнений. Мы рассказали ему о трудностях, которые испытывали на всём протяжении нашей научной и художественной де-

тельности, и что местные власти не в состоянии отличить живопись от картографии. Господин Кавальери рассказал о моём старом друге господине Аллене Присте, который гостил у него в течение нескольких недель, а затем из Синьцзяна отправился в Сибирь и Китай. Он упорно советовал нам идти в Пекин через Чугучак и Сибирь, так как считал, что для иностранцев это единственный безопасный путь. <...>

«Господин Кавальери послал записку личному секретарю генерал-губернатора Чу Та-хеню с просьбой немедленно приехать, и тот сразу же прибыл. Чу оказался приятным молодым человеком, хорошо владевшим русским и немного английским.

«Мы сразу приобрели в его лице верного друга, который старался помочь нам во время всего пребывания в Урумчи и всегда с удовольствием сопровождал нас на официальных визитах и переговорах. Мы рассказали ему подробно о наших злоключениях в Хотане и Карашаре, после чего он, всплеснув руками, сказал, что будет трудно убедить генерал-губернатора начать расследование. Весьма вероятно, что местные власти превысили свои полномочия, но это обычное явление для администрации Синьцзяна. Господин Чу сказал нам, что генерал-губернатор очень обеспокоен притеснениями экспедиции в его провинции и намерен встретиться с нами лично.

«Распрощавшись с господином Кавальери, мы отправились вместе с Чу Та-хенем к генерал-губернатору и Фэн Яо-ханю, занимавшему должность верховного представителя по иностранным делам в местном правительстве Синьцзяна.

«Резиденция губернатора состояла из нескольких изолированных построек и огороженных дворов. Ворота тщательно охранялись хорошо вооружёнными патрульными. Около одних ворот мы увидели груду солдатских фуражек, приготовленных для раздачи рекрутам. В другом месте - выстроившуюся пехотную полуроту с многочисленными знамёнами и несколькими трубами. Отряд готовился выступить в Син-син-ся. Губернаторский ямень показался нам очень ветхим: стёкла во многих окнах первого этажа были выбиты, их заменяла грязная бумага и тряпки. <...>

«Генерал-губернатор принял нас в своём небольшом кабинете, где находились письменный стол и огромное количество китайских книг в синих матерчатых переплетах. Ян Цен-синь, генерал-губернатор Синьцзяна, встал, чтобы поприветствовать нас и предложил усаживаться поближе к столу. Это был человек примерно шестидесяти пяти лет, крепкого телосложения, с длинной седой бородой. На нём был одет очень простой серый халат и обычная чёрная тюбетейка. Говорил губернатор медленно и тихо, но иногда, чтобы подчеркнуть важность сказанного, внезапно резко повышал голос. Более пятнадцати лет правил Ян Цен-синь обширным владением. Утвердившись на этом посту после китайской революции 1911 г., он продержался в должности генерал-губернатора довольно долго. Методы его правления отличались решительностью и суровостью, и противники не осмеливались открыто выступать против него. В 1916 г. во время опасных выступлений киргизов на Кашгарской границе он показал себя как сильный правитель, приняв решение уничтожить врага. Во время трудного периода 1919-1923 гг., когда русские красные и белые отряды переходили границу Синьцзяна и война перемещалась в Китайский Туркестан, он снова сумел удержать свое положение и избежать опасности. Основная цель политики Яна состояла в том, чтобы сделать Синьцзян незави-

симым от чьего бы то ни было влияния, как европейского, так и китайского. Поддерживая внешне дружественные и лояльные отношения с пекинским правительством и регулярно высылая налоги, он, тем не менее, не терпел никакого вмешательства центральной власти в дела провинции.

«Границы Синьцзяна были фактически закрыты: ко всем приезжим, даже к китайцам из самого Китая, относились с большим подозрением, часто арестовывали их и депортировали. Особенно не любил генерал-губернатор китайцев, которые, получив образование в заграничных университетах, пропагандировали современные идеи в Китае. Будучи консерватором, Ян не мог представить себе Китай живущим по-современному. Он считал провинцию своим личным владением, его администрация была настроена реакционно и по своим деловым качествам не уступала даже старой бюрократии времен империи. Во время его правления Синьцзян пережил период так называемого мнимого экономического расцвета. Но в действительности, политика полной изоляции постепенно удушала провинцию, и это становилось все очевиднее. Запрещая открытие фабрик и заводов, Ян стремился не допустить образования пролетариата в Синьцзяне и изменений в социальной структуре провинции. В своей решимости держать Синьцзян в изоляции этот правитель дошел до того, что не позволял даже строить хорошие дороги и использовать автомобили и самолеты для связи с внешним миром.

«Радиостанции в Урумчи и Кашгаре и телеграфная линия, связывавшая Синьцзян с Китаем, находились под контролем генерал-губернатора, частным лицам почти не разрешалось пользоваться радиоприемниками. Несколько лет тому назад Русско-Азиатский банк организовал автомобильные перевозки пассажиров и грузов между Китаем и Синьцзяном. Китайские власти выразили своё одобрение этому новшеству, и несколько автомобилей было послано в Монголию с целью проложить дорогу через пустыню Гоби. Генерал-губернатор Синьцзяна быстро наложил вето на это новое дело, и единственному автомобилю марки "Паккард", проникшему в Синьцзян, было запрещено ездить по улицам города. Автомобиль был продан банком господину Кавальери, который добился разрешения пользоваться им только в пределах Урумчи.

«Запрещалось издание газет и журналов, иностранная пресса и переписка подвергались предварительной цензуре. Очень часто газеты и журналы конфисковывались. Такими крутыми мерами создавалась видимость спокойной жизни в провинции». <...>

«Мы долго беседовали с генерал-губернатором Ян Цен-синем, который возложил всю вину за наше притеснение на местных чиновников Хотана. Он заявил, что таоинь Хотана Ма Шао-ву совершенно никому не подчиняется, и образно сравнил Хотан с разбойничьим гнездом. По его словам, карашарские торгуты, известные бандиты, поэтому не удивительно, что у нас возникло там столько проблем. Когда же мы высказали предположение, что главным виновником инцидента в Карашаре был член городского совета, правитель Ян очень удивился и покачал головой. Его Превосходительство заверил нас, что здесь, в Урумчи, мы можем делать все, что нам захочется.

«Мы попросили губернатора отдать распоряжение чиновникам о возвращении нашего оружия, и его превосходительство воскликнул: "Какой позор! Конечно же, оно будет вам возвращено! Вы, иностранцы - великие люди и должны прощать нас, маленьких людишек". Мы рассказали Яну о своих планах на будущее, и он сильно засомневался, удастся ли нам продолжить путеше-

ствие в Кансу. По его мнению, в Пекин можно было попасть только через Сибирь. Создавалось впечатление, что нас снова пытались заставить сменить маршрут.

«После поучительной беседы с генерал-губернатором мы отправились к Фэн Яо-ханю, верховному представителю по иностранным делам, временно исполнявшему обязанности таоиня. Фэн несколько лет учился в японском университете и считался хорошим дипломатом. Он обещал всемерно содействовать экспедиции, но тоже усомнился в отношении предполагаемого путешествия в Кансу и сказал, что было бы лучше получить разрешение идти через Сибирь.

«В тот же день профессор Рерих подал просьбу о разрешении на проезд через Сибирь, и ему сказали, что ответ поступит примерно через две недели. Мы пробыли в Урумчи гораздо дольше, чем предполагали. Господин Фельдман, директор Русско-Азиатского банка, любезно предложил нам дом с большим подворьем, принадлежавший банку, и мы с радостью приняли это предложение».

11 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Рассказывают, вот отчего здесь вихри. "Китайское войско гналось за калмыцким богатырём. Сильный был богатырь. Вызвал себе на подмогу вихрь с гор и сам ускакал, а вихрь разметал китайскую силу, и некому было заклясть вихрь. Так он здесь и остался".

«Сегодня часть горизонта очистилась. Блеснули слабые очертания гор со снежными гребнями. Внизу блеснули стальные озёра, окружённые белыми каймами соли. Вихрь продолжается. Заледенело за ночь. Вместо шамалья настал сибирский студёный сиверко. Щиплет щёки и слезит глаза. Достали наши шубы. Видно, надо испробовать все особенности местного климата. Пустыня сменяется оголёнными серо-жёлтыми, молчаливыми буграми. Вдали голубятся горы. Путь неблизкий. Судя по времени, потаев четырнадцать. Нажёг вихрь щёки. Далеко, между двумя холмами, указали нам Урумчи.

«До китайского города следуем по русской фактории. Широкая улица с низкими домами русской стройки. Читаем вывески: "Кондитерская", "Ювелир", "Товарищество Бардыгина"... Появляется посланный от фирмы Белианхана и везёт нас в приготовленную квартиру. Низкий белый дом. Две комнаты и прихожая. Но вот затруднение: для нашего внедрения надо выселить двух русских, это так неприятно. Едем к Гмыркину - представителю "Белианхана" - посоветоваться. Оказывается, в Урумчи всё переполнено. Домов нет. Придётся стоять в юртах за городом. Это лучше. Юрий с Гмыркиным скажут искать место для стоянки. Ходят какие-то люди. Всем им настойчиво нужно знать, кто мы, откуда, зачем, надолго ли, сколько людей с нами, что в ящиках? Обедаем у Гмыркиных. Разговоры о нашей Америке, о жизни там, о напряжённом труде, о надписях: "Улыбайся". Да, да, эта надпись очень нужна.

«На обеде у Гмыркиных целый стол русских. Оказывается, сегодня важный день. Дуതു призывал к себе дунган и заявил им, что ничего против них не имеет. В начале марта здесь была мобилизация; при этом было объявлено, что призываются все, а дунган не нужно. Дунгане встревожились, тем более что с некоторых постов дунганские чиновники были удалены. В самом городе опе-

рирует опасная шайка дунган. По мобилизации было послано до десяти тысяч войск в направлении Хами».

12 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«С утра люди отказались переезжать за город в юрты. Боятся нападения грабителей. Поехали с Юрием к Кавальери, к Чжу Да-хену (знающему русский язык), к Фаню (заведующему иностранной частью) и к самому дуту. Долго ехали китайским городом. Тройные стены. Длинные ряды лавок. Продукты разнообразнее, чем в Кашгаре. Кавальери - симпатичный итальянец, заведует почтой. Изумляется всем нашим происшествиям и советует нам ехать на Чугучак, через Сибирь - в Японию. Так же как ехал отсюда наш приятель Аллан Прист. Чжу Да-хен - молодой китаец, отлично владеет русским. Улыбается, возмущается поступками в Хотане и в Карашаре и уверяет, что он готов помочь. Ведёт нас к Фаню и дуту. Следуем через всякие ворота и закоулки. У обоих дигнитариев пьём чай. Оба - подкладывают нам сахар и уверяют, что в Хотане и Карашаре сделаны властями ошибки, что мы великие люди и потому должны простить малых людей. Уверяют, что более ничто подобное не повторится, и мы можем быть совершенно покойны в Урумчи. Но о расследовании - ни звука. Едем обратно через все длинные базары. Ряды ситца, шорных изделий, дешёвой посуды и лубочных картинок. Дома Е[лена] И[вановна] встречает нас сюрпризом: именно в то время, когда дуту заверял нас в своей дружбе, содействии и благожелательстве, - именно в ту минуту у нас был сделан подробный обыск полицмейстером в сопровождении татарина-переводчика. Опять Е. И. была допрашиваема о наших художественных работах. Опять вся нелепость была проделана от начала до конца. Как же можно верить уверениям дуту?»

«После обеда иду к консулу Быстрову просить устроить проезд через Алтай, через Сибирь, подобно Присту. Ответ может прийти через две недели. Найти лучшую квартиру нельзя - все дома переполнены. Говорят, что через пять дней кто-то уезжает из города. Не удастся ли хоть на время переехать в более удобное помещение. "Улыбайся! Улыбайся!"

«Сегодня я сказал трём китайским высшим чиновникам так: "Мне 52 года. Я был встречен почётно в 23 странах. Никто в жизни не запрещал мне свободно заниматься мирным художественным трудом. Никто в жизни меня не арестовывал. Никто в жизни не отнимал от меня револьвера как средства защиты. Никто в жизни не высылал меня насильственно в нежелательном мне направлении. Никто в жизни не вскрывал самовольно моих денежных пакетов. Никто в жизни не возил вместе со мной арестантов. Никто никогда не обращался со мной, как с разбойником. Никто никогда не отказывал принять во внимание просьбу пожилой дамы, основанную на вопросе здоровья. Но китайские власти всё это проделали. Теперь наше единственное желание - как можно скорее покинуть пределы Китая, где так оскорбляют мирную культурную экспедицию Америки".

«Всё это сказано. Генерал-губернатор и вице-губернатор не возражают. Уверяют, что в Урумчи нас никто не тронет, а за спиной именно в эту же минуту проделывают обыск, и Е. И. должна бессмысленно раскрывать ящики и сундуки. "Улыбайся!"»

13 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Вы спросите: "Отчего гниёт Китай?". От беспринципности и бесчеловечности. Спросите: "Вы, кажется, разлюбили Восток?". Вовсе нет, наоборот. Но во имя справедливости мы должны отличать молодые жизненные побеги от сухих ветвей. И сухие ветки должны быть отсекаемы для спасения общего блага. Совершается в Китае великий процесс.

«Ищем какой-нибудь сносный дом. В Урумчи это труднее всего. Сегодня ночью у Гмыркиных увели лошадь. За ночь сломали высокую стену и угнали из конюшни. Собаки лаяли. Конюхи спали. Воры трудились, и лошадь исчезла. Конечно, полиция её не найдёт. Но может быть, её удастся выкупить у местных киргизов.

«Гремят барабаны. С красным знаменем идёт вновь сформированный полк. Отъявленные оборванцы. Но Ф. (директор Русско-Азиатского банка) успокаивает: "Это ещё ничего, а вот вы посмотрите солдат около Хами". Какие же там банды! "Улыбайся!"

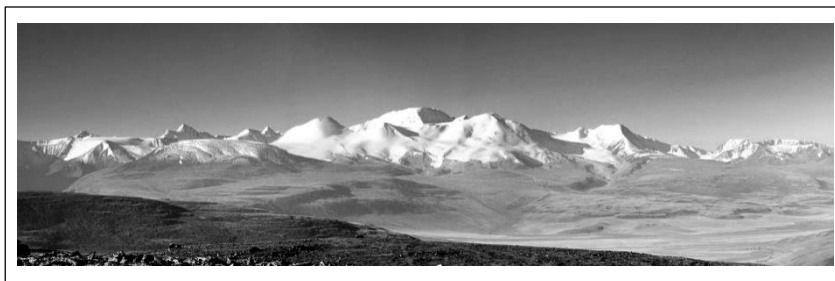
«Улыбаясь, нам говорят китайцы: "Как вам интересно будет рассказывать в Америке все ваши приключения". Какое-то странное отношение к Америке, точно к чему-то легковерному и мягкотелому. Так же странно, что все бумаги и удостоверения из Америки мало читаются и всегда спрашивается: "А что у вас ещё есть?".

«Вот и Присту не дали снять фото в Дуньхуане, а между тем в шести томах Пеллио пещеры эти давно показаны.

«Приходит Фельдман, директор Русско-Азиатского банка, энергичный и широко смотрящий. Он не знает, как ему возвращаться в Шанхай. По так называемой императорской дороге нельзя. Уже по пути сюда он был там арестован и задержан, а потом попал под обстрел хунхузов, которые часто сформированы лучше правительственных войск. Рассказывает о бывших событиях в Сибири. Очень плохого мнения об Оссендовском. Рассказывает ужасы об Унгерне, Семёнове. Приходит Г. Новые рассказы об ужасах отряда Анненкова. Как сотник Васильев изрубил шестнадцать офицерских семей своего отряда, предварительно изнасиловав женщин. Где же человекообразие?»

14 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Богдо-ула. (Совр. фото)

«Яркий, солнечный день. Сияют снега на горе Богдо-Ула. Это та самая гора, за которой "живут святые люди". Можно подумать, уж не на Алтае ли отдано место для них? Сегодня начнётся праздник рамазана. Барабаны, кличи на мечетях и толпы люда.

«Интересно было бы подойти ближе к психологии местной власти. Есть тут так называемые генералы и министры финансов, промышленности и просвещения. Надо надеяться, что нет министра путей сообщений, иначе, чем бы объяснить отчаянное состояние дорог. Как просвещает народ министр просвещения? И где она, таинственная система промышленности? Когда министр промышленности спросил одного больного о состоянии его здоровья, тот сказал: "Так же, как и ваша промышленность". А дуту "скромно" заявляет, что благодарное население поставило ему памятник за процветание края.

«Замечательна система налогов. Например, на золотых приисках налог взимается с числа рабочих, совершенно независимо от результатов работ. Сейчас на Чёрном Иртыше золотоискателей до 30 000 человек. Конечно, всё это сводится к порче золотоносной почвы. Переезжаем в маленький домик при Русско-Азиатском банке. Вероятно, придётся пробыть ещё недели две».

15 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Рассказы о дуту. Пекинское правительство неоднократно пробовало смещать его, но хитрый дуту собирал подписи местных баев, и в Пекин следовала составленная им петиция населения о том, что лишь присутствие Яньдуту обеспечивает спокойствие области. Но спокойствие области дуту подобно смерти. Правитель утверждает, что построение фабрик и расширение производств создаст класс рабочих, а потому не следует развивать производства и строить фабрики.

«В 1913 году правитель заподозрил измену своих восьми родственников. Потому он устроил парадный обед, пригласил всех должностных лиц и во время обеда собственноручно застрелил главного заподозренного, а стража тут же за столом прикончила семь остальных. В 1918 году дуту возымел злобу против одного из амбаней. Он послал опального в Хами, а по пути амбань был заклеен бумагой, и таким необыкновенным путём задушен. В "Саду пыток" Мирбо это измышление зла было упущено.

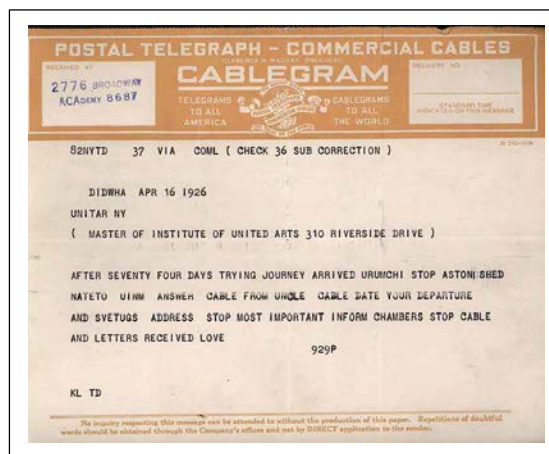
«Конечно, сборы на установку памятника дуту были произведены по всему краю насильственной подпиской. И от "благодарного населения" появилась безобразная медная фигура с золочёными эполетами и звёздами. Для улучшения нравов своих чиновников дуту запрещает им выписывать иностранные и лучшие китайские газеты. Чудовищно видеть все эти средневековые меры в дни эволюции мира. Немногим чутким молодым чиновникам приходится очень тяжело. Вспоминаю грустную улыбку амбаня Паня в Аксу. Понимаю, отчего у него были газеты лишь от Кавальери. Надежда одна: дуту очень стар и его "благотворное" омертвление огромного края не сможет продолжаться долго. Не надо забывать, что население хорошо помнит тех немногих китайцев, которые не грабили и не проявили человеконенавистничества. Хорошо, тепло вспоминают Пань Да-женя, отца нашего знакомого из Аксу. Когда хоронили старого Пань Да-женя, весь город вышел его проводить. Сверх обычая старый чиновник не оставил никакого состояния, ибо не брал взяток.

«Сегодня праздник рамазана. Город разоделся в яркие одежды. Ходят друг к другу с визитами. Утром до 2000 человек на открытом поле слушали проповедь муллы. Два китайских визита - Чжу Да-хен и Фань с переводчиками. Молоденький Чжу Да-хен явно нам симпатизирует, и его живые глаза могут прямо смотреть на нас. Чаще отворачивает глаза Фань. Теперь у него новая

отговорка: все наши неприятности проистекли от пекинского правительства, которое не известило Синьцзян о нашем приезде. Но ведь с 12 октября по сегодня Фань имел достаточно времени, чтобы снестись с Пекином. И нечего валить на Пекин вину Синьцзяна».

16 апреля 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке

DIDWHA APR 16 1926

UNITAR NY

(MASTER OF INSTINUTE OF UNITED ARTS 310 RIVERSIDE DRIVE)

AFTER SEVENTY FOUR DAYS TRYING JOURNEY ARRIVED URUMCHI STOP
ASTONISHED NATETO UINM ANSNER CABLE DATE YOUR DEPARTURE
AND SVETUGS ADDRESS STOP MOST IMPORTANT INFORM CHAMBERS
STOP CABLE AND LETTERS RECEIVED LOVE

929P

16 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Дошли странные сведения о разграблении фресок Дуньхуана. Если эти сведения верны, то такое вандализм должно быть расследовано, как совершенно недопустимый факт разрушения почти единственного сохранённого памятника. Рассказывается, что "приехали какие-то "американские" торговцы, вырезали куски фресок и успели увезти много ящиков". Будто бы китайцы гнались за похитителями, но по обыкновению были неудачны. И в результате - искалеченный памятник. Учёный мир не должен оставить без расследования разрушение единственного памятника. Конечно, Прист, бывший осенью в Дуньхуане, может дать достоверные и подробные сведения. Мы же можем лишь занести этот факт для сведения. Как будет возмущён Пеллио, узнав о разрушении изученного описанного им памятника. Здесь вся иностранная колония знает о случившемся.

«Сейчас идёт по улице "полк". Неужели это сборище оборванцев может кому-то оказывать какое-то сопротивление? Хитрый дуту играет на этих оборванных струнах. То он вызовет к жизни дунган, то мусульман, то калмыков, то киргизов. То он вынесет разноцветных петухов и скажет: чей петух победит, тот и будет первым. А петух соответственной окраски уже подготовлен и

побеждает соперников, подтверждая желание правителя. То правитель изобретёт несуществующий заговор или восстание. Много изобретательности работника...

«Возмущаемся расхищением Дуньхуана, а нам приводят в пример расхищение мечетей Прикаспийского края в 1918 и 1919 годах. В Мерве, Полторацке, в оазисе Анау вырезаны и расхищены иностранцами ценные стенные изразцы. Французы разрушают Дамаск. Что это? Неужели исполняются какие-то космические законы? "Идущие к пропасти с содроганием продолжают свой путь судьбы". Так сказано в учениях мудрых об исполнении сроков».

17 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Среди долгих путешествий ускользают целые события. Только что мечтали о поездке на острова Пасхи, а здесь говорят о гибели этих островов три года тому назад. Неужели гиганты Атлантиды уже навсегда погрузились в пучину, и поток космоса - эта сантана буддизма - совершает своё непреложное течение. За время наших хождений по горам и пустыням какие-то звёзды из мелких сделались первоклассными величинами. Ещё опустился в море какой-то остров с десятитысячным населением. Усохли озёра, и прорвались неожиданные потоки. Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества. Вчерашняя "недопустимая" сказка уже исследуется знанием. Испепеляется отброс, и зола питает побег новых завоеваний.

«В тишине фактории Урумчи консул Быстров широкоохватно беседует о заданиях эволюции общины человечества, о движении народов, о знании, о значении цвета и звука... Дорого слушать эти широкие суждения. Одни острова погрузились в пучину и вознеслись из неё другие, мощные».

18 апреля 1926 г. Урумчи.

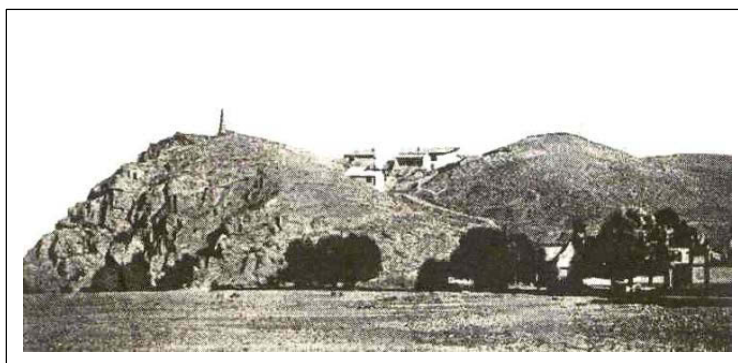
Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Поездка за город, устроенная Ян Чан-лу и Чжу Да-хеном. Смотрели храм "бога-чёрта" с изображением ада. Храм бедный. Изображения безобразны. Чжу уверял, что это буддизм, но потом и сам сознался, что такая "народная примитивная религия" не имеет ничего общего с буддизмом. Ад представлен очень недекоративно. В продолговатом помещении на полу расставлена толпа плохо и недавно сделанных фигур. Своеобразный сад пыток. Смалывают грешников жерновами, сплющивают прессом, усеянным гвоздями, распарывают животы, кипятят в смоле, раздирают крючьями и членовредительствуют над грешниками всеми мерами, доступными китайской фантазии. Особенно возмутительно поведение праведников, нагло и самодовольно наблюдающих мучения с мостиков и балконов рая. Не указано, в каком разряде ада будет помещён сам дуту. Весь этот паноптикум производит жалкое, ненужное впечатление.

«Едем затем к статуе дуту со всем её безжизненным медным "величием", к павильонам и пруду, им устроенным. Первое проявление зачатков общестственности. После того поднимаемся за рекою на гору к даосскому храму, с богом всех богов. По одну его сторону шестирукий бог лошадей и животных, по другую - бог насекомых. Впечатление храма несколько лучше и чище, вероятно, благодаря более уединённому положению на горе. С ближней скалы виден весь город и округа всех гор и холмов. Лучшее место из всего виденного в Китайском Туркестане. После этого остаётся храм бога грома - бедный и малоин-

тересный; а затем чай и обед с утомительным сидением на полу. Старик Ян Чан-лу быстро напивается, и сын отправляет его домой. <...>

«От Богдо-Ула поднимаются тучи. Холодеет к вечеру. Надо будет найти время и съездить в старое Урумчи, которое отстоит за 10 верст. Там-то и есть тот красный храм, по которому и называется город. К вечеру - игра в городки. На дворе консульства толпа народа. Качели, гимнастика, гигантские шаги. Русские, мусульмане, дунгане, китайцы, детишки. Там же предположено устроить клуб. Просто, по-человечески. Весело смотреть».

Даосский монастырь в Урумчи. 1926. (Фото из книги Ю.Н. Рериха).

19 апреля 1926 г. Урумчи. Консульство СССР.

«Хороший разговор с Б[ыстрым]. Истинно, можно поражаться широте взглядов его...» (Н.К. Рерих)

Ю.Н. Рерих, Н.К. Рерих и А.Е. Быстров в фотостудии. Урумчи. 1926 г.

Из записи в дневнике консула А.Е. Быстрова:

«Сегодня приходили ко мне Рерих с женой и сыном. Рассказывали много интересного из своих путешествий. По их рассказам, они изучают буддизм, связаны с Махатмами, очень часто получают от Махатм директивы, что нужно делать. Между прочим, они заявили, что везут письма Махатм на имя товари-

щей Чичерина и Сталина. Задачей Махатм будто бы является объединение буддизма с коммунизмом и создание великого восточного союза Республик. Среди тибетцев и индусов-буддистов ходит поверье (пророчество) о том, что освобождение их от иностранного ига придет именно из России, от красных (Северная красная Шамбала). Рерихи везут в Москву несколько пророчеств такого рода. Везут также индусские и тибетские картины, написанные в этом же роде. Из слов Рериха можно понять, что их поездки по Индии, Тибету и Западнему Китаю – выполнение задач Махатм, и для выполнения задания Махатм они должны направиться в СССР, а потом якобы в Монголию, где они должны связаться с бежавшим из Тибета в Китай Таши-ламой (помощником Далай-ламы по духовной части) и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан.

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ)

19 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Похолодало. Это не спасло бога воды от большой неприятности. Ввиду бездождия генерал-губернатор приказал вынести водяного бога из храма и отрубить ему руки и ноги. Когда-то мы читали о дикарях, секущих своих богов за нерадение, но, оказывается, эти дикари живут в Урумчи и ими предводительствует генерал-губернатор, считающий себя магистром китайских наук. Но кто знает, просто ли бог лентяй? Не было ли у него зловредных мыслей возбудить народ и против генерал-губернатора? При таком количестве богов можно ожидать всяких группировок, вредных для "правительства". Местные обыватели настолько привыкают к подобному правлению, что самые странные факты им начинают казаться естественными. Нельзя строить фабрик - это естественно. Нельзя добывать нефть - естественно. Нельзя получать газеты - естественно. Нельзя иметь врача - естественно. Всё становится естественным.

«Из горных щелей вьются струйки дыма - это ползёт подземный пожар угля и гибнет ценнейшее достояние края. К Гучену, в долине смерти, лежат кучи костей - следы многотысячной резни. Большинство мёртвых развалин стоит свидетелями резни и предательства. Но провинция "спокойна", и только кладбище спорит о большем спокойствии. Как взорвётся это спокойствие смерти? Кто придёт? Откуда придёт? Кто возмутится изнутри? В молчании кладбища трудно понять, которая могила будет первой.

«По ночам проходят какие-то банды оборванцев, именуемых солдатами, в направлении Хами. Говорят, дуту полагает, что, насильственно собирая оборванцев с базара в казармы, он освобождает город от опасного элемента. Но какова будет судьба этих вооружённых шаек и против кого они обратят своё заржавленное оружие? Пришла шанхайская газета с описанием разгрома китайскими армиями американской миссии и убийства миссионера. Прежде это известие кого-то взволновало бы, но теперь никто не изумляется. А как же иначе? Спрашивают нас: "Уверены ли мы в пропуске китайцами на Чугучак?". Мы отвечаем: "Куда же иначе нас денут китайцы?". Нам говорят: "Всё возможно". И приводят случаи каких-то нелепых запрещений и насилий. Когда изумляемся "местным делам", здешние жители нам говорят: "А разве в Америке и

Европе не знают, что такое Синьцзян?". Если бы мы знали половину действительности, мы никогда не продолжили бы наш путь через Китай.

На Богдо-Уле выпал снег. Надо топить печи».

Н.К. Рерих. Богдо-Ула. Утро.

20 апреля 1926 г. Урумчи.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«20 апреля вдруг неожиданно начался сильный снежный буран, не прекращавшийся трое суток. Резко похолодало, горы вокруг покрылись снегом».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«20 апреля. За ночь всё побелело. Давно не видели снежных гор, со всею их хрустальностью и тонкостью линий. Горы, горы! Что за магнетизм скрыт в вас! Какой символ спокойствия заключён в каждом сверкающем пике. Самые смелые легенды рождаются около гор. Самые человечные слова исходят на снежных высотах. К вечеру пошёл снег и в низинах, и вся округа приняла зимний характер. Приходит Зинькович. Говорит о всех темах, нам близких. Его странствия и приключения - это целое повествование. Невыразимая прелесть есть в том, что люди сдвинулись с мест и на невидимых крыльях сделали землю маленькой и доступной. И в этой доступности есть эмбрион доступности дальних миров».

Н.К. Рерих. Богдо-Ула. 1927.

21 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«21 апреля. С утра идёт снег. Богдо-Ула показался весь снежный и синий. Странно, Ф. не верит в ужас некоторых кварталов в Бомбее. Не может допустить, что эти позорные клетки с женщинами существуют. Но ведь каждый шофёр это знает и даже без вашего желания привозит вас показать этот ад, для существования которого должна существовать земля столько тысячелетий! «М. говорит: "Китайцы хотят, чтобы их оставили в покое". Согласен, и всегда стою за неприкосновенность свободы, но тогда она должна быть подлинной и не лицемерной. Самая земная гадость - это лицемерие, невежество и предательство».

22 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«22 апреля. В шесть часов утра всё покрыто снегом. По Богдо-Улу тянутся клубы молочных облаков.

«Старый лама пошёл искать Манджушри, владыку мудрости. Долго ходил. Наконец видит человека, мнущего кожи. И стоит перед ним ведёрко с омылками от кож. Одна грязь. И спросил лама человека, не слышал ли он пути к Манджушри? А тот даёт ему пить из грязного ведёрка. Лама ужаснулся и ушёл скорее. Но встретился ему лама ясновидящий и пеняет: "Глупый лама, ведь ты нашёл самого Манджушри, и грязь обратилась бы в напиток мудрости, если бы ты нашёл отвагу отведать её". Так говорят о бесстрашии прикоснуться к материи. Очень значительны беседы этих дней. Олеты знают легенду об Иссе, так же как и торгуты. Ещё непонятнее становятся злоречия миссионеров против этого документа. Каждый образованный лама спокойно говорит об Иссе, как о всяком другом историческом факте.

«Интересно говорит Ат-Табари о пророческом призвании Магомета ("История пророков и царей"). "Первое, чем началось откровение посланника божьего, были внушения истины, которые приходили подобно утренней светозарности. Затем он проникся уединением и оставался в пещере на горе Хира.

Н.К. Рерих. Магомет на горе Хира.

«И вот пришёл к нему предвечно Истинный. И сказал ему: "Магомет, ты - посланник Божий". "Я стал на колени, - говорит посланник Божий.

Я стал на колени, - говорит посланник Божий, стою жду. Затем медленно я вышел. Сердце моё трепетало. Я пришёл к Хадидже и сказал: "Закутайте, закутайте меня", и прошёл страх мой. И Он опять явился мне и сказал: "Магомет, я Гавриил, а ты - посланник Божий".

Восклицание: "Закутайте меня" - придаёт такой оккультно подлинный характер сообщению.

"Сказал Магомету Варака, сын Науфала: "Это божественное откровение, которое было ниспослано Маисею, сыну Умрана. Если бы я дожил до того времени, когда твой народ изгонит тебя!" - "Разве я буду изгнан им?" - сказал Магомет. "Да, - ответил он. - Поистине, никогда не являлся человек с тем, с чем ты явился, без того чтобы не возбудить к себе вражду. Воистину будут считать тебя лжецом, будут причинять тебе неприятности, будут изгонять и сражаться с тобой". Слова Вараки увеличили твёрдость его и рассеяли его беспокойство"».

23 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«23 апреля. Вот и солнце опять! Сведения о том, что дорога в Китай совершенно непроездна. Решительно все говорят о войне, о грабежах и, конечно, о наступающей жаре. Этот путь закрыт. Странно также, что о вывозе фресок из Дуньхуана никто, кроме Ф., не слышал. Конечно, Прист должен знать все эти дела.

«Зинькович читает дуту конституцию Советов. Дуту находит её очень замечательной и "пригодной для Центрального Китая, но не для его провинции". Вот уж старый лицемер дуту! Оказывается, у этого лицемера имеется даже юридическая школа в Урумчи. Можно представить, какое "право" там преподаётся. По какой статье этого "права" учитываются все грабежи и поборы, установленные чиновниками? Одни говорят: "Надо Китай изучать с его парадного крыльца - от океана". Но будет правильнее знать прикрытые недра, где ничто "не проветрено" и можно увидеть тысячулетнюю атрофию. Конечно, дуту думает, что до него через пустыню никто не дойдёт.

«Неожиданно пришло письмо из Сиккима от полковника Бейли. Пишут о высланных книгах, но значительная часть их не дошла. Из Америки нет сведений. Вероятно, письма тоже исчезают или задерживаются. Какой чистый воздух сегодня!

«После смерти Ленина Е Чин-бен писал: "Народы многих называют славными героями, но, в сущности, только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был он, пользовавшийся всеобщей любовью, - "яркая звезда человечества", и может быть сравнён с Шакья-Муни и с Христом. Небеса безжалостны; он ушёл из нашего мира, но идеи его будут жить вечно". Есть же где-то светлые и смелые, и честные китайцы, но ведь мы-то их не видим. А так хотели бы увидеть!»

24 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«24 апреля. Получили приглашение от комиссара по иностранным делам Фаня на обед завтра. Разве это не лицемерие? Одной рукой всё запрещать, а другой приглашать на обед. Если это "искусная" дипломатия, то она вовсе не искусная, ибо умное действие познаётся по результатам. И, конечно, лицемер-

ный обед не может исправить отношения. Лучше бы разрешили побывать в буддийских монастырях. Кстати, оружие наше отобрано и так и не возвращено.

«Список приглашённых на обед самый нелепый: миссионер-католик; Калинин - немец; Кавальери - итальянец; Чанышев - мусульманин, и какие-то китайцы. Из русской колонии всего один Ф. Посмотрим.

«Г[олубин]. рассказывает о сёлах "кержаков" на Монгольском Алтае. Эти "кержаки", то есть староверы, сохранили все свои обычаи: свои моленные, своих начётчиков, свою пищу и полное удаление от "мирских". Не употребляют ни водки, ни табаку. Занимаются пчеловодством, пушниной, рыболовством, скотоводством. Среди дунган и киргизов стоят три села дворов по 50, по 60, и ничто новое не проникает за их околицу. Вероятно, они поддерживают связи со своими единоверцами на Русском Алтае.

«И странно и чудно - везде по всему краю хвалят Алтай. И горы-то прекрасны, и кедров-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны. А на реке Катунь, говорят, должна быть последняя в мире война. А после - труд мирный.

Год назад в Тибет шло посольство из Монголии - около 30 человек монголов и трое русских. На тибетских перевалах умерло 20 монголов и двое русских. По описанию, они умерли как бы от каких-то газов. Конечно, что-то могло случиться в области гейзеров и старых вулканов, или причиной могли быть и зимние вихри. Но факт любопытен, тем более что его трудно выдумать».

25 апреля 1926 г. Урумчи.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«25 апреля Фэн Яо-хань пригласил проживавших в Урумчи иностранцев на банкет в летний дворец генерал-губернатора. Этот дворец примечателен огромным чугунным памятником у входа, воздвигнутым Ян Цен-синем в собственную честь. Расходы по созданию и перевозке монумента из Китая в Урумчи легли на плечи "благодарных" жителей города».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

«25 апреля. Плавники акулы, древесные грибы, водоросли красные и белые, бамбуки, семя лотоса, голубиные яйца, трепанги и много других слизких и скользких блюд. Их подсахарили сладким рисом и розами. Мы кончили. В павильоне генерал-губернаторского сада три стола. Один весь китайский. Другой весь мусульманский, без ингредиента свинины. Третий - международный, где представлены Китай, Россия, Америка, Германия, Голландия, Италия. Сам Фань - хозяин - ничего не ест. Он объясняет это своим строгим вегетарианством. Его водорослеобразное лицо улыбается; вероятно, он глубоко ненавидит всех иностранцев и полон самого тонкого лицемерия. Неужели Фань думает, что нелепый обед смывает все оскорбления, сделанные хотанскими и карашарскими властями? Ни единого слова о расследовании не произнесено Фанем. Где же она, политика и дипломатия? На его лице лишь лицемерие, такое явное, такое неприкрытое. После обеда топтание около пруда, где стоят на мели две джонки. Потом низкие поклоны Фаня.

«Проходим мимо истукана губернатора и едем к радушному Кавальери. Хорошо кончается день. Кавальери везёт нас на моторе по окружной дороге.

«Свежий ветер. Ясные, поистине небесные горы. Испарения вновь выпавшего снега делают дальние цепи и пики воздушными и прозрачно-сапфировыми. А поближе лиловые бугры и залитые солнцем глиняные зубчатые стены. Так бодро, так свежо и прекрасно, и сам "вегетарианский" лицемер Фань начинает превращаться в студенистую водоросль. Колин, представитель немецкой фирмы "Фауст", ехал через Россию и хвалит все условия проезда. Сообщает, что из Кульджи едет в Пекин "для магнитных съёмок" Фильхнер и через неделю, вероятно, будет в Урумчи. Любопытно встретиться. В Урумчи хорошо поминают приезд С.Ф. Ольденбурга».

26 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«26 апреля. Киргизы скачут на белых лошадках. На головах - стёганные цветные шишаки, точь-в-точь, как древние куяки русских воинов. На макушке пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, подходящая и в XII и в XV века. И тут же на улице стоит мотор Кавальери - сильный паккард, без повреждения проделавший весь путь от Пекина до Урумчи. Мотор принадлежит Русско-Азиатскому банку, но генерал-губернатор запретил пользоваться машиной, и её пришлось за бесценок продать. Одним своим видом паккард напоминает, что путь от Урумчи до Пекина вполне может быть сделан на моторе. А человеческое невежество и лицемерие твердит своё мертвенное "нет!".

«Сегодня иностранная колония провожает С. Уезжают они по требованию ки-тайцев, ибо С. слишком многое знает. Почта задержалась на семь дней. Вероятно, препятствует ледоход на Иртыше.

«Опять студёный ветер. Опять сине-прозрачен небесный Богдо-Ула. Но вот истинный знак добрый. Тибетец-лама, которому мы дали 100 лан в Карашаре (в ставке), пришёл сегодня. Принёс деньги, извиняется, что не может идти с нами. Ему не удалось продать лошадей и овец. Сейчас кони худы, корма нет, продать некому. Бросить табун нельзя, и вот он не может идти с нами. Пробудет здесь до нашего отъезда и пойдёт обратно. Вот это по-тибетски! (Он шёл десять дней, чтобы вернуть деньги и объяснить дело). До сих пор ничего дурного мы не видели от тибетцев-буддистов. Жаль, что не пойдёт с нами. Начитанный и с отличным выговором. Напился чаю и чашку вытер. Поел тврогу и тарелку вытер и стул на место поставил.

Юрий и лама много успеют сказать. Ходили за город к озёрам».

27 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«27 апреля. Характер переговоров с Фанем. Ему говорят, что данная река течёт на восток, а он говорит, что на запад. Ему ссылаются на карты, а он твердит своё. Ему указывают на личное свидетельство, а он твердит своё. Так, вопреки очевидности, вопреки фактам. Попробуйте делать договоры при таких условиях.

«Местный священник сделал из Ленина кесаря. Какие-то люди из русской колонии затруднялись прийти на открытие памятника Ленину, опасаясь контroversы с религией. Но священник сказал проповедь и указал: "Воздайте Богу божие, а кесарю кесарево". Тогда затруднение исчезло.

«Граница между Монголией и Китаем во многих пунктах не выяснена. Шар-сюмэ до сих пор остаётся в неизвестной зоне. Конечно, китайцы всячески оттягивают конечный раздел».

28 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«28 апреля. Паломники не пропускаются в Тибет. Некоторые хошуты собрались тайком и отправились в Тибет в феврале. Удастся ли им пройти через границу? О чёрном камне здесь знают, ждут камень. Также знают буддисты легенду об "Иссе, лучшем из сынов человеческих". Принимают этот документ, как он есть, во всей его древности.

«Целый ряд сведений о иезуитстве дуту и как он освобождался от неприятных ему чиновников, поражая их в спину. Вчера дуту запретил постановку памятника Ленину на дворе консульства. Даже на внутренней территории консульства дуту пробует распоряжаться. Так, так! Так же дуту протестует против качелей, гигантских шагов и игры в городки во дворе консульства. Протест объясняется заботой о неприкосновенности консула. Опять лицемерие, грубое, неприкрашенное! Это уже не лакированная старая китайская работа, а гримаса испорченной маски. Дуту требует отозвания консула Думписа из Кашгара. Дуту запретил на десять дней продажу мяса и "пролитие крови".

«Где граница лицемерия и фетишизма?! И стоит тёмный истукан дуту, и на тёмном теле горят золотые эполеты, ленты и звёзды. Широко расставлены медные ноги истукана, и низко кланяется ему с улыбкой черепа Фань. Один лицемер приказывает, другой лицемер низко ухмыляется, третий лицемер в Хотане чистит свой маузер для предательства. Откуда этот обычай в Синьцзяне кончать с "неприятными" людьми после обеда, в спину? Из каких глубин человеконенавистничества, из каких веков темноты пришла эта техника предательства? И темнота эта прикрывается "учёными званиями". Дуту - магистр. Фань - доктор наук, юрист и писатель. А где же их сочинения против фетишизма, которому они потворствуют? Где же их осуждения продажи людей, предательства и лжи, которым они так низкопоклонно служат?

Весь день здесь шумит сухой, палящий буран».

29 апреля 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«29 апреля. После жаркого бурана - сухой ветреный день. Дождя нет. Мусульмане, татары и сарты смеются над приказом дуту не колоть десять дней животных, не продавать мяса и сечь бога воды за бездождие. Буддисты, калмыки и тибетцы прямо глумятся над таким фетишизмом. Дунгане и киргизы, как и мусульмане, тоже смеются и глумятся. Спрашиваю, для кого же устроен этот смехотворный акт дикого фетишизма? Значит, вся эта комедия сделана для китайцев. Значит, именно китайцы ещё подвержены первобытным формам фетишизма. Ведь мы это не знали, относя китайцев к верующим по "справедливости" Конфуция. И не сам ли дуту в глубине души будет сечь водяного бога? Ведь "водяной бог" имеется лишь у китайцев. Значит, и сечение бога нужно только китайцам. И китайские "доктора" и "магистры" искренно инспирируют эту вредную чепуху. Но чепухой занимаются очень деятельно.

«Сейчас издан новый приказ. Разрешить продажу мяса в течение трёх дней, а после опять продажа мяса будет запрещена под страхом тюрьмы.

Больше всех страдает от фетишизма дуту наш Тумбал, которому мясо нужно. Рядом с чепухой "водяного бога" происходит и другое странное действие.

«По-прежнему каждую ночь в направлении Хами отправляются отряды оборванцев. Против кого же направлена эта своеобразная "мобилизация"? Может быть, против отрядов народной армии Фына? Конечно, все эти посылаемые ночью оборванцы не солдаты, а просто фетиши, никуда не годные. Конечно, из двадцати четырёх пушек, сданных Анненковым, всего две в порядке. Но ведь и пушки, вероятно, рассматриваются не более как фетиши. Сегодня назначен большой парад "войск".

«Спрашиваем себя: "Зачем Фань устраивал нам обед?". Не есть ли это начало каких-то новых неприятностей? Ведь и в Хотане все преследования даотая начались с сорокаблюдного обеда, с почётных караулов и с уверений "мы ваши друзья". Вообще, здесь у синьцзянских китайцев слово "друг" имеет какое-то особое значение, и с нашими мерками нельзя подходить к местному понятию.

«Наконец, дуту "просветился" и окончательно запретил открытие памятника Ленину. Интересно, какова будет судьба гигантских шагов, качелей, городков и клуба? Ещё очень опасные занятия на дворе консульства - теннис. Не будет ли конфликта "водяного бога" и с этой противозаконной игрой? Где-то кто-то не знает о фетишизме дуту.

«В Британском музее хранится сборник указов дуту, и кто-то вводится в заблуждение, принимая отжившую вредную ветошь за осколки бывшей цивилизации. Кто-то вводится в заблуждение "учёной степенью" дуту и вегетарианством Фаня. Кто-то вводится в заблуждение, думая, что остатки фетишизма кроются в далёких тундрах и на уединённых островах дальних океанов. Нет, здесь, в столице Синьцзяна, под "мудрым" правлением дуту фетишизм возведён в государственную форму религии и поддерживается указами "правителя".

«Письма и телеграммы не приходят. Не сомневаемся, что они задержаны. Полицейский спрашивал Елену Ивановну, веду ли я дневник. Е. И. сказала, что дневник отослан из Кашгара в Америку. Как бы наши тетради не исчезли! Куда их спрятать в этом царстве фетишизма?

«В Каме для свирепости и для резвости коней кормят сушёным леопардовым мясом и толчёным чаем. Рассказывают о леопардовых пятнах, выступающих на крупах коней.

«Завтрак у Кавальери. Среди русских один китаец Чжу. Разговор о наших злоключениях в Синьцзяне. Чжу говорит: "Не судите Китай по Синьцзяну. Сюда хорошие китайцы не едут". Говорю ему откровенно, что мечтаю видеть лучших китайцев; хотел бы сказать о Китае самое лучшее, но вся Синьцзянская провинция, за исключением трех людей, не дала нам возможности к хорошим суждениям.

«Сравниваем светлые настроения Сиккима, Гималаев, Индии, Ладака с тюремными соображениями Синьцзяна...»

30 апреля 1926 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Прошлым летом было разрушено до семидесяти буддийских монастырей в Ам-доском крае. "Дунганские" войска сининского амбаня употребляли пулемёты... Много тангутов погибло. Теперь геген амдоский запросил голоков

о помощи. Голоки откликнулись на призыв; в течение наступающего лета возможны столкновения. Дунганами разрушено знаменитое изображение Майтрейи.

Лама из Кобдо производит сбор на построение нового изображения. Голоки постановили набор в войско по три мужчины от каждого двора. В Лабране устроены казармы дунганских войск, и антибуддийское направление поддерживается. Всё это нигде не напечатано, и всё это чрезвычайно важно для будущего. Помимо волн, замеченных миром, идёт внутреннее волнение, оценить которое можно лишь на месте. Ф. повторяет: "Чжу вчера правильно сказал, что порядочные китайцы в Синьцзян не едут". Но и из Центрального Китая тут же приводит случай незаконных задержаний. Ф. сомневается, чтобы из наших протестов что-либо получилось. Он говорит: "Здесь принимаешься к этому ко всему, как к песку в пустыне". Неправильно! Ведь даже в Хотане нам удалось сместить грабителя Керим-бека. Невозможно добру и злу "внимать равнодушно". Теперь главная задача выбраться из Синьцзяна. Е. И. не делает иллюзий, она знает, что будут предстоять всякие трудности. Правильно сказано индусами: "Принеси одну рупию - и все поверят, но принеси миллион - и все усомнятся".

Заболел Оренбуржец (лошадь). Пускали кравь. Говорят, нужно ещё два раза объехать киргизские могилы, тогда поправится. Так говорят здешние "опытные" люди.

В Лхасе есть храм Гессер-хана. По сторонам входа изображены два коня - красный и белый. По преданию, когда Гессер-хан приближается к Лхасе, то кони эти ржут. Не будет ли скоро этот клич коней?

Обсуждаем вести из Сина. Как это замечательно, что нужные ламы приходят без опоздания. "Длинное ухо" Азии работает лучше радио. Из Кашгара на шесть радио[грамм] нет ответа. Единственно можно предположить, что радио перехватывается и вместо назначения попадает на совсем иной стол».

21-30 апреля 1926 г. Урумчи. Консульство СССР.

Из записей в дневнике генконсула СССР в Урумчи А.Е. Быстрова, сумевшего привлечь Николая Константиновича к установке перед зданием советского генерального консульства памятника В.И. Ленину на постаменте, выполненном по рисунку, предложенному русским художником.

«21 апреля 1926 г. <...> Прибыл из Москвы заказанный на средства сотрудников Генконсульства памятник Ленину. Решено поставить его на площадке перед зданием консульства. Жаль не пришло одновременно [со скульптурой] и проекта [ее] установки. Так как в момент получения бюста [В.И.Ленина] у меня был художник Рерих, я просил его составить несколько проектов для пьедестала. Рерих с удовольствием отозвался на это и обещал завтра же изготовить несколько проектов <...> 22 апреля <...> Сегодня на выбранном месте против здания Генконсульства произвел закладку памятника В.И.Ленину. Пьедесталом [по рисунку Н.К.Рериха] будет служить усеченная пирамида, что будет выглядеть массивней и красивей. На этом же месте [уже] начали разбивать маленький скверик и цветник <...>

«Художник Рерих, приходивший за справками [относительно поездки в Москву], сообщил <...> пришедший в Урумчи монгольский лама сообщил [ему],

что при следовании его из Тибета ему навстречу попался в двух переходах от г. Снина в направлении к Тибету [индийский революционер] Протап Махендра с конвоем в несколько человек. Протап Махендра, по его словам, двигается в Тибет <...>

«30 апреля <...> Во избежание [повторного] обыска художник Рерих принёс мне сегодня свой дневник с просьбой сохранить его до его отъезда [из Урумчи]»

Публикуется по: Н.К.Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (По материалам АВП РФ) А.Н. Хохлов.

Урумчи. Апрель-май 1926 г.

Юрий Николаевич (слева), Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи (в центре) с сотрудниками советского консульства в Урумчи.

МАЙ

1 мая 1926 г. Урумчи.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«1 мая. Первомайский праздник в консульстве. В 12. 30 час. - обед с китайцами. Двор консульства красиво и красочно убран. Под большим навесом, увешанным яркими коврами, накрыты столы на сто человек. Рядом стоят три юрты для мусульман, где вся еда приготовлена без свинины под особым призором мусульманина. Перед юртами сиротливо стоит усечённая пирамида - подножие запрещённого памятника. Невозможно понять, почему все революционные плакаты допустимы, почему китайские власти пьют за процветание коммунизма, но бюст Ленина не может стоять на готовом уже подножии. Вся

иностранная колония в сборе: здесь и итальянцы, и немцы, и англичане, и сарты, и киргизы, и татары, и др. Работа объединения, совершённая консулом Быстровым за полгода, поражает. И все единодушно тянутся к нему с лучшими пожеланиями. Китайские власти все налицо, кроме самого дуту, который счёл за благо "заболеть" и предпочёл послать вместо себя своего девятилетнего сына. Против нас сидит Фань. Он ничего не ест, кроме хлеба. Или диета, или ненависть, или верх подозрительности. Тут же сидит брат дуту - старик, ввергнутый в опалу своим правительствующим братом за либеральные воззрения. За обедом первым напился комендант крепости. Начал безобразничать, разбил несколько рюмок, толкнул ламу и, наконец, ногою подбросил поднос с мороженым. Этот случай с мороженым заставил китайцев принять меры, и комендант крепости был удалён посредством полицмейстера и своих собственных солдат. Из китайцев больше всех был возмущён поведением коменданта девятилетний сын дуту. У него даже слёзы выступили от негодования. Он забрал с собою разбитую рюмку, верно, чтобы представить своему отцу. Китайцы дружно чокались за процветание коммунизма.

«Молодой хор спел несколько песен. Ещё раз все потянулись к Быстрову с приветом. Гурьбою уехали китайцы. Е.П. Плотникова говорит мне: "А мы, бывало, ходили смотреть на вас в щёлочку, когда вы приходили к Куинджи". Оказывается, она знала и Архипа Ивановича, и жену его В. Л. И вот в Урумчи мы толкуем о Куинджи, вспоминаем его кормление птиц, вспоминаем его безбоязненные, свободные речи, его анонимную помощь учащимся всех родов знания. Не ржавеет память Куинджи.

Бюст В.И.Ленина перед зданием бывшего советского генерального консульства в Урумчи
(современное фото)

«Так обидно, что "Ленин" не успели написать на подножии "запрещённого" памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток, и самые различные люди встречаются на этом имени.

«После обеда играют в городки и теннис. Через неделю будут открывать клуб. На маленькой сцене клуба кроме русских пьес предусмотрено ставить мусульманские и китайские.

«Вечером подходят новые сведения о событиях в Амдоском крае; о притеснениях монастырей китайскими солдатами, о вступлении китайских войск в Лабран, о разрушении изображения Майтрейи. Сроки подходят.

«Поздно вечером неистовствует Тумбал. Приносят куличи и яйца от Г. и М. Завтра Пасха.

.....

«Доходят вести о движениях кантонских войск. Шепчутся и подмигивают: "Как-то теперь извернётся Янь-дуту?". Ведь тут сечением богов не отделаешься и петушиный бой не поможет... Мечта работает и зовёт невиданных кантонцев, которые должны убрать грабительских амбаней, должны умерить купцов и дать свободу краю развиваться. О Фане, или как его иногда зовут, Фыне, почему-то говорят осторожнее. Но Кантон привлекает народное сознание. Войска Кантона наделяются бывшими и не бывшими качествами.

«А правительство Кантона называется и неподкупным и справедливым. Если эти два свойства оправдываются, можно ждать повсеместных доброжелателей Кантона. Так промёрзшие в ночной стуже путники ждут восхода Солнца. И даже первые проблески света уже радуют. И мы радуемся. Кто знает? Ведь это, может быть, те самые культурные, устремлённые к прогрессу и знанию китайцы, о которых мы так искренно мечтали, подходя к Хотану?»

.....

2 мая 1926 г. Урумчи.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«2 мая. Ясное утро. Приходят ламы поздравлять с праздником. Говорят: "Христос воскрес". А ну-ка, христианские служители, придёте ли вы поздравить буддистов с их памятным днём? Открываем сундук с буддийскими картинами - развешиваем их и вместе с ламами любуемся яркими красками и глубокими символами науки, собранными в этих изображениях. Только знание без всяких предрассудков открывает новые возможности. И вчерашнее "случайное" становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее "важное" оказывается часто просто случайным пережитком.

«Вчера на обеде кто-то говорил нам, что вряд ли скоро удастся уехать из Урумчи. Может ли это быть? Столько срочного, столько безотлагательного впереди, а здесь полное бездействие. Сидение на сундуках! Ожидание каждого дня. Ничего из Америки. Почему друзья не действуют там? Даже срок выезда М. и З. неизвестен. Впрочем, может быть, что-то опять на телеграфе или на почте пропало. Или телеграммы дойдут через полгода. Здесь и так бывает. Телеграмма от апреля дошла в октябре».

3 мая 1926 г. Урумчи.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«3 мая. Приехал из Кобдо Цампа-лама; караван свой в 30 верблюдов оставил в Гучене. Был он сам немедленно вызван к дуту, имел длинное совещание

и был поселён в ямыне, что делается лишь для чинов не ниже даотая. Они ждут приезда двух чиновников из Кобдо.

«Два монгольских ламы по-прежнему остаются под арестом. Слухи, дошедшие до нас в Карашаре, подтверждаются. Сведение от Б.: получена телеграмма о проездной визе. Это значит, что около 15 мая можно будет тронуться.

«Здесь уже не дождёмся сведений из Синина о голоках. Надо теперь же хлопотать о подводах до Чугучака и надо пересмотреть багаж. Телеграмма от 2 апреля дошла лишь 2 мая. Между тем до Бахты (граница) телеграмма идёт один день. Значит, около месяца телеграмма лежала с Чугучаке, задержанная китайцами. Пешком из Чугучака можно доставить весть куда быстрее. Лишь бы не было новых китайских преследований!

4 мая 1926 г. Урумчи.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«4 мая. Бедному богу воды всё-таки отрубили руки и ноги за нерадивость. Не успели отрубить, а дождь и пошёл. Неужели китайский бог нуждается в таких суровых воздействиях? Пошёл дождь со снегом, и улицы Урумчи превратились в чёрное, липкое болото. Можно себе представить, что здесь было за две недели до нашего приезда. Недаром рассказывают, что здесь и ослы, и кони тонут. Ничего не стоило бы замостить базар, приказав каждому торговцу сделать мостовую против своей лавчонки. Но здесь "всемогущий" дуту не проявляет свою власть. "Магистр" наук легко мирится с бассейнами грязи. Другое дело, если ему нужно пристрелить заподозренного противника в спину. Рассказывают, что лет двадцать тому назад тибетец был почтён китайским императором необычно высоким титулом. Для передачи титула был устроен обед у местного амбана. После церемонии и изысканного обеда за спиною гостя из-за занавесок выступил солдат и ударом сабли снёс голову ошастливленному императорской лаской. Новые сведения!

«Ещё и ещё раз можно оценить "почту" лам. Гораздо раньше государственной осведомлённости, гораздо точнее приносят ламы самые лучшие вести. И каким огнём блеснут узкие глаза, если заметят незнание собеседника. И тогда уже не ждите правильных рассказов; тогда вас переведут в разряд незаслуживающих внимания; махнут пренебрежительно рукой и шепнут: "Пеллинг!".

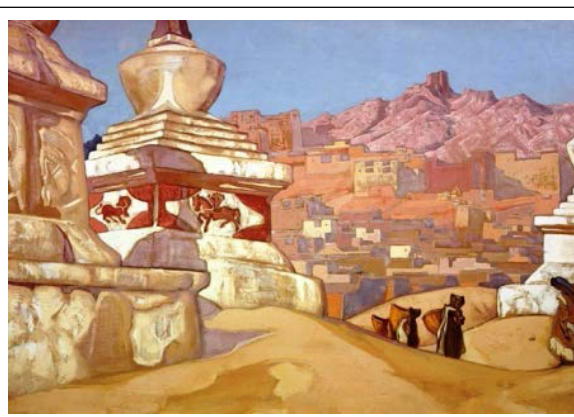
«Пришли Б[ыстровы], П[лотниковы], Я[ковлева], З[инькович], А[лейников], П[урины], К[раузе] и другие смотреть серию "Майтрейя".

Какие хорошие люди все они! «

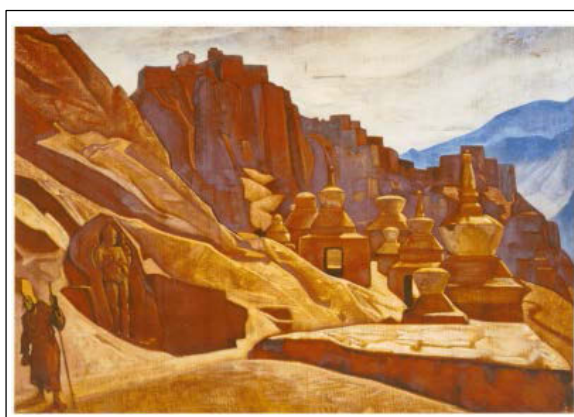
Серия "Майтрейя"

1. Н.К. Рерих. Шамбала идёт. 1926.

2. Н.К. Рерих. Конь счастья. 1926.

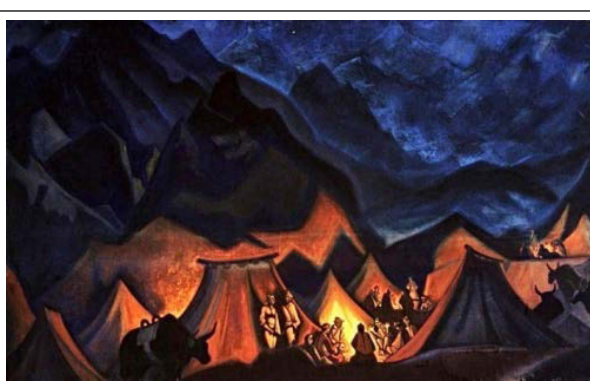
3. Н.К. Рерих. Твердыни стен. 1926.

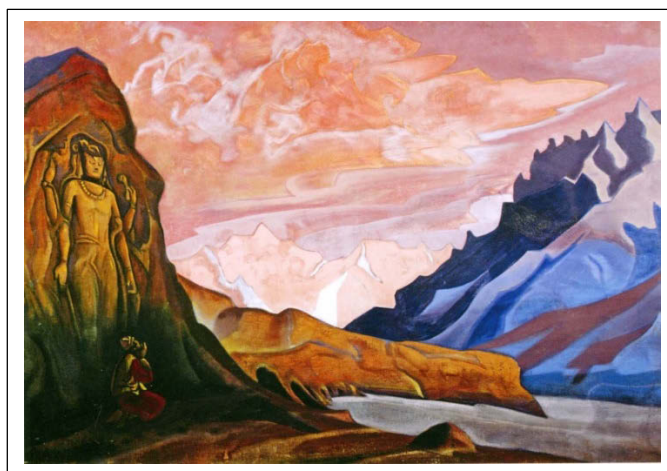
4. Н.К. Рерих. Знамя грядущего. 1926.

5. Н.К. Рерих. Мощь пещер. 1926.

6. Н.К. Рерих. Шёпоты пустыни. 1926.

7. Н.К. Рерих. Майтрейя Победитель. 1926.

5 мая. 1926 г. Урумчи.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«5 мая Фэн Яо-хань подтвердил, что для экспедиции открыт лишь один единственный путь через Сибирь. Мы решили двигаться к озеру Зайсан, а затем на пароходе в Омск».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«5 мая. В Туркестане один мулла приказал за непосещение мечети вылить сорок вёдер воды на темя “правоверного”. После семнадцатого ведра неисправный “правоверный” умер. Однако что же делать с таким мышлением?

«Всё пошло как-то быстро. Уже нашлись возчики. Теперь надо выбрать путь. Предлагаются три комбинации. Одна - на Кульджу, оттуда мотором до Ташкента и прямым поездом на Восток. Вторая - Чугучак, Семипалатинск, Новосибирск. Третья - Тополев Мыс, Зайсан, Иртыш, Семипалатинск, Новосибирск. Заманчива третья комбинация, где едем пароходом по Иртышу среди долистных и холмистых далей. Уж очень заманчиво. Но не помешают ли опять китайцы? Мнения делятся. Одни полагают, что очередная гадость будет проделана. Другие думают, что на этот раз китайцы устыдятся. Лично я не оптимистичен. Ведь и в Кашгаре уверяли, что больше наглостей не будет, но одна из главных наглостей было проделано в Карашаре, то есть после Кашгара.

«Мы ходили с Быстровым за город по направлению к Богдо-Улу. Бесконечные дунганские кладбища. Ряды курганчиков. На вершине каждого всегда поставлен горшок, сосуд или черепки горшка - обряд древней курганной тризны. Несмотря на мусульманство, дунгане сохранили какие-то своеобразные черты. Китайская народная религия и шаманизм оставили свои следы.

«Приехал Фильхнер. Кажется, ему разрешены все съёмки. Странно, почему Германии всё можно?!

6 мая 1926 г. Урумчи. Консульство СССР.

Из записи А.Е. Быстрова в дневнике от 6 мая:

«Приходил Рерих. Вели беседы на разные темы. На днях Рерих согласно телеграмме т. Чичерина получает транзитную визу и выезжает в Москву.

Считаю, что ему необходимо быть в НКВД <...> Он имеет массу интересных материалов, [взятых] из своих путешествий по Индии и Малому Тибету. Главное – это его связь с «махатмами» (духовными наставниками. – А.Х.). Может быть, я ошибаюсь, но от сказанных людей он имеет директивы для разговоров в Москве.

Несколько раз я встречался с Рерихом и говорил с ним на разные темы, но он всегда сводил разговоры на то, что как было бы хорошо объединить буддийский мир с Советской Россией, что этому помогут «махатмы» и т.д. Кроме всего [сказанного], по его разговорам видно, что [сейчас] идет большая работа по объединению монголов всех районов в одно целое для создания Великой Монголии, начиная от Забайкалья до Хотана в эту сторону и до Тибета <...> Такая работа, по имеющимся у меня [некоторым] сведениям, правда, не проверенным, производится и здесь, но очень осторожно, так как местные монголы запуганы и боятся китайских властей <...> но все же по Синьцзяну ходит целый ряд лам, высказывающих пророчества, по которым якобы пришло время объединения [всех] монголов.

Рерих выезжает в Москву 8 мая»

Публикуется по изданию: Н.К.Рерих с семьёй в Синьцзяне в 1925–1926 годах. (по материалам АВП РФ) А.Н. Хохлов.

6- 8 мая 1926 г. Урумчи.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«6 мая. Укладка. Уговоры с возчиками. Три тройки до Тополева Мыса за 660 лан.

«7 мая. Утро у Фаня. Все притворно любезны. Будто бы обещал не препятствовать нам ехать через Тополев Мыс по Зайсану. Многие новости про Цампу. Как и в Карашаре, слышали, что положение серьезное. Предлагают 10 000 000 лан, чтобы привлечь 30 монгольских хашунов на сторону дуту.

«К вечеру пошли по холмам под городом с Быстровым. Русское кладбище. Среди голого поля десятков крестов и два памятника. История одного из них трагична. Молодой человек, солдат Кутейников, приехал к отцу после гражданской войны. Родные и добрые друзья набросились на него, всячески поносили его и, наконец, связали и заперли в чулан, где он и повесился. И вот над ним стоит высокий памятник с большим чёрным крестом и со слезливыми текстами.

«Сегодня прямо знойный день, точно в июле. Снег на Богдо-Уле значительно сошёл. Через восемь дней опять в далёкий путь. Яковлева говорит: доедете до большого города и будете скучать. Именно так.

«8 мая. Приносят сведения, слухи ползут: сининский амбань бежал с 20 тысячами войска под давлением тангутов. Неужели уже голоки подошли? Ведь это начало чего-то длительного.

«Давно было известно, что католические клирики пользуются оккультными силами. Об этом сообщено много раз в литературе, но, конечно, сами ксендзы упорно скрывают такие способы воздействия. Здешний католический миссионер очень откровенен в этом отношении. Он прямо и без особого повода рассказывает Е. И., как он может "производить чудеса", то есть пользоваться спиритизмом и магнетизмом. Спешность нашего отъезда мешает, а то патер, наверное, продемонстрировал бы что-либо поучительное.

«Как странно подумать, что здесь и фетишизм, и примитивный спиритизм, и суеверие, и крик муллы, и имя Конфуция - всё спутано в нерасчленимый комок.

«Скоро наш геше уйдёт в свои горы. Сегодня он рассказал, что настоятель медицинской школы в Лхасе говорил ему об "азарах", как они называют Махатм, живущих в горах и применяющих своё глубокое знание на пользу человечества. Слово "азара" ещё нам не встречалось. Это не санскрит. Но как трудно заставить геше рассказать такие подробности! Скоро уйдёт он. Скажет таин-ламе всё им упущенное. Страх плохой советчик».

8 мая 1926 г. Генконсульство СССР в Урумчи

**Выписка из «Книги духовных завещаний»
советского дипломатического представительства.**

1926 г. восьмого мая явился в Генконсульство СССР в Урумчи известный художник Николай Константинович Рерих и предъявил для внесения в консульскую книгу нижеследующее духовное завещание, собственноручно им подписанное и содержащее его волю:

8 мая 1926 г. г. Урумчи. Настоящим завещаю всё моё имущество, картины, литературные права, паи американских корпораций в пожизненное пользование жене моей Елене Ивановне Рерих. После же её всё указанное имущество завещаю Всесоюзной Коммунистической партии. Единственная просьба, чтобы предметам искусства было дано должное место, соответствующее высоким задачам коммунизма. Этим завещанием отменяются все [мои распоряжения], ранее написанные.

Прошу Г.В. Чичерина, И.В. Сталина и А.Е. Быстрова, или кого они укажут, распорядиться [в соответствии] с настоящим завещанием.

Художник Николай Рерих.

Собственноручная подпись художника Николая Рериха совершена в нашем присутствии:

драгоман Генконсульства в Урумчи А.Зинькевич,

делопроизводитель Генконсульства СССР в Урумчи З.Яковлева.

Вышеизложенный список с подлинным духовным завещанием гражданина Рериха и с копией, выданной на руки завещателю, верен.

Копию духовного завещания получил Николай Рерих.

Секретарь Генконсульства СССР в Урумчи *П.Плотников.*

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: Н.К.Рерих с семьёй в Синьцзяне в 1925-1926 годах. (по материалам АВП РФ)

8 мая 1926 г. Генконсульство СССР в Урумчи
Из записи в дневнике А.Е. Быстрова:

Выехал в Москву художник Рерих с женой, сыном, тибетским ламой и мальчиком тибетцем.

Публикуется по докладу А.Н. Хохлова: «Н.К.Рерих с семьёй в Синьцзяне в 1925-1926 годах».

9 - 15 мая 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«9 мая. Опять жара, несвойственная для начала мая. Кто говорит, что это к дождю, кто "успокаивает", что вообще уже началась жара. Китайцы своими проволочками точно преследуют Е. И. Телеграмма Чичерина, отправленная из Москвы 2 апреля, дошла сюда лишь 2 мая. Где же она ходила? Так всё сложно, так много вопросов и необыкновенных условий. Надо ускорять отъезд.

«Настоятель медицинской школы говорил нашему геше, что он сам встречал одного такого азара в горах Сиккима. Трудно узнать больше того, что там был маленький домик и что азара был очень высокого роста. Потом азара удалился с этого места. Такие же самые вести ползут по всей Азии.

«Ездили за город. Куковала кукушка. Летали удоны и звенели цикады. К вечеру - гром. Читала Е. И. записки по основам буддизма. Как красиво выходит, когда шелуха позднейших наносов слетает, когда труд и знание занимают должное место».

«10 мая. Солдаты перестали учиться. Праздник. Говорят, потому, что сининский амбань разбит. В последней пекинской газете сообщается, что Ганьсу и Синьцзян оставлены в сфере влияния народной армии. Для Синьцзяна это знаменательно.

«Вдруг всё перевернулось так, что необходимо ехать как можно скорее. Живёт до сих пор сага о Гессер-хане: "Гессер-богдыхану посылается семь голов, отрубленных у семи чёрных кузнецов, а он эти семь голов варит в семи медных котлах. Делает из них чаши, оправляет эти чаши серебром. И так из семи голов вышло семь чаш, которые Гессер-хан наполнил крепким вином. После этого он поднялся к мудрой Манзал-Гормо и отдал ей эти чаши и угостил её. Но она взяла эти семь чаш из семи голов чёрных кузнецов и бросила их в небо. И образовали семь чаш созвездие Долон-Обоход (Большую Медведицу) и сторожит оно сроки".

«Как замечательно влиты символы в эти неясные и как бы лишённые значения слова, связывающие Гессер-хана с семизначным созвездием Севера. Монгольская "габала" и особенные чаши бутанских храмов напоминают о тех же устремлениях и надеждах. Твердится указание из Трипитаки, что "Будда указал, что чаша его в срок новых достижений мира станет предметом искания, но лишь чистые носители общины могут найти её". Так, так!

«"Рибхвасы мчатся к Савитри - Солнцу за Сомой", согласно мудрости Ригведы. На блюде джиль-кор вычеканена в середине гора Сумеру, а по сторонам её четыре страны света в виде больших островов вокруг. Как бы точка на одинаковом расстоянии от четырёх океанов...

«Лама провозглашает: "Да будет жизнь тверда, как алмаз; победоносна, как знамя учителя; сильна, как орёл, и да длится вечно!"»

«11 мая. Приняли приглашение на завтрак у Фельдмана. Там же Фильхнер и католик-миссионер. Сильный и работоспособный, в кожаной куртке, загорелый Фильхнер полон энергии. Задание его любопытно. Он объединяет магнетические исследования между Ташкентом и Средним Китаем. Измерения были сделаны в России, а Институт Карнеги, с большими затратами, произвёл эти работы в Китае. А теперь Фильхнер объединяет эти две области ис-

следований, как он сам сказал. Говорит: «Другие тратят миллионы, а мы делаем ту же работу без затрат».

«Вспомнили его происшествия с голоками. Всё-таки хвалит он их. И любит Азию. Уже навсегда привлечён очарованием азиатских просторов. Об истинном маршруте своём утаил.

«Примечателен разговор с миссионером. Толкует о новом понимании буддизма, говорит о настоящем значении понятия нирваны. Говорит о желательности немедленного сопоставления буддизма и католицизма. Упоминает о своём знании оккультных чудес. Знает литературу. Очень примечательно.

«А холод ползёт от Богдо-Ула, и ветер заглодел. Делаем всякие попытки ускорить выдачу китайских паспортов. Вечером Фильхнер просил консула сообщить германскому послу о препятствиях, чинимых ему Фанем. Обычная техника».

«12 мая. На столе у консула лежит прошение, подписанное отпечатком пальца. Киргиз-бедняк жалуется: три года назад около Манаса он с дочерью, девяти лет, ночевал у дунганина. За ночлег дунганин запросил дочь киргиза. Тот отказал. Дунганин избил его, выгнал, а девочку оставил себе и держит её уже три года.

«Обычное здесь явление умыкания и продажи детей с целью работы, а чаще с целью разврата. Зачем созывать лицемерные конференции о невольниках Африки, когда в срединной Азии и повсюду в Китае продажа людей является самым обычным явлением. Все деловые учреждения края знают этот институт рабства, и никто не требует его прекращения. Где же протесты и требования?

«Получили приглашение от генерал-губернатора завтра на завтрак. Всё те же люди: Фань, Фильхнер, миссионер, Кавальери...

«На базаре возник слух о походе на Кобдо, и последнее посещение генерал-губернатором консула связывается с этим слухом. В Шарсюме спешно выехал даотай, алтайский командующий местными войсками. Это обстоятельство ещё более усиливает слухи о возможных военных действиях.

«Ясный, свежий день. Вот бы уже ехать! Но уехать до субботы не удастся.

«Рин-се, то есть сокровище, называется как бы каменисто-металлическая масса, остающаяся после сожжения мозга, от двух мозговых затылочных наростов. По количеству этой массы судят о психическом развитии умершего. Какое доказательство материализма! На границе Тибета мы видели такую "массу" после сожжения одного монгольского ламы. Она похожа на отложение янтаря».

«13 мая. Утром приходит монгольский лама. Вот радость! То, что мы знаем с юга, то самое он знает с севера. Рассказывает, что именно наполняет сознание народов, что они ждут. И при рассказе глаза его наполняются неподдельными слезами. Наш друг таин-лама шесть месяцев был около Ланьчжоу и ежедневно говорил о значении будущего. "Знали мы давно, - говорит лама, - но не знали, как оно будет, и вот время пришло. Но не каждому монголу и калмыку можем сказать мы, а только тем, кто может понять и действовать". И говорит лама о разных "признаках", и никто не заподозрит таких знаний в этом скромном человеке. Говорит о значении Алтая.

«А после этих настоящих и серьёзных разговоров - лицемерный завтрак у генерал-губернатора. Опять идём бесконечными переходами ямыня, опять вопросы о здоровье, опять тосты за здоровье. Опять плавники акулы, бамбук и древесные грибы.

«Хозяин уверяет, что местные сарты лучше всех народностей земли. Несколько лет тому назад он уверял то же самое о дунганах и даже завещал похоронить его на дунганском кладбище. Но теперь его "курс" не на дунган, и завещание уже отменено, а сарты провозглашены лучшей народностью. Е. И. шепчет: "Какой страшный старик". В настроении похоронного шествия идём обратно по переходам и дворикам, и генерал нам оказывает "высшую честь" довести до экипажа. Ни слова о расследовании дел хотанских и карашарских, будто так всё и кончилось и все запрещения работы должны быть проглочены за завтраком.

«Можно всячески оскорбить, а потом замазать всё плавниками акулы. Сегодня запечатают наши сундуки, чтобы нас не тревожили на границе. Три часа длилась бессмысленная тягучая процедура отмыкания сундуков и никчёмной переборки вещей. И когда эта нелепость будет оставлена?

«К вечеру происходит уже знакомая нам провокация. Какой-то дунганин отвратительного вида набросился и избил Рамзану. Схваченный, он уверял, что принял Рамзану за китайца и потому избил его. Странное объяснение. Опять странно, что провокация происходит именно в день завтрака у генерала. Вечером нас предупреждают о двух опасных местах по пути до Тополева Мыса. Грабят киргизы. Конечно, здесь конвой не даётся губернатором. Конвой нужен там, где безопасно.

«Рассказывают, как дервиши иногда убивают "неверных". В толпе, или танцуя, дервиш оцарапает гяура сильно отравленным ногтем, и смерть иногда наступает в тот же день. Средневековье!»

«14 мая. Дали нам паспорт до Пекина, длиною в мой рост. Этакая нелепость - писать в паспорте число и описание всех вещей. Сколько изменений за дорогу произойти может. Китайцы Синьцзяна, зачем вы так себя показали нам?

«Оказалось, что наши возчики вовсе не китайские подданные, а русские из Бухары. Теперь масса таких хамелеонов. Такая чепуха с паспортами!

«Интересны вулканические следы в районе Чугучака, Кульджи, Верного и Ташкента. Земля точно дышит. Как бы гигантская динамомашинка работает в продолжение месяцев.

«Сегодня прощальный обед у Г[мыркиных]. Ох, сколько хлопот с укладкой. Вещи - враги человека! Уедем ли завтра?! «

«15 мая. А ведь так мы и не уехали сегодня. Возчик отказался грузить. Все силы и увещания были применены, но старик остался деревянным. Главная причина, что суббота считается у мусульман плохим днём. Такая чепуха! А целый день потерян».

16 мая 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке:

Бакхтирусси 16 мая 1926

Нью-Йорк.

(Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

(ДОСТАВИТЬ ЭКЗЕМПЛЯР В МАСТЕР ИНСТИТУТ ОБЪЕДИНЁННЫХ ИСКУССТВ, ТАКЖЕ ДОСТ. ЛУИСУ ХОРШУ 915 WEA).

ПОЛУЧИЛИ ВИЗУ. НАДЕЕМСЯ ПОКИНУТЬ УРУМЧИ ОКОЛО ПЯТНАДЦАТОГО МАЯ. АДРЕС ОТЕЛЬ САВОЙ <EXOWE>

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

16 мая 1926 г. Урумчи – Санджу.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«16 мая мы покинули Урумчи на трёх русских телегах. Погрузка отняла много времени, к тому же, возница оказался очень раздражительным человеком и доставил нам немало хлопот во время путешествия».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«16 мая. Всё-таки выехали. После всяких препирательств с возчиками кое-как погрузились. Конечно, китайцы остались верны себе. Последнюю ночь Сун плакал и сказал ламе, что полиция и ямынь зарпели ему идти с нами до границы. Кто знает, что за смысл в этом новом вторжении в нашу жизнь? Или Сун давал о нас слишком хорошие отзывы? Сун совершенно расстроен.

«Все хорошие люди из состава консульства и Госторга провожают нас. Правда, сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зелёной лужайке за городом. Ещё раз побеседовали о том, что нас трогает и ведёт. Почувствовали, что встретимся с ними ещё, и разъехались.

«Налево лиловели и синели снежные хребты Тянь-Шаня. За ними остались калмыцкие юлдусы. За ними Майтрейя. Позади показался Богдо-Ула во всей его красоте. В снегах сияли три вершины, и было так радостно и светло, и пахло дикой мятой и полынью. Было так светло, что китайская мгла сразу побледнела.

«Всё-таки нас остановили на таможне. Несмотря на трёхаршинный паспорт, опять к чему-то бессмысленно пересмотрели наше оружие... Дальше, дальше...

«Стоим в Санджу, селение в 39 верстах. Стоять за околицей нельзя: опасно ночью, да и наш верный страж Тумбал остался в консульстве. Стоим во дворе. Старая сартка в белом степенно ходит по двору. Девочки со многими чёрными косичками проворно шныряют из хаты. Уже шесть часов, а жар ещё не начинает спадать. Как это будет с Е. И.? Сегодня ей было уже трудно. И какое право имел это хотанский дьявол арестовать и так задерживать нас? Ведь мы могли здесь проезжать более месяца тому назад, когда не было жары! И вместо расследования возмутительного насилия нас угощают лицемерными обедами и притворными тостами. Где же справедливость Синьцзяна? Вырождение.

«Вечером опять приходили какие-то типы и смотрели вещи. Поймите же, китайцы Туркестана, пока путники в вашей стране не более как арестанты поднадзорные, до тех пор и вы сами останетесь на уровне тюремщиков. Пора вам знать больше и не утверждать, что текущая на запад река - течёт на восток, как делает "учёный" комиссар по иностранным делам.

«Говорят: "Китайцы - бывшая великая нация". Довольно всяких бывших людей. Теперь время людей настоящих. Некоторые до того приняхались к здешнему произволу, что флегматично замечают: "Хоть сто лет судитесь с нами - они никакого расследования не сделают, а решение суда зависит от количества тысяч долларов, уплаченных судьям". Так говорят люди, долго жившие в больших городах Китая. Как же трудно живым китайским ячейкам, заданным преступным мещанством! Опять вспоминаю грустные глаза китайского студента в Америке; теперь он нас спросит: "Каково ваше мнение о китайских чиновниках?" Является вопрос: откуда же берутся эти пресловутые чиновники? Из народа? Разве?»

17 мая 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«17 мая. В 5 утра уже тепло. День подготавливается знойный. На базаре к столбу привязан человек. Преступник? Или слишком умный? Опасный? Нелюбимый? Оклеветанный? Богдо-Ула потонул в тумане, но влево протянулись на весь день пути цепи Тянь-Шаня. Истинно - небесные горы. После фиолетовых окаймлений виднеются голубые края и сверкают снега. Милые горные снега! Когда опять вас увидим?

«Песчано и пыльно. К 12 часам мы прошли 9 потаев, то есть 36 вёрст. Будем стоять в дунганском селении Хутуби. Вода и вчера была скверная и сегодня не лучше. Из-за зноя решаем выйти ночью, чтобы дойти до Манаса к полудню.

«Вспоминаем Б., исключительный тип нового человека. Крестьянин, отважный воин со всеми "Георгиями", на войне с 1914 года, природно богато интеллигентный, без суеверий и предрассудков, широко подвижный и разумно решительный. Страна может гордиться такими новгородцами. Вспоминаем всю дружную группу из урумчинского консульства.

«В придорожных ивах щёлкают соловьи. Садык, кучер, предлагает ещё вечером сегодня проехать 5 потаев и тем сократить завтрашний путь. Грузовые тройки опять отстали. Старик извозчик заявил мне, что он поедет не по условию, а как бог захочет. Я поручил перевести ему, что и вернётся он, как бог захочет. Расстояние между Олон-Булаком и Кульдиненом считается опасным местом по грабежам. Всем повозкам советуют ехать вместе и оружие держать заряженным. Обстрел начинается с обеих сторон ущелья.

«К вечеру жар усилился. В семь часов нет никакого облегчения. Экий преступник Ма-даотай хотанский. Из-за ареста и насилия его мы потеряли два с половиной месяца, и сейчас уже были бы давно за пределами китайской пляски смерти. И неужели никто из вас, из тех китайцев, кто считает себя цивилизованными, не возмутится произволом хотанского чиновника? Неужели мне придётся оставлять пределы Китайского Туркестана с твёрдым убеждением, что эта страна для культурных посещений не пригодна? А ведь так искренно нам хотелось сказать о Китае слово сочувствия, так хотелось найти

лучшие оправдания! И вместо того едем с сознанием пленников, вырвавшихся из гнезда грабительской банды. Знойно и душно».

18 - 25 мая 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«18 мая. Встали ночью в два с половиною часа. Всеми мерами подгоняли гнусного возчика и в половине пятого вышли. Утро затучилось. Облака пошли в опаловую морщинку. Даже дождик прохладный пошёл. Жар поднялся лишь после часу дня. Пестрели горы Тянь-Шаня. Лиловели ирисы. Густо зеленела свежая трава и чудесно пахла после дождя. Немного испортили настроение ещё одна таможня и третий осмотр паспортов. К чему? Зачем ездить по дорогам, если, свернув к горам, можно проехать вовсе без досмотров. Эти досмотры для арб и для незнающих путников, но опытный наездник всегда легко минует все эти мишурные заставы.

«Напомнили о резне при восстании дунган развалины старого Манаса. Стоят груды глиняных стен. Остатки храма. Пустые глазницы окон и дверей. Манас перенесён дальше за один потай. А всего сегодня мы сделаем 16 с половиной потаев.

«Те же базары Манаса. Те же дунгане. Иногда попадается калмык. Здесь уже не торгуты и не хошуты, а олеты, которые занимают Илийский край, Кульджу. Разницы во внешности не видно. По всему пути растянулись караваны верблюдов, несущие 100 000 пудов шерсти, накопленной для экспорта. Важно звенят колокольчики. Садык, кучер, с особым ударением скажет: "На Чугучак - шерсть". Исполняется мечта края о восстановлении сношений.

«Стоим у старшины. Здесь дворы несколько чище, нежели в Кашгарском и Карашарском округах. Говорят, что и здесь будут смотреть паспорт. Лишь бы не разорвали эту длинную диковинку. Хочется довести его и воспроизвести.

«Среди дня нам казалось, что мы едем четверть века тому назад по равнине Средней России. А теперь мы сидим в грязной белой комнатке. Е. И. вспоминает, что так же точно двадцать пять лет назад мы сидели в хибарках в Меречи, или в Велюнах на Немане, или под монастырями Суздаля. Или позднее - в каморках Сиены и Сан-Джиминьяно. Мы видели, видели, видели!

«День кончился ещё третьим осмотром оружия и разбором нашего паспорта. Пришёл от амбана какой-то полуграмотный курильщик опия. По складам читал наш саженный паспорт. Потребовал вынуть ружья из чехлов и боязливо потрогал револьвер. Долгое время он мялся и бубнил что-то, а потом ушёл, поручив нас под ответственность содержателя постоянного двора. Можно ли включать такие власти в эволюцию человечества? Просто омывки какие-то. Но эти глупо-докучливые омывки способны затмевать сияющие горы; способны превратить каждое мирное настроение в ощущение тюрьмы. Долой невежественность!»

«19 мая. Какой добрый знак! Так нам сказали. В чём дело? Слышим какую-то нескладную музыку: пискучий кларнет вроде волынки, цимбалы и барабан. Эта писклявая дребедень продолжается весь вечер. В чём дело? Оказывается, рядом умер человек, и его собираются хоронить. Недаром в Манасе в целом ряде лавочек множество пёстро-весело раскрашенных гробов. Говорят, что для путешественников это очень добрый знак, если рядом умрёт человек.

Неизвестно, по знаку или нет, на полпути у нас сваливается колесо. Надо чинить в ближайшей деревне.

«Сегодня путь совсем коротенький - всего 48 вёрст. Пришли уже к половине второго. Ясно, что можно было бы пройти ещё два с половиной потая. Но всё дело в невозможном возчике. Сидим в Улан-Усуна и ждём телеги.

«Яркий день. На дальних горах как будто прибавился снег. Заманчивы уходящие хребты. Степь залита сочной зеленью и лиловыми ирисами. Чёткими силуэтами пасутся стада. Лама отошёл в сторону и обратился на восток - молится. Долетает ритм его славословий. Вероятно, зовёт он новую эру, время Майтрейи, наступление которого знают все буддисты. Под линией снегов на горах притаилось несколько больших калмыцких монастырей. В каждом несколько сотен лам. Монастыри большею частью в юртах - кочевые, но есть и храмы. А нам-то их нельзя увидеть. Если хотите, можете увидеть нелепый храм чёрта в Урумчи, но буддийские монастыри смотреть нельзя. Нелепо и глупо.

«А трава так зелена, и скворцы и сойки кричат в листве карагачей. Кукушка наскоро считает года. По степи стоят столбы дыма - жгут камыш. Эти дымы из "Половецкого стана" особенно характерны для горизонта степей. Вспоминаем сны - картины 1912 года:

"Змий проснулся" и "Меч мужества", когда огненный ангел принёс меч мужества стражам.

«Говорят, на Алтае весной цветут какие-то особенные красные лилии. Откуда это общее почитание Алтая?!

«Жара. Нас предупреждают, что здесь много краж. Генерал-губернатор о нашем проезде не послал обещанного приказа. В конце концов и хорошо! По крайней мере, у нас нет и капли сознания, что китайцы хоть что-нибудь сделали, кроме оскорблений, насилий и препятствий. От Улан-Усуна четыре дня езды до торгутского летника. Одинаково от Кучи, Урумчи и от Улан-Усуна».

«**20 мая.** Поднялись в 4 часа. Вот красиво! Горы розовеют. Поднимаются лиловые туманы. Пышнеет трава. Выехали в 5.30 часов ещё до жары. Бодро проехали 9 потаев (36 вёрст) до Янцзыхая. Оличная дорога. Свежо и сладко пахнет серебристая джильда. Поют птицы. Так много птиц давно не слышали. Проехали равнину, усеянную могильными бугорками, - следы боёв в дунганское восстание. Как заповедная стена, стояли серебряно-голубые горы.

«Прибыли в половине десятого в Янцзыхай, и вовремя. Солнце уже стало жечь. Всё уже накалилось. С радостью входим в маленькую глинобитку. Будем здесь до 12 часов ночи, а там при луне, в холодке, дальше - до Шихо. В чём-то почти неуловимом уже чувствуется близость России. Шире ли улицы селений; больше ли пашен; чище ли постоянные дворы?»

«Опять сидим в маленькой глинобитке. В комнатке хлопочут касатки - под балкой их гнездо. И опять вспоминаем Подольскую или Казанскую губернию. Вспоминаем Ефима из Ключина. Точно колеблется почва. В области Чугучака есть потухшие кратеры. Не так давно подземная работа была так напряжена, что ждали извержения».

«21 мая. Поднялись в 1 час ночи. В темноте, при начавшемся бурене, вышли в три с половиной часа. Горы скрылись в облаках пыли. Прошли по равнине крупной гальки. В час дня пришли в Шихо, пройдя 16 потаев.

«На полпути остановились кормить лошадей. Собралась толпа дунган и китайцев. Топтались, щупали нашу коляску, пытались потрогать нас. Сущие зверушки! Вспоминали, как пятнадцать лет тому назад в Шарсюме был амбань русофил и против него было послано из Урумчи 10 000 дунган. Но из Зайсана успел подойти русский батальон, и 10 000 урумчинского войска немедленно разбежались. Теперь сын этого амбана, олетский князь, живёт на день пути от Шихо. Он получил образование в России. В том же направлении находится и большой калмыцкий монастырь. Шихо является перекрёстком между Урумчи (6 дней), Чугучаком (6 дней), Кульджуо (9 дней) и Шарсюме (12 дней).

«По пути встретили три арбы ценного груза - маральи рога; вероятно, идут из Русского или Монгольского Алтая. Идут через Урумчи на Гучен - в Китай для изготовления ценных лекарств.

«В Шихо во двор бывшего русского подданного нас не пустили. Качество дороги здесь гораздо лучше, нежели в Кашгаре - Аксу - Токсун. На широких пространствах гальки можно бы легче лёгкого сделать прекрасное шоссе. Но для китайцев - чем меньше путей сообщения, тем спокойнее; чем меньше просвещения, тем способнее для "правителей".

«Пришла "власть предрержащая" за паспортами. И была эта бедная власть так оборвана, так воняла и так мучительно по складам пыталась читать бесчисленные иероглифы трёххаршинного паспорта. Отдали мы паспорта власти не без опасения: в "ценном" документе и без того уже углы изнасились от бесчисленных осмотров.

«Е. И. спрашивает: "Если бы китайцы нас приняли ладно, ведь многое от этого изменилось бы?". Много, многое!

«Никаких сведений из Америки. Когда и где сможем мы получить их? На телеграмму, посланную 12 апреля, до 16 мая ответ не пришёл. Состояние телеграфных столбов, проволоки и изоляторов указывает: "Оставьте все надежды". Надо сказать Хоршу, чтобы не посылали телеграмм по бентлей. Тут и без шифра извращаются слова неузнаваемо.

«22 мая. Пески до самого Чайпецзы, покрывают около 16 потаев. Лёгкие облачка скрыли солнце, иначе был бы зной несносный. Как Садык говорит: "Лошадей бы зарезали". Никогда не видали столько дичи: золотистые фазаны, куропатки, гуси, кроншнепы, утки, чайки, зайцы. Фазаны сидят на дороге перед самым экипажем. Вышли в 5 утра, дошли в 14.30. Предлагают лучше двигаться ночью. Чайпецзы - бедное место, дворы грязны. Стоим за селением у речки. Позади скрылись отроги Тянь-Шаня, а далеко впереди, к северу, показалась лёгкая линия Тарбагатайских гор. По степи маячат китайские могилы в виде курганчиков. Опять пришёл вонючий оборванец и унёс куда-то паспорта.

Уморительно сверял наши физиономии с карточками. Нескончаемый полицейский участок!

«Узнали мы, кто такой цаган-хутухта. Оказывается, он олет. Сейчас находится в Лабранге. Как поучительно сверять лик Майтрейи из-за Гималаев со сведениями с севера. Только так складывается истинный облик лиц, событий, верований. Каждая страна, не удаляясь очень от истины, вкладывает свои особенности и свою наблюдательность. Тибет преувеличил таин-ламу. Сведения о цаган-хутухте совпадают.

«Цветёт джильда, розовеет свежая жимолость. Пахнет весенней свежестью к вечеру. Опять будет драма с возчиками: надо уговорить их двинуться ночью. Решили не спать, а идти в одиннадцать часов ночи».

«23 мая. Вечер начался беспокойно. Приехали странные китайцы с десятью солдатами. Исполняют какое-то таинственное поручение генерал-губернатора. Едут в Пекин и Москву. Плетётся какая-то сеть.

«Получили совет - уезжать немедленно, привязать, заглушить колокольцы под дугою и погасить огни. Беспокойно. Так и сделали, и вышли под дождь и ветер с заряженным оружием. Шли глубокими, тяжкими для лошадей песками. Восемнадцать потаев перехода до Улун-Болыка взяло 12 часов, из них два часа на кормёжку лошадей. Улун-Болык - бедный лянгар. Пищи нет. За семь потаев до лянгара пески перешли в тёмное гальковое взгорье Джаирских гор. Всё стало чётким. Заклубились ослепительные гроззовые тучи, и в стороне Чугучака загрохотало. Сидим на бугре около убогого китайского храма.

Перед нами в последний раз тянется и тонет в тумане гряда Небесных гор. Так они небесны в тоне, так богаты белыми гребнями.

«Так мало ещё знают о калмыцких улусах. Когда и кому удастся пройти через все лабиринты захороненных богатств? Вся даль трепещет в сияющей радуге испарений. Сапфировая пустыня и эфирные горы слились с небом. Разукрасились холмы в золоте. Уж очень красива ты, Азия. Твой черед. Прими чашу мира.

«Едут дунгане и калмыки с ними. В тоне, как калмык говорит с нами, звучит какое-то доверие и близость. Простодушно рассказывает, как он хотел охотиться в горах, а местный князь запретил. Через дорогу перебежали шесть серых серн. Можно представить, сколько дичи в горах. Телеги опять не пришли. Будем третью ночь без сна.

«24 мая. Для дальних путей пригодны лишь ладакцы и некоторые монгольские хошуты. Все остальные слабеют, теряют бодрость и впадают в уныние.

«Простились с Тянь-Шанем. Впереди бесснежные мелкие купола Джаира. Сегодня тот самый страшный день, о котором твердят караванщики. Именно в ущельях Джаира бывают грабежи и убийства. Взгорья Джаира встретили нас очень сурово. Ледяной вихрь, дождь, град, а под ночь лёд и снег. Наш возчик ухитрился 17 потаев пройти в 22 часа. Дошли в половине третьего ночи. Измочалились окончательно плестись за арбами с заряженными винтовками. Оту - бедная станция в середине пути, утопающая в грязи. После нас приехали китайцы. Началось безобразие - ходили через нас, плевали, тут же развели кизяковый огонь, выедающий глаза, капали масло и обливали чаем. Мы были рады вечером отправиться в Кюльдинен. Разбойников не видали. Теперь говорят, что главное место разбоя - не сегодняшней путь, а завтрашний, между Кюльдиненом и Ядманту. По снегу добрались до Кюльдинена. Поместились в вонючей лачуге и спали четыре часа беспросыпно. А там опять грузились, опять ссорились с негодным возчиком».

«25 мая. Весь день прекрасен. Верно, что в узких ущельях красных гор могут быть нападения. Где-то близко во время гражданской войны многие сотни русских были изрублены киргизами. В наших людях чувствуется напряжение.

«Как нарочно, в самой узкой щели у старой арбы ломается ось, и остальные четыре повозки оказываются запертыми. Самый удачный момент для грабителей, но они не являются. Два часа возятся с телегой. В пути по косограм ещё три телеги перевернулись.

Экспедиционная фотография. 26 мая 1926 г.

«После красных и медных гор мы спускаемся к зелёной степи, окружённой синими хребтами; и опять чистота красок похожа на волшебную радугу. Мапан (13 потаев от Кюльдинена) - степное радостное, весёлое место отдыха. По окраинам селения стоят юрты. Толпятся стада. Киргизы в малахях скачут, как воины XV века. Калмыки с доверчивыми лицами. Не успели найти место остановки в Мапане, как приходит калмык со сведениями чрезвычайного значения: "Во втором месяце, то есть в марте, от урумчинского генерал-губернатора распространялись известия по улусам, стойбищам и монастырям о том, что Таши-Лама избран китайским императором. Ещё на трон не взошёл, но уже принял тамгу (печать)". Только бывшие в Азии могут оценить значе-

ние этой выдумки для Монголии и Тибета. Конечно, в данном случае урумчинский властитель имеет в виду именно Монголию. Да, об этой выдумке газеты не пишут и Рейтер не телеграфирует, но именно эти незримые слухи создают будущую действительность.

«Много вестей про Таши-Ламу будет бродить по калмыцким и монгольским просторам. На многие годы!

«Петля на Монголию задумана генерал-губернатором широко, и он думает, что никто об этом не знает. Но система китайских подкупов такова, что не только ямынь губернатора узнаёт все события, но и о ямыне все, кто хочет, тоже узнают всё. Налаженная машина действует в обе стороны.

«Всё богатство этой страны, вся её красота, вся её значительность ждут новых путей, новую культуру и самосознание. Оцените значение слуха о новом китайском императоре. Калмыки радуются притоку товаров из России. Говорят: "Теперь в России всё хорошо"».

26 мая 1926 г. Дурбульджин.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«26 мая экспедиция прибыла в Дурбульджин, небольшой городок к востоку от Чугучака, центра пограничной торговли, а на следующий день выступила в направлении сибирской границы. Дорога проходила по волнистым холмам, покрытым великолепными пастбищами. Здесь жили исключительно одни киргизы, но в окрестностях Савурских гор было немало калмыцких лагерей. Мы миновали несколько зимних киргизских поселений, или кишлаков, расположенных в хорошо защищённых долинах. Эта идеальная страна, являющаяся пастбищем для огромных табунов лошадей и крупного рогатого скота, всегда была излюбленным местом кочевников. Она изобиловала могильниками, окружёнными концентрическими кругами из вертикально поставленных каменных плит, и другими следами кочевого прошлого.

Начальник китайского таможенного поста оказался совершенно безграмотным парнем, и мы с трудом втолковали ему содержание нашего паспорта.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«26 мая. Калмыки просидели у ламы всю ночь. Принесли много новостей. Эти "устные газеты" имеют обширный политический отдел. Калмыки очень хвалят Быстрова. Удивительно, как быстро добрая слава о нём прошла по всем калмыцким землям. Простились мы с калмыками. Ждут они.

«Сегодня путь долгий - 90 русских вёрст. Едем зеленеющей степью. Всюду юрты, стада. Над дальними Тарбагатайскими горами собирается вновь непогода, и холодеет ветер. Справа четыре отрога Алтая. Проехали посёлок Курте, где дорога разделилась на большую - на Чугучак, и малую и глинистую - на Дюрбюлджин. В Дюрбюлджине те же глинобитки, но ещё большая смесь народностей. Исчезло преобладание сартов или дунган.

«Стоим в "мойке шерсти" у Князева. Его представитель Р. любезно уступил две своих комнаты. Жена Р. недавно из Семипалатинска, но уже рвётся обратно. Говорит: "Здесь в китайской грязи и тьме задыхаюсь". Хвалит жизнь в России.

«Много хлопот с возчиками; надо уговорить их доехать в один марш до русского поста. Не советуют на ночь оставаться в китайском посту или в полосу между постами (русских 30 вёрст). Там бывают и кражи и грабежи. Будем

стремиться проехать все 75 русских вёрст до Кузюня в один пробег. Лишь бы китайская таможня не задержала нас. Даже Садык (кучер) нервничает и советует не задерживаться на китайском посту. <...>

Накопляются альбомы зарисовок».

27 мая 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующий день в сопровождении сильной милицейской охраны мы направилась к сибирской границе. Нам пришлось преодолеть безлюдную местность, расположенную между китайским и русским пограничными аванпостами. Этот район являлся излюбленным местом киргизских конных банд, нападавших на путешественников.

«Два дня мы провели на русских пограничных постах, завершая все формальности, и 1 июня на пароходе "Лобков" отплыли из Зайсана в Семипалатинск и Омск по направлению к Сибирской железной дороге».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«27 мая. День прекрасный по краскам. Синие горы, шелковистая степь. По левую руку - снега Тарбагатая, а прямо на север - отроги самого Алтая. Алтай - середина Азии. Стада в степи. Большие табуны коней и юрты чёрно-синие и бело-молочные, и солнце, и ветер, и неслыханная прозрачность тонов. Это даже звучнее Ладака.

«С утра нас измучил негодяй возчик. Всё у него не в порядке, и телеги разваливаются - хуже такого мы ещё не видали. После выступления возчика - ряд китайских интермедий. Амбань назначил солдата ехать с нами до пограничного Кузюня. Солдат приехал, повернулся в воротах, сказал, что едет пить чай, и более мы его не видели.

«Когда же мы проехали пять потаев до пограничного пункта, тут началась комедия, но от неё хотелось плакать. Трёхаршинный паспорт и печати генерал-губернатора мало помогли. Полуграмотный таможенник хотел вскрывать печати генерал-губернатора. Он хотел снова пересчитать все вещи и, наконец, пытался вообще отнять наш китайский паспорт, выданный для следования в Пекин, на котором русская виза. Еле отговорили его от этой затеи. Но, тем не менее, мучительство и выдумки таможенного идиота заняли около четырёх часов. Лишь в шестом часу мы тронулись дальше, чтобы проехать, а вернее, проползти двадцать пять вёрст до следующего поста. Не отошли и версту, как сломалось колесо у телеги возчика.

«Предстояла ночь в горах среди самого опасного места. Пришлось вернуться к китайскому посту. И вот опять сидим в своей палатке. Может быть, в последний раз перед длинным перерывом. И горы-то милые, и палатка так много напоминает. И полная золотая луна беспощадно глядит в открытый полог. Сегодня мы миновали несколько кочевых монастырей, где чтут Майтрею. Избегая осложнений с китайцами, мы не свернули с пути по степи к юртам монастыря. Жалко, жалко».

28 - 25 мая 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«28 мая. Как торжественна эта ночь. Конец и начало. Прощай, Джунгария! На прощанье она показалась не только синими снеговыми горами, не только хризопразами взгорий, но и пышной травой, и давно не виданными цветами.

Красно-пунцовые дикие пионы, жёлтые лилии, золотые головки огненно-оранжевого цвета, ирисы, шиповник. И воздух, полный весенних дуновений. Спускались и поднимались зелёными холмами. Поднимали свалившиеся телеги. Около нас ехала киргизская стража. Те же скифы, те же шапки и кожаные штаны, и полукафтаны, как на Куль-Обской вазе. Киргизы гонялись за показавшимися через дорогу волками. Один из киргизов нарвал для Е. И. большой пучок красных пионов.

«А там ещё один перевал и на его гребне кучи мелких камней. Это конец Китая.

«Здравствуй, земля весенняя, в твоём новом уборе! И ещё травы, и ещё золотые головки, и белые стены пограничного поста Кузеюнь. Выходят brave пограничники. Расспросы. Общая забота сделать нам так, как лучше. Где же грубость и невежественность, которыми мог бы отличиться заброшенный, не помеченный на карте маленький пост?! Следует долгий внимательный до-смотр вещей. Всё пересмотрено. Извиняются за длительность и хлопоты, но всё должно быть сделано без исключения и по долгу. Вот и начальник поста. Вот и семья его помощника Ф. Ночуем на посту».

«29 мая. Поехали утром до села Покровское (70 вёрст) по чудесной гладкой дороге. Горы отступают. Снижаются. Киргизские юрты. Любопытные всадники. Бодро бежит быстрый вороной конь верхового. Зелёная пограничная фуражка. Первый посёлок - Рюриковский. Низкая мазанка. Видны уже белые стены и скудные сады. Здесь климат суров. Овощи не растут - их уничтожает мороз. Но теперь уже началась летняя жара. Если бы доехать до Тополева Мыса, но наш возчик не сделает это. Так и есть. На ровном откосе разлетается вдребезги колесо у брички. Надо посылать в комендатуру в Покровское за телегой. Долго стоим у мельницы Ященко - он не дружелюбен и не дал свою телегу.

«Вот и Покровское. Больше белых домиков. Выходит нам навстречу комендант. Вот и начальник стражи. Вот и помощник коменданта. Наперерыв стараются размещать нас по своим скромным квартирам. Ещё больше вопросов. Ещё настоятельнее ждут поучительных ответов. Хотят проверить свои сведения с нашими. Рамзана, не понимая языка, замечает: "Русские хорошие люди. Душа у них хорошая". Спрашиваем, как он дознался до этого. "А по глазам видно".

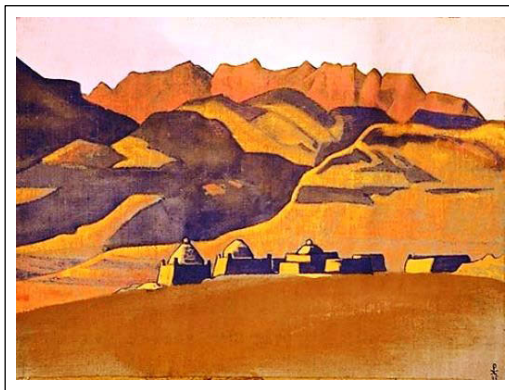
«Оказалось, наш пароход по Иртышу отходит сегодня ночью, а следующий лишь через три дня. Возчик нас посадил. Но на посту радуются и просят погостить у них хоть один день. Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать ещё. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?»

30 - 31 мая 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«30 мая. С утра смотрели картины. Люблю этих зрителей без предрассудков. Свежий глаз и смотрит свежее. Толковали о разнице понятий культуры и цивилизации. Замечательно, что на Востоке так легко понимают это различие.

И ещё замечательно: это сознание долга и дисциплины. В этой жажде знания - всё реальное будущее и весь свет труда. Е. И. читала письмо об индусской философии. И мы сказали спасибо этим новым знакомым за всё от них услышанное. Надо сказать, что эти пограничники красноармейцы мыслят гораздо шире многих интеллигентов. Где же та узость и грубость, о которой говорили подложные отзывы?»

Н.К. Рерих. Киргизский мазар. 1925.

«**31 мая.** Джембаев на коне проводил нас в степь. Сердечно простились. Проехать 45 вёрст до Тополева Мыса до синего Зайсана. Взгорья и холмы. Пологие курганы. Седая трава и ярко-красные откосы. Аилы киргизских юрт. Недаром зовут киргизов каракиргизами, то есть чёрными. Конвоир красноармеец рассказывает про множество случаев киргизских грабежей. Киргиз Курбанов организовал шайку из 50 вооружённых наездников. Едем мимо лощины, где недавно 22 киргиза напали и пытались арканами задушить семерых пограничников. Но те их сразу взяли в сабли и зарубили 16 человек. Дальше - у холма - четверо киргизов набросились на одного красноармейца, тот еле отбил. Недавно киргизы угнали из заимки Фёдорова 150 коней. В Чугучаке и сейчас ещё лежит тяжко раненый начальник заставы, простреленный киргизскими воровскими пулями. Крестьяне жалуются на постоянные грабежи. У нашей хозяйки угнали четыре коровы. Так трудно укротить грабителей, и пограничные красноармейцы напрягают все силы.

«Извозчик наш совсем одурел. За 45 вёрст пути было девять остановок и поломок. Наконец одна телега перевернулась вверх колёсами; непонятно, как ямщик и лошади не были убиты. Вот синее Зайсан; за ним белеет гряда Алтайских гор. Не сама ли Белуха?

«Вот и Тополев Мыс, приземистое селение с белыми мазанками. Хороший пароход "Роза Люксембург" вчера ушёл, и нам придётся ехать на "Алтае". Будем стоять у старухи Фёдоровой.

«Пьём чай. Едим творог со сметаной. На стене висит Никола и премия "Нивы": "Ломоносов показывает электрическую машину Екатерине". Приходят племянники Фёдоровой, бывшие красноармейцы. Интеллигентно толкуют о Китае, о Коре, о Чжан Цзо-лине. Хотят достать нам окуней и карасей из Зайсана. На окнах - красные и лиловые прим-розы и всегдашняя герань. Нашего гегена приняли за китайского генерала. Сколько легенд будет ходить о нашем проезде!»

ИЮНЬ

1 июня 1926 г. Пароход «Лобков» - Зайсан – Семипалатинск.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«1 июня на пароходе "Лобков" отплыли из Зайсана в Семипалатинск и Омск по направлению к Сибирской железной дороге».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«1 июня. Вместо "Алтая" пришёл самый плохой пароход "Лобков". Ну что ж - не судьба ехать на хорошем пароходе, наш возчик лишил нас этого. Озеро похоже на жемчужную сетку. Сегодня видна святыня калмыцкая - гора Сабур или, вернее, Саур.

Хребет Саур. (Современное фото)

"Лобков" оказался совсем уж не так плох, как о нём говорили. Ламу и Рамзану устроили на верхней палубе. Все разместились.

«Опять диковина: ещё на сходнях около нас собираются грузчики и просят им "рассказать". На верхней палубе нас окружает целое кольцо людей всех возрастов. И все они одинаково горят желанием знать. У каждого свой способ подхода, у каждого свои сведения, но у всех одно жгучее желание - узнать побольше. И как разбираются в рассказанном! Какие замечания делают! Кому нужно знать экономическое положение стран, кто хочет знать о политике, кто ищет сведений об индусских йогах, говоря: "Вот где истина". Народ, который так хочет знать, и получит желанное. Подходит мальчик, хочет с нами путешествовать. У Юрия в тесной каюте скопилось четверо, дружно толкуют. Над пристанью более не слышно ругани. Спорится работа народная».

2 - 9 июня 1926 .

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«2 июня. <.....> В последний раз оборачиваюсь в сторону Китая. На моей картине, которая находится в Пекине, есть надпись: "Друг Китая". Уменьшилась ли моя дружба после того, как мы видели весь танец смерти Синьцзяна? Нисколько. Именно дружба к молодому Китаю дала мне право записать случаи стольких ужасов. Лицемерный враг закрыл бы глаза на ужас действительности, но друг должен указать всё то, что оскорбляет свежий непредубеждённый глаз. В раскрытии этих язв лежит залог удачи будущего Китая. <...> Всё настоящее скроется во мраке как запятнанная страница истории. Губернаторы и амбаны современного Китая станут как страшные гримасы паноптикума, нужные человечеству так же, как отрубание рук и ног водяному богу. Желаю, искренно желаю Китаю скорей скинуть всё убожество и скорее смыть грязь, нарощую под

шёлком внешнего наряда. Желаю успеха всему молодому, понимающему ужас лицемерия и невежества.

«<...> Ещё ночью покинули озеро Зайсан и поплыли между пологими степными берегами ещё узкого Иртыша. Вода малая сейчас, и пароход не один раз проходит по мели. На носу промеряют глубину. Несутся те же возгласы, как бывало, на верховьях Волги. Селения киргизского типа. Кое-где стада. Много гусей и всякой дикой водяной птицы.

«После обеда была беседа. Вся команда и все пассажиры третьего класса собрались тесным кольцом, и все слушали новые сведения с напряжённым вниманием. Не игра, не сквернословие, не сплетни, но желание знать влечёт этих людей...

«Показались зелёные холмы. К вечеру дойдём до гор. К шести часам доехали до села Баты; русские домики уже начинают преобладать. А там и горы, и грозы над горами. Изумительный эффект от светлой степи под синими горами и под волнистыми облаками. Такое облачное богатство давно не видали.

<...>

К полуночи добрались до Нового Красноярска. К пароходу вышла целая толпа. Нигде нет сквернословия».

«3 июня. С утра плывём в больших утёсах. Серые глыбы сгрудились до самого течения реки. Иртыш стал уже, и ещё стремительнее стало течение. А там деревянный городок Усть-Каменогорск, и за ним кончаются горы. Иртыш развернулся в широкую судоходную сплавную реку, а на горизонте виднеются отдельные гребни и пирамиды ушедших гор. Прощайте, горы! <...>

«Мы решаем от Семипалатинска до Омска следовать по Иртышу пароходом. Длинная пересадка, но поездом тоже не лучше. Двадцать часов до Новосибирска; приехали бы туда ночью. На пароходе и с людьми больше общения, и воздуха больше. Сейчас прохладные дни и холодные ночи. Говорят, уже три ода как заметны перемены климата. <...>

4 июня 1926 г. Пароход "8 Февраля". Семипалатинск - Павлодар - Омск.

Г. Семипалатинск. Р. Иртыш. Отправление парохода в г. Омск.

Внизу надпись: Семипалатинскъ. Р. Иртышъ. Отправление парохода в г. Омскъ.
(Старое фото)

«Семипалатинск. Три часа утра; перегрузка на пароход "8 Февраля" до Омска. Решили ехать пароходом, ибо по алтайской железной дороге поезда идут медленно - 20 часов до Новосибирска. Опять встречаем заботливость и желание всячески помочь нам. Дают письма в Совторгфлот в Омске, где нам помогут по-

лучить места в международном вагоне. Заходим в книжный склад, не видим ни одной пошлой книги. Масса изданий по специальностям. И это всё в пограничном захолустье в уединённом Семипалатинске. Рядом стоят и белые каменные дома и серые деревяшки; как будто всё то же самое, но жизнь иная наполнила эти остовы. <...>

Г. Семипалатинск. Фото 1920-е гг.

«Уже не видны кочевые аилы. Мало всадников, и появляются сибиряки, как будто тёсанные из камня. Около Белухи ещё снег лежит. Опять недавно выпал. Мясо продают по 8 копеек за фунт, а хороший конь стоит восемьдесят рублей. И всегда слышится сильное, упрямое сибирское "однако". <...>

«Столько сотворено. И земля - земля Будды - переносится на великую могилу. Опять забудутся многие сроки, и нельзя их записать. А новый друг твердит на прощанье: "Я не потеряю вас"».

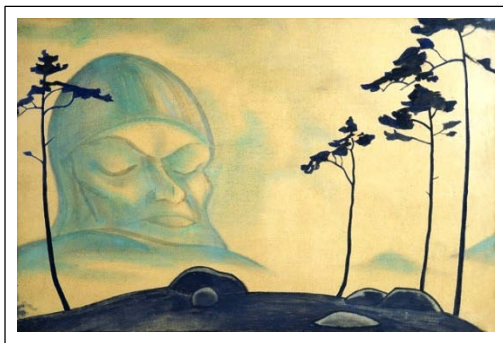
«5 июня. И здесь на Иртыше доходят рассказы о жестокости китайцев. Едущие пограничники вспоминают о виденных ими китайских пытках. <...> Только твёрдыми мерами эти разбои будут прекращены, особенно если китайцы перестанут поощрять контрабанду, за которую они получают крупные взятки.

«Юрты почти кончились. Степь. Низкие сосны и кустарник. За окном беседуют два молодых рабочих. Говорят об организации местного театра, о трудностях с костюмами и освещением. Говорят так, как и в столице редко услышать можно. Пограничники толкуют о буддизме: понимают, что это не религия, а учение; оценивают, что Будда - человек, явная историческая личность; интересуются рукописью об Иссе; толкуют о великой материи. Откуда это ценное, ясное мышление? Ибо всё это внутреннее содержание духа коммунизма - его стремление к красоте. А вот идёт бородатый крестьянин из Нижнего Новгорода и скорбит о том, что люди не понимают пользы практического объединения: "И всё-то норовят отделиться в деревне, а как способнее бы скопом хозяйствовать"».

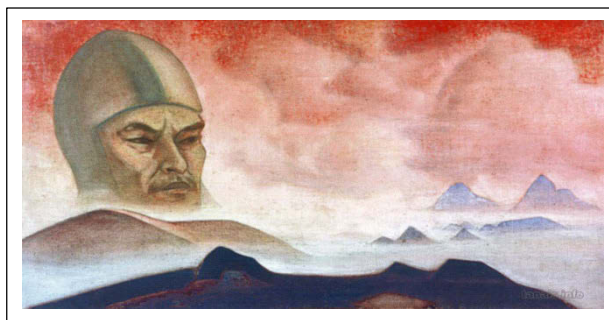
**6 - 7 июня 1926 . Пароход "8 Февраля". (Семипалатинск - Павлодар - Омск).
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:**

«6 июня. Некоторые люди боятся гор и уверяют, что горы их душат. Не боятся ли эти люди и больших дел? Ещё шире Иртыш. Экая стремнина! Пожелтел Иртыш, и пошли белые гребни. Теперь верим, что здесь мог Ермак утонуть. Пришли от команды парохода; просят дать статью в их газету. Не успел напи-

сать: "Великая рука Азии", а тут ещё идут представители матросов и пассажиров с просьбой прочесть им лекции. Вот это называется - стремление. Вот это поиски - нет ли где ещё нового, нет ли полезного, чтобы просветится.

Сон Востока. 1920.

Явление срока. 1927.

«На картине "Сон Востока" великан ещё не проснулся, и глаза его ещё закрыты. Но прошло несколько лет, и глаза открылись, уже великан осмотрелся и хочет знать всё. Великан уже знает, чем владеет. В Америке и Дымов, и Каральник, и другие писали об этой картине, спорили, а она уже - в жизни.

«На пристанях всё гуще и гуще толпа. Павлодар точно высыпал к пароходу. Малыш спрашивает другого, совсем крохотного: "А ты пионер?". Интересно отметить лёгкость передвижения людей, столь характерную для нынешнего времени. Послушайте разговор: тот из Камчатки, теперь в Семипалатинске; этот из Кронштадта, теперь в Павлодаре; этот побывал в Сеуле и в Бухаре. Этот от границ Польши; этот из Нижнего Новгорода, теперь на Алтае. Ведь крылья растут. "Всё возможно и всё доступно". И уходит главный бич жизни - страх и предрассудки. Завтра последний день Иртыша - Омск. Поезд, и опять красота, над которой знак розы».

«7 июня. Ветер и гребни сменились проливным холодным дождём. Попрятались толпы на пристанях. Е. И. довольна: нет зноя, которого она так опасалась. Спрашиваем себя, едут ли уже Лихтманы. Последние письма из Америки были от начала января, а телеграммы - от начала марта.

«Т. не знает, что мы проехали так близко от его родных мест. Вот рабочий рассуждает о религии. Слушайте, как широко, реально и практично судит он о применении новых методов. Вот он перешёл к вопросу о пьянстве, и опять слышится здоровое суждение. Вот он толкует о дисциплине в армии; не удивительно, что такая армия представляет грозное своей сознательностью целое. Вот он оценивает экономические условия. Без вредного шовинизма он учитывает вопросы хозяйства. В его руках цифры и сопоставления. Говорит о налаженной работе народа со специалистами. Нет ни ложного пафоса, ни хвастовства; спокоен жест руки, и безбоязненно смотрят серые глаза.

«Вот опять народный учитель. Тот, который работает двенадцать часов в сутки за 36 рублей в месяц. Он и учитель в трёх школах, и режиссер, и народный лектор, партийный работник. Послушайте, как любовно он говорит о лучших методах преподавания; как он бережлив с индивидуальностью детей и как следит за достижениями науки. Сейчас едет, чтобы пройти дополнительный курс на биостанции.

«А вот латыш - командир полка. Жена его шепчет: "Что делать с ним? Всё, что имеет, раздаёт. Найдёт каких-то бедных старушек, выдаёт им пенсию. А чуть скажешь ему, отвечает: "Да ведь ты сыта. Лучше я сам есть не буду". А ведь жалованье-то всего 125 рублей". Это грозный латыш - убеждённый партиец. И весело с ним говорить об эволюции материи. Это не тупой дарвинист, но реальный искатель и поклонник реального познания сущего. Радостно плыть по Иртышу и слышать о добром строительстве. Радостно не слышать никакого сквернословия и не видеть жестов пошлости. Радостно видеть углубление знания. Как говорено: "Претворение возможности в необходимость".

«Вспоминаем всякое бывшее с нами: трёхсуточная гроза в Гульмарге, шаровидная молния около моей головы в Дарджилинге, необъяснимый синий огонь в Ниму, шесть часов с револьвером в Тангмарге, бамбуковый мост в Ташидинге, глетчер Сассера, мёртвый оскал даотая Ма, ползание по пещерам кучарским, неожиданная стужа на Каракоруме, буран после Токсуна, буря на озере Вулар и многое другое. И каждая эта буря, и каждая эта стужа, и каждая эта молния вспоминается, как неповторяемый сон. Плотников спрашивает в Урумчи: "Вошла ли в вас "зараза" Азии?". Да, Пётр Александрович, вошла не зараза, но очарование, всегда оно было в нас. Оно было гораздо ранее, нежели писался "Стан половецкий" или "Заморские гости". И как же будем мы без тебя, Азия? Но ведь мы и не уехали от тебя. Да и когда выедем?

«И где граница твоя, Азия? Какие задачи могут быть решены без Азии? Какое построение обойдётся без камней, без заветов Азии? "Длинное ухо" Азии слышит музыку сфер. "Великая рука" Азии возносит чашу. О длинном ухе Азии сложено много рассказов. О великой руке Азии повесть только ещё пишется. Из Азии пришли все великие Учителя. Е. И. читает письмо Махатмы. Лучше всего понимает письмо командир-латыш. Как понятно и ценно всё его мышление.

«Потом я делаю доклад команде и пассажирам. Следуют вопросы. Так же как на "Лобкове" - напряжённые вниманием лица. По откосам берегов ещё лежит снег. Сегодня утром прошли селение Ермак и место, где утонул завоеватель Сибири. Рабочий поясняет: "Он бы выплыл, наверно бы выплыл, да доспех-то его на низ потянул". Так помянул рабочий героя этих студёных просторов.

Омск. Железнодорожный мост через Иртыш. (Старая открытка)

8 - 9 июня 1926 . Омск.

«8 июня. Омск. Мост через Иртыш. Несколько "исторических" зданий; особняк, где жил Колчак; здание колчаковского сената; дом солдата; собор, где хранится ветхое знамя Ермака. Полуразрушенная тюрьма, где был заключён Достоевский; верхушка старого острога XVII века. Оказалось, что оба нужные нам поезда только что отошли, и мы должны сидеть в Омске три дня, до вечера четверга. Совторгфлот радушно заботится о нас. Б. многое рассказывает. Слышим о моих картинах. Высокие цены. Поверх всего идут расспросы опять о йогах, об Индии, о буддизме и об учениях жизни. Целый слой изучения воли и материи. И совершенно здесь не знают положения ни Америки, ни Китая. Газеты дают верные факты. Но молва плетёт свой узор. Письмо о сложном положении в Монголии.

«В московских газетах пишут о том, что мы "нашли" манускрипт об Иссе. Откуда идёт эта формула? Как могли мы найти то, что известно давно. Но мы нашли большее. Можно было установить, что формула Иссы-Учителя воспринята и живёт на всём Востоке. И на границах Бутана, и в Тибете, И на холмах Сиккима, и на вершинах Ладака, и в хошунах монгольских, и в улусах калмыцких живёт текст манускрипта. Живёт не как сенсация праздничных газет, но как твёрдое, спокойное сознание. То, что для Запада - сенсация, то для Востока - давнее сведение. Пройдя Азию, можно убедиться, как мыслят народы».

«9 июня. Холодное солнце пробивается через узорчатые листья филодендрона в комнате гостиницы "Европа". Не к теплице, не к ботаническому саду, но в Сикким теперь будут переносить эти листья наше воспоминание. Там, когда от реки Тишта поднимались к Чаконгу, такие же самые листья вились по зелёным мшистым стволам, переплетались с блестящими цветами орхидей. И маленький храм в Чаконге, и одинокий сторож при храме, высокий и статный, в простой холщёвой рубашке. И вечерние рассказы ламы Мингюра. И так такой узорный лист будет теперь сопровождать нас в далёкие страны, и возле такого листа будут расцветать в воспоминаниях образы близкие и милые.

«Едем в ОГПУ сдать на хранение оружие. Опять та же предупредительность и заботливость. "Чем можем помочь?" Управляющий Совторгфлотом едет на далёкий вокзал, чтобы по недоразумению мы не переплатили за багаж.

«Идём в краевой музей. Отделы художественный и этнографический. Из больших городов прислан ряд картин, умело подобранных, характеризующих течение русской школы живописи. Есть не только Левицкий, но и Мусатов, и Левитан. К удивлению, находим и две моих вещи. Обе из группы неоконченных запасов, стоявших у стен мастерской. Одна - "Ладьи" 1903 г. из сюиты "Город строят", другая - "Древо преблагое", эскиз. Надо написать, что обе не окончены. Подходит местный учитель, удивленно спрашивает: "Вы - Рерих?" - "Да". - "Но ведь Вы были убиты в Сибири в 1918 году". Опять та же сказка, которая достигла нас в Лондоне и в Америке. Как же не убит, если были и панихиды, и некрологи. Но отпетому на панихидах - светло работалось, плавалось по океанам и легко всходило на вершины. Верно, "панихида" помогает. И некрологи были очень душевные. Какие славные учителя в этом краю. Уже четвёртая радостная встреча»

**9 июня 1926 г. Омск.
Дар Н.К. Рериха Музею.**

9 Июня 1926 г., покидая музей, Н.К. Рерих оставил записку:
"Прошу сделать тёмный простой ободок вокруг моих картин, на что прилагаю 10 руб. "Ладьи" неоконченная картина из серии "Город строят" 1903 г. "Древо преблагое" (неоконч. эскиз.) 1912. Н. Рерих".

Слева: **Ладьи**. 1903. Серия "**Город строят**". Холст, темпера. 165 x 170 см.
Омский государственный музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

Справа: **Древо Преблагое** глазам утешение (Гнездо преблагое – глазам прельщение).
1912. Эскиз к одноимённой картине. Бумага на картоне, акварель, гуашь. 46,5 x 46,5 см. Омский государственный музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

Из архива Омского музея изобразительных искусств:

В 1926 году, во время Центрально-Азиатской экспедиции, из-за временной остановки движения поездов в Омске вынужден был остановиться путешественник Николай Рерих. Местный музей художника поразил. В центре экспозиции красовались его «Ладьи», созданные им на заре творчества.

«Он записывает в своём дневнике: "К удивлению вижу свои картины, которые стояли в моей мастерской у стены незавершёнными". И помечает, что надо бы директору сказать, чтобы записали, что они не закончены», - рассказывает хранитель Фонда русской живописи Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля Ирина Девятьярова.

Архив Омского государственного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

**9 июня 1926 г. Омск.
Телеграмма Н.К. Рериха к Лихтману М.**

9/6 -го 11/06 м.
МОСКВА РОЖДЕСТВЕНКА ГОСТИНИЦА САВОЙ ЛИХТМАНУ

ПРИЕДЕМ СИБИРСКИМ ПОЕЗДОМ ВОСКРЕСЕНЬЕ НОЧЬЮ ОСТАНОВИМСЯ БОЛЬШОЙ
МОСКОВСКОЙ ГОСТИНИЦЕ

РЕРИХ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

10 июня. 1926 . Омск.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«10 июня. Уезжаем. Поезд отходит в полночь. ОГПУ дало ордер помочь при посадке.

«Друзья! Буду рад по окончании пути кроме этих кратких заметок передать Вам весь дневник и рисунки. Но для этого нужно где-то временно осесть и разобрать записки и альбомы. Но где и когда?

«Козлов пишет о Хангае. Интересны две статуи - чёрная и белая - добрая и злая. Но почему они в скифском наряде? Тары ли это? Или приспособленные каменные бабы? Значительно, как и всё из старой области Орхона.

«Сегодня сабантуй - татарский посевной праздник. Скачки на конях и верблюдах. Татары с громкими бубенцами скачут в загородную рощу. Празднуется новый посев. В полночь приходит поезд. Едем под знаком розы; под знаком праздника посева. Привет друзьям!»

10 июня 1926 г. Москва.

Письмо Махатм наркому Г.В. Чичерину.

«Только глубокое осознание коммунизма даст полное благосостояние народам. Нам известно, что некоторые слои крестьянства не могут вместить идею коммунизма. Необходимо новое обстоятельство, которое введет их в русло истинной Общины. Таким всемирным обстоятельством будет принятие коммунизма Буддийским сознанием.

Если Союз Советов признает Буддизм учением коммунизма, то наши Общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности. Доверяем посланному нашему Акдордже передать подробности нашего предложения – можем утверждать, что неотложно нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции. Посылаем землю на могилу брата нашего Махатмы Ленина.

Примите совет и привет наш».

АВП РФ. Ф. Отдела Дальнего Востока НКВД, оп. 1, папка 4, портфель 35, л. 7-8. Машинописная копия.

11 июня 1926 г. Москва

11 июня 1926 года нарком иностранных дел Г. В. Чичерин после встречи с Н. К. Рерихом писал к секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову:

«Тов. МОЛОТОВУ Копии Членам Политбюро...

Уважаемый товарищ.

Приехавший в Москву художник Рерих, большой знаток буддизма, только что объехал значительную часть Тибета и Китайского Туркестана. Он проник также в некоторые области северной Индии. Там имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатии к коммунистической программе и к СССР.

Это обстоятельство связывается с их борьбой против поддерживающих ламаизм официальных верхов буддийских государств.

Эти буддийские общины поручили Рериху возложить на гробницу Владимира Ильича небольшой ящик с землей того места, откуда происходил Будда. Рерих привёз этот ящик и спрашивает, что с ним делать. Он предполагает передать его в Институт Ленина. Кроме того, эти буддийские общины прислали письмо с приветствиями Советскому государству. В этих приветствиях они выдвигают мысль о всемирном союзе между буддизмом и коммунизмом. Рерих предлагает передать эти письма точно так же в Институт Ленина.

Прилагаю переводы этих двух писем. Если бы с Вашей точки зрения было признано допустимым опубликование этих писем, то нужно будет еще выяснить у Рериха, возможно ли это с конспиративной точки зрения, ввиду крайне деспотических методов английских властей в этих местах. С коммунистическим приветом Г. В. Чичерин».

Протоколы заседаний Монгольской комиссии. 6 ноября 1926 – 10 мая 1928 – С.-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПб Ф АРАН). Ф. 339 (Монгольская комиссия АН СССР), оп. 1 (2229); также оп. 1/1928. Копия Музей Чичерина. Тамбов.

МОСКВА

(13 июня – 22 июля)

13 июня 1926 г. Москва.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Приехали рано утром, в 11 часов добрались до отеля и обнаружили там телеграмму, что наши любимые также прибывают этим утром. Позвонили к ним в отель и узнали – они уже приехали. (Телеграмма датирована 9 июня, как нам неоднократно и указывалось на это число)».

Публикуется по изданию: З. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет». М. 2016.

13 июня 1926 г. Москва.

Письмо Г.В. Чичерина к Молотову В.М

Тов. Молотову. 13 июня 1926 года.

Уважаемый Товарищ, приехавший в Москву художник Рерих, большой знаток буддизма, только что объехал значительную часть Тибета и Китайского Туркестана. Он проник также в некоторые области северной Индии. Там имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатии к коммунистической программе и к СССР. Это обстоятельство связывается с их борьбой против поддерживающих ламаизм официальных верхов буддийских государств.

Эти буддийские общины поручили Рериху возложить на гробницу Владимира Ильича небольшой ящик с землёй того места, откуда происходил Будда. Рерих привёз этот ящик и спрашивает, что с ним делать. Он предлагает передать его в Институт Ленина. Кроме того, эти буддийские общины прислали письма с приветствиями Советскому государству. В этих приветствиях они выдвигают мысль о всемирном союзе между буддизмом и коммунизмом. Ре-

рих предлагает передать эти письма точно так же в Институт Ленина. Прилагаю переводы этих двух писем. Если бы с нашей точки зрения было признано допустимым опубликование этих писем, то нужно будет выяснить у Рериха, возможно ли это с конспиративной точки зрения, ввиду крайне деспотических методов английских властей в этих местах. С коммунистическим приветом,

Чичерин.

Протоколы заседаний Монгольской комиссии. 6 ноября 1926 – 10 мая 1928. – С.-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПб Ф АРАН). Ф. 339 (Монгольская комиссия АН СССР), оп. 1 (2229); также оп. 1/1928.

«Вот почему, когда в перерыве своего большого путешествия Рерих явился в Москву, где у него состоялось свидание с наркомом Чичериным и наркомом Луначарским, он привёз с собой совершенно особые дары. Он привёз ларец со священной для индийцев гималайской землёй и послание махатм, то есть мудрецов Индии к советскому народу. Это настолько удивительный документ, что стоит привести его целиком:

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей дежесных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлющей материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага. Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, так же мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии!»

Публикуется по изданию: Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Кн. 1. Великий План. СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002.

15 июня 1926 г.

Разрешение на пребывание в Москве посольской делегации от гималайских общин, возглавляемой Н.К. Рерихом.

Гр. Рериху, с семьёй, едущему в Америку по транзитной визе, разрешено временное пребывание в городе Москве на срок 14 дней до 29 июня 1926 г. без права выезда в другие города и местности Союза ССР.

15 июня 1926 г. № 6-р г. Москва

20 июня 1926 г. Москва.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«...Посетили с Юрием и Н.К. несколько музеев. Видели прекрасные коллекции картин Сезанна, Ван Гога, Матисса, Ренуара, Пикассо и других художников этой школы. Прежде они находились в частной коллекции Щукина, теперь же национализированы. Н.К. любит Ван Гога больше, чем Сезанна, потому что он напоминает ему Гогена. Также он отметил натюрморт Сезанна. Пару картин Матисса, которые столь красочны. О Радоне сказал, что он был очень талантлив. Морис Дени ужасен, особенно его фрески. <...> Затем мы посетили другую частную коллекцию прошлого, в которой были собраны картины лучших художников русской школы. Н.К. особенно любит последнюю работу Серова, некоторые рисунки Репина, он отметил Левицкого, Перова и других художников старой школы. Затем мы отправились в музей Бахрушина, ныне Театральный музей. Н.К. узнали сразу и с почётом сопровождали по музею. Бывший владелец коллекции Бахрушин сейчас директор музея и, конечно, живёт в этом же доме. Как знаменательно!.. Когда мы ему сказали, что в Америке есть Музей Рериха, он прослезился и сказал, что ему стыдно за свою страну, за то, что у них нет музея, посвящённого этому художнику. Бахрушин — очень милый человек, одет в старинный купеческий холщовый кафтан или, скорее, поддёвку. Сказал, что будет сотрудничать с Новым Синдикатом. В газете появилась коротенькая заметка о знаменитом художнике Рерихе, недавно вернувшемся в Россию».

21 июня 1926 г. Москва.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Видели сегодня восемь замечательных картин — они превосходят всё виденное нами прежде; они составляют серию «Майтрейя». Сильные, величественные, мощные».¹

23 июня 1926 г. Москва.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Ходили к издателям и получили материал — два пункта нам все же не нравятся, и мы постараемся их изменить. Теперь уже все знают о приезде Н.К., народ его просто осаждает».

---

¹Во время пребывания в Москве художник преподнёс в дар советскому народу восемь своих картин серии «Майтрейя» - ред.

26 июня 1926 г. Москва.

Письмо корпорации «Белуха» в Главный Концессионный комитет.

Москва, июня 26 дня 1926 года

Ссылаясь на нашу Докладную записку от 1 мая 1925 года касательно предоставления Корпорации «Белуха» концессии в районе юго-западного Алтая, настоящим нижеподписавшиеся доводят до сведения Г.К.К. о том, что они прибыли в Москву для ведения конкретных переговоров по этому вопросу, имея на сей предмет надлежащие полномочия.

Ближайшим предметом переговоров должен явиться вопрос о разрешении нам совместно с соответствующими специалистами произвести предварительный осмотр района, которого касалась упомянутая Докладная записка.

Детальные переговоры о самой концессии, о площадях для разведки и для эксплуатации, о программах затрат и т.д. мы считали бы целесообразным отложить до возвращения этой экспедиции.

Однако уже сейчас мы готовы твердо фиксировать следующие положения:

I. Корпорация «Белуха» имеет в виду, разумеется, осуществлять свою работу на началах коммерческого расчёта, однако, ставя себе прежде всего культурно-творческие цели.

II. Корпорация готова улучшать имущество и специальное обзаведение, поскольку это будет необходимо для расширения концессионного предприятия, не изымая из дела ни основного капитала, ни инвентаря и обзаведения, и пользуясь лишь дивидендом на 50 % акций и ставя, таким образом, в основание принцип истинной кооперации.

III. Все данные, полученные при осмотре концессии, будут доложены в точных копиях органам Правительства и Корпорации «Белуха». Мы предлагаем включить в состав нашей экспедиции специалиста, назначенного Правительством, который, совместно со специалистом, приглашенным нами, удостоверит результаты экспедиции.

IV. Для оплаты труда специалиста, назначенного Правительством, Корпорация готова внести в Банк по указанию Правительства сумму, достаточную по взаимному соглашению.

V. При заключении концессионного договора может быть внесен залог в соответственном размере.

Имея намерение использовать для поездки летние месяцы этого года, просим о незамедлительном ответе.

Полагая, что вышеизложенные положения будут признаны Г[лавному] К[онцессионным] К[омитетом] удовлетворительными, мы ожидаем ответа в благожелательном смысле.

Вице-президент: *Морис Лихтман*

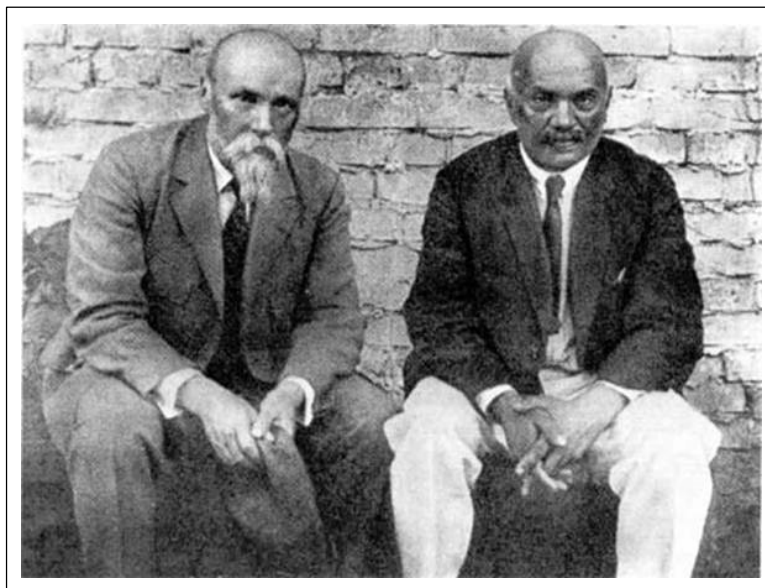
Директор: *З. Г. Лихтман*

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 73-74. Машинопись. Публикуется по изданию: Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Кн. 1. Великий План. СПб.: Алтейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002.

27 июня 1926 г. Москва

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Сегодня посетили два музея. Один — каменного, бронзового, железного и скифского веков, другой — музей искусства XVII и XVIII веков. В последнем много работ крепостных. Мы были удивлены, увидев, какое огромное количество рабочих группами слушают лектора, сопровождающего их по музею и рассказывающего о различных орудиях труда доисторического периода, и какое внимание они к этому проявляют»

Н.К. Рерих и А.В. Щусев. Москва. 1926.

Июнь 1926 г.

Из К.Н. Рябина² «Развенчанный Тибет» (Предисловие):

«И вот в июне 1926 года пришло первое известие о том, что Н.К. возвратился, что он в Москве, но что вскоре, по выполнении какой-то миссии чрезвычайного значения, возложенной на него Востоком, опять уедет. Увидеться на этот раз нам так и не удалось. Спустя полгода, неожиданно для меня, пришла из Урги (Монголия) телеграмма с приглашением присоединиться к Миссии Н.К., срочно направлявшейся через Монголию в Тибет, страну, запретную для европейцев.

«Несмотря на обременённость служебными и личными делами, я не устоял перед такой возможностью, в несколько дней собрался и выехал в Ургу через всю Сибирь до Верхнеудинска, а затем на автомобиле через Троицко-Савск, Кяхту и пограничный пункт Алтан-Булак, в Монголию. По пути, ещё в Москве, я присоединился к американцам, друзьям и сотрудникам Н.К. Рериха, спешившим из далёкой Америки с прощальным приветом в Ургу».

---

²Константин Николаевич Рябинин (15 мая 1877, Муром — 1955, Муром) - Врач (терапевт, психиатр), исследователь тибетской медицины, ученик и сотрудник П. А. Бадмаева, участник Трансгималайской экспедиции Н. К. Рериха, автор книги (дневника) «Развенчанный Тибет».

ИЮЛЬ

8 – 10 июля 1926 г. Москва.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«...На следующий день были очень заняты. Рано утром помчались за паспортами, потом за разрешением музейного отдела на отправку предметов искусства в Нью-Йорк. Вернулись домой в 4 часа, беседовали с Е.И...

«Посетили вместе с ней и Юрием Останкино и Кусково — прекрасный старинный дворец и поместье графов Шереметевых. Мебель эпохи Екатерины II — Павла I. Прелестная архитектура. Сейчас всё это — публичные музеи...

«...В понедельник днём отправились с Н.К. в Кустарный музей — очень интересный музей. При нём существует школа, в которой учат рисовать, писать картины, шить, вышивать — всему кустарному творчеству, которое можно приложить в жизни. Затем пошли домой, беседовали с Е.И...»

8 июля 1926 г.

«...Посетили вместе с ней (Еленой Ивановной) и Юрием Останкино и Кусково - прекрасный старинный дворец и поместье графов Шереметьевых. Мебель эпохи Екатерины II- Павла I...».

9 июля 1926 г.

«...Днём отправились с (Николаем Константиновичем) в Кустарный музей – очень интересный музей. При нём существует школа, в которой учат рисовать картины, шить, вышивать – всему кустарному творчеству, которое только можно приложить в жизни. Одним из директоров является художник Вольтер, бывший ученик (Н.К. Рериха) – славный человек...».

10 июля 1926 г.

«...Вечером (Николай Константинович) встречался с (А.В. Луначарским) ... Сегодня Станиславский пригласил (Николая Константиновича) сотрудничать в создании большого оперного театра...».

17 – 20 июля 1926 г. Москва.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

17 июля 1926 г.

«...Утром также приходил Борис Константинович (Рерих) – славный человек, и к тому же умён. Сообщил, что вещи, приобретённые им, хранятся пока у него. Однако, сейчас лучше их не переправлять...».

18 июля 1926 г.

«...На следующий день были заняты с утра до вечера – беседовали с новым инженером, заканчивали приготовления к отъезду».

19 июля 1926 г.

«Утром следующего дня начали паковать вещи, купили билеты до Ново-Николаевска (Новосибирска), отдали последние распоряжения инженеру. Вот уже второй день подряд отмечаем, насколько полезен Борис Константинович..

... Интересная подробность относительно Талашкино. Церковь, где Рерих создал свои знаменитые фрески, теперь является местом встречи художников и писателей, а живут в доме при усадьбе (доме отдыха)».

20 июля 1926 г.

«..С утра спешно утрясали бумаги с Борисом Константиновичем и инженером (Т.Н. Пономарёвым). Составляли контракт. Борис Константинович во многом помогает, даёт полезные советы. Трудности и с отсылкой икон в Нью-Йорк. Требуется множество бумаг.

Публикуется по изданию: Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик. Москва. 2016

20 июля 1926 г.

Письмо М.С. Япольского к Троцкому Л.Д.

Тов. Троцкому. Москва, 20 июля 1926 года.

Николай Рерих – это знаменитый художник Рерих. Он недавно вернулся из длительной поездки по Центральной Азии, был в недоступных местах Тибета, в Индии и затем в Америке; имеет связи с богатыми американцами-меценатами, его поклонниками. Он сочувствует коммунизму, хотя исходит из чисто идеалистического мировоззрения; хочет быть полезным для нас. Всё это – впечатление от беседы, которую я имел с ним.

Ваш разговор с ним не окажется потерянным временем (хотя займёт с полчаса или больше). Рерих человек не "деловой" и немного смешон и неуклюж, когда говорит о процентах и долларах, что не уменьшает, однако, его обаяния. Весьма вероятно, он будет говорить, между прочим, о Корпорации "Белуха" (гр. Лихтман и др.) – группе американцев-интеллигентов, желающих получить концессию на Алтае. Мы им дали разрешение поехать на место и произвести предварительный осмотр района.

М.Япольский.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 85. (машинопись).

Из воспоминаний З.Г. Фосдик:

« - Мы жили в центре, в гостинице, название которой я запомнила; кажется, называлась она Большой Московской. Домашние дела легли на меня. Я заказывала в ресторане вегетарианскую пищу (что требовало особого контроля), ходила в магазины, покупала икру, молоко.

Елену Ивановну мы застали больной. К тому времени её организм уже настолько утончился, что она с трудом переносила атмосферу большого города. Николай Константинович был весьма озабочен состоянием её здоровья. Он даже вынужден был прибегнуть к услугам доктора. Тот осмотрел её, распорядился поставить пиявки, чтоб оттянуть кровь. Но процедура оказалась столь мучительной, что Елена Ивановна не выдержала и прервала её. Пришлось отставить пиявки так же, как и химические препараты, которые тоже не принесли должного облегчения. Ни в каких официальных московских встречах Елена Ивановна не участвовала. Этим занимались Николай Константинович и Юрий Николаевич. Иногда они брали с собою меня.

Надежда Константиновна Крупская запомнилась мне в основном своим внешним видом: простоволосая, скромно одетая. Беседовали о проблемах образования и воспитания, но детали беседы я совершенно забыла.

А вот Луначарский запечатлелся в моей памяти гораздо ярче. Разговор с ним получился живым, доверительным. Я даже рискнула попросить его помочь мне приобрести икону Преподобного Сергия. Через несколько дней я получила от него в подарок икону. Кстати, Луначарский предложил Рериху возвратиться на родину и обещал ему пост комиссара просвещения РСФСР. Николай Константинович отвечал, что для него это исключено, что у него на ближайшие годы совершенно иные планы.

Надо сказать, что самые большие надежды Рерихи возлагали на тогдашнего комиссара иностранных дел Чичерина. Елена Ивановна говорила, что у него тонкая психическая организация, и что он обладает чуткой восприимчивостью к происходящему. На встрече с Чичериным я не была. Но отлично помню Николая Константиновича и Юрия, только что возвратившихся от Чичерина. У Николая Константиновича был несколько усталый вид. Он сказал: " Ну вот и свершилось: мы вручили письмо и землю". Земля, предназначенная для могилы Ленина, была взята с места захоронения священного пепла Будды. Об этом Николай Константинович сообщил Чичерину.

Вдова Ленина. Луначарский. Чичерин. Как вы понимаете, это были наиболее интеллигентные представители советского правительства, но, как вскоре выяснилось, серьёзного влияния на положение дел в стране они не имели. А с теми, кто имел, Рерихи не намеревались встречаться.

Однако информация о Рерихах, очевидно, достигла самых верхов. И вот, это было уже к концу нашего пребывания в Москве [20 июля 1926 г. - ред.], позвонили от Дзержинского. Тот изъявил желание лично побеседовать с Рерихами. Отказаться от встречи было невозможно. Нехотя Николай Константинович и Юрий отправились на Лубянку. А дальше произошло следующее.

Рерихи сидят в приёмной. Ждут. Проходит полчаса, час. Они вдруг замечают, что начинается какая-то беготня. Мелькают взволнованные и испуганные лица. Выходит секретарь. Извиняется. Говорит:

"Поезжайте обратно. Приёма сегодня не будет."

А на завтра мы узнали о скоростижной смерти Дзержинского. Он умер в тот момент, когда Рерихи находились у него в приёмной.

Но на этом история не кончилась. Получилось так, что с нашего балкона мы наблюдали, как хоронили Дзержинского. Траурная процессия шла медленно и мы имели возможность рассмотреть членов правительства, несущих гроб. Угадали Троцкого, угадали Сталина - они шли рядом. Во всём этом было, право, что-то фантастическое: внизу - красноармейцы, чекисты, большевистские вожди, а в высоте над ними и как бы недостижимые для них - мы.

На другой день после похорон Дзержинского мы уезжали из Москвы. Казанский вокзал. Агент, сопровождающий нас, суетится возле нас и умоляет: - Говорите, господа, только по-английски. Только по-английски. Иначе с таким огромным багажом вас не посадят.

Мы вняли его совету и благополучно погрузились в поезд.

В. Сидоров. Против течения: Повесть. - М.: МА. "Мир через Культуру", 1992. - с. 96.

Москва. 22 июля 1926 г. Похороны Ф.Э. Дзержинского.
(Слева - Большая Московская Гостиница).

22 июля 1926 г. Москва

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Покидаем Москву. Знаменательный день – похороны (Ф.Э. Дзержинского). Толпы народа, музыка, пушки, выдающиеся деятели проходят в строю. Мы на балконе (гостиницы «Большая Московская»). Очень нервничаем, что можем опоздать к поезду, но, наконец, прибыли три автомобиля, и среди огромных толп и военных со знамёнами и громкой музыкой у нас получились совершенно великолепные, необыкновенные проводы. Народ был настроен дружелюбно. Люди смотрели на нас с интересом, обращались к нам, посылали приветы далёким друзьям в Америку. Процессия по дороге великодушно расступилась, как по волшебству, даже с почтением, чтобы дать нам проехать.

Незабываемый день, замечательный отъезд....

«После переговоров в Урумчи о посещении Москвы они (Рерихи) получили от Чичерина по телеграфу трёхдневную транзитную визу. Потом пришла вторая телеграмма с упоминанием о гражданстве. Но советский консул (А.Е. Быстров) в Урумчи предложил им тотчас же ехать, а он скажет, что вторая телеграмма их уже не застала. Затем он с полным доверием, не глядя, запечатал все важные бумаги и письма дипломатической печатью, рискуя при этом своим положением, полностью полагаясь на (Николая Константиновича и Елену Ивановну).

«...Удивительнее всего в Москве было то, что такое огромное количество багажа могло быть ввезено без таможенного досмотра. Грабарь сказал, что даже два чемодана обычно проверяют!»

АЛТАЙ
(Ново-Николаевск – Барнаул – Бийск – Красный Яр – Чёрный Ануй –
Верхний Уймон (7-18 августа))

Н.К. Рерих. Белуха. 1926. *(Однотонное воспроизведение)*

Июль 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Приветствовать сибиряков – это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познание тех действительно неисчерпаемых прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять всё великое, ещё несказуемое значение Сибири. Белуха, эта Сумеру Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества.

Вспомним, что именно сибирские кооперативы заняли такое незабываемое место среди подобных зачатий нашего отечества. И сейчас разве мыслимо соображать, какое сотрудничество без этой сознательной кооперации? Тем, кто хочет строить, можно думать лишь в оценках трудовой единицы. Всякие другие ценности, измышленные и условные, поколебались и обветшали. Недавние кумиры человечества уже отброшены, и вместо них неизбежно и справедливо встаёт понимание труда. Без этого понимания не будет и настоящего осознания культуры.

Культура как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа – это культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным пространствам сибирским! От всех этих великих путников наслышались высокодуховное наследие. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумений и разрушительных непониманий?

Ведь невозможно больше жить среди хаоса разъединения и взаимоуничтожения! Просто невозможно больше дышать! Невозможно больше радоваться свету солнечному, когда невежественная озлобленность совершает ужасное шествие смерти.

Но довольно мы слышали о смерти, о разъединении и разрушении. Отравляющие газы и человеконенавистническая биологическая война не могут являться завершением человечества. Ведь это настоящее потрясение культуры...

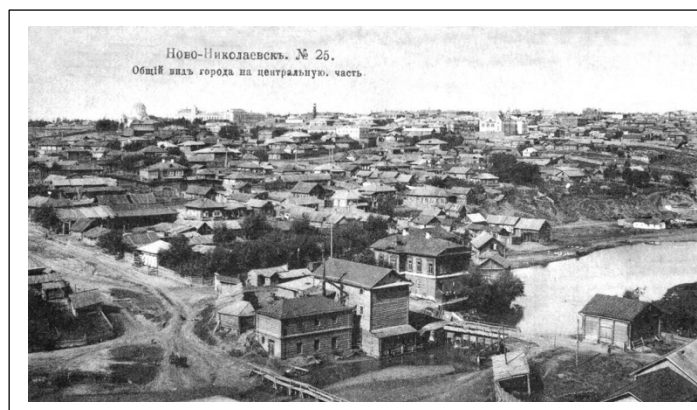
Словарь зла переполнен, и необходимо обратиться ко всем мерам сотрудничества, к понятиям созидания.

Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не переносимся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для всякого строительства! Сейчас зарубежные сибиряки разбросаны по самым неожиданным странам, но везде, где они находятся, можно слышать здоровое слово о труде, о будущем. Сибиряк не может склонить голову перед преходящей невзгодой; от всех сибирских работников веет неутомимостью, и если добавить к тому дружелюбие и понимание кооперации, то вот вам и новый дом.

Могу добавить, что также в разных странах на наших глазах развиваются многие общества, которые в сознании своём идут рука об руку со здоровыми началами Сибири. Если путник знает, что он не одинок, если он, увидя дальние костры, знает, что это дружественные огни, то и силы его удесятятся. Путник, имея дальних друзей, дойдёт в бодрости.

Во всё небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь - родина жены и змия».

**26 июля 1926 г. Ново-Николаевск (Новосибирск-ред.)
Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:**

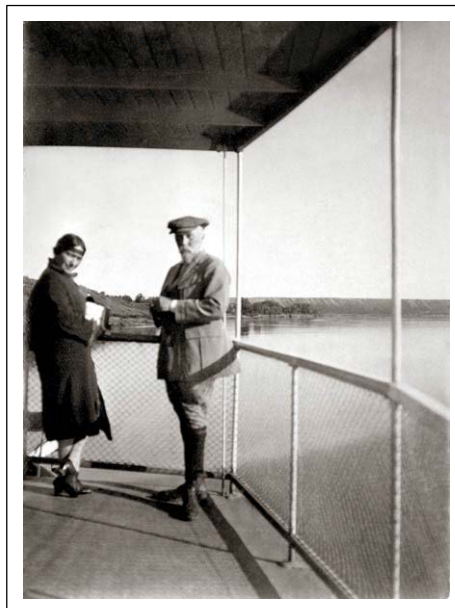

Ново-Николаевск. 1920- гг.

«...26-го мы приехали в Новониколаевск. Путешествие было замечательным...

Новониколаевск – маленький грязный городок, завтра на пароходе мы отплываем в Бийск....

«...Мы начали нашу поездку по Оби, сев на пароход в Новониколаевске. Очень жаркий день, но к вечеру становится прохладнее. Кругом леса, чудесный, благоухающий ароматом сосен воздух...»

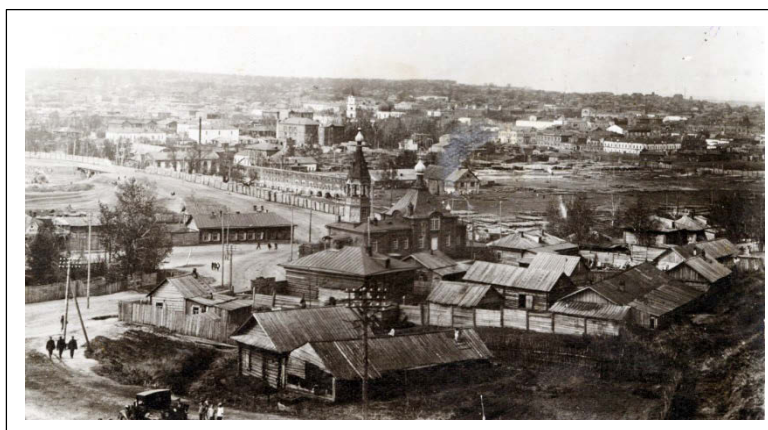

З.Г. Фосдик и Н.К. Рерих на пароходе плывут по реке Обь. 1926 г.

27-28 июля 1926 г. Барнаул.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Два дня – 27 и 28 [июля] – мы плыли по реке Обь, прекрасные места, вели такие беседы, так много было нам дано, о нас думали каждую минуту. Незабываемые дни. Правда, было очень жарко, бедная Е.И. страдала ужасно. Когда мы прибыли в Барнаул, оказалось, что пароход, на котором мы должны были плыть дальше, не пришёл, и весь следующий день мы провели в Барнауле, аж до трёх часов утра, пока не подошёл следующий пароход. Становится прохладней. Огромная река Обь и такая широкая!... Удивительное путешествие. На реке штормит...»

Барнаул. (Фото 1920-х гг.)

30 июля 1926 г. Бийск.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«30-го прибыли в Бийск после долгого плавания по Оби. Опоздали на полтора дня в сравнении с расписанием.

Город небольшой, тихий. Наняли возниц, четыре брочки, упаковывали вещи, купались и целый день просидели вместе, принимая сообщения».

АВГУСТ 1926

1 августа 1926 г. Красный Яр. Баранча.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

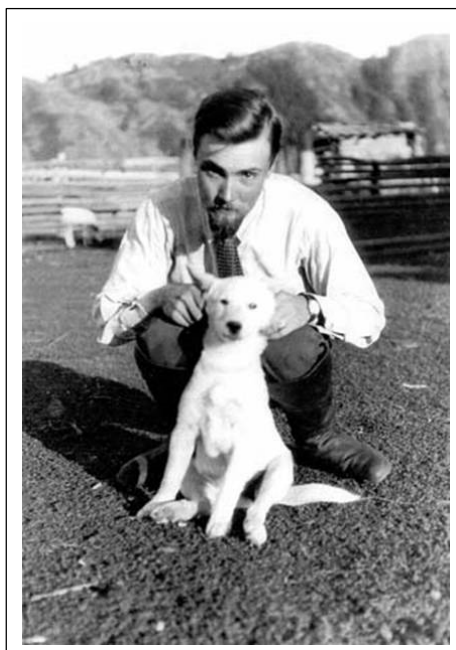
«Следующий день начался позже, чем планировалось. Е[лене] И[вановне] не понравился возница Едоков, сказала, что у нас с ним будут неприятности, умоляла нас оставить его и взять других лошадей, возницу и брички. Мы не послушались, но слова её, как всегда, оказались пророческими: в пути мы всё время подвергались опасности из-за Едокова.

«Поздно вечером прибыли в Красный Яр, не могли устроиться на ночлег, пришлось идти в село Алтайское, где была изба, вся заполненная людьми, так что Н.К. и Мор[ис] полночи просидели за столом, облокотившись, а мы - я, Е.И. и Юрий - остались в бричках. Мы начали понимать, что Едоков даже не знает дороги, и лошади у него были слабые. На следующее утро опять бродили несколько часов в поисках дороги. Он повёз нас по отвратительной, каменистой дороге в Баранчу - за несколько часов проехали 10 вёрст. По пути Авир[ах] вывалился из брички, но, к счастью, не ушибся. Это произошло после того, как Е.И. услышала: “Сын мой, держись левой стороны”. Удивительно, что Авир[ах] всё время сидел справа. Вот потому-то он и упал. Достали двух лошадей, и Авир[ах] и Юрий поехали верхом. В Баранче остановились в доме Бочкарёва, бывшего полкового солдата, весьма умного молодого человека, издающего здесь газету и возглавляющего кооператив. Нас посетило несколько кержаков.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Стоим в бывшей староверской моленной. По стенам ещё видны четырёхугольники бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда?

У ворот сидит белый пёс. Пришёл снами. Откуда?»

Ю.Н. Рерих. Алтай. 1926.

2 августа 1926 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Около двух часов ночи на второе августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего Уймона в прошлом году на вершине холма выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка».

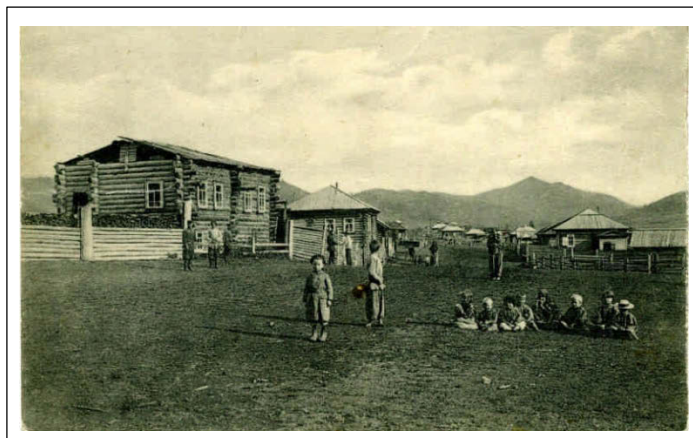
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Около Чёрного Ануя на Караголе - пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть там кости и надписи.

Август 1926 г. Чёрный Ануй.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

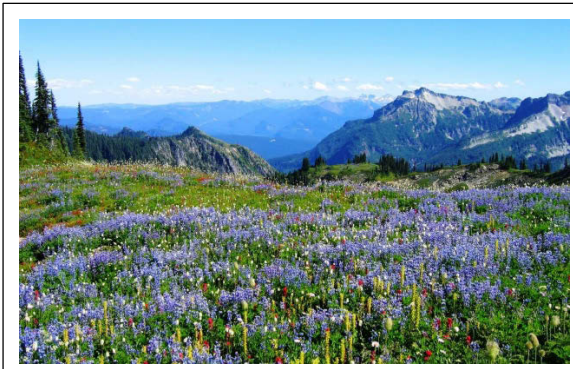
[Август] «Природа становится всё более и более величественной, такие виды, оттенки гор и ковры всевозможных цветов. Наконец прибыли в Чёрный Ануй. Остановились не в таком уж красивом, но очень чистом домике. Примечательно, что вблизи есть пещеры, приблизительно семидесяти саженей в длину. В них находят кости и какие-то надписи. Погода резко изменилась, подул сильный ветер, появились комары. Покинув Чёрный Ануй, мы надеялись в тот же день прибыть в Усть-Кан, но не подумали о нашем ужасном вознице и лошадях. В пути две лошади остановились, никак не хотели идти дальше, и нам пришлось свернуть на Мульту, чтобы нанять ещё двух лошадей. Там мы спали очень плохо, не раздеваясь, - мужчины на столах, Е.И. и я на кроватях».

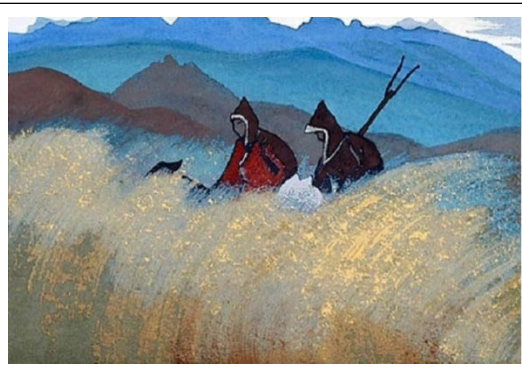
Село Чёрный Ануй. (Старое фото).

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зелёных и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояла трава и цветы в рост всадника. И даже коней здесь не найдешь. Такого травного убора нигде не видали».

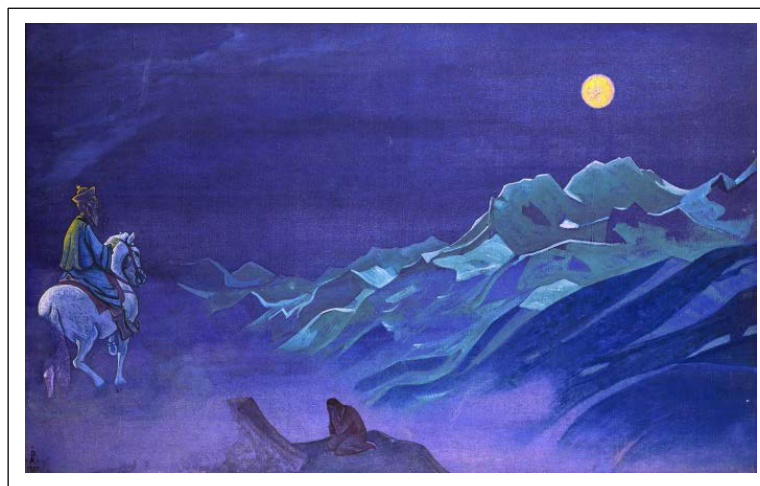
Алтайские травы. (Совр. фото)

Н.К. Рерих. Всадники. Алтай.

«Поравнялся с нами алтаец. Пугливо взглянул на нас. Что за новые чужаки в его страну пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синих, золотых, пурпуровых. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами».

«Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайское — Николай. За Ялуем начались алтайские айлы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Видно место камланий. Здесь не говорят "шаман" — но "кам". К Аную и к Улале есть еще камы, "заклинатели снега и змей". Но к югу шаманизм заменился учением про Белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены и заменились сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры. Женщина — молодая алтайка — почуяла новые шаги мира и хранит первый строгий устав».

Н.К. Рерих. Ойрот – вестник Белого Бурхана. 1925.

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

«Перед Зайсаном наш калмыцкий лама указывает на юго-восток, где се-ребрится снегами хребет:

"Вот там священная наша гора Саур. С вершины её в ясные дни видны горы Священной Страны. Под горою засыпан песком город Аюши-Хана. Можно видеть еще и стены, и храмы, и субурганы".

Глуше и дичее становятся горы от Чугучака к Алтаю. Странно впервые увидеть ойротских наездников - финно-тюркский род, затерянный в Алтайских горах. Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя - Ойротия. Страна Благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени. И ещё чудо случилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали.

«В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам Благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и придёт сам Бурхан скоро.

Дал Благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на земле новое счастливое время. Девушка созвала свой род и объявила эти новые указания Благословенного, прося сородичей закопать оружие, разрушить идолов и молиться только милостивому Белому Бурхану. На вершине лесистой горы было установлено подобие алтаря. Там собирался народ, сожигали вереск и пели вновь сложенные священные песни, трогательные и воздымающие. Одна звучит так:

Вы, живущие за белыми облаками -
За синими небесами -
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы -
Белый Бурхан!
Ты, Владыко Алтая -
Белый Бурхан!
Ты, населяющий вокруг себя
Народы, в золоте и серебре,
Белый Алтай!
Ты, сияющий днем!
Ты - солнце Бурхан!
Ты, сияющий ночью!
Ты, месяц Бурхан!

Пусть зов мой запишется
В священную книгу Садур!»

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Размытая ливнями дорога утомила коней. Остановились в Кырлыке. Придётся здесь просидеть ночь. Но не жаль провести ночь в месте, где родилось учение о Белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область. Именно здесь ждут приход Белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы в пещеры. Идут пещеры глубоко, конца им не

нашли. Здесь также пещеры и тайные ходы - от Тибета через Куэнь-Лунь, через Алтын-Таг, через Турфан; "длинное ухо" знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как чёрный аконит Гималаев превратился в Жар-цвет.

Н.К. Рерих. Жар-цвет. 1924.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Рано утром на четвёртый день пути приехали в Усть-Кан и остановились у одной очень гостеприимной старухи, пили чай, молоко, ели яйца. Она - бывшая учительница, революционерка, ходила в народ. <...>

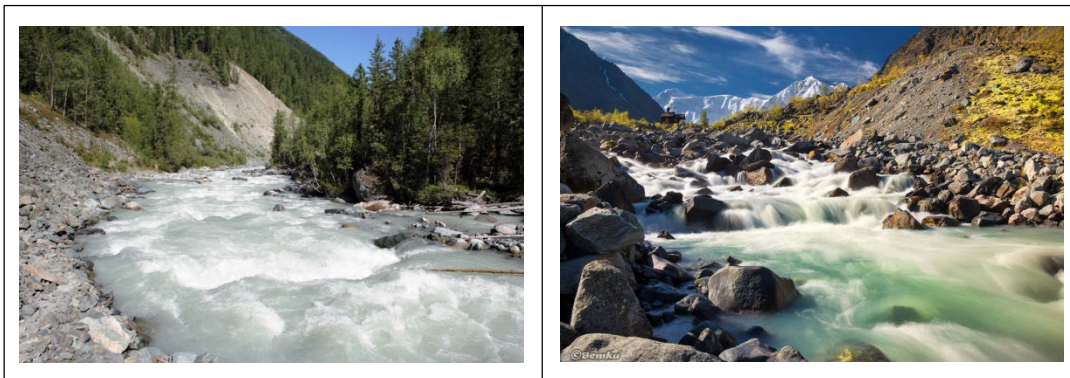
Уезжая днём, видели молодого орла, журавлей, много диких гусей. Дорога и пейзаж великолепны, ковёр всевозможных цветов - голубых, лиловых, жёлтых. Е.И. чуть не плакала от радости, видя такую красоту. Необычные, причудливые контуры гор лиловых и тёмно-синих оттенков. Неожиданная остановка в Кырлыке - лошади отказывались идти, казались почти мёртвыми. Во всяком случае, это были очень слабые лошади. Едоков поехал в соседнее село за лошадьми, и нам пришлось здесь заночевать. Место очень красивое, видели много киргизов, живущих здесь, - весьма колоритные люди. В пяти милях отсюда находится место, где зародилось поверье о Белом Бурхане, вокруг много глубоких пещер.

В пять утра со свежими лошадьми мы выехали в Абай. Остановились в доме мараловода туркмена Романова. Славные он и его жена. Достал для нас пять новых бричек и возниц. Рассчитались с Едоковым и избавились от него. Ужасный человек, предатель. Другие возницы - Василий и Карпов - приличные люди, но Александр также ужасен. Все они алтайцы из Ойротии. Упаковали всё с новыми возницами в пять бричек и выехали. В Юстике бричка, на которой ехал геген, перевернулась, он выскочил из неё, и лошади понесли. К счастью, ни он, ни возница (очень плохой) не пострадали. Нам пришлось оставить сломанную бричку. Переложили всё в четыре брички и отправились дальше. Ночью в тумане была опасная переправа через Синий Яр и Громатуху. Всё время лил сильный дождь, продолжавшийся четыре дня. Наш багаж превратился Бог знает во что, весь вымок и разбух, кожаные чемоданы намокли и стали краситься. <...> Поздно ночью, промокнув до костей, приехали в Коксу или Усть-Коксу. Переночевали в конторе Госторга. Я и Е.И. спали в фойе на кроватях, мужчины - в комнате на столах».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

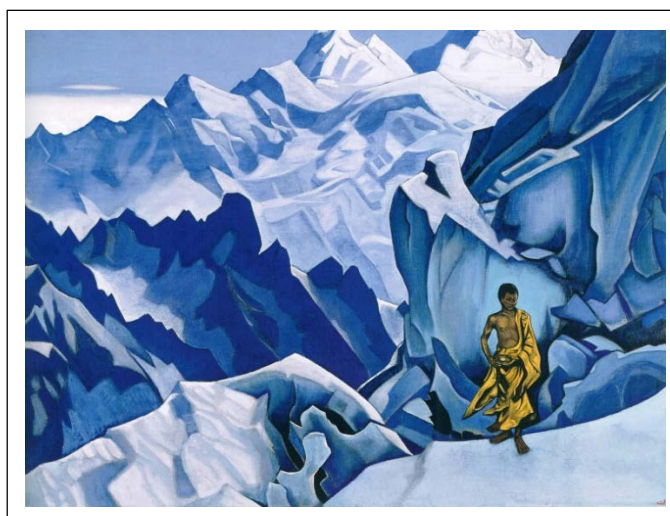
«Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда. В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое Беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чомы Кёрёши».

«Чистое Беловодье...»

Алтай. Река Ак-кем. (Современное фото)

«Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота, как на Фалюте. И несёт он с горы сосуд свой».

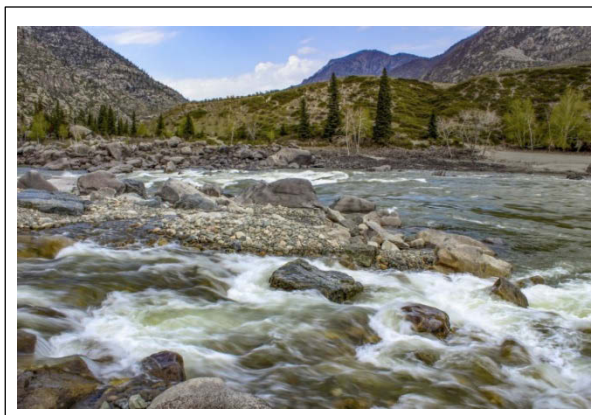

Н.К. Рерих. Сосуд нераспесканный. 1927.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Шамбатион-река стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдёт её. А на той стороне живут люди М. М - самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатион. Катит камни - Катунь настоящая. И не построен ещё город на месте новом».

«Катунь - по-тюркски "женщина". "Додекаэдрон женского начала обозначается в географических понятиях, связанных со сроками эволюции". "На Катунь и на Бии встанет брат на брата. Будет избиение великое, а потом начнётся новая жизнь"».

«Шамбатион-река стремительно катит по порогам и камням... Катит камни – Катунь настоящая..» (Современное фото)

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«7 – 18 августа [Верхний Уймон]»

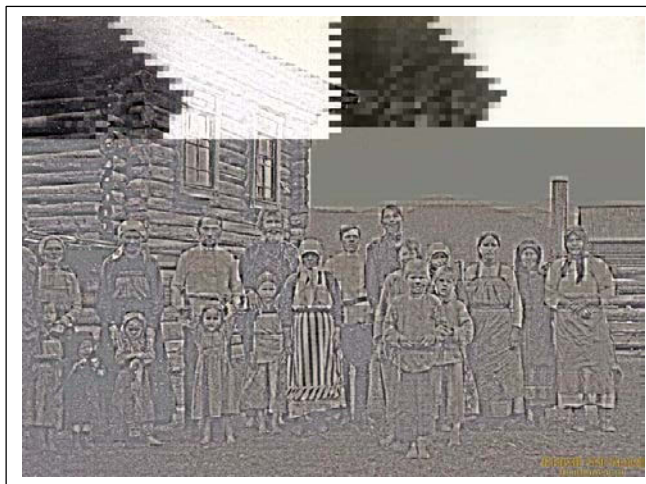
7 августа 1926 г.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Наутро, несмотря на сильный дождь, выехали в Верхний Уймон, с трудом переправились на пароме. Морис, Юрий и возница толкали паром. Переправились через Катунь и в 11 утра были уже в Верхнем Уймоне. Лил сильный дождь, удалось снять два дома, очень хороших; один для Рерихов, другой для нас. Прелестное место, чистое. Примечательно, что во всех деревнях очень чисто и нет насекомых. Сейчас мы остановились у кержаков. В общем ехали семь дней по опасным и почти непроезжим дорогам...

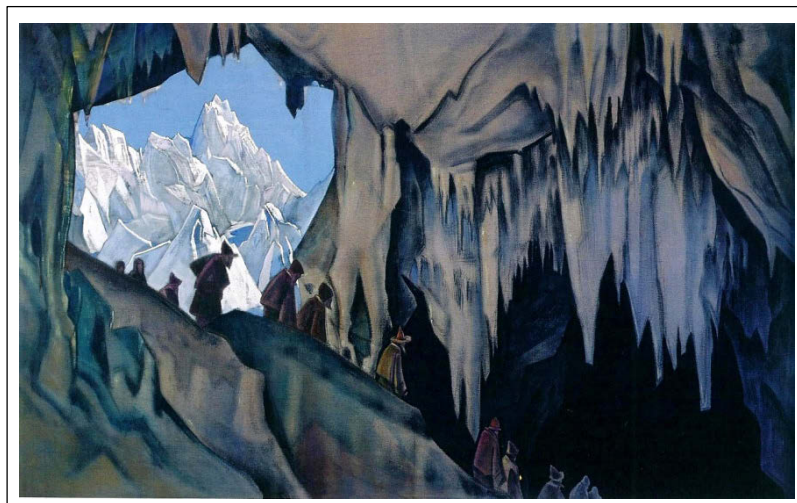
8 августа 1926 г. Верхний Умон.

«Дед Атаманова, у которого остановились Рерихи, много лет назад отправился на поиски Беловодья. Они, видимо, пошли в Монголию и там увидели темнокожую женщину в белом одеянии и услышали звон колоколов. Но они не смогли вынести лишения пути и возвратились.

Семья Варфоломея Семёновича Атаманова. Алтай Верх-Уймон. Август 1926.

«Жил здесь также и народ чудь. Не желая терпеть тиранию “белого царя”, они ушли под землю. Мы видели место, усеянное камнями и большими дырами, через которые, как уверяют местные жители, чудь ушла под землю и спряталась там. <...> Такая же легенда о подземном народе агарти известна гораздо южнее, в Тибете и Индии».

Н.К. Рерих. Чудь подземная. 1928.

«В доме, где жили родители, на стене одной из комнат была значительная роспись — красная чаша. Дом считается историческим: в нем размещалось белое, а затем и красное правительство во время боёв 1917-21 годов.

«Днём мы все собрались в доме родителей, писали, много работали. Пришли несколько человек, очень интересовались Америкой, надеются на сотрудничество с ней. Опять рассказы о Беловодье. Большие люди живут там, справедливые люди, многие подземные ходы ведут к ней. Не многие видели её. Но некоторые из её обитателей живут в других странах, [например] в Америке.

«Мы посылаем отсюда людей по разным направлениям, чтобы обследовать эти места, и они привозят интересные сведения. Предстоят две поездки к Белухе».

Август 1926 г. Алтай

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«...Другое воспоминание относится к нашей экспедиции, когда мы в 1926 году проходили алтайские села, на север и на юг от Белухи и китайский Алтай. Всюду разбросаны старообрядческие сёла, очень древние, в которых и по сей час сохранилась самая необыкновенная жизнь. Я представляю себе избу, в которой мы остановились. На стене написана красной краской большая чаша. Писала её тетка Алена. Тут она одна занимается в селе живописным рукоделием. Она и целебными травами лечит в деревне. Она знает, что такое на стене.

- Чашу кто написал?

- Да ведь ты знаешь, я одна занимаюсь. Да, известно, чаша самая лучшая. На той же стене виден пожелтый квадрат от висевшей иконы.

- А где же икона?
- А угодник под спудом.
- А когда он выйдет?
- Вовремя.

И приносит нам она несколько старинных икон. Стараюсь разобрать. На одной из них уже стёртое временем изображение.

- А это кто?
- Как? Преподобного не узнал? Ведь это Сам.
- Да кто Сам?
- Да известно — кому русская земля поручена — Сергей.
- А когда же поручена русская земля?
- Изначала.
- Да на какое же время?
- А на всё будущее.
- А когда же оно наступит?
- А это Ему лучше знать.

Опять то же самое, когда на Москве говорил Ключевский: «Он лучше знал». И тёмной белухской тёткой Алёной говорилось - «А это Ему лучше знать»...

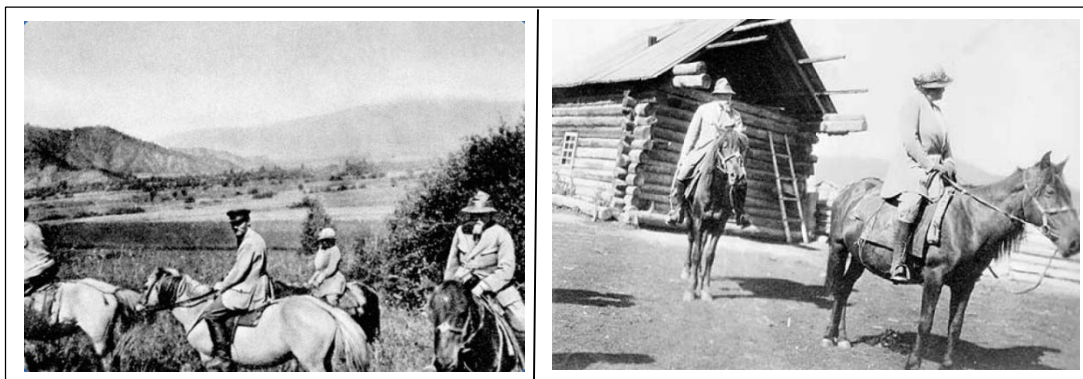
Публикуется по изданию: «Преподобный Сергей». Слово Н.К. Рериха, произнесённое им в Нью-Йорке. 1930 г.

10 августа 1926 г. Верхний Уймон.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Третий день ездим верхом. Собирая материал, и посылая проводников в разных направлениях Двое уже получили результаты, особенно один, который вернулся сегодня с новостями об Ак-Кеме — озере с белой, молочного цвета, водой (Ак — белый). Он также привёз рога маралов, которые китайцы используют для лечебных целей.

Утром мы выезжаем верхом и общаемся с людьми, днём после завтрака переписываем Послания и Е.И. читает нам, затем все вместе обсуждаем планы на будущее, маршруты и т.п. Затем идём домой ужинать и собираемся на вечернюю беседу...»

Слева: Юрий Николаевич, Елена Ивановна и Николай Константинович. Август. 1926.
Справа: Алтай. 1926. Н.К. Рерих и Елена Ивановна.

12 августа 1926 г. Верхний Уймон.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Утром опять выезжали верхом в поисках материалов. Удивительный край. Горы, таящие богатства. Скот, молочные продукты, чудесный климат, непревзойдённая красота природы. Только строить, только создавать!»

«Мне Сказано в Нью-Йорке посмотреть, как создаются студенческие клубы, клубы женщин-работниц. Побывать в них, изучить, как они устроены и какова система их работы. Также сблизиться с детьми, молодёжью в школах и быть с ними».

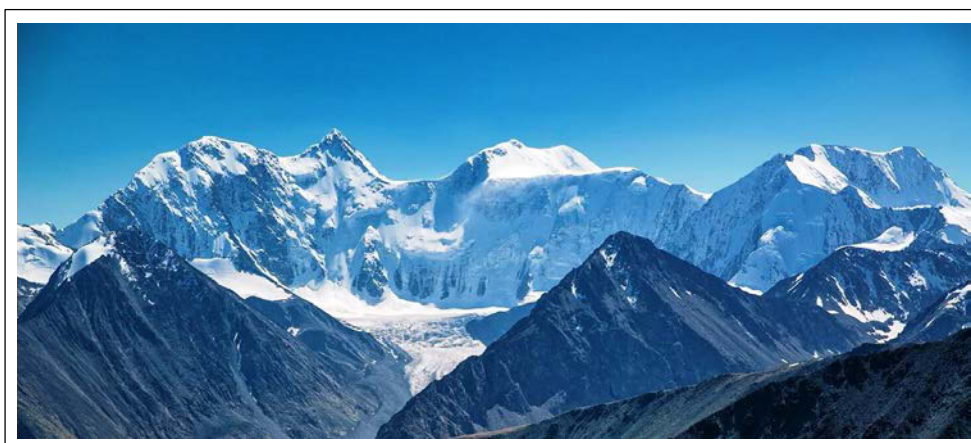

Алтай. Август 1926 г. (Фото экспедиции)

14 августа 1926 г. Верхний Уймон.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Сегодня в горах выпал снег. Стало холодно. Вечером нас посетили геолог Падуров, профессор математики и студент университета, которые только что приехали в деревню...»

Белуха. (Современное фото).

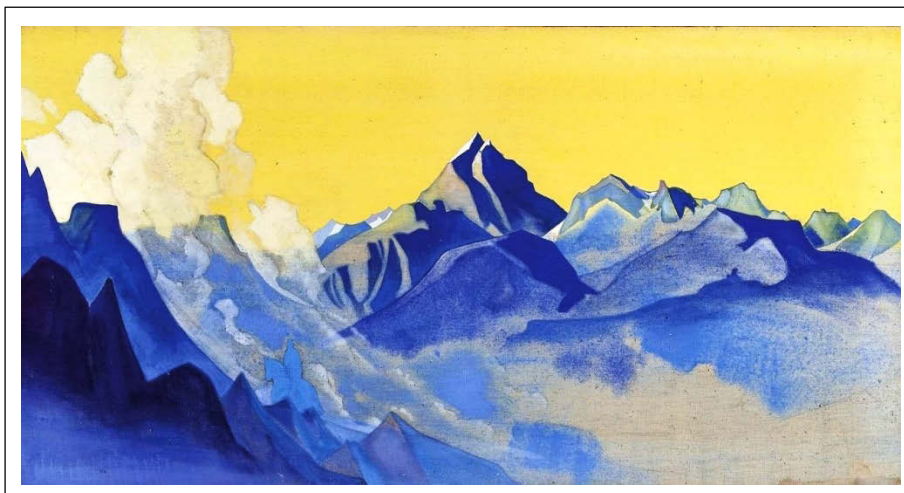
17 августа 1926 г. Верхний Уймон.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Семнадцатого августа увидели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой покажется милый сердцу хребет Куэнь-Луня, а за ним - "Гора божественной владычицы", и "Пять сокровищ снегов", и сама "Владычица белых снегов", и всё писанное и неписанное, всё сказанное и несказанное.

"Между Иртышом и Аргунью, через Кокуши, через Богогорше, по самому Ергору едет всадник"..."»

Н.К. Рерих. По Ергору едет всадник. 1926.

Из воспоминаний жителей села Тихонького (Алтай, Верхний Уймон):

"Рерих пришёл из Индии на караванах через Тянь - Шань. Уже два года путешествовал. У озера Зайсан ступил на нашу землю. До Омска приплыл документы получать. Потом в Москву ездил. Из Москвы сюда приехал..."

Так рассказывает Серапион Атаманов, 75 - летний старожил села Тихонького, стоящего рядом с Верхним Уймоном.

Дочь Вахрамея Семеновича Агафья Зубакина вспоминает о Рерихах как о самых близких людях:

"Шибко хорошие люди были. Молодолицы, разговорчивые. Сама была вся беленькая, светлая. И волосы светлые и глаза. Шибко красивая была. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела, писала. Все на свете рассказывала. По младшему сыну скучала, плакала. Три года его не видела. Учился все где - то. Сам тоже весь светлый был. С седой бородой, в сером костюме, хоть и жарко на дворе, в тибетейке. А поверх тибетейки на улице еще шляпу одевал. А глаза светлые, пристальные. Когда посмотрит, как будто насквозь видит. Много книг у него было. Сам все книги показывал, всяко разрисованные.

А Юра простой, простой был. Двадцать три года ему было. Молод был, а бороду не брил. Здесь рубашку купил коленкоровую зеленую. Навыпуск ее носил. Все в ней бегал. Мне та рубашка совсем не нравилась, как у всех мужиков. А она ему почему - то мила была. До дому хотел довести. Осторожно велел стирать, чтобы не полиняла, не порвалась.

...В шесть часов утра вставали. Шибко много работали. А пройдут вечером, переоденутся и опять за работу. Три минуты им дороги. Керосин не жгли. При свечах вечером жили.

Старик больше у себя сидел, а Юра бегал или в горы выезжал. А иногда вместе ездили. И туда ездили, и туда. Во все стороны ездили. Мой батюшка их водил. И сама в горы ездила. Ей коня смиренного нашли. Здесь ездить училась. Говорила: "Теперь уже смелее езжу". С Олей, дочкой моего брата Прокопия, сама игратья любила. На колени ее брала. Просила отдать ей её в дети..."

Старожилы Верхнего Уймона вспоминают, что Николай Константинович просил показать ему памятники героев гражданской войны. Ему показали место расстрела 11 партизан на Большом белке. Никакого памятника там не оказалось. Художник взял гладкую каменную плиту, сделал на ней надпись и положил на могилу. Был художник у деревянного памятника, стоявшего тогда на месте героической гибели Петра Сухова.

На Алтае Рерихи собирали коллекцию образцов народного костюма. Любовь Николая Рериха к народному искусству общеизвестна. В связи с этим Агафья Зубакина вспоминает:

"Узорчатые пояса, опояски здесь покупали. Шибко им нравились. Меня упростили одеться в бухтарминскую одежду. Сарафан цветастый и по - девичьи шаль. Юра меня со всех сторон снимал. Вместе с батюшкой отовсюду фотографировали. Юра говорил: "Будешь у нас по стенке бегать". Здесь всё дома снимали, горы, лес. Кругом всё фотографировали".

О своей встрече с Рерихом Наталья Николаевна рассказывает так: "На Алтае я жила в доме Железнова в Нижнем Уймоне. Узнала, что в Верхнем Уймоне стоит экспедиция, прибывшая из Индии. Мне было интересно посмотреть на них. Одолжив коня, я поехала. Я была платком повязана, в сарафане, на плече сумка, как все сельчанки. Во дворе, возле столба, привязала лошадь. Поднимаюсь на второй этаж. В сенях деревянный резной диван. Стучусь в дверь.

"Кто там?" - слышится голос.

"Здесь какие - то "иностранцы" -

Выходит человек с седой бородой в верблюжьем свитере. "Не иностранцы, а путешественники. Я Рерих".

Я сложила руки на груди, повернула голову:

"Рерих! Боже мой! Я люблю ваши картины - "Строят город", "Заморские гости", "За морями земли великие". Они научили меня любить Родину, народ, историю..."

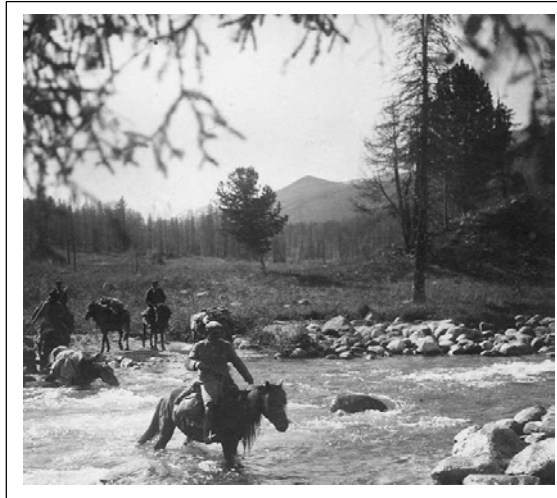
"Вы вернулись на Родину?"

"Я никогда не покидал Родины, я путешествую".

Рассказывает и Агафья Зубакина: "Крестьяне им камни приносили. Они возьмут, осмотрят, определяют - свинец, каменный уголь, золото, железо, запишут, с которого места взято, заплатят человеку, который принес их, а камни в окно выкидывают. Потом три дня по этим местам ездили, проверяли, камни собирали." ...

Публикуется по: Леопольд Цесюлевич "Рерих на Алтае"

19 августа 1926 г. Уймонская долина.
Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

Переправа через Катунь. 1926. (Фото экспедиции).

«Сегодня утром переправились через Катунь в Уймонскую долину и увидели прекрасную Белуху и её снежные вершины.

День такой ясный, чудный, и Белуха видна во всём великолепии. <...>

Возникли трудности с паромом, все мужчины толкали его — мелководье...

...Нам было указано обратиться с письмом к китайскому послу, выразив наше удивление, что такому большому другу Китая, как Н.К., не было позволено пересечь Китай...

...Продолжили путешествие новым путём — через Чёрный Ануй, Туманово, Матвеевку, Карпово, Солониху — до Бийска. Этот новый путь гораздо лучше дороги, которой ехали в Верхний Уймон, — не сравнить! Дождило, а всё же чудесный край. Всё время сидела с Е.И. <...>»

Из дневниковых записей Е.К.И. Рерих: 24-25 августа 1926 г. Бийск.

26 августа 1926 г. Пароход «Жорес».

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Вчера на пароходе “Жорес” отплыли в Новониколаевск из Бийска.

В первый день всё было прекрасно, но сегодня утром наскочили на песчаную отмель, большинство вещей выгрузили на берег, просидели до четырёх часов пополудни, затем отправились дальше. Работали с Е.И. весь день».

27 августа 1926 г. Новониколаевск [Новосибирск].

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Утром сильный буран, всё засыпало песком, да и мы покрыты им. Чувствуется Азия во всём её многообразии.

Приехали в Новониколаевск. Застали телеграмму из Америки. Вечером было Сказано, что мы должны ехать домой в Нью-Йорк вместе, потому что мы нужны там, чтобы усилить работу».

28 августа 1926 г. Новониколаевск

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Работали сегодня с Н.К. Мне дали прочитать [книгу] “Космос” Викекананды, где просто и мощно изложены идеи о реинкарнации. Е.И. посоветовала, чтобы мысли, изложенные в ней, были доведены до многих. Юрий показал нам вечером портрет Е.И., когда ей было 20 лет, - какое на редкость красивое и одухотворённое лицо!!!!»

Е.И. Рерих. 1900 г.

...Простились с Юрием, который завтра уезжает в Верхнеудинск. Какая удивительная душа и блестящий ум! Надеемся увидеть его в будущем году в Монголии».

30 августа 1926 г.

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«Приехал Б[орис]К[онстантинович], и мы целый день работали над нашими планами».

31 августа 1926 г.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Святославу.

Родной мой, любимый мой Светуня, тебе, вероятно, уже передали предложение приехать повидаться с нами, и может быть, даже остаться на некоторое время. Конечно, решить это ты можешь только сам. Как не хочется повидать тебя, но уговаривать не будем, ибо много трудностей, лишений и опасностей на нашем пути. Но ты мог бы приехать с нашими друзьями повидаться с нами, и с ними же вернуться. В Америку. Но всё это возможно лишь при условии американского гражданства, ибо ты призывного возраста. Боюсь, что ты легкомысленно отнёсся к указанию, данному ещё в Дарджилинге относительно Американского гражданства. Переговори обо всём с нашими друзьями, может быть что-либо удастся ускорить или придумать, как этот вопрос обойти.

Не рискуй ехать без американского паспорта: - Родной мой птенчик, пиши нам, но письма свои относи Радне, она будет их отправлять по мере возможности. Помни о цензуре!! Адрес наш будет находиться в одном месте, он

не должен валяться в столах, ради нашей безопасности, надо охранить нашу жизнь. Много охотников будет за нами, и наши родные и друзья должны помнить это. Для всех экспедиция, вследствие запрета Китайских властей писать картины, изменила свой маршрут и направилась в Абиссинию, в Центральную Африку.

Светуня, радость моя, порадуй нас и напиши подробно и толково о своём житье-бытье. Радна и Ав. много говорили о твоих работах. Если возможно, пришли фотографии с твоих фресок и портретов.

Мальчик мой, чуешь ли, как часто думаем и ласкаем тебя! Как хочется нам видеть тебя сильным духом и талантом, решительным и мужественным, серьёзно относящимся ко всякому действию и обязательство. Не заразись легкомыслием, царящим во многих Американских кружках. Принимай жизнь во всей её значительности и полноте. Избегай компромиссов, но умей быть гибким и подвижным. Светуня, помоги делам в Америке! Так нуждаются в тебе, в твоём художественном чутье. И Учитель указал, что много лучше будет, когда Люмоу приблизится. За эту зиму с конца Января слышала не раз хорошие вести о тебе от Учителя. Указывалось, что твоя внутренняя ценность становится очевидной. – Люмоу растёт. Что ты ближе подходишь к Учению и к Учителю и можешь принимать и передавать Учение из второй книги, конечно, не называя источников и не давая в руки самую книгу. Помоги, мальчик мой, поддержи Паруму и Логвана – они нуждаются. Поговори с Радной, она тебе много расскажет, ибо не могу писать об этом.

Мальчик мой, загорись нашим великим действием, и помоги нам охранить дела в Америке. – Логван и Парума очень нуждаются в поддержке. Надо, чтоб они продержались ещё два года, а там события помогут и явят наши возможности. Мальчик мой, охраняй имя отца!

Монография повергла нас. Трудно представить большую антихудожественность воспроизведений. Пришлось отказаться от чрезмерного распространения в Европе. Пусть поглотится Америкой, но в Европе и России засмеют подобное безвкусию. Очень больно, что книга, указанная Учителем, вышла в такой корректуре.

Теперь, Светуня, передаю тебе слова Уч.: «Проникнуться надо неслыханной серьёзностью момента». Любимый мой, спроси Радну, она тебе расскажет и осветит всё происходящее. Мальчик мой, будь осторожен с людьми, научись не говорить о нас и делах, очень можешь повредить нам. Сейчас начнётся очень, очень ответственная пора для нас, и надо, чтобы всё и все помогли бы нам. Будь внимателен и осторожен с Хоршами, обереги их от всего пошлого, вноси всегда знание и нотку суровой выдержки.

Светуня, как бы мне хотелось видеть тебя, мой мальчик, горящим любовью к Учителю и полным молчанием о нас и о делах, с нами связанных. Остерегайся ласковых людей, не доверяйся никому. Друзья наши, друзья твои – лучших не найдёшь! Оцени Радну!!! Птенчик мой, чуй, как любим мы тебя! Да хранит тебя Уч. и любовь наша. Сожги это письмо.

Посылаю тебе кольцо, рада, что оно будет у тебя. Мальчик мой, советуйся с Радной, она так любит и ценит тебя. Она верный защитник. Учитель возложил на неё трудную задачу. Знай, что она всю себя принесёт в дела Уч. – пойдёт на всё. – Спроси её, она тебе всё расскажет.

Светуня мой любимый, ласковый птенчик мой, как хотелось бы повидать тебя!! Как горько мне уехать надолго, не посмотрев на тебя!

Но приехать тебе без необходимых бумаг – *невозможно*. Советы Учит. необходимо исполнять немедленно. – Светуня, радость моя, оправдай мои надежды. Я так верю в твой талант и в твоё чистое сердце, мальчик мой!

Юрик идёт бодро, трудная у него задача, требующая большой выдержки и мужества. – Идёт молодцом, глаза у него раскрылись, понимает, что иного выхода человечеству нет. Осознание этого помогает и поможет ему преодолеть все трудности.

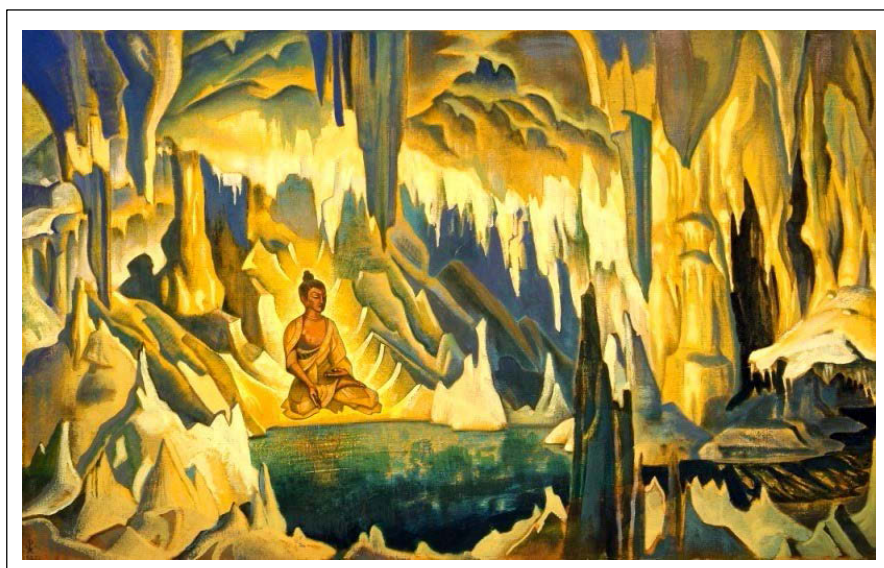
Светуня, пошли дяде Боре фотогр. твоих картин. Бабушка ещё жива, но мы её не видели.

Мальчик мой, обнимаю и прижимаю головку твою к сердцу, рвущемуся к тебе. Да хранит тебя Владыка и любовь моя!

Целую крепко

Н.Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

Н.К. Рерих. Будда Победитель. 1925.

СЫН ЦАРЯ

То, что человеческие руки разделяют, сама жизнь соединяет. Во времена, когда Восток и Запад условно противопоставляются, сама жизнь формирует основания для единой мудрости. Христианство и буддизм, казалось бы, разделены многими перегородками, но народная мудрость не признаёт эти деления. С чистой доброжелательностью нации говорят об Иссе, лучшем из сынов человеческих. Самые разные народы почитают мудрость Моисея, и имя Будды произносится в христианских церквях. С удивлением видишь на стенах старого католического Кампо Санто в Пизе прекрасную фреску Нардо ди Сьоне, изображающую Сына царя, будущего Будду, впервые созерцающего конец человеческого существования – трупы, попавшиеся ему на дороге во время путешествия. Это – римская католическая церковь.

В православной церкви, в старых описаниях "Житий святых" вы найдёте детальное описание жизни Иосафата, сына царя Индии. Вы начинаете понимать, что Иосаф, или Иосафат в неправильном арабском произношении, есть "Бодисаттва". Вы начинаете изучать это длинное повествование, прикрытое вуалью христианской интерпретации, и узнаете эпизоды из основного повествования о жизни Будды.

Не поддаваясь никакой личной концепции, давайте обратимся к нескольким дословным отрывкам из старинной "Четви-Минеи": "На Востоке есть очень большая и обширная страна, называемая Индией, где обитают разные народы. И страна затмевает богатством и обилием все другие страны, и её границы достигают Персии. Эта страна однажды была просвещена Святым Фомой, апостолом, но полностью не перестала поклоняться идолам потому, что многие были такими заблуждающимися язычниками, что не могли принять учение о спасении и продолжали придерживаться своей соблазнительной дьявольщины. Со временем ересь так распространилась, подобно сорной траве, ухудшая добрые семена, что количество язычников стало намного больше, чем правоверных.

Тогда царь, чьё имя было Авенир, стал правителем в этой стране, и он был великим и славным своей мощью и владениями. И сын родился у царя, и назвали его Иосаф. Ребёнок был очень красив, и его необычайная красота была знаком великой красоты его духа. Царь собрал огромное количество магов и астрологов и спросил у них, какое будущее ждёт ребёнка, когда он вырастет. На это они ответили, что он будет более великим, чем все предшествующие цари. Но один из пророков, самый мудрый из всех, и мудрый не благодаря звездам, а обладавший божественными внутренними знаниями, сказал царю: "Ребёнок вырастет не в этом царстве, а в царстве намного лучшем и бесконечно большем".

Царь построил роскошный дворец с огромным количеством просторных палат, где Иосафа должны были обучать. Когда ребёнок подрос и стал рассудительным, царь нанял наставников и слуг, которые были молоды и прекрасны, чтобы выполнять все его желания. И он отдал строгий приказ о том, чтобы ни один чужой никогда не допускался до царевича. Царь также приказал, чтобы никто и никогда царевичу не рассказывал о печалях жизни; ни о смерти, ни о старости, ни о болезнях и других печалях, которые могли бы нарушить его удовольствия. Но все должны были говорить с ним только о прекрасном, чтобы занять его разум наслаждениями и удовольствиями, и не давать ему времени думать о будущем.

Таким образом, царевич, не покидая прекрасного дворца, провёл свою юность и овладел индийской и египетской мудростью; он рос мудрым и понимающим, и его жизнь была украшена достойными принципами. Затем он начал осмысливать, почему отец держит его в таком одиночестве и спросил об этом одного из своих наставников. Тот, понимая, что юноша имел совершенный разум и великую доброту, рассказал ему о том, что астрологи предсказали ему при рождении.

Царь часто навещал своего сына, которого очень любил. И однажды Иосаф сказал своему отцу: "Велико желание моё узнать, мой отец, о том, что всегда отягощает мой разум горем и печалью". Отец, чувствуя боль в его сердце, ответил: "Скажи мне, дорогое дитя, что это за печаль, которая причиняет тебе боль, и я немедленно попытаюсь превратить её в радость".

Тогда Иосаф спросил: "Каковы причины моего заточения здесь; почему ты держишь меня за этими стенами и воротами, лишая меня внешнего мира и не позволяя никому видеть меня?"

И отец ответил: "Я не хочу, мой сын, чтобы ты видел что-нибудь, что может вызвать печаль в твоё сердце и таким образом лишит тебя счастья; я хочу, чтобы ты жил здесь всю свою жизнь в беззаботных удовольствиях, окружённый радостью и счастьем".

"Тогда знай, отец, – отвечал юноша, – что тюремное заключение не приносит ни радости, ни удовольствия, а только такое страдание и отчаяние, что еда и питьё кажутся отравленными. Я хочу видеть всё, что есть за этими воротами и поэтому, если ты не хочешь, чтобы я умер от печали, то позволь мне пойти туда, куда я хочу и пусть моя душа радуется лицемерию того, чего до сих пор я не видел".

Слыша это, царь был удручён, но, понимая, что если он будет продолжать ограничивать своего сына, то причинит ему ещё большую печаль и тоску, сказал: "Пусть будет, моё дитя, по-твоему".

И он тотчас приказал подать лучших лошадей и всё приготовить в полном блеске, как того заслуживает царевич. И он больше не запрещал своему сыну покидать дворец, а разрешил ему ходить повсюду, где он пожелает. Но он отдал приказ всем своим придворным, чтобы ничто грустное и недостойное не коснулось принца, и показывать ему только все лучшее и прекрасное – то, что радует глаз и сердце. Он приказал вдоль дороги хорам петь и играть музыке и заводить всяческие увеселения для услаждения царевича.

Царевич часто покидал дворец, гарцуя в полном облачении и блеске. Но однажды из-за оплошности его слуг, он увидел двух мужчин: один был прокажённый, а другой слепой. Он спросил своих сопровождающих: "Кто это и почему они такие?"

И его сопровождающие, видя, что невозможно больше скрывать от него человеческие болезни, сказали: "Это человеческие страдания, которые обычно поражают людей из-за слабости природы и из-за немощного сложения наших тел".

Юноша спросил: "Такое случается с каждым человеком?"

И ему ответили: "Нет, не с каждым, но с теми, чьё здоровье разрушено избытком мирских благ".

Тогда юноша спросил: "Если это не случается, как правило, со всеми людьми, то те, с которыми происходят такие несчастия, знают заранее или такое происходит внезапно и неожиданно?"

Его сопровождающие отвечали: "Кто из нас может знать будущее?"

Царевич перестал спрашивать, но его сердце опечалилось случившимся, и выражение его лица изменилось. Через несколько дней он встретил старика, немощного, с морщинистым лицом, с кривыми и слабыми ногами, совсем седого, беззубого и почти не способного говорить. Заметив его, юноша пришёл в ужас, и приказав ему подойти, спросил: "Кто это и почему он такой?"

"Он уже очень старый и силы покинули его, и тело стало слабым, поэтому он оказался в жалком положении, в котором вы и видите его".

Юноша спросил: "Что же случится с ним дальше, когда он проживёт ещё много лет?"

И они отвечали: "Ничего, но смерть заберёт его".

Юноша продолжал спрашивать: "Такое может случиться с каждым или это случается с некоторыми из нас?"

Они отвечали: "Если смерть не забрала нас в наши молодые годы, то невозможно после долгих лет жизни избежать такого состояния".

Юноша спросил: "В каком возрасте люди становятся такими, как он? И если смерть ждёт каждого из нас без исключения, то разве нет возможности избежать её и спастись от этого несчастья?"

И ему ответили: "В возрасте восьмидесяти или ста лет люди слабеют, становятся немощными и умирают, и не может быть по-другому, для человека смерть естественна и её приход неизбежен".

Видя и слыша всё это, юноша ощутил тоску в глубине сердца и сказал: "Если это так, то наша жизнь горька и полна скорби и кто же может веселиться и избегать печали, когда он всегда ждёт смерти, которая не только неизбежна, но также, как вы говорите, неожиданна".

И он вернулся во дворец очень грустный, непрерывно думая о смерти и повторяя про себя: "Если все должны умереть, я также должен умереть, когда... и даже не знаю когда... И после моей смерти кто будет помнить меня? И после долгих веков всё уйдет в небытие... Нет ли другой жизни после смерти и нет ли другого мира?"

И он стал тревожиться всеми этими мыслями. Однако он ничего не сказал своему отцу, а спросил своего наставника, знает ли он кого-нибудь, кто сможет объяснить ему всё это и избавить его разум от мыслей, которым он не может найти решение.

Его учитель сказал: "Я говорил тебе раньше, что мудрые отшельники, которые жили здесь и которые размышляли над всеми этими вопросами, были убиты твоим отцом или были изгнаны в моменты его гнева. Сейчас я не знаю никого в пределах наших границ".

Юноша был глубоко опечален этим, и его сердце болело, а жизнь стала непрерывной пыткой; и таким образом, вся сладость и красота этого мира стали в его глазах обломками и грязью. И Бог, желая, чтобы каждый спасся и чтобы разум постиг правду, с Его обычной любовью и Его милосердием к человечеству указал верный путь юноше следующим образом:

В это время там жил монах, мудрый, достигший совершенства всех достоинств, по имени Варлаам, священник по рангу. Он жил в пустыне Сенаридия. Вдохновлённый божественным откровением этот мудрый человек узнал о тяжёлом положении царевича и, покинув пустыню и изменив свои одежды на купеческие, сел на корабль и отправился в Индийское царство. Прибыв в город, где жил царевич, он прожил там много дней, знакомясь с подробностями, о царевиче и его окружении. И так обнаружив, что наставник был близок царевичу, он отправился к нему и сказал: "Знай, мой господин, что я купец и приехал из далёких земель. У меня есть драгоценный камень, равного которому нет и не было, и который до сих пор я не показывал никому, но теперь я говорю о нём с тобой потому, что я вижу, что ты умный и способный человек. Поэтому приведи меня к царевичу, и я отдам ему этот камень, который имеет такую высокую цену, что никто не может исчислить ее, поскольку она превышает стоимость всех прекрасных и дорогих вещей. Камень даёт зрение слепым, слух глухим, речь немым, здоровье больным и может изгнать дьявола из одержимого, сделать разумным душевнобольного. Тот, кто обладает этим камнем, может получать всё добро, которое пожелает".

Наставник ответил: "Вы кажетесь старым человеком, но все ещё говорите пустые слова и захлебываетесь в самовосхвалении: я видел много драгоценных камней и жемчугов, и у меня самого есть много их, но я никогда не слышал и не видел камня, который бы обладал такими силами. Но позвольте мне увидеть его и, если ваши слова правдивы, я немедленно приведу вас к царевичу и вы получите награду, которую заслуживаете!"

Варлаам сказал: "Вы правы, говоря, что вы никогда не видели и не слышали о таких камнях, но поверьте мне, у меня есть такой камень. Я не хочу хвалиться, ни обманывать в моём почтенном возрасте, но я говорю правду. А что касается твоего желания увидеть его, послушай, что я должен сказать: мой драгоценный камень, помимо способностей и чудес, о которых я уже упоминал, имеет ещё одно свойство: его могут увидеть только те, кто имеет абсолютно здоровые глаза и совершенно целомудренное тело; однако, если кто-либо нечистый неожиданно увидит камень, он сразу же потеряет зрение и разум. Зная искусство исцеления, я могу сказать, что твои глаза больны, и поэтому я боюсь показать тебе камень, иначе буду виноват в твоей слепоте. Но царевич, как я слышал, ведёт чистую жизнь, и у него здоровые и ясные глаза, и поэтому я хотел бы показать ему моё сокровище. Не будь равнодушным и не лишай своего господина такого важного дара".

Наставник ответил: "Если это так, то не показывайте мне камень, так как я осквернил себя многими нечестивыми делами и, как вы сказали, у меня нездоровое зрение. Но я верю вам и не буду равнодушным, и оповещу своего господина немедленно".

И учитель пошёл во дворец и рассказал царевичу по порядку, как всё произошло. И царевич, услышав это, почувствовал в сердце огромную радость, и его дух воспрянул. Он приказал, чтобы купец пришёл к нему немедленно.

Варлаам вошёл в палату царевича и, поклонившись, приветствовал его мудрой и приятной речью. Царевич повелел ему сесть и, как только наставник удалился, сказал старцу:

"Покажите мне камень, о котором вы говорили моему наставнику и о котором вы говорили такие великие и чудесные вещи".

Но Варлаам так ответил царевичу: "Всё, что вам сказали обо мне, справедливо и правильно, так как неприлично мне говорить неправду вашему Высочеству. Я не могу открыть вам великую тайну до того, как узнаю ваши мысли, так как Бог сказал мне:

"Вот, вышел сеятель, и когда сеял, некоторые семена упали при дороге, и пришли куры и склевали их; некоторые упали на каменистое место, где было мало земли; они взошли, потому что земля была неглубока; некоторые упали в колючки, и колючки выросли и задушили их; но другие упали в добрую почву и принесли плоды сам-сто".

Таким образом, если я найду в твоём сердце добрую и плодородную почву, я не буду колебаться, а посею божественное зерно и открою тебе великую тайну. Но если почва каменистая или полна сорняков, то лучше не портить сбережённые зерна и не позволять птицам и зверям уничтожить их, так как строго запрещено бросать драгоценности перед ними. Но я надеюсь найти в тебе самую лучшую почву для посева достойного семени и для созерцания драгоценного камня и для просветления светом восхода и для плодов сам-сто. Из-за тебя я прошёл через многие испытания, проделал долгий путь, чтобы

показать тебе то, чего ты никогда не видел, и научить тебя тому, о чём ты никогда не слышал".

Иосаф сказал ему в ответ:

"У меня, о почтенный господин, огромное желание услышать о новых, достойных мирах, и в моём сердце горит огонь, который побуждает меня получить знание о важных и существенных вещах. Но до сих пор я не находил такого человека, который смог бы мне объяснить, что есть в моём уме, и указать мне верный путь. Но если бы я нашёл такого человека, я никогда бы не бросил его слова ни птицам, ни зверям, моё сердце не будет камнем или наполненным сорняками, а каждое слово я буду лелеять в своём сердце. И если вы сами знаете что-то, пожалуйста, не скрывайте это от меня, но научите меня. С того времени, как я услышал, что вы приехали из далёких земель, моё сердце возрадовалось и наполнилось надеждой получить от вас то, о чём я желал узнать: вот почему я попросил вас войти немедленно, и вот почему я встретил вас радостно, как будто знал вас давно или вы были моим господином".

Варлаам объяснил своё учение в притчах и аллегориях, украшая свою речь многими прекрасными рассказами и заповедями. Сердце царевича размягчилось, как воск, и чем больше старый мудрец говорил с ним, тем более желал царевич слушать его. Наконец, царевич начал понимать, что драгоценный камень был чудесным Светом Духа, который открывает глаза разума, и он поверил без малейшего сомнения всему, чему Варлаам учил его. И поднявшись со своего трона, и подойдя к старому мудрецу, и обняв его, он сказал:

"О, Ты самый достойный из людей! Это, я верю, тот драгоценный камень, который ты держишь в тайне и который ты не хочешь показывать каждому, а только достойному, чьи душевные чувства ясны и здоровы. Как только твои слова достигли моих ушей, нежный свет наполнил моё сердце, и тяжёлое покрывало печали, которое так долго отягощало мою душу, превратилось в ничто. Итак, скажи мне, я прав в своих рассуждениях, и если ты знаешь что-нибудь ещё, научи меня!"

И Варлаам продолжал, рассказывая ему о мудрости и зле смерти, о воскрешении, о вечной жизни, о прекрасных последствиях добрых дел и о страданиях грешников. И слова Варлаама так глубоко проникали в душу царевича, что его глаза наполнились слезами и он долго плакал. Варлаам также объяснил пустоту и непостоянство этого мира и рассказал ему о подвижничестве и одинокой жизни монахов в пустыне. Как драгоценные камни в святилище, Иосаф собрал все эти слова в своём сердце и он полюбил Варлаама так сильно, что хотел быть с ним всегда, чтобы слушать его учение. Он расспрашивал его о жизни отшельников, об их пище и одежде, говоря:

"Скажите мне, какие одежды вы и те, кто с вами, носите в пустыне и какая у вас пища и откуда вы её берете?"

Варлаам отвечал:

"Для еды мы собираем фрукты с деревьев и коренья, которые растут в пустыне. Если, однако, верующий приносит нам хлеб, мы принимаем его как посланный Богом; наша одежда – это шерсть и шкуры овец и коз, изношенная и залатанная, одна и та же летом и зимой. Одежду, которую ты видишь на мне сверху, я взял у одного достойного мирянина, чтобы никто не мог узнать, что я монах. Приди я в моей собственной, мне бы не позволили увидеться с тобой"

Иосаф попросил Варлаама показать его собственную одежду и, когда Варлаам снял купеческую одежду, Иосаф увидел ужасное зрелище: тело старика

было очень сухим и чёрным от солнечных лучей, кожа висела на его костях. Вокруг чресел и ног до самых колен была изодранная колючая волосяная ткань и такая же накидка свисала с плеч. Иосаф был изумлён такими тяжкими испытаниями и великим терпением старика, и он сокрушался и плакал, прося мудреца взять его с собой в отшельническую жизнь.

Варлаам сказал:

"Не проси меня об этом, потому что гнев твоего отца падёт на всех нас. Лучше оставайся здесь, совершенствуя знания великой истины. Я уйду один. Позже, когда как пожелает Бог, ты придёшь ко мне, так как я верю, что в этой жизни, а также в будущей жизни мы будем жить вместе".

Иосаф ответил в слезах:

"Если высшая воля такова, то я остаюсь. Возьми с собой много золота для своих собратьев в пустыне, чтобы обрести еду и одежду".

"Богатые дают бедным, – возразил Варлаам, – а не бедные богатым. Как ты можешь дать нам, богатым, когда ты сам беден? Даже последний из наших братьев несравненно богаче, чем ты сам. Я надеюсь, что ты также скоро поймёшь эти истинные богатства; но когда ты станешь богат на этом пути, ты станешь скупым и замкнутым".

Иосаф не понял его, и Варлаам объяснил ему свои слова, что тот, кто отказывается от всех земных вещей, получает небесное богатство, и самый малый небесный дар более ценен, чем все богатства мира. И он добавил:

"Золото часто является причиной греха, и поэтому мы не держим его. Но ты хочешь, чтобы я принёс моим братьям того змея, которого мы уже победили".

И долго ещё Варлаам навещал царевича ежедневно и вёл его по чудесному пути к свету.

Однажды Варлаам сказал ему о своём намерении уйти. Иосаф с трудом перенёс разлуку с учителем и горько плакал. Он просил Варлаама дать ему своё рубище, как подарок на память. Мудрый старик отдал Иосафу рубище, и Иосаф ценил его больше, чем царские пурпурные одежды.

Однажды Иосаф, долго молясь со слезами на глазах, устал и заснул на полу. Во сне он вдруг увидел, что несколько незнакомцев провели его через чудесные земли на большое поле, покрытое прекрасными и благоуханными цветами. Здесь он увидел множество великолепных деревьев с неизвестными и странными фруктами, приятными на вид и зовущими попробовать их; листья на деревьях мягко раскачивались в лёгком бризе, и воздух был напоён тонким ароматом. Под деревьями были алтари из чистого золота, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, сверкающими особенно ярко. Потом он заметил ложа с покрывалами несказанной красоты и блеска. В центре тёк родник, чистые и приятные воды которого ласкали взгляд. Незнакомцы повели Иосафа через эти поля в город, сверкающий особым ярким светом. Все стены были из чистого золота и драгоценных камней, невиданных доселе, а колонны и ворота были из цельного жемчуга. Но кто может описать всю красоту и славу этого города? Свет обильными лучами изливался с высоты и наполнял все улицы города. Крылатые и блестящие воины шли по улицам и пели нежные песни, которых никогда не слышало человеческое ухо.

И Иосаф услышал голос:

"Это место отдыха добродетельных! Здесь ты видишь счастье тех, кто в своей жизни чтит Бога!"

Неизвестные люди потом хотели отвести Иосафа назад, но он, захваченный красотой и великолепием города, сказал:

"Я прошу вас, пожалуйста, не забирайте у меня неопишемую радость и позвольте мне пожить в каком-нибудь углу этого прекрасного города!"

"Сейчас ты не можешь остаться здесь, – ответили ему, – но по твоим многим героическим делам и стремлениям ты в нужное время войдёшь сюда, если только ты приложишь все свои усилия. Те, кто старается, будут обладать небесным царством"...

На сороковой день после смерти царя Авенира Иосаф созвал в память своего отца всех сановников, министров и начальников армий и открыл им великую тайну, что он намеревается покинуть это земное царство и всё в этом мире и хочет уйти в пустыню и вести жизнь монаха. Все опечалились и заплакали, потому что они любили его за щедрость, гуманность и милосердие. И все просили Иосафа не покидать их. Но ночью он отдал приказ всему совету и всем командирам. И оставив этот приказ в своей спальне, он тайно ушёл в пустыню. Утром распространилась новость о его уходе, и люди были глубоко угнетены и встревожены. Многие плакали. Потом жители города решили идти и искать его, и действительно они нашли его около сухого ручья, простёршего руки к небесам в молитве. Люди окружили его, упали на колени перед ним и просили его со слезами и рыданиями вернуться во дворец. Но он просил их не причинять ему печали и оставить его в покое, так как его решение окончательно. И он пошёл в пустыню. Тогда люди, горько поплавав, вынуждены были вернуться домой, но несколько человек следовали за ним до захода солнца, пока опустившаяся темнота не скрыла его от них.

В пустыне Иосаф вёл суровую жизнь, еда была скудной, и даже трава была сухой, а земля давала мало плодов. Но его духовные достижения были велики. И снова, когда он спал, он увидел сон. Те же незнакомцы взяли его и снова повели через прекрасное поле, и он снова увидел сверкающий город. Когда они подошли к его воротам, их встретили Божественные Ангелы, которые несли две гирлянды неопишемой красоты.

Иосаф спросил: "Чьи это венки?"

"Оба твои, – ответили Ангелы, – один за спасение многих душ, а другой за то, что ты оставил земное царство и начал духовную жизнь..."

Таким оригинальным образом в книге "Жития святых" – "Четгы-Минеи" – рассказывается о жизни Будды. За древним славянским церковным языком можно ясно увидеть оригинальное повествование о жизни Благословенного Будды. И видение царевича перед его уходом в пустыню чётко соответствует озарению Будды. В конце повествования добавлена молитва к индийскому царевичу, в которой говорится: "И покинув своё царство, он достиг пустыни... Молись за спасение наших душ". Там же добавлена ещё одна молитва, утверждающая, что Иосаф "теперь имеет в качестве дома сверкающие холмы Иерусалима", и просьба, чтобы он мог "молиться за всех тех, кто верит в Тебя". Итак, последователи Христа молятся и приближаются к Благословенному Будде.

В ноябре во всех церквях упоминается имя святого индийского царевича Иосафа, и седобородый старовер на Алтае поёт древний священный стих, посвящённый благословенному индийскому царевичу. Глубоко трогательно на высотах Алтая слышать слова царевича, обращённые к пустыне:

*"А прими меня, пустыня тишайшая" –
А и как же приму я тебя, царевича?
Нет у меня, у пустыни, ни дворцов, ни палат" –
"А и не нужно мне ни палат, ни дворцов".*

Так на Алтайских отрогах поёт седобородый старовер. А рядом на горе маленький пастушок, подобно древнему Лелю или Благословенному Кришне, плетя венки из ноготков, звонко провозглашает другой вирш, посвящённый все той же священной памяти:

*О, Учитель мой любимый,
Пошто ты покинул меня?
Ты покинул меня, сироту;
Провести в печали все мои дни.
О, пустыня прекрасная!
Прими меня в своё лоно,
В избранный дворец мой!
В мир и молчание.
Я бегу, как от змея
От земной славы и прелести,
От богатства и палат блестящих.
О пустыня возлюбленная, прими меня!
Я пойду в твои поля
Дивиться на цветы чудесные;
Здесь проживу я мои годы
И до скончания дней моих.*

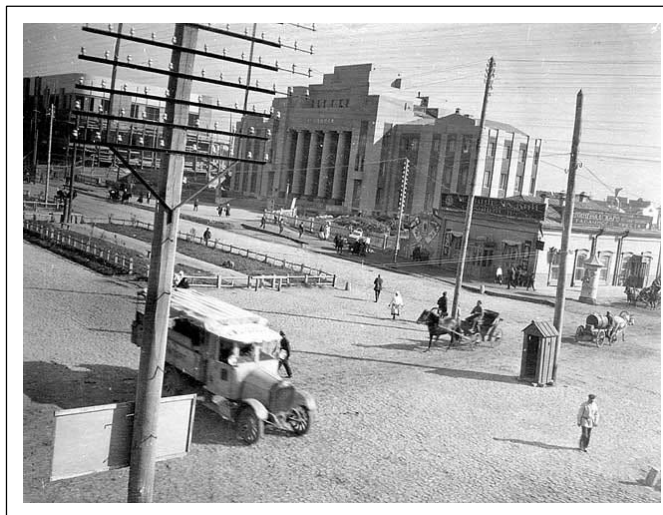
Алтай, 1926

Н.К. Рерих. Кришна-Лель.

СЕНТЯБРЬ

1-3 сентября 1926 г. Новосибирск (Из дневниковых записей Е.И. Рерих.)

Г. Новосибирск. Фото 1926 г.

4 сентября 1926 г. Новосибирск
Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

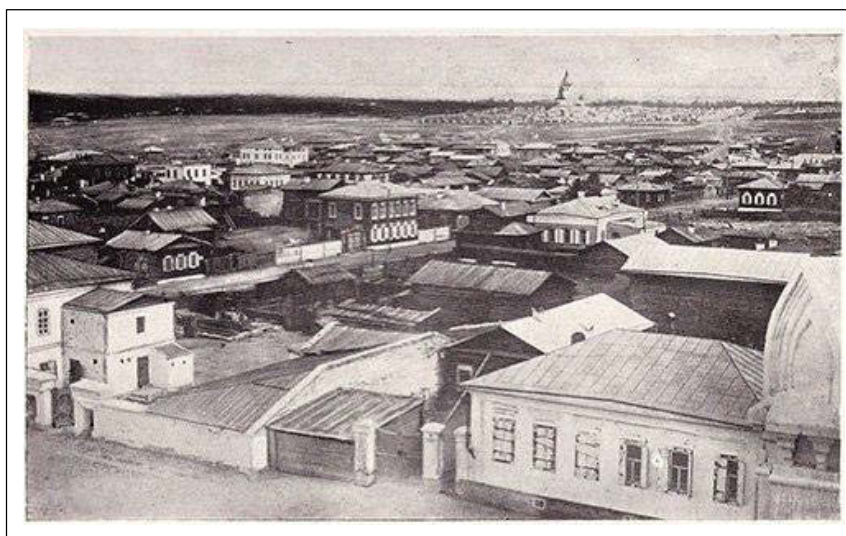
1926 г. Перед Домом Ленина в Новосибирске.
Зинаида Лихтман, Е.И. Рерих, Н.К. Рерих, Морис Лихтман.
(Фотографии экспедиции)

«Последний день вместе в Новосибирске. Многие сокровенное сообщают Борису Константиновичу. Подписали документы по «Ур».

«Завтра мы все уедем: они - навстречу великой задаче, мы - сражаться. Е.И. зовёт меня воином - с помощью М. мы будем сражаться и побеждать.»

6-7 сентября 1926 г. Поезд Новосибирск - Верхнеудинск
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Наш экспресс мчался по равнинам Сибири, покрытым тёмными девственными лесами из елей и кедра. Ранним утром поезд миновал Иркутск с его кафедральным собором, чётко выделявшимся на фоне предрассветного неба. Затем показался красивый южный берег и спокойная гладь великого озера Байкал, опоясанного горными цепями. За Байкалом местность стала более гористой и поезду приходилось петлять среди холмов, поросших лесом. Это была Бурятия, и всё чаще на платформах станций стали попадаться буряты в остроконечных меховых шапках и голубых халатах. Поздним вечером поезд прибыл в столицу Бурятской автономной республики Верхнеудинск. Здесь мы провели три дня, занимаясь погрузкой и подготовкой автомобилей к экспедиции в Монголию»

Верхнеудинск. Фото 1920-х гг.

9 сентября 1926 г. Верхнеудинск - Троицкосавск¹.
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Ранним утром 9 сентября мы выехали из Верхнеудинска на двух "доджах", благополучно переправились на пароме через широкую Селенгу и взяли курс на Троицкосавск, последний русский пограничный город, бывший когда-то процветающей колонией торговцев чаем. После двухчасовой езды местность стала более лесистой; мы проезжали мимо великолепных сосновых боров. День выдался пасмурный, с морозящим дождём и холодным ветром, и из-за этого путешествие было малоприятным. Дорога размокла, и порой нам приходилось ехать по степи, объезжая грязные места. На всём протяжении от Верхнеудинска до границы местность была безлюдной.

«Лишь дважды нам повстречались буряты верхом на лошадях и в небольшой двуколке.

---

¹ Троицкосавск – в 1934 г. переименован в город Кяхта, административный центр Кяхтинского района Республики Бурятия. – Ред.

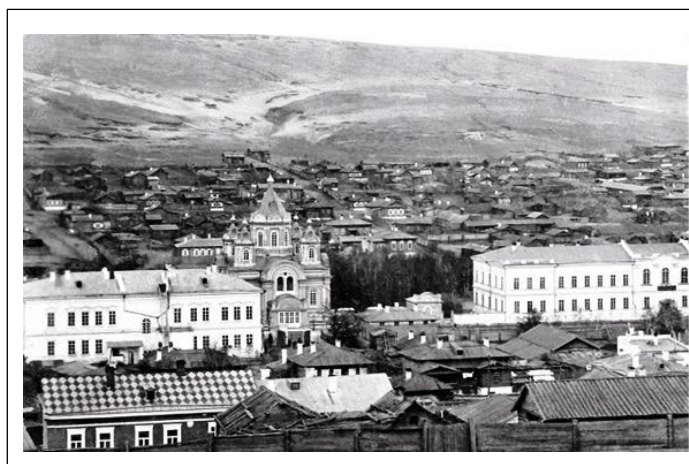

Гусиноозёрский дацан. Начало 20-го в.

«Днём мы миновали Гусиное озеро, на берегу которого стоит Гусиноозерский монастырь, или дацан (по-тибетски "гра-цан"). Есть предположение, что этот монастырь является центром обучения буддизму в Забайкалье и что здесь находятся резиденция бурятского пандита-ханпо и знаменитая типография, выпускающая прекрасные ксилографии, которые пользуются широким спросом у сибирских буддистов, в астраханских степях и в Монголии.

«В полдень мы добрались до маленького казачьего посёлка в окрестностях Селенгинска, где была старая церковь и несколько обветшалых домов времён декабристского восстания, в которых отбывали ссылку многие из его организаторов. В нескольких милях от Селенгинска нам снова пришлось переправляться через Селенгу. Переправа оказалась опасной из-за быстрого течения реки и отсутствия парома. Машины доставляли на другой берег на лодках, по очереди. Из-за неосторожности водителя один "додж" едва не сорвался в воду, но лодочник вовремя спас его.

Троицкосавск. (Фото начала 20 в.)

«На подступах к Троицкосавску ландшафт становится более холмистым. Дорога пересекает ряд долин, расположенных среди низких песчаных холмов, покрытых густыми сосновыми лесами. Мы ехали очень медленно, так как песчаная дорога после недавних ливней была чрезвычайно скользкой и грязной. Нам часто приходилось выходить из машин и толкать их по косогорам. Кроме

того, у одного "доджа" не было фар, и это сильно осложняло продвижение. Около полуночи, в кромешной темноте, мы въехали в Троицкосавск и направились к большой белой гостинице, которая по удобствам превосходила гостиницу в Верхнеудинске».

10 сентября 1926 г. Троицкосавск².

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующий день члены экспедиции отправились на пограничный пост отметить свои паспорта. После завершения необходимых формальностей мы пересекли границу и направились к небольшому караульному посту, где находились монгольские солдаты, одетые в меховые тулупы и вооружённые современными ружьями и саблями. Один из солдат запрыгнул в машину и сопровождал нас до монгольского пограничного города Алтын-Булака, известного прежде под названием Маймачен, - главного пограничного пакгауза китайской торговли. Местность, покрытая голыми холмами, и необычайно прозрачный воздух очень напоминали нам о высокогорьях Центральной Азии.

«Мы стояли у великого географического рубежа: позади остались таёжные просторы Сибири, а впереди, насколько видит глаз, простираются обширные степи Центральной Азии...»

На границе Алтай-Тува - Монголия.
(Современное фото)

---

² Троицкосавск – в 1934 г. переименован в город Кяхта, административный центр Кяхтинского района Республики Бурятия. – Ред.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

МОНГОЛИЯ

«Мы стояли у великого географического рубежа: позади остались таёжные просторы Сибири, а впереди, насколько видит глаз, простираются обширные степи Центральной Азии...»

10 сентября 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Комиссар монгольской заставы был в отъезде, и нам достаточно долго пришлось дожидаться его в управлении. Это был небольшой дом в полукитайском, полуюропейском стиле. В комнатах стояли длинные столы, за которыми на высоких табуретках сидели монгольские служащие. Большинство из них были одеты в национальные монгольские халаты, подпоясанные широкими поясами красного и жёлтого цвета, и большие монгольские сапоги с загнутыми носами, или гутулы. Монголы невозмутимо курили длинные китайские трубки и внимательно нас разглядывали» (...)

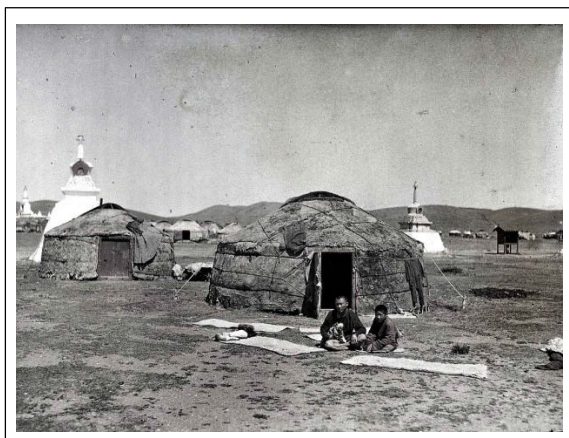
«Около четырёх часов дня с формальностями было покончено, и мы отправились в дальнейший путь. Экспедиция направлялась к обширным и бескрайним степям Монголии, в страну великих покорителей Азии. Дорога постепенно становилась круче, и нам пришлось преодолеть несколько невысоких холмов, поросших травой. *Как белое ожерелье сверкали ступы, или субурганы, возвещая о въезде в приграничные районы буддийской Монголии.*

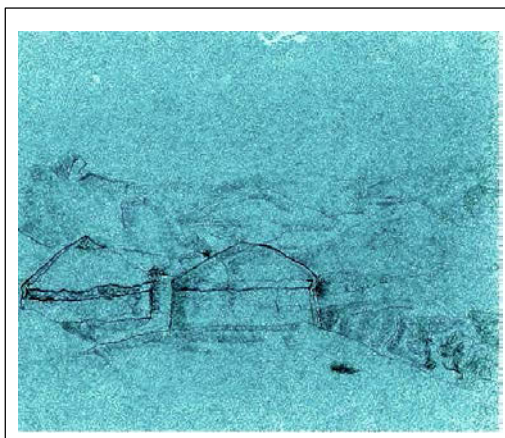
Белые субурганы Монголии.
(Старое фото)

«Вечером, в полной темноте, мы достигли реки Иро, одного из притоков Селенги. На противоположном берегу стояли монгольские юрты, в которых жили русские и китайские рабочие. Мы уговорили паромщика переправить нас через реку и разбили лагерь на открытом месте, поблизости от бедных монгольских юрт, из которых вышли две старые женщины, одетые в тряпье. Ночь выдалась холодная, и мы развели костры.

Монголия. Юрты. 1926. (Старое фото)

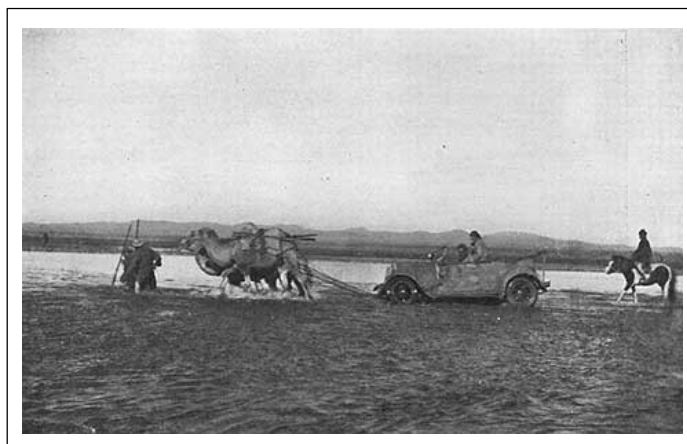
Н.К. Рерих. Юрты. 1926. Эскиз.

11 сентября 1926 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Мы сняли лагерь ещё до рассвета и от реки направились в южном направлении к невысокому перевалу на гребне холма, поросшего лесом. Недавно построенная дорога была покрыта грязью вперемешку с песком. Машины то и дело увязали в этом месиве, и приходилось вытаскивать их с помощью лошадей.

«С вершины перевала, на который мы поднялись, открылась чудесная панорама с волнообразными холмами. Спуск вывел нас к широкой речной долине Баин-гол, где протекала узкая речушка с коварным и топким руслом. У береговой полосы застряло несколько машин, следующих из Урги. Они пытались перебраться через реку, но вода залила моторы. Шофёры предостерегали нас от безрассудной переправы, но мы решили рискнуть, тем более, что несколько всадников предложили нам свою помощь. Сложив багаж в кузов и покрыв радиаторы брезентом, мы привязали к бамперам канаты, а их концы всадники прикрепили к передним лукам сёдел.

Сентябрь 1926 г. (Фото экспедиции)

«Потом все уселись, водители включили зажигание, и верховые с дикими криками погнали лошадей к противоположному берегу. Во все стороны летели брызги, но машины благополучно достигли цели. (...)

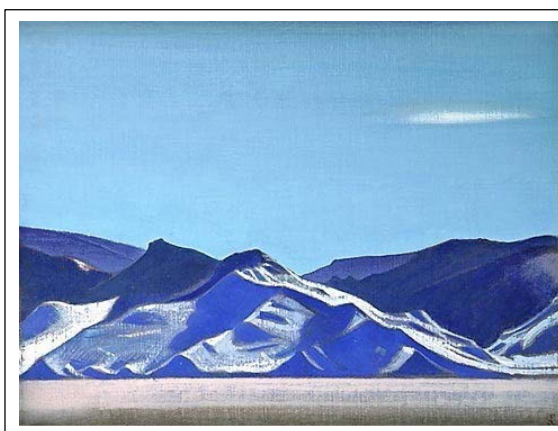
«...Мы остановились на ночлег у деревянного моста, соединяющего берега реки. Ночь была ясной, но очень холодной, и утром небольшие лужицы покрылись тонкой коркой льда.

12 сентября 1926 г. Урга.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На рассвете мы снова отправились в путь по красивой гористой местности с долинами, покрытыми травой, и холмами, поросшими лесом. (...)

«... Местность, по которой пролегал наш путь, всегда вызывала восторг. За несколько миль до Урги дорога вывела нас в широкую долину реки Тола, к югу от которой возвышается величественная Богдо-ула, гора, покрытая девственным лесом - прибежище многочисленных животных. В столице монгольских первосвященников под лучами яркого солнца сияли крыши монастырей и храмов.

Н.К. Рерих. Богдо-Ула. 1926.

Вход в Ургу. (Старое фото)

«При въезде в город, на маленьком пропускном пункте все путешественники обязаны предъявить заграничные паспорта, полученные в монгольском пограничном комиссариате. Мы остановились около небольшой деревянной лачуги и вручили паспорта мрачному монгольскому солдату в остроконечном меховом шлеме и бушлате цвета хаки. Он унёс наши документы в барак и долго не появлялся. Наше терпение иссякло, и мы вошли в дом, чтобы узнать о причине задержки. Два унтер-офицера играли в шахматы, а солдат с нашими паспортами ждал, когда его начальство закончит партию. Мы возмутились, и наши бумаги тотчас же были отмечены, а офицеры продолжили свою захватывающую игру. В Урге не считаются со временем, так же, как и в любом другом месте Центральной Азии.

«Для штаб-квартиры нам посчастливилось найти небольшой четырёхкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями. В данный момент я не имею возможности описывать разнообразную каждодневную деятельность экспедиции. Нам следовало готовиться к длительному путешествию по Центральной Азии через Монголию и Тибет в Индию и тщательно изучить маршрут. Из Монголии профессор Рерих отослал картины с уникальными видами страны и эпизодами из её жизни в Рериховский музей в Нью-Йорке.

Дом, где останавливались Рерихи в Урге в 1926-1927 гг.
(современное фото Музея Н.К. Рериха)

Сентябрь 1926 г. Урга.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Урга является главным перевалочным и распределительным пунктом страны. В 1922 г. в Монголии развернулось кооперативное движение. В настоящее время Монгольское Кооперативное Общество, или Монценкооп, насчитывает 26 филиалов, 102 небольших отделения и четыре агентства в Москве, Тьенцине, Калгане и Кхайларе. Монгольское правительство оказывает финансовую помощь кооперативам. В 1923-1924 гг. Центральный Кооператив импортировал различных товаров на сумму в 531000, а экспортировал - в 523000 мексиканских долларов. Государственный план на 1927 г. предусматривает доведение экспорта до двух миллионов тугриков (по обменному курсу 1926 г. один тугрик равен одному мексиканскому доллару), а импорта - до трех миллионов трехсот тысяч тугриков. До сих пор импорт значительно превышал экспорт. В целях укрепления экономики страны в Алтин-Булаке была построена сыромятная фабрика, которая обошлась государству в 420000 тугриков. Эта фабрика снабжает армию и население кожаными изделиями (седлами, сапогами и т.д.), а также овчиной и теплыми войлочными ботинками. Говорят, что правительство собирается построить ещё одну сыромятню, чтобы увеличить выпуск продукции. Кроме того, обсуждается возможность строительства кирпичного и металлургического заводов. Для финансирования этих предприятий решено основать Монгольский государственный банк. Из правительственного отчёта за 1926 г. видно, что руководство проявляет заботу об освоении природных ресурсов страны и что необходимы специальные законы, регулирующие предоставление концессий гражданам Монголии и иностранцам».

16 сентября 1926 г. Урга.

Из дневниковых записей Е.И.:

«Могу советовать написать для Монгольского Музея панно «Явление Майтрейи в облаках»»

Н.К. Рерих. Шамбала идёт. 1925. Серия Майтрейя. Темпера.
(однотонное воспроизведение)

Фотография хранится в Оделе рукописей ГТГ, ф.44, д.1780.

16 сентября 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Нью-Йорк.

(Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ВСЁ ПРЕКРАСНО/ ПОЖАЛУЙСТА ПРИШЛИТЕ ЗАКАЗНЫМИ И
ЗАСТРАХОВАННЫМИ ДВА ЭКЗЕМПЛЯРА МОНОГРАФИИ ГИМАЛАИ
ДВА ЭКЗЕМПЛЯРА ТИБЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ И НЕСКОЛЬКО СТАТЕЙ/
АДРЕС ЧЕРЕЗ ФРИСКО ВЛАДИВОСТОК МОНГОЛИЮ УРГУ ПОЛПРЕДУ
СССР ДЛЯ РЕРИХА ТЕЛЕГРАММЫ ТОТ ЖЕ АДРЕС ЦЕЛЮЮ.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с англ.)

ОКТАБРЬ

1 октября 1926 г. Урга.

Каблеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 1 окт. 1926

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОЖАЛУЙСТА ОТПРАВЬТЕ ТЕЛЕГРАФОМ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ БАНК МОНГОЛИИ УРГА. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ДВЕ ПОЛПРЕДУ ЕСЛИ НАША ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ПОЛУЧЕНА ВСЁ ЧРЕЗВЫЧАЙНО УДАЧНО

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

1926 г. Урга.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Приходит уполномоченный от монгольского правительства и просит дать рисунок храма-хранилища, где будет поставлена картина "Владыка Шамбалы" с другими почитаемыми предметами.

«Кончается печатание книг "Основы буддизма" и "Общее благо" ("Община"). Трудно дать книге соответствующий облик в маленькой типографии. Прежний лама, теперь литограф, с любовью переписывает для книги "Будду Побеждающего" с огненным мечом. Опять посланец правительства. Просят разрешение перевести на монгольский "Основы буддизма".

«Много смятения и ожидания. Но всё-таки не отложим отъезда. Е. И. напряжённо стоит у притолоки и говорит: "Жду, как разрешит всё Тот, кто всё разрешает". А тут телеграмма. Хлопочет Ж.; он многое знает. Именно с ним можно иногда побеседовать о самых сокровенных преданиях. Это он также рассказал монгольскую версию о поездке Учителя в Монголию. Странно слышать начало повести в Индии, а конец в Монголии. Так связывается вся молчаливая пустыня одною напряжённою мыслью».

**8 октября 1926 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.**

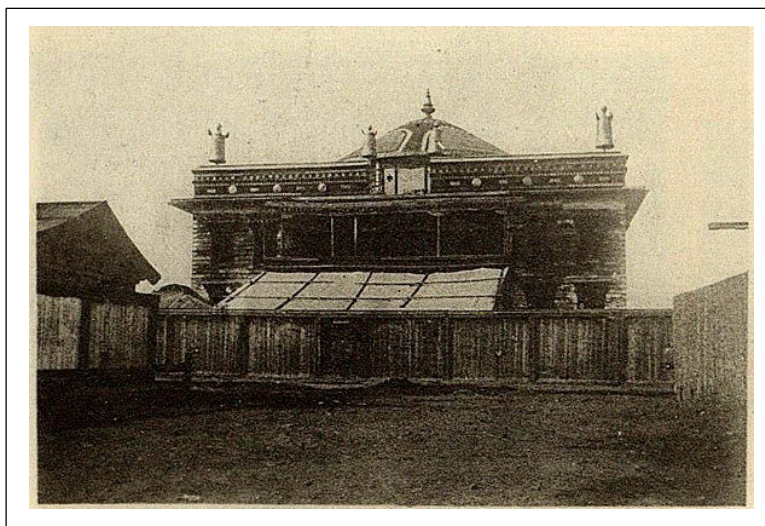
Урга 8 окт. 1926
Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОЛУЧИЛИ ДВЕ ТЫСЯЧИ МЕКСИКАНСКИХ ДОЛЛАРОВ. ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕШЛИТЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ АМЕРИКАНСКИХ ДОЛЛАРОВ. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ КОГДА ОТПРАВИТЬ МОНОГРАФИЮ. ВЫ МОЖЕТЕ ПУБЛИКОВАТЬ ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ЯНВАРЕ 1928 ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ МАТЕРИАЛЫ И НОВОСТИ О ЛЕОНЕ ЦЕЛЮЮ ЛЮБЛЮ РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Европейцам город был известен как Урга, что соответствует монгольскому слову "ургу", т.е. "великолепный лагерь, дворец". Но монголы никогда не употребляли это название, хотя возможно, что оно существовало еще с древних времен, когда долина Толы была резиденцией важных религиозных сановников. Монголы неизменно называли город Икхе-кюрен, что значит "Великий монастырь". В обиходе называли просто кюреном, а на китайско-монгольском - Дакюре (Та-кюре, в китайской транскрипции - Та кью-лунь). Тибетцам известно его последнее название (Так-ху-ре). В ноябре 1924 года Икхе-Кхурулдан, или Великий Народный Хурал Монголии, переименовал Ургу в Улан-Батор-Хото, или "Город Красного Богатыря". Но, несмотря на это, повсеместно употребляется название, освящённое веками».

Храм Майтрейи. Урга. 1926 г. (Фото экспедиции).

«Наибольший интерес в Урге представляют монастыри и другие религиозные сооружения. Они возвышаются над городом, и их сверкающие позолотой крыши добавляют ему внешний колорит. Самая старая религиозная постройка - Икхе-кюрен. Мы уже знаем, что это был центр, вокруг которого выросла современная Урга, и в течение многих десятилетий здесь находилась официальная резиденция Джецюна там-па Хутухту. В настоящее время Икхе-кюрен разделён на двадцать девять аймаков, или монастырских школ. Кроме

того, здесь расположено около семи храмов, посвящённых определённым направлениям в изучении обряда богослужения. Одним из самых важных монастырских строений является тшок-чен (по-тибетски "тшо-г-чен"), или зал собраний монашеской общины. Согласно церковной традиции, строительство зала собраний было начато Ундур Гегеном, первым и самым знаменитым Гегеном Урги. Оно представляет собой квадратное здание, которое много раз расширяли за время его существования, чтобы приспособить к растущей общине монахов. Крыша храма украшена позолоченным ганджиром в виде бумпа, или вазы. В каждом из четырёх углов крыши установлены чёрно-белые знамена, или джал-цены (тиб. "ргьял-мтшаны"). У этих знамен длинная история. Обычно их можно видеть на крышах храмов Монголии и Тибета и обнаружить в далёком прошлом у кочевых племён».

Старинный Дворец Богдо-гэгэна. Улан-Батор.
(Современное фото)

13 октября 1926 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Урга 13 окт. 1926

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОКА НЕТ ТЕЛЕГРАММ ОТ ВАС РАССЛЕДУЙТЕ ДОСТИГАЮТ ЛИ ТЕЛЕГРАММЫ ПУНКТА НАЗНАЧЕНИЯ. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СМИТУ УСЛОВИЯ ВСЁ ЕЩЁ МОГУТ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМИ ПРИШЛИТЕ ТЕЛЕГРАФОМ ПЯТЬ СОТЕН ДОЛЛАРОВ ЛЮБЛЮ РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

17 октября 1926 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Урга 17 окт. 1926

(Луису Хоршу) 915 WEST END AVE Нью-Йорк.

РАДЫ ПОЛУЧИТЬ ВАШИ ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ АДРЕСОВАННЫЕ ПОЛПРЕДУ. АВГУСТ НАЧАЛ ОБРАБАТЫВАТЬ ЗЕМЛЮ. ВЕСНУ ВСТРЕЧАЕМ В МЕСТЕЧКЕ УТАХ ПОСЛЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ДЕЛА ГАЛВЕСТОНА. ПОПРОСИТЕ КРЕСТОНА ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ЕГО ДРУЗЬЯМ РАЗУЗНАТЬ О МОИХ КАРТИНАХ В ПЕКИНСКОМ МУЗЕЕ. ВСЁ ПРЕКРАСНО. С МЫСЛЯМИ О ЛЮБВИ. ОЖИДАЙТЕ ПИСЕМ С ПОЦЕЛУЯМИ РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

21 октября 1926 г.
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Урга 21 окт. 1926

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ДВЕ ТЫСЯЧИ ММЕКСИКАНСКИХ ДОЛЛАРОВ И ПЯТЬ СОТЕН АМЕРИКАНСКИХ ДОЛЛАРОВ ПОЛУЧЕНЫ. ДВЕ ТЫСЯЧИ АМЕРИКАНСКИХ ЕЩЁ НЕТ. ДЕВЯТНАДЦАТОГО ПОЛУЧИЛИ ВАШУ НЕВРАЗУМИТЕЛЬНУЮ ТЕЛЕГРАММУ БУДЕМ СВЕРЯТЬ. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ О ПОРУМЕ. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЛЕОНЕ ОЖИДАЕМ НОВОСТЕЙ ОТ НЕГО. ВСЁ ХОРОШО

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ.)

27 октября 1926 г.
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Урга 27 окт. 1926

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

НОМЕР ДВА ПОЛУЧИЛИ СМИТ СЛЕДУЮЩИМ ЛЕТОМ ЧЕРЕЗ КИТАЙ ДЕТАЛИ ПОЗДНЕЕ. ОТПРАВЬТЕ СМИТУ СОТНЮ ДОЛЛАРОВ НАШЕГО СЧЁТА ЧТОБЫ ИЗУЧАТЬ МАТЕРИАЛЫ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТРУДАХ/ ПРЕДЛОЖИТЕ ПРИЕМЛЕМО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ РЕШЕНИЕ БРЕНТАНО О МОЁМ ДНЕВНИКЕ НА 1928 КОГДА ОЖИДАЕТСЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕОНА/ ЭТА НОМЕР ПЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

29 октября 1926 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Урга 29 окт. 1926

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

НОМЕР ОДИН ПОЛУЧИЛИ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО/ ЛЮБЕЗНО ОТКЛОНИТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ХОРША КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ БЕЗНРАВСТВЕННЫ. ПРОДАВАЙТЕ КАРТИНЫ КРЕСТОНА. НЕ ПОНЯЛИ ВСЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПИТТСБУРГЕ И ПОМОЩИ ФРЕДА И ИЗМЕНЕНИЯХ ПЛАТЕЖЕЙ НЕБРАСКИ КАКИЕ НОВЫЕ ДОВОДЫ НАЧИНАЮТ УСТРАИВАТЬ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ/ ЦЕЛУЕМ/ ЭТА НОМЕР ШЕСТЬ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ.)

НОЯБРЬ

8 ноября 1926 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 8 ноября

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПРИВЕТСТВУЕМ ДЕВУШЕК ВСЕХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕ УСЛОВИЯ БРЕНТАНО НЕ ВЫГОДНЫ/ ХРАНИТЕ МАТЕРИАЛ БУДУЩИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ/ ВСЕ ДЕНЬГИ ПОЛУЧЕНЫ. НИ ОДНОГО СООБЩЕНИЯ ОТ ФРЕДА НЕ ИМЕЕМ/ ОБДУМЫВАЕМ НЕЯСНЫЕ НОВОСТИ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ/ ЦЕЛУЕМ/ НОМЕР СЕМЬ

Архив Музея Н. Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

10 ноября 1926 г.

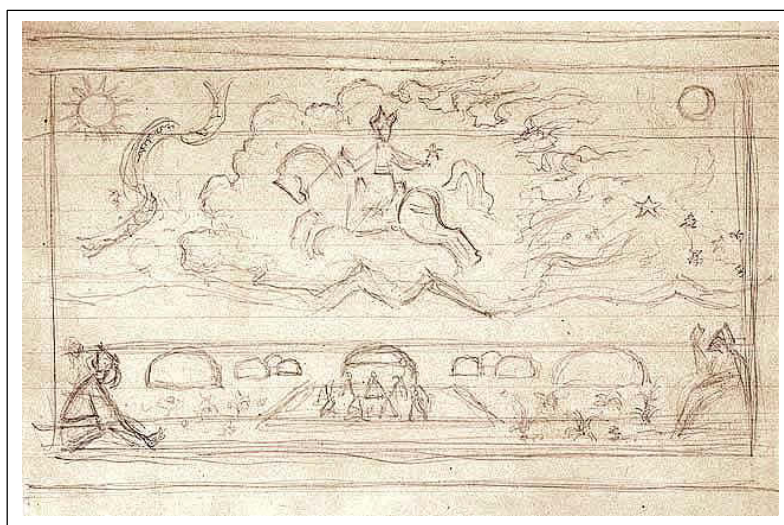
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Многое вы начинаете делать правильно»...

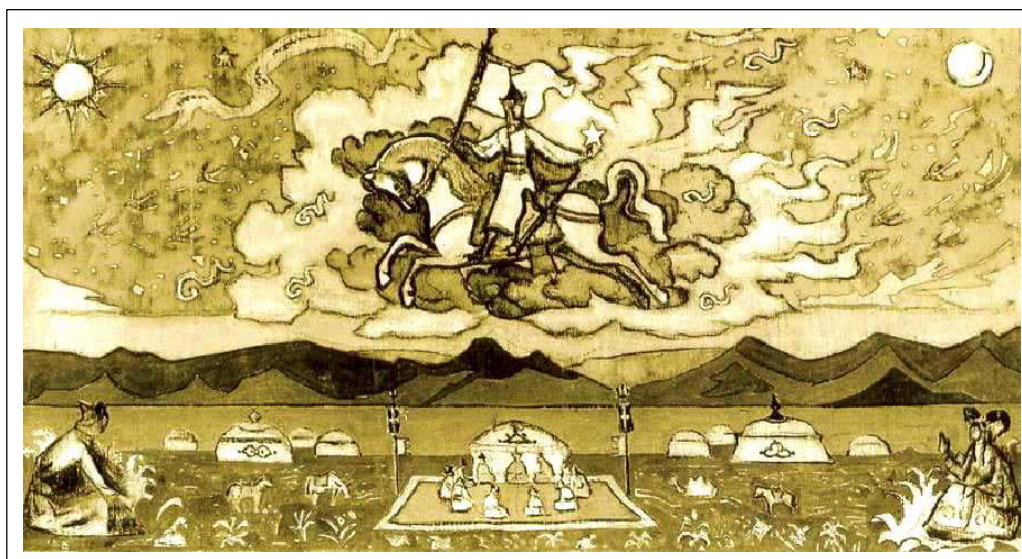
«Как цветы целебные поднимаются ростки сознания народов! Русло народного стремления несёт человечество к новым знаниям. Это утверждение можете выразить поэтической метафорой или сухой формулой, но смысл народного потока останется непоколебимым. Захочет ли кто идти затруднённо или поймёт полезность сотрудничества, но направление эволюции останется неизменным.

Будут процветать мировое обновление, сотрудничество, взаимопомощь и община!»...

«Можно и картину писать «Красная звезда». ...

Н.К. Рерих. Эскиз композиции к картине «Красный всадник» 1926.

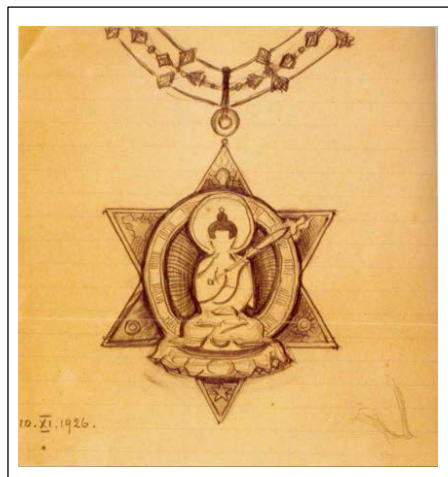

Н.К. Рерих. Красный всадник. 1926.
(Однотонное воспроизведение)

Н.К. Рерих. Красный всадник. 1926.

10 ноября 1926 г.

Орден Будды Всепобеждающего. (Эскиз) 1926. Слева внизу дата: **10. XI. 26.**
(Эскиз хранится в Русском культурном центре. Амхерст колледж. США)

Орден Будды Всепобеждающего (Эскизы). 1926 Акварель. Надпись: натур. велич

17 ноября 1926 г. Нью-Йорк

Фанни Грант

РЕРИХ

(Речь, произнесённая на собрании в годовую день Музея
РЕРИХА 17 Ноября 1926 г.)

В жизни учреждений, так же как и в человеческой жизни бывают сроки, когда можно оглянуться и измерить пройденное пространство. Такой срок наступил для Музея Рериха, который 17 Ноября вступил в новое трёхлетие.

Музей Рериха, посвящённый творческой мощи одного мастера, является необычайным по своему заданию. Подобные музеи и в Европе исключительно редки. В Америке же такой музей является первым. Во всяком случае, это первый музей, посвящённый ещё живущему мастеру. Такой музей может быть посвящён лишь творческой мощи, которая выросла за пределы национальности и нашла восторг и признание во многих странах. Творчество Рериха, именно, таково. Его искусство прошло многие страны и его слово вошло в язык многих народов.

Америка, по природе своей, по разнообразию потока притекших национальностей, является наибольшим всемирным космополитом. Поэтому, именно, мы здесь, в Америке, мысля международно, можем приветствовать и оценить явление международного значения, которое представляет собою музей.

15 Декабря 1925 года исполнилось тридцатипятилетие творческой работы Рериха. В течение этого периода, прямой восходящий путь – начиная с первой выставки – дал полную жатву неповторяемого творческого посева. Музей содержит произведения многих периодов Рериха.

Это искусство более не нуждается в похвалах. Авторитеты многих стран, лидеры жизни искусства, посвятили горячую оценку творениям Рериха. Конечно, были и враждебные голоса, ведь, глубокий творческий источник, каким является Рерих, никогда не оставляет зрителей равнодушными. Или он вызывает горячую дружбу и почитание, или порождает напряжённую ненависть. Но, ведь, это не удивительно – просмотрите анналы искусства и творения великих мастеров и вы всюду замечаете то же самое явление.

Искусство Гогена и Врубеля приводились в сравнение с творчеством Рериха. Это не случайно. Каждый из них творил свой стиль характерный и не повторяемый – как неповторяем их жизненный путь. «Облака Рериха», «Горы Рериха», «Камни Рериха», «Стиль Рериха», - все эти эпитеты давно сложились и прочно вошли в жизнь.

Творчество Рериха независимо возвышается, как твердыня самодовлеющая. Тагор в своей характеристике Рериха отмечает эту особенность: «Ваше искусство независимо, ибо оно велико».

Жизнеописание Рериха не будем повторять здесь. Достаточно сказать, что оно стоит в ряду самых фантастичных. Достигнув крупнейшего положения в русском искусстве, Рерих, после революции, вырастает в величину международную. Ещё при жизни приходит к нему признание, когда его сила и творчество в полном расцвете.

Америка ему посвящает особый музей. Он признан и избран, как президент и почётный президент многих учреждений. Но искания его не прекра-

щаются. Во время высшего успеха, он ищет новые высоты, он восходит на далёкие вершины Гималаев. Он переходит Каракорум – высший путь мира. Как истинный викинг, он полон новых устремлений. Такова независимость его творческой жизни.

К этой независимости он прибавляет широкое, покоряющее понимание мастера, стремящегося к миротворчеству, как можно видеть из отрывка письма его из Москвы, недавно обошедшему прессу Америки.

«Друзья, если бы Вы могли видеть доброжелательную толпу, бывшую при нашем отъезде. Если бы Вы могли слышать задушевные приветы, которые народ посылал в Америку. Вы бы ещё крепче почувствовали все нити тесно соединяющие наши великие страны, - которые никогда между собой не евали.

Чем особенно трогательны подобные проявления. В них нет ничего предвзято политического, но вы чувствуете, как мысленно великая рука народа пожимает дружески руку народа заокеанского. И в этом черезокеанном рукопожатии выражена вся космичность переживаемого момента.

Мы вспоминаем тех американских фермеров, которые в 1921 году, во время здешнего голода приходили к нашим кострам. Спрашивали они, как лучше и быстрее могли бы они помочь народу русскому. Истинный мир строится, именно, такими народными стремлениями, именно, таким взаимопониманием.

В приветии от множества множествам заключено истинное ручательство мировых сношений. Какое благо, если народы могут приветствовать друг друга. И каждое движение такого народного приветия должно быть внесено на странице истории. От самого края русской границы, по Иртышу, по просторам Сибири до Москвы – до сердца Союза – мы видели поражающий рост народного сознания. Матросы, красноармейцы, пограничники, землепашцы, рабочие, школьные учителя – также множество учащихся, посещавших музеи – горели искренним стремлением «знать». Вы понимаете, если народ зажжён этим стремлением к знанию, он созидает твердую почву для реального строительства. Знайте, и вы получите. В этом стремлении к познанию сказалось всё благо позитивизма. Если я знаю, то ничто не может лишить меня приобретённого знания. Я видел также стремление к знанию среди молодёжи и среди рабочих Америки. А теперь я видел эту жажду знания среди широких масс республик союза. Привет от народа народу.

Скоро мы опять сменим вагон на караван и опять увидим новых людей. Буду рад и от них послать вам привет».

В следующем отчёте совет директоров представляет факты растущей жизни музея. Но есть и другая сторона значения музея, менее выразимая, но одинаково, многозначительная. Это сторона внутреннего воздействия, которая трудно выражается словами.

Я подразумеваю то внутреннее воздействие, которое увлекает и создаёт истинных энтузиастов музея.

Музей делается средоточием художников всех отраслей, которые находят в нём новое вдохновение. Музей привлекает молодёжь, рабочих, учителей, студентов, и они выходят из него радостными и бодрыми.

Поэты и литераторы радовались перед картинами и посвящали им свои новые произведения, зажжённые видимым в музее. Вспомним такие произведе-

дения - А. Мерит, И. Народного, Мэри Зигрист, Чарльз Сторк, Барбара Ионг и другие.

Можно вспоминать восторженные восклицания Зулоага и Местровича. Неразрывно стоит с музеем высокая оценка таких художников, как Беллоуз, Чандлер, Кент, Дитерих, Норман-бел-Геддес и многих других и пламенный отзыв Фаджи, Стоковского, Д-р Холланд, Эггерс, Харше, Папин. Брэгдон возгласил потрясающую красоту «твердынь». Олин Доунс нашёл в музее ответ на решение современной жизни. Каун и Мукерджи возгласили миссию творчества Рериха. Так музей огненным кольцом вдохновения зажег многие творческие светильники.

Наряду с художниками пришли рабочие, студенты, люди всех состояний и в сверкающих знаках красоты, в момент мировых потрясений нашли высокую бодрость и обновление.

Так в своём глубоком воздействии музей свидетельствует о правоте слов Д-ра Хюит, когда он назвал сущность Рериха, выражением Сорделло Браунинга – всеобъемлющий, вседающий.

Ф.Р. Грант

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/523. лл. 4 об.-7.

23 ноября 1926 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 23 ноября

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

БЛАГОДАРИМ ПОЗДРАВЛЕНИЯ. ПОЖАЛУЙСТА ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ФРЕДУ ПОЧЕМУ НЕ СВЯЗАТЬСЯ БЕЛВЕРОМ. ХОТЕЛИ БЫ ЗНАТЬ НОВОСТИ ОБО ВСЕХ УЧРЕЖДЕНИЯХ. НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОКТОРА КЛАРКА. КОГДА ОЖИДАЕТСЯ ЛЕОН. ВСЁ ОЧЕНЬ УДАЧНО УКАЗАНИЯ НАПИСАТЬ ПИСЬМО. ВТОРОЕ ПИСЬМО ОТПРАВЛЕНО. ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕШЛИТЕ ТРИ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ. ЭТА НОМЕР ВОСЕМЬ

Архив Музея Н. Рериха, Нью-Йорк. (перевод с англ.)

27 ноября 1926 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 27 нояб.

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

УКАЗАНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ ОДИН ИЛИ ДВА ТОМА ЕЖЕГОДНО/ ИЗМЕНИТЕ НАЗВАНИЕ ЧТО-НИБУДЬ БОЛЕЕ УТВЕРЖДАЮЩЕЕ ЧТО ПРОИЗОШЛО С БЕАТРИС ЧТО РОБЕРТ СОВЕТУЕТ ПРИЕЗДУ ЛЕОНА/ ЛЮБЛЮ ЭТА НОМЕР ДЕВЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского.)

ДЕКАБРЬ

4 декабря 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 4 дек.

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПРЕДЛАГАЮ НАЗВАНИЯ ЛУЧНИК ИЛИ АДАМАНТ ИЛИ СТРЕЛА. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ РЕЗУЛЬТАТ БАЛТИМОРСКОГО ОТЧЁТА ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ АДРЕС ЛЕОНА/ НОМЕР ДЕСЯТЬ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

7 декабря 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 7 дек.

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

УКАЗАНИЕ ИМЕТЬ ТЕРПЕНИЕ ДАЙТЕ ВРЕМЯ РОСТУ/ НЕТТИ МОЖЕТ ПИСАТЬ ДЛЯ АЛЬМАНАХА. ИСПОЛЬЗУЙТЕ ДЛЯ ПЕРВОГО ВЫПУСКА ДНЕВНИК ГЛАВЫ ЛЕХ-КАРАКОРУМ/ ФРЕД ПОПРОСИЛ БАЛТИМОРСКИЙ ОТЧЁТ/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ НАМЕРЕНИЕ ЛЕОНА/ НОМЕР ОДИННАДЦАТЬ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского.)

8 декабря 1926 г. Улан-Батор.

Письмо Советского полпреда в Монгольской Народной Республике П.М. Никифорова к Г.В. Чичерину (совершенно секретно).

О ПАНЧЕН-ЛАМЕ

Г.В.Чичерину

Улан-Батор, 8 декабря 1926

В сферу монгольской жизни пока ещё теоретически вкрапливается новый вопрос, связанный с пребыванием Панчена Богдо в Китае. Последние сведения, проникшие во Внешнюю Монголию, говорят о том, что Япония стремится использовать Панчена Богдо в своих планах во Внешней и Внутренней Монголии. Через Чжанцзолиновцев инспирируется слух, что Панчен Богдо добивается у Китправительства разрешения на поездку по Внутренней Монголии, и что по этому вопросу идут переговоры между Мукденом и Панчен Богдо; кроме того, переговоры связаны с денежным обеспечением дальнейшего пребывания Богдо в Китае.

Нужно полагать, что дальнейшее пребывание Богдо в Китае может иметь для нашей политики во Внутренней и даже Внешней Монголии нежелательные последствия: Панчен-Богдо может быть легко использован Японией в своих интересах, взамен предоставления П.Богдо средств для его дальнейшего благочестивого существования. Этот вопрос меня давно заботил, но я его не

поднимал, пока он не выявил своего угрожающего состояния, о котором я упомянул выше.

По линии соседей некоторые моменты подтверждают мои опасения, и этот вопрос я сейчас ставлю. Я полагаю, что настало время устанавливать по отношению к Богдо активное отношение с нашей стороны. Считаю, что его необходимо возможно скорее изъять из обихода японской и английской политики совершенно.

По некоторым справкам, уже настало время Панчену Богдо вернуться в Тибет и Далай-лама весьма этого хочет. Нужно полагать, что вынужденная изоляция Богдо от Тибета вызывает политическую тревогу Далай-ламы. Негласный представитель Далай-ламы в Уланбаторе намекнул мне, что очень плохо, если Панчен Богдо не сумеет скоро вернуться в Тибет, что ему в Китае очень тяжело и что он сам хочет вернуться, но ему в этом мешают китайцы.

Я полагаю, что может быть нам пора вмешаться в это дело в смысле содействия возвращению Панчена Богдо в Тибет и, если нужно, то помочь ему бежать из Китая. Кроме всех указанных мною явлений, вызвавших постановку этих вопросов, имеется еще одно обстоятельство.

В Монголии, в настоящее время в Улан-Баторе, появился известный художник путешественник Николай Константинович Рерих, который в августе направляется в Тибет. Вот этот Рерих очень настойчиво ставит вопрос о необходимости содействия возвращению П. Богдо в Тибет. Когда я спросил, почему он считает, что П. Богдо должен вернуться в Тибет, то он мне привел какие-то теологические измышления необходимости его возвращения. Я полагаю, что Рерих на кого-то работает, что я пытаюсь сейчас выяснить, а может быть даже хочет установить наше отношение к этому вопросу. Но факт тот, что кто-то также заинтересован в возвращении П. Богдо в Тибет.

Этот вопрос я считаю весьма серьёзным и просил бы дать мне по нему мнение НКВД.

Попутно ставлю и другой вопрос – об установлении уртонской связи с Лхасой. Этот вопрос ранее был поднят Агван Доржиевым, но не получил разрешения. Я полагаю, что этот вопрос сейчас своевременно вновь поставить и разрешить, материалы по этому вопросу в Востотделе имеются.

П.Никифоров

АВП РФ. Ф. 8/08 (Секретариат Карахана), оп. 9, папка 19, д. 101, л. 18-20.

Публикуется по изданию: В.А. Росов. Николай Рерих вестник Звенигорода. СПб. 2002.

9 декабря 1926 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

9 декабря

ответ 15

Рериху Мойка 83 Ленинград

Профессор Сидоров от Московской Академии Художественных знаний просил меня дать для издания автобиографию. Запроси Сидорова, желает ли Академик издать дневник путешествия. Также запроси врача Рябинина, желает ли будущим летом присоединиться [к] нашей экспедиции. Паспорта и визы устроим. Дорога и всё готовое. Если согласен, сойдёмся в денежных условиях. Считаю участие очень желательным. Его ждёт богатая практика. Нет ли так-

же хорошего молодого электротехника. Скорейше телеграфируй ответ. Беспокоимся отсутствию известий.

Рерих. Дом Петрова.

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

16 декабря 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 16 дек.

Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ПОЖАЛУЙСТА НАВЕДИТЕ СПРАВКИ ПОСЛЕ НОМЕР ПЯТНАДЦАТЬ ПОЛУЧИЛИ НОМЕР ВОСЕМНАДЦАТЬ ОТВЕЧАЕТ ЛИ МИЛУОКИ ПРАВИЛЬНО ТЕЛЕГРАММУ ЛЕОНА ПОЛУЧИЛИ ЭТА НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского.)

17 декабря 1926 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк.

Любимые, посылаю к новому году бороду. Пишу им в такой форме, чтобы вы могли подарить им в альманахе как последнее послание. Куда ушла Беатрис? В порядке ли Роберт? Фред пишет, что он послал вам отчёт. О чём – я не понимаю. Именно 17 дек. 1916 мы поехали в Финляндию. Пусть Леон помнит это очень хорошо. Пришлите исправленный каталог музея (6 экземпляров). Прибудет ли монография? Книга о буддизме, написанная Е.И., очень удачная. Самые лучшие приветы вам, любимые!

Дорогие друзья, книги и ваши письма ещё не прибыли. А телеграммы от вас достигают нас как осколки какого-то неслышимого (тихого) взрыва. На Новый Год вы оборачивались назад или только устремлялись вперёд?

Хорошего года! В таком случае не пожелание, но требовательность должна быть в этом зове. Он должен быть хорошим для тех, кто хочет трудиться, кто отдаёт себя просветительской работе.

17-го дек. было десять лет нашей бездомной жизни. Поезд отъезжал поздно ночью; поезд не отапливался. Наши родственники считали наш отъезд сумасшествием. Святослав помнит в точности, как мы укутывались всеми одеялами при 25° мороза.

Мечты об изменениях! И снег, покрывавший горы Финляндии встал первым вестником будущих Гималайских высот. Е.И. так стремилась ехать; она так хорошо знала о неизбежности пути, и ничто не могло остановить её. И вы стали сейчас огненно-подвижными, и всё убедило вас встречать препятствия и нападения, как неизбежные камни и пыль на пути. И вам были явлены облики клеветников и искажателей. Вы закаляетесь и не принимаете близко к сердцу нападения в прессе. Вы знаете, всё это имеет свои особые причины. И главные причины – невежество, осуждённое невежество, которое уводит в тьму и клевету.

В 1918 ко мне относились очень обвинительно: я был попросту похоронен в Сибири (где я не был). Служились панихиды и писались некрологи. Ко-

нечно, на наших отдалённых путях нельзя и представить, сколько происходит фальшивых толкований. Мне была показана вырезка из «Красной газеты» - интервью с А.Н. Бенуа. Даже А.Н. Бенуа заставили как на подносе выложить все парижские сплетни о Тибете и обвинения Папы Римского. Когда, согласно интервью Бенуа, я был в Лхассе, я в это время приезжал в Москву. А один забавный парень в Ленинграде так выставлялся напоказ, что при одном упоминании моего имени он вопил: «К дьяволу с Гималаями!». Забавно.

Главные вести о друзьях. Мне радостно от ваших сообщений о Зулоаге, Нустровиче, Де Анунцио. Такеучи – это невидимый активный друг! Как «Адамант» выглядит на японском? Привет Стоку за идею альманаха. Друзья, вы все такие разные, и такие устремлённые. Америка, Индия, Китай, Египет – всё становится последовательным и теряет свои случайные границы. И ваши неожиданные пути в Азию, и последний неожиданный приезд в Америку, всё это множество эпизодов становится уже нежелательным, но напряжённо незабываемым. Вспомните сумасшедшие дожди Алтая, когда З[ина], хотя она мужественно признавала необходимость пути, но вся мокрая, сетующая, молчаливо спрашивала пространство: это кончится?

Или Нетти на «море льда» в Ихаммониксе. И приход Франс[ис]. среди танцев краснокожих в Санта-Фе. И соколиное решение Л[огвана]. в Монхигане. И О[яна], доблестно решающая в Женеве. И С[офьи]М[их.] с грошем от [Св.]Ильи. Или Св[етик], шествующий на лошади по горной тропе Сиккима с книгой в руках. Или расставание на железнодорожной станции Берлина, и Ч. спрашивает: «И так это происходит?». И Татьяна и Георг. в Париже на улице Мессин, могли ли они ждать? Или W., и хотя он соглашался на неожиданности, но, тем не менее, в Индии напряжённо ожидал рыка тигра. Или задумчивость И[еровоамчика] на железнодорожном вокзале в Лионе. И философ - воин Р. в Риме. И беспамятство Ньюб. (его аппарат испортился на переходе через Яркенд – Дардж.). И Ав., который испугался иезуита на японском корабле в Марселе. А ласковый приход брата и сестры Р[озен].? А вы помните вечер 9го дек. 1924 у статуи Рока? И так это росло, слой за слоем, и так это расцветало! Всем друзьям привет! А вы строите всё время. Именно такое же созидание.

Снова мы уходим за пределы почтовой связи, и нам хотелось бы видеть, чтобы вся ваша работа была устремлена только в будущее. Направлена в те народные массы, куда искусство так трудно проникает. Именно в народные рабочие клубы, в библиотеки, в деревенские объединения, на железнодорожные вокзалы, в тюрьмы, в больницы, в сиротские приюты. Там растущие сознания. Там они ожидают. И творческое начало растёт вместе с трудом. И все препятствия – только рождение возможностей.

В 1924 статья «Звезда Матери Мира» так заканчивалась: «Ведь не «сидение» на тучах», не «играние на арфах», и не «гимны неподвижности», но упорный и озарённый труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведёт к вратам прекрасным, приведёт к полной непобедимости».

С тех пор ещё два года. Вы сражаетесь на всём многообразии просветительского фронта, и дело зовёт. Вы передаёте... *(обрыв письма)*.

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

18 декабря 1926 г. Урга.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Идём в Т[ибет], единственная дорога – в Т[ибет]. Одобряю движение в Т[ибет]. Направляете мысли на Т[ибет]. Успех ждёт вас в Т[ибете]. Надо ждать известий из Т[ибета]».

25 декабря 1926 г.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 25 дек. 1926
Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

ТРЕВОЖИМСЯ УЗНАВ УСЛОВИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОФИИ УСЛОВИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СТАТЬИ ОТСУТСТВОВАЛ НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОДЛЕНИЯ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ДОЛЖЕН НАЧИНАТЬСЯ

...ЕСЛИ НУЖНО ДОЛЖНО НАЧАТЬ ИЗ АМЕРИКИ, ДЖИН МОЖЕТ ПОСЕТИТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЫБОРЫ САНТА-ФЕ /НА ТРИ ГОДА БЕДНЫМ ЧЛЕНАМ БЕСПЛАТНО/ ЦЕЛЕСООБРАЗНО РЕШАТЬ ВСЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СО СТОКОМ И ПРЕЗИДИУМОМ/ ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕШЛИТЕ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ /ПИСЬМО НОМЕР ТРИ ПОЛУЧЕНО/ ЭТА НОМЕР ПЯТНАДЦАТЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского).

26 декабря 1926 г.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 26 дек.
Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

КНИГИ ПИСЬМА НЕ ПОЛУЧЕНЫ/ ИМУЩЕСТВО И ЗНАК БЕЗ КОРПОРАЦИИ МОГУТ БЫТЬ ТЕМОЙ НА ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ/ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНОМАРЕВЫХ ОТЛОЖИТЕ КАК ОТСРОЧЕННЫЙ ВАРИАНТ /ОСНОВАНИЕ ОБЩЕСТВА СЕМНАДЦАТОГО НОЯБРЯ /НОМЕРА ШЕСТНАДЦАТЬ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ПОЛУЧЕНЫ/ ЭТА НОМЕР ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского).

29 декабря 1926 г.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 29 дек. 1926
Нью-Йорк. (Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд Драйв)

В ТЕЧЕНИЕ ТРЁХ МЕСЯЦЕВ ОТВЕЧАЙТЕ: «ПОКА НОВОСТЕЙ НЕТ» ПИСЬМО С УКАЗАНИЕМ СЛЕДУЕТ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМА НОМЕР ОДИН ДВА ЭТО ШЕСТНАДЦАТАЯ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского).

31 декабря 1926 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

Отв. 10 слов.

Рериху Мойка 83 Ленинград.

Рябинину представляется исключительная возможность. Длительность около двух лет. Телеграфируй жалование, теперь получаемое Рябининым. Предлагаем тебе присоединиться [к] экспедиции, изучив киносъёмку. Аппарат достанем [из] Америки. Присутствие сестры милосердия обычаи страны не допустят. Фельдшер местный медик. Возьми временный отпуск супруги, путь для неё будет губителен. Можно ей оставить средства пожить у её матери. Телеграфируй решение. Передай Сидорову – дневник издаёт Америка. Ему после дам другое. Рукопись Бабенчикова и письма не получены. Без моего разрешения нельзя. Необходим адрес Рябинина.

Рерих. Дом Петрова.

31 Дек. 1926.

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (машинопись)

Декабрь 1926 г.

Из воспоминаний полковника Кордашевского:

«В декабре 1926 года получил я из Нью-Йорка известие, что в принципе решено Посольство Западных буддистов, которое пройдёт через Тибет, причём Николай Константинович Рерих, продолжая свою уже трёхлетнюю большую экспедицию по Центральной Азии, станет во главе этой миссии, и что, лично зная меня, Н.К.Р. предлагает мне должность начальника конвоя этого Посольства. Почти одновременно с письмом пришла и телеграмма с тем же, но уже официальным предложением от поверенного в делах Н.К.Р. В случае согласия, мне предлагалось около 1-го апреля выехать через Суэц и Индию в Пекин и из наиболее удобного пункта в северном Китае, организовав свой караван, идти на Сучжоу в провинции Ганьсу на соединение с ядром экспедиции. По прибытии в Сучжоу я должен был получить через почтовую контору этого города дальнейшие директивы.

Предложение такого человека, как Н.К.Р., которого я уже давно научился ценить как творца мировых образов, мыслителя и создателя многих удивительных учреждений, было мне особенно лестно. Участвовать же в Посольстве, шедшем не более и не менее как в Тибет, страну, полную каких-то сказочных тайн, и притом под руководством Н.К.Р., глубокого знатока буддизма, имело большую притягательную силу. И особенно для каждого, интересующегося эзотерикой и мистикой. Особенно же притягательно было то, что всякая деятельность Н.К.Р., в какой бы области она ни проявлялась, всегда необычна и совершенно своеобразна. Немедленно ответил я согласием, и моя жизнь наполнилась мечтами о предстоящем путешествии».

Публикуется по изданию: Н. Декроа. «Тибетские странствия полковника Кордашевского.» СПб. 2000.

ЯНВАРЬ 1927 г.

1 января 1927 г. Урга.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Родные, пишу 1-го января 1927 г.

Едва ли этот год будет таким уж спокойным, но при полном устремлении в будущее мы через него пройдем. В письмах вы говорите о новых друзьях – это просто необходимо для того, чтобы стратегическое направление выражалось не одной чертой, но чтобы чувствовалась его плотность. Всё это время горло у Е.И. не в порядке. Здесь очень пронзительный воздух, да и состав его не самый лучший. Сколько раз в день мы в духе обращаемся к вам и как бы участвуем в ваших делах и сражениях. Как Михаил – принял ли он вдумчиво и понимает ли он всё, что происходит? Фред сообщил, что у Голлербаха была очевидной тенденция Бенуа – этого давнего врага и лицемера.

Его сын сидит в Париже, и потому становится ясным странное распространение статьи Голлербаха. И Бенуа – ярый католик и папист! Здесь вы имеете целое направление. Конечно, мы понимаем, как вы возмущены, ибо, истинно, в культурной стране в такой манере художника не принимают. Но здесь проявились зло и зависть Бенуа, Таузенхольда, Арановича, Голлербаха и папистов, и иезуитов, и «докторов». Но получим пользу от всего. Клевета – пусть она будет украшением, и потеря пусть будет полезностью. Ибо, без преувеличения, мы все участвуем в большом сражении.

Послан ли рисунок Смитсу? Эта надпись будет полезной ему в его будущих поездках. Получен ли буддийский знак? Ибо это всеобщий знак почитателей Будды, к кому и вы принадлежите. Кто из вас сможет приехать? Вероятно, трудно будет для Логвана. Надо позаботиться о Поруме и о новом члене общины. Будет ли удачным коммерческое предприятие у Леона? Наблюдайте передвижения кит. армий. Много ли сейчас учеников? Какой класс приносит меньше, и какой больше беспокойств? И как Модра и Новый Синдикат? Были ли помещены отдельные фотографии? Можно дать общее название: «из материалов экспедиции Р.». И пусть Софья Мих[айловна] отложит в сторону все тревоги. Её дух такой ценный, и он не должен быть растрочен. Родные, родные, родные, шлём вам привет.

1. Постарайтесь выслать ещё одну монографию, книгу Юрия и каталог Музея. Можно послать большую Монографию «Гималаи» Рабиндранату Тагору с письмом, что вам известно, как сердечно У[читель] всегда говорил о нём.

2. Из серии страниц альбома (1925-1926) или из костюмов дайте выбрать по одному для каждого – Зигрист, Стоку, Шнайдеру (или выберите сами).

3. Пусть также Леон возьмёт для себя из горных серий или из тех же страниц.

4. Сколько монографий продано.

5. Как насчёт того, чтобы послать монографию Зуолаге, Местровичу, Пика, Ваукселесу, но с письмом, что хотя вы сами и не довольны качеством цветных репродукций, но всё же они могут воскресить творческий замысел работ (картин).

6. Если осторожно, то вся история <...> даёт вам огромное преимущество. И тогда через три месяца вы скажете, что письмо получено. Поставьте на моём письме вместо 17 дек. – 1-ое февр. 1927. Скажите, что место стоянки не указа-

но, но в период остановки в Хотане мы также не имели новостей, в течение 4 месяцев.

7. Как всё вышло с подарком <...> Чехонина?

8. Дневник на русском будет издан здесь, как публикация Общества друзей М[узея] Р[ериха] (указание) – в законченной форме.

9. Наш маленький домик «во время мороза» (фотографии для архива). Собраны ли в архив все фотографии?

10. Если старые иконы были проданы удачно, тогда можно заказать ещё в той же манере, но ограничиться с ценами так, чтобы общее количество и сумма были равными первому заказу. Указать, чтобы они были красочными и с изящным сюжетом.

11. Мы не понимаем, что увело Беатрис от дел? Только год назад она так ярко горела!

12. Как насчёт книги, планируемой Шклявером? Как она выглядит? Только предисловие?

13. И так, 1927 год пришёл, но... (окончание письма отсутствует)

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

3 января 1927 г. Ленинград

Телеграмма Б.К. Рериха к Н.К. Рериху.

Урга, полпреду СССР
для Рериха из Ленинграда

Месячное жалование Рябина около двухсот рублей, которые ему необходимо оставлять здесь [в] продолжении всей поездки. Адрес: Чернышев переулок 22. Сидоров запрашивает число иллюстраций, экземпляров, срок, форму издания. Предлагает четыре листа, пятнадцать репродукций, студия налаживается. Имеет ли экспедиция к ней отношение. Умоляю предоставить возможность ехать вместе [с] женой. Она сможет быть полезной. Оставить чрезвычайно трудно. Статьи высылаю. Возможно ли предварительное свидание [с] тобой.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

4 января 1927 г. [Урга].

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Явление Порт[нягина], конечно, полезно. Думаю явить явление Ряб[ина] как секретаря. Можно дать двести пятьдесят рублей с указанием на две должности...»

12 января 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

12 янв. 1927 Урга

Н.-Й. (Мастер Институт Объединённых Искусств 310 Риверсайд Драйв)

ПОЛУЧИЛИ ПЯТОЕ ПИСЬМО/ РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ОТЧЁТ МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ МНОГИМ СТРАНАМ/ ФРЕД СООБЩАЕТ СТУДИЯ РАЗВИВАЕТСЯ УСПЕШНО/ ПРАКТИЧНЕЕ НАЧАТЬ ГОЛЬВЕСТОНУ/ ПЕРВЫМ ОТПРАВИТЬСЯ [ЧЕРЕЗ] МИЛУОКИ НА БАЛТИМОР/ ВОЗЬМИТЕ ТАМ

РАЗРЕШЕНИЕ ИЗ УНИВЕРСИТЕТА ПРЕДСТАВЛЯТЬ МУЗЕЙ ЛИЧНО /СООБЩИТЕ ТЕЛЕГРАММОЙ ГРАЖДАНСТВО ЛЕОНА И ВАШИ НОВОСТИ/ ПЕРЕШЛИТЕ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ/ЛЮБЛЮ/ЭТА СЕМНАДЦАТЬ.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

12 января 1927 г. Урга

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам. (Первая страница рукописи отсутствует)

... Иногда свирепеешь, когда видишь окружающее невежество. Что хуже – грубое, почти животная невежественность или невежественность, кристаллизованная в бриллианты и в тихую каждодневную жизнь Запада. Искренне думаю, что гораздо труднее побороть последнее, потому что зараза от всего мертвящего велика! Как улучшится жизнь городов и людей, если люди поймут значение истинной заразы. Какие громадные средства и силы будут сохранены и использованы во благо человечества. Перед нашими глазами проходят панорамы будущих городов, городов нового мира, которые живут спокойно в сознании общины. Эти панорамы нравственного величия очерчены Ведущей Рукой. Хочу передать вам несколько мыслей из книги «Общины»: «Рыбак радостно возвращается с ценным уловом. Человечество образовалось не для несчастий. Человек – тот же радостный рыбак с многообразным уловом. Конечно, улов различен, но одна радость неотъемлема – радость мысли о будущем. Ни рыбы, ни птицы, ни животные не знают будущего. Но человек уже знает неминуемость будущего. В этом зове пространства заключена огромная радость. Кто боится будущего, тот ещё находится в животном состоянии, и мировая трапеза ещё не для него.

Научиться углубить и вознести мысль о будущем – значит занять в нём место, которое будет расти вместе с сознанием. Кто не ждёт внешней помощи, тот знает ценность своего молота. Кто знает путь в будущее, тот может без боязни нести свой улов. Между тем, часть человечества не видит даже нити в будущее. Сорванные и разметанные как осенние листья, они поднимают пыль с чужих базаров. Облако пыли закрывает врата общины»...

(обрыв письма, третья страница отсутствует).

Передайте им мой самый сердечный привет. Скажите также моему мальчику [Святославу], что я посылаю ему письмо и надеюсь, что оба приедут одновременно. Очень мучаюсь, что знаю о нём так мало. Трудно мне от того, что не увижу его перед отъездом, но без необходимых условий это невозможно. Не нуждается ли он в чём либо? Скажите ему, что мы всегда думаем о нём и очень хотели бы помочь. Убедите его написать нам и рассказать нам, в чём он нуждается. Мы уезжаем на долгий срок. Мы хотим не контролировать его, но только помочь ему. Мои родные и любимые. Сейчас вы все живёте в моём сердце.

Иск. Х.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

17 января 1927 г. Урга

Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Урга, 17 янв. 1927

Н.Й. (Мастер Институт Объединённых Искусств 310 Риверсайд Драйв)

ОБЕСПЕЧЬТЕ МОРМОНСКУЮ ВИЗУ ИЗ МИЛТОНА ТЧК УНИВЕРСИТЕТ РАЗРЕШИТ ОТПРАВИТЬСЯ ЮТУ ТЧК ПОЕЗДКА НАЧИНАЕТСЯ АПРЕЛЕ/ С ЛЕГКОМЫСЛЕННЫМИ ЛЮДЬМИ ЦЕЛЕСООБРАЗНО МОЛЧАНИЕ / НЕ ЗНАЯ КАНАДСКОЙ СТАТЬИ СОВЕТОВАТЬ НЕВОЗМОЖНО/ НОМЕР ДЕВЯТНАДЦАТЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

18 января 1927 г. [Урга].

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«...советую не возить картин в Т[ибет]».

19-21 января 1927 г.

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке.

Любимые,

Мы думаем, как лучше вооружить вас на время нашего отсутствия, как утвердить ваше сознание в нужности событий. Любимые, мы хотели бы сказать: не обманывайте себя очевидным; придерживайтесь действительности, открытой вам и всё ещё не видимой для множеств. Помните, любимые, что слепой может судить о молнии только по грому. Если Щит великого и неизменного знания ещё не достигим для нас, то у нас есть другой щит – Щит Веры и Руки Ведущей. И этот Щит всегда покроет нас и покроет в минуту высочайшего напряжения, чтобы поднять нас выше. Каменные мешки городов закрывают горизонт, и дурно пахнущие испарения покрывают пеленой цвета небес, а кажущееся довольство скрывает гниющие раны. И эта очевидность прячет истинную действительность. Подумайте, родные, глубже о событиях, и ваши сердца затрепещут от пены человеческих страданий. Чтобы в этот же момент возрадоваться о возможностях, открытых перед вами. Отбросьте мелочность, которая скрывает действительность и стремится в будущее, где ложь очевидности поторопится выставить себя во всей уверенности. Исследуйте историю, скажем, за последний век, и вы увидите, к чему привели действия людей, отемнённых очевидностью. Не будем повторять печальный опыт наших современников. Будем активизировать всю нашу силу и способности для того, чтобы подняться к ведущему сознанию. И если щит веры начнёт колебаться в нашей руке, будем искать причины в нашем сознании, отемнённом очевидностью. Не забудем, что даже во время значительно углублённого сознания могут быть трудные часы, будем помнить тогда слова Восточного Гуру своим ученикам: «Может казаться, что связь с Учителем не существует, что Учитель не существует. Но, знающий скажет: «Майя, отступи, знаю мою связь с Учителем». Может казаться многое личным помыслом, не входящим в Учение, – знающий скажет: «Майя, отступи, знаю основы Учения». Может казаться, что лишенный всех сотрудников должен тщетно поднимать тяжести, – знающий скажет: «Майя, отступи, знаю, как по лицу Земли распространены истинные сотрудники».

Майя всех веков знает, когда прикоснуться к мозгу. Из глубин прежних опытов майя вызывает тонкую пряжу колебаний, и реальность покрывает очевидностью, и заметёт явленные борозды достижений. Многоцветная майя, пора узнать тебя, чтоб сказать в полной достоверности: «Майя, отступи!»

И ещё: «Если вещественная связь мало заметна, то нужно искать причину в несогласованности сознания. Если Мы не спешим с каким-то выступлением, значит, Мы не хотим испортить нечто преждевременностью. Никогда не расставим удара среди безволия. Никогда не вложим слово, значение которого непонятно. Всегда воздержимся от безумной траты энергии, ибо по опыту знаем, как драгоценна стрела энергии».

Не сомневайтесь, что за пределами весомой материи Мы погружаемся во взаимодействия тончайших энергий, и трата крупницы этих драгоценностей должна быть разумна».

Осознавая эти слова во всей их глубине и запечатлев их в наших сердцах, мы сохраним себя от падения духа. Так же надо сказать – не бойтесь приступов тоски, они неизбежны, когда расширяется сознание. Примите их мудро, направляя все свои мысли в будущее.

«Откуда приступы тоски, иногда нами испытываемые? Нужно знать, что без этих спазмов тоски невозможно продвижение. После перехода пропасти чувствуете ослабление ножных мышц. При расширении сознания проходите много незримых пропастей. При узловых нарастаниях сознания получается скачок, и психические спазмы сокращают нервные центры. Не следует опасаться этих спазмов, недолгий покой выправит эти сокращения. Нарастание сознания труднее уследить, нежели рост волоса. Сознание завоевывает и искореняет. Сжигание старых мостов не дает поступательной отметки, но оно дает возможность наступления. Ценно не только стремиться, но и уничтожить сор позади. Сейчас видите, как большинство могло бы двинуться, но им жаль векового сора».

Любимые, ваше сознание растёт, и с ним растут возможности. Всё становится необычнее и прекраснее, и до предназначенного срока радости остаётся меньше половины пройденного пути. Подумаем также и об истинной оценке многих явлений. «Труден вопрос, что считать проявлением дела. Мы знаем, что дело в качестве, а не в объёме и количестве. Но новые люди часто не видят качества, и признак внешнего объёма для них заслоняет сущность. По легкомыслию они заняты раздуванием мыльного пузыря и радугу разложения принимают за свет озарённости. Даже довольно опытные умы заняты механическим подсчётом вместо сопоставления сущности. Как сказать им, что только качество озарит и утвердит их? Различайте великие дела от длинных мертвецов».

Указ. «Пусть соберут все сведения о буддистах в Америке, Германии, во Франции и в Англии. В Германии может помочь Кейзерлинг (его адрес есть у Народного). Во Франции – Шклявер. Может Яруя осведомиться в Англии. Порума и Ояна в – Америке и Германии».

Ваши адреса должны быть как от совершенно частной группы в Америке. Не связывайте ваше первое обращение к ним ни с одним из учреждений, потому знаки учреждений использовать нельзя. Напишите об этом условии Шкляверу и Яруе. Невозможно допустить несколько очень похожих подражаний, с которыми было бы приемлемо сохранять взаимоотношения. Вы можете искренне назвать себя буддистами, ибо принципы, с которыми вы живёте в служении, являются истинными основами буддизма. Мы очерчиваем характер обращения: «По всему миру разбросаны группы людей, искренне почитающие буддизм, и в то же время эти, единые в мыслях ячейки, разъединены. Международная американская группа из тех, кто почитает буддизм, предлагает вам

создать более близкое единение для углубления понимания и объединения положений на благо этого великого учения. Именно сейчас единение особенно нужно, что вы, как последователи буддизма, конечно, знаете, и о сроках ближайшей эволюции, указанных Учителем. Все сведения, которые вы нам дадите, будут приняты с братским вниманием и обращены к истинной пользе учения. Все ваши сообщения просим направлять на имя миссис Хорш». Далее следует подпись президента Международной американской группы буддистов. Для Порумочки будет хорошо стать президентом и для Ояны – секретарём. Все вы, конечно, понимаете, что буддизм не требует переговоров и инициаций для перехода из одной религии в другую, ибо буддизм – не религия, но философское учение жизни. И к которому мы давным-давно принадлежим. Какие то известия мы уже услышим от вас, когда вы приедете этим летом. Пожалуйста, не откладывайте первое обращение. Сделайте это сразу. Книга, которая сейчас печатается, – «Основы Буддизма» - даст вам материал, нужный для будущего общения.

Моя родная Порумочка и все вы, мои любимые, обратите серьёзное внимание на это указание и поймёте, какая великая роль предлагается вам в этом огромном международном деле.

Теперь другое. Думаю, определённо, не стоит пренебрегать Рокфеллером. Учитель считает людей с такими склонностями к воспитательным вопросам рулевыми колёсами. Потому, время от времени, посылайте ему лучшие жемчужины вашей деятельности. Пошлите ему каталог Музея, отчёт Музея Н[ового] С[индиката], «Адамант», «Альманах», если он будет удачен. А так же не избегайте этих встреч,

Авирах! Примите их без упрямства. С достоинством и полным пониманием важности Вашей высококультурной просветительской деятельности. Это будет полностью объяснимо, ваш интерес по отношению к его начинаниям – не так уж много работников в этом направлении, не думающих о выгоде. Может быть, какие-то связи наладятся.

Имеем указание, чтобы все наши письма были собраны и сохранены.

Любимые, не смущайтесь очевидностью, всё будет именно так, как должно быть, и что-то новое, ещё более высокое предназначено. При нашей встрече всё станет ясным.

Берегите здоровье и не теряйте стремления. Обнимаем всех вас, наши любимые. И направляем вам силу и радость.

Е.И.

Приласкайте моего мальчика.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с англ. яз. Машинопись)

1927 г. Урга.

Н.К. Рерих

ОДЕРЖАНИЕ

«Я ещё не верю в то, что вы рассказываете мне об одержании. Оно может быть просто отражением подсознания. Помним ли мы всё, что слышим и читаем, и видим за всю нашу жизнь? Мы потом забываем об этом; но извилины нашего мозга как-то сохраняют эти факты, а потом, позже, неожиданно открывают их. Тогда они кажутся нам совсем незнакомыми».

Так говорил мне друг в Урге. Он, будучи должностным лицом, считал скептицизм высшим знаком достоинства.

Никогда не нужно ни настаивать, ни даже пытаться убеждать. Часто необходимо только привлечь внимание другого к незначительному случаю, и при этом знаке семафора всё направление жизни может изменить свой курс. Следовательно, не подвергаясь настойчивости, наш друг узнал о нескольких других случаях, в которых одержание было основной темой. Ему рассказывали о тибетском «ролланге» - воскрешении из мёртвых. Но, конечно, скептик только пожал плечами; он считал ниже достоинства говорить об этом.

Мы рассказали ему о случае в США, когда лицо, высоко интеллигентное, утверждало, что её покойный жених владеет ею и управляет всей её жизнью, давая ей советы и приказы. Действительно, её одержатель настолько отличался от её собственного сознания, что он вызывал у неё не только душевное недомогание, но даже и физическую боль.

Наш скептик ответил, что таких «одержимых» людей можно, вероятно, найти в наших психиатрических больницах и что в правовой практике такие случаи безответственного сознания были хорошо известны. Однако это не убедило его ни в малейшей степени. Тогда мы рассказали ему, как, по словам китайца, дао-таем Хотана завладел Ти-тай, которого он сам убил. И китаец отметил, что убийца перенял некоторые характерные привычки покойника и что даже лицо убийцы изменилось по-особому за короткое время.

Скептик опять только пожал плечами.

Прошло несколько дней. Однажды вечером наш скептик пришёл навещать нас, но выглядел он очень странно. Явно что-то ошеломило его, и, казалось, он ищет возможности высказать это. Наконец, он воскликнул:

«Послушаешь ваши сказки - а после начинают происходить всевозможные странности. После нашей последней беседы, касающейся «одержимых» людей, как вы их называете, я заглянул к китайскому фотографу. Он женат на простой бурятке, совершенно безграмотной. Я знаю их очень давно. Я заметил, что китаец был несколько печален, в чём-то изменился, и поэтому я спросил его, не болен ли он. «Нет, - ответил он, - со мною всё в порядке, но с моей женой плохо. Я не знаю, как её лечить. Недавно она начала рассказывать очень странные вещи! Она говорит, что кто-то овладел ею - не один, а двое одновременно. Бог знает, откуда она берёт эти странные слова. Кажется, один из них утонул. Другой умер от перепоя. Я знаю, что факты, подобные этим, бывают, мы знали много таких случаев дома, в Китае».

Я попросил его позвать жену. Она вошла. Она всегда была маленькой и хрупкой, но сейчас она выглядела ещё тоньше. Вы знаете, она очень простая бурятка, полностью безграмотная. Когда она вошла, её муж вышел из комнаты. Я спросил: «Не хотите ли вы выпить чаю со мной?»

«Нет, - ответила она, - он запрещает мне пить чай с вами, потому что вы не верите и желаете мне вреда».

«Кто запрещает тебе?» - спросил я.

«О, это всегда он, немец».

«Какой немец? Скажи мне, откуда он?»

«Хорошо, - продолжала она, - один - Адольф, другой -Феликс. Они во мне вот уже три недели!»

«А откуда они?» - спросил я.

«Некоторое время назад, - начала она, - один мужчина пришёл к моему мужу забрать свои фотографии. Это был толстый немец, может быть, вы видели его на улице; у него было какое-то дело. Эти двое были с ним. Он ушёл, но двое остались и стали приставать ко мне. Один из них, Адольф, стал после войны кули во Владивостоке. Он утонул, когда вышел на лодке в море. Они подрались. Другой - Феликс - тоже немец, и он всегда пил и ужасно ругался!»

И так она продолжала рассказывать мне о том, что они заставляли её делать, как они вынуждали её есть много мяса, особенно недожаренного, потому что они любили его с кровью. Они также предлагали ей пить вино, потому что оно им очень нравилось. Один из них, пьяница, постоянно уговаривает её повеситься или перерезать себе горло, и тогда они могли бы помочь ей всё исполнить.

Бурятка рассказала мне всё, о чем мужчины говорили ей. Кажется, они много путешествовали на корабле, особенно один из них. Он, должно быть, был моряком. Вы только подумайте, она дала мне названия и описания городов, о которых она не имела ни малейшего понятия. Потом она говорила о кораблях и применяла такие технические термины, которые может знать только человек, чувствующий себя на паруснике, как дома. Многие слова она не могла объяснить, когда я расспрашивал её дальше, но при этом она настаивала на том, что слышит их от мужчин. Я должен признаться, что ушёл от китайца весьма озадаченным. Впервые я услышал такие вещи собственными ушами, и это соотносится с тем, что вы говорили мне.

Я должен признаться, что у меня было странное желание пойти и посетить этих людей снова, поэтому я пошёл второй раз сегодня. Когда я спросил китайца о его жене, он сразу воздел руки в отчаянии и сказал, что дела ухудшились. Как только я спросил, могу ли я видеть его жену, она вошла в комнату. «Я не могу быть с вами здесь, - сказала она мне, - они запрещают мне; они говорят, что вы хотите причинить мне вред. Они хотят, чтобы я была счастливой, а вы можете испортить всё это. Потому что вы знаете людей, которые могут изгнать их из меня». Потом она вышла из комнаты, и её муж, разводя руками, пробормотал: «Плохо, действительно, очень плохо. Наш дом разрушится».

Вы знаете, я - человек закона, и поэтому я люблю, чтобы всё было достоверным. Признаюсь, я не верил тому, что вы мне рассказали в последний раз, потому что никогда ничего подобного не случилось в моей жизни раньше. Но с тех пор, как я услышал и увидел это сам, я больше не сомневаюсь, потому что я знаю эту женщину давно, и она производит на меня сейчас совсем иное впечатление. Она не просто говорит или говорит чепуху, как это бывает при параличе или в патологических случаях, с которыми я часто имею дело в моей практике. Нет, здесь я ясно вижу нечто чуждое, ей не принадлежащее, с бесспорной и характерной психологией. Когда она повторяет фразы, сказанные моряком, можно точно почувствовать речь моряка, и моряка нашего, сегодняшнего времени. И то же самое с речью другого человека, пьяницы; это, несомненно, один из несчастных, кого война забросила в далёкие земли Сибири.

Между прочим, - внезапно сконфузившись, спросил скептик, - что нужно сделать, чтобы освободиться от такой одержимости? Потому что, когда она намекает на кого-то, я знаю, что она говорит о вас».

Я, смеясь, заметил скептику, что, очевидно, хотя мы и поменялись ролями, и что он, возможно, будет смеяться, если я скажу ему, что в таких случаях одержимости кладут куски сырого мяса с кровью на стол и затем разливают сильно пахнущие опьяняющие напитки по всей комнате. Затем все должны уйти из дома, а одержимый человек никогда не должен возвращаться туда. Конечно, можно использовать и другие методы.

Это напомнило мне любопытный эпизод, который произошёл в Америке, когда я имел серьёзный разлад с духами. Меня попросили посмотреть несколько картин, которые приписывали одной одержимой женщине. До этого времени женщина ничего не знала об искусстве и никогда не брала в руки кисть. Я увидел серию странных картин, написанных в разной технике и разной рукой.

На одном и том же полотне можно было видеть характерную технику французских импрессионистов и рядом ясную технику японской живописи. Здесь также были египетские храмы с бесспорным влиянием немецкого романтизма. Поэтому я сказал художнице, что мне кажется странным, что такие разные стили представлены вместе и на одном полотне без какой-либо координации. Но художница заявила, что картины созданы таким образом не случайно, ибо руководившие ею духи принадлежали к разным национальностям. После этого я заметил, что такая смесь стилей не способствует законченности картины. Художница долго раздумывала и затем резко сказала: «Они считают её очень хорошей!» Я продолжал настаивать на своём мнении, а духи в очень грубой и резкой форме настаивали на своём желании, чтобы картина оставалась такой, какой была. Так произошла ссора с духами, которая продолжалась довольно энергично.

«Я не знаю ничего о вашем американском случае, - прервал скептик, - но после всего, что я видел и слышал, я считаю теперь такое полностью возможным. Но мне не хочется оставлять бурятку в её теперешнем положении. Я думаю, что должен пойти туда снова и попытаться принять какие-то меры».

Я попытался объяснить скептику, что с его полным незнанием предмета он может только принести зло женщине и что он может легко заставить её совершить самоубийство или принять любые другие крайние меры. Наконец, мы поменялись ролями полностью. Я пытался отговорить моего друга от всех дальнейших визитов к китайцу, в то время как он, как пьяница, который слышит запах вина, начал бесхитростно придумывать все возможные поводы, чтобы продлить это приключение... Было странно видеть, как старый юрист, совсем недавно такой уравновешенный, пытался пойти на любую выдумку, чтобы оправдать самого себя и доказать необходимость продолжения своих визитов к китайцу. Естественно, он не забывал о бедной науке: он должен был продолжать свои экскурсии во имя науки! И именно во имя науки должно было быть предупреждено человечество. Но помимо всех этих важных соображений, здесь внезапно пробудился инстинкт к познанию невидимых миров.

Жена скептика, которая тоже присутствовала и которая раньше поддерживала меня, теперь настаивала любыми способами, чтобы я отговорил её мужа от этого похода. Последние дни он только и делал, что говорил о бурятке и немцах. Наконец, недавний скептик дал обещание оставить это дело после того, как я заверил его, что если он посмотрит вокруг, то увидит намного более важные вещи.

Уходя, он вдруг предложил мне сопровождать его прямо к монгольской колдунье: «Вы знаете, это та же самая женщина, которая предсказала Унгерну день его смерти и все его ближайшее будущее, которое точно исполнилось. Она живёт недалеко отсюда».

Я отклонил посещение колдуньи, но удивился, почему скептик не идёт к ней сам!

Как это часто случается, необычная беседа не прекращается сразу. Едва скептик покинул наш дом, как пришли два других посетителя. Один из них, местный монгол, был высокообразованным и жил за границей. Другой, бывший офицер, прослужил всю войну. Мы начали беседовать о совершенно иных проблемах. Монгол говорил о природных богатствах Монголии, где нефть течёт ручьями через пустыню и где реки несут неистощенное золото. Затем, описывая месторождения золота, он добавил тем же тихим повествовательным тоном: «А убитые китайцы не давали нам спать всё время, пока мы были в шахтах».

«Но как могли мёртвые не давать вам спать?»

«То были те мёртвые китайцы, которых убили во время бунтов после войны и революции».

«Но послушайте, как могли люди, убитые давно, не давать вам спать?»

«Они бродили вокруг, разговаривали, выбивали пепел из курительных трубок и гремели посудой».

«Вы определённо шутите».

«Нет, — последовал серьёзный ответ, - мы не видели их, но всю ночь мы слышали их. Многие из них были убиты там, и, как говорят люди, врасплох. Той ночью они пошли спокойно спать, не ожидая нападения. Всегда так: люди, которые убиты неожиданно, не оставляют свои повседневные привычки. Китайцы особенно привержены им. Они любят свою землю и свои дома. А когда люди привязаны к своим земным владениям, для них всегда трудно оставить их». Так серьёзно говорил монгол.

Офицер, который хранил молчание, добавил: «Да, с китайцами это часто случается. В Мукдене есть старый дом, в котором никто не хочет жить. Китаец был убит там, и он никому не даёт покоя. Каждую ночь он пронзительно кричит, как будто его убивают снова. Мы решили проверить этот слух и однажды отправились туда и остановились на ночёвку. Около часа ночи заметили яркую голубую сферу, спускающуюся с верхнего этажа по перилам лестницы. Этого было достаточно, и мы ушли».

Вспоминаю я и другой случай, который произошёл во время войны по соседству с прусской границей. Весь штаб остановился на ночь в маленькой лачуге. В середине ночи мы все вдруг проснулись одновременно, каждый крича что-то о лошадях. Один кричал: «Кто привёл лошадей сюда?!» Другой - «Посмотри на убегающих лошадей!» Я тоже проснулся, и в темноте рядом со мной я увидел несколько лошадей, пронесшихся мимо в стремительном беге, как бы в испуге. Охрана, расположенная снаружи, ничего не слышала. Но утром мы обнаружили, что наш табун лошадей был разорван снарядом».

Монгол оживился и подтвердил это: «Я тоже слышал о невидимых животных. Это было в юрте нашего шамана-колдуна. Шаман вызвал низшие элементарные силы, и мы все могли слышать галоп и ржание целого гурта лошадей; мы могли слышать полёт всей стаи орлов и шипение неисчислимых змей прямо внутри юрты... Вам следовало бы поговорить с нашим министром во-

оружённых сил. Он удачливый рассказчик и смог бы рассказать вам бесчисленное множество неожиданных вещей».

«Но почему вы думаете, что они неожиданные? »

«Ну, я привык думать, что все иностранцы считают наши привычные происшествия очень странными...»

Улан-Батор Хото, 1927

Публикуется по книге «Shambala», 1930 г. (перевод с английского)

22 января 1927 г. Иркутск
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.

Иркутск.

Н.Й. (Мастер Институт Объединённых Искусств 310 Риверсайд Драйв)

ИМЯ ОРИОЛА/ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМА ШЕСТЬ СЕМЬ ВОСЕМЬ/ ЗИНЕ СЛЕДУЕТ ТВЁРДО СПРОСИТЬ ФРЕДА О НАЧАЛЕ СТУДИИ/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПОЛУЧЕНИЕ ВТОРОГО ОТРЫВКА/ ПОСЛАЛИ МНОГО ПИСЕМ/ НОМЕР ДВАДЦАТЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

22 января 1927 г. Иркутск
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

22 января

Наши родные и любимые, надеемся снова увидеть некоторых из вас перед долгой разлукой. Это будет моя последняя встреча перед окончательным возвращением. Столько накоплено за это время. Сознание растёт, и удивляешься слепоте вчерашнего дня. Несмотря на возникающие временами трудности слышания и тяжесть атмосферы, ещё выше, ещё прекраснее становится путь, и возможности, открывающиеся перед вами, наполняют вас безмерной радостью. Вы же видите, как нигде ничего не делается, слова не находятся, но напряжение велико, и всё ожидает потрясения. Но молодые силы растут и не хотят поворота назад – и в этом залог великого будущего.

Помню слова – «твоя радость уйдёт». Тогда эти слова меня испугали, но теперь я понял их и не боюсь, но радуюсь. Но эта радость – другая. Человеческая радость – это радость сегодняшнего, ограниченная и обязывающая, но растущее сознание стремится только в будущее, ибо перед ним раскрываются всё новые и бесчисленные возможности радости творческой силы жизни. С расширением сознания растёт так же и сознание ответственности, и это – снова источник радости, ибо, становясь сознательным творцом жизни, человек выражает свою истинную сущность и предназначение. Что может быть прекрасней, чем сознание участия в великой созидательной симфонии вселенной! Мои родные, поймите своё вселенское гражданство, и с осознанием этого в ваших сердцах откроется доступ ко всем свершениям Вселенной! Законом притяжения и отталкивания существует весь проявленный мир!

(обрыв письма)

... 1) В будущем отчёте Музея отметьте приглашения на выставки (Харше, Питтсбурга и других).

2) Найдите в наших вещах и привезите с собой шведский орден Полярной Звезды. Похоже, из Москвы вы взяли его с собой.

3) Указание: отправьте заказным приложенное письмо. Видимо, Учитель прекратит с ним какую-то клевету.

4) Мы послали Фреду телеграмму с категорическим вопросом: сможет ли студия начать деятельность летом?

5) В отношении статьи в канадской газете нам ничего не известно. Конечно, клевета докторов работает.

6) Мы начали отделять письма от деловых заметок – для того, чтобы было легче понять. Постарайтесь собрать вместе письма Е.И. и мои в архив Музея. Соберите их в хронологическом порядке. Странно думать, что, когда это письмо дойдёт до вас, тогда к вашему кругу добавится новый член. Пусть Порума примет все меры для него и для неё.

Кто из вас приедет сюда?

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

Январь 1927. Улан-Батор

Н.К. Рерих

ПИСЬМО

Большие знамёна. Огромное количество многоцветных знамён различных форм: длинные, треугольные, квадратные. Большинство из них — красные с огромными золотыми, чёрными и белыми китайскими надписями. За ними слышится звук гигантских барабанов. Здесь марширует армия ужасного Ян-ду-ту! Правитель Туркестана готовится защитить Синьцзян от амбана Синина. Ходят слухи о том, что старый амбань Синина хочет отомстить за убийство своего брата, старого Ти-тая из Кашгара. По приказу Ян-ду-ту Ти-тай из Кашгара был убит самым жестоким способом дао-таем Хотана. И сейчас дунгане Синьцзяна полны страха перед возмездием. Но, в соответствии с другими слухами, Ян-ду-ту забрал в солдаты десять тысяч человек, чтобы отразить возможное нападение Фэна. Пусть будет так, армия собирается идти на Хами или, более точно, насколько велика армия, настолько можно достичь Хами.

Странная армия: одетая в лохмотья, с трудом передвигающаяся, нечистая на руку, подслеповатая, похожая на курильщиков опиума, и картёжников, и нищих. Но это не удивительно: этих солдат набирали на базарах. Они вербовали их повсюду, где только могли. Игорные притоны и опиумные логова поставляют большинство солдат. Всякий, кто не может удостоверить точно, что он владеет собственностью или не может купить свою свободу за обычную взятку — по мановению магического кивка Ян-ду-ту превращается в солдата. Конечно, где возможна «магия», там нет смысла в обычной технической процедуре. Зачем нужно иметь долгую практику в стрельбе и военное обучение, если без этого большая армия может возникнуть как из-под земли? Ничего не значит, если даже ещё до похода к городским воротам эта армия начинает так же, как по волшебству, сокращаться. Армию сопровождают не-

сколько мальчишек, каждый из которых несёт два или три ружья. Конечно, ружья самые разные по своим системам.

Но где сами солдаты? Конечно, они не пропускают ни одной возможности и уже исчезли в узких аллеях и потайных углах обмазанных глиной дворов, пользуясь каждый раз случаем отдать своё оружие случайным прохожим. Если десятая часть армии достигнет Хами, это уже поразительное дело. Но в связи с этими обстоятельствами у Ян-ду-ту есть свои соображения. Иногда армия движется на повозках, и тогда можно увидеть по краям повозки целые ряды палок, на каждой из которых висит солдатская фуражка!.. Почему должен солдат иметь руки и ноги? У солдата есть голова, и основной частью его головы является, по-видимому, его фуражка. Если солдат исчезнет или даже никогда уже не материализуется, есть всегда прекрасное средство: военный департамент считает фуражки, каждая из которых принимается за солдата. И поэтому усердный Ян-ду-ту получает соответствующее вознаграждение.

Кроме того, Ян-ду-ту отдаёт себе отчёт, что армия сининского амбаня набирается именно таким образом. Итак, традиции жизни уравнивают силы противников.

Как я уже упомянул, Ян-ду-ту — опытный правитель. Он знает, как перевести в нужное время в иностранные банки все свои накопленные миллионы, и он же решает судьбу своих подданных с помощью петушиного боя... С кумирами, как известно, Ян-ду-ту очень груб. Он стегает и топит их, и отрезает им ноги и руки. А потом он заменяет виновного бога местным демоном, которому он только что даровал новый титул.

Суровый правитель Синьцзяна управлял провинцией в течение 16 лет; он знал, как спастись от яда, понижения в должности и гибели на войне со своими соседями. Грубая медная статуя Ян-ду-ту была возведена ещё при его жизни. Конечно, она была подарена «благодарными» подданными Синьцзяна, которые получили специальное предписание от местных амбаней. Чиновники говорят о Ян-ду-ту: «Он хитрый, наш Ян-ду-ту». Другие говорят: «У нашего правителя маленькое сердце». А люди добавляют в сердцах: «В любом случае он не будет жить очень долго».

Но крайне странно, на улице появился отряд всадников, совершенно не похожих на оборванную армию, которая только что прошла. У них нет огромных зобов, так характерных для жителей Синьцзяна. Они лучше одеты, и по их посадке на конях чувствуется, что они всадники от рождения. Это калмыки, отряд Тоин-Ламы, хана торгутов.

Старый хан торгутов, владелец карашарских земель, также попал под власть Ян-ду-ту всесильного, и в минуту странного импульса передал право наследования китайскому чиновнику, которого к нему прислали. Чиновник поспешил домой в столицу Синьцзяна с этими драгоценными документами, но калмыки узнали о странном поступке своего хана. Каждая горная тропа хорошо известна калмыцким наездникам. И куда китаец добирается за несколько дней, карашарские всадники смогут за день. Караван китайского посланника исчез, а также исчез сам посланник со всеми письмами и документами. Велик Тянь-Шань, Небесные горы, и не только караван, но и целая армия может быть похоронена на их перевалах. Таким образом, калмыцкие всадники нашли путь, как сохранить свою независимость.

Вернувшись домой, старейшины решили, что хан, который добровольно отдаёт свою власть, потерял рассудок. Поэтому они назначили своему хану успокаивающий напиток, который успокоил его навеки.

У этого неудачливого хана остался совсем юный сын. И вместо хана бразды правления взял его дядя, Тоин-Лама - тот самый Тоин-Лама, в котором воплотилась душа тибетского министра Санген-Ламы. Что касается физической тождественности этого воплощения, то Тоин-Лама имел характерную деформацию колена, точно такую же, как у покойного тибетского министра.

Даже сейчас торгуты считаются полунезависимыми. Тоин-Лама обучил особый отряд всем приёмам сибирских казаков. Однако Лама оробел, когда Ян-ду-ту потребовал, чтобы он прислал ему весь отряд. И единственная гарантия независимости торгутов была отослана согласно требованию. Ян-ду-ту приказал затем самому Тоин-Ламе явиться жить в столицу Синьцзяна, и был построен специальный дворец для знатного узника. И снова требование Ян-ду-ту было выполнено.

Ян-ду-ту однажды спросил: «Откуда появляются все эти недовольства правителем?» Его прислужники ответили: «Из газет». Решение Ян-ду-ту было, как всегда, готово: «Поэтому запретить все газеты».

Ян-ду-ту спрашивает: «Какие причины заставляют иметь в стране ненужные внешние связи и как очистить хижины от мусора?» И снова приходит быстрый ответ: «Автомобили возбуждают людей своей скоростью, и трудно уследить за лодками». Мера самоочевидна: запретить во всём Синьцзяне пользоваться автомобилями и лодками всем, кроме самого правителя. Несмотря на это, начальник почтового отделения Синь-цзяна, итальянец по имени Кавальери каким-то чудом сохранил свой автомобиль. Он также снабжает пекинскими и шанхайскими газетами должностных лиц Ян-ду-ту. Но, конечно, это делается достаточно секретно.

Как долго будут американские и немецкие фирмы продолжать торговать внутренностями и шкурами в Синьцзяне? Они должны быть очень осторожными, чтобы избежать все подводные камни, созданные этим капризным правителем, имеющим довольно странный вид с его типичной узкой китайской седой бородкой и громоподобным кашлем, который заглушает все возражения.

Предназначенные для чужих стран тюки шерсти, зашитые в белые шкуры, свалены возле отдыхающих верблюдов:

- Кто идёт?
- Караван Бельян-хана.
- Куда вы идёте?
- Прямо в Тяньцзин.
- Как долго вы будете в дороге?
- Вероятно, шесть месяцев.

И звончки верблюдов звенят весело, невнятно рассказывая о далёкой Америке.

Что такое эта Америка? Это далёкая-предалёкая страна, страна, взятая из волшебной сказки, страна, где всёе возможно - где для колбас требуется больше кишок, чем имеется у всех овец сиртов, и где нужна шерсть со всего мира; где люди двигаются и говорят, и едят при помощи машин; где люди не считают деньги на счётах, а машины сами делают все подсчёты.

Каждый сарт мечтает о торговле с Америкой: шёлк, шерсть, овечьи внутренности, сухие фрукты, - всё, что составляет его единственное богатство,

сарт хотел бы предложить Америке, но опять же тот же самый Ян-ду-ту препятствует ему. Сарты спрашивают: «У вас нет картинок Америки?» — и, борясь друг с другом, они выхватывают открытки Нью-Йорка из наших рук. И они огорчаются, если не могут иметь эти картинки. Им кажется, что в этих гигантских небоскрёбах должны жить гиганты, которые летают по воздуху на мелькающих гигантских железных птицах. Местное население до сих пор помнит старинные пророчества о том, что когда-нибудь будут стальные птицы и что железные драконы соединят все страны. Эти люди также слышали о таинственных городах святых существ, которые знают всё. И снова они спрашивают: «Можете ли вы дать нам книгу об Америке? — книгу, которая написана или по-тюркски или по-арабски? Иначе наш мулла не сможет прочитать их. Дайте нам виды Америки!»

И не только каждая фотография небоскрёбов бережется, но даже каждая цветная наклейка подбирается и хранится как знак далёкой Америки.

В песках Хотана длиннобородый мусульманин спрашивает: «Ну, скажите мне, может ли форд проехать здесь по старой китайской дороге?» В Кашгаре люди добиваются: «Нельзя ли старый участок лёсса вспахать с помощью форда?» А калмыки задают вопрос: «Ездит ли форд быстрее, чем их лошади?» А седобородые староверы на Алтае мечтают: «О, если бы мы могли иметь форд здесь!»

Говоря об этом, имеют ли они в виду человека, машину, здание или абстрактную идею? Для Азии это — двигающая сила. Форд — носитель нового движения, новых возможностей, новой жизни. Его первое имя давно утрачено. В глубинах Азии нет информации о повседневной жизни этого удивительного человека, но их представление о нём слилось с идеей движущей силы, таким образом, расширяется понятие самой идеи. И так случилось, что по мысли Азии, Форд может сделать всё.

И ещё другое американское имя вошло в память народов в глубинах Азии.

В далёких Алтайских горах, в самом почитаемом месте, где держат старые святые образы, наше внимание привлекла фотография знакомого лица, вырезанная из какого-то журнала. Мы подошли ближе и узнали Гувера. Старовер заметил: «Это тот, кто кормит людей. Да, есть замечательные люди в мире, которые кормят не только свой народ, но даже могут кормить другие нации». Сам старик не получил ничего от АРА, но эта живая легенда проложила свой путь через реки и горы, повествуя о щедром гиганте, который добросердечно посылает нужные продукты голодающим людям по всему миру.

И даже в далёкой Монголии, куда, можно было думать, не дойдёт легенда, в пустой юрте монгол опять рассказывает нам, что где-то живёт великий человек, который может накормить все голодающие народы — с великим трудом он произносит имя, которое напоминает что-то между Гувером и Куверой, почитаемого буддийского божества удачи и богатства.

Даже в эти бескрайние пустыни какой-то заинтересованный путешественник занёс возвышенную легенду о великом человеке, который работает для «Общего Блага».

Третье выдающееся культурное имя — широко известное на просторах Азии — это сенатор Борах. Письмо от него считается прекрасным пропуском повсюду. В Монголии ли, на Алтае ли или в Китайском Туркестане вы можете услышать странное произношение его имени:

«Бория — могучий человек!»

Таким образом, люди оценивают великих лидеров нашего времени.

Это так приятно слышать. Так приятно знать, что эволюция человечества несказанными дорогами пробивает свой путь в будущее.

И вдруг вы получаете письмо из Америки, успешно прошедшее все испытания китайской почтой. Конечно, письмо было вскрыто и очень небрежно закрыто опять, но в этом амбань не увидел ничего ужасного. Амбань не счёл вредным, что вы, мои друзья, начали строить новое здание. Конечно, ему могло показаться довольно странным, что это здание будет двадцатичетырёхэтажным, в то время как сам могущественный Ду-ту не нуждается в доме более одного этажа. Конечно, он считает все ваши предложения о школе, лекциях и книгах весьма опасными, но он прошёл мимо них с улыбкой.

Народ в Америке имеет много денег и может занимать себя картинами. Но теперешний амбань не интересуется такими пустыми делами и не знает ни одного имени какого-либо учёного или художника современного Китая. И если бы вы спрашивали его об этом более настойчиво, то явно потеряли бы в его мнении. Позвольте ему думать, что в этом мире имеются все типы чудаков, занятых самыми странными делами. «Но эти занятия безобидны, насколько они касаются Ян-ду-ту; почему же мы должны мешать этим чудакам; давайте вернём им их письма», — так думает амбань.

Может быть, при помощи какого-нибудь сарта или турецкого купца, или через китайского переводчика амбань также прочтёт это письмо. И, может быть, ему не понравится, что я сказал о калмыках и о петушиных боях, устраиваемых Ян-ду-ту. Но видя, что каждый амбань считает своим долгом ненавидеть Ян-ду-ту, он может улыбаться, читая письмо, и может сказать: «Хорошо, пусть они знают в Америке о нашем старике — у него маленькое сердце».

Но теперь амбань будет достаточно ошеломлен: мы будем говорить на языке совершенно ему незнакомом.

Мои дорогие друзья, в новом году повернули ли вы назад или устремились вперёд? Доброго года! Не пожелание, а приказ содержится в этом призыве! Он должен быть добрым для тех, кто желает работать, кто посвящает себя образовательной работе.

Поздно ночью 17 декабря 1916 года отошёл поезд. Его не отапливали. Родственники думали, что наша поездка - безумие. Святослав помнит точно, как мы завернулись во все наши одеяла при 25° ниже нуля. Мечта действия! И покрытые снегом скалы Финляндии возникли перед нами, как первые вестники будущих Гималайских высот. Е.И. так не терпелось поехать; она хорошо знала трудности пути, но ничто не могло остановить её.

И вы сейчас стали такими гибкими и так хорошо защищены против препятствий и нападений, как будто они лишь неизбежные камни и пыль на вашей тропе. А до этого вы являлись предметом клеветы и наветов. Вы становитесь тверже и не принимаете к сердцу нападки в прессе. Вы знаете, что всё это имеет своё особое значение. И основная причина — невежество, то невежество, которое открывает вход темноте и клевете. В 1918 году у меня был забавный случай: я был явно похоронен в Сибири; я даже не был там в это время. Были пропеты реквиемы и написаны некрологи. Конечно, во время нашего далёкого путешествия можно представить, как много было ложных истолкований. Мне показали вырезку интервью с А.Н. Бенуа. Даже Бенуа был введён в заблуждение, повторил парижскую сплетню и рассказал об анафеме Папы Римского. В это время, когда, согласно интервью Бенуа, я был в Лхасе, я на самом деле шёл по Алтаю. Занимательно!

Главное, что касается друзей. Я радуюсь вашей информации о Зулоаге, Местровиче, о Такеучи, этом невидимом активном друге! Как «Адамант» выглядит в Японии? Приветствую идею Сторка о международном литературном конкурсе.

Друзья, вы все такие разные, тем не менее, все устремлённые. Америка, Южная Америка, Индия, Китай, Египет — все объединяются и теряют свои случайные границы. Ваши внезапные пути в Азию и мой последний неожиданный приезд в Америку! Все эти разнообразные эпизоды становятся неопи-сваемыми, но и совершенно незабываемыми.

Помню неистовые дожди на Алтае, когда З., хотя героически и призна-вавшая необходимость путешествия, вся намокшая и тоскливо молчавшая, вдруг сказала в пространство: «Будет ли этому конец?» Или Нетти на «море льда» в Шамуни. А появление Френсис среди танцующих американских ин-дейцев в Санта Фе! А соколородные решения Л. в Монхегане. А героическое решение О. в Женеве! А С.М. с монетой Илии. Или Св., едущий верхом на лоша-ди по горной тропе Сиккима с книгой в руках. Или прощание на железнодорожной станции Берлина и Тч., спрашивающий: «Каким образом это случи-лось?» А Тат. и Юр, в Париже на Рю-де-Мессин: «Могли они ждать?» Или В., ко-торый, хотя и согласился встречаться с неожиданным, однако в Индии ожидал рёва тигра. Или напряжение Ш. на вокзале в Лионе. А философ-воин Р. в Риме. А беспокойство Небб.: его аппарат, испортившийся при переходе через Яр-кент-Дарья. А Ав., который мужественно прошёл по палубе корабля, когда мо-ре вздымалось, как горы. А ласковое приближение Б.

А помните вечер 9 декабря 1924 года и всё, что произошло около статуи Святого Рока? Случай возникал за случаем, и поэтому всё так расцвело. Всем друзьям привет! Стройте постоянно! Стройте высокие башни!

Снова мы уходим от почтовых связей и желаем видеть вашу работу, направленную только в будущее. Направленную к тем массам, в среду которых искусство проникает с таким трудом. В университеты, школы, в народные и рабочие клубы, библиотеки, деревенские коммуны, вокзалы, тюрьмы, боль-ницы, сиротские приюты. Растёт новое сознание. Они ждут. Творчество растёт вместе с трудом. А все препятствия — только рождают возможности.

Говорите людям о творчестве в любом виде труда. Говорите, что ничто не должно мешать им, что каждое препятствие должно быть превращено в счастливую возможность. Я, бывало, говорил ученикам: «Представьте на ми-нуту, что вы - Рафаэль, а я - Римский Папа. Я создам все условия для вашего произведения, а вы всё будете помнить, и вашим свободным сознанием будете творить, несмотря на все препятствия. Если сознание живёт в вас свободно, ничто не унижит его». И позвольте всем ученикам творить во всех областях — в искусстве, в балете и в пении. До тех пор, пока они вдруг не запоют свою собственную песню и не создадут свой собственный танец. Всеми средствами разрешайте и м оттачивать творческую одарённость.

В 1924 году статья «Звезда Матери Мира» заканчивалась так: «Ведь не «сидение на тучах» и «не играние на арфах», и не «гимны неподвижности», но упорный и озарённый труд суждён. Не маг, не учитель под деревом, не склад-ки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведёт к вратам прекрасным. Приведёт в полной находчивости и непобедимости».

С тех пор прошло два года. Вы сражаетесь на всём разнообразном поле просвещения. Работа призывает вас идти вперёд. Не желание, но уверенность

должна двигать вашу работу; вы никогда не остановитесь; другими словами, никогда не состаритесь.

Но не думайте, мои друзья, что, начав письмо с Китая, я числю себя среди врагов Китая. Вы хорошо знаете моё восхищение старым китайским искусством и философией, а также чудесными конфуцианскими псалмами, которые не так давно мы слушали в Нью-Йорке. Но если на спине прохожего вы видите скорпиона или тарантула, ваша обязанность сказать ему об этом. Сегодня Китайское море так волнуется, что в бесформенной пене шторма вы не можете увидеть опор фундамента; а вместо глубокой чистой воды — всё мутно. Но я продолжаю верить, что искреннее описание всех отживших форм и суеверий принесёт только добро.

Амбань может, если ему нравится, читать эти мои пожелания. Несомненно, он также скоро поймёт, что, когда мы говорим об искусстве, науке и красоте, и культуре, мы касаемся лучших и самых жизненных движущих сил человечества. Я надеюсь, что это письмо, даже если не очень скоро, дойдёт когда-нибудь до вас, и мы снова почувствуем единство, и расстояния между нами исчезнут.

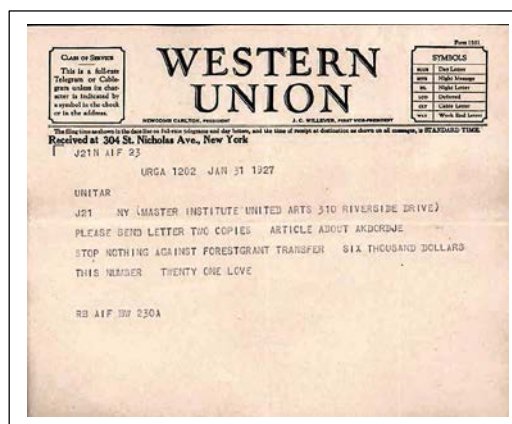
Привет всем друзьям!

Улан-Батор Хото, 1927

«Известия Улан-Батор-Хото» № 73. 1927.

31 января 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 31 января 1927.

Н.Й. (Мастер Институт Объединённых Искусств 310 Риверсайд Драйв)

ПОЖАЛУЙСТА ВЫШЛИТЕ ПИСЬМОМ ДВА ЭКЗЕМПЛЯРА СТАТЬИ ОБ АКДОРДЖЕ ТЧК /НИЧЕГО ПРОТИВ ФОРЕСТА ГРАНТА / ПЕРЕВЕДИТЕ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ/ ЭТО НОМЕР ДВАДЦАТЬ ОДИН / ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (Перевод с англ. яз.)

31 января 1927 г. [Урга].

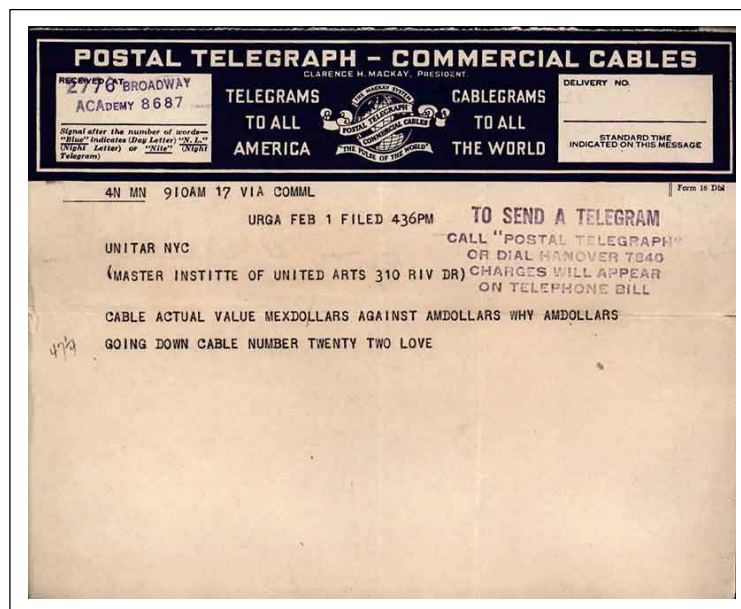
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Считаю, можно скоро ждать Рябинина. Надвигаются события...»

ФЕВРАЛЬ

1 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 1 февр. 1927.

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ФАКТИЧЕСКУЮ СТОИМОСТЬ МЕКСИКАНСКИХ ДОЛЛАРОВ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКИХ ДОЛЛАРОВ/ ПОЧЕМУ АМЕРИКАНСКИЕ ДОЛЛАРЫ ПАДАЮТ/ ТЕЛЕГРАММА НОМЕР ДВАДЦАТЬ ДВА /ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского).

Н.К. Рерих

ОБРАЩЕНИЕ РЕРИХА К ЖЕНСКИМ КЛУБАМ В НЬЮ-ЙОРКЕ.

Накануне моего отъезда на восток, скажу о моих впечатлениях от Америки и американского искусства. Чувствую, что эта привилегия принадлежит мне. Ведь двадцать три года тому назад я верил в искусство Америки, и мне довелось помочь устройству первой в России выставки американского искусства. И теперь мой оптимизм вполне подтверждён.

Сперва об Америке вообще.

Часто я слышал об узком материализме Америки. Но каждый находит то, что ищет. Каждый измеряет свой мир по своей мерке. Правда, жизнь сложна, мы часто слепы и глухи к необычным возможностям окружающего. Что есть реальность? Что такое фантазия? Люди в слепоте часто смешивают эти понятия. Как гранёный алмаз, жизнь многообразно отражает свет. Часто, где мы предполагаем один красный луч, там же близок и синий и фиолетовый. Было бы ошибочно полагать основной тон алмаза зелёным или красным. Если мы будем смотреть на Америку с пошло-материалистической Уолстрит, то и вся Америка покажется низко материалистичной. Но тогда захотелось заглянуть в область высокого интеллекта – я был потрясён этим зрелищем. Если вам

удастся погрузиться в жизнь той Америки, которая далека от биржи или уличной наживы, вы будете изумляться ценным открытиям. Нигде вы не найдёте столько социальных учреждений и храмов за пределами официальных религий. Это любопытное свидетельство свободных исканий. Когда вы посетите собрания всяких направлений, вы всегда найдёте их многолюдными. Это явное доказательство общественности.

Люди идут для поисков новой жизни. Концерты в многотысячных аудиториях наполнены, а выставки и музеи полны зрителями. Не для выгод идут туда люди. Это знак искания красоты. И не нужно забывать, что время уделяется среди высшей напряжённости и головокружительной работы. Это знаки умения обращаться со временем. Люди привлечены учениями Вивекананды, Тагора, Блаватской и других авторов международного значения. Это не из выгоды. Страна дала Эмерсона, Уот Уитмана, Эдгара По и ценит и почитает их. Страна изыскивает новые типы школ и здоровых летних детских общений.

Конечно, вы не найдёте эти знаки на Бродвее, где творчество заменено изобретательностью. Плоскость улицы не имеет ничего общего с жизнью, творимую за высокими элеваторами и закрытыми занавесями.

Тут Клод Брэгдон говорит о четвёртом измерении и показывает орган цвета. Д-р Дебей поражает вас учёным трактатом об астрологии и астрофизике.

Д-р Хилле покажет вам вселенную в одной тысячной капли жидкого золота. Вы услышите учение Ведантистов и Бахаистов. Вы услышите речи о четвёртом интернационале, о союзе всемирном, о Мехесках и Атлантиде. Вы найдёте институт для фотографии физических излучений, замечательные рефлектории и биологические станции. И всё это в той Америке, которой приписывают только бешенство грабительской наживы. Страна велика и молода – велики и молоды её стремления.

Тут же не забудете великих изобретателей, которые в своём размахе дошли до поэзии. Эдисон – изобретатель, есть в то же время и поэт находлений. Карнеги поэт огромных масштабов. Этот творческий нерв среди атмосферы насыщенной электричеством. «Улыбайся», написано на всех углах; это не насилие, это добрый совет жизненной энергии.

Мысль организации АРКА, памятной в СССР, зародилась и осуществилась, именно в Америке. Там возможна была эта доброжелательная практичность без сентиментальности. Жизненность известной части Америки даёт возможность иметь лимитированные поезда без опоздания. Та же жизненность даёт возможность пройти на заводы Форда без пылинки на сапоге. Та же жизненность даёт толпам общественность и тем устраняет многочисленность полиции. Посмотрите взаимную добровольную помощь при всяких общественных несчастьях. «Моя хата с краю» была бы непопулярной пословицей в Америке. Но путей в Америке много и надо суметь найти их. Незнание языка, неповоротливость, предубеждённость, предрассудочность и суеверие могут закрыть самые лучшие возможности. Могут толкнуть в объятия известной части банкиров, а банкир, за немногими исключениями, есть банкир...

И откуда в Америке такое доброжелательство ко всему русскому? Посмотрите и на космичность строительного размаха. Опыт смешения национальностей в Америке дошёл до небывалого напряжения и быстроты. Ещё одна условность стёрлась. На наших глазах куётся новый социальный продукт,

новая группировка позволяет рассмотреть уже новые формы строения. Этот социальный эксперимент очень замечателен среди последних эволюционных формаций. Реальность происходящего процесса позволяет различать возможности всех желательных социальных комбинаций и построения культуры. Вы уже слышали, как различаю я истинную культуру от наносной цивилизации. Историческая необходимость мировой эволюции получает значение в нашей жизни каждого дня. Именно, не предположение, не увлечение, но историческая необходимость. В вашей стране нет иностранцев, но есть лишь сотрудники. Ваша доброжелательность, реализм, подвижность и решительность откроют вам самые трудные врата. Воздух Америки полон электричества прогресса. Храните это сокровище эволюции.

В России – а союз и сотрудничество Америки и России неизбежны – есть красивая легенда о потонувшем городе, который снова поднимется в сужденные сроки. Башни этого города уже поднимаются и становятся очевидными. Насыщенная жизнь, с глубокими корнями знания, здоровая и возвеличенная трудом будет производить и сильное искусство.

Обращаюсь к моему приезду в Америку в 1920 году. Сильно впечатлили меня художники, такие, как Роквелл Кент, Георг Беллоус, Райдер, Джон Саргент, Дэвис, Морис Стерн, Уфер, Чанлер, Слоан, Маншип, Лашез, Спайкер, Мельчерс, Прендергаст, Фризике, Кроль, Стернер, среди молодых Фаджи (отличный скульптор), Девей, Джонсон, Хокнер, Шива и другие. В театральном мире Эдмунд Джонс, Норман-бел-Геддес. Показалось разнообразие американских группировок. Среди строителей – мастер небоскрёбов Боссом и разносторонний Келли. Некоторые группы ещё носили примесь национализма, но большинство уже работает в международном сознании.

Шовинизм я не почувствовал. А любовь к природным сокровищам Америки так понятна, ибо страна полна живописных красот.

Возьмите поэзию небоскрёбов. Обратитесь к скалам, гейзерам и горизонтам национальных парков. Или вспомним трагическую красоту индейских пугало, или мрачную ноту испанских останков... Вы имеете около себя столько превосходных задач для творчества. Чтобы прикоснуться к подлинным источникам, удалось нам пересечь Америку. Видел красоты Калифорнии и национальных парков Новой Мексики и Аризоны. От Ниагары до Скалистых гор и до Тихого океана. И я лично мог оценить, какое будущее имеет страна за собою.

В этих странствиях я видел многих молодых художников в трудном положении. Тяжело говорить, но, именно, через испытания куётся истинный подвиг творчества. И мог я заметить, что Америка имеет много работников, преданных искусству, которые даже в тяжких трудах не сдают свои позиции.

Творческие порывы в Америке растут. Творчество занимает присущее ему в культурной стране место.

Друзья, вы поберегите вашу художественную и научную молодёжь. В них ваше будущее. Место женщины в Америке велико, но велика и её ответственность за будущее.

Одно обстоятельство меня удивило в Америке. Это положение частного художественного собирательства. Можно встретить много выдающихся художников, но частных собирателей можно найти гораздо меньше. Есть покупатели предметов искусства, но пламенных знатоков собирателей встретить

труднее. В некоторых городах можно заметить, что даже само различие между покупателями и собирателем неясно. Также можно встретить вредную легенду о том, что хороший вкус не позволяет иметь так много художественных предметов в частной квартире. Эта неудачная легенда в значительной мере идёт от декораторов помещений, которые предпочитают занять все плоскости своими, часто трафаретными, выдумками. Но сама жизнь уже искореняет этот нелепый предрассудок.

Но всё-таки сознательных собирателей сравнительно мало. В России мы имели много преданных, сознательных собирателей, хотя и меньше покупателей. Вы знаете мою статью о русских собирателях. Я дал разные типы собирателей, разных классов и общественных положений, - от студентов и до известных составителей идейных собраний. От бедняков до богачей, но сознательность и пламенность их была трогательна. Всё было различно в них - и возможности и положения, но одно было обще - это искание красоты, это стремление к оригинальному творчеству, хотя бы в самом стремительном фрагменте.

Это будет и в Америке. Вы имеете столько отличных учителей искусства. Вспоминаю декоративный класс в нашем институте Соединённых Искусств под руководством Роберта Эдмонда Джонса, вашего славного декоратора. Вы видите, как пламенный учитель подымает своих учеников. В моих странствованиях по Америке я встретил многочисленные группы энтузиастов. Целый ряд директоров музеев, такие как Харше, Эгерс, Лаурвик, Седж-Квинтон, Морис Блох, Борроус, Дедлей Крафтс Ватсон, Эдгар Хюит, Курсворт и многие другие - они неустанно борются за искусство. Можно видеть как из госпиталей искусства, т.е. из музеев по всей стране идут живительные лучи просвещения.

Стало трюизмом говорить о международном значении искусства. Но, как моление и призыв, мы должны твердить это с неутомимой настойчивостью - с необоримой убедительностью. Врач говорит: «прежде испытайте моё средство, а потом увидите его следствие». Найдите в прекрасном контакт с исторической эволюцией.

На щите Международного Центра Искусства в Нью-Йорке мы написали:

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег, человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства и знания победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: труд, красота и действие; мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты и действия откроет врата. Под знаком красоты идём радостно. Красотою и трудом побеждаем. Красотою объединяемся. И теперь произносит эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем будущее».

1927 г.

Улан-Батор-Хото

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/523. Николай Рерих. «Алтай-Гималаи» (мысли на коне и в шатре). 1923-1926 гг. (Оттиск вступления к книге)

3 февраля 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 3 февр. 1927.

ПОЖАЛУЙСТА КУПИТЕ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ ТЧК/ ПЕРЕШЛИТЕ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ ТЧК/ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ПИСЬМО ДЛЯ ТРЕТЬЕГО АЛЬМАНАХА/ НОМЕР ДВАДЦАТЬ ТРИ / ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

7 февраля 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 7 февр. 1927.

ПОМОЩЬ МИЛУОКИ ПИТЕСБУРГУ КРАЙНЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНА/ЛЕОНУ СЛЕДУЕТ НЕМЕДЛЕННО ВЗЯТЬ ПЕРВЫЕ ДОКУМЕНТЫ/ СПРОСИТЕ ФРЕДА КОГДА ОТКРОЕТСЯ СТУДИЯ/ПОДТВЕРДИТЕ НАШУ ТЕЛЕГРАММУ ДВАДЦАТЬ ТРИ/ ЭТА НОМЕР ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

7 февраля 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 7 февр. 1927.

ПОЖАЛУЙСТА ОБЪЯСНИТЕ ПОЧЕМУ ВМЕСТО МЕКСДОЛЛАРОВ ПЕРЕВЕДЕНЫ АМДОЛЛАРЫ/ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПОТЕРИ/ БЕЛЫЙ ОТПРАВИТСЯ ДАЛЬШЕ ВЕРОЯТНО ИЮНЕ/ НОМЕР ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

10 февраля 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 10 февр. 1927.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ ПОЛУЧЕНЫ/ КОМУ НУЖНА ВИЗА/ УСТАНОВИТЕ ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОМ НОВОГО АМТОРГА/ОБЪЯСНИТЕ УЧРЕЖДЕНИЯМ ЗАМЫСЕЛ/ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ РЕЗУЛЬТАТ/ НОМЕР ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

12 февраля 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 12 февр. 1927.

ПОДРОБНОЕ ПИСЬМО О СМИТЕ ВЫСЛАНО ПОСЛЕ ЭТОГО ПИСЬМА/ СВЯЖИТЕСЬ С НИМ/ ДОЛЖЕН НАЧАТЬ НЕ ИЮНЕ НО ПЕРВОГО МАЯ/ ПУСТЬ ПОЛУЧИТ ВИЗУ ДЛЯ КРИСТАЛСА/ ДАЙТЕ ЕМУ ТРИСТА ДОЛЛАРОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ/ НОМЕР ДВАДЦАТЬ СЕМЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

15 февраля 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 15 февр. 1927.

УКАЗАНИЕ ВЫСОКО ОЦЕНИТЬ ГОТОВНОСТЬ ОДОМАРА/ НО СЕМЕЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И КЛИМАТ ПРЕПЯТСТВУЮТ ЕГО ПРИЕЗДУ/ КЛИМАТ ОЧЕНЬ СУРОВЫЙ/НУЖНЫ ТЁПЛЫЕ ВЕЩИ/ ПРИЕЗД ЛЕОНА ТАКЖЕ НЕВОЗМОЖЕН/ОЖИДАЕМ ЕГО ПИСЬМО/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ КУРС МЕКСДОЛЛАРА/ ПЕРЕВЕДИТЕ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ/ НОМЕР ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

17 февраля 1927 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

Сообщи Рябину идуем половину пути моторами коротким путём. ~~Если хлопотно получение виз и поручения, помоги ему визе.~~ О визе уже сообщено Университету. Если ему самому хлопотно, помоги. Из поручений: пусть возьмёт лекарства, палатку, три складных кровати. ~~Советуем~~ Необходимо приехать сюда скорей. <...>. Здесь наберётся сил. Нам необходимо знать твёрдые растения. Телеграфируй. Друзья очень ждут визы.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

17 февраля 1927 г.

Письмо Б.К. Рериха к Н.К. Рериху.

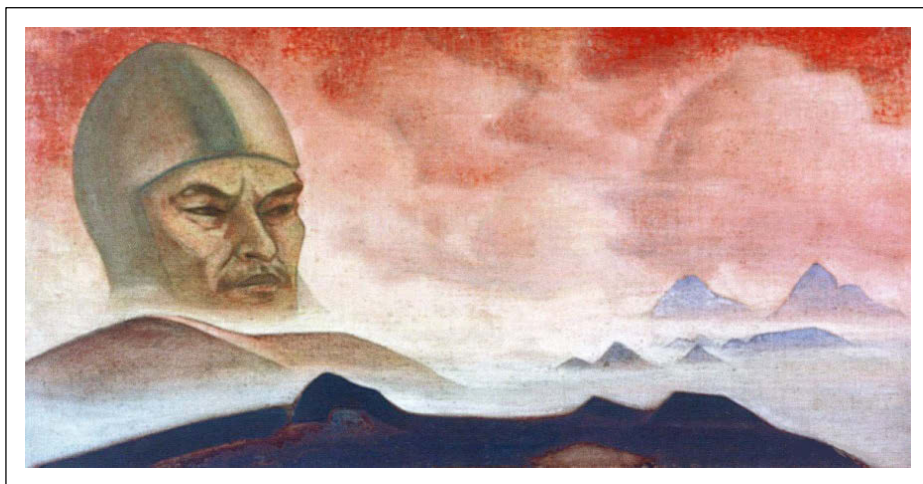
Урга. Полпреду СССР. Для Рериха. Из Ленинграда.

Рябинин окончательно согласился. Препятствий много. Устраняются. Работаю [с] Москвой. Возможно ускорение. Телеграфируй крайний срок нашей встречи.

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

18 февраля 1927 г.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Ф., напиши картину «Явление срока» - Голова Ленина».

Н.К. Рерих. Явление срока. Проект наддверной фрески. 1927. Холст, темпера. 62 x 124 см.

19 февраля 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 19 февр. 1927.

ВСТРЕЧА ПИТТСБУРГЕ ЖЕЛАТЕЛЬНА/ КУПИТЕ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ/ ИДА
ИМЕЕТ ЖЕНСКИЕ БОТИНКИ/ СОХРАНЯЙТЕ СВЯЗЬ С МИТОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ
ПЕКИНЕ/ ЛЮБЛЮ/ НОМЕР ТРИДЦАТЬ ОДИН

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

19 февраля 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 19 февр. 1927.

УКАЗАНИЕ/ ЛЕОН ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ/ УЧРЕЖДЕНИЯМ НУЖНА ЕГО РАБОТА/ КНИГИ ПОЛУ-
ЧИЛИ/ С МИТО БОЛЬШЕ НЕ ПОСЫЛАЙТЕ/ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПАН-КОСМОСА ДОЛЖЕН ДО-
БРАТЬСЯ ПЕКИН ПЕРВОГО АПРЕЛЯ/ БЫТЬ КОНСУЛА СУХОВА ПЕРВОГО МАЯ/ НУЖНО ТЕРПЕ-
ЛИВО ЖДАТЬ ЗДЕСЬ ЭДВИНА/ НОМЕР ТРИДЦАТЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

21 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

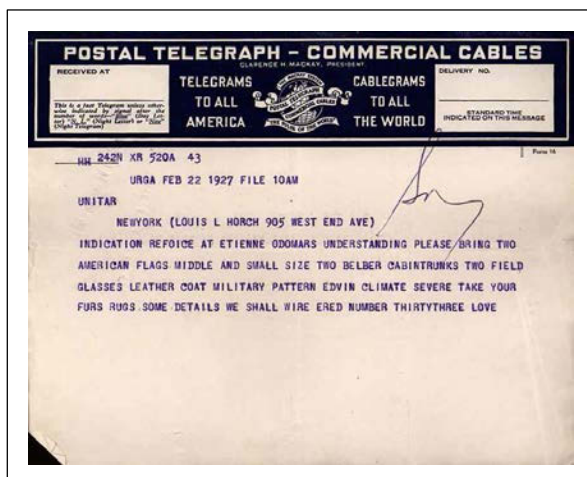
Урга 21 февр. 1927.

СМИТ ДОЛЖЕН ОТБЫТЬ НЕМЕДЛЕННО ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ ПИТСБУРГЕ
ПАРОХОДОМ ЛЮБОГО НАПРАВЛЕНИЯ/ ОБОРУДОВАНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ КУПЛЕНО
ВЕЗДЕ/ РАЗМЕР БОТИНОК ВЕЛИК/ НОМЕР ТРИДЦАТЬ ДВА/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

22 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 22 февр. 1927.

УКАЗАНИЕ РАДОВАТЬСЯ ПОНИМАНИЮ ЭТЬЕНА ОДОМАРА/ ПОЖАЛУЙСТА ПРИВЕЗИТЕ ДВА
АМЕРИКАНСКИХ ФЛАГА СРЕДНЕГО И МАЛЕНЬКОГО РАЗМЕРА ДВА КАБРИОЛЕТА ДВА ПОЛЕ-
ВЫХ БИНОКЛЯ КОЖАНОЕ ПАЛЬТО ВОЕННОГО ОБРАЗЦА/ ЭДВИН/ КЛИМАТ СУРОВЫЙ ВОЗЬ-
МИТЕ СВОИ МЕХОВЫЕ ПЛЕДЫ/ НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ ТЕЛЕГРАФИРУЕМ ФРЕДУ/ НО-
МЕР ТРИДЦАТЬ ТРИ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

22 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 22 февр. 1927.

ТЕЛЕГРАММЫ ДВЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ДЕВЯТНАДЦАТОГО ТЧК БОТИНКИ ДВАДЦАТОГО
ДВДЦАТЬ ПЕРВОГО РАЗМЕРА/ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ РАЗМЕР ВЕЛИК

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

23 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 23 февр. 1927.

ЖЕЛАТЕЛЬНО ПОСЕТИТЬ ИЗДАТЕЛЕЙ ПО ПОВОДУ БАЛТИМОРА И УНИВЕРСИТЕТА/ ОТНОСИТЕЛЬНО СЛЕДУЮЩЕЙ ВИЗЫ УПОМЯНИТЕ <...> МИРОВУЮ СИТУАЦИЮ/ СОХРАНИТЕ СВЯЗЬ СО СМИТОМ И КРИСТАЛСАМИ ЧЕРЕЗ АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО/ НОМЕР ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

23 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам.

Урга 23 февр. 1927.

ПОЗВОНИТЕ КТО-НИБУДЬ ЛЕФРАНГУ [ПО ПОВОДУ] ТЕМПЕРЫ/ ЛЕОН ЗНАЕТ МОЙ ПОДБОР/ ОСОБЕННО БЕЛЫЙ ФИОЛЕТОВЫЙ И СИНИЙ/ НОМЕР ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

24 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 24 февр. 1927.

СМИТ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ УДОСТОВЕРЕНИЕ ПАН-КОСМОСА/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

25 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 25 февр. 1927.

НИКАКАЯ МОНОГРАФИЯ НЕ НУЖНА/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

27 февраля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке .

Урга 27 февр. 1927.

УКАЗАНИЕ ЛАДА МОЖЕТ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ [О] РОСТЕ ПОНИМАНИЯ ЭТЬЕНА ОДОМАРА ТЧК НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИСУТСТВИЯ ТЧК ТЕМПЕРА НУЖНА ТОЛЬКО

БЛЕСТЯЩАЯ КРАСНАЯ ФИОЛЕТОВАЯ / РАДОСТНО ОЖИДАЕМ НОВОСТИ ОТ ВАС ВСЕХ/
НОМЕР ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

28 февраля 1927 г. Урга
Вербальная нота НКВД к правительству МНР.

Полномочное представительство Союза ССР просит почтенное Министерство иностранных дел не отказать в любезности в выдаче охранной грамоты академику Рериху Николаю Константиновичу с супругой и сыном Юрием Николаевичем Рерихом на право беспрепятственного перехода границы Монгольской Народной Республики в пограничном пункте Юм-Бэйсэ и провоза без досмотра всего имущества художественно-археологической экспедиции Н.К. Рериха, в том числе экспедиционного оружия и валюты в размере 25 тысяч мексиканских долларов, необходимых для продолжения работы экспедиции за пределами Монгольской Народной Республики.

Архив внешней политики РФ. Ф. 111, оп. 10, папка 5, д. 4

МАРТ

Март 1927 г. Урга.
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

Подготовка к экспедиции

«В начале марта 1927 г. для экспедиции начались хлопотные дни. Следовало обсудить маршрут будущего путешествия, нанять людей и караванных животных, а также частично обновить экспедиционное снаряжение, починить палатки и пополнить продовольственные запасы.

«Центральная Азия ещё не до конца была исследована нами, и мы искали поле деятельности для своей будущей художественной и научной работы. О посещении Китая не могло быть и речи, так как страна была охвачена жестокой межнациональной борьбой. Оставался Тибет - страна снегов, который в прошлые времена привлёк блестящую плеяду людей, прославившихся в истории географических исследований нашей планеты. Члены правления Музея имени Рериха очень настаивали на посещении экспедицией Тибета с целью поиска письменных и изобразительных памятников буддизма, изучения его населения и создания полотен с видами страны, в которой до этого никогда не бывал ни один художник.

«Сначала трудно было решить, в каком направлении нам следовало бы пересечь Тибет, чтобы выйти к окраине Южной Азии. Центральный Тибет с большими городскими монастырями был идеальным местом для изучения древностей. Большинство типографий находилось около Лхасы и Шигадзе, и мы надеялись заполучить в них значительное количество важных ксилографий и манускриптов. Мы решили отправиться в Центральный Тибет и уже там обдумать наш дальнейший маршрут. Из Центрального Тибета можно было

либо продолжить путешествие по юго-восточной части страны в китайскую провинцию Юньнань, а оттуда во Французский Индокитай, либо, пройдя через самые труднопроходимые леса, пересечённые глубокими речными долинами, попасть в Британскую Бирму.

«Другой возможный маршрут проходил по проторенному торговому пути Гянцзе - Чумби - Сикким. И наконец, оставалось несколько дорог через Юго-Западный Тибет, ведущих в Алмору и Симлу в Британских Гималаях.

«С самого начала мы отказались от длительного и тяжёлого маршрута в Ладак и от восточного маршрута через Чамдо и Ботан в Сы-чуань, как из-за трудностей, так и из-за того, что по ним уже прошло несколько европейских экспедиций.

«В значительной мере всё зависело от решения тибетских властей, и хотя они убеждали нас в своих благих намерениях и готовности оказывать помощь экспедиции, мы не были уверены в том, что на последнем этапе пути попадём из Тибета прямо в Индию, Южный Китай или во французские колонии. Обстановка в Центральной Азии и Китае была непредсказуемой, и поэтому нам оставалось лишь положиться на судьбу и продолжить путешествие, решая возникающие вопросы на ходу.

«Чтобы обеспечить собственную безопасность при переходе через не приветливый Тибет, мы решили получить разрешение непосредственно от тибетских властей. Нам было известно, что экспедиции, намеревавшиеся штурмовать Эверест, получали паспорта от правительства Лхасы, позволяющие исследовать горы со стороны Тибета. Поэтому, чтобы не быть непрошеными гостями и посвятить в наши планы правительство страны, в ноябре 1926 г. мы обратились к тибетскому представителю в Урге. Этот чиновник, занимавший должность доньера, сообщил нам, что он охотно поможет нашей экспедиции, если получит разрешение от своего правительства. Тибетский караван, возглавляемый мелким тибетским чиновником, был готов к отправке в Лхасу. Вместе с ним тибетский представитель отправил подробное сообщение о нашей экспедиции. На имя Его Святейшества Далай-ламы была отправлена петиция, с просьбой телеграфировать ответ через Калькутту и Пекин.

«В феврале 1927 г. тибетский представитель отправил через Пекин телеграфный запрос в Лхасу. Специальное официальное лицо из тибетского консульства было отправлено в Пекин, чтобы связаться оттуда по телеграфу с Лхасой и получить ответ. Он вернулся в конце марта с хорошими новостями о том, что лхасское правительство разрешило выдать паспорта экспедиции. Тибетский представитель быстро оформил наши документы на путешествие по Центральному Тибету, или Пё-нангу, написал специальное письмо пограничным властям и рекомендательное письмо к Его Святейшеству Далай-ламе.

«Тем временем другой тибетский торговый караван приготовился к отбытию из Урги. С ним мы отправили ещё одно письмо, уведомляющее лхасские и пограничные власти о нашем прибытии. Трудно было получить верные сведения о дорогах, ведущих из Монголии в Тибет. Хорошо известный путь Урга - Гурбун - Сайханьские горы - Алашань, по которому прошли знаменитые путешественники Пржевальский и генерал Козлов во время своих памятных кампаний, был закрыт из-за политических разногласий. Оставался караванный маршрут через Юм-бейсе - Аньси, но он был мало кому известен, кроме

нескольких тибетских торговцев и монгольских лам, которые совершили па-ломничество в Лхасу.

«В течение многих дней мы старались собрать сведения о местностях, прилегающих к маршруту, возможных стоянках, водоснабжении в пустынных районах и транспортных средствах. Единственной экспедицией, прошедшей данным маршрутом, была экспедиция генерала П.К. Козлова в 1899-1901 гг., во время которой господин Казнаков, один из помощников Козлова, сделал съёмку юго-западной части Гоби, выйдя из Сучоу в направлении к Монгольскому Алтаю. Горы на севере Аньси-чоу были тщательно исследованы Аурелом Стейном во время его Центральноазиатской экспедиции 1915 г. В целом юго-западная часть Гоби является одним из наименее изученных пустынных районов Монголии и Центральной Азии.

<...> «Через месяц мы набрали достаточное количество людей рабочими лагеря, которые могли бы стать боевой силой в случае конфликта с бандами грабителей. Вскоре штаб-квартиры нашей экспедиции и два прилегающих к ним двора, находящиеся в Урге, были запружены толпой. Было поставлено несколько палаток, в которых расположились сопровождающие нас люди, устроены хранилища и размещены запасы. Во втором дворе стояли лошади нашего конвоя, привязанные веревками к кольям. Часовые расположились у входа, чтобы не пускать посторонних. С экспедиционной охраной ежедневно проводили военную подготовку. Их учили обращаться с огнестрельным оружием. Каждый должен был знать, как вести себя в случае боя на коне и без коня, как ухаживать за своим оружием и лошадьёю. Кроме того, он должен был знать обязанности часового, учился подавать сигнал и осуществлять разведку, чтобы противостоять любой опасности».

4 марта 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам.

Урга 4 марта. 1927.

УКАЗАНИЕ/ ЗОЛОТАЯ ПТИЦА ПРИЛЕТЕЛА/ РАДУЕМСЯ И ШЛЁМ ЛЮБОВЬ ТЧК С ВЕЛИЧАЙ-ШЕЙ РАДОСТЬЮ ПОЛУЧИЛИ СЧАСТЛИВУЮ НОВОСТЬ/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПОДРОБНОСТИ О МАТЕРИ И РЕБЁНКЕ/ ЛУЧШИЕ МЫСЛИ И ЛЮБОВЬ/ НОМЕР СОРОК ОДИН

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

6 марта 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 6 марта 1927.

ПРЕДЛОЖИТЕ САРАХУ И МОИСЕЯ/ РАДЫ ЕСЛИ ЛЕОН ДАЁТ ПЕРВОЙ ИЗ КАРТИН АРХАРА/ РА-ДОСТНО ПОЛУЧИЛИ ПОДРОБНОСТИ ОБ ОРИОЛЕ/ НОМЕР СОРОК ДВА/ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

7 марта 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 7 марта 1927.

НАЗОВИТЕ ЛИСТЫ ДНЕВНИКА ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ/ НОМЕР СОРОК ТРИ/ ЛЮБЛЮ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

Из дневника Зинаиды Лихтман от 1934 г.:

«Во время пребывания экспедиции профессора Рериха в Монголии произошёл удивительный эпизод. Один из ведущих советников правительства пришёл к профессору Рериху и в моём присутствии сказал ему: «За несколько месяцев до вашего прихода один из наших великих лам, отшельник, живущий высоко в горах, навестил нас и рассказал своё видение. Был созван курултай (ежегодная ассамблея в Монголии). Внезапно над ним появился Великий Всадник и указал собравшимся на Восток. Собрание было смущено, потому что намеревалось направить свой взор на Запад. Но Великий Всадник указал ход событий». Советник закончил свой рассказ, обращаясь к профессору Рериху: «И тогда пришли вы и написали свою великолепную картину “Великий Всадник”, подарив её нашему правительству. Когда мы её увидели, мы поняли знамение вашей картины. Теперь мы хотим построить специальное помещение для вашей картины, потому что вы указали нам путь согласно предсказанию».

Это незабываемое происшествие в торжественной атмосфере широких степей Монголии являет очень знаменательный факт, над которым нам, людям Запада, следует задуматься. Указание на Восток означает указание на Шамбалу. Согласно восточному верованию, это страна Новой Эры, страна всех достижений, которые можно достигнуть через возрождение человечества, через перерождение в духе».

11 марта 1927 г. Улан-Батор

Праздник культуры.

Передача Монгольскому Правительству картины Академика Н.К. Рериха.

В пятницу 11-го марта, перед обычным заседанием Правительства состоялась передача картины Н.К. Рериха: «Великий Всадник». Совершенно неожиданный в жизни Монгольской Народной Республики культурно-художественный праздник. Впервые Правительство Республики получает дар исключительной ценности – картину, написанную рукой большого мастера, всемирно-известного русского художника Н.К. Рериха.

Яркие тона картины и экспрессия характерно восточной трактовки сюжета составляют глубокое впечатление. На тёмно-синем небе ярко горит алая звезда. В клубах огня и молнии в стремительном полёте несётся красный всадник с красным знаменем в руке. Внизу зелёно-эмалевой грядой залегли знакомые высоты Богдо-Ула. Перед юртой собрался в круге Великой Хуралдан, и оседланные кони готовы нести вестников с новыми вестями.

В особой рамке будет помещено глубокое значительное следующее письмо Н.К. Рериха:

«Привет Правительству Монгольской Народной Республики.

Монгольский народ строит своё светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несётся над просторами Монголии. На нём весь доспех и знамёна заповеданных сроков. В нём все великие бывшие жизни превратились в строительство общечеловеческой радости широкого будущего. Стоят средоточия знания и общины. Тучнеют стада коней и скота. И зазеленела степь, и покрылись высоты Богдо-Ула свежей невиданной травой. Пришло время и пришли сроки. И

на юртах выступили начертания самые счастливые. И Великий Хурулдан в деятельном совещании слагает решения новой народной жизни. И громовно звучит зов красного прекрасного Владычного Всадника. Во время расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли опять лучшие времена Азии. Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину: «Великий Всадник».

Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину: «Великий Всадник».

Н.К. Рерих. Великий Всадник. 1927 г.

Председатель Правительства, Цырен Дорджи, принимая картину, закончил свою речь следующими словами: **«Пусть идея нашего общего Учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображённому на этой картине, и пусть мужи, следующие этому учению, будут продолжать свою работу с той же решимостью, с какой несётся изображённый Великий Всадник».**

Надо пожелать, чтобы этот дар явился лучшим украшением вновь создаваемого Национального Музея при Учёном Комитете Монголии.

Известия (Улан-Батор Хото) 1927 18 марта. № 20 (364). Публикуется по изданию: .В. А. Росов «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Кн. 1. Великий план. СПб. 2002.

14 марта 1927 г. Урга

Телеграмма М.М. и З.Г. Лихтман, Рериха Б.К., Рябинина К.Н. к Рериху Н.К.

«Москва, 14 марта 1927 Урга, Полпредство СССР, для Рериха. Студия может начаться конце мая. Подробности обсудим лично. Четыре»

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. На бланке Монгольского телеграфа.

14 марта 1927 г.

В Главный Концессионный комитет.

Москва, 14 марта 1927

Настоящим Американская Корпорация «Белуха» представляет план работ и карту с нанесением маршрута экспедиции на 1927 год по обследованию района горы Белуха согласно В/отношения от 15 июля 1926 г. за №7158917 по пункту 7.

Экспедиция предполагает выступить в мае месяце 1927 года, причем сметные ассигнования на эту экспедицию предположены в сумме не менее 15000 рублей и не более 40000 рублей; состав экспедиции указан в прилагаемой пояснительной записке.

Полевые работы предполагаются в течение 5 месяцев, один месяц проезд экспедиции к месту работ и 4 месяца камеральной обработки материалов (в общем десять месяцев), таким образом просим выдать разрешение на работы экспедиции в течение этого срока, после чего нами будет представлен отчет в двух копиях: в Главконцесском и в Американскую Корпорацию «Белуха» в Нью-Йорке.

Принимая во внимание пояснительную записку, настоящим американская корпорация «Белуха» просит дать разрешение на продолжение означенных работ в течение 1928 и 1929 годов.

Ввиду необходимости срочной подготовки и отсылки настоящей экспедиции просим Главконцесском дать возможно скорый ответ.

Американская Корпорация «Белуха» Вице-президент – Морис Лихтман
Уполномоченный представитель в СССР Американской Корпорации
«Белуха» – Б. Рерих

Приложение: 1 карта, пояснительная записка и проект соглашения.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ

Настоящим Главный Концессионный комитет выражает своё согласие на организацию Вами на следующих основаниях экспедиции, имеющей целью предварительное обследование района горы Белухи: 1 Поиски и обследование будут производиться в районе горы Белухи, ограниченном с юга водоразделом и бассейном верхнего течения реки Катунь, с севера – бассейном реки Ка-

туни, с востока – течением реки Аргуты и с запада – нижним течением реки Тихой и Бирюксы.

Примечание: долина реки Верхний Уймон включается в указанный выше район.

2. Сроки окончания поисков и обследования устанавливаются для каждого сезона по соглашению.

3. Оплата расходов по организации экспедиции производится Корпорацией «Белуха», которая гарантирует оплату всех необходимых расходов, как-то: расходов по зарплате, по оплате проездов, по приобретению оборудования в размере действительной надобности.

Сумма всех этих расходов должна быть не менее 15000 рублей в сезон.

4. В случае состава экспедиции из американских инженеров, в состав экспедиции Высшим Советом Народного Хозяйства может быть командирован свой представитель, причем сумма, необходимая на покрытие расходов, связанных с его поездкой, вносится Корпорацией «Белуха» одновременно и до отъезда экспедиции на текущий счет ВСНХ в Государственном Банке.

5. Данные поисков и разведок по окончании таковых должны быть сообщены Правительству СССР.

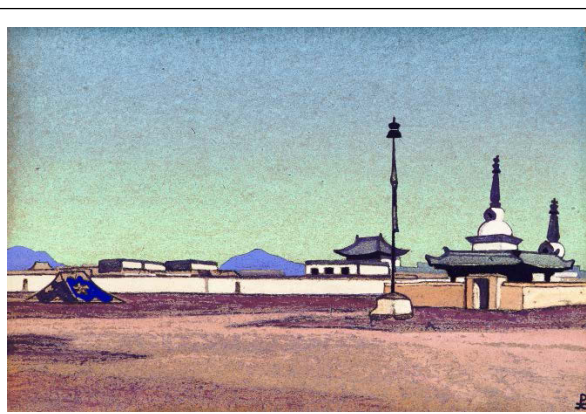
6. В случае обнаружения настоящей экспедицией полезных ископаемых, Корпорация «Белуха» сохраняет преимущественное право на производство детальных разведок в указанном выше районе в течение последующих лет. Сумма обязательных затрат на разведки и характер разведочных работ имеют быть установленными по соглашению между Правительством СССР и Корпорацией «Белуха».

7. В случае обнаружения разведками 1927, 28 и 29 гг. месторождений полезных ископаемых, имеющих промышленное значение, а также установления возможности организации в районе горы Белухи культурно-промышленного центра, Корпорация «Белуха», если ею будет доказано, что она располагает необходимыми для разработки и эксплуатации указанных месторождений средствами, получит преимущественное право, при прочих равных условиях с другими возможными соискателями, на заключение соответствующего концессионного договора.

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 112, 117 Машинопись.

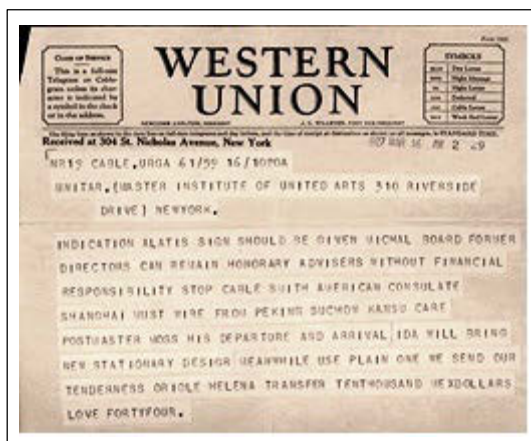

Урга. (Старое фото)

Н.К. Рерих. Богдо-ул. Вход в Ургу. 1927.

**16 марта 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам.**

Урга 16 марта 1927.

УКАЗАНИЕ/ ЗНАК АЛАТАСА ДОЛЖЕН БЫТЬ ДАН МИХАИЛУ/ СОВЕТ БЫВШИХ ДИРЕКТОРОВ МОЖЕТ ОСТАВАТЬСЯ ПОЧЁТНЫМИ СОВЕТНИКАМИ БЕЗ ФИНАНСОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТЧК ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ С МИТУ АМЕРИКАНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО ШАНХАЙ/ ДОЛЖЕН ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ИЗ ПЕКИНА СУХОВ KANSU ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ ПОЧТМЕЙСТЕРА ЕГО ОТЪЕЗДА И ПРИЕЗДА/ ИДА ПРИВЕЗЁТ ПОСТОЯННЫЙ ПЛАН/ ПОКА МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОСТОЙ / МЫ ШЛЁМ НАШУ НЕЖНОСТЬ ОРИОЛЕ/ ЕЛЕНА ПЕРЕСЫЛАЕТ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ/ ЛЮБИМ/ СОРОК ЧЕТЫРЕ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Предупреждают: "А вам не уехать". Отвечаю: "Уедем, как всегда, не отложим и на один день". Приезжают наши американцы, с ними Борис. Присоединяется доктор. После долгой переписки нашёлся П. К. Людмила и Рая поедут с нами. Первая тринадцатилетняя путешественница в Тибет.

Приходит тибетский доньер (консул), приносит тибетский паспорт и письмо к Далай-Ламе. Доньер выдаёт подобные паспорта паломникам. Наше знание буддизма даёт нам право пользоваться тем же вниманием. Посмотрим, где доньер искренен и в чём же ложь.

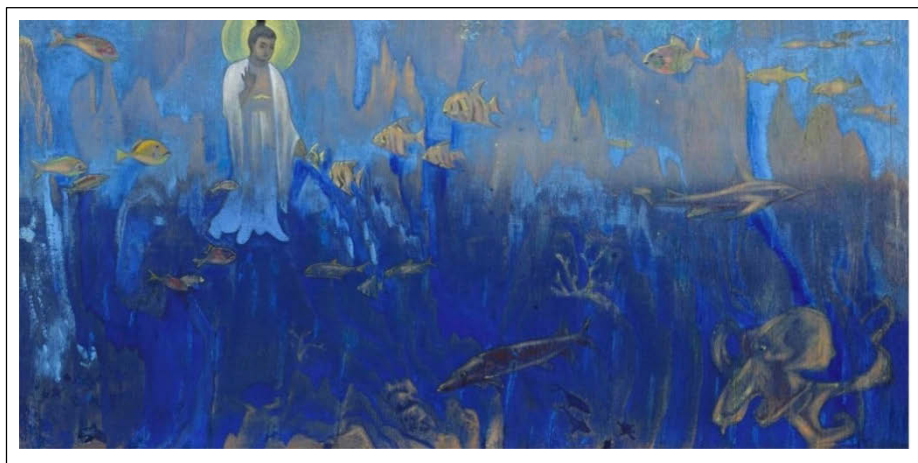
Приходят четверо бурятских лам, просят взять их с собою. Они шьют знамя экспедиции - изображение Майтрейи с аккордже наверху. Все служащие прикрепили маленькие значки аккордже на шапки и такими ополченцами ходят по Улан-Батор-Хото. Юрий учит их ружейным приёмам. Прикупили ещё восемь карабинов-маузеров. Забавляет всех стоящее в столовой механическое ружьё - "люйс". Пусть знают, что оружия у нас достаточно.

Н.К. Рерих. «Алтай – Гималаи», глава XI. Монголия.

19 марта 1927 г. Урга.
Из Дневниковых записей Е.И. Рерих:

Можно написать на картине «Будда Испытатель» – от М[ахатмы] М[ории], в музее в каталоге.

Н.К. Рерих. Будда Испытатель. 1926-1927 гг.

22 марта 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 22 марта 1927.

РАДУЕМСЯ ПОСЛЕДНИМ ТРЁМ ТЕЛЕГРАММАМ/ НОВЫЕ ДАНЫ/ ДЕЛО ИМЕЕТ ВЕЛИЧАЙШЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ/ ВОСКРЕСЕНЬЕ ОЖИДАЕМ ДРУЗЕЙ/ ЛЮБИМ/ СОРОК ПЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

24 марта 1927 г.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 24 марта 1927.

ЛУЧШИЕ МЫСЛИ НА ГОДОВЩИНУ/ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ПИСЬМА СЛЕДУЮЩЕМ АЛЬМА-
НАХЕ/ ТОЛЬКО НЕ ПЕЧАТАЙТЕ СТАРЫЙ ОТЧЁТ/ ЛЮБИМ/ СОРОК ШЕСТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

24 марта 1927 г.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Кончили книгу «Община». Теперь останутся книги «Братство» и
«Беспредельность».

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 7. М. 2009.

Община. Урга. 1927.

24 марта 1927 г.

Письмо Н.К. Рериха к Быстрову

24-е Марта. 1927.

Родной Равничар, пересылаем Вам данное для Вас Письмо. Будете иметь случай применить и цитировать его Вашим друзьям коммунистам. В Вашем первом кратком письме, Вы говорили о посылке длинного письма, но мы ничего более от Вас не получили. Пропало в пути? Вы имели случай думать о нас. И мы вспоминал Вас в Ваших трудностях. Не теряйте связь с нами. Спишитесь с Америкой.

Кроме книг и икон ликвидируйте в Урумчах. Деньги сохраните впредь до указания. Мы будем долго вне почтовых сообщений. Вам придётся побыть одному. Такое кажущееся одиночество – необходимо. В нём растёт сознание для будущих действий. Получите книги «Основы Буддизма», «Община», «Алтай – Гималаи». Прочтите и примените. Сложите прочные достойные слова: о Коммунизме, об Общине, о Буддизме, о Знании, о Красоте. Умейте хранить великое понятие Учителя. Будете встречать случай необычной ненависти, зависти, лжи и невежества. Имейте, имейте достойные слова отразить вражеские нападки старого мира. И в бодрости, и в знании, и в труде умножайте Вашу полезность делу истинной Мировой Общины.

По приложенному отпечатку дайте вырезать надпись на бирюзе и носите в кольце, подобном данному Вам. Санскритская надпись значит – «Майтрейя Община» и является символом Мировой Общины. Можете носить кольцо всегда. Первое данное Вам оставьте для внутреннего смысла.

Скажите наш привет всем Вашим, думайте, помните о нас, так же, как и мы вспоминаем Вас.

Р.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

28 марта 1927 г. Урга.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«В Урге к экспедиции присоединился Портнягин из Харбина, молодой человек, имеющий опыт в трудных путешествиях по монгольской пустыне Гоби, человек большого личного мужества.

«Г-жу Рерих в путешествии сопровождали её личные помощницы, две местные девочки-казачки, хорошо подготовленные к предстоящему трудному путешествию. Отличительной особенностью нашей экспедиции стало присутствие в ней трёх женщин, которые переносили все тяготы путешествия наравне с мужчинами. У всех мужчин экспедиции они вызывали глубокое уважение своей замечательной стойкостью в самых изнуряющих условиях и в моменты физической опасности.

«28 марта мы с радостью приветствовали наших американских сотрудников, г-на и г-жу Лихтман, которые приехали в Ургу, привезя с собой провизию и снаряжение для экспедиции. К экспедиции также присоединился доктор Рябинин, наш старый друг, добровольно пожелавший сопровождать нас в качестве медицинского консультанта. Знания, которые он имел, будучи врачом и дантистом, делали его пребывание в экспедиции очень полезным. Г-н и г-жа Лихтман привезли с собой некоторое лагерное снаряжение и палатки, а кроме того, крайне необходимую зимнюю одежду и ящики с медикаментами, которые прислали г-н Л.Л. Хорш и г-н С.Н. Рерих. Новые палатки из Нью-Йорка, так называемого канадского образца, имели конусообразную форму, опирались только на один шест с двумя распорками, предназначенными для поддержания углов, и шитый квадратный пол. Эти палатки имели огромное преимущество в том, что были чрезвычайно лёгкими. Одну такую палатку можно было без труда нести на спине, а выючная лошадь или мул могли везти сразу четыре. При разбивке лагеря такую палатку мог бы установить один человек. Они выдерживали штормовые ветра и бури тибетских нагорий и оказались очень ценным дополнением к нашему лагерному снаряжению. Прибытие ящиков с медикаментами избавило нас от большого беспокойства: в Урге было невозможно пополнить наши походные аптечки, и мы обрадовались, получив богатое подкрепление из Нью-Йорка.

---

29 марта 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 29 марта 1927.

ПРАВИЛЬНОЕ НАПИСАНИЕ ОРИОЛА/ РАДЫ СОФЬЕ ЛУЧШЕ/ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ ПОЛУЧИЛИ/ ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕВЕДИТЕ ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ БАЛАНС BELVERS СЧЁТА/ ЛЮБИМ/ СОРОК СЕМЬ

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского)

29 марта 1927 г. Урга.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Приезд друзей.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 7. М. 2009.

У крыльца дома Рерихов. Улан-Батор, 1927. Слева направо: Ю.Н.Рерих, Б.К.Рерих, З.Г.Лихтман, Е.И.Рерих, П.В.Всесвятский(?), М.М.Лихтман, Н.К.Рерих

29 марта 1927 г. Урга (Улан-Батор)

Из дневника З.Г. Фосдик «Рерихи на пути в Тибет»:

«В пять часов приехали в Улан-Батор. Добираться до города очень тяжело - такая ухабистая дорога! Мы должны были пройти таможенный досмотр, но нас пропустили, даже не взглянув на вещи. Город ужасно грязный, но тихий, интересный, с храмами, юртами, святилищами, прекрасными белоснежными горами, с такими контурами и оттенками лилового, розового и синего! Помчались в Консульский переулок - прелестный дом, большие ворота, которые распахнулись перед нами, и мы обняли Н.К. и Юрия, выбежавших нам навстречу. Е.И. осталась дома, лежала в постели: от простуды у неё поднялась температура. Мы были так счастливы, никак не могли нацеловаться. Они ждали нас уже два дня, посылали брички на дорогу, сами выходили встречать нас, и бедная Е.И. простудилась.

«Отдали нам комнату в доме своего хозяина, в том же дворе, где жили сами. Комнатка была маленькая, ни одной кровати, и они предложили нам свои раскладушки до приезда нашего багажа. Мы счастливы быть рядом с ними. Доктор (Рябинин) и В[ладимир].К[онстантинович] жили у Всесвятского, в полуквартале от них. Мы были такие грязные, что походили на бродяг, поэтому быстро приняли ванну и опять помчались к ним.

«Все они поправились, Юрий выглядел прекрасно, Н.К. немного постарел, но также выглядел великолепно, но бедная Е.И. совсем не казалась здоровой. Всю зиму она болела: горло, насморк. Атмосфера здесь ужасная, пыль, ветер, в воздухе так много микробов. Сердце её также ослабло. Кроме того, все эти месяцы они очень много работали, Н.К. заканчивал около ста картин, а Е.И. готовила к печати сразу две Книги.

«А теперь я опишу, как они жили. Прелестный небольшой домик, низкое крыльцо с двумя ступеньками, большой широкий двор. Вы сразу же попадаете в столовую, где стоит встроенный деревянный шкаф, два сдвинутых стола и стулья, большая печь, отапливаемая дровами. От столовой ведёт небольшой вестибюль, в котором стоит вешалка с меховыми пальто, а также раковина,

где вы часто моете руки из-за страшной пыли. Крошечная комнатка Юрия: книжные полки, стол и раскладушка.

«Затем вы проходите в комнату побольше, в центре небольшой столик, несколько стульев, занавешенные полки с многочисленными лекарствами и материалами, на стенах очень красивые танка, делающие комнату столь красочной. В ней два окна. Н.К. рисовал в этой комнате всю зиму.

«Справа от неё расположена комната Е.И. Очень маленькая, с двумя окнами, двумя раскладушками (Н.К. тоже спал здесь) и небольшим столиком. Чудесные танка на стенах и Святыня, вся устланная лиловым бархатом (третье окно использовалось специально для этого). В центре стоял Будда, занавешенный хатыками, несколько меньших Будд, также занавешенных хатыками, много бусинок из сандалового дерева, хрусталя, медные чаши, где горело масло, священные маленькие фигурки и изображения — всё это производило неизгладимое впечатление. Е.И. работала всю зиму, и днём и ночью, чтобы подготовить к печати две Книги.

Участники Тибетской экспедиции. Улан-Батор, 1927. Слева направо: К.Н.Рябинин, Ю.Н.Рерих, Н.К.Рерих, П.К.Портнягин и американские сотрудники З.Г. и М.М. Лихтманы

«Во дворе также стояли две юрты – одна служила туалетом и ванной (ванна небольшая, цинковая), в другой юрте, побольше, жила и спала прислуга (буряты и тибетцы). Повар Людмила, прекрасная русская девушка, на которую было Указано ещё в Урумчи, и её четырнадцатилетняя сестра готовят еду. Рерихам прислуживают также два тибетских ламы и Кончок, который путешествует вместе с ними. Ещё у них в доме есть Дедка, прекрасный тибетский старец, которого Н.К. называет “полчеловека”; он убирается в комнатах и топит печь, но с ними он не поедет. Остальные слуги - буряты. Всего десять слуг, но неумелых, необученных, сырой материал.

«Трудно описать, с какой радостью мы встретились - нам хотелось сразу же узнать обо всём и всё им рассказать. У них также есть секретарь и технический помощник, Павел Констант[инович] Портнягин, молодой человек двадцати четырёх лет — не очень приятный, но, возможно, он изменится, и от него будет больше пользы. Но самой важной новостью для нас было строительство двадцатичетырёхэтажного здания, которое должно начаться в Нью-Йорке. Такие большие перспективы и возможности!

<...> «Трудная у них была зима, никакой помощи от тех, кто её обещал, только препятствия, мелкие неприятности, глупые советы вроде того, который дал Никифоров, — подарить монгольскому правительству картину, на чём он настаивал. Н.К. неохотно, но сделал это, раскрыв таким образом своё местопребывание. Но монголы были весьма учтивы и ценили его величие и значение.

«Спустя два дня после нашего приезда мы нанесли визит Джамсарано, советнику правительства. Весьма образованный человек, говорил о возможном сотрудничестве с Америкой.

<...> «Перед уходом попросили его дать человека, который бы сопровождал экспедицию по стране вплоть до границы. Это было крайне важно, и он исполнил эту просьбу, дав им человека — ламу. На следующий день мы пошли посмотреть на подаренную картину “Великий Всадник”. Она висела в приёмной премьеры.

30 марта 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 30 марта 1927.

ДОЕХАЛИ ПРЕКРАСНО/ДОСТОЙНО ПОКАЖИТЕ МУЗЕЙ МИССИС РОКФЕЛЛЕР /БОЛЬШИЕ КАРТИНЫ ПОСЛАЛ МУЗЕЙ СЕГОДНЯ/СОРОК ВОСЕМЬ/ЛЮБИМ

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк. (перевод с английского)

30 марта 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 30 марта. 1927.

НЕМЕДЛЕННО ВКЛЮЧИТЕ В СОСТАВ АМЕРИКАНСКОЙ КОРПОРАЦИИ УР [В КАЧЕСТВЕ] СОТРУДНИКОВ ПРЕЗИДЕНТОМ ГИЛБЕРТА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ МЮРРЕЯ СЕКРЕТАРЁМ СОУПА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ ВАЙНИГА ЗА ОДНУ ТРЕТЬ СУММЫ МОНХИГАНА ТЧК НЕМЕДЛЕННО ПОШЛИТЕ ПОЛНОМОЧИЯ ВИНСЕНТУ И ОНЮ АТТОРНЕУ ПЯТЬДЕСЯТ

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк. (перевод с английского)

31 марта 1927 г.

Телеграмма Б.К. Рериха в Главконцесском.

«Ленинграда. 31 марта 1927 Москва,
Главконцесском, Скобелеву.

ВОЗНИКЛА НЕОБХОДИМОСТЬ НОВЫХ СНОШЕНИЙ АМЕРИКОЙ. ПОСЛЕДУЮЩЕЕ СООБЩУ.
РЕРИХ

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 131 Оригинал. Публикуется по изданию:

31 марта 1927 г. Урга.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Считаю решили правильно. Только при начале из Америки и при составе русско-американского сотрудничества можно провести в жизнь «Ур». Считаю увлеченный сегодня проект телеграммы правильным (в Ам[ерику])».

АПРЕЛЬ

Улан-Батор, 1927 г. Подготовка к экспедиции.

1 апреля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Урга 1 апреля 1927.

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЯ КОТОРЫЙ СОДЕРЖИТ ПОДЛИННИК РУКОПИСИ УПОМЯНУТЫЙ В КНИГЕ НОТОВИЧА ТЧК/ ОТПРАВЬТЕ АТТОРНИ ПОЛНОМОЧИЯ/ ВИНСЕНТУ ТОЛЬКО ОТ СТУДИИ НЕМЕДЛЕННО/ ПЯТЬДЕСЯТ ОДИН

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

1 апреля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 1 апреля 1927.

НАМЕРЕНЫ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ПЯТНАДЦАТОГО АПРЕЛЯ/ РЕШЕНО ШИРОКОЕ РАЗВИТИЕ СТУДИИ ТЧК / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СТОИМОСТЬ РАССКАЗА РАПИКАВОЛИ/ ТАКЖЕ ЦЕНУ ПО КОТОРОЙ ПРОДАНЫ ДВЕ КАРТИНЫ / НЕ ИЗДАВАЙТЕ СЕЙЧАС КАТАЛОГ / СОРОК ДЕВЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

2 апреля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 2 апреля 1927.

СПРОСИТЕ ASIA КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ СТАТЬИ ПОДПИСАННОЙ МАНОН С ФОТОГРАФИЯМИ/ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ИХ СОСТОЯНИЕ. ПРИВЕЗЁМ СТАТЬЮ ОСЕНЬЮ / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ КУРС МЕКСДОЛЛАРОВ / ЛЮБИМ/ ПЯТЬДЕСЯТ ТРИ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

Апрель Улан-Батор. 1927.

2 апреля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 2 апреля 1927.

ЕСЛИ ОЧЕНЬ НУЖНО ВОЗЬМИТЕ ТЕ ЖЕ ИНСТРУКЦИИ КАК ЕДИНЫЕ ДЛЯ НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ ТЧК / ПОШЛИТЕ ROWSE АТТОРНИ [И] ВИНСЕНТА ОТ ЭТОЙ КОРПОРАЦИИ ТЧК / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ КОГДА ОПРАВИЛИ ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ МЕКСДОЛЛАРОВ / НАЧИНАЙТЕ ПЕРЕВОД ДНЕВНИКА ЗИГЛИНДА <...> ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СОДЕРЖАНИЕ ARENER И НОВОСТИ ЛЕТНЕЙ ВСТРЕЧИ / СОРОК ДВА

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

4 апреля 1927 г. Урга

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 4 апреля 1927.

ЕДИНСТВЕННОЕ СОКРОВИЩЕ В ПОРЯДКЕ / ЕСЛИ ТРУДНО ПРИМИТЕ СВЕТЛУЮ ПОМОЩЬ / ТРЕБУЙТЕ ТЕЛЕГРАММОЙ ВОЗВРАТА ШЕСТНАДЦАТИ ТЫСЯЧ АМДОЛЛАРОВ ОТПРАВЛЕННЫХ ПРИМЕРНО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ДЕКАБРЯ / ТРИНАДЦАТОГО ДЕКАБРЯ ОБА ДРАФТА НЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ / ЛЮБИМ / ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

5 апреля 1927 г. Урга

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 5 апреля 1927.

КАКИЕ КАРТИНЫ ПОЯВИЛИСЬ [В] ГРАФИКЕ? ПРОБУЙТЕ БОЛЕЕ ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЧК / ДАЙТЕ СТАТЬЮ В ВОСТОЧНЫЙ ЖУРНАЛ ТЧК / НИКАКИХ ШАГОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДНЕВНИКА ТАКЖЕ В СЛУЧАЕ РОССА ДО НАШЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ. ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ДРУЖБУ [СО] СПИНОЗОЙ / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ БЕРТРАМУ ОБА ГОРОДА АМЕРИКАНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО / ЭДВИН ПРИЕДЕТ БРЕСТ ОКОЛО НАЧАЛА МАЯ / БЕРТРАМ ДОЛЖЕН ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ИЗ ЛЕОНА В БРЕСТ НАЧАЛЬНИКУ ПОЧТЫ [О] СВОЁМ ПРИЕЗДЕ / ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

5 апреля 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 5 апреля 1927.

НАПРАВЬТЕ АРКЕРУ ЛОРМУ / ВИНСЕНТУ / ЖЮЛИ/ ЩУСЕВУ/ МАКАРЕНКО/ БАРРЕТУ/ УЭЛЛИСУ ТЧК / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЛЕОНУ АДРЕС НА ИЮНЬ/ МЫ ХОТИМ ВСТРЕЧУ ЛЕОНОМ ЛЕТОМ ЛУИС ВИЛЛЕ / ЛЮБИМ / ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

6 апреля 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 6 апреля 1927.

ХОРОШИЕ НОВОСТИ ДЛЯ ПРЕССЫ О РЕРИХОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ / ПРЕЖНИЕ ПЛАНЫ ИЗМЕНИЛИСЬ ТЧК / ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ РЕРИХА ВСТРЕТИЛИ ПРОФЕССОРА РЕРИХА И ЧЛЕНОВ РЕРИХОВСКОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛИИ / ЧЛЕНЫ ЭКСПЕДИЦИИ ХОРОШЕМ ЗДОРОВЬЕ ПРОДОЛЖАЮТ ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ МОНГОЛИЮ / ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ УСПЕХИ / ВСЁ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

8 апреля 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 8 апреля 1927.

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ШЕСТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ АМДОЛЛАРОВ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫМ ДРАФТОМ ТЧК / ЕСЛИ БЛАГОРАЗУМНО ПОПРОБУЙТЕ КУПИТЬ ДОМ НА СТО ТРЕТЬЕЙ УЛИЦЕ ТЧК / СОВЕТУЕМ НИКАКИХ РЕМОНТОВ ДОМЕ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ / ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЗДОРОВЬЕ ВСЕХ / ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

8 апреля 1927 г. Урга.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 8 апреля 1927.

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ КУРС МЕКСДОЛЛАРОВ/ АДРЕС КЛОДА В ТЕЧЕНИЕ ИЮНЯ ТЧК ДЕЙСТВУЙТЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПИСЬМОМ ТЕРЕЗЫ УКРЕПЛЯЯ ДРУЖЕСТВЕННЫЕ КОНТАКТЫ СОБИРАЯ ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ ТЧК ГОТОВИМСЯ ОТЪЕЗДУ ТЧК ПОДТВЕРДИТЕ ВАШЕ ПОЛУЧЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТИ ТЫСЯЧ АМДОЛЛАРОВ/ МОЖЕТЕ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ДО ДВЕНАДЦАТОГО/ ПОЗДНЕЕ ЖАННЕТЕ/ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

6-8 апреля 1927 г. Урга (Улан-Батор)

Благодарственное письмо Правительства МНР Н.К. Рериху, которое вручил художнику уполномоченный Монгольского правительства Цыбен Жамцарано 8 апреля. (перевод с монгольского языка).

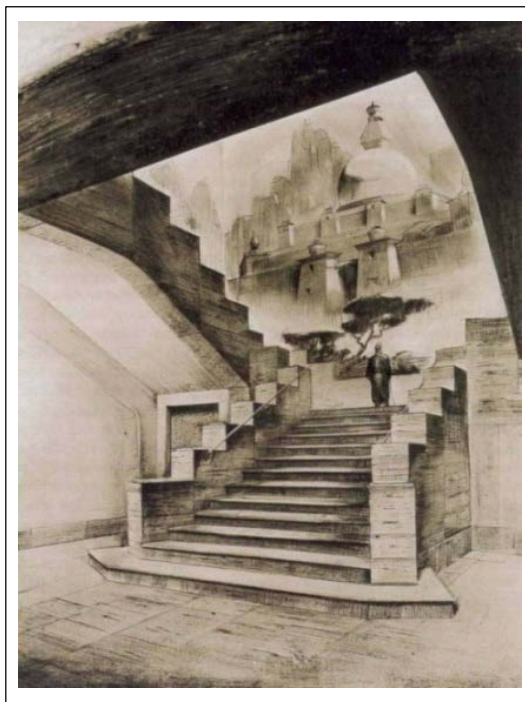
«В кратком прозрении созидательной работы светлого будущего монгольского народа наш друг Николай Рерих написал великолепную картину, видя Великого Мужа, несущегося в пространстве со знаменем свободы для народов

обширной страны Монголии. И эту свою картину вместе с текстом на русском и монгольском языках поднёс в подарок Правительству.

О том, как Правительство с благодарностью приняло этот подарок, будет напечатано в нашей официальной газете. Товарищ Николай Рерих увидел и осознал возрождение нашего монгольского народа и поднёс подарок – картину «Великий Всадник». Это является великопамятным событием, поэтому Правительство считает своим долгом глубоко благодарить Николая Рериха. 17-го года 4-й луны 6-го дня (6 апреля). Секретарь Правительства Бальджи Нима».

Публикуется по изданию: .В. А. Росов «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Кн. 1. Великий план. СПб. 2002.

Н.К. Рерих. Эскиз панно для Буддийского Храма-библиотеки в Улан-Баторе. 1927.

8-10 апреля 1927 г. Урга (Улан-Батор)

Из дневника З.Г. Фосдик.

«8.IV.27. Встали, как обычно, рано утром и пошли к родителям. Завтрак в 8.20. Затем Мор[ис] и Н.К. отправились в город по различным делам, которые надо было уладить до отъезда.

«Вернувшись домой, они рассказали, что ходили в Торгпредство и торгпред убеждал их уехать как можно скорее, он готов подготовить все машины к самому раннему сроку, ибо на некоторых участках дороги вскоре ожидаются движущиеся пески, что сделает их отъезд невозможным. Удивительно, что этот совет последовал после вчерашней беседы с одним человеком, посланным Блюмкиным, который настаивал, что они должны остаться и дожидаться возвращения Блюмкина. Упаковали книги для их отправки домой, я и Юрий пошли в Министерство Иностранных Дел за пропусками для таможни, поскольку большинство наших вещей отправлено с первым аэропланом, а сами мы летим на втором.

«Работали весь день, помогая Е.И. паковать вещи, работая с Н.К., записывая его советы. <...>

«Сегодня отправили часть багажа с аэропланом, а в пятницу сами полетим. Ближе к вечеру пришёл Джамсарано и сказал много прекрасных слов Н.К. Он рассказал, как в августе 1926 года у ламы было видение: все монголы, обратившись к западу, молились. Вдруг появился Великий Всадник и повернул все их головы на юго-восток. “А вы приехали в сентябре”, — добавил он.

Так что все они придают огромное значение картине “Великий Всадник”, подаренной Рерихом. Он также попросил Н.К. сделать для них проект храма-библиотеки, где будут храниться эта картина, священные книги и вещи. Храм будет сооружён из порфира и яшмы.

Урга. 1927 г. Знамя Майтрейи.

9 апреля 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«9/IV. Сборы. Закончено знамя Майтрейи! Цель Миссии, посвящённой основам истинного буддизма, первой в истории без переодеваний и утаивания, волнует своей значительностью. Спешно заканчиваем сборы Миссии, отправляющейся из Урги (Монголия) на юго-запад. Выезд намечен на 15 апреля, но надо спешить — тают в Гоби движущиеся пески; предупреждают об этом из Торгпредства СССР, у которого заарендованы автомобили. Решаем выехать 13 апреля, т.е. ранее назначенного срока. Получена каблограмма [телеграмма – англ.] из Нью-Йорка, сообщающая о появившейся в «New York Times» странной телеграмме из Москвы о поручении Н.К. экспедиции в Тибет из Академии Наук. Немедленно каблограммой мы восстановили истину, сообщив, что экспедиция имеет отношение только к американским учреждениям. Как выяснилось, «Times» не поместила последней достоверной версии. Поместили её три или четыре другие нью-йоркские газеты. Слышно, что это уже вторая странная выходка со стороны «Times». Откуда это? Явился представитель монгольского правительства Ц.Ж. [Цэбэн Жамцарано – монгольский учёный – ред.], который, упоминая о великих наступающих временах, сообщил, что в августе

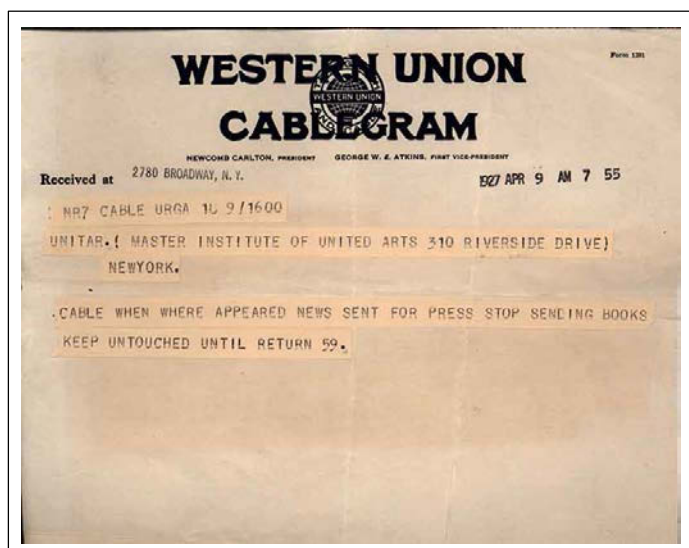
месяце прошлого года, перед приездом Н.К. в Ургу, один монгольский лама имел видение.

«Головы монгольского народа были обращены на Запад; как вдруг с Запада появился Всадник на гигантском коне, который повернул все головы на юго-восток.

«Тут же Ц.Ж. была обращена просьба от имени монгольского правительства о составлении проекта постройки храма-музея — хранилища картины «Владыка Шамбалы», в виде Великого Всадника, подаренной Н.К. монгольскому правительству. Там же будут находиться и другие особо почитаемые предметы. Обратим внимание на видение ламы и сущность названной картины. Он же передал просьбу ЦК Монгольской народной партии о разрешении перевода на монгольский язык книг «Основы буддизма» и «Община». И многозначительно, и необычно!»

9 апреля 1927 г. Урга.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 9 апреля 1927.

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ГДЕ ПОЯВИЛИСЬ НОВОСТИ ПОСЛАННЫЕ ДЛЯ ПРЕССЫ ТЧК НЕ КАСАЙТЕСЬ
ОТПРАВЛЕНИЯ КНИГ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ/ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

11 апреля 1927 г.

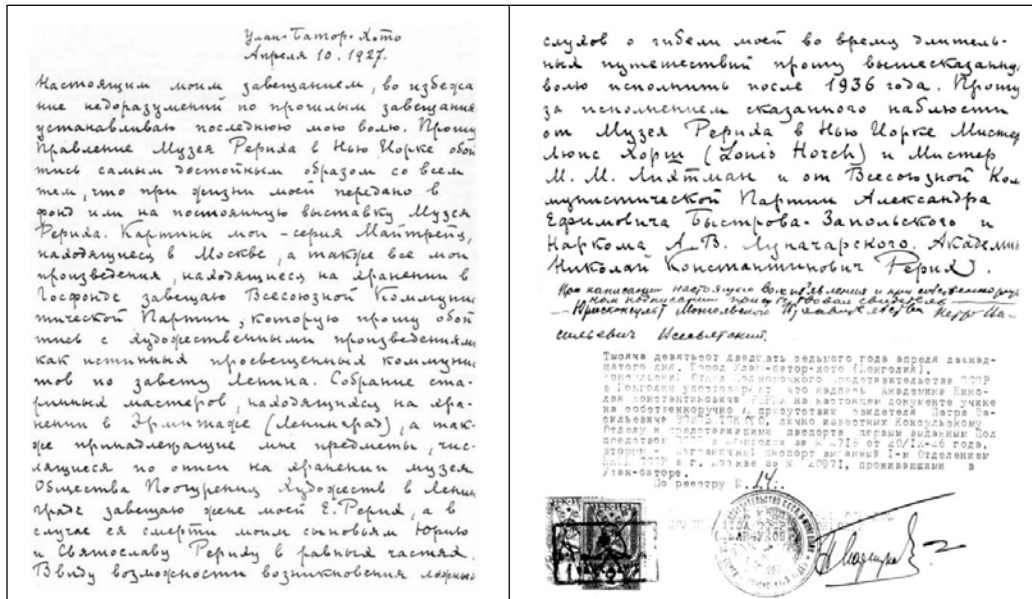
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

Урга 11 апреля 1927.

В ПОКОЕ ТАЙМС / ВОЗОБНОВИТЕ АРЕНДЫ ЧЕРЕЗ ГОД/ ПРЕКРАТИТЬ ПОСЕ-
ЩЕНИЕ ДЕТЕЙ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО/ ШЕСТЬДЕСЯТ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

**12 апреля 1927 г.
Завещание Н.К. Рериха.**

Улан-Батор. Хото.
Апреля 10. 1927.

«Настоящим моим завещанием, во избежание недоразумений по прошлым завещаниям, устанавливаю последнюю мою волю. Прошу Правление Музея Рериха в Нью-Йорке обойтись самым достойным образом со всем тем, что при жизни моей передано в фонд или на настоящую выставку Музея Рериха. Картины мои – серия Майтрейя, находящиеся в Москве, а также все мои произведения, находящиеся на хранении в Госфонде, завещую Всесоюзной Коммунистической Партии, которую прошу обойтись с художественными произведениями, как истинных просвещенных коммунистов по завету Ленина. Собрание

старинных мастеров, находящихся на хранении в Эрмитаже (Ленинград), а также принадлежащие мне предметы, числящиеся по описи на хранении музея Общества Поощрения Художеств в Ленинграде, завещую жене моей Е. Рерих, а в случае её смерти моим сыновьям Юрию и Святославу Рериху в равных частях. Ввиду возможности возникновения ложных слухов о гибели моей во время длительных путешествий, прошу вышеуказанную волю исполнить после 1936 года.

Прошу за исполнением сказанного наблюдать от Музея Рериха в Нью-Йорке Мистер Люиса Хорш (Louis Horch) и Мистер М. М. Лихтман и от Всесоюзной Коммунистической Партии Александра Ефимовича Быстрова-Запольского и Наркома А. В. Луначарского.

Академик Николай Константинович Рерих.

При написании настоящего волеизъявления и при собственноручном подписании присутствовал свидетель -----

Юриконсульт Монгольского Правительства

Петр Васильевич Всевятский

Тысяча девятсот двадцать седьмого года апреля двенадцатого дня.
Город Улан-Батор-Хото (Монголия).

Консульский Отдел Полномочного Представительства СССР в Монголии удостоверяет, что надпись Академика Николая Константиновича РЕРИХ на настоящем документе ученина собственноручно в присутствии свидетеля Петра Васильевича Всесвятского, лично известных Консульскому Отделу и предоставлении паспорта первым выданным полпредством СССР в Монголии за № 2716 от 20 / IX – 26 года, вторым – заграничный паспорт, выданный I-м Отделением НКВД СССР в гор. Москве за № 20971, проживающим в Улан-Баторе.

По реестру – «14».

Улан-Батор. Полномочное представительство СССР.
(Фото 1920-х гг.)

Константин Рябинин, Борис Рерих, Зина Лихтман, Николай Рерих
Апрель, 1927. Улан-Батор . Монголия.

*12 апреля 1927 г. Урга.
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.*

Дорогой Света.

Давно собирался написать тебе, но ход событий и ускоренный темп всей нашей жизни полностью захватывали всё имеющееся свободное время. Сейчас сижу ночью, накануне отправления экспедиции в далёкий путь, и пытаюсь изобразить тебе письмо. Хотя давно отвык писать письма.

Очень тронуты были твоими памятками и заботливым отношением в деле снаряжения экспедиции. Хотелось бы послать что-нибудь действительно хорошее, но, к сожалению, все истинно хорошие вещи из Урги давно вывезены. Надеюсь приобрести кое-что для тебя в течение дальнейшего путешествия по менее тронутым местам.

Истекший год был довольно труден для всех нас. Работы было много и мало времени оставалось для чисто научной работы.

Урга – это город со многими накоплениями, город, много пострадавший за последнее десятилетие. Лихтманы тебе расскажут подробности нашей жизни здесь. Последние дни идёт ужасная спешка, грузимся на машины, ибо часть пути сделаем на автомобилях. По монгольскому бездорожью единственная машина – это «Dodge». С машинами здесь обращаются ужасно, невозможно перегружают – грузят до 100 пудов груза, не считая живого груза – пассажиров. Весною ездить, конечно, трудно, ибо реки набухают и гобийские пески – твёрдые зимою, начинают трогаться, но нам нужно <...>[1].

Ю.Н. Рерих. Письма. Т. 1. (1919-1935). М. 2002.

Н.К. Рерих и Морис Лихтман на фоне дома Рерихов в Улан-Баторе. 1927.

**12 апреля 1927 г. Улан-Батор Хото.
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк.**

Улан-Батор. Хото. 1927

Родные и любимые. Так много дано новых дел, так много расширяется, что все сроки становятся короткими. Дайте себе точный отчёт, что то, что было сделано за три года, соответствует десяти годам в обычных условиях. И теперь каждое новое указание охватывает целую жизненную миссию. Потому, как вы должны быть наполнены до краёв и какой нужно развить темп работы. Вы пишете о Всемирном Союзе Молодёжи, о новых группах работников, об ответственности перед текстильными конкурсами – все эти вехи пришли не случайно, но как результат предопределённого труда. Ибо показано, какой должна быть культурная работа. И за пять лет вы заняли такое положение, какое труженики занимают за четверть века. Всемирность целого плана и внутреннее осознание общинного кооперативного сознания открывает вам совершенно другие пути. И указы учителя ведут к вершинам, с которых вы познаёте настоящее положение человечества. Напрягите всё своё понимание, чтобы не упустить возможности. И вложите в ваш труд новое понимание качества. Помня, как важно *качество* того, что делается. С каждым годом вам всё больше будут нужны новые сотрудники. Там, где три года назад смогли справиться десять человек, сейчас нужны уже двадцать. Как нужны практичные, деловые молодые сотрудники, понимающие важность того, что происходит. Не пишу ни о новых указах, ни о моих работах, ни о нашем направлении – обо всём этом расскажут Р[адна] и А[вирах]. Но хочу ещё больше укрепить вас в ритме и качестве дел. Из того, что знак «Алатаса» снова призван к жизни, вы видите, что даже то, что было «допущено» учителем, не потеряно. Пусть Я[руя] поймёт, как бережно он должен нести знаки, из которых он так много потерял. Если бы вы могли использовать все возможности, [заложенные] в делах, они бы внесли радость практически во весь организм государства. И новое дело, связанное с буддизмом, даёт ещё один аспект международных связей с его центром, откуда вышли все учения жизни. Будьте доблестными, зоркими, крепкими в единении и любите друг друга. И всемирность труда...
ваши силы. Привет. Р.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

**12 апреля 1927 г. Улан-Батор.
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорк.**

Мои родные, самые родные и любимые. Итак, сегодня мы отправляемся ещё дальше, но в духе мы будем ещё ближе, потому что наши взаимные интересы растут. Мы уходим радостно, ибо знаем, что будете охранены. И такая о вас забота, что каждому из вас будет дано самое лучшее для его развития. Сейчас вам даются два ответственных задания: одно – собрать сведения о западных буддистах; организовать с ними связь и основать новые центры буддизма в Америке. Соберите все уже существующие и издающиеся труды и переводы о буддизме. В Германии, Франции и, кажется, в Англии создаются буддийские храмовые общины. Ваша буддийская часовня, принимая во внимание положение, которое будет занимать Логван, должна вырасти в центр международного значения. Мы поможем вам собрать нужные работы по буддизму.

Второе важное задание – продвигать Дом Учителя. Нужно будет приложить много энергии и находчивости, так, чтобы строение было достойно этого имени. Программа широкая, как и всё, что дано Учителем. – Новый Синдикат, какое широкое поле перед ним открывается, принимая во внимание восточные связи. Родные, столько возможностей, что трудно их перечислить. Но помните также слова Учителя: «Возможности растут, и грязь растёт». Потому не смущайтесь клеветой и нападениями, научитесь находить подходящие слова, слова достоинства. Какая в них огромная необходимость и как их трудно находить, если не осознанна всемирная важность того, что дано, и того, что сейчас происходит. Как на них настаивает Учитель! Часто слова, полные достоинства, сказанные вовремя, неизмеримо приближали и продвигали вперёд человека, который их произнёс. Любимые, будем всегда помнить о словах достоинства. В этом наша сила и значение. С ними мы подходим ближе к кооперации в общине, почитаемой и любимой всеми нами.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Н.К. Рерих

ОДЕРЖАНИЕ

«Я ещё не верю в то, что вы рассказываете мне об одержании. Оно может быть просто отражением подсознания. Помним ли мы всё, что слышим и читаем, и видим за всю нашу жизнь? Мы потом забываем об этом; но извилины нашего мозга как-то сохраняют эти факты, а потом, позже, неожиданно открывают их. Тогда они кажутся нам совсем неизвестными».

Так говорил мне друг в Урге. Он, будучи должностным лицом, считал скептицизм высшим знаком достоинства.

Никогда не нужно ни настаивать, ни даже пытаться убеждать. Часто необходимо только привлечь внимание другого к незначительному случаю, и при этом знаке семафора всё направление жизни может изменить свой курс. Следовательно, не подвергаясь настойчивости, наш друг узнал о нескольких других случаях, в которых одержание было основной темой. Ему рассказывали о тибетском «ролланге» — воскрешении из мёртвых. Но, конечно, скептик только пожал плечами; он считал ниже достоинства говорить об этом.

Мы рассказали ему о случае в США, когда лицо высоко интеллигентное утверждало, что её покойный жених владеет ею и управляет всей её жизнью, давая ей советы и приказы. Действительно, её одержатель настолько отличался от её собственного сознания, что он вызывал у неё не только душевное недомогание, но даже и физическую боль.

Наш скептик ответил, что таких «одержимых» людей можно, вероятно, найти в наших психиатрических больницах и что в правовой практике такие случаи безответственного сознания были хорошо известны. Однако это не убедило его ни в малейшей степени. Тогда мы рассказали ему, как, по словам китайца, дао-таем Хотана завладел Ти-тай, которого он сам убил. И китаец отметил, что убийца перенял некоторые характерные привычки покойника и что даже лицо убийцы изменилось по особому за короткое время.

Скептик опять только пожал плечами.

Прошло несколько дней. Однажды вечером наш скептик пришёл навестить нас, но выглядел он очень странно. Явно что-то ошеломило его, и, казалось, он ищет возможности высказать это. Наконец, он воскликнул:

«Послушаешь ваши сказки — а после начинают происходить всевозможные странности. После нашей последней беседы, касающейся «одержимых» людей, как вы

их называете, я заглянул к китайскому фотографу. Он женат на простой бурятке, совершенно безграмотной. Я знаю их очень давно. Я заметил, что китаец был несколько печален, в чём-то изменился, и поэтому я спросил его, не болен ли он. «Нет, — ответил он, — со мною всё в порядке, но с моей женой плохо. Я не знаю, как её лечить. Недавно она начала рассказывать очень странные вещи! Она говорит, что кто-то овладел ею — не один, а двое одновременно. Бог знает, откуда она берёт эти странные слова. Кажется, один из них утонул. Другой умер от перепоя. Я знаю, что факты, подобные этим, бывают, мы знали много таких случаев дома, в Китае».

Я попросил его позвать жену. Она вошла. Она всегда была маленькой и хрупкой, но сейчас она выглядела ещё тоньше. Вы знаете, она очень простая бурятка, полностью безграмотная. Когда она вошла, её муж вышел из комнаты. Я спросил: «Не хотите ли вы выпить чаю со мной?»

«Нет, — ответила она, — он запрещает мне пить чай с вами, потому что вы не верите и желаете мне вреда».

«Кто запрещает тебе?» — спросил я.

«О, это всегда он, немец».

«Какой немец? Скажи мне, откуда он?»

«Хорошо, — продолжала она, — один — Адольф, другой — Феликс. Они во мне вот уже три недели!»

«А откуда они?» — спросил я.

«Некоторое время назад, — начала она, — один мужчина пришёл к моему мужу забрать свои фотографии. Это был толстый немец, может быть, вы видели его на улице; у него было какое-то дело. Эти двое были с ним. Он ушёл, но двое остались и стали приставать ко мне. Один из них, Адольф, стал после войны кули в Владивостоке. Он утонул, когда вышел на лодке в море. Они подрались. Другой — Феликс — тоже немец, и он всегда пил и ужасно ругался!»

И так она продолжала рассказывать мне о том, что они заставляли её делать, как они вынуждали её есть много мяса, особенно недожаренного, потому что они любили его с кровью. Они также предлагали ей пить вино, потому что оно им очень нравилось. Один из них, пьяница, постоянно уговаривает её повеситься или перерезать себе горло, и тогда они могли бы помочь ей всё исполнить.

Бурятка рассказала мне всё, о чем мужчины говорили ей. Кажется, они много путешествовали на корабле, особенно один из них. Он, должно быть, был моряком. Вы только подумайте, она дала мне названия и описания городов, о которых она не имела ни малейшего понятия. Потом она говорила о кораблях и применяла такие технические термины, которые может знать только человек, чувствующий себя на паруснике, как дома. Многие слова она не могла объяснить, когда я расспрашивал её дальше, но при этом она настаивала на том, что слышит их от мужчин. Я должен признаться, что ушёл от китайца весьма озадаченным. Впервые я услышал такие вещи собственными ушами, и это соотносится с тем, что вы говорили мне.

Я должен признаться, что у меня было странное желание пойти и посетить этих людей снова, поэтому я пошёл второй раз сегодня. Когда я спросил китайца о его жене, он сразу воздел руки в отчаянии и сказал, что дела ухудшились. Как только я спросил, могу ли я видеть его жену, она вошла в комнату. «Я не могу быть с вами здесь, — сказала она мне, — они запрещают мне; они говорят, что вы хотите причинить мне вред. Они хотят, чтобы я была счастливой, а вы можете испортить всё это. Потому что вы знаете людей, которые могут изгнать их из меня». Потом она вышла из комнаты, и её муж, разводя руками, пробормотал: «Плохо, действительно, очень плохо. Наш дом разрушится».

Вы знаете, я — человек закона, и поэтому я люблю, чтобы всё было достоверным. Признаюсь, я не верил тому, что вы мне рассказали в последний раз, потому что никогда ничего подобного не случалось в моей жизни раньше. Но с тех пор, как я услышал и увидел это сам, я больше не сомневаюсь, потому что я знаю эту женщину давно, и она производит на меня сейчас совсем иное впечатление. Она не просто говорит

или говорит чепуху, как это бывает при параличе или в патологических случаях, с которыми я часто имею дело в моей практике. Нет, здесь я ясно вижу нечто чуждое, ей не принадлежащее, с бесспорной и характерной психологией. Когда она повторяет фразы, сказанные моряком, можно точно почувствовать речь моряка, и моряка нашего, сегодняшнего времени. И то же самое с речью другого человека, пьяницы; это, несомненно, один из несчастных, кого война забросила в далёкие земли Сибири.

Между прочим, - внезапно сконфузившись, спросил скептик, - что нужно сделать, чтобы освободиться от такой одержимости? Потому что, когда она намекает на кого-то, я знаю, что она говорит о вас».

Я, смеясь, заметил скептику, что, очевидно, хотя мы и поменялись ролями, и что он, возможно, будет смеяться, если я скажу ему, что в таких случаях одержимости кладут куски сырого мяса с кровью на стол и затем разливают сильно пахнущие опьяняющие напитки по всей комнате. Затем все должны уйти из дома, а одержимый человек никогда не должен возвращаться туда. Конечно, можно использовать и другие методы.

Это напомнило мне любопытный эпизод, который произошёл в Америке, когда я имел серьёзный разлад с духами. Меня попросили посмотреть несколько картин, которые приписывали одной одержимой женщине. До этого времени женщина ничего не знала об искусстве и никогда не брала в руки кисть. Я увидел серию странных картин, написанных в разной технике и разной рукой.

На одном и том же полотне можно было видеть характерную технику французских импрессионистов и рядом ясную технику японской живописи. Здесь также были египетские храмы с бесспорным влиянием немецкого романтизма. Поэтому я сказал художнице, что мне кажется странным, что такие разные стили представлены вместе и на одном полотне без какой-либо координации. Но художница заявила, что картины созданы таким образом не случайно, ибо руководившие ею духи принадлежали к разным национальностям. После этого я заметил, что такая смесь стилей не способствует законченности картины. Художница долго раздумывала и затем резко сказала: «Они считают её очень хорошей!» Я продолжал настаивать на своём мнении, а духи в очень грубой и резкой форме настаивали на своём желании, чтобы картина оставалась такой, какой была. Так произошла ссора с духами, которая продолжалась довольно энергично.

«Я не знаю ничего о вашем американском случае, - прервал скептик, - но после всего, что я видел и слышал, я считаю теперь такое полностью возможным. Но мне не хочется оставлять бурятку в её теперешнем положении. Я думаю, что должен пойти туда снова и попытаться принять какие-то меры».

Я попытался объяснить скептику, что с его полным незнанием предмета он может только принести зло женщине и что он может легко заставить её совершить самоубийство или принять любые другие крайние меры. Наконец, мы поменялись ролями полностью. Я пытался отговорить моего друга от всех дальнейших визитов к китайцу, в то время как он, как пьяница, который слышит запах вина, начал бесхитростно придумывать все возможные поводы, чтобы продлить это приключение... Было странно видеть, как старый юрист, совсем недавно такой уравновешенный, пытался пойти на любую выдумку, чтобы оправдать самого себя и доказать необходимость продолжения своих визитов к китайцу. Естественно, он не забывал о бедной науке: он должен был продолжать свои экскурсии во имя науки! И именно во имя науки должно было быть предупреждено человечество. Но помимо всех этих важных соображений, здесь внезапно пробудился инстинкт к познанию невидимых миров.

Жена скептика, которая тоже присутствовала и которая раньше поддерживала меня, теперь настаивала любыми способами, чтобы я отговорил её мужа от этого похода. Последние дни он только и делал, что говорил о бурятке и немцах. Наконец, недавний скептик дал обещание оставить это дело после того, как я заверил его, что если он посмотрит вокруг, то увидит намного более важные вещи.

Уходя, он вдруг предложил мне сопровождать его прямо к монгольской колдунье: «Вы знаете, это та же самая женщина, которая предсказала Унгерну день его смерти и все его ближайшее будущее, которое точно исполнилось. Она живёт недалеко отсюда». Я отклонил посещение колдуньи, но удивился, почему скептик не идёт к ней сам!

Как это часто случается, необычная беседа не прекращается сразу. Едва скептик покинул наш дом, как пришли два других посетителя. Один из них, местный монгол, был высокообразованным и жил за границей. Другой, бывший офицер, прослужил всю войну. Мы начали беседовать о совершенно иных проблемах. Монгол говорил о природных богатствах Монголии, где нефть течёт ручьями через пустыню и где реки несут неистощенное золото. Затем, описывая месторождения золота, он добавил тем же тихим повествовательным тоном: «А убитые китайцы не давали нам спать всё время, пока мы были в шахтах».

«Но как могли мёртвые не давать вам спать?»

«То были те мёртвые китайцы, которых убили во время бунтов после войны и революции».

«Но послушайте, как могли люди, убитые давно, не давать вам спать?»

«Они бродили вокруг, разговаривали, выбивали пепел из курительных трубок и гремели посудой».

«Вы определённо шутите».

«Нет, - последовал серьёзный ответ, - мы не видели их, но всю ночь мы слышали их. Многие из них были убиты там, и, как говорят люди, врасплох. Той ночью они пошли спокойно спать, не ожидая нападения. Всегда так: люди, которые убиты неожиданно, не оставляют свои повседневные привычки. Китайцы особенно привержены им. Они любят свою землю и свои дома. А когда люди привязаны к своим земным владениям, для них всегда трудно оставить их». Так серьёзно говорил монгол.

Офицер, который хранил молчание, добавил: «Да, с китайцами это часто случается. В Мукдене есть старый дом, в котором никто не хочет жить. Китаец был убит там, и он никому не даёт покоя. Каждую ночь он пронзительно кричит, как будто его убивают снова. Мы решили проверить этот слух и однажды отправились туда и остановились на ночёвку. Около часа ночи заметили яркую голубую сферу, спускающуюся с верхнего этажа по перилам лестницы. Этого было достаточно, и мы ушли».

Вспоминаю я и другой случай, который произошёл во время войны по соседству с прусской границей. Весь штаб остановился на ночь в маленькой лачуге. В середине ночи мы все вдруг проснулись одновременно, каждый крича что-то о лошадях. Один кричал: «Кто привёл лошадей сюда?!» Другой - «Посмотри на убегающих лошадей!» Я тоже проснулся, и в темноте рядом со мной я увидел несколько лошадей, пронесшихся мимо в стремительном беге, как бы в испуге. Охрана, расположенная снаружи, ничего не слышала. Но утром мы обнаружили, что наш табун лошадей был разорван снарядами».

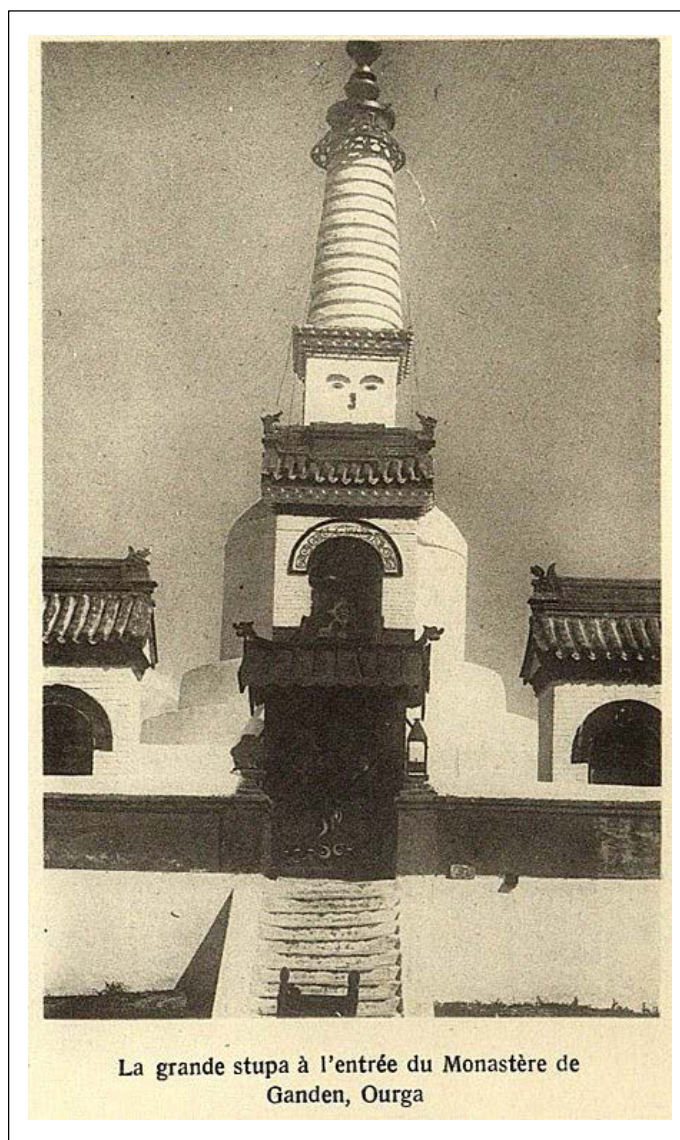
Монгол оживился и подтвердил это: «Я тоже слышал о невидимых животных. Это было в юрте нашего шамана-колдуна. Шаман вызвал низшие элементарные силы, и мы все могли слышать галоп и ржание целого гурта лошадей; мы могли слышать полёт всей стаи орлов и шипение неисчислимых змей прямо внутри юрты... Вам следовало бы поговорить с нашим министром вооружённых сил. Он удачливый рассказчик и смог бы рассказать вам бесчисленное множество неожиданных вещей».

«Но почему вы думаете, что они неожиданные?»

«Ну, я привык думать, что все иностранцы считают наши привычные происшествия очень странными...»

Улан-Батор Хото, 1927.

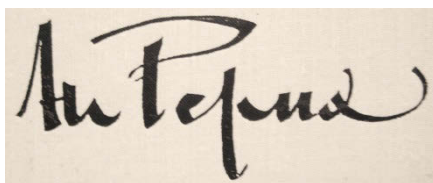
Публикуется по изданию: «Shambala», 1930 г. (перевод с английского)

La grande stupa à l'entrée du Monastère de Ganden, Ourga

Большая ступа при входе в монастырь Ганден, Урга.
(Илл. из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

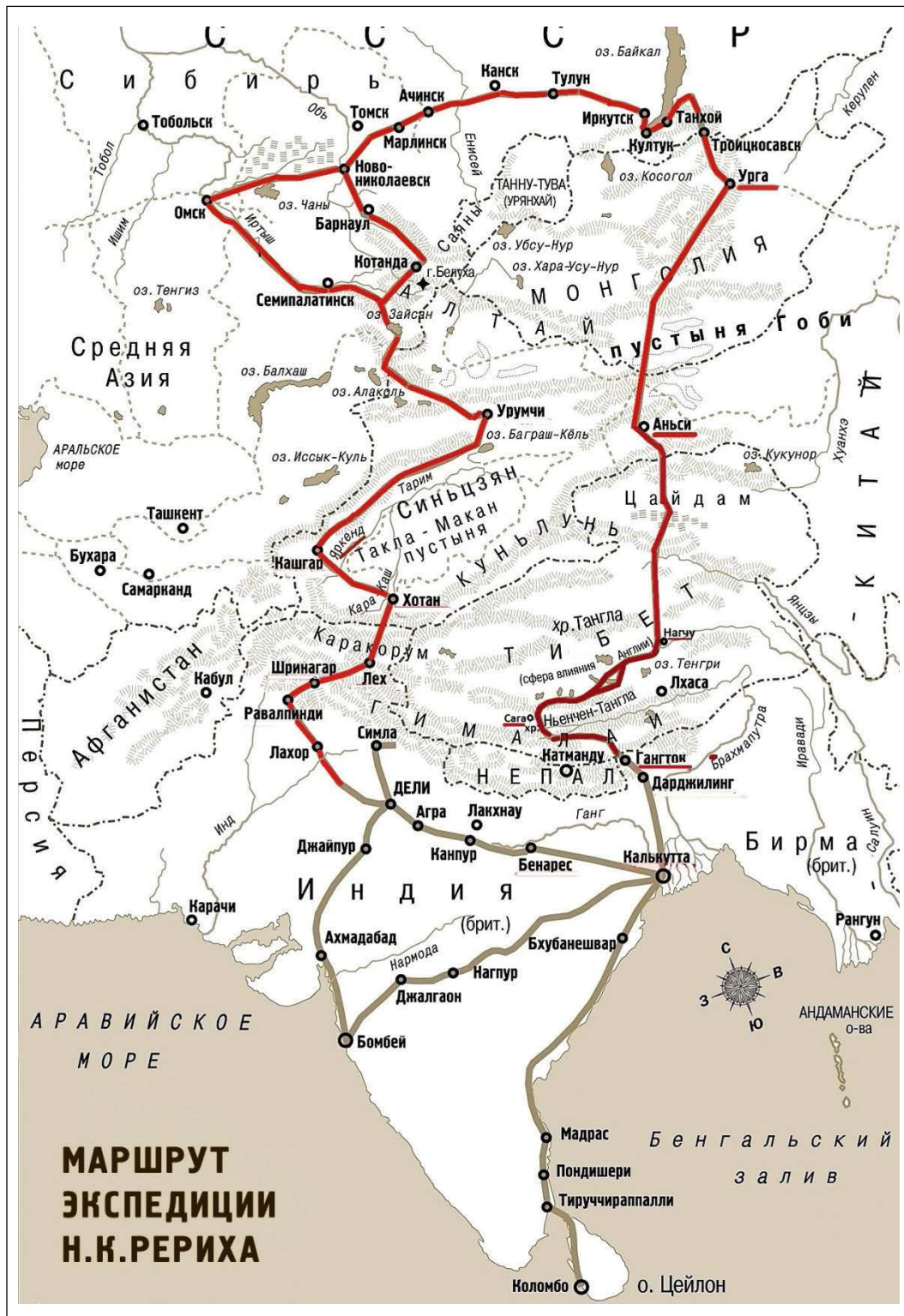
ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1925 – 1928 гг.)

Книга 12
СЕРДЦЕ АЗИИ

Часть 2.
СЕРДЦЕ АЗИИ
(СОСУД НЕРАСПЛЕСКАННЫЙ)

МОСКВА
2019

Часть 2.
СЕРДЦЕ АЗИИ
(СОСУД НЕРАСПЛЕСКАННЫЙ)

Н.К. Рерих. Гора Духовного отдохновения. 1931.

Район Монголии и Центральной Гоби ожидает исследователей и археологов. Конечно, открытия экспедиции Андруса и последние, судя по газетам, экспедиции Свен Гедина дали прекрасные результаты, но область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют её. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгирообразных гранитных и песчанниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни. Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения. Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы южнорусских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области. Наш тибетец Канчок, данный нам тибетским представителем в Урге для сопровождения, обратился к покровителю области с длинным молением, требуя для нас счастливого пути. В заключение он бросил горсть зерен изваянию.

Проведите линию от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните её к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов.

Двадцать один день пути от Юм-Бейсе до Шибочена прошли в полном одиночестве. Кроме двух-трёх заброшенных юрт, кроме разрушенного Темпе Джалсена и полдюжины подозрительных всадников, мы встретили лишь один китайский караван, пересекавший наш путь от Кокохото на Хами. Встреча с этим караваном чуть было не окончилась трагически, ибо хозяин-китаец, увидав в темноте наши огни, принял нас за становище Джеламы, перепугался и не нашёл ничего лучшего, как выстрелить из своей единственной винтовки по нашему лагерю.

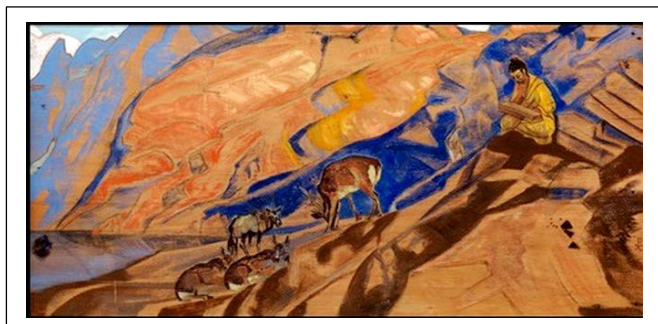
Но одно обстоятельство стало несомненным, что этот прямой путь от Юм-Бейсе до Ансиджау вполне обеспечен водою, кустарником, кормом для верблюдов и безопасен в настоящее время, хотя рассказы о ещё недавних ограблениях караванов многочисленны. Гоби порадовала нас целым рядом интересных художественных мотивов. Сперва далёкие отроги китайского Алтая, а затем золотоносного Алтын-Тага дают колоритные сочетания. Нет беспощадной подавленности Такламакана - разноцветная гальковая поверхность даёт твёрдость и звонкость тонов. Все источники и колодцы оказались в исправности, кроме одного случая, где колодец оказался забитым разложившейся тушею хайныка (помесь яка). По всему пути, начиная от Ладака, вопрос воды оставался очень существенным. Самые, казалось бы, хрустальные ручьи были переграждаемы павшими животными, в прудах городов Синцзяна были свалены такие предметы, что иногда даже жажда не могла заставить пить навар этих отбросов". (Н.К. Рерих «Сердце Азии». 1929.)

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

Предупреждают: "А вам не уехать". Отвечаю: "Уедем, как всегда, не отложим и на один день". Приезжают наши американцы, с ними Борис. Присоединяется доктор. После долгой переписки нашёлся. П. К. Людмила и Рая поедут с нами. Первая тринадцатилетняя путешественница в Тибет.

Приходит тибетский доньер (консул), приносит тибетский паспорт и письмо к Далай-Ламе. Доньер выдаёт подобные паспорта паломникам. Наше знание буддизма даёт нам право пользоваться тем же вниманием. Посмотрим, где доньер искренен и в чём же ложь.

Приходят четверо бурятских лам, просят взять их с собою. Они шьют знамя экспедиции - изображение Майтрейи с акдордже наверху. Все служащие прикрепили маленькие значки акдордже на шапки и такими ополченцами ходят по Улан-Батор-Хото. Юрий учит их ружейным приёмам. Прикупили ещё восемь карабинов-маузеров. Забавляет всех стоящее в столовой механическое ружьё - "льюис". Пусть знают, что оружия у нас достаточно.

Н.К. Рерих. Книга жизни. 1927.

УРГА – ЮМ-БЕЙСЕ КЮРЕМ

«13 апреля 1927 года наша экспедиция, сопровождаемая содействием и благожелательством Монгольских властей, вышла в юго-западном направлении на пограничный Монгольский пункт, монастырь Юм-Бейсе.»

Н.К. Рерих «Сердце Азии».

13 апреля 1927 г. Урга
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

ОТЪЕЗД ПОСОЛЬСТВА В ТИБЕТ.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 7. М. 2009

13 апреля 1927 г.
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам.

Урга 13 апреля 1927.

ОТПРАВЛЯЕМСЯ СЕГОДНЯ/ ЛУЧШИХ МЫСЛЕЙ РАСТУЩИМ ДЕЛАМ/ ЕДИНСТВА ГАРМОНИИ ЭНЕРГИИ/ ЛЮБИМ/ ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

13 апреля 1927 г.
Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».
«13/IV. День отъезда и волнений.

«Вчера тибетский доньер (*посыльный* - ред.) принёс паспорта, какие он обычно выдаёт паломникам, и особое письмо Далай-Ламе, которые и передал Н.К. в присутствии американцев, а также и свои символические благопожелания. Будем надеяться, что они глубоко искренни. Н.К. подарил ему шёлковую монгольскую шубу и кусок старинной парчи.

«Сегодня день отъезда и волнений, начавшихся с утра с окончательной погрузки снаряжения на автомобили. В 10 ч. утра, когда уже выехал первый из пяти путевых автомобилей за ворота, вдруг оказалось, что Торгпредство, отпустившее автомобили, не позаботилось запастись номерами для них и пропусками. Новые хлопоты, поездки по учреждениям, грозящие затянуться на неопределённый срок, до нескольких суток. Но в самый критический момент получена многозначительная телеграмма, и всё отношение служащих резко изменилось в сторону угодливости; все мрачные затяжки дела рассеялись, как дым.

«Для проводов выехали представители монгольского правительства и американских организаций; провожали за 20 вёрст, не доезжая ветеринарного пункта. В 8ч. вечера - первая остановка в живописной местности в долине реки Толы, после ветеринарной стоянки Сенген, на фоне близких гор. Ночь холодная. Прошли 22 английских мили»

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«13 апреля 1927 г. вся экспедиция поднялась ещё до рассвета. Мы собирались отправиться в путь пораньше, чтобы пройти максимально возможное расстояние. Первый этап маршрута пролегал по долине реки Толы и, по словам проводников, был сравнительно лёгок для гружённых автомобилей. Три грузовика экспедиции были загружены днём ранее, и остались только два "доджа", предназначенные для людей и лёгкого багажа, который нужно было привязывать к бортам на время движения. К одиннадцати часам всё было готово, и большие ворота штаб-квартиры экспедиции распахнулись. Друзья - и европейцы, и монголы - собрались проводить и пожелать удачи членам экспедиции. Монголы болтали с родственниками, ламы бормотали молитвы и раз-

вешивали церемониальные шарфы, или хатыки, на автомобилях. наших тибетцев окружила толпа их соотечественников, прибывших повидать нас. Тибетский персонал экспедиции очень гордился винтовками и настаивал на поездке с приткнутыми к стволу штыками, украшенными хатыками. Члены экспедиции выглядели очень воинственно в меховой одежде цвета хаки, перетянутой ремнями. Всё это являло собой весьма красочное зрелище, в котором перемешались европейские и азиатские элементы.

Фото экспедиции. 1927 г.

«Неожиданный и неприятный сюрприз преподнёс водитель грузовика. Он забыл возобновить монгольский паспорт и оформить разрешение на пересечение границы для автомобиля. За две недели до отъезда мы предупредили водителей: иметь все необходимые документы готовыми до 13 апреля. Только два дня назад я спрашивал их об этом, и все подтвердили наличие паспортов для себя и разрешений на пересечение границы для автомобилей. <...> Но благодаря неумолимой помощи наших монгольских друзей и любезности монгольского министра финансов, документы были всё-таки оформлены и получены.

«Около пяти часов вечера колонна экспедиционных автомобилей начала свой длинный путь через Западную Гоби. Некоторое время нас сопровождали друзья и сотрудники: г-н и г-жа Лихтман из Нью-Йорка, доктор Джамсарано, секретарь Монгольского научного комитета, и другие друзья из Урги.

«За мостом через реку Толу мы все вышли из автомобилей и послали последние прощания и пожелания цивилизованному миру и нашим американским друзьям, которые должны были возвратиться самолётом из Урги в Верхнеудинск.

«"Привет всем Нью-Йоркским друзьям! Ждите новостей!" - были последние слова профессора Рериха, когда колонна экспедиции начала путь в западном направлении по долине реки Толы. Колонна тяжело нагруженных грузовиков с людьми, восседавшими поверх грузов, напоминала огромное чудовище.

«Первые пять миль дорога была хорошей, несмотря на мокрый снег, который сделал её грязной и скользкой. На седьмой миле мы въехали в глубокий снег. Один из наших "доджей" глубоко завяз. Мы все пытались вытащить

его, но без особого успеха. Задние колеса увязли слишком глубоко. Тем временем три грузовика, задержавшиеся ненадолго у моста через Толу и поехавшие окружной дорогой, оказались теперь немного впереди нас. Мы сделали несколько выстрелов, чтобы привлечь их внимание. Один из грузовиков остановился, и нам на помощь прибыли люди с лопатами и верёвками. Объединёнными усилиями "додж" был вытянут, и мы смогли продолжить поездку. <...>

«После большой сутолоки в темноте все палатки были расставлены, и мы обрели заслуженный отдых после утомительного дня. Примерно в шести милях на дальнем берегу реки виднелись слабые огни Сангинской ветеринарной станции. *К юго-востоку от нашего лагеря возвышался западный отрог горного массива Богдо-ула, а к юго-западу расстилалась слегка холмистая местность, где находилась долина Толы.*

Горный массив Богдо-ула и долина реки Тоуул (Толы).
(Старое и современное фото)

14 апреля 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Мы свернули лагерь прекрасным солнечным утром. Окружающие горы резко выделялись на бледном фоне северного неба. Собирались сделать длинный переход. Местность представляла собой типичное ровное монгольское пастбище. Повсюду виднелись низкие гребни холмов, слегка покрытые травой. <...> Людей на пути встречалось очень мало. Ни автомобили, ни караваны не нарушали тишины окружающей местности.

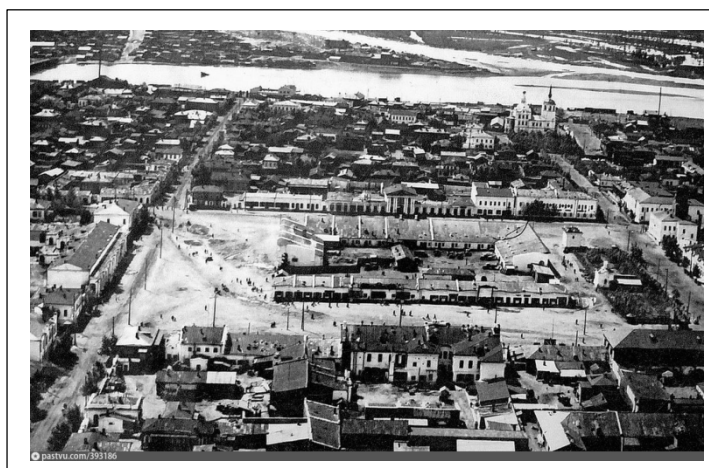
«Вечером миновали пару монгольских юрт с несколькими отарами овец поблизости. Остановились на ночь на открытом плато, расположенном на берегу реки Толы. Расстояние, пройденное за день, составляло более шестидесяти двух миль. Ночь снова была холодной, термометр показывал -15°C , а пронизывающий северо-западный ветер делал холод ещё крепче.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».

«14/IV. <...>. Встали около 6ч. утра; день обещает быть жарким, солнечным. В 8ч. 30м. вышли дальше. Пролетели «турпаны» — дикие утки. Н.К. вспоминает, что несколько лет назад было сказано о Миссии высоким лицом Востока: «Ковры Азии стелются для вас; пойдём так тихо, что птица турпан не услышит». Машины дали старые и неисправные. Вчера ещё, через несколько

миль хода, выяснилась неисправность карбюратора нашей машины. Сегодня у другого автомобиля отскочила шпонка. <...>

«Сегодня друзья-американцы предполагали вылететь из Урги и быть около 11 ч. утра в Верхнеудинске. Завтра другой друг ожидается в Тиен-Цзине. Шофёры оказались плохи, не лучше старых, изношенных машин, всё время портящихся. До 2 ч. 30 м. пополудни прошли всего лишь 18 миль по хорошей дороге, т.е. со скоростью верблюда. Развязались вещи на машине шофёра Ю. из-за плохой погрузки. При отъезде представитель учреждения, отпустившего нам машины, просил сообщить ему после об условиях пройденного пути. В 4 ч. 30м. сломалась полуось у автомобиля Ч. Поднялся холодный ветер, небо обложено снеговыми тучами. В 7 ч. вечера опять остановка из-за неисправности карбюратора. За день прошли 40 английских миль, т.е. всего 60 верст, а в два дня 62 английские мили или 93 версты. Не стоит ехать при такой медлительности на подобных автомобилях, да ещё за крупную плату. Прибыли на остановку в начале 9ч. вечера.

Верхнеудинск (Улан-Уде). (Фото 1930-х гг.)

**14 апреля 1927 г. Верхнеудинск
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк.**

Верхнеудинск 14 апреля 1927.

ДЛЯ ПРЕССЫ/ МИСТЕР И МИССИС ЛИХТМАНН ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ РЕРИХА ТОЛЬКО ЧТО ПРИБЫЛИ САМОЛЁТОМ ИЗ МОНГОЛИИ ГДЕ ОНИ ВСТРЕТИЛИ ЭКСПЕДИЦИЮ РЕРИХА И САМОГО ХУДОЖНИКА ТЧК /ЗНАМЕНИТЫЙ АВИАТОР ГАЛИШЕВ КОТОРЫЙ ПРОВЁЛ РЕКОРДНЫЙ ПОЛЁТ НАД ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ ПИЛОТИРОВАЛ САМОЛЁТ/ ДИРЕКТОРА СООБЩИЛИ КОРРЕСПОНДЕНТУ ЧТО ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОСЛЕДОВАЛА НА ЗАПАД ИСПОЛЬЗУЯ ПЯТЬ АВТОМОБИЛЕЙ ДОДЖА ТЧК / ЭКСПЕДИЦИЯ СПЕШИЛА ОТПРАВЛЕНИЕМ ЖЕЛАЯ ПЕРЕЙТИ ЕЩЁ ЗАМЁРЗШУЮ ПУСТЫНЮ/ ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

15 апреля 1927 г.

Ю.Н. Рерих «По тропам Срединной Азии»:

«15 апреля мы снова начали движение очень рано в надежде достичь монастыря Нга-Ванг Церен кюрена, расположенного к северо-западу от изгиба реки Толы. Местность представляла собой тот же самый плоский ландшафт, что и днём ранее. Здесь и там монотонность плоских травянистых холмов нарушалась выветренными массами гранита и порфира. Путь был лёгок и так гладок и прям, что наши автомобили смогли развить большую скорость, особенно последние пятнадцать миль. Так мы ехали по Саин-Нойнской дороге, по которой следовала третья азиатская экспедиция Американского музея естественной истории в 1922-1923 гг. <...>

«Мы были вынуждены разбить лагерь раньше, чем предполагали, возле маленького оврага, заполненного снегом. Несколько монгольских погонщиков верблюдов, которых мы встретили на пути, сообщили об отсутствии воды до Нга-Ванг Церен кюрена, поскольку река Тола протекала на значительном расстоянии от маршрута и была всё ещё замёрзшей. Нам пришлось растопить снег, чтобы получить питьевую воду. Ночь была опять очень холодной - около -17°C. Обжигающий ветер, который начался вскоре после заката, к полуночи стих, и остальная часть ночи прошла спокойно.

15 апреля 1927 г.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».

«15/IV. Прекрасные дороги и поломки машин.

«Ночь была теплее вчерашней. Вышли в 8 ч. 30 м. утра. В пути выяснилось, что единственный, якобы знающий дорогу, шофёр, знал её лишь до первого населённого пункта. Возникла необходимость взять проводника после первых полутора миль.

«Перед самым отправлением из Урги представитель транспортного учреждения ещё раз заверил, что всё в полном порядке, машины подготовлены. Но проехав всего одну милю, остановилась машина Ю., у которого, по словам У, в бензине оказалась вода. За такую бесхозяйственность следовало бы как следует взыскать, ибо эта версия о какой-то воде в бензиновых баках нас преследует уже второй день, усиленно повторяемая всеми шофёрами.

«Нам пришлось воспользоваться русскими машинами ввиду того, что Монголтранспорт совершенно откровенно и деловито поставил в известность о неимении у него годных для дальнего следования машин.

«Спрашивается, что же заставило Торгпредство скрыть истину, представив непроверенные машины? Где же они, заветы Ленина?

«В 9 ч. 30 м. опять остановка - лопнула шина у машины Ю.В.

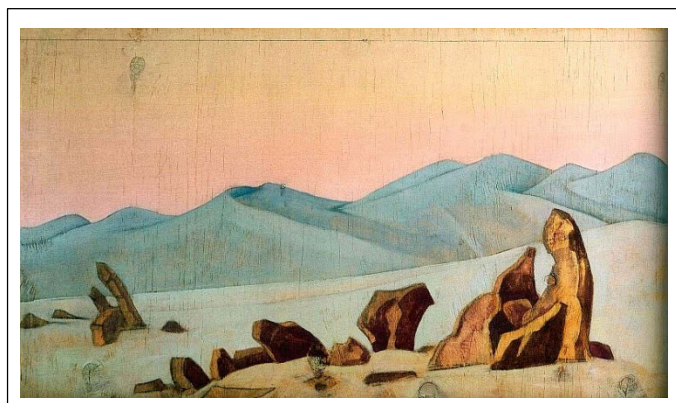
10 ч. 30 м.; скорость 30 миль - дорога изумительно хороша.

11ч. 50 м.; снова остановка - сломалась машина у З.

В 2 ч. дня всё ещё стоим - перетягивают шины у машин З. и Ю. В 2 ч. 30 м. двигаемся, наконец, далее. В 4 ч. дня опять неисправность карбюратора у машины Ю. Оставили в пути три машины, двинулись к стоянке на двух автомобилях.

В 5 ч. 45 м. стали на стоянку вблизи тающего снега в ложине меж гор - ручья нет.

Н.К. Рерих. Керексуры. 1927.

«За день прошли всего 54 мили, то есть 81 версту. По дороге видели сидящих в степи на земле двух больших орлов. Миновали несколько «керексуров» - древних монгольских могил. В 7 ч. вечера прибыли на стоянку остальные три автомобиля - в дороге у одного лопнула шина и в бензиновых баках оказалось до четверти бака воды.

«В дороге произошло курьёзное происшествие - жук остановил автомобиль, забравшись в бензиновую трубочку. Качество дороги сегодня не уступало дорогам Италии, то есть было превосходно».

16-17 апреля 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«16 апреля мы ехали по хорошей каменистой дороге часа два, прежде чем увидели дуган, или собор Нга-Ванг Церен кюрен, на противоположном берегу реки. Недалеко от монастыря мы ушли в сторону от долины реки и поехали через низкий гребень - самый большой отрог гор Долон-кара. Около полудня мы достигли монастыря Тукхумун Дугана, или Дуган-сума, расположенного к северу от соляного озера, называемого Ике Тукум-нор. Озеро занимало неглубокую впадину длиной около четырёх миль и шириной около трёх. Оно всё ещё было покрыто льдом, и значительные слои солевых пластов виднелись на берегах.

«Монастырь известен ду-кхангом, или залом для собраний, построенным в тибетском стиле с очень хорошей деревянной резьбой. В зимние месяцы это место почти пустынно, но летом число обитателей превышает триста человек. <...> Мы сделали только кратковременную остановку, чтобы осмотреть здания, и продолжили наш путь в Мише-Гун. <...>

«Сразу за монастырём находился низкий, но крутой перевал и это была единственная значительная трудность, с которой мы встретились, пытаюсь провести по нему наши тяжело гружёные автомобили. Мы проехали более двадцати пяти миль по однообразной дороге и остановились лагерем на южных берегах двух маленьких соляных озёр, расположенных в неглубокой впадине, окружённой со всех сторон низкими холмами. Почва вокруг озёр была очень засолена и во многих местах заболочена.

«Дни становились все более теплыми, и мы заметили несколько сурков, которые закончили зимнюю спячку»

[17 апреля] «На следующий день мы снова бросили вызов нагорной пустыне, незаметно повышающейся к юго-западу, где пролегал горная страна Хангай. Холодный пронизывающий западный ветер покрывал волдырями наши лица и продувал тяжёлую меховую одежду. Почва была каменистой и твердой, и автомобили хорошо шли в колонне. Мы пересекли ряд волнистых холмов, среди которых возвышались одинокие выветренные скалы и плоско обрубленные утёсы. <...>

Слева: Н.К. Рерих. Хранитель чаши. 1928.

Справа: Фигура с чашей (совр. фото)

«На двенадцатой миле мы проехали мимо огромной каменной человеческой фигуры - одной из тех, которые изобилуют на степных просторах Северной Монголии и Джунгарии к северу от гор Тянь-Шаня. Эти фигуры, вероятно, представляли собой надгробные памятники вождям, которые, как правило, изображены держащими в руке чашу с горящим огнём - символ, возможно, связанный с древним культом огня у монголов.

«Местная легенда о каменном изваянии гласила, что в древние времена здесь жил могущественный предводитель разбойников, который наводил ужас на окружающих, разорял стоянки кочевников и угонял их стада. Став старым и слабым, он дал обет сделать хорошее для соотечественников. Когда он умер, его дух был найден воплощённым в каменное изваяние. В настоящее время статуя считается обликом местного божества - духа-охранителя рогатого скота и людей. Местные кочевники и редкие путешественники, кому случается идти этим путем, делают возлияния масла и возложения цветной ткани. Эту историю рассказал тибетский проводник, который провёл много лет в этой области, собирая монгольские подношения, причитавшиеся Его Святейшеству Далай-ламе, после того, как его резиденцией стала Урга в 1904 г.

«В нескольких милях от каменного изваяния мы встретили маленький верблюжий караван, который шёл от Улясутая в Ургу южным маршрутом. Мы очень хотели узнать о нашем караване с горючим для автомобилей, который вышел из Урги месяцем раньше, но погонщики верблюдов не знали о нём. Очевидно, начальник каравана выбрал другой маршрут или следовал северным путём через монастырь Эрдени Дзу.

«Поздно вечером мы достигли северных отрогов Онгин-гола. На подходах к переправе через реку наш путь пересёк обширную твёрдую каменистую равнину. Неподалёку от переправы стояли три монгольские юрты, жители которых пришли к нам на помощь. Три наших грузовика остались позади из-за повреждений колес, и мы решили пересечь реку в легковых "доджах" и подо-

ждать остальную колонну на другом берегу. Река протекала по широкой однообразной долине и имела несколько русел. Дно, покрытое гравием, в основном было твёрдым. Только мой автомобиль заехал на песчаную полосу, и его пришлось вытаскивать.

«Грузовики до самой ночи не смогли добраться до реки. В полной темноте мы могли видеть только свет их фар, быстро приближающийся по широкой каменистой равнине. Грузовики не смогли пересечь реку тем же вечером, и им пришлось стать лагерем на другом берегу. Мы остались без палаток и продовольствия - неприятная ситуация, если учитывать ночной холод и возможность снегопада или бури. Наконец решили нанять лошадей у местных монголов, чтобы переправить необходимые палатки, постели и ресурсы. После некоторых переговоров и обсуждений относительно цен восемь оседланных лошадей были приведены в лагерь, и мы поехали к реке. Было совсем нелегко заставить животных войти в холодную воду. Они храпели и вставали на дыбы. После многих усилий и криков мы переправились и загрузили лошадей палатками и ящиками с продовольствием. Некоторые из нас прикрепили лёгкие вещи к сёдлам. Лошади вырывались и мчались прочь со своими всадниками. Один из водителей был серьёзно испуган, стараясь удержаться в седле. Мой конь отчаянно лягался, когда я привязывал мешок с палаткой к седлу.

«Поздно ночью лагерь был развёрнут, и каждый смог разместиться в своей палатке. Ночь была ясной, ветер угнал прочь облака, и они нависли над цепью гор на юго-западе».

18-19 апреля 1927 г.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».

«18/IV. Степные орлы. Ленин и Карл Маркс в пустыне.

«Утро яркое, солнечное, холодный ветер; за ночь река покрылась льдом. Идёт переправа и перегрузка прибывших поздно вечером автомобилей, оставившихся у переезда реки. Неисправный с самой Урги манометр нашего автомобиля совершенно вышел из строя, пропуская масло наружу, - новая задержка с пайкой. Наконец в 10 ч. утра автомобили переехали через речку к нашей стоянке. Надо вновь перегружать их; только двинемся - досадные задержки, тогда как надо спешить, пока в пустыне не растаяли движущиеся пески.

«Прибывший в 11 ч. утра Ю. занялся машиной, не потрудившись на ночь слить воду, теперь замёрзшую, - новая задержка на полчаса. Выехали в 12 ч. дня; У. уехал, не дожидаясь нас, вперёд; Ч. направился в город Узинван сдавать пустые бидоны. Вынуждены, догнав У, заехать в городок и взять нового проводника.

«В 2 ч. 30 м. дня выехали дальше в горы с проводником-ламой Тамчой (76 лет) из Узинвана. В 5 ч. 30 м. стали на перевале, ожидая машины З. и Ю., застрявшие по обыкновению в пути, - одна из них «шалит», у другой лопнула шина. Тут же выяснилось, что на все пять машин имеется лишь два исправных насоса. На остановку на перевале подъехали, как обычно, монголы - слетаются, как орлы степные. Неожиданность - один из них знал несколько слов по-русски: Москва, Коминтерн, Интернационал, Ленин, Карл Маркс, браунинг и наган.

«Спустились в долину около 7 ч. вечера, куда вскоре прибыли и оставшие машины. На горизонте снеговые горы; ни воды, ни снега нет, холодно. Во

время перетяжки шин Ю. должен был сменить четыре камеры, так как все оказались дырявыми, сплошь в заплатках; ходит версия, что незадолго до нашей отправки были получены из Китая старые автомобильные части. Что можно сказать о таком хозяйствовании? Результаты его мы ощущаем теперь на себе, в то время когда надо спешить».

19 апреля 1927 г. 7-й день путешествия.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«19/IV. Проводник-лама. Курган. Песнь о Шамбале.

«7-й день путешествия. Прошли вчера 36 миль, а всего 284 мили или 426 вёрст; до Юм-бейсе остаётся немного менее половины пути. Дорога всё время прекрасная, но плохи машины и шофёры. Худший путь от Верхнеудинска до Урги, 600 вёрст, был пройден в три дня; прибыли на четвёртый день утром. Только что выяснилось, что везём лишний автомобильный груз - 30 пудов масла, которое Торгпредство должно было отправить вместе с запасом бензина ранее.

«Выехали в 9 ч. утра. Пройдя около 17 миль, пересекли две горных речки; дорога идёт плоскогорьем, окружённым снеговыми горами. На 18-й миле остановка - лопнула шина у З. В 11 ч. 20 м. двинулись дальше. В 12 ч. 45 м. новая авария - раскрошился подшипник у динамо. Поставили новый подшипник и сняли цепь у динамо - «хороша машина», но только тогда, когда действует. Оказалось, что в машине У. в бидоне с бензином - половина воды.

«В 2 ч. закончили ремонт и двинулись дальше. Через 20 минут новая авария - у машины У. лопнула полуось на очень хорошей дороге из-за небольшой выемки, по-видимому, по его неосторожности. Обнаружили неподалёку каменную насыпь в виде полусферы, выложенную поверху из крупных камней; вокруг неё - камни поменьше. Диаметр круга 32 аршина; за ним второй круг из камней, расположенных небольшими кругами, вроде древнерусских жальников. Вблизи кургана находится полуразрушенный, должно быть, Унгерном, лангар - постоянный двор. В 4 ч. 30 м. остановились у горного ключа, проехав немного далее, оставив на месте У. для замены полуоси. За сутки проехали 31 милю, а всего 315 миль или 472,5 версты.

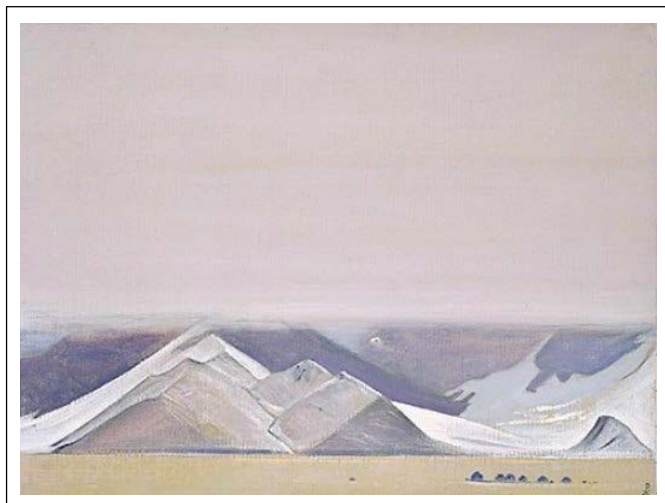
«Стоим на разветвлении путей на Улясутай и Юм-бейсе - жёлтые бугры арктического характера и чистый горный ручей наполовину под ледяным покровом. Наш проводник лама Тамча считает, что от Урги прошли 16 уртонов (почтовых перегонов) и осталось до Юм-бейсе 13 уртонов. Вечером у костра буряты и ламы опять поют песнь Сухэ-Ба-тора о Шамбале».

20 апреля 1927 г. 8-й день путешествия.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«20 апреля был трудный день для автомобилей и персонала экспедиции. Единственным реальным путём была слабая верблюжья тропа. Многочисленные песчаные лощины сделали поездку очень мучительной. Автомобили часто застревали, и приходилось их вытаскивать, помещая под колёса деревянные доски или большие полотнища брезента, подшитого войлоком, которые были захвачены из Урги для этой цели. После вытаскивания одного автомобиля мы все должны были идти и вытягивать другой, и это длилось до тех пор, пока все не измотались до крайности. Тогда решили установить лагерь. Портнягин и я, сопровождаемый одним из водителей, вышли на поиск более хорошей дороги. Мы не брали нашего проводника, которого теперь использо-

вали очень мало, убедившись, что он знает только тропы, часто непригодные для автомобилей. Мы поднимались на несколько вершин из песчаника в поисках маршрута, но совершенно напрасно. Насколько глаз мог видеть, повсюду простиралась всё те же бесплодные и холмистые пространства, пересечённые высохшими руслами рек, полными гравия, с песчаными берегами и глубокими и узкими горными долинами, блокированными огромными скоплениями камней. Нам пришлось возвратиться и отложить поиск до следующего дня.

Н.К. Рерих. Богдо-Ула. 1927.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«20/IV. Признаки Гоби. Золотоносный кварц. Тибетский караван.

8-й день путешествия. Выехали в 9 ч. утра; день солнечный. Едем с небольшими остановками в пути. До 12 ч. дня проехали 24 мили; лопнула обтяжка у машины Ю.; все стали. Почва местами песчаная, покрытая вереском, - сказывается близость пустыни Гоби. Слева виднеется снеговой горный хребет – Богдо-гол.

«После некоторых плутаний подъехали к реке Хаз-гол; у самой воды найдены куски кварца со значительным количеством золотых блёсток. В 2 ч. 15 м. пересекли реку и двинулись далее. Кварцевый хребет при спуске к реке выступает наружу. Недалеко от реки Хаз-гол встретили караван верблюдов, направлявшихся в Ургу, причём узнали, что дунгане вовсе не прекратили своих враждебных действий по отношению к цамдамцам, наоборот, опять что-то замышляют, и Фын не является примиряющим звеном.

«Несколько дней назад в Ургу проехал князь Богдо-Цай-дам. В 3 ч. 40 м. перед перевалом застряла машина Ч. из-за неисправности бензиновой трубки. Полное бездорожье; идём по верблюжьим тропам через перевалы. Жаркий день, на горизонте в тумане виднеются горы. Проехали 65 миль. До Юм-бейсе остаётся три-четыре почтовых перегона. В случае удачной дороги предполагаем доехать завтра к вечеру. В 8 ч. вечера стали на ночь, проехав озеро у снегового хребта. Дорога всё время песчаная».

21-22 апреля 1927 г. 9-й день путешествия.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«21/IV. <...> «9-й день пути. Утро солнечное, тёплое, слабый прохладный ветерок. Идут сборы палаток, вещей. Старший лама Данзан Малонов деятелен.

«Неповоротлив лама Кейдуб. Торгоут остаётся торгоутом. Молодой жёлтый лама Бухаев собирает мелкие вещи, чтобы не забыть их на стоянке. Лама Ламаджан Церемнилов, стоя на вещах наверху автомобиля, утаптывает и укладывает их. Даже старый Тамча, проводник 76 лет, помогает носить вещи. Вообще, присутствие в Миссии развитых и деятельных лам сказывается положительно на всём, принося большую помощь.

«Не успели тронуться, как начались поломки: заглох автомобиль З. из-за воды в бензобаке; затем у машины Ю. лопнула камера. Оказалось, что запасные камеры пропускают воздух. Предложили старшему шофёру У. взять камеры у других водителей, но тот отказался. Заметно, что шофёры недружны меж собою и не оказывают друг другу должной помощи. <...> Только после нашего указания и настояния взяли у З. готовую, накачанную камеру; пытаюсь заклеить негодные камеры, простояли около часа.

«В 11ч. 25 м. двинулись дальше. Не доезжая до речки Туин-гол, произошла новая остановка - у Ч. вышла из строя бензиновая трубка. День жаркий. Туин-гол - быстрая, неглубокая речка с каменистым дном и берегами, усеянными мелкой щебёнкой. Переправились через неё в 1 ч. дня. В 2 ч. дня миновали второй рукав реки. Выяснилось, что из пяти домкратов можно пользоваться только двумя. Четыре раза были остановки машин из-за перегрева. К 4 ч. дня прошли 28 миль. В 6 ч. вечера сделали 35 миль. Лопнула полуось у З. В 7 ч. 10 м. вечера остановились, проехав 40 миль. Всего за девять дней прошли 415 миль, то есть 622,5 версты».

10-й день путешествия.

«22/IV. Первая зелень. Куланы и дикие козы. Перевал.

«10-й день пути. Утро жаркое. Выехали в 9 ч. утра. На шестой миле у машины З. лопнул обод колеса. Едем на автомобилях верблюжьей тропой (кратчайшим путём). Слева виднеется снеговой хребет, далёкий родственник Алтая; часть ближайших гор находится в стадии песчаного распада (выветривания) - сказывается близость пустыни. На восьмой миле пути встретили в долине полный колодец и наполнили все сосуды ледяной водой. В 12 ч. 30 м. двинулись далее; дорога трудная - через перевалы и пески; идём с частыми задержками. С гор веет прохладный ветерок. На 21-й миле встретили бегущих куланов и диких коз; полное безлюдье. К концу дня увидели трёх верблюдов и проводника с двумя лошадьми. Появились первые зазеленевшие кустики. В этот день прошли особенно крутой и опасный перевал; все части автомобиля сотрясались при спуске; люди шли пешком. Остановились в 6 ч. вечера, проехав 30 миль, а всего за это время - 445 миль. После расспросов выяснилось, что у шофёров нет специального разрешения на переезд через пограничный пункт в Юм-бейсе».

23 - 25 апреля 1927 г. Юм-Бейсе. 11-й день пути.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«23/IV. Потеря пути. Озеро Боро-нор. Дикие гуси.

«11-й день пути. Вчерашняя наша справка о паспортах пришлась вовремя — сегодня утром сообщено, что у старшего шофёра У. потерялся чемоданчик, в котором находились, по вчерашней версии, остатки еды и ложка, а сегодня оказывается, что этот же чемоданчик скрывал в себе паспорта, но, конечно,

надо думать, без того разрешения, о котором мы спрашивали и которое требуется монгольскими властями.

«Выехали в 8ч. 45м. утра, погода хорошая. Вскоре у З. лопнула шина — произошла общая остановка в течение часа. Продолжаем ехать сначала верблюжьей тропой по песчаным местам, часто «заседая» в песке. 1ч. 25м. — проехали 14 миль, пересекая много «песчаных речек». Вдруг оказалось, что сбились с пути — проводник не знает больше направления — тропа потеряна. После блуждания вверх и вниз по откосам, встретили монгола, тогда только выяснилось, что идём по ложному пути. Потерян почти целый день. В блужданиях прошли 26 миль. Только после этого по указанному монголом верному направлению на Юм-бейсе и вскоре выехали на хорошую дорогу. Вдали сверкало озеро Боро-нор (Дождевое). Встретили три табуна куланов. С озера Боро-нор спугнули в стороне от дороги, где остановились на ночь, целую стаю гусей. Озеро оказалось с хорошей пресной водой; этим отчасти и объясняется присутствие в этой местности больших табунов куланов и диких коз. В этот день прошли 43 мили, а всего 488 миль.

12-й день пути.

«24/IV. <...>Дикие монголы. Приезд в Юм-бейсе.

«12-й день пути. Воскресенье, первый день Пасхи. В 8ч. 45м. утра выехали дальше. День солнечный, дует прохладный ветерок. Во время сборов в путь прибыли со степи, как обычно, монголы, рассматривая всё с любопытством, грязные и дикие, не знающие Будды (вероятно, шаманисты), предпочитающие изображению Будды янчаны (деньги).

«Едем верблюжьей тропой через пески и перевалы, временами через очень крутые подъёмы и спуски. В автомобиле У. обнажился провод, произошло короткое замыкание и вспышка, загорелся корпус. Благодаря присутствию духа у шофёра У. пожар был вовремя прекращён. На автомобиле было около двух тысяч патронов. Вчера так же начинался пожар от проводов у З. Около 6ч. вечера достигли, наконец, с большими трудностями, Юм-бейсе. За день прошли 37 миль, а всего 525 миль.

«Остановились, проехав монастырь Юм-бейсе, за одну милю там, где осенью прошлого 1926 года останавливалось монгольское посольство проездом в Тибет. Вода и дрова (дзак) были немедленно же присланы представителем местного отдела Торгпредства.

«25/IV. Конец автомобильного пути. Верблюды.

«С утра на стоянке оказался целый круг сидящих за чаем у костра лам из монастыря Юм-бейсе. Среди них находился лама, заведующий хозяйством монастыря, два раза ходивший с караваном в нужном нам направлении и сопровождавший до Шибочена монгольское посольство. Рекомендован и прислан нам отделом Торгпредства. Из разговоров его выяснилось, что он упорно отрицает возможность дальнейшего движения на автомобилях, указывая, что монгольский главнокомандующий не мог доехать даже до границы. Ввиду этого мы были поставлены в необходимость следовать далее на верблюдах».

Юм-Бейсе. Верблюжий караван. Апрель 1927. В центре Рябинин.

25 апреля 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

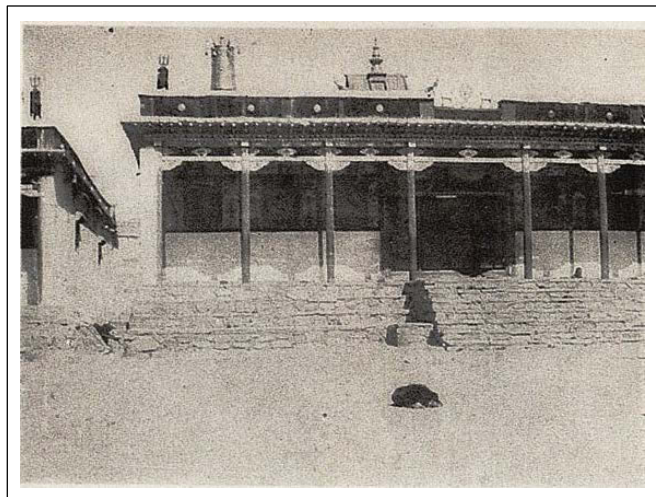
«Последняя часть пути к Юм-бейсе была чрезвычайно трудной для автомобилей. Эта горная местность сильно пересечена, и сухие русла рек представляли большие препятствия для колёсных транспортных средств. Когда мы достигли вершины крутого хребта, внезапно открылся далеко раскинувшийся Юм-бейсе кюрен, расположенный в глубокой долине, окружённой со всех сторон холмами, защищающими монастырь от сильных ветров, дующих в течение зимних и весенних месяцев. Он представлял собой группу белых домов, в центре которой возвышались два ду-кханга, или зала собраний. Огромная толпа одетых в красное лам, услышавших звук автомобильных гудков, выбежала из монастыря и окружила машины. Возле монастыря мы не нашли подходящего места для установки лагеря, и нам посоветовали установить лагерь за монастырём в местечке, носящем местное название Цаган Тологой - "Белая Голова" - по имени горы западнее монастыря. Место, выбранное для лагеря, было на берегу крошечной речки Цаган Тологой-усу. С северо-запада и запада наш лагерь был хорошо защищён горами Цаган Обо. На восток и на юг от этого места открывалась обширная панорама Гоби».

«Нам пришлось провести несколько дней в Юм-бейсе, чтобы подготовиться к более далёкой поездке через юго-западную Гоби к Аньси чоу. Наш верблюжий караван с запасом бензина достиг Юм-бейсе в тот же день, что и мы. Они проследовали северным маршрутом, проходящим через Эрдени-дзу и монастырь Лама-йин Геген и потратили несколько дней, чтобы попасть верблюдов около Лама-йин Гегена. Это объяснило задержку. Местные жители считали, что будет трудно, почти невозможно для нас продолжать поездку на автомобилях на юг от Юм-бейсе. Согласно их мнению путь был почти непроходим, и все прежние попытки пересечь пустыню Гоби южнее монастыря, сделанные монгольскими автомобилями, не имели большого успеха. Обследовав машины и убедившись в их плачевном состоянии, мы единодушно решили послать их обратно и продолжать поездку на верблюдах.

26 апреля 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующее утро, сопровождаемый тибетским проводником, я отправился в монастырь, чтобы договориться с нирва о плате за наем верблюдов от Юм-бейсе до Ших-пао-чьенга и о дате нашего отъезда.

Монастырь Юм-бейсе. (Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха)

Монастырь Юм-бейсе был расположен примерно в миле севернее нашего лагеря. Он состоял из нескольких узких улиц, с обеих сторон которых высились кирпичные стены с маленькими узкими проходами ворот во дворы, где стояли здания или палатки лам. Монастырь населяли около пятисот лам, которые толпились на улицах и больших дворах перед храмами. В центре монастыря имелась просторная площадь, на западной стороне которой стояли главные монастырские здания, два ду-кханга, или залы собрания. Они были построены в тибетском стиле. Здание непосредственно строилось из кирпича, а передняя часть имела террасы, поддерживаемые восемью деревянными колоннами с обычным цветочным орнаментом, окрашенным в яркие тона. Четыре угла храмов были увенчаны обычным джъял-ценом, или "знаменем победы", и на крыше со стороны основного входа стояла общепринятая эмблема - Колесо Закона и два оленя. Позади храма высились золочёные крыши часовни, содержащей священные изображения. Крыша была увенчана позолоченной ганджирой в форме вазы, или бум-па.»

«К закату подул сильный северо-восточный ветер, который скоро превратился в дикий ураган. Толстые облака песка пролетали по лагерю и проникали в палатки. Мы все должны были искать укрытия и закрывать входы в палатки. Это была отчаянная ночь! Песок накапливался в огромных количествах вокруг палаток и образовывал высокие валы. Шум, который производила внешняя палатка, края которой наносили удары по внутренней откидной створке, был настолько силён, что спать было почти невозможно. К рассвету сила ветра удвоилась, и я вдруг почувствовал, что моя палатка лопнула и внезапно рухнула на меня. Две откидные створки разрушились, и я был буквально захоронен под ними и под песком, который быстро наметался над развалинами. После нескольких попыток я сумел выбраться наружу. Окрестности были полностью скрыты под непроницаемой жёлтой завесой, а ветер дул с ослабевающей силой. Наш лагерь представлял собой странное зрелище. Па-

латка служащих обрушилась на обитателей, но те спокойно спали под брезентом. Палатка Портнягина готова уже была сорваться и держалась только на одной растяжке и одном колышке, который сумел остаться в грунте. Палатка доктора имела наибольшее количество растяжек из всех, и было чудом, что она до сих пор ещё сопротивлялась урагану. Палатка профессора и госпожи Рерих твёрдо противостояла ударам ветра. Портнягин и я пошли по лагерю, закрепляя растяжки и колья палаток. Внезапно раздался дикий грохот, как будто сотни невидимых всадников промчались через лагерь, уничтожая всё на своем пути. Палатка кухни взвилась вверх, и все емкости для воды и ковши со страшным грохотом были унесены прочь по песчаной поверхности. Это был кульминационный момент. Все в лагере проснулись. Везде слышались возгласы и восклицания: "Что случилось?", "Поднимите мою палатку!", "Не могу выйти!" После рассвета ветер стал стихать, и мы оказались способны восстановить порядок в лагере. Было очевидно, что нельзя оставаться дольше на этом ветреном месте. Мы нашли другое подходящее место у основания гор Цаган Обо, и профессор Рерих дал указание переместить лагерь.

«Новое место было хорошо защищено с северо-запада и северо-востока высокими холмами. Цаган Обо - крутой гранитный массив, изрезанный узкими каньоноподобными долинами, заполненными грудями камней. Недалеко от нашего нового лагеря возвышался пик, именуемый Цаган Тологой - самая высокая точка в массиве. В полдень прибыл лама из монастыря, чтобы спросить о потерях, которые мы понесли от ужасного ночного урагана. Ветер нанёс серьёзные повреждения монастырю, сорвав крыши со многих палаток и поломав флагштоки на крышах храмов. Юм-бейсе известен ветрами. Место открыто с юго-востока и северо-востока, а ранняя весна всегда насыщена ветрами и пыльными бурями ужасающей силы».

27-28 апреля 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинына «Развенчанный Тибет»:

«27/IV. Монастырь Юм-бейсе. Фаллос и ведьмы. Стрельба в священных горах. Опять буран.

«28/IV. Буран сносит юрты. Гадание тибетца. Зверь «шарагол».

«Погода холодная. Вновь поднялся порывистый ветер. Небо обложено тучами; порхают снежинки. Во дворе Торгпредства, находящемся под защитой гор и стен, ночью бураном снесло юрту. Юрта торгпреда, собственно, уполномоченного торговой экспедиции, была прикреплена на ночь к тяжёлому камню, который приподнимался под ударами ветра.

«Холодная погода приятна для верблюдов - лучше идут, но тяжела для людей из-за порывистого ветра, несущего с собой бессонную ночь, простуду, иногда слабость и головную боль. К вечеру буран усилился, и начал порхать снежок.

29 апреля 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинына «Развенчанный Тибет»:

«29/IV. ... С утра началось составление договора с ламой-караванщиком за караван до Шибочена, причём в счёт общей суммы 820 мекдолларов ему было выплачено вперёд 500 мекдолларов. Обещал, что завтра мы обязательно выступим, несмотря ни на какую погоду. Стоит солнечная, но всё ещё холодная, слегка ветреная погода. Сегодня буряты обещали сообщить перевод песни Сухэ-Батора о Шамбале. Вечером среди лиловых сумерек узнаём краткое со-

держание песни, в которой сплетаются чаяния об освобождении с древними чаяниями о построении нового мира:

«Приходит время Шамбалы, и наступит великий бой.
Все воины, соберитесь к этому бою,
И под красным знаменем Шамбалы мы победим
гаминов (китайцев) и всех тёмных,
И не будет на земле больше всякой мерзости».

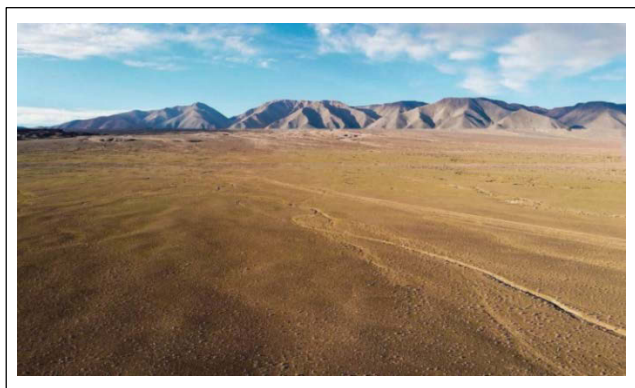
30 апреля 1927 г.

Из книги. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«30 апреля яркая и безветренная погода принесла значительное облегчение после двух дней сильного ветра и песчаной бури. Мы наконец-то получили возможность окончательно распределить грузы для верблюдов, и погонщики принесли верёвки и сёдла, подготавливая путешествие следующего дня.

«Утро 30 апреля приветствовало нас сильным и ровным северо-восточным ветром. Тучи закрывали пики гор Цаган Обо, и влажный снег хлестал по нашим лицам. Верблюды прибыли к десяти часам - прекрасные стойкие животные в отличном состоянии. Проводник, лама Самбу, был достаточно опытен и привёл с собой только молодых животных, пригодных для пересечения пустыни. Большинство верблюдов целый год откармливалось, и они выглядели очень сильными. В одиннадцать тридцать караван экспедиции отправился тремя длинными колоннами в длительное путешествие через Гоби. Верблюды ступали тяжело, и большие караванные колокольчики на последнем верблюде каждого отделения печально звенели. Хлещущий влажный снег и ветер ослабели к полудню, и мы совершили вполне приятный переход по обширной каменистой равнине, ограниченной вдали холмистой местностью, лежащей к югу от гор Цаган Обо. Однообразный ландшафт сильно отличался от севера Юм-бейсе с его ответвлениями гор Хангаи, уходящих далеко в пустыню.

«После пяти часов перехода караван остановился в пустынном месте, вокруг которого росли кусты саксаула - любимой пищи верблюдов. Мы разбили лагерь на обширной каменистой равнине. Далеко на горизонте возвышались массивные горные хребты. К северу лежали горы Байн Ундюр, продолжение хребта Цаган Обо. Далеко на востоке можно было только едва различить слабое очертание гор Элги-йин-ула, одного из многих параллельных хребтов Гоби Алтая».

Юго-Западная Гоби. (Современное фото)

«Далеко на горизонте возвышались массивные горные хребты...»

МАЙ

[1] мая 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующий день мы встали рано и к восьми часам верблюды были напоены и загружены. Обычно нам требовалось около двух часов, чтобы привести наш большой караван в походный порядок.

После пересечения каменистой равнины в северном направлении мы вступили на невысокие песчаные холмы, которые тянулись более чем на пять миль. Эти холмы окружали каменистую равнину с юга и юго-востока».

Пустыня Гоби. (Совр. фото)

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Бесконечна Центральная Гоби. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-чёрная. Вихри устилают пологие скаты потоком камней. Не попадайте в этот каменный вихрь. Гроза Гоби - высохшие колодцы. Иногда отверстие колодца завалено павшими животными. Можно миновать безводье обходным путём на восток, но там китайские шайки.

«Ночь. Костры. Дозорные. В этом ущелье недавно был ограблен караван. И вдруг тишина нарушается сильным винтовочным выстрелом. Затоптаны огни. Залегла цепь наших людей с карабинами. Кто стрелял по лагерю? Где-то лают собаки... Вызывается доброволец на разведку. Условлено: если он запоёт, то всё благополучно. Настороженная тишина, и, наконец, из темноты доносится весёлая песня. Стрелял китаец - хозяин каравана. Он очень испугался, увидев наши костры. Подумал, что разбойники.»

«Нирва, вожак каравана, насвистывает ветер среди зноя полудня. Как продавец ветра в приморье Древней Греции, монгол протяжно, минорно свистит - точно ветер шевелит головки пустынного ковыля. Ветерок начинается. Монгол кивает нам, чтобы обратили внимание. Продавцы ветров. Какой сюжет для оперы или симфонии!»

5 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«6-й день каравана. Вышли в 9 ч. 15 м. утра. Второй день идём в безводной пустыне кратчайшим путём. Обещают нечто вроде земли обетованной или оазиса. В 4 ч. 30 м. вечера достигли чистого ручья у подножья гор среди зарослей высокой травы, ещё жёлтой, и зеленеющих толстых деревьев и высоких кустов. По дороге встречали цветущий белыми и розовыми цветами дикий лук.

«Не надо забывать, что подобные ручейки в известное время года превращаются в бурные, стремительные реки, несущие по пути ил, крупные древесные стволы и прочее, разливаясь по широкому руслу. Ещё до этого ручейка вся громадная равнина, по которой мы ехали, была занесена илом; там и сям валялись громадные древесные стволы. Палатки раскинули над ручьём под большими деревьями (урочище Шара-хул-усу) у подножья гор. Виды лагеря и местности живо напоминают романы Майн Рида». <...>

«Ходили с Н.К. осматривать остатки китайских строений на соседней возвышенности; говорят, что здесь, на этом караванном пути, китайцы сеяли раньше мак для получения опиума. Возможно, что в ещё более отдалённое время здесь на пути было сторожевое, а может быть, и разбойничье укрепление.

«В одиннадцатом часу вечера вдруг со стороны ущелья раздался ружейный выстрел. Огни в палатках и кухонный немедленно были погашены, и всё пришло в боевую готовность, вооружась винтовками и револьверами. Установлена была цепь стрелков и послан разведчиком тибетец Кончок, говорящий и по-монгольски. Потом послышался лай собак и звон идущих верблюдов, что дало нам повод думать, что идёт торговый караван, а по количеству сторожевых собак, что из Тибета.

«Прислушивались: наконец наш лазутчик Кончок, видимо, достиг неприятеля и вступил с ним в какие-то переговоры. Вместо условленных двух выстрелов в случае тревоги послышалось весёлое пение Кончока, что означало полное спокойствие. Возвратившись, разведчик сообщил, что видел торговый китайский караван в 65 верблюдов и с двенадцатью людьми и одним ружьём. По словам разведчика, люди каравана были испуганы при виде наших костров, думая, что это хунхузы. Когда спросили о нас подъехавшего Кончока, что это за люди, он ответил: «У нас палаток много, а у вас — только одна, но мы вас не тронем». Оказывается, что этот выстрел был своеобразной техникой китайских караванщиков, чтобы запугать и показать, что едут вооружённые люди. Тем не менее, на ночь часовые были оставлены с заряженными винтовками.

«Ввиду бывшей днём жары решено было выходить вечером и идти до 12 ч. ночи».

6 – 8 мая 1927 г. (7, 8, 9-й день каравана).

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«6/V... 7-й день каравана. Утро прохладное. Из китайского «враждебного» каравана пришёл татарин, уроженец Семиреченской области, говорящий по-русски, с предложением зелёного чая Липтона, сгущённого молока и шоколадных конфет. От него мы узнали, что месяц тому назад в этом месте среди дня был ограблен монголами караван, убит один человек, лошадь и верблюд — взяли только верблюдов, оставив товары, принадлежащие торговой фирме Бреннер. У каравана не было винтовок.

«Предполагаем, что это могли быть халхасцы юмбейсейского хошуна или же остатки шаек пресловутого Дже-ламы. Во всяком случае, нам предстоит добрых 11 дней пути с предосторожностью. Далее выступили в 2ч. 30м. пополудни. Погода продолжает быть прохладной благодаря ветру. Едем ущельем гор средней высоты, преимущественно гранитных, сильно выветрившихся и изъеденных атмосферными осадками, причудливой формы. При выходе со

стоянки измеряли на глаз высоту травы. Оказалось, что она совершенно скрывает верблюда со всадником.

«По выходе из ущелья вступили на песчаные развалины Центральной Гоби. Шли до 12ч. 30м. ночи до воды. Дальше на три дня перехода - безводное пространство».

«7/V. Центральная Гоби. Шайки Дже-ламы.

8-й день каравана. День облачный. Вышли в 2ч. 45м. пополудни, предварительно наполнив 40 бидонов водой ввиду предстоящего безводного пространства. В караване идёт 50 верблюдов и 21 человек. Шли частью степными пространствами, частью ущельями пересекающих пустыню небольших хребтов и холмов Гобийского Алтая. Воздух тёплый с небольшим ветерком, чувствуется аромат пахучих растений. Путь идёт на Ан-си-чжоу и Шибочен, который надеемся пройти в 14 дней.

На стоянку стали около 1ч. ночи при слабом свете затуманенного серпа луны на горизонте».

Н.К. Рерих. Чёрная Гоби. 1928.

«8/V... 9-й день каравана. Вышли в 2 ч. 30 м. дня. День прохладный. Пустыня имеет чёрный цвет от мелкой щебёнки и гальки, которой густо усыпан песок. В трёх местах встретили громадные изображения на земле обнажённых мужских и женских фигур в эротических позах; тут же в одном случае был изображён и верблюд. На полпути встретился небольшой водоём солёной воды. Небо покрыто кучевыми облаками; временами идёт непродолжительный дождь.

«Шли при луне и остановились во втором часу ночи, чтобы в 5 ч. снова подняться и двинуться дальше к воде, так как в это время года линьки верблюдов дольше двух дней их нельзя оставлять без воды — быстро теряют силы. Большая часть спутников спала в течение двух часов на открытом воздухе при холодном ветре, только тепло укрывшись».

9 мая 1927 г. (10-й день каравана).

Из дневниковых записей К.Н. Рябины «Развенчанный Тибет»:

«9/V. Белая пустыня. <...> Молчите в пустыне.

10-й день каравана. Встали в 5ч. утра и выступили в 7ч. Это день белой пустыни, так как вся местность покрыта щебёнкой белого цвета из вывет-

рившихся горных пород. Местность холмистая; вдали виднеются более высокие горы, куда мы должны дойти сегодня, чтобы напоить верблюдов и сделать запасы воды у колодца. Достигли гор только в начале четвёртого часа пополудни. День чрезвычайно жаркий и солнечный, утомительный. Остановились, измученные жарой и восьмичасовым переходом, у водоёма среди гор — обычного в пустыне глубокого, обложенного внутри камнями колодца, ничем не закрытого; в глубине виден толстый слой льда. Снаружи ничем не ограждён — может попасть и человек, и животное, ветер несёт в него песок пустыни. Вода мутновата, но холодна и приятного вкуса. По дороге к Юмбейсе мы встретили колодец, куда несколько часов, по-видимому, тому назад провалилась корова, упав головой вниз. Тут же около колодца жёлоб для верблюдов, причём остатки грязной воды стекают обратно. Когда же, наконец, в подобных безводных местностях драгоценные источники питьевой воды получают надлежащую охрану?

«Вечером куковала горная кукушка. Постепенно выясняются характеристики наших спутников. Вот монгольский лама Ламаджан. Выясняется, что прежде он был разбойником, потом контрабандистом, солдатом, теперь раскаялся и идёт для завершения ламского образования в Лхасу. Другой — Дава Церемнилов, бывший контрабандист, партизан Сухэ-Батора, потом красноармеец, поющий про Шамбалу. Оба были очень рекомендованы некоторыми видными лицами. Вероятно, до конца путешествия узнаем подробности и о других наших спутниках.

«Вот беда — пустыня услышала о нас. К вечеру поднялся вихрь; оказывается, мы же сами в этом и виноваты — мы громко произнесли название места остановки. По толкованию монголов-караванщиков, этим оповестили злые силы пустыни. Они могут обнаружить местопребывание путников и наслать любое несчастье. Никто не должен знать о пустынных местах - в этом заключается какой-то обширный сюжет».

10 мая 1927 г. 11-й день каравана.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«10/V. <...> Таинственный Дже-лама.

«11-й день каравана. Ввиду возникших с вечера слухов о близости мест, где действовали остатки шаек Дже-ламы, утро началось военными приготовлениями. Всем было роздано оружие, установлен порядок охраны каравана и план действий на случай нападения. Даже старший лама Малонов всунул для устрашения в пустой чехол палку. При выступлении в 3 ч. 45 м. пополудни караван имел военный вид с соответствующими группировками вооружённых карабинами и магазинами всадников. В этот день был сделан большой перевал через крутой и высокий дабан - это кратчайшая дорога, открытая одним из лам-караванщиков, 30 раз ходившим с караванами.

«Другая, западная обходная дорога длинна и безводна - монгольское посольство в прошлом году испытало много лишений.

«После перевала через дабан, ещё засветло (причём наших верблюдов вели наши спутники и караванчики), мы увидели изображение на песке большого субургана из белых (кварц или алебастр) камешков. Нам сказали, что это работа пленников Дже-ламы.

«Вечером при свете луны шли красивым узким ущельем - мог пройти между камнями один верблюд. Рассказывают о Дже-ламе, что он окончил юридический факультет Петербургского университета, затем изучал метафизику в Лхасе, где достиг значительных знаний и влияния, но в силу какой-то кровавой ссоры должен был покинуть Тибет. Прибыв затем в Монголию, Дже-лама отличился в войнах с китайцами и даже, заняв Кобдо, вырезал там китайское население. За военные успехи Богдо-геген пожаловал ему звание Таши-гуна и подарил хошун Кобдинского округа. После ссоры с местным казачьим полковником Дже-лама был арестован (непонятно для нас) и увезён в тюрьму в Иркутск, а затем в Астрахань, откуда его освободила революция 1917 года. После этого он опять возвратился в Монголию и «эволюционировал» в могущественного разбойника, может быть, мстителя. Закладывает целый разбойничий город, ограбляет десятки караванов, частью убивая людей, частью оставляя пленниками для своих строительных целей. Затем он был предательски убит монголами, и голова его на копье обвезилась по городам Монголии. Около этой головы складываются целые легенды. И вот остатки его банд, опустившиеся и окончательно озверевшие, продолжают разбойничьи нападения. <...> На ночь приняты всякие предосторожности.

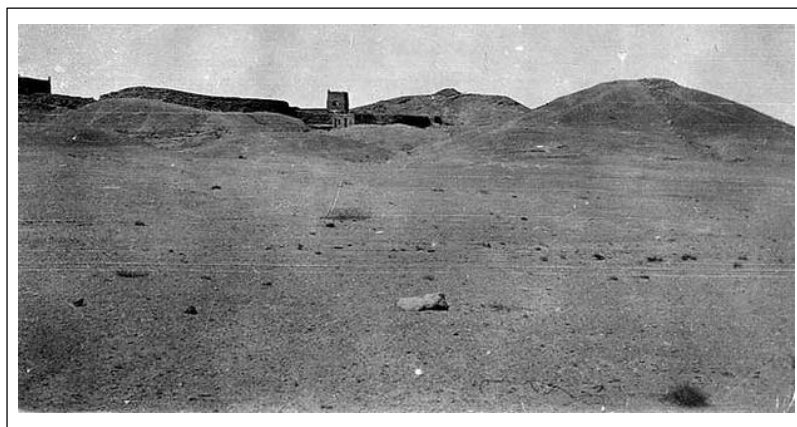
«Кроме бурят, и сотрудники каравана несут сторожевую службу. До сих пор от зноя спасает нас прохладный ветер. Как-то будет дальше?

Остановились в 12 ч. ночи».

ГОРОД ДЖЕ-ЛАМЫ

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

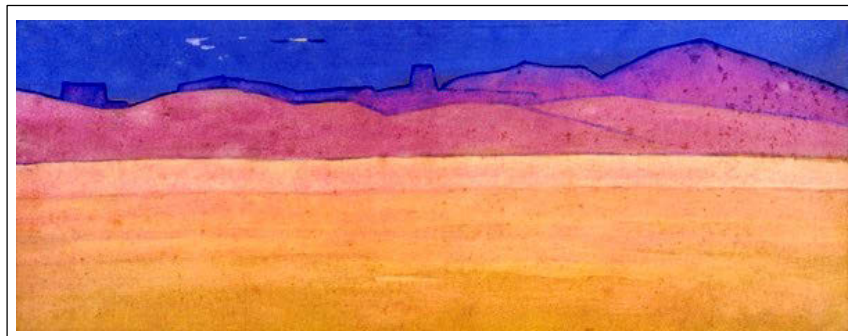
Опять нужны предосторожности. Опять нужно надеть монгольские кафтаны. Подходим к городу знаменитого разбойника Дже-ламы, или Тушенгун-ламы. На ночь станем где-то близко. В густых сумерках что-то темнеет за холмами. Лает собака... Хотя сам Дже-лама недавно убит монголами, но банды его ещё не рассеялись. Огня на ночь не разводим, удваиваем дозоры. Наутро мы слышим изумлённые восклицания: «Вот и город перед нами!»

Город Джеламы. (Фото экспедиции 1927 г.)

«На холме высятся башни и стены – подлинный город. Внушительный и живописный. Юрий и П.К. [Портнягин]с карабинами в руке идут исследовать,

а моголы провожают их советами осторожности, Следим в бинокли. Но вот наши показались на стене – значит, разбойники покинули замок.

Н.К. Рерих. Город бандита Дже-ламы. 1928.

[11-12 мая] 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Мы пересекли крутой перевал, который вёл через горы Артсегин-нуру, вступили на широкую каменистую равнину и остановились только в одиннадцать часов в полной темноте. Пока ещё не встретилось никакой воды, хотя около лагеря располагалось сухое русло реки. На юго-юго-западе возвышался массивный Икхе Мацу Шань и его продолжение Бага Мацу Шань. Весь этот район был когда-то местом действий Джа-ламы и его банд. Его бывшие последователи часто посещают близлежащие горы и часто грабят караваны, так как память о Джа-ламе всё ещё живёт среди его людей. Китайские власти из Аньси неспособны остановить разбой и предпочитают оставить всё так, как есть.

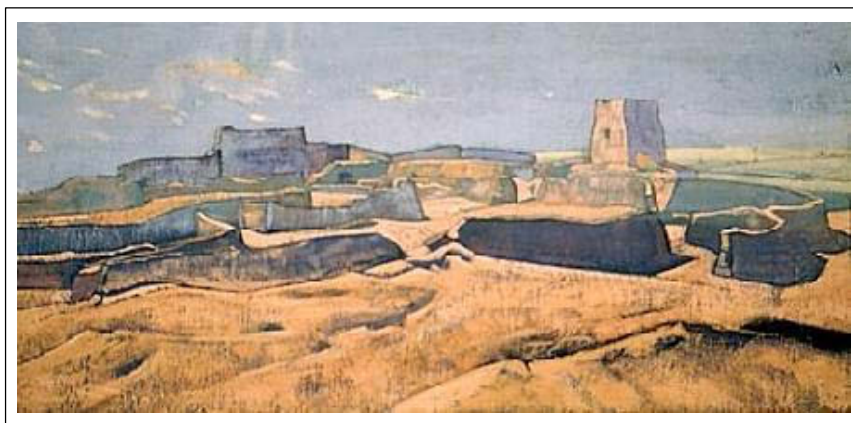
<...> Мы решили остановиться здесь, так как местность была трудной для продвижения ночью. Был найден ручей с пресной водой, и мы могли напоить верблюдов. Через час маленький ровный участок земли был покрыт палатками и лагерь засветился в темноте, бросая вызов крепости, которая, как упоминалось выше, была недалеко отсюда.

«Ночью лагерь охранялся удвоенным количеством караульных, а оставшая охрана экспедиции получила строгий приказ быть готовой к любой опасности. Люди спали вместе с оружием. <...>

Крепость Дже-ламы. (Иллюстрация из кн. Ю.Н. Рериха)

«Ранним утром мы довольно сильно удивились, неожиданно обнаружив устрашающий замок Джа-ламы непосредственно к югу от нашего лагеря. Не было никаких сомнений в том, что необходимо занять замок, вместо того чтобы оставаться в лагере, так как в случае, если он занят грабителями, они могли бы легко напасть на наш лагерь. Ранним утром профессор Рерих решил разведать окружающую местность и занять форт. Следуя его инструкциям, я приказал половине нашей охраны сопровождать нас с Портнягиным к крепости. Люди, обычно весьма дисциплинированные, ответили дружным отказом. <...>

Н.К. Рерих. Город Дже-ламы.

«Все наши убеждения были тщетны, и мы должны были идти одни. Было решено, что мы должны подать знаки нашими винтовками с вершины сторожевой башни, в случае если крепость будет безлюдной. Выстрелы с нашей стороны означали бы, что мы встретились с каким-то сопротивлением.

Мы быстро продвинулись и заняли первую сторожевую башню, откуда мы могли легко наблюдать за крепостью. Она казалась полностью безлюдной. Тогда мы вошли в первый внутренний двор. Мёртвая тишина. Ни собак, ни людей, только кучи мусора, оставленные прежними жителями. Второй двор был также пуст.

«Крепость стоит на небольшом холме, тыльной стороной к невысокому гребню, который является частью Бага Мацу Шаня. Основное здание, которое служило резиденцией самого Джа-ламы, представляет собой двухэтажный квадратный дом с плоской крышей, имеющий маленькие подобия башен, выступающих на каждом из четырёх углов. К нему ведут два внутренних двора, окружённые высокими кирпичными стенами. Во внутренних дворах расположены помещения для охраны, конюшни и складские помещения. В самом доме большая дверь. На первом этаже - большой зал с очагом в центре. Маленькая каменная лестница ведёт на второй этаж, где были расположены личные комнаты Джа-ламы. Крепость выглядела совершенно запущенной. Комнаты и потолки почернели от пожара. Окна не имели рам, и состояние полов было такое, что они могли бы выдержать только двух или трёх человек одновременно. Внутренние дворы были полны мусором и грязью, скелетами рогатого скота и собак.

«Крепость была защищена несколькими концентрическими поясами стен с башнями. Соседние холмы и скалы, возвышающиеся над крепостью, были увенчаны сторожевыми башнями, каждая из которых, вероятно, имела

свой собственный маленький гарнизон. Вне стен крепости - кучи отбросов и заброшенные каменные очаги, ведь во времена Джа-ламы крепость была окружена огромным поселением бродяг, состоящим из нескольких сотен палаток. Теперь всё разрушено, но монголы говорят, что люди Джа-ламы всё ещё часто посещают это место, используя его как зимние жилища. Профессор Рерих сделал эскиз этого безлюдного замка, окутанного многочисленными легендами.

«После исследования остальной части крепости и соседних сторожевых башен мы возвратились к первой из них и подали знак, что крепость пуста. Возвращаясь в лагерь, мы встретили нашу охрану, идущую в форт. Теперь, когда все знали, что он пуст, они решились осмотреть его».

«Не простой разбойник-грабитель был Дже-лама. Он окончил курс Петроградского университета на юридическом факультете и стал высоким ламой в Тибете, обладая большими оккультными сведениями. Разве ночной грабитель будет ставить на высоком месте издали зримый город? Какие думы и мечтания тревожили седую голову Дже-ламы, которую долго потом возили на копье по базарам Монголии?.. По Центральной Гоби будет долго жить легенда о Дже-ламе, заманчивой сценарий для синема.

«К каравану подъезжают какие-то странные верховые и спрашивают монголов о количестве нашего оружия. Монголы что-то шепчут им и размахивают руками, показывая что-то большое, а потом сообщают нам: «Люди Дже-ламы. Они нас не тронут».

13 - 14 мая 1927 г. (14, 15, 16-й день пути каравана).

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«13/V. ... «14-й день наш караван в пути. <...>

«Вышли, как обычно, в 3 ч. 20 м. пополудни; долгое время шли вдоль русла песчаной реки между гор, часто встречая воду; видели двух турпанов, четырёх мелких уток и четырёх диких баранов на горе. Множество мелких следов ведёт к воде. Пересекли трёхколейную дорогу из Гуй-Хан-Чена на Хами, нигде не отмеченную на картах. Кстати, необходимо сказать, что многие сведения, нанесённые на карты, неверны, вероятно, потому, что монголы не любят произносить названий местностей во избежание случающихся, по их убеждению, несчастий с путниками при упоминании названия, так как «пустыня слышит» и таким образом узнает о местопребывании каравана. Сегодня встретили ещё один караван. Верблюды пугливы - боятся чёрного цвета. При виде обугленного пня останавливаются и не идут. Вчера вечером испугались нашего спутника П.К., спускавшегося с гор, может быть, приняв его за недоброго человека или зверя.

«14/V. ... 15-й день пути. День ветреный, небо покрыто тучами. Монголы-караванщики, как обычно, скрывают не только название местности, где будет следующая остановка, но даже и срок, когда придём. То говорят, что переход короткий и придём в 9 ч. вечера, то, что переход будет десятичасовой и придём в 2 ч. ночи. Выходим в 4 ч. 4 м. пополудни. Встречаются следы лошадей и колейной дороги. В одном месте ясно видны следы убежавшего от лошади барана, в стороне следы монгольских сапог, а далее за кочкой - потник от седла. Вот что, видимо, произошло: всадник, преследуя раненого барана, потерял к вечеру потник седла, искал его потом, и не нашёл.

Нерва уехал вперёд для встречи с живущим неподалёку торгоутом, говоря, что едет за покупкой барана. Действительно, не доезжая до стоянки, мы встретили три юрты и стада. Очень странны эти выезды караванщика вперёд для встречи с торгоутами, о которых вообще существует здесь убеждение, что они грабят караваны, - не дипломатический ли это шаг осведомления о своём караване, подсчёт сил и винтовок и в зависимости от этого свободный пропуск через территорию?

Верблюды начали заметно уставать - вчера один сбросил поклажу. Вечером становятся боязливы - пугаются наших бурят, идущих пешком впереди. Стали у колодца в красивой долине среди гор. На одной - башня (цзон). Наши буряты, думая уже теперь об обратном пути, боятся идти пройденной дорогой через Внутреннюю Монголию, так как слышали, что китайцы опрашивают караваны и «убивают бурят и русских». Некоторые заявляют, что пойдут обратно «через Англию».

15 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«15/V... 16-й день пути нашего каравана. С утра пришли три торгоута, пригнавшие к колодцу стадо баранов и коз. Всю ночь и до 8 ч. утра кричала выпь. Утром куковала кукушка. Взбирались на гранитную скалу, на которой построена башня. Это оказалось сооружение из самана (глина с дзаком), обложенное снаружи камнями.

«Пришедшие торгоуты рассказывали, что дней шесть назад прошёл караван по китайской дороге на Анси с деньгами генерала Фына. В трёх днях пути от Анси собраны большие силы. Может быть, дунганская конница? Можно думать, что это начало той самой Синьцзянской операции, о которой говорили больше года тому назад. Вышли в 3 ч. 30 м. пополудни; шли всё время руслом песчаной реки. В одном месте слева от дороги увидели на скале сооружение из глины (китайская кумирня), а рядом колодец. Небо облачное, день тёплый. Ехали вечером, как обычно, при луне. Переход был коротким. Остановились в 10 ч. вечера. Тёплая лунная ночь, долина, красиво окаймлённая горами, - теперь начнётся китайская земля. Завтра пойдём дальше на Анси-чжоу с величайшей осторожностью и в азиатской одежде; может быть, придётся в некоторых местах идти ночью и не раскладывать палаток, поскольку в Китае идут военные действия.»

16 - 17 мая 1927 г. (17, 18-й день пути каравана).

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«16/V. ... 17-й день пути нашего каравана. Сегодня обещают долгий переход, чтобы завтра ещё засветло перейти реку Анси. Советуют быть осторожными и продвигаться как можно быстрее и незаметней, так как поблизости расположены тыловые части китайских войск.

Выходим в 1 ч. дня. Местность всё время ровная, какая-то серая, пыльная и скучная, гор нет, лишь на горизонте небольшие холмы. Вдали показался расположившийся на отдых караван, однако, приблизившись, увидели, что это просто груда дзака. Местность между Китайской стеной и Китайским Туркестаном безлюдная. Идём без карты, убедившись в её неточности. По карте здесь горы Золотоносные (Босян-Цза). На самом же деле - равнина без всяких

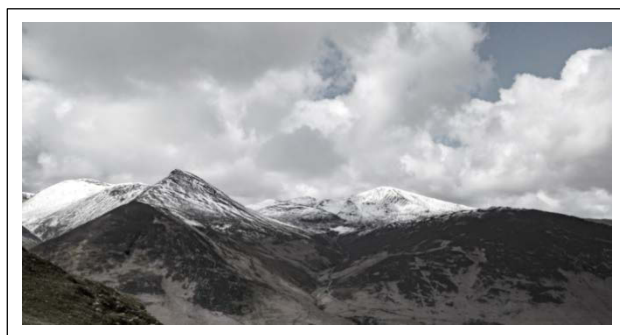
признаков гор на горизонте. Остановились в 11ч. вечера, сделав десятичасовой переход. Всё время с ночи - холодный ветер.

«17/V. ... 18-й день пути каравана. Дует порывистый холодный ветер, так что приходится надевать шубы и тёплые шапки - для середины мая довольно необычно. Выходим раньше, в 12 ч. 45 м. утра, так как необходимо, по словам караванщика, ещё засветло перейти вброд реку Анси; влево к востоку, в стороне, продолжают виднеться горы Босян-Цза (Золотоносные). Вдали в тумане - горы, у которых расположен город-крепость Анси-чжоу (провинция Ганьсу); мимо него мы должны пройти, имея на руках, на всякий случай, разные рекомендательные письма к китайским властям. Влево тянутся китайские посёлки по дороге в Сучжоу.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Подходим к Аньси. Неясные слухи о каких-то китайских войсках. Встретиться с ними похуже, чем с людьми Дже-ламы. Обойдём Аньси ночью. Но нирва теряет дорогу. Рассвет застаёт нас перед стенами Аньси. Поворачиваем верблюдов и спешим перейти широкий, быстрый арык. К вечеру мы уже выйдем за пределы Ганьсу и вступим в область Кукунора. На горах видим развалины крепостей - памятники бывших восстаний дунган. Быстрые реки.

Впереди снежная цепь гор Нань-шаня.

Снеговой хребет Нань-Шань. (Совр. фото)

18 - 19 мая 1927 г. (19, 20-й день пути каравана).

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«18/V.... 19-й день пути. В 3ч 30м. в полутьме выступаем. К нашему изумлению, идём прямо на город, почти натываемся на какие-то башенки, по-видимому, постовые, к счастью, без солдат. Видны телеграфные столбы. Поворачиваем назад, начинаем быстро продвигаться влево, вдоль глубокого арыка, через который не перебраться. Часа три идём по песку вдоль арыка. Наконец недалеко от китайской деревни около засеянных зеленеющих полей переходим вброд арык. По бокам арыка зеленеют деревья. Солнце уже встало, и мы дефилируем перед выходящими в поле китайцами-поселянами. Пересекаем большую дорогу с телеграфными столбами и движемся к лесу через развалины старого города. Лес зелёный, низкорослый, однако деревья значительно выше верблюда со всадником. Среди леса вьётся мутная быстрая речка. Вид этот какой-то непривычный, новый, картинный. Кричат с резким кудахтаньем, пугающим верблюдов, вспархивающие фазаны. В испуге прыгает небольшой зверёк на длинных задних ногах величиной с крысу, по-видимому, туш-

канчик. День жаркий. Караванщики заявляют, что дальше дорогу забыли и потому необходима остановка у реки в лесу, а сами они должны ехать в китайскую деревню навести справки о дальнейшем пути до Шибочена (округ Кукур-нор).

«Палаток не расставляли, так как время стоянки с 9 ч. утра и до 3 ч. дня. Жара - Е.И. чувствует себя очень плохо. Вода в речке жёлтая от мельчайшей пыли; течение быстрое. Верблюды объедают листья деревьев с ветками. Вышли в 3 ч. 30 м.; идём вдоль гор к ущелью. Узкое ущелье привело к возвышенности, с которой открылся вид на снеговой хребет Нань-Шань.

«Остановились в 8 ч. вечера в долине, где накануне расположилось семь юрт монголов со стадами. Вода почти болотная, вытекающая тонкой струйкой из почвы. При прохождении мимо юрт заметили печальную картину глубокой скорби лошади, потерявшей своего жеребёнка, павшего, вероятно, накануне после трудного пути. Лошадь стояла над ним, наклонив голову, с видом глубокой печали, смотря на него и, может быть, охраняя труп, так как одна чёрная монгольская собака уже лежала вдалеке, наблюдая, другая же бродила около юрт. До Шибочена остаётся один длинный переход. Имеет смысл пройти его в два дня, чтобы прийти утром».

«19/V. ... 20-й день пути. Погода жаркая, с небольшим ветерком. Утро начинается с того, что монголы, поймав лошадей, привели их для продажи. Запрашивают несообразную цену в сто янчан, тогда как в Урге хорошую лошадь покупали за пятьдесят янчан. Приходят группы монголов, некоторые - из Халки. <...>

«Около 3 ч. дня бурят Аюр Дорджиев увидел около бурятской палатки под седлом одного из верблюдов, гружёных водой, змею, которую и убил ташуром (палка погонщиков верблюдов), нанеся ей несколько ударов. Это оказалась серая гадюка длиной около 0,75 аршина. Погода жаркая. Вышли вечером, в 5 ч. 20 м., всё-таки купив мерина за 43 мексиканских доллара.

Сначала двигались по извилистой равнинной дороге, затем вошли в ущелье, где стремительно и с шумом несётся мутная река Шибочен-гол. Шли ущельем до 1 ч. 30 м. ночи.

«На предыдущей стоянке, где была убита гадюка, рассказывали, что дальше много змей - вероятно, в болотах Цайдама - и что из почвы выделяется «угар». <...> Действительно, в Тибете существует запретная зона Гималайского Братства, где, с одной стороны, имеются гейзеры, выделяющие ядовитые испарения, с другой, существует и специальная газовая и другая охрана от особо нежелательных или случайных посещений запретных мест».

20 - 21 мая 1927 г. (21, 22-й день пути каравана).

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«20/V. ... 21-й день пути каравана. Прибыли на место стоянки в ущелье у Шибочен-гола в 1 ч. 30 м. ночи. Встали рано, чтобы в этот же день прийти в урочище Шибочен, так как караванщики уверяют, что осталось не более шести часов пути. Вышли в 10 ч. утра; шли через ущелье. Верблюды утомлены и потому, вероятно, стали очень боязливы. Неожиданно из кустов около реки показался небольшой чёрный осёл. Этого было достаточно, чтобы верблюды бросились бежать, разбили часть груза, сбросили одного проводника ламу-монгола, у которого после этого случился сердечный припадок с рвотой, -

страдает пороком сердца с отёком ног. Дальше тоже от какой-то ничтожной причины были сброшены другие два проводника-ламы. Нерва по-прежнему, видимо, хорошо не знает дороги, так как ведёт каким-то другим, якобы более коротким путём по плоскогорью, уверяя, что до восхода луны будем на месте, а до этого говорил у одной китайской усадьбы, расположенной в ущелье, над которой на скате горы в часовенке было какое-то священное изображение, что мы уже прибыли на место.

«В этой местности имеются развалины китайской крепости, а ранее в горах замечено сложенное из камней укрепление, оставленное со времён Дунганского восстания. Небо покрыто тучами. Начался дождь при сильном ветре. К вечеру дождь перестал, появилось солнце. Спустились снова в ущелье к реке, переходя её потом не менее двенадцати раз. В 8 ч. 30 м. вечера остановились.

«Горы, образующие ущелье реки Шибочен-гол, очень красивы, из древнего выветривающегося песчаника, причудливо фигурны - то развалины замка или башни, то гигантская улыбающаяся голова в чалме, то сфинкс, то выступают какие-то страшные лики. Когда, наконец, дойдём до Шибочена, - неизвестно. Вспоминается наш проводник, старый, 76-летний Тамча, который сопровождал нас от Узинвана до монастыря в Юм-бейсе. Он тоже, как оказалось после, не помнил дороги, говоря, что осталось пять уртонов, а мы всё шли и шли; много прошли уртонов и, наконец, чуть не ошупью нашли Юм-бейсе без него. Он же, как потом мы узнали, вёл нас в старый Юм-бейсе, разрушенный пятьдесят лет назад, теперь уже не существующий, но всё ещё живой в его памяти, где он был ещё в юности, более 50 лет назад. Сегодня вечером приехал вновь нанятый спутник - монгол Цириг, - вместо отправляемого обратно Дава Церемнилова. Завтра выходим в 10 ч. утра в урочище Шибочен, где должны расстаться с нервной».

«21/V. ... 22-й день пути каравана. Вышли в 10 ч. утра в урочище Шибочен; на стоянку прибыли в 1 ч. дня. Расположились в долине среди невысоких гор, на которых имеются старинные развалины крепости на небольшой возвышенности над горной речкой. Перед нами вблизи - снеговой хребет Нань-Шань. По реке в низменной болотистой долине пасутся стада. В ложбинке, примыкающей к нашей стоянке, обнаружили логово хищного зверя с остатками костей. Наконец, отпустили нерву-караванщика и бурята Даву Церемнилова. Один из караванщиков, лама 52 лет, заболел плевритом и оставлен у здешних монголов. Новый караванщик, старшина Мачен, знакомый Кончока, которого мы собирались разыскивать, неожиданно и случайно сам явился к нам на стоянку. Кончок послан в Анси за продовольственными покупками и за сушёными и свежими фруктами.

22 - 23 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развечанный Тибет»:

«22/V. ... Кончок был в ставке Мачена и привёз ценные сведения о состоянии транспорта и по другим важным вопросам; нам придётся пробыть в этой местности около трёх недель - животные пускаются на молодую траву. Бурят Цультим сообщил сведения, полученные от приходившего за подаянием монгола, что по дороге к горам лежат три трупа - двух монголов и бурята, шедших из Цайдама и умерших в дороге по неизвестной причине. Насколько верны сведения, узнаем, вероятно, потом. Говорили о чуме и «уга-

ре». Принесли известие, что лама-караванщик умер - не выдержало сердце, был истощён переходом. Знойный день прошёл в разных продовольственно-хозяйственных заботах и в приведении себя в порядок: стрижке волос машинками, купании в американской резиновой ванне в палатке на берегу реки. День закончился чтением ламами молитв об умершем. Караванщики всё ещё не ушли, находятся на нашей стоянке. На предложение убрать верблюдов дальше от палаток нерва отвечал отрицательно и начал грозить донести о нас китайскому амбаню в Анси-чжоу, предполагая, конечно, что у нас нет китайских видов. Показали ему три письма к более высоким, чем амбань, лицам, чтобы он успокоился и перестал угрожать.

«23/V. ... В 6 ч. утра ушли, наконец, караванщики. В монастырь Юм-бейсе, над которым водружён такой странный для «благочестивого» монастыря символ, как фаллос больших размеров, из дерева, с основанием, сложенным из камней, предохраняющий якобы от пролетающих ведьм, мы пришли с письмом от тибетского доньера (посланника), с нами был цирик (солдат, представитель власти из Урги), и, тем не менее, заведующий хозяйством монастыря (нерва), он же караванщик, всю дорогу совершенно не считал нужным войти с нами в какие-либо соглашения касательно мест остановки, времени отправления и продолжительности перехода. Всё время приходилось посылать к нему переводчика и по несколько раз переспрашивать, так как давались разные и часто противоречивые ответы.

«Всё объяснялось тем, что никто этого не должен знать во избежание каких-либо неприятностей со стороны враждебных, тёмных сил. Перед Анси-чжоу выяснилось, что нерва явно не знал точного пути и поэтому бросался из стороны в сторону и остановился поздно ночью у реки, хотя мы категорически противились этому ввиду близости города, средоточия там военных сил Фенга и потому возможных задержек в пути и осложнений со стороны местных властей. Возможны были расспросы, задержки, необходимость контактов с высшими властями, к которым были письма, реквизиция верблюдов у караванщиков и отправка наших людей в ряды китайских войск. Принимая во внимание чрезвычайную медлительность китайских властей, можно было ожидать всяких задержек в пути, а между тем наступала жара, по которой так трудно продвигаться вперёд, да и верблюды скоро перестанут ходить из-за смены шерсти. Снова приехал Мачен, с которым ведём переговоры о верблюдах, мулах и лошадях для каравана, а также о закупке в Анси разных продовольственных и хозяйственных товаров. Он проникся великим уважением, увидев американский флаг. От него же мы узнали последнюю новость, что въезд русским и бурятам в Цайдам воспрещён; даже русский представитель должен был уехать. Кончок рассказывает, что на китайском хуторе в ущелье, которое мы проезжали несколько дней тому назад, на значительной высоте находится небольшая пристройка к скале (мы сами её заметили), где на камне имеется изображение, обнаруженное 20 лет тому назад. Тот же Майтрейя, охраняющий пути в будущее и указующий направление движения человечества. Жалели, что неповоротливость большого каравана не позволила нам взойти на эту высоту. Далай-Лама, проезжая Ургу, останавливался здесь для молитвы. После прошлогодних хотанских событий рисовать здесь Н.К. не рискует - ведь никто тут не делает различий между рисунком и картой; и простой, безобидный этюд может ввергнуть в многомесячные дипломатические пере-

говоры. Между тем белоснежные вершины Нань-Шаня, красивые скалы с развалинами крепости и лиловые дали - всё это располагало к работе. Утверждают, что монгольские лошади вообще до Лхасы дойти не смогут; доходят только сининские. Мы думали, что они рослые, но по приведённым сегодня экземплярам можем судить, что они приземисты. Закупаем провиант на два месяца - 800 фунтов муки стоят 104 мекдоллара. Можно будет достать ещё крупу, свечи, мыло, изюм, урюк, за которыми служащий Мачена - китаец - поедет в Анси и местные китайские деревни. Здешний старшина, к которому сегодня ездил Ю.Н., рассказывая о запрете Цайдамом въезда русским, сообщил, что «русский закон» им не подходит, так как там «не уважают ни родителей, ни учителей и не имеют постоянных жён». Когда подъезжали к стоянке монголов, то Ю.Н. предупредили, что у куста находится гнездо дикой утки, чтобы он не раздавил его. Сегодня осматривали развалины старинной крепости на одной из гор; в пути беседовали об Общине Майтрейи».

24 - 25 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«24/V. Переход на новую стоянку у снегового хребта Нань-Шань.

«В 6 ч. утра Мачен неожиданно прислал арбу для перевозки вещей на новую стоянку в долине реки у хребта Нань-Шань - Алтын-Таг-Куньлунь, где, по словам Н.К., так много неизведанного. В 11ч. за вещами подошло шесть верблюдов и лошади. Если успеют до 6 ч. вечера перевезти все вещи, переедем и мы. Приходили местные монголы и алашане продавать лошадь. Положительно, в этих людях больше определённого стиля и колорита, нежели в халхаских монголах. Бурят Цультим стоял рядом с монголами, и казалось, что рядом с фреской Гаццоли стоит картина второстепенного передвижника. «Что-то средневековое и фреско-итальянское есть в тапочках и кафтанах здешних монголов», - замечает Н.К. Несмотря на слабый северный ветер, сегодня самый жаркий день».

«25/V. ...Встали в 5 ч. утра и к 9 ч. уже перевезли вещи на арбе и верблюдах, а сами перебрались верхом на новое место к горам Нань-Шань. Расположились на берегу реки на чистом месте, покрытом травой. Река широкая, вода прозрачная, чистая, течение несильное. Пыли нет, по сравнению с прежним местом, где всё ею заносило. День облачный, прохладный, особенно приятный после вчерашней жары, очень тягостной в путешествии, когда негде укрыться, - палатки нагреваются, особенно при безветрии. Пришёл старшина Мачен, который говорит, что ранее месяца в путь до Нагчу едва ли придётся двинуться. Принесли шкуру рыси, просят 30 янчан - цена огромная; говорят, что в горах здесь водится много рысей, а также снежных леопардов (ирбисов). Сегодня пришлось расплачиваться за доставленных для перевозки верблюдов, лошадей и арбу, а также за лошадей и людей, отправлявшихся в Анси и Сучжоу за покупками. Оказывается, здесь, в Китае, не принимают китайских императорских денег (таэлей) с драконами, а также туркестанских долларов; требуют с портретом Юан Шикая. В Тибете принимают императорские деньги, а с портретом ценят больше те, где шесть букв (с семью буквами менее ценятся). В Монголии за курс серебра принята стоимость мексиканского доллара (песо) - мекдоллар, который там, между прочим, встречается. Вообще же в Монголии рассчитываются бумажными деньгами - тугриками, серебряными монголь-

скими деньгами и всеми видами китайского серебра (таэли, китайские и туркестанские доллары и серебро с портретом Юан Шикая с шестью и семью буквами), при этом не делается никаких различий. Русские деньги не принимают (только от Урги к Верхнеудинску). Царский серебряный рубль - по 63 копейки».

26 - 27 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«26/V. ... В 6 ч. утра уехал П.К. в Сучжоу в сопровождении одного бурята и монголов. Вчера вечером приезжали здешние монгольские дворяне (тэджи) по вопросу о снабжении нас перевозочными средствами. Вопрос окончательно не выяснен - идут переговоры. Видимо, пользуются нашим положением - берут за всё дорого, рассчитываются на тибетские нарсанги по курсу 10 янчан (китайские деньги) за 7 нарсангов. Сегодня купили у Мачена серого мерина за 80 нарсангов, заплатив 114 янчан. Сам Мачен нарсангов, по-видимому, на руках не имеет, но, зная, что мы идём в Тибет, принимает эту валюту уже здесь как более ему выгодную. Думается, что, если б он не знал, что мы идём под американским флагом как американская Миссия, он не задумался бы, чтобы ограбить нас. Сегодня от некоторых дворян получено сведение, что наш бывший караванщик-нерва агитировал против нас, говоря о якобы возникающих с нами затруднениях и о том, что мы останавливаемся в пути, где хотим. Этого-то как раз и не было. Наоборот, мы совершенно не знали, где и когда он нас остановит на стоянку. Здешние караванщики, привыкшие переправлять тюки шерсти, цибики чая и дзак, поступают с путниками так же, как с грузом.

Утром осматривали минеральные источники, обнаруженные ламой Малоновым. В одном из них железистая вода, сильно минерализованная, немного кислова-того вкуса; в другом - с запахом сероводорода. В болотах вокруг реки видели фазанов, гусей и турпанов - монголы не стреляют птиц. Охота идёт только на пушного зверя. В Монголии и Тибете не едят, между прочим, рыбы.

«27/V. ... Утром приехал один из наших будущих караванщиков - монгол Кончок, родственник Мачена. Рассказывал, что встретил в ущелье нерву с караваном, который отзывался о нас очень неодобрительно, говоря, что «эти русские не соблюдают обычаев каравана, останавливаются, где захотят, и что с ними едут буряты», тоже не любимые монголами, «которые все спят на верблюдах, а если их разбудить, то начинают стрелять». К счастью, этот монгол Кончок хорошо знаком с нашим тибетцем Кончком и легко мог восстановить истину. Здешние монголы говорят об Н.К., что «приехал американский король». <...>

«День облачный и прохладный. Вчера лама Малонов устроил около наших палаток под навесом молельню, выставив белое счастливое знамя с многократным изображением коня, несущего на спине «Сокровище мира» - Чинтамани.

«Произошло то, чего мы и опасались, удаляясь от становищ. Сегодня менее чем в версте от нас обнаружен заболевший ящуром монгол. Не исключены и другие заразные заболевания среди местных монголов, живущих в самых антисанитарных условиях. И здесь Китай не проявил за всё своё более чем долгое существование государственной заботы о народном здоровье.

Поистине приходится удивляться возмутительному отношению китайской государственной власти к управляемым ею народностям.

«Впрочем, посмотрим, как Китай поведёт себя сейчас. Этому приходится удивляться, тем более, что приходящие монголы проявляют большую живость и любознательность при осмотре наших вещей, но, к сожалению, между нами стоит препятствие - незнание языка».

28 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«28/V. ... Наконец, после долгих и мучительных разговоров выясняется, что нам остаётся пути не менее 63-х дней без остановок. По сведениям Ю.Н., переходы будто бы небольшие, от 10 до 15 английских миль. По словам Кончока, путь распределяется так: от Шибочена до Шарагола - 3 дня, от Шарагола до Тэйджинера - 20 дней, учитывая переход через Улан-диван и все неприятности цайдамских болот, во время дождей вообще непроходимых. От Тэйджинера до Нэйчжи - 3 дня. Нэйчжи представляет собой хорошую стоянку с травой. Но, по словам монголов, сейчас Нэйчжи - опасная и безлюдная местность, так как была опустошена в одну из недавних родовых войн. От Нэйчжи до Дечу - 14 дней пустынного перехода по нагорью Чантанга. В Дечу должны быть тибетские передовые посты, хотя уже население Шибочена признаёт верховную власть Далай-Ламы. От Дечу до Нагчу - 16 дней пути по области Внутреннего Тибета; эти места, уже более населённые. Нагчу - узловый пункт восточной и западной дорог; имеется таможня; два губернатора - духовный и гражданский. В Нагчу во всяком случае потребуется некоторое время для сношения с Лхасой, ибо от Нагчу до Лхасы никто не пропускается без сношения с центральным правительством. «Во что для нас превратятся эти два месяца пути, предсказать сегодня совершенно невозможно», - говорит Н.К. Наши друзья-монголы толкуют о новой траве, о будущих дождях, о летней кормёжке верблюдов и, переминаясь, говорят что-то об отправлении в начале августа. Завтра Кончок едет в Чан-Мар для закупки верховых лошадей и мулов. Вероятно, последуют какие-нибудь новые сведения. Выяснилось сегодня, что нам потребуется взять с собой до 60 пудов муки, но у нас пока всего лишь 25. Итак, для перевозки одной только муки потребуется около 10 верблюдов. При этом шансы на покупку муки очень малы, так как местное население само достаёт её с большими трудностями. Ночью был сильный ветер. Второй день небо обложено тучами. Днём погода прохладная - приходится одевать тёплые кожаные куртки. Ночи по-прежнему холодные.

Население усиленно ждёт дождя, необходимого для роста травы. Можно вообразить, во что превратятся все солончаковые и глинистые оползни.

Горы Нань-Шань уже третий день скрыты в тумане. Эта вынужденная задержка утомляет не менее некоторых переходов. Чинимся, подшиваемся и высматриваем дальних вестников. Сегодня сообщили, что больной ящуром, которому нами была оказана помощь, выздоровел. Приехавший старшина Мачен просил нас от имени всей округи вызвать дождь, предваряя просьбу словами, что мы «люди всезнающие, сведущие» и обещая за это по пяти нарсангов вознаграждения с юрты.

«29/V. ... Американская палатка - буддийская молельня. ...

«День тёплый. С утра приехал старшина Мачен с приношениями - ему помогло вчерашнее лечение.

«В одной из американских палаток устроена буддийская молельня: повешены танки, в центре - с изображением Шамбалы, поставлены изваяния Будды и другие священные предметы - трубы, раковина и сосуды с водой.

«Мачен оказался не только старшиной, но и предводителем конной милиции, и заявил нам, что монголы не потерпят здесь появления китайских солдат. У него опять болит голова и требуются медикаменты, которые вчера ему помогли. Он выбрил себе голову и просит смазать йодом, как вчера была смазана шея. Между прочим, выяснилось, что верблюдов до Нагчу стоит 42 нарсанга или 60 янчан. Вносили сегодня Мачену задаток за каких-то ещё не виденных нами верблюдов, которых будто бы набралось теперь 35. <...> Оказывается, у соседей-китайцев, кроме муки, нашлась и крупа, и даже какие-то овощи, что раньше ими категорически отрицалось. Мачен имеет очень деловой вид и несколько раз в день ездит к нам и обратно. Смеёмся, что такой приём выпадает ему, вероятно, впервые, тем более, что за семь дней стоянки в руки местного населения перешло от нас уже 1954.

«Смотря на здешний лес и удобренную стадами, перегноем и минеральными солями рыхлую почву с обильными ключами, можно предположить, с какой минимальной затратой труда могли бы здесь выращиваться злаки и овощи.

«Всё-таки за многие века своего владычества китайцы не пожелали приложить свои силы к этим обширным пространствам. Что касается Тибета, то китайцы пытались «привязать его к себе» утончёнными казнями - один из предводителей Тибета был мучим в сравнительно недавнее время самыми утончёнными пытками в течение трёх месяцев - и вымогательствами; в то же время нам неизвестна ни одна культурная мера, с помощью которой они пытались бы поднять уровень Тибета. Тем лучше, ибо теперь Тибет может развиваться как вполне самобытное государство. <...>

«Нань-Шань всё-таки закрыт; кругом бело-серые солончаки со слабой зеленью; нас окружает стадо козликов и баранов - сидим, размышляем. Примечательная черта монголов - за всё время мы ни разу не видели, чтобы они били животных. Потому здесь животные и не боятся, что человек их ударит палкой или камнем. После Цайдама вообще всякая охота на животных может вызвать крупное осложнение; впрочем, ещё в Монголии мы были предупреждены ламами, что охота не рекомендуется, да мы и без того не обнаруживали этого намерения».

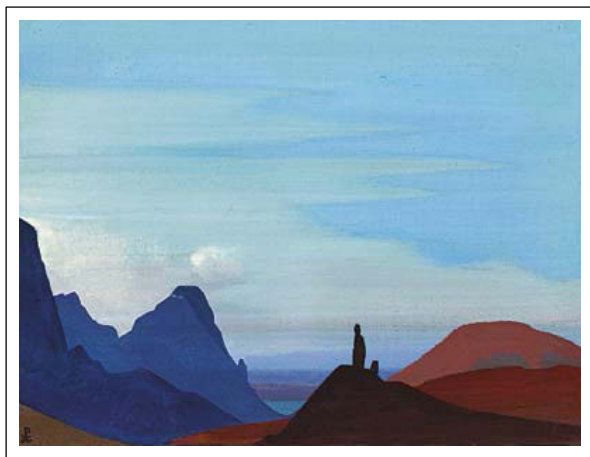
31 мая 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«31/V. ... С утра дождь, погода холодная, небо обложено тучами. В этом году голоки идут на поклонение в Лхасу. По словам Мачена, это обстоятельство весьма кстати, ибо по пути к благословию они не безобразничают и не грабят; совсем обратное может происходить на будущий год, по возвращении из Лхасы. На ближайших невысоких горах выпал снег. Хребет Нань-Шань за тучами не виден вот уже несколько дней».

ШАРАГОЛДЖИ

Н.К. Рерих. Ждущий. 1927.

ИЮНЬ

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«С этого момента началась наша более или менее оседлая лагерная жизнь в высокогорных равнинах Ших-пао-чъенга и Шараголджи. Местный старшина не мог добыть верблюдов до августа, а те, которые продавались в его лагере, были плохи, так что мы решили провести июнь и июль в долине, а в Тибет отправиться в августе. Тем временем мы смогли изучить дальнейший путь и закончить приготовления к большому переходу по горному Тибету. Мы решили приобрести для себя верховых лошадей, но покупать их нужно было только в китайских деревнях, т.к. местные монгольские лошади непригодны для поездки по Тибету.

«Тибетские торговцы лошадьми, ежегодно приезжающие в Синин и Кансу, покупают только китайских или сининских пони, которые, когда вырастают и становятся иноходцами, приносят им большой доход в Лхасе. Мы решили послать нашего проводника-тибетца купить лошадей, мулов и провизию в китайскую деревню Чъанг-ма.

«Лагерь, разместившийся на плоскогорье, оказался непригодным по двум причинам: во-первых, во время дождей поверхность плоскогорья становится грязной, а во-вторых, во время сухого периода частые северо-западные ветры задувают целые тучи лесса, проникающего в палатки и образующего внутри слой пыли. Через несколько дней после нашего приезда местный старшина пригласил меня проехать верхом по оазису, чтобы найти подходящее место для лагеря, а также посетить его стоянку. Мы ехали по болотистой дороге, и лошади часто вязли в грязи. <...>

«Берега реки и многочисленные болота - настоящий рай для водоплавающих птиц. Морские чайки (*Chroicocephalus ridibundus*), серые гуси (*Anser anser*), турпаны (*Casarca casarca*), разные виды уток и гагар-чомги (*Columbus cristatus*) и меньшие разновидности их (*Columbus minor*), бекасы и серые цапли населяют берега реки.

«Оазисы и горные пастбища принадлежат монголам-курлукам. Местные монголы и их вожди проводят зиму и раннюю весну в оазисе Ших-пао-чъенг. В июне они перемещаются в высокогорную долину Шараголджи к югу от

Кхашкарского ущелья. Старшина Мачен размещался в трёх грязных войлочных юртах у реки на сухом и твёрдом клочке земли. Его семья была такой же грязной, как и его юрты, и ещё больше усиливала впечатление неопрятности. При нашем приезде несколько мальчиков выбежали из юрты и взяли лошадей. Мы вошли в большую юрту вместе с женой хозяина<...>. Глава семьи сел на груды овчин и пригласил меня сесть на низкий матрац. ...

«Рядом с небольшим деревянным алтарём с несколькими медными группой работы фигурками Будды Сакьямуни, Тары и Цзонкапы, тибетского реформатора, сидел лама из Амдо в огромных китайских очках, которые закрывали почти весь лоб, и читал молитвы из книги, лежащей у него на коленях. На стол подали сыр и араки, напиток из молока.

«После часового разговора мы решили вопрос с верблюдами для будущего каравана. Хозяин согласился сдать нам своих верблюдов до Нагчу - первого тибетского поселения на северном караванном пути. Он сказал мне, что получил беспокойные известия из Теиджинера в Южном Цайдаме, где вооружённые банды голоков или панагов напали на монгольские поселения в долине реки Нейджи и разграбили их. Он настаивал на том, чтобы при караване был большой вооружённый отряд. Он также сказал мне, что его князь в прошлом году получил приказ из Лхасы не разрешать европейцам проходить здесь. Этот приказ не распространялся на нас, т.к. у нас были тибетские паспорта и рекомендательные письма, кроме того нас сопровождал до Тибета чиновник, назначенный тибетским представителем в Урге.

«Обсудив все вопросы, касающиеся нашего будущего путешествия в Нагчу, я поехал поискать подходящее место для лагеря. Самые лучшие места для стоянок уже были заняты монгольскими аилами. Мы нашли большую речную террасу с твёрдой сухой землей, на которой можно было бы разместить лагерь. На следующий день мы переезжали. Трудно было найти достаточное количество животных, чтобы перевести весь груз экспедиции. Небольшую повозку одолжили нам на день китайские крестьяне. Пришлось делать несколько рейсов, чтобы перевезти весь тяжёлый багаж. Мачен прислал нам десять верблюдов, остальные были далеко в горах. Оставшийся груз перевезли на лошадях. Устроившись на новом месте, мы послали переводчика с монголом в Чьанг-ма купить лошадей и мулов.

«Кроме исследования оазиса, у каждого из нас было много дел. Профессор Рерих продолжал свою живопись. Госпожа Рерих и её две помощницы занимались багажом экспедиции, составляя список вещей, необходимых для будущего перехода по Тибету. Доктор, кроме оказания медицинской помощи, исследовал оазис, его фауну и флору. Портнягин был всё время занят транспортными вопросами, седлами и другими вещами, которые отнимают так много времени в лагерной жизни. Я изучал местных монголов, их язык и обычаи, кроме того, интересовался будущей дорогой через топи и болота Цайдама, а также горными дорогами Тибета.

«Оказалось, что монгольские племена Цайдама никогда раньше не исследовались. Скучную информацию об их диалекте можно было получить из отчетов прошлых путешественников и из работ по монгольской лингвистике доктора А.Д. Руднева и Г. Цыбикова.

«Однажды вечером мы увидели нашего проводника, подъезжающего к лагерю на красивой чёрной лошади и ведущего за собой большой табун лошадей и мулов. Животные были хорошим подспорьем каравану. Проводник-

тибетец хорошо понял свою задачу и привёл целое стадо прекрасных животных, многие из которых дошли до Индии, до самого Дарджилинга, после долгой и трудной зимы в тибетском нагорье.

«Портнягин вскоре отправился в Чанг-ма и Сучоу в провинции Кансу. Ему было поручено закупить продовольствие и установить связь с Америкой. Через две недели он вернулся с парой красавцев коней. Его отослали снова в Чанг-ма купить вьючных мулов для экспедиции. Мы решили, что надо иметь несколько мулов в караване для перевозки имущества.

«В Ших-пао-чъенге, несмотря на его высокогорное расположение, наступила неприятная жара, и мы стали расспрашивать местного старшину о том, не лучше ли условия в высокогорных долинах Шараголджи - летних пастбищах местных монголов. Он ответил, что там нет дождей и скудная трава. Он посоветовал подождать недели две. Вопрос о продовольствии всё ещё стоял перед нами и вызывал беспокойство. Многие провинции Кансу были охвачены голодом в результате недавнего перемещения войск. Власти Аньси запретили продажу муки и риса без специального разрешения. Стало невозможно пополнить запасы муки для экспедиции».

9 июня 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«9/VI. <...>. «С продовольствием здесь трудно - с трудом достали муки, не особенно, конечно, хорошего качества, немного риса и изюма; чай только плиточный; сахар грязного цвета, китайский и то в ограниченном количестве. Масла и соли нет; привезли растительное зеленого цвета, которое отказались есть буряты. Очень дешевы яйца и в изобилии - с доставкой сюда по два янчана (рубля) сотня. Овощей мало - немного картофеля, редьки, моркови, чеснока и зеленого лука».

12 июня 1927 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Доктору скажите – Общество друзей Музея Рериха желает приобрести его дневник для издания. Можно ожидать большой успех. Каждая черта жизни будет изучаема и закреплена в жизнеописании. Также необходимо сказать Портнягину: “Музей приобретёт все записи ваши, и они могут открыть вам дверь в Америку”.

13-14 июня 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«13 июня 1927. Сегодня Е.И. прочла мне и доктору [К.Н. Рябинину] из своей тетрадки слова Учителя, в которых даётся нам совет вести дневник путевых записей нашей Миссии. Прежде я несколько раз пробовал писать дневник, но скоро терял интерес к этому занятию; начну писать опять.

«14 июня. Сейчас 4 часа. Скоро должны привести лошадей для ежедневной прогулки верхом. Лошади у нас смешанных монголо-китайских пород, есть две карашарские. Верховая езда даёт много приятных минут. Езда верхом — это лучшая гимнастика, один из самых здоровых видов спорта. Жизнь в движении. И тем интенсивнее жизнь, чем ускореннее движение. Поэтому путешествия, непрерывные передвижения с места на место есть наиболее разумный образ жизни для человека. Сегодня мы с некоторыми из членов Мис-

сии ездили осматривать развалины старого китайского форта, разрушенного дунганями в 10-х годах текущего столетия. Крепость построена по общему всем китайским крепостям плану: представляет собою усечённую четырёхгранную пирамиду с зубцами стен и воротами аркой. Сейчас там живут несколько китайцев, ведущих торговлю с местными монголами.

Н.К. Рерих. Развалины старой китайской крепости. 1926.

15-18 июня 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«15 июня местный старшина приехал к нам и сообщил, что условия в долине Шараголджи улучшились и посоветовал нам переехать туда. Отъезд был намечен на 18 июня.

«В этот день в лагере всё было готово к отъезду, но до трёх часов дня не было верблюдов. Мы попытались узнать у старшины оазиса причину задержки, но он уклончиво ответил, что не все прибыли. Было уже поздно, а верблюдов всё ещё недоставало, хотя тридцать животных находились уже в лагере. К пяти часам монголы предложили погрузить багаж на имеющихся тридцать верблюдов. У них, видимо, было намерение получить плату за наем сорока двух животных, как было обговорено, а поставить только тридцать.

«В этот день мы не пошли далеко, а, пройдя один час, разместились в широкой лощине с ручьём. Высказав своё несогласие старшине, мы потребовали, чтобы нам поставили остальных двенадцать верблюдов. Он очень рассердился и попытался сбросить груз с навьюченных животных. Тогда мы предупредили его, что если не согласится немедленно поставить остальных верблюдов, то сообщим о его действиях князю, в подчинении которого он находится. Это сразу возымело желаемый результат, и на следующий день у нас был полный караван в сорок два верблюда.

[16-17] июня 1927 г.

«На следующий день был длинный переход по каменистой равнине, расположенной к северу от Кхашкар-йин-ула. Мы отправились во второй половине дня, когда стало немного прохладнее, и к 11 часам вечера достигли стоянки. На следующий день мы отправили караван вперед, а сами остались с одной палаткой до полудня, чтобы отправиться в путь, когда станет прохладнее. <...> К четырём часам мы покинули лагерь и вошли в узкое ущелье, ведущее в горы. Небольшая речка, протекавшая по ущелью, была ещё замёрзшая, и

во многих местах нам пришлось пересекать её по ледяному мосту. Через три мили тропа ушла от речки и повернула на юго-запад к Урту-Кхашкар-йин дабану. На ночь мы остановились у перевала, рядом с замёрзшим ручьём. Странно было видеть снег и лёд в середине июня.

[18] июня 1927 г.

«На следующий день мы не смогли продолжить продвижение. Г-жа Рерих чувствовала себя плохо, и решено было остаться в лагере. Тяжёлый багаж отправили вперёд на верблюдах и он должен был ждать нас в южной части перевала. Только десять животных было оставлено для переноса лагерного оборудования. День был солнечный, но холодный, с ровным морозным северо-восточным ветром. <...>

«В этот день я совершил небольшую экскурсию в горную долину в сторону перевала. Склоны горы были покрыты дёрном. В долине было много зайцев (*Lepus tolai*). Неподалёку от лагеря долина разветвлялась - одна дорога вела прямо к перевалу, другая к югу и прикрывалась высокими горами. В верхней части этой второй долины находился другой перевал с трудным подъёмом, и потому им редко пользовались».

22 июня 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«22 июня г-жа Рерих выздоровела, и ясным, великолепным утром мы пошли через перевал. Подъём был очень крутой, но летом он не представляет опасности. <...>. К востоку поднималась величественная гора со снежной вершиной - Цаган Бургусун, на которой, по рассказам, водится много диких яков. Из-за поздней весны сейчас там жили только небольшие грызуны, которые, покинув свои норы, бегали по горе. Мы видели большое количество этих животных во время спуска на большую равнину, по которой протекала река Е-ма хо. Река текла по узкому каменистому руслу и была неполноводной. Мы разбили лагерь на берегу рядом с нашим караваном верблюдов. На другом берегу реки возвышалась гора с тремя вершинами, называемая Гурбун-дабан, или "Перевал трех гор". <...>.

«Нам пришлось оставаться в долине Е-ма хо весь следующий день, т.к. г-жа Рерих в последние дни чувствовала себя ещё плохо.

«Ночь была очень холодной и вода в палатках замёрзла. Днём мы совершили прогулку в долину реки, которая поднимается в горы Гурбун-дабан и тянется к северо-востоку. В июне воды в реке недостаточно. Она становится полноводной в период дождей т.е. в июле и в августе. За день до нашего отъезда вода в реке внезапно стала грязной - верный признак того, что в горах прошёл снег или ливень».

[23] июня 1927 г.

«На следующий день мы снова были готовы двигаться к Шараголджи. Путь проходил по Е-ма хо, затем по обширному песчаному плато, которое постепенно поднималось к югу. Это плато со всех сторон окружали безжизненные горные хребты, и мы удивлялись, где местные монголы пасут свои табуны и рогатый скот. Пройдя 10 миль, мы достигли самой высокой точки плато, отмеченной пирамидой из камней. Отсюда шёл пологий спуск в долину Шарагол. Сама долина была полностью укрыта огромным хребтом, известным под

названием Икхе-ула, или "Большая гора". Мы пересекли этот хребет, пройдя через широкое ущелье, состоящее из осыпей и гальки.

К двум часам дня мы подошли к широкой долине Шарагол, расположенной на высоте 9000 футов. Было почти невозможно найти твёрдый и сухой участок земли для лагеря, долина была покрыта болотами и сыпучими песками. Мы собирались перебраться через реку, но китайский торговец, который остановился в долине, предупредил о том, что на реке паводок и что он накануне не смог переправиться через реку. Мы вынуждены были разместить лагерь на небольшом клочке солончаковой почвы».

[24] июня 1927 г.

«На следующий день я поехал искать новое место для лагеря. Река начала разливаться и мы с трудом находили места для перехода. У подножья горы, к югу от реки, мы нашли покрытую гравием возвышенность и ручей с чистой водой, известный местным монголам под названием Дахин на монгольском и Та-чъинг, "Большой ручей", на китайском языках. Мы вернулись в лагерь после полудня, с трудом продвигаясь по долине и пересекая реку, по крайней мере, восемь раз. Мы уговорили погонщиков верблюдов перевезти багаж на новое место. <...>

В этом лагере мы провели шесть недель в ожидании начала сезона верблюжьих караванов. Портнягин, вернувшись из Чъанг-ма с двадцатью мулами, отправился в Махай, в Цайдаме, чтобы купить верблюдов для похода в Тибет. <...>

«Чтобы увековечить место лагеря, профессор Рерих решил соорудить ступу, и наши монголы сами занялись приготовлением камней и кирпичей, и вскоре величественное сооружение ступы возвышалось между палатками.

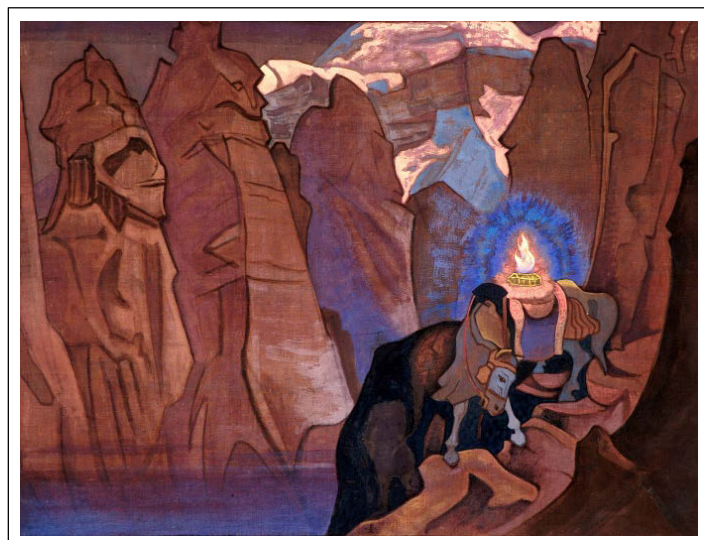
Портнягин привёл из Махайя стадо из сорока двух великолепных верблюдов, которых отослали пастись на целый месяц в горы Шараголджи. Отъезд в Тибет был назначен на 19 августа».

29 июня 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина:

«29/VI. <...> Чинтамани - Сокровище мира» - дар Ориона. Существующий метеорит. Легенда о камне. Буран кончился вчера только в 8 ч. 50 м. вечера. Ночь была холодная; пришлось спать в егоровском белье, свитере, лёгком, без меха, спальном мешке, укрывшись меховым и шерстяным одеялами и шубой; на голове - шерстяной шлем и лёгкая шапка. Было тепло только в меру в летней брезентовой палатке. День наступил солнечный с голубым, почти безоблачным небом, но прохладный. Утром ходили с Н. К. к подножью Гумбольдтовой цепи; взяли образец красного точильного минерала, из которого в Китае изготавливают хорошие точильные камни. После двух часов дня опять начался сильный ветер при нежно-голубом, почти безоблачном небе. Буря пронесется сейчас и над миром. Она означает наступление новой эры для человечества, разрушение форм старого мира и созидание новых удивительных форм мировой общины. Проф. Анезаки в «Vie Des Peuples» в октябре месяце 1923 года говорит в своей статье, что японская катастрофа соединена с началом новой эры человечества. В сентябре того же года Бюллетень Астрономического общества в Париже сообщил о наблюдении розовых лучей, появившихся в созвездии Ориона. А в 1924 году в Нью-Йорке в декабрьском номере иллюстрированного журнала «The Foreword» под известной картиной Н.К. «Чинтамани - Сокрови-

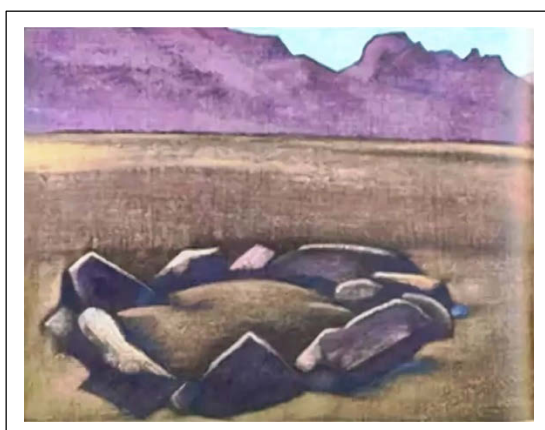
ще мира» появилась легенда об этом сокровище, легендарном горном камне, аэролите, даре Ориона.

Н.К. Рерих. Чинтамани – Сокровище мира. 1924.

«Упомянутая картина изображает, как известно, белого коня на фоне причудливых и величавых скал, спускающегося осторожно по узкой и извилистой горной тропе, несущего на своей спине чудесный ларец с камнем, сокровищем мира, над которым сверкает пламя в нимбе лучей. Удивительная картина и ещё более изумительный дар видения сокровенных вещей! Мне известно, где хранится этот аэролит, нигде более не существующий на нашей планете, а также осколок этого камня, о котором говорится в «легенде», но об этом я должен умолчать».

ИЮЛЬ

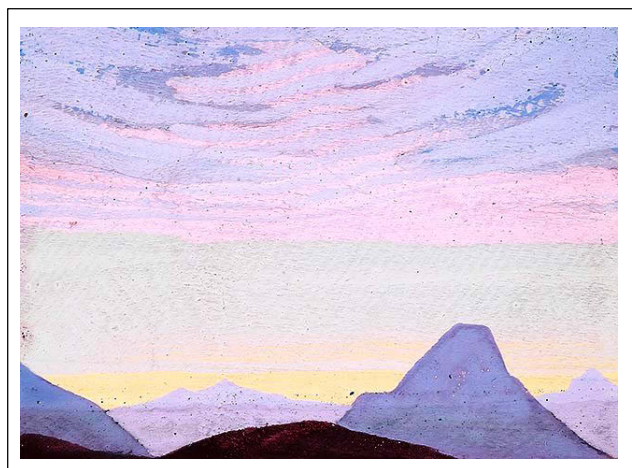
Н.К. Рерих. Могила великанова в Гималаях. 1927.

1 июля 1927 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Кончилась Центральная Гоби. Кончилась безводная Внутренняя Монголия с источенными временем золотоносными хребтами; величественное дно ушедших стремнин, где притаились всякие останки древних гигантов.

Н.К. Рерих. Этюд гор. 1928.

«*Первое июля. Уже десять дней мы стоим на серебристых берегах Шибочена. Пылает при восходе солнца Наньшань. Журчит горный поток. Белеют стада коз и баранов. Мелькают всадники - какие-то вести несут? Ползут слухи. Когда же пойдём дальше? Пугают, что не раньше сентября. Причин много. Ещё и трава должна вырасти. И верблюды должны утучнеть и обрасти шерстью. И цайдамские опасные топи должны обсохнуть. И Голубая река должна улечься на осень. Ждём вести из Сучжоу и Чанмара, а пока хитрый Мачен, ученик китайцев, обсчитывает нас. Старый хитрец называет меня "американским королём" и много раз за день скачет от своей ставки до нашего стана.*

«После удачных лечений монголы просят нас вызвать дождь ввиду неслыханной засухи. Предлагают по пять долларов от каждой юрты.

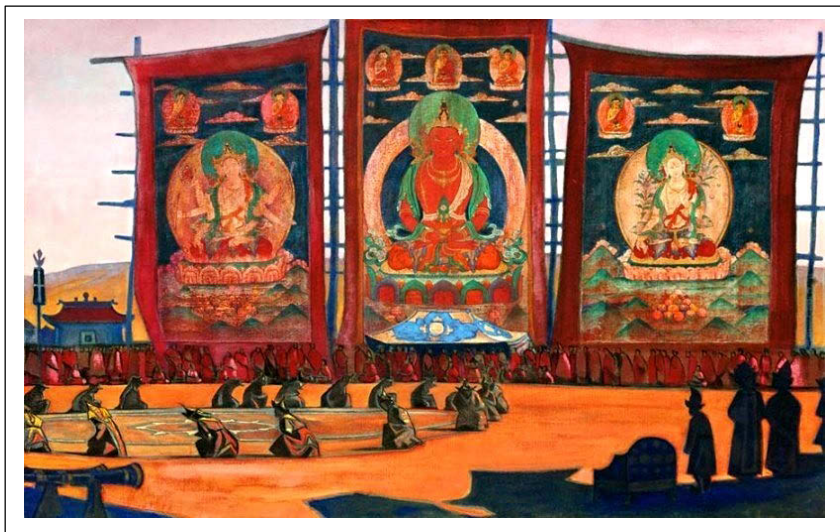
«Несмотря на все козни Мачена, мы перебрались на Шарагол, под хребет имени Гумбольдта. Вовремя перешли мутный зыбучий Шарагол с его бесчисленными рукавами. Кончок едва не утопил своего серого китайского коня. Стоим у горного ключа на взгорье перед Улан-Даваном [16 000 футов (=4900 м)] по дороге на Тибет.

«Тибетцы толкуют, что по время бегства далай-ламы в 1904 году при переходе через Чантанг и люди, и кони почувствовали сильное трясение. Далай-лама пояснил, что они находятся в заповедной черте Шамбалы. Много ли знает далай-лама о Шамбале? Таши-лама знает больше.

«День Майтрейи. В нашей походной часовне-палатке, где висят тибетские танки с изображениями Будды и Царя Шамбалы, было служение. Служили наши ламы. Приходили соседи-монголы, обходили по обычаю вокруг палатки в направлении слева направо три раза, затем останавливались против входа, слушали чтение. Не так давно ещё в Шарагольчжи кочевало до 3000 юрт, теперь только 60. Монголы вымирают»

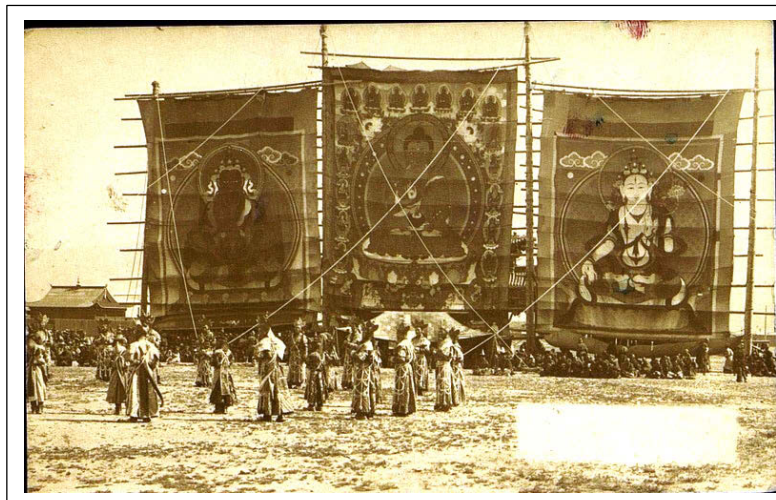
5 июля 1927 г.

«5 июля. Справляют праздник Майтрейи. В палатке Шамбалы происходит долгое служение. Приходит толпа соседних монголов, и их голоса смешиваются с пением наших лам.

Н.К. Рерих. Монгольский цам. 1927.

«Монгольские "дворяне" драпируются широкими складками средневековых кафтанов. Одеи серые войлочные шапочки, как будто с картин Гоццоли, и навесили на шею священные киоты и ладанки. Вихрь и песочный буран. В два часа дня пришлось наглухо закрыться в палатках и зажечь свечи.

Монгольский цам. (Открытка из архива Н.К. Рериха)

7 июля 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«7 июля. Строим субурган. Из камня и глины с кирпичной облицовкой. Кирпич готовят наши ламы. После ухода нашего пусть останется память о Великом Посольстве, пронесшем весть мирового единства буддистов, пронесшем братский привет Западных буддистов - буддистам Востока перед великими днями Шамбалы. За обедом опять говорили об Америке. Вспоминали М.М. и З.Г. [Лихтманов] - благополучно ли протекла их воздушная поездка из Урги в Верхнеудинск?

Июль. Шараголи. Нань-Шань. 1927. июль
(Фото экспедиции)

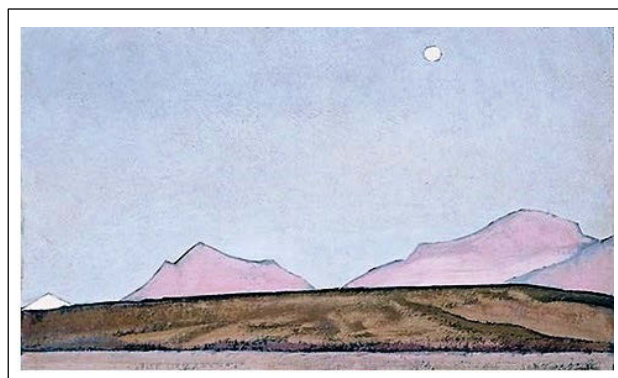
11 июля 1927 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

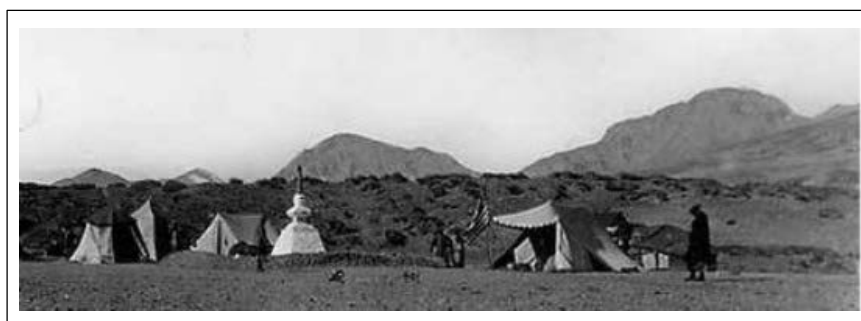
«Делаю план субургана на месте Шамбалы, где останавливался на ночлег Великий Держатель. *Одиннадцатого июля* нирва из монастыря Кумбум привёз пророчества и новую молитву Таши-Ламы Шамбале.

П. К. уже третий день скачет в Махой за верблюдами.

«Составляются три новые книги. Забелели снегом вершины, свеж воздух, и тишина напоминает наши гималайские высоты, куда стремится дух наш. Монголы заглядываются на виды Нью-Йорка. Для них Америка - страна обетованная. Они шепчут: "Это достижение Шамбалы". Не проходит и дня без толков о сказочной Америке.

Н.К. Рерих. Место лагеря Махатм. 1927-1928.

Место лагеря экспедиции. 1927-1928 гг. (Фото из архива экспедиции)

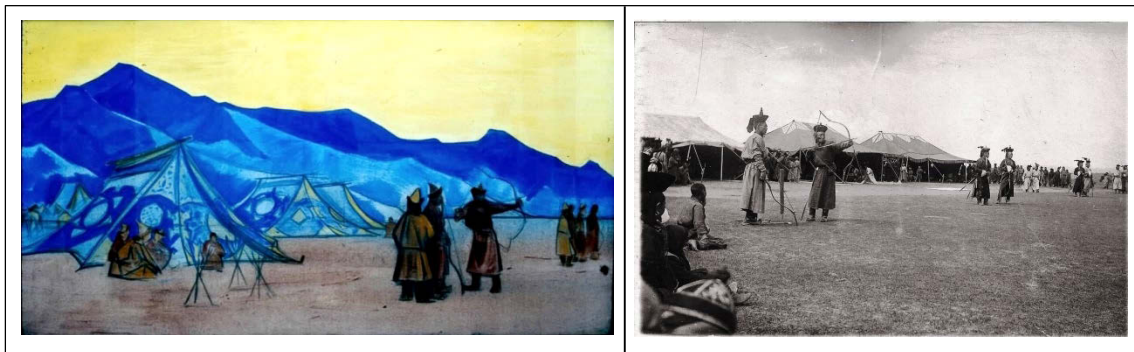
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

14 июля 1927 г.

«Годовой праздник монголов. Сооружают новое обо, скачки, пированье. Молодёжь нашего стана отпросилась на праздник.

«С утра беседовали о необходимости паназиатского языка, который хотя бы в примитивной форме примирил бы триста наречий Азии. Вечером наши ламы читали молитвы Майтрейе и Шамбале. Если бы на Западе понимали, что значит в Азии слово Шамбала или Гессер-хан!

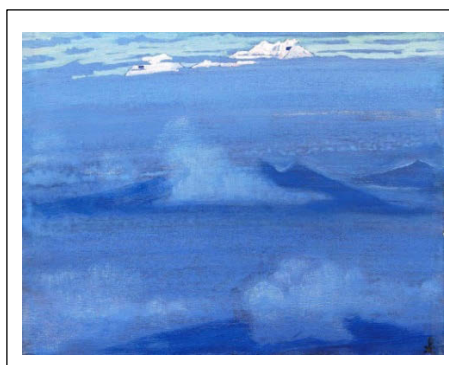
«Начался дождь и ветер. Половина июля похожа на осень. Ночью в горах шумит ливень.

Н.К. Рерих. Монгольская стрела. 1926.

Монгольская стрела. (Фото из архива экспедиции)

«Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя [Махатмы] сорок лет тому назад. Опять разыгрался настоящий буран и ливень. Холодно.

Н.К. Рерих. Замки Гессер-хана. 1928.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай - Гималаи»:

20 июля

«Получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване ещё не подозревает о ближайшей программе».

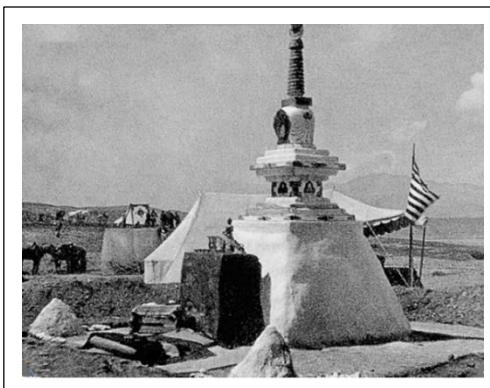
[21 июля]1927 г.

«На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями. Принесли золото от Улан-давана. Опять вихрь. Рая вообще не слыхала о Христе, ей уже тринадцать лет. Так быстро уходят из жизни даже краеугольные понятия.

«Азара первоначально значило - халдейский жрец».

24 июля. 1927 г.

«Это не только наш день, но и день окончания нашего субургана. Монголы помогают сооружению, привозят сокровище - норбу-ринпоче - камушки и зёрна для вложения в чашу субургана. Туда же заложено и Акдордже и Майтрейя Сангха. Лал - по-индустани означает "красный».

Субурган.

Старший лама Цайдама.

(Фотографии из книги Ю.Н. Рериха)

28 июля 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«28 июля к нам неожиданно присоединился полковник Н.В. Кордашевский, путешествующий по Гоби из Пекина и задержавшийся из-за беспокойного положения в Китае. До нас дошло известие, что он едет к нам, но никто не знал о его местонахождении. Наконец он добрался до нас и рассказал о своём длинном и опасном путешествии по Гоби и Кансу.

«Вечером того же дня почти весь лагерь был снесён потоком воды. Несколько днями раньше мы слышали странный шум в горах, и местные монголы сказали, что там идут сильные ливни. Вечером 28-го шум усилился, и пока мы успели сообразить, в чём дело, ручей превратился в мощный поток и обрушился на лагерь, унося с собой палатки и лагерное оборудование. Мы сидели в палатке госпожи Рерих, разговаривая с полковником Кордашевским, когда услышали громкие крики доктора: "Вода, вода". Потом последовал треск, как будто гроза разбила лагерь. Мы все выбежали наружу и увидели, что палатки кухни и столовой, и моя уносятся потоком воды, а на месте берега скоро образовалось глубокое и широкое русло. Мы все бросились спасать палатки и провели почти два часа по пояс в воде, борясь со страшным потоком. Благодаря невозмутимости и усердию наших помощников, большая часть багажа и все три палатки были спасены. Много небольших вещей было унесено потоком, и они погрузились глубоко в песок.

«Спустя три часа вода внезапно убыла, и ручей снова стал прежним, небольшим, но с грязной водой. Но ландшафт полностью изменился. Участки с зелёной травой перед лагерем, где недавно паслись наши лошади и мулы, были покрыты толстым слоем песка. Поток прорыл глубокий канал в песчаном склоне, и в долине образовалось несколько грязных озёр. Река Шара-гол затопила долину и снесла много монгольских поселений, скота и овец. Монголы

говорили, что не помнят подобного по силе наводнения. Многие из них потеряли всё, что имели».

28 июля 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина:

«28/VII. Приезд П.К. Закупка верблюдов. Чимпа. Приезд Н.В. Потоп.

«В 6ч. утра возвратился П.К. из Макэ. Приехал один, без верблюдов. Куплено 33 верблюда по средней цене 78 янчан и одна лошадь за 70 янчан. Рассказывает, что по пути в Макэ на перевале Улан-дабан был снег и стужа, на обратном пути только грязь; после Улан-дабана был еще один меньший перевал. Путь в один конец занял 36 часов, т.е. шесть малых переходов. В Макэ сильная жара, умеряемая только облачным небом. К нашему удовольствию, он встретил там тибетца Чимпу, знакомого по Урге, где он был при тибетском доньере и отправился в ноябре прошлого года с караваном, везшим в Тибет оружие. В пути тяжело заболел и вот уже шесть месяцев живёт, всё ещё болея, в Макэ. Около 12 ч. дня пришли остальные спутники П.К. с верблюдами. Один верблюд, наиболее истощенный, остался лежать на перевале. Бурят Аюр, охранявший его некоторое время, возвратился к 2ч. дня. Возникла мысль послать в горы двух человек, которые подкормили бы мукой верблюда и переночевали там. В 4ч. дня начался сильный дождь; в это время новая неожиданность — подъехал с двумя монголами давно ожидаемый нами спутник Н.В.[] К 5ч. дня ливень усилился, вода в ручье сразу поднялась, и вдруг неожиданно хлынул в долину стремительный горный поток. Обеденная и кухонные палатки были снесены; поплыли тазы, чайники, бидоны, тяжёлые ящики и прочие вещи. Поток был настолько стремителен и обширен, что Людмила и Рая едва избежали потопления и уже кричали о спасении, а Рая громко плакала, пока, наконец, по моему настоянию, они не бросились в направлении палатки Ю.Н. (Юрия Николаевича Рериха — ред.), перейдя поток по колено в воде. В это время поток уже залил палатку Ю.Н. Все вещи и винтовки, бывшие у Ю.Н., пострадали от воды, песка и глины; палатка была спасена разорванной. Обед наш и многие вещи и продукты пропали; между прочим, была безвозвратно унесена большая часть кухонной посуды. За некоторыми вещами скакали верхом вдогонку. Остальная часть вечера прошла в поисках в долине унесённых потоком вещей и в откапывании их из песка и глины. Снесённые палатки были переставлены на новые места, а уцелевшие ещё раз окопаны канавками. Пришлось немедленно же заняться очисткой ружей от песка и глины и переборкой таких пострадавших пищевых продуктов, как сахар и чай. В 8ч. вечера кое-как вскипятили кофе и поели сухарей. Ю.Н. ещё до 2 ч. ночи занимался очисткой оружия.

29 июля 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«29 июля. Вчера был день неожиданностей. Во-первых, приехал Кордашевский, которого мы уже не надеялись видеть с нами. Не прошло часа, как приехал Кордашевский, разразилась гроза - с горы хлынул бешеный поток грязной воды, смыл столовую и кухонную палатки и затопил и занёс песком и камнями палатку Ю(рия) Н(иколаевича). Под проливным дождём, по колено в воде, пришлось перетаскивать уцелевшие вещи и палатку Ю.Н. на сухое место. Часть вещей оказалась унесённой в реку. Сегодня весь день сушили и чистили

вещи и оружие. Особенно пострадали запасные винтовки, лежавшие на полу в палатке Ю.Н., — стволы их были совершенно забиты песком.

«Субурган закончен постройкой, осталось только выбелить его извёсткой. Получилось высокое красивое сооружение из обожженного кирпича с навершием, вырезанным из жести. В субурган, по обычаю, было положено несколько ценных вещичек и пригоршня зерна. Кордашевский привёз с собою одного русского, (Голубин — служащий англокитайской коммерческой фирмы в Тяньцзине, нанятый Н.В.Кордашевским как переводчик, который остается у нас на должности заведующего хозяйством). Завтра он уезжает в Сучжоу за вещами Кордашевского (полковник прибыл в наш лагерь только при сабле) и, кстати, приобретёт для нас необходимое из продуктов и предметов домашнего обихода».

***Из воспоминаний Николая Викторовича Кордашевского:
30 [28] ¹ июля 1927 г.***

«И вот... радостная весть. На Шараголе, на той стороне реки, у гор стоит большой европейский лагерь. Американцы. И какие отличные ружья. Их не меньше двадцати человек, много верблюдов и до сорока туземцев.

«Палаток не меньше, - монгол задумывается, - не меньше тридцати. К обеду доедете», — говорит он и прощается с нами.

«Мы садимся и продолжаем путь на юг. Идём широкой горной равниной. Много барсучьих и лисьих нор. Проходим ущелье и... перед нами глубокий спуск. Внизу синеют дали, а на горизонте опять поднимаются горные цепи. Около тропы, круто спускающейся вниз, — традиционный обо. Несколько часов спускаемся вниз. Посередине спуска поворот, и с него видна глубокая долина Шарагола с извивающейся по ней рекой. <...>

«Подходим к реке. Она вздулась, и видно, что без проводника её не перейти. После недолгих переговоров молодой монгол взялся доставить меня в европейский лагерь. Мне дают свежую крепкую лошадь, т.к. мою, слабую и усталую, может сбить течением. Голубин остаётся на сегодня с багажом на этой стороне реки. Сажусь, и вслед за монголом въезжаю в реку. Лошади сразу погружаются по брюхо в мутные грязно-жёлтые волны, и нас порядочно сносит течением. Следующий рукав ещё глубже. Третий, самый глубокий и опасный. Ещё момент... и лошади поплывут. Берусь за гриву и готовлюсь спуститься с седла. Ещё несколько футов - и мы на другой стороне. Всматриваюсь, где же лагерь. Монгол указывает в направлении предгорий рукой. «Американ», - говорит он. Где? А, европейские палатки. Топкий луг сменяется площадкой гравия. Мы с монголом несёмся карьером. Низко стелются облака, пасмурно небо, и начинается дождь. Но теперь... не всё ли равно. Я - у цели.

«Перед палатками собирается группа европейцев. Впереди различаю Н.К.Р[ериха], его супругу Елену Ивановну Рерих и сына Юрия Николаевича. Какая радость. Неужели это правда, не сон. Через десять минут уже сижу в уютной палатке Н.К.Р. и Е.И. Оба расспрашивают меня о моем путешествии и последних событиях в «цивилизованном» мире.

«Глухо рокочет гром, вспыхивают молнии, и дождь барабанит по парусине палатки. Вбегают Ю.Н.: «Поток из гор наводняет ущелье». За палаткой крики: «Уходите, вода!.. Сносит палатки».

---

¹ Дата потопа представлена различно: Ю.Н. Рерих и П.К. Портнягин – 28 июля; Н.В. Кордашевский – 30 июля. – *Ред.*

«Мы выходим. На месте, где стояли палатки справа, - несётся мутный могучий поток. В пене выбивается он из довольно широкого ущелья. Столы, стулья несутся по его бурливой поверхности с мест палаток, сбитых в поток. Одна палатка Ю.Н., другая - столовая. И в ней был приготовлен обед, за который только что собирались сесть.

«В лагере кипит работа. Поднимают затопленные палатки, окапывают другие, прислуга вместе с туземцами вылавливает вещи из вновь образовавшейся реки. Так работают до темноты, приводя всё в порядок. Ущерб велик. Потом опять сидим в палатке, и мне дают кружку крепкого ароматного кофе. Пережитый день и усталость последнего перехода дают себя почувствовать. Глаза смыкаются от смертельной усталости. Мне отводят запасную палатку, и я засыпаю, дойдя до цели своего долгого и трудного путешествия - экспедиции Н.К.Р.»

Публикуется по изданию: Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского». СПб. 2000.

31[30] июля 1927 г.

Из книги Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«31.VII. Рано утром прибывает с багажом Голубин. Юрты монголов на Шараголе частью затоплены, частью откочевали, и он с рассветом переправился на нашу сторону, что было очень рискованно и трудно.

«К чаю выходит Н.К.Р. Он в сером спортивном костюме, дорожной шапке и крепких американских сапогах. После короткого разговора Н.К.Р. принимает Голубина на службу.

«Погода хороша и тепла. Поток исчез, и только на месте его ложа вывороченная земля и вода в ямах. Ещё совсем мутный, бежит из гор ручей. Лагерь стоит у подножия круглого холма на террасе, спускающейся к долине Шарагола. С обеих сторон он окаймлен ручьями, выбегающими из кристально чистых родников в скалах. В двух рядах расположен десяток прекрасных американских палаток. В центре первого ряда большой шатер Н.К.Р. и Е.И. Дальше с одной стороны палатка доктора К.Н. Рябина* и начальника транспорта Портнягина, а с другой - Ю.Н., моя и Голубина. Во втором ряду круглая палатка-столовая, помещение европейской прислуги и туземные майхане монголов и бурят, идущих с караваном, поводырей верблюдов и конвойных. Среди них и один тибетец. Со смуглым лицом и курчавыми волосами, он очень похож на абиссинца, за которого я сначала его и принял. Всего нас 9 европейцев и человек 10 туземцев. Необычайное преувеличение в виде 40 европейцев и 60 монгольских солдат и тридцати палаток было обычной азиатской импровизацией. Лагерная жизнь экспедиции проста. Встают рано и ложатся рано. В 9 часов утра кофе с молоком домашних яков и сухарями. В час обед, обычно суп, баранина в том или ином виде и чай. В 7 часов вечера ужин - мясное блюдо или каша, и чай. Изредка что-либо из приходящих к концу европейских запасов.

«После всестороннего обсуждения Н.К.Р. решает отправить Голубина в Сучжоу за покупками и двинуться в путь немедленно по его возвращении. С Голубиным едет удивительно красивый монгол, экзотическая фигура в ярком кафтане и красном платке, обмотанном в виде тюрбана вокруг головы. Вооружен он до зубов. Выступление экспедиции назначено на 18 августа».

АВГУСТ

3 августа 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«3 августа. Закончился ежегодный духовный съезд, на который обычно собираются все местные ламы для совершения общих служений. Съезд продолжался неделю. Жизнь нашего лагеря протекает обычно спокойно.

«Субурган окончательно отделан: основание и шпиц, состоящий из 12 кругов и символизирующий 12 Нидан Учения, — выбелены известкой; украшения наверху, изображающие месяц, солнце и пламя, выкрашены соответственно в белый, жёлтый и красный цвет. Сегодня достали наш портативный походный Mignonphone, слушали Вагнера».

5 августа 1927 г.

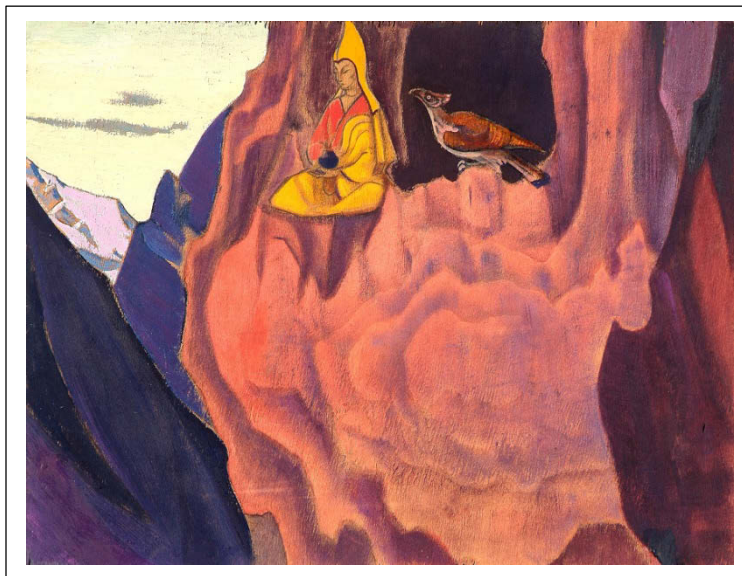
Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Нечто очень замечательное! В десять с половиной утра над станом при чистом синем небе пролетел ярко-белый, сверкающий на солнце шаровидный аппарат. Семеро из лагеря наблюдали это необыкновенное явление. Направление - с северо-востока на юг. Энергия А. Брат Джуал-Кул Замечательно!»

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина:

«Около половины одиннадцатого утра мы заметили большого чёрного орла, пролетевшего с запада на восток, - этого размера птицы здесь редки; вслед за этим мы обратили внимание, что бурят Цультим смотрит на северо-восток. Приблизившись к нему, мы заметили на очень большой высоте ярко блестящий предмет, быстро и плавно двигавшийся в южном направлении хребта Гумбольдта. Успели принести три бинокля, и все бывшие тут семь человек этой группы внимательно наблюдали это явление. Хотя предмет уже удалялся, но в бинокль он представлял вид светлого округлого тела продолговатой формы с одним освещенным боком, постепенно удалявшегося и вдруг, по словам наблюдавшего также Н.В., повернувшего под углом определено к югу. Были предположения об аэростате, и среди бурят о воздушном шаре, пущенном китайцами с «парами бензина». Мы улыбались последнему предположению, так как ближайший пункт, откуда мог быть пущен шар, — это Сучжоу, находящийся в расстоянии шести дней, причём все эти дни, как и вообще во всё это время года, ветер был определён западный. Н.К. при этом вспомнил явление, наблюдавшееся в Санкт-Морице, свидетелем которого был также тогдашний его спутник Я. [Яруя, В.А. Шубаев — ред.]. Тогда на безоблачном небе наблюдалось необычайно быстрое образование над комнатами отеля «Suvretta Haus» резко очерченного облачка, которое быстро начало вращаться и потом вдруг исчезло.

... Вечером буран».

Н.К. Рерих. Весть орла. 1927.

5 августа 1927

Из книги Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«5.VIII. Сегодня над лагерем произошло странное явление. Мы с Ю.Н. стояли у коновязи и говорили о Тибете и его духовных учениях. Ю.Н. тонкий знаток Азии и этой страны - магистр восточных языков Гарвардского университета. Вдруг крик: «Орёл!» - «Где орёл? Чёрный орёл над лагерем!» — переключаются голоса. Я взглянул по направлению поднятых голов и увидел не орла, а громадный желтовато-белый, сверкающий на солнце шар. «Какой же это орёл - это шар», - сказал я подходившему Н.К.Р. и бросился в палатку за биноклем. Им я опять скоро нашел в воздухе странный предмет. Совершенно явственно, около полукилометра над нами, в высоте шёл шар. Снаружи не было видно ни веревок, ни гондолы. Н.К.Р., Ю.Н., несколько монголов и я наблюдаем необычайное явление. Шар идёт по прямой линии с востока на запад и вдруг, повернув под прямым углом на юг, скрывается, всё уменьшаясь, за ближайшей горной грядой. Буряты утверждают, что сначала между шаром и землёй парил огромный чёрный орел, но я его уже не видел. Сыпятся предположения, начиная с того, что это был детский шар из Сучжоу, и кончая тем, что над нами пролетел аэроплан китайской авиации - кстати, несуществующей. Но, во-первых, было совершенно ясно, что этот, я не могу назвать его иначе как сферический аэростат, переменил курс, повинувшись точному повороту руля, а во-вторых - по своей конструкции не походил ни на одно известное мне воздушное судно. Нельзя допустить и того, что это был европейский аэроплан. Что бы он делал в тысячах верст от возможной базы и в направлении Гималаев, перелёт через которые из-за воздушных пропастей совершенно невозможен. Только потом узнали мы о том, чем было на самом деле это замечательное явление. Это, конечно, не был ни обычный авиационный снаряд и ни детская игрушка из Сучжоу, занесённая сюда по прихоти ветра».

(Фото из архива экспедиции)

7 августа 1927 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Освящён субурган. Приехал цайдамский геген. Наехало до тридцати гостей монголов. Служение у субургана. Обещали нам хранить субурган Шамбалы. Лишь бы дунгане не разрушили его.

«Бунт среди бурят. Они пошли к китайцам с ложным на нас доносом. Вместо бунтоватых бурят мы взяли трёх торгутов. Хорошие стрелки.

«После бурятского доноса приехали китайские солдаты с чиновником сининского амбана. Осмотрели наши паспорта. Конечно, опять вымогательство. Заплатили китайцам. Монголы возмущены этим вымогательством.

Неожиданные гости прилетают из пустыни. Под вечер прискакал таинственный незнакомец в золотошитом монгольском наряде. Кто он? Спешно прошёл в шатёр. Не называя себя, сказал, что он друг наш и должен предупредить о готовящемся нападении на нас на тибетской границе. Предупредил о необходимости усиленных караулов и разведочных разъездов. Сказал и ускакал. Кто он? Наши ламы говорят: "Или вор, или разбойник, или сборщик на монастырь". Всем не понравился роскошный наряд незнакомца. Но он был друг, он хотел помочь. Опять сюжет для оперы».

Из книги Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«7.VIII. Субурган готов. В его пирамиде устроен тайник, в который, по обычаю, будут замурованы соответствующие предметы. Окраска субургана немного резка по краскам, но ламам-художникам не мешали проявлять их личный вкус.

«Ордна, Сультим и Аюр с утра собрали свои вещи и ушли в монгольские юрты на Шарагол.

«Очевидно в связи со слухами о прибытии китайских чиновников из Синина, в лагерь приехал старшина Мачен регулировать свой долг Н.К.Р., уплату которого он тормозил изо всех сил. Мачен - назначенный китайским амбанем старшина монгольского населения. Это местный кулак, держащий в своих руках всю торговлю округа. Одутловатое, деревянное лицо, в котором чувствуется что-то жестокое и невероятно жадное. Он толст, громадного роста и яв-

ляет курьезную фигуру на маленькой лошадке, которая с видимым трудом несет на себе тяжелый груз своего всадника.

«После обеда происходит освящение нашими ламами субургана. Мы садимся на походных стульях, имея в центре Н.К.Р. и Е.И. Ламы торжественной чредой переходят ров, окружающий субурган, и садятся непосредственно перед его основанием, под которым расставлена масса аксессуаров искаженной магической операции. И так неуместно стоит между ними изображение Великого Учителя Будды, звавшего человечество к гораздо высшему служению. Но ламаизмом буддизм низведен на степень какой-то низшей магии, которая в его ритуалах утратила свое собственное значение. Четыре элемента играют в этом богослужении немалую роль. Как и в христианском ритуале, лама кадит перед престолом, изображенным небольшим возвышением, прикрытым ковром, и потом обводит курениями магический круг вокруг субургана. В тихом воздухе поднимается ароматный дым индийских курений, и служба начинается. Она состоит из бормотания молитв на тибетском языке, смысл которых ламы не понимают. На тибетском языке — латыни востока. Изредка это согласное бормотание четырёх лам в определенном быстром ритме прекращается и отделяется от следующего ревом трубы, стуком барабана и звоном колокольчика. У старшего ламы в одной руке магическое зеркало, а в другой нить, спускающаяся в неё из вделанного в субурган ковчежца и связующая священнодействующего ламу с самой сущностью освящаемого субургана. Интересно магическое зеркало, временами обливаемое освящённой водой и повёртываемое к субургану, - намёк на магическое отражение действия в астральном плане.

«Около двух часов длится однообразное служение. В конце его субурган освящается четырьмя элементами и жертвенная куколка из теста выбрасывается за круг, в жертву духам воздуха. Последний рёв и звон музыкальных инструментов, и ламы, сложив ритуальные предметы, заканчивают своё служение.

«При освящении субургана присутствует толпа монголов. Они разговаривают между собой, смеются и никакого благоговения к происходящему богослужению не выказывают. Субурган остаётся на их попечении...»

Н.К. Рерих со знаменем экспедиции. 1927

12 августа 1927.
Из письма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

<...> Родные и любимые.

По ветру шлём маленькое послание. Шестого августа семеро из нашего лагеря, в десять с половиной утра, видели с того места, где мы идём, летательный аппарат – Ш. Много знаков. Все хорошие. Развевается американский флаг. На днях после долгой стоянки мы уходим. Как дела с домом? Помните, только с очень мудрым и точным расчётом можно заменить старый дом новым. Имейте спокойные, полные достоинства слова при всех нападениях. «Не говорите о том, что не знаете». Смит понемногу привыкает. По *нашим* сведениям, «Ур» в целом продвигается медленно. Не печальтесь, ибо план из-за этого не изменится. Есть даваемые подробности, которые могут прекрасно увеличить всю структуру. Было указано, что наша поездка в Мичиган имела историческое значение. Помните путь оскорбления. Помните Святого Германа во времена короля Людовика? Так и сейчас. Не ссорьтесь с докторами, вам ещё придётся с ними встретиться. *Живите в дружбе, в ней лежит вся сила. Любите друг друга, в этом гарантия.*

Мы знаем, как вы растёте. Шлём вам, как меч неуязвимый, всю нашу любовь. С копьём Света!

1. Дана ли третья книга Лорну, Чамберсу, Соколову, Смирнову?
2. Отданы ли в продажу письма «Махатм». Теперь это можно сделать.
3. При первой возможности пусть Люмоу подготовит вторичные документы. Ему придётся приехать. Сказано, мы «можем прекрасно думать о нём».
5. Достаньте образ «Царевич Иоасаф», потому что это Будда.
6. Здесь мы построили субурган Шамбалы. На пустынном пригорке, белый – виден издалека.
7. Как подходят кольца Майтрейи Сангхи?
8. У вас были послания из Утаха? Если нет, спросите, как продвигается перевод книги на монгольский. Мы послали им отсюда письмо.
9. Составляется новая книга «Советы Гималаев».
10. Отправьте большую монографию Тагору. Получили ли её Такеучи и музей в Токио? Скажите ему, как я люблю Токио! Дайте кольца общины Майтрейи... *(обрыв письма)*

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ. яз.)

12 августа 1927 г.
Из дневниковых записей К.Н. Рябинина:

«12/VIII. Таинственный незнакомец. Предупреждение о военном отряде в Нейчжи.

«В 5 ч. дня произошло необычное событие - на прекрасной нездешней лошади быстро подъехал всадник в богатом, расшитом золотом, из китайского шёлка малиновом халате, отороченном мехом, внизу такой же роскошный шёлковый кремовый расшитый халат, на ногах новые китайские сапоги хорошей работы и в высокой жёлтой ламской парадной шапке с красной кистью. Вся одежда на нём была театрально новая; ни багажа, никаких вещей не было. Встреченный нами, он с любезными поклонами быстро шагнул в мою палатку, где был Н.К., и, озираясь, начал как-то растерянно и сбивчиво спрашивать, куда мы едем, не в Лхасу ли. Сам же ответил на наш вопрос, что он едет из Тэй-

джинера и ещё не знает, поедет ли в Лхасу или в Ургу. Затем он спросил, кто переводчик, и сказал, что имеет что-то нам сообщить тайно. Н.К. сказал Кончоку, чтобы он пригласил приехавшего в палатку отдельно и допросил его. Необычный гость начал беседу с обращения: «Мы ведь с вами одних воззрений», - а затем, не поддержанный Кончоком, сразу сбился и заговорил, что мы - религиозные люди, и он - религиозный человек. Его тайная весть заключалась в том, что он приехал будто бы уведомить нас об аресте прежде упомянувшегося монгольского посольства в Нагчу и что тибетским правительством получены сведения о продвижении русских («оруссо») от Шибочена, почему в районе Нейчжи выдвинуты сильные охранительные отряды, причём наш молодой таинственный доброжелатель предупреждал нас, чтобы мы при приближении к Нейчжи проявили осторожность и предварительно выслали разведку. Кончок признал в пришельце лицо, близкое монгольскому посольству, спешащее в Монголию, а его поклоны субургану тот же Кончок нашёл искусственными. Нарядный пришелец вскочил на коня и утонул в той же таинственной дали, откуда и прискакал. Если вы думаете, что мы даже на стоянках проводим однообразно время, то вы глубоко ошибаетесь! Приехавший незнакомец проявил наблюдательность - быстро озираясь, он не упустил из внимания кольцо на руке Ю.Н. и сравнил начертания кольца с тамгой* на одном из выданных нами изображений Бурхана, а имя своё так и не сказал. Взвешиваем события! Одно опечалило нас, что у Е.И. сильные боли в солнечном сплетении. Приехавший к нам юный конспиратор ничего не мог сделать более обращающего на себя внимания, как одеть в такой дождливый день и в этой местности театрально кричащий новый наряд. Наши ламы отнеслись к нему настолько недоверчиво, что один из них Л. заметил: «Бывает, что и воры в шёлк одеваются». Не забудем, что сам-то Л. был до ламства разбойником».

15 августа 1927 г.

Из книги Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«15.VIII. Наш уход решён на 19-ое. Голубина ещё нет, и в лагере начинают поглядывать на горный проход, ведущий из Сучжоу. Не едет ли? В караван нанято три брата-торгоута. Все они лихие наездники и, что важнее всего, — отличные кузнецы, то есть как раз те люди, которых нам недоставало. Они умело справляются с китайскими ковочными инструментами и, видимо, к ним привыкли».

18 августа 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«18 августа. На завтра назначено выступление нашего каравана в Цайдама. Ещё не решено окончательно, каким путём пересечём мы равнину Цайдама: или прямо на Найчжи мимо Дабасун-Нора, или через Таджинер. Первый путь короче тремя днями, но идёт через самое сердце Цайдама со всеми его недостатками: жарой, комарами и грязью».

19 августа 1927 г.

Из книги Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«19.VIII. ... Четыре часа утра. Поднимаются люди, то там, то здесь зажигаются костры. В шапке с большим козырьком, походном плаще и с револьвером на поясе — выходит из своей палатки Н.К.Р. По всему лагерю кипит работа, копошатся фигуры людей. К приготовленным грузам подгоняются вер-

блюды. Лошади доедают свою утреннюю дачу ячменя. Тихо озаряется горизонт светом, и из-за хребтов Наньшаня стрелами пронизывают небо яркие лучи солнца. Одна за другой упали палатки, и, точно отбежавший от предгорья, субурган как-то красивее, окруженный воздухом. Караван готов, полотняного городка больше нет. С недовольным, капризным рёвом поднимаются с колен груженные верблюды, двигается палаточный транспорт на мулах, за ним идет стадо баранов, предназначенных на продовольствие.

«Мы садимся на лошадей и вытягиваемся по одному, Н.К.Р. - впереди. Направление — через горный хребет имени Гумбольта. Торжественно, величаво утреннее молчание гор. По редкому воздуху четко доносятся до меня голоса спутников. Я еду сзади, замыкая цепочку нашей конной группы. Ю.Н. с проводником переезжают вперед. Когда смотришь на внушительную группу верховых, на длинный караван аккуратно груженных верблюдов с конвойными по бокам, то чувствуешь свое участие в большой, хорошо организованной экспедиции, идущей в далекое путешествие. Дорога проходит вдоль гор. Справа утесы, слева обрыв к долине Шарагольджи, со сверкающей в лучах солнца рекой. Аромат поднимается от зарослей вереска; между утесами собаки поднимают дикую козу, и она несется, точно стелется по воздуху, красиво отделяясь всем корпусом от земли. Переходим замерзший ручей. У скалы притаилось несколько эдельвейсов, точно в бархатных белых шапочках. Караван входит в скалистый коридор. <...>

«В неширокой долине, в которую мы спускаемся с нагорья по крутой тропинке, разбивается лагерь. Сочная высокая трава, и по камням весело журчит светлый ручей. После обеда мы уходим с Н.К.Р. по лужайке далеко за лагерь. То здесь, то там разбросаны громадные рога каменных баранов - точно брошенные на стихшем поле битвы боевые рога. Н.К.Р. обращает внимание на эти рога, на тонкость работы природы. “Мы идём путем особым, - говорит мне Н.К.Р., - и если Блаватская должна была когда-то идти втайне и проникла в Тибет, скрытая в возе соломы, - то мы пойдём открыто и торжественно, с развёрнутыми знамёнами. Каждый наш шаг будет достоянием легенд, которые сложатся о нашем походе. И кто знает, какие. На пороге прихода шестой расы - особенными должны быть и события”».

ЧЕРЕЗ ЦАЙДАМ

19 августа 1927 г. Цайдам.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Девятнадцатого августа мы выступили через Цайдам на Тибет. Памятна ночь в Цайдаме, когда пересекали соляные топи. Остановиться нельзя. Нужно идти сто двадцать миль без отдыха. Во тьме ночи еле заметна тропа. Проходим самой опасной дорогой, не сознавая этого. По сторонам узкой тропы бездонные ямы. Неверный шаг - и вернуться нельзя. Трудно, но зато Цайдам пересечён в новом, кратчайшем направлении. Много неточностей в картах.

«Когда мы проходили Цайдам, он оказался совсем не таким, каким он показан на картах; невольно смотрелось на запад, там розовели безбрежные пески. Вспоминалось, что от Цайдама до Куэнь-Луня на картах показано сплошное пустынное пространство. Конечно, всё это место не исследовано. Между тем, там, в складках нагорий, может быть много замечательного. Из области Хотана и Черчена могли в этом направлении распространиться древние буддийские

монастыри. Могли быть интересные отшельничества и памятники-пещеры. Но даже сами монголы мало говорят об этих местах. Толкуют о пропавших в песках караванах, о занесённых городах, но всё это в пределах сказаний.

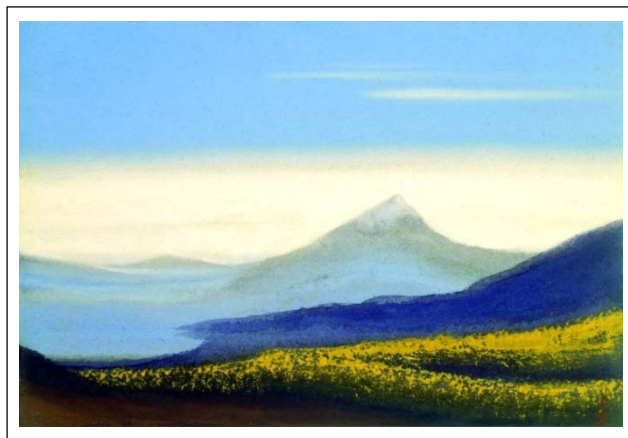
«Замечателен жест приветствия у цайдамских монголов. Они поднимают руки так, как будто молятся солнцу. Это так ритмично и красиво! Это напомнило мне прекрасный жест индусских браминов, который я видел в Бенаресе во время часа утренней молитвы. Вспоминаю также и прекрасный жест мусульман, совершающих молитву перед древним мазаром.

Н.К. Рерих. Цайдам. 1928.

«Толкуют о каких-то иностранцах, бывших в Тейджинере и скупивших там старинные вещи. Опять говорят, что иностранцы приехали и увезли "бурханов" из Дуньхуана. Очевидно, со знаменитыми пещерными храмами что-то произошло. Уж очень упорно и в разных областях об этом рассказывается. Мало ли вещей похищалось для музеев Европы, но об этих "бурханах" от Кашгара, от Урумчи до самых границ Тибета толкуют.

«Полуобглоданные трупы людей и коней у дороги. Это следы недавнего боя монголов с голоками. Монголы снимают юрты и спешат под защиту князя Курлык-Бейсе. Скоро перевал Нейджи, место, о котором предупреждал наш неведомый доброжелатель. Всё будто спокойно, но около стоянки найден свежий костёр и оброненная длинная трубка. Здесь были люди недавно.

Н.К. Рерих. Цайдам. Котловина. 1928.

19 августа 1927 г. з книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«19 августа. Этим утром я поднялся задолго до рассвета. Лагерь ещё спал и тишину нарушали только размеренные шаги часового и жевание верблюдов, привязанных верёвками к кольям. Из темноты появился большой силуэт одного из наших монголов, отвечающего за стадо лошадей и мулов. Он вёл наших животных, силуэты которых представляли чёрную массу за лагерем. Часовой начал разводить костёр, и на фоне колеблющегося пламени из палаток стали выползать плотные фигуры монголов. Лагерь быстро пробуждался к жизни, и повсюду замелькали люди, занятые складыванием палаток и груза. Рассвет осветил горизонт, и длинная вереница верблюдов начала движение к горам на юге долины. Передние верблюды несли свой обрядовый груз - шарфы и ящики с амулетами, которые должны были защищать их от бед на высоких перевалах Тибета. Тропа поднималась всё выше и выше, и вскоре длинный песчаный уступ скрыл от нас долину. Мы вошли в песчаное ущелье, ведущее к перевалу Улан-дабан, и разбили лагерь на площадке, покрытой зеленой травой. К югу от лагеря поднимались фиолетовые скалистые вершины, которые дают название горному перевалу. Поздно вечером к нашему лагерю присоединилось несколько монголов-курлуков, державших путь в Махай. Таков местный обычай - путешествовать всегда с кем-нибудь, и монголы, которые присоединились к нам вечером, ехали верхом небольшой группой из четырёх человек».

20 августа 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующий день наш лагерь снялся рано, и мы продолжали свой путь по горному ущелью. У подножия перевала виднелись развалины нескольких лачуг и остатки заброшенного золотого рудника. Высота перевала составляла 17000 футов, и подъём оказался нетрудным. Мы проделали его, не потеряв ни одного животного. С вершины нам открылась огромная панорама гор и скалистых утесов, покрытых то здесь, то там снегом. Спуск был пологим и привёл нас в широкую песчаную долину, покрытую скудной травой. После долгого перехода по равнине, показавшегося нам бесконечным, мы достигли берега реки Икхэ Кхалтин-гол и пересекли одно из её русел. Мы расположились лагерем на участке между двух русел реки, поверхность которого была покрыта камнями и гравием. Нам пришлось оставаться здесь весь день, потому что наши верблюды достигли лагеря только поздно вечером. Долина была окружена высокой стеной гор. К юго-востоку от неё находились обширные снежные области Чакелды. Южный край был сформирован невысокими хребтами, известными под названием Урге-дабан-ула, сливавшимися с горами Чакха-дабан-ула. На юго-западе поднимался горный массив, который местные жители называют Цаган Оботу. Все эти хребты, окружающие долину с юга, относились к системе хребта Куку-нор».

20 августа 1927 г.

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Утром едем как всегда. Впереди Юрий и П.К. в разъезде. Затем все верховые - мы и ламы. За нами на некотором расстоянии - торгуты с мулами. А дальше отстал караван с верблюдами под охраной Голубина, Кончока и Церинга. Впереди нас ущелье с двумя холмами. Елена Ивановна, всегда чуткая, слышит

далёкий лай собак... Вдруг через ущелье между холмами начинают проскакать вооружённые всадники, скрываясь за холмом. Санге-лама кричит: "Аранган", то есть разбойники. Даю приказ повернуть назад, чтобы занять вершину холма и соединиться с торгутами. На вершине вместо атакованных мы оказались атакующими и командующими положением. Отряд панагов остановился, очевидно, не ожидав нашего маневра. К ним подскакали полковник, торгут Очир и бурят Бухаев с грозным предупреждением. Остальные, готовые к бою, наблюдали. Панаги, неожиданно застигнутые, спешили и в знак покорности положили винтовки. Один из них держал длинное копьё - знак объявленной войны. Мы хотели купить это копьё, но они сказали: "Мы не можем продать, это - друг наш". Главное, всегда действуйте смело».

«На другой день готовилось ещё нападение, но сильная снежная метель с громом расстроила суеверных панагов. И так перешли Нейджи. Любовались огромными стадами диких яков. Одного из них убили торгуты. Впереди нас снежный хребет Ангар-Дакчин, то есть Марко Поло. Смешно давать европейские имена местности, которая издавна имела свои наименования. К ночи умер от кровотечения монгольский лама. Жаль».

[21] августа 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующее утро мы выступили в путь около шести часов и переправились через реку в темноте. При переправе вода доходила до стремян, а дно реки оказалось илистым и топким. Переправившись через реку, мы направились по узкой тропе к каменистому ущелью, а оттуда подошли к перевалу Чакха-дабан. Спуск преодолевали по высохшему дну реки, загроможденному огромными камнями и пластами гравия. После семичасового перехода мы достигли долины реки Бага Кхалтин-гол, протекающей по живописной долине, окруженной горными хребтами из базальта и песчаника. Далеко на юге возвышались снежные вершины хребта Риттера, а на западе простирались волнистые песчаные холмы Сертанга».

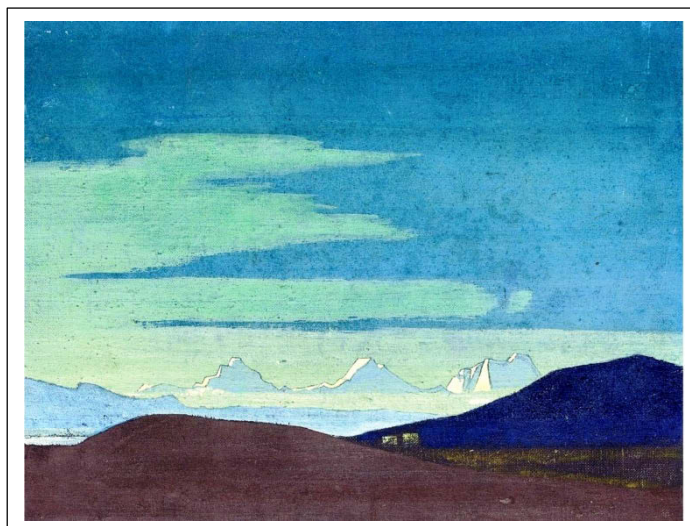
22 августа 1927 .

Из книги Н. Декроа «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«22.VIII. Рано готов караван. Предполагается трудная переправа через Холтын-Гол.

«Когда мы садимся, под Н.К.Р. дыбится лошадь и падает. С удивительным спокойствием сел он на неё опять, без единого слова раздражения или недовольства, и поехал, точно ничего не случилось.

«Идём к переправе. За горной грядой светлеет небо, и как всегда перед рассветом - холодно. Понемногу гаснут звёзды. Обгоняем верблюжий транспорт. Важно шествуют верблюды своей медлительной, размеренной походкой. Переправа глубокая. Маленькое стадо наших порционных баранов сносит течением довольно далеко. С трудом выплывают непривычные к воде монгольские собаки. Дальше пустынная равнина перед предгорьем и горный хребет. Становится жарко».

Н.К. Рерих. Вблизи от Тибетской границы. 1927-1928.

23 августа 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«23 августа мы переправились через реку и прошли через ряд песчаных холмов, покрытых скудным кустарником. За этой цепью песчаных холмов раскинулась обширная песчаная равнина, открытая на запад, а на востоке замкнутая горной цепью. Мы последовали по высохшему дну реки, которое поднималось к перевалу, расположенному в горах к югу от нас. Лагерь поставили на речной террасе около небольшого ручья, который питал реку в периоды летних дождей. Этот год был исключительно сухим, воды в реке не было.

«Ночью термометр показывал -2°C , и ручей покрылся тонкой коркой льда. За лагерем тропа вела по тому же ущелью, которое, сужаясь, приближалось к перевалу. Подъём через перевал был лёгким. На вершине была сооружена пирамида из камней, и пейзаж был наполнен специфической красотой. Повсюду поднимались высокие, отвесные, зубчатые склоны. Внизу были голубые тени горной долины, ещё не освещённой солнцем, а выше - пурпурные и красные цвета гранитных и песчаниковых скал, которые защищали долину. На вершине перевала мы встретили монгола кхалка, который часто бывал у нас в лагере в Шараголджи. Он возвращался из поездки по Курлук-нору и захотел пожелать нам успеха в долгом путешествии по Тибету. Спуск был коротким и привёл нас в узкую горную долину, которая была усыпана валунами и гравием. По обеим сторонам долины возвышались разрушенные ветром скалы и так называемые "пористые камни". После двух часов езды долина расширилась, холмы отступили назад и наш путь пошёл по песчаному пространству, покрытому кустарником кхармика. Мы остановились в месте Аршан-булак, расположенном в песчаниковом ущелье. Ручей струился к середине широкой реки. На карте русского Генерального штаба это место обозначено как "Му-булак", или "Плохой источник", но с 1904 г., когда Далай-лама побывал у этого ручья во время своей поездки в Монголию, место стало известно под названием "Аршан-булак", или "Священный источник". Аршан-булак находился на высоте 12040 футов».

[24] августа 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На следующий день мы отправились в путь рано, стремясь пораньше прибыть в Ичи, где была назначена встреча с тибетским правительственным торговым агентом, который задержался там из-за болезни и теперь решил присоединиться к нам.

«Какое-то время тропа шла по ущелью, где протекал ручей, берущий начало в Аршан-булаке и впадающий в озеро Нор, расположенное примерно в шести милях к юго-западу от нашего маршрута. Путь дальше пошёл по обширной равнине, покрытой густыми зарослями можжевельника и тамариска. К юго-востоку мы смогли разглядеть голубую поверхность озера Нор. На северо-востоке долины поднималась бесплодная гора Бом-йин-ула. Долина выходит к реке Ичигин-гол. Приближаясь к реке, которая имеет несколько русел, мы прошли по участкам с соленой почвой, но с хорошей травой, где расположилось несколько монгольских стойбищ. Основное русло реки идет к подножию горного хребта, называемого Ичигин-ула. Берега реки густо покрыты зарослями можжевельника. Как нам говорили, после дождей река несёт много воды. Во время нашего пребывания она была обмелевшей.

«Нирва (торговый агент) не приехал, и мы решили остаться на пару дней на берегах этой реки и купить несколько верблюдов. Интересно отметить, что местные монголы хошуты, называющие себя дед-монголами, именуют район вокруг солёных озёр Икхе-Цайдам и Бага Цайдам, Цайдамом. Район вокруг Курлук-нор известен под общим названием Гоби, согласно её характеру соляной пустыни. Соляная пустыня Цайдам на наших картах отмечена под названием "Шала", или "Мёртвая пустыня". Район Теиджинера обычно называется "Теиджинер", а название "Цайдам" редко применяется к нему».

28 августа 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина:

«28/VIII. Китайские потаи. Характеристика Е.И., Н.К. и Ю.Н.

«Ходили с Н.К. по направлению к горам, где течёт Ичегол, быстрая речка, многоводная, с чистой, прозрачной водой и многими разветвлениями. На одной из небольших гор видели старый китайский, императорских времён, потай, или донг, т.е. придорожную башню. С противоположной стороны долины стоит другой потай. Обычно на китайской территории они стояли ранее по большим дорогам через каждые десять «ли» (китайская мера пути - около 4 вёрст). Во время прогулки и после у меня в палатке много беседовали о тех удивительных явлениях, свидетелем которых был Н.К., а также о будущем мировом строительстве. Вечер прохладный и тихий. Чимпа ещё не приехал из Махая. Е.И., как обычно, много занимающаяся днём в своей палатке рукописями, к вечеру, когда спадёт жаркая погода и солнце на закате, гуляет около палатки или недалеко от лагеря с Н.К. или другими спутниками, обсуждая наиболее живые вопросы пути или проблемы мирового значения. Н.К. любит быть в движении даже на остановках и в лагере, совершает с кем-нибудь из нас дальние прогулки без видимого утомления; здоровье его продолжает быть хорошим, жару и холод переносит одинаково спокойно, принимая во всём живейшее участие и руководство, вплоть до расставления палаток и распределения вещей. Вдали показались пятеро всадников; предполагают, что едет Чимпа, но, кажется, и на этот раз не он. Ю.Н. во многом подобен Н.К. - вез-

де поспеваает и усиленно занимается любимыми им военными трактатами и филологией. Любовь к военным наукам, в частности к стратегии, у него с детства, когда он целыми коробками покупал оловянных солдатиков и выигрывал сражения, состязаясь в игре со своим дядей, военным, загоняя его с остатками оловянной армии, потерпевшей поражение, между шкафом и комодом».

Озеро Их-Цайдам. (Современное фото)

**Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:
30 августа 1927 г.**

«30 августа мы покинули Ичи. Переправившись через реку, мы пошли по обширной каменистой равнине, спускающейся к озеру Иххе-Цайдам, которое виднелось вдалеке. К югу от дороги возвышались горы Ичигин-йин-ула, незаметно переходящие в другую горную цепь, которую местные жители называют Джасотин-ула. К северу протянулся скалистый Цайдам-йин-ула, сложенный из базальта и гранита. После четырёхчасового перехода мы достигли северо-западной окраины большого озера Иххэ-Цайдам, окружённого широким поясом снежно-белых соляных отложений. Вокруг озера простирались обширные засоленные земли с прекрасной растительностью, на которых пасли стада лошадей. <...>

«Мы разбили лагерь рядом с источником пресной воды. На берегах озера имелось несколько таких источников. Высота северо-западной окрестности озера составляла 9500 футов, на несколько сот футов ниже Ичигин-гола».

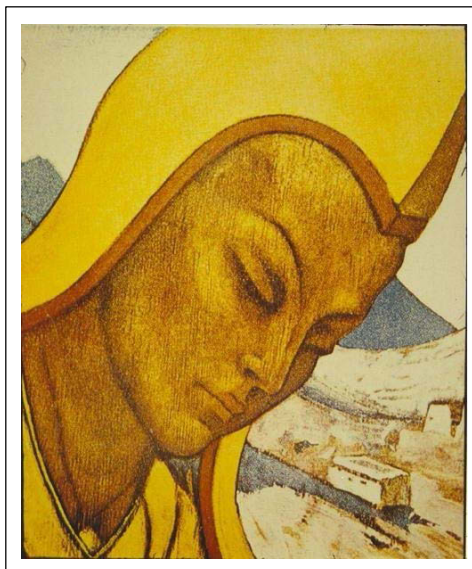
[31] августа 1927 г.

«Следующий переход был коротким. День обещал быть жарким, и мы рано сняли лагерь с тем, чтобы пройти путь в прохладные утренние часы. Наш путь проходил вдоль северной окраины озера. Почва была солончаковая и в некоторых местах болотистая. У источников с пресной водой располагались многочисленные монгольские стойбища. Пройдя примерно шесть миль, мы достигли нескольких грязных лачуг, названных "Цайдам-инбайшин", или "Торговый дом Цайдама". Это был административный центр озёрного района. Деревня состояла из одноэтажного ду-кханга, или зала, в котором собирались монахи во время праздников, из нескольких складов, принадлежавших местным монголам, и двух-трех зданий, занимаемых китайскими торговцами из Синина. <...>

«Днём нас посетил монгольский гаше, или учёный-лама, возвращающийся из Лхасы в свой родной монастырь Дзайн Шаби в Кхалка Монголии. Он хвастался, что был близким другом Далай-ламы, и продал нам недорого лошадь -

за 40 мексиканских долларов. Из-за сильного ветра, несшего тучи песчаной пыли, оставшуюся часть дня мы вынуждены были оставаться в палатках».

Н.К. Рерих. Монгольский лама. 1927.

СЕНТЯБРЬ

1-2 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«1 сентября. Таталын-Гол, урочище Табун-Илисун. Сделали 5 часов. Километрах в десяти к югу озеро Бага-Цайдамин; высота местности, по определению Н.К. [Рериха], 9700 футов. В урочище водятся змеи и тарантулы. Почва в урочище солончаковая и, вследствие долгого бездождия, сухая. Километрах в трёх от нашего лагеря, у гор - трон Далай-Ламы из камня и глины. Здесь население устраивало Его Святейшеству торжественную встречу в 1904 году».

Слева: Н.К. Рерих. Менданг. 1924.

Справа: Н.К. Рерих. «Цзонкапа». («Медитирует на горе Менданг»). 1924.

«2 сентября. Прошли полтора часа. Остановились на юго-западной окраине урочища Бага-Цайдамин. Завтра предстоит большой переход через безводную пустыню. В ночь на сегодня часть животных ушла обратно в Ихе-Цайдамин, только к 2 часам удалось их вернуть».

3 сентября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«3.IX. Сегодня стоим на месте. Перед нами трёхдневный безводный переход по пескам и солончакам. Н.К.Р. распорядится отправить верблюжий транспорт вперёд на один переход, под начальством Голубина. В нём идёт весь тяжёлый груз. Мы остаёмся, так как пройдем в два дня то расстояние, которое пройдёт верблюдами в три. С нами пойдут мулы, имея на себе палатки, постели и кухню. Все запасы воды усиленно пополнены. <...>

«В ночь уходят верблюды. Лагерь опустел и необычно тих. Пёс Амбал скулит на верёвке - его сотоварищ Тумбал ушёл с транспортом. Днём является лама, весь в жёлтом. Он приносит неизбежный шёлковый платок - хадак и мешочек изюма в подарок. Просит разрешения идти с нами в Тибет. Разрешение получено, и к нашему лагерю пристраивается ещё палатка. Два ружья, два человека и пять лошадей. Чем больше караваны в таких путешествиях, тем лучше. Счёт людей идёт количеством ружей».

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Разоблачённый Тибет»:

«3/IX. <...> Утро солнечное, прохладное благодаря холодному ветру. Около моей палатки лама Бухаев нашёл бурого тарантула. Считаю, что боязнь тарантулов преувеличена - тарантул вял и медлителен, не любит далеко уходить от своей песочной норки, сидит неподвижно на одном месте, когда его не трогают. Чтобы он укусил, надо его придавить рукой или обнажённой ногой.

<...> «Ввиду предстоящего длинного безводного перехода сегодня стоим на месте - необходимо дать отдых мулам и лошадям, в особенности вчера убежавшим и гнавшимся за ними. Верблюды с грузом ушли в 6 ч. утра. Оставили с собой палатки, постели и самые необходимые вещи, которые погрузим на мулов. Вчера прибыли двое лам с шестью лошадьми - присоединяются к нашему большому каравану в Тибет, будут нам помогать в пути стеречь животных. Таким образом, с сегодняшнего дня в караване числится 29 человек и 101 вьючное и верховое животное; кроме того, имеется 16 баранов и две собаки. Выходим завтра в 5 ч. 30 м. утра».

Пустыня Цайдам. (Современное фото)

4 сентября 1927 г. Цайдам.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«4 сентября мы вошли в соляную пустыню Цайдам. Нас должны были сопровождать двое местных проводников до Теиджинера, расположенного на южной стороне этой очень опасной соляной пустыни. Эти люди хорошо знали

дорогу и, особенно, опасные места у озера Дабасун-нор, которое лежало в центральной части пустыни.

«Утро было прохладное, и мы насладились ездой по берегу озера Бага Цайдам и синей поверхностью вод, сверкающей в лучах утреннего солнца. На берегах озера водилось множество водоплавающих птиц, и воздух наполнялся их пронзительными криками. Тропа привела нас к горам Карголжи-йин-ула - зубчатой стене скал. Пройдя через узкое ущелье, загромождённое огромными камнями и осыпями от соседних скал, мы вышли на обширную каменистую равнину. На юге в знойном мареве дремала соляная пустыня. К западу простирались низкие песчаные гребни. В течение трёх часов мы шли по раскалённой каменистой равнине. Свет был настолько интенсивным, что мы едва могли смотреть на сверкающую белую тропу.

«Около полудня мы остановились около ручья пресной воды, текущего из ущелья гор Карголжи-йин-ула. Здесь мы пробыли до заката солнца с тем, чтобы начать движение через соляную пустыню прохладным вечером и продолжить его в течение ночи.

«Наши верблюды ушли днём раньше, и мы теперь продвигались только лёгкой колонной из лошадей и мулов, несущих лагерное снаряжение и продовольствие. В наш временный лагерь пришли из пустыни два монгола из Теиджинера. <...>. Они сообщили нам плохие новости: ручей с пресной водой в Олун-булаке на противоположной стороне пустыни пересох, и нам придётся идти до Коко-Арала, расположенного гораздо дальше, на территории теиджинерских монголов. Они были очень встревожены недавними конфликтами на китайско-тибетской границе и рассказывали о подробностях стычки, которая произошла две недели тому назад.

«В пять часов дня был дан сигнал отправления и все стали седлать своих лошадей. Пять часов мы шли по каменистой пустыне, спускающейся к югу. На западе пылал тёмно-красный закат, а на востоке небо было погружено в холодную фиолетовую мглу. К одиннадцати часам мы добрались до цепи песчаных дюн. Лошади бесшумно ступали по мягкой почве пустыни. Ни звука! Только луна светила над фантастическим ландшафтом пустыни с тёмными силуэтами всадников, вытянувшихся в одну длинную вереницу. К югу от нас соляная пустыня Цайдама сияла специфическим безжизненным светом. Невозможно описать словами этот заброшенный район Азии. Это был утомительный переход. Узкая тропа петляла по огромным скоплениям соляных отложений с бездонными колодцами между ними. Один неосторожный шаг лошади - и седок будет сброшен в одну из этих многочисленных ям вдоль тропы. *К юго-западу находилось озеро Дабасун-нор - недоступное пространство солёной воды, окружённое солёными болотами.* В четыре часа утра мы достигли южного края топей, и здесь почва стала твёрдой. И люди и животные были полностью истощены, и мы решили сделать короткий привал. ...»

5 сентября 1927 г. Цайдам.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«В урочище Хуху-Арал мулы пришли в 2 часа дня 5-го сентября. Всю ночь дорога шла по равнине, усеянной сухими комьями земли, смешанной с солью. В некоторых местах около Дабасун-Нора земля звенела под копытами лошадей: дорога шла по топкому соляному слою, под которым была пустота и дальше вязкая грязь. ...»

Солёное озеро Дабсан-нур. (Современное фото)

«В 12 ч. дня 5-го сентября караван членов Миссии остановился километрах в десяти от урочища, чтобы переждать дневную жару, оказывающую вредное влияние на здоровье Е[лены]И[вановны]. Была разбита палатка, у которой остались Е.И., Н.К. и доктор. Мы с Н.В.[Кордашевским] и проводником--монголом поехали к месту стоянки остального нашего каравана. Поражает выносливость Н[иколая К[онстантиновича]] - провести столько часов в седле, ехать верхом день и ночь почти без отдыха - в его годы это нелегко.

6 сентября 1927. Цайдам.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«6 сентября мы были в оазисе Коко-арал. Мужчинам были розданы дополнительные патроны. Теперь мы должны были следить за грабителями, которыми кишит граница Цайдама и Тибетских высокогорий. Постоянная опасность, в которой жили пограничные племена, здесь была очевидной. Монголы разъезжали группами по семь или десять хорошо вооружённых человек и внимательно следили за тропами со стороны гор. Лошади были стреножены и держались около лагеря. Мы организовали дозор для разведки местности и дороги на 2-3 мили впереди основной колонны каравана. Его задачей было занимать важные стратегические пункты и оттуда вести разведку. Также была обеспечена охрана тыла. Тибетские грабители имеют обыкновение одновременно нападать с головы и с тыла колонны».

6-7 сентября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«6.IX. <...> «В лагерь приходят монголы и сообщают интересное сведение - монгольское посольство из Урги прошло в Нагчу и дальше в Лхасу для переговоров о назначении особого Богдо-Гегена для Монголии. Другое сведение - подтверждение сражения монголов с тибетцами недалеко отсюда, в предгорьях. Теперь будто бы тибетцы ведут разведку на пути, по которому пойдёт наша экспедиция. Из расспросов у меня создаётся впечатление, что это уже вторая стычка, о которой мы слышим. Н.К.Р. обсуждает со мной положение, докладываю ему о выработанных мерах бдительности и тактике в случае столкновения с тибетцами. И Н.К.Р[ерих] соглашается со мной, сделав несколько дополнений. Одним из них является пробная стрельба, чтобы видеть, насколько лошади будут спокойно относиться к выстрелам. Вечером у конюшней выпускается несколько пачек патронов. Результат получается вполне удовлетворительный. А, в общем, мы представляем из себя совершенно достаточную силу, чтобы отразить в открытом бою шайку разбойников.

«7.IX. Встаём, по обыкновению, до восхода и свёртываем лагерь. Опять с верблюдами что-то не спорится, и среди поводырей чувствуется какая-то вялость. Наконец - всё готово. Выступаем в 6.30 утра. Низко, не выше пары футов, пролетают над нами дикие гуси. Солнце поверх туч освещает вершины гор ярким светом. Идём по травянистому лугу с глубокой быстрой речкой. Она то течёт посередине, то прижимается к обрывистым краям своей долины. <...> Впереди далёкие силуэты тибетских гор. Из розово-жемчужных облаков и тумана сверкают их снежные вершины. В лугах табуны лошадей, стада мелких коров, тысячи овец и коз; последние уже тибетского типа. <...>

«Около 8-ми часов утра вся местность поднимается, точно брустверами укреплений изрезанная глубокими каньонами. Речка здесь быстрее, и ил дна заменяется крепким гравием.

«Изредка чахлые деревья, но трава по реке становится всё гуще и изумруднее. Идём по верху, который за несколько часов пути стал совершенно безжизненным. Песчаная пустыня. Жара. Весь караван закутан густым облаком пыли. К полудню спускаемся к реке, где и располагаемся лагерем. Это урочище Бура, на реке Буран-Гол. Верблюды сильно отстали. По прибытии начальник транспорта Голубин докладывает, что всё время сваливались плохо притороченные вьюки. Пригонка была плоха. И невольно приходит мысль, что в поведении поводырей есть какой-то фокус.

В ожидании обеда расходимся по палаткам, а Голубин с самодельной удочкой отправляется на ловлю форелей, которых довольно много в быстринах реки». <...>

«Завтра большое событие - мы вступаем в Тибет, оставляя за собой пройденный Цайдам».

8 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«8 сентября. Прошли 2 1/2 часа, остановились на южной окраине урочища Гала-Модо. Конечно, это расстояние можно бы пройти вчера, чтобы не терять лишний день, но с монголами-проводниками очень трудно договориться о количестве времени, требуемого для перехода; по-видимому, они вообще плохо ориентируются в понятии времени. Для Н.К., любящего большую точность во всём, это должно быть неприятно, хотя на лице его трудно заметить какие-либо признаки недовольства или раздражения - оно всегда обычно спокойно. Сегодня равнина Цайдама заканчивается, завтра большой переход в горы».

9 сентября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«9 сентября мы снялись часам к 6 вечера, чтобы пройти надоевшую пустыню, протянувшуюся между оазисом Буре-йин-гола и горами Нейджи-Андак. Путь проходил по дну пересохшей реки, а затем по невысокой речной террасе, и вскоре мы вышли на песчаную равнину, называемую местными монголами "Глен-шала". Мы пересекли равнину в юго-юго-западном направлении и после двухчасовой езды подошли к реке Нейджи, текущей среди террас, которые возвышались до семидесяти футов. Наш караван верблюдов, выступивший двумя часами раньше, возможно, следовал по другому пути, находящемуся на западе от нас. Внезапно вдалеке в темноте мы заметили несколько

ко костров. Это не мог быть наш караван, который шёл впереди нас и приближался к ущелью Нейджи. Портнягин и я поехали на разведку к кострам и, к нашему удивлению, обнаружили, что, действительно, это был наш караван верблюдов, который расположился на ночь, опасаясь бандитов. Монгол проводник отказался идти дальше. Мы распорядились людям навьючить верблюдов и немедленно продолжать путь. Проводник очень отказывался и заявил, что он поведёт караван только при одном условии, что кто-то ещё и я будем ехать впереди каравана и предупреждать об опасности. Полковник и я поехали впереди каравана, внимательно осматривая ближайшие холмы. <...>

«Мы остановились в час дня в узкой долине, называемой Цайган-удзур. Транспортные мулы нагнали нас, но было слишком поздно ставить палатки. Мы провели ночь под открытым небом. Ночь была отвратительной, а к утру заморосил дождь. В полумиле от лагеря отдыхал наш караван верблюдов».

10 сентября 1927.

«На следующее утро мы снова отправились в путь, утомлённые почти бессонной ночью. Мы шли путём, по которому прошёл Н.М.Пржевальский во время своей третьей центрально-азиатской экспедиции, В.В. Рокхилл в 1891-1892 гг. и Г.Ц. Цыбиков в 1899 г. Спустившись с перевала Кано (12900 футов), мы преодолели ряд песчаных гребней, спускавшихся к реке. Местность была абсолютно лишена растительности. После трёх миль пути мы достигли реки Нейджи, протекающей между высоких, почти вертикальных берегов. Окружающие горы были покрыты пеленой тумана после снежного шторма, который бушевал накануне. Путь снова уходил от Нейджи-гола и шёл через высокое песчаное плато. Около одиннадцати часов дня мы достигли места, названного Шугу-ерге, расположенного на Шуге-йин-голе. Отсюда тропа вела некоторое время вдоль Шуге-йин-гола и здесь, на берегу реки, мы сделали небольшой привал».

«11 сентября мы выступили рано, перейдя вброд реку. На противоположном берегу тропа поднялась на крутые утёсы и вышла на широкое песчаное плато, в котором река прорезала глубокий и узкий каньон. Низкий каменистый отрог, подступающий к реке, известен под названием Коко-тоно (11910 футов) и был описан Цыбиковым и Рокхиллом как очень трудная часть дороги. Несколько лет назад к прибытию высокого ламы, проезжавшего в Цайдам, этот путь был значительно улучшен. Местные монголы пытались перекинуть через реку мост, чтобы сократить путь, но из этого ничего не вышло: работа вскоре была заброшена из-за того, что не хватило строительных материалов. Мы видели сваленные деревья, разбросанные по берегу».

Пройдя утёсы отрога Коко-тоно, мы преодолели ряд низких песчаных гребней и спустились к реке Нейджи, которая теперь протекала по широкой однообразной низменной долине. После перехода в пятнадцать миль мы остановились для отдыха в месте, названном Буду-тохой - широком участке земли, покрытом травой и густыми ивовыми зарослями».

11 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«11 сентября. Сегодня нам предстоял знаменитый перевал Куку-Тоно, об опасностях которого так много и красноречиво писали проходившие здесь ранее путешественники. Оказалось, вся опасность заключалась в том, чтобы

пройти по достаточной ширины тропинке, по карнизу базальтовой скалы, метров 40, причём внизу, метрах в 20-ти, в узкой щели шумела невидная глазу горная речка. Е.И. говорит, что в Ладаке им очень часто приходилось идти такими дорогами, иногда целый день. Сегодня сделали 4 часа».

13 сентября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«13 сентября произошло ожидаемое столкновение. День был пасмурный, над горами нависли тяжелые серые тучи. Караванная тропа шла по правому берегу реки Нейджи. Среди громоздящихся облаков и тумана нам открывался вид на снежные вершины и ледники горной цепи Марко Поло, белевшие вдали. В этот день экспедиция двигалась в обычном режиме. Впереди колонны ехал небольшой авангард с европейским командованием, затем - руководитель экспедиции с остальными членами, европейцами, и несколько монголов конвоя, затем - мулы с лёгкой поклажей и ящиками военного снаряжения, а на некотором расстоянии от мулов - караван верблюдов с тяжёлым грузом. Колонну верблюдов охраняли несколько вооружённых всадников во главе с одним из европейцев. Но как только мы достигли северного склона перевала Элису-дабан, места, о котором нам говорил таинственный лама в Шараголджи, мы внезапно заметили отряд всадников, скачущих наперерез нам через плато слева от нашего пути. Кто они? Пытаются ли они обойти нас? Много вопросов пронеслось в голове, но раздумывать было некогда. Всадники мчались в нашем направлении на большой скорости, и сухая земля плоскогорья гудела под копытами лошадей. Все они были вооружены винтовками и саблями, а у некоторых были пики. Наш монгольский проводник, бледный, широко размахивая руками, бросился к реке. Его последние слова были: "Аранган, аранган!" - "Грабители!" Он был единственным, кто струсил и покинул свой пост; остальные мужчины проявили необычайную выдержку. Схватка казалась неизбежной. Руководитель экспедиции приказал нам занять огневую позицию на гребне холма. Авангард, который прикрыл маневром остальную колонну, был отозван к основной силе. Каждый занял свою позицию. Слышалось щёлканье затворов винтовок. На нашем левом фланге наши конные торгуты подготавливали обход врага с фланга. Громкие команды раздались в воздухе. Наступил момент, когда все внутренние силы человека напряглись до предела. "Стрелять с трёхсот ярдов!" - кричал наш полковник, командуя вооружённым отрядом экспедиции, и каждый был готов нажать курок по сигналу. Но вражеские всадники заметили это и дрогнули. Несколько мгновений, и они остановились и сгрудились. Мы видели сабли, вдетые в ножны. Несколько из них спешили и стали совещаться. Наши решительные действия показали разбойникам, что они имеют дело с хорошо вооружённым караваном, и атака кавалерии на открытой местности приведёт к значительным потерям с их стороны. Они остановились и послали людей на переговоры. Мы продвинулись вперёд, и в качестве предупредительной меры наши всадники окружили отряд бандитов. Никогда прежде мы не видели такие жестокие и зверские лица. Большинство бандитов были молодыми людьми, вооружёнными саблями и современными винтовками. Старый человек с седой бородой был главарём банды. Они признали свои намерения. Превосходство нашего огнестрельного оружия заставило их изменить своё решение.

После коротких переговоров мы продолжили путь. Один из наших людей узнал из разговора с бандитом, что у них на следующий день ожидается большое подкрепление. Это требовало дальнейших предосторожностей с нашей стороны. Лагерь на ночь был укреплен траншеями, и часовые, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками охраняли животных каравана и лагерь. Но панаги не вернулись, и ночь прошла спокойно».

13 сентября 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

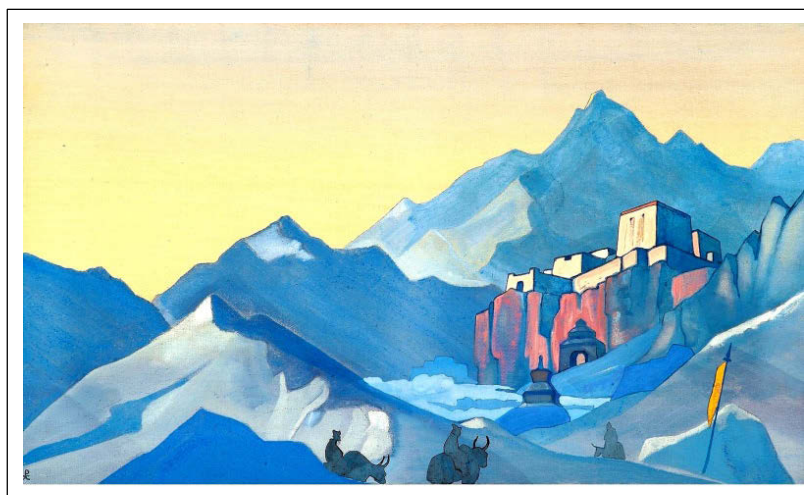
«13/IX. <...> По течению Нейчжи-гола оказались монгольские айлы; в ближайших из них имеется 7- 8 юрт и большие стада, преимущественно овец. Е.И. ещё издали слышала лай собак, пока, наконец, мы не увидели в долине юрты и стада. Проехав их и спустившись с возвышенности в песчаную долину, мы увидели впереди сомкнутую группу всадников, появившихся из-за противоположной возвышенности. Впрочем, предоставляю об этом моменте подробнее рассказать начальнику охраны нашей Миссии Н.В. [Кордашевскому], как человеку военному: «Вдруг из-за холма впереди показывается сомкнутая группа всадников, которая скрывается за следующим холмом. Проводник останавливается и кричит Ю.Н. по-монгольски: «Голоки, разбойники». Показывая знаками, чтобы все следовали за ним, проводник мчится к реке и исчезает за холмом. Несомненно, в этих появившихся и исчезнувших за возвышенностью вооружённых всадниках есть что-то странное. Впечатление складывается вполне определённое, что они пытаются обойти и отрезать нашу конную группу от тыла. Впрочем, расстояние велико, вооружены мы отлично, и времени на разрешение боевой задачи достаточно».

«Теперь, когда я совершенно спокойно могу взвесить всё происшедшее, должен указать, что благополучному исходу дела мы исключительно обязаны распоряжению посла (Н.К.Периха - ред.). В первую минуту некоторой растерянности перед неизвестностью послышался его спокойный голос, приказывавший занять частью людей указываемую им возвышенность. Ни один офицер генерального штаба не смог бы лучше разрешить задачу. Ни один боевой офицер не смог бы хладнокровнее распорядиться перед очевидной возможностью боя. Решение сразу обеспечило нам связь с тылом, прикрыло левый фланг и создало прикрытый отход к реке. Нападавших же это ставило под огонь и создавало опасность быть самим отрезанными от путей отхода. Это распоряжение посла, настолько ясное и противнику, и нам, предупредило кровопролитное столкновение, в котором, конечно, мы бы взяли верх, но которое могло повлечь за собой осложнения дипломатического характера по прибытии Миссии в Тибет.

«Всё прошло на удачном маневре, первым моментом которого следует считать появление конной группы противника, наш поворот назад и занятие стрелковой позиции. Второй момент - это окружение нашими всадниками остановившегося за холмом неприятеля и спешившегося в знак отказа от агрессивных действий. Когда я подъехал к противнику, картина приняла мирный характер. Оказалось, что это были или монголы, или панаги, вооружённые рогатыми ружьями (с козлами-рогатками), принявшие нас будто бы за разбойников. <...> Воины имели довольно дикий вид, полуобнажённые, с косами и частью выбритыми головами; все, даже очень молодые, курили длинные монгольские трубки. Кроме ружей, была длинная пика, знак объявляемой

ими войны, символизирующая здесь военный поход. Из их слов можно было понять, что они знали заблаговременно о нашем продвижении и будто бы, подумав, что мы разбойники, оповестили силы о вооружённом походе. Сегодня должны собраться около шестидесяти их союзников. Отъехав от нас, эти люди подождали наш верблюжий караван и только тогда окончательно взвесили наши силы и, видимо, убедились, что мы действительно идём посольством к Далай-Ламе, как мы им сказали».

ТИБЕТ

Н.К. Рерих. Твердыня духа. 1932.

14 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«14 сентября. Тибет встретил нас белым хадаком: перед Найчжи--Дабаном пошёл снег, и за перевалом в узкой межхребтовой долине всё было покрыто толстым слоем снега.

Перевал в Тибетских горах. (Современное фото)

Остановились после 7 часов пути в высокой горной долине между хребтами Гурбун-Найчжи и Марко Поло, в местности, называемой Кангар--Дакчин, т.е. «Снежная Обитель». И, действительно, снега здесь было много... Сегодня я шёл с караваном верблюдов; дорога на перевал была очень крута и трудна для животных; грузы постоянно падали, приходилось перевьючивать,

и в результате я с двумя эшелонами верблюдов отстал на два часа от остального каравана.

«Когда мы уже почти поднялись на перевал, из бокового ущелья навстречу нам выехало 5 всадников с ружьями за плечами - это были опять те же монголы. Всадники, поднявшись на перевал, слезли с коней и, собравшись в группу, стали о чём-то переговариваться между собой. Не желая подвергать караван опасности нападения, я подъехал на близкое расстояние к монголам, спешился и, взяв карабин наизготовку, ждал, пока наши верблюды поднимутся на перевал. Когда все верблюды прошли перевал и стали спускаться в долину, монголы сели на лошадей и уехали в восточном направлении; тогда и я сел на своего коня и поехал вслед каравану.

«Когда мы спустились в долину Кангар-Дакчин, там бушевала снежная гроза: гремел гром и шёл мокрый снег. Было холодно».

15 сентября 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«15/IX. <...> Ночь холодная, вода в кувшине замёрзла. Ночью приходил медведь, но был отогнан собаками; на снегу вблизи палаток большие следы. Ночью, по словам Г., монголы во сне стонали. Встали в 6ч. утра. У монголов Церинга и Дорджи носовое кровотечение, получили гидрастис - кровоостанавливающее. У некоторых чувство быстрой утомляемости при ходьбе и задышка. У Чимпы головная боль. Вчера монголы съели много мяса яка. В Ладакхе люди хорошо знают, что на высотах нельзя много есть, в особенности мяса, как повышающего кровяное давление, что может вызвать при всех других благоприятных для этого условиях - сердечной слабости и разреженном воздухе высот — кровотечение. Весь путь на перевалах в Ладакхе отмечается следами крови на снегу. <...>

«Высота нашей стоянки не менее 14.000 футов. Наши люди плохо верят тому, что им говорят, в особенности в отношении ограничения еды на высотах; едой и чаем положительно злоупотребляют; упорно стоят на своём суеверии об «угаре» на перевалах, несмотря на все разъяснения, что это не угар, который бывает в юртах, а горная болезнь от разреженного воздуха на высотах, физической работы и переедания, хотя и проявляется во многом так же, как и отравление угаром, т.е. головной болью, сердцебиением и рвотой. <...>

«Погрузка вещей шла медленно и неохотно, так как большинство монголов, видимо, чувствовали недомогание в более или менее ясной степени после вчерашней трапезы и выкуренных трубок китайского табака, и это на высоте 14.000 футов! Наконец, в 12 ч. 25 м. тронулись через песчаную долину к горному проходу через хребет Марко Поло. И горы, и долина - всё в снегу. Утром видели двух больших медведей, доедавших в долине остатки яка. Шли, всё время поднимаясь по горному проходу вдоль речки, много раз переходя её, пока не достигли перевала Ангар-дакчин, названного так по имени близлежащей самой высокой снеговой вершины хребта Марко Поло или хребта Ангар-дакчин. Высота перевала 15.300 футов. В долину спустились футов на 400, где и остановились у скудной травы и ручья в 5 ч. 30 м. пополудни. Погода прохладная».

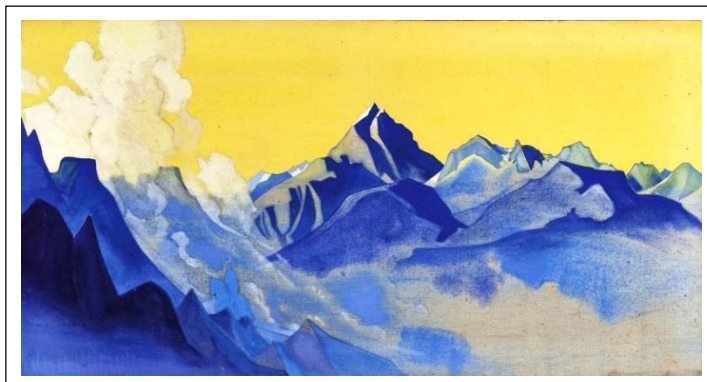

Горная цепь Кукушили. (Современное фото).

16 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«16 сентября. Спустились в долину реки Чумар, остановились после пяти часов пути. Перед нами горная цепь Кукушили. Быть может, это и есть Кокуши старовойской легенды о счастливом царстве Беловодье, куда дорога ведёт «через Кокуши на Богогорше и затем по самому Ергору». И тогда легенда становится былью. И самое название «беловодье» так подходит соляным озёрам Чантанга. Ночью была снежная метель, в отдалении глухо раздавались громовые раскаты и ослепительно сверкала молния».

Н.К. Рерих. «По Ергору едет всадник». 1927.

17-19 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«17 сентября. Прошли 6 часов до предгорий хребта Кукушили. Завтра будем стоять день по просьбе Чимпы, который хочет составить завещание на случай своей смерти. Идёт мокрый снег. Тепло.

«18 сентября. Стоим день у небольшого солёного озера. Ю.Н. составил для Чимпы завещание, написанное по-тибетски и по-английски.

«19 сентября. Перешли Кукушили. Вследствие общей высокой местности, хребет Кукушили невелик. Хребет в этой своей части представляет ряд мягких холмов, покрытых травой и лишайником. У подножия одного из таких

холмов расположился наш лагерь, на берегу горного ручья. Вблизи лагеря на горных скатах бродят стада диких яков».

Хребет Кукушили. (Современное фото)

20 сентября 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«20/IX. <...> «Ночь холодная; с вечера и до 1 ч. ночи дул порывистый холодный ветер. Всю ночь до утра на горах бродили и грызлись волки. Встали в 3 ч. ночи. Вышли в 7 ч. 35 м. утра по направлению хребта Думбуре с многочисленными и высокими снежными вершинами, напоминающими пирамиды.

«Дорога всё время шла по песчаной холмистой местности, пересечённой двумя речками, со скудной травой. В 12 ч. 20 м. дня остановились у небольшой, почти высохшей речки. Лама Бухаев чувствует себя сегодня после холодных компрессов, покоя, жаропонижающего и слабительного лучше. Чимпа, видимо, ни ночью, ни рано утром не курил, так как пульс вполне удовлетворителен.

«Н.К., глубоко всем интересующийся, сегодня спрашивал меня о зависимости доз медикаментов от высоты местности и климата. Зависимость эта для большинства внутренних средств, несомненно, существует; на эту разницу дозировки в низинах и на высотах, в жарком, умеренном и холодном климатах следовало бы обратить внимание в соответствующих дисциплинах. Разница между Турфаном (ниже на 960 футов уровня моря) и перевалом Каракорум (высота 18.900 футов) должна, несомненно, сказаться. В караване прибавляется количество больных животных с набитыми или стёртыми спинами - сегодня шло двенадцать негружёных мулов и лошадей. 16 сентября прикупили у ламы, присоединившегося к нам, четырёх лошадей - одну за сорок пять янчан, остальных по тридцати пяти».

21 сентября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«21.IX. <...> Прекрасно солнечное утро. Яркие краски и ослепителен свет. Вокруг торжественная прозрачная тишина, которую не может себе представить тот, кто не побывал в пустынях. Но вот на озерке закричали проснувшиеся турпаны, а за ними защебетали какие-то птички. Мы огибаем цепь песчаных барханов с совершенно темными тенями у водоемов, прильнувших к их скатам. Н.К.Р. обращает мое внимание на то, что здесь нет ни животных, ни насекомых... но тучны пожелтевшие пастбища. Везде в изобилии вода. Зеркально блестит она в озерах, чернеет в водоемах, закрытых тенью холмов. Но

нет ничего живого на этой гибельной, нездоровой части Чантанга. Особенностью её являются ядовитые газы, отравляющие воздух и делающие долгое пребывание здесь совершенно невозможным.

«Мы идём путём, по которому редко проходят люди и на котором ещё никогда не встречались европейские экспедиции. Этими местами прошёл Далай-Лама в 1904 году. Наши лошади и верблюды вязнут в болоте, чуть прикрытом лёгким слоем песка. Они тяжело ступают и с трудом вытягивают ноги из грязи. Идём без дорог, держа направление на красно-лиловые холмы предгорий Думбуре. На пути лежат высохшие реки, и по их сырости видно, что вода только что спала. Переходим реку Кончак-Улан-Мурен. Воды в ней мало. За рекой в трех группах, соединенных холмами, поднимаются горы со снеговыми вершинами. Вокруг пруды с вытекающими из них ручейками. Их зеркальная поверхность отражает голубое небо. Простор велик и расстояние до гор ещё очень далёкое.

«Странное явление. На зелени дальнего луга вырисовывается белая палатка. Палатка в пустыне, и притом - белая. Спятся предположения, каждый высказывает своё мнение: тибетский военный пост, разбойники, остановившиеся в ожидании добычи, купцы на отдыхе... Но палатки, насколько мы знаем, в Тибете чёрные. Передний дозор снимает ружья... Бинокли дают новые данные. Это, скорее, глыба льда или снега - но опять что-то странное - слишком тепло. Мы теряемся в догадках. <...>

«Загадка странного белого предмета разъясняется. Это заглохший гейзер с отложениями глауберовой соли, как определяет доктор белую солеобразную массу, покрывающую поверхность гейзера. <...>

Через полчаса становимся лагерем в ближайших предгорьях».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«За Ангар-Дакчином - Кокушили, те самые Кокушили, которые знают ставеры на Алтае, эти искатели Беловодья. Тут уже недалеко заповедные границы. Счастливо минуем реки. Ни весной, ни летом их не перейти верхом. Но сейчас, осенью, вода не выше стремян, и только две лошади завязли. Даже Голубая река с её быстрым течением не явилась препятствием.

«Ждём тибетские посты. Почему их нет? Что-то забелело вдаль... Снег? Но нигде кругом снега нет... Шатёр? Но это нечто слишком большое. Оказалось, гигантский гейзер глауберовой соли. Белоснежная, сверкающая на солнце глыба - уже заповедная граница».

22-24 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«22 сентября. Стоим у перевала Думбуре-Хутул на берегу небольшой речки Бюре-Гол. Сегодня на дороге бросили одного мула и одного верблюда, т.к. они не могли идти дальше. Вчера бросили лошадь. Вчера стояли вблизи соляного гейзера - большой кратер глауберовой соли до 2 1/2 метров высоты и около 2 метров в поперечнике; на дне кратера бурлит вода, насыщенная солью. По желанию Н.К. я сфотографировал этот гейзер с двух сторон. Уже второй день ожидаем встречи с тибетскими военными постами, которые должны находиться в районе хребта Думбуре. Н.К. вспоминал сегодня о тех огромных пространствах земной поверхности, покрытых песком, которые ему пришлось

видеть за время своих путешествий. Н.К. называет это «омертвением планеты».

«24 сентября. Прошли Думбуре и хребет Цаган-Обо, спустились к озеру Олун-Нор. После Цаган-Обо на горизонте всё время были видны горы Буха-Магнай и северные отроги хребта Тангла.

Тангла. (Фотография экспедиции)

«Подходя к озеру, увидели первый тибетский пограничный пост. Пост состоял из 10-ти чинов местной милиции. При нашем приближении с поста был отправлен всадник в направлении юго-востока. Как потом выяснилось, он был послан на соседний пост, где находился десятник, прибывший к нам в тот же день вечером. Н.К. переслал десятнику визитную карточку и письмо, адресованное начальнику пограничной стражи. Письмо будет отправлено в Нагчу завтра и через 3 дня уже будет на месте: гонцы отправляются по уртонам.

Десятник сообщил, между прочим, что в Нагчу ожидают пропуска какие-то 4 иностранца, прибывшие из Синина».

24 сентября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

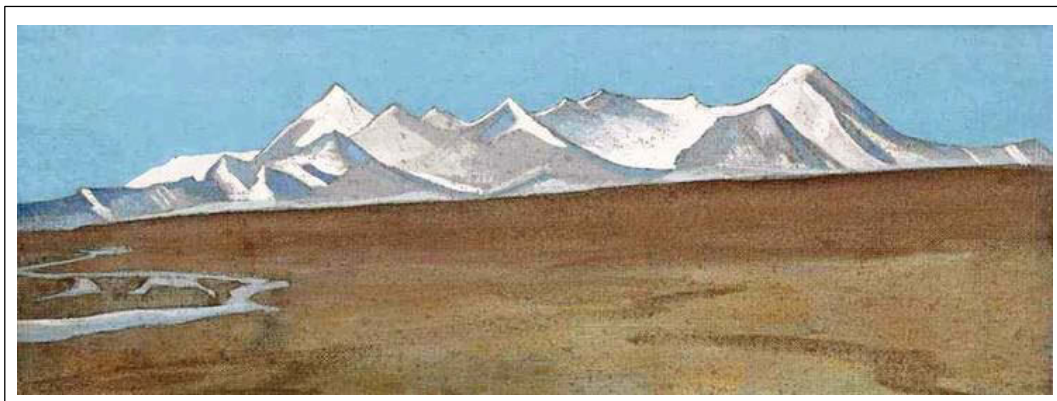
«24.IX. Ночь была очень холодная. Вода в кувшинах промёрзла до дна. Сегодня встаём позднее обыкновенного. Отблеск зари уже над горами. Розовое, голубое, потом тёмно-синее небо, и незаметно сменяются его оттенки, переходя друг в друга. Встаёт солнце. <...>

«Сегодня люди быстро свёртывают палатки, вьют транспорт и седлают лошадей. Уже в 7 часов утра мы в движении и проходим одиночную скалу, похожую на обелиск. Ручьи промёрзли тоже до дна, и собаки пробуют лапами «твёрдую воду» и с осторожностью перебираются через лёд, так как в первый раз в жизни встречаются с таким чудом — водой, по которой можно ходить.

<..> «На равнине пасётся несколько диких яков, вдали маячит стадо куланов. Вот картина местности северного Тибета, через который мы идём 24 сентября в залитом солнцем, но уже прохладном утре. Переходим реку Чучум-Гол и входим на территорию системы озёр с наибольшим - Олун-Нор. Это монгольское название.

Через несколько часов пути проходим ещё одну безводную реку, не обозначенную на карте, и перед нами уже совершенно ясно поднимаются предгорья Тангла.

Н.К. Рерих. Тангла. 1928.

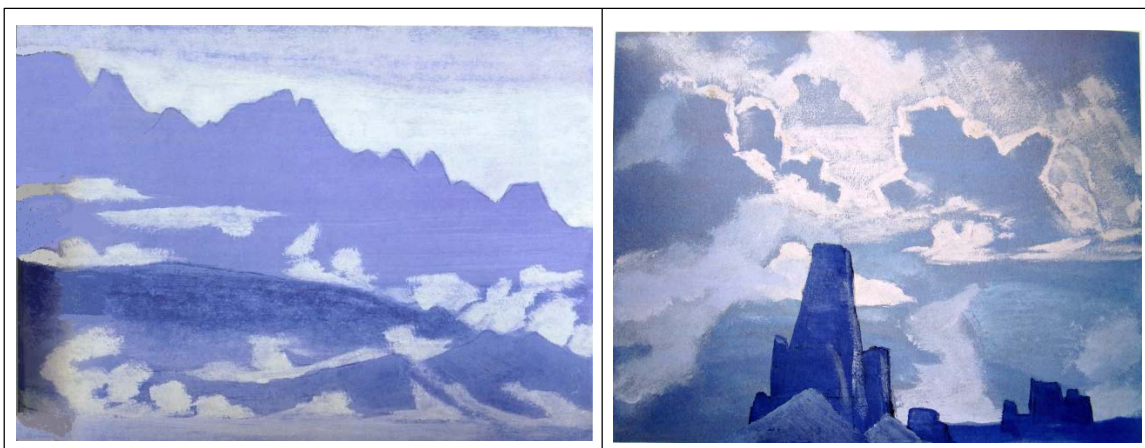
«По словам Кончока, где-то здесь стоит первый тибетский кордон. Несколько раз всматриваемся мы вдаль, надеясь увидеть настоящих тибетцев... но все ошибки. То кулан, принятый за всадника, то камни, похожие на палатки. Наконец, зоркие монголы указывают на самый горизонт: «Дым», — говорят они. Бинокли подтверждают наблюдение. Совершенно ясно виден дым, поднимающийся тонкой струйкой к небу. Пройдя несколько километров, ясно различаем чёрную палатку, костёр и несколько человеческих фигур вокруг него. Возможно, солдаты, но не исключено, что это могут быть и разбойники.

«Караван останавливается, и передний дозор с нашим тибетцем во главе двигается по направлению к замеченной группе у костра. Н.К.Р. выезжает на ближний холм и всматривается в направлении группы. Следует отметить, что Н.К.Р. редко пользуется биноклем, соперничая в остроте зрения с монголами. Видно, как от палатки, откуда нас тоже заметили, скачет конник в горы. Очевидно, военное донесение или весть разбойничьему племени о подходе большого каравана. Мы стоим в группе за Н.К.Р. На пике монгола полощется в ветерке флаг. Точно штаб отряда в характерном затишье перед первым выстрелом. Переговариваемся между собой. От дозора, подошедшего почти вплотную к чёрной палатке, отделяется всадник и скачет назад, а дозор скрывается за скалой.

«Наконец, подскакивает Таши и докладывает, что перед нами военный тибетский пост. За Таши подъезжает к пришедшему в движение каравану Кончок. Всё благополучно. Он самолично был уже на посту. Это тибетские милиционеры, старшина которых уже послал сообщить о нашем прибытии начальству, которое скоро прибудет. Мы на фактической границе Тибета и должны выполнить некоторые пограничные формальности.

«По распоряжению Н.К.Р. ставим лагерь на берегу маленького озера против тибетского поста, стоящего на его другой стороне, и ждём дальнейших событий. <...>

«Поздно вечером прибывает начальник пограничного района. Он разрешает переход границы, а тибетский паспорт экспедиции и письмо губернатору Нагчу берёт для немедленной отправки по назначению. Приходят и несколько милиционеров с поста поглазеть на европейцев».

Слева: Н.К. Рерих. Вблизи от Китайской границы. Тибет. 1928.
Справа: Тибетские развалины от Китайского нашествия. 1928.

25 сентября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«25.IX. В 8 часов утра экспедиция Н.К.Р. переходит государственную границу Тибета. Спускаемся в долину. Через дорогу проскакивает стадо антилоп с большими узловатыми рогами - похожих на африканских гну. Блестят озёра в зелёно-жёлтых берегах лугов. Горы и проход, через который мы вошли в Тибет, отражаются в спокойных водах, как картины. Становится теплее и легче дышится. Окружающие возвышенности и дальние снеговые горы в лиловых и голубых тонах. Идём прямо на юг».

25-26 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«25 сентября. Перешли гряду невысоких холмов и, переправившись через Тохтомай-Улан-Мурен, остановились перед хребтом Буха-Магнай. Прошли всего 6 часов. Новых постов не встретили. Н.К. проводит любопытную параллель между отношением к прибывающим иностранцам со стороны китайской пограничной стражи и тибетской. Насколько чины первой назойливы и нетерпимы, настолько вторая поражает своей скромностью и вежливостью.

«Вчера начальником поста была составлена со слов Ю.Н. опись количества людей и животных нашего каравана. Опись эта посылается вместе с донесением в Нагчу».

«26 сентября. Предполагали дойти до Дречу, но переход вышел слишком длинен. Е.И. чувствовала себя нездоровой после вчерашней простуды, потому сделали остановку после 6 1/2 ч. пути, не дойдя до Дречу. По дороге встречалось много диких животных, особенно антилоп, подходивших совсем близко к нашему каравану. По-видимому, местные жители совсем не охотятся на них. По этому поводу Н.К. сделал интересное замечание о том, насколько глубоко проникли заветы Будды в сознание даже таких малокультурных племён Тибетского нагорья, как местные хорпа».

27 сентября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«27.IX. Всё небо в разноосвещенных восходом облаках. Недалеко от лагеря у подножия горы точно спит густого прекрасного серого цвета облако. Снега Тангла розовеют по хребту и скоро окутываются облаками, через которые сверкают местами в лучах солнца ледники, ослепительно ярко. Идём холмами, потом мокрым лугом с осенней травой. Небо очищается от туч, и Тангла становится весь виден, эффектно выделяясь в синеве неба грядой своих снеговых вершин. Наконец перед нами Янцзы-Кианг».

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«27 сентября. Прошли 6 часов. По дороге пал ещё один мул. Дречу перешли благополучно: вода была низкая. Остановились лагерем у одного из северных отрогов хребта Тангла. Днём шёл снег с сильным ветром».

28 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«28 сентября. Атак-Хапчигай. Дорога идёт через невысокие холмы северных отрогов Тангла. На восток и на запад более высокие вершины покрыты снегом. Далеко на востоке особняком стоит двойная вершина горы Дорчже. Перед первым горным проходом с северо-востока подошла на слияние сининская караванная дорога; у этого места видели огромного чёрного медведя со светло рыжей шерстью на голове и шее. Медведь завтракал, разгребая лапами норки и доставая сусликов.

«Сегодня с утра сильный холодный ветер со стороны Тангла. Несмотря на холод, Н.К. едет в кожаном пальто, одетом поверх шерстяного свитера. Вечером - снежная гроза.

«Далеко на востоке особняком стоит двойная вершина горы Дорчже...»

Н.К. Рерих. Гора. 1928-29.

30 сентября 1927 г.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«30 сентября. Продолжаем подниматься к перевалу. В ночь на вчера выпал большой снег и лежит до сих пор, несмотря на жаркое солнце. Солнечные лучи, отражённые снегом, слепили глаза и обжигали кожу на лицах; за вчерашний день все загорели, точно под июльским солнцем. У Н.К. заболели глаза, и сегодня он ехал в очках. Наши проводники потеряли дорогу, и нам при-

шлось заночевать в горах вблизи айлов племени хорпа. От этих хорпа мы узнали правильную дорогу на перевал: завтра придётся вернуться обратно часа на два пути до настоящей дороги. Местный абориген, которого привёл к нам в лагерь Ю.Н., обещал завтра проводить нас до перевала. Он же сообщил, что за перевалом стоит в настоящее время батальон регулярных тибетских солдат, возвращающихся из Кама.

«Вчера и сегодня наши ламы всячески стараются убедить нас остановиться перед перевалом на несколько дней. Причины подобных просьб не совсем ясны, вероятнее всего, - общая усталость от пройденного большого пути».

ОКТЯБРЬ

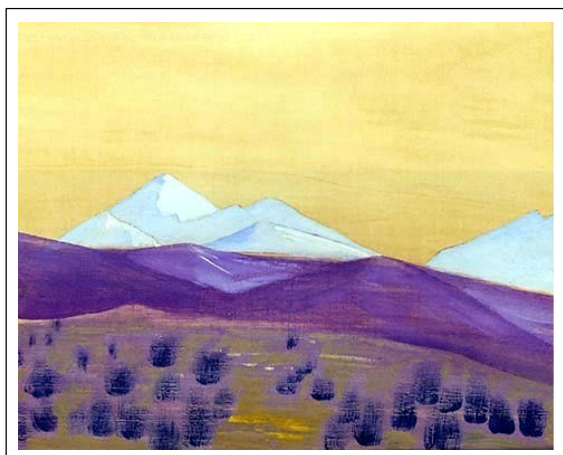
1 октября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«1.X. Ночью крик и шум голосов. Оказывается, верблюд обрушился на палатку доктора. В шесть часов утра -6° С.

«К выходу каравана все появляются, одетые по-зимнему. Н.К.Р. в американской брезентовой шубе, тёплых фильцевых сапогах и шапке, напоминающей шлем с меховыми наушниками. Я в авиаторской шапке, шубе и очень тёплых фильцевых сапогах. Винтовка, револьвер и бинокль дополняют наряд. Это одежда и вооружение большинства. С солнечными или снеговыми очками мы не расстаемся.

«Всходит солнце, и под его лучами облака окрашиваются в целую симфонию красок. Уходя, опять оставляем верблюда и двух мулов».

Н.К. Рерих. Перевал Тангла. 1928.

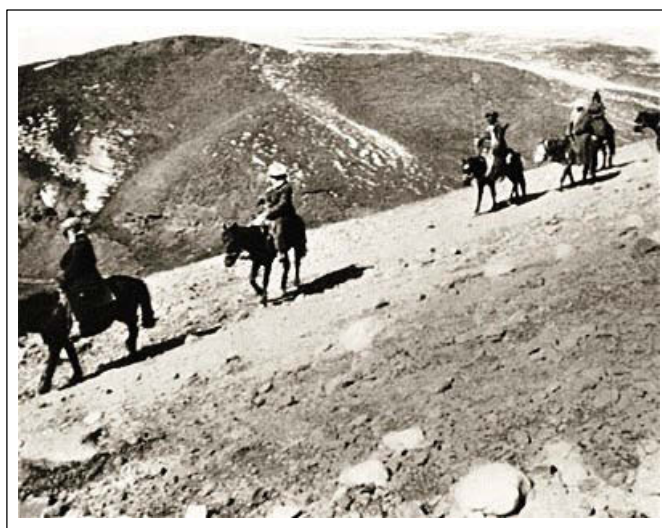
2 октября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«2 октября мы направились к перевалу Тангла. Начали движение, как обычно, рано, с рассветом. Лёгкий туман парил по вершинам, и лучи солнца рассеивались в его пелене. Холод был интенсивен, и твёрдая промёрзшая земля отдавалась эхом под копытами животных. <...> Тропа часто пересекала ручей, но потом вышла на широкое плато. Непроницаемый туман окутывал

местность и нависал над плоскогорьем. Дорога была лёгкой, и несколько хорошо наезженных параллельных троп указывали, что мы идём правильно по дороге на Тангла.

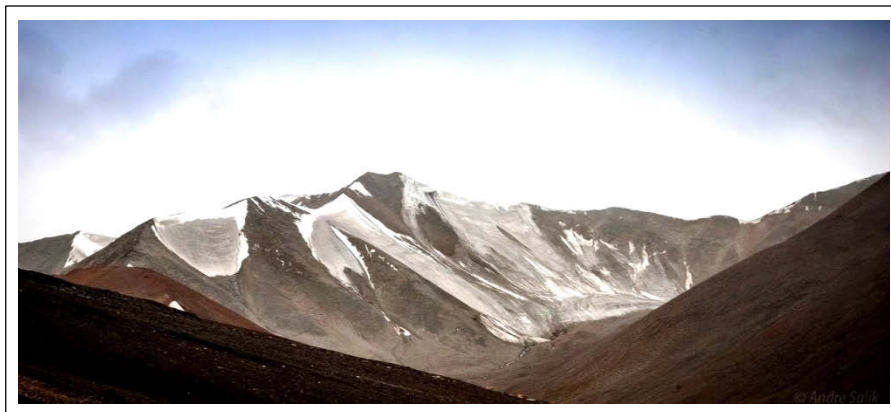

Экспедиция Н.К. Рериха на перевале Тангла. Тибет. 1927.
(Фотография экспедиции)

«После двухчасового перехода мы поднялись на низкую седловину, не обозначенную на существующих картах региона. Вершина её была увенчана каменной пирамидой с несколькими флагштоками и развевающимися на них разноцветными кусочками ткани. Спуск привёл нас в широкую горную долину юго-западнее седловины. Окружающий ландшафт по своей суровости был арктическим. Всюду поднимались высокие снежные пики, которые ясно выделялись в морозном разреженном воздухе. Несколько соляных озер виднелись к юго-востоку от дороги. Тропа шла на юго-запад и пересекала другой низкий хребет, увенчанный восемью каменными пирамидами. Мы разбили лагерь после двадцатидвухмильного высокогорного перехода. Пастбища были сравнительно хороши, но холод был интенсивен. Морозный день сменился ясной, но очень холодной ночью, и часовые замерзали в тяжёлых меховых тулупах».

Н.К. Рерих. Тангла. 1928.

Перевал Тангла. (Современное фото)

3-4 октября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Следующим утром мы пошли в половине шестого. Воздух был очень прозрачен. Весь горный хребет Тангла был ясно виден, и его белые искрящиеся контуры поднимались высоко над хаосом горной страны, которая простиралась вокруг него. Мы следовали поднимающейся равниной. Позади низкого отрога мы обнаружили несколько чёрных палаток кочевников с лохматыми лошадьми, стоящими поблизости. Это была застава милиции, но никто не вышел, чтобы спросить нас, кто мы и откуда прибыли. Место казалось пустынным, и только синий дымок, поднимавшийся от палатки, указывал, что она обитаема. <...> День обещал быть тёплым, поверхность земли стала скользкой, и верблюдам было очень тяжело подниматься на перевал. Одного верблюда нам пришлось оставить, а его груз распределить среди других животных.

«Подъём был длинен, но не очень крут. Куланы паслись около тропы и были единственными живыми существами, нарушающими покой большой горной страны. Перевал Тангла считается местом пребывания тридцати трёх богов или небесных жителей, и наши монголы и тибетцы сообщили, что было хорошей приметой пересечь перевал в исключительно погожий день. Среди караванщиков Тибета существует твёрдое убеждение, что всякий раз, когда нежелательное лицо входит в Тибет, пронзительный ветер дует на перевале, и неудачные путешественники замерзают на ледяных склонах горы.

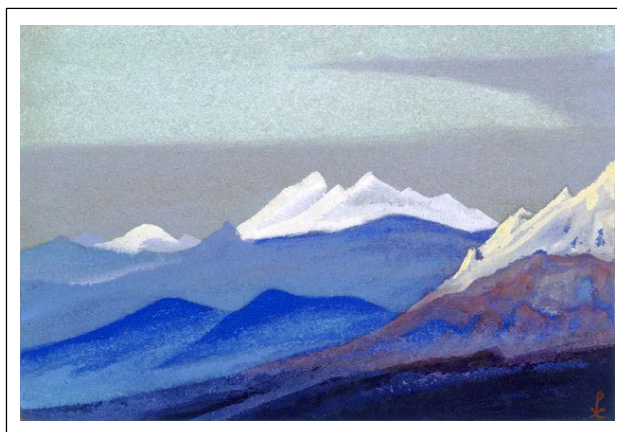
«На следующий день мы вышли поздно. Все были измучены переходом через перевал и тяжёлой горной дорогой. Мы продолжили спуск в речную долину, которая носит местное название Чу-цен-чу, из-за горячих источников и гейзеров, находящихся по берегам. Речная долина представляла собой широкое горное ущелье с низкими круглыми холмами, поднимающимися со всех сторон. Мы пересекли хребет, известный под названием Лам-чунг. <...>

5 октября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«5.X. Разгорается отсвет зари на западе, и небо принимает золотистый оттенок. Точно отрезанная, освещается верхняя часть горы. Потом противоположный берег реки принимает на себя первый луч солнца, скользящий по её серебристой поверхности.

«В 7 часов утра двигаемся в путь. Идём через область гейзеров. Встречаются и недействующие жерла. Сегодня фонтаны бьют выше, и пары стелются в тихом воздухе над рекой. Но ни вчерашнего освещения, ни цвета воды ещё нет. Солнце поднялось недостаточно высоко. Тишина, и в ней лениво плещется река. Вершины гор в снегу и алмазами блестят на солнце».

Н.К. Рерих. Тангла. 1935-1936.

6 октября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«6 октября 1927 г. мы сняли лагерь очень рано, чтобы достигнуть Шенгди до полудня и иметь достаточно времени на покупку продовольствия у местных кочевников. Долина реки, которой мы следовали, расширилась, и на соседних склонах были замечены стойбища кочевников с отарами овец и стадами домашних яков. После семи миль лёгкого пути, мы внезапно заметили группу людей, стоящих на тропе. Они оказались милиционерами, имевшими приказ остановить нас и сообщить верховному комиссару Хора, находящемуся в Чу-на-кхе. <...> Старший по званию, высовывая язык в знак почтения и жестикуюлируя, просил нас задержаться на один день в Шенгди, чтобы они могли доложить о нас верховному комиссару».

6 октября 1927 г.

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай – Гималаи»:

«Точно чёрные пауки на длинных ногах, притаились чёрные палатки тибетцев, подтянутые на длинейших верёвках. Пограничные разъезды отбирают наш паспорт и предлагают стоять два дня, пока они привезут ответ генерала хорчичаба, то есть от главного правителя области Хор и главнокомандующего северным фронтом. Какие цветистые титулы!

«Стоим среди болотистой равнины, поросшей убогой колючей травой. На горизонте виднеется озеро и "умершие" горы. Называют их "умершими", ибо они похожи на настоящее кладбище. Когда-то великие горы, может быть, соперники Эвереста, разрушились, распались мелким щебнем. Глубокие долины заполнились, и получилось нагорье в 15 000 футов (ок. 4600 м), открытое свирепым ветрам. Перед самыми знаменательными местами, перед небесными Гималаями, попадаете в жуткую тундру. Кони скользят и оступаются среди уродливых кочек. Ни птицы, ни зверя.

«Юрий валится в седле и почти падает с коня. Мы подскочили и сняли его с коня. Пульса почти нет. Дали два сильных приёма дигиталиса, растираем руки. Ему становится легче.

«Впереди плохо чувствует себя Елена Ивановна. Из последних сообщают, что лама Малонов упал с коня и лежит без чувств на дороге. Доктор спешит туда. Так неприветливо встречает нас Тибет».

«Пёстрое знамя с покривившимся навершием. Музыка - барабаны и волюнки. Стрельба салюта. В глубине шатра маленькая фигурка генерала в ярко-жёлтом халате. <...> Ласковая речь и опять просьба побыть у него в лагере только два дня».

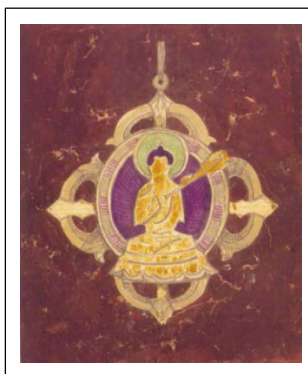
6-9 октября 1927 г. Шинди.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«6 октября. Шингди. Богатое урочище, где пасутся стада в сотни голов яков. Чёрные квадратные палатки местных жителей привлекают общее внимание. По дороге в Шингди, на третьем часу пути, мы были несколько удивлены появлением шести чёрных фигур, спускавшихся, странно покачиваясь и обгоняя друг друга, с ближайших холмов навстречу нашему каравану. Казалось, эти люди были сильно пьяны или несли на себе какой-то тяжёлый груз. Когда мы подъехали ближе, то увидели 6 полуголых людей, вооружённых длинными мечами, с локонами чёрных волос, спускавшимися до плеч. Бараньи шубы, одетые прямо на голое тело, по обычаю были спущены с правого плеча. И шубы, и голые руки были одинаково чёрного цвета от грязи. Один из этих шести был местный старшина, шедший предупредить нас о том, что он должен послать донесение своему начальнику о нашем прибытии, и что поэтому нам придётся подождать день в Шингди, пока это донесение может быть составлено и отправлено.

«Из дальнейшего разговора мы узнали, что сведения о пропуске 4-х иностранцев в Лхасу оказались неверными - иностранцам в пропуске было отказано и им было предложено вернуться обратно в Синин через Кам. Предложение провести день в Шингди не совсем удобно для нас, хотя, с другой стороны, это даёт нам возможность приобрести новых животных взамен наших уставших.

«Сегодня пал ещё один верблюд. Вечером наш лагерь посетило несколько человек из соседних аилов. <...> Н.К. раздал им отпечатки изображения Будды Всепобеждающего; тибетцы остались очень довольны, узнав, что мы также буддисты».

Н.К. Рерих. Орден Будды Всепобеждающего. 1926. (Эскиз)

«7 октября. Стоим в Шингди. С раннего утра начали собираться гости из соседних аилов; часам к 11 приехал чиновник от командующего войсками восточного района Тибета. Этот командующий, носящий титул хорчичаб, имеет своей постоянной резиденцией Кам, но после нашумевшего ареста монгольского посольства в Лхасе он был переведён с частью регулярных войск в Нагчу. Таким образом, пограничная власть в Нагчу представлена теперь тремя лицами: духовным генерал-губернатором, гражданским генерал-губернатором и командующим военными силами этого района Тибета.

«Часа через два после приезда чиновника от «чичаба» прибыл другой чиновник, уже от гражданского генерал-губернатора. Оба чиновника приступили к осмотру и описи вещей и оружия Миссии; были также переписаны весь личный состав Миссии, количество животных и слуг. Затем чиновники попросили наши фотографические карточки, объясняя это тем, что в транскрибировании наших фамилий на тибетский язык могут вкратиться ошибки. Так как карточки оказались не у всех, мы снялись группой у палатки начальника, и чиновники взяли негативы с собой, обещая проявить и отпечатать их в Лхасе. Из вещей были осмотрены несколько чемоданов и большой яхтан (*деревянный ящик, обитый кожей – ред.*) с танками; танки все были пересмотрены, переписаны и очень одобрены всеми присутствовавшими. После осмотра вещей чиновники прошли по палаткам, производя поверхностный осмотр. Зайдя в мою палатку, они обратили внимание на географическую карту, лежавшую на столе, причём один из них неожиданно попросил меня показать ему район Шамбалы и утвердительно закивал головой, когда я указал ему это место. Вещи Чимпы также были переписаны, и он завтра уезжает в Нагчу. Нам же придётся, вероятно, простоять ещё день в Шингди. Вечером чиновники уехали, взяв с собой нашего проводника-тибетца в качестве представителя от нас. Четверо иностранцев, неудачно добивавшиеся пропуска в Лхасу, были: двое немцев, один американец и один японец. Относительно последнего Н.К. думает, что это был не кто иной, как представитель Яманакки, известного в Америке антиквара, вывезшего в прошлом году из Тун-Хуана целый ряд изображений Будды и других священных предметов буддийского культа, имеющих большую археологическую ценность. Любопытно, что в перечне личного состава Миссии Н.К. помянут чиновниками как «король буддистов»! Это возведение Н.К. в королевское достоинство случается уже четвёртый раз: так, он был принят за французского короля в Дарджилинге, в Индии; потом он был русским королём и королём американским в Синьцзяне, в Китае. Чиновником, присланным командующим войсками, был любезно предоставлен нам наряд местной милиции из пяти человек для охраны нашего каравана».

«8 октября. В ожидании гонца от губернатора занимаемся лечением животных и проверкой груза Миссии. У большинства наших грузовых мулов сильно стёрты спины, отчего образуются кровоточащие гнойные раны, которые приходится время от времени промывать раствором марганцевого калия.

«В 5.45 вечера прибыли два гонца с сообщением о разрешении нам дальнейшего следования до Нагчу. Вчера Н.К. через Ю.Н. обещал приезжавшему чиновнику от командующего войсками подарить этому командующему старинные карманные часы художественной работы, если командующий устроит скорый и почётный проезд в Нагчу, который подобал бы высокому рангу Посла Западных буддистов.

«Приехавший сегодня чиновник передал, что Посла Западных буддистов генерал встретит почётным караулом со знаменем и что генерал просит Посла прибыть поскорее, т.к. он должен на днях уехать обратно в Кам».

«9 октября. Добрались до ставки командующего. Дорога была исключительной трудности: каменистые площадки чередовались с кочками болот на протяжении целых семи часов непрерывного подъёма. Всего в пути было 4 перевала.

«На третьем часу пути достигли первого уртона, где предполагали достать необходимых нам четырёх лошадей; лошадей нам не дали под предлогом, что все лошади взяты на правительственную службу. По дороге у больших озёр встречались стада домашних яков и видны были квадратные чёрные палатки тибетцев, похожие издали на сложенные штабели каменного угля. Тибетец-пастух вооружён мечом и пращей, с помощью которой он перегоняет стадо с места на место. На последнем перевале Ю.Н., чувствующий себя плохо ещё утром, совсем ослаб и принуждён был сойти с коня и лечь, доктор нашёл у него очень слабый пульс, грозивший параличом сердца. После продолжительного отдыха и приёма сердечных капель Ю.Н. был доставлен на место стоянки каравана, где была уже приготовлена для него палатка».

9 октября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Из-за приступа горной болезни я чуть не упал с лошади на перевале Кам-ронг. Пульс едва прощупывался, но я не терял сознания и услышал, как доктор сказал: "Он умирает". Через два часа я пришёл в себя, но едва держался на ногах. Доктор дал мне большую дозу лекарства, стимулирующего деятельность сердца, и я смог поехать в лагерь, расположившийся в долине Чу-на-кхе. Один из монголов также свалился с лошади, и ему помогли добраться до лагеря. Местное население, очевидно, прослышало об экспедиции, и вскоре на территории лагеря собралась толпа, в которой было и несколько лхасских торговцев».

9-10 октября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«9.X. Холодная ночь и холодное утро. <...>. Уже в 7 часов утра мы в пути, сопровождаемые присланными офицерами. Ввиду нашего нахождения на государственной территории и такого солидного сопровождения - мы снимаем оружие и идём налегке, имея при себе только револьверы».

«10.X. <...> С вечера Н.К.Р. получил приглашение от генерала пожаловать к нему в ставку. <...> «Около 10 часов утра наша кавалькада направилась к ставке хорчичаба. Впереди Ламаджан с флагом на копье, потом Н.К.Р., а за ним Ю.Н. и я. Нас сопровождают торгоуты. По обычаю, мы без оружия, дабы показать доверие и не оскорбить хозяина. В последнюю минуту, ввиду нездоровья Ю[рия] Н[иколаевича], Н.К.Р. просит доктора присоединиться к нам. Оказывается, ставка не так близко, как казалось, - километров 8 по убийственной кочковатой местности без тропы. На полдороги Ю.Н. опять чувствует себя дурно. Его снимают с лошади и кладут на землю. Он в полуобмороке. Амбула с камфарой сразу улучшает положение больного. Подъезжает тибетский чиновник из ставки. Ему объясняют, что Н.К.Р. поедет к генералу и, не имея возможно-

сти говорить с хорчичабом без Ю.Н., который не может ехать дальше, передав хадак, вернётся обратно и просит, чтобы для переговоров были высланы в наш лагерь доверенные офицеры. Садимся на лошадей. Опять впереди флаг, потом Н.К.Р. со мной и торгоут позади. Не доезжаем шагов трёхсот до ставки, около которой на мачте развевается большой флаг, - нас знаками просят слезть. После этого начинается невероятная путаница. Ни мы не понимаем тибетцев - ни они нас.

«Так стоим мы с Н.К.Р. на луговой кочке, а вокруг тесным кольцом обступили нас жители айла, около которого расположена ставка. Несмотря на открытое небо - становится трудно дышать от тяжёлого, дурно пахнущего воздуха, заражённого толпой. Особенно это тяжело нам, так привыкшим к идеально чистому воздуху пустынь. Подходят какие-то чины, судя по серьгам в ушах. Что-то объясняют, о чём-то говорят. И мы стараемся объяснить им, что не хотим ждать и, передав хадак, желаем вернуться обратно к себе. Нам отвечают недоумевающие взгляды. Н.К.Р. хочет подойти к лошадям - но нас не пускают, вежливо, но категорично загораживая дорогу. В довершение всего приносят часы и начинается счёт на пальцах. По этому счёту выходит, что генерал примет нас в 5 - тогда как теперь только около одиннадцати. Видно, что Н.К.Р. немного раздражён происходящим, но замечает, что единственное наше оружие - спокойствие и терпение. И действительно - что можем мы сделать без языка. Как объяснить, что мы хотим уехать и приехать на другой день? Приносят какие-то круглые подушки и просят на них сесть. Чиновники уходят. Опять сдвигается вокруг толпа, уже немного привыкшая к нам. Видно, что делаются какие-то замечания по нашему адресу. <...>

«Так проходит чуть ли не полтора часа. Наконец, подходит солдат в хаки с толстой косой из-под какого-то странного головного убора. Опять пробую объяснить и ему, что мы хотим видеть генерала или уехать. Выслушав, он раздвигает толпу и просит идти за ним. Подходят и чиновники. Наш флаг свёрнут. Тибетцы знаками просят развернуть его. У входа в ставку поставлены часовые и, надо сказать, довольно печального вида. Недружно вскидывают они свои ружья и делают при нашем приближении какой-то ружейный приём. На мачте громадный флаг. Из середины его расходятся вверх синие и красные лучи, а нижняя часть не то размалевана облаками, не то цветами. Мачту, а может быть, просто длинное древко - венчает железный трезубец, согнувшийся набок. Народ густыми шпалерами теснится по пути, по которому идём мы с Н.К.Р. в предшестве нашего флага. Н.К.Р. распоряжается его оставить около генеральского знамени.

«Входим в небольшой, чисто выметенный дворик, обложенный довольно высокими стенками из дёрна. В его глубине большая палатка, и в её полутьме виднеется что-то яркое - чего нельзя разобрать. Сопровождающие чиновники просят Н.К.Р. войти. За ним вхожу я, и с яркого солнца только вижу что-то жёлтое на возвышении. Глаза привыкают к полутьме, и из жёлтого вырисовывается кланяющаяся голова и рука, указывающая на тахту. Н.К.Р. отвечает на поклон. Его примеру следую и я. Потом мы садимся. <...>

«Один из приближённых генерала узнаёт Н.К.Р. и Е.И. - он их видел в Дарджилинге, где о них шла слава, как о людях, так хорошо понимающих буддизм и благожелательно относящихся к тибетцам и ламам. Это сведение удваивает любезности хозяина, и беседа переходит на вопросы буддизма. Потом касается священной Шамбалы. Не забыты и деловые вопросы о нашем про-

движении. Генерал приказывает написать распоряжение о нашем пропуске губернаторам в Нагчу, оказывается, их два, и обещает дать чиновников для сопровождения нас. <...>

«В удобный момент Н.К.Р. передаёт генералу завёрнутый в хадак подарок. Это прекрасные золотые часы с инкрустированными на эмалированной крышке букетами роз и мелким жемчугом. <...> Он благодарит и кладёт подарок, не развёртывая хадака, на стол рядом с томпаковой дрянью рыночного производства - своими собственными часами. Один из офицеров тут же пишет распоряжение, и генерал, внимательно просмотрев его, прикладывает свою печать».

Тибетские солдаты, приставленные охранять лагерь экспедиции.
(Илл. из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»)

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Генерал Капшепа принял подарок и через два дня скрылся. И вместо обещанного продвижения мы остались на открытой равнине под присмотром пяти солдат и вечно пьяного майора. Начались тягостные попытки посылать письма и телеграммы Далай-Ламе, британскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли и американскому консулу в Калькутту. Но всё тщетно. Уверяют, что телеграф разрушен, и Лхаса не нуждается более в этом западном изобретении. Вместо помощи майор мешает покупать пищу в соседних аилах, препятствует переговорам с проходящим караваном и безбожно обсчитывает на размене китайских долларов. Доктор пророчествует о грядущих смертельных заболеваниях при крепнущих морозах».

10 – 11 октября 1927 г.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«10 октября. Утром Ю.Н. стало лучше, и он с Н.К. и Н.В.[Кордашевским] поехал к командующему в ставку. По дороге с Ю.Н. опять случился припадок, принудивший его остановиться в поле на попечении доктора, тогда как остальные с Н.К. отправились дальше. Я оставался в лагере, наблюдая в бинокль процессию отъезжавших. Видя, что с Ю.Н. случился припадок, я сообщил об этом Е.И., и она тотчас же велела приготовить себе лошадь, чтобы отправиться к нему. Не дожидаясь, пока лошадь будет приведена из табуна и оседлана, Е.И. пошла вперёд пешком, успев пройти половину расстояния, когда нас догнал конюх с лошадьми. Ю.Н. мы застали уже на ногах, собиравшимся про-

должать путь в ставку командующего, но Е.И. решительно воспротивилась этому, настаивая на том, что Ю.Н. ещё необходимо отдохнуть и успокоиться».

«11 октября. Перенесли наш лагерь к ставке командующего. В 2 ч. дня приехал проводник-тибетец, отправленный ещё из Шингди в Нагчу с чиновником губернатора. Он сообщил Н.К., что губернаторами был послан о нас запрос в Лхасу два дня тому назад. Как только лагерь был устроен, Ю.Н. через меня передал генералу записку с извещением о нашем прибытии, на что генерал ответил приглашением к себе, если позволит здоровье Ю.Н. К командующему поехали Н.К., Ю.Н. и доктор. Генерал был очень любезен, возмущался поведением губернаторов Нагчу, создающим лишнюю волокиту с пропуском нашего каравана, и при Н.К. составил и отправил губернаторам письмо с приказанием прибыть обоим завтра к нему в ставку. Вечером в военном стане было краткое служение: гудели священные раковины и туземные рожки мелодично переливались на фоне мягкого баритона барабана. После служения горнист сыграл вечернюю зорю».

11 октября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«11/X. <...> Встали в 8 ч. утра и после лёгкого завтрака начали, не торопясь, собираться к выступлению - ближе к ставке. Прибыли к 2 ч. дня и остановились немного далее ставки вверх по небольшой речке. Нас тотчас же окружили многочисленные хоры всех возрастов, вскоре пришедшие к моей палатке и любезно начавшие высовывать мне языки, что считается выражением высшей преданности и почтения. П.К. повёз в ставку письмо с извещением о нашем прибытии на новое место стоянки и просьбой о дальнейшем досмотре вещей для скорейшего пропуска далее. Вскоре пришёл ответ от главнокомандующего с просьбой приехать к нему для переговоров.

«Приходивший к Ю.Н. секретарь генерала уже сообщил нам, что рано утром было получено какое-то письмо из Нагчу. Собрались Н.К., Ю.Н. и я. Приняты были в ставке очень любезно, в домашней обстановке. <...>

«Вскоре пришли трое его секретарей <...>. Предложен был чай и дастархан. После обмена любезностями генерал сообщил, что им получено письмо из Нагчу, из которого ясно, что гражданский и духовный губернаторы не решаются принять на себя ответственность в том, чтобы пропустить нас вперёд, ввиду существующего категорического указа Далай-Ламы о запрещении въезда иностранцам, а потому просят главнокомандующего как старшего по рангу дать это разрешение от себя.

«Главнокомандующий решился на совершенно необычный шаг - немедленно вызвать обоих губернаторов в ставку, и при нас было продиктовано секретарям письмо в Нагчу, в котором сообщалось, что

«Великий Посол Западных Буддистов Рета-Ригден (тибетское имя Н.К.) изъявил согласие обождать ещё сутки, а потому обоим губернаторам предлагается немедленно прибыть в ставку Главнокомандующего Востоком Тибета».

«Письмо было отослано при нас с гонцом на лучшей лошади. Назавтра генерал обещал быть у нас к 12 ч. дня, причём предварительно сверил своё время с моими часами.

«Чимпа остановился вчера особым лагерем, не доезжая версты до нашей стоянки. Он думает, видимо, что далее нас не пропустят, и потому решил провать с нами связь. Пробовал даже задержать данных ему нами для проезда и провоза груза четырёх верблюдов. При нём остался лама, его сопровождавший. Чимпе мы оставили палатку, верблюда, на котором он ехал, и дадим денег для найма четырёх яков до Нагчу. <...>

«Ю.Н. чувствует себя лучше. Вечером было небольшое повышение температуры - 37° С с десятками».

11 октября 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«11.X. Встаём поздно. Понемногу убирается лагерь, и часам к двенадцати дня переходим на новую стоянку. Палатки разбиваются на небольшой речке с чистой прозрачной водой, протекающей через равнину. Из соседних аилов собираются толпы тибетцев, ходят по лагерю, заглядывают в палатки и исподтишка, в знак приветствия - показывают язык. Одним из распоряжений последнего времени было уничтожение этого старинного обычая.

«Кончок, побывавший утром в ставке генерала, сообщает, что письмо о нас пошло к Далай-Ламе, так же как и распоряжение губернаторам в Нагчу пропустить экспедицию дальше на юг. Н.К.Р. приглашён сегодня к генералу и уехал к нему с Ю.Н. и доктором. Нам необычайно надоедает назойливое любопытство туземцев. Среди них появляется новый тип испанца и, надо сказать, очень красивого».

13 октября 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«13/X. <...> «Ночь холодная; вода в палатке замёрзла. Ждём сегодня приезда администраторов из Нагчу. С утра послали подарки секретарям в ставку: старшему - красивую уздечку, среднему - американский нож в оправе и третьему - большой электрический фонарь с двумя элементами. Меньшим чиновникам до этого давали в хатаге от трёх до десяти янчан. Дело в том, что жалование чиновникам в Тибете идёт более натурой, чем деньгами, а потому и повосточному ещё обычаю они любят всякие подношения. Думали, что совсем уже позабыли о Мачене, но пришлось вспомнить снова.

«Выяснилось, что нас он жестоко обманывал, ведя расчёты в Монголии на тибетские нарсанги по курсу: девять янчан - семь нарсангов. Оказывается, что действительный курс: десять янчан - пятнадцать нарсангов.

«Ю.Н. на высоте всё ещё не может поправиться - по вечерам слегка повышается температура, имеется небольшой кашель и одышка, выражает желание скорее спуститься с высот. Жаропонижающих на высотах избегаем. Только раз Ю.Н. принял пирамидон при головной боли. Высота и утомление в пути всё-таки дают себя знать: сегодня пульс Е.И. - 102, самочувствие хорошее; у Н.К. пульс обычный - 62; у меня, как обычно на высотах, 90; у Ю.Н. вскоре после приёма спермина и адониса, которые он теперь получает, пульс 78.

«Губернаторы из Нагчу пока не приехали; возможно, что и совсем не приедут, так как там теперь ярмарка и духовные заседания, процессии и торжества. Обещали сегодня к Ю.Н. зайти секретари, может быть, что-либо и выяснится.

«По слухам, сегодня утром от губернаторов пришло новое письмо; вероятно, сообщают, что в силу каких-либо неотложных дел приехать не могут и

опять просят главнокомандующего разрешить своей властью наш проезд далее.

«Ссылаясь на генерала, Чимпа от его имени потребовал, чтобы ночью военный груз из 28 винтовок охранял тибетец Кончок. Что-то тут не так. Если груз военный, то он и должен охраняться с помощью часовых, а ещё лучше было бы для Чимпы сдать его здесь и получить расписку в принятии и со спокойной совестью ехать далее, если не хочет или не может подождать нас. Обособление его от нашего каравана очень странно, и единственное объяснение - это, вероятно, его боязнь, что Ю.Н. может высказать при сдаче оружия свои предположения и выводы по поводу этих оставшихся на руках Чимпы 28 ружей из ста, купленных им в Урге на деньги, полученные от заклада части имущества тибетского посольства. Остальные ружья были, по-видимому, своевременно доставлены в Тибет его спутниками. Всё поведение Чимпы - безусловно, себе во вред - остаётся для нас пока загадочным и необъяснимым.

«Вечером мимо лагеря проезжал с бубенцами гонец из Нагчу и, к нашему удивлению, не только остановился, но и явился с разговором; выразил удивление, зачем мы стоим здесь, а не едем прямо в Нагчу. Затем он сообщил, что ряд знакомых Н.К. лиц - полковник Бэйли, резидент Сиккима, и генерал Ладенля - находятся в Гиангцзе (по времени года необычно), что Бэйли выезжал спешно в Индию и так же спешно вернулся, что в Лхасе знали о нашем прибытии, когда мы подходили ещё к Чу-мару (Улан-усу).

«Вслед за этим гонцом явился секретарь генерала и сообщил, что один губернатор болен, а другой занят спешными таможенными делами, и потому завтра в 10 ч. утра будет продолжаться досмотр наших вещей местной администрацией. Гонец из Гиангцзе сообщил между прочим, что Фильхнер будто бы находится в Нагчу.

В 7 ч. вечера было получено известие, что Чимпа умер».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Наш тибетец Чампа умирает. Он был нам полезен при столкновении с панагами и при решении монголов бросить нас после Нейджи. Но как только Чампа дошёл до Тибета, его природа взяла верх, а при переезде к лагерю хорчичаба он отделился от нас, забрал пять верблюдов, нашу палатку и прервал все отношения с нами. Какова тибетская благодарность!

«Даже тибетец не выдерживает здешнего климата. Это уже третий покойник в караване. Монгольский лама умер от воспаления легких, харчинский лама - от высот. Не чуяли ли мертвеца медведи, когда подбирались к лагерю в ночь его смерти? Но им недолго пришлось ждать; уже утром труп был оставлен им на съедение».

14 октября 1927 г.

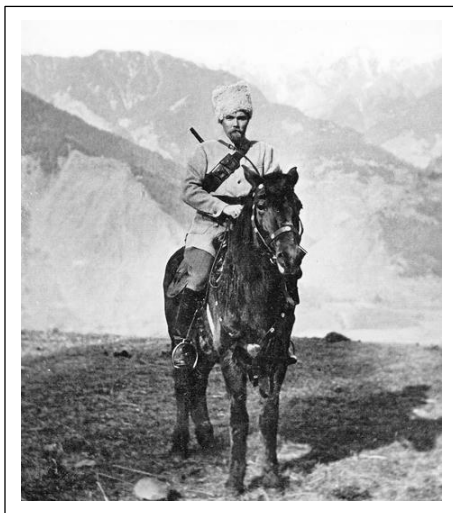
Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«14 октября. Приезжали трое старших офицеров хорчичаба, закончили осмотр наших вещей. Осмотр продолжался с 10 ч. утра до 4 ч. вечера. От губернаторов Нагчу пришло сообщение, в котором последние оговаривают свой неприезд болезнью.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«14/X. <...> «Ночь очень холодная - вся вода в палатках, в кружках и кувшинах промёрзла до дна. Были привязанные собаки. Утром обнаружилось, что старшина и два хора плохо дежурили - дикие собаки утащили алюминиевый кувшин с топлёным маслом; позднее он был разыскан хорами около холмов с изгрызенной верхней частью и следами когтей на замёрзшем ночью масле.

«У Е.И. ночью сильно болела правая рука. При осмотре вещей Чимпы Кончок нашёл письмо доньера из Урги, которое, как оказалось, принадлежало нашим бурятским ламам. Видимо, они, действуя за нашей спиной, в чём-то рассчитывали на помощь Чимпы. Узнав о смерти Чимпы, пришёл случайно оказавшийся в ставке представитель одной торговой фирмы, который представил доказательства, что груз, названный далай-ламским, Чимпа вёз для этой фирмы. Принадлежащие фирме другие вещи, кроме оружия, представитель получил и выдал в этом расписку. В 10 ч. утра приехали из ставки три секретаря вместе с другими должностными лицами, которые и произвели дальнейший осмотр наших вещей. Досмотр производился в течение пяти часов, но, конечно, с их стороны никаких замечаний не было.

Ю.Н. Рерих. 1927.

«Всё оказалось в порядке. Завтра Ю.Н., здоровье которого становится лучше, поедет к генералу узнать о времени нашего отбытия в Нагчу с его разрешения. Сегодня пали ещё две лошади, а всего, таким образом, двадцать два наших животных и два наёмных, наших погонщиков. Собаки, вороны и грифы терзают трупы павших лошадей. Трава очень плоха - болотистая, щетинистая, жёлтая, промерзающая каждую ночь. Верховых лошадей слегка подкармливаем раз в день ячменём».

15 октября 1927 г.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«15 октября. В 10 ч. утра Ю.Н. и затем Н.К. уехали к генералу продолжать разговоры о пропуске. Генерал обещал отправить ещё одного гонца к губернаторам и, если будет нужно, даже кого-нибудь из своих старших офицеров. Пропустить же нас за своей личной ответственностью генерал боится, приводя в пример случай с губернаторами Нагчу, едва не лишившимися своих голов за пропуск в Лхасу монгольского красного посольства».

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«15/X. <...> Ночь холодная. У Е.И. болело сердце. Из палаток слышны были стоны; мёрзнут в лёгких американских летних палатках, а я и Г. - в брезентовой и кашмирской. От холода у меня ночью бессонница и спазмы дыхания. В палатке Н.К. и Е.И. пол весь отсырел, мокрый - стоим на болоте у реки. Наши верные сторожа-собаки всю ночь грызутся с прибегающими псами. Сегодня Тумбала не видно, куда-то пропал; возможно, что загрызли собаки или волки. Ю.Н. в 10 ч. утра поехал говорить с генералом, а через 20 минут прискакал сопровождавший его торгоут Очир с приглашением Н.К. приехать в ставку.

«Ламы оправдывались в том, что слушали Чимпу, считая его нервой Далай-Ламы, а между тем он оказался лишь слугой какого-то незначительного тибетского чиновника. Приходил лама красной секты, находившийся при Чимпе, проситься на службу в караван, но ему было отказано, так как с ним ввиду его неповиновения расчёты все уже окончены. Служба его Чимпе и помощь в караване, а также его лошадь оплачены.

«Сегодня хоронили умершего - разрезали на части, как это принято в Тибете, и разбросали собакам и хищным птицам на съедение. Налетело много больших орлов и грифов разных пород - едят труп Чимпы и терзают павшую лошадь. <...>

«После 12 ч. дня поднялся сильный и холодный ветер - опять ночью будет холоднее обычного.

«В 2 ч. дня возвратился Н.К. без Ю.Н., который остался в ставке для дальнейших переговоров о письмах, найденных у наших бурят. Н.К. сообщил, что генерал по-прежнему старается добиться согласия губернаторов Нагчу на наш въезд туда. По рангу своему главнокомандующий мог бы, по его словам, приказать губернаторам, но тогда нам чинили бы в Нагчу разные неприятности. Ещё раз им было написано письмо в категорических выражениях, с содержанием которого было предложено ознакомиться Ю.Н. В качестве значительных доводов указывалось, что если бы по случаю холодной и сырой погоды пострадало здоровье участников Миссии, то это причинило бы непоправимый вред. Генерал, со своей стороны, предлагал или прислать нам несколько чёрных яковых палаток, или переехать за милю в какой-то монастырь. Но первое нежелательно ввиду возможности заразы и насекомых, а второе могло бы значительно удлинить наши переговоры. В заключение генерал сказал, что просит Н.К. не огорчаться длительностью переговоров, ибо большие дела не могут обойтись без больших затруднений.

«На это Н.К. ему ответил, что это именно так, ибо Владыка Будда был Большим Львом, мы же в наших действиях должны быть, хотя и малыми, но всё же львами.

«Итак, уже и теперь легенда о нашей Миссии в Тибете растёт. Ю.Н. спросил генерала о местонахождении Фильхнера со спутниками, на что генерал ответил, что этих маленьких людей ни он сам, ни присутствующие тут офицеры даже в глаза не видели. Услыхав от нас о чековом обращении в Америке, генерал просил Н.К. показать ему в следующий раз американские чеки. Заболел невралгией Н.В. и сегодня лежит в постели. Некоторые из нас чувствуют одышку - стоим на высоте около 15.000 футов, у реки на болотистой почве; дует холодный ветер, ночью - мороз. Если так будет продолжаться и дальше, то появятся заболевания и возникнет опасность гибели людей и животных, что осложнит наше продвижение. И так уже у нас выбыла почти четверть животных. Хотя

температура Ю.Н. и пришла в норму, он чувствует слабость и проявляет лёгкую возбудимость, а шестичасовые дискуссии с тибетским начальством и по-тибетски, и по-монгольски, конечно, немало утомляют его. Благодаря заботам Н.К. и Е.И. сегодня к вечеру утеплили снаружи мою палатку имевшимися в наличии кошмами. Погода сегодня днём ещё холоднее и, вероятно, будет очень холодная ночь. Мимо нас гонят стада оседланных яков, готовясь, видимо, к отъезду генерала. Любопытно отметить, что генерал, порицая «красные порядки», подчёркивает отрицание понятия Учителя. Без этого понятия по Востоку не пройти».

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Генерал Капшепа принял наш подарок и уехал в Кам. И ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев нашего стояния в летних палатках при морозах свыше 60°С, при ураганных вихрях на высоте 15 000 футов (=4600 м). Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами; запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца. Малюнов отекает от сердечных припадков и наконец тоже умирает. Жена приставленного к нам майора заболевает воспалением легких и умирает. Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче».

16 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«16 октября. Наступают холодные дни; по утрам иней; речка замерзает, сохраняя ледяной покров почти до 2 ч. дня. Природа области Хор так же бедна, как всюду в Чантанге: холмистая равнина с невысокими горными хребтами, покрытыми снегом на горизонте, с мелководными речками, населёнными двумя-тремя видами небольших рыб; горные склоны обычно голы, усеяны мелким щебнем и лишайниками; в долинах жёсткая болотная трава, теперь уже совсем жёлтая и твёрдая, как проволока».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«16.X. Н.К.Р. с утра ведёт переговоры с хорчичабом. Последнему указывается, что чинимые экспедиции препятствия могут побудить американских буддистов выбрать своего западного Далай-Ламу, что создаст разделение буддизма на восточный и западный. Результатом переговоров является новое письмо генерала в Лхасу. Видно, что он понимает положение и делает все, чтобы помочь нам. День холодный, солнце прячется за тучи».

16 октября 1927 г.

Из дневниковых записей К.Н. Рябины «Развенчанный Тибет»:

«16/X. <...> «Ночь холодная. Утро в первый раз морозное, с холодным ветром. Н.В. более не жалуется на невралгические боли в плече и лопатке, но зато появились боли в солнечном сплетении и нервозность. Пульс - 64, температура нормальная. Лежит в постели второй день. Ю.Н. вёз письмо одного тибетца-слуги в Лхасу, которое и передал теперь генералу. Оказалось, что это лицо посылает своим родным три рупии, очень хвалит Н.К., Е.И. и Ю.Н. и советует своим родным снискать расположение Н.К. и поступить к нему на службу. По со-

общению Кончока, вчера и сегодня заготовлена вновь для отправки в Нагчу большая пачка писем. Генерал не уедет до получения ответа. Удивительно, что всё это благожелательное к нам отношение со стороны генерала происходит после того, как задержали Фильхнера и его спутников, а также после пресловутого монгольского посольства, из-за которого двое нагчуских губернаторов лишились своих должностей и чуть было не потеряли своих голов по постановлению девашунга, то есть верховного совета министров. Главкомандующий во время бесед с нами постоянно указывает на свою шею, проводя по ней правой ладонью, причём наклоняет слегка голову направо в знак могущего быть ему наказания. Вчера по какому-то поводу для устрашения местного населения были вызваны в ставку старшины хоров, которым было сказано, что их не лишают голов только потому, что Великий Посол Западных Буддистов согласился ещё здесь остаться в ожидании письма Далай-Ламы.

«Любопытна относительность суждений. Профессор Н.В. Кюннер в своём «Описании Тибета» (Владивосток, 1908 г., стр. 8) говорит о хорах: «Смелый и физически крепкий, почти атлетический народ»; между тем как Н.К. добродушно называет их нибелунгами, а Е.И., симпатизирующая им, говорит о них - по их росту и наружному виду - как о «человечках» и «мурзилках». Может быть, в данном случае составитель «Описания Тибета» отождествляет хор-па с каким-либо другим соседним племенем, например, жителями области К"ам. Такая же относительность сведений встречается и в описании обилия злаков и овощей в Тибете. До сих пор мы не могли даже из Нагчу получить ни сухих фруктов, ни овощей.

«Единственное, что нам удалось приобрести, - это ячмень, цампу (ячменная мука) и порам - ячменный сахар.

«Опять говорили о древнем названии Лхасы - «Гота» - и сопоставляли это с ярко выраженными древне-европейскими типами окружающих нас хоров. Откуда же пришли готы? Не имеет ли название их какой-либо связи со страной «Готл» и названием города «Готы»? Для чего понадобилось древнему миссионеру выдумывать фантастические названия? Итак, сидим и ждём, не раздадутся ли бубенчики гонцов, а неведомая нам литература о нас где-то растёт и растёт.

Чантанг. (Фото экспедиции)

«Н.К. вновь высказывает сожаление, что кочковатая «тундра» высот и пологие холмы не дают художественного материала. Сегодня утром ушла часть каравана из ставки. Очень опасаемся, что с дальнейшим уходом лагеря к нам нахлынут новые стаи голодных собак, которые и теперь осаждают нас ночью и даже днём, забираясь в обеденную и кухонную палатки. Остался один изгрызенный верный Амбал, так как Тумбал ушёл в дикую стаю. Действительно, только побывавший здесь, на месте, может оценить опасность диких собак, грифов и воронов. В 8 ч. вечера проскакали мимо нас двое гонцов с бубенцами из Нагчу».

17 октября 1927 г. Чантанг.

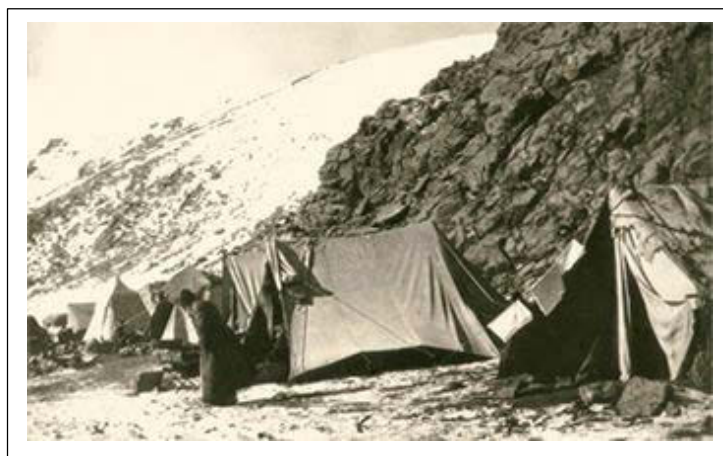
Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«17 октября. Сегодня утром генералом отправлен гонец прямо в Лхасу с письмом, в котором подробно описаны все обстоятельства его знакомства с Великим Посольством Западных буддистов. На завтра назначен отъезд генерала в Кам. При нас предположено оставить одного из старших офицеров — майора Х. Н.К. думает повидать генерала до его отъезда. Приходил майор, говорил об отправленном генералом гонце в Лхасу, передал Ю.Н. и Н.К. приглашение генерала прибыть к нему завтра к 10 ч. утра. По всему ходу переговоров видно, что генерал имеет намерение оттянуть окончательный ответ до получения им распоряжений из Лхасы и для того прибегает к разнообразным уловкам и изощрениям — типичная восточная политика».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«17.Х. Холод увеличивается, и мы с доктором обкладываем наши палатки войлочными кошмами. Наглухо зашиваю окно и устилаю пол войлоком. В палатке как будто становится теплее, но зато делается темно. Главная проба палатки будет ночью. В лагерь приходит пожилой майор. Выясняется, что он выслужился из солдат во время войны с китайцами и не умеет писать. Дальше его карьера ознаменовалась тем, что он гнался за Таши-Ламой.

«Генерал ещё не уехал. Он просит Н.К.Р. приехать к себе для новых переговоров. По-видимому, начинается нескончаемая азиатская канитель, которой тибетцы научились у своих недавних властителей — китайцев.

Лагерь экспедиции на Чантанге. 1927-28 г. (Фото экспедиции)

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«17/X. <...> «Ночь холодная, но в утеплённой снаружи кошмами палатке несравнимо лучше - внутри сухо и нет инея. Утро солнечное, и можно обойтись без тяжёлой шубы. Вчера вечером наблюдали в речке форелей, перебирающихся с восходом солнца в небольшой бассейн вниз по реке и остающихся там до вечера; вечером же при заходе солнца все идут против течения вверх, пробираясь по мелкому и отлогому каменистому дну, и здесь становятся добычей подстерегающих их воронов. Цвет форели золотисто-серый с чёрными пятнами на боках; величина - от мальков до поларшина; вечером легко ловится руками. Возможно, что в чистой горной речке с ключами на дне эта форель и не ядовита, но вообще же в Тибете рыбу есть избегают из-за частых случаев отравления ею.

«Около 11 ч. утра Кончок сообщил нам добытые им из ставки сведения, что генерал уезжает завтра, оставляя вместо себя майора, и что в Лхасу им непосредственно посланы новые письма. Решили поехать в ставку и окончательно выяснить вопрос о дальнейшем продвижении. Послан был Кончок узнать, когда генерал может нас принять или не предполагает ли быть у нас сегодня. Вскоре получили ответ, что в ставку привели убийцу какого-то торговца и генерал занят разбором дела, а потому просит нас завтра к 9 ч. утра. Таким ранним часом и явным предпочтением простого судопроизводства по уголовному делу Миссии величайшей для Тибета важности мы не могли удовлетвориться. Снова был послан Кончок сообщить, что нами приняты решения величайшего значения и потому мы настаиваем на свидании сегодня же после судебного разбирательства и вновь просим назначить час.

«Тогда из ставки пришёл старший офицер и сообщил, что генерал просит нас завтра к 10 ч. утра, а теперь предварительно желает услышать, что мы ему сообщим. Мною было категорически заявлено, что оставлять далее Миссию на болоте при наступивших холодах и появившихся среди её членов заболеваниях недопустимо и что в случае причинения дальнейшего ущерба здоровью Великого Посла или других членов будет сообщено о том американскому правительству и во все американские газеты о действиях тибетских властей. Посол же заявил, что непринятие Далай-Ламой Миссии и неполучение Америкой срочного ответа вызовет раскол между западными и восточными буддистами и повлечёт за собой вместо дружеской могущественной помощи Америки тяжкие последствия для Тибета.

«На том и простились до завтра, ожидая, что генерал осознает ошибку дальнейшего задержания Миссии величайшего государственного значения для Тибета среди болота, трупов людей и павших животных, терзаемых грифами и воронами. Ю.Н. к вечеру временами лихорадит. Состояние сердца Е.И. временами ухудшается, приходится продолжать приёмы укрепляющих и сердечных средств. Н.В. также чувствует слабость и большую часть дня проводит в постели. Несмотря на стоянку в течение нескольких суток, животные наши не поправляются из-за промёрзлой травы и ночного холода.

«Если такое положение продлится, то можно ожидать их гибели.

«Неопределённость продолжительности стоянки сказывается и на дисциплине людей. Сегодня наши монголы сообщили, что «Тумбал и Кончок женились».

«Действительно, оба исчезли из лагеря. Сейчас Ю.Н. читал нам составленное им по-тибетски резюме наших заявлений тибетскому правительству по поводу нашего задержания. Быть великой битве!»

18 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«18 октября. Генерал уехал. Под звуки рожков и винтовочные выстрелы. Утром к генералу ездили Н.К. и Ю.Н. с доктором. Н.К. занял очень твёрдую позицию и настаивал на решительных мероприятиях со стороны генерала в отношении губернаторов Нагчу. Генерал и на этот раз уклонился, предложив Н.К. самому написать письмо губернаторам. Письмо будет написано Ю.Н. в твёрдых тонах и отправлено завтра в Нагчу».

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«18/X. <...> «Первое письмо нагчуским губернаторам.

Ночью сильный мороз. В 7 ч. утра в утеплённой кошмами палатке было - 8° С. Местность, где мы стоим на Чантанге, называется Чортен-Карно. Вчера вечером приходили ламы и жаловались на одышку и сердцебиение. На ночь они для тепла раскладывали в майханэ костёр из аргала и плотно запирались. Разъяснено, что можно угореть и даже смертельно отравиться ядовитыми газами аргального дыма (окись углерода и синильная кислота).

«Сегодня ночью они не спали от холода, утром было сердцебиение. У Е.И. ночью была головная боль, жар и сильное сердцебиение; Ю.Н. продолжает болеть - к вечеру слегка повышается температура после дневного утомления от разговоров с тибетцами. У Н.В. одышка и невралгия лица. От холода я не спал ночью - наутро слабость сердца. Ночью пал белый мул. Упорно терпели в пути зной, терпим теперь и холод.

«В 10 ч. утра прибыли в ставку. Палатку генерала уже собирались сворачивать. Ещё раз изложили ему тяжёлые условия стоянки на Чантанге при наступлении холодов и энергично настаивали на пропуске в Нагчу, на что получили любезные уверения, что это невозможно до получения разрешения из Лхасы. Уверяли в этом и генерал, и его офицеры; в качестве подкрепления явились старшины хоров, почтительно согнувшись до пояса и, по-тибетски захлёбываясь от почтения и высовывая языки, просили нас не уезжать, ибо в противном случае им грозит смертная казнь, и обещали поставлять нам и молоко, и ячмень. Генералу были зачитаны тезисы, отразившие всё наше неудовольствие и необходимость, в интересах Тибета, нашего продвижения в Лхасу. Он просил нас самих написать письмо в Нагчу в подкрепление его донесения в Лхасу, обещая прислать за ним гонца к 1 ч. дня.

«Отбыли из ставки около 11 ч. утра и вскоре услышали три пушечных выстрела и звуки рожков и музыки. Это уезжал генерал домой, в К'ам, оставив при нас своим заместителем майора. Как и предвидел вчера Н.К., нам пришлось сегодня начать великую битву; в результате - предложение нам самим послать письмо, так как генерал не осмеливается излагать то, о чём мы должны лично говорить с Далай-Ламой.

«Горе Тибету, если теперь, в минуту крайней слабости, он отвергнет те важные решения, которые ему предлагаются, - ему обещают величие и мировое отныне значение. Ведь почти независимое до сих пор существование маленькой страны объясняется единственным фактом существования на её тер-

ритории области Шамбалы - отсюда вся таинственность и недоступность Тибета. Правда, для своей защиты область Шамбалы не нуждается в окружении территорией какого-либо государства; однако защищённость от излишнего любопытства выгодна всем: и самим любопытствующим, и Мировому Правительству Шамбалы. Ю.Н. во время состоявшегося серьёзного разговора с генералом заметил в присутствии чинов его штаба, Н.К. и моём, что и в Урге, и в Пекине сидят уполномоченные тибетские доньеры, которые выдают паспорта на въезд в Тибет. Однако паспорта эти, как мы видим на нашем примере, не имеют силы, между тем как во всех странах визы консулов имеют определённое значение.

«Спрашивается, как же относиться к этим представителям, функции которых оказываются фиктивными?»

Этот вопрос привёл генерала в смущение, так же, как и указание, что представитель Тибета трижды сидел в Урге в тюрьме. На основании паспортов доньера мы должны были приехать в Нагчу, а между тем задержаны в самом нездоровом месте Тибета - на высотах нагорья Чантанга, где при наступивших холодах болеем и теряем последние силы, истощённые шестимесячным путём. А ведь ответственность за подобного рода незаконные действия предусмотрена всеми законами. Не придётся ли Тибету ответить за наносимый тяжкий вред нашему здоровью перед могущественной Америкой? Где же принято парламентария или посольство задерживать в наиболее тяжёлых условиях в пути? Ю.Н. написал веское, с одобрения Н.К., письмо в Нагчу губернаторам, которое будет, вероятно, первым письмом, написанным европейцами по-тибетски администрации Далай-Ламы. Хоры удивлялись, как это чужестранец может так красиво и быстро писать по-тибетски.

«Н.К. очень беспокоится за здоровье Е.И., которая в последнее время часто волнуется. Однако не личное раздражение лежит в основе этого волнения: оно вызвано чувством сострадания к часто непоправимым ошибкам других людей. Теперь уже третий час пополудни, однако обещанный к 1 ч. дня гонец не является. Так кто-то заботится о делах Далай-Ламы.

«Во время сегодняшнего приёма генерал между прочим заметил о красной Монголии, что он «не знает, хорошие или дурные люди красные монголы».

«Привожу здесь дословно перевод с тибетского письма обоим губернаторам Нагчу:

«Посол Собора Западных Буддистов прибыл 10-го числа сего месяца в Чортен-Карно. С тех пор вот уже восемь дней, как Посольство бесцельно стоит здесь. Паспорт Посольства, выданный далай-ламским представителем в Урге, уже послан в Нагчу. Несмотря на это, Посольство принуждено оставаться здесь. Если Посольству не будет позволено на днях двинуться в Нагчу, то всей идее Посольства, а также Учению Благословенного будет нанесён непоправимый вред. Посол - человек Великой Страны, и если Посольство будет принуждённо долго оставаться на холодном нагорье, то Правительство Соединенных Штатов Америки, а также все члены Буддийского Собора будут чувствовать себя весьма оскорблёнными.

Каждый день кто-либо из состава Посольства заболевает. Вчера заболела супруга Посла и полковник, начальник охраны Посольства. Близ Чортен-Карно, в пути, с секретарем Посольства случился припадок горной болезни. Если один из девяти членов Посольства скончается или заболевает, то это бу-

дет причиной многочисленных осложнений, ответственность за которые полностью падёт на пограничные власти. Доктор Посольства свидетельствует, что здоровью членов Посольства может быть нанесён непоправимый вред, тем более, что некоторые лекарства кончаются. Если Посол не будет иметь возможности вести переговоры, Учению Будды будет нанесён большой вред.

24-го числа будущего месяца в Америке соберётся Буддийский Собор. Если к этому числу не будет получено письма от Посла из Лхасы, весь Собор почувствует себя оскорблённым. Потому губернаторы Нагчу должны оказать полное содействие Посольству, в противном же случае будет причинён непоправимый вред. Скорейше прошу прислать соответствующий ответ».

19 октября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«19.X. Н.К.Р. отправил сегодня письмо губернаторам Нагчу. В нём он указывает, что если экспедиции не будет дан свободный пропуск на юг, то лхасскому правительству могут грозить серьёзные неприятности. Кроме того, подчёркивается, что всё случившееся с членами экспедиции из-за задержки — ляжет на представителей местной власти в форме тяжёлого их обвинения и будет на ответственности губернаторов».

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«19/X. <..> «Ламы опять жаловались, что они здесь задыхаются. Правда, они целый день лежат в своей палатке, курят или нюхают китайский табак, много пьют по-монгольски крепкого чая и много едят. Этого делать на высотах, конечно, не следует. Другие не высказывают этих жалоб, но все в той или иной степени испытывают одышку и бессонницу. Н.В. жалуется, что ночью у него временами прерывается дыхание. Н.К. и Е.И. почти совершенно не спали ночью. У Ю.Н. видимая одышка. Это долговременное пребывание на высоте, прямо сказать, насильственное, резко отразилось на нашем здоровье. У всех слабость сердечной деятельности и учащение пульса; даже у Н.К. пульс участился с 62 до 92 ударов, чего до сих пор у него не бывало. Е.И. принимает адонис, Ю.Н. - дигиталис. Избегаем по возможности сердечных лекарств, но иногда ввиду сильной слабости сердца приходится здесь прибегать к средствам, регулирующим сердечную деятельность. За вред, нанесённый нашему здоровью задержкой на Чантанге, ответственность пусть падёт на тибетские власти.

«Вчера гонец явился за нашим письмом только в 5 ч. вечера вместо обещанного 1ч. дня. Не спешат тибетцы выпустить нас с Чантанга, зная его губительность. Вчера вечером наблюдали с Н.К. медлительных, грузных хищных грифов на павшем муле с выклеванными глазами, окровавленными орбитами и оскалом зубов. Противное зрелище, но характерное для сурового Тибета. Собаки, грифы и вороны - санитары страны. В 10 ч. утра производили счёт ударов пульса, причём оказалось, что у Е.И. пульс - 125, Н.К. - 92. Ю.Н. - 96, у меня - 104, Н.В. - 104, П.К. - 120, Раи - 108, Людмилы - 105, ламы Ламаджана - 98, Голубина - 96, ламы Малонова - 126, у остальных не менее 90. Вскоре после приёма 8 капель строфанта пульс Е.И. упал до 92. Особенно тяжело отзывается высота на тех из нас, кто и без того страдает миокардитом. Правда, мы благополучно перенесли и большие высоты, но это у многих ослабило сердечную деятель-

ность, а потому тем преступнее задержание нас здесь в середине октября. Никакие отговорки и ссылки на кого-либо со стороны тибетского правительства непростительны: наносить прямой вред здоровью членов Посольства - это преступление. Нельзя держать людей среди болота во время наступления холодов в летних палатках - даже тюремный режим человечнее, тем более, что первые письма о нас были высланы доньером из Урги, одно - в ноябре прошлого года, другое - в марте текущего 1927 года.

«Н.К. говорит, что «сверх всех физических условий наша тягота - это насильственное безделье. Невозможно писать ни картин, ни этюдов, ибо это будет сочтено здесь за противоправительственное снятие карт или планов; Юрий не может заниматься своими научными работами; Е.И. теряет последние силы; доктор тоже не может заниматься намеченными им полезными исследованиями, и всё превращается в какое-то бессмысленное времяпрепровождение, что мне глубоко противно».

«Сейчас получены новые сведения - Фильхнер был допущен в Нагчу на духовные танцы; затем ввиду того, что его запасы кончились, правительство выдаёт ему новые палатки, обмундирование, пищевые продукты и казённые подводы. Монгольский посол якобы умер в Лхасе, а состоявший при нём советник Чинчаев находится в Лхасе под арестом.

«Вместе с голоками приехал в Лхасу и был задержан, как говорят, какой-то русский.

«Оставленный генералом майор в ответ на наше приглашение прийти отказался, сказав, что будет завтра. Дежуривший у нас старшина заявил сегодня, что завтра уезжает, а потому требует от нас подарка. Записываю все эти многозначительные бытовые наслоения, так как дневник - это человеческий документ, освещающий лишь то, что видим и слышим. По полученным нами сведениям, главнокомандующий трижды приглашал губернаторов Нагчу приехать сюда, но те отвечали ему, что заняты, и предлагали самому разрешить нам проезд до Лхасы, если уж он разрешил нам проехать по подведомственным ему землям. Генерал, по слухам, был страшно оскорблён ответом и, вероятно, не забудет этого губернаторам Нагчу, когда мы получим наконец от Далай-Ламы разрешение на въезд в Лхасу. По нашим сведениям, Далай-Лама рад нашему приезду, но встречает сильное препятствие со стороны некоторых членов правительства.

«Несколько дней тому назад, о чём мы уже упоминали, вечером в ставку приезжал гонец, и странно, что, прежде всего он заехал к нам, сообщив кое-какие сведения. Гонец удивился, что мы стоим здесь, ожидая разрешения, и не едем в Нагчу. Не был ли это неофициальный намёк на существующее положение?

«Генерал ни словом не обмолвился об этом таинственном гонце, который утром уехал обратно. Второй губернатор Нагчу, судя по отзывам, суров. Интересно, истинна эта суровость или же это личина чванства и невежества? О Фильхнере получены новые сведения, что ему разрешено сделать фотографические снимки духовных торжеств в Нагчу с крыши дома».

20 октября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«20.X. По словам майора, Фильхнер направлен тибетским правительством на Ладак и снабжен всем необходимым для этого путешествия. Это очень

трудный путь вверх по Брахмапутре и вниз по Сатледжу. Возможно, что этот маршрут совершенно совпадает с намерениями самого путешественника.

«В 10 часов утра в закрытой палатке около -4° С.

«После обеда в лагерь является майор. Его сопровождает огромного роста солдат с густой косой. На нем рваный английский мундир и тибетская шапка. Солдат по английскому уставу щелкает каблуками и отдает Н.К.Р. честь. Майор сообщает, что на два письма о нашем пропуске губернаторы ответили уклончиво, а на третье, посланное самим майором, — они совсем не прислали ответа. Впрочем, писал ли майор и были ли отправлены до этого письма из штаба генерала, - проверить довольно трудно. Н.К.Р. настаивает на посылке майором нового письма, ввиду болезненного состояния некоторых членов экспедиции и усиливающегося падежа животных. Из ста пало уже 28.

«С каждым днём становится труднее. Холод усиливается, а мы стоим на мерзлом болоте в тропических палатках. Наши туземцы в продуваемых насквозь китайских майхане. По распоряжению майора тибетцы привозят по два мешка ячменя в день - но это капля в море сравнительно с тем, что необходимо. Лошади сдали и ослабели. Верблюды в ужасном положении. Их подерживают чаем с распущенным в нем маслом».

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«20/X. <...> Ночь очень холодная, бессонная; с вечера всячески оттягиваем время отхода ко сну. Ночь теперь для нас — самое тяжёлое время. Тьма и холод. Сегодня самочувствие Е.И. и Ю.Н. лучше. Утром пульс Е.И. – 88, Н.К. – 96, Ю.Н. – 92, у меня – 90. Лошадей и мулов подкармливаем ячменём, который отпускают по 11 нарсангов за мешок в 50 фунтов, но в ограниченном количестве. Сегодня будем говорить об этом с майором, если только придёт.

«Терпеливо и лояльно ждём разрешения ехать дальше, хотя могли бы и без этого разрешения. Н.В., видимо, сильно страдает от холода, так как всё время предпочитает сидеть в своей палатке. С утра уже надеваем шубы - холодный ветер, и солнце слабо греет. До Нагчу отсюда насчитывают 45 вёрст; от Нагчу гонец едет до Лхасы 5 дней. Ждём ответа или из Нагчу, или из Лхасы на ранее отправленное властями письмо доньера и на их донесения.

«Губернатор Нагчу спрашивал Кончока во время его недавней поездки в Нагчу-цзонг, не встретили ли мы у реки Чу-мар (Улан-усу) оставленных Фильхнером трёх мальчиков по имени Мышка, Суслик и какой-то третий хвостатый грызун. Таким образом, среди трагических нот звучат и глубоко комические. Не глумился ли Фильхнер над губернатором или это были прозвища? Один из спутников Фильхнера - Плеймир, которого считают американцем, долго жил в Синине, а у Г. почему-то его имя ассоциируется со скупщиком старинных вещей, антикваром.

«Около 12 ч. дня пришёл майор и сообщил, что дважды в ставке был получен уклончивый ответ губернаторов. Теперь он надеется, что на наше письмо придёт определённый ответ. На последнее письмо генерала ответа не последовало вовсе, ввиду чего он, вопреки существующему административному порядку, обратился непосредственно к Далай-Ламе, исходя в то же время из высоких соображений религиозных интересов страны. Личное мнение майора о происходящей задержке таково, что губернаторы хотят сначала покончить с делом Фильхнера, который явился к ним совершенно неожиданно и при довольно странных обстоятельствах.

«Ввиду критических обстоятельств - состояния нашего здоровья и транспорта, - он обещал вновь послать срочное донесение с просьбой о разрешении пропуска. Продолжает дуть холодный ветер, и пребывание наше здесь становится ещё менее приятным, но дух наш бодр и воля идти вперёд, несмотря на все препятствия, непреклонна.

«По поводу осмотра наших вещей, произведённого генералом, губернаторы ответили ему, что осмотр этот для них необязателен. Видимо, генерал похвастал, и, хотя он и выше рангом, губернаторы эти ему не подчинены. Около 4 ч. пополудни прибыл гонец из Нагчу и при нас передал дежурному старшине хоров, что везёт ответ на наше письмо. Возвратившийся вскоре из ставки старшина сообщил нам, что письма нам нет, а просят передать на словах, чтобы ожидали здесь, пока не по-лучат ответ из Лхасы. Не удовлетворившись этим ответом, Ю.Н. послал майору записку с извещением, что здоровье супруги Посла сегодня ухудшилось, и с просьбой уведомить об ответе из Нагчу. Майор уведомил, что положение до ответа из Лхасы остаётся прежним и что необходимо ожидать здесь. Е.И. чувствовала себя днём очень плохо - онемение в конечностях и долго не проходившее ощущение «мурашек» по коже».

21 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«21 октября. Составлено второе письмо губернаторам. Письмо это переписано майором на тибетский язык в палатке Ю.Н. и будет им отправлено в Нагчу завтра утром».

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«21/X. <...> «Н.К. передал сегодня майору нижеследующую, ещё неслыханную для Тибета, декларацию для немедленной пересылки в Нагчу:

«Я, Рета-Ригден, являюсь Главой Всемирного Союза Западных Буддистов, основание которому положено в Америке. Ради высокой задачи воссоединения западных и восточных буддистов под высокой рукой Далай-Ламы я, моя супруга, сын и другие члены Посольства согласились предпринять трудное и опасное путешествие из Америки через океан, пустыни и горы, через зной, стужу и все лишения в Тибет, пройдя более шестнадцати тысяч английских миль. Обдуманно пустились мы в такой опасный путь: мы запаслись тибетским паспортом, письмом к властям Нагчу и письмом к Его Святейшеству Далай-Ламе; оба эти документа были выданы в Урге доверенным доньером лхасского правительства. Во всех странах мира документ, выданный консулом-доньером, обеспечивает свободный въезд в страну. На деле же оказалось, что, несмотря на оповещение о священных целях нашего Посольства, мы насильственно задержаны в самых бесплодных местностях всем известного суровостью и вредностью климата Чантанга. Мы задыхаемся, сердечная деятельность ослаблена, и каждый день и ночь грозит неминуемая катастрофа. Вопрос идёт не о простом заболевании, но о жизни или смерти. Доктор, уполномоченный американскими организациями заботиться о здоровье членов Посольства, вынужден был вынести своё заключение об угрожающей нам каждый час опасности.

Вы понимаете, что гибель первого Посольства Западных Буддистов навсегда разделила бы буддийский мир на две несоединимые части, и вы, как буддисты, должны понять все проистекающие отсюда непоправимые послед-

ствия. Кроме того, 24 ноября по европейскому счислению в Америке состоится буддийский Собор. Если бы к этому сроку за моей подписью не пришло <нагие> удовлетворительное сообщение о возложенных на нас поручениях и о личном принятии Его Святейшеством порученных нам для вручения Ему Грамоты и Ордена Будды Всепобеждающего, то Буддийский Собор вынужден будет принять решение об избрании самостоятельного Далай-Ламы буддистов Запада. Все участники нашего Посольства являются горячими сторонниками объединения под рукой Далай-Ламы Тибета. И мы понимаем, что раздвоение буддийской мощи было бы для Тибета губительным фактом, принимая во внимание великие возможности сильного государства Америки и высокую образованность и мощь лиц, вновь примкнувших к буддизму. А потому всякие нежелательные последствия обособления были бы для нас как истинных буддистов чрезвычайно прискорбны.

За время нашего служения идее буддизма мы <изымели> радость участвовать в построении крупного буддийского храма и нескольких чортенов, а в настоящее время по нашему указанию в Америке сооружается первый там буддийский храм, посвящённый Шамбале. Сохраняют о нас память как о жертвователях многие буддийские монастыри — Кум-бум, Таши-Люмпо; монастыри в Сиккиме - Гум, Пемайандзе, Санга-Челинг, Далинг, Ташидинг и многие другие. В Ладакхе - Маульбек, Хеми, Спитуг, а также некоторые храмы в Урге, где для пожертвованного мной изображения Владыки Шамбалы будет сооружаться особый храм. Вы как буддисты должны знать сроки исполнения древних пророчеств и особое значение настоящего времени. Римпоче из Чумби, благословляя в Талай-Потанге около Дарджилинга написанные по нашему заказу изображения Шамбалы и Будды Всепобеждающего, предрекал успех пути нашего служения Учению. Теперь вместо радостного оповещения об исполнении заветов Благословенного Будды о всемирном распространении Его Учения Истины мы сидим и ожидаем смерти среди вихрей и стужи Чантанга. На прошлое письмо учёного секретаря Посольства, написанное по моему поручению, вы даже не нашли достойным для себя ответить нам письмом. Надеюсь, что теперь, зная моё высокое положение и чрезвычайные обстоятельства дела, вы, как последователи Учения Благословенного Будды, немедленно избавите Посольство от гибели и тем поможете благополучному разрешению столь важного для Тибета и всего буддийского мира вопроса. Мне 53 года, супруге моей 48 лет, моим ближайшим сотрудникам 51 год и 50 лет.

В эти годы и после семимесячного тяжкого пути зимние дни в Чантанге непереносимы. За время пути мы уже потеряли из каравана трёх спутников и двадцать пять грузовых и верховых животных. Караван теряет все силы, и вы как буддисты должны принять немедленные меры. Ввиду крайней опасности создавшегося положения я вынужден был высказать вам даже то, что предназначалось исключительно и непосредственно лишь для Его Святейшества. Тем самым я возлагаю на вас величайшую ответственность и как на истинных буддистов, и как на высокие местные власти. Наше продвижение в Нагчу не представляет ни военной, ни гражданской опасности для Тибета, тем более, что пребывание в Нагчу даже небуддистов, как мы знаем, сочтено вами приемлемым. Настоящую декларацию я отправляю с экстренным гонцом и ввиду крайней опасности для жизни Посольства и неотложности решения всего дела жду с обратным срочным гонцом ваше письменное решение. Вы должны принять мои добрые намерения».

«От майора узнали сегодня, что генерал писал о наших знаниях законов и обычаев страны и как об исключительных людях, не стреляющих в животных и не занимающихся снятием планов и составлением карт».

22 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«22/X. <...> Утром холод, в горах выпал снег. Солнце закрыто облаками. Е.И. провела ночь удовлетворительно, и сегодня самочувствие лучше. Старший лама Малонов, 35 лет, имеющий некрасивый облик сырой и рыхлой женщины, лениво сидящий или лежащий в палатке, нюхает табак, много ест и пьёт в большом количестве бурятский чай. Сидит в открытой палатке и часто с расстёгнутым воротом. Советов быть бодрее, больше двигаться, не нюхать китайского табака, одеваться теплее и ограничить себя на высоте в пище и питье крепкого чая не слушает. От одышки, которую все ощущают в большей или меньшей степени, сегодня варит бурятскую «задачку», то есть набор бурятских лекарств. О составе этого набора не знает или не сообщает. В качестве лекарств буряты, а равно и тибетцы, употребляют мочу и кал от наиболее почитаемых духовных лиц и хубилганов, то есть «перевоплощенцев» при монастырях. Несмотря на общие, казалось бы, тяжёлые обстоятельства нашего вынужденного сидения здесь, вчера и сегодня Н.К. испытывает необыкновенно радостное состояние духа и, видимо, полон каких-то соображений и решений. Кончок полагает, не послан ли о нас из Лхасы запрос в Индию или в Гиангцзе. Соображение для тибетца довольно необычное.

«Н.К. говорил сегодня о двух понятиях в санскритской литературе - «Vidya» и «Avidya». Последнее понятие переводится иногда по-русски «омрачение» вместо «невежество», чем, конечно, извращается основной смысл Учения, ведь именно невежество считалось Буддой тяжчайшим преступлением.

«После 12 ч. дня пошёл снег при холодном ветре. Температура воздуха +1,5° С, в палатке Н.К. - +3° С. Положение становится трагическим. У Е.И. сегодня появились боли в области сердца; все жалуются на холод и бессонницу, не говоря уже об одышке. Многие не имеют достаточно тёплой одежды, чтобы согреться днём или ночью. Корм для животных почти иссяк, а достать здесь больше нельзя. Сегодня приходили с предложением переселиться в здешний монастырь, где могут быть отведены две комнаты. Но, во-первых, надо знать здешние монастыри и материал, из какого строятся мазанки, а во-вторых, надо подумать и обо всём караване - не могут все поместиться в двух глинобитных маленьких комнатках, сырых, затхлых, без печей, с грязью и насекомыми. Этот монастырь в нескольких верстах отсюда в обратном направлении. Поселиться в монастыре - значит дать тибетцам уверенность, что мы хорошо устроены, можем прожить зиму и спешить им с ответом нечего. Каждый день прилетают к нам большие орлы; особенно красивы белоголовые и белогрудые с мохнатыми лапами. Ю.Н. называет их снежными грифами, но на грифов они не похожи и не садятся на падаль.

«От Кончока поступило сведение, будто наше письмо было вчера же в 4 ч. дня отправлено майором в Нагчу. Сведение для нас абсолютно неправдоподобное, так как майор ушёл от нас лишь в начале четвёртого часа пополудни с черновиком письма. Сегодня нам сказано, что больше ни ячменя, ни цампы мы не можем получить. Это явно нарушает приказ, данный генералом перед отъездом. Спрашивается, от кого исходит всё это человеконенавистничество и

жестокость? Чьи длинные руки тут действуют? В 3 ч. дня земля запорошена снегом, дует холодный ветер, температура - 3° С; в моей палатке 0° С. Даже Кончок теперь соглашается, что это место вредное для стоянки.

«В 3 ч. 20 м. слышны были раскаты грома. Несмотря на то, что мы стоим уже в 12 днях пути от Нагчу, где сходятся все дороги со стороны Монголии и Китая, мы не видели здесь за это время ни одного каравана. В 8 ч. 30 м. вечера в моей палатке -5° С. Везде лежит снег, и сильно похолодало. Ночью ожидаем сильного мороза. Положение тяжёлое - все животные, даже верблюды, пришли в лагерь, как бы прося защиты и помощи от холода и голода. На завтра нет ни цампы, ни ячменя. Майор сегодня послал от себя дары в монастырь с просьбой молиться, чтобы в течение пяти дней не было снега. Это своеобразная, но очень любезная заботливость о нас».

23 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«23 октября. 8 ч. утра. Ламы соседнего монастыря оказались не совсем успешны в своих молениях: снег продолжает идти. 10 ч. утра. Произошла смена караула. Свернул свою палатку и уехал десятник, назначенный нам генералом. Новый десятник не говорит на лхасском наречии, чем затрудняются как-либо сношения с ним. Второй караул, назначенный чиновником губернатора еще из Шингди и сопровождавший нас до ставки командующего, снялся несколько дней тому назад и уехал в Нагчу.

«12 ч. дня. Пришёл майор. Никаких сведений из Нагчу им получено ни сегодня, ни вчера не было. Н.К. решил написать губернаторам третье письмо и отправить его с нашим проводником-тибетцем. Майор разрешил ехать с письмом одному из наших слуг в сопровождении солдата.

«6 ч. вечера. Произошел скандал с дракой между двумя нашими слугами. Оба были пьяны. Чтоб избежать в дальнейшем подобных прецедентов, приводящих в результате всегда к упадку дисциплины в караване со всеми вытекающими отсюда последствиями, Н.К. сообщил о случившемся майору с просьбой принять меры к наказанию виновных. Один из слуг, тибетец, был вызван майором для строгого внушения с предупреждением в случае дальнейших безобразий подвергнуть его телесному наказанию. Репрессии ко второму будут применены завтра, ввиду его нетрезвого состояния теперь.

«Завтра вместе с письмом губернаторам Нагчу будут отвезены подарки: серебряный чайный сервиз и бинокль. Вместе с тем наш посланец закупит для нас в Нагчу необходимое из продуктов и ячмень для лошадей».

23 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«23/X. <...> «Ночь холодная. С утра небо покрыто тяжёлыми тучами. Через два дня после отъезда генерала снялись милиционеры из Нагчу, стоявшие впереди нашего лагеря по дороге в Нагчу. Сегодня утром снялась палатка, в которой жили охранявшие нас представители местных хоров. Очевидно, и для местных жителей это время года и местность признаются неподходящими для долговременного пребывания. Н.К. сделал сегодня приставленному к нам майору сообщение в нижеследующей форме:

«В нашей стране - великой Америке - даже самые тяжкие преступники получают условия жизни гораздо лучшие, нежели здесь у вас - доброжелатель-

ное буддийское Посольство. Даже самым отъявленным преступникам даётся комната с удобствами и достаточно пищи. Мы же здесь должны насильственно замерзнуть в пустыне, лишённые пищевых припасов. Думаю, что нам клеветнически приписываются какие-то преступные действия, и требую, чтобы нам эти обвинения были предъявлены, ибо не допускаю мысли, чтоб мирные и уважаемые люди были третируемы так бесчеловечно. Пожилые люди, женщины и ребёнок обречены в лучшем случае на непоправимую потерю своего здоровья или жизни. Прошу ответить, за какие преступления применяется к нам такое бесчеловечное отношение? Ещё Благословенный сказал: «Да живёт всё живущее!» Происходящее тем несправедливее, что в своём караване мы везли груз, принадлежащий Его Святейшеству».

«Пришедший майор сообщил, что он совершенно с нами согласен и думает, что виной всему прошедший перед нами Фильхнер со спутниками. Губернаторы пропустили его почти до Нагчу, за что и получили от девашунга суровый выговор ввиду существующего категорического запрета приближения к Нагчу. Для закупки корма для животных он разрешил послать завтра в Нагчу Кончока в сопровождении солдата, причём посоветовал послать губернаторам подарки и в случае, если нам не разрешат следовать далее, потребовать их обратно. Таковы здесь обычаи, что подарки даются чиновникам только за исполнение просьбы. Посылаем обоим губернаторам новое письмо:

«Из наших двух предыдущих писем, вами полученных, вы уже знаете, в каком тяжёлом положении находимся и мы сами, и весь наш караван. Со времени отсылки писем наше положение ещё более ухудшилось и сделалось смертельно опасным. Глубокий снег лишил животных травы, а холод ещё более отягчил наше расстроенное здоровье. Из писем вы знаете высокие священные цели нашего прихода для воссоединения Буддизма. <...> потому вы не можете дать нам погибнуть среди снегов нагорья Чантанга. Особые обстоятельства нашего положения позволяют вам разрешить нам немедленно продвинуться в Нагчу, откуда мы должны снестись и с Лхасой, и с Америкой. Вы поймите, что наше продвижение совершенно необходимо, иначе проистечёт непоправимый вред».

«Здоровье Е.И. сегодня лучше - принимает кактус и бобровую струю. Ввиду переутомления и слабости сердечной деятельности Ю.Н. принимает спермин и дигиталис.

«Вечером сделались свидетелями драки, происшедшей между пьяными Кончоком и Цирингом. Пришлось просить письмом майора прислать солдат, чтобы забрать безобразников для вытрезвления. Конечно, завтра Кончок не поедет в Нагчу, поскольку он пьяница и много раз обманывал наше доверие. Доньер в Урге характеризовал его с дурной стороны, но никого более достойного найти не смог. <...>

«Не помогли, видимо, молитвы лам - дважды сегодня был снег; среди дня приходили голодные мулы и лошади просить пищи, но у нас вышел весь ячмень - занесённые снегом, они ушли обратно. Вечером опять приходили мулы и худые, дрожащие от сырости и холода, покрытые снегом верблюды с печальным кротким взором, которые и улеглись на землю среди лагеря, счистив немного снег ногами с промёрзшей земли. Жалко смотреть на несчастных животных и видеть их последние обманутые надежды - мы не можем дать им никакого корма; даже сёдла взяли с их спин, чтобы защититься самим в палатках от холода. Снаряжаем в Нагчу за кормом двух солдат и торгоута Очира. Они

привезут нам немного ячменя - десять небольших мешков, которых хватит на несколько дней.

«От семимесячного путешествия, а теперь сырости и постоянного холода на высоте и ветров у меня начинает слабеть сердце - от небольшой физической работы чувствуется невыносимая боль и сердцебиение. Плохо то, что и без того сердце было сильно увеличено. Мужественно и терпеливо, однако, переносим все лишения и питаем твёрдую надежду, что, несмотря на все препятствия, доберёмся до Лхасы, где до известной степени сможем восстановить своё здоровье. Н.К. бодр и деятелен, как всегда, и трудно определить пределы его деятельности.

«Пишу иногда и ночью, как сегодня, так как от холода и стеснения от одежды многие из нас испытывают бессонницу. Н.К. и Е.И. спят очень мало. Палатка их, перенёшая уже много путешествий, пропускает и холод, и ветер. П.К., а также Рая и Людмила спят в лёгких летних американских палатках. У Н.В. такая же палатка утеплена с боков кошмами. Наилучшая палатка у Ю.Н., но и в ней так же холодно, как и у всех. Караванщики и ламы спят в своих майханэ, которые отапливают почти целый день кострами из аргала, приготовляя себе пищу и чай. Некоторые из них носят меховую одежду непосредственно на теле и потому менее нас страдают от холода. Обе наши собаки сбежали к диким псам; сторожат ночью вновь прибывшие сегодня для охраны хоры во главе с десятником.

«Хоры очень выносливы и привычны к холоду - головы не покрывают. Невдалеке от нашей стоянки уже два дня наблюдаем расположившуюся на снегу группу хоров, почти неподвижно в течение целого дня сидящих с непокрытыми головами и потом засыпающих на снегу без палаток. Разговаривать с ними трудно, у них своё наречие; даже Ю.Н. некоторых хоров совсем не понимает. Например, вместо обычного выражения «мясо», то есть «ладно», они говорят «лялес» и даже «ко, ко, ко» по-петушиному. Кстати, наш петух и две курицы ещё живут, но утратили весь свой внешний вид - потеряли почти все перья. Тщетно пытаемся отдать их кому-либо, но не берут, так как не знают их применения и способа содержания - здесь птиц не едят и потому не держат; яиц также не едят».

24 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«24 октября. 8ч. утра. За ночь выпал ещё снег и продолжает идти до сих пор. 9ч. утра. Вернулся посланный к майору с извещением, что сегодня ехать в Нагчу нельзя из-за снега. Снег выпал на 4 дюйма. К 10 ч. должен придти майор.

11ч. утра. Пришёл майор. Поставил ряд новых условий для посылки гонца в Нагчу. Теперь вместо нашего слуги едут двое солдат его конвоя. Письмо губернаторам пришлось вскрыть и переписать, т.к. майор поставил условием, чтобы его имя ни под каким видом в письме не упоминалось.

1ч. дня. Гонцы отправлены. Принято предложение майора отправить наших животных на лучшие пастбища за день пути на северо-восток. Животные будут отправлены сегодня же в сопровождении двух табунщиков. Со своей стороны майором также назначены для охраны наших стад трое местных жителей со старшиной. Нашим табунщикам выданы 2 карабина Маузера и 40 шт. патронов.

5 ч. дня. Новый десятник, похожий на Мольера, по выражению Н.К., оказался не буддистом. Он принадлежит к секте бонпо. Становится понятным, почему внешность и некоторые из обычаев племени хор так мало отвечают буддизму. Сущность учения бонпо до сих пор ещё мало известна европейцам. Одно очевидно, что ими приняты многие обряды и символы буддизма, но только в их противоположении и сохраняя древнейшую шаманскую основу.

7 ч. вечера. Почти весь день с небольшими перерывами шёл мелкий снег. С утра одним из наших лам устроена на шесте небольшая ветряная мельничка, на крыльях которой написаны заклинания против снега. В соседнем монастыре старший лама погружен в глубокую медитацию над благополучным разрешением вопроса о пропуске нас в Лхасу. Н.К. передал через майора этому ламе хадак и пожертвование на монастырь в размере 10 долларов.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«24/X. <...> Опять ночью была вьюга, нанесло ещё снега, который идёт и сейчас. Один верблюд уже не встал. Получили чудовищное сообщение, что майор из-за снега не хочет посылать людей в Нагчу и приедет к нам к 10 ч. утра, между тем как мы сами видели двух милиционеров, только что проехавших в Нагчу. Н.К. предполагал прибавить к вышеупомянутой декларации нижеследующее, но тяжёлое положение животных теперь исключает это:

«Мы имели в виду по приходе в Нагчу пожертвовать наш верблюжий караван лхасскому правительству с целью реализации его для священных целей. К этому мы имели полное основание, так как дошедшие сюда верблюды шли бодро. Теперь же чья-то жестокость грозит довести верблюдов до гибели. Таким образом, тот, кто проявляет эту жестокость, наносит ущерб не только священным задачам Посольства, но и лхасскому правительству».

«Не забудем, что здесь мы стоим уже пятнадцатый день, теряя время и силы. Не потеряв этих двух недель, мы имели бы возможность написать письмо из Лхасы в Америку, которое пришло бы туда до 24 ноября. А теперь?! Решили оштрафовать пьяниц за вчерашнюю драку по пяти янчан, лишив их ожидаемого подарка. По отношению к пьяницам Н.К. готов на самые решительные меры. Надо заметить, что Н.К. никогда не курил и не пил, а всю свою общеизвестную энергию почерпнул исключительно из внутренних свойств своей физической и духовной сущности.

«Около 10 ч. утра приехал майор под зонтиком от снега и сообщил, что может послать в Нагчу только своего солдата и одного из местных жителей. Вручённое ему письмо губернаторам пожелал предварительно вскрыть, чтобы узнать содержание, и предложил несколько этимологических поправок, но Ю.Н. считает, что его транскрипция тибетских слов была научно правильна.

С этого дня можно считать здоровье Ю.Н. восстановившимся. Е.И. также чувствует себя удовлетворительно. <...> В ближайшем монастыре живёт почитаемый местным населением лама, который в настоящее время, озабоченный нашим положением, медитирует, то есть входит в контакт с высшими силами, чтобы помочь нам. Ему послали сегодня хатаг с приношением. По мнению майора, разрешение в Нагчу на наш проезд уже получено, но губернаторы хотят уладить сначала дело Фильхнера, затрудняясь, как поступить с ним. Между прочим, майор советовал раздать нашим людям оружие, так как около Нагчу случаются грабежи - недавно посланный, например, слуга генерала так и пропал без вести. Просматривая письмо, майор очень настаивал, чтобы там

не было упоминания его имени, в противном случае губернаторы постесняются принять или, как здесь выражаются, «съесть» подарок. Ввиду этих соображений посланный нами местный житель по имени Таши-Копчок и другой его спутник должны изложить губернаторам наше тяжёлое положение и просить разрешения проехать в Нагчу, передав подарки - бинокль и серебряный сервиз. В случае, если разрешения дано не будет, то майор строжайше приказал им привезти подарки обратно. Посылаемый с местными жителями солдат во все не должен показываться на глаза губернаторам, так как письмо и подарки идут от нас помимо местной власти, и тогда, по компетентному мнению майора, губернаторы «съедят» подарки и дадут разрешение. Таков поучительный и «тонкий» план старого майора, знающего свойства и обычаи тибетской администрации».

Н.К. Рерих и Рябинин. Октябрь – ноябрь 1927 г.

25 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«25 октября. Ночью шёл снег. Утро было туманное, тёплое. По желанию Н.К. я сфотографировал наш лагерь, занесённый снегом. Днём стало совсем жарко, снег сильно стаял».

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«25/X. <...> Ночь была особенно холодная, к утру выпал снег. Лаяли и выли голодные дикие псы. В первый раз они решились совершить нападение на жилую палатку, проникнув к Г[олубину] за хранившимся маслом и, несмотря на его противодействие, успели масло похитить. Одолевают также и вороны - куски мыла, мясо и всё, плохо лежащее, делается их добычей, которую они хватают с величайшей наглостью. Н.К. положительно недоумевает, каким заветом Будды разрешено убивать домашних животных - яков и баранов - и прещено убивать даже хищников. <...>

«Вчера Ю.Н. из разговора с хорами выяснил, что большинство местного населения хор-па принадлежит к древнейшей шаманской религии бон-по, существовавшей задолго до появления учения Будды. Н.К. говорит, что многие странности ламаизма произошли от народного сочетания тёмного бон-по с истинным буддизмом. Ю.Н. замечает, что бон-по - религия «левой руки». «Поэтому особенно не забудем драгоценного сообщения, - просит записать Н.К., -

полученного вчера со всеми его глубочайшими следствиями». Итак, утром мы опять под белой пеленой снега, весь горизонт потонул в морозном тумане - высокие вестники радости Тибета помещены губернаторами в холодильник. Не играют ли в это время губернаторы в шашки и не похожи ли их игральные фигуры на человеческие головы? Жестокость, ничем не оправдываемая жестокость! Принесли известие, что оставшийся вчера верблюд издох.

26-27 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«26/X. <...> «Н.К. говорит, что «опять прекрасно не спали всю ночь». Н.В. продолжает жаловаться на недомогание при нормальной температуре и, несмотря на высоты, просит жаропонижающих. Холода боится и всё время сидит в душной палатке, где при солнце температура бывает иногда от +14° С до +22° С. Павшего вчера верблюда терзают дикие собаки и вороны. Грифов с наступлением холодов уже нет. Но зато сегодня прилетел новый гость - голубь. По лагерю толкуются воробьи, значительно красивее европейских. По совету Н.К. вчера поставил с вечера в палатку бидон с кипятком; тепло держалось до 4 ч. утра, и не было спазм дыхания. Идея прекрасная для зимнего пребывания в палатке во время пути. Погода два последних дня ясная - молились ли ламы в ближайшем монастыре или это результат изобретательности наших лам, поставивших за палатками под ветром молитвенную мельницу с надписью на крыльях: «Ohm mani radme hum» по-тибетски. Вчера наши ламы приветствовали хорошую погоду молитвами и курениями».

«27/X. . <...> Ночь была холодная - в палатках -10° С. По-прежнему едим чёрствую лепёшку и жёсткое мясо яка. Скоро кончатся свечи, и мы погрузимся в двенадцатичасовую тьму.

Н.К. продолжает вносить дополнения к декларации:

«Благословенный заповедал знание, бесстрашие и сострадание. Правители Нагчу, где же ваша преданность знанию, если вы пропускаете, как мы знаем, невежественных бурят и опасаетесь знающих людей из Америки? Где же ваша оценка бесстрашия, если вы препятствуете людям, бесстрашно к вам подходящим? И, наконец, где же сострадание, когда вы жестокосердно предлагаете замерзнуть на пустынных высотах?»

<...> «В 11ч. дня прибыл торгоут с сообщением, что животные все живы и трава на новом пастбище лучше. Днём наблюдали разницу температуры воздуха в тени и на солнце: -10° С и +17° С.

<...> «К половине дня похолодало, и поднялся ветер с метелью. В 4 ч. дня прибыл гонец из Нагчу с письмом от губернаторов и сообщением, что подарки приняты. Сейчас Ю.Н. наскоро прочёл нам содержание письма, из которого видно, что вскоре ожидается ответ из Лхасы и губернаторы «рады будут видеть Великого Министра Буддийского Собора в стенах Нагчу-цзонга». Послали срочно за майором, но оказалось, что он «молится», а потому может прибыть или вечером, или завтра утром. По странному совпадению, в лагере до сих пор отсутствует Кончок. Ожидаем сегодня вечером прибытия корма для табуна и надеемся послезавтра выступить в Нагчу.

«Около 5 ч. дня явился майор с громким, пьяным смехом; долго разбирал письмо и, наконец, в ответ на наши вопросы сообщил, что ответа от Далай-Ламы не получено, и потому пропустить нас дальше он не может. Опять пред-

ложил поселиться в монастыре, хорошо зная, что там имеются лишь две-три комнаты, где всему каравану не уместиться. Выслушав его, Н.К. сказал, что его ещё никто в жизни так не оскорблял, как оскорбляют здесь, в Тибете. Словом, губернаторы и нам ответили уклончиво - ни запрета, ни разрешения».

27 октября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«27.X. Утром в палатке -12° С. Сижу у себя и пишу задеревенелыми от холода пальцами свой дневник. Входит доктор и сообщает радостную весть. Прибыл от губернаторов гонец с разрешением экспедиции двинуться в дальнейший путь. Подарки приняты, и нас приглашают в Нагчу в дзонг, то есть в крепость. Это, конечно, странное приглашение. Вечером ожидается прибытие фуража и продовольствия. Н.К.Р. распоряжается придвинуть к лагерю лошадей. Грузы пойдут на транспорте яков. Послезавтра, дав лошадям день полного корма, двинемся в Нагчу. В лагере общая радость. Уже надоело стоять в этих неприветных местах и мёрзнуть. Немедленно Голубин посылается за майором. Но он возвращается один. Из ставки майора сообщают, что он стоит на молитве и его нельзя беспокоить. Во время войны он перебил много людей и теперь молится, испрашивая себе прощение небес. Посылается, тем не менее, новый посол, которому поручается сказать благочестивому майору в промежутке между молитвами, что из Нагчу пришло разрешение трогаться дальше. Через час появляется майор, совершенно пьяный. Очевидно, его молитвы воссылались исключительно Бахусу и сопровождались ритуальными возлияниями олимпийцу. Он пьян, но все же прочитывает письмо и, что удивительнее всего, замечает фразу, ускользнувшую от Ю.Н., которая совершенно меняет дело. А именно, что приглашая в Нагчу, губернаторы просят Н.К.Р. только немного повременить с отъездом и подождать, согласно обычаям страны, — ответа из Лхасы. Сразу падает настроение. К вечеру подходит транспорт из Нагчу. Мороз крепчает».

28 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«28/X. На 25 человек фунт масла в день. <...>

Начинаются простуды, кашель и стоны по ночам. Мы вынуждены вновь и вновь писать губернаторам и в Лхасу.

«Н.К. даёт текст нового краткого письма губернаторам:

«Сегодня 21-й день, как вы нас здесь насильственно задержали. В письмах мы искренне сообщили вам священные задачи нашего Буддийского Посольства, надеясь на вашу помощь, но вместо помощи вы обрекаете нас на замерзание в Чантанге. Здоровье наше уже подорвано; пищи мы достать не можем. После означенного срока голод и холод заставят нас двинуться в Нагчу, где вы в письме вашем обещаете нам почётный приём».

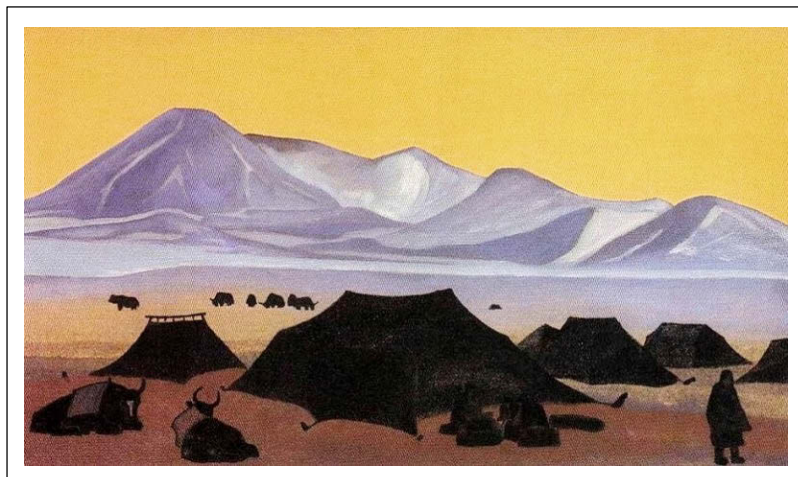
«Сегодня утром в правом сапоге Н.К. оказалось несколько пригоршней ячменя. Какие животные успели нанести за ночь это количество зёрен и с какой целью? Около 12 ч. дня прибыл майор, которому и сообщено вышеупомянутое письмо в Нагчу. Сегодня заготавливаем письмо в Лхасу Далай-Ламе в английском переводе. Содержание его следующее:

«Ваше Святейшество!

По избранию Буддийского Собора в Америке, я как Глава Западных Буддистов принял на себя поручение отправиться во главе первого Посольства Западных Буддистов, чтобы лично передать Вам Грамоту, Орден Будды Всепобеждающего и радостное сообщение о предуказанном пророчествами развитии Учения Благословенного на Западе. Путь от Америки до Тибета занимает около восьми месяцев, охватывая более шестнадцати тысяч английских миль. Пройдя все необычайные трудности этого пути, мы радостно приблизились к внутренней границе Тибета, но здесь вместо радости нас ожидало величайшее разочарование. Точно преступники, несмотря на моё высокое общественное положение, мы были насильственно задержаны властями Нагчу-цзонга. Среди холода наступившей зимы на Чантанге, опасно заболевая, доканчивая наши продовольственные припасы, мы здесь остаёмся уже 21 день без всякой надежды на продвижение. Чистосердечно мы сообщали властям Нагчу-цзонга и представленному к нам майору задачи и истинное положение нашего Посольства. Прилагаю при сём копии писем к властям, из коих Вы изволите усмотреть все подробности дела, насколько серьёзные последствия проистекают из нашего несправедливо-насильственного и оскорбительного задержания - кто-то наносит вред первому Буддийскому Посольству. Мы уверены, что не от Вас исходили распоряжения об этом оскорбительном задержании мирного Буддийского Посольства, которому угрожает полная гибель, и также мы уверены, что Вы как носитель Учения Благословенного не можете оставить дела, не выслушав моих личных представлений.

Прошу Вас отдать распоряжение о пропуске нас для личных Вам представлений».

«Около 6 ч. вечера при неожиданном стечении благоприятных обстоятельств удалось послать гонца в Нагчу с двумя письмами: одно - к губернаторам, другое, английское, - Далай-Ламе. Удивлялся сегодня великому терпению, спокойствию и выносливости Н.К. во всех наших трудных обстоятельствах. Е.И. тоже спокойна и бодра духом. Когда видишь такое спокойствие, начинает казаться, что, может быть, всё это так и должно было произойти».

Н.К. Рерих. Тибетский стан. 1931.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«28 октября 1927 г. Тяжёлые облака неслись над нами всю ночь, и утро было холодным и туманным. Чу-на-кхе представлял собой мрачную картину с белым снежным покровом и унылыми чёрными палатками тибетского лагеря. Лагерь кочевников опустошили эти места, и было почти невозможно найти достаточное количество топлива и корма. Майор прибыл со своими солдатами и привёз провизию из Нагчу, за которую нам пришлось заплатить непомерные цены. Удалось получить четыре мешка китайской муки, один мешок грязного сахара и несколько пакетов свеч. Мы послали письмо, адресованное лично к Его Святейшеству Далай-ламе. Письмо было написано по-английски, так как мы знали, что Далай-лама имел личного секретаря с хорошим знанием английского, который когда-то был клерком в дарджилингском банке.

29 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«29/X. <...> С утра идёт снег, заносающий нас на Чантанге; дикие тибетцы не понимают, что европейцы не могут зимовать в летних палатках. Сами они привыкли к холоду и зною; зимой и летом ходят с непокрытыми всклокоченными длинными волосами на голове. Многие европейцы, проведя ночь на морозе в брезентовой палатке, поплатились бы воспалением лёгких или плевритом, мы же должны неопределённое время спокойно ожидать в таком положении решения властей, несмотря на то, что имели законный пропуск в Нагчу от доньера. Разве справедливо это и разве это не ловушка и не урок для всех путешественников по Тибету? Нужно ли в дальнейшем эволюционном движении существование среди других народов безответственного замкнутого Тибета? Где же они, заветы Будды, о которых мы знаем из несомненной литературы по этому вопросу? Не есть ли такое состояние Тибета - гримаса отжившей китайщины, в настоящее время неприемлемой? <...>

«Сегодня 22-й день нашей стоянки у Чортен-Карно, и по-прежнему мы не видели ни одного каравана на этом скрещении всех торговых путей. Или торговля ушла на Индию, или ...?

«За ночь грызуны опять наносили в левый уже сапог Н.К. целую кучу ячменя, несмотря на то, что меховой сапог был скручен и лежал на стуле. Лама считает это особо добрым знаком.

«Из редких рассказов Н.К. о частичных проявлениях Махатм вспоминаю ещё сообщение о том, как однажды он в составе семьи сидел в своей рабочей комнате в Лондоне и вдруг заметил, что его младший сын пристально всматривается во что-то за его спиной; на это обратили внимание и остальные. Было около 3 ч. дня. Н.К. обернулся и увидел уже удаляющуюся загорелую индусского типа руку, которая первоначально появилась за его головой. Это был один из знаков напоминания спешности действий. Такие же знаки посредством звука струны или колокольчика в воздухе, который слышали несколько присутствовавших при этом лиц, или же посредством пишущей руки на ночном столике Е.И., бывали часто и в Англии, и в Америке, и в Индии.

«В 11 ч. утра Г. уехал на пастбище. Получены сведения, что пал ещё один мул, а верблюды очень ослабели. Вчера произошёл курьёзный эпизод с «воскресшим» верблюдом. Ранее было отмечено, что в пути перед Танг-ла у двух погонщиков-монголов - Таши-ламы и Кончока - пал принадлежавший им верблюд, нанятый нами под груз, которого они особенно берегли и не обременя-

ли работой. О погибшем у них верблюде знал весь караван. У верблюда этого на шее был амулет. Вскоре было замечено, что эти два брата-погонщика стали пригонять на ночь с пастбища двух верблюдов и привязывать их, как собственных, у палатки. Ещё ранее Людмила и Рая обратили внимание, что с погибшего верблюда была снята ладанка-амулет и перевешена на шею одному из наших верблюдов. Вчера лама Таши заявил, что он предполагает вернуться обратно в Шарагольчи со своими двумя верблюдами. На указание, что у него остался ведь только один, он клялся, что это неправда, и привёл в свидетели лам-монголов в том, что пал вовсе не его, а наш верблюд. Указание Ю.Н. на то, что о гибели его верблюда знал весь караван и что мною это было своевременно отмечено в общем дневнике, его смутило, и он прекратил разговор. А сегодня он с той же лёгкостью подтвердил гибель своего верблюда и то, что у него остался всего один, и те же ламы-лжесвидетели подтвердили его сегодняшние слова. Мы, давно зная об этой проделке, и без того хотели отдать ему верблюда, но этот эпизод послужил для нас ещё одним доказательством низкого уровня человеческого сознания.

«Н.К. готовит очередной запрос майору и губернаторам:

«Мы осведомлены о тяжком положении каравана на пастбище. Начался падеж животных, состояние верблюдов угрожает их гибелью. Скажите, кто берёт на себя финансовую ответственность за сохранность животных, за здоровье людей и за прочие убытки? Паспорт, данный нам доньером из Урги, обеспечивал нам, по всемирному положению, вход в страну. Мы шли не самовольно, а потому находимся под защитой международного закона во всех протекающих по вашей вине тяжёлых последствиях».

«В 3 ч. дня возвратился Г. и сообщил о бедственном положении каравана; кроме павших вчера верблюда и белого мула, пять верблюдов, пять лошадей и три мула совершенно непригодны для дальнейшего пути и могут вскоре пасть. Все остальные животные сильно исхудали, и из 41 верблюда остаются лишь 16, пока пригодных для пути. Мы не могли своевременно продать животных в Нагчу и тем спасти их от гибели, а себя избавить от убытка. Таким образом, из бывших 95 собственных животных пало 26 и осталось 51, годное для пути; ослабевших и негодных вовсе - 18 голов.

Чантанг. 1928 г. (Фото экспедиции).

«Мы мёрзнем, кашляем; у некоторых из нас ноги, как ледяные, и болят целый день. Легко представить себе жизнь на морозе и ночь, и день. К тому же мы не знаем, как долго продлится эта пытка - иначе и назвать нельзя - замораживанием нас на Чантанге. Я уверен, что в Америке и в других культурных

странах будет взрыв негодования против тех преступных лиц, которые в Тибете препятствуют нашему продвижению, будет ли это сам Далай-Лама или же другие тибетцы. Кто же это охраняет Тибет от всех иностранцев, сами тибетцы или, может быть, кто-то другой?

«Н.К., гениальный и единственный в своём роде Учитель, чьё имя на устах людей всего мира, величайший из современников, тот, кем гордятся культурные страны, и чья жизнь подлежит особой охране, страдает от холода и недостатка продуктов питания в суровой стране снегов на Чантанге, удержанный чьей-то преступной рукой! С ним вместе его самоотверженная супруга Е.И. и находящиеся при ней служащая Людмила и тринадцатилетняя девочка Рая, сестра Людмилы. Разве женские клубы Америки не испытают чувств негодования, боли и сострадания в своём сердце к этим трём женщинам, мужественно и безропотно переносящим все страдания на суровом Чантанге? Разве взрыв негодования общественного мнения, женских клубов и печати Америки и всех культурных стран не последует на это и не обнаружит преступников, несправедливо осудивших величайшего человека и трёх женщин на жестокую гибель?! Будем надеяться, что высшая справедливость спасёт их, но преступники должны быть обнаружены и понести справедливое возмездие за причинённое ими зло и все материальные убытки, сопряжённые с гибелью транспорта и потерей здоровья людей!»

30 октября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей К.Н. Рябикина «Развенчанный Тибет»:

«30/Х. <...> День морозный. Ночью мыши натаскали зёрна в сапоги и шапку Ю.Н. Вероятно, ввиду холодов они, видя каждую ночь вещи на одном и том же месте, думают поселиться в этих тёплых вместилищах, натаскав туда предварительно продовольственных запасов.

«Ждём сегодня гонца из Нагчу, отвозившего наше последнее послание губернаторам и письмо Далай-Ламе. Вспоминается, что генерал говорил Ю.Н. о своей встрече с братом прежнего Далай-Ламы герцогом (Кунг-Кушо) Дорингом и настоятелем монастыря в Чумби Томо-гэшэ-ринпоче, которые с восторгом отзывались об Н.К. и Е.И., встреченных ими в Дарджилинге и Сиккиме. Кстати, имя генерала - Кап-шо-па; он Хорчичаб, то есть верховный комиссар области Хор и князь древнего тибетского рода (ми-ванг).

«Сегодня посылали за майором; получен ответ, что собирает для нас масло и кошмы и вскоре появится».

31 октября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«31 октября 1927 г. Снова солнечный день. Утро было пронзительно холодным, и колонки дыма поднимались от каждой палатки тибетского лагеря. Термометр зарегистрировал -25°C. Майор нанёс свой ежедневный визит и принёс тридцать два фунта масла, зашитые в шкуру яка, которые стоили двенадцать нгу-сангов, и несколько шкур местного изготовления очень плохого качества. Мы также купили двух яков за тринадцать мексиканских долларов. Майор проинформировал нас, что он получил предсказание известного тантрического ламы, и согласно пророчеству ламы правительственный ответ будет получен через четыре или пять дней».

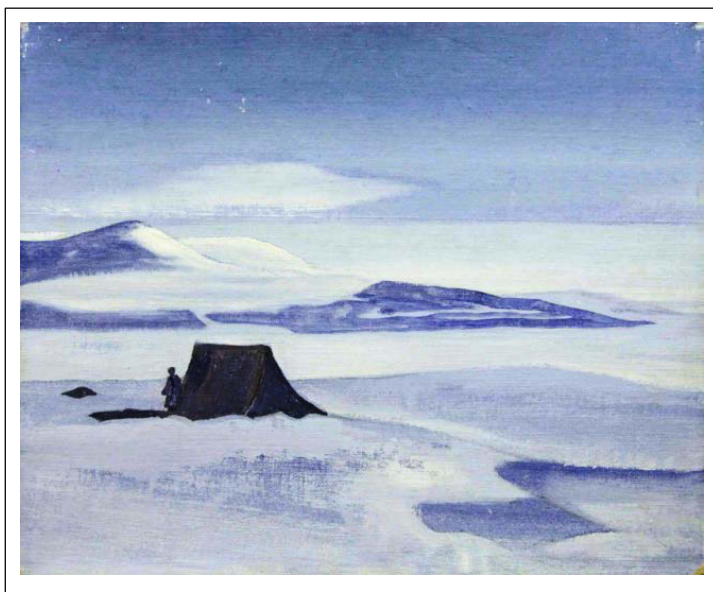
НОЯБРЬ

Из дневника Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Письмо моё к Далай-Ламе найдено на дороге в изорванном виде, а гонец будто бы исчез. Перехвачены мои письма к полковнику Бейли - британскому резиденту в Сиккиме, и к генеральному консулу Соединённых Штатов в Калькутте. Запрещено идти назад, запрещено двинуться вперёд. Возмутительно! Несмотря на знание Юрием тибетского языка, можем лишь изучать тибетскую жизнь во всем её неприкрашенном виде, но помочь своему положению не можем. Тибетцы лгут ежедневно. Говорят, что телеграф между Лхасой и Индией уничтожен, ибо теперь Тибет не нуждается в сношении с "пелингами"; что лхасское правительство не принимает во внимание свидетельство доктора о наших болезнях; что наш паспорт потеряли по дороге, но хотя тут же свидетели опровергают эту выдумку.

«Весь народ - эти чёрные хоры, как маленькие нибелунги, беспокойны. Спят сидя, едят сырое мясо, прикрыты полуистлевшими, чёрными от копоти костров меховыми кафтанами. Они шепчут: "Завален край неслыханным снегом. Падут наши яки и бараны. Не будет у нас цампы (ячменя), умрут наши дети и мы умрём. А всё несчастье оттого, что правительство с великими приезжими людьми бесчеловечно".

«Гадают ламы, и все у них выходит хорошо, и что вестник с добрым ответом уже едет, уже завтра прискачет. Но дни тянутся. Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого...»

Н.К. Рерих. Плато Чантанг. 1928.

1 ноября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Следующий день был тёплым с ярким солнцем и безоблачным небом. Твёрдый смёрзшийся снег начал таять, и большие лужи образовались вокруг лагеря. Ранним утром большой верблюжий караван прошёл в северном направлении. <...>.

«Караван состоял из цайдамских и кхалка-монголов, возвращающихся в родные страны. С караваном шёл алашанский монгольский князь. Он сообщил

нашим монголам о причинах затруднительного положения и об отношении к нам тибетских властей: власти не в состоянии решить, можно ли разрешить нам следовать дальше или возвращаться. Потому правительство Лхасы ожидало дополнительной информации о нас. Тибетцы были очень встревожены, так как кто-то распространил слух о том, что мы являемся большим корпусом монгольской кавалерии. Отряды помчались к границе, и правительство даже послало несколько горных пушек, чтобы держать под контролем наше продвижение. <...>. Старшины Хора сообщили нашим людям, что они не понимают политики правительства Лхасы, и что наше принудительное пребывание в Чу-на-кхе было большим бедствием для местных кочевников, которые должны были снабжать нас топливом, продовольствием и поддерживать большое количество людей и лошадей. <...>

«На встрече всех членов экспедиции мы решили послать новый запрос губернаторам Нагчу и просить их передать телеграммы из Лхасы в Соединённые Штаты и полковнику Ф.М.Бейли, официальному британскому представителю в Сиккиме. Положение каравана становилось отчаянным. Каждый день мы находили умирающего мула или лошадь. Скопища голодных собак осаждали окрестности, и большие стаи ворон кружили вокруг лагеря. Бедные караванные животные получали только один фунт зерна в день, травы же совсем не было. Ночью голодные животные скитались вокруг лагеря, и мы наблюдали странное поведение лошадей и мулов. Находящиеся при смерти животные неизменно пытались войти в палатки, словно пытаясь найти более защищённые места. <...>

«В полдень прибыли эmissар из Нагчу, глава и инспектор службы почтовых станций путей сообщения. Они привезли письмо от губернаторов Нагчу, в котором те писали, что они возвращают наши подарки и не могут пока сделать ничего для нас, что в целом дело касается не их, а верховного комиссара Хора. <...> Посланники сообщили нам, что письмо из Лхасы, снабжённое печатью йир-цанг, или судебного министерства, и адресованное Кушо Капшопу, проследовало через Нагчу четыре дня назад. По их же словам, письмо от верховного комиссара, как ожидалось, достигнет Чу-на-кхе через четыре или пять дней. <...>

«Старшина Нагчу сообщил, что было трудно получить яков в достаточном количестве. Мы послали с нарочным письмо губернаторам и телеграмму для передачи её в Лхасу и затем в Индию».

1 ноября 1927 г. Нагчу.

Телеграмма Н.К. Рериха полковнику Бейли.

Полковнику Бейли. Резиденция Гангток.

НАДЕЮСЬ ВЫ ПОЛУЧИЛИ НАШИ ДВА ПИСЬМА И ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ ТЧК / ПЯТЬДЕСЯТ ДНЕЙ АРЕСТОВАНЫ СИЛЬНЕЙШИМ ХОЛОДЕ ПЛОСКОГОРЬЕ ТЧК / СКУДНЫЙ КОРМ ТЧК / ЖИВОТНЫЕ КАРАВАНА ПОГИБЛИ ТЧК / МЫ ПЫТАЕМСЯ ДОБРАТЬСЯ СИККИМ ЧЕРЕЗ ШИГАТЗЕ ГЪЯНТЗЕ ТЧК / ПОЖАЛУЙСТА ПОМОГИТЕ ПОЛУЧИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ ПЕРЕСЕЧЬ ИНДИЙСКУЮ ГРАНИЦУ ТЧК / ЭТА НОМЕР ТРИ ТЧК / ПРИВЕТ ТЧК / ВСЕ УЧАСТНИКИ ОЧЕНЬ СЛАБНЫ – РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского.)

1 ноября 1927 г. Нагчу.

Телеграмма Н.К. Рериха президенту Хоршу.

АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РЕРИХА ПЯТЬДЕСЯТ ДНЕЙ СИЛЬНЕЙШЕМ ХОЛОДЕ УДЕРЖИВАЕТСЯ ПЛОСКОГОРЬЕ ТЧК СКУДНЫЙ КОРМ ТЧК ЖИВОТНЫЕ КАРАВАНА ПОГИБЛИ ТЧК МЫ ПЫТАЕМСЯ ДОСТИГНУТЬ СИККИМА ИНДИЯ ЧЕРЕЗ ШИГАТЗЕ ТЧК ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ ДАЛАЙ ЛАМЕ ЧЕРЕЗ БРИТАНСКОГО РЕЗИДЕНТА СИККИМА ПОЛКОВНИКА БЕЙЛИ ПРОСЯ РАЗРЕШЕНИЯ ПЕРЕСЕЧЬ ТЕРРИТОРИЮ ТИБЕТА В СИККИМ ТЧК ПОМОЩЬ НУЖНА НЕМЕДЛЕННО ТЧК СООБЩИТЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НОВОМУ СИНДИКАТУ ТЧК ПЕРЕВЕДИТЕ ИМПЕРИАЛ БАНК ДАРДЖИЛИНГ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ ТЧК ЭТА НОМЕР ЧЕТЫРЕ ТЧК УСЛОВИЯ ХУЖЕ ЧЕМ АРКТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ/ ЗДОРОВЬЕ СЛАБОЕ/ РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского.)

2 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«2.XI. <...>Тяжело приходится нам эти дни. Невыносимо мёрзнут ноги, несмотря ни на какие меры. Н.К.Р., ободряя нас, говорит: «Терпение превращается во фризии преданностью и духовным обновлением». У всех без исключения учащённый пульс, который вызвал бы тревогу в иных условиях. Но здесь, на такой высоте, это явление обыкновенное».

2 ноября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«2 ноября. Гонец, отправленный в Нагчу с письмом губернаторам и Далай-Ламе, не вернулся. Сегодня Н.К. предполагает отправить телеграмму в Нью-Йорк, Unitar, с изложением обстоятельств дела о задержке Буддийского Посольства в Чантанге. Телеграмму послать не удалось: не пришёл майор. Уже второй день майор прилежно молится: он говорит, что на своём веку убил много людей и потому теперь должен грехи свои замаливат»ь.

3 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«3.XI. Медитатор сообщает, что через четыре дня будет получен благоприятный ответ из Лхасы. Начинаем понемногу, насколько возможно, устраиваться на зиму. Поднимаются выше валы из снега вокруг палаток, пол устилается добавочными кошмами и мешками. Чемоданы, подложенные под кровать, придают ей устойчивость. У меня становится очень уютно. Беда одна — уже несколько дней градусник, поставленный в палатке, выше -14° С не поднимается».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«3 ноября. Приходил майор. Обещал отправить гонца с телеграммой в Лхасу. Сообщил, что им поручено одному из «тантриков», живущих в пещерах Чантанга, заботиться о сохранении хорошей погоды на всё время нашей стоянки здесь. Лама, медитировавший над благополучным разрешением вопроса о нашем пропуске в Лхасу, сообщает, что ответ Далай-Ламы придёт через 4 дня.

«3 ч. дня. Приехали послы от губернаторов Нагчу, привезли обратно посланные им прежде подарки, сообщив, что эти подарки могут им быть вручены только лично Великим Послом. Ответ Далай-Ламы на письмо хорчичаба

получен и переотправлен ими адресату 3 дня тому назад, следовательно, известия от генерала мы можем ждать дня через 4 (генерал сейчас находится в 3-х днях пути на восток от нашей стоянки). Послы привезли подарок от губернаторов и населения Нагчу — 3 мешка гороха и 1 мешок риса....»

4 ноября 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха полковнику Бейли.

Гангток через Гъянтзе.

ЗАДЕРЖАНЫ В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИДЕСЯТИ ЧЕТЫРЁХ ДНЕЙ ПОСРЕДИ ЛЕДЯНОГО ХОЛОДА В ЛЕТНИХ ПАЛАТКАХ ТЧК / СКУДНЫЙ КОРМ ТЧК / ДВЕ ТРЕТИ ЖИВОТНЫХ КАРАВАНА ПОГИБЛИ ТЧК / ЗДОРОВЬЕ ОПАСНО РАСШАТАНО ТЧК / МАДАМ РЕРИХ СЕРЬЁЗНО БОЛЬНА ТЧК / ПОЖАЛУЙСТА ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ РАЗРЕШЕНИЕ ПРОСЛЕДОВАТЬ ГЪЯНТЗЕ ИНДИЮ ТЧК / ИМЕЕМ ЛОНДОНСКИЕ УДОСТОВЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И СЕРТИФИКАТ БЕНГАЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РАЗРЕШАЮЩЕГО ВЕРНУТЬСЯ ИНДИЮ ТЧК / НАДЕЕМСЯ ВЫ ПОЛУЧИЛИ НАШИ ДВА ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ ТЧК / СИТУАЦИЯ КРИТИЧЕСКАЯ--- РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с английского)

4 ноября 1927 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«4 ноября 1927 г. Прекрасное утро с небольшим юго-западным ветром, принесшим облака. Днём снова были снег и туман. Чиновники Нагчу сначала отказались брать наше письмо и телеграмму, они боялись получить неприятности, передавая сообщение от иностранцев. В Тибете никто не смеет передавать сообщение, данное иностранцем, если он не уполномочен на это правительством. Чиновники, получившие письменное сообщение от иностранца, будут тщательно скрывать этот факт. Другие никогда не примут письмо, а если оно все же вручено, то швыряют его на пол, демонстрируя отказ. Запрет на иностранцев и необходимость непрерывного шпионажа за некоторыми подозрительными лицами или замаскированными иностранцами сделало народ этой страны чрезвычайно подозрительным. Согласно законам Тибета, каждый человек, встретивший иностранца на территории Тибета, вынужден сообщить об этом ближайшему правительственному чиновнику или представителю милиции.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

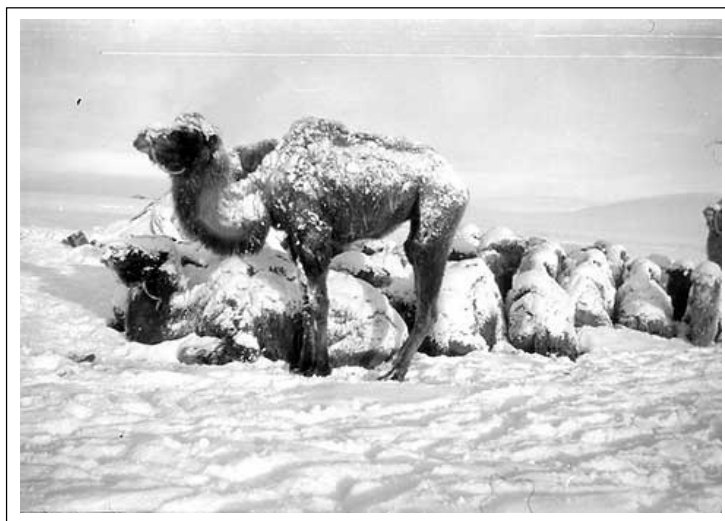
«4 ноября. Послы губернаторов уехали обратно в Нагчу, взяли с собой текст телеграммы, отправляемой Н.К. в Нью-Йорк, Unitar»

5-6 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«5 ноября 1927 г. За ночь выпало много снега, и к утру лагерь был захоронен под несколькими футами снежного покрова. Пришлось откапывать палатки, поскольку некоторые из них напоминали сугробы. Наши бедные верблюды лежали вне лагеря. Некоторые, из наиболее сильных, поднялись и пробовали отряхнуть с себя снег. Многие уже никогда не поднимутся, они замёрзли насмерть, вытянув длинные шеи по земле. Это было печальное зрелище, и наши монгольские погонщики верблюдов серьёзно заметили: "Священные писания говорят, что Тибет будет страной Бурхана, и сострадание будет глав-

ной добродетелью. Но тибетский Бурхан не имеет никакого сострадания к живым существам". По словам наших караванщиков, многие из которых были ламами, паломники из Цайдама не совершают более опасного паломничества в Тибет, которое в большинстве случаев полностью разоряет их. <...>

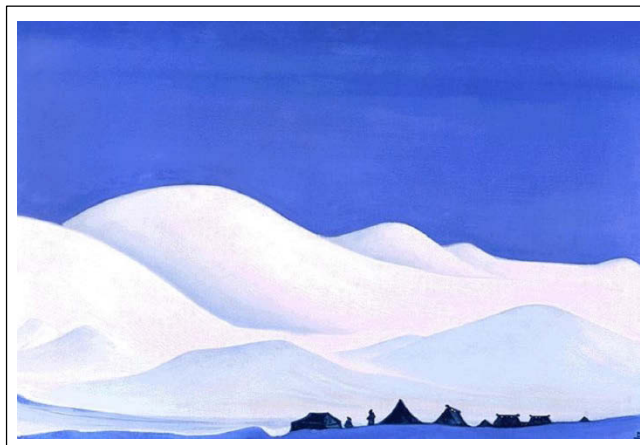
«Агония каравана. Верблюды умирающие».

(Иллюстрация к книге Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» на франц. яз.)

«В лагерь приходил цайдамский монгол из Махаи, который следовал из Лхасы и нёс письмо от Далай-ламы монгольскому князю курлуков. Этот человек ехал с женой и детьми на двух верблюдах. Он очень хотел купить нескольких наших верблюдов, так как его собственные животные были измотаны путешествием из Лхасы. <...>

Монгол сообщил, что чрезвычайно трудно достигнуть Лхасы в настоящее время. Много отрядов размещены по маршруту, и два горных орудия недавно были приобретены правительством. Это была та же самая история, известие о которой мы уже получили от проходящих караванов. Пять больших монгольских караванов были по некоторой неизвестной причине задержаны в Нагчу, и животным каравана нечего было есть из-за исключительно тяжёлых снегопадов.

«6 ноября 1927 г. Снег продолжал падать всю ночь и следующий день. Мы должны были оставаться в своих палатках. Все были утомлены ужасным морозом, который начинал истощать силы. Сохранять собственное тепло внутри палатки на таких больших высотах было почти невозможно. Держать огонь в каждой палатке было также невозможно, так как мы получали ежедневно очень ограниченное количество аргала и его едва хватало для нашей кухни и кухни монголов. Нам приходилось сохранять тепло, гуляя вверх и вниз вдоль лагеря по пешеходной дорожке, специально проложенной для этой цели. После получасового сидения в палатке приходилось снова выходить и двигаться, чтобы согреться, и так продолжалось в течение целого дня. Чтобы сохранять ноги в тепле, мы сделали дополнительные войлочные чехлы из седел верблюдов, которые умерли...»

Н.К. Рерих. Чантанг. Северный Тибет.

[7] ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«... На следующий день один из наших торгутов, приехав в лагерь, сообщил, что лошади и мулы находятся в состоянии ужасной агонии. Скучная трава на пастбище была покрыта несколькими футами снега, и местные охранники не были способны очистить её. Прекрасный большой мул из Сучоу и одна лошадь замёрзли ночью и ещё один мул оставлен умирающим.

«7 ноября 1927 г. Чрезвычайно холодный день, термометр зарегистрировал -35°C . Устойчивый юго-западный ветер проникал сквозь палатки и делал все, находящееся в ней, ледяным и нетерпимым. Мы были вынуждены оставаться вне их или в палатке кухни, греясь непосредственно у огня».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«7 ноября. Утром майор прибыл в сопровождении десятка местных жителей, принесших 10 мешков ячменя и мешок цзампы. Майор вручил Н.К. письменный ответ ламы, медитировавшего над благополучным разрешением вопроса о пропуске нашем в Лхасу; в письме сказано, что ответ можно ожидать сегодня, завтра или послезавтра и что ответ этот будет или хорошим, или средним, но не плохим...

8 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Холод усилился, и термометр перед рассветом зарегистрировал -40°C . Доктор уведомил майора, что некоторые из наших людей очень плохо переносят холода и могут легко заработать пневмонию, если нам придётся остаться дольше на этих высотах. Многие из них жаловались на состояние сердца, и им приходилось давать стимуляторы. У некоторых монголов были распухшие и искажённые лица и конечности. Они передвигались с большим трудом. Наши ламы бормотали молитвы и жгли свечи. Некоторые из них были в серьёзном состоянии и не выдерживали трудностей. Лхаса больше не привлекала их, и они говорили о возвращении в Цайдам и Кумбум. Они вспоминали старые писания, в которых было упомянуто, что с отъездом Таши-ламы религия будет исчезать из Тибета и что останутся только внешние проявления. Люди становились агрессивными и часто завязывались драки. <...>

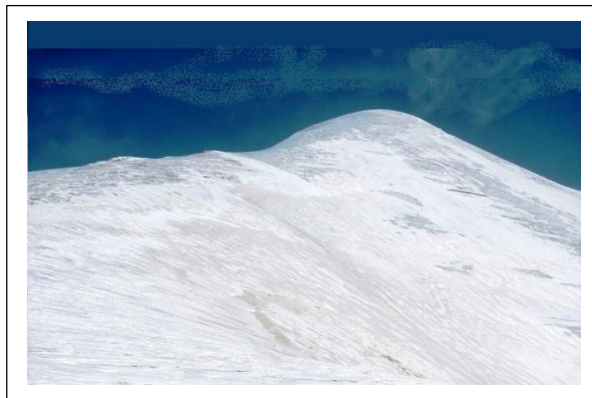
«...Солдаты постоянно пили и играли в карты целый день. Вдохновенные примеры Джецюна Милы и пламенной борьбы великих религиозных реформаторов с восьмого по четырнадцатое столетия были безвозвратно забыты праздными потомками. В настоящее время все наиболее учёные ламы тибетских ламаистских монастырей прибывают из Монголии, Дерге и Кхама. Люди Лхасы допускают праздность, и этот факт уже был замечен сэром Чарльзом Бэллом в его недавней книге. Пообщавшись один день с учёным тибетским гелонгом, он сказал мне: "Вы хотите найти учёных монахов и истинную религию? Почему тогда идёте в Лхасу? Лхаса - простой торговый центр, где религия стала придатком торговли. Идите в горы, и в дикой местности вы найдёте лам, сведущих в заповедях святости"».

8-9 ноября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«8 ноября. Н.К. составил второе письмо Далай-Ламе. Вместе с письмом будет отправлена телеграмма в Нью-Йорк, Unitar, с копиями сотрудникам в Париж, Лондон, Италию, Испанию и Японию. В телеграмме указывается катастрофическое положение Миссии, задержанной на высотах Чантанга уже второй месяц, в снегах, при истощившихся запасах продовольствия и начавшихся заболеваниях среди членов Миссии и служебного персонала. Сотруднику в Париже* указано обратиться к содействию французского правительства и прессы. <...>

«Температура воздуха -25° С. Сегодня утром доктор сказал: "С точки зрения медицины и физиологии наше положение катастрофическое. Мы все погибнем. Спасти нас может только чудо"».

Северный Тибет. Плато Чантанг. (Современное фото)

«9 ноября 1927 г. Снова холодный день, полный вечного ожидания ответа из Лхасы. Тибет проходит ту же стадию развития, которая привела к краху старый Китай. Древние указы Манчу стали ненужным пережитком. Большинство из молодого поколения, кто посетил Индию с её современными тенденциями, уже зажигаются желанием строить свои жизни на новой основе и внести большие изменения в указания древних.

«Монгольский караван, обслуживающий курлукского князя, окружил наш лагерь, и наши монголы помчались, чтобы поприветствовать своих соотечественников. Милиция попыталась предотвратить это, и страсти сильно накалились. Нам пришлось вмешаться, так что в итоге монголам разрешили поговорить с караванщиками. <...>

«Мы снова написали майору протест против действий милиции и потребовали письменного объяснения этого случая. Сначала майор сильно сопротивлялся, не желая давать письменные заявления, но, наконец, написал, что монголы, которые проходили через наш лагерь утром, были плохими людьми и что мы должны избегать говорить с ними. Если бы курлукский князь слышал это!»

9 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«9.XI. Н.К.Р. меняет свой план действий сообразно обстановке. 24 ноября в Америке произойдут выборы главы Западных буддистов. Если к этому времени Буддийским центром в Нью-Йорке не будет получено сведений от Н.К.Р., — то он считает, что его миссия в Тибете закончена, ибо фактически Западом будет выбран другой Далай-Лама и переговоры с Лхасой отпадают. Поэтому Н.К.Р. диктует новое письмо, и на этот раз самому Далай-Ламе Востока, о том, что ввиду явного нежелания Его Святейшества вести переговоры с Посольством буддистов Запада, ими 24 ноября будет выбран Далай-Лама. Н.К.Р. считает свою миссию в Тибете законченной и просит у Его Святейшества распоряжения, чтобы Посольство было пропущено на юг, в Индию».

10 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Перед рассветом 10 ноября термометр зарегистрировал -20°C, но в полдень показал +10°C. Снег таял, и большие лужи окружили палатки. Майор нанёс нам неожиданный визит и принёс важные новости о том, что он получил письмо от верховного комиссара Хора, извещающее, что получено письмо из Лхасы, сообщающее, что правительство рассматривает наш случай. Это было первое письмо от правительства, подтверждающее получение сообщения из Чу-на-кхе».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«10.XI. Ночью мёрзнут ноги, будто бы вся ступня до щиколотки находится в холодной воде. Чувствительность пальцев совершенно атрофирована, и ноги точно деревяшки.

«Вокруг лагеря развелась масса полудиких собак. Они питаются трупами наших павших животных и нападают на всякого отошедшего на несколько десятков шагов от лагеря.

«Н.К.Р. приказал заготовить письма на имя английского резидента в Гингце, где расположен первый гарнизон британских войск».

11 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«11 ноября был холодный ветреный день со снежными заносами. Тяжёлые облака ползли по холмам, обещая ночью снегопад. Главный начальник области неожиданно возвратил наше письмо, адресованное Его Святейшеству Далай-ламе, посланное нами 28 октября. Он рассказал странную и невероятную историю о том, что письмо было потеряно посыльным, и что другой путешественник подобрал его. Мы потребовали послать письмо ещё раз и наказать предыдущего посыльного за небрежность. Посыльный с письмом умчался в тот же самый день. <...>

«Прибыл в лагерь один из монголов, отвечающий за лошадей, и сообщил, что ещё четверо животных погибли. Мы решили привести оставшихся лошадей и мулов к лагерю и попробовать продать их путешественникам. Нам пришлось купить ещё войлока, чтобы защитить себя от ночного холода. Холод был настолько силён, что ночью в карауле невозможно было найти себе места, и защита лагеря была поручена местной милиции, которая благополучно выдерживала погоду. У всех наших монголов были сердечные приступы. Они негодовали на жестокое отношение тибетских властей, и становилось всё труднее сдерживать их чувства. К вечеру ещё один большой верблюжий караван проследовал к северу, длинная вереница нагруженных верблюдов с людьми, идущими перед животными. Унылый холодный вечер следовал за холодным днём, и снежные порывы секли лица и ветер ревел в горах...

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«11 ноября. В час дня пришёл майор. Сегодня он получил известие от генерала, в котором последний сообщает о получении им письма из Лхасы, в котором генерал извещается, что его письмо правительством получено, и ответ на него придёт в ближайшие дни. Сегодня Н.К. отправляет гонца с телеграммой в Гангток, Бейли, через Нагчу. Этот же гонец привезёт нам из Нагчу ячменя и необходимое из продуктов».

12 ноября 1927 г.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«12 ноября. Явился уездный начальник с пакетом, в котором было первое письмо Н.К. Далай-Ламе, посланное в Лхасу ещё 28 октября. Уездный начальник дал при этом странные объяснения: будто бы гонец, посланный с письмом, заболел в дороге и письмо потерял. Теперь это письмо было кем-то найдено и доставлено уездному начальнику. Причём последний просил о случившемся не доводить до сведения майора, обещая доставить нового гонца.

«10 ч. 30 мин. Гонец с письмом Далаю отправлен. В письме сделанаписка с изложением истории пропажи письма. Через полчаса после отъезда гонца в наш лагерь прибыли двое солдат, которые должны были выехать вчера в Нагчу с телеграммой Бейли. Они привезли обменять часть денег, т.к. в Нагчу старые императорские китайские доллары не идут. Пришлось обменять им эти доллары на доллары выпуска 3-го года Китайской Революции, которые принимаются особенно охотно.

12 ч. дня. Приехал табунщик Дорчже с сообщением о падеже трёх верблюдов».

13 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«13 ноября. Снегопад принёс изменение в погоде и температуре. День был тёплым и туманным, и плотная завеса скрыла окружающие горы. Майор нанёс нам ещё один визит, и мы долго беседовали о ситуации. Он осмотрел животных каравана и нашёл их в ужасном состоянии, многие из них были обречены. Он внезапно понял безнадёжное положение каравана и согласился послать другого посыльного в Нагчу, чтобы убедить губернаторов постараться быстрее получить ответ из Лхасы. Мы имели достаточно тибетского гостеприимства. Мы вспомнили, что слышали о том, как несколько месяцев назад

тибетский караван был задержан на несколько дней по приказу китайских властей. Тибетцы были разъярены и протестовали против такой задержки.

14 ноября 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха начальнику почты Лхаса.

Чу-нарген 14 ноября 1927г.

Начальнику почты Лхаса.

СЭР ПОЖАЛУЙСТА ОТПРАВЬТЕ ПРИЛОЖЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ НЕОТЛОЖНО В ГЪЯНТЗЕ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПЕРЕСЫЛКИ В ГАНГТОК СИККИМ ---РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ.)

14 ноября 1927 г.

Телеграмма Н.К. Рериха в Америку.

Телеграмма в Америку:

«НОМЕР ТРЕТИЙ. НАДЕЮСЬ, ВЫ УЖЕ ПОЛУЧИЛИ НАШИ ДВЕ КАБЛОГРАММЫ. ИСТИННО, СОРОК ДНЕЙ ЗАДЕРЖАНЫ НА МОРОЗНЫХ НАГОРЬЯХ 15.000 ФУТОВ ВЫСОТЫ. НЕДОСТАТОК ПИЩИ, ТОПЛИВА И ФУРАЖА. ДВЕ ТРЕТИ ЖИВОТНЫХ КАРАВАНА ПОГИБЛИ. ПОЧТИ ВСЕ ЧЛЕНЫ МИССИИ БОЛЬНЫ. НЕМЕДЛЕННО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ ДАЛАЙ-ЛАМЕ — ЛХАСА VIA INDIA, УДОСТОВЕРЯЯ, ЧТО МЫ АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ С МИРНЫМИ ЦЕЛЯМИ ИЗУЧЕНИЯ БУДДИЗМА. ПОЛОЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЕ. СООБЩИТЕ ДЕЛО НОВОМУ СИНДИКАТУ. ПЕРЕВЕДИТЕ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ В ИМПЕРСКИЙ БАНК ДАРДЖИЛИНГА. НАДЕЮСЬ, ЗИНА И КЛОД ПОСЕТЯТ ДАРДЖИЛИНГ ЛЕТОМ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЗЯТЬ ИТАЛЬЯНСКУЮ ЛИНИЮ?»

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Перевод с англ.)

14 - 15 ноября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».

«14/XI. <...> «Второй день болит у Е.И. голова. Сегодня провела ночь очень плохо - головная боль усилилась, и затекли руки и ноги - результат переживаемых резких волнений. Н.К. чувствует себя сегодня несколько лучше. Пал ещё один мул, безнадежно лежит лошадь. За ночь снега прибавилось - верблюды умирают на глазах медленной голодной смертью - лошадиного корма есть не могут, да и мало у нас его. Н.К. говорит, что эта ночь была наиболее тяжкой для Е.И. из всех, что он вообще запомнил за 27 лет; всю ночь Е.И. промучилась, не смыкая глаз.

«В 12 ч. дня явился гонец, с которым и отослали сегодня третье уже письмо Далай-Ламе, телеграмму в Америку, письмо генералу, и письмо и телеграмму Бэйли (Bailey).

Письмо Далай-Ламе: «Ваше Святейшество! Благородные намерения нашей Миссии были выражены мной в двух письмах — от 28 октября и 8 ноября с.г., которые, по моим сведениям, были Вам доставлены несвоевременно. Я могу утверждать о несвоевременности доставки этих писем, ибо письмо от 28 октября было нам обратно доставлено, как бы потерянное на дороге, и, по нашим сведениям, было вновь послано в направлении Нагчу 12- го сего ноября.

За это время гибельное положение Миссии ухудшилось во всех отношениях. Все мы опасно больны; население, несмотря на нашу плату за продукты, не в состоянии их поставлять, и более двух третей каравана животных уже по-

гибло. Эта жестокость противоречит Учению Благословенного Будды. Если бы я мог предполагать подобный оскорбительный приём, я никогда не согласился бы принять уже известное Вам поручение от Западных Буддистов. Теперь правительство Тибета жестоко оскорбило в лице нашей Миссии великую страну Америку и благородные намерения Западных Буддистов. Весть об этом громом пронесётся по всему миру, ибо воистину не было ещё Посольства с такими священными целями и готового принести богатство и знания Запада Учению Будды.

Теперь, после 40 дней ареста, ибо Миссии запрещено даже разговаривать с проходящими караванами, наше единственное желание - немедленно продвигнуться через территорию Тибета в направлении Гиангцзе - Индия, о чём мы уже сообщили лично известному нам британскому резиденту Сиккима Бэйли. Такое ли отношение встречали тибетцы за пределами своей страны? Во всяком случае, тибетское правительство не может бояться девяти западных буддистов, в число которых входят две женщины и один ребёнок. Правительство понимает, какую фактическую ответственность оно приняло на себя своими бесчеловечными и оскорбительными действиями, к тому же игнорируя паспорта и письма, выданные Вашим представителем в Урге. В 24-х странах я встретил приём, достойный моего общественного положения. Единственная, 25-я, страна - Тибет - выказала полное бесчеловечие и неуважение к заветам Благословенного Будды».

«Телеграмма в Америку: «Номер третий. Надеюсь, Вы уже получили наши две каблогаммы. Истинно, сорок дней задержаны на морозных нагорьях 15.000 футов высоты. Недостаток пищи, топлива и фуража. Две трети животных каравана погибли. Почти все члены Миссии больны. Немедленно телеграфируйте Его Святейшеству Далай-Ламе — Лхаса via India, удостоверяя, что мы американская экспедиция с мирными целями изучения буддизма. Положение критическое. Сообщите дело Новому Синдикату. Переведите десять тысяч рупий в имперский банк Дарджилинга. Надеюсь, Зина и Клод посетят Дарджилинг летом, прежде чем взять итальянскую линию?»

«В письме генералу сообщено, что срок 24 ноября для нас уже истёк, и теперь наше намерение пройти Тибет в направлении Гиангцзе - Индия. Бэйли же уведомлён о пропуске нас в Индию. Пропустив срок 24 ноября, восточные буддисты своими действиями добились того, что на Западе будет отдельный Глава Буддизма. Последствия всецело ложатся на их ответственность. Получено сведение от майора, добытое им из Нагчу, что из Лхасы выехал гонец с решением по нашему делу. Мы заслушали это равнодушно. Вьюга продолжается. Пала ещё одна лошадь. Ввиду тяжести и неопределённости нашего настоящего положения спросили Н.К., часто ли ему приходилось испытывать в путешествиях затруднения. Н.К. ответил, что даже и пересчитать трудно: «Помню, как на моих глазах исчезла шведская виза, что ставило мою выставку, иначе говоря, меня самого, в критическое положение. В Лондон после больших хлопот я смог въехать в качестве циркового декоратора, но не в качестве художника, причём двое из моих друзей должны были дать подписку, что я во время моего пребывания не нарушу условий рабочего вопроса. С Америкой, Францией, Италией и Индией вообще не было никаких затруднений. Австрия, несмотря на моё почётное членство в Сецессионе, вообще отказалась пропустить меня. Впрочем, я и не особенно нуждался в этом въезде. Затем следовал ряд удержаний и запрещений - кашмирские полицейские власти провокаци-

онно препятствовали продвижению на Ладакх; затем - задержание в Хотане с угрозой выслать через непроходимый в то время года снежный перевал Санжу; затем трудности при выезде из Монголии. Таким образом, каждый шаг нужно было брать с боем, но зато во время «эпидемий виз и колючей проволоки» мы прошли самые трудные в этом отношении места. Здешняя фантастика меня забавляет своей сложностью, где невежество и скелет маньчжуризма умертвили самые драгоценные понятия» <...>

«Во время вьюги среди дня голодные верблюды опять возвратились к лагерю, чтобы лечь на своей стоянке, где меньше снега. Голодные и исхудалые, погибающие медленной смертью, на наших глазах они превращаются в скелеты, грозящие восточным «буддистам» за их жестокосердие. День неожиданно кончился возмутительной выходкой ламы Бухаева, а также и двух других лам - Малонова и Ламаджана. Лама Бухаев, молодой человек лет 24-х, присвоил эмалированную чашку. На требование Ю.Н. вернуть её по принадлежности Бухаев без всяких оснований отказался и начал говорить Ю.Н. дерзости. Присутствовавший тут же П.К. хотел удалить из палатки Ю.Н. ламу Бухаева, не подвергая нападению и ударам последнего. Так могут быть возмутительны ламы. Бухаев получил немедленно расчёт и был отправлен с дежурным десятником-хором при записке Ю.Н. по-тибетски к майору, как представителю местной военной власти на распоряжение. Вслед за сим явились двое лам - один - его дядя Малонов, другой - Ламаджан, живший с Бухаевым в одной палатке, и заявили о расчёте, поддерживая преступного Бухаева; расчёт им был выдан. Как подлежащие отдельной отправке от каравана, и эти двое лам были направлены к майору. Таким образом, мы понемногу освобождаемся от ленивого или непригодного нам в составе Миссии элемента. К середине дня состояние здоровья Е.И. стало немного лучше - головная боль, причинявшая особенно сильные мучения, несколько уменьшилась».

15 ноября 1027 г. Чантанг. (41-й день)

«15/XI. <...> На 41-й день сидения нас ожидал сюрприз - ночью выпал глубокий снег, местами по колено, окончательно занесший лагерь гостей Далай-Ламы. Можно себе представить, что творится с животными - верблюды лежат в снегу, прижавшись один к другому, даже не пытаясь больше встать. Корма остался один мешок, и явилось предположение, не поддерживать ли нам только одних лошадей, давая им по 1 фунту зерна в день, обрекая тем самым других животных на голодную смерть. Опять посылаем за майором. Н.К. говорит: «Если девашунг останавливает на месте караван, он должен знать, что оно пригодно для пребывания, и тем самым он берёт на себя ответственность за предоставление достаточных жизненных условий. Или же девашунг так же соответствует разумному правительству, как шаманский ламаизм отвечает буддизму? Как необходимо отмыть Великий Лик Учителя Будды!» <...>

«Ночью головная боль у Е.И. вдруг исчезла, но зато появились сильные боли в нижней челюсти, которые в свою очередь вскоре прошли, но вдруг болезненно опухли околоушные железы. Часа через два опухоль желез прошла, но опять возобновилась головная боль. Невольно припоминаются необъяснимые симптомы различных заболеваний, описанных в литературе о Е.П.Блаватской. Н.К. обдумал серию картин - «Земля Будды».

Н.К. Рерих. Свет Азии. 1928.

«Сегодня Ю.Н. с утра посылает письмо майору, сообщая о нашем намерении послать верблюдов в Нагчу для спасения от голодной смерти, и спрашивает, какому взысканию подвергнут Бухаев за его недопустимое поведение.

«Около 1 ч. дня явился майор в сопровождении солдат и арестованного им ламы Бухаева. Длинные, нудные разговоры о наложении взыскания. Майор предложил, принимая во внимание ламское звание Бухаева, обязать его сделать сто растяжных земных поклонов. Н.К. же настаивал на денежном штрафе в пользу местного монастыря в размере 35 янчан. Последствия увидим. Майор также согласился на отсылку наших верблюдов в Цомра в десяти верстах от Нагчу, где будто бы, по его словам, имеется трава, еще не совсем покрытая снегом. Ещё раз категорически разъяснили майору, что тибетское правительство, не давая ответа в течение 41 дня, считая с 6 октября с. г., и оставляя нас в катастрофическом положении, взяло на себя полную как нравственную, так и материальную ответственность за последствия. Правительство ответственно за своих агентов, как за больших, так и малых.

«Е.И. сегодня передавала замечательное изречение из восточного сказания: «Чернила учёного так же священны, как кровь мученика». Так вообще смотрят на Востоке на ценность знания!»

15-16 ноября 1927. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«15 ноября. Тяжёлый снегопад продолжался всю ночь, и утром мы едва могли перемещаться по лагерю. Снег необходимо было отгрести от входов в палатки, чтобы обитатели смогли выйти. Верблюды, связанные вьючной веревкой, были полностью захоронены под снегом и отказались подниматься. Это было плохим признаком и означало, что животные будут вскоре мертвы. Голодные мулы начали есть войлочные покрытия и хвосты друг друга».

«16 ноября. Профессор Рерих заболел и должен был остаться в постели. Доктор также страдал от слабости сердца. Я написал ещё письмо к майору, проинформировав его, что мы решили идти в Нагчу без задержки, поскольку дальнейшее ожидание причинит невосполнимый вред. Майор теперь старался избегать наш лагерь, отговариваясь тем, что он занят местными вопросами».

17 ноября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«17 ноября. Н.К. простудился и второй день не выходит из палатки — явление совсем необычное. Многие из членов Миссии за эти 7 месяцев не выдерживали испытаний тяжёлого пути: так, Миссия должна была простоять более двух месяцев в местности Шарагольчи, чтобы переждать жаркое время года, оказывающее губительное действие на здоровье Е.И.; сейчас на Чантанге холод повергает в уныние доктора - у него расширение сердца и застарелый ревматизм ног; Ю.Н. перенёс тяжёлое сердечное испытание на последнем переходе из Шингди; полковник совсем опустился: целыми днями не выходит из своей палатки, побледнел, осунулся и выдумывает для себя различные болезни. Из всех членов Миссии один только Н.К. за весь долгий путь ни разу не выказывал утомления или раздражения. И ни на минуту не покидала его жажда неутомимой деятельности. Даже теперь, в нашем одиночном тюремном заключении на Чантанге, Н.К. нисколько не изменился: своей настойчивостью в требованиях объяснений о причинах задержания Миссии и своим непреклонным желанием двигаться дальше, несмотря на неполучение ответа из Лхасы, Н.К. вывел из терпения обоих губернаторов Нагчу, и даже сонный майор, оставленный нам в качестве заместителя хорчичаба, в беседах с Н.К. начинает проявлять несколько повышенное настроение».

18-20 ноября 1927. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«18 ноября. Холодный ясный день последовал за унылыми днями и ночами со снегопадами. Термометр зарегистрировал -35°C утром, и низкие температуры преобладали в течение дня. Посыльный добрался до Чу-на-кхе с сообщением, что письмо из Лхасы должно было прибыть через четыре дня. Профессор Рерих всё ещё болел, отношение майора вызывало значительное раздражение среди служащих нашего лагеря».

«19 ноября. Солнечный яркий день. <...> В полдень майор возвратил наши письма Его Святейшеству Далай-ламе и полковнику Бейли и несколько телеграмм в Нью-Йорк, которые были посланы для передачи через Лхасу в Индию. Губернаторы Нагчу написали, что они не способны отправить эти письма в Лхасу из-за тяжёлого снегопада на Шанг-шунгском перевале. Солдат, который ушёл в Нагчу, чтобы купить зерно для животных, возвратился с провизией. Ему удалось закупить только два маленьких мешка зерна и один мешок плохой муки. Бедные караванные животные должны голодать. У нас было немного зерна, или цампы, и животных приходилось кормить чурой, или тибетским молочным сыром, и сухим чаем, который ещё можно было найти у местных жителей.

«20 ноября. Холодные дни с морозными ночами, в течение которых термометр зарегистрировал до -40°C . Земля сильно промерзла, а растаявший снег превратился в толстый слой льда, который затруднял движение».

21 ноября 1927. Чантанг. (46-й день)

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«21/XI. Письмо на имя Первого Министра. Сражение с генералами. Ужас положения тибетских подданных - хоров.

Ночью сильный мороз; видимо, была наиболее морозная ночь. В палатке Е.И. и Н.К. всё заиндевело и чрезвычайно сыро. День морозный и солнечный. Н.К. с утра на солнце. Обещанного гонца так и нет. Н.К. чувствует необходимость принятия каких-то экстренных мер. <...>

Сегодня Е.И. чувствует себя лучше - нет головной боли и кашель меньше. Вызвали майора и будем настаивать опять послать задержанные письма, но теперь на имя Первого Министра, сопровождая посылку следующим английским письмом:

«Уже сорок шестой день мирная буддийская американская экспедиция, насильственно задержанная, погибает на морозных высотах Чантанга. Далее стоять мы не можем, и единственное наше желание - уйти из негостеприимного Тибета, не пожелавшего даже выслушать Грамоту Западных Буддистов. Пусть исполнится пророчество! Сейчас нам необходим лишь выход через Гиангце на Индию, где мы можем поправить наше потрясённое здоровье. Благоволите в самом спешном порядке указать властям содействовать нашему проходу на Гиангце, о чём мы уже известили личного нашего знакомого британского резидента Сиккима Бэйли. А также благоволите передать по адресу приложенную корреспонденцию. Ждём Ваших немедленных распоряжений».

«Тщетно ждём майора и гонца, а пока вспоминали о бывших сражениях Н.К. с генералами: «Вот, генерал Клейгельс, градоначальник, не разрешил Н.К. открыть выставку картин - за порнографию! Можно себе представить, насколько эта лицемерная нелепость соответствует суровому духу картин Н.К. На ссылку художника на античные статуи в Летнем саду генерал заметил, что там его власть не распространяется. Или другое сражение с генералом Вендорфом, замещавшим градоначальника, запретившим открытие обычной отчётной ученической выставки Школы Общества Поощрения Художеств, где Н.К. был тогда директором, за реалистические подробности этюдов натурального класса. Генерал понёс жестокое поражение. Н.К. предложил генералу указать всё, что, по мнению последнего, подлежит прикрытию, а затем, на точном исполнении генеральских указаний, картины и скульптура были изукрашены юбками и панталонами различных цветов. Скандал получился невероятный, и градоначальство должно было капитулировать!» Когда я смотрю на Н.К. и беседую с ним, то мне ясно представляется, сколько житейских битв им было выиграно. Вспоминаются две строки из его сюиты «Цветы Мории»: «Волшебником буду сегодня и неудачу в удачу я превращу». Думаем, что майор опять сегодня не придёт: или нетрезв, или продолжает ждать, видимо, мифического гонца».

21 ноября 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«21 ноября. Здоровье Е.И. поправилось, только после семидневного пребывания в темноте палатки Е.И. принуждена теперь одевать синие очки для предохранения глаз от ослепительных лучей солнца, отражённых снегом. Н.К. ещё кашляет, но уже выходит на воздух, со вчерашнего дня составляя сов-

местно с доктором новые планы к разрешению затянувшейся проблемы нашего сидения на Чантанге.

Майор уже второй день уверяет, что письмо от генерала должно прибыть не сегодня, завтра. Лама-тантрик, погадав на бараньей лопатке, тоже уверяет в скором получении письма».

22 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«22.XI. Сегодня боевой день в области дипломатических переговоров. Но я не в курсе, так как слёг. Подробности их занесены в дневник доктора экспедиции.

22-23 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«22 ноября. За холодным безветренным утром последовал ветреный день. Юго-западный ветер обычно начинался после полудня и непрерывно дул до заката. Было невозможно оставаться долго снаружи, а внутренность палаток была слишком промёрзшей. Полковник (Н.В. Кордашевский – ред.) страдал от общего расстройства. Он остался в постели, и мы волновались за его состояние. Майор нанёс свой ежедневный визит и сообщил мне, что, согласно тантрическому ламе, который теперь находится с ним в его лагере, письмо от правительства придёт очень скоро и что мы не должны волноваться. <...>

«На следующий день сильный ветер дул с самого утра, и термометр зарегистрировал -25°C. Ничего не было известно о посыльном, который, как говорили, находился на пути в Лхасу. Некоторые из милиционеров провели целый день, наблюдая за дорогой. Расспрашивали каждого вновь прибывающего из Нагчу, но все были в полном неведении относительно какого-либо посланника или письма на дороге. Ещё две лошади замёрзли и несколько других были на грани гибели. <...>

«К вечеру мороз усилился, но ветер стих, и ночь была холодной, но тихой. Вечером я зашёл в милицейскую палатку и увидел, что люди спят, сидя на голой земле. Это было чудо, что они не замёрзли до смерти в своих рваных шубах из овчины».

24 ноября 1927. Чантанг. (50-й день)

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«24/XI. <...> Сегодня знаменательный день - в Америке происходят глубоко значительные собрания и выборы. Мы же здесь мёрзли опять ночью, а утром толковали о возможностях знания, причём Н.К. заметил: “Люблю науку и знания, которые говорят «можно», и пренебрегаю тем, что трусливо шепчет «нельзя». Человеческие возможности поистине неограничены, и цветок истинного знания - поистине жемчужина лотоса”.

«Сегодня 50-й день нашей тибетской пытки. Утром возникали какие-то неясные мысли о ближайшем монастыре, но выяснилось, что помещения без топков, совершенно для нас непригодны, и сам монастырь секты бон-по. Сегодня Е.И. читала из книги «Знаки Агни Йоги» замечательную легенду о Будде и Майтрейе.

«Падёж животных каравана продолжается - ночью пала ещё одна лошадь. Сегодня заготовили письмо генералу по-тибетски следующего содержания:

«Недавно двое прибывших сюда людей сообщили нам, что Вами получен ответ лхасского правительства. С тех пор прошло много дней, и ответа от Вас пока не имеем, ввиду чего и спрашиваем Вас этим письмом. Американская Миссия Западных Буддистов около двух месяцев находится в Чунаргене. Вследствие сильных холодов опасно заболели и принуждены были несколько дней провести в постели.

Было послано Далай-Ламе два письма, но они были возвращены губернаторами Нагчу, что чрезвычайно оскорбило Начальника Миссии. Вследствие сильных морозов большинство наших мулов и лошадей погибло; верблюды, потеряв силы, не в состоянии нести груз, некоторые слезли уже и издохли. Тем, что Миссия не смогла сначала продать животных, нами понесён большой убыток. В настоящее время у Начальника Миссии и всех его сотрудников имеется только одно желание - продвинуться на Индию. От проезжающих монголов мы узнали, что монгольское посольство живёт в Лхасе в домах, тогда как мы, представители великой страны Америки, принуждены здесь мёрзнуть в летних палатках. Если нам не удастся теперь продвинуться в Индию, то могут возникнуть чрезвычайные осложнения. Сегодня в столице Америки собирается Собор Западных Буддистов, на котором избирается Глава Западных Буддистов. Таким образом, поток Учения беспрепятственно потечёт на Запад. Да прославится вовек Учение на Западе! В настоящее время у Начальника Миссии нет иной мысли, как только проехать в Индию. Просим довести это до сведения тибетского правительства и оказать нам свое содействие».

«Сегодня местный старшина беседовал с Ю.Н. и сообщил, что он не помнит таких холодов и снега, как в этом году. Это, по мнению народа хоро, происходит потому, что «тибетское правительство препятствует высоким целям таких людей, как мы, что оно приняло этим грех на себя. Да и вообще при китайцах народу жилось лучше - не душили так налогами». Спрашивал, не придут ли опять китайские войска с Таши-Ламой обратно. В то же время от него узнали, что отсюда считают десять дней пути мулами до Шигацзе, оттуда же сутки езды до Гиангцзе. Перевалов, по его словам, на этом пути не имеется. Вместе с письмом генералу посылаем две телеграммы, одну - в Америку, другую - британскому резиденту в Сиккиме Бэйли:

«Американская буддийская Миссия задержана в течение 50 дней на высотах при сильных морозах. Недостаток пищи и фуража для лошадей. Животные каравана погибли. Пытаемся достичь Сиккима через Шигацзе — Гиангцзе. Телеграфируйте Его Святейшеству Далай-Ламе через британского резидента в Сиккиме полковника Бэйли, спрашивая разрешения пройти через тибетскую территорию в Сикким. Помощь необходима немедленно. Сообщите телеграмму Новому Синдикату».

«Полковнику Бэйли:

«Надеюсь, получили два наших письма и телеграммы. 50 дней задержаны на высотах при сильных морозах. Недостаток пищи и корма. Животные погибли. Стараемся достичь Сиккима через Шигацзе - Гиангцзе. Просим оказать содействие на получение разрешения прохождения индийской границы».

«Вечером принесли в лагерь трёх овец, загрызанных дикими псами. Животные ещё бились в судорогах с разорванным горлом. К сожалению, стрелять нам здесь нельзя даже в хищных диких псов, которые, в конце концов, могут забраться и к нам ночью в палатки, так как бродят стаями и потому смелы. На

днях с трудом удалось достать у местных жителей немного невыделанной шерсти для отепления ног и вязки варежек».

26 ноября 1927 г. Чантанг. (52-й день)

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«26 ноября. Вернулся гонец из Нагчу, посланный 5 дней тому назад с двумя первыми письмами Далай-Ламе, переименованными в адрес девашунга, и с препроводительным письмом губернаторам Нагчу. Письма эти гонец привёз обратно с объяснением, что губернаторы писем к переотправке в Лхасу не приняли и были очень раздражены, видя такое наше нетерпение (52 дня ожидания?!) дожидаться ответа от правительства. Из продуктов гонец также не смог купить ничего, таким образом, дня через два мы останемся без сахара, мука тоже приходит к концу, и тогда придётся питаться одним мясом яка, которое ещё доставляет нам майор.

27 - 30 ноября 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Вечером 27 ноября необычное волнение в тибетском лагере указало на прибытие двух посланников от верховного комиссара Хора. Майор прислал сообщение, что он приедет рано на следующий день с письмами от верховного комиссара.

«28 ноября. Майор прибыл около полудня и принёс письмо от верховного комиссара. После обычных вежливых фраз верховный комиссар извинился за то, что не послал наши письма к Его Святейшеству Далай-ламе и полковнику Ф.М. Бейли. Два письма он возвратил. Он также сообщал, что правительственный ответ будет передан через губернаторов Нагчу и с этого времени мы должны обращаться непосредственно к ним. Верховный комиссар, очевидно, пытался избежать ответственности и был неспособен дать определённый ответ от правительства. Я был уверен в этом. Письмо было составлено в таких неясных выражениях, что становилось понятным, что верховный комиссар не способен принять какое-либо чёткое решение. Любое постановление тибетского правительства излагалось в такой же манере, и чиновник, к которому оно было адресовано, не мог разобраться о реальных намерениях авторов. Последовав совету верховного комиссара, мы отправили посыльного губернаторам с сообщением, что решили двигаться в Нагчу и провести с ними переговоры о нашем дальнейшем маршруте в Индию.

«Поздно вечером лама Риг-дзин прибыл с двумя верблюдами из Цомра и сообщил, что пять других умерли, а оставшиеся двенадцать не способны двигаться и уже несколько дней не поднимаются. Так пришёл конец нашему верблюжьему каравану. Сорок прекрасных верблюдов погибли и только четыре остались живы».

«29 ноября. Утром обнаружили новые потери животных. Один мул был найден мёртвым, а другой пропал. Несколько человек пошли его искать, но нашли также мёртвым, засыпанным снегом у подножья холма. В остальном день прошёл спокойно.

«30 ноября - облачный день с сильным юго-западным ветром. К полудню ветер стих, и до вечера было безветренно и солнечно. Голубин и лама Кхе-дуп

пошли на стойбище кочевников, которое находилось милях в трёх от лагеря, чтобы купить масло и мех. Охранники оказались в затруднительном положении и попросили нас не ходить. Местным кочевникам было строго приказано не продавать продовольствие, и те сильно опасались майора и его солдат».

30 ноября 1927. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«30.XI. Обсуждается вопрос о подаче иска на тибетское правительство за все убытки, понесённые экспедицией благодаря его неправильным действиям».

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Свирип предрассветный мороз. Конечно, более 70°С. Утром у доктора замёрз коньяк. Сколько же градусов было, чтобы крепкое вино замёрзло? Доктор по-прежнему пессимистичен и ждёт опасностей. Здоровье Н.В. [Кордашевского] и П.К. [Портнягина] плохое. Очеру предсказана смерть. Хорошо держатся Людмила и Рая, или, как тибетцы зовут их, Мила и Рея. Какие скучные холмы между Чунаргом и Нагчу. Давно разрушились горы, и сейчас распадаются кучи щебня и гальки. Ни куста, ни дерева; только высокие, неприятные коням кочки с усатой колючей травой. Говорят нам, что, прийдя к Центральному Тибету, мы будем поражены переменой природы. Но другие усмеваются, говоря, что до самых Гималаев будем следовать кладбищем разрушенных гор. Бедные хорпа. Зубы их выпадают от цинги, мускулы дряблы. Сил меньше, чем у тринадцатилетней Раи. Конечно, тощее сырое мясо и горсть грязной цампы на дадут здоровья. И как безмерна подозрительность друг к другу. Не верят никому, боятся, готовы ждать постоянной напасти. Монголы, несмотря на дунганских каверзных чиновников, сравнительно с тибетцами - свободные люди».

ДЕКАБРЬ

1 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«1 декабря. Уже полмесяца стоит ясная погода, очевидно, «тантрик» взялся за своё дело серьёзно, опасаясь телесного наказания, обещанного ему майором в случае нового снегопада. Ежедневно часов в 6 утра из лагеря майора доносится треск ручного барабана, завывания трубы из берцовой человеческой кости и слышится петушиный голос «тантрика», выкрикивающего заклинания. «Тантрик» живёт в отдельной палатке, наверху которой укреплены 4 ветряные мельнички - по ним заклинатель наблюдает направление ветра и его силу.

«Кипучая энергия Н.К. ищет выхода: сегодня он придумал новое занятие - киносъёмку. Я служил за кинооператора и при помощи небольшого портативного американского аппарата для киносъёмок заснял на фильм наш лагерь и ежедневную прогулку Н.К. с доктором на нашем лагерном "Riverside drive"».

2 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«2.XII. -15° С при резком холодном ветре. Прячешься в палатку и кутаешься во что только можно. За обедом делаются предположения о том, чтобы,

остановившись на продолжительное время в Гиангцзе, посетить оттуда знаменитый Ташилунпо и другие монастыри. Понемногу как будто является привычка к высоте - но работать, двигаться или дышать против ветра всё же очень тяжело.

«Сегодня старшина хоров пробовал взять взятку за то, что Голубин ездил в окрестности для закупки продовольствия. Это рисует положение. Прислушиваемся, не зазвонят ли бубенчики, не покажется ли со стороны Нагчу вершник-гонец. Но всё тихо, никого не видать, и ниоткуда нет известий»

1 - 3 декабря 1927 г. Чантанг.

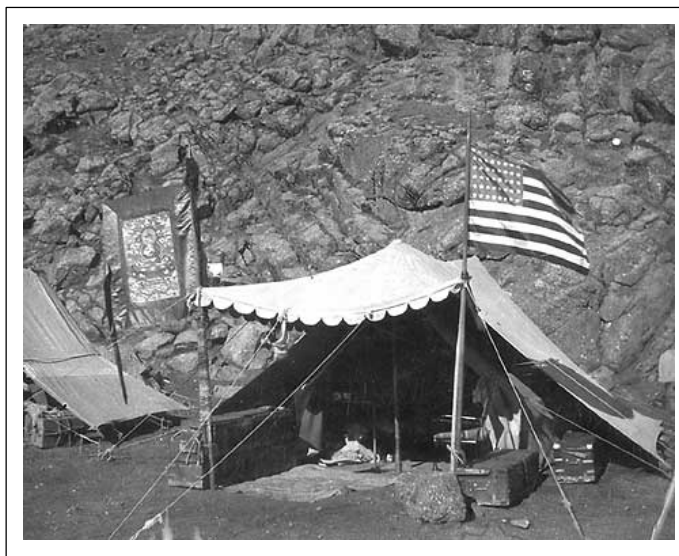
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«1-3 декабря. В течение этих дней погода была более тёплой. О новых снегопадах на перевалах не сообщалось, и грузёные животные, как говорили, уже могли пересечь Шанг-шунг по хорошо утоптанной снежной тропе. Несмотря на долгожданные новости, что путь к Лхасе открыт и что караваны и группы паломников успешно пересекают перевалы, ответа от правительства не последовало, и маловероятно, что он когда-либо мог появиться. Таможенный чиновник, размещавшийся в Чу-на-кхе, поехал в Нагчу, чтобы решить с губернаторами вопрос о нашем прибытии туда.

3 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

3 декабря. Сеансы киносъёмки продолжаются. Сегодня засняли вид лагеря, причём у палатки Н.К. был развёрнут американский флаг. Затем взяли на фильм наш табун лошадей и мулов, пришедший за очередной вечерней порцией ячменя. Намерение Н.К. «завалить» тибетских чиновников требованиями возымело своё действие: местное население, принуждённое доставлять нам яков, ячмень, цзампу и проч., начинает со своей стороны воздействовать на майора, настаивая на пропуске нас в Нагчу и далее, т.к. запасы продовольствия у населения весьма ограничены и они не в состоянии снабжать нас всем необходимым.

«...у палатки Н.К. был развёрнут американский флаг...»

3 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».

«3/XII. <...> С утра солнечный безветренный день. Думаем, откуда происходят чудовищное самомнение и наглость тибетского правительства, преступно бездейственного в отношении своего народа, получающего средства или от подаяний буддийского мира, или в результате ограбления собственных подданных. Единственное объяснение - крайняя степень невежества, несмотря на громкие титулы - «Океан Знания», «Святейшество», «Драгоценность» и тому подобные, а в действительности - жалкое убожество сознания и всей окружающей жизни, хуже, чем нищенской.

«Вчера принесли нам якобы серебряный тибетский нарсанг, оказавшийся китайской подделкой рупии, выпущенной в Сычуане времён королевы Виктории, которая изображена в китайской шапочке и на манер восточных владычиц. <...>».

Сегодня посылаем майору изложенное в нескольких пунктах сообщение для уведомления нагчуских губернаторов, почему мы не можем дольше стоять в Чор-тен-Карно и должны немедленно идти в Индию через Гиангцзе:

«1. Кончились жизненно необходимые для нас лекарства, достать которые мы можем лишь в Индии. Нас задерживают в течение двух месяцев на морозных высотах, и мы опасно боеем сердечными заболеваниями.

2. Кончились наши деньги и осталось лишь небольшое количество серебра, являющееся жалованьем наших служащих, которое мы не можем расходовать.

3. Кончились многие припасы, необходимые для нашего питания.

4. Без насильственного задержания мы могли вернуться домой уже в конце месяца.

5. Из-за задержки терпим огромные убытки, исчисляемые многими тысячами нарсангов, ибо Посол руководит девятью великими делами (большими учреждениями) в Америке, а наши срочные телеграммы в Америку не были посланы вопреки нашим настояниям.

6. Присланный вами в Шингди доньер, а затем и вы сами могли убедиться, что мы не разбойники, а почтенные и мирные люди, к которым нельзя применять грубых способов воздействия.

7. Мы шли исключительно ради священных целей Учения Благословенного, и правительство Лхасы было много раз осведомлено о нас своими должностными лицами. Таким образом, оно и должностные лица приняли на себя всю ответственность за происшедшее.

8. Лхасское правительство недавно допустило в Лхасу бурятских паломников и посольство Монголии и не допустило Буддийское Посольство из Америки. С 6 октября по 24 ноября - пятьдесят дней - лхасское правительство отказывалось выслушать Грамоту и принять приношения буддистов, приехавших из Америки. Между тем, в своё время оно обращалось к Америке за помощью. Таким отношением Великая Страна Америка будет чрезвычайно оскорблена. Ввиду всего вышесказанного мы мирно двигаемся в Нагчу для следования на Гиангцзе - Индию. Мы простояли уже 60 дней в губительных условиях при сильнейших морозах, окончательно подорвав своё здоровье».

3-4 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«3.XII. Стоят морозы. По утрам доктор обходит больных. Н.К.Р. распорядился вести медицинский журнал. Больных у нас много, и доктор говорит, что стояние на Чантанге должно отозваться на деятельности сердца в будущем».

«4.XII. Идут переговоры с майором о нашем уходе, и ему для дальнейшей отправки передано медицинское свидетельство доктора о болезненном состоянии членов экспедиции и невозможности оставаться на этой высоте в разреженной атмосфере и существующих условиях».

4 - 5 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет».

«4/XII. Юбилейный 60-й день. Недомогания в лагере. Плен у дикарей.

Юбилейный 60-й день тибетской жестокости и невежества. Опять у Е.И. сильно учащённый пульс, и Ю.Н. чувствует недомогание. Вчера на Ю.Н. произвёл впечатление тот факт, что приставленный к нам якобы для оказания услуг десятник хор воспрепятствовал разговору Ю.Н. с пришедшим в лагерь посторонним хором. Это уже является грубым полицейским вмешательством.

«Сегодня у Н.В.[Кордашевского] нервное расстройство. Ю.Н. говорил о своём отношении к Тибету, который после кратковременной и малой вспышки государственного сознания в VII и VIII веках потом опять погрузился во тьму невежества и занялся извращением Великого Учения Будды. <...>

«Н.К. говорит, что “в своё время много нападали на англичан за их вооружённую экспедицию в Тибет, но можно себе представить ту степень раздражения, до которой может довести мыслящих людей преступное и невежественное правительство Тибета”».

«Е.И. замечает, что наше положение напоминает плен у дикарей. Хотели написать генералу, что наше задержание в данных условиях - средневековая пытка, но вспомнили, что этот период в Тибете только что начинается».

«5/XII. <...> Вдали у гор ближе к Нагчу заметили ниточку тянувшегося каравана и тайком посылаем двоих наших монголов узнать, кто, откуда идёт и есть ли проезд на Лхасу. Опять отмечаем для себя, что мы, будучи насильственно удерживаемы на одном месте, вынуждены, казалось бы, самые естественные в нашем положении вопросы выяснять втайне от стерегущих нас десятников-хоров. <...>

«Н.В. сегодня опять лежит в постели при нормальной температуре. Боясь холода, он почти не выходит из своей палатки.

«Покупаем грязный сухой тибетский сыр и посылаем наших людей за скудным продовольствием - всё это в строжайшем секрете, ибо хоры боятся майора, точно он имеет приказание заморить нас голодом, сам ничего нам не поставляя.

«Собираем для Америки образцы здешней ужасной пищи, которая, надо отметить, обходится чрезвычайно дорого. Нам приходится кормить ячменём наших животных, давая по фунту в день мулам и по два фунта в день верховым лошадям. Пятьдесят пять фунтов плохого ячменя стоят здесь семь с половиной китайских долларов или одиннадцать нарсангов. Кусок отворачи-

тельного перебродившего порамы (ячменного сахара) стоит четыре доллара, то есть более доллара за фунт. Покрытый грязью тибетский сыр в кусках стоит около одиннадцати долларов. Таким образом, здесь мы, получая скудную и грязную пищу, тратим ежедневно большие деньги.

«Мулы наши настолько голодны, что едят даже аргал, тряпки, верёвки, пробуют жевать холстину обеденной палатки. Прошедший сегодня мимо нас верблюжий караван из Нагчу подтвердил, что между Нагчу и Лхасой глубокий снег, но что гонцы ходят и за перевалами приготовлено уже восемьдесят яков для «ургинского представителя». Не монгольское ли это посольство? Кедуб принёс сведения от майора, что сегодня будто бы ожидаются гонцы и из Нагчу, и от генерала. Н.К. сомневается, не слишком ли много для одного дня? <...>

«Около 3 ч. дня пришёл майор, из разговоров с которым выяснилось, что теперь уже дня через три он ожидает ответа из Лхасы, советуя нам не отказываться от приглашения посетить Лхасу, так как, по слухам, для нас сделают в этом плане исключение. Спасибо и на этом, но мы теперь туда не собираемся. Теперь все задержки с ответом майор объясняет бестолковым отзывом о нас, данным с самого начала девашунгу губернаторами. Потом, когда было получено письмо генерала, всё для лхасского правительства якобы стало ясно, и губернаторы получили нагоняй.

«Думается, что корыстное правительство Тибета, пропустив все сроки, не хочет, однако, отказаться от привезённых подарков, стоимость которых составляет, между прочим, более 18 тысяч нарсангов. Передали вышеупомянутое послание, состоящее из нескольких пунктов, в которых доказывается необходимость нашего дальнейшего продвижения, для пересылки генералу и заявили, что даём майору пятидневный срок, после которого просим препроводить нас в Нагчу. Майор ласкает себя мыслью, что будет сопровождать нас до Лхасы, где лично доложит девашунгу о поведении губернаторов. <...>

«Мы настолько теперь привыкли к большим морозам, что вечером не замечали холода, и когда Г. сообщил нам, что спиртовой термометр показывает -24° С, мы были все искренне удивлены и сначала не поверили ему, предполагая температуру воздуха не ниже -4° С, так как погода была безветренная».

5 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«5.XII. Майор даёт новое объяснение нашей задержке на Чантанге. Он указывает, что будто бы первые чиновники, прибывшие на встречу экспедиции в местности Шингди, дали о нас губернаторам Нагчу очень неблагоприятный отзыв, и последние сообщили его в Лхасу. Генерал же послал совершенно противоположный, очень лестный отзыв, и Далай-Лама поручил девашунгу, то есть парламенту, разобраться дело. Теперь всё приведено в известность, и губернаторам будто бы грозит строгий выговор. Всё это, конечно, опять сплошная ложь, тем более что соприкасавшиеся с нами офицеры и чиновники выдавали себя исключительно за принадлежащих к административному аппарату генерала, а не губернаторов. И здесь опять ложь. Майор утверждает, что дня через три будет получено приглашение идти в Лхасу - на что ему отвечают, что в Лхасу мы совсем и не собираемся. Но майор говорит, что от такого приглашения нельзя отказываться и что оно явится исключением из правил вви-

ду того, что Н.К.Р. такой «великий» человек. Азиатская выдумка на китайской подкладке.

«6.XII. Монголы, научившиеся довольно сносно болтать по-тибетски, рассказывают, что тибетцы больше всего боятся англичан, китайцев и нашу экспедицию. Ходит легенда, что к северу от Нагчу стоит большое войско, победившее осенью китайцев и идущее завоевывать Лхасу. Это войско – мы».

7 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«7 декабря. Из Нагчу прибыл солдат и возвратил наши письма, адресованные губернаторам, нераспечатанными! Губернаторы отказались пересылать письмо полковнику Бейли и даже имели наглость вернуть назад адресованное им письмо нераспечатанным. Очевидно, майор был прав, что губернаторы - трудные люди. Один из торговцев говорил, что "верховный комиссар Хора - человек благородного происхождения с приятными манерами и речью, но губернаторы Нагчу - выскочки". Их такое поведение, кроме того, что оно было нецивилизованным, оказалось очень странным, и мы написали по этому поводу длинный протест и послали его верховному комиссару Хора».

7 декабря 1927 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«7.XII. Прибыли из Нагчу продукты, а с ними версия, что дня через два из Лхасы придет благоприятный ответ о нашем продвижении на юг. Говорим о красоте и тепле Индии, кутаясь в шубы под резким, холодным ветром. Когда-нибудь мы выберемся отсюда - и это утешает нас и примиряет с окружающим».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«7 декабря. ... Сегодня Н.К. послал майору письмо с категорическим протестом против задержания Миссии в Тибете в течение двух месяцев, без какого-либо ответа, точно Миссия явилась в Тибет с какими-то преступными, разбойными целями.

«Н.К. не имеет более намерения идти в Лхасу, но, напротив, хочет уйти из Тибета. Кроме того, в своём письме Н.К. требует 10000 нарсангов на ближайшие расходы, т.к. наличные денежные суммы Миссии иссякли, а сношения с Америкой ему не разрешаются.

«Вечером вернулся гонец из Нагчу, пробыв в отъезде 10 дней вместо обычных пяти. Гонец проехал сначала в лагерь майора и к нам явился только час спустя в сильно нетрезвом состоянии. Письма и телеграммы, посланные британскому резиденту и в Америку, гонец привёз обратно - губернаторы отказались переслать их в Лхасу, уверяя, что ответ правительства по вопросу нашего проезда придёт дня через два.

«Словом, обычная пустая отговорка. Н.К. говорит: „Ещё не так давно напали на англичан за их вооружённые экспедиции в Тибет, но знакомясь с вызывающим невежеством тибетцев, можно себе представить, до какого раздражения могут они довести людей“».

9 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«9.XII. Н.К.Р. говорит, что идти в Тибет - значит, лезть в западню. Тибетцы боятся англичан, русских и китайцев, не любят непальцев и бутанцев, а монголов и сиккимцев презирают. Всюду видят они какие-то подвохи и никому не верят. Н.К.Р. начинает посылать Голубина и Портнягина на разведку дорог. „Надо иметь на них свой открытый глаз“, - говорит он.

«Вечером в беседе Н.К.Р. замечает, что величайшей ошибкой было бы считать Тибет оплотом истинного буддизма. Как и учения всех других великих Учителей, буддизм в своём чистом виде, и особенно в Тибете, больше не существует. Ещё в XIV столетии, уже совершенно искажённый, тибетский буддизм был реформирован Дзонхавой, но дойдя до нашего времени, не только вновь потерял свою чистоту, но и извратился, став уже не учением Благословенного, а ламаизмом, примыкающим к самому настоящему шаманизму. Учение, ныне существующее в Тибете и возглавляемое Далай-Ламой, утратило дух и стало исключительно на догматическую почву, причём и эта последняя потеряла свой первоначальный смысл. Этот «лже-буддизм», как по-настоящему следовало бы назвать ламаизм Тибета, в свою очередь превратился в утратившие смысл магические церемонии - богослужения, переплетённые с суевериями и колдовством. Община, завещанная Буддой, потускнела в монастырях лам, где совершенно не соблюдаются заветы Благословенного. Там гнездятся многочисленные неподвижные правила, которых именно не признавал Будда.

С другой стороны, та духовность, та внутренняя дисциплина, которой требовал Благословенный, - совершенно оставлена в ламаизме Тибета. Красная, жёлтая, а особенно чёрная секта бон-по, иначе называемая чёрной верой Тибета, являются не чем иным, как колдовскими сектами, заклинающими над верблюжьими головами, гадающими на бараньих лопатках или бессмысленно бормочущими молитвы духам стихий под грохот барабанов и нестройный рев труб. Нет «знания, бесстрашия и сострадания», завещанных Буддой. Знание заменено тиной невежества, бесстрашие — робкой лживостью, а сострадание живет только на языке и изгнано из сердца. Так извращено великое учение великого Готамы, названного Буддой, то есть тем, кто обладает «совершенной мудростью».

«На фоне этих извращений учения значительной и интересной фигурой является Таши-Лама, отошедший от Лхасы и принуждённый бежать из Тибета. К нему сосредотачиваются лучшие элементы, не желающие терпеть эгиду жёлтого папы, которому по существу принадлежит не духовная, а административная власть в Тибете. Что скрыто за этим движением, группирующимся вокруг истинного духовного вождя Тибета - Таши-Ламы, - покажет будущее. Так говорит Н.К.Р. и прибавляет: “Где же истинные заветы Будды?” - И добавляет: «Конечно, не в Тибете»».

«Вечер. Большой чёткий месяц. Синий небосклон заливается розово-лиловыми тонами заката и темнеет. Село солнце, и крепнет мороз. Лошади и мулы стоят у коновязи, точно призраки, закутанные в кошмы. Перед ужином майору посылается письмо для отсылки с гонцом к генералу. Оно должно быть переотправлено в Лхасу. В письме подчёркиваются тяжёлые условия, в которых находится экспедиция, и указывается, что мы задержаны, как шайка разбойников. Животные каравана почти все пали, и деньги на исходе. Указы-

ваются, что письма и телеграммы возвращаются властями обратно. Миссия Н.К.Р. уже окончена, так как Далай-Лама Запада уже избран, и «поток Учения течёт беспрерывно». Единственно, чего желают Посол Запада и спутники его, чтобы экспедиция-посольство была бы выпущена из Тибета на Индию».

10 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«10 декабря. Н.К. продолжает изыскивать новые способы оставления нами Чантанга. Сегодня им поручено Голубину, владеющему китайским языком, расспросить у местных жителей о качествах дороги на Шигацзе, идущей севернее Нагчу, а также узнать, нет ли от нас дороги, выходящей на дорогу, идущую между Лхасой и стоянкой генерала - Биру-Гомпа, чтобы таким образом иметь возможность пройти на Шигацзе или Лхасу помимо Нагчу и его свирепых губернаторов.

«Из всего, что мы видели и слышали за время стоянки в Чортен-Карно, Н.К. вывел следующее резюме: “Ехать в Тибет - это ехать в западню. Даже если у Вас есть все паспорта и препроводительные письма от заграничных тибетских представителей. Попав в Тибет, Вы не уедете, пока из Вас не вытрясут всех денег. Хотя Лхасы Вам за это тоже не покажут. Тибет одинаково боится как англичан, так и русских, и всех вообще иностранцев. Тибет ненавидит китайцев, непальцев и бутанцев, смотрит с презрением на сиккимцев, отталкивает учёную бирманскую Хиньяну и притесняет всячески монголов и бурят, хотя последние всегда приносили Тибету только свои самые богатые приношения. Таким образом, Тибет является каким-то гигантским оплотом человеческо-ненавистничества и узкоэгоистической ограниченности”.

«Вечером Н.К. отправил майору письмо с требованием переотправить нас британским властям в Гиангце, т.к. Н.К. не желает более оставаться в Тибете. Шутки ради Н.К. посылал сегодня одного из наших лам к «тантрику» погадать, когда придёт ответ правительства. «Тантрик», не сморгнув глазом, назначил срок - семь дней».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«10.XII. Ночью холодно, и, вероятно, холода усилятся. Признак этому - новое исчезновение птиц. Однообразно и тоскливо проходит наша жизнь на “реке старости”. Казалось бы, эта жизнь застыла и идёт только постольку, чтобы поддерживать физическое существование людей. Но это не так, жизнь духа и мысли не глохнет среди нас. <...>

«Утром Н.К.Р. занят распоряжениями по лагерю. А надо сказать, что делать эти распоряжения - подчас трудно. При стоянке в пустыне и пассивности тибетских властей, с которыми иногда приходится вести дипломатические переговоры из-за одной кружки ячменя, - всё стоит многого труда и умения. А доклады идут: „нет больше цзампы“, „последний фунт соли“ или „нет топлива и не на чем готовить обед“. Надо указать, откуда достать, когда привезут...

«Приходит начальник транспорта: „Монголы бунтуют и не хотят якового мяса. Они желают барана, а Таши ударил старшего“. Необходимо разобраться, кто прав, кто виноват, и наложить наказание на строптивного монгола. Несколько слов приводят в порядок бунтарей-монголов, и они идут на кухню за ногой яка. Строгий тон Н.К.Р. их немедленно укрощает. При всей этой деятельности - удивительно спокойствие Н.К.Р. Всегда спокойный, доброжела-

тельный. Ни окрика, ни грубого слова. Тибетские власти должны быть дипломатическими приёмами поставлены в необходимость исполнить требование Голубина и достать ещё ячменя. Всё устраивается, приходит в норму без суеты, без крика и как-то незаметно неослабной волей, железной энергией и неустанной деятельностью Н.К.Р. <...>

«Полдень. Быстрыми шагами входит Н.К.Р. в палатку-столовую. Обед длится недолго, но и за это время Н.К.Р. умеет повернуть разговор на какую-либо интересную тему. Вообще, за столом долго не сидят - это обычай Н.К.Р. После обеда Н.К.Р. обычно занят вопросами нашего дальнейшего. Создаются твёрдые, стальной логики письма тибетскому правительству и ответы на письма генерала и местных властей. Всё тут же переводится, переписывается и направляется гонцами по назначению. В работе Н.К.Р. удивительна быстрота и незыблемость решений, обдуманых заранее и всесторонне. Иногда мудрость Н.К.Р. предусматривает события далеко вперёд. Мы уже не критикуем, как это раньше бывало, кажущееся нам непонятным в действиях Н.К.Р. В своё время казавшееся непонятным объясняется, а казавшееся неподходящим - становится на нужное место.

«Раза три в неделю происходят встречи с вызываемым в лагерь майором - типичным азиатским дипломатом по хитрости и лживости каждого слова. Н.К.Р. сам ведёт переговоры через переводчика Ю.Н., а это дело трудное.

«Потом в палатке доктора Н.К.Р. работает *над дневником экспедиции*. В этом дневнике не только занесено самое путешествие и события, связанные с ним, - в нём разворачивается образная и красочная политическая, религиозная и общественная жизнь Тибета, поскольку её можно отметить по нашим путевым впечатлениям. Здесь отмечена и беспринципность правящих сфер, и угнетённое состояние населения, и закат духовной жизни страны. Этот дневник-документ имеет громадную историческую ценность и когда-нибудь осветит с совершенно новой точки зрения всю историю Азии*).

«Поздно вечером уходит в свою палатку Н.К.Р., и долго ещё светится там лампа на его рабочем столе. Так течёт работа и жизнь Н.К.Р. изо дня в день на Чантанге во время стоянки у реки Чунарген.

---

*) *Дневник Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»: [Ноябрь - декабрь 1927. Чантанг]*

«Настало время сказать определённо о тибетском "буддизме".

Вспоминаем, сколько раз тибетцы повторяли нам, что на Западе нет буддизма, и что там вообще буддизма не знают. Сколько раз тибетцы презрительно говорили о японцах, китайцах, монголах, сиккимцах и о хиньяне Бирмы и Цейлона. Неслыханное самомнение отделило Тибет от всего мира. Лучшие люди бегут из Тибета и не желают возвращаться в произвол дикого правительства. Невежество закрыло глаза Тибету. Страна лишилась своего духовного вождя - ушёл из Тибета таши-лама. Тибетцы не хотят познавать и учиться. Ученые ламы переходят границу Индии. Бегут переодетые: кто одевается торговцем, кто надевает парик и гримирует лицо. Среди ужасающей грязи, зловония и падали в Нагчу тибетский чиновник удивлённо говорит нам: "Если Нагчу вам кажется грязным, то что сказали бы вы о Лхасе, где даже питьевая вода иногда насыщена отбросами".

Улица в Нагчу.

(Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» на франц. яз.)

По пути узнаём, что Ринпоче из Чумби не в Китае, а в монастыре Гум. И этот умный лама понял, что сейчас невозможно оставаться в Тибете».

---

11 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«11 декабря. Сведения о дорогах получились следующие: северная дорога на Шигацзе мимо Нагчу требует 45 дней пути по пустыне Чантанга при глубоких снежных завалах, что является безусловно невозможным; других дорог, помимо Нагчу, нет; в Нагчу Н.К. идти не намерен, да и дороги из Нагчу теперь ещё непроходимы из-за снежных завалов. Поэтому Н.К. решил осуществить своё прежнее намерение идти к генералу в Биру-Гомпа, чтобы оттуда идти на Гиангцзе, минуя Лхасу. Дорога от генерала на Гиангцзе свободна от снега, по сведениям майора.

«После обеда Н.К. послал майору письмо, в котором излагались причины его решения идти к генералу, и указывалось на прямую обязанность майора доставить нас генералу, как своему прямому начальнику. Майор в своём ответе просил подождать два дня до приезда из Нагчу доньера, который может привезти что-нибудь интересное. Во всяком случае, майор сам придёт завтра к нам. Н.К. посылал также Голубина к местным старшинам, прося их со своей стороны воздействовать на майора в смысле отправки нас к генералу.

«Старшины охотно обещали оказать содействие, т.к. наш отъезд освобождает их самих от неприятной необходимости проводить зиму в Чортен-Карно».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«11.XII. У Н.К.Р. является мысль отправить телеграмму в Америку на Синин, где уже есть телеграф, но из-за того что линия телеграфа перерезана фронтами гражданской войны, - мысль отпадает.

«Майору вручается протест на действия девашунга, который не имеет права пресекать наши сношения с Америкой и Европой, задерживая нашу корреспонденцию, а также не допускать наших сношений с проходящими мимо караванами. Если же мы арестованы, то нам должен быть предъявлен состав

наших преступлений. Самым же незаконным является то, что экспедиция задержана при наличии у неё паспорта на проход через Нагчу, выданного тибетским посланником за границей. Копия протеста с указанием, когда он вручен майору, приложена к делу.

«Попутно возникает мысль занять помещение в соседнем монастыре. Разведка Голубина и Портнягина выяснила, что там имеются две свободные комнаты, правда, без печей. Расположен монастырь в горах, в долине, защищенной от ветров. В монастыре, рассказывал Портнягин, два храма, и в одном - изображения богов Шамбалы. Четыре фигуры с грозными лицами, имеющими на лбу по третьему глазу. Третий глаз Озириса, третий глаз Шивы — символический глаз духовного видения. Так смешиваются в Тибете суеверие и невежество с осколками истинного эзотеризма.

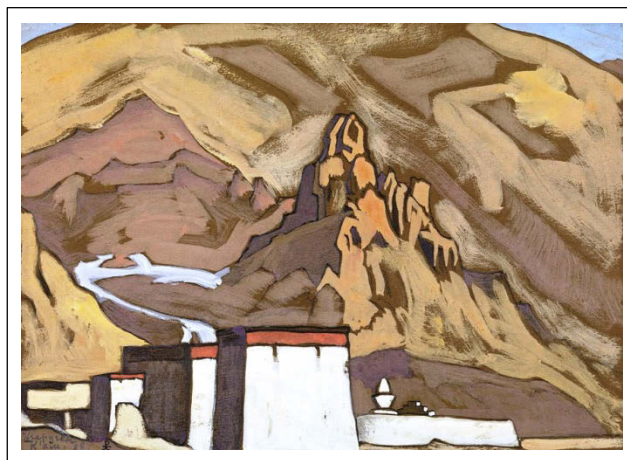
«Сегодня совершенно самостоятельно и трогательно вернулся с дальнего пастбища верблюд. Его закутали и напоили тёплым чаем, пожертвовав большим куском масла, которое уже на исходе».

12- 13 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«12 декабря. Майор прибыл опять в полдень, и мы долго беседовали. Опять та же история, которую мы слышали ежедневно, начиная с начала вынужденной задержки: "Не могу разрешить вам идти дальше до получения ответа от правительства". "Но если некоторые из нас умрут, оставленные на произвол судьбы, или получают серьёзную болезнь, кто будет тогда отвечать? Правительство Тибета думает о возможных осложнениях?" На все эти вопросы майор отвечал сожалеющим взглядом и говорил, что, вероятно, правительство сделало его козлом отпущения, что тибетские лук-со, или традиции, трудны и жестоки, что тибетцы унаследовали много плохих качеств от своих предков, великанши-людоедки и обезьяны. Тибетцы легко говорят о своих плохих чертах и обычно находят объяснение этому в мифологической истории происхождения народа. Обезьяна и великанша-людоедка повинны в большинстве их плохих качеств.

«Профессор Рерих решил переместить лагерь к Шаругонскому монастырю бон-по, место, как говорили, хорошо защищенное от ветров».

Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. 1928.

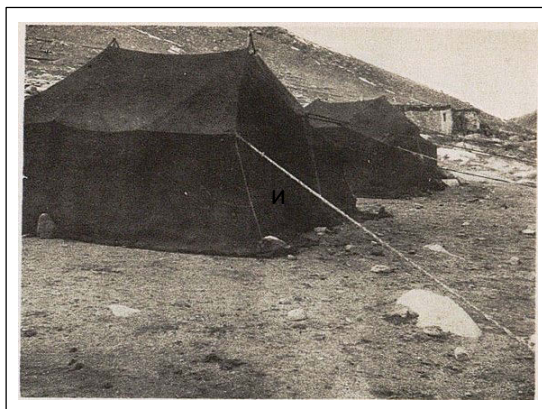

«13 декабря. Была послана разведка в сторону Шаругонского монастыря, чтобы найти подходящее место для лагеря. Мы не собирались останавливаться в монастыре и выбрали плоскую площадку на берегу маленького ручья, впадающего в реку Чу-на-кхе. Высокий гранитный отрог защищал место от юго-западных ветров. Узкая горная долина, находившаяся к югу, поднималась к ущелью, через которое проходила дорога в Нагчу».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«13 декабря. Монастырь секты бон-по расположен в узком ущелье среди гранитных скал самых фантастических форм. За монастырской стеной на берегу речки воздвигнут большой белый чортен, украшенный парой больших чёрных рогов, и прямо против него на высоком утёсе - другой «чортен» из красного гранита, поставленный здесь игрой природы. В монастыре два храма: старый, поменьше - на северной стороне и новый храм на противоположном конце квадратного, мощёного диким камнем двора. Стены нового храма внутри все расписаны изображениями Будды и Ламы - основателя секты бон-по. В старом храме имеется небольшая библиотека, помещающаяся в двух шкафах по обе стороны алтаря. Всего в монастыре до 30 монахов, каждый имеет свою келью. Монахи здесь живут каждый на свои средства, поэтому убранство келий и одежда монахов, как, вероятно, и пища, сильно разнятся между собой.

«Дорога к монастырю всё время идёт ущельем; в некоторых местах тропинка настолько узка, что стремя черкает по камням откоса, тогда как другая нога висит над пропастью. Почти за каждым горным отрогом по всему ущелью расставлены чёрные палатки тибетцев: горные отроги защищают их от сильных ветров, свирепствующих здесь зимой. В этом году вследствие обильного снега падает много скота - у каждой палатки лежит по нескольку туш яков.

Чёрные палатки тибетцев.

(Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии».)

«13.XII. Солнце совсем не греет, и очень холодно. Руки без перчаток точно жжет. И подумать, что за каких-нибудь триста вёрст отсюда по прямому направлению уже в феврале поспевают мандарины <...>. Лхаса точно забыла о нас, а может быть, девашунг успокоился на том, что наша экспедиция вымерзла и весь вопрос ликвидирован. Большие труды и страдания выпали на нашу долю. Вокруг палаток подняты брустверы из льда и снега - но что же это помогает там, где нужны топливо, печи и тёплые зимние юрты.

«Голубин и Кедуб опять поехали в монастырь для его осмотра на случай нашего перехода туда. Н.К.Р. считает, что этот переход необходим хотя бы для того, чтобы тибетцы потом не сказали, что их предложение, сделанное ещё в первые дни нашего стояния на Чунаргене, было отклонено. А это предложение было мотивировано тем, что мы сможем устроиться в каменных помещениях монастыря. В случае перехода туда возникает также вопрос хороших отношений с монахами. Они стоят вне всяких законов, и обычно правительство Тибета не берет на себя ответственность за действия святых отцов, которые в случае недоразумений пускают в ход длинные железные ключи от своих келий. Впрочем, Н.К.Р. полагает, что сотня долларов всегда наладит хорошие отношения с ламами. Нашим посланцам указано на всякий случай иметь под шубами револьверы. <...> Чтобы поддержать жизнь верблюдов, Н.К.Р. распорядился распороть оставшиеся транспортные сёдла и пустить находящуюся в них солому на фураж».

14 декабря 1927 г. Шаругон.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«14 декабря. Сегодня с Ю.Н. вторично посетил монастырь. Выбрали место для лагеря вблизи монастыря. В самом монастыре решили не останавливаться, т.к. комнат в нём для всех недостаточно и они немного сырые. В этом монастыре, как оказывается, останавливался Таши-Лама во время своего бегства из Тибета. В этом же монастыре стоял со своими солдатами наш майор, посланный правительством в погоню за Таши-Ламой и не смогший достичь его из-за снежных завалов перед Нагчу. Бегство Таши-Ламы в Китай в 1923 году ознаменовало собою начало явного разложения Тибета. Сейчас, по словам солдата, провожавшего нас в монастырь, многие видные настоятели монастырей бегут из Тибета через Индию. В Таши-лхунпо осталось всего около 100 лам, тогда как прежде их было до четырёх тысяч. Таким образом, Н.К. оказался прав, придавая отъезду Таши-Ламы из Тибета такое большое значение. Действительно, Таши-Лама, являясь духовным главой ламства, пользуется большой популярностью среди буддистов Тибета и Монголии.

«Когда в начале 1927 года по Монголии распространился слух о неразрешении Таши-Ламе посетить Ургу, это вызвало серьёзные беспорядки среди войск гарнизона Коб-до; волнение перекинулось в соседние хошуны, и 10 ближайших хошунов подняли восстание против монгольского правительства

«Теперь, когда, по выражению местного населения, лучшие ламы бегут из Тибета к Таши-Ламе, когда правительство Далай-Ламы притесняет монголов - паломников и торговцев, приезжающих в Тибет, когда оно отказалось принять Миссию Западных буддистов, мы видим, что слухи о скором приходе в Тибет Таши-Ламы с китайскими войсками и что этот Далай-Лама, 13-й, является последним, имеют своё глубокое основание и смысл.

«Н.К. говорит: "О разложении Тибета говорят сами факты. За два с половиной месяца нашего пребывания здесь мы сталкивались с самыми разнообразными проявлениями жизни Тибета, и мы не видели ни одного положительного факта. Напротив, почти каждый день приносил нам какой-нибудь новый отрицательный факт"».

14 -15 декабря 1927 г. Чантанг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«14.XII. Н.К.Р. окончательно решил передвинуть лагерь к монастырю и стать в горной долине, относительно защищённой от ветра. В монастырских помещениях так грязно, что поселиться в них - нечего и думать. Возникает вопрос, как снять палатки, так как палаточные гвозди замёрзли вместе с землей. Пробовали разными способами, лучший - разбить землю вокруг колов тополами.

«Сегодня мы говорили с доктором, и я внёс предложение совершить рейд и, добравшись до Гиангцзе, - сообщить английскому резиденту о нашем бедственном положении и через него послать нужные телеграммы. Или совершить такой же рейд на Синин и оттуда спуститься вниз по Жёлтой реке на плоту. И, дойдя до первого правильно функционирующего телеграфа, послать депеши о нашем трудном положении - SOS. Стоять дальше, как мы стоим, безнадёжно. Могут пройти месяцы, а по наступлению тёплого времени Лхаса предложит нам повернуть обратно».

«15.XII. Сегодня утром сварили остатки кофе. Было очень приятно выпить другое, нежели обычный кирпичный чай.

«Н.К.Р. считает, что наше стояние обуславливается борьбой партий в Лхасе. Одна за нас, другая - против. Из монастыря получены сведения, что англичане усиливают свой гарнизон в Гиангцзе, а настоятели монастырей Чумби и Ташилунпо - бежали к Таши-Ламе. Несомненно, в Тибете не всё благополучно и идут раздоры и волнения.

«Н.К.Р. говорит: "За всё своё пребывание в Тибете вижу только одно - страна погружается в сумерки своего заката".

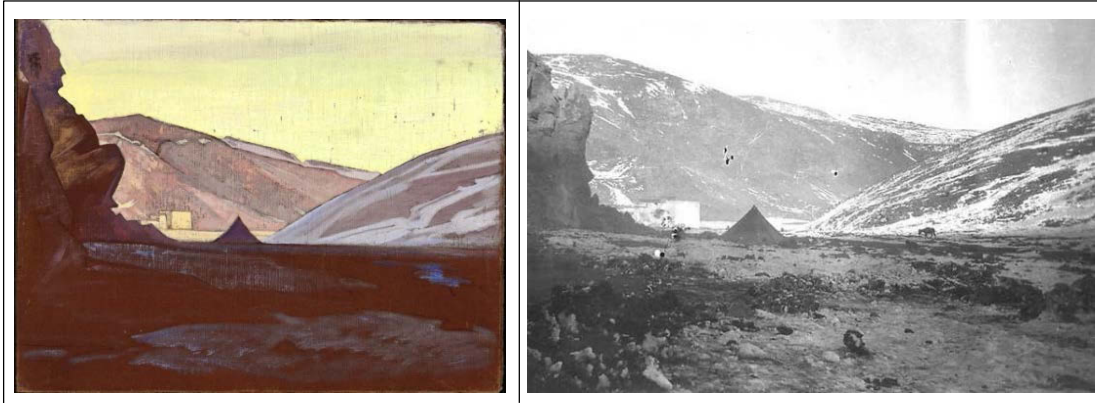
«Н.К.Р. рассказывает об осторожности тибетцев. Однажды к Н.К.Р. пришёл крестьянин-туземец и сообщил, что некто дожидается его на опушке леса. Подойдя к указанному месту, Н.К.Р. нашёл там тибетца, который, вытряхнув из рукава принесённый предмет, поклонился и, не произнеся ни одного слова, исчез. Это было несколько лет тому назад во время путешествия Н.К.Р. по югу Тибета. Возможно ли, при таких условиях добыть тайного гонца?»

15 -16 декабря 1927 г. Чантанг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«15 декабря. Майор решил ехать в Нагчу. Это неожиданное решение, наверное, имеет под собою серьёзные основания. Возможно, получен ответ из Лхасы и майор вызывается губернаторами для каких-то совещаний. Сегодня он пришёл рано утром в сопровождении старшин и уездного начальника. Договорился окончательно о переезде нашем в монастырь, обещал к послезавтра доставить 50 яков и 20 лошадей. Затем сообщил о своём намерении сегодня ехать в Нагчу, чтобы оттуда послать лично гонца в Лхасу. Н.К. передал ему также текст телеграммы для посылки британскому резиденту Бейли в Гангток».

«16 декабря. Начинаем снимать лагерь. Из замёрзшей земли очень трудно вынимать гвозди палаток - приходится вырубать ямки вокруг каждого гвоздя, это отнимает много времени. На завтра назначено выступление.

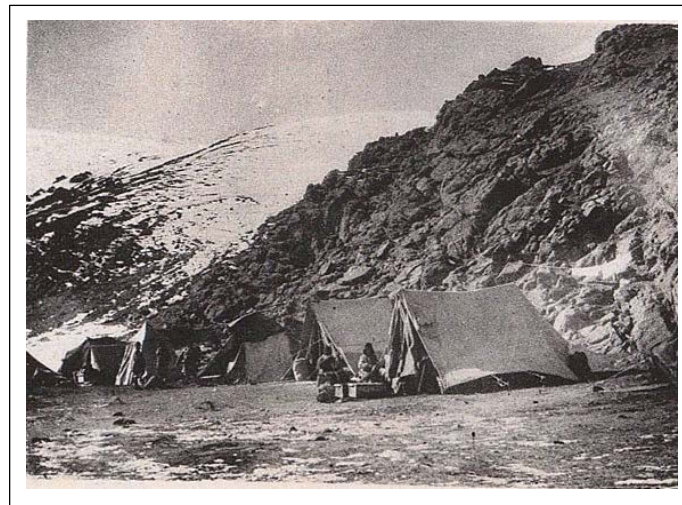

Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон.
Справа: фотография экспедиции.

16 - 17 декабря 1927 г. Шаруген.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«16 декабря. Очевидно, что-то происходит, "что-то", что скрывается от нас. Старшина, который сопровождал нас от Шенгди до Чу-на-кхе, прибыл в лагерь и сообщил, что получил приказ сопровождать майора в Нагчу. Около полудня майор, старшина и наш тибетский проводник из Урги уехали. Оставшийся день был проведён в укладке грузов. В течение следующего дня мы переносили лагерь в Шаругон».

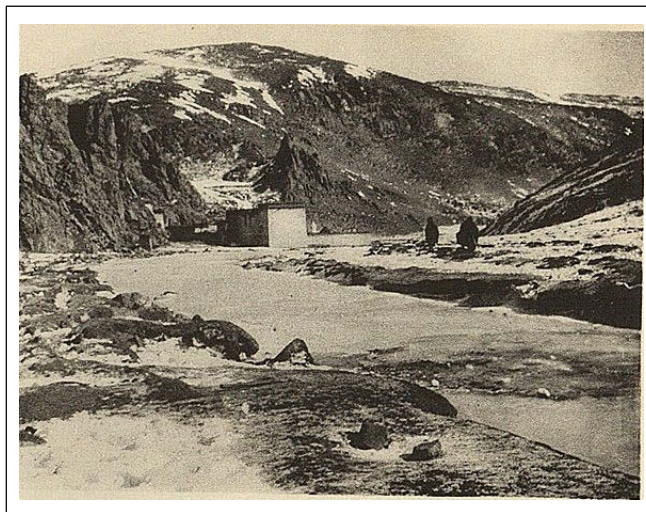
Лагерь экспедиции. Шаругон.
(Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии».)

«17 декабря. Потребовалось семьдесят яков для транспортировки нашего лагеря и багажа в Шаругон. Некоторые из животных были настолько дикими, что сбрасывали грузы и убегали к холмам. Много поклажи было сильно повреждено. Нам не удалось переправить весь багаж за один день, и Голубин с двумя монголами остались, чтобы на следующий день перевезти оставшиеся грузы.

«На пути к Шаругону снега не было. После двухчасовой поездки мы достигли монастыря. Не было и речи о том, чтобы разбить лагерь на монастырском дворе или занять две холодные и сырые комнаты на втором этаже ду-

кханга. Мы установили палатки на том месте, которое я выбрал два дня назад. Новый лагерь вытянули в одну линию, чтобы избежать скоплений и оставить свободным проход. Вблизи от лагеря находились развалины старой каменной лачуги, которая была раньше собственностью богатого семейства кочевников.

«Главный лама монастыря нанёс нам визит и принёс немного молока. Он сообщил, что монахи не возражают против нашего пребывания в монастыре, но против размещения там майора. По словам старика, майор был плохой человек, и местные божества будут, вероятно, ему вредить».

Монастырь Бон-по в Шаругоне.

(Иллюстрации из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»)

17 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«17.XII. Сегодня переходим в монастырь Шаруген. С самого утра кипит оживление в снимаемом лагере. Стучат топоры, и идёт погрузка вещей на ещё с вечера пригнанных транспортных яков. Хоры быстро и дружно работают под присмотром своих старшин и солдата, оставленного состоять при экспедиции за отсутствием майора. Между солдатом и старшинами вспыхивает ссора, переходящая в свалку. Доктор бросается с револьвером в кучку дрожащих от бешенства тибетцев. Е.И. с помощью других европейцев успокаивает и разводит поссорившихся. <...>

«Погрузка длится часа три. Яки не даются, сбрасывают грузы и носятся, разбивая ящики и волоча их за собой по замёрзшему болоту. Подымается резкий ветер. Но у меня прекрасная шуба, и холодно только рукам, несмотря на тёплые перчатки. Часть каравана уходит вперёд. Садится и наша конная партия. Мой серый «монгол» в порядке, и я еду за Н.К.Р., лошадь которого ведёт солдат, скорее, впрочем, для почёта, нежели из-за необходимости. Вид тибетского марша — мало воинствен. Белая баранья шапка с синим шлыком, черная шуба на одно плечо и зеленые с красным сапоги. Из-под шубы виден грязный английский хаки с красным погоном. С равнины переходим в ущелье. Справа мягкие очертания невысоких холмов, слева скалистые обрывы значительных гор; красный и розовый гранит. Переходим через замёрзшую речку. Снега мало.

«Взбираемся на невысокий карниз. Два верблюда с него падают, поскользнувшись над кручей. По дороге несколько аилов, состоящих из черных

палаток со стенками из земли с наветренной стороны. Местные жители высывают кончики языков, что уже не так некрасиво, и приветливо улыбаются. У одной из палаток играют, высоко подпрыгивая в воздух, настоящие тибетские коты - дымчатые, с пушистыми хвостами. Издали виден каменный оштукатуренный обо. Против него в поперечной долине приютился маленький монастырь Шаруген. Поворачиваем к нему около обо в виде обелиска, его пьедестал обвит змеем — красивым зелено-красным орнаментом на желтокофейном фоне. В четверти километра выше монастыря по маленькой речке разбиваем лагерь. Я устраиваю свою палатку, укрепив её с наветренной стороны канатами, в которые ввязаны большие камни. Вешаю для защиты от холода кошмы и устилаю пол войлоком. Против самой двери - высокие розовые скалы с естественной тропинкой вверх, ведущей к маленькой пещере.

18 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

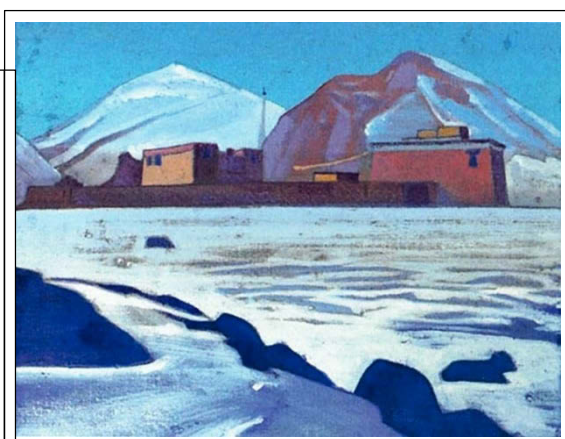
Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«18 декабря. Устроились на новом месте. Весь груз перевезли на 70 яках и 10 верблюдах. Здесь днём совсем тепло, ночью тоже значительно теплее, чем на Чунаргене. Монастырь носит название Шаруген. Монастырская библиотека содержит 120 томов Канчжура бон-по и 140 томов Танчжура, т.е. комментариев к Канчжуру. Ю.Н. получил разрешение настоятеля брать книги из библиотеки для ознакомления. Сегодня годовщина смерти Цзонхавы, основателя секты жёлтых шапок (гелугпа). Цзонхава является последним из учителей буддизма, произведшим очередную реформу очищения Учения. По случаю дня годовщины наши ламы устраивали в своей палатке служение перед танкой с изображением Цзонхавы».

19 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«19.XII. Мы стоим в треугольной долине, относительно защищенной от ветра. На высотах появляются дикие козы, а через лагерь проскакивают зайцы. Сегодня доктор ходил в монастырь лечить майоршу и принёс сахару, который у нас уже на исходе. Н.К.Р. распорядился сделать новую разведку дорог.

Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. Храм Бон-по. 1928.
(Слева - фотография экспедиции).

«После обеда я ходил с Кедубом осматривать монастырь. Монастырь построен у слияния двух горных рек и притаился под защитой высоких скал. Он

обнесён невысокими стенами с крепкими воротами и парой бойниц. Стены в квадрат, перемежаются двухэтажными зданиями. У задней стены - высокая башня. И здания, и стены сложены из камня, слегка скреплённого извёсткой. Тип построек, ворот, окон - напоминает древнеегипетский со сторонами прямоугольника, расходящимися книзу. По середине грязного двора шест-мачта с развевающимися на нём длинными молитвенными флагами. Храмов - два. Старый во втором этаже. К нему ведёт лестница, попросту балка с зарубками. Это низкое мрачное помещение. В полутьме стоит алтарь с золочёными божественными изображениями и ритуальными аксессуарами для богослужений. Укреплённый на свае потолок - висит громадный барабан. По стене десятка два страшных дьявольских масок, употребляемых при священных танцах-мистериях. Полы застланы грязными циновками и рядами коричневых матрасов для сидения монахов во время служб. Служение происходит в этом храме.

«Другой храм, новый, через двор внизу. Он больше старого - в оба этажа - и ещё не имеет алтаря. Очевидно, его только что отделали. Живопись очень недурна. По верху идёт балкон на столбах с образами женских божеств - тар. Внизу стены расписаны изображениями основателя секты бон-по и её святых. Дальше духи стихий, многообразно и страшно вооруженные, и боги Шамбалы. Можно найти и священного коня, везущего сокровище мира, и божественного слона, и других мистических животных. Некоторые святые изображены с зелёными лицами; одежды и позы выписаны строго по канону. Цвета, преобладающие в росписи храма, красный и чёрный. Орнаментика - золотом. Очень хороша дверь, тоже с расходящимися вниз линиями. Она чёрная лакированная и художественно расписана красным и чёрным с добавочным зелёным. Во двор выходят двери келий, завешанные рваным сукном. Сами кельи грязны, неудобны и без отопления. За новым храмом помещение, занятое книгами Канчжура, обнимающими все священные знания. Долго ходим мы с Кедубом по монастырю. Нас сопровождают монахи и между ними миряне. Те и другие одеты здесь совершенно одинаково, и отличием монахов являются только чётки. Не зная языка, трудно получить больше, нежели внешние впечатления, и, поблагодарив присутствующих, мы возвращаемся в лагерь, сопровождаемые солдатом. Издали заливаются лаем монастырские псы.

«Вечером любуемся удивительным солнечным закатом. Небо сменяет нежно-персиковый, розовый, «сомон», лиловый, фиолетовый и малиновый цвета на тёмно-синий. Удивительна гармоничность и постепенность перехода из тона в тон».

19 декабря 1927 г.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«19 декабря. «Тантрику» дано новое задание: таять снег. До сих пор в Чунаргене (Чортен-Карно) «тантрик» противостоял снегопаду, и очень успешно - в продолжение более месяца ни разу не выпало снега, хотя часто горизонт заволакивался угрожающе-чёрными тучами. Теперь «тантрику» поручено новое задание - растопить выпавший ранее снег».

20 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«20 декабря. Приехали посланцы из Нагчу приглашать Н.К. и Ю.Н. для переговоров с губернаторами. Н.К. согласен ехать, но только в обществе Е.И. и

доктора. На это нагчуские посланцы не согласились, ссылаясь на полученные ими инструкции разрешить приезд в Нагчу двум или самое большее трём лицам. Так как Н.К. отказался делить караван на две части, а посланцы не имели полномочий на разрешение въезда в Нагчу всему составу Миссии, то послали губернаторам письмо соответствующего содержания».

20 - 21 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«20.XII. Получены вести. Согласно им, как и предполагал Н.К.Р., наш вопрос является предметом дебатов в парламенте. Далай-Лама о нас будто бы ничего не знает. Это последнее опять ложь. Губернаторы предлагают Н.К.Р. ехать в сопровождении двух лиц для переговоров в Нагчу. Н.К.Р. от этого предложения категорически отказывается, так как предполагает со стороны тибетцев желание разделить нас. Губернаторам будет сообщено, что никакие переговоры места иметь не могут, так как все уже определено нами и сказано. Кроме предложения ехать в Нагчу, губернаторы сообщают, что письма, посылавшиеся через них в Лхасу, ими пересланы. Опять ложь».

«21.XII. Майору передано письмо, что разделение экспедиции совершенно немислимо и Н.К.Р. никаких переговоров вести больше не желает. Он желает только одного - уйти из Тибета, и это губернаторам и в Лхасе уже известно. Как все относительно. -5°C в палатке уже вызывает впечатление тепла — так мы привыкли к холоду. Получено известие с верблюжьего пастбища, что осталось всего 6 верблюдов, и то два совсем плохи. И это из 33, в таком прекрасном состоянии вышедших так недавно из Шарагольжи.

«Выяснилось, что в Нагчу приехал купец-тибетец, знавший Н.К.Р. в Индии. Возникает мысль связаться с ним и переслать телеграммы и письма через него».

22 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«22 декабря. Вернувшийся с посланцами из Нагчу бывший наш проводник тибетец Кончок рассказывает о перемене политики губернаторов в отношении разрешения нам въезда. Теперь будто бы губернаторы обвиняют во всём хорчичаба, вмешавшегося не в своё дело пропуском нас на Чунарген. Губернаторы говорят, что Миссия может выехать в Индию через Гиангце, но только через Лхасу. Что касается столь длительного неполучения ответа от Далай-Ламы, губернаторы объясняют это тем, что Далай-Ламе о приезде Миссии просто не докладывает по каким-то причинам правительство».

22 - 29 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«22.XII. Самое трудное и холодное время это с рассвета до 10 часов утра. Потом как-то легче, особенно когда около двенадцати всходит солнце и начинает сквозь брезент нагревать палатку. После обеда явился настоятель монастыря в сопровождении повара-монаха. Они принесли дары: кусок местного сыра в выброшенной нами вчера коробке от ботинок и дымящийся чайник с чаем. Одаренные долларами, они ушли обратно с довольными лицами».

«23.XII. От генерала получен объёмистый пакет. С интересом открыли, оказалось, что в нём все наши письма, телеграммы и деньги для их отправки. Н.К.Р. относится к этому акту хорчибаба с полной терпимостью и только полагает, что партия губернаторов в Лхасе сильнее приверженцев генерала и последний не хочет рисковать своей карьерой».

«24.XII. Сочельник. Получены хорошие вести, будто бы через две недели мы получим разрешение идти в Нагчу и оттуда прямо на Гиангце. Наше дело будто бы прошло через личную канцелярию Далай-Ламы. В большинстве слухи доходят до нас через Кончока, солдат или самого майора. Верить им и полагаться на сообщаемые слухи, конечно, нельзя.

«25.XII. День Рождества. Он проходит однообразно, как и все остальные дни. Серинг принёс мне чулки из овчины. Особенно в них хорошо спать - ноги в тепле и не мёрзнут».

«26.XII. Над лагерем летают красивые чёрные соколы.

Иногда на фоне скал выплывают какие-то странные образы. Точно из сказок. Вот идёт согбенный, точно гном Миме, тибетец с громадным мешком за спиной. Весь чёрный, длинные волосы и орлиный профиль морщинистого лица. А издали несётся веселый звон молота по наковальне - точно Зигфрид куёт в пещере своего воспитателя-гнома знаменитый меч. Это Портнягин куёт скобы для ящичков, а тибетец несёт ячмень для лошадей. Выясняются интриги местных старшин. Оказывается, что они хлопотали у губернаторов, чтобы нас не выпускали в Нагчу. Для населения наша экспедиция является курицей, кладущей золотые яйца - в виде серебряных долларов».

27- 29 декабря 1927 г. Монастырь Шаругон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«27 декабря. Снова сильный холод всю ночь. День был ясный, но холодный, и было невозможно согреться. Мы потеряли ещё две лошади. Одна из них была, вероятно, отравлена тибетским сыром плохого качества.

«Майор посетил лагерь в полдень и сообщил, что губернаторы не в состоянии разрешить целой экспедиции посетить Нагчу, и они решили приехать и повидать нас в Шаругоне. Новое письмо со срочным запросом предоставить решение послано в Лхасу. По словам майора, ситуация в Нагчу была очень трудной. Население района страдало от голода и большинство рогатого скота замёрзло. Маленький мешок муки (около двадцати фунтов) продавался за двадцать нгу-сангов. Бревно для дров стоит один нгу-санг».

«28 декабря. Холодный и облачный день. Ранним утром Голубин поехал, чтобы купить баранины и зерна для лошадей. Он скоро возвратился с одним мешком зерна и тремя овцами, которых ему удалось купить с большим трудом. Местные хорпы сообщили ему, что майор снова запретил всю торговлю с нами. В полдень ситуация стала ещё более трудной, и все местные старшины прибыли в лагерь и сообщили, что они больше не могут поставлять нам зерно и цампу. С этого времени нам придётся либо оказаться перед опасностью голода, либо пытаться убедить губернаторов Нагчу разрешить нам переместиться в Нагчу. Я ответил, что их дело - поставлять нам нужное количество

зерна и что в случае, если не будут способны делать это, то должны обратиться в правительство за указаниями. Мы стремились идти на юг и с удовольствием бы отправились, но в таком случае местные старшины были бы привлечены к ответственности. Эти слова возымели влияние на них, и старшины, наконец, согласились продолжать снабжать нас зерном и цампой. Они попросили, однако, чтобы мы настояли, чтобы губернаторы дали нам разрешение путешествовать в южном направлении».

«29 декабря. Наш доктор снова навестил жену майора. Она была вне всякой надежды на выздоровление. Старшины хорпов по некоторым причинам снова отказались снабжать нас достаточным количеством продовольствия. Часовые были посланы во все соседние стоянки, чтобы запретить жителям продажу нам продовольствия. Мы отправили разведывательный отряд, который был вооружён, как мера предосторожности, с целью исследовать ситуацию и попытаться получить необходимое. Каждый раз, когда отряд подъезжал к стоянке, сторожевой убегал и оставлял проход свободным. Стало ясно, что местное население только для вида следует указаниям старшин. У меня была резкая беседа с солдатом и местными старшинами. Мы послали письмо верховному комиссару, заявляя, что его постановления не выполняются и что население открыто восстаёт против майора и его солдат. После горячего обсуждения старшины согласились продолжать поставку нам продуктов и разрешать местному населению торговать с нами. Майор также обещал уладить ситуацию».

« 31 декабря. Ранним утром мы выпустили другой вооружённый отряд, чтобы выяснить, возымели ли вчерашние беседы какой-либо результат. Мы обнаружили, что местное население стремится торговать, и смогли купить мясо и масло. Местный старшина прибыл, чтобы принести извинения, и проинформировал нас, что запрещение на торговлю было отменено майором. *Сегодня был восемьдесят седьмой день нашей принудительной задержки и последний день трудного года.*

Октябрь – декабрь 1927 г. Нагчу
Листы дневника Н.К. Рериха:

ПОКРОВЫ СМЕРТИ

Много есть покрывал, которые затемняют страницы истории. Пыль жизни покрывает многое...

«Где наша старая няня, жена Красного Ламы, которая так усердно делала свою работу, которая так тихо входила в комнату и так же выходила? Она, которая была так сдержанна и знала только то, что было её обязанностью знать?»

«Она умерла».

«Но она всегда казалась здоровой! Она явно никогда не пила и никогда не сбивалась с пути».

«Нет - она была отравлена!»

«Но как ты можешь говорить так равнодушно о таком ужасном преступлении? Как это случилось?»

«Многих отравляют здесь. Это больше не удивляет нас. Для этого может быть много причин. Вероятно, она знала больше, чем должна была знать. Возможно, она непреднамеренно вызвала чью-то месть. Или, вероятно, она бывала слишком часто у своих родственников».

Таким образом, яд легко считают причиной смерти на Востоке.

Цай-хэн-чен, наш старый китаец, очень волновался, когда мы были приглашены к амбаню на обед. Он даёт нам много советов и, наконец, заканчивает: «В общем, лучше там не есть. Дао-тай злой человек. Он не чиновник, он действует как убийца!»

«Значит, ты думаешь, он отравит нас?» - спрашиваем мы.

«Я не сказал так, но надо предпринять все предосторожности. Вы знаете, что, когда губернатор провинции, могущественный Ян-ду-ту хотел сам избавиться от некоторых нежелательных родственников, он приглашал их на обед. Позади каждого гостя ставился почётный страж. И когда обед почти заканчивался, Ду-ту сам стрелял в своего ближайшего родственника, а стражи рубили головы другим».

«Это был тот самый Ду-ту, который, желая освободиться от нежелательного чиновника, поручил ему почётную миссию. Когда чиновник отправился в путь, люди Ду-ту подстерегли его в безлюдном месте и задушили необычным образом: они полностью заклеили его бумагой».

«Вы знаете, - продолжает улыбаться Цай-хэн-чен, - Ду-ту очень бесхитростный. Он может заставить человека признаться во всём. Один из его наиболее эффективных методов - протянуть конский волос через один угол глаза в другой - потом они начинают тащить его назад и вперед. Поэтому вы лучше постарайтесь не есть во время обеда; лучше скажите, что ваш организм не позволяет есть пищу, к которой вы не привыкли».

Наш калмыцкий лама также напутствовал нас на прощание: «Я буду молиться за вас - потому что никогда не знаешь, что может случиться во время обеда».

Эти местные люди знают так много историй о предательстве должностных лиц; чтобы подтвердить свои рассказы, они покажут вам тайно фотографию распятого Ти-тая, командира высокого ранга в Кашгаре, которого предательски заманил в ловушку жестокий дао-тай Хотана. Неисчислимые рассказы об изменах и отравлениях окутывают старые города.

Тибетцы многое узнали о китайских амбаниях. Высокий тибетский чиновник рассказывает: «Когда они предлагают вам чай, будьте осторожны. В одной знатной семье мне предложили чай, но я был опытен и заметил, как странные пузырьки поднимаются на поверхность чашки. Я случайно знал яд, который давал такой эффект, поэтому я не стал пить чай».

Другой тибетец рассказывал, как один из высоких и достойных лам был почти отравлен едой, которую поднесли ему с проявлениями высокого почтения. Но как только он попробовал её, то заметил странный вкус и не проглотил её. Хотя он и заболел, но все-таки избежал смерти. Многочисленные легенды рассказывают о высоких ламах, которых отравили, и даже в истории Далай-Лам такие случаи упоминались не однажды.

Поразительно слышать, какая странная практика приписывается ламам. Говорят, что некоторые ламы становятся бродячими духами после смерти, ис-

пользуя магический кинжал, чтобы убивать даже невинных. Знаменитый «ролланг» Тибета, воскрешение трупов, часто связан с именами лам.

Вы можете всё ещё видеть руины того монастыря, где, говорят, во время похоронного обряда ожил труп и в бешенстве убил восьмерых монахов. С того времени монастырь покинут. Говорят, что труп можно оживить, если нанести тяжёлый удар и если большое количество крови вытечет из тела.

Можно найти разные объяснения этим рассказам, но, тем не менее, они записываются и рассказываются довольно часто.

Не только в Тибете, но также в Непале рассказывают странные истории. Например, говорят, что даже вплоть до настоящего времени во время похорон махараджи старший высокий священник должен съесть кусочек плоти мертвого правителя. И в качестве вознаграждения он получает право доступа в самые высокие сферы небес.

Параллельно с этими странными обычаями можно увидеть разные предметы, искусно предназначенные для отравления. Например, кинжалы и стрелы со специальными секретными приспособлениями для яда. Любимым предметом, применяемым в такой практике, является, конечно, кольцо с приспособлением для яда. Следует также упомянуть об отравленных тканях.

Вероятно, самым странным верованием, встреченным здесь, является убеждение в том, что тот, кто отравит человека высокого положения, получает всю удачу и привилегии его жертвы. Откуда и как такая извращенная идея могла возникнуть, невозможно даже и представить себе. Наряду с этим говорят, что здесь есть семьи, которые собирают секретные рецепты особых ядов и имеют особые привилегии быть отравителями. Когда вы слышите о случаях гибели людей от неизвестных болезней, то узнайте, не применялась ли эта странная практика к умершим.

Тибетцы дружески советуют вам быть осторожными с едой в незнакомых домах. Иногда, в знак особого уважения, пищу присылают вам домой. Вы должны проявить величайшую осторожность. Действительно, во все времена в этих местах больше всего надо быть осторожным с пищей, так как, помимо яда, вы можете получить просто испорченные продукты. Сухое мясо часто несвежее. Кукуруза и ячмень могут быть смешаны с маленькими камушками и всякого рода грязью. Хлеб бывает плохо выпечен. Некоторые китайские консервированные продукты могут испортиться или от долгой доставки, или от плохой упаковки. Одно и то же блюдо используется для самой неожиданной цели. Невежество и чистоплотность не ходят вместе.

Я помню, что несколько должностных лиц не притронулись к пище в течение всего визита и официального обеда. Они сослались на плохое самочувствие. Вероятно, они хотели продлить свою жизнь или, возможно, они вспомнили о разных случаях — и даже из собственной практики. Я также помню, когда нам были присланы почётные подношения в виде разных кушаний, даже самые простые люди подозрительно спрашивали: «Вы собираетесь есть это?».

Но все эти физические яды, возможно, ничто по сравнению с «духовным» отравлением. Любой слышал о воздействии гипноза. Невозможно проконтролировать действия злой силы воли; все виды «*sunniums*» основаны на силе заклинаний (Incantation). Древние сказания о «терафиме» подтверждаются даже сейчас и «смертному» глазу верят в рассказах о мщении и проклятии.

Это «психическое» убийство и травмирование древнее и более распространено, чем обычное отравление. Например, я помню одну беседу, свидетеле-

лем которой я был, когда один человек так пытался убедить своего собеседника: «Почему вы не используете гипнотизера в вашем плане? Представьте, какие возможности вы могли бы иметь для продвижения и управления всем!».

Другой отвечал: «Если я приглашу гипнотизёра, он загипнотизирует, прежде всего, меня. И тогда я буду делать не то, что я хочу, а то, что хочет он».

Как много бессознательных гипнотизёров работает по всей земле, посылая свои мысли вдоль потоков пространства! Истории известно много самозагипнотизированных толп, работающих с энтузиазмом за истинное продвижение во имя общего блага. Но было также ещё больше случаев, когда самозагипнотизированная толпа действовала бессознательно во имя разрушения. Только реально раскрытый Дух может гарантировать, что психическая сила будет направлена на высокую созидательную цель.

Для жителя Запада, чьи глаза часто скользят по поверхности поспешно и стремительно, сосредоточение взгляда не достигает большого напряжения. Но когда вы проверите взгляды людей в разных странах Азии, вы заметите различную силу в воздействии этого взгляда... Это не результат сознательного обучения, а, скорее, расовая особенность. Как говорил мне один врач: «Повидимому, кристалл глаза жителей Востока расположен несколько по-другому, чем наш». Случайно можно заметить, что житель Востока после долгого времени вызывает в памяти ваше лицо намного быстрее, чем большинство жителей Запада. Я вспоминаю, как после многих лет довольно простые люди на Востоке сразу же узнавали нас и связанные с нами обстоятельства, хотя наша встреча происходила в совершенно иных условиях. Когда к этой природной способности вы добавляете специальную тренировку и особое совершенствование внутренних сил человека, то можно представить, с каким мощным аппаратом имеете дело.

Какое-то время назад я слышал рассказ о Таши-Ламе во время его визита в Индию. Его спрашивали, обладает ли он какими-нибудь сверхъестественными силами, но он только улыбался и хранил молчание. Через несколько мгновений, однако, к великому удивлению всех присутствующих, он полностью исчез. Но в этот момент вошёл новый гость и увидел странное зрелище: Таши-Лама сидел на том же месте, где и был, но все носились вокруг, ища в суматохе его! Почти те же самые случаи рассказывают и о многих высоких ламах и индусских йогах. И в подтверждение этой силы внушения мы обратимся к примеру заговаривания животных, и вспоминаются величайшие свидетельства внушения в рассказах о смертоносном глазе, который мог сражать даже тигров.

В широко распространённых на побережье Малабара рассказах о колдовстве можно услышать о насылании болезни и даже смерти на врагов. Даже более часто, чем болезнь, возникает депрессия и понижение энергии в результате воздействия на слабую волю. Невольно вспоминается услышанная в пустыне поговорка: «Если ваш собеседник косоглазый, вы должны также косить».

Эта народная поговорка выражает необходимость осторожности со спутниками.

Конечно, после того, как естественный запас психической энергии исчерпан и утрачен в определённой степени, прибегают к яду, союзнику злых умыслов. Наряду с рассказами о недавних фатальных результатах внушений, можно услышать убедительный рассказ о том, как один человек был отравлен

быстродействующим ядом, другой — медленнодействующим. В то же время идущий по склонам Гималаев удивляется огромному количеству целебных трав и плодов. Когда видишь, как природа предлагает лучшее для исцеления и счастья человечества, все эти предания о яде и убийствах кажутся мрачными призраками в тёмных коридорах руин. И чувствуешь, что психическая энергия, предсказанная древней мудростью, снова будет направлена к жизни, а не к смерти.

Нам говорят о приближающейся Новой Эре Космического Огня. Что нового принесёт он в нашу действительность? Мощь Огня может разрушать скалы и острова; но какая благодетельная сила будет привлечена этим очищающим элементом?

На нашей памяти пламя погребальных костров поглощало несчастных вдов. На стенах Китая мы читаем надписи: «На этом месте запрещено топить девочек». Из этих фактов совсем близкого прошлого и даже настоящего складывается самая угнетающая картина. Но вспоминая самое плохое, мы часто воздвигаем самые крепкие стены, разделяющие нежелательное прошлое и благословенное будущее.

Известно, как враги в своём преувеличении доводят дело до абсурда. Тот, кто знает характер своих врагов, никогда не отравит их, потому что жизнь сама, подобно благословенным растениям на склонах Гималаев, выносит наружу целебные плоды и травы и призывает человечество к просвещённому изучению и непрерывному исследованию.

И мы не побоимся назвать своими словами действия великой слабости. Это не безжалостное осуждение, но поступок, вызванный космической справедливостью. Каждая слабость, когда она признана, уже является возможностью для совершенствования. Тьма исчезает в темноте, но каждая вспышка света уже является лучом воскрешения.

Нагчу, 1927.

Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. Тибет. 1928.

Справа: Монастырь Бон-по в Шаругоне.

(Иллюстрации из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»)

МИФ АТЛАНТИДЫ

Атлантида - зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зелёным нефритом и чёрным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи в золототканых одеждах сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жён украшали. Но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славили. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привёз великое вещее слово:

- Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отмстит.

С того дня не отвергали любовь к Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слёзы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованный меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивил. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нём доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось всё злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же, как он.

За ним шёл толпою народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец, и отрок, туманный тихую грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. И египтяне называли её страною любви.

Долгие тихие годы правил владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит. Без него мы - ничто. Он - наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошёл владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри - вся Атлан[ти]да собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы стали от дворца и до моря, от дворца до утёсов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы здесь все, вся страна, все мужи и все жёны и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыка жреца, и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти, хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли, и немые, и глухи. Не ушли.

Тогда поднялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И ещё раз напрасно владыка просил. И ещё раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукою хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

- Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы ещё здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово *моё*. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли всё от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце моё! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зелёных лугов уже мне не видеть... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звёзды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почуять свет, солнце и волю... Вы победили... Вы всё от меня заслонили... Вы отняли всё от меня... Я вас ненавижу. .. Вашу любовь я отверг...

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

Русское слово (Москва). 1912. 21 ноября / 4 декабря. № 171. Вторник. С. 4.

Н.К. Рерих. Последние Атланты (Гибель Атлантиды). 1928.

ЯНВАРЬ 1928

ТИБЕТ - ГИМАЛАИ

1-2 января 1928 года. Шаругон. «88-й день пытки»

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«1/1. <...> Сегодня утром спросили ламу К., может ли быть ещё другая страна, кроме Тибета, где бы посольству, пришедшему с дарами и приветом к Владыке страны, в продолжение многих месяцев не давали никакого ответа, держа его в самых губительных условиях, и потом заявление о желании уйти из страны после нескольких месяцев тщетного ожидания точно так же оставляли бы без ответа? Лама, подумав, ответил: «Это страна дураков». Сама истина говорит устами ламы!

«Н.К. возмущался ложью губернаторов Нагчу, назначивших срок приезда и не исполнивших своего обещания. К этому Ю.Н. припомнил из книги сэра Чарльза Бэлла, что сами тибетцы считают высшим оскорблением, если их связывают каким-либо сроком, точно назначая время. У Е.И. в последние два дня появились нервные боли в левой подлопаточной области и в двух пальцах стопы. Ю.Н. поставил на вид тибетцам, что мы вынуждены были встретить наш Новый год в таких отвратительных условиях. Солдаты отнеслись к этому очень сочувственно, ибо Новый год празднуется здесь особо торжественно и праздничные обряды и гульба продолжаются более месяца. Это соображение о праздновании Нового года особенно неожиданно для Е.И. и Н.К., которые никогда его не праздновали. Сегодня опять появились слухи о приезде губернаторов. Помещение для них приготовлено в Чу-наргене. В крайнем случае, по сообщению майора, приедут послезавтра, так как обещали быть здесь не

позднее 11-го числа по тибетскому счислению, а сегодня 10-е. Кончока в Нагчу решили пока не посылать.

Сегодня восемьдесят восьмой день тибетской пытки. К счастью для нас, солнце начинает днём пригревать до +20° С.»

«2/1. <...> Начавшийся вчера около 10 ч. вечера ветер ночью перешёл в сильный вихрь, продолжавшийся и сегодня после полудня. Температура воздуха в палатке в полдень -7° С; на солнце, благодаря холодному ветру, -6° С. Вероятно, этот вихрь именно такого рода, которыми славится Чантанг. <...>

«Около 2 ч. пополудни прибыл гонец с извещением, что губернаторы выехали к нам из Нагчу и завтра будут в монастыре, где им готовят большую комнату. <...>

«Жена майора продолжает болеть гриппозной пневмонией в тяжёлой форме при явлениях сильной сердечной слабости, пьёт чан, лекарств европейских не принимает и советам не следует. Сидит перед пламенем огня в переносном очаге на сквозняке при открытом сзади окне. Дверь никогда не закрывается, и небольшое помещение наполнено угаром и дымом аргала. Вот обстановка тяжело больной жены офицера, находящейся в неизмеримо лучших условиях в сравнении с простой тибетской женщиной, живущей иногда в дырявой ячьей палатке с полуоткрытым для прохождения дыма очага верхом».

1-3 января 1928 г. Шаругон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Январь, 1, 3, 1928. Слухи принесли известие, что губернаторы находятся на пути в Шаругон и что заказываются лошади, которые должны ждать их прибытия на почтовых станциях между Чу-на-кхе и Нагчу. Было беспрецедентно, что губернаторы оставляли Нагчу, чтобы вести переговоры с иностранцами, и было невозможно сказать, что заставило их прибыть.

Жена майора была в критическом состоянии, но упрямо отказывалась следовать инструкциям доктора.

Майор и его солдаты быстро теряли контроль над местными кочевниками, и мы заметили большое количество вооружённых соплеменников около монастыря. Местное население было, очевидно, утомлено необходимостью поставки нам продовольствия и посещениями майора и его солдат, которые получали все припасы бесплатно.

4 января 1928 г. Шаругон.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«4/1. <...> Морозное утро. О губернаторах слышно, что едут медленно, вчера были ещё только в Цомра, то есть отъехали от Нагчу всего десять верст. <...>

«Подготовили для разговора с губернаторами заявление из пятнадцати обвинительных пунктов, характеризующих цель нашей Миссии в Тибете и оказанную нам здесь встречу. Привожу здесь эти положения:

«1. Мы пришли в Тибет из великой Америки с самыми священными целями установления очищения истинного Учения Благословенного Будды под главенством тибетского Далай-Ламы, но мы были приняты, как разбойники.

2. Мы принесли Далай-Ламе Грамоту, которую должны были прочесть до 24 ноября минувшего года. Мы принесли Далай-Ламе дары и имели поручение

от Америки, в случае достойного приёма, внести на дела веры и монастырей пятьсот тысяч нарсангов, но мы были встречены, как разбойники, и брошены на высотах при лютых морозах на три месяца в холодных палатках.

3. Мы давно уже через Цайдам, Синин и Пекин трижды извещали тибетское правительство через доньера в Урге о нашем прибытии, но мы были встречены, как разбойники.

4. Мы имели паспорт от доньера из Урги и его письмо к Далай-Ламе, переданные нам доньером в присутствии особых представителей Америки, отобранные у нас пограничными постами и доньером из Нагчу, и всё-таки были встречены, как разбойники.

5. Мы много раз извещали все власти, что у нас кончились необходимые нам лекарства и деньги, которые можно получить только в Индии. Мы сообщали о наших болезнях в силу тяжёлых условий жизни на морозных высотах, но над нами смеялись в лицо и поступали, как с разбойниками.

6. Мы всеми мерами пытались выяснить серьёзные по следствия такого к нам отношения и предупреждали о всей возникающей из этого для тибетского правительства ответственности, но эти речи называли «детскими» и лишили нас свободы передвижения, как разбойников.

7. Мы указывали, что не только западные буддисты, но и девять учреждений Америки будут возмущены и встанут на нашу защиту, но над нами смеялись и поступали с нами, как с разбойниками.

8. Мы пытались посылать письма и телеграммы в Америку и английским властям, стремясь выйти из нашего тяжёлого положения, но письма и телеграммы возвращали нам обратно, а пакеты, адресованные губернаторам Нагчу, даже не распечатывались ими, - так поступают только с разбойниками.

9. Письменно мы трижды обращались к Далай-Ламе и к правительству Тибета, но и эти обращения были возвращены нам - именно так поступают с отъявленными преступниками, хотя в таких гибельных условиях, в каких содержали нас, в нашей стране не содержат даже самых опасных нарушителей государственных законов.

10. Я проехал двадцать четыре страны и всюду встречал достойное моему мировому положению отношение. Можете ли вы, губернаторы Нагчу, указать страну, где бы с дружественным посольством обращались так бесчеловечно, как обращаются с нами здесь?

11. Как мы вам сообщали, после 24 ноября все наши полномочия кончились, и сейчас мы имеем необходимость безотлагательно пройти через Гуангцзе к индийской границе, и вы не имеете никакого права, хотя бы на кратчайший срок, задерживать далее нас здесь. И состояние нашего здоровья, и необходимость получения в Индии денег, и всё то преступное отношение, которому мы подвергались здесь, заставляют нас немедленно покинуть пределы этой чело-веконенавистнической страны.

12. На флаге великой Америки сорок восемь звёзд; из них каждая обозначает государство равное, а иногда и превосходящее по размеру и числу жителей Тибет. На фотографиях вы видите наши многоэтажные дома, в которых мы живём со всеми удобствами лучшей жизни, и никто не допускает возможности жизни в чёрных яковых палатках. В таком прекрасном высоком доме будет помещаться в Америке храм в честь Благословенного Будды и Шамбалы, а

Посольство, сообщаящее эту радостную весть Тибету, принимают здесь, как разбойников. Где же справедливость и где же заветы Благословенного Будды?

13. В Дарджилинге мы жили в Потанге, где пребывал Далай-Лама. В Сиккиме, когда мы посещали монастыри, нас встречали торжественными процессиями с трубами. Махараджа Сиккима лично выразил нам привет и благодарность за денежную помощь монастырям его страны. В Ладакхе предоставили в наше пользование свой дворец в Ле. В Урге будет строиться особый храм для изображения Владыки Шамбалы, подаренного мною Монголии. Нами выстроены и храмы буддийские, и чортены. Все эти факты известны многим тибетцам, и, тем не менее, Тибет встретил нас, как разбойников, лишив свободы.

14. Теперь взвесьте принятую на себя Тибетом ответственность за все наши расходы, за погубленный наш караван, за подорванное наше здоровье. Мы же должны всемерно спешить на Гуангзе в Индию. Таким образом, первое дружественное буддийское Посольство было встречено Тибетом так, как встречают разбойников. Скажите, губернаторы, какое посольство, даже в Тибете, встретило такой оскорбительный приём? Этим самым Тибет отмежевал себя от дружественных связей с прочими буддийскими странами. Да исполнятся пророчества!

15. Когда будут предоставлены животные для транспорта? Мы должны, уже завтра, выступить в дальнейший путь!»

«Как мы и ожидали, вечером сегодня умерла жена майора. Боги монастыря бон-по оказались, по словам хоров, к ней немилостивы».

[Январь 1928 г.]

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Так проходят недели. И вдруг сами губернаторы Нагчу едут. Неслыханное дело, чтобы оба губернатора одновременно выезжали. Они пришли в чёрных очках, в мохнатых малахаях; шумели, чтобы навести страх. Удивлялись, что мы придаём значение тибетскому паспорту, и вообще вели себя глупо и нагло. Один из них - бывший лама, как говорят, задушивший сининского амбана. Другой - старый маньчжурист-чиновник, проевший зубы на кляузах. Мы терпеливо пережили все их благоглупости. Теперь нас перевезут в Нагчу, но ведь это тот же плен. А затем будто бы "упадут капли милосердия" и нам разрешат пройти на Сикким».

4 января 1928 г. Шаругон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«4 января 1928 г. Шаругон. Холодная ночь, на термометре -30°С. К утру холод усилился, и мы дрожали под брезентом летних палаток. Около половины седьмого из-за горы, напротив нашего лагеря, выглянуло солнце и слегка согрело воздух. День обещал быть солнечным. Утром мы, как обычно, шли вдоль берега скованной льдом реки и заметили бородачей-ягнятников, замерших на утёсах недалеко от монастыря с таким видом, что это навело мысли об их будущих жертвах и смерти. И действительно, ближе к вечеру один из местных солдат принёс известие о том, что жена майора утром умерла. Своё известие он прокомментировал так: "Господин, майор притеснял бедных людей этой местности, причинил много вреда Вашей Чести, и поэтому боги, покровительствующие монастырю, наказали его". За несколько дней до этого я сказал майору, что пневмония на такой высоте и в таких ужасных условиях неизлечима.

«Дошли слухи, что губернаторы Нагчу после прибытия в Цомра снова возвратились к себе. Местный старшина, невысокий человек с лукавым лицом и тихими манерами, зашёл ко мне в палатку и поведал обычные местные жалобы. Он сообщил, что область перешла во владение правительства Лхасы около двенадцати лет назад. "Под китайским господством мы жили намного счастливей, - убеждал старшина, - но теперь страдаем от непосильных налогов, установленных тибетцами, это довело наших людей до крайней бедности. Не верьте тибетцам. С тех пор, как мы стали тибетскими ми-сер (крестьяне или подчинённые), сменились четыре чьи-чьябы, или верховных комиссара, но мы ничего от них так и не увидели". Наша беседа была прервана солдатом, посланным майором, который сообщил, что губернаторы Нагчу должны прибыть на следующий день.

«Все радовались, видя в этом возможный конец вынужденной задержки. Местные жители были особенно довольны, поскольку они были утомлены обслуживанием нас, майора и его солдат. Вечером, когда луна взошла над скалами, часовые пели сагу о Гесере и сопровождали свою песню таинственным танцем. "Сегодня конь Гесера прибыл, сегодня взойдёт солнце, лев пройдёт по леднику", - пели хорпы отрывок из песни о войне Гесера против правителя Хора. Их пронзительные голоса далеко разносились в безмолвии ночи. В песне о Гесере они желали нам удачи на пути к далёкой Индии.

Н.К. Рерих. Замки Гесера. 1928.

«Их песня была резко прервана Кхам-па. "Не пойте так громко, - сказал он, - иначе тибетцы в монастыре услышат вас и рассердятся". Песня резко оборвалась, публика рассеялась, и каждый направился к своей палатке. Мы задержались ещё на некоторое время, разговаривая о той необычайной притягательности, которую имеет песнь о Гесере для этих простодушных кочевников. В ту ночь мы спали мало. Майор приказал за ночь соорудить лагерь для губернаторов, и время до утра прошло в непрерывном движении и ожидании».

5 января 1928 г. Шаругон.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«5/1. <...> Сегодня в монастыре ждут близнецов-губернаторов, которые въедут при таком, по тибетским понятиям, недобром знаке, как покойница. <...>

«Пришедший среди дня старшина на наш вопрос о губернаторах утверждал, что они едут, что подтвердил и явившийся затем солдат, который клялся «тремя жемчужинами», то есть Буддой, Учением и Общиной. После такой самой высшей клятвы мы, конечно, должны официально ему верить...

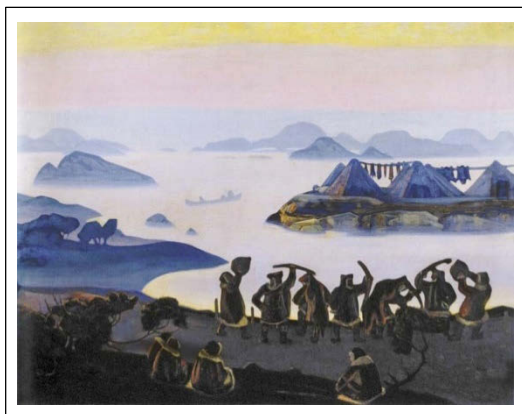
«Н.К. вспомнил ещё о двух пунктах, которые следует включить в декларацию губернаторам:

“Мы из любезности везли на пяти наших верблюдах специальный груз, принадлежащий Далай-Ламе, но Тибет не только не оценил доброжелательный жест, но принял нас, как разбойников”.

И далее:

“Мы имели намерение пригласить для буддийского храма в Нью-Йорке учёного геше из Тибета, но это дружеское намерение должно отпасть, ибо нас встретили, как разбойников”.

«Со всей справедливостью мы включаем эти пункты, которые, как неоспоримый документ, разойдутся впоследствии по всему буддийскому миру. Н.К. опять повторяет: «Да исполнятся пророчества!» Конечно, он имеет в виду не идеологическую сторону их, а, по обыкновению, что-то вполне реальное».

Н.К. Рерих. Призыв солнца. Каменный век. 1919.

«При почти полной луне хоры плясали около наших палаток, причём их движения как нельзя более напоминали известную картину Н.К. «Каменный век», находящуюся теперь в Музее в Нью-Йорке. Один из хоров исполнил довольно музыкально намтар (сказание) о Гэсэр-хане, в котором описывал его походы, вооружение героя и его войско. Н.К. задумчиво заметил: «И здесь имя Гэсэр-хана сопутствует нам». Певец пояснил, что он исполнил эту песнь как добрый знак для нас по случаю приезда губернатора.

Характерно, что хоры и жители Кама отличают себя от тибетцев - опасно поглядывая на монастырь, где были майор и солдаты, шептали: “Только бы тибетцы не услышали”».

5 января 1928 г. Шаругон.

Из дневников П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«5 января. <...>Вечером приехали в монастырь два гонца от губернаторов с известием о прибытии последних в Чунарген. Завтра губернаторы должны быть здесь. Вечер был тёплый, спокойный. Мягкий свет луны обволакивал всё голубым бархатом. И скалы, и монастырь в отдалении, и весь лагерь тонули в

голубой фантастической дымке. Тибетец-десятник, взмахивая длинными рукавами, кружась и притоптывая, показал нам национальные танцы, а потом пел длинный и красивый, полный гортанных звуков «нам тар» о Гесерчжалпо - «Сказание о Гесерхане», о его подвигах, славе и силе могучей.

«Ночью мешали спать сновавшие взад и вперёд по лагерю хоры, деятельно готовившиеся к встрече губернаторов. У наших десятников отобрали палатку, и несчастные хоры провели ночь под открытым небом».

[Январь 1928 г.]

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«... сами губернаторы Нагчу едут. Неслыханное дело, чтобы оба губернатора одновременно выезжали. Они пришли в чёрных очках, в мохнатых малахах; шумели, чтобы навести страх. Удивлялись, что мы придаём значение тибетскому паспорту, и вообще вели себя глупо и нагло. Один из них - бывший лама, как говорят, задушивший сининского амбаня. Другой - старый маньчжурстичиновник, проевший зубы на кляузах. Мы терпеливо пережили все их благоглупости. Теперь нас перевезут в Нагчу, но ведь это тот же плен. А затем будто бы "упадут капли милосердия" и нам разрешат пройти на Сикким.

«Конечно, будет избран самый нелепый путь. Конечно, при всяком удобном случае ещё задержат, ещё потребуют подарки, но всё-таки когда-то двинемся. Кто из нас надеется, что наш плен ограничится ста днями, но не будет ли правильнее предположить сто пятьдесят дней, да прикиньте ещё все задержки по пути. Значит, на всё задержание положите полгода. Конечно, за это время тибетцы дают нам необычайный случай знакомиться с их жизнью, обычаями и этикой. Без сношений с губернаторами, генералом, дзонг-пенами, офицерами, старшинами и ламами мы не могли бы составить убеждение о действительности Тибета».

[5 января] 1928 г. Шаругон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«Около полудня всеобщее волнение известило о прибытии губернаторов, которые сразу же направились к своим палаткам. Через час губернаторы официально известили нас о своём прибытии. Мы собрались в палатке-столовой. Губернаторы появились в сопровождении множества слуг, которые несли для нас подарки - два мешка ячменя для сотни животных, цампу и чай очень плохого качества. Кхан-по Нагчу был человек среднего роста, лет шестидесяти, одетый в обычное красно-пурпурное одеяние ламы. Он считался очень опытным дипломатом в Тибете и был известен под именем гарпона Гоманга. В юности он приехал в Гоманг дацан монастыря Дрепунг, но затем уехал оттуда в Китай, где вёл странствующую жизнь, посещая различные районы Китая, Монголии и даже Сибири. <...>

«По его словам, в течение нескольких лет он жил в уединении в Лхасе, когда одно из самых влиятельных правительств Святого Покровителя, опасаясь китайского наступления из Кансу, назначило его, верного служащего и правительственного дипломата, обладающего детальным знанием "восьми великих стран", на пост губернатора Нагчу. <...>

«Его коллега, гражданский губернатор или нанг-со, был не менее отмечен на правительственной службе. Это был пожилой джентельмен, состарившийся на службе своего правительства. Одет он был в платье из китайской

жёлтой парчи и шляпу манчу. Его звали Гонг-кар, и его сын изучал военную науку в Индии в батальоне гурков. Губернатор провёл большую часть своей жизни в различных дзонг-кхасах, или провинциальных районах Тибета. <...> Перед прибытием в Нагчу он был дзонг-поном, или губернатором в Конгпо, где встретил полковника Бейли и капитана Моршеда. Из этого перечня их заслуг мы могли убедиться, что имеем дело с опытными дипломатами, которым полностью доверяет правительство.

«Выяснив цели экспедиции, кхан-по воскликнул, что весьма рад слышать всё это, но с тех пор как Тибет стал религиозной страной, не имеющей отношения к делам внешнего мира, правительство страны вообще запрещает иностранцам посещать свои территории. Мы указали ему на то, что в 1904 году они допускали иностранцев и что в Гянцзе находился британский отряд. Губернатор только улыбнулся и уверил нас, что все британские подданные были выдворены из Гянцзе и что никогда не слышал о британских войсках в том районе. Мы спросили у него разрешения, послать телеграмму из Лхасы в Сикким, но губернатор утверждал, что телеграфной связи между Лхасой и Индией не существует. "Когда министр Бэлл обсуждал с нами договор, то была необходимость в телеграфной связи, но после того как договор был заключен, телеграфную линию уничтожили. Британцы не сдержали своих обещаний и не научили тибетцев изготавливать черный порох". <...>

«Губернаторы сообщили нам, что обычный способ обхождения с иностранцами, прибывающими на границу Нагчу, состоит в отправке их обратно в Синин или в Ладак. Но в данном случае власти были готовы рассмотреть нашу просьбу и позволить нам пересечь Тибет на пути к Индии. Кхан-по добавил, что согласно инструкциям, полученным из Лхасы, он и его коллега предоставят нам новых караванных животных и продовольствие до границы Индии.

«В ответ мы сообщили губернаторам, что условия соглашения не могут быть применены к нам, поскольку мы не самозванцы, а имели официальный паспорт, выданный представителем Тибета в Монголии. Мы настаивали, чтобы экспедиции позволили посетить Гянцзе, проконсультироваться с британским торговым агентом, остановившимся там, и сослаться на тот факт, что в последнее время многие из иностранных подданных побывали в тибетской столице, и главным образом генерал Перейра, который в 1922 г. пересёк Тибет на пути в Индию. Губернаторы заявили, что всё это была ложь, поскольку генерал Перейра никогда не существовал. Они снова и снова ссылались на общепринятое правило, что иностранцам не позволено посещать Внутренний Тибет (По-нанг), но мы могли свободно перемещаться по Внешнему Тибету (По-чий), включая все провинции к востоку от Чамдо и провинцию Тхо-нга-ри корсум на западе. Мы продолжали настаивать, чтобы нам позволили переправиться в Индию самым коротким путём, при необходимости минуя Лхасу, Шигадзе и Гянцзе. Тибетцы попросили показать предполагаемый маршрут на карте. Мы предложили маршрут через перевал Дам ла, который пересекает территорию Внутреннего Тибета между Лхасой и Шигадзе, и далее присоединяется к торговому караванному пути Лхаса - Индия в Пхари дзонге.

«Этот маршрут имел большое преимущество, являясь намного короче любого из окружающих маршрутов. Всего двадцать дней требуется вьючному каравану, чтобы дойти до Пхари дзонга, и, кроме того, он проходит по земледельческим районам Тибета, где легко можно было достать припасы.

Мы снова напомнили губернаторам, что не являемся самозванцами и имеем паспорта, выданные тибетским представителем в Монголии. "Почему вы уделяете так много внимания клочку бумаги, выданному этим несчастным нищим?" - воскликнул кхан-по. Он терял самообладание, и стоящие рядом слуги нагло смеялись в рукава своих меховых кафтанов. Мы продолжали настаивать на своём и посоветовали кхан-по, что если тибетское правительство не признаёт своего официального представителя в Урге, то об этом следует немедленно сообщить китайскому и монгольскому правительствам. Губернаторы пришли в смятение и объявили, что им нужно составить новое письмо относительно нас в Лхасу. Мы вышли с губернаторами из палатки, и они сразу же отбыли в свой лагерь. К вечеру сгустились облака, указывая на вероятную перемену погоды.

[6 января] 1928 г. Шаругон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

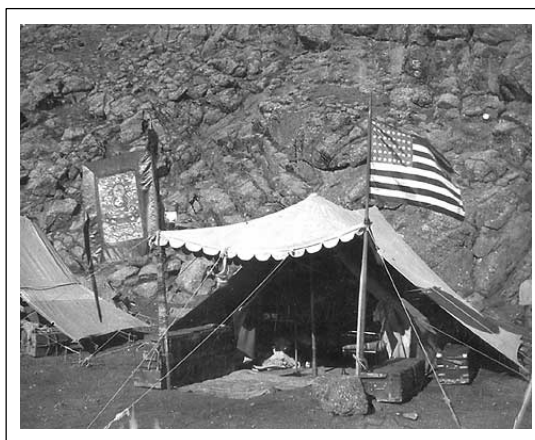
«Ночью шёл снег, и сильный юго-западный ветер яростно сотрясал палатки. День был ненастный, и буря продолжалась почти до полуночи. Губернаторы прибыли снова, чтобы повидать нас. Нам не разрешалось перейти через Дам ла, минуя Гянцзе, но их правительство было готово договориться о нашем маршруте в Сикким через Намру, Нагтшанг и Сага дзонг. Всё путешествие заняло бы только месяц, так как до Сага дзонга всего шесть дней пути от границы Сиккима. Бедные губернаторы, они пытались обмануть нас, или их знание собственной страны было недостаточно полным? Делать было нечего, и пришлось соглашаться, но мы попросили, чтобы нам позволили пересечь Трансгималаи и выйти в провинцию Цанг южнее Нагтшанга. Губернаторы обещали передать нашу просьбу правительству. Кхан-по попросил нас приехать к нему, поскольку хотел бы иметь список припасов, необходимых экспедиции, направлявшейся в Индию, и готовы были отправить трёх человек закупать их в Лхасу.

«В пять часов дня мы нанесли ответный визит кхан-по. Временная штаб-квартира губернатора находилась в обычной ба-наг, или чёрной кочевой палатке. Мы застали его сидящим на корточках на низком стуле около костра. <...> Мы снова попытались убедить губернатора отослать телеграммы в Лхасу для дальнейшей пересылки в Нью-Йорк и полковнику Бейли, британскому государственному служащему в Сиккиме. Губернатор снова отказался послать телеграммы, поскольку линия между Лхасой и Гянцзе была недавно повреждена, а все британские отряды отведены из Гянцзе и долины Чумби, которая теперь находилась под полным контролем Тибета. Мы сообщили губернатору, что сильно удивлены изменением отношения тибетского правительства к британскому и просили его пояснить ситуацию. Ответ был совершенно неожиданным. Губернатор обвинил британцев во внесении большевизма в тибетскую армию.

«Уладив вопрос с продовольствием, мы возвратились в лагерь. Завывающий ветер швырял в лицо песок и мокрый снег. На следующее утро губернаторы уехали в Нагчу, а мы начали готовиться к отъезду. Теперь нам позволили отправиться в Нагчу, а местный старшина уехал из Шаругона собирать для нас яков и лошадей».

«**6 января.** В 12 ч. дня прибыли двое губернаторских поваров. Это послужило знаком скорого прибытия самих губернаторов. Наш лагерь несколько

изменил свою физиономию: у палатки начальника Миссии развернули американский флаг и знамя Майтрейи; в столовой палатке был сервирован чай.

(Фотография экспедиции)

«В 2 часа дня пришли оба губернатора, предшествуемые восемью хорами, несшими мешки гороха и чая в подарок. <...> Разговор с губернаторами происходил недолго: после краткого обмена приветствиями губернаторы сообщили о полученном ими распоряжении из Лхасы предложить Миссии избрать любой путь для выхода из Тибета, исключая дороги через Лхасу, Гианг-цзе и Шига-цзе.

«Со своей стороны, губернаторы предложили на выбор три наиболее удобных пути: на Синин, на Чжакундо или на Симлу. Правительство предлагает вывезти нас на свой счёт, предоставив нам грузовых животных и провиант. Затем губернаторы выразили свое удивление, зачем американцы приезжают в Тибет, в эту маленькую бедную страну, где абсолютно ничего нет интересного. Узнав же, что Миссия послана в Тибет буддистами Америки, очень удивились, что в Америке есть буддисты, т.к. по их словам, миссионер Пальмер, американец, проезжавший недавно Нагчу в составе экспедиции Фильхнера, говорил им обратное.

«Разговор закончился предложением губернаторов составить к завтра маршрут пути в желаемом нами направлении, минуя указанные к исключению пункты».

[Январь 1928 г.]

Из дневников Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи»:

«Ни одному сообщению нельзя верить. Всё мертво кругом. За пять месяцев по главной дороге на Китай и Монголию прошло три каравана. Тибетцы-кочевники шепчут о трудных временах для Лхасы. Конечно, в подобном состоянии страна существовать не может. Наконец, губернаторы Нагчу удовлетворились подарками и после сообщения, что деньги у нас кончились, решили отправить нас кружным путём через Чантанг на Намру-дзонг, Шендза-дзонг, через не показанные на картах перевалы в 20 600 футов (=6300 м) высоты, на Сага-дзонг, через Брамапутру, на Тингри-дзонг, на Шекар-дзонг, на Кампа-дзонг и через Сепо-ла на Сикким. Очевидно, решили показать нам все области Тибета, чтобы у нас не оставалось сомнений в этой стране. Хотя не лёгкий путь, но от Улан-Батор-Хото до Сиккима никто ещё не проходил».

7 – 8 января 1928 г. Шаругон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«7 января. Установлен маршрут пути до Сага-Цзонга. Через Нагчу, вдоль южного берега оз. Нам-цо, вверх по долине реки Брахмапутры до Сага-Цзонга и оттуда по одной из дорог, ведущих на Катманду (Непал) или в Сикким.

Телеграммы Бейли и в Нью-Йорк губернаторы переслать отказались, мотивируя это тем, что в настоящее время между Тибетом и Индией нет ни телеграфного, ни почтового сообщения.

Завтра губернаторы уезжают обратно в Нагчу, откуда пошлют донесение в Лхасу о нашей согласии выйти на Индию, минуя Гианг-цзе. Вместе с донесением правительству пойдёт письмо Доринг-кунг-кушо, прежнему знакомому Н.К. ещё по Дарджилингу и теперь занимающему видное место при дворе Далай-Ламы. Из Лхасы вместе с ответом придут необходимые продукты для предстоящего нам пути. Через 10 дней Н.К. предполагает перейти в Нагчу.

«8 января. Произошла крупная ошибка с названиями пунктов прохождения, так, оз. Намру, которое губернаторы называли тождественным с Намцо, т.е. с Тенгри-Нуром, на самом деле находится много севернее последнего, и дорога, проходящая через Намру-Цзонг, является крайней северной дорогой, идущей всё время высотами Чантанга и безусловно неудобной для прохождения в зимнее время. Поэтому Н.К. послал вслед губернаторам письмо с требованием изменения маршрута в более южном направлении. Выступление нашего каравана в Нагчу назначено через 5 дней.

10 января 1928 г. Шаругон.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«10/1. <...> В последние дни становится теплее, на гранитной скале воркуют голуби, бегают суслики и зайцы, где-то по утрам кричит горная курочка и на вершинах противоположных гор появились антилопы.

«Н.К., вспоминая предложенный нам путь по северу Непала, говорит:

- Ведь по этим самым местам проезжали Великие Махатмы. Важно вспомнить, что в их собственных рукописях встречаются упоминания окрестных мест. Упоминаются места к северу от Шигацзе. Говорится об их остановках в Кампа-цзонге. Упоминаются ашрамы в Сиккиме. Упоминается пребывание в Дарджилинге, Ладакхе и в Кашмире, не говоря уже о разных местах собственно Индии. Но нигде, решительно нигде не упоминается Лхаса, и даже нет намёка, чтобы кто-либо из Махатм когда-либо бывал там.

Если там и были, как говорят, какие-то подземные ходы, то они давно уже засыпаны. И не только Великие Махатмы, но даже и наиболее развитые монахи не остаются в Лхасе, но идут туда, где чистая прана способствует развитию сиддхи.

- Как замечательно, - вспоминает Н.К., - описание ашрама, временно бывшего в Сиккиме, - какая простота и какая неожиданность среди зарослей старинных лесов.

«Я спросил Н.К.:

- Как вы думаете, когда мы с вами расстанемся?

- Теперь уже осталось недолго, и для каждого начнётся новый период его работы...

«Из этих рассказов Н.К. становится совершенно ясно, что Лхаса остаётся совершенно вне тех ценностей, которые составили истинное сокровище, известное лишь очень немногим. Е.И. опять читает «Идеал Карма-Йоги», и опять в словах Веданты звучит призыв к новому и близкому, всё к тому же, что готовится прийти в мир».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«10 января. Н.К. говорит: «Маршрут, указанный губернаторами, представляет собою путь, идущий вдоль трёх границ собственного Тибета - вдоль северной, западной и южной границ, и является, несомненно, весьма интересным во всех отношениях. Единственным недостатком является его чрезмерная длительность, что при наличии расстроенного здоровья некоторых членов Миссии служит серьёзным препятствием. Особенно интересным явился бы проход Миссии вдоль северной границы Непала, мимо высочайших в мире горных вершин - Эвереста и Канченджанги, до Сиккима, т.е. как раз в тех районах, которые наиболее бдительно охраняются англичанами, и где, кроме последних, не был ещё никто из европейцев».

11 января 1928 г. Шаругон.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«11 января. В нашем лагере начались цинготные заболевания. Сегодня у меня распухли дёсны передних зубов. У нашего тибетца Кончока также появились симптомы цинги. Причиной появления этой разрушительной болезни является однообразный мясной стол, отсутствие овощей и большие холода, перенесённые всеми нами за последние 2 месяца, когда температура по ночам была почти постоянно ниже -30°C .»

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«11/1. <...> Опять морозы. Состояние здоровья людей лагеря ухудшается. Серьёзно болят торгоуты Очир и Манчжи. Не спит ночами от цинготной зубной боли П.К. По-прежнему не выходит из палатки Н.В. Сегодня получено известие, что ушедший от нас два месяца назад лама Малонов очень плох - ослабело сердце, появились сильные отёки, - едва ли выживет. Продолжать пребывание в этой отвратительной стране значило бы подвергать всех неминуемой смерти. <...>

«Вчера и сегодня Н.К., Е.И. и Ю. Н. чертили проекты домов будущего «Города Знания». Заготовлено новое медицинское удостоверение для нагчуских губернаторов следующего содержания:

“Настоящим вновь подтверждаю, в дополнение к удостоверению моему от 18 ноября минувшего года, что вследствие долгой стоянки на морозных высотах около ста дней в состоянии здоровья членов Миссии и людей каравана произошло за последние дни резкое ухудшение. Кроме сильного упадка сердечной деятельности, простудных заболеваний и общего истощения, появились заболевания цингой. Всё это указывает на необходимость немедленного продвижения кратчайшим путём на юг в Сикким для восстановления здоровья в культурных условиях жизни. Дальнейшее задержание Миссии на высотах в таких губельных условиях может рассматриваться как покушение на жизнь её членов”.

12-13 января 1928 г. Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«12.I. Холодно. Ветер рвёт и парусит палатку. Вчера говорили об обычаях тибетцев. Пожалуй, самый скверный из них - это опускание в озёра и глубокие места рек умерших от заразных болезней. На пути через Тибет мы употребляем исключительно кипячёную воду.

«Конечно, — говорит Н.К.Р., — как погребение в воде, так и разрезание покойников на куски для кормления ими птиц и зверей следовало бы заменить сожжением трупов, но Тибет настолько беден топливом, что такой способ невозможен». Насколько топливо драгоценно в стране, показывает то, что на скачках в Лхасе как третий приз фигурирует корзина с сушёным яковым пометом.

За яками для нашего транспорта послано в Кам и за Тангла. Сегодня наблюдали, что не только собаки, но и домашние яки едят падаль.

«13.I. Ночь и утро относительно были очень теплы. Н.К.Р. с утра чувствовал себя плохо и не выходил из палатки. Беспокойство за вверенных ему судьбой людей, неопределённость положения и предвидение будущего тяжёлого пути - должны действовать на него».

14 января 1928 г. Шаругон.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«14 января. Майором была сегодня получена от губернаторов копия их письма, посланного в Лхасу после переговоров с Н.К. Письмо пришло вечером, майор был, по обычаю, пьян и ничего не мог разобрать из написанного в письме. Тогда им был приглашён для этой цели Кончок, исполняющий при нём последнее время нечто вроде обязанностей адъютанта и одновременно служащий у нас.

Кончок прочёл майору письмо и затем пришёл с докладом к Ю.Н. В письме губернаторы извещали правительство о прибытии великих людей из Америки, которых встретил перед Нагчу хорчичаб и задержал на 3 месяца. Эти великие люди намеревались идти в Лхасу, но после трёхмесячной стоянки на Чантанге у них нет более целей в Лхасе и они хотят уйти из Тибета на Индию.

«Узнав об этом желании американцев, губернаторы поехали к ним для переговоров на место стоянки их лагеря в Шаруген, и там им удалось договориться с американцами о маршруте дороги на Индию.

«Маршрут таков: Нагчу, оз. Намру, Сага-Цзонг, Шикар-Цзонг и вдоль непальской границы в Сикким. Маршрут этот принят по обоюдному согласию. Под перевозку каравана американцев, производимому на счёт правительства, требуется 100 яков и 30 лошадей.

«Губернаторы, находя эту цифру действительно необходимой, затрудняются, смогут ли уртоны (*конно-почтовые станции - ред.*) того крайнего северного пути, который указан в маршруте, доставлять это количество животных. Вместе с тем, губернаторы считают своим долгом сообщить, что они нашли американцев в очень болезненном состоянии, и т.к., насколько им известно, американцы привыкли жить в тёплых домах, им будет очень трудно идти зимой по столь крайней северной дороге, которая указана в маршруте. Поэтому они, губернаторы, от себя лично просят правительство о разрешении пропустить великих людей Америки на Индию кратчайшим путём в направлении долины

Чумби. Таким образом, ясно обнаружилась двойная игра губернаторов, желающих и нежелающих пропуска Миссии через территорию Тибета на Сикким. И в основе этой политики губернаторов лежит, конечно, всё то же общечеловеческое желание - желание взятки».

16-17 января 1928 г. Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«16.I. Бурная, но тёплая ночь. Прилетал филин-пугач и жалобно кричал в темноте. Днём мела пурга. Кончок сообщил, что губернаторы действительно послали письмо в Лхасу, прося Далай-Ламу дать иностранцам более короткий маршрут. В письме есть будто бы и ехидное место, что американцы терпели лишения и стояли в ужасных условиях три месяца благодаря хорчи чабу. Письмо подписано тремя лицами, причём третья подпись майора. <...>

«Смотрели карту, и я думаю, что буду в Индии в половине апреля. Н.К.Р. говорит, что совсем не плохо, что мы были задержаны тибетцами на три месяца. Благодаря этому мы узнали лицо современного Тибета. Иначе, пройдя без остановки страну, может быть, даже приглашённые в Лхасу Далай-Ламой, и так же скоро покинув её, - мы не видели бы всей подоплеки.

«Тантрик сделал карьеру. Познакомившись с ним, губернаторы взяли его с собой как очень талантливого заклинателя. Он уехал со всеми своими дуделками из человеческих костей и барабанами — приводить в порядок погоду в Нагчу. Задача его сводится теперь к тому, чтобы смягчить морозы. И вероятно, он блестяще справится со своей задачей, так как февраль и март — время посевов, а Нагчу по широте приблизительно находится на уровне Египта. Смотрели на проходившую по тропе группу путешественников. Все они вооружены, и их слуги с копьями. Разве это не средневековье?»

«17.I. Понемногу сгоняют яков. В лагере налаживается наш подъём. Ослабляют гвозди палаток, складывают багаж, идущий на транспорте, и распределяют вьюки.

«На передней линии лагеря - целый базар. Много народу, особенно женщин. Каждый старается что-нибудь продать напоследок. Вышивка, масло, изображение тары... все продаётся. <...>

«Близится отъезд. Голубин послан с монголами приводить в порядок переходы через лёд, посыпая его для наших некованых лошадей песком. Около 2 часов дня начинается падающий большими хлопьями снег. Он мокрый и скоро тает. Благодаря снятым с палаток кошмам я жестоко простудился».

17 января 1928 г. Шаругон.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«17 января. Все вещи каравана разделены на 5 частей по числу десятников, доставляющих нам яков. Каждому десятнику будет сдана часть вещей под его ответственность. Таким образом, возможно будет сохранить вещи в целости. Выступление назначено на завтра.

18-19 января 1928 г. Шаругон.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«18.I. Нас будят рано. Спрашиваю, все ли яки? - Нет. И я не встаю. Меня знобит и лихорадит. Погода холодная, и в палатке мёрзнут руки. Части яков всё ещё нет, и им навстречу посылаются гонцы. Когда всё уложено и мысль

витают уже где-то впереди, неудобны старые места... К вечеру подходят все животные. Завтра утром уходим.

«19.I. Поднимаемся рано. На длинных «коновязях», верёвках, прикреплённых к земле маленькими железными колышками, привязаны ряды чёрных яков. Между ними с криками суетятся вооружённые мечами туземцы. <...>

«Понемногу снимаются палатки, грузятся яки и появляются оседланные нашими сёдлами лошади. Вперёд, вперёд - радуется сердце. На этот раз яки очень спокойные и охотно дают себя грузить. Только иногда склоняются рога, когда слишком близко подойдёт европеец.

«Выступаем около десяти часов утра. Наш караван уже имеет вид, отличный от того, в котором он пришёл на Чунарген. Из 33 верблюдов осталось только 5, и многих лошадей, не говоря уже о мулах, - не хватает. Верблюды большого транспорта заменены яками, а на оставшихся верблюдах идут личные вещи Н.К.Р. и Е.И. в сильно облегчённых вьюках.

Безлошадные монголы едут на яках - и это не лишённое комизма зрелище. Н.К.Р. едет на своей лошади, которую ведёт проводник-хор. За ним Е.И. Мы едем с доктором, я чувствую себя отвратительно и еле держусь в седле. Кружится голова, знобит, и холод пронизывает до костей. В нескольких партиях идут вьючные яки, обрамлённые поводьями-туземцами в дорожном платье, коротко подвязанных поясами шубах. Они гонят животных свистом.

«Пройдя километров пять за старую стоянку - ставим лагерь. День морозный, и поднимающийся временами ветер делает первый день нашего движения особенно трудным.

19 -22 января 1928. Шаругон - Нагчу.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«19/1. Выступление в Нагчу. Соседство голоков и панагов.

Н.К. о Рае - путешественнице по Азии.

«Начали вставать с 6 ч. утра, до рассвета. В 8 ч. хоры принялись разбирать грузы по якам. Вышли в 10 ч. утра по ущелью вдоль реки Чу-нарген. Н.В. после трёхмесячного добровольного лежания в постели и небольшой простуды очень слаб. Шло всего 130 яков под грузом и хорами до 1 ч. дня. Прошли не более 12 верст. Остановились в неожиданном соседстве с лагерем голоков и неподалёку - панагов, идущих в Лхасу. Хоры уверяют, что в этой местности ни голоки, ни панаги никаких агрессивных действий не проявят.

«Н.К. смотрит на меньшего члена каравана, Раю, храбро воспринимающую окружающую действительность, и вспоминает, что тринадцатилетняя путешественница, пройдя через всю Азию плакала во время пути только два раза - один раз в Шарагольжи во время потока и второй раз во время бурного вечера после Нейчжи, когда внезапно умер лама и ожидалось нападение панагов. “Но, - добавляет Н.К., - сущность этих двух эпизодов является вполне достаточным оправданием для слёз тринадцатилетней путешественницы”».

«20.I. Проходим два небольших перевала. Путь спускается в занесённую снегом кочковатую долину. Хоры, ведущие конную партию, запутались на тропах, и мы делаем крюк. Около часу дня становимся лагерем в глубоком снегу. Дорога до Нагчу растягивается из двух переходов в четыре. По словам старшины, перед нами ещё два дня пути».

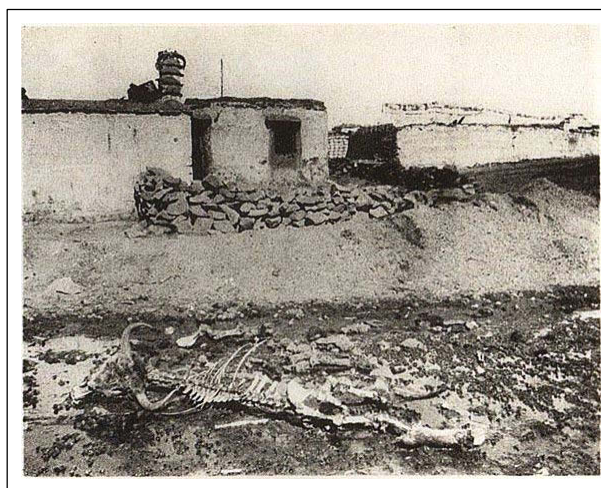
«21.I. Выступаем рано утром. Пейзаж «блан е нуар», а над ним ярко-лазоревое небо без единого облачка. Но к середине перехода надвигается мутный туман, и сквозь него еле видно солнце. Идём в полном молчании. Холодно. Каждый закутался, съёжился и ушёл мыслями в себя. По параллельной дороге тянется большой караван яков. За ним несколько других. Между ними караваны наших старых знакомых, голоков и панагов. Они идут в Лхасу на богомолье. <...>

«Проходим мимо горы Бумза, но она в тумане и её не видно. Переходим перевал Тасанла и останавливаемся под горой. Старшина, сопровождающий нас, говорит, что несколько поколений аборигенов не помнят таких исключительных холодов, как в этом году».

«22.I. Чантанг провожает нас всей силой своих злобных дыханий. Ночью мороз доходил до -45°C . С трудом снимаем лагерь. Руки леденит, и дышать иначе как через тёплый платок поверх рта - совершенно невозможно. Лама Малонов садится на яка и, покачнувшись, падает на землю бездыханный. Разрыв сердца... и его жизненный путь окончен. Надо надеяться, что это последняя жертва.

«Холод страшный. Мёрзнут ноги, перчатки не греют. Ещё раньше приучил я своего «монгола» идти под управлением одних шенкелей и баланса — без повода, и теперь пользуюсь результатом своего труда. Бросив поводья, еду, глубоко засунув руки в рукава своей шубы.

«Проходит пара часов, и перед нами в ложбине вырисовываются... здания. Здания, не виданные нами уже давно. Не мираж ли? Но нет, оказывается, это Нагчу, конечная цель этой части нашего пути. Точно, перед нами настоящий город. Предместья, дальше двухэтажные здания... но это уже мираж. Нагчу - два храма монастыря, правда, в два этажа, управление губернатора, или «дзонг», то есть замок, три лавки и сотня безнадежно грязных мазанок. Подходим к городу. Улиц нет. Вокруг домов пустыри, и всюду грязь, отвратительная грязь. <...>

Улица Нагчу. 1928. (Фотография экспедиции)

На краю города отведённый нам дом. Он грязен, довольно велик, и холодно в нём, как на дворе. Правда, стены обиты дешевой материей индо-

английской фабрикации и есть нечто для разведения огня. Это нечто - стоящий посреди комнаты глиняный столб фута в 4 высотой с плоской купелью для аргала. Трубы, конечно, нет, и дым гуляет при топке по комнате. Дым аргала настолько едкий, что выдержать его можно только пару секунд.

«Благодаря энергии Е.И. всё как-то начинает устраиваться. Работа идёт целый день. Метут помещения, выносят из них грязь целыми кучами и заклеивают окна промасленной бумагой. По городу собирают железные печки, установкой которых предполагается заняться завтра. Вечером у каждого есть комната и ночлег. Конечно, все далеко от намека на комфорт, но после зимнего похода по холодному Тибету - и это уже хорошо.

23 января 1928 г. Нагчу-Цзонг.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«23 января. Нагчу-Цзонг. Из Шаругена мы вышли 19-го, пробыв всего в пути 5 дней. Первые 3 дня было довольно тепло, шёл мелкий снег. Дорога всё время шла небольшими холмами, покрытыми толстым слоем снега в 10-15 сантиметров; попадались редкие палатки тибетцев, около палаток лежат туши павших от голода яков, возле одной из палаток мы насчитали до 30 таких туш. Жители за много лет назад не запомнят такого большого снега, как выпал в этом году

«Последняя ночь перед Нагчу была очень холодна, наш термометр, показывающий только до -25°C , утонул совсем, что часто случалось и ранее, но судя по тому, что коньяк, стоявший на столе в палатке доктора, за ночь замёрз, можно сказать, что холод был до -45°C и являлся, конечно, исключительным.

<...> «Подъезжая к Нагчу, мы увидели в тумане небольшую группу строений, раскинутых вдоль берега реки того же названия. <...>

«Издали эти постройки, опутанные сеткой верёвочек, произвели на Н.К. впечатление паутины. По этому поводу Н.К. сделал интересное сравнение: «Тибет, если окинуть взглядом его внутреннюю жизнь, покажется вам опутанным тонкой, но прочной сеткой паутины, в центре которой, в Лхасе, сидит огромный паук, пьющий жизненные соки страны; его мы ещё не видели, но он уже давал нам знать о себе подергиванием тех ниточек, к которым мы имели неосторожность прикоснуться».

Штаб-квартира каравана в Начу. 1928 г. (Фотография экспедиции)

«Дом в Нагчу, в котором мы остановились, представляет собою обычный тип китайской постройки и так же грязен и неудобен для житья».

24 января 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«24 января. Устраиваемся в новом доме. По приказу губернатора по всему Нагчу собирают для нас печки. Над воротами поставили флагшток с американским флагом; флаг произвёл на всех большое впечатление. Н.К. имел намерение посетить местный монастырь, но губернатор предупредил, что местные монахи очень дики, ничего не слышали о Западных буддистах и могут встретить пришедших иностранцев камнями; и только, когда узнал о намерении Н.К. сделать пожертвование в пользу монастыря, обещал поговорить с настоятелем о возможности для Н.К. посетить монастырь.

«Сегодня по желанию Н.К. снял на фильме общий вид Нагчу и дом, занимаемый Миссией. Гражданский губернатор предоставил в наше распоряжение для лошадей свой выгон, но травы там оказалось немного; сейчас наши лошади получают по шести фунтов ячменя в день, что при отсутствии конюшен и при наличии холодной погоды является не совсем достаточным, но, во всяком случае, может поддержать животных до наступления теплого времени года.

24 января 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей К.Н. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«24/1. <...> Занимаемся устройством и утеплением помещений. Несмотря на поставленную в одном из них железную печь, в помещении утром было при затопленной печке -11° С. Опять ходили утром по местным лавчонкам, закупая рисовые китайские макароны, китайскую бумагу для заклейки окон, урюк, гвозди и подобные мелочи. <...>

Нагчу. Американский флаг над штаб-квартирой экспедиции.

«Впервые взвился в Нагчу над нашим фортом в 12 ч. дня американский флаг! Наши ламы, видимо, разочарованы Тибетом - Кедубу не понравился здешний мужской монастырь. Он и Ламаджан думают уходить из Тибета в кумбумский монастырь, а харчинский лама заявил, что он идёт в Индию. Прощание ламы из Харчина с Н.К. было трогательно. Н.К. напутствовал его изображением Будды Всепобеждающего, а лама просил портрет Н.К. для ношения на груди и заявил о своём твёрдом желании встретиться ещё раз. Правитель-

ственные винтовки снова привезли к нам на двор - тибетцы не могут всё ещё удосужиться принять их. <...>

«По всему цзонгу восемнадцать человек, посланных губернаторами, искали для нас железные печи. У одного тибетца нашли индийскую чугунную печь. Он заявил, что он «тибетский дворянин и живёт не хуже американцев».

«25/1. <...> С утра были у губернатора в монастыре - обстановка чрезвычайно грязная и бедная. В разговоре о кратчайшем пути через Гиангце на Индию выяснилось, что разрешается идти лишь со стороны Индии до Гиангце, и то лишь англичанам. Пройти на юго-восток через Кам на Чашдо сейчас невозможно. Губернатор неожиданно поделился с нами известием о военных действиях между Тибетом и Сычуанем, причём выяснилось, что ещё недавно принадлежавшие Тибету города Литанг и Батанг отошли Китаю.

«Ответа из Лхасы губернатор ждёт не ранее чем через семь или десять дней, причём указывает, что по причине глубокого снега сейчас идти на Лхасу всё равно было бы невозможно. По его словам, снег лежит ещё за четыре дня пути после Нагчу до Роденга, чего ещё не бывало. После всяких подробностей о печах, о здоровье и о том, что «Сага-цзонг лежит на границах Сиккима», разговор закончился характерным эпизодом.

«Н.К. выразил желание посетить местный монастырь. Губернатор задумался и сказал, что переговорит сначала с настоятелем, так как часть монахов может встретить буддистов-иностранцев благожелательно, другая же часть - диких и непокорных монахов - может побить камнями. Ю.Н. в ответ рассказал, с каким почётом были встречены Е.И. и Н.К. в Сиккима, Ладакхе и Монголии. На это губернатор лишь подтвердил, что в названных странах монахи более осведомлены, но в самом Тибете они дики. Предоставили духовному губернатору, бывшему настоятелю монастыря, лучше нас знать тибетских монахов. Мысленно спросили его, где же в этой «священной буддийской» стране, столь кичащейся какой-то своей религиозностью, заветы Будды, где же знание и просвещение, заповеданные этим Великим Учителем? Высоко! Азара сказал: «Будет время бедствий Тибета, когда не признают голос Шамбалы, когда опустеют монастыри и Учение обрастёт шерстью невежества, белый покров горя покроет землю. Где же наставники народа? Знаю преданного старого ламу в Роденге, трёх полезных в Морулинге и около пятнадцати в Рудоке и К"аме в отшельничестве.

«Кончается учение лам, чтобы открыть свет Будды. Можно признать наступление времени обещанного Майтрейи. Наступает год Шамбалы».

«Сегодня днём в помещение наших монголов забрался тибетец-вор со скованными ногами и с кистенём в руках. Взять он ничего не успел и был отпущен, но кистень, конечно, отобран. <...>

«Неожиданно губернатор вызвал к себе Ю.Н. Оказалось, что предполагается написать новое письмо в Лхасу о кратчайшем маршруте. В то же время и нам предлагается снести с военным тибетским министром Царонг-Шапэ, который посетил Н.К. в Талай-Потанге в Дарджилинге. При этом разговоре губернатор сообщил, что монахи очень удивлены известием о существовании западных буддистов и не знают, можно ли допустить нас внутрь монастыря. На это Ю.Н. заметил, что мы не стремимся особенно увидеть их монастырь, но у нас существует обычай при посещении монастырей всегда делать вклады».

26 января 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«26/1. <...> Ю.Н. послал сегодня письмо тибетскому военному министру Царонг-Шапэ о кратчайшем пути. До этого времени Царонг был также главным командующим тибетской армии, но его отстранили от второй должности по настоянию монастырей за введение «большевистских, пролетарских обычаев» среди солдат, что выражалось, среди прочего, в запрещении высовывать ради почтения по тибетскому обычаю язык и в приказе об отдании обычной воинской чести, а может быть, и в европеизации обмундировки.

«Отрешённый от должности главнокомандующего, он был оставлен в более почётной здесь должности военного министра.

«Сегодня мы получили от губернатора подарок - три луковицы и блюдо сахара. Это масштабы страны, но за лук мы чрезвычайно ему благодарны, так как никаких овощей здесь сейчас нет. Письмо военному министру послано духовным губернатором тайно и не с гонцом, а с торговцем, спешащим в Лхасу. Это объясняется желанием губернатора избежать военного министерства, которое, по его убеждению, не доставило бы письма по назначению. Таковы нравы административного Тибета.

«Между прочим, губернатор попросил сегодня фотографическую карточку Н.К. в европейском костюме, чтобы повесить её в своем помещении. При этом губернатор выразил желание иметь такую же карточку в военном костюме. Очевидно, он принимает Н.К. за военного.

«После полудня Ю.Н. был вызван к губернаторам, где ему были показаны заготовленные письма о нас в Лхасу, причём Н.К. был назван в них «верховным комиссаром над всеми тибетцами, проживающими в Азии». Разрешение на посещение монастырей получено, ввиду чего мы неотлагательно и посетили храмы мужского монастыря. Предварительно все мы были приглашены к губернаторам, где нам показали все внушительные пакеты писем о нас в Лхасу.

«Большой храм отличается старинной, более двухсот лет, живописью, причём обращает на себя внимание по исполнению изображение Авалокитешвары. Архитектура храма гораздо скромнее, чем в Ладакхе и даже в Монголии. Затем нам был предложен монастырский чай и показан небольшой храм, посвящённый Майтрейе и бодхисаттвам. Изображение Майтрейи, созданное около тридцати лет тому назад, сделано наподобие изображения в Бодхгайя в Индии. Впечатление от этого храма гораздо лучше, и мы провели там несколько приятных минут».

[27] января 1928 . Нагчу.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«На четвёртый день нашего прибытия в Нагчу я посетил гражданского губернатора, или нанг-со. Старый помещик жил в обычном тибетском доме с двумя дворами, его жилище было намного хуже, чем у его коллег. Он сообщил мне, что вскоре ожидает ответ от правительства и что он "всегда получал благоприятные ответы из Лхасы". <...>

«По утверждению губернатора, все европейцы имели вредную привычку вести заметки, путешествуя верхом, и таким образом получали всякую полезную информацию о стране.

«Дни становились теплее, несмотря на то, что ночи всё ещё были очень холодными. Часто температура на солнце в полдень доходила до +32°С и опускалась до -20°С ночью. Снег на перевале Шанг-шунг начинал таять, и несколько торговцев успешно добрались до Нагчу. Они сообщили, что большое количество караванов ожидают доступа в Понду дзонг на южном склоне перевала. Мы просили разрешения у кхан-пона посетить монастырь Шабден, описание которого было дано выше. Губернатор сказал, что ему придётся обдумать нашу просьбу, поскольку монахи в Тибете непокорны и могут легко причинить вред иностранцам. Разрешение было получено, и через несколько дней в сопровождении доньеров из дзонга мы нанесли визит в монастырь. Ламы показали своё миролюбие, и мы преподнесли им некоторые подарки.

«[28 января] На следующий день губернатор сообщил, что я должен встретиться с ним и что гражданский губернатор и майор тоже будут присутствовать, так как намечено обсуждение некоторых важных вопросов. Из Лхасы было получено письмо, и губернатор зачитал выдержки из него. Правительство получило отчет губернаторов, составленный в Шаругоне, и пожелало по-подробнее узнать относительно нашей предстоящей поездки. Правительство заявило, что ничего не знало о нашей задержке и хотело бы сообщить, что письмо, адресованное верховному комиссару Хора, было потеряно по дороге - солдат, который вез его, не добрался до Лхасы. Я спросил майора, вернулся ли солдат к верховному комиссару, но он ответил, что ничего не знает об этом и, по-видимому, не счел предосудительным тот факт, что доверенные курьеры, посланные его вышестоящим начальником, перехватывались где-то по дороге. Губернаторы решили послать новое письмо со всеми необходимыми подробностями о нас, и гражданский губернатор сразу же занялся его подготовкой. <...>

«Кхан-по рассказал нам, что прежде религия в России была чем-то похожа на религию Тибета, но с победой красных религии в России не стало. В настоящее время Россия управлялась человеком, который убил Цаган-батор хана из револьвера. Изображения этого человека можно было видеть всюду, и его имя было Ненин. Этот человек, совершив такой поступок, взобрался на высокое дерево и провозгласил сверху, что Цаган-батор-хана больше нет и что религии Иисуса и Будды уничтожены. Но, к сожалению для него, женщина, обладающая знанием обычаев красных и белых, которая прежде была женой большого чиновника, помощника Цаган-батор-хана, была ещё жива и решила отомстить за смерть великого хана. Она приблизилась к человеку, правящему Россией и убила его, после чего совершила самоубийство. Такова история русской революции, по мнению Лхасы».

31 января 1928 г. Нагчу. (117-й день)

Из дневниковых записей К.Н. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«31/1. Наступление весны в Тибете. Киносъёмка.<...>

«Последний день января, весна вступает в свои права. Ночью в помещениях было -2° С. Утро солнечное, снег тает. Даже на пиках Трансгималаев, хорошо видных отсюда, появляются тёмные полосы. В 10 ч. утра сделали киносъёмку - перед монастырём гарцевал на своём коне Н.В. Около 1 ч. дня на солнце +32,5° С. Сегодня утром Н.К. и Ю.Н. посетили гражданского губернатора, причём разговор носил лишь формально вежливый характер.

«После полудня Ю.Н. был вызван к губернаторам, где присутствовал и майор, получивший ответ из Лхасы на своё донесение, когда он ещё первый раз был по нашему делу в Нагчу. В нём нам предлагается путь или на Ладакх, или в Китай, то есть та версия, с которой приезжали к нам губернаторы в Шаргог.

«Губернаторы, между прочим, сказали, что мы напрасно сделали пожертвование в монастырь, так как ламы всё равно присвоят эти деньги, а лампад не зажгут. По их убеждению, эти деньги надо было дать губернаторам, чтобы они купили масла и передали его в монастырь. Мнение это было высказано духовным губернатором, причём гражданский выражал полное своё согласие с ним. Хорошо же мнение ламы-губернатора, распространяемое о ламах иностранцам!

«Ю.Н. заметил, что в Сиккиме и Ладакхе ламы так не поступали, на что губернатор ответил, что он говорит только о ламах Тибета. Губернаторы без всяких объяснений нагло заявили, что они относятся к нам как «большой палец», а мы к ним как «мизинец», при этом с ещё большей наглостью объявили, что ни они, ни девашунг нас нисколько не задерживали, а что это было частное дело генерала Хорчи-чаба. На это Ю.Н. заметил, что Хорчичаб является крупным должностным лицом Тибета. Губернаторы ответили, что, хотя два гонца от Хорчичаба и проехали через Нагчу, но донесения, которые они везли, в Лхасе не получены. Какова преступная наглость губернаторов!

«Затем губернаторы сообщили, что в первом донесении о нас с поста якобы была ошибка - вместо Великого Посла западных буддистов было сообщено о приезде великого посла от мишими - дикого народа на юго-востоке Тибета.

Такой преступный балаган! Опять были недвусмысленные намёки на подарки, на парчу и на винтовки.

«Касаясь религиозных вопросов, губернатор спросил, зачем нам нужны священные изображения, ведь важно носить эти символы в сердце. Затем губернатор спросил, употребляются ли западными буддистами механические молитвенные колёса, и был удивлён, услышав от Ю[рий] Н[иколаевич], что подобная механическая молитва на Западе не практикуется. На это Ю.Н. ответил его собственными словами, что молитва должна возноситься в уме и сердце.

«Было много и других балаганно-трагических замечаний губернатора, свидетельствующих о низком уровне сознания тибетских чиновников.

«Таковы были разговоры с тибетскими властями на сто семнадцатый день нашего задержания, причём об ургинском доньере было упомянуто, что он «нищий», а посему вообще на него обращать внимания не стоит.

«Выходили с Н.К. на прогулку и сделали несколько фотографических снимков. Снег сильно тает, везде лужи и такое зловоние, что страшно подумывать, во что обратится в реке вода, которой мы принуждены здесь пользоваться».

ФЕВРАЛЬ

Пейзаж округа Нагчу. (Совр. фото)

1 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«1 февраля. Вчера Н.К. с Ю.Н. посетили гражданского губернатора. Разговор шёл всё на ту же нескончаемую тему об ожидаемом ответе из Лхасы и о маршруте пути на Индию. Губернатор ожидает прибытия гонца со дня на день и, во всяком случае, не позже 3-х дней, когда должен прибыть из Лхасы караван с заказанными для нас продуктами. Между прочим, губернатор продолжает делать намёки на возможность дальнейшего исправления маршрута в смысле его спрямления. <...>

«Вечером Ю.Н. был у духовного губернатора, <...>

«Между прочим, губернатор остался недоволен тем, что Н.К. сделал пожертвование монастырю деньгами, тогда как нужно было купить у губернатора масло и пожертвовать маслом. На замечание Ю.Н., что в Сиккиме и Ладаке они всегда жертвовали на монастыри деньгами, губернатор возразил, что, может быть, там монахи более честны и будут зажигать лампы на полученные деньги, но что его монахи просто положат деньги в карман, и никаких молитв и лампад не будет».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«1/II. <...> «Вчера к вечеру до нас дошли таинственные слухи, что генерал якобы «съел» шесть кусков нашей парчи. Тут уже трудно разобрать, вымогательское это измышление губернаторов или какое-то лживое объяснение пропажи парчи, отобранной тибетскими чиновниками у ламы Малонова. Сегодняшний день Н.К. называет днём проявления тайных снимков, так как Ю.Н. и Кончок пойдут рано утром к гражданскому губернатору, а в сумерках - к духовному с шёлком и парчой. Гражданский губернатор, имеющий несколько жён, определённо упоминал, что у нас имеются куски шёлка. Кончок напоминает, что, если мы не выйдем дней за пять до тибетского Нового года (22 февраля), то возможно, что нас в праздники никто не повезёт.

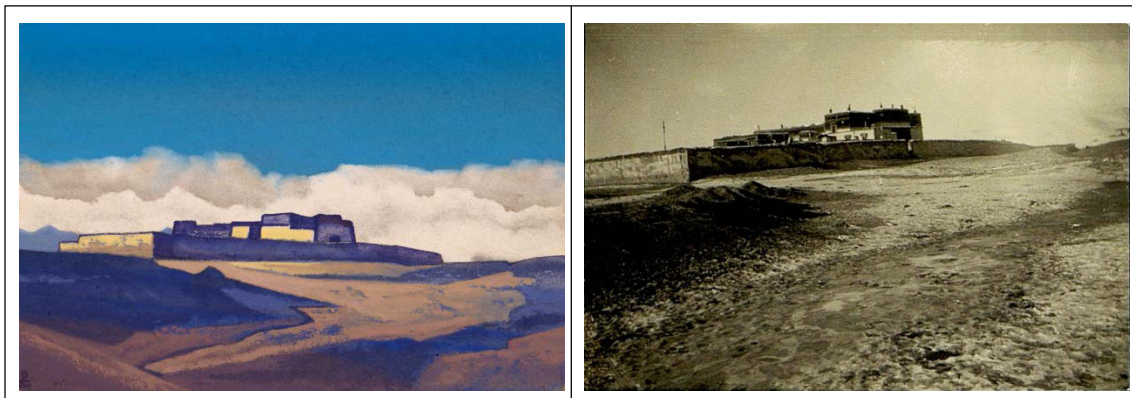
Решили «смазать» переговоры с губернаторами.

«С утра, как всегда, морозно, а затем опять будет снеготаяние. Утром Ю.Н. посетил гражданского губернатора, и кусок шёлка был «съеден» благополучно, причём убогатворённый «сановник» сообщил, что вместо дикого Намру можно идти по южному берегу Тенгри-нора.

«Заслуживает внимания, - заметил Ю.Н., - что, конечно, все внутренние переговоры с губернатором далее не пойдут. В книге Ч. Бэлла о Тибете передаётся, что в разговоре с ним Далай-Лама сказал, что Шамбала населена каннибалами. Каковы бы ни были мотивы этого нелепого утверждения, степень кощунства остаётся величайшей, в особенности в устах «первосвященника». Недурно и вчерашнее утверждение духовного губернатора, вступившего в религиозный диспут с Ю.Н. Когда последний предложил губернатору поговорить о метафизике, то бывший лама и настоятель монастыря ответил, что человек не может прочесть все книги и поэтому об этом говорить не может. Между тем, Абхидхарма-Коша является, казалось бы, одной из основных дисциплин буддизма. Слухи о происшедшем между Ю.Н. и губернатором духовном споре уже циркулируют по местечку. Н.К. советует Ю.Н. возобновить при первой возможности духовный спор, ибо таким путём лучше всего выясняется невежество лам.

«Сообщают, что нашим ламам уже разрешили идти в Лхасу, но нет животных. Вечером пришёл с хатагом лама Бухаев просить прощения у Е.И. и Н.К. за своё поведение, указывая, что он действовал только по наущению злобного Малонова. Бухаев, боясь тех же последствий, постигших Малонова, спешил перед уходом в Лхасу загладить свою вину.

«В глубоких сумерках пришёл доньер от духовного губернатора, и во тьме Ю.Н. и Кончок понесли парчу. Лицемерие являло себя во всей красе - губернатор заявил, что он не может принимать подарков, но, в случае назначения самой минимальной цены, он примет парчу. Второй кусок (худший) губернатор намерен приобрести для правительства совместно с другим губернатором за тысячу нарсангов; при этом он жал руку Ю.Н. и уверял, что направит нас кратчайшей дорогой. Мы имеем основание ни одной копейкой не одалживаться Тибету и потому намерены оценить два куска старинной парчи в одну самую мелкую золотую тибетскую монету. По обыкновению у Н.К. на сей счёт есть какой-то определённый план.

Н.К. Рерих. Монастырь в Тибете. 1930-е.
Справа: Монастырь Нагчу. 1928. (Фотография экспедиции)

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«1. II. Сегодня идём в монастырь. Нас будут сопровождать чины из управления духовного губернатора. Монастырь Нагчу, о котором нам говорили как об очень большом, имеющем 8000 монахов, - на самом деле имеет не более 80 насельников. Больших построек только две. Один храм коричневый с золотом,

другой - золотистый, с красными карнизами. Лабиринт дворов, в которых находятся кельи монахов без окон, с дверями, завешанными сукном. Всюду грязь. К храму ведут покосившиеся ворота на мощёный двор, на котором стоят мачты с молитвенными флагами.

«Сначала нас провели в главный храм. Это большое высокое помещение без окон. В темноте горят ряды лампад. Потолок поддерживается несколькими рядами балок-колонн, обёрнутых шёлком. Полутьма, глубокая тишина и свет лампад, озаряющих гигантские божественные изображения, производят впечатление. Золочёная статуя Будды больше человеческого роста раза в три - с прекрасным выражением лица с миндалевидными глазами. Вправо и влево от неё несколько меньшего размера статуи святых. Перед каждой - горящая лампада. Среди изображений одна статуя с закрытым тканью лицом. Это первый настоятель монастыря. По канону его черты должны всегда оставаться закрытыми. И в этом есть что-то красивое.

«Чиновник губернатора идёт перед Н.К.Р. и набрасывает по хадаку на каждую статую. Стены храма изукрашены живописью, изображающей божественные сущности, и орнаментировкой в красном, чёрном и золоте. Мы выходим из храма. На веранде поставлены тахты, на которые нам предлагают сесть. Появляются служки с кувшинами и разливают приготовленный с маслом и солью чай. Веранда тоже вся в живописи, изображающей тар, духов стихий, покровителя Нагчу с тремя глазами и духов - властителей стран света, причём гении юга и востока изображены с музыкальными инструментами в руках. Выпиваем несколько чашек горячего чая, что так приятно после холода нетопленного храма.

«Потом идём в другой храм. Его двор завален тюками шерсти и запружен вьючными животными. Поднимаемся по ступеням на паперть и проходим за завесу, заменяющую дверь. Это храм, посвящённый Владыке Майтрейе, царю мира, Бодхисаттве, которому скоро надлежит появиться на земле. Тому, кого с благоговением ждёт вся Азия. Храм невелик, очень прост - но производит очень большое впечатление. Здесь преобладает художественная резьба по дереву. Горят лампы, и в их неверном свете глаза понемногу привыкают к темноте. В центре, на троне, большое изображение Господа Майтрейи. Это статуя большой красоты. С обеих сторон ряды Будд, уже приходивших на землю, и бодхисаттв, долженствующих прийти после Майтрейи при 6-ой и 7-ой расах. Буддизм не исчисляет годы планеты в шесть тысяч лет и не ждёт её скорого конца, при нормальных, конечно, условиях её дальнейшего существования. Оба храма производят хорошее впечатление своим относительным порядком и чистотой, так не свойственным тибетцам. Монахов немного. Все в тёмно-вишнёвого цвета плащах с бритыми головами. Некоторые с бородами. Многие лица упитаны и заплывли жиром. Н.К.Р. передал монастырю дар - 100 долларов на лампадное масло. Узнав об этом, духовный губернатор, в подчинении которого находится монастырь, пришёл в совершенную ярость, что деньги прошли не через его руки. Зачем монахам деньги, им было бы достаточно масла, которое он бы послал им».

2 февраля 1928 г. Нагчу

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

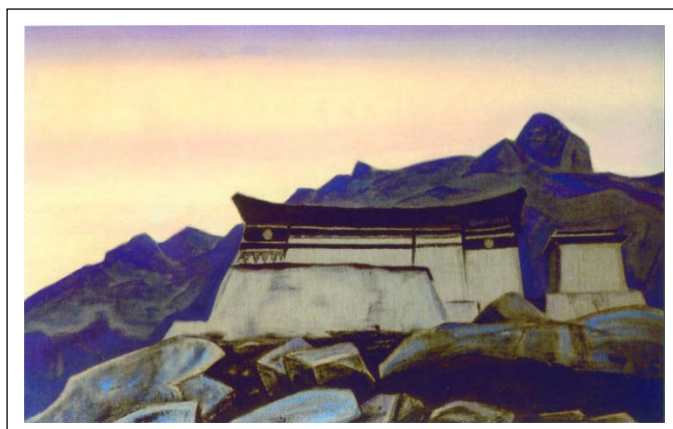
«2 февраля. Н.К. предполагал купить в монастыре несколько штук глиняных изображений Будды, но оказалось, что эти изображения можно купить только у духовного губернатора, который сам их выделывает».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«2/II. <...> Сейчас наша главная забота и тревога, где и каким образом достать транспортных животных и как они обойдутся без травы, если весь путь до перевала Дам-ла в области Трансгималаев занесён снегом. Другое опасение - не задержат ли нас до наступления тибетского Нового года, то есть до 22 февраля, так как этот праздник продолжается в Китае и Тибете иногда не менее месяца, и таким образом мы попали бы в южные долины во время апрельской жары.

«Вчера губернатор лицемерно сказал Ю.Н., что правительство «не получило писем Хорчичаба и очень обеспокоено гибелью нашего каравана». <...>

«Вчера Ю.Н. принесли показать книгу «Намтар о Гэсэр-хане»; книгу эту не продали, но Ю.Н. заказал её переписать. При этом мы узнали, что в Каме имеется Гэсэр-цзонг - старый замок, связанный с именем Гэсэр-хана, где перекладыны потолка сделаны из мечей.

Н.К. Рерих. Замок Гесер-хана. 1929.

«Сейчас мы слушали чтение Е.И. отрывков из книги «Знаки Агни-Йоги».

<...> «Вам даны знаки Йоги на высотах. Вы убедились, что ни холод, ни высота не повредили вашего здоровья. Как же не превозмогший холод предстанет в высшем трепете? Как же можно мыслить о дальних мирах, убоившись даже земных высот? Как же можно представить себя бесплотным духом, если не побеждено случайное чувство голода? Отягощённый желудок есть явление конца восхождения. Нужна мера погружения в землю.

Ведь Йога даёт много преимуществ, кроме космического сознания. Йога даёт пространственный провод и помощь Нашу во всех полезных действиях. Знание сотрудничества даёт единственный верный подход. Тем важнее понимать Йогу в жизненном применении, чтобы дать и Нам возможность ответить жизненно». (Зн.А.Й. - 206. – ред.)

<...> Е.И. читает письма Вивекананды. Н.К. подчёркивает три пункта письма из Альморы от 14 июня 1897 г., которые Вивекананда предлагает осо-

бенно отметить в адресе королеве Виктории: 1) во время её правления все религии были покровительствуемы и учение Веданты свободно проповедовалось как в Индии, так и в Англии; 2) её милосердие по отношению к бедным в Индии, выразившееся в её личном примере по объединению английской благотворительности во время голода; и 3) молитву за её долгую жизнь, а также благополучие и рост благосостояния народов её владений. Такой отзыв Виккананды заставляет вспомнить о многом из прошлого».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«2. II. <...> Мы около пяти месяцев в Тибете. Н.К.Р. говорит, что, очевидно, курс изучения Тибета требует 150-ти дней.

<...> Губернаторам внесены деньги за нанятых животных до Намру, где губернатором брат жены нашего духовного губернатора. Сговариваясь о плате, последний просил держать её цифру в тайне, а майору назвать большую. Это особая якобы любезность, и здесь, как всегда, для чего-то нужен обман. Приём денег происходит во дворе нашего дома, в присутствии обоих губернаторов и свиты. <...> Каждый доллар осматривается и чуть ли не пробуется на зуб. Монеты с царапинами откладываются - они не годятся. Потом принимается все, и губернаторы встают. Старшины, стоящие тут же, жалуются, что им что-то недоплачено за ячмень. По книгам начальника транспорта - всё уплачено сполна».

3 февраля 1928 г. Нагчу

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«3/II. <...> Ждём завтра обещанного ответа и каравана с продовольствием из Лхасы. Однако Ю.Н. относится к этому сроку скептически и полагает, что выйдем не ранее марта, а в Сиккиме будем в середине апреля.

«Сегодня вспоминали те слухи о внутреннем росте Тибета, которые мы так благожелательно выслушивали в пути и которые исходили от тибетцев. Но и тогда уже мы делали оговорку о степени их достоверности, ещё в достаточной мере не зная тибетского самомнения и невежества. “Смотрим на всё добрым глазом, но как бы ни была далека действительность от слухов, всё же да будет благословенна действительность, ибо только ею созидаются ступени эволюции”, - замечает Н.К.

«Для сохранения скудной нормы выдачи корма нашим животным, который мы здесь можем купить по высокой цене, пришлось продать одну лошадь за 30 янчан, а другую отдать даром».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«3. II. Тибетцы сдают в наш склад очередной запас зерна. Двор наполнен копошащимися туземцами. Смотря на них, Н.К.Р. замечает, что они подобны скучным этнографическим фигурам, которые обычно ставятся в подвальных этажах музеев, где полы уже каменные. Почти свалка ненужных вещей, среди которых стоит несколько манекенов из папье-маше... <...>

«Сегодня я побывал в канцелярии губернатора. Это и есть дзонг Нагчу, замок, или крепость. Прошёл мрачные ворота, в их туннеле укреплено молитвенное колесо, которое обязан повернуть, проходя мимо, каждый добрый ламаист. Дальше узкий и длинный двор с конюшнями и кладовыми, посередине стоят грузовые яки. Несколько ступеней ведут к двери, в которой я сталкива-

юсь с губернаторшей, молодой женщиной в пёстром тюрбане на голове. Она жестом приглашает меня в комнату, в которую надо войти через узкую переднюю. Это одновременно канцелярия и приёмная губернатора. Просторно, довольно чисто, и большое окно со стеклами. Посередине железная печь, распространяющая приятное тепло. <...>

«Уходя, замечаю «Чинтамани», изображение сокровища мира, везомого в ковчеге белым небесным конём. И странно видеть, как в окружающем духовном убожестве и серых сумерках застывшей жизни Тибета - соприкасаются в легенде о таинственном камне Восток и Запад. Здесь - «Чинтамани», а на Западе знаменитый миннезингер Вольфрам фон Эшенбах как бы поднимает над ним завесу тайны и говорит: «Und dieser Stein wird Graal genannt» [*«И этот камень будет назван Граалем» (нем.) – ред.*]* Это блуждающий камень, «Lapis exilis», как звался он магами и алхимиками. Может быть, он существует, этот камень, и может быть недалеко от нас. Как знать?

Тибетский молитвенный флаг с изображением «Чинтамани»

«<..> Сегодня осматриваем лошадей. Они начинают сильно поправляться. Получаемая ими дача очень велика. На пастбище их гоняют ежедневно в горы, где есть на проталинах прошлогодняя трава. Верблюды тоже в порядке.

«Стороной выяснилось, что в первые дни нашего прихода губернаторы допрашивали наших монголов, не «красные» ли мы. Монголы отрицали это, но губернаторы качали головами и долго не верили. Похоже, что кто-то старался их убедить в этом».

4 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«4 февраля. Пришло известие о выступлении каравана с продуктами из Лхасы, караван будет здесь дня через три. Вместе с караваном идёт письмо от Далай-Ламы. Говорят, содержание письма очень значительно. Перед караваном едут гонцы для оповещения цзонгов о своевременном приготовлении животных. Требуется 50 яков и 4 лошади, это количество возбуждает некоторый интерес, т.к. для заказанных нами продуктов достаточно 30 яков. Четыре лошади указывают на четырёх сопровождающих, тогда как из Нагчу выехало в Лхасу только трое. Очевидно, четвёртый послан из Лхасы. Ходят слухи, что

правительство или Далай-Лама посылает Миссии подарки, - этим объясняют такое большое количество грузовых животных. Поживём – увидим».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«4/II. <...> После полудня Нагчу взволновался слухами, что на яках везут нам подарки от Его Святейшества и что по цзонгам приказано держать для нас яков и лучших лошадей».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«4.II. Из дзонга, ближнего к Нагчу по лхасской дороге, прибыл гонец и сообщил, что из Лхасы идёт правительственное письмо, касающееся экспедиции, а кроме того, есть приказ собирать на уртонах по 40 яков и по 4 лошади. Очевидно, письмо и есть дополнительное указание девашунгом нашего маршрута, а яки заготавливаются для каравана, везущего заказанные для экспедиции продукты и фураж из Лхасы. 4 лошади соответствуют числу посылавшихся по нашим делам в Лхасу гонцов. Впрочем, члены экспедиции недоверчиво относятся к этому сообщению. «Конечно, хорошо - но только, если это правда». Так мала у нас вера во всё, что говорят тибетцы.

5 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«5/II. <...> Снег быстро тает, окружающие нас груды почернели. В нетопленном помещении утром +1° С; в то же время в 8 ч. утра на воздухе -2° С. В 10-м часу утра на солнце +10° С.»

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«5.II. Ночью -20° С, днём больше +30° на солнце. Лучи солнца знойны, но воздух холодный. Прибыл купец, муж хозяйки из большой лавки. Он говорит, что гонец из Лхасы по нашему делу с письмами едет ему вслед. Не лишено интереса, что в Тибете правительственных курьеров всегда обгоняют частные лица.

«К часу дня температура снижается до 1,5° С на солнце. Подымается ураган. Ветер рвёт палатки, стоящие на дворе, забивает дым в трубы и обдаёт мелкой пылью с навозных куч. Во дворе нашего дома появляется сборщик пожертвований на «дацан», или школу в Лхасе, имени Шамбалы. Но собирает ли он по собственной инициативе на себя или, действительно, на дацан - решить трудно.

«Когда ветер стих, Н.К.Р. пошёл с доктором на прогулку. <...>

«Сегодня обратили внимание на приносимое на продажу туземцами мороженое яковое мясо. Оно уже очень подозрительно своим ярко-красным цветом и, без сомнения, от дохлых животных».

6 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

6/II. <...> Несмотря на вредные для здоровья условия жизни в Нагчу, все мы целый день заняты делами. Е[лена] И[вановна] и здесь продолжает весьма успешно заниматься психическими исследованиями, пользуясь особыми географическими и атмосферными условиями местности. <...>

[Из дневниковых записей Е.И.: "Ночь на 6-е. Плохо чувствовала себя, сердцебиение и озноб". ... "Ощущение пульсации моза от затылка к лобной части вне темпа пульса"]

«По-видимому, по предписанию из Лхасы губернаторы срочно собирают караван, но вопрос в том, куда нас направят. В 9-м часу вечера явился к Кончоку нерва цзонга и сообщил, конечно, под строжайшим секретом, что только что прибыл ответ («кален») из Лхасы. Содержание «калена» нерве будто бы пока неизвестно. Он обещал, в случае если узнает, сообщить всё утром. Со стороны Кончока были какие-то странные замечания, что на Ладакх мы не идём, но что не пришлось бы ему ехать в Лхасу. Если такой разговор возникает, то в Лхасе ему не миновать тюрьмы «за содействие иностранцам». В последние дни у Кончока одна мысль - эмигрировать из Тибета. Даже ему, многое повидавшему в Китае и Монголии, тибетская жизнь не под силу. Будем ждать событий».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«6.II. На мой вопрос, почему, придя с открытым сердцем в Тибет, мы натолкнулись на такую действительность, Н.К.Р. мне ответил: «Надо всегда идти с добрым глазом и не смущаться встречающимся несовершенством. Всякое действие, даже в неудачных условиях, - есть действие, строящее ступень будущего». <...>

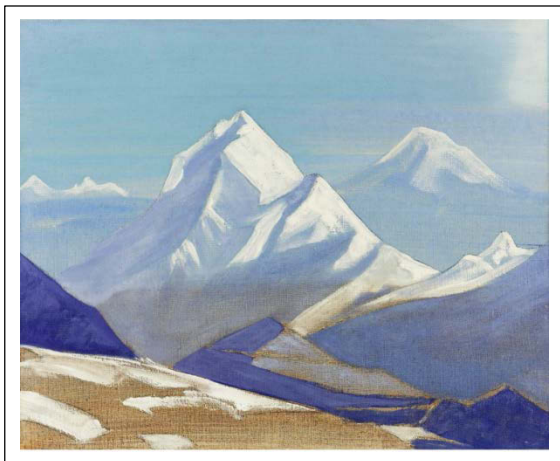
«Всюду отвратительное лицемерие и перебирание чётков, и верчение молитвенных колёс. Запрос о том, правда ли, что иностранцы, вопреки законам страны, сварили в супе двух куриц и петуха, и параллельно с этим - уничтожение целого каравана. <...> По поводу последнего Н.К.Р. замечает, что большой вопрос, насколько безвредно ношение этих мехов, с тканями, отравленными ядом.

«Утром привели собаку вроде лайки. Условно её взяли и посадили на цепь. Это совпало с трагическим эпизодом. Тумбал, наш пёс, ушёл из дому и лёг в сотне шагов от него... чтобы умереть. Доктор предполагает прободение внутренних органов острой костью. Через несколько часов Тумбал сдох.

Тумбал. (Фотография экспедиции)

«Н.К.Р. говорил о японцах, которым, как мы замечали, он очень симпатизирует. Он говорил об их искусстве. Вспомнил о японской даме и её мимическом танце на очень интересную тему. Няня маленького принца, у которой есть и свой ребёнок, узнает о готовящемся на её питомца покушении, которое невозможно предотвратить. Тогда она самоотверженно заменяет принца собственным ребёнком и, когда убийство совершилось, показывает свою печаль в строго официальной форме, не больше и не меньше, чтобы не навести убийц на истинное положение вещей. Н.К.Р. говорит, что исполнение этой драмы в танце японской дамы - было совершенством. <...>

Н.К. Рерих. Гималайский пейзаж. 1928.

«Вечером смотрим на пейзаж. Как контраст грязному Нагчу, протянулись с востока на юго-запад Трансгималаи в своём девственно-белом уборе снегов. На склонах уже видны проталины. Вообще солнце начинает сгонять снег. В долине текут ручейки, а от зимнего покрова остался только тонкий ледяной наст.

7 февраля 1928 г. Нагчу.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«7 февраля. Нирва, или казначей дзонга, посетил нас и сообщил, что правительственный ответ, или ка-лен, был получен. Днём попросили навестить кхан-по, который официально сообщил, что правительство Тибета согласилось допустить нас в Сикким. Губернаторы подготовят караван для экспедиции ко времени, как только достаточно стаёт снег, ибо в настоящее время для лошадей и яков на пути не было пастбищ. Профессор Рерих настаивал на том, чтобы нам позволили отправиться немедленно, так как у экспедиции было недостаточно денежных средств. Кхан-по обещал послать уведомление всем старшинам района Нагчу. Губернатор добавил, что правительство выразило недовольство, узнав, что все караванные животные погибли, и предстояло правительственное расследование»

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«7 февраля. Ответ пришёл. Разрешено ехать на Сикким. Правда, пишет правительство, всем приезжающим иностранцам предлагаются обычно два пути: или обратно, или на Ладак, но принимая во внимание, что Миссии при-

шлось простоять всю зиму в ожидании ответа в неблагоприятных условиях Чантанга и здоровье некоторых членов Миссии пошатнулось, правительство с благословения Далай-Ламы согласно пропустить Миссию на Сикким.

«Маршрут пути, указанный в ответе, таков: Нагчу, северный берег ТенгриНура, по ладакской дороге до Шенза-Цзонга, оттуда прямо на юг в направлении Лхарцзе-Цзонга и от последнего одной из дорог на Чумби. Самым трудным участком пути является, конечно, путь от Нагчу до Шенза-Цзонга, идущий Чантангом по высоте свыше 15000 футов. Затем будут трудности при пересечении трансгималайской цепи, здесь перевал, лежащий на нашем пути, имеет 18000 футов высоты. Дальше местность постепенно понижается к долине реки Цанг-по, начинается земледельческий район, прохождение которым будет значительно легче».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«7/III. <...> Утро морозное - в помещении -3°С. В 9 ч. утра к Кончоку пришёл доньер (чиновник). Ю.Н. встретил его вопросом: «Что нового?» На это доньер определённо ответил, что ничего нового нет, и завёл пустяковый разговор о собаке. В начале 11-го часа утра Кончок сообщил по поручению духовного губернатора, что ответ действительно получен и пакет сейчас будет распечатан в присутствии гражданского губернатора и доньеров, а потом произойдёт обсуждение ответа. После этого будут приглашены Н.К. и Ю.Н., которые, по тайному совету губернатора, должны говорить в этом собрании настойчиво. Действительно, в 11 ч. пришёл доньер с приглашением на совещание. Происшедшее там представляется мне так: от девашунга получен ответ, что обычно указывается дорога обратно на Цайдам или на Ладакх, но, принимая во внимание, что Посол - великий человек и мы люди великой страны и буддисты, правительство не имеет ничего против, если мы изберём путь на Сикким. Ни одного дня нас губернаторы не задержат, как только получат сведения от населения о проходимости путей.

«Переговоры отличались характерными эпизодами. Так, например, духовный губернатор заговорил с Ю.Н. по-монгольски о каких-то деталях пути, а затем, обращаясь к гражданскому губернатору и майору, не знающим монгольского языка, сказал по-тибетски: “Если мы не пропустим их на Сикким, то двое из них (Ю.Н. и Н.В.) немедленно поедут на Лхасу и как мы сможем их остановить?” Гражданский губернатор и майор согласились с духовным губернатором. Затем духовный губернатор неоднократно прерывал Ю.Н. по-монгольски, говоря, что он уже понял, в чём дело. Так или иначе, но сегодня обстоятельства повернулись таким образом, что впервые в истории Миссия сможет пройти весь Тибет с севера на юг никем ещё не пройденным путём.

<...>

«В течение уже долгого времени мне приходится наблюдать, как вокруг Н.К. начинают собираться и наслаиваться обстоятельства, запутываясь, наконец, в какой-то гордиев узел, и, в конце концов, всё дело разрешается благополучно - находится какая-то совершенно новая, неиспользованная комбинация.

«Сегодня было предложено послать телеграммы на английском языке с точным тибетским переводом и письма в Америку о том лишь, что мы здоровы. И это после того, как почти в течение четырёх месяцев мы тщетно посылали о себе телеграммы и письма и в Америку, и английским властям в Сиккиме,

и американскому консулу, но всё это возвращали нам обратно. <...> Не забудем, что именно в течение четырёх месяцев нам воспрещалась всякая связь с внешним миром.

«Вечером Ю.Н. был снова приглашён к - духовному губернатору. Главной темой разговора была попытка оправдания губернатором тибетского правительства в нашем задержании. Основной причиной, по словам губернатора, было поведение недавно высланного монгольского посольства, которое ложно назвалось верующими буддистами, приехавшими просить нового Богдо-Гегена для Монголии. Как выяснилось потом в Лхасе, всё это оказалось ложью».

8 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«8 февраля. Губернаторами послан в Лхасу гонец с просьбой дать распоряжения по цзонгам, лежащим по пути нашего прохождения, о своевременном приготовлении грузовых животных. Под перевозку груза Миссии требуется 140 яков и 10 лошадей. Губернаторами получен ответ правительства о разрешении слугам Миссии монголам идти на Лхасу. Монголы пойдут, вероятно, с караваном, который привезёт нам из Лхасы продукты».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«8. II. За ночь выпал глубокий снег, и Нагчу опять покрыт белым убором. Небо в облаках испарений, поднимающихся от тающего снега. Ночь была тёплая и, благодаря насыщенности воздуха, спалось точно после приема большой дозы опиума.

«Сегодня губернаторы приняли от экспедиции правительственный груз - американские ружья и патроны. И как здесь всё просто. Пришли несколько женщин и подросток, взвалили на себя казенный груз и унесли».

9 февраля 1928 г. Нагчу. (126-й день)

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«9/II. <...> Сегодня уже 126-й день нашего «сидения». Уже треть года, как мы задержаны, и всё никак не получим ясный ответ о дальнейшем маршруте. До такой наглости тибетское правительство до сих пор ещё не доходило. Но всё же по некоторым намёкам губернаторов нам ясно, что какое-то соображение об ответственности за всё происшедшее у них возникло.

Ночью опять вихрь и снег. Опять завывали дармоеды из монастыря, созывая народ расчищать крыши. Мучаемся всё время с неточностями карт и полным несоответствием названий: так, например, называемый губернаторами Намру-цзонг на картах обозначен Лангма-цзонг; также невозможно точно установить место Сага-цзонга и других.

«У Е.И. сегодня болит горло, требуется молоко, которого здесь достать нельзя. Н.К. говорит, что до сих пор не может привыкнуть к тому, что тибетцы с такой наглой беззастенчивостью выказывают своё невежество и дикость. У некоторых малокультурных народов сохранился, по крайней мере, инстинкт оговориться о своей темноте и невежестве, но здесь это самодовольно выставляется на вид и подчёркивается в полной уверенности своего превосходства».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«9. II. За ночь прибавилось снегу. С раннего утра поднимается ветер, переходящий к полудню в ураган. Холодно, солнце в тучах. Тёплые дни временно миновали, но это не страшно. Дело идёт к весне, и холода Чантанга прошли. Налаженно, как заведённая машина, течёт наша жизнь. Настроение бодрое, спокойное, и всякий знает, что уход отсюда только вопрос времени. Впереди весна, тепло и интересное путешествие через Гималаи в Индию.

10 февраля 1928 г. Нагчу. (127-й день)

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«10/II. <...> Ночью и утром мороз; в помещениях -5° С. О нашем продовольственном караване из Лхасы нет никаких сведений, хотя прошло уже более двух недель со дня его предполагаемого выхода. У Е.И. продолжает болеть горло.

[Из дневниковых записей Е.И.: «Ночь на 8-е. Сильная боль в горле от отравления синильной кислотой в аргале»

«10-е. Моя болезнь, воспламенение синтезирующего горлового центра, усилилась. Боль ужасна, отёк всей области рта, не пошевелить языком. Никакие лекарства не помогают".]

«Ю.Н. читает труды английского учёного Макговерна, серьёзно изучавшего буддизм. О ламаизме Тибета он замечает, что «немногого стоит тибетский буддизм, учение его заключается в дьявольских танцах и составлениях ненужных заклинаний».

«А между тем лик Тибета, представший нашему взору, всё более искажается, и гримаса его становится всё уродливей. На 127-й день мы всё ещё находимся на положении пленников, не можем продолжать путь и даже понятия не имеем, когда нас отпустят. Кругом какая-то бесконечная паутина лжи. Все сведения разноречивы, и всё сводится к вымогательству от нас взяток, подарков и последнего серебра. <...>

«Сегодня солнце ярче, начало опять таять, но над горами уже появились тучи. Мулы наши съели свои попоны из кошмы, а сегодня один из них съел хвост лошади Маруськи. Удивительно прожорливые и всеядные животные! Другое отрицательное качество мулов: они вообще не привыкают к своим хозяевам. Об этом единогласно свидетельствуют все, знающие мулю породу».

11 февраля 1928 г. Нагчу. (128-й день)

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«11 февраля. Пришли сведения о нашем провизионном караване из Лхасы: караван, лишённый яков, застрял на Саншунге. Чиновники, сопровождающие караван, отчаиваются найти новую смену животных. Предполагают переотправить груз на людях.

«Сегодня Ю.Н. в разговоре с доньером духовного губернатора обратил внимание последнего на ужасающую грязь Нагчу, говоря, что от недоброкачественной воды у Е.И. заболело горло. На это доньер ответил: «Если здесь вам кажется грязно, то, что же вы сказали бы о Лхасе, где с источниками питьевой воды часто смешиваются потоки нечистот...»

«Вечером Н.К. и Ю.Н. были у духовного губернатора. Разговор шёл о дороге и о яках. Губернатор надеется собрать яков к 23 февраля.

Из дневниковых записей Н.К. Рябина «Развенчанный Тибет»:

«11/II. <...> С утра стало теплее; будем надеяться, что снеготаяние продолжится. Н.К. обеспокоен нездоровьем Е.И. Он говорит, что “воспламенение открытых центров может легко угрожать различными опасностями, и обычные жаропонижающие и прочие средства здесь мало чем могут помочь”.

[Из дневниковых записей Е.И.: “Учитель отменил все лекарства, возможно лишь холодное молоко и холодные компрессы на горло. Несмотря, что в комнате температура 4-5 град. Ниже нуля по Реомюру, лежу на резиновом мешке, наполненном ледяной водой. Сильный жар.”]

«Н.К. вспоминает, что в 1924 году, как раз в это время, он и Е.И. выезжали из Талай-Потанга в Сикким. Было чудесное светлое утро, и сиккимские монастыри, расположенные на вершинах гор, манили своей красотой. Сикким не обманул их ожиданий, укрепив незабываемые ценные впечатления, а его набожные жители оставили о себе самое приятное воспоминание.

«В феврале 1925 года Н.К. и Е.И. направлялись к границам Непала; по горам стлался туман, и вновь их путь сопровождался самыми лучшими и полезными впечатлениями. Запомнилось несколько типов гуркхов, отличающихся сознанием воинского духа и преданностью; примечательно, что первое изображение Будды пришло в Тибет именно из Непала, который может гордиться тем, что в его краях трудился сам Благословенный. Там же был заповедан и Грядущий Майтрейя. И сколько Махатм и буддийских подвижников следовало путями Сиккима и Непала! Всё это так значительно и так привлекает к этим местностям! Здесь же, в Тибете, мы видим одно бесчеловечие и дикость, не совместимые ни с каким учением. Вот уже 128-й день, а мы по-прежнему в полном неведении о сроке своего освобождения из тибетского плена. В то же время Н.К. с большой симпатией вспоминает о Монголии с её большими возможностями, берущих начало в её славном прошлом. Вспоминает и о Ладакхе, с его героическими развалинами и монастырями, хранящими ценные реликвии; с этим городом связано имя Великого Гэсэр-хана, его камни помнят и Христа, и Будду. Этот Ладакх является для Н.К. источником многих вдохновений. Какая разница между всеми этими странами и невежественно-кичливым Тибетом!»

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«11.II. Н.К.Р. очень беспокоится за здоровье Е.И. Она, в связи со своей работой, сильно больна. Эта болезнь есть горение воспаленных центров. Воспламенение открытых центров угрожает большими опасностями, и обычные жаропонижающие и иные медицинские средства в этих случаях - малоприменимы.

«Мы сидим с Н.К.Р. и доктором на террасе дома, и Н.К.Р. делится с нами своими воспоминаниями. <...> “Велика разница между Непалом и пустокичливым Тибетом с его невежественной наглостью. Здесь мы видим одно бесчеловечие, связанное с самым низким бесстыдством уже не дикарей, а животных - в низших слоях и с подражанием образцам потухшей культуры и государственности Китая среди чиновников и высших классов. Ни понимание ценности времени, ни простая международная вежливость не играют здесь никакой роли”. Так говорил Н.К.Р. <...>

«По поводу болезни Е.И., которая уже несколько дней не выходит из своей комнаты, губернаторскому чиновнику сказали, что её нездоровье отчасти вызвано грязью дома и вообще нечистотой Нагчу. На это чиновник ответил: «Если Вы считаете грязным Нагчу, то, как же вы бы жили в Лхасе?» Приходится поверить заявлению такого компетентного лица, как губернаторский чиновник. Впрочем, это и близко к истине. Путешественник Цыбиков отметил в своём дневнике, что даже в Потале, дворце-монастыре, в котором принимал его Далай-Лама, - невероятно дурной и труднопереносимый воздух».

12 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«12 февраля. Н.К. опять был у духовного губернатора. Теперь губернатор говорит, что им получены сведения о состоянии дороги на Тенгри-Нур: по дороге глубокий снег, и караваны не ходят ни в ту, ни в другую сторону. Поэтому губернатор не думает, чтобы Миссия могла выйти из Нагчу ранее 26 февраля. Во время разговора с губернатором Н.К. положил свои перчатки в карман и вдруг среди разговора он заметил, что присутствующие в комнате с интересом рассматривают какой-то предмет, переходящий из рук в руки. К своему глубокому изумлению Н.К. увидел, что это были... его перчатки. Маленький сын губернатора, всё время вертевшийся около Н.К., вытащил их из его кармана с большой ловкостью, и затем перчатки пошли гулять по рукам присутствовавших в комнате тибетцев!»

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«12/II. <...> Вчера вечером Ю.Н. и Н.К. посетили губернатора для переговоров о сроке нашего выступления. Срок назначен губернатором на третий день тибетского Нового года, то есть на 24 февраля. <...>

[Из дневниковых записей Е.И.: “Ночь. Горение в горле ничем не утолить. Жар, обжигающий руки, сердце летает, а не бьётся, иногда ощущаю его в горле или же даже под лопатками и даже в боку”.]

«Е.И. чувствует себя сегодня немного лучше, режим - только охлаждённое кипячёное молоко. Среди дня Н.К. и Ю.Н. опять были на совещании у губернатора по поводу срока нашего отправления из Нагчу. Конечно, число, назначенное губернатором накануне, сегодня оказалось уже неверным. Теперь называется 27-28 февраля. Точный маршрут по-прежнему не определён.

<...> Некоторые из наших лам решили не заходить в Лхасу, а прямо направиться из Нагчу обратно в Цайдам, считая, что в Лхасе только отберут их деньги и домой им возвращаться будет не с чем».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«12. II. Сравнительно тёплая ночь и солнечный безветренный день. Получается сведение, что караван из Лхасы с продуктами для экспедиции - подходит к Нагчу. Наш уход из Нагчу фиксирован губернаторами на 3-е число 1-го тибетского месяца, то есть на 23. II. <...>

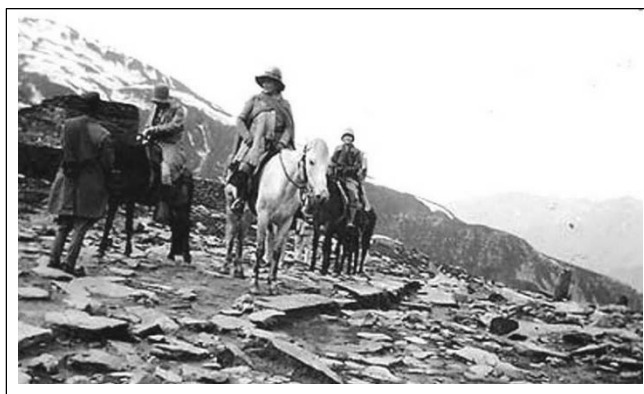
«Здоровье Е.И. немного лучше, но горение центров продолжается. Очень вредно отражается на ней вдыхание синильной кислоты аргального дыма. Н.К.Р. отмечает, какие богатые наблюдения мог бы накопить доктор в области терапии, наблюдая Е.И. при её работе. Ведущийся опыт Е.И. опасен - но опасность есть основа подвига, говорит она. Поражено горло. Лекарства богатого

аптечного набора оставлены, и единственное, что помогает, - это компрессы и молоко. Молоко здесь отвратительное, и его приходится доставлять издалека - потому приходится прибегать к отвару риса. <...>

«Лхаса начинает естественным путём терять свою притягательную силу даже для монголов, шедших с нами и насмотревшихся на нравы и обычаи тибетцев. “В Лхасу придём, проживём деньги и вернёмся домой без ничего - что толку в этом”, — говорят они. Некоторые из них сопутствуют Н.К.Р. более года, получая на всём готовом, начиная с платья, по доллару в день».

13 февраля 1928 г. Нагчу.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«13. II. Сегодня день рождения Е.И., но она опять себя плохо чувствует и не выходит. Ночь была тёплая - но утро холодное. В палатке тоже мороз, пока горячее солнце не согреет воздух, который уже держится, так как ткань его не пропускает.

«Сию на дворе. Монгол Серинг метёт его и швыряет камнями в голодных собак, которые появляются в воротах и крадутся по двору, пытаюсь стащить что-либо съедобное. Новый пёс Каду, подарок одного из губернаторов, сменивший бывшего на испытании пса, пищит и умильно смотрит на меня. Ждёт, не спущу ли я его с цепи. На кухню приходят тибетянки с деревянными бадьями воды на спине, и непонятно, как они могут нести на себе такую тяжесть - вёдер в шесть. В ворота виден на пустыре дом-мазанка, увешанный молитвенными флагами. По тропинке через замёрзший ручеёк проходит тибетец, вертя молитвенное колесо. Вдали - другой, сверкая обнажённым мечом, - отбивается от нападающих на него собак. Две девочки робко входят во двор, направляются к кухне и, став у двери, с любопытством наблюдают, что там происходит. Они обе невероятно грязны. На чёрной от грязи руке старшей серебряное колечко с кораллом. Вторая, поменьше, прелюбопытная обезьянка. Хорошенькое личико, насколько его можно видеть из-под коры грязи; она олицетворённое кокетство и пугается всего, после чего хохочет, показывая ряд сверкающих белизной зубов.

«На тибетский Новый год мы все приглашены к духовному губернатору. Потом - в монастырь, на церемонию изгнания дьявола. В Нагчу уже чувствует-ся предпраздничное настроение. В лавках толпятся туземцы и закупают всякие вещи и незатейливые сладости.

«Когда ветер от посёлка, у нас невозможно дышать от едкого дыма аргала. Н.К.Р. относит его ядовитость ещё и к тому, что яки питаются во время бескормицы падалью.

«Наши монголы, лама-проводник, маленький Кончок и брат его Таши, приносят Н.К.Р. хадаки с завёрнутыми в них леденцами. Они покидают нас и, пользуясь проходящим на север караваном, идут обратно в Монголию. Их одаляют деньгами, вещами, и они, сердечно простившись со всеми нами, уходят. Это были очень хорошие люди, и с ними жалко расставаться».

14 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«14 февраля. Караван с продуктами, застрявший на Саншунге, вышел в путь и, пройдя один переход, опять встал. Глубокий снег препятствует его дальнейшему продвижению. Таким образом, караван, отправленный из Лхасы самим правительством и сопровождаемый особым чиновником, никак не может дойти до места своего назначения! “Если мы посмотрим, - говорит Н.К. - на то, как исполняются распоряжения губернаторов Нагчу местным населением, то мы не будем особенно удивляться, что правительственный караван в течение 18 дней не может дойти до Нагчу”.

«Действительно, население округа Нагчу обнаруживает крайне сепаратистские настроения и не склонно исполнять распоряжения губернаторов, поставленных им из Лхасы».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«14/II. <...> Вчера просили послать верхового за молоком, но оказалось, что в Нагчу «губернаторы» не имеют в своём распоряжении ни одной лошади, точно так же, как они не имеют власти приказать старшинам выделить хотя бы за плату кого-либо для этого поручения. Когда к наглости и самомнительной невежественности прилагается ещё полное административное и военное бессилие, картина получается потрясающая.

«Сегодня утром истёк самый крайний срок, назначенный «губернаторами» для прибытия нашего продовольственного каравана. Конечно, никакого каравана мы не дождались. Вместо этого стало известно, что наши продукты по-прежнему находятся за перевалом Санг-шунгом и вместо необходимых правительству 50 яков местные старшины дали всего 18. <...>

«Да, Н.К. прав - сроки пророчеств о Тибете исполнились! <...> Не будем удивляться многим рабым привычкам Тибета, зная, что ещё в 1911 году так называемый вице-король Тибета не смел садиться в присутствии китайского амбана в Лхасе, как о том рассказывал очевидец, бывший китайский офицер С, служивший у Н.К.

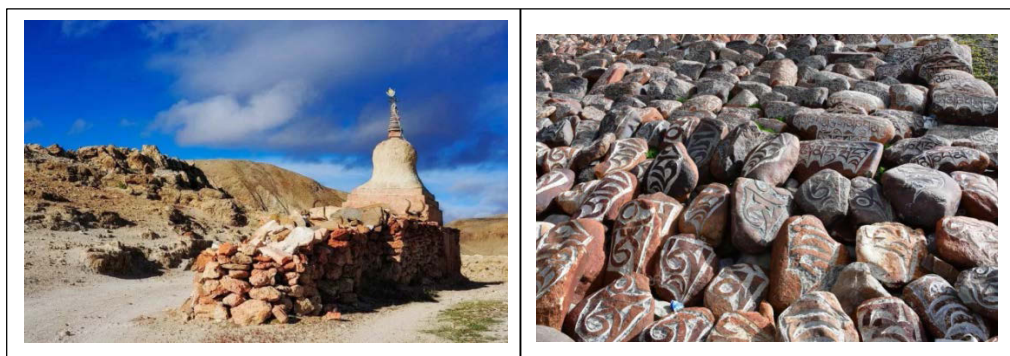
«Е.И. всё ещё болеет».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«14. II. Вчера необходимо было послать за молоком для Е.И. Сообщили об этом губернаторам для соответствующего распоряжения. Но они бессильны помочь, не имея достаточно авторитета, чтобы добыть лошадь для посылки гонца. <...> Тибет, Тибет, — уже секира при корнях твоих, и сумерки заката твоего близки. <...>

«После обеда идём с Н.К.Р. и доктором гулять. Сегодня тепло и небо совершенно особенного нежно-синего цвета, оттененное белыми перистыми облаками. Около последних мазанок посёлка из-под сошедшего снега виднеется густая прошлогодняя трава. Если здесь может расти трава, то почему же не могли бы произрастать самые нехитрые овощи: лук, редька, может быть, картофель... но нигде, даже у монастырей с их громадной рабочей силой - нет огородов. А сколько этих огородов в самой Гоби, где нет и помину о траве, около юрт китайских торговцев. Во всех странах, у всех народов рачительная хозяйка заводит свое хозяйство и трудится над ним. У тибетянок нет ничего. Ни овощей, ни живности...

«Идём к субургану у монастыря, обиталища сотни тунеядцев, тупых и невежественных, с грязными лоснящимися и упитанными мясом обликами. Субурган окружён стеной наложенных друг на друга камней с плитами грифеля наверху. Каждый кусок грифеля имеет на себе вырезанный рисунок, иногда - тонкой работы. Изображение Будды или «колёса закона», а чаще текст из священных писаний. Такие же тексты вырезаны или выжжены на рогах, лежащих на стене. А у самого субургана тысячи рассыпанных у подножия глиняных образков - приношения благочестивых рук.

Тибетский субурган. Молитвенные камни. (Совр. фото)

«Вечером приходит сведение, что завтра прибывает караван с продуктами из Лхасы».

15 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«15/II. <...> С утра сегодня холодный ветер; небо обложено тяжёлыми снеговыми тучами. Все сидим в фанзе в своих помещениях, однако прохладно и в шубе, мёрзнут ноги. Для Е.И. так и не удаётся достать молока. Сегодня послали к лавочнице-торговке с просьбой приобрести где-либо молока по какой угодно цене. Она сообщила, что достать его нельзя, у неё самой осталось из 160 яковых коров всего три, да и те не дотянутся от бескормицы. Поступило странное распоряжение «губернатора»: не давать нашим ламам из Бурятии, идущим в Лхасу, аргала. Это можно расценить как наказание за их желание идти в Лхасу. Приехали из Лхасы трое человек: один - майора, двое других - «губернатора», сопровождавших из Лхасы наш продовольственный караван. Последний ожидается сегодня вечером или завтра утром».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«15.II. С утра свистит резкий ветер. Он треплет лохмотья молитвенных флагов, рвёт палатки и хлопает флагом на воротах нашего дома. Солнце не греет, и опять очень холодно. Со всех сторон несётся раздражённый лай собачьих стай. Нагчу проходят два каравана. Один в Лхасу, другой встречный. Удивительно, что при общем вырождении и сами тибетские яки маленькие, сравнительно с хорскими, и выродившиеся.

«Уже несколько дней как вопрос доставки молока для Е.И. остаётся открытым. Для его доставки губернаторы никак не могут достать в подведомственном им округе одну лошадь. <...>

«После обеда на наш двор явились губернаторы сдавать груз пришедшего, наконец, из Лхасы каравана. Двор запрудили чиновники и толпа туземцев с мешками, тюками и ящиками. Все продукты третьего сорта, так как в Лхасе лучших не бывает. Отвратительные китайские консервы - три четверти количества заготовка из молодых побегов бамбука. Спички, которые не горят; труха, изредка при заварке пахнущая клопами, - вместо чая. Присланы и маленькие сладкие апельсины - они замёрзли. Всё недоброкачественно и являет собой отбросы из других стран, выброшенные на тибетский рынок. Рассказни об индийских товарах, английских консервах и европейских вещах оказались обычным враньём, как, вероятно, и то, что в Лхасе имеется электричество. Кроме ячменя пришло немного чеснока (лука в Лхасе не имеется), капусты, редьки и леденцов, которые перед едой надо отмывать. За обедом у нас свежие щи.

«Н.К.Р. говорит о Лхасе и указывает на статистику: город имеет 6 километров в окружности, гражданского населения около 10 тысяч, а в окрестностях монастыри с 30 тысячами монахов».

16 февраля 1928 г. Нагчу.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«16 февраля прибыл надолго задержавшийся караван с припасами, и губернаторы, сопровождаемые всеми чиновниками дзонга, собрались в штаб-квартире экспедиции. Мы получили припасов на сумму семьсот семьдесят нгусангов. Плохая мука, немного цампы, китайские консервы в банках, очень плохой сахар, китайская вермишель, замороженная репа и замороженные мандарины. После продолжительной диеты из цампы и баранины все эти продукты казались чудесными деликатесами. Мы были также рады получить пятнадцать мешков корма для бедных ездовых лошадей».

[17 февраля] «Вечером следующего дня я посетил кхан-по и имел с ним продолжительный разговор о подготовке нашего будущего каравана. Правительство согласилось дать нам возможность оплатить всю сумму налогов за караван через британское представительство в Сиккиме. Я старался получить некоторую информацию о местности, которую мы собирались пересечь. По утверждению кхан-по, нам предстояло путешествие в течение шести дней по территории, принадлежащей району Нагчу. Нагчу имел население около двенадцати тысяч, занимающееся главным образом разведением яков. Район Намру был заселён намного меньше, здесь проживала всего лишь одна тысяча семей. В этом районе разводят овец. Соседний район Нагтшанг известен разведением очень хорошего рогатого скота, и его население состояло приблизительно из десяти тысяч жителей».

17 февраля 1928 г. Нагчу.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«17/II. <...> Вчера вечером Кончок сообщил нам, что умерший Малонов сделал в Чу-наргене на нас донос о том, что мы «красное посольство из Москвы». Эту же версию поддерживал в Нагчу и его племянник Бухаев, а остальные двое на допросах - К. и Л. - «умывали руки» и говорили, что они вообще не знают, что мы за люди. Таким образом, нам стало ясно, почему вчера гражданский губернатор сказал им при нас по-тибетски: «Убирайтесь вон, вы слишком много врётё!» Ламы теперь боятся ехать на яках в Лхасу, опасаясь той же участи, какая постигла доносчика Малонова: последний, усаживаясь на яка, неожиданно для всех умер.

«Так мы каждый день являемся свидетелями проявления людьми их истинных качеств. Оглядываясь назад, припомним, что взятые нами в дорогу буряты старались нанести нам наибольший вред. <...>

«Е.И. встала с постели, почти поправившись. Сегодня Ю.Н. предстоит ряд неприятных визитов; по намёкам «губернаторов», нам надлежит сделать им целую серию подарков, иначе наш отъезд опять затянется: гражданский «губернатор» получает шапку Ю.Н. чёрно-бурой крестовой лисицы и ещё кусок шёлка, жена духовного «губернатора» - серебряный сервиз, дамский несессер и шёлковый халат. <...> Даже майор должен получить испанский наган с патронами. К нашему возмущению, мы только таким образом можем получить право выезда из этой «страны». Вот уже скоро пять месяцев, как мы находимся в плену у тибетцев, и практически изучаем на себе «благородные» методы тибетской администрации.

«Первый же визит Ю.Н. к гражданскому «губернатору» возымел желаемые результаты - обещано дать бумагу о нашем маршруте, ещё раз обещаны яки на 25 февраля и предложено со второго же цзонга идти на юг. Днём ветер и холодная погода».

18 февраля 1928 г. Нагчу.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«18/II. Так или иначе, но через неделю нам окончательно обещан приход транспортных животных, и через десять дней можно ожидать, что мы, наконец, покинем Нагчу. Устроилось также и сокращение маршрута от Шендза-Дзонга прямо на Сикким. Экспедиция получает лхасский паспорт и бумагу, что по приказу Далай-Ламы мы должны быть пропущены на Сикким с оказанием полного нам содействия властями по дороге. Последняя бумага большой ценности, так как она избавит нас от новых недоразумений и вымогательств со стороны властей. Губернаторы просят только не выходить на территорию Непала. Тибетцы смертельно боятся благородных и воинственных гуркхов. <...>

«Сегодня с утра очень холодно. Сломалось ружьё «маузер», имевшее слишком тонкую шейку приклада. Майор получил приказ собрать для экспедиции транспортных яков, и губернаторы вручили ему на этот предмет грамоту, начинающуюся так: «Всем старшинам Чунаргена, их товарищам и подручным — приказ...» Майору для поощрения подарена пара перчаток вроде шофёрских и обещан, если яки будут доставлены вовремя, дополнительный подарок. Таким образом, как будто обеспечены - рвение и своевременность.

Наш белый мул съел попону, а майор «проглотил» пару кожаных перчаток – “оба всеядные”, - пошутил Н.К.Р».

19 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«19 февраля. Наши ламы-буряты получили, наконец, разрешение на выезд. Это стоило им 15 долларов и одних карманных часов, подаренных губернатору (духовному). Последние дни губернатор лишил их права получать аргал от правительства наравне с нами, сказав, что только наши служащие, идущие далее с нами, имеют на это право, но ламы, идущие в Лхасу, должны покупать аргал у населения за деньги. Мешок аргала стоил последнее время 1 доллар. <...>

«В Нагчу по случаю скорого наступления Нового года (22 февраля) прибывают со всех сторон богомольцы. Обыкновенно они приезжают на конях с ружьём за плечами, на котором развевается жёлтый или красный флаг. На окраинах посёлка появилось несколько новых чёрных палаток приезжих хорпа. У нас также готовятся к празднику - Кончок купил несколько десятков ярдов зелёной кисеи, на которой отпечатаны изображения Чинтамани и священная формула «Ом мани падме хум», повторенная 100 раз. Кисея эта, пришитая на верёвку, будет вывешена по верху всех четырёх стен нашего двора на третий день Нового года.

«Ом мани падме хум» («Я драгоценность в Лотосе, в нём и останусь»- ред.)
Молитвенный Тибетский флаг

«Н.К. последнее время вместе с Ю.Н. занят переговорами с губернаторами о скорейшем выезде Миссии из Нагчу. Наблюдая жизнь и нравы тибетцев за время нашей долгой стоянки здесь, Н.К. пришёл к убеждению о необходимости открыть глаза европейцам на истинное положение страны, о необходимости снять с Тибета то покрывало таинственности и величия, в которое последний так искусно драпировался в течение столетий; и наконец, о необходимости строгого разграничения двух понятий: 1) ламайского Тибета, с центром в Лхасе в лице Далай-Ламы, и 2) Гималайского Белого Братства - организации Великих Учителей Человечества, ничего общего с ламаизмом не имеющих».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«19/II. <...> Ночью сильный мороз. Утром столбик спирта комнатного термометра полностью ушёл вниз. Можно считать не менее -35° С. Северо-восточный ветер. Лошади сильно дрожат от холода. Днём на солнце в Нагчу бывало до $+40^{\circ}$ С. Таким образом, разница иногда превышала 70° С. <...>

«Н.К. и Ю.Н. возвратились с совещания у «губернаторов», где был назначен «точный» срок нашего выступления - 27 февраля - и обещаны тибетские паспорта и все путевые бумаги до Сиккима. <...>

«Уходят пешком в Лхасу трое лам-бурят, о которых «губернаторы» на днях ещё отзывались как о «скверных» людях. Ясно, что в Тибете скверным людям всегда предпочтение.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«19.II. На рассвете из монастыря доносятся звуки труб. Низкие, глухие. Целый оркестр. И это очень своеобразно и красиво.

Тибетский монастырь. (Фотография 1930-х.)

Около 10 часов утра в тени -22° С, а на солнце тает.

«Губернаторы передают Н.К.Р. письмо с пропуском на Сикким. Правительственные паспорта догонят нас по пути около Намру. “Наши пропуска не похожи на пропуска доньеров за границей, и наша помощь не похожа на помощь хорчичаба”, - многозначительно говорит духовный губернатор, передавая Н.К.Р. бумагу».

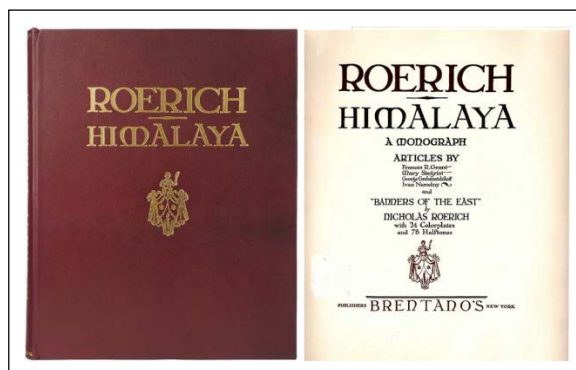
20 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«20 февраля. Сегодня мы все ходили смотреть религиозные церемонии изгнания злых духов. Сначала духов изгоняли из дома духовного губернатора, потом у гражданского и, наконец, в обоих монастырях. Церемония состояла в том, что десяток лам, одетых в свои обычные красные тоги и с головными уборами жёлтого цвета в виде древнегреческих шлемов, вооружённые барабанами, трубами и другими музыкальными инструментами, построившись в круг, в середине которого стоял старший лама с колокольчиком в одной руке и с дорже в другой, перед искусно слепленной ажурной пирамидой, сделанной

из хлеба и бараньих кишок и выкрашенной в красный с золотом цвет, под ритм барабанов и тарелок произносили речитативом молитвы, изредка прерываемые резкими звуками труб и гобоев. После десятиминутного служения пирамида, на которую, по-видимому, уже были загнаны все злые духи этого места, бросалась в разведённый заранее костёр из сложенного в виде большого треугольника аргала».

«Ю.Н. сфотографировал некоторые моменты из церемоний изгнания духов, я же снял на фильму всю процедуру служения у обоих губернаторов и в монастыре. Получилась фильма длиною в 30 метров. Через духовного губернатора Н.К. отправляет Далай-Ламе свою монографию «Himalaya».

Монография Roerich "Himalaya". 1926. Изд. Brentano. New York.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«20/II. Нищий Тибет. Торжественная церемония изгнания злых существ перед Новым годом.

«Ночью и утром опять сильный мороз. Утром в 10 ч. -21° С. Перед тибетским Новым годом, который наступает 22 февраля под именем Года Земного Дракона, духовный «губернатор» прислал нам в подарок четыре мешка молодого горошка для животных.

«У Е.И. сегодня с утра болит голова. Лучше всех переносят путь, в смысле заболеваний, Людмила и Рая - ни разу серьёзно не болели; оно и понятно, принимая во внимание их общее здоровье и молодость. <...>

Сегодня Е.И. и Н.К. рассматривали издание Brentano произведений Н.К.

«В 2 ч. дня возвратились с торжественной духовной церемонии, на которую были приглашены властями. Сегодня как бы «сочельник» перед праздником, когда здесь изгоняют «злых существей», предварительно принеся им жертву. <...> Толпа «благочестивых» зрителей тотчас же, как только были застрелены «злые существи», бросилась к костру хватать остатки приношений, предохраняющих якобы от ружейной пули. Стража, обнажив мечи и взмахивая ими, бросилась вверх по холму за уходившей духовной процессией. На этом «духовное» торжество и закончилось».

21 февраля 1928 г.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

21 февраля. 10 ч. вечера. В монастыре совершается большое служение. Слышны звуки оркестра, напоминающие симфонии Вагнера. Ночь тёплая, звёздная. Завтра Новый год - год Земного Дракона, 5-й год нового века, проходящего под знаком Венеры».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:
«21/II. О йогах. Агни-Йога. Из книги “Знаки Агни-Йоги”.

Беседовали с Н.К. о йогах. Каждая из существующих Йог является как бы специальным дополнением одна к другой и служит развитию целей и методов. Одна из старейших - Раджа-Йога - получила потом ответвления в виде Джнана-Йоги (Знание), Бхакти-Йоги (Преданность Богу) и низшей формы йоги - Хатха-Йоги (Йога физических достижений). Сравнительно недавно определилась так называемая Карма-Йога (Йога земного трудового достижения). Но для применения к широким задачам будущей эволюции потребовалась более синтезирующая Йога, объединяющая духовные достижения с полным участием в земной жизни. Таковой является данная лишь в последнее время Агни-Йога, собственно «Огненная Йога», основанная на применении достижений, возможных при «открытых центрах» в напряжённой эволюционной деятельности на земле. <...>

«Говорили о том, как трудно учёным-исследователям ознакомиться с этой мало исследованной областью возможностей открытых центров, обычно пребывающих в состоянии покоя. С одной стороны, условия европейской жизни, с другой - отсутствие людей, знакомых с этой областью знания открытых центров или владеющих ею, не дают возможности правильного наблюдения явлений. Раз уже наука обратила своё плодотворное внимание на деятельность и особое значение желёз внутренней секреции, придётся вскоре обратить внимание и на изучение деятельности узлов или скоплений нервного вещества симпатической нервной системы и связанных с нею особых центров восприятия. Таинственные до сих пор «огненные чакры» войдут в область обычных научных исследований. Ничто этим не умалится, но человечество приобретёт новые возможности.

«Долго и оживлённо говорили сегодня вечером с Е.И. о деятельности Е.П. Блаватской и многих отдельных эпизодах её жизни».

22 февраля 1928 г. Нагчу. (140-й день плена)
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«22 февраля, 1928. Сегодня праздновался тибетский Новый год. Кхан-по устроил после обеда приём, и каждому приглашённому было уделено внимание; очень утомительная обязанность с чаепитием и бесконечными новогодними поздравлениями. К вечеру город охватила необычайная тишина. Я заинтересовался причиной и узнал, что все порядочные граждане Нагчу были безнадежно пьяны и отсыпались после дневного напряжения. Ближе к вечеру нищие водили хороводы и пели новогодние песни. На следующий день губернаторам предстояло возглавить процессию к вершине близлежащего холма и заложить основание нового обо - ритуал, исполняемый ежегодно в Нагчу. Этой церемонией местные новогодние празднества завершаются, и каждый вернётся к повседневным делам, хотя чиновники и богачи продолжают ублажать себя в течение всего месяца».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«22 февраля. Были с визитом у губернатора. Приёмная комната и сам губернатор одеты по-праздничному: много шёлка, бирюзы и белых хадаков. Визит продолжался недолго».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

22/II. <...> «Первый день тибетского Нового года Земного Дракона. С раннего утра на дворе духовного «губернатора» толпы народа: раздают праздничное угощение - куски мяса и прочее.

«Ночь на Новый год справляли, очевидно, не столько люди, сколько бродячие собаки: всю ночь стоял оглушительный лай и вой. <...>

«Новый год в конце февраля на 140-й день нашего пленения. По этому случаю вспоминаем, как майор по приказу генерала запретил нам продавать во время стоянки в Чу-наргене наших верблюдов, мулов и лошадей. Именно тогда были покупатели - проходившие монгольские караваны.

«В это же время, после отъезда генерала, майор и старшины настаивали, прикрываясь доброжелательностью, чтобы мы немедленно отправили наших животных за 50 вёрст в Цомра, то есть именно в то место, где, как мы сами убедились впоследствии, вымерли от голода даже местные, привычные яки.

<...> Н.К. добавляет: «Пусть Земной Дракон в этот день и осудит Тибет!»

<...> «Ставили сегодня граммофонные пластинки вагнеровских опер «Валькирии» и «Парсифаль». По этому поводу Н.К. вспоминает, как один петербургский художник говорил Н.К. о вагнеровских абонементов в опере, что, по его мнению, они чрезвычайно скучны, и Н.К., вероятно, только по положению своему должен посещать их. Один из лучших немецких художественных критиков, Риттер, сравнивал творчество Н.К. с творчеством Вагнера, подчёркивая, что, как Вагнер в своих композициях восходил до «Парсифаля», так и Н.К. в своём творчестве восходил до высоких образов».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«22.II. <...> Погода портится, солнце прячется в облака. Только Трансгималаи удивительно красивы, окутанные жемчужной дымкой.

Н.К. Рерих. Этюд гор. 1928.

В два часа дня идём к духовному губернатору с новогодним визитом. <...>

«При входе нам подадут рис и воду, которые мы бросаем в воздух в дар добрым духам. <...>. Слуги разносят угощение, очень относительно. <...> Подается символическое кушанье - какие-то зёрна, сваренные в сахаре. Кончок от имени губернаторов подносит Н.К.Р. громадную вазу со всякими сладостями и говорит большую речь-импровизацию. Н.К.Р. дотрагивается до вазы рукой, и сласти относятся на алтарь к богам, где и остаются.

«После обмена любезностями мы прощаемся и отбываем в свой дзонг. Идём в лёгкой снеговой пурге, переходящей в дождь. Становится совсем холодно. <...>

«Вечером сидим за чаем в столовой, и течёт круговая беседа. Мы говорим о характерных чертах отличия Востока от Запада. Восток, говорит Е.И., можно охарактеризовать как тунеядство и разложение; Запад - как стремление к тупому материальному благополучию. Общего у них то, что как Запад, так и Восток вошли в тупик, и тупик безнадежный. И ещё аналогия - как западные религии отошли от Христа, так ламаизм отошёл от буддизма. Потом говорим об искусстве, и я вспоминаю, что немецкий художественный критик Риттер - сравнивает, говоря о «Парсифале», искусство Вагнера с искусством Н.К.Р.

23 февраля 1928 г. Нагчу.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«23. II. Сегодня месяц, как экспедиция находится в Нагчу. Всё-таки заметно становится теплее, хотя по утрам ещё очень холодно. Духовному губернатору напомнили, что ещё не пришли, согласно его обещанию, животные для каравана. Губернатор не отрекается от своего слова и клянётся, что яки будут в срок, «три жемчужинами». То есть, самым священным для каждого буддиста - основами учения Благословенного: Буддой, учением, или законом, и общиной. Впрочем, эту клятву тибетцы дают во всех случаях, совершенно не стесняя себя её исполнением. <...>

«Получено известие, что из Чунаргена идёт 70 яков. Остальные, вероятно, будут заменены носильщиками, по расчёту - три человека вместо одного яка. И надо сказать, что люди с грузом ходят в Тибете лучше яков.

«Ю.Н. занят дипломатической задачей - получить от губернаторов письмо, в котором было бы глухо сказано о маршруте, в том смысле, что экспедиция идёт через Намру кратчайшим путём на Сикким. Вот именно необходима эта формула «кратчайшим путём». Это дало бы возможность сократить путь почти на две недели. Сами губернаторы намекают, что от Намру мы сможем идти тем путём, который нам будет желателен. Правительство, разрешая проход экспедиции на Сикким, в то же время возлагает по своему каверзному обычаю ответственность за все наши действия на губернаторов.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«23 февраля. Праздник в Нагчу проходит незаметно. Не видно большего оживления, чем обычно. Наш Кончок уходит с утра и приходит поздно вечером мертвецки пьяный. Увеличилось количество нищих, появляющихся на улицах в окружении яростно лающих стай собак. И кроме этого громкого лая собак спокойствие посёлка ничем не нарушается.

“Тибет не поёт”, — замечает Н.К.»

24 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«24. II. <...> Несмотря на праздники, никакого оживления не видно, а главное, в Тибете совершенно нет радости и песен. Н.К. говорит, что народ, который перестал петь, уже несёт в себе разложение. При этом Н.К. вспоминает звонкие песни Ладакха и Сиккима, которые поются не по обязанности, не для заработка, а выражают душевное настроение.

«Около 11 ч. духовный «губернатор» отправился с процессией на гору к субурганам. Лошади своей он не имеет и потому принуждён был просить у нас, случайных прохожих, одолжить ему лошадей, причём лошадь для него требовалась с необрезанными хвостом и гривой. Таковая у нас нашлась в образе Серого. Четверо наших лам сегодня отправляются в Лхасу на восьми мулах за плату 135 янчан. Всё-таки те люди, о которых «губернатор» говорил, что это «худые люди», отправляются первыми.

«Сегодня говорили, насколько распространены по всей Азии среди буддистов и мусульман предания об «Иссе», в особенности в Ладакхе как месте Его пребывания и проповеди, согласно местным преданиям. Указывают на Ле (Лех) и пруд около базарной площади, где, возвратившись из Братства, Он проповедовал под деревом, перед отправлением в Палестину. Та рукопись, о которой впервые упоминал Нотович, и теперь хранится в монастыре Хеми, в 50 милях от Ле в Ладакхе. Рукопись эта на тибетском языке и основана на существующих местных преданиях. <...>

«Вспоминаю, сколько клерикальной злобы было обрушено на Н.К., после упоминания им тех же фактов в своих записках. Тем же, кто утверждает мифичность самого существования Христа, можно, кроме ссылки на Иосифа Флавия, напомнить о найденной в Сирии плите с эдиктом римского правительства о преследовании последователей Иисуса».

Из дневниковых записей Е.И. Перих:

«В ночь заболела – жар, страшное томление и горение в руках и ногах. Весь день лежала на мешке с ледяной водой, покрытая лишь тонким одеялом, несмотря на низкую температуру в комнате – 2-3 град. Ниже нуля по Реомюру. Фуяма [Н.К. Перих- ред.] ледяными руками старался умерить жар моих рук».

25 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«25/II. <...> Неожиданно опять заболела Е.И. Ужас нашего положения заключается в том, что мы вынуждены питаться абсолютно недоброкачественной пищей.

«Молоко, которое мы смогли запасти в мёрзлом виде в Шаругоне, теперь совершенно разложилось. Масло ячье, изначально грязное и недоброкачественное, теперь тоже испортилось. О качестве и происхождении мороженого ячьевого и бараньего мяса лучше не говорить, так как здесь был падёж животных. Привезённые из Лхасы в небольшом количестве мороженые танджерини (мандарины) сгнили. Наш пресловутый продовольственный караван доставил, главным образом, корм для верблюдов и лошадей, а для нас, кроме нескольких банок «искусственного» сгущённого молока, - несколько полусъедобных китайских консервов бамбука и корнишонов в имбире, скорее врагов пищеварения, чем приправы к пище. Даже в самой неразвитой стране можно было бы всё-таки ожидать доброкачественности, по крайней мере, примитивных продуктов первой необходимости. <...>

«Посылаем «губернаторам» подлинник заготовленного ещё в Шаругоне медицинского свидетельства о необходимости безотлагательного и кратчайшего прохода на Сикким. Удивляемся, что до сих пор не получили никакого ответа ни от герцога Доринга, ни от военного министра Царонга. В ответ на заданный в связи с этим вопрос духовный «губернатор» ответил: "Надо иметь

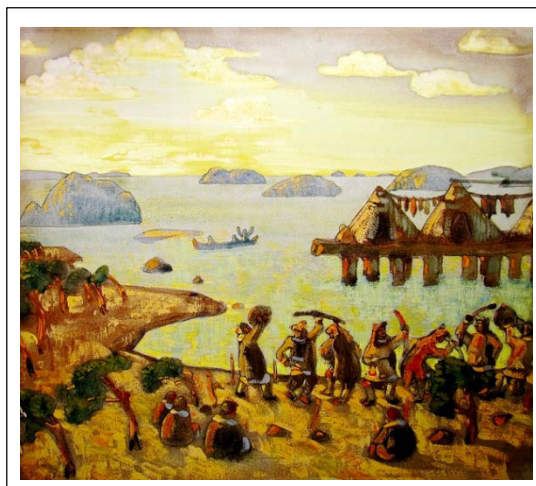
большое сердце, чтобы говорить о Вашем деле в девашунге, а оба эти человека имеют маленькие сердца”. Предоставляем искушённому дипломату лучше знать и вернее судить о своих сановниках. <...>

«Опять идёт снег. Ровно в полночь на 10 сентября 1927 года мы вступили на территорию Тибета, и вот идёт уже шестой месяц нашего пребывания в этой сумеречной стране нибелунгов. Но коварному владыке страны Альбериху всё-таки, несмотря на «шапки-невидимки», поймать Зигфрида не удалось, и мы всё же на днях уходим в страну тепла и света».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«25.II. Е.И. больна и не выходит. Её стараются оберечь от всяких волнений. Очень плохо обстоит с продовольствием. Мясо недоброкачественно, и свежего достать нельзя. Масло такое, что приходится зажимать нос. Молоко в стадии разложения. Даже лошади плохо усваивают тибетский ячмень, и решено перевести их дачи на горох. <...>

«В своё время были посланы Н.К.Р. письма военному министру и герцогу Дорингу в Лхасу, с просьбой содействовать продвижению нашей экспедиции. Обоих Н.К.Р. лично знал по Сиккиму. Письма эти точно канули в воду, и ответов на них нет. Интересен отзыв одного из видных деятелей и дипломатов Тибета, духовного губернатора, по этому вопросу. “Видите ли, - сказал он, немного подумав, - надо большое сердце, чтобы говорить по вашему делу в совете министров, а у того и другого сердца маленькие”. “Настал психологический момент для Тибета, - говорит Н.К.Р., - и наш инцидент - кульминационный пункт. Так начинаются обычно все пожары, освещающие истину”. И добавляет: “Священная страна! Не в механизации же религии эта священность, не во флагах же с молитвами, не в молитвенных колёсах с часовым механизмом». Следует отметить, что чётки вообще служат у тибетцев для расчётов, а молитва передана тысячам поворотов водяного колеса или хлопаньям по ветру флага с надписью “Ом мани падме хум”. Н.К.Р. говорит, что на Тибете узнаёт свою картину “Каменный век”.

Н.К. Рерих. Каменный век. 1910.

Стоило ли, - говорит он, - проходить миллионам лет существования планеты или двум тысячам нашей эры, чтобы существовал такой примитив, как Тибет.

«Двор полон увязанными тюками и сундуками. Приятно смотреть на них и сознавать, что скоро мы тронемся в далёкий и приятный путь из грязи и мизмов Нагчу».

26 февраля 1928 г. Нагчу. (144-й день)

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«26 февраля. В обед пришёл майор. Майор был навеселе и пришёл прощаться; яки, - говорил он, - придут сегодня, а завтра я уезжаю к хорчичабу. Майор пришёл в сопровождении Кончока, принесшего каменный кувшин с каким-то тибетским опьяняющим напитком. В продолжение разговора майор опоражнивал одну чашку за другой, услужливо наливаемые ему Кончоком, и становился всё разговорчивее.

«Наконец, он стал жаловаться на губернаторов, особенно на гражданско-го. И тут мы услышали много интересных вещей. Оказывается, ко времени нашего прибытия в Шингди гражданский губернатор находился у хорчичаба на Чунаргене и совместно с ним прислал Миссии разрешение продвинуться на Чунарген, чтобы затем пройти в Нагчу. После этого гражданский губернатор уехал в Нагчу, где имел разговор о Миссии с духовным губернатором. Что произошло между духовным губернатором и гражданским, и почему последовал отказ Миссии от лица обоих губернаторов в проезде в Нагчу, остаётся невыясненным. Но только майор обвиняет во всём этом гражданского губернатора и говорит, что у него «три души». Гонец, посланный хорчичабом через Нагчу в Лхасу с извещением о прибытии Буддийской Миссии, по словам майора, в Лхасу не прибыл и не вернулся обратно, судьба его до сих пор неизвестна.

«Из всех этих разоблачений ясно одно, что губернаторы также принимали участие в первоначальном разрешении Миссии передвинуться из Шингди на Чунарген и что обвинение с их стороны хорчичаба в разрешении Миссии прибыть на Чунарген неискренне, а, следовательно, и в задержании Миссии в течение вот уже 143 дней виновны всё те же губернаторы.

«Затем Н.К. спросил майора, послано ли им правительству свидетельство нашего доктора о болезни некоторых членов Миссии, об отсутствии необходимых медикаментов и о необходимости вследствие этого скорейшего продвижения в Индию. (Свидетельство это было написано и передано майору в декабре месяце прошлого года). Майор ответил, что это свидетельство было переслано им хорчичабу.

«Вечером Н.К. с Ю.Н. были у духовного губернатора, где присутствовал также и гражданский. Разговор шёл о яках. Когда губернатор узнал, что майор собирается завтра уезжать, он воскликнул: «Как?! Майор хочет уезжать раньше, чем его яки придут в Нагчу? Это невозможно!» И велел вызвать к себе майора. Последний вскоре явился, но уже в совершенно нетрезвом состоянии, и тут произошла безобразная сцена между ним и гражданским губернатором, едва не перешедшая в драку. Губернатор обвинил майора в том, что он хочет попросту удрать, не доставив обещанных яков, на что майор стал яростно доказывать, что всему виной гражданский губернатор, и в деле задержания Миссии, и в падеже всех грузовых животных Миссии, и что заботиться о доставке Миссии новых животных должен он, гражданский губернатор. Тогда духовный губернатор сказал майору, что если майор уедет, он принуждён будет пропустить Миссию на Лхасу, и вся ответственность за это ляжет на майора. В результате майор согласился ждать в Нагчу прибытия яков из Чунаргена.

«Вечером же из неофициальных источников было получено сообщение, что губернаторам пришло из Лхасы приказание произвести обследование дела о гибели грузовых животных каравана Миссии с целью установления причин гибели животных и нахождения виновных в этом должностных лиц».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«26/II. <...> Здоровье Е.И. сегодня лучше: встала с постели и выходила на прогулку. Её внезапные недомогания, характеризующиеся быстро изменяющимися и переходящими симптомами, а также отёком рук, носят, несомненно, все признаки нервных заболеваний, напоминая подобные же у Е.П. Блаватской.

«Разумеется, опыт Е.И., предпринятый под руководством высоких Учителей Востока, является более сложным и значительным по своим последствиям, чем у Блаватской, и пока единственным в своём роде.

«Сегодня ожидаются яки для нашего каравана из Чунаргена. Сообщить об этом и попрощаться перед своим завтрашним отъездом пришёл пьяный майор. Из разговора с ним, благодаря его нетрезвому состоянию, выяснился ряд характерных и ценных сведений по поводу нашего задержания. <...>

Обещанные сегодня яки не пришли, ввиду чего Н.К. и Ю.Н. отправились в 4 ч. дня к духовному “губернатору”, где был уже и “гражданский”. Вызвали майора, который оказался совершенно пьян и уже собирался уезжать. “Губернаторы” обратились к Ю.Н. и Н.К., прося их сказать майору, что если он уедет, то Миссия немедленно отправится в Лхасу. <...>.

«Между прочим, сегодня было получено из Лхасы какое-то письмо, о котором Кончок говорит, что в нём лхасское правительство извещает “губернаторов” о назначенном следствии по поводу нашего задержания и гибели каравана. По словам Н.К., у “губернаторов” замечалось какое-то смутение; “гражданский” держал в руках письмо, перечитывая его, и почему-то иногда рассматривал его на свет. <...> Предполагаем, что во всём происходящем кроется какая-то очередная тибетская западня, направленная на то, чтобы ещё дольше задержать нас здесь».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«26.II. <...> С каждым часом должны появиться яки для транспорта.

«Вечером Н.К.Р. говорит о Христе и о том пробеле лет Его жизни на земле, который не указан в Евангелии. Интересно, что в Ладаке, около города Ле, хранится в монастыре Хеми среди других ценностей документ о жизни и страданиях Христа и о том, что Он посещал Индию. Миссионер, живущий в Ле и, между прочим, жаловавшийся, что совершенно не имеет успеха у закоснелых в “язычестве” туземцев, пришел в совершенную ярость при упоминании о возможности пребывания Христа в Индии. “Он никогда не был в Индии, Он был в Египте”, - утверждал миссионер, хотя данных для этого не мог привести. Ему, как и другим, совершенно неизвестно, где был Христос от 12 до 30 лет. Приходилось слышать и другую версию, что в это время величайший Учитель духа работал в столярной мастерской в Иерусалиме. И почему для некоторых людей более обидно предположение, что Христос был в Индии и на Гималаях, нежели то, что Он был в Египте или 18 лет был столяром. И курьёзно, что если спросить по этому вопросу “компетентных” лиц, то ни одно из них не ответит чистосердечным: “Не знаю”. Они всё знают. Между прочим, магометане, почи-

тающие Христа за великого пророка, прилагают все усилия, чтобы добыть из Хеми вышеупомянутый документ».

27 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«27/II. <...>. Сильный мороз, ниже -25° С. У Е.И. опять перебои в сердце. Вспоминая вчерашнюю безобразную сцену, которую даже Кончок назвал «зрелищем», Н.К. говорит: “Меня утомила эта пятимесячная ложь со стороны тибетцев. Первый раз в жизни я вижу людей, которые бы лгали не в свою пользу”.

«Вчера “губернаторы” отказались принять медицинское свидетельство, говоря, что его надо передать Хорчичабу, который уже давно письмом уведомил нас, что мы должны сноситься исключительно с «губернаторами». По-видимому, “губернаторы” забыли и о письмах генерала, и о своих письмах нам, и о своей расписке об отправке нашей первой телеграммы, иначе, конечно, они пытались бы заполучить обратно все эти неприятные для них документы.

«Так или иначе, даже с приезда “губернаторов” в Шаругон прошло уже два месяца. Неужели и эту задержку они приписывают Хорчичабу? Вечером у нас даже возникла мысль послать телеграмму в Америку и резиденту Сиккима, но мы вспомнили, что могли бы послать только письмо о здоровье, а не телеграмму, иначе говоря, необходимо важный элемент срочности пропал бы, а между тем Н.К. чувствует всю необходимость неотложного сообщения с Америкой по разным делам, чтобы избежать непоправимых последствий. Н.К. вспоминает, что доньер в Урге собирал целое совещание тибетской колонии, прежде чем выдать бумаги на проезд в Тибет нашей Миссии. Бумаги были выданы после настояния всей колонии.

Сегодня Н.К. и Ю.Н. опять были у “губернаторов”, где выяснилось, что действительно ими получен запрос по приказу Далай-Ламы, кем мы были задержаны, почему и каким образом была допущена гибель нашего каравана. “Губернаторы” со своей стороны признали, что этот поступок Тибета нарушает добрые отношения с Америкой. При этом стало известно о странных показаниях, данных, по всей видимости, майором, о том, что к нам в Шингди унтер-офицер приезжал самовольно, поскольку такого распоряжения генерал не отдавал. По этому поводу “губернаторы” предложили написать правительству письмо с изложением обстоятельств задержания. Присутствовавшему здесь же майору “губернаторы” заявили, что, если к 9-му числу первого тибетского месяца, то есть к 1-му числу нашего марта, с его стороны не будет предоставлено 70 яков, то Миссия в тот же день выступит не на Намру, а в Лхасу для принесения личной жалобы, а майора “губернаторы” арестуют и отправят в Лхасу под суд.

«Предоставляем читателям возможность оценить слова майора, ибо как это мог подчинённый генералу чин “самовольно” прибыть к нам для задержания и осмотра вещей».

28 февраля 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«28 февраля. По сведениям Кончока, губернаторы отправили правительству извещение о выходе Миссии из Нагчу 9-го числа 1-го месяца, т.е. 1 марта, причём, если к этому сроку не будут доставлены майором его 70 яков,

Миссия вместо Намру идёт на Лхасу. И майор принуждён будет сопровождать её. После обеда Н.К. вызвал к себе майора для выяснения точного времени прихода его яков, т.к. до срока выступления Миссии остаётся всего один день. Майор во время разговора был очень возбуждён, обвинял во всём губернаторов, которые являются хозяевами в Нагчу и которые, по его мнению, обязаны доставить нам яков; он же со своей стороны сделал всё от него зависящее и сегодня посылает ещё солдата на Чунарген за яками, но он не может сказать точно, когда яки придут.

«На это Н.К. возразил, что гибель животных каравана Миссии была делом рук майора, который мог отправить караван на хорошие пастбища в нескольких днях пути на юго-восток от Чунаргена, но что, если майор отказывается доставить обещанные им 70 яков и 5 лошадей, Миссия выступит из Нагчу 1 марта на яках губернаторов, но уже не на Намру-Цзонг, а на Рединг-Гонпа, через Саншунг (по лхасской дороге).

«После этого Н.К. предложил майору пойти сейчас же к губернаторам для окончательного выяснения направления пути. Майор идти к губернаторам отказался. Тогда Н.К. с Ю.Н. и Н.В.[Кордашевским] ушёл к гражданскому губернатору. Последний встретил их сообщением приятной новости: правительство разрешило Миссии идти на Сикким прямой дорогой. Но вслед за этим сообщением губернатор стал перечислять цзонги, лежащие на этой “прямой” дороге, - Намру-Цзонг, Нанг-ЦзангЦзонг и ещё целый ряд неизвестных цзонгов, на картах не обозначенных. Каким образом прямая дорога на Сикким проходит через два вышеупомянутых цзонга, лежащих на запад от Нагчу по ладакской дороге, остаётся непонятным. Или, может быть, это прямая дорога на Ладак? Во всяком случае, все эти разговоры с губернаторами несколько не способствуют выяснению истинного направления нашего пути на Сикким, несмотря на то, что срок выезда Миссии из Нагчу назначен ими самими на 1 марта».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«28.II. Уже несколько дней стоит облачная холодная погода. Только изредка из туч проглядывает яркое жгучее солнце. В общем, не холодно, исключая несколько утренних часов.

«Сегодня Н.К.Р. посетил гражданского губернатора, и я пошёл вместе с ним и Ю.Н. Живёт он домовито и довольно уютно в отдельной усадьбе на краю Нагчу. Он как будто и гостеприимнее других. Разговор начался с того, что губернатор поздравил Н.К.Р. с особым расположением Далай-Ламы и с тем, что едет гонец, везущий нам разрешение самого прямого пути. На указание, что майор как будто отлынивает от того, чтобы достать яков, которых старшины ему просто не дают, губернатор ответил, что Н.К.Р. такой большой человек, что может велеть наказать майора палками, но советовал на заседании не очень нападать на майора, а говорить одинаково резко со всеми, начиная с духовного губернатора, во что бы то ни стало требуя яков. <...> Судя по выражению хитрого лисьего лица, губернатор прекрасно настроен и приправляет беседу какими-то дьявольскими ужимками. Потом идём к его духовному коллеге. Он очень серьёзен, но поражает нас полной неожиданностью. Ещё вчера говорил он о кратчайшем пути, который мы могли бы пройти с наименьшим количеством яков, - а теперь отказывается от сказанного. Он никогда не думал

говорить об этом. Н.К.Р. гневно говорит губернатору, чтобы яки были в срок, и уходит, не прощаясь с растерянным тибетцем.

«До сих пор дневники путешествий по Тибету обычно касались географии, этнографии и политических соображений - а теперь, замечает Н.К.Р., благодаря нашему насильственному задержанию, нам пришлось изучить его быт с человеческой точки зрения, и перед нами встала страшная гримаса гниющего трупа Тибета. Каждый день чиновники отказываются от слов, сказанных накануне, и всюду ложь. Н.К.Р. опять говорит, до чего его утомляет это лганье, это вечное изворачивание тибетцев.

«Так или иначе - наш выход из Нагчу обещан губернаторами на 1 марта. Но как можно верить людям, каждое слово которых сплошная ложь. Теперь майор - козел отпущения у губернаторов, которые забыли, что приказ о сборе яков выдан ему под их печатью. Кончок, хотя и был навеселе, сказал, что прошлое заседание у губернаторов – “шутовское зрелище”. От него идёт слух, что действительно пришла из Лхасы бумага, чтобы было наряжено следствие по вопросу нашего задержания.

«Портнягин доложил сегодня Н.К.Р., что фураж на исходе и кормление лошадей становится очень трудным. Очевидно, в окрестностях уже трудно доставать зерно, несмотря на распоряжения властей.

«Н.К.Р. опять приглашён к губернатору. Мы сидим с Е.И. и беседуем о достижениях духа. “Мы живём идеалами великих Учителей”, - говорит она, и мне приходит в голову, не связано ли это с учением о благодати. Могучие мысленные формы основателей религий имеют непрекращающееся и неиссякающее действие. <...>

«Губернатор - воплощённая любезность. Он опять сказал, что считает, что наш маршрут будет или кратчайшим путём от Нагчу на Сикким, или прямо на Лхасу. От последнего - Н.К.Р. категорически отказался, к великому удивлению губернатора, но сказал, что если вовремя не будет яков, то на этот раз его терпение истощится. Губернатор ответил, что во всем виноват майор и он предлагает передать его нам связанным для доставки в Лхасу.

«Через губернатора передано письмо для Далай-Ламы. В нём сказано, что Миссия Западных буддистов шла в Тибет, чтобы предложить Далай-Ламе возглавить и их, слив как Восток, так и Запад в одно целое. Она везла подарки и орден Будды Всепобеждающего, а также 500 тысяч нарсангов (около 160.000 американских долларов)* на монастыри. Но Далай-Лама даже не выслал никого для приёма миссии. Теперь поручение Н.К.Р. окончено, Глава Западных буддистов выбран и поток учения свободно течет на Западе».

29 февраля 1928 г.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«29 февраля. Н.К., Ю.Н., Н.В.[Кордашевский] и К.Н.[Рябинин] были у губернатора на совещании. Совещание носило бурный характер, особенно возмущён был майор. В общем, пришли к следующему заключению: т.к. майор оказался не в состоянии поставить свою долю яков, губернаторы берут на себя доставку всех 140 яков и 10 лошадей, но для сбора их необходимо отсрочить отъезд Миссии до 6 марта.

«Маршрут Миссии назначен через Намру-Цзонг, но губернаторы надеются на возможность спрямления маршрута, т.к. на днях ими ожидается ответ правительства, где, может быть, будут на это какие-либо указания. Вместе с

тем, губернаторы и майор обеспокоены пришедшим из Лхасы приказом о расследовании обстоятельств дела задержания Миссии. Майор говорит, что хорчичабом послано правительству оправдательное письмо, в котором генерал сообщает, что им не посылались никаких приглашений Миссии приехать на Чунарген и далее в Нагчу, таким образом генерал пытается оправдать себя самым неудачным образом — путём простого отрицания всего, что было.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«29/II. <...> Снежное утро. День начался с нового мошенничества тибетцев: доставили ячмень в мешках, и хорошо, что мы успели проверить содержимое - зерно оказалось смешанным с измельчённым аргалом. Мяса уже почти не достать. Обещанного количества зерна, даже по дорогой цене, не дают. Ни о каком приближении наших яков не слышно, хотя проходят большие караваны до сотни голов.

«Характерно отметить, что вчера духовный «губернатор» предлагал Ю.Н. выехать на Лхасу. Какая новая западня скрыта в этом предложении? Сегодня «губернаторам» будет ещё раз указано на огромный убыток, который тибетцы наносят организациям Америки, пославшим Миссию в Тибет. Одна только порча непроявленной фотографической плёнки стоит огромных денег.

«Когда выйдем из Нагчу, - до сих пор точно неизвестно, хотя «духовный» вновь подтвердил вчера, что в Лхасу отправлено письмо, в котором была указана дата нашего выхода - 9-ое число первого тибетского месяца, то есть 1 марта нового стиля. То ли испугавшись расследования, предпринятого Лхасой, то ли испытывая всё же чувство неловкости от собственного бессилия, но «губернаторы» ведут себя весьма угодливо. Посылают нам каждый день тибетские кушанья в сосудах, напоминающих самовары, только без крана, а также печенье».

«После 10 ч. утра отправились вчетвером к духовному «губернатору», где уже был майор. Тотчас же предложили тибетский чай. О деле не говорили, ожидая «гражданского». «Духовный» сидел босой, поджав ноги под себя. Минут через двадцать вошёл «гражданский» и сел в угол на тахту на ячью шкуру, рядом с «духовным», поджав ноги, в китайской одежде, в серьгах и шиньоне на темени, переплетённом красной шёлковой лентой. Он старше «духовного», которому 63 года, и напоминает своим видом старую с крупным лицом нянюшку-старушку, морщинистую и в очках. Часто смеётся, извиваясь всем телом и наклоняя голову. Глаза светло-коричневые и смотрят старчески-злобно, когда он говорит и не смеётся. Майор по обыкновению кричал и ругался, говоря, что мы самовольно пришли в Чунарген и что «отношения Тибета с Америкой были хорошие, а теперь вы приехали и испортили их, а мы теперь все разрушены!» «Гражданский» тоже говорил озлобленно. Один «духовный» сохранил приличный и добродушный вид, как хозяин и «председатель» собрания. <...> Всё это, конечно, наглая и совершенно очевидная ложь, так как этого нижнего чина, посланного генералом, видел у нас при исполнении им данного ему поручения доньер «губернатора», бывший в то время у нас в Шингди, а потом и наш тибетец Кончок. В присутствии «губернаторов» майор обвинял во всем генерала, а когда один из них, «гражданский», вышел, обвинил и его, сказав, что именно он, прибыв в Нагчу, развалил всё, что было предпринято генералом. А в сущности какое нам дело, кто из них будет отвечать перед Лхасой, ибо само лхасское правительство должно будет держать ответ перед амери-

канскими организациями. Принеся свои извинения перед читателями за скрупулёзную запись грязного быта тибетских чиновников, мы, тем не менее, должны всё это отметить, ибо их ложь и беспредельная наглость возмутительны сверх всякой меры и вместе с тем так характерны для Тибета». <...>

«Выдавая паспорт для продвижения на Сикким через Намру-цзонг, «духовный» самодовольно заявил: “Это вам не паспорт, выданный доньером в Урге”. Кстати, в этом документе грязный дом “губернатора” в Нагчу именуется “величественным снежным дворцом”. Здесь вообще всё на словах невероятно приукрашивается и преувеличивается.

«Ю.Н. предупредил сегодня, что время Н.К. очень дорого, в Америке он зарабатывает в день по тысяче нарсангов, на что майор что-то начал кричать и замахал руками. Если не верят и не считаются с нашим временем и здоровьем теперь, убедятся потом, когда им будет предъявлен иск на крупную для Тибета сумму. Они и так уже стараются уверить нас, что в Нагчу мы поправились, тогда как в Чу-наргене выглядели хуже. Остаётся прибавить ещё ответ “губернаторов” по поводу нашего нездоровья и недостатка медикаментов. “Губернаторы” сказали, что они писали в Лхасу, но никакого ответа не получили. Тем хуже для Лхасы, которой придётся впоследствии дать ответ и на этот вопрос. Обещали старшинам денежное вознаграждение, если они поскорее соберут яков. Принимаем все меры, чтобы выбраться из Тибета, который всем нам опротивел - даже ламы-монголы не идут в Лхасу к Далай-Ламе и говорят про Тибет, что он “му бейна”, то есть скверен, а про Лхасу прямо заявляют, что они не хотят лишиться там заработанных денег, а потому из Нагчу возвращаются домой. <...>

«В заключение упомянем, что в этот же день среди прочих безобразных переговоров произошёл спор между Ю.Н. и «духовным» на типичную духовную тему. “Духовный” заявил, что мы ненастоящие буддисты, потому что не празднуем буддийский Новый год. На это Ю.Н. возразил, что тибетцы не имеют буддийского Нового года, а празднуют китайский Новый год. <...>

«С монголами, возвращающимися обратно в Цайдам, передаём князю Курлык-бейсе Орден II-й степени Будды Всепобеждающего для ношения на груди».

Н.К. Рерих. Орден Будды всепобеждающего (эскизы). 1926 г.

МАРТ

НАГЧУ ДЗОНГ – САГА ДЗОНГ ОБЛАСТЬ ВЕЛИКИХ ОЗЁР.

1 марта 1928 г. Нагчу.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«1/III. <...> Е.И. опять чувствовала с вечера и ночью перебои сердца и видела «внутри себя огни возгорания центров». К утру ей стало немного лучше.

<...> «Состоявшийся вчера духовный спор начался с того, что майор и «губернаторы», сняв со стенки у окошка тибетский календарь, начали по нему отыскивать «счастливый» день для нашей отправки, и тут были предложены вышеупомянутые вопросы. День этот они наметили на 15 марта, ожидая к этому сроку получить новый ответ из Лхасы. Создаётся впечатление, что им необходимо задержать нас до получения ответа и, вероятно, направить через Лхасу, чтобы там вымогать подарки и деньги и, вообще, как-нибудь уладить всё происшедшее. Но, разумеется, надеждам их не сбыться, ибо вычеркнуть из памяти пережитое так же невозможно, как невозможно и далее совершенно бесполезно терять время в Тибете.

2 марта 1928 г. Нагчу.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«2.III. Трудна борьба, ведомая за каждый мешок ячменя, за каждого барана или горсть аргала. Доставать всё это ужасно трудно, несмотря на то что уплата идёт чистым серебром. Но курьёзней всего, что продукты, продаваемые казной через губернаторов со скидкой, - гораздо дороже тех, которые продаются нам, правда, под сурдинку, из лавок».

3 марта 1928 г. Нагчу. (155-й день).

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«3.III. Сегодня происходило прощание с губернаторами. Оканчивается 155-й день изучения нами внутренней жизни Тибета. Тибета, который принял на себя показаться нам именно в этом виде, а не в другом. Как резюме, говорит Н.К.Р., можно отметить следующую картину отношений чиновников к событиям, связанным с нашей экспедицией. Майор чувствует, что дело его проиграно и ему не миновать серьёзного наказания. Гражданский губернатор опро-

метчиво считает, что он во всём деле ни при чём, и для него вся история кажется чем-то удивительно забавным. Духовный губернатор чувствует, что дело пахнет чем-то очень серьёзным, и, взяв на себя организацию нашего нового каравана, думает, что становится в такие хорошие отношения с иностранцами, которые гарантируют его от дальнейших неприятностей, связанных с разборкой правительством дела о том, кто был причастен к нашему инциденту, поднявшему бурю в Лхасе».

3 марта 1928 г. Париж.

Письмо Сергея Эрнста к Рериху Н.К.

7. 03. 1928.

14 Rue Royer <SMard> / Paris V

Дорогой Николай Константинович, позвольте, хоть и с таким запозданием, поблагодарить Вас за Вашу память, за Ваше письмо и письмо Вашего Музея, что я получил ещё в России. Тут я никак не могу узнать Ваш адрес, но я думаю, что и с тем кратким адресом, что я почитал на конверте, это письмо Вас найдёт.

Так хотелось бы знать, где Вы, над чем работаете, не собираетесь ли в Европу. О Ваших работах знаю только совсем отрывочно, хоть за эти 10 лет Ваш оeuvre обогатился громадным числом новых картин, да, кажется, и литература о Вас, Ваших работах чрезвычайно обширна.

Буду бесконечно рад, если получу от Вас несколько слов ответа. Вам очень кланяется Бушен, он тут много работает – он посылает Вам каталог своей выставки, кажется недавно открылась.

Целую Вас крепко

Душевно Вам преданный *С. Эрнст.*

Архив Музея Рерихов, Москва

4 марта 1928 г. Нагчу – Намру.

Из дневниковых записей Е.И.:

«Выезд из Нагчу. Скажите врачу [*К.Н. Рябинину*]: уже год, как можешь изучать феномены возгорания огней. Тем более это явление важно, что при развитии центров человечество будет ощущать непонятные ему симптомы, которые будут относиться невежественной наукой к самым несоответственным заболеваниям. Потому своевременно написать книгу¹ о наблюдениях за огнями жизни».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«4 марта 1928 г. запомнится всем членам экспедиции, как окончание плена на негостеприимных нагорьях Тибета. Рассвет мягко окрашивал небо, а снежные вершины горной цепи Шанг-шунг, находящейся позади нас, были окутаны тёмно-синей дымкой. Над крышами Нагчу поднимались струйки дыма, но улицы были всё ещё пустынные. Погонщики яков, или по-тибетски лакто, пили чай с цампой, сидя на корточках около больших костров, разложенных на улице, за воротами штаб-квартиры экспедиции. Началась погрузка багажа на яков, и только через три часа гружёный караван тронулся в путь. Мы решили покинуть Нагчу после отправки всего тяжело гружённого транспорта.

«В половине восьмого всё было закончено, ушла последняя группа яков и исчезла в узком ущелье за рекой. Мы выступили в путь в сопровождении двух

---

¹ Речь о работе К.Н. Рябинина «Жизнедатели Востока». К сожалению, она утеряна. – Ред.

доньеров из дзонга, которые сопровождали нас в Намру. Наши монгольские слуги, возвращающиеся в Цайдам, распрощались с нами и подарили церемониальные шарфы. <...>

«Перебравшись через реку, всё ещё крепко скованную льдом, мы поднялись на горный отрог, и скалистый силуэт скрыл от нашего взора Нагчу с его монастырём. Едва заметная тропинка вилась вдоль южных склонов невысокого горного хребта, протянувшегося на запад.

«С этого момента мы двигались в западном направлении в течение пятидесяти дней. Солнце прогревало воздух, и идти было приятно.

«Наконец-то мы покинули Нагчу с его мусорными кучами и направились в Индию. Мы знали, что дорога будет трудной, что местность, которую нам предстоит пересечь, находится на высоте 15500 футов и включает несколько перевалов. Чантанг, или высокогорье северного Тибета, представляет собой область горных равнин и долин, пересечённых могучими снежными хребтами, самый высокий из которых протянулся с запада на восток. Так как на каждом переходе мы были вынуждены менять вьючных животных, то приходилось останавливаться около стоянок кочевников, а для этого порой нужно было сделать длинный крюк. Большинство этих стоянок находилось в горных долинах, укрытых от зимних ветров и бурь».

5 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«5/III. Район Намру. <...> С утра туман, небольшой ветер. Встали в 5 ч., вышли в 7 ч. Третий день идём районом Намру от аила к аилу северо-тибетского племени гебра-шета. Странно, что некоторые из этих гебра напоминают евреев. У женщин на головах высокие шапки. Путь и сегодня однообразный, через усеянные галькой равнины нагорья и болотистые кочки. Поворачиваем влево к горам ущелья, где и останавливаемся в 11 ч. 45 м. утра. Небо покрыто снеговыми тучами. Около 12 ч. дня пошёл снег.

Насколько затеряны гебра в этих горах, видно по тому, что они не знают даже о лежащем в нескольких верстах от них через горы таком большом озере, как Нам-цзо (Тенгри-нор), в котором водится рыба и интересные виды моллюсков, раковины которых мы видели у жителей по дороге в район Намру. У здешних их нет. Носят их как амулеты. О Намру-цзонге здесь не знают, говорят, что придём туда завтра через три часа. Цзонг невелик и ограничивается, по слухам, всего тремя строениями. Никаких пока распоряжений о сборе для нас каравана яков старшины не получали, а между тем и «губернаторы» Нагчу, и из Лхасы должны были уже сделать все распоряжения».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

(5 марта)... «Утро было чудесным, и мы с восхищением любовались сверкающими снежными вершинами отдалённой горной цепи Шанг-шунг.

После двухчасовой езды по слегка поднимающейся широкой долине, в некоторых местах покрытой снегом, мы подъехали к берегу Цангпо (*Браманутра* – ред.), где местный старшина поставил для нас белую палатку, украшенную орнаментом, и несколько чёрных палаток для наших слуг и двух доньеров из дзонга. <...> С юго-западной стороны возвышалась горная цепь, покрытая снегом, очевидно, северный отрог Шанг-шунга. <...>

Шанг-Шунг. (Современное фото)

«В час дня мы добрались до широкой долины, имеющей форму окружности и именуемой Парта. В узкой ответвляющейся долине для нас были установлены несколько палаток. Толпа чангпов, или северян, со своим старшиной помогала нам ставить палатки. Это было трудным делом, поскольку ветер продолжал дуть с непрекращающейся силой и вскоре превратился в воющий ураган. Все торопились поскорее спрятаться в палатки. Темнело. Из-за сильного сквозняка внутри палаток бесполезно было зажигать свечу, поэтому пришлось спокойно сидеть и слушать шуршание падающего снега и песка, бьющегося о наружные откидные пологи. <...>

«Всю ночь ветер штормовал лагерь, как будто все силы природы вырвались на свободу и с отчаянной силой пытались снести палатки, выдергивая колья и обрывая верёвки. <...> К рассвету ветер стих и дал нам небольшую передышку перед снятием лагеря».

6 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«6/III. <...> Начавшийся вчера с половины дня сильный ветер прекратился только в третьем часу ночи. Встали в 6 ч. утра; снова ветер, который опять вскоре усилился и бил в лицо, даже пронизывал овчинный полушубок, хотя утром в палатке было не более -3° С. Е.И. чувствовала перебои сердца и ночью почти не спала.

«Шли от 8 ч. 20 м. до 2 ч. пополудни. Та же безотрадная тундра, местами солончак. Опять невозможно представить, что находишься не в тундре на уровне моря, а на высоте свыше 15.000 футов. Несколько скользких переправ через реки и озёра. По пути видели гейзер с текущей от него речкой.

«Отроги Трансгималаев с вершиной Чжунг имеют вид огромного шатра, напоминающего «обиталище горного ледяного духа», откуда веет холодным ветром. У цепи гор обогнули большое озеро Намар-пюнцог и, перейдя скользкий, замёрзший приток его, остановились у аила в урочище Парта. <...> Весь день местность пустынная, если не считать редких аилов. Испытывая на себе все неблагоприятные условия Чантанга, вплоть до ледящего ветра, - в то время, когда совсем недалеко, в Лхасе, цветут персики, - еще раз думаешь о том, какой это надёжный барьер для тех мест, куда не должен проникать нежеланный взор.

«8 ч. вечера, а пришло всего две партии яков из восьми, в результате чего Ю.Н. остался без палатки, Г. - без постели и все мы без еды. Один приехавший доньер сообщил, что яки сегодня не придут, так как устали.

«Сегодня уже пробовали нас задержать, но неудачно, а теперь остановились самовольно. За день мы прошли около 20 вёрст; яки гружены легко, корма вполне достаточно. Они могли проходить хотя бы по две версты в час и, выйдя в 8 ч. утра, пришли бы, не утомившись, к 6 ч. вечера. <...> Это опять какая-то новая уловка, так как «губернаторы» нам обещали путь без всяких задержек. <...> Во всяком случае, мы заявили доньярам, что пойдём из Намру на Шигацзе, если нам не будут доставлены на завтра местные яки или те, что отстали в пути. Дальнейшей задержки в неблагоприятных условиях на Чантанге больше не допустим. В крайнем случае, купим новых яков и возьмём отсюда людей до Намру».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«6.III. Как всегда в пути - встаём рано. В небе на западе полный диск месяца, а восток уже бледно окрашивается светом. Понемногу тёмно-синие облака делаются, клуб за клубом, - сначала розовыми, фиолетовыми, а потом становятся золотыми с серыми тенями; в отзвук им розовеют снежные Трансгималаи. Красота гор поразительна. В ней разворачивается какая-то немая поэма, какая-то сказочно-прекрасная легенда...

«Н.К.Р. приказывает тщательно распределить грузы, с тем, чтобы по приходе на место остановки было бы сразу всё, что необходимо. С трудом удаётся разбудить доньяров и заставить их работать. <...>

«В 8 часов утра двигаемся обычным порядком. Идём равниной между высокими холмами и входим в долину реки, которая, как и большинство тибетских рек, называется Цангпо. Долина кочковатая и летом болотистая. Теперь она скована льдом. Всюду снег. Под Е.И. упала лошадь, но падение обошлось совсем благополучно. <...>

«Около 2 часов дня останавливаемся у места, где опять поставлены для нас палатки и ждут тибетцы. Разбиваем свой стан, предоставляя слугам приготовленные нам палатки. Любопытствующие туземцы окружают невиданное зрелище и даже набиваются в шатёр Е.И. <...> Выясняется, что доньяры не прибыли, потому что население не пожелало выполнить повинности и снабдить их лошадьми, как обычно выказав ненависть к чиновникам. Они появляются поздно - один пешком, другой на нашей заводной лошади. Несмотря на то, что мы лишь второй день в пути, доньяры уже начали свои тибетские проделки - явившись к Н.К.Р., они докладывают, что яки так устали, что им надо дать день отдыха. <...>

«Н.К.Р. решает идти вперёд, пользуясь исключительно указаниями проводника. В 4 часа поднимается ветер. Он рвёт наши палатки, сбивает их и вырывает кольца с верёвками. Вместе с туземцами выбиваемся из сил, крепя и поднимая палатки. Но, несмотря на резкость холодного ветра, градусник показывает -2° С.»

7 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«7/III. <...>. День солнечный, с небольшим ветром. 10-й час утра, но о яках ничего не слышно. Сколько сейчас идёт яков, пока установить невозможно, но третьего дня шло под нашим грузом, как упоминалось, всего 115 яков вместо 140 оплаченных. При этом объяснения, почему они держат в резерве 25 яков, мы получить не смогли. Опять Н.К. удивляется, что всё здесь пропитано ло-

жью: «Откуда это море лжи?» Другая черта - это крайняя недоверчивость и жадность к «гормо», то есть к серебряным монетам. <...>

«По своему развитию, умственным и нравственным качествам кочевые монголы значительно выше кочевников-тибетцев. Даже наш тибетец Кончок, человек бывалый, уступает в смысле простой сообразительности и деловитости бурятам, монголам и торгоутам. Впрочем, он не лишён некоторой грубой спекулятивно-торгашеской смекалки, как и все тибетцы».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«7.III. Местность Патра. Ночью разыгралась буря. Вой, свист ветра. Палатки парусит, и лопаются веревки. Спать невозможно. Наблюдаю странное явление: на 3/4 или 1/2 минуты ветер падает и наступает полная тишина... и новый порыв бури обрушивается на лагерь. Перед восходом солнца ураган несколько слабеет, но через час бушует с новой силой и становится уже нестерпимым. Проходимая нами область Тибета так и называется «страной вихрей». Не будь ветра, погода была бы прекрасной, тёплой и совершенно весенней.

<...> «Двигаемся в путь. Слева от нас Трансгималаи, справа - гряда больших холмов. Местность пустынная и бесплодная. Расширяющаяся долина скрашивается системой озёр, покрытых ледяными панцирями. Самое большое из них Намар-Пинзо.

«Ветер буквально рвёт с седла, пронизывает до костей и леденит лицо. Не знаешь, как спрятаться и съжаться от его ужасного дыхания. И думается, какое было бы облегчение иметь его со спины... <...> Представление об этом ветре может иметь только тот, кто испытал его действие на Чантанге.

«Удивительна любовь тибетцев к напыщенности названий. Мы проходим, например, округ, называемый «небесным округом», который получил своё название от озера «Тенгри-Нур», что в переводе означает «небесное озеро». Население, которое мы встречаем по пути, уже настоящие тибетцы-скотоводы. Кое-где видны их чёрные палатки и стада худого, заморенного зимней бескормицей скота. Проходим 5 1/2 часов и становимся лагерем. Всё время дует ужасный, не перестающий ни на секунду ветер.

«Что здесь поразительно красиво - это горы. Перед нами встаёт из цепи Трансгималаев гора Джонг, несколько похожая на столовую гору Капштата. И на рассвете, и днём, и при луне - хороши эти горы в разных освещениях, с разным оттенком теней на своих скатах. Здесь мог бы композитор, вроде Грига, почерпнуть своё вдохновение, и мечта его могла бы проникнуть в замок короля гор. Но не того маленького скандинавского, а другого, неизмеримо более могущественного властелина, Владыки азиатских гор. Какая мелочь перед этими - европейские горы. Мы сидим в палатке Н.К.Р. Набираются опять любопытные, которые следят за каждым нашим движением, - но у входа на цепи Каду, он изредка с рычанием бросается на тибетцев, которые поэтому окружают палатку далёким полукругом. Н.К.Р. замечает, какой должна показаться маленькой Европа после тех грандиозных масштабов, которые принимает природа в Азии. <...>

«В марте месяце таяние снегов и непрерывные ветры - это ужас Чантанга. Мы отдохнём от ветров только тогда, когда спустимся в долину настоящей Цангпо, или Брахмапутры. Но она ещё очень далеко...

«Н.К.Р. говорит: «Когда испытываешь на себе ужасный климат пустынь Чантанга, тогда убеждаешься, какой непроницаемой заградительной зоной в

тысячи миль окружены места, в которые не должны проникнуть непрошенные гости». <...>

«Около полудня проходили гейзеры с горячей водой. Да, отсюда уже недалеко подземные огни, действие которых создаёт сказочный оазис...

8 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«8/III.<...> Вчера целый день простояли. Сегодня встали в 6 ч. утра, но вышли только в 8 ч., так как долго не могли собрать верховых лошадей. Сегодня идёт 139 яков, в том числе 15 вновь взятых в урочище Парта. Из 139 яков шестнадцать идут негружёнными. Сегодня шли в направлении горы-шатра Чжунг, через три с половиной часа остановились в аиле у её подножья.

«Местные северные тибетцы говорят, что до Намру от трёх до восьми дней пути, мы же полагаем, что на дорогу уйдёт пять дней.

«Пришли сегодня на стоянку в 11ч. 40 м. утра. Последняя группа яков подошла в начале второго часа пополудни. Странно, что некоторые тибетцы не имеют имён - с нами едет жена Кончока без тибетского имени. Сам он называет её «Муся», но ей это не нравится. Людмила и Рая зовут её «Шурой», на что она отзывается.

«По-прежнему на Чантанге безлюдье и ни одного каравана. Даже в Нагчу на большой проезжей дороге на Лхасу за 45 дней стоянки мы не видели ни одного торгового каравана, кроме нескольких групп местных паломников и местных торговцев. А без торгового оборота не может существовать ни одна страна. Единственное, что может вывозить Тибет - минеральные богатства, - но они не разрабатываются по суеверным соображениям. Итак, идём, совершенно не зная места стоянок и продолжительности пути. Словам тибетцев не верим, ибо уже привыкли к скрытой в них лжи.

«Во время пути Е.И. обронила небольшое боа из куницы. Тибетец долго боялся поднять его, пока не убедился, что оно не двигается. Карманное зеркальце, наведённое на толпу женщин и детей, вызвало испуг и обратило их в бегство. Взрослые хоры и тибетцы-кочевники также испуганно поглядывали на зеркало, и только двое из них, уже привыкшие к нам, одному из которых я уже показывал зеркало, протянули за ним руки и улыбались при этом, тем самым демонстрируя знание и бесстрашие. <...> Кончок сообщает, что здешние кочевники нигде далее трёх дней пути отсюда не бывали, а потому вообще не знают, где находится Намру. «Может ли соответствовать хоть какой-либо степени буддизма подобная дикость?» - замечает Н.К. Благодаря хорошему знанию Ю.Н. тибетского языка нам удаётся выяснить многое такое, что для других путешественников оставалось в пределах необъяснимой этнографической загадки».

9 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«9/III. <...> Ночь была холодная. Почти до двух часов ночи о чём-то громко разговаривали, кричали и бродили вокруг палаток хоры и тибетцы, причём собаки громко ворчали и лаяли. В 6 ч. утра стало ветрено. Вышли в 8 ч., путь лежал через снега по трудной кочковатой дороге, мимо горы Чжунг. Перевал не особенно высок, около 16.000 футов. По дороге и на перевале видели два менданга из красных точильных камней, а также отдельные куски красного

камня с высеченными на них священными надписями. Остановились после перевала, у аила на болотистом нагорье, оставив позади гору-шатёр Чжунг.

«Справа у гор раскинулось большое солёное озеро с довольно чистой поваренной солью.

«Сегодня сведения о нашем пути до Намру стали ещё неопределённые, однако нам обещали, что завтра мы доедем до какого-то аила, где один человек знает путь в Намру. Из-за порывистого холодного ветра несколько человек заболело простудными заболеваниями. Говорят, что здесь растут ядовитые травы. Заболела одна из наших лошадей.

<...> Мечтаем поскорей выйти из этой полосы холода, льда и пронизывающих вихрей. Сегодня утром в палатке было -11° С.»

10 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«10/III. <...> Вышли в 7 ч. 30 м., снег лишь местами, дорога гладкая. В 10 ч. утра поднялся холодный резкий ветер, сразу сделавший переход чрезвычайно тяжёлым из-за одышки и опасности тяжёлой простуды. Справа от дороги тянется солёное озеро Бум-цо или Нья-шинг. Встречаются трупы павших зимой от голода яков, иногда сразу несколько; некоторые из них объедены собаками из аилов. Ни птиц, ни диких животных за эти дни пути по Чантангу мы не встречали.

«Остановились в 12 ч. дня у аила в урочище Чо-кор. Вначале тибетцы ни аргал, ни воду не несли, палатки для доньеров приготовлены не были, за что один из них, доньер духовного «губернатора», и побил палкой, очевидно, виновного в том тибетца. <...>

«Продолжает дуть сильный ветер, вырывая из земли железные кольца палаток. После выяснения причины избиения тибетца оказалось, что он обязан был отвезти в следующий аил полученное им письмо-известие о нашем приезде».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«10.III. Выходим рано поутру. Сегодня холодный ветреный день. Идём пустыней по тяжёлой дороге, острыми замёрзшими кочками болота. С трудом, скользя, переходят лошади промёрзшие до дна большие лужи. Около 11 часов утра поднимаемся на перевал Ламси. Довольно высоко, и мы любуемся сверху прекрасным видом. С одной стороны - холмы, с поднимающимися над ними каменными остовами гор, точно причудливыми развалинами замков; с другой - цепь Трансгималаев с вершиной Джун. На равнине синее льдом не нанесенное на карту большое озеро Ньяшин-Цзо. <...>

«За обедом Н.К.Р. указывает, что нашему знанию Тибета мы, главным образом, обязаны Ю.Н., так как обычный переводчик путешественников, какой-нибудь малообразованный китаец, монгол или казак, кое-как говорящий по-тибетски, - вряд ли мог бы подметить все те тонкости, которые не ускользают от Ю.Н., магистра восточных языков, владеющего тибетским языком как своим собственным. Дальше Н.К.Р. отмечает бедность торгового движения на Лхасу. В конце концов, все караваны, которые мы видели за 45 дней стоянки в Нагчу, - и несшие минимальную нагрузку - были исключительно караванами местных торговцев. Теперь мы идём большим трактом, а путь наш пролегает

исключительно по целине и нигде не видно и следов хотя бы какой-нибудь дороги. Ни разу не натолкнулись мы даже на пешеходную тропу. <...>

«Мы идём, совершенно не зная, когда, наконец, дойдём до Намру. Кончок сообщил, что, может быть, мы завтра дойдём до места, где живёт какой-то человек, точно знающий, сколько дней пути от его аила до Намру. Так сказали местные жители. Версии по этому вопросу самые разноречивые — говорят: 8, 5 и 3 дня пути...»

11 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«11/III. <...> С вечера сильный вихрь, срывающий палатки. Около 10 ч. вечера началось волнение среди тибетцев, которые отказывались выполнять распоряжения доньеров. По приказанию последних двух человек связали.

«Вышли в 8 ч. утра при солнечной безветренной погоде. Впереди доньеры вели двух связанных тибетцев, чтобы на следующей стоянке передать их старшинам. Здесь царит ещё крепостное право; и это крепостные крестьяне «благочестивых» лам монастыря Сера.

«Переход лёгкий, по хорошей бесснежной дороге песчаного нагорья. Остановились в 11 ч. утра, когда уже поднялся ветер. Миновали солёное озеро Нья-шинг, где, по словам местных тибетцев, в большом количестве водятся какие-то животные, покрытые шерстью и ревущие по вечерам. Они называют это животное «водяной коровой», - вероятно, это выдра. До Намру осталось будто бы четыре перехода. Характерно, что нас хотели остановить уже через два часа хода, хотя верблюды и яки шли вместе с нами, не отставая. Нас уверяли, что далее на пять часов пути нет ни воды, ни аргала, но мы настояли на дальнейшем продвижении, и, конечно, сказанное оказалось ложью. Через час хода мы остановились невдалеке от аила. Были и вода, и аргал.

От самого Нагчу Е.И. после болезни чувствует перебои сердца, особенно в то время, когда ложится; днём меньше, чем с вечера. Вчера перебои сердца были особенно часты - через каждые десять ударов. Сегодня закончился восьмой день нашего пути, а впереди ещё четыре дня. Значит все уверения «губернаторов» о семи-восьми днях пути оказались очередной ложью. К вечеру буран не прекратился, и всё затянуто серой пылью. Если наши палатки выдержат вихри и бураны Чантанга, то качество их изготовления следует признать наивысшим.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«11.III. Местность Чукур. Теперь идём уже не такими пустынными местами. После Нагчу есть возможность обозначать места стоянок названиями урочищ. В темноте свернули мы сегодня наш лагерь, когда начинало чуть рассветать. Над вершиной горы ещё сверкает Венера... Идём по берегу озера, тянущегося километров 15 вдоль подошвы Трансгималайского хребта. Уже совсем светло. Чудно сверкает на льду цвета воронёной стали поднимающееся над горами солнце. Голубое небо, жёлто-коричневые горы и меньше снега. Озеро, по всей вероятности, идентично с Бом-Цзо английских карт. <...>

Плато Чантанг. «Голубое небо, жёлто-коричневые горы».
(Современное фото)

«Местность становится всё живописнее. Пики гор, реки, обрамлённые разноцветными скалами. Начинается ветер. Он всё усиливается и к 10 часам утра разражается со страшной силой. Лошади с трудом двигаются против его порывов. Начинается песчаная буря. Тысячами уколов, точно иголки, колют лицо мелкие песчинки. <...>

«Около часа дня приходим на предполагаемое место лагеря. Никого нет, не собрано аргала, не принесено воды... Появляются туземцы. Оказывается, гонец, везший даик, письмо губернаторов, навёрнутое на палку, не пожелал приехать с прошлой остановки и здесь о нашем прибытии никто не уведомлён. <...>

«Только что успеваем поставить палатки, как стихший было ветер разражается с новой силой. Все время приходится крепить верёвки, пока по местному обычаю мы не наваливаем на палаточные гвозди и края палаток громадные камни, с которыми ветер уже не в состоянии справиться. В пути пришлось бросить лошадь Н.К.Р. - её подарили местному старшине. Еле спасли двух других лошадей, наевшихся какой-то ядовитой травы...

«Вечером мы говорим об относительности возраста, и Н.К.Р. рассказывает нам, как ему в молодости приходилось выдавать себя более старшим, нежели он был на самом деле, чтобы не дискредитировать себя молодостью. 15-ти лет он уже выступил в литературе, скрываясь под псевдонимом. 22-х он был редактором журнала, 24-х - помощником директора музея, 25-ти - секретарем «Общества Поощрения Художеств» и 30-ти - директором Художественной школы. Во всех этих случаях приходилось скрывать свои года, которые мешали ему перед маститыми деятелями искусства.

«Доньеры сообщают, что жители отказываются исполнить повинности и не хотят давать уртонных животных. Приходится употребить энергичные меры. Доньеры получают поддержку от нас и теперь уже круто расправляются с непослушными. Два главных зачинщика схвачены, связаны и посажены под арест около палатки монголов под наблюдением стражи. <...> Физиономии у обоих бунтовщиков самые разбойничьи. К ним подходят туземцы и нет-нет опускают за шею медные монетки. Это - «жаление несчастеньких», близкое к старинному русскому обычаю».

12 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«12/III. <...> Утром в палатке -8° С. Встали, как обычно теперь, в 6 ч. утра. Вышли в 7 ч. 45 м. Дорога навевает уныние своим однообразием и безжизненностью. Аилы здесь редки. Говорят, что до Намру ещё три перехода, то есть придём на двенадцатый день. Условия перехода тяжёлые. Сегодня опять дул холодный, пронизывающий, резкий встречный ветер. Нужны хорошее здоровье или привычка, чтобы на высоте выносить эти ледяные вихри и не простудиться. Такой тяжёлый и опасный путь выбрали для нас Далай-Лама и его правительство, и это для людей, которые шли к нему с открытым сердцем и с богатыми приношениями. В какой ещё стране, кроме дикого и тёмного Тибета, это возможно?»

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«12.III. К 8-ми часам утра все животные доставлены, и мы двигаемся в путь. Погода тёплая, ветра нет, и снег почти стаял. Идём красивой долиной в горах, которые подходят к небольшому озеру. За озером уже приготовлены палатки и нас ждут местные нотабли. Но мы не останавливаемся и идём дальше в боковую долину, где и останавливаемся около ручья. Поднимается такой ветер, что ставить палатки возможно лишь всем наличным количеством людей каждую... Мешок с ячменём, лежащий на склоне холмика, силой ветра приходит в движение. Потом начинается песчаная буря. Это ещё хуже. Песок набивается за ворот, в уши, в глаза и, наконец, в палатки. <...>

«Восемь дней пути до Намру, как это обещали губернаторы, уже прошли. Но добиться окончательно, сколько осталось переходов, - невозможно. Не то 3, не то 5. Удивительно, как невежествен здесь народ, нельзя себе представить другой страны, где люди жили бы в палатках, ведя, так сказать, кочевой образ жизни, и не знали бы, что делается в расстоянии двух-трех дней пути от мест их становищ».

13 марта 1928 г. Район Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«13/III. Мёртвые горы Тибета. <...>

Тибетское нагорье. (Современное фото)

«В 7 ч. в палатке мороз -7° С. Вышли в 8 ч. утра и шли до 12 ч. 10 м. попутно при резком встречном ветре, поднимаясь и спускаясь по оголённым желтоватым холмам. Надо отметить, что все тибетские хребты и горы, кото-

рые мы прошли, совершенно оголены - никакой заметной растительности, лишь изредка мелкая мшистая трава. <...>

«Около 3 ч. ночи у Н.К. было замечательное световое явление. До какого бы предмета он ни дотрагивался, вспыхивало голубоватое пламя. Ни треска, ни искр, ни жжения не ощущалось, причём пламя было одинаково при дотрагивании до шерстяных, деревянных, бумажных вещей или брезента. То же самое наблюдалось у Е.И. два года тому назад в Ладакхе, когда на постели вспыхнуло ярко-голубое пламя, осветившее палатку и державшееся несколько минут без треска или жжения. Она пробовала тушить его руками и потом разбудила Н.К. криком: «Огонь, огонь!» Местность в Ладакхе была значительно ниже - зона пашен, травы и деревьев. До сих пор мне приходилось лишь однажды слышать о явлении истечения огня из концев пальцев одной девушки. Чудес, конечно, в природе нет, а потому не особый ли это вид электричества, до сих пор мало объяснимый, как огни св. Эльма или огоньки, появляющиеся в так называемых «электрических странах», в Америке? *Получены дальнейшие указания о медицине Агни-Йоги.*

Из книги «Знаки Ани Йоги»:

«Духовности полный сосуд - так называем людей, которые на основании прошлых жизней, в решимости подвига расширяют сознание и тем входят в понимание основ эволюции. Если это определение кому-то покажется ненаучным, то можно ли назвать подвижника лейденской банкой? Именно так собирается внешняя энергия и в срок следует разряд. Тяжко бывает напряжение, когда потенциал готов, но срок еще не наступил. Тяжко бывает потому, что чуткий аппарат воспринимает особо опасные части первичной материи.

Как известно, сама первичная материя, *Materia Matrix* не проникает до земной сферы вследствие турбильона заражённых низших слоев, но так называемый фохат, представляющий грануляцию первичной материи, в виде искр может достигать земной поверхности и даже может быть уловим некоторым зрением, когда солнечный луч пересекает химический планетный луч, окрашивая искры по химическому составу луча.

Кроме фохата земную поверхность достигают истечения светонесущей материи - *Materia Lucida*. Для некоторого зрения она представится световыми потоками и пятнами в пространстве. Эти химические явления могут быть принимаемы за особенность глаза или даже за дефект зрения, но знание покажет, какое глубокое значение они имеют для организма.

С одной стороны, воздействие осознанных искр фохата и потоки материи люциды благотворны, потому что наполняют дух сознанием необходимости эволюции; с другой, они могут давать ожоги и угрожать воспламенением центров, будучи частями огненной стихии.

Явления огненной стихии можно сравнить с наиболее напряжённым цветом электричества, но световая схема электричества ограничена, тогда как разнообразие химических световых искр фохата превосходит всякое воображение. Тип света фохата равен драгоценным кристаллам. Питая психическую энергию, фохат прокладывает путь к дальним мирам, между тем как материя люцида ткёт укрепление сознания. Одно укрепляет, другое толкает в беспредельную бездну совершенствования. Эти прекрасные дары великого Аума!»
(Зн. А.й. - 144.)

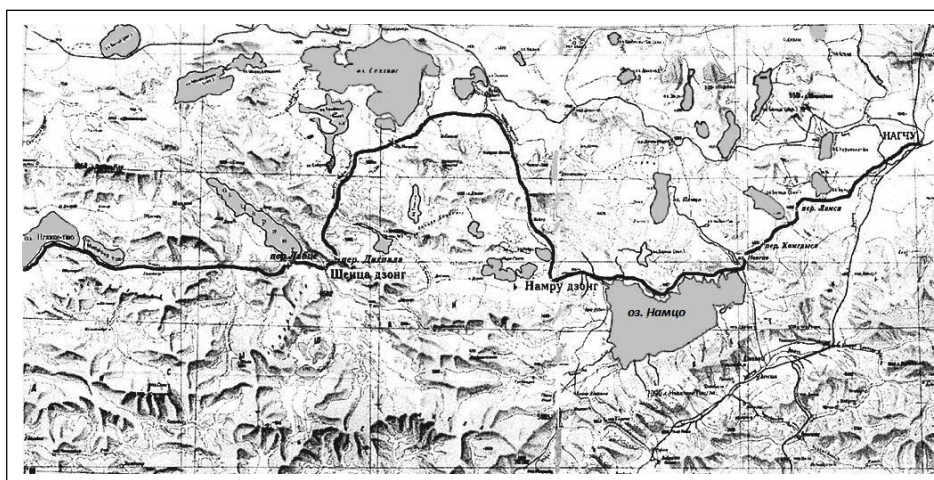
13 марта 1928 г. Округ Намру.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«13.III. Ночь была очень тихая, безветренная. Сделан длинный переход по безлюдной пустыне, долиной между горами. Снега больше нет, а на юге синее льдом поверхность озера Чаг-Цзо, которое на карте обозначено именем Лангьек-Цзо. Большинство озёр здесь солёные. К 11 часам подымается ветер, переходящий в ураган, и по степи ходят облака пыли. В лицо бьёт песком и мелкими камнями. Придя на место, с трудом ставим палатки. И думается, по каким дорогам отправило тибетское правительство Миссию Западных буддистов, шедших с открытым сердцем и подарками в руках, и несшую прекрасные возможности. Почему не отправило оно нас южными путями, где тепло, нет ветров и песчаных бурь».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«13 марта. Завтра приходим в округ Намру, завтра же узнаем и точное число переходов, остающихся до цзонга. Несмотря на близость цзонга (34 шестнадцатикилометровых перехода), местные люди не знают точного расстояния до последнего. Из рассказов старшин и сверки их показаний с картой выяснилось, что мы проходим Тенгри-Нур уже 2-й день. Озеро остаётся невидимым, отделённое от нас высоким, сплошным горным хребтом. Сегодня виднелись на юге отдельные покрытые снегом вершины Трансгималаев, находящиеся уже по южную сторону озера. Погода, в общем, однообразная: с утра до вечера обычный западный или юго-западный сильный ветер; ночью спокойно, температура воздуха к восходу солнца достигает -9° , -10° С.»

Тибет. Область Великих озёр. (Маршрут экспедиции)

14 марта 1928 г. Округ Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«14/III. Озеро Тенгри-нор². <...> Ночь спокойная, без ветра. Утром в палатке -6° С, ветра нет. Вышли в 7 ч. 20 м.

Идём вдоль Тенгри-нора, изредка показывающегося между холмами слева. День солнечный, безветренный, путь ровный. Говорят, что до цзонга ещё два дня пути. Таким образом, придём 16-го числа, то есть на 13-й день вместо

² На тибетском языке "нам-цо" – "Небесное озеро", на монгольском и маньчжурском языках оно произносится "Тенгри-нор". – ред.

восьмого дня, как было рассчитано “губернаторами”, - “гражданский” даже поздравлял нас с тем, что пойдём кратчайшим путём.

Озеро Намцо. Тибет. (Современное фото).

«До Шенцза-цзонга (Санджа) тоже не менее двух недель пути. Лишь после этого мы сможем свернуть прямо на юг через Трансгималаи. Идём всё время однообразным нагорьем Чантанга, минуя такие же бесплодные, мёртвые горы. Местами встречаются болотистые кочковатые равнины, теперь промёрзшие, но в другое время и в особенности во время муссонов, думается, с трудом проходимые. Двигаемся большим караваном с яками, верблюдами, мулами, лошадьми; с нами идут погонщики-хоры и северные тибетцы, которые становятся всё более дикими.

«У Е.И. вчера с вечера опять были перебои сердца.

«Сопровождающие нас хоры всё время идут пешком, у них начинают уже болеть ноги. В день проходим от 16 до 20 верст. Видимо, к ходьбе на дальние расстояния они совсем непривычны. Н.К. вспоминает, как бодро шли ладакхцы 26 дней без остановки, одолев, таким образом, около 600 миль, то есть не менее 30 вёрст в сутки по самой трудной дороге с опасными горными перевалами. Такая же слабость замечается и у здешних животных.»

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«14.III. Тяжёлый ветреный переход. Горы, раньше являвшие собой только цепь на самом горизонте, - теперь делаются большими снеговыми массивами, у подножия которых протянулись безбрежные дали озера Тенгри-Нур. <...>

Озеро Нам-цо (Тенгри-нор). (Современное фото)

Сегодня мы стоим в виду Тенгри-Нура. Оно расположено от нас в нескольких километрах. Наблюдаем интересное явление. Тибетское племя, на землях которого мы находимся, поражает своим израильянски-библейским типом. И к нашему большому изумлению выясняется, что оно называется “Небра” или “Gebra”. Это не лишено интереса для отыскивающих пропавшее двенадцатое колено Израилево, находящееся, по некоторым версиям, где-то около Кашмира».

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТИБЕТ

Тибетское нагорье. (Современное фото)

15 марта 1928 г. Намру.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

[15 марта]«На следующий день мы двинулись в путь в восемь часов утра и преодолели перевал с юго-западной стороны, затем спустились на широкую равнину, уходящую далеко на север. Она была покрыта щебнем, чередовавшимся с песком. *Прошлой ночью здесь прошёл сильный снегопад, и всё было покрыто свежим снегом.* Голые холмы, окружавшие равнину, были сильно выветрены непрерывно дующими юго-западными ветрами и перепадами температур. Подножия холмов были погребены под нагромождениями камней, снежных ледниками. <...>

«Некоторое время мы шли вдоль подножия холмов, поднимающихся к югу от равнины, затем свернули на запад и, перейдя скалистый отрог, увенчанный обо, двинулись на юг, к находящемуся там горному хребту (18000-20000 футов).

«После часовой езды мимо песчаных холмов мы въехали в горную долину, где находился Намру дзонг, административный центр района. <...>

«В центре селения находилось здание дзонг-пона, представлявшее собой довольно жалкое строение с несколькими молитвенными знамёнами на крыше. Жители рассказали, что раньше районом Намру управлял местный вождь, дом которого мы видели при въезде в долину. Был он построен на ветреном месте, с фасадом, обращённым на север равнины. *Со времени бегства Таши ламы в Чаглунгхаре был основан дзонг для защиты дороги, проходящей вдоль западного берега Чанг нам тшо или Тегри-нора. В официальной переписке место значилось под именем Намру дзонг, а местные жители по-прежнему называли его Чаглунгхар.* <...>

«По приезде в деревню мы были встречены доньером из Нагчу и смешанной компанией из местных вождей, сородичей и торговцев из внутреннего Тибета. Нам показали около дзонга место для лагеря, но так как оно было грязно и покрыто толстым слоем навоза, мы решили перебраться на другой берег реки. Здесь находился ряд террас с глубокими выветренными каньонами. Это место было сухим и показалось нам подходящим для стоянки. Разбив лагерь, мы отправили послание дзонг-пону о нашем намерении посетить его. <...>

«Нас усадили на длинную скамью у окна по правую руку от губернатора. <...> Он уведомил нас о том, что паспорт, или лам-инг, из Лхасы всё ещё не получен, и он действительно не представляет, что с нами делать. <...>. Он не получал писем, касающихся нас, и был в неведении о нашем приезде. Нам придётся на один день задержаться в Намру, чтобы он мог собрать необходимое количество животных для каравана. Мы убеждали его ускорить наш отъезд и не откладывая переговорить с местными вождями и старшинами. <...>. Из-за сильных зимних снегопадов большинство кочевников ушло на север и находилось на расстоянии четырёх-пяти дней пути отсюда. Чтобы добраться до Нагтшанга потребовалось бы 15 дней, а караванных животных пришлось бы менять на каждой остановке. <...>

«Мы настаивали на том, чтобы губернатор снизил цены до приемлемых и сделал всё от него зависящее, чтобы всё было приготовлено к завтрашнему дню, так как мы очень спешим, да и здоровье некоторых членов экспедиции оставляет желать лучшего. В случае смерти любого из них возник бы источник бесконечных неприятностей для Тибета. <...>

«Дзонг-пон выразил глубокое удивление, что правительство послало нас таким трудным окружным маршрутом, вместо того чтобы позволить пересечь внутренний Тибет где-нибудь в провинции Цанг за Лхасой и Шигадзе.

«После долгих переговоров цены были наконец установлены. <...> Следовало сразу же отправить посыльного в Шенца с сообщением о нашем прибытии и с просьбой приготовить сменных яков, чтобы у нас не было задержек в пути. Отъезд был назначен через два дня».

17 марта 1928 г. Намру.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«17/III. <...> Обещают сегодня доставить яков, с тем, чтобы выйти завтра утром. Никаких правительственных обещанных нам распоряжений по-прежнему нет. А между тем правительство, зная о недостатке у нас денег, уверило нас, что платить за животных нам нигде не придётся. Знало оно и о нехватке лекарств, и, тем не менее, нисколько не укоротило путь, заставив нас делать бессмысленные зигзаги по изменяющемуся геологически и разлагающемуся нравственно Тибету. Идут переговоры о «подарке» «губернатору», чтобы тот сделал все обычные служебные распоряжения, дабы нам без задержек дойти до следующей «крепости».

«После полудня были у «губернатора», рассчитывались за 112 яков и 10 лошадей. Опять погрузились в маклерско-разбойничью атмосферу цзонга. Вместо 20 шо за янчан, как нам уже меняли здесь, очевидно, не без выгоды для себя, нам предложили за китайское серебро по 16 шо. После мучительного торга, причём браковалось всё старое серебро, сошлись на 18 шо за янчан. Уплачено было за яков и лошадей 358 янчан, причём на каждом янчане «гу-

бернатор» нажил против сегодняшней цены янчана по два шо, то есть 76 нарсангов, которые он прибавил к своему дорогому подарку от нас - прекрасному биноклю Цейса. В общем, виденные пока нами два цзонга можно назвать по совести «разбойничьими гнёздами». Таков пресловутый Тибет».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«17.III. Вчера вечером мы опять посетили губернатора. Темой разговора была самая бесстыдная торговля администратора о цене транспортных животных до следующего этапа. Конечно, наш паспорт из Лхасы у губернатора и прячется до времени под сукно по двум причинам. Первая - это невозможность сделать деньги на транспорте, как только нам будет вручен паспорт, при котором животные должны быть доставлены по казённой цене, а вторая, что можно будет сначала обобрать с нас «подарки», которые при фактическом наличии паспорта уже не за что получить. Оказывается, что даик был отправлен своевременно и пришёл в Намру раньше нас. Но это обстоятельство было скрыто губернатором. Во время переговоров вызываются старшины. Происходит пререкание старшин о плате за яков, которое ведётся за дверями с одним из чиновников губернатора. Следует думать, что переговоры инсценированы, цена уже установлена и губернатор имеет в ней свою долю. За то же расстояние, как от Нагчу до Намру, придётся платить не 3 нарсанга, а — 7. Торговля закончена, и Н.К.Р. приходится согласиться на эту цену. <...>

«Наше выступление предполагается завтра утром.

Создаётся впечатление, что назначение должностных лиц в Тибете происходит из строго замкнутой компании, дающей возможность себе и своим родственникам набить всеми способами карманы, что те и стараются сделать в кратчайший срок.

«Днём идём к губернатору с тяжёлым мешком серебра платить за нанятый транспорт. Вбегают старшины и становятся в свои позы. Портнягин высыпает из мешка китайские доллары... Следует короткий диалог между губернатором и крестьянами. Оказывается, последние желают получить деньги только тибетскими нарсангами — ни в коем случае серебром. <...>

«Грабёж начинается. Губернатор и начальник укрепленного района Намру сразу превращается в мелкого торгаша, дрожащего над каждым грошом, и глаза его алчно разгораются при виде аккуратных столбиков по 10 долларов, которыми заставлен стол. Это противное зрелище, но и не лишённое интереса. Привычной рукой губернатор откидывает одни монеты, а другие в то же время пропускает между большим и безымянным пальцами вниз, на стол. Образуется две кучки... <...>

«Н.К.Р. умеет обращаться с азиатами. Он приказывает собрать монеты обратно в мешок, и Портнягин сгребаёт доллары из-под носа изумлённого такого рода оборотом дела губернатора. “Что? Почему?” — спрашивает он. “Разменяем в другом месте”, - переводят ему слова Н.К.Р. Портнягин с мешком уже у двери. Спешно соглашается губернатор принять все доллары. Портнягин возвращается, и губернатор, уже ничего не отделяя, раскладывает по столу столбики. <...> Противен мошенник, говорит Н.К.Р., но ещё более противен мошенник невежественный. Удивительно во всём поведении, во всей лжи тибетцев, насколько они мало думают, что их мошенничество или ложь могут когда-либо так или иначе обрушиться на них, хотя бы в виде кары со стороны правительства, вынужденного на это под давлением других держав».

18 марта 1928 г. Намру – Шенца-дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«18 марта, 1928 г. Раннее утро было ясным, и день обещал быть солнечным. Нам хотелось ускорить отъезд, чтобы пересечь гребень горы, расположенной западнее Чанглунгхара, до того, как начнётся ежедневная полуденная буря. Сбор вьючных яков проходил очень медленно: всадники гнали перед собой небольшие группы животных к нашему лагерю. Из-за обильного снега, выпавшего зимой, большинство животных было угнано далеко на север, и поэтому местному населению было трудно доставить нам необходимое количество вьючных животных. Несмотря на задержку, мы выехали в десять часов и направились в сторону горного перевала Тамар-кьер (около 16700 футов).

Тропа следовала через узкое крутое ущелье к вершине перевала. Ущелье было заблокировано булыжниками, и большие скопления осколков напоминали валы, воздвигнутые для защиты. С вершины перевала мы спустились в круглую горную долину, прикрытую со всех сторон высокими горными цепями. С вершины мы заметили маленькое озеро Намка тшо, расположенное севернее на широкой нагорной равнине.

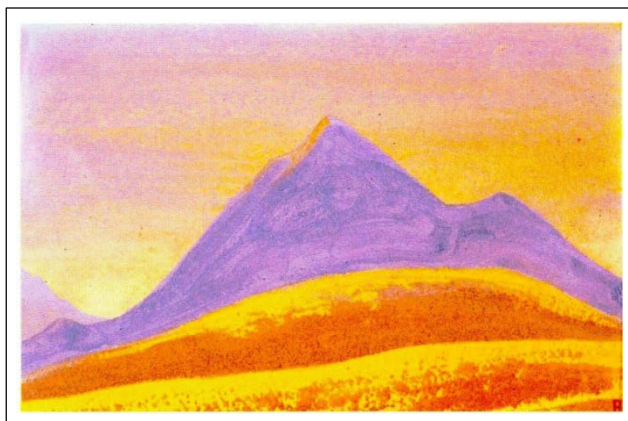

Маленькое озеро в горной долине Тибета. (Современное фото),

«Около разрушенной каменной лачуги, прежде занимаемой богатым старшиной, для нас было поставлено несколько палаток. Местный старшина, пожилой человек, голова которого дрожала и непрерывно дергалась, встретил караван экспедиции. Нам снова пришлось менять караванных животных, но замена прошла гладко благодаря нашим проводникам из Намру, оказавшимся чрезвычайно умелыми людьми. Главный проводник был тибетским кочевником из района Гьянгце, хорошо знавшим местность <...>

«Мы продолжили путь на запад по узкой тропе к другому перевалу Натра ла (16900 футов). Маршрут был обозначен многочисленными монденгами, построенными по обеим сторонам дороги. Этот маршрут обычно используется странниками из кочевых районов Тибета при их ежегодных паломничествах к священной горе Кайлас. С вершины Натра ла открывается замечательная панорама окружающего горного района и широкой песчаной равнины к северу от него. На юге возвышается горная цепь высотой около 17000 футов. У её подножия раскинулись низкие скалистые отроги из песчаника и огненно-красного известняка. В лучах утреннего солнца пустынный ландшафт сверкал разнообразными оттенками красного, фиолетового, пурпурного, оранжевого и жёлтого цветов.

Н.К. Рерих. Гималаи (этюд).

Местность очень походила на пустынный район Аравии и на мрачное царство песков Китайского Туркестана. Маленькая речка Чавар цангпо, впадающая в соляное озеро Пангонг тшоча, расположенное на севере равнины, питала скудные пастбища вдоль своих берегов. Спуск с перевала проходил по узкой тропе через изъеденное эрозией ущелье, сквозь ряд песчаниковых горных хребтов. Мы остановились на день у подножия невысокого песчаного отрога, недалеко от нескольких стоянок кочевников. День выдался тёплый и безветренный, а ночью неожиданно ударил мороз, температура упала до -12°C .»

18 марта 1928 г. Намру - Шенцадзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«18/III. <...> Утром яков не оказалось, несмотря на обещание «губернатора», что к утру они будут готовы, иначе мы должны будем назвать его «лжецом». Только в 8 ч. прибыла первая партия яков. Вышли в 11 ч. 10 м. утра. Шли невероятной дорогой дантевского ада через камни и кочки, поднимаясь всё выше и выше.

«Ю.Н. вдруг почувствовал слабость, ноги «одеревенели», руки задрожали, и только после двадцати капель дигиталиса все явления расстройства кровообращения прошли. <...>

«День тёплый, безветренный, но на высотах нас поджидали туман и снег. Дошли до стоянки у аила в 2 ч. 30 м. пополудни. Здесь меняют яков - идём «уртонами», и завтра у нас будут свежие яки и лошади».

19 марта 1928 г. Намру - Шенца-дзонг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«19.III. <...> ...выступаем очень поздно. Погрузка затягивается почти до 7.30 утра. Выходим в двух партиях. Первая - состав нашей конной группы, палатки и кухня на верблюдах. Всё остальное идёт во второй и называется нами в шутку ««The great fleet» [«Большой флот» (англ.) - ред..]. <...>

«Идём по склону горы, над узкой долиной с замёрзшей рекой <...> . Подымаемся на очень крутой перевал, не имеющий названия. Проходим аилы - частью палаточные, частью из мазанок. С самого перевала открывается вид на долину с белеющей вдали снежной поверхностью озера Пенганг-Цзо-Ша. На горизонте она обрамлена горной грядой. <...> Желтовато-зелёные горы

мягко соединяют свои тона с цветом оранжево-жёлтого песка берегов реки и снова поднимаются с равнины в лилово-красных оттенках. Красиво оттеняются жемчугом теней белые облака, плывущие в высоте... Водопад застыл в оледеневших каскадах, и чёрные с зеленью скалы наклонились над сверкающими на солнце неподвижными струями... <...>

«Становимся на место и разбиваем лагерь, а мимо по тропе проходят путники с поклажей на спине, вооружённые мечами и копьями, сверкающими своими остриями на солнце. <...>

«Над лагерем пролетает треугольник диких гусей, который держит путь на север. Давно ли наблюдали мы перелёт таких же гусей у истоков Голубой реки на юг. Зима прошла».

20 марта 1928 г. [Округ Шигадзе].

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«20 марта. Мы выехали сравнительно поздно, в восемь часов утра, преодолели отрог к западу от лагеря, спустились на равнину и прошли всего четыре мили, после чего пришлось разбить лагерь на противоположном берегу реки Чавар цангпо. Мы возражали против этого, но проводники сообщили, что мы достигли границы другого района и должны ждать новой смены животных, так как этим животным идти дальше не полагалось. Место, где располагался наш новый лагерь, называлось Шоде намоче и принадлежало большому тибетскому монастырю Ташилунпо. Местный старшина жил в бедной каменной лачуге, окружённой несколькими дворами, используемыми в качестве загонов для овец».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«20/III. Вышли в 8 ч. утра при сильном и холодном ветре. Шли зигзагами по нагорью, избегая болотных кочек и переходя по льду небольшие речки, причём трое всадников провалились вместе с лошадьми. В 10 ч. утра остановились у аила на стоянку, пройдя, если идти по прямому маршруту не более пяти вёрст. Такие переходы по два-три часа в день - явное издевательство и задержка в пути. <...>

«Оказывается, Намру-цзонг был построен вскоре после бегства Таши-Ламы, который прошёл этим путём незамеченным. С каждым днём мы всё более понимаем, что должен был пережить Таши-Лама, чтобы покинуть Тибет.

«Действительно, бегство Таши-Ламы является поворотным моментом в судьбе страны.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«20.III. <...> «Сегодня в палатке Н.К.Р. водружена прекрасная танка, изображающая Господа Майтрейю, и перед ней горит лампада. Туземцам роздано большое количество изображений Будды Всепобеждающего с мечом в руке. Палатку окружает большая толпа, и Н.К.Р., смотря на неё, говорит: “Как печально видеть, что этому народу не дают даже намёка на просвещение, при наличии тысяч лам-монахов, которые должны были бы, следуя заветам Благословенного, - просвещать народ истиной”».

21 марта 1928 г. Намру – Шенца-дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«21 марта. Перед выходом нас заставили поволноваться новые сменные животные. Они были отдохнувшими, только что с пастбищ, где провели целую зиму на воле без сбруи и седла. В результате все одичали, становились на дыбы и брыкались.

Тропа проходила по горной местности среди выветренных холмов из гранита и песчаника с прослойками красного известняка. Многочисленные мендонги указывали наш дальнейший путь. После пятимильного перехода по сильно пересечённой холмистой местности мы вышли на обширное плато, заросшее скудной и грубой травой. Плато было излюбленным пастбищем для дичи, и мы видели здесь множество тибетских газелей (*Gazella picticaudata*).

Преодолев низкий горный перевал Чيانгку-ла, через узкое ущелье мы спустились в узкую долину, расположенную между двумя песчаниковыми отрогами. Многочисленные высохшие русла сезонных ручьев указывали на значительное количество осадков, выпадающих в дождливые летние месяцы. С вершины перевала мы любовались прекрасным видом долины небольшой речки Бучу цангпо, впадающей в озеро Тшо Зилинг».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

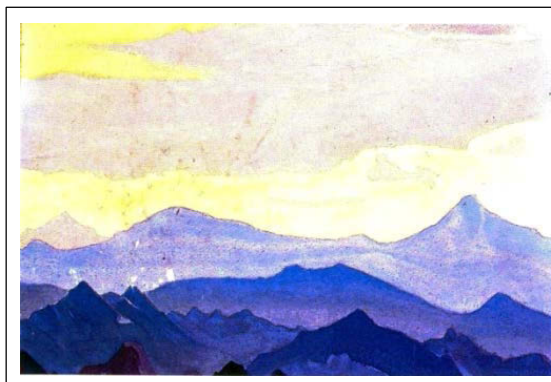
«21/ III <...> Вышли в 8 ч. утра при слабом холодном ветре, вскоре усилившемся. Чем далеедвигаемся на запад Тибета, тем разнообразнее и красивее становится природа. Высокие вершины гор сменяются нагорьями, холмами и долинами, пересекаемыми горными потоками. Шли до 12 ч. дня, после чего остановились в долине у аила. Обещают, что через шесть переходов будем в Шен-цза. Днём у берегов речек начинает таять лёд. <...> В течение всего дня холодный ветер. Снег лежит лишь местами в ложбинах. Шуб, конечно, ещё не снимаем - на ветру холодно даже в них.

«Сегодня Н.К. не понравилась лошадь, и он предпочёл пройти весь путь через горы пешком, не ощутив даже одышки».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«21.III. Местность Лун-Мар. В обычное время покидаем стоянку. <...>

Проходим узкую долину, поворачиваем в ложбину и от соединения двух рек поднимаемся на перевал. За этим перевалом виднеется другой. С высоты видны разбегающиеся во все стороны холмистые дали.

Н.К. Рерих. Гималаи (этюд).

«Замечаю, что чем окружающая нас местность становится красивее, чем красивее пейзаж и богаче краски - тем оживлённее становится Н.К.Р.

И сообразно с этим он напевает вполголоса. Слух Н.К.Р. замечателен, музыкальная память необычайно богата. Чтобы послушать его передачу той или другой вещи, я пускаюсь на хитрости. Завожу речь о музыке и точно случайно спрашиваю, помнит ли Н.К.Р. то или другое произведение, и может ли он немного напеть его... Глубоко чувствует окружающую нас красоту и Е.И. Она делится с Н.К.Р. своими впечатлениями, которые всегда удивительно художественны и подчёркивают её тонкое понимание красоты. По мнению Н.К.Р., местность начинает напоминать Гималаи и, отчасти, Ладак. Особенно, говорит он, характерными становятся краски. Красно-лиловые, переливающиеся в гармонической гамме в желтовато-зелёные тона; и надо всем тёмно-синее небо с белыми облаками.

«Пройдя часа четыре, останавливаемся в широкой долине. Всюду видны геологические разрушения гор. Портнягин, который всё время жаловался на отдышку и влияние высот, задумал сегодня совершить весь переход пешком, несмотря на сильно пересечённую и гористую местность, и благополучно совершил этот рискованный эксперимент, доказавший его железное здоровье.

<...> «Вечером Н.К.Р. заходит ко мне в палатку и, поговорив, с улыбкой добавляет: “Значит, скоро расстанемся”. Но где? И когда?»

22 марта 1928 г. Доринг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

22 марта. Мы двинулись в путь рано, несмотря на морозное утро и температуру -13°C. Пронизывающий западный ветер затруднял продвижение каравана. Выйдя из лагеря, мы поднялись на невысокий горный перевал, называемый Лунгмар-ла, и спустились в долину, лежащую юго-западнее перевала. Около пяти миль мы шли по долине на юго-восток, затем повернули на юг и обогнули большой горный массив. Местные кочевники сообщили нам, что Таши лама проезжал этим маршрутом во время бегства в 1923 г.

После шестнадцатимильного перехода мы разбили лагерь в узкой долине, защищённой волнистыми, поросшими травой холмами. Место называлось Доринг, или «Одинокий Камень», из-за любопытных мегалитических памятников, найденных поблизости. Это были первые памятники такого рода, обнаруженные в Тибете. До сих пор было открыто только несколько святилищ первобытной религии Бон. Это главным образом неотесанные каменные алтари, или лха-со. <...>

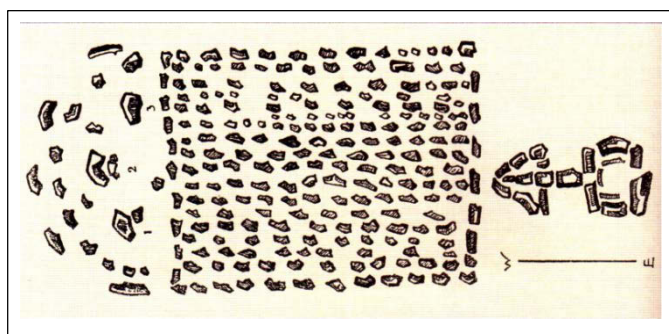

Рис. Ю.Н. Рериха. План мегалитических памятников.

Мегалитические памятники находились миль на тридцать южнее большого солёного озера Пангонг тшоча и относились к добуддийскому периоду тибетской истории. Они состояли из восемнадцати параллельно расположенных рядов каменных плит. Каждый ряд был ориентирован с востока на запад. На западном конце каждого ряда находился кромлех, или круг из камней, состоящий из нескольких менгиров. Перед вертикально расположенными менгирами стояли каменные столы, или алтари. Очевидно, это было святилище первобытной религии. Но каков был его возраст и назначение?

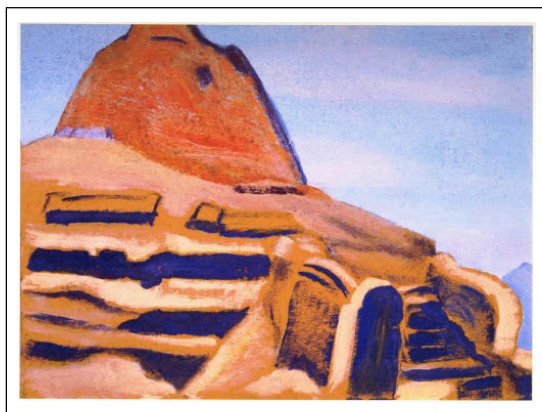
Сравнивая знаменитые мегалитические памятники Карнака в Британии и обнаруженные мегалиты Тибета, поражаешься их удивительному сходству. Параллельные ряды менгиров Карнака расположены с востока на запад и с западного конца имеют кромлех, или круг из камней. Памятники в урочище Доринг имеют точно такую же ориентацию. Культурное значение мегалитов Карнака до сих пор остаётся неустановленным, несмотря на многочисленные выдвинутые гипотезы. Мне кажется, что мы обладаем ключом к объяснению мегалитических сооружений северного Тибета. Мегалиты, открытые в Доринге, имеют на своём восточном крае выложенную из камня стрелу с концом, направленным в сторону рядов менгиров, т.е. на запад. Стрела – важный символ в древнем культе природных сил Тибета. Она связана с культом солнца и небесного огня, символически изображённого в виде молнии. Современные кочевники носят древние бронзовые наконечники стрел в качестве амулетов, и существует поверье, что они являются охлажденной молнией, после того как она ударила в землю. Между прочим, следует отметить, что иногда стрела символизирует царя Гесера, чьё отношение к древнему культу природы было четко доказано доктором Франке. Присутствие каменной фигуры стрелы на восточной оконечности мегалитов Доринга ясно указывает на тот факт, что все сооружение было посвящено какому-то культу природы и очень возможно, что солнцу, символом которого она является. Это важное заключение, поскольку до сегодняшнего дня не существовало удовлетворительного объяснения значения мегалитических памятников.

Ю.Н. Рерих. Мегалитические памятники Доринга. 1928. (Регион Великих озёр).

Интересно отметить, что большинство открытых мегалитических памятников найдено вдоль знаменитого маршрута паломников к югу от Великих Озёр, который ведёт к горе Кайлас, жилищу богов, и священным местам на непальской границе. В будущей публикации о религии Бон я надеюсь показать, что эта паломническая дорога в прошлом была миграционным маршру-

том и уже тогда приобрела религиозное значение, которое сохраняется до сих пор.

Н.К. Рерих. Храм Бон-по. 1928.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

22/ III. <...> Утром мороз -15° С, ветер. Дорога становится всё разнообразнее: через небольшие перевалы, нагорья и замёрзшие речки. *От местных жителей узнали, что здесь проходил Таши-Лама. Видимо, опасаясь коварства и жестокости своего светского сопровителя, он и избрал поэтому этот редко используемый путь.* Шли около четырёх часов до урочища Доринг («Длинный камень»), где находится памятник глубокой древности - шесть «оленьих камней», из коих одному ваятели придали грубые черты лица. <...>

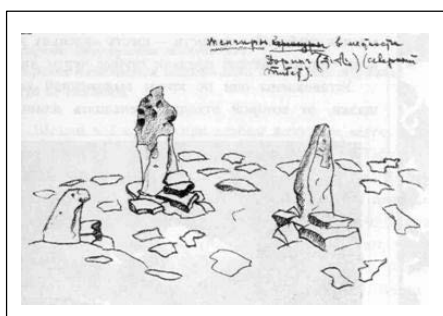

Рис. Ю.Н. Рериха Менгиры в местности Доринг. (Северный Тибет).

«Камни эти местное население до сих пор почитает как священные и поливает их жиром на «доброе здоровье» больным и «на добрый путь» тем, кто отправляется в дорогу. Конечно, здесь мы имеем дело не с тибетским и даже не с монгольским, а каким-то ещё более древним остатком культа. Во всяком случае этот памятник является единственным пока, насколько нам известно, археологическим памятником, отмеченным нами на территории собственно Тибета. Ю.Н. сфотографировал и зарисовал детали этой находки, о чём он впоследствии и сообщит в своей книге о Тибете. По дороге видели двух серн - мы уже говорили, что на Чантанге дикие животные редки».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

22.III. Местность Доринг. <...> Спускаемся в долину и разбиваем лагерь на краю замёрзшего болота. Эта местность называется «Доринг», то есть

«длинный камень» в переводе с тибетского языка. И действительно, в связи с названием местности мы заметили по пути какие-то высокие стоячие камни.

Н.К. Рерих. Доринг. Тибетский менгир. 1928.

Доринг. (Фото экспедиции). 1928.

Надо думать, говорит Н.К.Р., что в этом есть что-то интересное. Названия местности обычно идут из очень далёкого прошлого, и отмечают ими нечто необыкновенное. И действительно, так и оказалось... По дороге к лагерю замечаем целое городище стоячих камней. Устроившись и пообедав, предпринимаем с Н.К.Р., доктором и Ю.Н. экспедицию к интересному нам месту, находящемуся на километр за нашей стоянкой, и находим первую встреченную нами в Тибете археологическую ценность. Это или древнее погребение, или святилище какого-то, теперь не существующего в Тибете культа. Все комбинировано из вросших за целые века в землю камней и как бы представляет из себя три обособленные пространства. Первое вырисовано камнями как бы в виде квадратного помещения по десяти шагов в стороне. Из этого помещения ведёт коридор шага в три ширины и шагов 20 в длину, обращаясь в усечённый конус и опять суживающийся в короткий проход шагов в 5, ведущий во второе помещение, продолговатое, при той же ширине второе длиннее первого, с выложенным в нем камнями сложным лабиринтом, служившим, вероятно, для ритуальных хождений. <...> Возможно, говорит Н.К.Р., что это сооружение восходит к каким-то друидическим временам и относится не более и не менее как к культу солнечного посвящения. К сожалению, никаких раскопок, которые дали бы ценнейшие данные, произвести нельзя ввиду того, что по законам Тибета углубление в землю и всякие раскопки являются тяжким преступлением. С интересом разглядываем мы древнее святилище, и Ю.Н. снимает несколько фотографий. <...>

«Между прочим касаюсь вопроса о посещении нами Лхасы, которая от нас так близко и войти в которую не представило бы особой трудности... И ставлю вопрос, желательно ли побывать там или Лхаса вообще не входит в план нашего движения. И Н.К.Р. говорит так: “Вы же сами знаете, что Лхаса ничего из себя не представляет, кроме свалки нечистот в прямом и, особенно, переносном смысле, и должна быть очищена даже по тибетскому пророчеству. Ведь все, что нас наполняет и влечет, — находится далеко за пределами Лхасы, и те Лики, к которым мы обращаемся, никогда Лхасы не посещали”».

23 марта 1928 г. Намру – Шенца-дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«23 марта. При отъезде с места стоянки у нас возникли проблемы с местными лошадьми, которые никогда прежде не видели верблюдов и, испугавшись, разбежались в разные стороны. Только спустя некоторое время нам удалось привести животных обратно в лагерь. Путь проходил по горному ущелью, которое простиралось в юго-западном направлении. По его обеим сторонам возвышались выветренные гранитные массивы. Путь вёл через низкий песчаниковый гребень, с вершины которого мы заметили широкую поросшую травой долину с несколькими стойбищами. Долина была окружена высокими песчаниковыми хребтами с выветренными склонами. Перейдя через долину, мы подошли к группе низких песчаных гребней, глубоко изрезанных сухими руслами реки.

«Здесь мы обнаружили другую группу мегалитических памятников, три менгира с каменными плитами, установленными вокруг них в форме квадрата. Жертвенный стол, обычно расположенный перед самым большим менгиром, находящимся в центре, отсутствовал, и не было никаких следов возлияний. Вероятно, святилище давно было заброшено. Затем тропа свернула на юг и прошла вдоль течения небольшого ручья. Многочисленные мендонги окаймляли дорогу. Для нас были приготовлены юрты в маленькой боковой узкой долине. Со всех сторон высились обрывистые гранитные скалы. Процесс эрозии обнажил гранитную структуру западных склонов гор, подверженных непрерывному воздействию преобладающих юго-западных ветров. Около лагеря находился вал, созданный мореной и блокирующий долину с юго-востока. Гранитные склоны скал несли на себе многочисленные следы ледника.

«Неподалёку от лагеря профессор Рерих обнаружил несколько могильников, вероятно, относящихся к эпохе неолита. Они были огорожены камнями, установленными в виде квадрата. Каждый могильник был ориентирован с востока на запад, и на его восточной оконечности находилась большая глыба. Очевидно, усопших хоронили головой на восток. Судя по внешнему виду могил, они относились к той же эпохе, что и мегалитические памятники, обнаруженные экспедицией. К большому сожалению, тибетские власти настоятельно возражали против проведения научных раскопок, и нам пришлось довольствоваться фотографированием. Местное население совершенно не подозревало о существовании могильников.

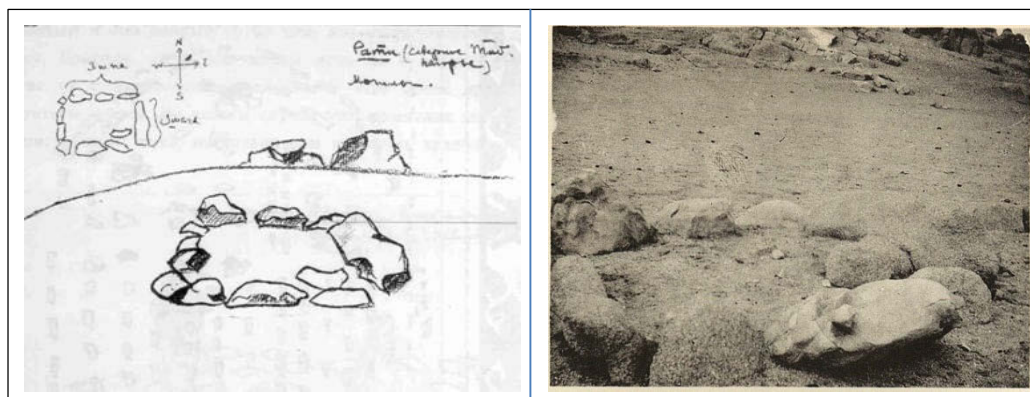
«Большой интерес представляют конусообразные каменные лачуги, которые местные жители используют в качестве хранилищ. Они покрыты шкурами и штукатуркой. Местные женщины носят своеобразные головные уборы овальной формы, обшитые чёрной тканью и чем-то напоминающие один из национальных головных уборов славянских крестьянок. Поверхность ткани обшита кораллами, бирюзой, медными и серебряными украшениями, среди которых выделяются тибетские серебряные монеты и индийские рупии. Поверх обычного халата кочевников женщины носят что-то вроде накидки, сделанной из серой домотканой материи и свернутой на спине. Мужчины обычно одеты в шубу и большую меховую шапку, обтянутую красной или синей тканью.

«Местечко называлось Ратри и находилось на расстоянии двадцати двух миль от Доринга и четырёх дней пути от Шенца дзонга, административного центра района Нагтшанг».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«23/ III. <...> Сегодня продолжили свой путь в горы с новым проводником, новыми яками и лошадьми. Местность по-прежнему красивая и разнообразная, с древними разрушенными, истлевающими горами. С утра нас уверяли, что сегодня предстоит короткий переход, а по поводу «оленьих камней» говорили, что это единственный здесь памятник. Но без лжи тибетцы не скажут ни одного слова, как будто бы лгать - это дело религиозной необходимости.

«Наоборот, переход оказался длинным, более четырёх часов, и по пути мы видели древний памятник из четырёх «оленьих камней». На месте стоянки у большого аила - с разбросанными чёрными шерстяными палатками и ульеобразными каменными юртами - обнаружили множество мендангов и какие-то древние могилы, по обеим сторонам которых выложены квадраты из кусков гранита, причём самый крупный из них - с восточной стороны.

Ратри. Могилы. Рис. Ю.Н. Рериха.

Древние могилы в Наг Чанге.
(Фото экспедиции)

Здесь обитает какое-то другое тибетское племя; женщины в «кокошниках» наподобие древнерусских.

Головной убор женщины в кочевье Ратри. Рис. Ю.Н. Рериха

«Жизнь дикая и жалкая, затерянная среди гор. Что если бы “Океан Знания” - Далай-Лама - вместо сидения на цампе в Норбу-линге и сбора подаяний, когда-либо дал себе труд лично поинтересоваться и посмотреть, как живут его несчастные подданные, мечтающие о любой иноземной власти, но более заботливой, хотя бы даже власти китайцев. Ведь их “благочестивый” девашунг не делает для них ничего. А разбойничьи цзонги существуют с целью поборов, сбора налогов и различных вымогательств у населения. Если вы думаете, что сотни нарсангов, уплаченные нами за караван, попадут в руки тех, кому принадлежат эти яки, то вы глубоко заблуждаетесь - таинственный “океан” поглотит их».

24 марта 1928 г. Намру – Шенцадзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«24 марта. Из-за неизбежной задержки с караванными животными, которым предстояло преодолеть высокий гребень на юге долины, мы вышли в путь только в половине десятого. Преодолев несколько песчаных гребней, мы вошли в широкую долину, где находилось озеро Гоманг-тшо. Это соляное озеро с солевыми отложениями и песчаными пляжами по берегам. В него впадают ручьи талой воды, стекающие с окружающих холмов. Путь пролегал севернее озера и был довольно опасен из-за сыпучих песков, пересекающих пояса песчаных дюн. Миновав озеро, мы вышли на широкую каменистую равнину со скудной, грубой травой. Невдалеке паслись стада куланов и тибетских антилоп. При пересечении равнины мы встретили посыльного всадника, отправленного из Намру в Нагтшанг с сообщением о нашем приезде. Он возвращался в Намру и рассказал, что в Нагтшанге всё готово, и мы можем отправляться туда без всякой задержки.

«Перейдя равнину, которая была около восьми миль в ширину и казалась бесконечной, мы вошли в широкую долину, защищенную низкими песчаниковыми холмами. Сильный западный ветер чрезвычайно затруднял продвижение, и мы обрадовались, увидев палатки, поставленные для нас в местечке под названием Чингкар, холодной местности, окружённой со всех сторон горами. Здесь мы достали несколько бронзовых наконечников стрел, которые, как оказалось, встречаются довольно часто в этих местах. И, как уже говорилось, жители верят, что их находят именно там, где молния ударила в землю. Они убеждены, что эти стрелы сделаны не людьми, а являются окаменевшей молнией, принявшей форму стрелы после десяти или двенадцати лет пребывания под землей. Считается, что такие стрелы обладают чудесными силами, и их носят как амулеты».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«24/ III. <...> Шли сегодня четыре часа ровным широким нагорьем при сильном встречном ветре. Начинают встречаться дикие животные - вчера видели два стада серн и куланов, сегодня попадались и те, и другие. Кое-где редкая болотная трава в виде сухой, жёсткой щетины; горы голы и находятся в стадии разрушения. Нагорье Чантанга, то есть северную часть Тибета, никак нельзя назвать скотоводческим районом. Водятся яки и бараны, но травы так мало, что при больших снежных заносах стада чуть не поголовно вымирают.

<...> «По пути встретили гонца, возвращающегося из Шенца-цзонга обратно в Намру, сообщившего нам, что в цзонге нас ждут и транспорт уже го-

тов. По нагорью прошли с левой стороны солёного озера Гоманг-цо. Предыдущая стоянка была сделана в Ретри».

25 марта 1928 г. Намру – Шенцадзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«25 марта. У нас произошла ещё одна задержка из-за караванных животных, и экспедиция выступила в путь в половине девятого, несмотря на то, что все встали очень рано. Госпоже Рерих посчастливилось отыскать интересную находку: медную пряжку (фибулу), с изображением двуглавого орла в круге. Мотив двуглавого орла часто встречается на древних предметах северного Кавказа, и истоки его возникновения восходят к китайскому искусству Малой Азии. Эта пряжка служит ещё одним важным доказательством вторжения центрально-азиатских мотивов в «звериный стиль» Тибета.

«Маршрут пролегал по широкой межгорной равнине, покрытой полосами песка и гравия. Пейзаж был очень однообразен, и мы были рады снова войти в узкую горную долину к юго-западу от равнины. Здесь ландшафт внезапно изменился, и мы обнаружили, что едем по пересечённой местности среди голых и выветренных гребней гор. В узких горных долинах виднелись лагеря кочевников. Мы проехали мимо дома местного старшины – каменной постройки, окружённой стеной грубой каменной кладки, с прикреплёнными к ней традиционными молитвенными знаменами. Местные кочевники редко возводят долговременные постройки. Все каменные дома в районе являются либо жилищами местных старшин, либо служат складами сообществу кочевников.

«К западу возвышалась горная гряда со средней высотой около восемнадцати тысяч футов. Многие вершины были покрыты снежными шапками, и вся эта длинная зубчатая стена была бела от зимнего снега. После двухчасовой поездки по гористой местности мы прибыли к обширной равнине, окруженной низкими волнистыми холмами. Несколько чёрных палаток кочевников ждали нас у подножия выветренного горного массива, который дал название равнине: Лугсанг тракна, или «Каменный нос овечьей долины». У подножия отдалённых холмов паслись стада яков. Сильный и устойчивый западный ветер мешал ставить палатки, и нам пришлось ждать целых два часа, прежде чем мы смогли разбить лагерь. После этого я отправился исследовать равнину, которая была свободна от снега. Это, несомненно, бывший водный бассейн, о чём свидетельствуют многочисленные окаменелости. Лугсанг находилась от Чингкара на расстоянии около восемнадцати миль. Пришлось принять особые меры и закрепить колья палаток тяжёлыми камнями и мешками зерна, потому что после заката с новой силой возобновился устойчивый западный ветер».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

25/ III. <...> День креста и орла. На недоуздке местной лошади, на нижней перекладине, оказалось цветное изображение креста. Во время утренних сборов Е.И. усмотрела на кокошнике одной из женщин необычную старинную бронзовую бляшку. Её купили, и она оказалась примитивным изображением двуглавого орла в круге. По обработке и стилизации она характерна для времён готских переселений. Н.К., любящий прогнозы, говорит: «А что если готл и атл - готы и аланы, вытесненные первоначально из этих мест ледниками, последствия которых мы только что видели на скалах?» При этом Н.К. обратил

внимание на ту зоркость, с которой Е.И. усмотрела эту ценную для археологии бляшку, и вспомнил, как усердно Е.И. трудилась на раскопках в поисках предметов каменного века, когда приходилось иногда работать, согнувшись, чуть ли не по двенадцать часов в сутки. Рабочие говорили: «Теперь мы скажем нашим жёнам, что господа умеют работать лучше нас»».

«Хотя ночь была морозная (-10° С) и утром поднялся холодный ветер, днём на ветру термометр показывал до + 10° С. Вышли в 8 ч. 30 м. и шли почти пять часов по нагорью, окружённому зубчатыми горами. На юго-западе показался снеговой хребет. Думаем, может быть, это Трансгималаи?»

Н.К. Рерих. Трансгималаи. 1928.

26 марта 1928 г. Намру – Шенца-дзонг .

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«26 марта. Путь вёл на юго-запад по широкой равнине Лугсанг. День был великолепным, и мы от души наслаждались ездой по равнине, а затем по горной долине. Постепенный подъём привёл к плоскому перевалу через продольный гребень.

«Спуск не был крутым и вывел нас в бассейн реки Юнгдрунг Цангпо. Краски речной долины и зубчатых утёсов, защищавших её с юго-востока, напомнили нам о могучих горных цепях в самой западной части Тибета. Мы перешли реку вброд напротив базальтового горного массива с мендонгами. Вода достигала стремян, и течение было быстрым. По берегам река была всё ещё сильно замёрзшей, а в середине уже свободной ото льда. Чрезвычайно трудно было заставить животных погружаться в ледяную воду и затем снова взбираться на скользкую поверхность льда. Противоположный берег реки был покрыт болотами, и нам пришлось держаться ближе к скалам. На ночь мы остановились на левом берегу Юнгдрунг Цангпо, которая вытекала из озера Мучу тшо, расположенного на юго-западе, и впадала в озеро Кьерчунг тшо на северо-западе. К югу от речной долины возвышался высокий скалистый гребень. По словам местных жителей, существовал другой маршрут, проходящий южнее озера Мучу тшо. Место, где мы расположились на ночь, называлось Юнгдрунг конгма, или «Верхний Юнгдрунг». Расстояние от Юнгдрунга до Лугсанга составляло около семнадцати миль. Мы снова нашли несколько наконечников стрел той же самой формы, что и в Доринге, Ратри и Чингкаре».

27 марта 1928 г. Намру – Шенца-дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«27 марта. Мы вновь задержались из-за каравана и смогли отправиться в путь только в семь часов утра. Некоторое время следовали по долине Юнг-друнг чу, затем поднялись на песчаниковый отрог. Неожиданно на юге перед нами открылась грандиозная панорама: могучие скалистые горные хребты стояли окутанные тёмно-фиолетовой дымкой; и вдруг лучи восходящего солнца пронзили её, и все скалы засверкали красным, малиновым и пурпурным цветом. Песок у подножья гор стал огненно-красным и золотисто-желтым. Позади остались холмистые высокогорья северного Тибета, и мы въехали в другую страну – район горных цепей и долин, формирующих северный оплот могучих Трансгималаев. Мы спустились в широкую каменистую равнину, протянувшуюся к северу от горной цепи. Наличие окаменелостей указывало на то, что эта равнина является высохшим морским дном. Здесь повстречался первый караван яков, гружённый ячменём, который направлялся в отдалённые стойбища северного нагорья. Торговцы сообщили нам, что до сих пор перевалы к югу от Шенцадзонга были заблокированы снегом, и все караваны из провинции Цанг находились в ожидании у южных склонов гор. В настоящее время снег быстро таял, и переход с вьючным караваном становился возможным. Для нас это была хорошая новость, так как мы немного волновались из-за погодных условий на дороге, идущей через высокие горные перевалы Трансгималаев к северу от Сага дзонга.

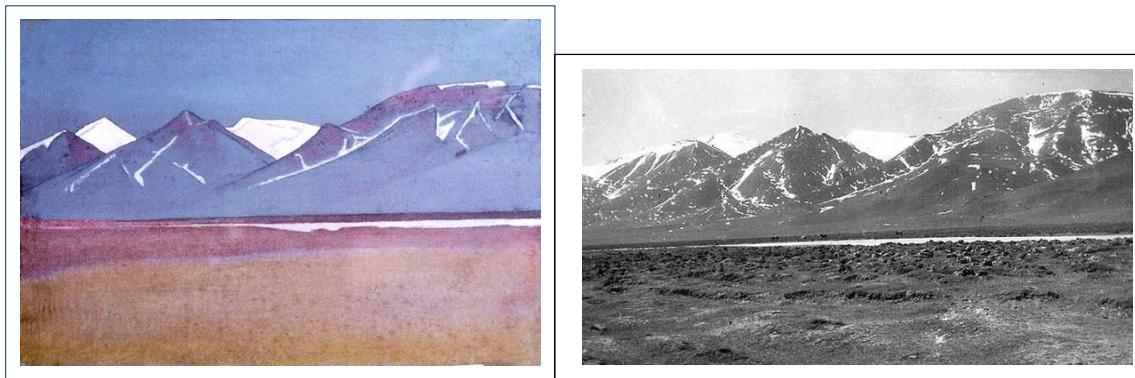
«Пройдя через долину на юго-запад, мы вошли в горное ущелье, образованное утёсами и выветренными скалами. Через него на юг протекал небольшой горный ручей. Окружающий пейзаж был необычайно величественным. Могучие деформации, признаки гигантских смещений земной коры, создали фантастический узор на стенах скал, прикрывающих узкое ущелье. После семнадцатимильного перехода мы разбили лагерь на широкой равнине, окруженной низкими холмами. Вскоре после этого начал дуть сильный штормовой ветер. Толстые облака пыли окутали вершины, и все были вынуждены сидеть в палатках, придерживая шесты, которые раскачивались во все стороны, грозя повалить все сооружение. Развевались оборванные веревки, и вырванные колья носились с грохотом по всему лагерю.

«Неприятный случай произошёл с моей тибетской собакой Кадру. Она начала преследовать стадо коз и убила одно из животных. Владелец прибыл в лагерь с жалобой, и мне пришлось заплатить один санг за нанесенный ущерб. Эти тибетские волкодавы известны своими дурными манерами и очень часто нападают на коз, овец и даже домашних яков. К вечеру буря утихла, и ночь была тихой и тёплой, термометр показывал -2°С.»

28 марта 1928 г. Шенца-дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«28 марта. Мы выехали рано утром, чтобы засветло достигнуть Шенца дзонга. После двухчасовой езды по неизменно поднимающейся долине добрались до Дигпа ла. С вершины перевала (17600 футов) любовались уникальным видом высокого, покрытого снегом горного массива Шенца Джел-кханг, возвышавшегося на юго-западе широкой равнины Шенца.

Н.К. Рерих. Шенца-Джел-Канг. 1928. *Справа - фото экспедиции 30. 03. 1928.*

«Одна из многочисленных снежных вершин горной цепи достигает высоты 22000 футов. Широкая равнина, на которой располагался дзонг, хорошо просматривалась до самого озера Чаринг тшо с северо-западной стороны. Спуск с перевала был очень крутым, и нам пришлось спешиться и пройти весь путь пешком. На южном склоне хребта мы видели тибетских газелей и несколько куланов. Окружающая местность была свободна от снега, который лежал только в ущельях и на северных склонах гор. Перед въездом в деревню Шенца мы перешли замёрзшую Шенца чу, текущую по нескольким узким руслам.

Шенца-дзонг. (Фотография экспедиции).

«Шенца дзонг – административный центр большой провинции, протянувшейся к северу от Трансгималаев и включающей большинство великих соляных озёр Тибетского нагорья. Деревня представляла собой пёстрое сборище из шестидесяти полуразрушенных построек, сделанных из высушенных на солнце кирпичей, с крышами, покрытыми дёрном, и мусорными кучами прямо перед домами. <...> В центре деревни возвышалось единственное двухэтажное здание – дзонг, или официальная резиденция местных губернаторов, которые оба находились в Лхасе. Как и полагается, это официальное учреждение было окрашено в жёлтый цвет и по четырём углам украшено джал-ценами или чёрными религиозными знаменами.

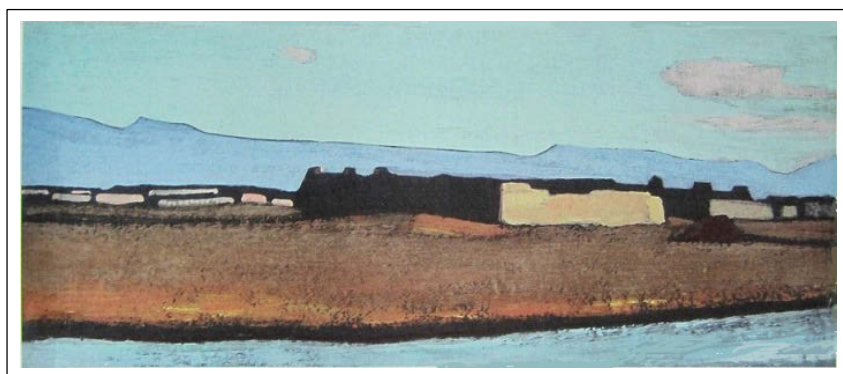
«Улицы деревни были, как обычно, чрезвычайно грязными, но благодаря сухому, холодному воздуху мусорные кучи всё ещё были смёрзшиеся. Население состояло приблизительно из пятидесяти жителей, многие из которых

находились в состоянии полной нищеты. Обработка земли не проводилась, и все поставки зерна и цампы осуществлялись по высокой цене из долины Брахмапутры. Губернаторов, находящихся в Лхасе, заменяли два ку-тшапа (ску-тшаба), или делегата, являвшихся их личными слугами и выполнявшими губернаторские обязанности, но боявшихся брать на себя какую-либо ответственность.

«Мы разбили лагерь около деревни, и вскоре нас посетили два чиновника. Один из них носил огромные китайские очки. Он был местным кочевником и поверхностно владел лхасским наречием тибетского. Его коллега был простым старшиной без особых достоинств. Они преподнесли нам обычный церемониальный шарф и сообщили, что получен паспорт из Лхасы с указанием будущего маршрута. Втайне мы надеялись перейти Трансгималаи по одному из многочисленных горных маршрутов южнее Шенца дзонга. Но теперь, когда маршрут был ясно обозначен в документе, нам следовало идти обходным путём, который, несмотря ни на что, обещал оказаться также очень познавательным. В паспорте был указан следующий маршрут: Шенца дзонг – Сага дзонг – Шекар дзонг – Кампа дзонг – Сикким. Последний тибетский пограничный аванпост на Сиккимской границе – Кампа дзонг, то есть то место, откуда, вероятно, мы отправимся через Лачен в Гангток.

«Два чиновника сообщили нам, что все караванные животные, необходимые для нашей экспедиции, приготовлены, и что мы можем отправляться на следующий день. Нам пришлось закупить такое количество зерна, какого хватило бы до самого Сага дзонга, поскольку особой надежды пополнить запасы на дороге не было, так как она проходила через малонаселённую местность. С большими усилиями мы собрали одиннадцать мешков ячменя и сухого гороха; каждый мешок стоил чрезмерно дорого: пятнадцать нгу-сангов. Нам очень нужно было достать масла, и удалось заполучить только четыре фунта, а также кусок порамы, или ячменного сахара.

«Нам предстояло следовать по южным берегам озер Чаринг тшо, Нганце тшо и Дангра юм тшо. Из Чокчу, местечка, расположенного западнее Дангра юм тшо, мы должны были свернуть на юг и пересечь высокие Трансгималаи в направлении Сага дзонга. Путь предстоял трудный, принимая во внимание бедственное положение наших животных и быстро уменьшающиеся запасы».

Н.К. Рерих. Шенца-Дзонг в Трансгималаях. 1928.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«28/ III. <...> Шли три с половиной часа в юго-западном направлении среди разнообразных и красиво расцвеченных гор, перейдя перевал около

17.000 футов с долгим каменистым и крутым спуском. Пришлось сойти с лошадей и вести их на поводу. Впереди виднелись высокие снежные отроги Трансгималаев, а справа - большое тёмно-синее озеро Чжаринг-цо.

«Остановились в 11 ч. 30 м. у Шен-цза-цзонга, называемого также по имени округа Наг-занг-цзонгом. Сюда уже дошло распоряжение Далай-Ламы о том, чтобы мы следовали на Сикким через Сага- и Шекар-цзонги, а также о предоставлении нам транспортных животных, плата за которых должна быть прислана из Сиккима через британского резидента Бэйли. <...>

«Сокращения пути не произошло. В нашем путевом паспорте, полученном здесь от Далай-Ламы, Н.К. почему-то назван «великим послом американского парламента», а путь указан через Сага, Шекар и какой-то не значащийся на картах пограничный пункт.

«Бедность местного населения ещё более удручающая, чем в предыдущем округе Намру. После величайших поисков удалось найти грязный кусок масла около двух-трёх фунтов весом, за который пришлось заплатить 10 нарсангов. <...> За тринадцать дней пути до Чогчу с нас берут за 100 яков 225 нарсангов и за 10 лошадей 50 нарсангов. Корма для верблюдов и лошадей в цзонге не оказалось. Пока удалось приобрести один небольшой мешок горошка для лошадей и три мешка ячменя весом каждый менее 60 фунтов по 12 нарсангов за мешок.

«Собака Каду опять чуть не задушила двух баранов. Кстати, о судьбе Амбала и Тумбала: первый остался в аиле в Чу-наргене, Тумбал же вновь присоединился к нам по дороге из Чу-наргена в Нагчу и вскоре погиб, проглотив острую кость. Теперь с нами опять идут две собаки - Гоби и Каду, взятые в Нагчу-цзонге».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«28.III. Шендза-Дзонг. Восходящее солнце золотит вершины гор, среди которых в маленькой котловине стоит наш лагерь. Свёрнуты палатки, нагружены яки, и мы садимся на лошадей. Выходим без ветра, в полной тишине. Нельзя вдоволь налюбоваться красотой гор, их красками и бархатистостью склонов. В одном месте причудливая скала венчает вершину, будто развалины небольшого рыцарского замка, как они бывают на Рейне. Идём неглубокими песками, частью галькой. Нет ветра, который спирает дыхание, леденит руки и свистит в ушах. Лошадям легко идти. <...>

«Полого поднимаемся на высокий перевал, на котором нам, согласно словам тибетцев, следовало бы увидеть страшное зрелище мертвого каравана, стоящего во льдах. Снега нет, тепло, а прямо перед нами поднимается большая гора со снежной вершиной. Это - Джекан. Внизу прекрасный вид: река, а за ней широкая долина, на горизонте которой протянулась горная цепь в лиловой дымке. На западе голубое Чаринг-Цзо, уже с проталинами.

«На середине равнины сгучился своими мазанками Шендза.

Спуск очень крутой, и приходится вести лошадей на поводу. Это один из самых трудных спусков последнего времени пути. Сходим в равнину. <...>

«Население Шендза ничем не отличается от населения других дзонгов и так же убого, как везде. <...>

Длинными рядами стоят на веревках приготовленные яки, а невдалеке пасётся табун, из которого мы выбираем себе лошадей. Тибетская лошадь ростом вроде среднего пони, но крепка, вынослива и привычна ходить в горах.

Европейцев она почти к себе не подпускает, и самая трудная задача на неё сесть. <...> После обеда идём на прогулку в посёлок. Мазанки, бедный монастырь и ни одной лавки. И это значительный пункт на Непальской дороге, отмеченный кружком города на всех картах...»

29 марта 1928 г. Шенца-дзонг..

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«29 марта. Всю ночь громкие крики пастухов возвещали о прибытии группы вьючных яков. Длинные вереницы животных образовали чёрную стену вокруг лагеря. Мы отправились в путь в семь часов утра и, обогнув известняковый отрог к северо-западу от дзонга, направились через каменистую равнину к юго-западному берегу озера Чаринг тшо. Через равнину протекала река Таглунг Цангпо, которая впадает в Чаринг тшо. Река оказалась замёрзшей, и мы без труда перешли на другой берег. Путь пересёк несколько старых ледниковых отложений, спускавшихся к озеру, затем, поднявшись на низкий отрог, привел нас в сильно изрезанный горный район к югу от озера. Затем тропа поднималась на гребень горной цепи, возвышающейся над берегом озера примерно на триста футов.

«Мы перешли низкий перевал Лапце нагри (Лапце на-мо ла по карте Генри Хейдена), с которого нам открылся прекрасный вид озера и окружающей местности. Горы близко подходили к берегу озера, которое занимало низину приблизительно длиною в сорок миль на высоте 15448 футов. В это время года озеро все еще было покрыто коркой льда, кроме юго-западного края, темно-синяя водная поверхность которого ярко контрастировала с белизной льдин.

«Спускаясь с перевала, мы встретили группу всадников, сопровождающих четырех пеших людей со связанными за спиной руками. Это были грабители, которые недавно убили нескольких купцов и теперь доставлялись местной племенной милицией в дзонг. Один из сопровождающих сообщил нам историю этого происшествия. Эти купцы остановились на ночь в кочевой палатке. Местные кочевники саблями зарубили спящих и забрали их товары. Грабители не смогли сохранить тайну, и банда была обнаружена. Местные власти послали отряд милиции, чтобы арестовать убийц. Вскоре задание было выполнено, и преступников направили в дзонг для получения соответствующего наказания. По рассказам, такое часто случалось в этих местах, когда кочевники легко и быстро превращались в грабителей. Обычные жертвы – торговцы, и это объясняет тот факт, что все богатые караваны имеют вооружённый эскорт.

«Мы расположились на ночь у подножия отрога, расположенного к юго-западу от долины, открытой со стороны Чаринг тшо. Место, где курьеры меняли лошадей, называлось Нгандзом и находилось в пятнадцати милях от Шенца дзонга.»

30 марта 1928 г. Шендзацзонг - Сага дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«30 марта. Путь пролегал по небольшой долине, в которой находились несколько кочевых стоянок. В горных долинах и на склонах гор виднелись пасущиеся стада домашних яков и овец. С горного перевала Цунг ла высотой в семнадцать тысяч футов мы любовались прекрасным видом снежного горного массива Шенца Джел-кханг, который возвышался на юго-востоке. Спустив-

шись с перевала, мы прошли мили три по гребню цепи, простирающейся на запад, затем пересекли ещё два хребта и вошли в бассейн озера Сера тшо, небольшого водоёма примерно в полмили длиной и в четверть мили шириной, расположенного на ровной низине среди гор. На берегах этого озера были найдены многочисленные морские окаменелости.

«Тропа шла по северному берегу озера и затем входила в широкое ущелье, окружённое известняковыми холмами. Мы расположились на равнине, орошаемой рекой Паро Цангпо, впадающей в Чаринг тшо. Место нашей новой стоянки называлось Карчанг. Население равнины было довольно большим, а у подножия окружающих холмов паслись стада домашних яков и лошадей. Как правило, самые лучшие пастбища в тибетском нагорье находятся у подножия гор.

«В Карчанге мы получили неожиданный приём. Для нас было поставлено восемь больших палаток, подготовлены двести шестьдесят яков и двадцать верховых лошадей. В услужение нам была предоставлена большое количество слуг. На вопрос о причине такого приёма нам сказали, что посыльный из Шенца, который принёс официальное письмо с сообщением о нашем прибытии, заявил, что мы нуждаемся в восьми больших палатках на каждой стоянке и в трех сотнях вьючных животных!

«К вечеру в наш лагерь зашли странствующие певцы: мужчина и женщина с ребёнком. Мужчина играл на старинном инструменте, женщина пела, а ребёнок в это время танцевал».

31 марта 1928 г. Шенца-цзонг - Сага-дзонг

Из книги Ю.Н. Перуха «По тропам Срединной Азии»:

«31 марта. Прекрасное утро, тёплое и безветренное. Мы пересекли равнину Карчанг в направлении Паро Цангпо, которая текла у подножия холмов, формирующих западную окраину равнины. Миновав речку, тропа вошла в узкую горную долину и поднялась к невысокому перевалу, называемому Ламлунг-ла. Вершина перевала была увенчана несколькими каменными пирамидами с обычными многоцветными молитвенными флагами. Спуск был пологим и вывел нас в широкую равнину, окружённую низкими известняковыми хребтами. На некоторых участках земли, покрытых лёссом, мы нашли хорошо сохранившуюся под снегом траву.

«Спуск был исключительно трудным из-за жёсткого холода и западного ветра, продувавшего равнину и со страшной силой ударявшегося о западные склоны перевала. <...> Лагерь был поставлен на очень неподходящем месте, открытом всем ветрам, и не было никакой возможности перенести его. Местечко называлось Чутрари и известно было своей мутной и солоноватой водой.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«31/ III. <...> Вышли в 8 ч. 20 м. Ночь была спокойная, без ветра, но уже с утра задул ветер с востока, через полчаса перешедший в южный. Зато во время пути в западном направлении поднялся настолько сильный и холодный ветер ураганного характера, что лошади иногда отказывались идти и беспомощно ржали. Можно себе представить, как трудно в такой ураган ставить палатки. <...>

«Сегодня упали три лошади. У Е.И. и Н.К. это обошлось благополучно, но лошадь П.К. понесла, свалилась на скаку и потом тащила его по земле. К счастью, подоспели караванчики и смогли остановить её. <...> Остановились, буквально сбиваемые ветром, через пять часов хода. Н.К. говорил по поводу данного нам паспорта: «В этот широковещательный документ введён даже пункт о запрещении охоты, хотя ещё в октябре правительство знало, что мы животных не убиваем. В то же время в паспорте совершенно игнорируются западные буддисты. Этим самым Далай-Лама ещё раз подтверждает отделение буддистов от ламаистов Тибета, зная при этом, что, по завету Будды, Учение Его распространяется по всему миру. Будущее покажет, где будут большие знания и где будут выявлены истинные заветы Благословенного. Да исполнятся сроки!»

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«31.III. Ночью сравнительно тихо. Встаём при безветрии, но как только выступаем, начинается вихрь, который методично, не ослабляясь ни на секунду, преследует нас целый день. Совершенно неправильно наблюдение некоторых путешественников, что на Чантанге ветер стихает в весенние месяцы к часу дня... Он дует здесь и ночью и днём, за малыми исключениями. Моя лошадь временами останавливается, не будучи в состоянии идти против ветра, и жалобно ржёт... Идём по узким коридорам между скал, выходя временами на карнизы. На спусках некоторые лошади, в том числе Н.К.Р. и Е.И., падают. Лошадь Портнягина понесла его, и нога осталась в стремях при падении. Бывшие вблизи туземцы успели схватить болтавшийся повод и тем предотвратили несчастье. Несмотря на то что градусник показывает днём до +10° С, - тепло только на самом солнце, и в палатках приходится оставаться в шубах, то есть в том платье, в котором мы не мёрзли в -25° С зимой.

«Проходим по широкой долине и поднимаемся на горные кручи. <...>.

«Наконец, после тяжёлого перехода становимся лагерем. Ветер действует на нервы. Треплет и качает палатку, воет, свистит, а чуть порыв его сильнее, так вырывает гвозди и валит наши шатры. <...>

«Интересны подробности паспорта, присланного нам из Лхасы. Правительство, возглавляемое Далай-Ламой, никак не хочет признать в Н.К.Р. - Посла Западных буддистов и цитирует его как Великого посла, почему-то, американского парламента. В одном из пунктов этого паспорта указано, что охота нам строго воспрещается. Неужели такой пункт уместен, если даже хорчичаб в своем письме в Лхасу отметил, что нами не убито ни одно дикое животное, а ведет экспедицию Н.К.Р., который, вероятно, знает заветы Благословенного не хуже, если не лучше «рябого монаха», как тут в насмешку называют желтого папу. Совершенно не упоминая в паспорте Посольство Западных буддистов, этим самым, говорит Н.К.Р., Далай-Лама принимает на себя ответственность за отделение ламаизма от буддизма и разделение последнего, вопреки заветам Благословенного. Время покажет, где будет истина Учения Будды, - на Востоке или на Западе».

АПРЕЛЬ

1 апреля 1928 г.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«1/IV. <...> Ночью мороз. Утром в палатке -7° С. Буран прекратился только к 12 ч. ночи. Вышли в 7 ч. 45 м. при безветренной погоде. В 9 ч. утра снова поднялся ветер средней силы. Дорога в западном направлении шла по нагорью. Через 4 ч. 15 м. остановились у большого аила для смены яков и лошадей. После этого опять шли по нагорью, обрамлённому невысокими горами, ещё около четырёх часов и остановились недалеко от озера Пуг-па-цо. За озером виднелась - параллельно Трансгималаям - снежная цепь гор с острыми вершинами».

1 апреля 1928 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«1 апреля. В этот день мы решили сделать двойной бросок, то есть объединить два коротких перехода и в конце первого заменить яков и лошадей. Мы выехали рано, в шесть часов утра, и пересекли долину Чутрари, направляясь на юго-запад. Дорога была ровной и хорошей. Пройдя двенадцать миль по каменистой равнине, покрытой лёссом, мы сделали часовой привал на стоянке кочевников, чтобы сменить вьючных яков и верховых лошадей. <...>

«Замена вьючных животных прошла удивительно быстро, и через час колонна каравана была снова в пути. Тропа шла через ряд песчаных холмов. На горизонте с северной и западной стороны поднимались высокие, широко раскинувшиеся горные цепи, увенчанные снежными шапками. Пройдя следующие одиннадцать миль, мы разбили лагерь на юго-восточном берегу озера Фунгпа тшо, или Дару тшо Наин Сингха и Мурчу тшо Свена Гедина. <...> Оба озера были замёрзшие, и невозможно было определить, впадает ли одно в другое. Место нашей стоянки называлось Мурчен и круглый год было заселено кочевниками.»

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«1 апреля. Стоим у озера Пурпа. Сегодня был большой переход - шли 8 часов, в дороге меняли яков. До Чокчу осталось 7 дней или, по местному счету, 6 ночей - тибетцы считают переходы по ночёвкам. От самого Шенза идём Большой Непальской дорогой, по которой ходят паломники к Священным Озёрам и в Индию. Вдоль дороги разбросаны многочисленные мендонги - большие прямоугольные кучи камней, с набросанными сверху плитками красного камня, испещрёнными священными формулами. Если бы не эти мендонги, дорога ничем не отличалась бы от обычного пустынного нагорья Чантанга - песок, мелкий щебень и галька; голые склоны гор; редкая трава, в низинах у речек образующая высокие кочки, по которым лошадь идёт, спотыкаясь, и приходится часто поднимать ноги, чтобы не задеть за какую-нибудь особенно высокую кочку».

2 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«2/IV. <...> Ночью мороз. Утром -9° С. Встали в 7 ч. 50 м., в пути были восемь часов при сменных яках и лошадях. Шли сначала по равнине, а затем через перевал Понг-чен-ла (высотой 17.470 футов) до озера Нанзе-цо. Дважды

была сильная снежная метель с колющим вихрем в лицо. В 4 ч. вечера небо, обложенное тяжёлыми снеговыми тучами, прояснилось, и ветер несколько утих. Все соседние горы покрылись снегом, как глубокой зимой. У Е.И., кроме перебоев сердца, начавшихся ещё в Нагчу, дважды были значительные отёки рук, последний раз сегодня. Ю.Н. мучили судороги в ногах и руках, а также недомогание; вынужден был принять дигиталис. Н.К. переносил и высоты, и леденящие ветры без видимого утомления».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«2 апреля. Мы выехали очень рано с целью добраться в тот же день до берегов Нганце тшо. Путь пересёк равнину Мурчен и затем прошёл через ряд низких песчаных гребней, круто спускающихся к Маджъяр тшо. Погода, которая ранним утром была солнечной и ясной, вдруг изменилась, и началась сильная метель. Пронизывающий ветер и мокрый снег осложняли продвижение. Наш местный проводник, который не мог разглядеть перед собой дороги, потерял путь, и некоторое время мы блуждали среди завываний бури. Ветер и снег внезапно прекратились, и плотная белая мгла, окружавшая колонну каравана, рассеялась. Мы увидели, что находимся на гребне горного отрога, протянувшегося к Маджъяр тшо. Отсюда мы легко нашли путь в узкую укрытую долину, где находилась наша следующая стоянка. Группа кочевых стойбищ называлась Понгчен. Мы нашли здесь приготовленных сменных животных и смогли сразу же продолжить свой путь.

«Узкая долина вела к Понгчен ла, перевалу высотой 17621 фут. Подъём был очень крутым и каменистым. Бедным верблюдам было очень трудно идти по острым камням. К несчастью, вскоре после того, как мы достигли вершины перевала, снова подул холодный западный ветер и пошёл мокрый снег. Метель продолжалась всё время, пока мы спускались в широкую равнину, где лежало озеро Нганце тшо, отчётливо просматривавшееся с перевала.

«На перевале мы пересекли путь, которым следовал Свен Гедин к долине Брахмапутры. Мы разбили лагерь рядом с домом местного старшины, убогой каменной постройкой с грязным двором. Местечко называлось Чибук денга. Дичь на равнине была в изобилии. Мы наблюдали стада куланов, газелей и стаи снежных петухов. На юге равнины возвышалось несколько снежных вершин неизвестной горной цепи».

3 апреля 1928 г. Путь на Сага дзон.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«3 апреля. Путь пересёк долину южнее озера. После нескольких часов пути через каменистую равнину, покрытую лёссом, мы остановились на ночь у подножья низкой песчаной гряды, недалеко от юго-западных берегов озера. Оно называлось Нгатам-чен, и возле него у подножия холмов было разбито несколько палаток, в которых жили немногочисленные кочевники. Местное население почти ничего не знало о соседних областях. Им было известно о Нагтшанге, расположенном на востоке, и о Чокчу – на западе. Старик помнил двух европейцев, посетивших северные берега озера, вероятно, доктора Свена Гедина или сэра Генри Хейдена. Наши верблюды были первыми, которые когда-либо добирались до этих мест, и потому произвели необычайную суматоху среди кочевников. В лагерь пришли толпы людей, желающих посмотреть на странных животных».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«3/IV. <...> Утро холодное, -9° С, но зато безветренное. Шли пять часов по ровной дороге широкого нагорья, огибая озеро Нанзе-цо. Конечно, проводник вёл нас какими-то зигзагами, на которые потратили лишний час, но что же делать, на то он и тибетец. <...>

«Как обычно, к 12 ч. поднялся ветер, но всё же не достиг вчерашней силы. Нам предложили сделать завтра два перехода, но, щадя наших животных, мы отказались. Между прочим, тибетские яки не в состоянии тащить большие американские сундуки, кои, по словам Н.К., яки в Ладакхе и кашмирские лошадки несли без особого труда. По-прежнему молока и масла нет. Зерно в скудном количестве и по дорогой цене. Прокорм наших тринадцати животных за месяц обходится в 780 нар-сангов».

4 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«4.IV. Жарко, не спится, и под утро слушаю, как начинает просыпаться лагерь. Кончок, тибетец, приставленный ко мне для услуг, приносит в палатку чай. Пора вставать. Быстро встаю и выхожу из своего шатра. Всё небо затянуто опаловыми облаками, и через туман проглядывает бледным диском встающее солнце. Все окрестности застланы испарениями, сквозь которые еле обрисовываются контуры гор. Спустя полчаса туман поднимается, и вокруг нашей долины показываются обступившие её горы. Ветра нет, вокруг эта удивительная тишина, которую ощущали только бывавшие в пустынях. Ни шелеста, ни шороха, всё погружено в немую тишину. Идём через степь. <...>

«Природа становится всё более величественной и горы грандиознее. Особенно ярки сегодня краски. Жёлто-зелёный холм, по которому скользят тени облаков, точно перегибается в нашу сторону длинной полосой обвала ярко-пурпурного цвета и остаётся позади. <...> Долина, по которой мы идём, с уже журчащими ручьями, окружена массивами гор. И вдруг при повороте эти горы точно расступаются по мановению волшебного жезла и перед нами открывается новое широкое пространство с отрогами далёких уже Трансгималаев, покрытых белыми шапками снега. К их подножиям тесно подошло большое озеро Дангра-юм-Цзо.

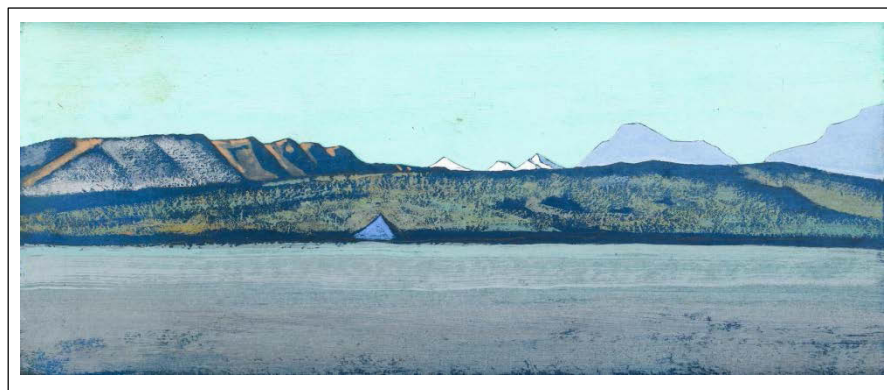
Озеро Донгра-юм-Цзо. (Фотография экспедиции)

«Идём уже около 7-ми часов, и я большую часть пути еду с Н.К.Р. Он говорит о перевоплощениях, забытом догмате, который некогда осмысливал христианское учение, бывшее тогда ещё цельным и неразделённым. <...>

«Незаметно проходит путь, сокращённый беседой, и вот мы уже подошли к заготовленной стоянке. Вечер, садится солнце. Острые пики гор, до половины покрытые снегом, в фантастических тенях. Подножия мрачные, чёрные – а над самой цепью точно остановилось на ночлег облако, залёгшее у вершин. Это цепь Тарке – так называются по-тибетски северные отроги Трансгималаев».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«4 апреля. Мы выехали в шесть часов утра, несмотря на некоторые трудности, связанные со сменными лошадьми, которых предоставили в наше распоряжение. Половина животных были совершенно дикие. Другие едва стояли на ногах, истощенные за снежную зиму. Утро было исключительно тёплым, термометр показывал +12°C. Густой туман висел над озером, горными цепями к югу от него и закрывал горизонт.

Н.К. Рерих. Тропа. 1928.

«Тропа, по которой мы шли, вела на юго-запад через сложную систему хребтов. К северу лежала широкая просторная долина, по которой и проследовал тяжело гружённый караван вьючных яков. Все всадники с отрядом яков, везущих лагерное снаряжение, шли еще более коротким путем вдоль гребня хребта. После семимильного перехода мы достигли низкого перевала с вершиной, отмеченной каменными пирамидами и мендонгами. Отсюда открывался чудесный вид на широкую водную гладь священного Дангра юм тшо, одного из красивейших озер тибетских нагорий. Прямо на юге поднималась внушительная покрытая снегом меридианная горная цепь Тарко Ладжар или Тарко кангри. <...> С вершины перевала тропа повернула на юг и внезапно, как это часто случается с тибетскими дорогами, превратилась в широкую трассу, с обеих сторон окружённую мендонгами. Почва была песчаной и мягкой, животные быстрой рысью приближались к нескольким стоянкам кочевников, которые, как нам сказали, являются местом нашего назначения.

«У подножия перевала пришлось преодолеть узкую полосу болот. Лагерь был разбит на маленькой квадратной ровной площадке в миле от юго-западного берега озера. Место называлось Лова намо, и здесь проживал местный старшина, внушительного вида человек с очень вежливыми манерами.

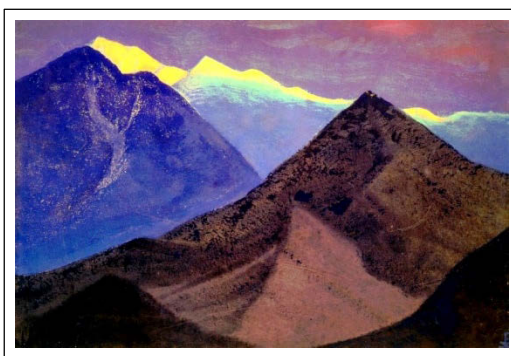

«Дангра юм тшо, которое было впервые открыто Наин Сингхом во время его замечательного путешествия из Ладака в Юго-Западный Тибет и Ассам в 1873-1875 гг., имеет 45 миль в длину и 25 миль в ширину в самом широком месте. Это озеро также значительно уменьшилось в размерах. Существующие террасы, изъеденные эрозией, чётко обрисовывают его бывший большой бассейн. Наин Сингх полагал, что меньшее озеро Сангюнг, расположенное севернее, образует единый водоём с Дангра юм тшо. Озеро получает много пресной воды из реки Тарко Цангпо, текущей по руслу, расположенному террасами, высота которых достигает двадцати пяти – тридцати метров. <...>

Фактически мы были первыми европейцами, которым удалось расположиться лагерем на южных берегах озера. <...>

«Трудно было получить надёжную информацию относительно путей в Сага дзонг. В нашем лхасском паспорте было указано, что власти Шенца дзонга, как предполагалось, должны были помочь нам с транспортом до Сага дзонга, но вскоре мы обнаружили, что два представителя дзонга ничего не знали о дорогах в Сага и даже планировали оставить нас в Чокчу. Местный старшина не был уверен в том, что караван животных был приготовлен для нас в Чокчу, и поэтому мы решили послать одного из представителей Шенца в Чокчу тем же вечером, чтобы сделать все необходимые приготовления. Он выехал на новой лошади в сопровождении местного проводника. Им было велено ехать поспешно и договориться с другим представителем из Чокчу о том, чтобы сопроводить нас в Сага дзонг.

«Я знал, что южный маршрут вёл из Лова намо в Сага дзонг и пересекал Тарко-ла, расположенный юго-западнее озера. Этот путь был короче на десять дней и имел огромное преимущество в том, что проходил через населённую область. <...> Я с трудом пытался убедить местного старшину отправить нас южным маршрутом, который давал всем большие преимущества, так как ему придётся снабдить нас животными только для одного перехода. Он согласился, что это было бы лучшим решением для обеих сторон, но поскольку он имел непосредственный приказ от властей Нагтшанга послать нас в Чокчу, то был совершенно бессилён изменить наш маршрут. <...>

Н.К. Рерих. (Тёмные вершины). Тибет. 1938.

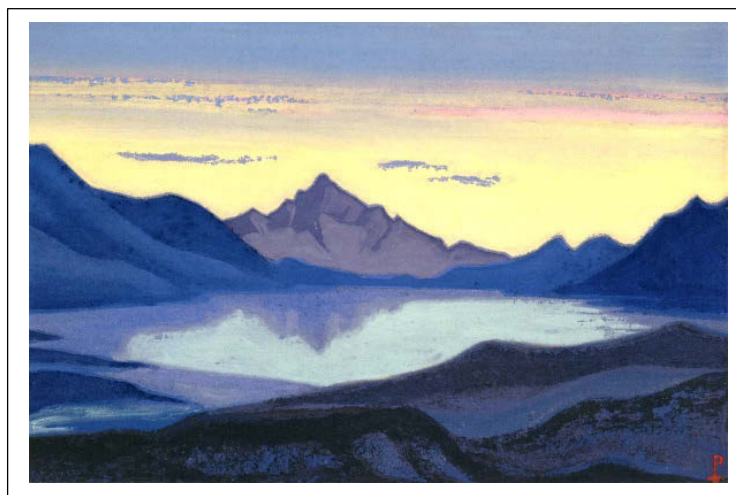
«День оставался спокойным и тёплым, термометр в два часа дня показывал + 13°C. Мы видели стаи диких гусей и чирков во многих водных заводях и на болотах к востоку от лагеря. Это был первый весенний день, и окружающие горы уже принимали ту тёмно-синюю и фиолетовую окраску, которая так характерна для горных районов Центральной Азии в весеннее время».

5 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«5/IV. <... > Ночь холодная. Утром в палатке -5° С. Предстоит пройти равнину-нагорье к горам Тарко (местное название северных отрогов Трансгималаев у озера Дангра-юм-цо). Вышли в 8 ч. 12 м. утра при безветренной погоде, шли по песчаной равнине, покрытой отчасти камнями, отчасти мелкой галькой. Благополучно переправились верхом через впадающую в озеро реку Тарко. Ледоход. Быстро несутся льдины. Далее до самых гор тянется песчаная равнина, покрытая вереском, болотной щёткой и впервые увиденными здесь кустами.

«Через четыре часа хода остановились у аила, около озера, почти у самых гор. Шли в юго-западном направлении. Завтра обещают большой переход через ущелье и перевал в горах Тарко. Днём на солнце $+19^{\circ}$ С, в 3 ч. дня $+24^{\circ}$ С. После Нагчу это самый тёплый, а главное - один из самых красивых дней. Н.К. отмечает неповторимую жемчужность Азии, перед которой многие другие краски природы кажутся искусственными и грубыми. Перед нами озеро, ещё покрытое льдом, в окружении разнообразных по цветовой гамме гор.

Н.К. Рерих. Догра-Юмцо. 1942.

«В тылу лагеря - снеговые вершины Тарко и перед ними песчаная равнина, покрытая невысоким кустарником».

Снеговые вершины Тарко. (Современное фото)

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«5 апреля. Озеро Дангра-юмцо. Вода озера содержит в себе некоторый процент соды. Местность у озера носит пустынный характер - песок и галька, жёсткая трава и невысокий кустарник. В кочках травы находят себе убежище зайцы, водящиеся здесь в изобилии.

Озеро Догро-Юмцо. (Современное фото)

«На берегу озера пасутся многочисленные стада куланов и антилоп. Животные мало боятся людей, подпуская к себе человека ближе, чем на 100 шагов».

5 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Е.И.:

“Советую из притч собрать маленькую книгу под названием «Криптограммы Востока». Можно о Будде, о Христе, Люцифере, Акбаре и Сергии, также о золоте и тьме. Считаю, можно дать маленькую книгу без знака издательства. Цвет обложки зелёный. Урусвати также даст часть легенды о Камне».

Обложка книги «Криптограммы Востока». Париж. 1929 .

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«5 апреля. Снова прекрасный и ясный день. Мы тронулись в путь вскоре после того, как восходящее солнце осветило снежные пики Тарко кангри. Это было незабываемое зрелище, предвосхищающее величественные горные пейзажи Трансгималаев. Путь шёл вдоль южного берега озера. Почва была песчаной, и узкие овраги пересекали равнину южнее озера. Река Тарко Цангпо, которая впадала в озеро, только вскрылась и была покрыта кусками плавающего льда, которые били по ногам животных и наносили ранения. Особенно тяжело было переправляться верблюдам. <...> На другом берегу реки простиралось обширное плато, протянувшееся и покрытое можжевельником, – первый кустарник, который мы увидели за шесть месяцев путешествия по тибетским высокогорьям.

«Мы пересекли плато в северо-западном направлении и расположились на ночь у подножия горной цепи на юго-западном берегу озера. Прозрачный ручей, стекающий с горного склона, питаемый ледниками и тающими снегами, снабдил караван питьевой водой. Верблюды же наслаждались солёной водой озера. Место, где мы остановились, называлось Сугу лапце, и его главным недостатком, как места караванной стоянки, было полное отсутствие травы, за исключением кустов можжевельника, которые были пригодны для верблюдов, но не для лошадей. День был очень тёплым и термометр показывал + 28°С. До самого позднего вечера мы сидели и любовались уникальной панорамой озера и окружающих гор, освещенных лучами заходящего солнца».

6 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«6 апреля. Мы сняли лагерь очень рано, в шесть часов утра, т.к. нам предстоял длинный переход. Путь проходил по юго-западному берегу озера. В некоторых местах продвижение было затруднено, особенно для верблюдов, так как дорога поднималась по скалистым карнизам, нависающим над озером, и была такой узкой, что груз пришлось снять и нести на руках, а животных каравана вести в поводу одного за другим. Всё это нас задерживало. На западе возвышалась северная часть Тарко кангри, и дорога вела по широкому песчаному склону, постепенно понижающемуся к озеру. Пройдя четыре мили, мы миновали небольшое озеро длиной около четверти мили. Тёмные тучи окутывали снежные вершины Тарко, и около полудня подул сильный западный ветер с мокрым снегом, очень осложнившим продвижение. На ночь остановились на высокогорной долине со скудной травой, называемой Чумго марпо. Для нас было поставлено одиннадцать палаток, и местные жители уверяли, что они провели семь дней на этом месте в ожидании. Караван яков прибыл только поздно ночью, и мы долгое время сидели на положенных на землю седлах, а вокруг нас завывала буря».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«6.IV. Местность Чумго-Марпо. Сегодняшняя ночь была какая-то макбетовская. До самого утра бушевал ураган, мешая заснуть. Свист ветра и в нём точно какой-то отдалённый вой, перемешанный с грохотами в горах. Голубина перевернуло с кроватью, доктора накрыло палаткой, под полотнище моей подбился ветер, накренил кровать, и я в спальном мешке соскользнул на пол.

«Уже утро, немного стихает ураган, и в шуме ветра слышатся будто мягкие звуки труб. Точно трубят в раковины призывающие к молитве ламы. Это

тибетцы зовут друг друга седлать яков и перекликаются мелодичными кличками, принятыми у здешних горцев. Занялась заря, когда мы выступили со стоянки, на которой остались только догорающие костры. Лучи солнца как-то проходят через тучи, давая всему мрачное освещение, в котором чудится что-то мистическое. Малиново-тёмные склоны гор, сбегаящие к сизо-серой поверхности озера. На льду большая тёмно-синяя проталина, и на краю её неподвижно стоят какие-то большие водяные птицы, голубого с белым оперения. Солнце ярче пронизывает лучами прозрачные облака и выплывает над ними в лазурный простор неба. Теперь весь пейзаж потонул в голубых и лиловых тонах, а горы за солнцем проектируются в одних только тёмных силуэтах. Подойдя вплотную к озеру, поднимаемся карнизом на прибрежный обрыв гор. Тропа, то отгороженная парапетом из камней, то просто открытая, идёт над отвесом, гранит которого опускается в воды озера. Трудными подъёмами и спусками минуем карниз и переходим ручеёк, чистый, прозрачный... и опять поднимаемся. Дорога тяжёлая, по скользким плитам-ступеням гранита, через острые утёсы – над обрывом в сотни футов. Приходится совершенно поручить себя инстинкту лошадей, и надо удивляться, как они, точно кошки, лепятся верными, рассчитанными движениями по опасной дороге. <...>

«На широком месте, пройдя через узкий коридор на равнину, подъезжаю к Н.К. Р[ериху]. Мы любуемся красотой природы, и он замечает, что всё в дальних планах гораздо гармоничнее и мягче ближних. Так и в жизни, говорит он, всё более далёкое имеет больше прелести, и на расстоянии всё лучше. Говоря о горах, Н.К. Р. трактует их как завершение творения и переход к следующему акту творчества природы. Играют они роль и в творчестве духа. "Ухожу от вас я в горы", – говорит Гейне... А если вспомнить всех великих Учителей человечества, Будду, Христа, Моисея, Магомета... разве не на вершинах гор находили они фрагменты своих светлых Учений? Разве йоги Востока и искатели духа на Западе не находили именно в горах свои пути в царство великих достижений? Вагнер подслушал мощные аккорды своих творений в горах, и Ницше, в лице Заратустры, разве не нашёл своего Сверхчеловека на высотах, далёких от равнин? Ницше? Разве он был понят своими современниками, он – по существу не разрушитель, а создатель, ведший человека от современной карикатуры к незыблемому идеалу истинного человека... Так говорит Н.К. Р. <...>

«Между ближней желтоватой и дальней густо-малиновой горами намечается ущелье. Входим в него, и в окне его выхода видно озеро, через которое намечаются необъятные дали с тёмно-сизыми горами на горизонте. Выйдя из ущелья, переходим небольшой вал с оврагами.

«Н.К.Р. замечает, что как в природе, перейдя один хребет, следует искать дороги через другой, так и в жизни, одолев одно препятствие, следует сейчас же искать пути, чтобы побороть другое.

«Перейдя вал и овраг, останавливаемся на отдых. Ожидавшие нас туземцы суетятся, расседлывают наших лошадей и помогают поставить палатки, с интересом рассматривая каждую вещь. Мы идём в совершенно особых условиях, не похожих на те, в которых ходили другие путешественники. <...>

«Вечер выдался холодный и ветреный, но мы награждены прекрасной картиной природы... Перед нами снеговые горы с острыми изломами своей неприступной стены. На первом плане бархатистые холмы. Над горным хребтом клубятся серые облака, сквозь которые местами проглядывает оранжевый закат».

**7 апреля 1928 г. Путь Нагчу - Сага дзонг, 35-й день
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:**

«7 апреля. Унылый день с тяжёлыми серыми тучами на горизонте. Дорога вела через низкий песчаниковый хребет, расположенный к западу от долины Чумго марпо, и затем через ряд песчаных гребней, возвышающихся на северо-западе. После трёхчасового пути мы вышли на обширную равнину и остановились на берегах маленького озера. Здесь старшины Чокчу подготовили для нас лагерь и привели караванных животных. Мы редко встречали таких дегенеративных типов, прирождённых разбойников и убеждённых лгунов. Главный старшина, существо неопишуемого вида, уверял нас, что они всё подготовили для нас по дороге к Нгари дзонгу, находящемуся на ладакском маршруте, но что они ничего не знали относительно маршрута в Сага дзонг, по которому нам предстояло теперь ехать.

«Маршрут в Ладак проходил по джъя лам, или большой дороге, а в Сага вела только местная тропа. По мнению старшин, было совершенно неправильно со стороны Девашунга посылать нас в Чокчу, поскольку оттуда никакой ула не приезжал в Сага. Нам следовало дожидаться приезда гарпона Тарко, который примет решение относительно нашего маршрута в Сага. Я резко поговорил со старшинами и сообщил им, что мы отправимся в путь завтра, и что им придётся сопровождать нас, чтобы обеспечить животными для следующего перехода, а если это не будет должным образом выполнено, мы будем жаловаться на них в Лхасу. <...> После долгих разговоров и препирательств старшины, наконец, согласились сопроводить нас к гарпону Тарко».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«7/IV. <...> Опять похолодало. Небо обложено тяжёлыми снеговыми тучами. Е.И. с вечера и ночью нездоровилось - появились отёки и боли в правой руке, а также частые за последнее время после Нагчу перебои сердца.

«В 8 ч. утра вышли в Чогчу. Любопытно отметить, что даже на этой последней стоянке перед Чогчу никто из местных жителей не бывал в этом самом Чогчу, за исключением одного старика, потерявшего теперь и память, и разум. «Губернаторы» Нагчу уверяли нас, что до южной границы Тибета мы дойдём за 28 дней. Между тем сегодня 35-й день, как мы всё ещё идём на запад, а до южной границы остаётся, по-видимому, ещё более месяца. Таковы невежество и ложь тибетских властей.

«Сегодня выяснилась ещё одна возмутительная подробность. Придя на стоянку в Чогчу, мы узнали, что местный старшина предполагал отправить нас в Нары-цзонг в направлении Ладакха на том основании, что в бумаге от лхасского правительства ему не было указано направление на Сага-цзонг. К счастью, мы послали вперёд одного из доньеров, приставленных к нам, и он разъяснил старшине оплошность правительства.

«Шли около четырёх часов в северо-западном направлении, делая явно бессмысленный крюк, так как завтра должны пойти в южном направлении, пересекая ту же самую равнину. Здесь, в районе, уже подведомственном Сага-цзонгу, никто не знает расстояния до него, и все ссылаются на какого-то начальника (гарпона), живущего в двух днях пути отсюда, которому будто бы известна дорога на Сага-цзонг. Местный же старшина представляет собой замечательно красочный тип преступника.

«По горизонту тут и там заметны полосы идущего снега. Незадолго до стоянки встречный ветер доносил до нас хлопья снега. В 3 ч. дня поднялся ураган, срывавший палатки. Здесь нанимаем новый караван яков - от Чогчу до Тарко-Ладжаб - по цене 22 нарсанга и пять шо за сто яков и три шо - за десять лошадей, а всего 25 нарсангов и пять шо».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«7.IV. <...> Сегодня 35-й день нашего путешествия от Нагчу, а впереди не меньше месяца пути до намеченного этапа. Вспоминается наглая ложь губернаторов, утверждавших, что до самых границ Южного Тибета не более 28 дней дороги.

«Не успели расставить палатки, как выясняется очередное безобразие административной неурядицы. Так как в письме лхасского правительства властям на местах не было указано направление нашего прохода, то вместо направления на Сага-Дзонг (Сикким) старшины подготовили по уртонам направление на Нари-Дзонг, т.е. на Ладак. К счастью, Н.К.Р., точно предвидя осложнение, послал одного из доньеров на два перехода вперёд, и он успел предотвратить последствия небрежности или коварства лхасского правительства. Во всяком случае, перед нами опять потеря времени.

«Туземцы говорят, что до Сага-Дзонга 11 дней пути, – но точно дороги туда никто не знает. Предполагается, что дня за два пути отсюда находится какой-то горпен, который должен знать дорогу в направлении на Сага-Дзонг. Такова здешняя неподвижность и полное незнание окружающего. Н.К.Р. улыбается, насколько Малый Тибет – Ладак – превзошёл своего брата «великий Тибет», как называют напыщенно тибетцы свои дебри. За 35 дней пути мы встретили только один караван и не имели случая убедиться в каком-либо торговом движении».

8 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«8 апреля. Было около семи часов утра, когда всё было приведено в походную готовность и мы выехали на юг через обширную равнину Чокчу к горе, находящейся приблизительно в шести милях от лагеря. Вчерашняя беседа, вероятно, оказала некоторое влияние на старшин, т.к. они все явились утром и лично сопровождали нас. По их словам, было два маршрута в Сага дзонг: один через Тарко, а другой через высокий перевал Сангмо Бертик.

Тибетское плато. (Современное фото)

«Широкая, просторная равнина Чокчу – межгорное пространство, большей частью покрытое песком и лёссом, на котором в летний период произрастает хороший подножный корм. На пути мы встретили стада куланов и тибетских газелей. Главный старшина уехал вперёд, чтобы сообщить гарпону о нашем приезде. После двухчасовой верховой езды мы были внезапно остановлены старшинами около группы палаток недалеко от подножия гор. Они объяснили свои действия тем, что гарпон отправил посыльного к нам с просьбой остановиться здесь на день, поскольку он ехал сам лично, чтобы повидать нас.

«Гарпон Тарко прибыл в полдень. Это был молодой человек лет тридцати, высокий и хорошего сложения. <...> К его седлу был прикреплен длинный шо-ланг, или сабля, украшенная бирюзой и кораллами. За лагерем была поставлена белая палатка, расшитая орнаментом, которая стала временной штаб-квартирой правителя района.

«С местными старшинами и нашим тибетским проводником гарпон провел предварительную беседу. Через час гарпону захотелось увидеть наш лхасский паспорт, и он объявил о желании посетить нас. Он был принят в моей палатке и выразил глубокое сожаление, что нас послали этим маршрутом и из-за этого мы потеряли три дня. Он считал, что правильнее для нас было бы идти южным путём, который начинается в Лова намо на южном берегу Дангра юм тшо. <...>

«Поскольку мы были уже в Чокчу, то гарпон подумал, что было бы желательно позволить нам пройти сангминской дорогой на Сага, которая пересекает следующие перевалы: Донгчен ла, Сангмо ла, Гьегонг ла и Цукчунг ла. Этот маршрут был пройден и исследован доктором Свенем Гедином в 1907 г. Мы сразу же поняли, что действительной целью гарпона было послать нас через территорию соседнего правителя, старшины Бумпа чангра (Бонгба на карте Свена Гедина), и таким образом избежать необходимости обеспечивать нас караванными животными и другими припасами на трудном и пустынном горном маршруте. Мне удалось заставить его пообещать сопровождать нас лично к поселению следующего старшины и договориться с ним о караванных животных. Гарпон намекнул, что наш паспорт был выдан в Лхасе, и поэтому мы имели право путешествовать через территорию, подвластную правительству, в то время, как его территория принадлежала монастырю.»

«Место, где находился наш лагерь, было известно под названием Кангру. Вьючные животные прибывали небольшими партиями, погоняемые дикого вида людьми, говорящими на разных кочевых диалектах и с трудом понимающими наречия друг друга. Наши лхасские тибетцы с большим трудом добились того, чтобы местное население понимало их. <...>

«На севере горные долины и низкие холмы покрыты песком и лёссом и представляют собой хорошие пастбища, тогда как долины Трансгималаев в основном покрыты детритом и скудной травой даже после сезона летних дождей. Во время перехода через Трансгималаи мы испытали большие трудности в поисках хороших пастбищ. Большая часть страны была полностью бесплодной, а скудные участки земли покрывала мертвая сухая трава.

«Отнюдь не легко было перейти через эту страну не только из-за естественных препятствий, высокогорных перевалов и бесплодных долин, но, главным образом, из-за странного распределения районов, которые отделялись друг от друга полосками земли, принадлежащими другим районам, и это

сильно осложняло путь. Чокчу принадлежит Нагтшангу, а платит налог Сага дзонгу. Кангру и горная страна к югу от него находились под юрисдикцией гарпона Тарко, который назначался лабрангом Ташилун-по. Намчен и Нгамо дангханг на южном берегу Тингри лам тшо снова находились под владением Нагтшангдзонга, тогда как следующий переход Лекар и Лапсару принадлежали провинции Бумпа чангра и подчинялись Нгари дзонгу. Долины Цукчена и Цукчунга принадлежали Сага дзонгу».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«8/IV. <...> День облачный, ночь и утро морозные. Утром в палатке -6° С. Вышли в 8 ч. 30 м. Обещают длинный переход, чтобы сократить один день. Идём в южном направлении на Сага-цзонг. Едва прошли два часа по равнине в направлении горного прохода, до которого нам ещё оставалось идти и идти, как вдруг объявили, что дальше мы идти не можем до приезда «гарпона», так как здесь кончается округ, подведомственный девашунгу, и начинаются земли Таши-Люмпо, где в течение двухдневного пути все распоряжения должны поступать от «гарпона». Несмотря на все наши протесты и заявления, что, согласно выданному паспорту, нас задерживать не имеют права, в дальнейшем продвижении до приезда «гарпона» местный старшина нам отказал, а яки, доставившие нам багаж, были тотчас же уведены обратно.

«В то же время местные крестьяне сообщили, что правительство послало нас по «плохой дороге», что есть другая, более короткая и удобная. Пришлось опять расставлять палатки и ожидать «гарпона», который якобы сегодня должен приехать и отдать распоряжения. Точного маршрута на Сага так и не знаем до сих пор.

«Совершенно очевидно, что кроме общих указаний, сделанных в паспорте, коварное лхасское правительство даёт и другие секретные распоряжения. Во всяком случае, видно, что путь наш стараются растянуть. Какие ещё сюрпризы ожидают нас, трудно сказать, но опять вспоминаются слова майора: «Тибет жесток». Прибавим к тому, что он ещё при этом невежествен, лицемерен, лжив и коварен. Местные жители и их старшина производят неприятное впечатление своими отталкивающими, пьяными, вырожденческими лицами.

«В 2 ч. дня, наконец, приехал «гарпон», сообщивший, что до Сага-цзонга дней десять пути, перевалов больших нет, в общем, дорога гладкая (опять, вопреки имеющимся у нас картам, где показаны снежные перевалы). Считает, что после Сага два дня пути до Брахмапутры, где придётся переправляться на лодках. Сегодня впереди справа синело озеро, по-видимому, Тари-нам-цо.

«Только здесь выяснилось, что от Шен-цза (Наг-цанг) до Сага есть кратчайшая южная дорога, о которой тибетцы тщательно умалчивали, скорее всего, потому что в паспорте указана северная дорога (Чанг-лам). И тут Далай-Лама не преминул сделать для нас наихудшее как в отношении бессмысленного удлинения пути, так и его неудобств. Можно поэтому себе представить, что терпит несчастное вырождающееся население от притеснителей, засевших в Лхасе, сковавших их цепью невежества и религиозных предрассудков. Один из примеров невежества: завтрашний путь одними определяется в шесть часов, другими же в двенадцать с половиной. И даже «гарпон» далее двух дней пути от своего местопребывания сказать о дороге ничего не может».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«8 апреля. Третий день кружимся около одной горы - тибетские нелепости неисчерпаемы. Сегодня прошли всего 2 часа в южном направлении и остановились в ожидании приезда гарпена, который должен доставить нам яков для дальнейшего движения к Сага-Цзонгу. Вчера стояли в Чокчу - месте, имеющем один каменный дом старшины и несколько палаток.

«Завтра идём в юго-западном направлении. До Сага-Цзонга десять дней пути, от Сага до Брахмапутры ещё три дня, переправа через Брахмапутру на лодках; по дороге до Сага перевалов не будет. Все эти сведения дал нам гарпен, поэтому очень доверять им нельзя. Последние дни начинают всё чаще попадаться белые полотняные палатки вместо прежних чёрных шерстяных. На полотне видна марка «Manchester mills».

9 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«9/IV. <...> Утро началось приездом гонца от соседнего старшины, отказавшегося приготовить для нас транспорт. Очевидно, письменному распоряжению за печатью администрации своего цзонга местные старшины не доверяют. Видимо, злоупотребления властью стали слишком часты - и население перестало повиноваться. Послали копию паспорта, выданного Далай-Ламой.

Шли 5 ч. 20 м. через горы и каменистые равнины, перейдя в одном месте небольшую реку, опасную подводным льдом. Остановились у небольшого аила, куда нас направил «гарпон». Здесь выяснилось, что мы должны были идти слева от озера Дангра-юм-цо через горы Тарко сначала в южном направлении по большой непальской дороге. Нас же послали влево, но далее - в западном направлении, заставив, таким образом, сделать ненужную «петлю» и потерять три дня. Виноваты в этом невежественные старшины Шен-цза (Наг-цанга), не знавшие, очевидно, о более короткой дороге или скрывшие южный путь и давшие распоряжение вести нас на Чокчу. Ложь тибетцев и невежество их правительства нас положительно преследуют. Никакие указания и возражения не помогают, никакие расчёты длительности пути невозможны. И это при паспорте за личной красной печатью Далай-Ламы и при исключительных обстоятельствах нашего продвижения по Тибету».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«9 апреля. Сегодня караван яков вышел в 10.30 утра вместо обычных 8 часов. Причина - несвоевременная доставка яков, не приготовленных заранее, несмотря на письмо губернатора Нагцанга. Местные жители, принадлежа административно озеру Нагцанг и одновременно являясь собственностью монастыря Ташилунпо, отказываются подчиняться распоряжениям губернатора Нагцанга, и только паспорт, присланный Миссии Далай-Ламой, мог возыметь относительное действие в смысле доставки жителями необходимых нам яков и лошадей. Таким образом, и здесь население, как и в Хорде, и в Нагчука, открыто противодействует распоряжениям своего прямого начальства, относясь к последнему крайне пренебрежительно.

«Сегодня после пятичасового перехода остановились в местности, где старшина сначала отказался нас принять, уверяя, что мы идём не той дорогой, так как наша дорога проходит южнее, через владения гарпена. После долгих разговоров и подробного разбора копии далайламского паспорта, скреплённой печатью гарпена, старшина согласился дать нам яков для дальнейшего

пути. Яки, по его словам, будут готовы завтра, хотя он ещё ничего не предпринимал для их сбора, так как был, якобы, уверен, что мы пойдём южной дорогой. Из всех этих разговоров видно одно, что каждый из местных старшин старается сбить нас другому, чтобы не беспокоить своих подчинённых доставкой яков, деньги за которых будут уплачены правительству и, конечно, никогда правительством возвращены по принадлежности не будут».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«9.IV. <...> Выступаем в густом тумане, который быстро расходится в большом ветре. Идём горами, и по дороге к нам присоединяются 4 воина с фитильными ружьями. Старший из них одет почище, и в ухе у него золотая серьга с бирюзой, знак чина. Они на маленьких лошадках, с живописно спущенными с плеча кафтанами. У одного молитвенное колесо, которое крутится по очереди среди оживленной болтовни. Это - почетный конвой, данный Н.К.Р. горпеном уезда.

«Вдали намечается синее озеро билибинских акварелей. Горы, из-за которых видны хребты Трансгималаев, - напудрены ночным снегом.

«Сначала путь хорош, лугами, песком, но потом долина сдвигается горами в узкое ущелье и начинаются каменистые пространства, очень трудные для лошадей. Переправляемся через реку в полном ледоходе. На берегу у аила моя лошадь падает, и я лежу совершенно беспомощный, в то время как на меня устремляется громадный тибетский пес. Ни вынуть револьвер, ни снять карабин. К счастью, хозяин пса бросается наперерез и отгоняет его меткими камнями, на которые отвечает жалобный вой моего отбитого врага.

«В долине реки попадает много аилов и многочисленные стада. После шестичасового перехода появляются вдали синие с белым казённые палатки - это наш лагерь.

«Н.К.Р. высказывает мысль, что хорошо бы отправить в Америку, в этнографический музей, несколько тибетских костюмов. Но это его желание останавливает непомерная грязь тибетского платья. Следует отметить, что в проходимых нами в эти дни местностях костюмы становятся богаче, а женские головные уборы ярче. Иногда кафтаны оторочены широкими бархатными полосами и мехом. Серебряные ладанки богаче и уже имеют связанные с серебром золотые части. Но с другой стороны, как это ни странно, лица туземцев в Центральном Тибете гораздо грубее и диче, нежели на окраинах страны. По отношению к нам все крайне предупредительны и услужливы, а если есть какая-нибудь невязка, то она всегда направлена против горпенцов, доньеров и начальников дзонгов. Сейчас выяснилось, что наш путь идёт по направлению на Сага-Дзонг напрямик, через большой перевал - это намного сократит его и вознаградит нас за путаницу последних дней.

«Вечером за ужином Е.И. говорит, что высшая работа человека есть самоотверженная деятельность не для человечества Земли, не для человечества, населяющего другие планеты, а для наполнения пространства, с тем, чтобы следующая за нашей эволюция другой планетной системы могла подняться сразу на высший уровень. Каждая наша скромная трапеза всегда оживлена обменом мыслями о высоких предметах, которые неразрывно спаяли нас прочной духовной связью с Е.И. и Н.К.Р. Приходит опять мысль в голову о скором расставании с ними...».

10 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«10/IV. <...> Утро морозное. В палатке -16° С. Ни лошади, ни яки не собраны. Кое-как выезжаем в 9 ч. утра в южном направлении через небольшой перевал и идём мимо большого солёного озера Тингри-лам-цо, всё время наблюдая его с правой стороны. Это озеро, не указанное на карте, не меньше Тенгринора и Дангра-юм-цо. Погода становится жаркой, однако озеро ещё покрыто льдом. У берегов его, где уже лёд растаял, много всякой птицы - турпанов, чаек и серых гусей. После полудня на солнце +38° С. Шли 5 ч. 30 м. почти исключительно по песчаному нагорью, покрытому галькой, в окружении местами выступающих наружу базальтовых скелетов гор. И местность бесплодная, и люди здесь дикие, лхасского наречия почти не понимают.

«Остановились вдали от аила, перед перевалом. К нашему приходу ничего не было подготовлено по чисто тибетской причине: гонец, выехавший ещё вчера утром, найден сегодня нашим человеком, Кончоком, спящим на дороге, а потому и извещение «гарпона» о нашем прибытии пришло вместе с нами. Такова судьба всех тибетских срочных правительственных сообщений.

«Сейчас, несмотря на седьмой час вечера, жара ещё не спала. Высота здесь более 16.000 футов, а потому ночи бывают морозные, и создаётся разница температуры между ночной и дневной до 60° С. Выезжая до восхода солнца в шубах, днём мы изнываем от жары».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«10 апреля. Стоим у озера Тингри-Ламцо. Переход сегодня занял 5 часов 20 минут; день был жаркий, хотя утром, до восхода солнца, температура воздуха была -20° С. Местность носит совершенно пустынный характер: песчаные увалы и скалистые горы розоватых и синих тонов. По берегам озера белые полосы - отложения соли.

Вечером на стоянке опять бесконечные разговоры о яках и о предстоящем переходе. Гонец, посланный предыдущим старшиной вперёд для предварительного оповещения населения о нашем продвижении, был найден нами сегодня на дороге спящим, поэтому на стоянке не оказалось приготовленных ни палаток, ни аргала и не были собраны яки для завтрашнего перехода.

«Местный старшина обещал к утру доставить яков; если нужное число их доставлено к сроку не будет, придётся заменить недостающих из числа прежних. Население здесь носит совершенно дикий характер, с трудом понимает тибетский язык и отличается крайней несообразительностью. Отдалённость этих мест от своих административных центров создаёт независимый характер местных аборигенов, что при крайне низком культурном уровне их развития делает их совершенно невозможными. Интересно, что мы теперь проходим район, подчинённый Шенза-Цзонгу, причём о существовании этого района в самом цзонге никто не знает! Совершенный анекдот!»

11 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«11/IV. Н.К. готовит телеграмму президенту США и письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке.

«Опять на высотах морозные ночь и утро. В палатке -14° С, а в жаркий солнечный день до +34° С. Переход сегодня небольшой - до ближайшего перевала. Выходим в 9 ч. утра, чтобы через 3 ч. 20 м. остановиться у аила рядом с

ручьём. Ручейков и речек в Тибете много, в Монголии совершенно иначе - часто в течение двух-трёх дней пути вообще не найдёшь никакой воды.

«Н.К. уже теперь подводит итог своим впечатлениям о Тибете и заготавливает телеграмму президенту Североамериканских Соединённых Штатов, а также письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке. О своих планах на будущее он умалчивает, но чувствуется, что вскоре наше путешествие закончится, и Н.К. и Е.И. пойдут особым путём, каравану же придётся вернуться разными дорогами домой. Где это случится, - не знаю, но, во всяком случае, наши пути могут разойтись не раньше Брахмапутры.

«Здесь жители, видимо, никогда не видели иностранцев. Сейчас мы заметили у костра целую группу совершенных дикарей с уродливо-вырожденческими лицами. На этот путь, по которому мы теперь идём, по видимому, вообще никогда не ступала нога путешественника. Об этом свидетельствуют и карты, где, если и встречаются названия некоторых местностей, то их местоположение не соответствует действительности.

«Вчера вечером приходил местный старшина и просил позволения вырвать три волоска из бороды верблюда. По его признанию, эти волоски обладают большой магической силой, и он будет носить их на груди в священной ладанке. Но мы уже так привыкли к суеверию тибетцев, что нас ничто более не удивляет».

12 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«12/IV. <...> Утром в палатках -4° С. Вышли в 8 ч. 20 м. Обещают два больших перевала, длинный переход и широкую реку. Шли в южном направлении, поднимаясь вверх по ручью, по карнизам гор вдоль болотистой равнины слева.

«Перевалы оказались невысокими и нетрудными, после которых спустились в равнину. Впереди ясно видна основная снеговая цепь Трансгималаев, которую мы должны пересечь послезавтра в юго-юго-западном направлении.

«Встреченная на пути на песчаной равнине, покрытой галькой, река Сюи-Цампо (по карте Сом-Цампо), с чрезвычайно чистой и прозрачной водой, оказалась и неширокой, и неглубокой. Переход же до аила занял всего 3 ч. 35 м. Не верьте тибетцам!

«День солнечный и тёплый, с небольшим прохладным ветром. Местность, где мы остановились, недалеко от реки, называется Бум-па и принадлежит уже Сагскому округу. Извещение о нашем скором прибытии пришло только вчера, и потому яки не собраны - в наличии всего 30 животных. Песчаные равнины здесь изрыты сусликами. Вчера моя лошадь глубоко провалилась обеими передними ногами в нору, а сегодня - лошади Е.И. и Н.К. Такая дорога чрезвычайно опасна даже при езде шагом».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«12.IV. Местность Бамбу. <...> Выходим в широкую долину и подходим к реке. Навстречу, от палаток, поставленных для нас, выходят туземцы. Они почтительно снимают шапки, вежливо высовывают языки и, взяв лошадей под уздцы, переводят через брод. Воды до путового сустава лошадям. Это та самая река, быстрины которой рисовались вчера старшинами как нечто совершенно непреодолимое без лодок. Это река Цюи-Цангпо. Перейдя брод, идём рысью.

Под Е.И. падает лошадь. Мы с испугом подскакиваем к месту падения - но Е.И. встаёт и улыбается: «Плохой ездук, который не падал», - говорит она и опять садится в седло. У палаток нас встречает старшина с чудесной серьгой в ухе. Из разговора выясняется, что мы опять идём каким-то неверным направлением, глухой дорогой, на которую нас направила халатность властей. Но красота вокруг и мысль о том, что мы идём там, где ещё не ходили европейцы, — скрашивает всё. Интересно, что экспедиция Н.К.Р. идёт исключительно на средства, созданные искусством, кистью Н.К.Р., и в этом её исключительность и необычность.

«После обеда туземцы, которые ещё никогда не видали верблюдов, просят позволения выдернуть из их шерсти несколько волосков, так как считается, что каждый талисман, уснащённый парой верблюжьих волос, приобретает особую силу. «Труды дня окончены, и впечатления дня отмечены».

13 апреля 1928 г. Путь на Сага дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«13/IV. <...> Сегодня годовщина нашего выезда из Урги, и всё это время мы живём кочевой жизнью в летних палатках, за исключением месяца пребывания в Нагчу, который мы провели.

«Сегодня выехали в 8 ч. утра к подножию цепи Трансгималаев. Дорога опять шла по галечной равнине и через небольшие возвышенности. Но, в общем, высота здесь не менее 16.000 футов. Опять попадались норы сусликов, и лошади проваливались в них передними ногами. Шли около четырёх часов до речки у ближайшего аила, состоящего, как оказалось, из одной палатки. Яки приготовлены не были, хотя старшина и получил уведомление, но отговаривался неграмотностью. Не в почёте у населения далай-ламские грамоты! Кое-как удалось убедить старшину собрать яков. Обещал, что завтра будут и яки, и лошади».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«13.IV. Небольшим переходом передвигаемся к перевалу, за которым находится Сага-Дзонг, от него уже близко до Брахмапутры. Чувствую, что где-то скоро придётся расстаться с Е.И. и Н.К.Р. Такими необычными стоят они передо мной в ореоле, отделившем их от остальных людей, которых я когда-либо встречал в жизни.

«Каждый идёт по своему поручению, - говорит мне Н.К.Р. - Пройдут сроки, и опять мы встретимся». С момента разлуки начну я жить ожиданием новой встречи с Н.К.Р. и Е.И. - в новых обстоятельствах, чтобы узнать от них новую сказку жизни, - ещё более прекрасную, нежели та, которую открыли они мне в течение нашего общения в пути через Тибет. <...>

«По приходе на стоянку оказалось, что опять ничего не было приготовлено для нашей встречи. Кончок, которого ссадили с хорошей лошади, будирует и, показав вид, что не смог проехать вперёд на той, которая ему была дана, - ничем не распорядился и ехал сзади, убедив и доньеров остаться с ним. По прибытии на место выяснилось, что гонец проехал здесь вчера и отдал распоряжения - но туземцы не захотели исполнить их, несмотря на то что приказ был подкреплён паспортом. <...>

«Сегодня годовщина выхода экспедиции из Монголии. Сколько за это время произведено наблюдений по положению буддизма в Азии. Я ознако-

мился с письмом Н.К.Р. по этому поводу, заготовленным им для буддийского центра в Америке. В нём в первый раз с непоколебимым утверждением установлено различие между буддизмом и шаманским ламаизмом Тибета. То, что ещё недавно могло смешаться в понятиях широкой публики, — то подчёркнуто, разделено и утверждено в этом письме, имеющем кардинальное значение в вопросах буддизма, а следовательно, и вообще значения Тибета как религиозного центра.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«13 апреля. Сегодня исполнился ровно год со дня выезда Миссии из Урги. Половину этого времени мы провели в северных областях Тибета, где успели достаточно насмотреться на жизнь и нравы жителей всех классов этой страны, которая ещё до последнего времени была окружена ореолом таинственности и величия.

«Из всего, что нам пришлось увидеть и пережить в этой стране, можно вывести следующее заключение: Тибет - не более как одна из самых глухих провинций Китая, каковою он прежде и являлся. Вся “Культура” Тибета прямое подражание китайской культуре времён маньчжуров - все эти чиновники, живущие взятками и незаконными поборами с населения; та же доведённая до абсурда централизация власти, когда каждый район непосредственно подчиняется центральному правительству, не имея никакой координации с ближайшими соседними районами; та же политика лжи и самоуверенного нахальства в отношении иностранцев; даже военное дело в Тибете стоит на том же уровне, как оно было в Китае во времена маньчжурской династии<...>.

«Население северных областей Тибета - Хорде, Нагчука, Намру, Нагцанга и района Сага-Цзонга поражает своей дикостью: эти люди круглый год живут в шерстяной палатке, питаются цзампой и сырым бараньим мясом, и большинство из них за всю свою жизнь ни разу не побывало даже в соседнем хошуне, отстоящем от них в каких-нибудь 30 километрах. <...>.

«Эти люди производят впечатление не просто дикарей, - говорит Н.К., - дикари обладают своеобразной сметкой, у них часто встречаются замечательные таланты, они ловки, смелы и сообразительны, эти же люди находятся в состоянии какой-то прострации - это дикари-вырожденцы”. А в то же время лхасское правительство печатает на своих плохих медных монетках: “Благословенный Дворец, непобедимый во всех отношениях”».

14 апреля 1928 г. Путь Нагчу - Сага дзонг, 42-й день.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«14/IV. ... Дорога, по которой «никто не ходил». <...>

«Идём сегодня в самый центр Трансгималаев, поднимаясь с высоты на высоту, думаем, не менее 18.000 футов, судя по снегу близлежащих снеговых вершин, высота которых около 20.000 футов, в полной арктической оголённости. Вопреки общечеловеческим обычаям, тибетцы так распределяют ночёвки, что мы, пройдя 5 ч. 45 м., должны были остановиться на высоте свыше 18.000 футов, почти на перевале, без аргала и корма. Н.К. и Е.И. вспоминают, насколько толковее и добросовестнее проводили их по перевалам ладакхцы. Здесь же тибетская ложь и легкомыслие лишают возможности предпринять какие-либо разумные меры. О завтрашнем перевале один из местных жителей, сам не бывавший там, рассказывает, что снег будет выше брюха лошади.

Другой же, тоже не бывавший, говорит, что снега может быть не больше одной четверти. Один из живущих у перевала утверждает, что подъём очень крутой, а другой - что он почти незаметен. Но даже местные жители выражают своё удивление по поводу того, что правительство послало нас такой дорогой, которой «никто не ходил». <...>

«Идём после Нагчу уже 42-й день, иногда в чрезвычайно тяжёлых условиях, тем не менее Н.К. и Е.И. чувствуют себя превосходно, несмотря на то, что другие спутники, более, казалось бы, здоровые и молодые, жалуются на утомление и одышку на высотах. Единственное, чем страдает Е.И., - это временами появляющимися после стоянки в Нагчу перебоями сердца. Эти перебои появились в Нагчу после отравления дымом аргала, выделяющего при сгорании синильную кислоту. В пути они возобновлялись совершенно неожиданно и не прекращались при приёме сердечных средств, а иногда при этом даже усиливались.

«По-прежнему Е.И. неустанно пишет, много сообщает нам и беседует по поводу своих записей. Н.К. всегда деятелен в пути и мудро руководит нами во всех затруднительных случаях, разбираясь иногда в почти неуловимой психологии тибетцев. Итак, завтра пересечём высшую точку тибетских гор на нашем пути. Небо затянуто тяжёлыми снеговыми тучами, поднялся холодный ветер, идёт снег».

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«14.IV. Горный проход Санг-Мо центрального хребта Трансгималаев. Стоим на самом перевале. Высота около 18.000 футов. Благодаря тому, что местность пустынна, — населения совсем нет. Идти пришлось длинным подъёмом, по тяжёлой каменистой тропе. Нет ни травки на протяжении километров. Везде только камень, скалы и горы. <...> Поднимаемся всё выше. По дороге ручьи скованы льдом. Камни в оранжевой и красной ржавчине на коврах жёлтых и зелёных бархатистых лишаяв.

«Мы едем с Н.К.Р. и Ю.Н. Разговор идёт об охоте, и мне так понятен взгляд Н.К.Р. на охоту, взгляд почти военный. Надо сказать, что в Н.К.Р. нет ничего специфически штатского. Стратегия есть наука общежитейская, говорит он, и приложение её практически развивается на охоте. Охота далеко не только ознакомление с жизнью животных и птиц, но развитие стратегических соображений, находчивости и быстрого принятия решений. Именно охотой тренировал в науке войны великий завоеватель Чингиз-хан своих ордынцев. Потом как-то невольно опять переходим на Тибет. <...> Тибет настоящего времени вообще страна невероятных преувеличений, так не вяжущихся с действительностью. Конечно, вполне понятно, что Эверест называется по-тибетски Джо-мо-Кенг-Кар, что в переводе означает «Снежная Владычица»; но когда лхасское правительство почему-то именуется “Благословенным дворцом, победоносным во всех направлениях”, а его глава “Сокровенным и драгоценным покровителем, океаном знаний, держателем молний и учителем начальников”, - то как-то невольно вспоминается титул какого-то африканского князька, именующего себя “быком, сыном быка и быком всех быков” - что, пожалуй, являет собой титул, ещё более замысловатый. Этот самый «благословенный дворец» направил экспедицию по такой дороге, на которой нет ни селений, ни уртонов, ни корма. Экспедицию, составленную из полубольных, усталых лю-

дей, труды которых разделяет Е.И., людей, простоявших всю зиму на Чантанге в самых невозможных условиях».

15 апреля 1928 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«15 апреля. Вам даны знаки йоги на высотах. Вы убедились, что ни холод, ни высота не повредили ваше здоровье. Как же непревозмогший холод предстанет в высшем трепете? Как же можно мыслить о дальних мирах, убоившись даже земных высот? Как же можно представить себя бесплотным духом, если не побеждено случайное чувство голода? Отягощённый желудок есть явление конца восхождения. Нужна мера погружения в землю». (Е.И. Рерих. Листы дневника. (1927-28). Москва. 2006 .

15 апреля 1928 г. Путь Нагчу - Сага дзонг,

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«15 апреля. Ночь была тихой и бесснежной. Мы встали очень рано, и к шести часам утра колонна каравана начала подъём к перевалу. Северный склон был покрыт огромными булыжниками, скатившимися с гор. В некоторых местах земля всё ещё была покрыта снегом, и лошади часто глубоко увязали в нем, так что приходилось их вытаскивать.

«После трёх часов непрерывного восхождения мы достигли вершины перевала (19094 фута). Несколько каменных памятников стояло на обочине дороги. С вершины перед нами открылся прекрасный вид на горы, величественный и суровый. <...> День был унылый, тяжёлые тучи и туман нависали над горами. Крутой, но короткий спуск, во время которого нам всем пришлось спешиться, привел нас к ущелью. Трудно было лошадям на узкой тропе среди булыжников и замерзших луж. Люди и животные часто поскользнулись, так как с трудом можно было найти место, куда поставить ногу. Спускаясь с перевала, на одном из склонов мы видели стадо диких яков. Они взбирались по обрывистому, почти вертикальному горному склону, с каждым шагом посылая в ущелье камни и тучи песка. <...>

«После семичасового перехода по трудной, каменистой дороге мы спустились на широкую, просторную равнину, относящуюся к району Бумпа чангра. К большому удивлению, для нас ничего не было приготовлено, несмотря на ранее отправленное официальное письмо. Мы послали группу людей на разведку, и они привели двоих людей, назвавшихся пастухами и отказавшихся нам помочь. <...> Наконец, два местных жителя согласились дать топливо и отправить посыльного к старшине с просьбой сразу же приехать. Каждый из них заверял нас, что ничего не слышал о нашем приезде. <...>

«Был тёплый день, несмотря на то, что долина со всех сторон была окружена горами, покрытыми снежными шапками и ледниками, спускающимися глубоко в долину. <...> Наши запасы подходили к концу, и было крайне необходимо добраться до Сага дзонга.

16 апреля 1928 г. Путь Нагчу - Сага дзонг,

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«16 апреля. Солнечный, тёплый день. Мы были вынуждены простоять целый день и дожидаться старшины. Погонщики из Сангмо несколько раз пытались увести своих животных, но наша охрана помешала этому. Мы сказали людям, что нам придётся жаловаться чиновникам дзонга по поводу такой за-

держки и открытого игнорирования приказов из Лхасы. Местные жители, наконец, согласились поставить нам всех яков, имеющих в долине, чтобы мы могли выехать на следующий день. Мы должны были получить от них тридцать яков, а остальные животные должны быть поставлены погонщиками из Сангмо. После трёхчасовых переговоров все было решено, и мы были уверены, что отправимся в путь на следующий день. Мы также договорились с владельцами сменных лошадей сопровождать нас в Сага дзонг и дополнительно заплатили им за услуги. Люди были полностью удовлетворены.

«Место, где мы расположились лагерем, называлось Лапсару и было населено несколькими семьями кочевников, которые разводили яков и овец. В одной из палаток мы встретили двух кузнецов из провинции Цанг, которые работали на местных кочевников. Ю-пон так и не прибыл, и мы были сильно раздражены его поведением и намеренным игнорированием указов из Лхасы».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«16 апреля. 10 часов утра. Наверное, придётся потерять здесь день. Старшина этого района ничего не приготовил для дальнейшего нашего пути, население вообще отказывается признавать для себя обязательным далайламский паспорт. Н.К. предложил нашим прежним караванщикам провести нас до Сага за плату в один доллар за каждого яка, на что тибетцы ответили, что в Сага они нас вести без разрешения своего старшины не могут, не могут даже доставить нас местному старшине, живущему в четырёх часах пути в южном от нас направлении, так как, по их мнению, обычная стоянка караванов здесь, где они нас остановили, и здесь они будут ждать приезда местного старшины, за которым уже послано для передачи нас ему. В добавление к этому Кончок сообщил интересное сведение – в собственно Тибете население часто отказывается перевозить даже далайламские грузы, и потому нам в Сага-Цзонге лучше взять сквозных животных до границы. Местность эта называется Лапсар и лежит в долине (выше 16000 футов) между отдельными массивами хребта Трансгималаев. Убеждаемся, что нас послали не уртонной дорогой, на картах не показанной.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«16/IV. <...> Несмотря на уверения тибетцев о скором приезде старшины, он, конечно, ни вчера вечером, ни сегодня утром не прибыл и когда приедет, неизвестно. Итак, очередная задержка, но мы надеемся, что простоим в ожидании не более, чем до завтра. <...>

«К сожалению, не всё, указанное в паспорте, выданном Далай-Ламой, приводится в исполнение. Так, у нас нет двух доньеров, предписанных документом. Зато есть желание: как можно скорее завершить этот путь и поменьше иметь контактов с населением, ибо знаем мы его уже предостаточно.

«Корма для животных осталось на один день. Сами мы питаемся кое-как: прошлогодней сушёной сваренной бараниной, уже позеленевшей, на костях которой почти нет мяса. Зерно продают нам с трудом и в ничтожном количестве по прежней крайне высокой цене. В последний раз принесли четыре мешочка из «бараньего каравана», всего около пуда. <...>

«По поводу этой остановки населению было заявлено, что каждый день нашей насильственной задержки будет стоить тибетскому правительству

многие тысячи нарсангов, на что был получен ответ: “Мы это понимаем”. Насколько выясняется, положение наше таково, что если не приедут старшины, то местные жители всё-таки повезут нас далее, может быть, даже на прежних яках. Около 2 ч. пополудни пригнали 50 яков.

«Здесь уже чувствуется тибетская весна. <...> Более года мы пользуемся изо дня в день летними лёгкими палатками Abercrombie из Нью-Йорка, оказавшимися очень прочными и практичными в пути. Ни одна не изорвалась, не изломалась и не выцвела. Материал настолько плотный, несмотря на его лёгкость, и настолько хорошо пропитан непромокаемым составом, что прекрасно держит зимой внутреннее тепло. Моя палатка работы Журавлёва из Ленинграда также оказалась очень прочной и после года самых неблагоприятных условий Тибета совершенно цела, несмотря на её перевозку на верблюдах, мулах и яках и неумелую и небрежную установку караванщиками. Н.К. чрезвычайно хвалит американские сундуки Бельбер, приобретённые в Нью-Йорке. После четырёхлетнего караванного путешествия их можно показывать на выставке».

17 апреля 1928 г. Путь Нагчу - Сага дзонг,

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«17.IV. Встаём поздно. Понемногу подходят яки, но лошадей нет. Ни старшин, ни доньеров не видно, и приходится иметь дело непосредственно с крестьянами. Они грубы, несговорчивы и почти нахальны. Несколько ударов вышедшего из себя Кончока сразу приводят крестьян в порядок. Высовываются языки, слышится «лалес». Приводят часть лошадей. Я остаюсь дольше других на месте снятого лагеря в ожидании лошади. Сажу на камень с седлом у ног и карабином на коленях. Торгоут Очир ведёт выбранного им для меня вороного конька, злого и с мохнатой гривой до колен...

«Солнце греет основательно, вокруг запорошенные снегом горы, над ними голубое небо, и белый цвет снега так волшебным образом связывается с голубым через дополнительный густо-серый маленьких туч. <...>

Снежные пики Тибета. (Современное фото)

«Входим в чёрные горы, покрытые снегом, с острыми, точно вырезанными на небе пиками. Будто чернь с серебром. Невдалеке появляется стадо оленей с ветвистыми рогами, дальше собаки поднимают волка, который убегает характерной виляющей побужкой с опущенным хвостом и скрывается в кам-

нях. Вся местность оживлена громадными стадами овец, охраняемыми пастухами с пращами и десятками громадных псов. <...>

«Незаметно приходим на место новой стоянки. Вокруг прекрасные граниты, от розовых до тёмно-малиновых, разбросанные по площадке, на которой встанут наши палатки. Холодно. Ветер».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«17 апреля. Мы выехали около полудня, так как произошла задержка из-за сменных животных и погонщиков. Мы пересекли равнину Лапсару на юго-запад и расположились на берегу озера Лапчунг с юго-восточной стороны. Озеро расположено на высоте 17037 футов. На его берегах мы видели тибетских антилоп. <...>

«Ю-пон, или местный старшина, встретил нас в пути. Это был огромный малый со спутанными волосами, одетый в большой грязный овчинный кафтан. Он был очень высокомерен и сказал, что никогда не получал официального письма о нашем прибытии. У него не было яков в собственном распоряжении, и он был неспособен помочь нам. После долгой беседы, в которой принимали участие все члены экспедиции, нам удалось убедить его нанять яков из караванов, перевозящих соль. Он согласился на это, и у торговцев были наняты яки с договоренностью, что животным придётся идти в Сага. Поздно вечером ю-пон изменил своё мнение и решил поставить нам своих собственных животных.

«Мы разбили лагерь у подножия горы, образующей юго-восточный край равнины Лапсару. Отсюда в Сага дзонг вело два пути: короткий – через Луг ла и более длинный – по окраине горной цепи. По сообщениям, короткий путь все еще был занесён снегом, и поэтому мы решили идти более длинным маршрутом. Официальное письмо из Лхасы было утеряно бесследно. Мне пришлось самому написать другое письмо и заверить его нашей личной печатью. Тотчас же был отправлен всадник с донесением, но, к нашему изумлению, новая договоренность действовала так же, как и старая. Место, где расположился лагерь, называлось Ронгзэ».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«17 апреля. Пришли к старшине. Конечно, ничего не приготовлено; старшина отговаривается неполучением даика (повестки). На наше счастье здесь стоит караван торговцев, везущих соль в район Тингри-Цзонга; добиваемся у старшины разрешения воспользоваться их яками до следующего хошуна. Отсюда идут к Сага-Цзонгу две дороги - одна через два снежных перевала, в направлении юго-запада, другая, без перевалов, в обход снежных цепей Трансгималаев. Так как первая дорога сейчас труднопроходима из-за большого снега, решено идти второй дорогой. До Сага два перехода».

18 апреля 1928 г. Путь Нагчу - Сага дзонг,

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«18 апреля. С каждым днём все хуже. 16-го потеряли день из-за нежелания населения своевременно предоставить нам яков; сегодня старшина отказался вести нас дальше и вместе с тем не оповестил заранее местного старшину о приготовлении нам яков, вследствие чего нам предстояло потерять здесь ещё один день.

«Н.К., не желая более терять дней на бесполезные стоянки, отдал распоряжение об аресте старшины и приводе его в наш лагерь. Для этой цели был командирован я в сопровождении Голубина, Кончока и местного старшины. При нашем появлении в лагере тибетцев последние вскочили на ноги, окружив своего старшину, вероятно, с целью его защиты, но, увидев карабин Голубина и мой вынутый из кобуры револьвер, уступили и дали себя растолкать, с целью извлечения старшины, который после непродолжительного разговора с Кончоком согласился пойти в наш лагерь. Здесь ему пришлось иметь разговор с Н.К. через Кончока, и так как он не соглашался вести нас дальше, было решено оставить его до завтра у нас под арестом со связанными руками и потом везти в Сага-Цзонг. Прежние погонщики, узнав о задержании их старшины, прислали делегатов просить о его освобождении, обещая дать нам яков ещё на один переход. После того как между обоими старшинами - прежним и новым - было заключено письменное условие о дальнейшем совместном транспортировании груза Миссии до Сага-Цзонга, прежний старшина был освобождён из-под ареста и отпущен.

«Таким образом, для получения возможности продвижения по маршруту, указанному Миссии правительством Далай-Ламы, и имея при себе соответствующие документы, нам приходится прибегать к вооружённому насилию и пользоваться правом реквизиций, точно на каком-то театре военных действий! Настолько население не уважает указов своего правительства».

19 апреля 1928 г. Сага.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«19 апреля. Мы выехали в семь часов утра и вернулись немного назад по пройденной дороге до узкой горной долины, ведущей к перевалу Цукчунг ла (18000 футов). Недалеко от входа в долину мы обнаружили ещё один кромлех с рядами каменных плит. <...>

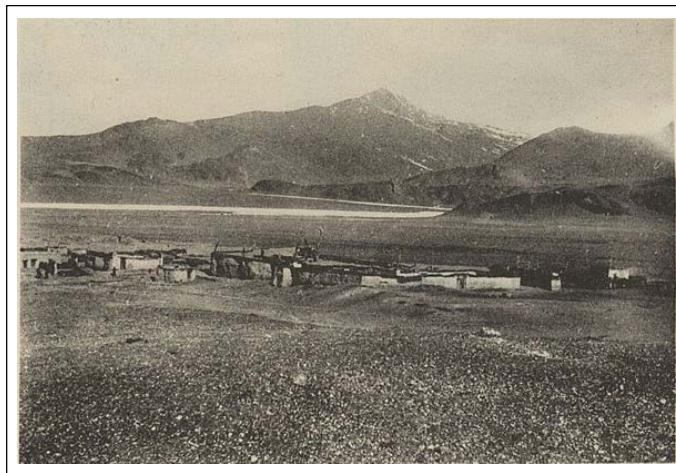
«Подъём к перевалу был очень крутым, и бедным животным пришлось тяжело. Им часто приходилось останавливаться для восстановления дыхания. С вершины открывался вид на три долины: Цукчунг на северо-востоке, Цукчен на западе и Сага дзонг на юге и юго-западе. На горизонте с запада и востока поднимались могущественные снежные вершины Трансгималаев. Самым заметным среди них был прекрасный пик Сага Джочунг, отчётливо видимый среди вершин, образующих восточную ветвь горной цепи, на которой находился перевал Цукчунг. Спуск был крутым, и всем пришлось идти спешившись вниз по песчаным склонам. Широкое горное ущелье вело к бассейну Чорта Цангпо, притока реки Брахмапутры. Далеко на юге сквозь туманную дымку можно было видеть белоснежные очертания северных отрогов Гималаев в районе Ньюлам.

«Равнину, по которой мы ехали, покрывал щебень. Трава была скудной, и нигде не было видно рогатого скота. Сага дзонг скрывался за низким песчаным отрогом, вдающимся в равнину. С вершины отрога мы получили первое представление о местности.

«Сага представлял собой пёстрое сборище грязных каменных лачуг и находился на месте, открытом для всех ветров и бурь тибетского нагорья. Перед деревней мы были встречены местными чиновниками, которые проводили нас в подготовленный лагерь. Юго-восточнее дзонга были поставлены две палатки, и толпа местных жителей и солдат из небольшого отряда, раз-

мещенного в форте, пришла посмотреть на нас. Несмотря на то, что чиновники получили специальные инструкции непосредственно из Лхасы, ничего не было приготовлено, и нас попросили остаться на три дня в Сага, чтобы дать властям время на обеспечение каравана животными.

Сага-дзонг. (Фотография экспедиции).

«Начальник форта находился в Лхасе, и управление велось его персональным представителем, нирва, или казначеем дзонга, который также уехал по служебным делам в район. К нему был отправлен посыльный с требованием сразу же возвратиться в форт. Между тем младший чиновник, оставшийся в форте, отказался обсуждать ситуацию.

«Наш караван прибыл в лагерь поздно ночью; мы сильно беспокоились за верблюдов, задержавшихся на перевале. Около одиннадцати часов ночи погонщик с тремя верблюдами добрался до лагеря и сообщил, что четвёртый верблюд погиб на вершине перевала».

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«19/IV. <...> Ночь прошла спокойно. Встали в половине шестого утра, но только около 8 ч. удалось собрать всех тибетцев и начать погрузку. Долго ловили местных лошадей, которые убегали от своих хозяев, а те только махали руками.

«Наконец в начале девятого удалось выйти в путь. Дорога и сегодня была чрезвычайно красива. Шли долиной по направлению к горам, переходили ледяные мосты над горными потоками, поднимались всё выше торной долиной вдоль реки, пока ясно не увидели перед собой высокий и чрезвычайно крутой перевал. Лошади с трудом одолевали крутизну, которую невозможно было обойти, и часто останавливались. <...> Спуск оказался длинным и каменистым.

«С перевала открылся вид на Гималаи со стороны Непала, куда мы и идём через Сага-цзонг. Вид Гималаев совершенно отличен от Трансгималаев - сплошь белые вершины, покрытые вечным снегом, искрящимся на солнце.

«Спустившись в долину, опять переходили по ледяным мостам и через бурно текущие потоки. Встретили маленькие, низкорослые, не выше вереска, зелёные кустики туи и уже в часе пути от Сага, справа у аила, в долине, увидели высокую голубовато-зелёного цвета гору. Путь от стоянки до Сага-цзонга

занял около шести часов. Кроме верблюда, оставили ещё одну приставшую в пути лошадь.

«Сага, громко именуемый цзонгом, совершенно не оправдывает своего названия. Это, в сущности, маленький аил на мусорной куче с двумя постройками в центре, обнесёнными стенами из квадратной формы булыжника, скреплённого глиной. Жителей мало. Начальник этого цзонга в Лхасе, а его заместитель отсутствует, приедет завтра. Ни лавок, ни какой-либо торговли нет, пополнить наш провиант нечем. За год, говорят, не приезжал ни один купец из Непала, а между тем Сага находится почти на границе Непала и в 14 днях перехода от его столицы Катманду, где имеются и электрическое освещение, и автомобили. Люди здесь, несомненно, коренные тибетцы, поражают бедностью, неопрятностью и уродством.

«Предписание из Лхасы о нашем продвижении было получено месяц назад, но ничего приготовлено не было. Извещение, посланное нами с дороги, не дошло. Завтра простоим здесь для выяснения дальнейшего пути. Зерна для лошадей и четырёх верблюдов осталось на полдня. Баранины и сахара нет.

«Всего этого в Сага ("Приятное место" в переводе) не имеется. Жители, ходившие за Брахмапутру, находящуюся в двух днях пути, уверяют, что и там такая же безжизненная местность. <...>

«На нас высота не действует, может быть, отчасти в силу привычки, а может быть, и потому, что мы строго соблюдаем диету, не курим и не пьём вина. Е.И. утверждает, что нам благоприятствуют и другие обстоятельства. Правда, опасность подстерегает нас на каждом шагу, но мы все живы и здоровы, бодры и улыбаемся».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«19 апреля. Сага-Цзонг. Конечно, сведения населения о дороге абсолютно не отвечали действительности: говоря, что по дороге не будет перевалов, они говорили, очевидно, заведомую ложь - за эти два дня пути мы имели два перевала, по крайней мере, более 18000 футов каждый, с очень крутыми подъёмами и спусками. На втором перевале, сегодня, у нас пал один верблюд и на спуске стала лошадь. В цзонге были очень удивлены, узнав, что нас послали этой дорогой, тогда как есть другая, более удобная дорога от Чокчу до Сага-Цзонга. Цзонгпен в отсутствии, яки для нас не приготовлены, несмотря на то, что письмо правительства о нашем продвижении получено в цзонге месяц тому назад. Заместитель цзонгпена также в отсутствии».

ОТ САГА ДЗОНГА К СИККИМУ

20 апреля 1928 г. Сага.

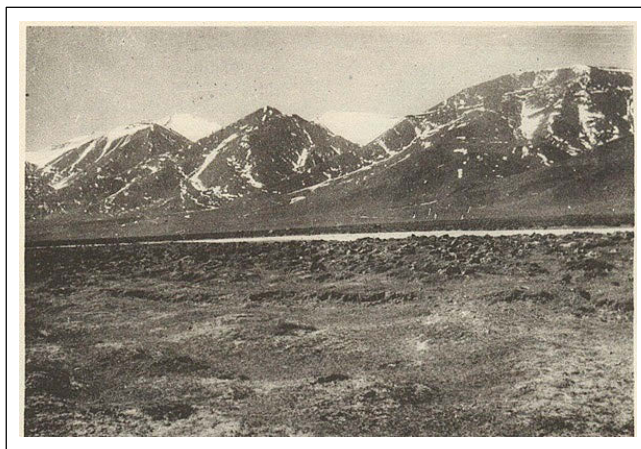
Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«20/IV. <...> Итак, сегодня опять задержка. Желаем мы того или нет, а простаиваем на месте в Сага, ибо нам заявили, что полученный далай-ламский указ здесь не имеет значения и яки будут только послезавтра. На наши указания, что цзонгу придётся заплатить за задержание не менее ста тысяч нарсангов, отвечают, что это им тоже безразлично, так как денег у них нет. В общем, полное безразличие и крайнее убожество власти, которая, тем не менее, находится во всеоружии всей неизмеримой тибетской наглости. Вид при всём этом самый разбойный и дерзкий.

«Это уже центральный район, и тибетец здесь самый настоящий, ничем не приукрашенный. В этом пограничном с Непалом цзонге нет даже храма, стоит лишь одно молитвенное колесо. Какое же это почитание «религии», на которое так любят ссылаться тибетцы? Осматривали менданг в цзонге. Здесь это «почитание» выражено ещё ярче. Лежит дохлая высохшая чёрная собака, прикрытая священной плитой, и в двух местах на плитах - священные надписи...

«Такова «религиозность» истинных тибетцев, говорящих: “Мы - люди религиозные”. Недоступный своими снегами, морозами, голодом, дикими и пустынными местностями, высочайшими горами и перевалами, Тибет, отдельные местности которого не посещаются даже самими тибетцами, не склонными вести подвижный образ жизни, раскрылся перед нами во всё своём невежестве, косности, мерзости запустения и предрассудков, жалком ничтожестве, потрясающей лжи и наглости. Воистину это отныне развенчанный Тибет, на который совсем другими глазами должны взглянуть народы Азии, Европы и Америки. Вековой мрак предрассудков и узурпированный ореол «священной страны» должны наконец развеяться. <...>

«Сегодня 48-й день, как мы вышли 4 марта с.г. из Нагчу, и всё идём бесплодными, голыми горами и равнинами. Какие-либо припасы мы сможем достать только в Тингри, через семь дней после выхода отсюда. Остались плохого качества рис, масло, соль и на три дня бурого цвета порам, только раздражающий кишечник».

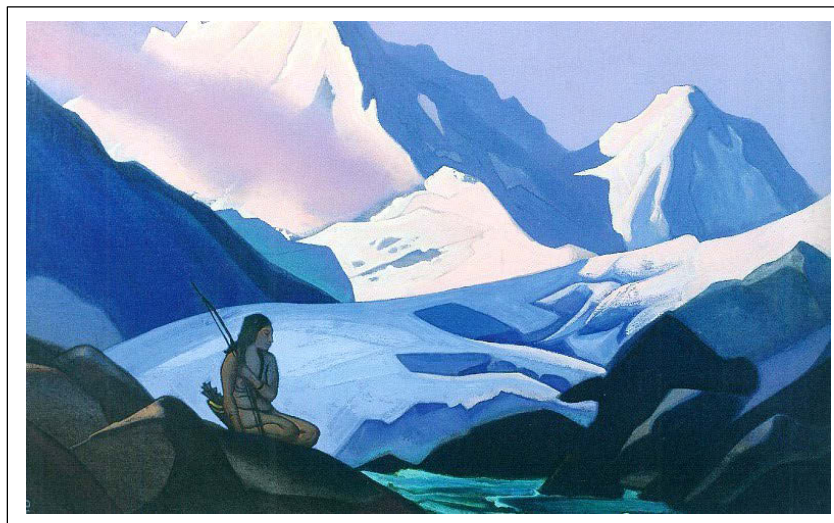

Вид Транс-Гималаев от Сага-Дзонг. (Фотография экспедиции).

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«20 апреля 1928 г. Казначей дзонга не прибыл, и нам пришлось остаться в Сага дзонге до его появления. Все отдохали после последних напряжённых десяти дней пути. Наш лагерь располагался вблизи торгового пути Ладак - Нгари - Сага дзонг - Лхаса, и с раннего утра было слышно мелодичное позвякивание колокольчиков лошадей и мулов проходящих караванов. Сага дзонг - правительственная перевалочная станция на торговом маршруте и административный центр обширного района, который граничит на севере с территориями Нагтшанг и Нгари; на юге и востоке с районом, управляемым Дзонгха, фортом, расположенным на границе Непала».

**21 апреля 1928 г. Долина Брамапутры.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:**

Н.К. Рерих. Дева снегов (Хранительница снегов). 1930-е.

«21 апреля. Дано в долине Брамапутры, взявшей исток из озера Великих Нагов, хранящих Заветы Ригвед.

«Я положил основание Агни-йоги столбами ступеней Моих и в руки принял Камня огонь. Я дал огненный Камень той, которая по решению Нашему будет именоваться Матерью Агни-йоги, ибо она предоставила себя на испытание пространственному огню. Струи этого огня запечатлелись на Камне при великом полёте перед ликом Солнца. Туман искр закрыл вершины Хранительницы снегов, когда Камень совершил огненный путь с Юга на Север в Хранимую Долину».

Камень пришёл 6 октября 1923 г.

Ларец, в котором лежал Камень.

21 апреля 1928 г. Сага.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«21 апреля. Солнечный день с лёгким юго-западным ветром. На берегах ручья, протекающего около нашего лагеря, появилась молодая трава. Мы упорно пытались купить что-нибудь из провизии, но совершенно безнадежно было получить что-либо у местных властей или населения. Кхампский торговец из Тачиенлу, оставшийся в Сага для закупки домашней продукции кочевников, сообщил мне, что этот год был исключительно тяжёлым для местных жителей и торговля в районе была незначительной. Нам удалось купить у него кусок порамы и один мешок ячменя для лошадей, которые очень нуждались в корме.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

21/IV. <...> Местные жители считают Сага этапным пунктом, через который проходили правительственные сообщения уртонами. Теперь животные, отпущенные для уртонов, околели, и уртоны возобновятся якобы с июня. Приходивший сегодня к нам начальник гарнизона, имеющий самый невообразимый вид, говорил, что многие здесь не ели цампы уже 7-8 дней, питаются падалью. Гарнизон состоит, по слухам, из 30 солдат - которых мы, впрочем, не видели - не имеющих форменной одежды. Единственное отличие - в ухе большая витая серьга со скверной бирюзой. Яков и лошадей обещают доставить лишь послезавтра, значит, ранее 24 апреля выйти отсюда не удастся».

22 апреля 1928 г. Сага.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«22 апреля. Ещё один день мы провели, пытаясь запастись зерном для четырехдневного путешествия в Янджу. Ячмень был очень плохого качества, и в каждой мешке было множество мелких камней. Местные кочевники жаловались на то, что крестьяне в оседлых районах Тибета добавляют камни в зерно, чтобы утяжелить мешки и таким образом продать его кочевникам по более высокой стоимости. Зерно поступало в основном из района Шекар. Богатство Тибета заключено в кочевых районах страны, откуда поступает вся шерсть, кожа, крупнорогатый скот и соль, и которые являются главными предметами тибетского экспорта.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«22/IV. <...> Стоим в Сага четвёртый день. Животные начинают голодать, так как достать ячменя в необходимом для них количестве невозможно. В маленьких 39-фунтовых мешках, о которых мы упоминали, до 5 фунтов примеси гальки (мелких камней). Бедность и оскудение «цзонга» настолько велики, что удалось разменять на обычную здесь медную монету “шо” только лишь три янчана. Бумаги в “цзонге” совсем не оказалось. На чём же живут “дайки” и донесения? При всём этом тибетец совершенно не стесняется своего убожества, настолько он привык к такому порядку вещей, да и ничего лучшего для сравнения он никогда не видел. Крайнее невежество населения всегда влечёт за собой и крайнюю его бедность. За всё это ответственны Далай-Лама и его правительство. Вина их перед несчастным и достойным сожаления народом чрезвычайно велика. Пора народу спросить себя, что дало ему правительство, кроме тьмы невежества, суеверий и насилия? <...>

«Удивительно, что при нашем продвижении по наиболее пустынным местностям Тибета мы всегда более или менее точно имели возможность рассчитать количество дней, потребное для прохождения от одного места до другого. Здесь же, в “цзонге”, мы совершенно не можем добиться от населения и властей точного количества дней пути не только до Тингри и Шекара, но даже до ближайшего перевоза через Брахмапутру. А между тем этот путь, ведущий к центру Тибета, казалось бы, должен быть им хорошо известен. Но таков неподвижный образ жизни тибетцев, а отсюда и незнание ими своей страны. <...>

«Вечером принесли два мешка ячменя по 39 кружек, из коих в каждом оказалось около 9 кружек мелких камней. На заявление о непригодности такого зерна для корма животным последовал характерный ответ: «Мы сами такое зерно получаем. Не нравится, так не берите». Из большого каравана в 103 животных у нас осталось всего 16: четыре мула, четыре верблюда и восемь лошадей, но и те в самом плачевном состоянии. Ночи всё время холдные, у меня в палатке замерзает вода».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

22 апреля. Гонец с даиком уехал. Решено переправиться через Брамапутру у монастыря Чатур, где имеются деревянные лодки, тогда как на прямой дороге переправа обслуживается всего двумя кожаными лодками. До переправы 6 дней пути, яки будут готовы завтра.

23 апреля 1928 г. Сага.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«23 апреля. Снова солнечный день с устойчивым юго-западным ветром после полудня. Медленно начался сбор караванных животных для предстоящего путешествия в Янджу, и местные чиновники заверили нас, что мы сможем отправиться на следующий день. Я провёл утро в поисках могилы Мухамеда Исы, доверенного проводника и караван-баши Свена Гедина, который умер здесь в 1908 г., но найти не смог, и похоже, что местные жители ничего об этом не знали.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«23/IV. Психические опыты Е.И. «Матерь Агни-Йоги». <...>

«Сегодня, уже после удовлетворительно проведённой ночи, Е.И. опять вдруг почувствовала без всякой видимой причины перебои сердца через два удара на третий. Пишу об этом здесь потому, что такие явления со стороны сердечной деятельности являются чрезвычайно характерными для того вида совершенно нового опыта развития психической энергии, которыми занята в настоящее время Е.И. под руководством Учителя Востока.

«Сущность этих, повторяю, совершенно новых, даже для Востока, опытов я постараюсь изложить в особой монографии «Агни-Йога и её медицина». Е.И., предоставившая себя на испытание Учителям Востока для особого развития психических центров с целью восприятия токов пространственного огня, дающих возможность установления психофизической связи посредством так называемого пространственного провода, не стесняемого никаким расстоянием, в отличие от известных до сих пор радиоаппаратов, по справедливости названа Учителями Востока «Матерью Агни-Йоги».

«В то время, когда перед нами встают великие проблемы расширения человеческих знаний, мы в повседневности должны бороться с такими мелочами, как приобретение двух мешков зерна для животных, добываемого у населения с необычайным трудом. <...>

«С утра появились какие-то яки - говорят, будто бы половина ожидаемого нами их числа. К 6 ч. вечера пригнали лошадей и остальную партию яков. По-видимому, выход на завтра обеспечен. Продовольствие для людей и животных надемся доставать по пути - в аилах. Истощился небольшой запас поррама, но даже этот, часто суррогатный, ячменный сахар тибетцы получают из Непала. Однако Тибет, как ни странно, не беден. Мы упоминали уже об этом, но невежество, суеверие и лень держат народ в цепких когтях нищеты».

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Ночь на 23-е. Целый день ощущала болезненное горение в темени. Как только легла в постель, начались действовать переменные токи - справа голубой и розовый слева. Также видела световые пятна - сияние, пурпуровые и золотисто-серебряные».)

24 апреля 1928 г. Сага - Шекар-дзонг.

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«24/IV. Отправляемся дальше. <...> Замечательное световое явление у Е.И. Прекрасный день для перехода, солнечный и со свежим ветерком. Встали рано, однако тибетцы не торопились, и ни одного животного на месте ещё не было. Заведующему транспортом, П.К., пришлось пойти к цзонгу и растолкать лентяев. Только после этого мы увидели, что он сам гонит первую партию яков. В самую последнюю минуту явился и доньер. Нерва цзонга так и не показался, ссылаясь на то, что мы «пелинги»; к тибетским же чиновникам он явился бы первый, но к «пелингам» не пойдёт». <...>

«Не успели мы пройти и трёх часов по гладкой тропинке нагорья и посмотреть на красивые ледяные вершины «Властителя Саги», как перед нами выросла белая палатка доньера и нам предложили остановиться. Начались ссылки доньера на крестьян, не желающих везти и не признающих правительственных указов. Доньер заявил, что по выходе из своего района он может требовать, но что крестьяне района Сага его не слушаются, - такова цена тибетской власти. Вместо маленьких мешков зерна в 39 фунтов принесли два мешка по 23 с половиной фунта, пополам с глиной и камнями, за двенадцать нарсангов. <...>

«Н[иколай] К[онстантинович] сохраняет отличное здоровье, и единственное, чего бы он хотел, - это удлинить переходы, потому что всякая потеря времени для него является наибольшей неприятностью. Он уже живёт планами на будущее, и ему настолько уже ясна картина Тибета, что хождение по нагорьям, кроме отдельных особо красивых мест, для него уже является бессмысленным. В число ближайших его задач входят большие строительные планы, наряду с которыми рождаются замыслы новых картин. Когда и как мы услышим об осуществлении этих планов? Ведь и о созданном в Америке мы узнали как-то совершенно неожиданно, без подготовительных сведений и сообщений. Откуда эта неисчерпаемая энергия? За всё время пути мы не слышали от него ни слова об усталости, ни упоминания о голоде или холоде. А между

тем трудности зимнего пути превышали, по словам участников войны, все тяготы зимних военных походов.

«Сегодня ночью у Е.И. было замечательное световое явление, продолжавшееся около сорока минут. В направлении от лица к груди и обратно двигалось нежгучее пламя серебристо-золотистого цвета, с необычайным ощущением «кольца» в области шишковидной железы (glandula pinealis). Сегодня ночью Н.К. и Е.И. получили замечательное известие».

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«24 апреля. Мы поднялись рано утром, чтобы ускорить отъезд. Возникла неизбежная задержка с караванными животными, которые прибыли в деревню, но по той или иной причине были задержаны в дзонге. Нам с Портнягиным пришлось идти во внутренний двор дзонга и выводить животных. После большой суматохи караван яков наконец-то отправился, и мы выехали в сопровождении двух доньеров, или местных чиновников, которые были назначены сопровождать нас в Шекар дзонг.

«Тропа шла по левому все ещё замёрзшему берегу Чорта цангпо. Сразу за селением Сага стоял огромный менгир из серого гранита. Камень был окружён многочисленными небольшими колоннами, сделанными из мелких камней белого кварцита. На внешней стороне плиты виднелись следы частых возлияний маслом. По словам чиновника, камень стоял здесь с незапамятных времен и был посвящён богине Пал-ден Лхамо (дПал-лдан Лха-мо), божественной покровительнице района. По преданию, он является обителем целого сонма могущественных божеств и поэтому назван Сага, или "Счастлирое Место". Этот местный культ Пал-ден Лхамо был введён по приказу правительства, и всем путешественникам приходится останавливаться здесь и совершать возлияния. Это хороший пример ассимиляции древних святылиц примитивной религии Тибета с современной тибетской церковью.

«Страна была совершенно бесплодной, и мы удивлялись, где же находятся пастбища местных кочевников. После короткого шестимильного перехода мы остановились напротив снежного пика Сага Джочунг. Заставлять чиновника двигаться дальше было бесполезно, так как он утверждал, что яки находятся в плохом состоянии и могут совершать только короткие переходы. По видимому, чиновник боялся местных кочевников и старался избежать неприятных разговоров. Его помощник оказался ни к чему не пригодным парнем и заботился только о себе. Достать зерно было невозможно, хотя каждый переход приближал нас к земледельческим районам Тибета. За один мешок ячменя, содержащий около семнадцати фунтов зерна, нам пришлось заплатить двенадцать нгу-сангов. <...>

«Здешние кочевники, казалось, были очень независимы и почти не обращали внимания на приказы чиновников, сопровождавших нас. Вечером нам сообщили, что несколько сменных лошадей сорвались с привязи и убежали, но наши часовые заверили, что лошадей увели их собственные хозяева. Мы выразили протест чиновнику из дзонга, но он был не в состоянии удержать людей и лошадей. Чтобы заставить чиновников более аккуратно исполнять свои обязанности, мы забрали лошадь одного из них, и на другой день ему пришлось идти пешком. В результате на следующих переходах мы были обеспечены нужным количеством сменных лошадей».

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

«24 апреля. Первый переход вышел невелик - всего 3 часа. Крестьяне считают своих яков слабыми и не хотят делать больших переходов. <...> В ночь на сегодня у нас была украдена одна попона с лошади. Это первый случай воровства за всю дорогу. “Приближаемся к собственно Тибету”, - замечает по этому поводу Н.К.

Сегодня утром, когда лагерь был снят и палатки убраны, как всегда явились тибетки и тибетцы подбирать оставшиеся бумажки и разный хлам. На этот раз ревностное участие в подборании мусора принял также сам начальник гарнизона Сага Цзонга. Вечером через наш лагерь прошли пилигримы, возвращающиеся из Лхасы. Пилигримы идут домой, в область Священных Озёр, к горе Кайлас. Странно, зачем понадобилось жителям действительно священной области идти в какую-то Лхасу? Или вековая привычка чтить Да-лай-Ламу ещё держится в народе?»

25 апреля 1928 г. Брампутра.

Из дневниковых записей П.К. Портнягина «Современный Тибет»:

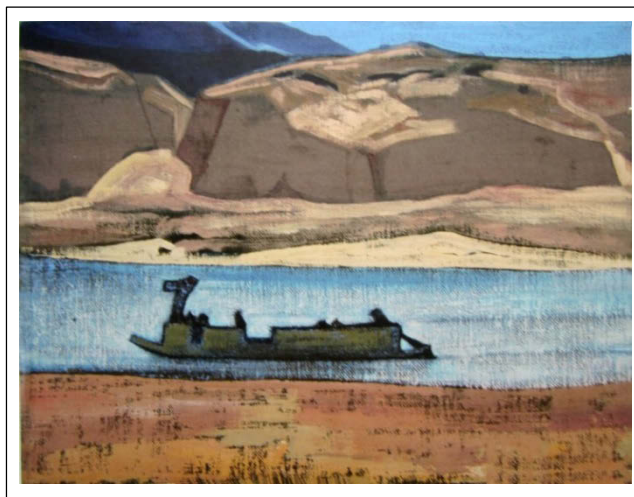
25 апреля. Брампутра. Местность ближе к реке несколько изменила свой характер - появилась трава и низкорослый кустарник, южные склоны гор расцвечены пятнами густо-зелёной туи. По дороге встретились два каравана: один на яках, с чаем и ячменем, впереди каравана ехала группа всадников в ярких халатах, красных чалмах, с карабинами за плечами - как оказалось, мо-нахи из Ташилунпо; другой - караван баранов с солью из Чантанга.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«25 апреля. На следующий день мы вышли рано. Тропа поднималась на перевал Джа ла, расположенный на высоте 16135 футов. С вершины мы любовались прекрасными пейзажами Гималаев. Спуск был очень пологим и шёл по хорошо проторенной тропе, за исключением пары сотен футов довольно крутого отрезка пути, идущего по краю обрывистого ущелья. <...>»

«При спуске с перевала мы столкнулись с первым большим караваном, который принадлежал ламе-торговцу из Ташилунпо и вёз тюки с чаем, одеждой, шёлком и металлическими изделиями в Ньима провинции Нгари корсум. Караван состоял в основном из яков, но вместе с ним шёл также большой табун лошадей без грузов, который перегоняли табунщики. Торговца сопровождало несколько вооружённых слуг в красных тюрбанах и с винтовками Маузера через плечо. Всё лето эти купцы торговали в провинции Нгари и ранней осенью возвратились во Внутренний Тибет. <...>»

«Мы пересекли пояс песчаных дюн с таким глубоким и сыпучим песком, что лошади увязали в нем по колено. К западу открылась укромная долина с текущим по ней ручьем. У подножия гор, обрамляющих долину, были видны отары овец и несколько стойбищ. Мы двигались по тропе, которая пересекала долину и входила в узкое горное ущелье на юго-востоке. Около трёх миль дорога шла по ущелью, затем по размытому каньону в долину Яру Цангпо - великой водной артерии Тибета. Мы разбили лагерь на песчаном плато на берегу реки.

Н.К. Рерих. Брахмапутра. Провинция Цанг. 1928.

«Наконец-то великая Брахмапутра! Трудно передать наши чувства. Крайне необходимо было остановиться на берегу большой реки и напоить наших лошадей. Берега, покрытые пльвунами, были сильно заболочены. В периоды летних наводнений река разливается и приближается к эоловым столовым горам, обнаруженным на высоких речных террасах.

«Место нашего лагеря было известно под названием Кьякья (сКья-сКья). Рядом с лагерем находилась переправа: две жалкие кожаные лодки, валяющиеся на берегу реки. Они были очень плохи и нуждались в ремонте. Отсюда маршрут вел к Тингри и Ньеламу, пересекая возвышенное плоскогорье южнее Цангпо. Местное население никогда раньше не видело верблюдов. Старики и молодежь собирались посмотреть на странных животных, которые важно бродили по берегу. Местные жители были уверены, что мы привезли этих необычных животных из самой Америки, где их используют как транспорт.

«Язык местных кочевников был близок к диалекту провинции Цанг. Люди, проходящие в наш лагерь, живо интересовались географией Тибета и задавали много вопросов о Чанг нам тшо, который на наших картах назывался Тенгри-нор. Также их интересовал Шенца дзонг, а дикие яки стали предметом оживленной беседы между нашим обслуживающим персоналом и местными старшинами. День был теплым, и на речных берегах мы нашли молодую траву. Сложили лагерный костер из можжевельнового кустарника, принесенного местными кочевниками, и многим из нас так понравился восхитительный смолистый аромат, что мы собрались и сели у кухонного очага. Как не похож он на вредоносный запах аргала!»

Из дневниковых записей Н.К. Рябинина «Развенчанный Тибет»:

«25/IV. Перевал Джа-ла. Вид на снеговые вершины Гималаев и долину Брахмапутры. Брахмапутра. Расставание с Н.К. и Е.И. как руководителями. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? «Устремление — ладья Архатов».

«С утра не обошлось без приключения. Двух лучших наёмных лошадей не оказалось. Тибетцы угнали их обратно. Предстоит небольшой перевал Джа-ла. Выходим в 8 ч. 30 м. утра. Погода благоприятствует. С вечера дул сильный ве-

тер, и небо было покрыто тяжёлыми облаками. Теперь же яркое солнце на безоблачном небе. Слева вершины горной гряды - около «Властителя Саги» - блестят на солнце, как глазурированная сахаром поверхность.

«Идём сначала долиной на восток, а затем начинаем подниматься на ближайшую возвышенность - направо к югу. Это начало очень красивого перевала Джа-ла, который в дальнейшем идёт по карнизу горы, во многих местах ниже карниза и по склонам, покрытым низкорослыми густыми кустиками туи. <...> С перевала, от обычного на нём обо с развевающимися разноцветными молитвенными лоскутками, открылся чарующий вид на далёкие снеговые вершины Гималаев, на тёмные, покрытые местами снегом отроги Трансгималаев и широкую долину Брахмапутры (Цзанг-по), где она течёт обильными водами в многочисленных и широких рукавах и извилах. <...>

«Долина оказалась песчаной, местами покрытой галькой; в восточной её части находится полувисохшее теперь озеро с изобилием на нём гусей, турпанов, чаек и других водяных птиц, плавающих, ныряющих и оглашающих воздух своими криками. <...> Опять повернули на юг; идём через песчаные холмы в долину с хорошими пастбищами, которая спускается к Цзанг-по. Наконец перед нами блеснули воды Брахмапутры, теперь обмелевшей, но достаточно широкой, чтобы рискнуть переходить её на лошадях вброд без опасения выкупаться в холодной пока воде в каком-нибудь неожиданном углублении на дне. По всей широкой долине следы разлива большой реки во время снеготаяния и муссонов. Действительно, это мощная река, которую питают и вечные снега высочайших в мире гор, и обильные муссоны в течение нескольких месяцев в году.

«Эта величайшая и могучая река - та грань, у которой все мы, европейцы, сопровождающие Н.К. и Е.И., должны с ними расстаться как с руководителями, ибо дальнейшего их пути не должны знать. Оба они полны энергии. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? При расставании я горячо благодарил Н.К. и Е.И. за всю их заботу в пути, руководство, советы и доброе отношение. Не мог удержаться и спросил Н.К.:

- Была ли проблема переоценки Тибета для вас неожиданной? Ведь по некоторым данным можно было думать, что вы шли в Тибет хотя и с благими намерениями, но с полным внутренним осознанием его тяжкой действительности?

Н.К. как-то задумчиво улыбнулся, смотря вдаль, и ответил:

- Устремление - ладья Архатов.

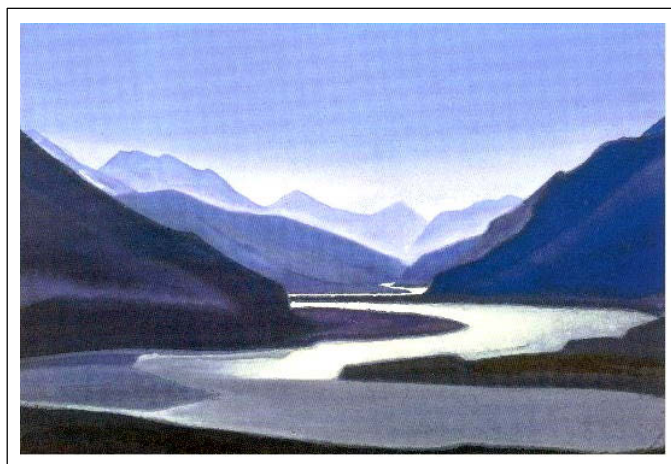
«Встретимся ли мы с Н.К.? Где и когда? Вот вопрос, который я задаю себе и теперь, как и много лет тому назад при расставании. А может быть, увидимся вскоре...

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«25/IV. Перевал Джа-ла. Вид на снеговые вершины Гималаев и долину Брахмапутры. Брахмапутра. Расставание с Н.К. и Е.И. как руководителями.<...>

«С утра не обошлось без приключения. Двух лучших наёмных лошадей не оказалось. Тибетцы угнали их обрат но. Предстоит небольшой перевал Джа-ла. Выходим в 8 ч. 30 м. утра. Погода благоприятствует. С вечера дул сильный ветер, и небо было покрыто тяжёлыми облаками. Теперь же яркое солнце на безоблачном небе. Слева вершины горной гряды - около «Властителя Саги» - блестят на солнце, как глазурированная сахаром поверхность.

«Идём сначала долиной на восток, а затем начинаем подниматься на ближайшую возвышенность - направо к югу. Это начало очень красивого перевала Джа-ла, который в дальнейшем идёт по карнизу горы, во многих местах ниже карниза и по склонам, покрытым низкорослыми густыми кустиками туи. Местами соседние горы тоже покрыты этими зарослями туи, издали кажущимися тёмными пятнами.

Н.К. Рерих. Брамапутра. 1930-е.

«С перевала, от обычного на нём обо с развевающимися разноцветными молитвенными лоскутками, открылся чарующий вид на далёкие снеговые вершины Гималаев, на тёмные, покрытые местами снегом отроги Трансгималаев и широкую долину Брамапутры (Цзанг-по), где она течёт обильными водами в многочисленных и широких рукавах и извилах.

«Спускались опять карнизами; перед нами красивые виды гор и долин. <...> Эта величайшая и могучая река - та грань, у которой все мы, европейцы, сопровождающие Н.К. и Е.И., должны с ними расстаться как с руководителями, ибо дальнейшего их пути не должны знать. Оба они полны энергии. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? При расставании я горячо благодарил Н.К. и Е.И. за всю их заботу в пути, руководство, советы и доброе отношение. Не мог удержаться и спросил Н.К.: - Была ли проблема переоценки Тибета для вас неожиданной? Ведь по некоторым данным можно было думать, что вы шли в Тибет хотя и с благими намерениями, но с полным внутренним осознанием его тяжкой действительности?

Н.К. как-то задумчиво улыбнулся, смотря вдаль, и ответил:

- Устремление - ладья Архатов.

«Встретимся ли мы с Н.К.? Где и когда? Вот вопрос, который я задаю себе и теперь, как и много лет тому назад при расставании. А может быть, увидимся вскоре...»

26 апреля 1928 г. Брамапутра.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

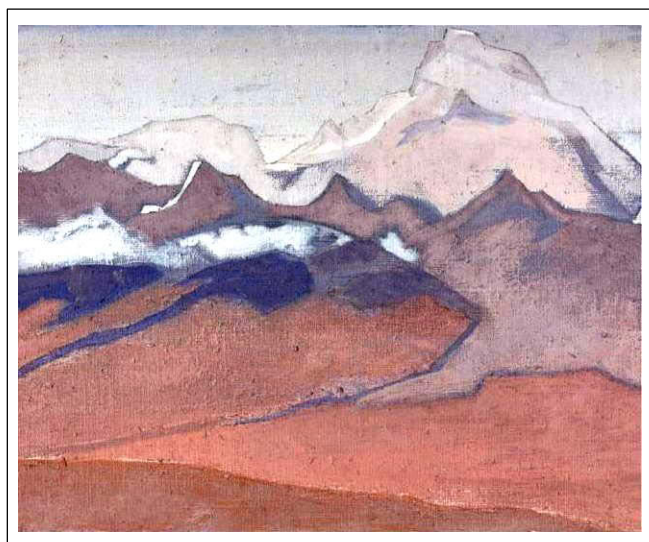
«26.IV. Брамапутра. Выхожу из палатки. Как всё изменилось, и что-то такое, с чем мы сроднились, - ушло. Вырос новый лик. Лик искания и утверждения».

26 апреля 1928 г. Путь на Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«26 апреля. В дорогу вышли рано, у всех в караване было желание побыстрее достичь земледельческих районов. Тропа шла по левому берегу Яру Цангпо. Местами утёсы глубоко вдавались в реку, и нам приходилось идти по воде. Яру Цангпо течёт несколькими руслами, которые, вероятно, объединяются во время паводка. Вода была мутной и полна круговоротов. <...> После шестимильного перехода вдоль северного берега, мы повернули к горной долине, простирающейся на северо-восток. <...>

«Мы прошли долиной ещё четыре мили и разбили лагерь на ровной площадке на берегу маленького горного потока, впадающего в Цангпо. Здесь по распоряжению ю-пона, или старшины Янджу, для нас было поставлено две палатки. Это место было известно под названием Пхур. Великолепные разноцветные скалы возвышались по обеим сторонам узкой долины. Тёмный базальт чередовался с полосками ярко-красного и пурпурного известняка, на фоне которого были разбросаны ярко-зелёные пятна можжевельниковых кустов. Снег ещё лежал в укромных оврагах. Люди из Янджу, которые привезли палатки, отказались снабжать нас топливом и кормом для скота на основании того, что они не желают служить джагарским или индийским пхи-лингам. Мы приказали узнать их имена и сообщить властям в Янджу. После таких суровых действий появились и топливо, и корм. Чиновники из Сага оказались ни на что не годными и беспомощными перед местным населением».

Н.К. Рерих. Путь на Шекар-Дзонг. 1928.

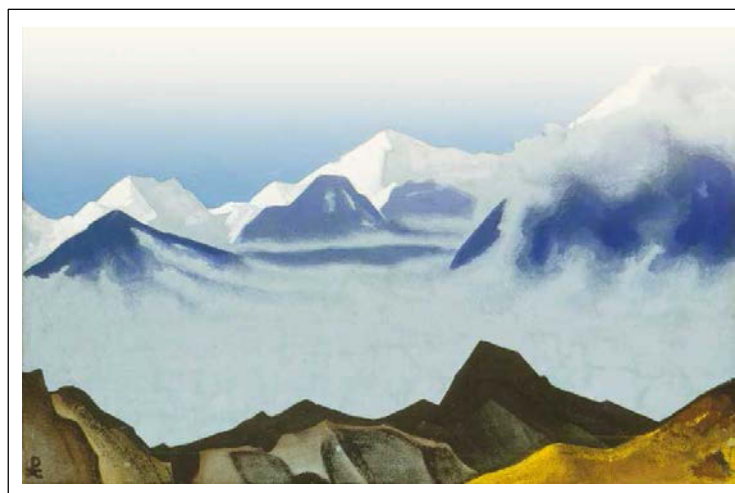
27 апреля 1928 г. Путь на Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«27 апреля. Тёплую ночь сменило морозное утро, термометр зарегистрировал - 6°С. Ночью ручей замёрз и покрылся тонкой коркой льда. Тропа вела по ущелью, затем сворачивала на восток в боковую долину. После двухмильного пути мы достигли подножия перевала Уранг ла. Подъём был долгим и крутым. Лошади часто останавливались и тяжело дышали. Одна из сменных

лошадей выбилась из сил недалеко от вершины перевала, и ее пришлось оставить. С вершины нам открылась грандиозная картина Гималаев, вероятно, самый величественный пейзаж в мире. Сверкающие под утренним солнцем, покрытые снегом зубчатые стены Гималаев высоко вознеслись над соседними горными вершинами. Мы все застыли в изумлении перед этой панорамой космического величия. Ни единое облачко не затеняло высокие пики, и все снеговые гиганты ясно и отчётливо просматривались в разреженной атмосфере Тибета. Позади пиков и снеговых пространств лежат знойные равнины Индии со всеми присущими им чудесами природы.

Н.К. Рерих. Хребет Канченджанги.

«Спуск был нетрудным и проходил по хорошо утоптанной дороге, которая огибала склон горы и вела в узкую долину. В долине мы остановились подождать верблюдов, которым тяжело пришлось на перевале. Как только мы различили их высокие силуэты на гребне горы, так тотчас же двинулись дальше. Храбрые животные преодолели высокий перевал и медленно спускались в долину.

«Пройдя эту долину, мы поднялись на следующий невысокий перевал с длинным и крутым спуском. Всем пришлось спешиться и отыскивать дорогу среди завалов и камней, преграждающих путь. Ниже перевала лежала большая песчаная равнина, открытая в долину Цангпо. Мы заметили руины древних сооружений, башен и стен, следы старых полей и ирригационных каналов.

«После пятимильного лёгкого перехода по равнине мы достигли Яру Цангпо и спустились к берегу реки по размытому каньону, прорезанному в известняковом склоне горного отрога потоком, который когда-то впадал в Цангпо, но позже высох. Многочисленные золотые столовые горы венчали речные террасы. <...>

«Обогнув скалистый горный отрог, нависающий над рекой, мы въехали в широкую долину, в которой расположился Янджу дангхар. Ступы и мендонги окаймляли дорогу. Вдали мы увидели несколько групп каменных и кирпичных построек. Это был Янджу. <...> Храм окружали грязные кирпичные постройки, а на улицах расположился караван яков с грузом ячменя для кочевых стойбищ, находящихся к северу от Трансгималаев.

«Мы подъехали к холмам, образующим северный край круглой долины Янджу, у подножия которых располагалась большая деревня. Резиденция

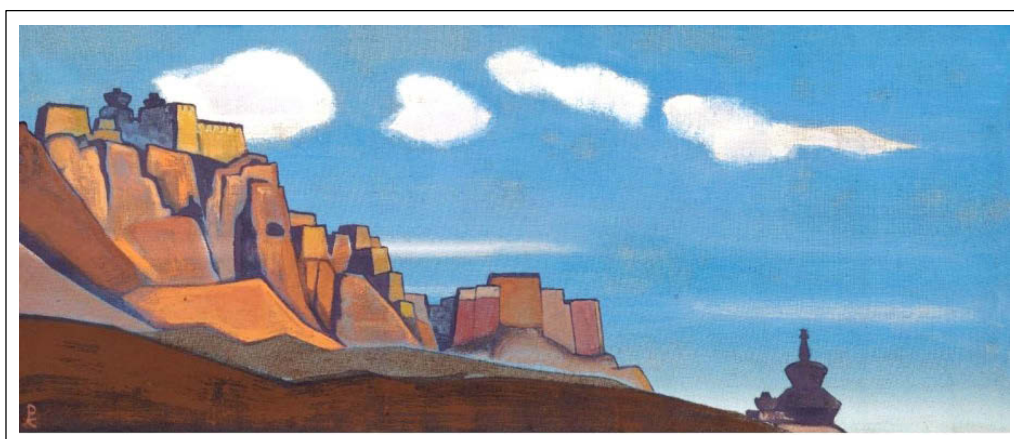
местного старшины и два монастыря Бон-по, с недавно побелёнными стенами, выглядели намного лучше, чем грязное и полуразрушенное строение монастыря Ньингма. Мы разбили лагерь на берегу ручья неподалёку от ячменных полей, принадлежащих деревне. <...> Для нас было поставлено три больших палатки и припасено достаточное количество зерна и даже сено с соломой. Большая толпа людей окружила лагерь. Мы попросили всех уйти, но местные жители настойчиво требовали позволения посмотреть на верблюдов, слух о которых летел впереди нас. <...>

«Нас посетил старшина Янджу и принёс новое дайиг, или "письмо-стрелу", сообщающее о нашем маршруте. Это письмо собирались отправить специальным верховым посыльным в Тингри и Шекар. Старшина попросил для большей значимости поставить на документе нашу печать. Яки ещё не прибыли, и нам предстояло целый день провести в Янджу. У местных жителей были только ослы и дзо. Вечером наши верблюды и лошади получили сено после восьми месяцев поста на ячменном зерне и скудной сухой траве тибетских нагорий».

28 апреля 1928 г. Путь на Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«28 апреля. Я проснулся рано, около четырёх часов утра, разбуженный непрерывным звоном и дребезжанием колокольчиков многочисленных ослов, которые возили воду в деревню и навоз на поля. Это были маленькие, но необычайно выносливые лохматые создания, способные временами нести грузы больше собственного веса. Тибетцы земледельческих районов держат ослов главным образом в качестве транспортных животных. <...> Утро было прекрасным и почти тёплым. Горы южнее Цангпо были покрыты завесой светлого прозрачного тумана. Утром мы посетили монастырь Ньингма в Чату, а также попросили о допуске в монастырь Бон-по, расположенный у подножия горной гряды на севере долины, но нам вежливо сказали, что после посещения монастырей чужестранцами другой веры следуют ужасные бедствия. Зерновые посевы часто полностью уничтожаются градом. Мы не стали настаивать и обратились к монастырю Ньингма. <...>

Н.К. Рерих. Твердыня Бон-по. 1933.

«Мимо деревни проходил торговый путь Нгари - Лхаса, по которому шло непрерывное движение в обе стороны. Всадники на мулах и лошадях с колокольчиками и огромными седельными выюками, маленькие караваны ослов и

дзо, везущих дрова, странствующие ламы и нищие - все двигались непрерывным потоком по узкой дороге, называемой лхасским джъя-ламом, или торговым путем.

«Мы собирались купить несколько вьючных мулов или лошадей для перевозки палаток. Для продажи привели несколько прекрасных животных, в основном мулов из Конгпо, но цены были невероятно высокими, около двух сотен мексиканских долларов за каждого.

«Местное население не принимало серебряные китайские доллары, и поскольку наш запас медных тибетских монет подходил к концу, нам с трудом приходилось добывать дополнительное количество шо. <...>

Поздно вечером местный старшина сообщил нам, что все караванные животные будут готовы на следующий день рано утром».

29 апреля 1928 г. Путь на Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«29 апреля. Все поднялись раньше, чем рассвет осветил горы на противоположном берегу Цангпо. Нам пришлось значительное время ждать прибытия вьючных животных и лошадей. Караван пришлось собирать по деревне, и так как каждый крестьянин имел только одно или два вьючных животных, то пришли все местные жители, чтобы везти наш багаж. На семьдесят вьючных животных у нас было сорок погонщиков! Новый караван состоял из тридцати косматых яков, двадцати ослов, десяти дзо, некоторые из которых были ростом с осла, и десяти вьючных лошадей. Вполне понятно, что продвижение всей этой массы караванных животных было далеко не ровным, и караван двигался несколькими группами с большими интервалами между ними. Первыми шли вьючные лошади, затем ослы и дзо, последними тянулись яки.

«Перед отправлением погонщики в течение часа с криками распределяли грузы. Несколько тяжёлых ящиков были оставлены, потому что их никто не хотел брать, и пришлось грузить их на дополнительных животных, которых поставил старшина. Все сменные лошади были лохматыми и недокормленными. Две из них даже не смогли выехать из лагеря и упали под всадниками. Пришлось седлать своих собственных лошадей.

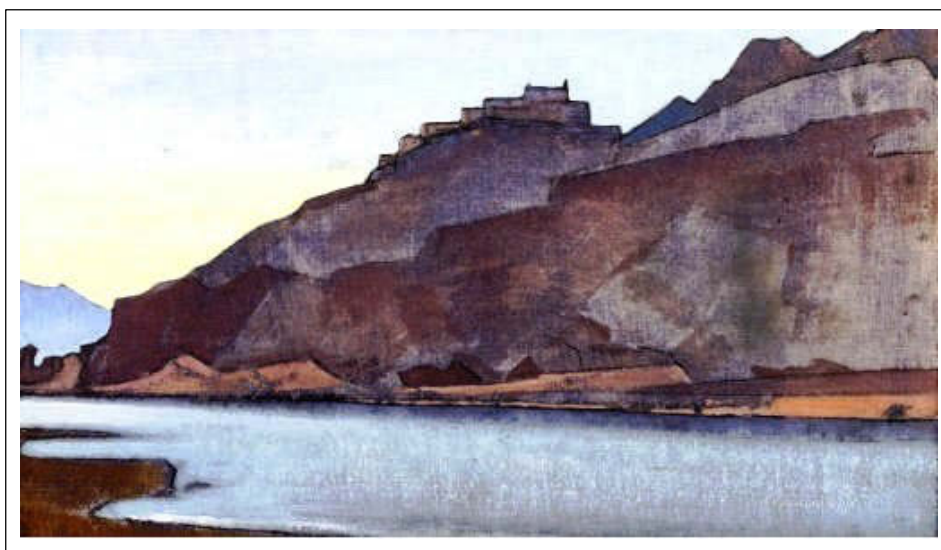
«Тропа шла по левому берегу Яру Цангпо. Мы проехали несколько деревень, окружённых ячменными полями. Издалека тибетская деревня или город напоминают один из прибрежных городов Италии. Расстояние сильно приукрашивает и иногда вводит в заблуждение. <...> Путешественник радуется мысли о том, что скоро устроит лагерь под тенистыми деревьями сада и будет бродить по живописному городку, который не может не сравнивать с приморскими городами юга Италии.

«Расстояние уменьшается, и очаровательная картина, которую он только что созерцал, вдруг исчезает. Глубокое разочарование постигает путешественника, и, должен сказать по своему собственному опыту, я часто испытывал сильное желание вернуться назад и снова полюбоваться издалека.

«Город всё ближе и ближе. Величественные особняки превращаются в большие кварталы жалких лачуг, на крышах которых стоят уродливые прутья с нацепленными на них обрывками разноцветных тряпок. Вместо тенистых садов на небольшом огороженном участке растут несколько деревьев. Деревенская улица с обеих сторон перегорожена кучами мусора, образующими настоящие крепостные валы перед каждым домом, из-за которых выгляды-

вают любопытные толпы, грязные до невозможности, но вполне довольные и жаждущие увидеть иностранцев.

«Разбить лагерь в такой деревне совершенно невозможно, и путешественнику приходится ставить палатку за её пределами на пустом поле. Плотная толпа собирается вокруг лагеря и внимательно наблюдает за каждым движением путешественников. Это хорошая возможность рассмотреть одежду местных жителей. Тибетцы большие любители одежды, дорогостоящих китайских шелков, парчи ярких расцветок и драгоценностей. Во время новогодних празднеств можно видеть толпы нарядно одетых людей, шествующих по улицам, но в повседневной жизни большинство тибетцев одеты серо, в лохмотья или грязные одежды из серой домотканной материи. <...>

Н.К. Рерих. Брамапутра. Провинция цанг. 1928.

«На противоположном берегу Цангпо высились величественные монастыри и руины крепостей, построенные на крутых скалах и обращённые к обрывам. Все руины и древние монастыри живописно расположены высоко над речной долиной. Более поздние постройки возводились у подножия гор. Эти уродливые деревушки состояли из прямоугольных стен, сложенных из высушенного на солнце кирпича и небрежно побеленных снаружи. Тибетская побелка - своеобразная и удивительная процедура. Однажды надо было побелить дом, в котором мы остановились, и для этого пригласили несколько местных крестьян. Они пришли с вёдрами и начали плескать побелку на стены, забрызгивая окна, двери, и двор. Находиться в доме было невозможно, и нам пришлось попросить людей прекратить работу и вернуться в деревню.

«Сразу над тропой на крутом обрывистом утёсе мы нашли пещеру со ступой внутри. Когда-то здесь было убежище известного отшельника из Ташилуңпо. Теперь пещера была заброшена, возвышаясь над долиной Цангпо, являясь молчаливым свидетелем великолепного прошлого и бесславного настоящего.

«После восемнадцатимильного перехода мы остановились у небольшой деревни вблизи монастыря, который имел переправу через Цангпо. Для лагеря мы выбрали ровную площадку на выступающем отроге, но жители деревни

запротестовали, говоря, что это особенное место посвящено лха. Пришлось подойти ближе к деревне и разбить лагерь на ячменных полях.

«Деревня состояла из пары хозяйств, поэтому трудно было раздобыть солому и зерно для животных. Жители выглядели дико, вид у людей был очень сердитый. Женщины носили такие же головные уборы, что и в провинции Цанг, и на некоторых были серебряные украшения в форме павлинов, вероятно, непальской работы. Очень сильно непальское влияние на произведения искусства в этой части Тибета, расположенной близко к границе Непала.

«С Портнягиным, сопровождавшим караван яков, произошёл по дороге несчастный случай. Его лошадь оступилась на обрывистом месте и упала с утёса. Портнягин едва успел спрыгнуть с лошади, которая катилась с кручи.

«Наши люди сообщили, что один из монголов, Очир, в Янджу опять напился и теперь сильно ослаб в дороге. С ним случился серьёзный сердечный приступ, а лицо и руки ужасно распухли. Он не смог ехать верхом и был оставлен под присмотром тибетца. Поздно вечером прибыл посыльный и сообщил, что Очир умирает и спрашивает своего брата Дордже. Дордже дали свежую лошадь, и он ускакал. Около полуночи оба вернулись. Очир, хотя и был очень слаб, приехал верхом. Наш доктор дал большую дозу сердечного стимулирующего средства, и монгол провёл ночь спокойно. Утром он попросил у нас прощения и был оштрафован на пять долларов за пьянство и недисциплинированное поведение. После этого случая в лагерь были вызваны два чиновника из Сага дзонга, и им было приказано удерживать крестьян от продажи спиртных напитков обслуживающему персоналу экспедиции. Вечером западный ветер гнал тучи пыли по речной долине, а ночью падал мокрый снег, покрывая близлежащие холмы».

29 апреля 1928 г. Путь на Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«30 апреля. Мы выехали примерно в семь часов утра. Тропа тянулась вдоль многочисленных мендонгов. Среди высоких скал мелькали куропатки. Мы проехали мимо нескольких разрушенных фортов, которые, как говорят, были построены китайцами после непальской войны 1792 г.

«Через четыре мили мы подошли к парому, который принадлежал монастырю Ньингма, расположенному на берегу реки. Паромом называлась большая квадратная деревянная лодка с вырезанной из дерева конской головой на носу. Такие лодки в Тибете обычно называются шинг-та, или "деревянные лошади". Ею управляли восемь лам из монастыря. Все движение через реку было закрыто, а паром предоставлен только в наше распоряжение. Каравану с зерном, который прибыл почти одновременно с нами, пришлось разгрузить яков и ждать своей очереди. На Цангпо работало несколько паромов, но многие из них были в плохом состоянии и нам пришлось пользоваться только этим. Лодка одновременно перевозила восемь лошадей и значительное количество багажа, который складывали на носу. Паромщики с трудом справлялись с судном в быстром течении, управляя с помощью двух больших весел, установленных в носовой части, по одному с каждой стороны. Каждым веслом работали два человека. Один давил на рукоятку весла, другой помогал ему, натягивая канат, прикрепленный к середине весла.

Переправа через Брамапутру. (Фотография экспедиции).

«Верблюдов перевозили не разгружая. Двух верблюдов погрузили одновременно и благополучно переправили через реку. Они оказались первыми верблюдами, переправившимися через Цангпо в этом месте. Торговец, едущий из Лхасы, попросил нашего разрешения использовать лодку при её возвращении на северный берег и переправиться вместе со своими четырьмя вьючными лошадьми. На торговце была необычная меховая шапка, как говорится, по последней лхасской моде. <...> Шапка сверкала на солнце и являла собой варварское и безвкусное произведение эпохи декаданса. Чтобы торговец не замочил ноги, слуга перенёс его на берег на своей спине.

«Переправившись через Цангпо, мы оседлали коней и поехали по южному берегу реки пока не добрались до одинокой деревни Шару, где было около шести кирпичных хижин, построенных вокруг руин прежней крепости. Форт, как нам сказали, относился к семнадцатому веку. Местные жители поведали, что прежде это место принадлежало лабрангу из Ташилунпо и что народ процветал под управлением Таши-ламы и никогда не платил такие высокие ежегодные налоги, какие он вынужден отдавать сейчас чиновникам из Лхасы. После ухода Его Святейшества Таши-ламы это место было занято правительством Лхасы, и с тех пор население уменьшилось, дома разрушились, и в район пришел голод. Нам удалось купить редис - первые свежие овощи, который мы увидели после отъезда из Ших-пао-чъенга в Нань Шаньских горах.

«Произошла неожиданная задержка нашего каравана яков на переправе. Предполагалось, что караван животных из Янджу от парома возвратится обратно, а новые животные из Шару повезут багаж в деревню. Поэтому грузы были переправлены через реку и оставлены на южном берегу. Яки из Шару прибыли вовремя, и чиновникам из Сага пришлось повторно пересечь реку и возвратиться с животными, которые уже шли обратно в Янджу. Багаж прибыл в Шару только в шесть часов вечера».

МАЙ

1 мая 1928 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«1 мая. Выехали очень рано, в пять часов утра, чтобы до заката успеть дойти до следующего перехода. Утро было теплое, и мы ехали следом за караваном яков, вышедшим раньше. Путь следовал по горной долине, движение по которой затрудняли многочисленные кочки. В некоторых местах лошади с трудом находили, куда поставить ногу, и спотыкались.

«Долина сузилась, и дорога стала каменистой и трудной. Огромные валуны на склонах, покрытых детритом, преграждали тропу. После трёхчасового подъёма мы достигли вершины Шару ла (17600 футов над уровнем моря). День был ясным, и мы могли видеть всю горную цепь Гималаев с Эверестом, над вершиной которого парили легкие облака.

«К западу от перевала высился остроконечный конус горы Цангла (21169 футов). На перевале наши проводники начали петь. Они пели о европейце, прибывшем в Лхасу, который сказал людям "доброе утро". Я подъехал поближе к ним и попросил повторить песню, но они засмеялись и отказались. Один из них был солдатом, прослужившим пять лет в Кампа дзонге на сиккимской границе, а теперь поселившийся в Шару. Другой проводник пришёл из Лхасы, где работал танцовщиком (гар-трук) в Норбу линг-ка, в летнем дворце Его Святейшества Далай-ламы. Он танцевал и пел на протяжении всего спуска с перевала. По словам наших проводников, несколько лет назад правительство решило вновь заселить район вокруг Тингри, разорённый войной с гурками в 1792 г., и нескольким сотням крестьянских семей было приказано оставить свои родные деревни в центральных провинциях Тибета и переехать в Тингри. Здесь их оставили в чрезвычайной бедности, выдавая только по три шо в день в виде субсидии от правительства.

«Мы спустились по узкой однообразной горной долине, спрятанной между травянистыми холмами, которые живо напомнили нам тоскливые хорские нагорья. Сходство было бы полным, если бы не Гималаи, сверкающими вершинами и глетчерами венчающие горизонт.

«После восемнадцатимильного перехода мы остановились на ровной площадке возле ручья с пресной горной водой. Долина носит название Панглунг, или "Долина дёрна". Наш погонщик верблюдов принёс плохое известие - второй верблюд умер на перевале. Животное болело несколько дней, и мы ожидали, что оно умрёт. Теперь у нас осталось только три здоровых животных. Мы послали мулов принести в лагерь груз, оставленный на перевале. Портнягин, которому снова пришлось остаться с тяжёлым багажом, сообщил, что наш тибетский проводник и чиновники из Сага дзонга напились после нашего отъезда, грозилась отрезать ему голову, отказались дать лошадь и приказали ошеломлённым крестьянам не слушать пхьи-лингов, или распоряжений чужестранцев. История началась из-за того, что Портнягин велел проводнику-тибетцу поспешить с погрузкой. Тибетцы прибыли в Панглунг в возбуждённом состоянии и сказали мне, что здесь они нас покинут и заберут с собой всех крестьян и животных. Я посоветовал им сохранять спокойствие и предупредил, что обо всех их действиях будет сообщено правительству, и я лично прослежу, чтобы они получили по заслугам. Это их успокоило, и они больше не вспоминали о происшествии. Беседа произвела благоприятное дей-

ствие на чиновника, он пришёл помочь поставить палатки и лично раздал сено и зерно нашим лошадям, чего раньше никогда не делал. Мы все основательно устали от такого беззакония и неподчинения».

2 мая 1928 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«2 мая. Как обычно, вышли рано. Гималаи ясно выделялись на темном фоне глубокого утреннего неба. Песчаная долина шла под уклон, и идти было нетрудно. Повсюду виднелись руины старых фортов, сторожевых башен и стен. Говорили, что это следы непальско-тибетской войны 1792 г., когда отряды гурков пронесли через провинцию Цанг, разграбили Шигадзе и Ташилунпо, и тибетцы были спасены китайскими экспедиционными войсками, посланными великим императором Манчу Чьен-лонгом (1736-1795 гг.). <...>

«В одном месте мы увидели остатки зубчатой стены, которая прежде закрывала вход в долину. После четырёхчасовой езды вышли на обширную равнину, которая, как говорили, соединяется с равниной Тингри, орошаемой Пхунгчу, протекающей мимо Тингри, Шекара, а затем по территории Непала, где она известна под названием Арун. Долина была геологически сформирована недавно и на большей части покрыта болотами и солончаками. Мы остановились в местечке, называемом Кхарчунг, которое состояло из нескольких хозяйств.

«На холме к северу от посёлка виднелись руины дзонга местного де-па, или начальника. Некоторые из здешних крестьян живут в пещерах, вырытых в известняковых склонах горного массива. Это были первые пещерные жилища центрального Тибета. Они обычно встречаются в Южном Цанге и западнее, по направлению к Нгари. Нам опять пришлось менять караванных животных. В полдень сильный западный ветер с яростью тряс наши палатки, а над горами сгустились грозные серые тучи. Вечером впервые шёл дождь, и Гималаи скрылись за клубами пыли, принесённой ветром с равнины».

3 мая 1928 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«3 мая. Исключительно прекрасное утро. Ураган очистил воздух, и горный пейзаж с его чёткими очертаниями и глубокими сине-фиолетовыми красками был великолепен. Над высочайшими пиками Гималаев нависли облака и скрыли вершину Эвереста. Мы шли на юг через равнину вдоль левого берега Пхунгчу. Земля была покрыта щебнем, и пейзаж несколько напоминал Гоби Центральной Монголии. <...> Мы пересекли грязную реку с илистым дном. В период паводка уровень воды поднимается и река затопляет окружающие болота. Правый берег был сильно заболочен, и нам пришлось сделать большой крюк, чтобы добраться до твёрдого грунта у подножия холмов. <...>

«После восемнадцатимильного перехода мы достигли маленькой деревушки Дагчо, состоящей из группы кирпичных домов с разрушенной сторожевой башней в центре.

«Население пребывало в чрезвычайной бедности, возделывая всего несколько ячменных полей, орошаемых каналами. Это место принадлежало секте красношاپочников, на что указывали красные, белые и тёмно-синие вертикальные линии, нарисованные на стенах домов. Нам опять пришлось менять караванных животных. Яков в деревне было мало, и багаж пришлось грузить на дзо.

«Вечером в лагерь пришли нищие странники, которые произвели такой ужасный шум, что пришлось попросить их оставить нас в покое. Большая группа паломников, направляющихся к священному озеру Манасаровар, ходила вокруг лагеря и пела, в надежде получить что-нибудь от сахибов. Поздно вечером к деревне подошёл маленький караван с грузом плиточного чая и разбил лагерь по соседству с нами.»

4 мая 1928 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«4 мая. Очень печальное зрелище представляет собой ландшафт равнины, ведущей в Тингри. Всюду руины, руины и руины - древние крепости, обезлюдевшие деревни, остатки зубчатых стен. Бесплодные, скалистые холмы по обеим сторонам долины лишь обостряют чувство полного опустошения. И над этими картинами разрушения вздымаются могучие блистающие снегом пики Гималаев - драгоценное ожерелье Азии. Через обширную равнину вы продвигаетесь к Тингри, чей тёмный силуэт возвышается на скалистом горном отроге на востоке.

«Тингри - четвёртая военная станция Тибета после Лхасы, Шигадзе и Гянцзе. Она имеет гарнизон приблизительно из пяти сотен пехотинцев под командованием Цанга и охраняет дорогу к Чьиронг дзонгу и Катманду. Равнина со всех сторон окружена хребтами гор, а на востоке выходит в широкую горную долину, через которую проходит торговый путь в Шекар дзонг, а затем в Шигадзе и Лхасу. Подходы к долине охраняются военным фортом Тингри. <...> Конечно, крепость не имеет никакой стратегической ценности и может быть легко обойдена с флангов продвигающимися с юга войсками. Солдаты гарнизона и их семьи живут в деревне, расположенной ниже форта.

«Две полуразрушенные ступы с фантастическими узорами и головами охраняющих божеств стоят у входа в деревню, расположенную на юго-восточном склоне горного отрога. Равнина около деревни заболочена, и стоило больших трудов найти сухое место для лагеря. После поисков ровное пространство было найдено недалеко от въезда в деревню. По прибытии в лагерь мы были неприятно удивлены, обнаружив большую толпу поджидающих нас зрителей. Ничего не было подготовлено: ни палатки, ни топливо, ни корм и, что самое худшее, никаких караванных животных к следующему дню, так как гем-по, или местный старшина, который занимался всеми гражданскими вопросами Тингри, отсутствовал в течение нескольких дней, а офицер, командующий фортом, известный в основном как Тингри да-пон (Тингри мда-пон), был в Лхасе, и его обязанности выполнял заместитель командира, который притворялся, что ничего не смыслит в местных делах попечительства гражданских лиц.

«Мы сразу же послали курьеров за старшиной и отправили сообщение майору, командующему фортом, с просьбой прислать солдат, чтобы очистить лагерь от толпы. В ответ на этот запрос явились два тибетца. <...>. Вероятно, в частной жизни оба были торговцами, поскольку один тотчас же предложил поставить сахар и овощи и даже поинтересовался, не купим ли мы несколько прекрасных верховых лошадей, принадлежащих его хозяину. Второй побывал в Калимпонге на индийской стороне границы и привёз полный ассортимент дешёвой душистой помады японского изготовления. Она очень популярна в Тибете, поскольку состоятельные люди обычно накладывают её толстым сло-

ем на лица для защиты от волдырей во время холодных тибетских ветров. Во время перехода через район Великих Озёр некоторым из нас пришлось обратиться к тому же средству и смазывать лица помадой, купленной в Нагчу. <...>

«В Тингри обнаружилась нехватка продовольствия, поскольку непальские торговцы, которые обычно прибывают в Тингри весной и летом, не приехали в этом году из-за сильных снегопадов на перевале Кхамбушарканг ла, который ведёт к долине Катманду. Однако после значительных усилий нам удалось купить некоторое количество порама, сушёного картофеля и лука. Нашим главным поставщиком стал бывший китайский лао-е форта, который со времени свержения китайского правления в Тибете занялся торговлей и стал полностью тибетцем.

«Местные крестьяне рассказали о тяжёлом положении в провинции Цанг. После вынужденного отъезда Его Святейшества Таши-ламы многие ламы покинули монастырь Ташилунпо. Провинция и монастырь в настоящее время управляются чиновником, назначенным Лхасой, который имеет титул Лабранг ша-пе (Ла-бранг шабс-пад). Все жаловались на высокие налоги, которые приходилось платить лхасскому казначейству. <...>

«Мы также встретили нескольких тибетских торговцев, которые хорошо знали дорогу в Сикким, и они заверили нас, что самый лучший путь туда проходит через Шекар - Добтра к северу от озера Тшомо Третунг и Кампа дзонга. Некоторые из них немного говорили на хинди и часто бывали в Гангтоке и Калимпонге.

«Ближе к вечеру прибыл местный старшина, высокий и седовласый. Он заверил, что всё будет готово для нас на следующий день и что мы не должны волноваться, потому что караванные животные, как и планировалось, достигнут Тингри до заката солнца, и мы сможем отправиться в Мемо - деревню, находящуюся между Тингри и Шекаром. К вечеру неожиданное событие взбудоражило деревню. Около семи часов в форте прозвучал сигнальный горн, и все солдаты, находящиеся в нашем лагере, посмотрели вверх на скалистый отрог. Что это было? Ошибки здесь быть не могло: горн призывал к оружию. И только позже до нас дошли слухи, что в Кхаме началась новая война, и правительство мобилизовывало отряды на восточную границу. <...> Солдаты спешно выехали и присоединились к своим частям. Был получен приказ, призывающий войска поддержать власть ламаистского правителя Тибета».

5 мая 1928 г.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«5 мая. Мы поднялись очень рано, но скоро обнаружили, что вьючные животные ни в деревню, ни в наш лагерь не прибыли, а старшина всё ещё наслаждался утренним сном. Мы с Портнягиным отправились к нему и строго приказали тотчас же приготовить животных, иначе ему придётся сопровождать нас в Шекар, где он будет передан дзонг-пону. Он оправдывался тем, что крестьяне игнорировали его приказы, и хотя в деревне было достаточно вьючных животных, он не смог их собрать без нашей помощи! Старшина настаивал на том, чтобы мы остались в его доме и дали ему время сбежать к помощнику и выяснить, готовы ли животные. Через полчаса он возвратился в отчаянии, рассказывая, что крестьяне посмеялись над ним и отказались выполнять приказы. Он попросил нас пойти с ним и разобраться в ситуации. <...> В каждом дворе неизменно происходило одно и то же. Старшина с тяжёлым

хлыстом в руке входил во двор и спрашивал громким голосом: "Вы готовы поставить животных, согласно вчерашнему приказу?" Вопрос сопровождался в большинстве случаев ударом хлыста. Получивший удар неизменно отвечал пронзительным голосом: "Ла-лес", то есть "да". <...> Таким образом, нам удалось собрать около половины нужного количества караванных животных. Остальные должны были прибыть из соседних ферм и деревень. <...>

«Мы возвратились в наш лагерь с двумя прекрасными верховыми лошадьми. Пришлось ещё пару часов прождать недостающих животных, которые, как сообщили, были уже в пути. <...> Наконец, караванные животные прибыли. <...>

Монгольская стрела. (Фотография экспедиции)

Мы покинули лагерь вскоре после того, как прибыл весь караван, оставив одного Портнягина следить за распределением грузов в последней партии вьючных животных. За несколько минут до их отбытия старшине принесли стрелу с прикрепленной к ней полоской красной ткани. Это был официальный приказ из Лхасы, предписывающий роте пехотинцев немедленно отправиться в Лхасу и присоединиться к экспедиционным войскам, стоящим в Поюле на юго-востоке провинции Кхам. Деревенским старшинам, проживающим вдоль маршрута, было приказано снабдить проходящие отряды транспортом и провизией. Приказ не произвёл большого впечатления на местных жителей, лишь большее количество чанга, или ячменного вина, было выпито в этот день. После прочтения приказа старшина тщательно намотал материю на стрелу и воткнул её в одну из наших коробок, таким образом, приказ о мобилизации путешествовал с нами к Мемо и дальше. Как оказалось впоследствии, старшина опасался отправлять приказ с верховым посыльным, который мог выбросить его, и поэтому предпочёл доверить важное послание иностранному каравану! Да-йиг, или письмо-стрела, объявляющее мобилизацию отрядов, прибыло в Мемо с нашим караваном и было обнаружено Портнягиным во время осмотра грузов. Оно было сразу передано местному старшине с объяснением, что мы не имеем никакого отношения к мобилизации. Несмотря на наши заверения, приказ после внимательного изучения был возвращён нам на том основании, что раз он прибыл с нами, то с нами должен и отбыть! Мы, конечно, отказались взять его, но утром он снова был воткнут в одну из наших коробок и таким образом прибыл в Шекар. По мнению старшины, надёжнее бы-

ло послать письмо с европейским караваном, чем доверить местному посыльному.

«Что случилось в Поюле? Задавленное чрезмерными налогами население некоторых наиболее воинственных долин восстало с оружием в руках против губернаторов Лхасы и их солдат. Сообщалось, что губернатор и около шестидесяти тибетских солдат расстались с жизнью в Поюле, стране знаменитых воинов. В Лхасе и Шигадзе были мобилизованы отряды, и лхасскому казначейству пришлось выдержать это новое напряжение. Кроме страданий войны стране приходилось переживать гибельные последствия мобилизации.

«В перемещении тибетских отрядов нет никакого порядка. Они обычно получают транспортные средства от местного населения. Солдатам приходится везти с собой провизию из дома. Все они едут верхом, некоторые на лошадях и мулах, а некоторые даже на ослах и яках. Никакой униформы нет, за исключением редко встречающихся краг, в то время как большинство людей одеты в тибетские кафтаны и меховые шапки. <...>

«Тибетская колонна представляет собой длинную вереницу всадников, которую сопровождают сотни вьючных животных, гружённых всеми видами домашнего и лагерного снаряжения. Среди багажа особенно бросаются в глаза мешалки для приготовления чая. Офицеры едут на своих собственных лошадях или мулах, которые иногда украшены богатыми попонами и имеют чрезмерное количество багажа, притороченного к седлу, из-за чего всаднику приходится сидеть на лошади как в кресле с вытянутыми вперёд ногами. Всё идёт хорошо, пока животное спокойно, но если оно вдруг пугается, то часто сбрасывает наездника и поклажу в дорожную пыль. Обычно вперёд посылаются верховые, объявляющие о прибытии отрядов. В данном случае посыльный, спешно отправленный в Шекар, по дороге присоединился к нашему каравану и не торопясь добрался до Шекара за два дня вместо одного, оставаясь всё время в нашем лагере и пользуясь всеми приготовлениями, сделанными для нас по приказу правительства. Всё это время он пьянствовал и доставлял большие неприятности. <...>

«Путь в Шекар пролегал по правому песчаному берегу Пхунгчу. Песчаные и известняковые утёсы высились по обеим сторонам долины. Страна живо напоминала районы Центральной Гоби. Повсюду виднелись небольшие деревушки со, скудными полями, на которых работали крестьяне. Молодая трава росла на речных берегах, покрытых стаями диких гусей, уток брахмини и чирков. <...>

«Около двух часов дня мы достигли маленькой деревушки Мемо, которая состояла из одного большого дома, принадлежащего местному старшине, и нескольких фермерских хозяйств в ее окрестностях. Мы были встречены женой местного старшины, пожилой женщиной, которая старалась устроить нас поудобнее. Лагерь разбили на ровном месте за деревней, и всё шло хорошо, пока наш тибетский проводник не напился и не отказался выполнять свою работу. Госпожа Рерих упрекнула его за такое поведение, и он, разъярившись, выбежал к толпе крестьян, крича, что мы плохие люди, потому что сказали, что он пьян, когда этого не было, и приказал крестьянам не обслуживать нас.

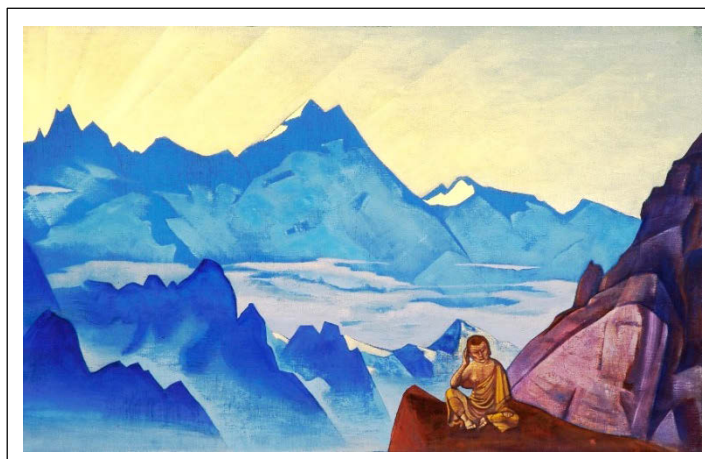
«Толпа испугалась и рассеялась, а мы остались без топлива и корма для животных почти на три часа. Недисциплинированный служащий ушёл в палатку и наотрез отказался выполнять свою работу. Солдат из Тингри, который сопровождал экспедицию в Шекар, тоже был пьян и совершенно не мог по-

мочь. Он пришёл ко мне и в отчаянии просил поговорить с крестьянами и убедить их изменить своё отношение. Пришлось идти к старшине, где я убедился, что его семья была во всём готова помочь нам. Жена старшины сразу созвала всех слуг и дала им строгие указания снабдить нас топливом и кормом и собрать животных к завтрашнему дню. Через час у нас было всё. Но за первой неприятностью последовала другая. Между караванщиками из Тингри и крестьянами Мемо возник серьёзный спор. Письмо с сообщением о нашем прибытии крестьяне получили всего за несколько часов до приезда экспедиции и не смогли приготовить нужное число караванных животных. Они решили нанять их у людей из Тингри. Те отказались и бросились уводить своих лошадей и мулов, но были задержаны группой жителей Мемо, в то время как другая группа крестьян пригнала всех животных старшине во двор. После бурного разговора вопрос был улажен, и караванщики из Тингри согласились отдать животных в наём. Профессор Рерих сразу уволил недисциплинированного служащего и сообщил, что о его поведении будет доложено районному губернатору в Шекаре.

«После полудня нас посетил лама из Ташилунпо. Почтенный монах горько жаловался на репрессии лхасского правительства и сообщил, что многие монахи оставили монастыри, а большинство богатых семей Цанга доведены до чрезвычайной бедности.

«Вечером мы сидели около палаток и наблюдали за непрерывным потоком всадников, едущих из Тингри в Шекар. Некоторые были на мулах, другие - на прекрасных верховых лошадях необычайно высокого роста, как говорили, выведенных в Центральном Тибете. Посыльные солдаты, отправленные из Тингри объявить о прохождении отрядов, выполняли свои обязанности не спеша и провели ночь в нашем лагере. Они напились, и один из них горько жаловался на грустную жизнь тибетского солдата. По его словам, едва его часть возвратилась из Кхама в Тингри, как снова получила приказ двигаться в Поюл и принимать участие в военной операции против по-пов. Наш третий верблюд стал показывать признаки истощения, и пришлось оставить его на попечении жены старшины. Пожилую госпожу пригласили в лагерь и подарили ей верблюда. Она чувствовала себя чрезвычайно польщённой и настаивала на том, чтобы мы проинструктировали её и её брата, как ухаживать за животным. Мы дали ей урок "верблюдоводства" и показали, как заставить его вставать на ноги и ложиться. Все зрители были сильно взволнованы, а храброе животное препроводили в его новый дом. Ворота, ведущие во внутренний двор дома, были слишком малы, чтобы через них мог пройти верблюд, и пришлось их расширить, удалив часть кирпичной стены. Это был первый верблюд, которого видели в этой области, и семья старшины по достоинству оценила выпавшую им честь. Ночью ужасная суматоха и беготня по лагерю заставили нас вскочить с постелей. Верблюд вырвался на свободу и возвратился к своим товарищам. Старшина со всем своим семейством гонялся за ним, но поймать животное им не удалось. Нашим людям пришлось отвести верблюда в новую конюшню, расположенную во внутреннем дворе дома старшины.

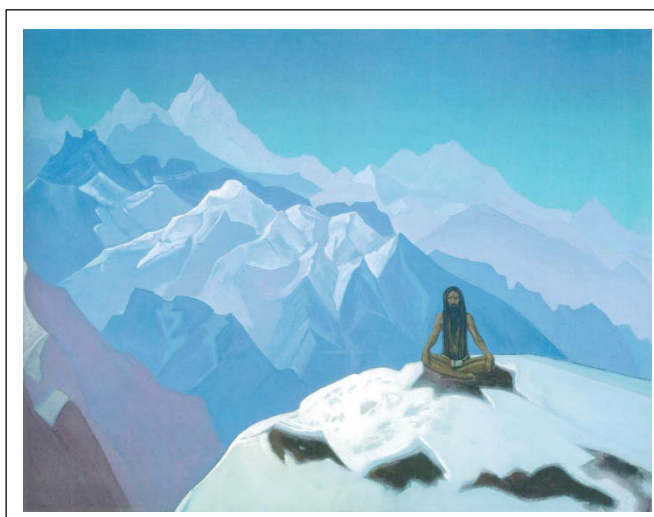
«С Тингри и областью, расположенной юго-западнее его вокруг горной цепи Лапчи кангри, связан один из величественных эпизодов религиозной и литературной истории Тибета. В первой половине одиннадцатого столетия здесь жил и трудился самый знаменитый учитель Тибета - отшельник Миларепа (Мила рас-па), святой Франциск Страны Снегов.

Н.К. Рерих. Миларепа услышавший. 1925.

«На юге Тингри в почти недоступных горных долинах, ведущих к высочайшим нагорьям земли, где снежные гиганты Эверест, Макалу и Гауришанкар вздымаются на громадные высоты, словно соперничая друг с другом, ещё живут отшельники, ревностно оберегающие тайну Миларепа, передаваемую через поколения учителей. Здесь в затерянных диких горах всё ещё можно услышать песни Миларепа и рассмотреть на стенах покинутых горных жилищ отшельников изображения Учителя, слушающего Внутренний Голос. Каждый год паломники поднимаются почти недоступными тропами к Эвересту, чтобы увидеть гигантский скол на склоне горы - след падения Наро Бон-чунга.

«Там, в отдалённых горах, можно всё ещё встретить затворников, членов тайного братства последователей Миларепа, именуемого "Братья и Друзья Тайного". На покрытых льдом склонах прохожий ещё может увидеть фигуру монаха в белых одеждах адепта тайной науки "Внутреннего Огня", или Лунг-тум-мо (лунг гтум-мо).

Н.К. Рерих. На вершинах. (Тум-мо). 1936.

«Молва об этой области распространилась далеко по всей буддистской Центральной Азии, и ученые ламы Монголии часто рассказывают о духовных учителях и отшельниках горной страны юго-западнее Шигадзе.

«По дороге в Тингри мы встретили нескольких лам - последователей Миларепы, совершающих паломничество в долину Лапчи и её храм. <...>. Их одежда состояла только из белого домотканого халата, ставшего серым от постоянной носки и непогоды; волосы были собраны в узел на макушке.

«Мне предоставилась возможность поговорить с ними и составить Гурбум, или собрание песен Миларепы. Я расспрашивал их о последователях Миларепы и известных убежищах в горах. Сначала они были озадачены моими вопросами. Какое право имел чужестранец расспрашивать о жизни их товарищей-монахов? Но постепенно, видя что я совершенно серьезен, они становились более общительными. Уже упомянутые "Братья и Друзья Тайного" - посвящённые ученики одного учителя, объединённые общим источником указаний. Они обычно останавливаются в горных убежищах и узнают друг друга по определенным приметам. Они практикуют интенсивную, медитацию и тайную науку "Внутреннего Огня", которая позволяет адепту часами сидеть на пронизывающем ветру и во время бури, не ощущая мороза. Наоборот, он чувствует приятное тепло, разливающееся по телу и иногда видит возникающие вокруг него языки пламени. Говорят, что некоторые из адептов этих практик, чьи жизни были особенно исполнены святости, способны растопить снег вокруг себя на значительном расстоянии. Перед достижением этой стадии тум-мо, устремлённый монах должен подвергнуться курсу обучения под руководством учителя, который пристально наблюдает за своими учениками. Без учителя тум-мо считается чрезвычайно опасным, и известны многие случаи, когда монахи сходили с ума. Я слышал о монахе, который практиковал концентрацию, позволяющую развить в себе тум-мо, в течение четырнадцати лет, но однажды был прерван случайным прохожим, потерявшим путь и спросившим монаха о дороге. В результате этого медитирующий лама испытал такой страшный удар, что не сумел перенести его и лишился разума. Правила тум-мо и медитаций, которые служат чтобы развить эту способность, содержатся в специальных руководствах. <...>

«Миларепа и его песни очень популярны среди жителей Тингри и его окрестностей, и легенды о нем часто рассказываются по вечерам возле костров лагерных стоянок и у деревенских домашних очагов. Автор получил огромную пользу от таких бесед с путешествующими торговцами и странствующими ламами».

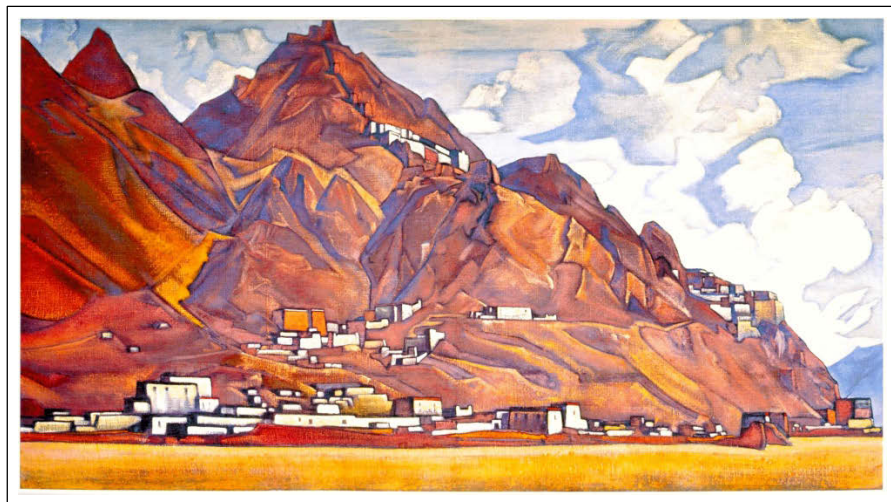
6 мая 1928 г. Шекар Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«6 мая. Выехали рано. В шесть часов караван покинул Мемо и пересёк обширную равнину, на которой находилась деревня. Обогнув скалистый мыс, тропа вошла в узкую долину, которую со всех сторон обступали известняковые хребты. В маленькой деревушке из дюжины хижин, расположенной на берегу Пхунгчу, дорога разветвлялась. Один путь шёл берегом реки к мосту, другой пересекал реку около деревни и вёл на северо-восток в горы. Второй путь был гораздо короче, и мы решили перейти реку вброд. Наняв двоих проводников, начали переправу. Река была глубокой, и те, кто ехали на низких лошадях, промочили ноги. Ещё труднее было обеспечить переправу ослиного каравана. Вода была слишком высокой для навьюченного осла, и некоторую крупную поклажу людям пришлось переносить на собственных спинах. Русло реки было песчаным, и в дождливые сезоны (июль-август) уровень воды значительно

поднимался. перейдя реку, мы вошли в сильно пересеченную известняковыми и песчаными холмами местность. Через две мили известняк исчез, и мы оказались среди каменных скал и горных массивов - свидетелей вулканической деятельности в недавний геологический период. <...> Миновав низкий скалистый отрог, вышли в узкую, хорошо защищенную долину, в которой располагался Шекар дзонг.

Н.К. Рерих. Шекар-Дзонг. 1928.

«Шекар - несомненно одно из наиболее живописных мест Тибета. Сам дзонг возвышается на скалистом массиве. Ниже форта находилось несколько монастырей, из которых наиболее важным был Шекар чоде. Все монастыри принадлежали к правящей секте ламаизма - жёлтошапочникам. Город Шекар был построен у подножия горного массива и делился на две части маленькой грязной речкой. Район Шекара управлялся двумя губернаторами, светским и ламой-чиновником, или рце-друнгом. Во время нашего визита светский губернатор находился в Лхасе, и ответственность за руководство районом была возложена на клерикальную коллегия и кутшапа, или представителя гражданского губернатора. Ламой-губернатором был молодой человек со спокойными и достойными манерами, но выглядел он унылым и, очевидно, не проявлял большого интереса к административной деятельности. Большинство дел дзонга были возложены на его главного секретаря. Настоящий губернатор жил не в живописном дзонге на вершине холма, а занимал небольшую квадратную постройку в центре города.

«Нам показали место для лагеря к югу от города, но местный старшина очень медленно занимался необходимыми приготовлениями, и целый час был потрачен на спор с ми-сером тху-ми, или представителем населения Шекара, который должен был позаботиться о наших нуждах. Профессор Рерих и я сразу поехали на встречу с губернатором, чтобы уточнить наш дальнейший маршрут в Кампа дзонг. Мы нашли его осматривающим наш лагерь из-за выступа стены на крыше дома.

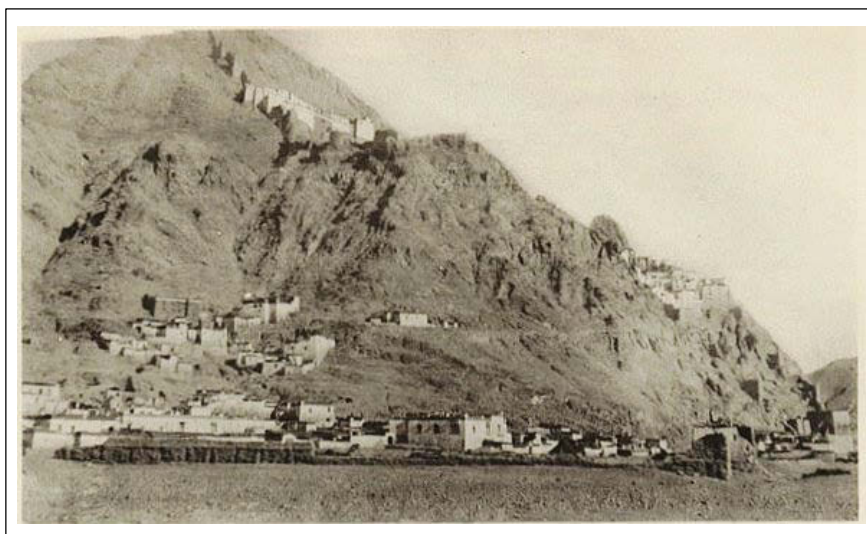
«Нас провели в большую комнату на втором этаже. Губернатор сел на обычный низкий стул около окна и вежливо поинтересовался нашим здоровьем и трудностями, которые мы испытали в пути. Большая часть переговоров велась секретарем губернатора и важным таможенным чиновником из Лхасы, который совершал инспекционную поездку по району Шекара. Этот

господин вёл большую часть беседы. Прежде он был губернатором Нагчу и очень стремился узнать о современном положении дел в том районе. Он имел смутное представление о внешнем мире, а Америка была ему известна под китайским названием Мейкуо. Он выразил неподдельный интерес к небоскре-бам и попросил разрешения посетить наш лагерь в полдень. Секретарь губер-натора сообщил, что животные не могут быть готовы ранее, чем через три дня. Это заявление подкреплялось длинной аргументацией. Мы стремились поскорее отправиться вперёд, чтобы покрыть расстояние между Шекаром и следующими тремя этапами до того, как придут отряды из Тингри и рекви-зируют весь доступный транспорт.

«Таможенный представитель, который принимал живое участие в бесе-де, сообщил, что письмо с приказом предоставить караванных животных, бы-ло отослано несколько дней назад, но у крестьян не хватило достаточно вре-мени, чтобы собрать и доставить их сюда. <...> Мы требовали разрешения продолжить путь в Кампа дзонг через Добтра, севернее озера Тшома Третунг, но губернатор настаивал на другом маршруте - через Тингкье дзонг. По его мнению, в Добтра не сделаны необходимые приготовления, и караван от Ше-кар дзонга не сможет везти наш багаж всю дорогу до Кампа дзонга. Наконец, мы покинули дзонг, получив обещание губернатора, что животные будут до-ставлены в Шекар 9 мая». <...>

«Прибыл секретарь дзонга, чтобы сосчитать наш груз. Он поручил двум убого выглядевшим крестьянам, одетым в лохмотья, присматривать за ним ночью. Затем сообщил, что власти находились в большом затруднении, по-скольку кроме нас они должны были снабдить транспортными животными и другие прибывающие отряды, но обещал сделать все от него зависящее.

«Непрерывная вереница всадников на лошадях, позвякивающих коло-кольчиками, проезжала мимо нашего лагеря. Большинство из них были тор-говцы, прибывающие из Внутреннего Тибета. Некоторые ехали на прекрасных животных и имели очень живописный вид. Около нашего лагеря находились ячменные поля Шекара, и крестьяне вспахивали их на ярко украшенных буй-волах».

Шекар дзонг. (Фотография экспедиции)

7 мая 1928 г. Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«7 мая. Утром мы запасались провизией для дальнейшей поездки. Цены на пищевые продукты были необычайно высокими. Наш лагерь был переполнен зеваками, которые наблюдали за каждым нашим движением и даже пытались забраться внутрь палаток. <...> Пришлось обратиться к губернатору и попросить у него пару человек, чтобы выгнать толпу. Люди появились быстро, но никого не смогли разогнать и предложили нам самим это сделать, поскольку толпа не осмелится оказывать сопротивление иностранцам. Вместе с Портнягиным нам удалось отогнать толпу за пределы лагеря, но люди продолжали стоять на значительном расстоянии и даже садились, устраиваясь поудобнее. Очевидно, они решили провести весь день, наблюдая за происходящим в лагере иностранцев.

«В полдень чиновники дзонга нанесли нам ответный визит. Их очень интересовали фотографии Нью-Йорка. Они считали этажи в каждом здании и удивлялись количеству транспорта на улицах. "Наш Тибет намного отстал от вашей страны, - сказал таможенник, - неудивительно, что вы презираете нас из-за нашей отсталости". Во время их визита толпа снова заполонила лагерь, и даже сами чиновники не смогли её разогнать. Люди вплотную подходили к палаткам и толпились у входов, поэтому в них стало совсем темно. Чиновник протестовал, но почти безуспешно».

8 мая 1928 г. Шекар-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«8 мая. Губернатор уверил нас, что сделает все, что в его силах, чтобы обеспечить нас караванными животными. Всё больше солдат прибывало из Тингри, следующих в Лхасу и Поюл; главная колонна отряда следовала позади. Около полудня лагерь был внезапно наводнён огромной толпой монахов различных возрастов, которые толпились вокруг палаток, заглядывали внутрь и делали нашу жизнь невыносимой. Толпа была ужасно грязной, и я постоянно вспоминал слова капитана Роулинга, сказанные о другом тибетском монастыре: "Их тела были всегда густо покрыты жиром и салом, а большинство открытых частей тела наводило на мысль, что ламы только что завершили чистку дымохода или загона для скота".

«Чтобы у нас больше не было задержек на пути в Кампа дзонг, мы убедили губернатора послать специального верхового в Тингкье дзонг и Кампа дзонг, а также написать письмо местным чиновникам с просьбой ускорить поставку караванных животных».

9 мая 1928 г. Шекар-Дзонг - Кампа-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«9 мая. Поздно вечером мы услышали топот большого стада, идущего по главному тракту, и нам сказали, что это животные, приготовленные к нашему отъезду на следующий день. Утром здесь не оказалось никаких караванных животных, а колонна, прошедшая ночью, была обычным караваном с ячменем, принадлежащим частному торговцу.

«Толпа чиновников и старшин собралась в нашем лагере и занялась бесконечным обсуждением того, как разместить наш груз. Секретарь дзонга обошёл деревню и собрал всех годных вьючных животных. К десяти часам утра

нужное количество было найдено, и караван несколькими колоннами покинул Шекар. У властей возникли проблемы с местными ламами, которые, как предполагалось, поставят около двадцати ослов. В последний момент монахи отказались от своего обещания. Секретарь форта вызвал главного ламу и строго приказал ему предоставить животных. После горячего спора непокорные монахи со своими животными появились на месте событий. Для себя мы получили необыкновенно прекрасных верховых лошадей, поскольку местные чиновники вынуждены были отдать своих собственных. Полковник ехал на хорошем сером коне, а я получил крупного чёрного мерина.

«Выехали довольно поздно, а переход предстоял длительный. Тропа тянулась по левому берегу Пхунгчу, или Аруна. Миновали несколько маленьких деревушек. По обеим сторонам реки высились известняковые гребни с глубокими следами эрозии. В некоторых местах путь пресекался выветренными каньонами, прорезанными в склонах гор.

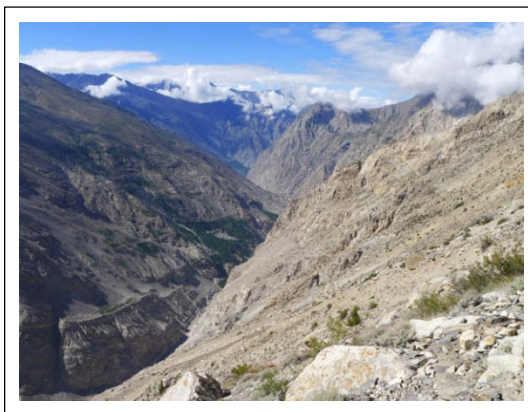
«После пятичасовой езды вдоль берега Пхунгчу мы въехали в большую деревню Цона, которая была местом нашей стоянки. <...> Деревенские жители неверно информировали нас, сказав, что палатки приготовлены примерно в четырёх милях отсюда, ниже по течению реки. Веря им на слово, мы продолжили путь, но, к удивлению, ничего не обнаружили на указанном месте и решили дождаться прибытия представителей дзонга. Мы разбили временный лагерь на берегу реки и сварили чай. Я остался на выступающем холме с полевым биноклем, чтобы наблюдать за нашим караваном. На широкой равнине со стороны деревни Цона ничего не было видно. В шесть часов нас отыскала группа всадников, среди которых были представители Шекара и наши монголы. Представители были очень раздражены и сообщили нам, что деревенские жители подготовили палатки для нас примерно в шести милях дальше этого места. Поскольку дорога была лёгкой и ровной, мы направились туда.

«Снова сели на лошадей и поехали через огромную песчаную равнину, которая занимала обширное плато на берегу реки. Темнело, но лагеря не было видно. Наконец, после перехода длиною в двадцать восемь миль, мы наткнулись на старую китайскую почтовую станцию, очень похожую на заведения подобного рода в других частях Внутреннего Китая, и одну чёрную палатку, установленную за пределами двора. Это и было место лагеря. Вьючные животные прибыли только в два часа утра, и у нас была только одна палатка. Большинству из нас пришлось искать укрытие в палатке, разбитой местными жителями, и на постоялом дворе. Я предпочёл спать на открытом воздухе, используя в качестве кровати пару поваленных деревьев. За рекой в тусклом вечернем свете виднелась деревня и несколько монастырей, разбросанных по горным склонам. Второй представитель из Шекара, отсутствовавший весь день, прибыл поздно ночью. Он получил ложное сообщение о том, что мы переправились через реку и остановились в деревне на противоположном берегу. Он был насквозь мокрым и безнадежно пьяным. За нашим лагерем находилась глубокая канава, полная грязи и воды, и чиновник свалился в неё вниз головой. Пришлось спасти его вместе с лошадью и препроводить на постоялый двор. непокорные монахи из Шекар чо-де побросали свою поклажу на плато к востоку от Цоны и возвратились домой. Ранним утром нам пришлось отправить людей и животных подобрать груз».

10 мая 1928 г. Путь на Кампа-Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«10 мая. Вышли в путь очень поздно, поскольку и люди, и животные сильно нуждались в хорошем отдыхе после трудного перехода предыдущего дня. Дорога проходила по притоку Аруна, далее поворачивала на восток и пересекала песчаную равнину с полосами дюн. Весь ландшафт походил на равнину Китайского Туркестана. Перейдя через равнину, мы подошли к песчаному руслу другого притока Аруна. Воды в реке было немного, и у нас не возникло трудностей при переправе. Тропа шла по узкому ущелью, окружённому известняковыми хребтами. По дну ущелья протекал крошечный горный поток, впадавший в приток Аруна. Через шесть миль путь вышел на обширную равнину с несколькими деревнями. Деревня Чунгтю была расположена на берегу небольшого ручья, текущего на юг. Она была чрезвычайно интересна и живописна, так как стояла на известняковом холме, причудливо изрезанном узкими проходами, которые служили улицами. На выступе холма находились большие ступы и несколько домов. В этом же месте расположился небольшой монастырь красношапочников, принадлежащий большому королевскому монастырю Саскья. Мы разбили лагерь на высокой террасе за деревней. Караван снова задержался в пути, и мы получили свои палатки только в десять часов утра. Часть нашего каравана была не в состоянии добраться до деревни, и им пришлось разбить лагерь на берегу реки».

Путь в Ташиганг. (Современное фото).

11 мая 1928 г. Ташиганг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«11 мая. Отправление было снова отложено из-за неприятностей с караваном. Крестьяне из Шекара отказались нести наш багаж в Ташиганг, который был местом нашей следующей остановки. Из Чунгтю есть два пути в Ташиганг: один - через Пха ла, перевал в горной цепи северо-восточнее Чунгтю, а второй - через равнину, на которой расположен Чунгтю, и мимо горной цепи на юго-востоке от Чунгтю. Второй маршрут был намного длиннее, но на нём не было перевалов. Некоторые из крестьян решили идти длинным путём, остальные согласились следовать коротким - через Пха ла. Дорога в Пха ла проходила через селения и фермы с небольшими зарослями тополей и ив. Около Пха ла мы видели даже остатки того, что когда-то было большим лесом. Подъём на перевал был крутым, но коротким и вывел в широкую долину, где находилась Ташиганг».

«Ташиганг - большая деревня, в центре которой возвышался огромный дом местного старшины. Улицы были настолько узкими, что двое всадников не смогли бы разъехаться друг с другом. Дома построены плотно друг к другу, и на расстоянии создавалось впечатление, что все это было одним огромным строением. Дом старшины был двухэтажным с большим внутренним двором и конюшнями, где мы разместили наших лошадей.

«Лагерь для нас был разбит за домом старшины на небольшом ровном участке земли, который, вероятно, был прежде ячменным полем. Множество ирригационных каналов разделяло большую долину на квадратные участки, засеянные ячменем. Крестьяне казались гостеприимными. Некоторые из них немного знали хинди и бывали в Индии. Равнина Ташиганг была густо населена и покрыта фермами и дереvушками. К югу и юго-востоку возвышалась высокая горная гряда, где был расположен перевал Гулунг ла, который нам предстояло преодолеть на пути в Тингкье».

12 мая 1928 г. Путь на Шекар Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«12 мая. Утром старшина неожиданно отказался от поставки караванных животных. Он сообщил, что губернатор Шекара знает совершенно точно, что Ташиганг не находится на главном пути в Тингкье и что в соответствии со специальным приказом Его Святейшества Далай-ламы Ташиганг освобождён от почтового, или ула-обслуживания. Два чиновника из Шекара, сопровождавшие нас до Тингкье, были неспособны убедить старшину и только попросили его дать им письменное подтверждение, что он и сделал. Мы были вынуждены использовать тех же самых животных. Крестьяне упорно отказывались предоставить животных, несмотря на угрозы чиновников, прибывших из Шекара. Большая часть каравана провела ночь в миле от деревни. Крестьяне собирались поехать в Ташиганг и передать груз местному старшине. Один из чиновников Шекара расположился за деревней, и когда караван подошёл ближе, приказал погонщикам сворачивать в сторону Гулунг ла. Последовала бурная сцена, в ходе которой чиновнику пришлось применить свой кнут. Караван повернул и медленно пошёл к перевалу.

«Мы покинули деревню и поехали за караваном, пересекли ручей, протекающий за деревней, и начали длительный подъём на перевал. На тропе мы догнали караван ослов, шедший впереди нас. Большая часть животных изнемогала под тяжестью грузов. Их владельцы со слезами на глазах просили позволить им возвратиться в Шекар, потому что их животные не могли преодолеть крутой перевал, высовывали языки и падали в изнеможении. Ситуация казалась серьёзной, и мы решили расследовать дело. Вскоре обнаружилось, что у ослов было достаточно сил, чтобы продолжить переход в Тингкье, но владельцы преднамеренно заставили их лечь, и бедные животные уже не могли подняться под тяжестью грузов. Мы приказали им немедленно поднять животных и продолжать подъём.

«Чиновники из Шекара находились всё ещё в деревне в ожидании сменных лошадей, и нам пришлось послать им сообщение. Полковника и меня оставили с грузом. Мы начали разгрузку, а "истощённые" животные вскочили на ноги и принялись пастись на горном склоне. После прибытия чиновников колонну ослов снова нагрузили, и она медленно начала двигаться к перевалу.

Профессор Рерих с остальной частью нашего отряда был уже далеко впереди, на вершине перевала. Полковнику и мне пришлось остаться с двумя верблюдами, помогая погонщику. Подъём был чрезвычайно крут, и нам потребовалось целых три часа, чтобы добраться до вершины. Мы спустились с перевала, следуя через размытый каньон к равнине, бассейну озера Тшомо Третунг.

«К югу поднималась заснеженная горная цепь Центральных Гималаев. Путь проходил вдоль западного берега озера. Около озера мы догнали остальную часть нашего отряда и пересекли плоский перевал, расположенный юго-западнее озера. Вскоре после того как мы достигли вершины перевала, пошёл мокрый снег и подул холодный западный ветер. Спуск был длинным, но постепенным и вёл к огромной нагорной равнине, распростершейся вдоль северного подножья Гималаев. Путь был тяжёлым, во многих местах заваленный горами детритов и валунов, скатившихся с горных склонов. У подножья мы миновали маленький сельский дом и несколько ячменных полей. Оттуда дорога поворачивала на запад, и вскоре перед нами оказался дзонг Тингкье на западном берегу небольшого озера.

«В окрестностях дзонга было несколько монастырей и деревень. Несколько чиновников дзонга встретили нас и проводили на восточный берег озера, где прежде располагалась лагерная стоянка конной экспедиции к Эвересту. Несмотря на то, что местный дзонг-пон получил письма с сообщением о нашем прибытии, животные не были готовы, и нам предложили остаться ещё на один день в Тингкье и выехать 14 мая. Мы согласились, поскольку наши верблюды и лошади нуждались в серьёзном отдыхе после трудного подъёма на Гулунг ла. Наш лагерь был расположен в красивом месте, и мы наслаждались своим пребыванием в Тингкье. Севернее от нас находились монастырь жёлтошапочников Ташичомбу и принадлежащая ему деревня. Сам дзонг, большое квадратное здание, окружённое кирпичными и каменными лачугами прислуги, был построен на противоположном берегу озера. Дорога в дзонг тянулась вдоль дамбы, которая разделяла озеро на две части.

«На следующий день профессор Рерих и я пошли повидать дзонг-пона, чтобы установить плату за наем каждого животного до Кампа дзонга. Входом в дзонг служили огромные ворота, за которыми находился вымощенный камнем двор. Как и во всех тибетских постройках, здесь имелась конюшня. Со двора мы поднялись по каменной лестнице с высокими ступенями на второй этаж, затем по деревянной лестнице туда, где нас ждал губернатор. Он сидел на веранде, выходящей на внутренний двор. Это был ещё молодой человек с приятными манерами, одетый в обычную тибетскую пуру, который произвел на нас хорошее впечатление.

«После обычных комплиментов и взаимных расспросов о здоровье мы начали говорить о деле. Дзонг-пон сообщил нам, что стоимость найма каждой лошади будет соответствовать местным ценам, ни больше и ни меньше. Сослали несколько местных старшин, и началось длительное совещание. Наконец были установлены следующие цены: три нгу-санга за каждую лошадь и один нгу-санг и пять шо за каждое вьючное животное. По словам дзонг-пона, в его районе зима была необычайно снежной, и много людей замёрзло, преодолевая перевалы Гималаев. Сепо ла был уже свободен от снега, а высокие перевалы южнее Тингкье были всё ещё непроходимы».

13 мая 1928 г. Путь на Кампа Дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«13 мая. В утреннем свете легкие облака нависли над вершинами гор, а проплывающая туча поприветствовала нас легким дождем. Утро мы провели в монастыре Ташичомбу, который находился на склоне скалистого гребня. Дорога, ведущая к монастырю, поднималась по склону горы и была окружена мендонгами и небольшими разрушенными ступами. <...> Монастырь обнесён кирпичной стеной, несколько ворот ведут во внутренний двор, вымощенный большими каменными плитами. Это филиал большого монастыря Дрепунг в Лхасе, и периодически сюда присылают лам на один-два года. <...>

«Настоятель монастыря, высокий лама из Дрепунга, который проживал здесь временно, приветствовал нас на внутреннем дворе и проводил в зал собраний. В мерцающем свете жертвенных лампад перед алтарём мы заметили позолоченные глиняные изображения Будды Сакьямуни и его двух главных учеников - Шарипутры и Маудгальяны. Фигурки Цзонкапы и его двух учеников - Дже-тшап-дже (рГьял-тшап-рдже) и Кхе-дуб-дже (мКхас-груб-рдже) - стояли на алтаре. Перед изображениями горела большая жертвенная лампада из серебра. Часть стен была занята под монастырскую библиотеку с полным собранием Канджура и Танджура старого нартанского издания; свободные места были расписаны фресками в общепринятом стиле. Я заметил несколько изображений главных идамов Жёлтой секты, начинающихся с тантрической фигуры Ямантака, покровителя секты. У входа в храм стояло огромное изображение идама Калачакры, представленного в тантрическом виде. <...>

«По словам кхан-по, или настоятеля, только сто монахов проживали в настоящее время в монастыре, остальные рассеялись по стране или паломничали. На выходе из зала нас встретил лама, которого очень интересовало, не подать ли сахибам чай, или ман-джу, в зал монашеских собраний и какими деньгами они будут рассчитываться: нгу-сангами, китайскими долларами или индийскими рупиями. Мы поняли, что это был финансовый советник монастыря.

«Остаток дня мы потратили на починку и приведение в порядок грузов. Наши палатки очень нуждались в ремонте. Верхнее покрытие моей палатки было изорвано на куски бурей несколько недель назад, и мне пришлось довольствоваться единственным слоем брезента.

«Наш лагерь посетил губернатор с маленьким сыном и несколькими чиновниками. Он узнал, что у нас есть фотографии Нью-Йорка, и очень хотел их увидеть. Губернатор делал умные замечания и, очевидно, понял, как много предстоит его стране учиться у внешнего мира».

14 мая 1928 г. Путь на Кампа дзонг.

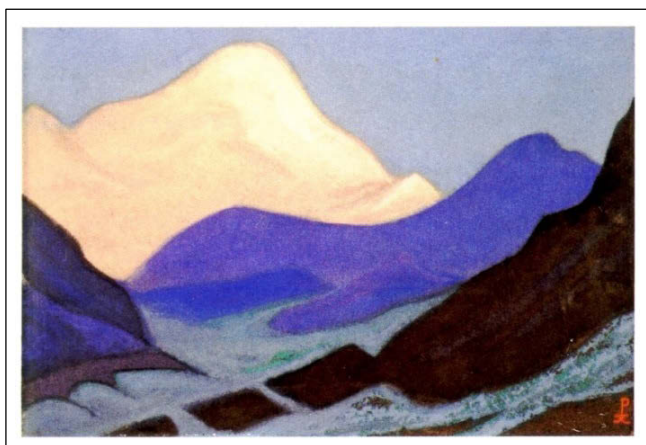
Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«14 мая. Непросто было начать формировать новый караван, так как багаж пришлось снова распределять по шести различным деревням. Погонщики снимали свои подвязки и отдавали их старшине, который решал, какой груз кому следовало везти.

«Был облачный день, и Гималаи скрывались за непроницаемой завесой тумана. Далеко в горах гремел гром; все утро шел редкий дождь с мокрым снегом. После двухчасовой сутолоки мы покинули лагерь, оставив последнюю группу каравана. Тропа шла по равнине, протянувшейся от Тингкье до Кампа

дзонга. Она была ровной и пересекалась болотистыми соляными участками и полосами песчаных дюн, окруженных сыпучими песками. Мы прошли мимо маленького озера, называемого местными жителями Чанг тшо. Чтобы избежать болот на берегах озера, нам пришлось свернуть на север в сторону холмов и въехать в узкую долину, загроможденную камнями и скоплениями детритовых пород.

«После двухчасового перехода мы достигли маленькой деревни Лингкар, расположенной на твердом участке земли, со всех сторон окруженной болотами. К юго-востоку от деревни возвышался снежный пик Джомо юммо, и вечером прекрасный закат ярко освещал вздымающуюся снежную цепь к югу от нагорной равнины».

Н.К. Рерих. Кампа дзонг. (Розовая вершина). 1938.

15 мая 1928 г. Кампа дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«15 мая. Мы выехали рано, в шесть часов утра, чтобы до полудня добраться до Кампа дзонга. День обещал быть ясным, и снег Гималаев сверкал в лучах утреннего солнца. К несчастью, я потерял моего тибетского волкодава Кадру. Собака была, вероятно, украдена поселянами. Мы ходили от дома к дому, но не нашли никаких его следов. Впоследствии мы уведомили об этом губернатора Кампа дзонга, но даже он был бессилен отыскать собаку или найти вора.

«Мы продолжили наш путь на восток, к небольшой деревушке Менде. В Менде мы пересекли маленькую речку Яру чу. В это время года река была мелкой, но говорят, что летом она наполнялась огромным количеством воды. Переправившись через Яру чу, мы поднялись на низкий песчаный гребень и оказались на равнине Кампа дзонг.

«Кампа дзонг - одно из наиболее живописных мест Тибета. Сам дзонг скрыт в узком горном ущелье, защищенном высокими песчаниковыми хребтами. Старый дзонг построен на скалистом утёсе. Это квадратное здание добротной кирпичной кладки, окруженное каменными стенами и башнями, которые защищают подступы к долине. <...>

«Когда мы подъезжали, губернатор встретил нас за деревней и сопроводил в лагерь. Нам сообщили, что животные не смогли прибыть вовремя и что, вероятно, придется остаться ещё на один день в Кампа.

16 мая 1928 г. Кампа дзонг.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«16 мая. Прекрасный солнечный день. Утром мы совершили экскурсию к старому дзонгу на вершине утеса и нанесли ответный визит губернатору форта. Старый дзонг, с гордо возвышающейся каменной стеной, является одним из самых лучших архитектурных творений старого Тибета. Южнее дзонга, высоко на гребне хребта стоял небольшой монастырь Кампа рито, известный святой жизнью проживающих там восьми монахов.

«В полдень нас снова посетил губернатор. Он вспомнил, что встречал Свена Гедина в Сага дзонге в 1908 г. Мы долго говорили о Тибете и других странах, о создании карт, полевых биноклях и фотографии. В полдень мы снова отправились к губернатору, чтобы установить цены на животных до Тхангу на сиккимской стороне границы.

«Поздно вечером в ущелье появилась черная колонна, а знакомый свист погонщиков возвестил о подходе нашего каравана яков, предназначенного для завтрашнего отъезда. Яков привязали веревками вокруг лагеря; горели лагерные костры, освещая окрестности».

17 мая 1928 г. Путь на Гангток.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«17 мая. Мы отправились в путь очень рано. Перед рассветом лагерь был уже собран, а грузы распределены. Дзонг-пон предоставил нам своих собственных животных до Тхангу, прекрасных мулов и лошадей. Нам предстоял короткий переход до пограничной деревушки Кьеру. Посыльный выехал с письмами от губернатора и от нас к полковнику Ф.М.Бейли и старшине Лачена с сообщением о нашем прибытии. Когда-то в Нагчу мы просили правительство Тибета сообщить британским властям о нашем прибытии и надеялись, что они подготовились к нашему приезду. После нетрудного двухчасового перехода по поднимающейся равнине мы добрались до маленькой грязной деревушки Кьеру. Из-за большой высоты над уровнем моря заниматься земледелием здесь было невозможно, и деревушка служила перевалочной станцией для проходящих караванов и пограничной заставой. Мы разбили лагерь на ровной площадке около деревни. Мимо нас проезжали путешественники из Лачена. Большинство из них были его коренными жителями, едущими торговать в Кампа дзонг.

ПРОЩАЙ, ТИБЕТ!

18 мая 1928 г. Путь на Гангток.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«18 мая. Памятный день для всех членов экспедиции. Несмотря на резкий холод ранних утренних часов, все были на ногах до рассвета, и в темноте мерцали лагерные костры. Лошади были оседланы, палатки свёрнуты и погружены на мулов. До восхода солнца всё было готово к отправлению, но для подъёма на перевал было слишком темно, и нам пришлось ждать ещё час. Наконец лучи солнца осветили снежные пики, возвышающиеся со всех сторон вокруг Сепо-ла, и длинная вереница наших наездников и караванных животных покинула Кьеру и начала подъём на перевал. Восхождение прошло очень спокойно. Всё выше и выше поднималась тропа, пока не достигла вершины

перевала на высоте в 16970 футов. Каменная пирамида отмечала вершину, которая являлась политической границей между Тибетом и Индийской Империей. Затем начался постепенный спуск мимо обширных снегов, ледников и громадных пиков. Из-за близости снегов было очень холодно.

«Прощай, Тибет, земля бурь, ветров и негостеприимных правителей! Мы направлялись к стране чудес - Сиккиму - с рододендроновыми лесами и деодарами. Долина сузилась, и тропа обогнула маленькое озеро, в котором берет свое начало река Лачен. Внезапно чудесный аромат наполнил воздух, словно мы приближались к сосновым лесам. Но мы ехали и ехали и не видели никаких признаков деревьев. Перемена произошла внезапно. Тропа свернула в узкое ущелье реки Лачен, и в отдалении мы увидели горные склоны, густо поросшие вечнозелеными кустами балу. Растения были в полном цвету и покрывали склоны гор бело-розовыми цветами.

«К вечеру мы заметили впереди что-то тёмное. В бинокли мы увидели первый лес рододендронов, растущих на горных склонах. Дальше вниз по речному ущелью, где грохочет река Лачен, находилась гостиница при почтовой станции Тхангу, и всё вокруг было покрыто восхитительно цветущим рододендроновым лесом. Незабываемая картина, такая желанная после трёх лет странствий по бесплодным районам Внутренней Азии.

«Проехав ещё одну милю, мы слезли с утомлённых лошадей перед бунгалом, и нас приветствовал дружелюбный чоукидар, или смотритель места. Было странно снова находиться в доме, сидеть в комнатах и иметь возможность снять шубы, сапоги и пропылённые меховые шапки.

«Мы волновались за наших монгольских лошадей, которые пугались деревьев и не хотели идти в конюшни. Местное население никогда раньше не видело верблюдов и интересовалось их назначением. Наши два верблюда первыми прибыли из Кампа дзонга, и мы радовались, что смогли привести обоих животных здоровыми в Сикким, особенно большого чёрного верблюда, который прошёл весь путь от реки Булугун, что около Кобдо в Северо-Западной Монголии, преодолев более пяти тысяч миль.

19 мая 1928 г. Путь на Гангток.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«19 мая. Пришлось остаться на один день в Тхангу и ждать старшину Лачена, который сообщил нам, что прибудет с вьючными мулами и верховыми лошадьми. Он приехал в полдень и любезно помогал нам подготовить новый караван в Гангток. Он согласился сам сопровождать караван и нанять мулов до Гангтока, что не типично для жителей Лачена. Остаток дня мы отдыхали в просторной гостинице почтовой станции.

20 мая 1928 г. Путь на Гангток.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«20 мая. Когда мы проснулись утром следующего дня, караван с багажом уже ушёл, и мы поспешили сесть на лошадей. Что за чудесная страна эта долина Лачен! Весна была в полном разгаре, и мы получали удовольствие проезжая через леса. В Лачене экспедиция была очень радушно принята мисс Торнквист из финской миссии. Благодаря ей, мы достали некоторые продукты и настоящий сахар, которого были лишены очень долгое время. На следующий день мы были в Цзонтанге. Пришлось остановиться в палатках, так как мест-

ное бунгало было смыто разлившейся рекой. Долина Лачен - опасное место, поскольку ежегодно происходят оползни и уносят большие пласты плодородной земли.

От Цзонтанга мы прошли через Сингик к Дричу. В Сингике нас встретил начальник сиккимской военной полиции, направленной Дурбаром Сиккима в помощь нашей экспедиции.

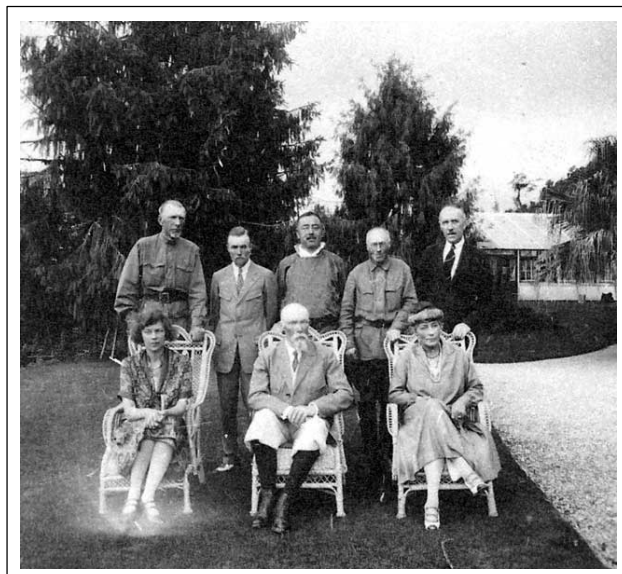
24 мая 1928 г. Гангток.

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

После Нагчу-Дзонга наш путь лежал минуя Тенгри-Нор на Шендза-Дзонг, откуда через несколько перевалов на Сага-Дзонг. Затем по берегу Брахмапутры к границам Непала на Тенгри-Дзонг. Шекар-Дзонг и Кампа-Дзонг были последними пунктами этого двух с половиной месячного пути перед Гималайским перевалом Сепола. После Сепола мы спустились через Тангу в Гангток, столицу Сиккима, и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли, его супругою и махараджею Сиккима.

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«24 мая экспедиция прибыла в Гангток и была гостеприимно встречена полковником и госпожой Бейли в их доме, где мы провели два восхитительных дня.

В британской резиденции. Гангток, Сикким. 24-26 мая 1928 г.

сидят: Mrs. F.M. Bailey, Nicholas Roerich, Helena Roerich,

стоят: Н. Кордашевский, Ю. Рерих, неизвестный, К.Рябинин, Фридерик М. Бейли

Из книги Н.К. Рериха «Сердце Азии»:

26 мая 1928 года прибыли в Даржилинг, поместившись опять в нашем Талай-Пхо-Бранге для обработки художественных и научных материалов.

30 мая 1928 г.

Из книги «Тибетские странствия полковника Кордашевского»:

«30.V. Всю ночь сижу над дневником и, наконец, ставлю последнюю точку. Летопись нашего путешествия закончена.

«Заря разгоняет мрак, и с ним точно расплываются и стены комнаты. Опять вздымаются перед глазами угрюмые горы Тибета, вьются по карнизам пропастей тропинки и, пенясь, бьются о скалы потоки. И кажется, что в призрачном шестивии скользит через седую завесу утренних туманов наш караван. Проходят медлительно-важно верблюды, понуро идут косматые яки. По бокам каравана, покачиваясь в своих высоких седлах, едут монголы в ярких кафтанах и меховых шапках, с карабинами за плечами. Группами идут черные тибетцы с длинными готскими мечами за поясом и с косами длинных волос, украшенными дорогой бирюзой. А впереди — европейцы. Обветренные, исхудалые лица, истрепанные одежды. Тесной кучкой окружают они изорванный в бурях и непогодах — звездный флаг экспедиции. И я невольно вытягиваюсь и отдаю ему честь, как солдат своему боевому знамени. Дрогнув, расплывается и исчезает видение. Прощайте, спутники незабвенного путешествия, прощайте.

«Таёт группа с развевающимся над ней знаменем, и только одна, освещённая лучами восходящего солнца, стоит передо мной как живая фигура Н.К.Р. в походном уборе. С обычной улыбкой смотрят глаза, и рука точно жмет мою руку в прощальном рукопожатии. И мысленно я говорю ему:

«Прощайте, большой человек, прошедший через мою жизнь в окружении созданного Вами волшебного путешествия».

Эпопея нашего похода закончена, и отныне из сказки личных переживаний - она становится достоянием истории.

31 мая 1928 г. Дарджилинг, Кулу.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

Дарджилинг, 31 мая 1928

Дорогой Света,

Радовались получить твою телеграмму. Пишу тебе краткую записку, пользуясь случаем послать с верным человеком. Подробности нашей экспедиции не пишу, узнаешь при личном свидании. Ждём осенью. Прошу тебя посмотреть, чтобы Гейтнер полностью выслал мне книги, которые я ему заказал...

Сейчас живём на старом месте в Хиллсайде. Полковник Кордашевский и доктор Рябинин на днях уезжают в Калькутту. Я остаюсь на лето в Дарджилинге, где буду работать над дневниками экспедиции. Думаю издать в 1929 году. О трудностях пути ты знаешь из нашей телеграммы в Нью_Йорк. Сейчас все нуждаются в отдыхе. Напиши, когда получишь это письмо. Пожалуйста, зайди к Пеллио и передай ему мой привет, также к Бако. Пришли фотографии твоих новых работ.

Мама очень устала от дороги, крепко тебя целует.

Достань для меня через Жоржа: Глазунов «Служба Генерального Штаба», а также новые французские книги по боевой службе конницы. Книги эти привези с собою.

Твой Ю. Рерих

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»:

«26 мая все европейские члены экспедиции отправились дальше в Дарджилинг. Три монгола: Очир, Дордже, и Манджи, которые так преданно служили экспедиции в трудном переходе через Тибет, должны были возвратиться в свои родные места в Цайдам через Лхасу. Благодаря любезной помощи полковника Бейли, им были выданы паспорта и разрешалось сохранить выданные винтовки. Два из сорока двух верблюдов, оставшиеся в живых, были подарены Его Высочеству Махарадже Сиккима, и мы были рады узнать, что Его Высочество согласился держать животных в своём тибетском поместье в Добтра. В Дарджилинге экспедиция была официально распущена, её участники вернулись домой, унося с собой воспоминания о могучих снежных цепях гор, ревущих горных потоках и бескрайних пустынях.

Несмотря на огромные трудности, включая политические перевороты и неблагоприятные для путешествий сезонные смены погоды, во время которых экспедиции часто приходилось продолжать свой путь, она достигла замечательных успехов и вернулась с уникальным описанием районов Внутренней Азии.

Канченджунга. Вид из Дарджилинга.
(Фотография из архива Н.К. Рериха, ОР ГТГ.)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонды: 44, 106.
2. Периодические издания конца XIX- нач. XX вв., хранящиеся в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи. Журналы: «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Мир искусства», «Жар-птица». «Зодчий», «Нива» и др.
3. Государственный архив Российской Федерации, Москва. Ф. Р-8350. Главный Концессионный Комитет при Совете Народных Комиссаров СССР. 1922 – 1937.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Москва
5. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
6. Архив Columbia University Libraries, Bakhmeteff.
7. Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1.
8. Архив Русского культурного центра, Дели, Индия. Ф. 1.
7. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, фонд 698.
8. Центральный государственный исторический архив СПб. Фонд 448. (ЦГИА СПб.)
9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
10. Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина.
11. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (ОР ИРЛИ РАН)
12. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ)
13. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1918 г.
14. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
15. Н.К. Рерих «Цветы Мории». Берлин 1921.
16. Н.К. Рерих. "Пути благословения". Алатас. 1924 г.
17. Алтай – Гималаи (Мысли на коне и в шатре) 1923-1926. Улан-Батор. 1927. (Оттиск вступл.)
18. 41. К.Н. Рябинин «Развенчанный Тибет». 1928 .
19. Ж. Сент-Илер «Криптограммы Востока». Париж. Я Поволоцкий и К°. 1929.
20. А.В. Ярёмко «Николай Константинович Рерих». 1931. Нью-Йорк.
21. Игорь Грабарь « Моя жизнь» (автобиография). Изд. Искусство. 1937.
22. Рерих Н К. « Из литературного наследия», М., 1974.
23. Каталог художественных произведений Н.К. Рериха с 1885 по 1974. Составил В.В. Соколовский. Новосибирск, Ротапринт НГУ, 1974. - 144 с.
24. 2 альбома с наклеенными фотографиями с картин Н.К. Рериха, составленные В.В. Соколовским. (*Место хранения - Государственный музей Востока.*)
25. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
26. Грабарь И. Э. Письма (1917–1941). М.: Наука, 1977.
27. В. Сидоров. Против течения: Повесть. - М.: М.А. "Мир через Культуру". 1992. - с. 96.
28. И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. СПб. 1993.
29. De visu 4(5)'93 . Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.
30. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
31. Н.К. Рерих. Шамбала. М.: МЦР, 1994.
32. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996.

33. Е. Яковлева «Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха». Изд. «Агни». 1996.
34. Рерих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара: ТОО «Агни», 1996.
35. Фосдик З. Г. Встречи с Рерихами (По страницам дневника. 1922-1934). М.: Сфера, 1998.
36. П.К. Портнягин. Современный Тибет. (Экспедиционный дневник П. К. Портнягина) (1927-1928) // Ариаварта, № 2. 1998.
37. Н. Декроа. Тибетские странствования полковника Кордашевского. СПб., 1999.
38. Елена Ивановна Рерих. Письма (1919-1933) М.: МЦР, 1999.
39. Юрий Николаевич Рерих. Письма. (1919-1935 гг.) М.: МЦР 2002.
40. Вестник Ариаварты. 2002. № 2.
41. Откровение, (1920-1941). М. «Сфера». 2002.
42. Высокий путь. Ч. 1. Москва. «Сфера». 2002.
43. Вестник Ариаварты. 2003. № 1-2.
44. П.Ф Беликов. «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». М. 2004.
45. (Е.И. Рерих. Листы дневника. (1927-28). Москва. 2006 .
46. Альбом «Николай Рерих». В 2-х томах. Самара: Агни; М.: Академия художеств; Цюрих: Кунст Бератунг, 2008.
47. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих, Святослав Рерих, Юрий Рерих, Елена Рерих. В 2-х томах МЦР. Москва, 2009.
48. Пётр Крылов Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в музеях и собраниях Индии. СПб.2009.
49. Записи Учения Живой Этики. Т. 5-8. М. 2007- 2009.
50. Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.
51. Пётр Крылов «Индийский путь». СПб.2015.
52. Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик. Москва. 2016

Примечание. При *передаче наименований географических объектов* (топонимов) принято сохранять их первоначальный звуковой строй в новой языковой среде. В случае отсутствия официальной общепринятой версии среди исследователей и переводчиков часто возникают разночтения т.к. одни и те же топонимы у соседних племён и групп могут различаться фонетически. Кроме того при воссоздании исходного названия средствами русского языка (алфавит, графика) трудно подобрать соответствующий эквивалент для столь отличных языков, (принадлежащих к разным языковым группам).

Так, например, на тибетском языке озеро "Нам-цо" – "Небесное озеро", на монгольском и маньчжурском языках оно произносится как "Тенгри-нор".

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЧАСТЬ 1.

1925г.

1. Фото Н.К. Рериха. 1927-1928. г. С.3.
- 2-4. Н.К. Рерих. Варяжский путь. 1907. / Сон Востока. 1921. / Белый храм. 1924 С. 5.
5. Н.К. Рерих. Жемчуг исканий. 1924. С. 8.
6. Карта «Маршрут экспедиции Н.К. Рериха». С. 10.
7. Н.К. Рерих. Карданг. 1925. С. 13.
8. Н.К. Рерих. Муссон. 1924 г. С. 18.
9. На перевале Карданг (*фото экспедиции*). Сент. 1925. С. 19.
- 10-11. Н.К. Рерих, Тирит. 1925 г. / Долина Нубры. 1925. С. 20.
12. Долина реки Нубры (*современное фото*) С. 21.
13. Н.К. Рерих, Сандолинг. 1925. С. 22.
- 14-16. Склоны долины Нубры, покрытые «белоснежной содой» (совр. фото). / Н.К. Рерих. Долина реки Нубры. 1925. / Н.К. Рерих. Панамик. 1925. С. 23.
17. Перевал Сассер (совр. фото). С. 25.
- 18-19. Н.К. Рерих. Перевал Сассер. 1925. / Первал Сассер (совр. фото) 26.
20. Н.К. Рерих. Шайок. VIII день. 1925. С. 27.
21. Н.К. Рерих. Перевал Сассер. С. 28.
22. Н.К. Рерих. Тибетский стан (Шёпоты пустыни). С. 29.

23. Фотография Е.И.Рерих. С. 30.
 24-26. Н.К. Рерих. Пик Каракорум 1925. / Каракорум. 1925. / Каракорум (совр. фото). С. 31.
 27. Н.К. Рерих. Ак-Таг. 1925. С. 32.
 28. Н.К. Рерих. Курул. Граница Китая. 1925. С. 33.
 29. Куньлунь (совр. фото). С. 34.
 30. Горы Куньлунь и река Каракаш (совр. фото). С. 35.
 31. Н.К. Рерих. Шёпоты пустынь (Сказ о новой Эре). 1925. С. 36.
 32. Н.К. Рерих. Мощь пещер. 1925. С. 37.
 33. Н.К. Рерих. Камни Ладака. 1932. С. 39.
 34. Н.К. Рерих. Киргизский мазар Санджу. 1925. С. 41.
 35. Пустыня Такла-Макан около Хотана. (Илл. из книги Ю.Н. Рериха) / Такла-Макан. (Современное фото). С. 42.
 36. Такла-Макан. (Современное фото). С. 43.
 37. Такламакан. Оазис. Вход на базар. (Старое фото.) С. 44.
 38. Древний Хотан. С. 47.
 39. Н.К. Рерих. Приказ Ригден-Джапо. 1926. С. 50.
 40-46. Н.К. Рерих. Серия «Майтрейя» из семи частей. С. 51.
 47. Н.К. Рерих. Матерь Мира. 1924. С. 78.

1926 г.

48. Карта экспедиции (Такла-Макан). С. 79.
 49-50. Пустыня Такла-Макан (2 совр. фото). С. 82.
 51-52. Н.К. Рерих. С Курула на Какакорумскую цепь. 1926. / Справа: Н.К. Рерих. Хребет Каракорум. 1926. С. 83.
 53-54. Н.К. Рерих. Святыни и твердыни. 1926. (2 этюда). С. 85.
 55. Долина реки Яркенд-дарьи (совр. фото). С. 88.
 56. Кашгарский хребет. (Современное фото). С. 90.
 57. Н.К. Рерих. Явление срока. 1926. С. 100.
 58-59. Н.К. Рерих. Святыни и твердыни. 1926. (2 этюда). С. 104.
 60. Город Ош. Гора Сулеймана. (Современное фото). С. 106.
 61-62. Н.К. Рерих. Скалы с буддийскими пещерами. 1926. / Буддийские пещеры (фотография экспедиции). С. 113.
 63. Н.К. Рерих. Священные пещеры. 1931. С. 116.
 64. Н.К. Рерих. Исса и голова великанова. Эскиз к картине. С. 119.
 65. Н.К. Рерих. Ковёр-самолёт. С. 120.
 66. Такла-Макан. Пыльная буря. (Современное фото). С. 132.
 67. Отроги Небесных гор Тянь-Шаня. (Современное фото) С. 136.
 68. Урумчи. (Старое фото). С. 138.
 69. Богдо-ула. (Совр. фото). С. 143.
 70-71. Даосский монастырь в Урумчи. 1926. (Фото из книги Ю.Н. Рериха). / Ю.Н. Рерих, Н.К. Рерих и А.Е. Быстров в фотостудии. Урумчи. 1926 г. С. 147.
 72-73. Н.К. Рерих. Богдо-Ула. Утро. / Н.К. Рерих. Богдо-Ула. 1927. С. 149.
 74. Н.К. Рерих. Магомет на горе Хира. С. 150.
 75. Урумчи. Апрель-май 1926 г. (фоторафия экспедиции). С. 157.
 76. Бюст В.И.Ленина перед зданием бывшего советского генерального консульства в Урумчи (современное фото). С. 158.
 77-83. Серия "Майтрейя" 1926 г. (7 картин). С. 161-162.
 84. Экспедиционная фотография. 26 мая 1926 г. С. 174.
 85. Хребет Саур. (Современное фото). С. 179.
 86. Г. Семипалатинск. (Фото 1920-е гг.) С. 181.
 87. Омск. Железнодорожный мост через Иртыш. (Старая открытка). С. 183.
 88. Фотография: Н.К. Рерих и А.В. Щусев. Москва. 1926. С. 191.
 89. Москва. 22 июля 1926 г. Похороны Ф.Э. Дзержинского (старое фото). 195.
 90. Н.К. Рерих. Белуха. 1926. (Однотонное воспроизведение). С. 196.
 91. Ново-Николаевск. (Фото 1920- гг.) С. 197.
 92. З.Г. Фосдик и Н.К. Рерих на пароходе плывут по реке Обь. (Фото 1926 г.) С. 198.
 93. Ю.Н. Рерих. Алтай. (Фото 1926.) С. 199.
 94. Село Чёрный Ануй. (Старое фото). С. 200.

95. Н.К. Рерих. Всадники. Алтай. / Н.К. Рерих. Ойрот – вестник Белого Бурхана. 1925. С. 201.
96. Алтай. Река Ак-кем. *(Современное фото)* / Н.К. Рерих. Сосуд нерасплесканный. 1927. С. 204.
97. Фотография: Семья Варфоломея Семёновича Атаманова. Алтай Верх-Уймон. Август 1926. С. 205.
98. Н.К. Рерих. Чудь подземная. 1928. С. 206.
- 99-100. 2 фотографии: Юрий Николаевич, Елена Ивановна и Николай Константинович. Август. 1926. / Алтай. 1926. Н.К. Рерих и Елена Ивановна. С. 207.
- 101-102. Алтай. Август 1926 г. *(Фото экспедиции)* / Белуха. *(Современное фото)*. С. 208.
103. Н.К. Рерих. По Ергору едет всадник. 1926. С. 209.
104. Переправа через Катунь. 1926. *(Фото экспедиции)*. С. 211.
105. Н.К. Рерих. Будда Победитель. 1925. С. 214.
106. Н.К. Рерих. Кришна-Лель. С. 222.
- 107-108. Г. Новосибирск. *Фото 1926 г.* / 1926 г. Перед Домом Ленина в Новосибирске. З. Лихтман, Е.И. Рерих, Н.К. Рерих, Морис Лихтман. *(Фотографии экспедиции)*. С. 223.
109. Верхнеудинск. Фото 1920-х гг. С. 224.
110. Троицкосавск. *(Фото начала 20 в.)* С. 225.
111. На границе Алтай-Тува - Монголия. *(Современное фото)* С. 226.
112. Белые субурганы Монголии. *(Старое фото.)* С. 227.
- 113-114. Н.К. Рерих. Юрты. 1926. Эскиз. / Сентябрь 1926 г. *(Фото экспедиции)*. С. 228.
- 115-116. Н.К. Рерих. Богдо-Ула. 1926. / Вход в Ургу. *(Старое фото)*. С. 229.
117. Дом, где останавливались Рерихи в Урге в 1926-1927 гг. *(современное фото Музея Н.К. Рериха)*. С. 230.
118. Н.К. Рерих. Шамбала идёт. 1925. Серия Майтрейя. Темпера. *(однотонное воспр.)* С. 231.
119. Храм Майтрейи. Урга. 1926 г. *(Фото экспедиции)*. С. 233.
120. Н.К. Рерих. Эскиз композиции к картине «Красный всадник» 1926. / Н.К. Рерих. Красный всадник. 1926. *(Однотонное воспроизведение)* С. 236.
- 121-124. Н.К. Рерих. Красный всадник. 1926. / Орден Будды Всепобеждающего. (3 эскиза) 1926. С. 237.

1927 г.

125. Н.К. Рерих. Явление срока. Проект наддверной фрески. 1927. С. 271.
126. Н.К. Рерих. Великий Всадник. 1927 г. С. 278.
127. Н.К. Рерих. Будда Испытатель. 1926-1927 гг. С. 282.
128. Фотография: У крыльца дома Рерихов. Улан-Батор, 1927. С. 285.
129. Фотография: Участники Тибетской экспедиции. Улан-Батор, 1927. С. 286.
130. Фотография: Улан-Батор, 1927 г. Подготовка к экспедиции. С. 288.
131. Фотография: Апрель Улан-Батор. 1927. С. 289.
132. Н.К. Рерих. Эскиз панно для Буддийского Храма-библиотеки в Улан-Баторе. 1927. С. 291.
133. Фотография: Урга. 1927 г. Знамя Майтрейи. С. 292.
- 134-135. Улан-Батор. Полномочное представительство СССР. *(Фото 1920-х гг.)* / Фотография: Апрель, 1927. Улан-Батор. Монголия. С. 295.
136. Фотография: Н.К. Рерих и Морис Лихтман на фоне дома Рерихов в Улан-Баторе. 1927. С. 296.
137. Большая ступа при входе в монастырь Ганден, Урга. *(Илл. из книги Ю.Н. Рериха)* С. 302.

ЧАСТЬ 2.

1927 г.

138. Карта: «Маршрут экспедиции Н.К. Рериха». С. 304.
139. Н.К. Рерих. Гора Духовного отдохновения. 1931. С. 305.
140. Н.К. Рерих. Книга жизни. 1927. С. 306.
141. Фотография экспедиции. 1927. С. 308.
142. Горный массив Богдо-ула и долина реки Тоуул (Толы). *(Старое и совр. фото)*. С. 309.
143. Фотография: Верхнеудинск (Улан-Удэ). (Фото 1930-х гг.) С. 310.
144. Н.К. Рерих. Керексуры. 1927. С. 312.
- 144-145. Н.К. Рерих. Хранитель чаши. 1928. / Монголия. Фигура с чашей *(совр. фото)*. С. 313.
146. Н.К. Рерих. Богдо-Ула. 1927. С. 316.
147. Фотография: Юм-Бейсе. Вербюжий караван. Апрель 1927. С. 319.
148. Монастырь Юм-бейсе. *(Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха)*. С. 320.

149. Юго-Западная Гоби. (*Современное фото*). С. 322.
150. Н.К. Рерих. Чёрная Гоби. 1928. С. 325.
151. Город Джеламы. (*Фото экспедиции 1927 г.*). С. 327.
152. Н.К. Рерих. Город бандита Дже-ламы. 1928. / Крепость Дже-ламы. (*Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха*). С. 328.
153. Н.К. Рерих. Город Дже-ламы. С. 329.
154. Снеговой хребет Нань-Шань. (*Совр. фото*). С. 332.
155. Н.К. Рерих. Ждущий. 1927. С. 339.
156. Н.К. Рерих. Развалины старой китайской крепости. 1926. С. 343.
- 157-158. Н.К. Рерих. Чинтамани – Сокровище мира. 1924. / Н.К. Рерих. Могила великанова в Гималаях. 1927. С. 346.
159. Н.К. Рерих. Этюд гор. 1928. С. 347.
- 160-161. Н.К. Рерих. Монгольский цам. 1927. / Монгольский цам. (*Открытие из архива Н.К. Рериха*). С. 348.
- 162-164. Июль. Шараголи. Нань-Шань. 1927. июль (*Фото экспедиции*). / Н.К. Рерих. Место лагеря Махатм. 1927-1928. / Место лагеря экспедиции. 1927-198 гг. (*Фото из архива экспедиции*). С. 349.
- 165-167. Н.К. Рерих. Монгольская стрела. 1926. / Монгольская стрела. (*Фото из архива экспедиции*). Н.К. Рерих. Замки Гессер-хана. 1928. / Н.К. Рерих. Замки Гессер-хана. 1928. С. 350.
- 168-169. 2 фотографии из книги Ю.Н. Рериха: Субурган. 1927./ Старший лама Цайдама. 1927. С. 351.
170. Н.К. Рерих. Весть орла. 1927. С. 356.
- 171-172. Н.К. Рерих. Цайдам. 1928. / Н.К. Рерих. Цайдам. Котловина. 1928. С. 362.
173. Н.К. Рерих. Вблизи от Тибетской границы. 1927-1928. С. 363.
174. Озеро Их-Цайдам. (*Современное фото*). С. 367.
175. Н.К. Рерих. Монгольский лама. 1927. / Слева: Н.К. Рерих. Менданг. 1924. / Н.К. Рерих. «Цзонкапа». 1924. С. 368.
176. Пустыня Цайдам. (*Современное фото*). С. 369.
177. Солёное озеро Дабсан-нур. (*Современное фото*). С. 371.
- 178-179. Н.К. Рерих. Твердыня духа. 1932. / Перевал в Тибетских горах. (*Совр. фото*) С. 376.
- 180-181. Горная цепь Кукушили. (*Совр. фото*). / Н.К. Рерих. «По Ергору едет всадник». 1927. С. 378.
182. Тангла. 1927. (*Фотография экспедиции*). С. 381.
183. Н.К. Рерих. Тангла. 1928. С. 382.
- 184-185. Н.К. Рерих. Вблизи от Китайской границы. Тибет. 1928. / Справа: Тибетские развалины от Китайского нашествия. 1928. С. 383.
186. Н.К. Рерих. Гора. 1928-29. С. 384.
187. Н.К. Рерих. Перевал Тангла. 1928. С. 385.
- 188-189. Экспедиция Н.К. Рериха на перевале Тангла. Тибет. 1927. (*Фотография экспедиции*) / Н.К. Рерих. Тангла. 1928. С. 386.
190. Перевал Тангла. (*Современное фото*). С. 387.
191. Н.К. Рерих. Тангла. 1935-1936. С. 388.
192. Тибетские солдаты, приставленные охранять лагерь экспедиции. (*Илл. из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»*). С. 393.
193. Фотография: Ю.Н. Рерих. 1927. С. 397.
194. Чантанг. (*Фото экспедиции*). С. 400.
195. Лагерь экспедиции на Чантанге. 1927-28 г. (*Фото экспедиции*). С. 401.
196. Фотография: Н.К. Рерих и Рябинин. Октябрь – ноябрь 1927 г. С. 415.
197. Н.К. Рерих. Тибетский стан. 1931. С. 418.
198. Чантанг. 1928 г. (*Фото экспедиции*). С. 420.
199. Н.К. Рерих. Плато Чантанг. 1928. С. 422.
200. Н.К. Рерих. Чантанг. Северный Тибет. С. 427.
201. Н.К. Рерих. Свет Азии. 1928. С. 433.
202. Улица в Нагчу. (*Иллюстрация из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»*). С. 449.
203. Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. 1928. С. 450.
- 204-206. Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. / Монастырь Шаругон (*фото экспедиции*). / Лагерь экспедиции. Шаругон. (*Илл. из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»*). С. 454.

207. Монастырь Бон-по в Шаругоне. (Илл. из книги Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»). С. 454.
208-209. Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. Храм Бон-по. 1928. / Храм Бон-по. 1928. (фотография экспедиции). С. 456.
210. Н.К. Рерих. Монастырь Шаругон. Тибет. 1928. С. 464.
211. Н.К. Рерих. Последние Атланты (Гибель Атлантиды). 1928. С. 466.

1928 г.

212. Тибет – Гималаи (карта маршрута экспедиции). С. 467.
213-214. Н.К. Рерих. (2 этюда). С. 471.
215. Н.К. Рерих. Призыв солнца. Каменный век. 1919. С. 472.
216. Фотография: Нагчу. Американский флаг над штаб-квартирой экспедиции. С. 484.
217. Пейзаж округа Нагчу. (Совр. фото). С. 489.
218. Н.К. Рерих. Монастырь в Тибете. / Монастырь Нагчу. 1928. (Фото экспедиции). С. 499.
219. Н.К. Рерих. Замок Гесер-хана. 1929. С. 492.
220. Тибетский молитвенный флаг с изображением «Чинтамани». С. 494.
221. Тумбал. (Фотография экспедиции). С. 496.
222. Н.К. Рерих. Гималайский пейзаж. 1928. С. 497.
223. Тибетский монастырь. (Фотография 1930-х.) С. 509.
224. Н.К. Рерих. Этюд гор. 1928. С. 512.
225. Нагчу дзонг – Сага дзонг ((карта маршрута экспедиции). С. 523.
226. Шанг-Шунг. (Современное фото). С. 526.
227. Тибет. Область Великих озёр. (Маршрут экспедиции). С. 535.
228. Озеро Нам-цо (Тенгри-нор). (Современное фото). С. 536.
229. Маленькое озеро в горной долине Тибета. (Современное фото), С. 540.
230. Н.К. Рерих. Гималаи (этюда). С. 541.
231. Н.К. Рерих. Гималаи (этюда). С. 543.
232. Рис. Ю.Н. Рериха. План мегалитических памятников. С. 544.
233. Ю.Н. Рерих. Мегалитические памятники Доринга. 1928. С. 545.
234-235. Н.К. Рерих. Храм Бон-по. 1928. / Рис. Ю.Н. Рериха Менгиры в местности Доринг. С. 546.
236-237. Н.К. Рерих. Доринг. Тибетский менгир. 1928. / Доринг. (Фото экспедиции). 1928. С.
238-239. Рати. Могилы. Рис. Ю.Н. Рериха. / Древние могилы в Наг Чанге. (Фото экспедиции)/
Головной убор женщины в кочевье Рати. Рис. Ю.Н. Рериха. С. 549.
240. Н.К. Рерих. Трансгималаи. 1928. С. 552.
241-242. Н.К. Рерих. Шенца-Джел-Канг. 1928. / Шенца-Джел-Канг. (фото экспедиции 30. 03. 1928). / Шенца-дзонг. (Фото экспедиции). С. 554.
243. Н.К. Рерих. Шенца-Дзонг в Трансгималаях. 1928. С. 555.
244. Озеро Донгра-юм-Цзо. (Фотография экспедиции). С. 562.
245. Н.К. Рерих. Тропа. 1928. С. 563.
246. Н.К. Рерих. (Тёмные вершины). Тибет. 1938. С. 564.
247. Н.К. Рерих. Догра-Юмцо. 1942. С. 565.
248. Сага-дзонг. (Фотография экспедиции). С. 585.
249. Вид Транс-Гималаев от Сага-Дзонг. (Фотография экспедиции). С. 587.
250. Н.К. Рерих. Дева снегов (Хранительница снегов). 1930-е. С. 588.
251. Н.К. Рерих. Брамапутра. Провинция Цанг. 1928. С. 594.
252. Н.К. Рерих. Путь на Шекар-Дзонг. 1928. С. 597.
253. Н.К. Рерих. Хребет Канченджанги. С. 598.
254. Н.К. Рерих. Твердыня Бон-по. 1933. С. 599.
255. Н.К. Рерих. Брамапутра. Провинция цанг. 1928. С. 601.
256. Переправа через Брамапутру. (Фотография экспедиции). С. 603.
257. Монгольская стрела. (Фотография экспедиции). С. 608.
258. Н.К. Рерих. Миларепа услышавший. 1925. / Н.К. Рерих. На вершинах. (Тум-мо). 1936. С. 611.
259. Н.К. Рерих. Шекар-Дзонг. 1928. С. 613.
260. Шекар дзонг. (Фотография экспедиции). С. 614.
261. В британской резиденции. Гангток, Сикким. 24-26 мая 1928 г. С. 624.
262. Фотография: Канченджунга. Вид из Дарджилинга. С. 626.

Н.К. Рерих
Великая симфония жизни (Автобиография).
Книга 12.
СЕРДЦЕ АЗИИ.

Вместо предисловия: «МИР РЕРИХА» (Из книги Н. Селивановой)..... 5
 Н.К. Рерих «Сердце Азии». Alatas, 1929. (фрагмент).....8

Часть I. ПУТЬ В СЕРДЦЕ АЗИИ (ЛЕХ – ХОТАН – АЛТАЙ – МОНГОЛИЯ)
1925 г.

СЕНТЯБРЬ.

Из Леха в Хотан. (14 Сентября – 19 октября 1925 г.)..... 11
 Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке (14 сентября 1925 г. Сикким) 11
 Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (15-16 сентября 1925 г. Сикким) 13
 Открытое письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (18 сентября 1925. г. Сикким) 16
 Письмо Е.И. Рериха к Рериху С.Н. (18 сентября 1925. г. Сикким) 16
 Письмо Н.К. Рериха к Шибаеву В.А. (18 сентября 1925. Сикким) 17
 Хронология событий, происходивших 19-31 сентября, составленная на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рерих.* .....18 – 31

ОКТАБРЬ.

Хронология событий, происходивших в октябре на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рерих.* .....32 – 47

НОЯБРЬ

Хронология событий, происходивших 9-30 ноября на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рерих, Е.И. Рерих.*.....48 – 51

ДЕКАБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-30 декабря на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рерих, Е.И. Рерих.*.....52 – 56
 Телеграмма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке. (1 декабря 1925. Mizgar) 52
 Письмо Н.К. Рериха посланнику Китайской Республики в Париже.
 (6 декабря 1925. Хотан) 52
 Телеграмма Н.К. Рериха китайскому посланнику в Нью-Йорке.
 (декабрь 1925. Хотан. Синьцзян) 53
 Письмо Н.К. Рериха к генконсулу СССР в Кашгаре (М.Ф. Думпису).
 (6 декабря 1925. Хотан) 53
 Письмо Генконсула СССР в Кашгаре М.Ф. Думписа к Уполномоченному НКВД в Узбекистане Знаменскому.....54
 Письмо Н.К. Рериха посланнику Китайской Республики в Париже
 (конец декабря 1925. Хотан. Синьцзян) 56
 Телеграмма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке. (30 декабря 1925. Ташкент) 56

1926 г.

ЯНВАРЬ

Из воспоминаний И.Э. Грабаря.....	58
Письмо Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке. (10 января 1925. Хотан).....	67
Письмо Н.К. Рериха к Генконсулу СССР в Кашгаре (январь 1925. Хотан).....	71
Письмо Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке. январь 1926 г.).....	71
Письмо Н.К. Рериха к британскому консулу в Кашгаре (20 января 1925. Хотан).....	71
Такла-Макан – Каракаш. (27 января – 27 марта 1926 г.).....	71
Хронология событий, происходивших 1-31 января на основе дневниковых записей участников экспедиции: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха.....	58-83

ФЕВРАЛЬ

Хронология событий, происходивших 1-28 февраля, на основе дневниковых записей участников экспедиции: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха.....	85-105
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке. (3 февраля 1926 г.).....	85
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (15 февраля 1926 г.).....	94
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (15 февраля 1926 г.).....	95
«Восточное сказание о Ленине».....	100
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке. (23 февраля 1926 г. Кашгар).....	101
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (28 февраля 1926 г.).....	104

МАРТ

Великий северный путь в Урумчи.....	106
Хронология событий, происходивших 1-31 марта, на основе дневниковых записей участников экспедиции: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха.....	105-129
Из сообщения Генконсула в Кашгаре М.Ф. Думписа Зав. Отделом Среднего Востока НКВД В.М. Цукерману от 5 апреля 1926 г. (5 февраля 1926 г.).....	105
Телеграмма из Нью-Йорка к Н.К. Рериху. (4 марта 1926 г. Нью-Йорк).....	109
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (14 марта 1926 г.).....	115
Телеграмма из Концессионного комитета в Отдел Виз НКВД (15 марта 1926 г.).....	115
Карашар – Джунгария (28 марта -10 июня 1926 г.).....	125

АПРЕЛЬ

Хронология событий, происходивших 1-30 апреля, на основе дневниковых записей участников экспедиции: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха.....	130-157
Телеграмма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке. (16 апреля 1926 г.).....	145
Из записей в дневнике генконсула СССР в Урумчи А.Е. Быстрова. (21-30 апреля 1926 г. Урумчи).....	156

МАЙ

Хронология событий, происходивших 1-31 мая, на основе дневниковых записей участников экспедиции: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха.....	157-178
Выписка из «Книги духовных завещаний» советского дипломатического представительства. (8 мая 1926 г. Генконсульство СССР в Урумчи).....	164
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (16 мая 1926 г.).....	168

ИЮНЬ

Хронология событий, происходивших 1-30 июня, на основе дневниковых записей: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, З. Фосдик, К.Н. Рябинина.....	179 - 191
Дар Н.К. Рериха Музею. (9 июня 1926 г. Омск).....	185
Телеграмма Н.К. Рериха Лихтману М. (9 июня 1926 г. Омск).....	185
Письмо Махатм наркому Г.В. Чичерину. (10 июня 1926 г. Москва).....	186
Москва (13 июня – 22 июля).....	187
Письмо Г.В.Чичерина к Молотову В.М. (13 июня 1926 г. Москва.).....	187
Разрешение на пребывание в Москве посольской делегации от гималайских общин, возглавляемой Н.К. Рерихом. (15 июня 1926 г.).....	188
Письмо корпорации «Белуха» в Главный Концессионный комитет. (26 июня 1926 г. Москва).....	190

ИЮЛЬ

Хронология событий, происходивших 8-30 июля, на основе дневниковых записей: З.Г. Фосдик.....	192 - 198
Письмо М.С. Япольского к Троцкому Л.Д. (20 июля 1926 г.).....	193
Алтай (Ново-Николаевск – Барнаул – Бийск – Красный Яр - Чёрный Ануй – Верхний Уймон (23 июля -18 августа).....	196

АВГУСТ

Хронология событий, происходивших 8-30 июля, на основе дневниковых записей: З.Г. Фосдик, Н.К. Рериха, Е.И. Рерих,.....	199 – 222
Из воспоминаний жителей села Тихонького (Алтай, Верхний Уймон).....	209
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Святославу. (31 августа 1926 г.).....	212
Н.К. Рерих «СЫН ЦАРЯ» (Алтай, 1926.).....	214

СЕНТЯБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-30 сентября, на основе дневниковых записей: З.Г. Фосдик, Н.К. Рериха, Е.И. Рерих,.....	223 - 231
Центральная Азия. Монголия (10 сентября 1926.).....	227
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.(16 сентября 1926 г.).....	231

ОКТАБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 октября, на основе дневниковых записей: Н.К. Рериха, Ю.Н. Рерих,.....	232 - 235
Каблеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке. (1 октября 1926 г. Урга).....	232
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (8 октября 1926 г. Урга).....	233
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (13 октября 1926 г. Урга).....	234
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (17 октября 1926 г. Урга).....	234
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (21 октября 1926 г. Урга).....	235
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (27 октября 1926 г. Урга).....	235
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (29 октября 1926 г. Урга).....	235

НОЯБРЬ

Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (8 ноября 1926 г. Урга).....	235
Фанни Грант «РЕРИХ» (17 ноября 1926 г. Нью-Йорк).....	238
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (23 ноября 1926 г. Урга).....	240
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (27 ноября 1926 г. Урга).....	240

ДЕКАБРЬ

Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (4 декабря 1926 г. Урга).....	241
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (4 декабря 1926 г. Урга).....	241
Письмо Советского полпреда в Монольской Народной Республике П.М. Никифорова к Г.В. Черину (совершенно секретно). (8 декабря 1926 г. Улан-Батор).....	241
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (9 декабря 1926 г.).....	242
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (16 декабря 1926 г. Урга).....	243
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (17 декабря 1926 г. Урга).....	243
Из дневниковых записей Е.И. Рерих. (18 декабря 1926 г. Урга).....	245
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (25 декабря 1926 г. Урга).....	245
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (26 декабря 1926 г. Урга).....	245
Телеграмма Н.К. Рериха в Нью-Йорк. (29 декабря 1926 г. Урга).....	245
Телеграмма Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (31 декабря 1926 г. Урга).....	246
Из воспоминаний полковника Кордашевского (Декабрь 1926 г.).....	246

1927 г.

ЯНВАРЬ

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (1 января 1927г.).....	247
Телеграмма Б.К. Рериха к Н.К. Рериху. (3 января 1927 г. Ленинград).....	248
Из дневниковых записей Е.И. Рерих. (4 января 1927 г. [Урга]).....	248
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (12 января 1927 г. Урга).....	248
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (12 января 1927г.).....	249
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (17 января 1927 г. Урга).....	249
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке. (19-21 января 1927 г.).....	250
Н.К. Рерих «ОДЕРЖАНИЕ».....	252

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (22 января 1927 г. Урга).....	257
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (22 января 1927 г.).....	257
Н.К. Рерих «ПИСЬМО» (Улан-Батор Хото, 1927.).....	257
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (31 января 1927 г. Урга).....	264

ФЕВРАЛЬ

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (1 февраля 1927 г. Урга).....	265
Н.К. Рерих «ОБРАЩЕНИЕ РЕРИХА К ЖЕНСКИМ КЛУБАМ В НЬЮ-ЙОРКЕ». (Улан-Батор-Хото 1927 г.)	265
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (3 февраля 1927 г. Урга).....	265
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (7 февраля 1927 г. Урга).....	269
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (7 февраля 1927 г. Урга).....	269
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (10 февраля 1927 г. Урга).....	269
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (12 февраля 1927 г. Урга).....	270
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (15 февраля 1927 г. Урга).....	270
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (17 февраля 1927 г.).....	270
Письмо Б.К. Рериха к Н.К. Рериху. (17 февраля 1927 г.).....	270
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (19 февраля 1927 г. Урга).....	271
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (19 февраля 1927 г. Урга).....	271
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (21 февраля 1927 г. Урга).....	272
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (22 февраля 1927 г. Урга).....	272
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (23 февраля 1927 г. Урга).....	273
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (23 февраля 1927 г. Урга).....	273
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (24 февраля 1927 г. Урга).....	273
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (25 февраля 1927 г. Урга).....	273
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (27 февраля 1927 г. Урга).....	273
Вербальная нота НКВД к правительству МНР. (28 февраля 1927 г. Урга).....	274

МАРТ

Ю.Н. Рерих «Подготовка к экспедиции». (Март 1927 г. Урга.).....	274
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (4 марта 1927 г. Урга).....	276
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (6 марта 1927 г. Урга).....	276
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (7 марта 1927 г. Урга).....	276
Передача Монгольскому Правительству картины Академика Н.К. Рериха. (11 марта 1927 г.).....	277
Телеграмма М.М. и З.Г. Лихтман, Рериха Б.К., Рябикина К.Н. к Рериху Н.К. (14 марта 1927 г. Урга).....	279
В Главный Концессионный комитет. (14 марта 1927 г.).....	279
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (16 марта 1927 г. Урга).....	280
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (22 марта 1927 г. Урга).....	282
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (24 марта 1927 г. Урга).....	282
Письмо Н.К. Рериха к Быстрову. (24 марта 1927 г. Урга).....	283
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (29 марта 1927 г. Урга).....	284
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (30 марта 1927 г. Урга).....	284
Хронология событий, происходивших в марте 1927 г., на основе дневниковых записей: Ю.Н. Рериха, Н.К. Рериха, З.Г. Фосдик, Е.И. Рерих.	274 - 287

АПРЕЛЬ

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (1 апреля 1927 г. Урга).....	288
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (1 апреля 1927 г. Урга).....	288
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (2 апреля 1927 г. Урга).....	288
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (2 апреля 1927 г. Урга).....	289
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (4 апреля 1927 г. Урга).....	289
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (5 апреля 1927 г. Урга).....	289
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (5 апреля 1927 г. Урга).....	290
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (6 апреля 1927 г. Урга).....	290
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (8 апреля 1927 г. Урга).....	290
Благодарственное письмо Правительства МНР Н.К. Рериху (6-8 апреля 1927 г. Урга (Улан-Батор).....	290

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (9 апреля 1927 г. Урга).....	293
Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (11 апреля 1927 г. Урга).....	293
Завещание Н.К. Рериха. (12 апреля 1927 г. Улан-Батор).....	294
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (12 апреля 1927 г. Урга).....	296
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (12 апреля 1927 г. Улан-Батор Хото.).....	297
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (12 апреля 1927 г. Улан-Батор Хото.).....	297
Н.К. Рерих «ОДЕРЖАНИЕ» (Улан-Батор Хото. 1927.).....	298

Часть 2. СОСУД НЕРАСПЛЕСКАННЫЙ

Урга – Юм-Бейсе Кюрем

АПРЕЛЬ

Хронология событий, происходивших 13-30 апреля, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина*.....307- 322

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (13 апреля 1927 г. Урга)..... 307

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк. (14 апреля 1927 г. Верхнеудинск)..... 310

МАЙ

Хронология событий, происходивших 1-31 мая, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина*..... 323- 339

Город Дже-ламы. (10-11 мая 1927).....327

ИЮНЬ

Хронология событий, происходивших 1-30 июня, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина*..... 340- 346

Шарагоджи 340

ИЮЛЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 июля, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина*.....346-354

АВГУСТ

Хронология событий, происходивших 1-31 августа, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского*..... 355 - 368

Из письма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке. (12 августа 1927). 359

Через Цайдам. 361

СЕНТЯБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-30 сентября, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского*..... 368 - 384

Тибет......376

ОКТАБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 октября, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского*..... 384 - 421

Письмо Н.К. Рериха к Далай-ламе (28 октября 1927 г. Чантанг)..... 418

НОЯБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 октября, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского*..... 422 - 440

Телеграмма Н.К. Рериха полковнику Бейли. (1 ноября 1927 г. Нагчу) 423

Телеграмма Н.К. Рериха президенту Хоршу. (1 ноября 1927 г. Нагчу) 424

ДЕКАБРЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 декабря, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского*..... 440 - 460

Н.К. Рерих «ПОКРОВЫ СМЕРТИ» (Нагчу, 1927.) 460

Н.К. Рерих «Миф Атлантиды» (Нагчу, 1927.) 465

1928 г.

ЯНВАРЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 января, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского* 467-488

ФЕВРАЛЬ

Хронология событий, происходивших 1-29 февраля, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского* ..... 489 - 522

МАРТ

Нагчу дзонг – Сага дзонг (область великих озёр). 523

Хронология событий, происходивших 1-31 марта, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского* ..... 523 - 559

Письмо С. Эрнста к Рериху Н.К. (3 марта 1928 г. Париж). 524

Центральный Тибет (15 марта 1928 г.) 537

АПРЕЛЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 марта, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского* ..... 559 - 603

МАЙ

Хронология событий, происходивших 1-31 марта, на основе дневниковых записей участников экспедиции: *Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, Е.И. Рерих, Н.К. Рябина, П.К. Портнягина, Н.В. Кордашевского* ..... 604 - 624

Прощай, Тибет! (18 мая 1928 г.) 621

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (31 мая 1928 г.) 625

Послесловие. 626

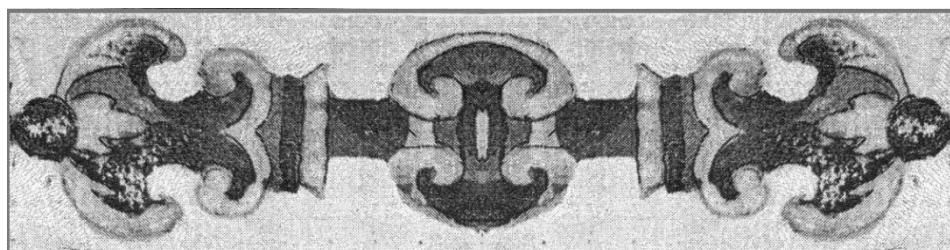
БИБЛИОГРАФИЯ 627

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 528

ОГЛАВЛЕНИЕ 533

ПРИЛОЖЕНИЕ:

КАТАЛОГ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.К. РЕРИХА 1926-1928 гг .

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ ОТПЕЧАТАНО В 10 ЭКЗЕМПЛЯРАХ

№ 10

Экз. 6.